РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ СТО ДЕВЯНОСТО ШЕСТОЙ.

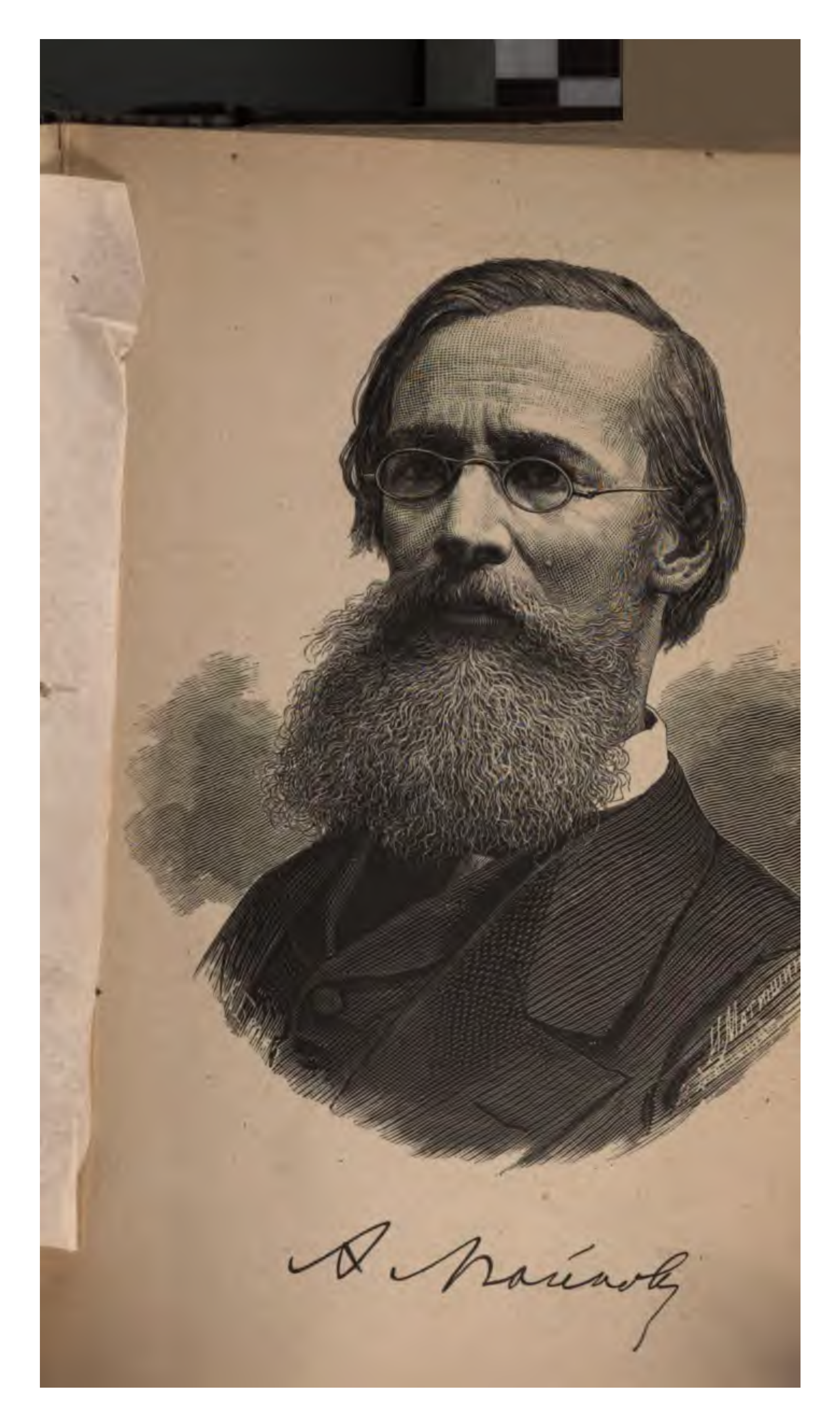
1888.

Май.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяческая, № 39.
1888.

[redacted]

А. Майковъ

СЕВАСТІАНЪ-МУЧЕНИКЪ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Тебѣ, тебѣ, мой ангелъ нѣжный,
Я посвящаю этотъ трудъ;
О пусть любовно и прилежно
Твои глаза его прочтутъ.

Ты мнѣ внушила эти строки,
Онѣ тобой вдохновлены:
Пускай же будутъ въ край далекій
Онѣ къ тебѣ унесены.

И если грудь заноетъ больно
Тоской по нашей сторонѣ,
Пускай тогда онѣ невольно
Тебѣ напомнятъ обо мнѣ.

И пусть хоть тѣмъ тебѣ поможетъ
Тотъ, кто всегда и всюду твой,
Кто позабыть тебя не можетъ,
И чья душа полна тобой.

[redacted]

Претерпѣвый же до конца, той спасется. (Матѳ. XXVI, 13).

I.

Въ Римѣ праздникъ. Рыщутъ колесницы,
Топотъ, стукъ колесъ по мостовой,
Ржанье, свистъ бича и крикъ возницы
Въ гулъ слилися. Къ форуму толпой
Повалилъ народъ. Снуютъ носилки,
Пыль клубится облакомъ густымъ;
Фыркаетъ, храпитъ и рвется пылкій
Конь подъ всадникомъ лихимъ.

II.

Въ честь богини зеленью, цвѣтами
Убранъ былъ Венеры пышный храмъ;
Отъ курильницъ синими клубами
Возносился легкій ѳиміамъ.
Въ наготѣ божественнаго тѣла,
Фидія рукою создана,
Въ благовонномъ сумракѣ бѣлѣла
Олимпійская жена.

III.

Совершая жертвоприношенье
Цезарь самъ стоялъ предъ алтаремъ
И жрецы въ нѣмомъ благоговѣньи
Съ утварью тѣснилися кругомъ.

Всѣ во прахъ повергнулись толпою,
Преклонился самъ Максиміанъ —
Не поникъ отважной головою
Лишь одинъ Севастіанъ.

IV.

Засверкали цезаревы очи
И зловѣщимъ вспыхнули огнемъ;
Внѣ себя онъ сталъ мрачнѣе ночи
Искаженнымъ яростью лицомъ:
„Ты ль не хочешь чтить моей святыни,
„Возмущая наше торжество!
„Ты ль, трибунъ мой, дерзкою гордыней
Оскорбляешь божество!“

V.

И безстрашно, твердо и спокойно
Отвѣчалъ ему Севастіанъ:
„Человѣку, цезарь, недостойно
„Почитать бездушный истуканъ.
„Правды нѣтъ въ твоей безумной вѣрѣ,
„Ваши боги—лживая мечта.
„Не могу я кланяться Венерѣ,
„Исповѣдуя Христа!

VI.

„Онъ мой Богъ! Его святою кровью
„Грѣшный міръ искупленъ и спасенъ;
„Лишь Ему съ надеждой и любовью
„Я молюсь колѣнопреклоненъ.
„Небеса Онъ создалъ, создалъ землю,
„Создалъ все, что дышетъ и живетъ.

[redacted]

„Лишь Его велѣніямъ я внемлю —
„Онъ мнѣ помощь и оплотъ!“

VII.

Неподвижно, въ трепетномъ молчаньи,
Царедворцы робкою толпой
Роковое слушали признанье,
Изумляясь дерзости такой.
Обезумѣлъ цезарь, злобы полный,
Ярый гнѣвъ уста его сковалъ
И смятеннымъ ликторамъ безмолвно
Онъ трибуна указалъ.

VIII.

Вмигъ вокругъ него живой стѣною
Ихъ сомкнулись тѣсные ряды;
Повлекли они его съ собою
Въ гору, въ Палатинскіе сады.
Нумидійской цезаревой стражѣ
Сдали тамъ съ рукъ на руки его...
И покорно сталъ отъ злобы вражьей
Онъ конца ждать своего.

IX.

Гаснетъ алый западъ, догорая
Въ небесахъ малиновой зарей;
Быстро тѣнь надвинулась густая
И звѣзда зажглася за звѣздой.
Ужъ померкло небо голубое,
Тихо все... Уснулъ великій Римъ;
И въ нѣмомъ, задумчивомъ покоѣ
Ночь спустилася надъ нимъ.

[redacted]

X.

Ужь во власти тихаго Морфея,
Подъ его чарующимъ крыломъ
Все, въ дремотѣ сладкой цѣпенѣя,
Позабылось безмятежнымъ сномъ.
Лишь, къ стволу привязанъ кипариса,
Молодой трибунъ-христіанинъ,
Тамъ, въ саду цвѣтущемъ Адониса,
Въ эту ночь не спитъ одинъ.

XI.

А кругомъ на храмы, на чертоги
Налегла таинственная тьма;
Сторожатъ изваянные боги
Рощи Палатинскаго холма;
Сладко въ нихъ цвѣты благоухаютъ,
Водометы плещутъ и журчатъ
И росою свѣжей орошаютъ
Мраморъ царственныхъ палатъ.

XII.

Полночь дышетъ влажною прохладой...
У стѣны на каменномъ полу
Стража крѣпко спитъ подъ колоннадой.
Догорѣвъ, костеръ дымитъ въ углу;
Пламя, вспыхнувъ, озаритъ порою
То карнизъ, то вазу, то плиту,
И, кружася, искры надъ золою
Съ трескомъ гаснутъ на лету.

[redacted]

XIII.

И задумчивъ узникъ одинокій;
Кроткихъ глазъ не сводитъ онъ съ костра:
Скоро мракъ разсѣется глубокій,
Минетъ ночь—не долго до утра.
Заблеститъ востокъ воспламененный,
Брызнутъ солнца первые лучи
И разбудятъ этотъ городъ сонный —
И проснутся палачи.

XIV.

На него они наложатъ руки,
Истерзаютъ молодую грудь
И настанетъ часъ предсмертной муки,
И оконченъ будетъ жизни путь.
Словно искра, въ мракѣ исчезая,
Тамъ, надъ этимъ тлѣющимъ костромъ.
Жизнь его, какъ утро молодая,
Въ мигъ одинъ угаснетъ въ немъ.

XV.

Но ни жизни, полной юной силы,
Ни даровъ земныхъ ему не жаль,
Не страшитъ его порогъ могилы;
Отчего жъ гнететъ его печаль?
Отчего заныла грудь тоскою?
Отчего смутилось сердце въ немъ?
Иль ослабъ онъ бодрою душою
Предъ мучительнымъ концомъ?

[redacted]

XVI.

Не его ли пламеннымъ желаньемъ
Было встрѣтить доблестный конецъ,
Радость вѣчную купить страданьемъ
И стяжать мученія вѣнецъ?
Не мечталъ ли дни онъ молодые
Положить къ подножію креста
И какъ тѣ избранники святые
Пасть за Господа Христа?

XVII.

Но они не вѣдали печали,
Не въ тиши безмолвной и глухой —
Посреди арены умирали
Предъ ликующей они толпой.
Нѣтъ, въ душѣ ихъ не было кручины,
Погибать отраднѣй было имъ:
Въ Колизеѣ славной ихъ кончины
Былъ свидѣтель—цѣлый Римъ.

XVIII.

Можетъ быть, звучали въ утѣшенье
Имъ слова напутствія друзей,
Ихъ молитвы, ихъ благословенья;
Можетъ быть, межъ сотнями очей
Взоръ они знакомый различали,
Иль привѣтъ шептавшія уста:
Мужества, дивясь, имъ придавали
Сами недруги Христа.

[redacted]

XIX.

А ему досталась доля злая
Позабытымъ здѣсь, въ глуши нѣмой,
Одиноко въ мукахъ замирая,
Изнывать предсмертною тоской,
Никого въ послѣднее мгновенье
Не увидитъ онъ, кто сердцу милъ,
Кто бъ его изъ міра слезъ и тлѣнья
Взоромъ въ вѣчность проводилъ.

XX.

А межъ тѣмъ надъ спящею столицей,
Совершая путь обычный свой,
Безмятежно мѣсяцъ блѣднолицый
Ужь плыветъ по выси голубой.
Просіяла полночь; мракъ рѣдѣетъ,
Всюду розлитъ серебристый свѣтъ
И земля волшебнымъ блескомъ рдѣетъ
Небу чистому въ отвѣтъ.

XXI.

Тамъ бѣлѣетъ храмъ Капитолійскій,
Древній форумъ стелется подъ нимъ;
Здѣсь колонны, арки, обелиски
Облиты сіяньемъ голубымъ;
Колизей возносится безмолвный,
А вдали, извилистой каймой
Тибра мутныя струятся волны
За Тарпейскою скалой.

[redacted]

XXII.

И любуясь дивною картиной,
Позабылся узникъ молодой;
Ужь теперь не горемъ, не кручиной—
Сердце полно сладкой тишиной.
Пріутихло жгучее страданье
И въ душѣ сомнѣнье улеглось:
Этой ночи кроткое сіянье
Словно въ грудь ему влилось.

XXIII.

Примиренный съ темною судьбою
Вспоминаетъ онъ былые дни:
Беззаботной, ясной чередою
Пронеслись на сѣверѣ они.
Видитъ онъ зеленыя равнины,
Гдѣ блестятъ сквозь утренній туманъ
Альпъ далекихъ снѣжныя вершины;
Видитъ свой Медіоланъ,

XXIV.

Видитъ домъ родной съ тѣнистымъ садомъ,
Рощи, гладь прозрачную озеръ
И себя, ребенкомъ малымъ, рядомъ
Съ матерью; ея онъ видитъ взоръ,
На него такъ нѣжно устремленный...
Какъ у ней былъ счастливъ онъ тогда,
Этимъ милымъ взоромъ осѣненный,
Въ тѣ безпечные года!

[redacted]

XXV.

Отъ нея услышалъ онъ впервые
Про Того, Кто въ міръ тоски и слезъ
Намъ любви ученія святыя
И грѣховъ прощеніе принесъ;
Кто подъ знойнымъ небомъ Галилеи
Претерпѣлъ и скорбь, и нищету,
И Кого Пилатъ и фарисеи
Пригвоздили ко кресту.

XXVI.

Но года промчалися стрѣлою...
- Дѣтства дней счастливыхъ не вернуть!—
Онъ разстался съ домомъ и семьею,
Передъ нимъ иной открылся путь:
Онъ, покорный долгу, въ легіоны
Подъ знамена бранныя вступилъ
И свой мечъ, отвагой закаленный,
Вражьей кровью обагрилъ.

XXVII.

– Бой кипѣлъ на западѣ далекомъ:
Тамъ съ врагами Рима воевалъ
Юный вождь.—Ревнивымъ цезарь окомъ
На побѣдный лавръ его взиралъ.—
Противъ Франковъ, въ войскѣ Константина,
Острыхъ стрѣлъ и копій не боясь,
Севастьянъ и съ нимъ его дружина
Храбро билися не разъ.

XXVIII.

Но и въ грозный часъ кровавой битвы,
Поминая матери завѣтъ,

[redacted]

Благодатной силою молитвы
Соблюдалъ онъ въ сердцѣ миръ и свѣтъ.
Бодрый духъ его не устрашали
Зной и стужа, раны и нужда;
Онъ сносилъ безъ жалобъ, безъ печали
Тягость ратнаго труда.

XXIX.

И властямъ всегда во всемъ послушный,
Онъ жалѣлъ подвластныхъ и щадилъ;
Съ ними онъ, доступный, благодушный,
И печаль, и радости дѣлилъ.
Кто былъ горемъ лютымъ, иль несчастьемъ,
Или злой невзгодой удрученъ—
Шелъ къ нему—и всякаго съ участьемъ
Принималъ центуріонъ.

XXX.

И зато съ любовью безпримѣрной
Подчинялись воины ему,
Зная, что своей дружины вѣрной
Онъ не дастъ въ обиду никому
И вездѣ, изъ всѣхъ центурій стана,
И въ бою, и въ пору мирныхъ дней
Отличалась сотня Севастьяна
Ратной доблестью своей.

XXXI.

И привязанъ былъ онъ къ этой сотнѣ
Всѣми силами души своей;
Въ ней послѣднимъ ратникомъ охотнѣй
Былъ бы онъ, чѣмъ первымъ изъ вождей
Всѣхъ когортъ и легіоновъ Рима.
Не желалъ онъ участи иной,

[redacted]

Не была душа его палима
    Властолюбія мечтой.

XXXII.

Въ бранномъ станѣ, въ Галліи далекой,
Скромный дорогъ былъ ему удѣлъ
И его на блескъ и санъ высокій
Промѣнять бы онъ не захотѣлъ.
Почесть съ властью или роскошь съ силой,
Или всѣ сокровища земли
Никогда ему той сотни милой
    Замѣнить бы не могли.

XXXIII.

Что людьми зовется верхомъ счастья—
То считалъ тяжелымъ игомъ онъ.
Но увы! непрошенною властью
Слишкомъ рано былъ онъ облеченъ.
    О, какою горькою кручиной
Сердце въ немъ исполнилось, когда
Съ этой храброй доблестной дружиной
    Онъ разстался навсегда.

XXXIV.

Никогда доселѣ сердцемъ юнымъ
Ни тщеславенъ не былъ онъ, ни гордъ.
У преторіанцевъ ставъ трибуномъ,
Во главѣ блестящихъ ихъ когортъ,
Онъ остался воиномъ смиреннымъ,
Ни наградъ не ждавшимъ, ни похвалъ
И горя усердьемъ неизмѣннымъ
    Честно долгъ свой исполнялъ.

XXXV.

Но душѣ его прямой и нѣжной
Чуждъ былъ этотъ гордый, пышный Римъ,
Этотъ Римъ порочный и мятежный,
Съ ханжествомъ, съ безвѣріемъ своимъ
Утопавшій въ нѣгѣ сладострастной,
Пресыщенный праздной суетой,
Этотъ душный Римъ съ подобострастной
Развращенною толпой.

XXXVI.

Здѣсь, въ тревожной, суетной столицѣ,
Окруженъ неправдою и зломъ,
Какъ въ глухой, удушливой темницѣ
Изнывалъ онъ сердцемъ и умомъ.
Полнъ отваги, мужества и рвенья,
До конца готовый претерпѣть,
Жаждалъ онъ скорѣй принять мученья
И за вѣру умереть.

XXXVII.

И пришла пора освобожденья:
Только ночь прожить еще одну
И настанетъ часъ успокоенья.
Съ упованьемъ глядя въ вышину,
Онъ привѣтъ читаетъ въ блескѣ ночи:
Звѣздъ лучи, пронизывая тьму,
Съ голубыхъ небесъ, какъ Божьи очи
Свѣтятъ радостно ему.

XXXVIII.

Небо залито лазурью нѣжной,
Закатился мѣсяцъ въ облака;

[redacted]

Медленно, неслышно, безмятежно
Уплываетъ ночь.—Вотъ, вѣтерка
Предразсвѣтная прохлада вѣетъ,
Край небесъ, свѣтлѣя и горя,
Заалѣлъ съ востока... Тьма рѣдѣетъ—
И зардѣлася заря.

XXXIX.

Узникъ видитъ утра пробужденье,
Свѣтомъ солнца обдало его
И за день послѣдняго мученья
Онъ прославилъ Бога своего.
Пробудились стражи. Обступили
Севастьяна шумною толпой,
Молодое тѣло обнажили;
Высоко надъ головой

XL.

Подняли безпомощныя руки,
Притянули къ дереву плотнѣй...
Лютыя принять готовый муки,
Въ ожиданьи участи своей,
Онъ стоялъ живой предъ ними цѣлью
Въ аломъ блескѣ утреннихъ лучей,
Не внимая дикому веселью
Нумидійскихъ палачей.

XLI.

Въ этотъ часъ предсмертнаго томленья
Все земное мученикъ забылъ;
Полнъ восторга, въ сладкомъ упоеньи,
Въ небесахъ мечтою онъ парилъ.
Передъ нимъ отверзлись двери рая;

Озаренъ сіяньемъ неземнымъ,
Звалъ его, вѣнецъ ему сплетая,
Лучезарный серафимъ.

XLII.

И не видѣлъ узникъ Нумидійца
Съ длиннымъ лукомъ, съ стрѣлами его;
Въ забытьѣ не видѣлъ, какъ убійца
Долго, долго цѣлился въ него,
Тетива какъ дрогнула тугая,
Не видалъ, какъ спущена была
И какъ мчалась, воздухъ разсѣкая,
Смертоносная стрѣла.

XLIII.

Лишь когда отточенное жало
Глубоко въ нагую грудь впилось,
Въ ней отъ боли сердце задрожало
И очнулся онъ отъ свѣтлыхъ грезъ.
Шумный говоръ, крики, взрывы смѣха
Услыхалъ онъ, мукою томимъ:
Звѣрская, кровавая потѣха
По душѣ пришлася имъ.

XLIV.

Чередуясь, каждый въ нетерпѣньи
Въ грудь стрѣлу спѣшилъ ему послать
Чтобы силу, ловкость и умѣнье
Надъ безсильной жертвой показать.
И стрѣла вонзалась за стрѣлою...
Онъ терпѣлъ съ молитвой на устахъ;
Кровь изъ жгучихъ ранъ лилась струею
И мутилося въ глазахъ.

[redacted]

XLV.

Ужь сознанье гасло и блѣднѣло,
И молитвъ мѣшалися слова;
На рукахъ безъ чувствъ повисло тѣло
И на грудь склонилась голова;
Подкосились слабыя колѣни....
Въ область тьмы, забвенія и сна
Погрузился духъ.... Земныхъ мученій
Чашу онъ испилъ до дна.

XLVI.

А честное мученика тѣло,
Брошено руками палачей,
Скоро бъ незарытое истлѣло
Подъ огнемъ полуденныхъ лучей,
Гдѣ-нибудь во рву, иль ямѣ смрадной,
Гдѣ бы хищный звѣрь, въ ночную тьму,
Обглодалъ его, гдѣ бъ коршунъ жадный
Очи выклевалъ ему.

XLVII.

Ужь его отъ дерева поспѣшно
Отвязать мучители хотятъ...
Той порою, плача неутѣшно
Двѣ жены прокрались тайно въ садъ.
Но мольбы напрасны; тщетно слезы
Изобильно льются изъ очей:
Имъ въ отвѣтъ звучатъ однѣ угрозы
Съ бранью злобной палачей.

XLVIII.

Жены имъ дрожащими руками
Сыплютъ деньги.... Шумный споръ возникъ,

Зазвенѣло злато.... Межъ стрѣлками
Завязалась драка, слышенъ крикъ...
А онѣ страдальца тихо взяли,
Дорогой обвили пеленой
И, глубокой полныя печали,
Унесли его съ собой....

I.

Римъ ликуетъ. Зрителей безъ счета
Ужь съ утра стеклося въ Колизей:
Христіанамъ вновь грозитъ охота—
Подъ ареной слышенъ вой звѣрей.
И до зрѣлищъ жадный, въ нетерпѣньи,
Ожидаетъ цезаря народъ...
Вдругъ раздались клики въ отдаленьи:
„Тише, тише! онъ идетъ!“

II.

Распахнулась дверь. Цвѣтовъ кошницы
Высоко держа надъ головой,
Дѣвъ прекрасныхъ сходятъ вереницы
Межъ колоннъ по лѣстницѣ крутой.
Изъ дворца идутъ онѣ какъ тѣни,
Устланъ путь узорчатымъ ковромъ;
Ихъ цвѣты на гладкія ступени
Пестрымъ сыплются дождемъ.

III.

Движется дружина за дружиной:
Здѣсь и Дакъ косматый, и Сарматъ,
Здѣсь и Скиѳъ подъ шкурою звѣриной.
Блещутъ мѣдь, желѣзо и булатъ,

XLV.

Ужь сознанье гасло и блѣднѣло,
И молитвъ мѣшалися слова;
На рукахъ безъ чувствъ повисло тѣло
И на грудь склонилась голова;
Подкосились слабыя колѣни....
Въ область тьмы, забвенія и сна
Погрузился духъ.... Земныхъ мученій
Чашу онъ испилъ до дна.

XLVI.

А честнóе мученика тѣло,
Брошено руками палачей,
Скоро бъ незарытое истлѣло
Подъ огнемъ полуденныхъ лучей,
Гдѣ-нибудь во рву, иль ямѣ смрадной,
Гдѣ бы хищный звѣрь, въ ночную тьму,
Обглодалъ его, гдѣ бъ коршунъ жадный
Очи выклевалъ ему.

XLVII.

Ужь его отъ дерева поспѣшно
Отвязать мучители хотятъ...
Той порою, плача неутѣшно
Двѣ жены прокрались тайно въ садъ.
Но мольбы напрасны; тщетно слезы
Изобильно льются изъ очей:
Имъ въ отвѣтъ звучатъ однѣ угрозы
Съ бранью злобной палачей.

XLVIII.

Жены имъ дрожащими руками
Сыплютъ деньги.... Шумный споръ возникъ,

Зазвенѣло злато.... Межъ стрѣлками
Завязалась драка, слышенъ крикъ...
А онѣ страдальца тихо взяли,
Дорогой обвили пеленой
И, глубокой полныя печали,
Унесли его съ собой....

I.

Римъ ликуетъ. Зрителей безъ счета
Ужь съ утра стеклося въ Колизей:
Христіанамъ вновь грозитъ охота—
Подъ ареной слышенъ вой звѣрей.
И до зрѣлищъ жадный, въ нетерпѣньи,
Ожидаетъ цезаря народъ...
Вдругъ раздались клики въ отдаленьи:
„Тише, тише! онъ идетъ!"

II.

Распахнулась дверь. Цвѣтовъ кошницы
Высоко держа надъ головой,
Дѣвъ прекрасныхъ сходятъ вереницы
Межъ колоннъ по лѣстницѣ крутой.
Изъ дворца идутъ онѣ какъ тѣни,
Устланъ путь узорчатымъ ковромъ;
Ихъ цвѣты на гладкія ступени
Пестрымъ сыплются дождемъ.

III.

Движется дружина за дружиной:
Здѣсь и Дакъ косматый, и Сарматъ,
Здѣсь и Скиѳъ подъ шкурою звѣриной.
Блещутъ мѣдь, желѣзо и булатъ,

[redacted]

Медленно, неслышно, безмятежно
Уплываетъ ночь.—Вотъ, вѣтерка
Предразсвѣтная прохлада вѣетъ,
Край небесъ, свѣтлѣя и горя,
Заалѣлъ съ востока... Тьма рѣдѣетъ—
И зардѣлася заря.

XXXIX.

Узникъ видитъ утра пробужденье,
Свѣтомъ солнца обдало его
И за день послѣдняго мученья
Онъ прославилъ Бога своего.
Пробудились стражи. Обступили
Севастьяна шумною толпой,
Молодое тѣло обнажили;
Высоко надъ головой

XL.

Подняли безпомощныя руки,
Притянули къ дереву плотнѣй...
Лютыя принять готовый муки,
Въ ожиданьи участи своей,
Онъ стоялъ живой предъ ними цѣлью
Въ аломъ блескѣ утреннихъ лучей,
Не внимая дикому веселью
Нумидійскихъ палачей.

XLI.

Въ этотъ часъ предсмертнаго томленья
Все земное мученикъ забылъ;
Полнъ восторга, въ сладкомъ упоеньи,
Въ небесахъ мечтою онъ парилъ.
Передъ нимъ отверзлись двери рая;

[redacted]

Озаренъ сіяньемъ неземнымъ,
Звалъ его, вѣнецъ ему сплетая,
Лучезарный серафимъ.

XLII.

И не видѣлъ узникъ Нумидійца
Съ длиннымъ лукомъ, съ стрѣлами его:
Въ забытьѣ не видѣлъ, какъ убійца
Долго, долго цѣлился въ него,
Тетива какъ дрогнула тугая,
Не видалъ, какъ спущена была
И какъ мчалась, воздухъ разсѣкая,
Смертоносная стрѣла.

XLIII.

Лишь когда отточенное жало
Глубоко въ нагую грудь впилось,
Въ ней отъ боли сердце задрожало
И очнулся онъ отъ свѣтлыхъ грезъ.
Шумный говоръ, крики, взрывы смѣха
Услыхалъ онъ, мукою томимъ:
Звѣрская, кровавая потѣха
По душѣ пришлася имъ.

XLIV.

Чередуясь, каждый въ нетерпѣньи
Въ грудь стрѣлу спѣшилъ ему послать
Чтобы силу, ловкость и умѣнье
Надъ безсильной жертвой показать.
И стрѣла вонзалась за стрѣлою...
Онъ терпѣлъ съ молитвой на устахъ;
Кровь изъ жгучихъ ранъ лилась струею
И мутилося въ глазахъ.

[redacted]

Медленно, неслышно, безмятежно
Уплываетъ ночь.—Вотъ, вѣтерка
Предразсвѣтная прохлада вѣетъ,
Край небесъ, свѣтлѣя и горя,
Заалѣлъ съ востока... Тьма рѣдѣетъ—
И зардѣлася заря.

XXXIX.

Узникъ видитъ утра пробужденье,
Свѣтомъ солнца обдало его
И за день послѣдняго мученья
Онъ прославилъ Бога своего.
Пробудились стражи. Обступили
Севастьяна шумною толпой,
Молодое тѣло обнажили;
Высоко надъ головой

XL.

Подняли безпомощныя руки,
Притянули къ дереву плотнѣй...
Лютыя принять готовый муки,
Въ ожиданьи участи своей,
Онъ стоялъ живой предъ ними цѣлью
Въ аломъ блескѣ утреннихъ лучей,
Не внимая дикому веселью
Нумидійскихъ палачей.

XLI.

Въ этотъ часъ предсмертнаго томленья
Все земное мученикъ забылъ;
Полнъ восторга, въ сладкомъ упоеньи,
Въ небесахъ мечтою онъ парилъ.
Передъ нимъ отверзлись двери рая;

Озаренъ сіяньемъ неземнымъ,
Звалъ его, вѣнецъ ему сплетая,
Лучезарный серафимъ.

XLII.

И не видѣлъ узникъ Нумидійца
Съ длиннымъ лукомъ, съ стрѣлами его;
Въ забытьѣ не видѣлъ, какъ убійца
Долго, долго цѣлился въ него,
Тетива какъ дрогнула тугая,
Не видалъ, какъ спущена была
И какъ мчалась, воздухъ разсѣкая,
Смертоносная стрѣла.

XLIII.

Лишь когда отточенное жало
Глубоко въ нагую грудь впилось,
Въ ней отъ боли сердце задрожало
И очнулся онъ отъ свѣтлыхъ грезъ.
Шумный говоръ, крики, взрывы смѣха
Услыхалъ онъ, мукою томимъ:
Звѣрская, кровавая потѣха
По душѣ пришлася имъ.

XLIV.

Чередуясь, каждый въ нетерпѣньи
Въ грудь стрѣлу спѣшилъ ему послать
Чтобы силу, ловкость и умѣнье
Надъ безсильной жертвой показать.
И стрѣла вонзалась за стрѣлою...
Онъ терпѣлъ съ молитвой на устахъ;
Кровь изъ жгучихъ ранъ лилась струею
И мутилося въ глазахъ.

XLV.

Ужь сознанье гасло и блѣднѣло,
И молитвъ мѣшалися слова;
На рукахъ безъ чувствъ повисло тѣло
И на грудь склонилась голова;
Подкосились слабыя колѣни....
Въ область тьмы, забвенія и сна
Погрузился духъ.... Земныхъ мученій
Чашу онъ испилъ до дна.

XLVI.

А честное мученика тѣло,
Брошено руками палачей,
Скоро бъ незарытое истлѣло
Подъ огнемъ полуденныхъ лучей,
Гдѣ-нибудь во рву, иль ямѣ смрадной,
Гдѣ бы хищный звѣрь, въ ночную тьму,
Обглодалъ его, гдѣ бъ коршунъ жадный
Очи выклевалъ ему.

XLVII.

Ужь его отъ дерева поспѣшно
Отвязать мучители хотятъ...
Той порою, плача неутѣшно
Двѣ жены прокрались тайно въ садъ.
Но мольбы напрасны; тщетно слезы
Изобильно льются изъ очей:
Имъ въ отвѣтъ звучатъ однѣ угрозы
Съ бранью злобной палачей.

XLVIII.

Жены имъ дрожащими руками
Сыплютъ деньги.... Шумный споръ возникъ,

Зазвенѣло злато.... Межъ стрѣлками
Завязалась драка, слышенъ крикъ...
А онѣ страдальца тихо взяли,
Дорогой обвили пеленой
И, глубокой полныя печали,
Унесли его съ собой....

I.

Римъ ликуетъ. Зрителей безъ счета
Ужь съ утра стеклося въ Колизей:
Христіанамъ вновь грозитъ охота—
Подъ ареной слышенъ вой звѣрей.
И до зрѣлищъ жадный, въ нетерпѣньи,
Ожидаетъ цезаря народъ...
Вдругъ раздались клики въ отдаленьи:
„Тише, тише! онъ идетъ!“

II.

Распахнулась дверь. Цвѣтовъ кошницы
Высоко держа надъ головой,
Дѣвъ прекрасныхъ сходятъ вереницы
Межъ колоннъ по лѣстницѣ крутой.
Изъ дворца идутъ онѣ какъ тѣни,
Устланъ путь узорчатымъ ковромъ;
Ихъ цвѣты на гладкія ступени
Пестрымъ сыплются дождемъ.

III.

Движется дружина за дружиной:
Здѣсь и Дакъ косматый, и Сарматъ,
Здѣсь и Скиѳъ подъ шкурою звѣриной.
Блещутъ мѣдь, желѣзо и булатъ,

Рогъ и трубы воздухъ оглашаютъ
И проходятъ пращники, стрѣлки;
Серебромъ и золотомъ сіяютъ
Стражи цезарской полки.

IV.

Свищутъ флейты и гремятъ цѣвницы,
Скачетъ шутъ и вертится плясунъ.
Вотъ пѣвцовъ проходятъ вереницы
И подъ звуки сладкогласныхъ струнъ
Воспѣваютъ въ пѣснѣ величавой
Вѣчный Римъ съ владыками его,
Ихъ полки, увѣнчанные славой,
И знаменъ ихъ торжество.

V.

Звонкихъ лиръ бряцанье заглушаетъ
Грохотъ бубновъ и кимваловъ звонъ.
Горделиво цезарь выступаетъ,
Облеченный въ пурпуръ и виссонъ.
Скиптръ его изъ драгоцѣнной кости
И орломъ украшенъ золотымъ;
Дорогой вѣнецъ на длинной трости
Черный рабъ несетъ надъ нимъ.

VI.

Вдругъ кимвалы стихли, смолкли бубны
И застылъ киѳаръ и гуслей звукъ,
Въ отдаленьи замеръ голосъ трубный,
Все кругомъ недвижно стало вдругъ.
Цѣпенѣя въ ужасѣ безмѣрномъ,
Цезарь глазъ не сводитъ со стѣны
И къ стѣнѣ той въ страхѣ суевѣрномъ
Взоры всѣхъ устремлены.

VII.

Тамъ въ окнѣ, надъ мраморною аркой,
Между двухъ порфировыхъ колоннъ,
Облитъ свѣта полосою яркой,
Полунагъ, израненъ, изможденъ,
Словно призракъ, иль жилецъ загробный,
Отстрадавшій юноша предсталъ.
Красотой небесной, безподобной
Ясный взоръ его сіялъ;

VIII.

Волоса на плечи упадали
Золотистой, шелковой волной,
Кроткій ликъ исполненный печали
Выражалъ величье и покой;
Блѣдны были впалыя ланиты
И прошла морщина вдоль чела:
Злая мука пытки пережитой
Какъ печать на немъ легла.

IX.

Посреди молчанья гробоваго
Онъ, вздохнувъ, отверзъ уста свои;
Полилось восторженное слово
Какъ потока вешнія струи:
„Цезарь! о возьми меня съ собою!
„Въ Колизеѣ ждетъ тебя народъ...
„Христіанъ замученныхъ тобою
„Кровь на небо вопіетъ.

X.

„Ужъ песокъ арены звѣрь взрываетъ...
„Медлишь ты, блѣднѣешь и дрожишь!
„Иль тебя то зрѣлище пугаетъ?

Не была душа его палима
    Властолюбія мечтой.

XXXII.

Въ бранномъ станѣ, въ Галліи далекой,
Скромный дорогъ былъ ему удѣлъ
И его на блескъ и санъ высокій
Промѣнять бы онъ не захотѣлъ.
Почесть съ властью или роскошь съ силой,
Или всѣ сокровища земли
Никогда ему той сотни милой
    Замѣнить бы не могли.

XXXIII.

Что людьми зовется верхомъ счастья—
То считалъ тяжелымъ игомъ онъ.
Но увы! непрошенною властью
Слишкомъ рано былъ онъ облеченъ.
    О, какою горькою кручиной
Сердце въ немъ исполнилось, когда
Съ этой храброй доблестной дружиной
    Онъ разстался навсегда.

XXXIV.

Никогда доселѣ сердцемъ юнымъ
Ни тщеславенъ не былъ онъ, ни гордъ.
У преторіанцевъ ставъ трибуномъ,
Во главѣ блестящихъ ихъ когортъ,
Онъ остался воиномъ смиреннымъ,
Ни наградъ не ждавшимъ, ни похвалъ
И горя усердьемъ неизмѣннымъ
    Честно долгъ свой исполнялъ.

XXXV.

Но душѣ его прямой и нѣжной
Чуждъ былъ этотъ гордый, пышный Римъ,
Этотъ Римъ порочный и мятежный,
Съ ханжествомъ, съ безвѣріемъ своимъ
Утопавшій въ нѣгѣ сладострастной,
Пресыщенный праздной суетой,
Этотъ душный Римъ съ подобострастной
Развращенною толпой.

XXXVI.

Здѣсь, въ тревожной, суетной столицѣ,
Окруженъ неправдою и зломъ,
Какъ въ глухой, удушливой темницѣ,
Изнывалъ онъ сердцемъ и умомъ.
Полнъ отваги, мужества и рвенья,
До конца готовый претерпѣть,
Жаждалъ онъ скорѣй принять мученья
И за вѣру умереть.

XXXVII.

И пришла пора освобожденья:
Только ночь прожить еще одну
И настанетъ часъ успокоенья.
Съ упованьемъ глядя въ вышину,
Онъ привѣтъ читаетъ въ блескѣ ночи:
Звѣздъ лучи, пронизывая тьму,
Съ голубыхъ небесъ, какъ Божьи очи
Свѣтятъ радостно ему.

XXXVIII.

Небо залито лазурью нѣжной,
Закатился мѣсяцъ въ облака;

XXXIX.

XL.

XLI.

[redacted]

Озаренъ сіяньемъ неземнымъ,
Звалъ его, вѣнецъ ему сплетая,
Лучезарный серафимъ.

XLII.

И не видѣлъ узникъ Нумидійца
Съ длиннымъ лукомъ, съ стрѣлами его;
Въ забытьѣ не видѣлъ, какъ убійца
Долго, долго цѣлился въ него,
Тетива какъ дрогнула тугая,
Не видалъ, какъ спущена была
И какъ мчалась, воздухъ разсѣкая,
Смертоносная стрѣла.

XLIII.

Лишь когда отточенное жало
Глубоко въ нагую грудь впилось,
Въ ней отъ боли сердце задрожало
И очнулся онъ отъ свѣтлыхъ грезъ.
Шумный говоръ, крики, взрывы смѣха
Услыхалъ онъ, мукою томимъ:
Звѣрская, кровавая потѣха
По душѣ пришлася имъ.

XLIV.

Чередуясь, каждый въ нетерпѣньи
Въ грудь стрѣлу спѣшилъ ему послать
Чтобы силу, ловкость и умѣнье
Надъ безсильной жертвой показать.
И стрѣла вонзалась за стрѣлою...
Онъ терпѣлъ съ молитвой на устахъ;
Кровь изъ жгучихъ ранъ лилась струею
И мутилося въ глазахъ.

Медленно, неслышно, безмятежно
Уплываетъ ночь.—Вотъ, вѣтерка
Предразсвѣтная прохлада вѣетъ,
Край небесъ, свѣтлѣя и горя,
Заалѣлъ съ востока... Тьма рѣдѣетъ—
И зардѣлася заря.

XXXIX.

Узникъ видитъ утра пробужденье,
Свѣтомъ солнца обдало его
И за день послѣдняго мученья
Онъ прославилъ Бога своего.
Пробудились стражи. Обступили
Севастьяна шумною толпой,
Молодое тѣло обнажили;
Высоко надъ головой

XL.

Подняли безпомощныя руки,
Притянули къ дереву плотнѣй...
Лютыя принять готовый муки,
Въ ожиданьи участи своей,
Онъ стоялъ живой предъ ними цѣлью
Въ аломъ блескѣ утреннихъ лучей,
Не внимая дикому веселью
Нумидійскихъ палачей.

XLI.

Въ этотъ часъ предсмертнаго томленья
Все земное мученикъ забылъ;
Полнъ восторга, въ сладкомъ упоеньи,
Въ небесахъ мечтою онъ парилъ.
Передъ нимъ отверзлись двери рая;

Озаренъ сіяньемъ неземнымъ,
Звалъ его, вѣнецъ ему сплетая,
Лучезарный серафимъ.

XLII.

И не видѣлъ узникъ Нумидійца
Съ длиннымъ лукомъ, съ стрѣлами его;
Въ забытьѣ не видѣлъ, какъ убійца
Долго, долго цѣлился въ него,
Тетива какъ дрогнула тугая,
Не видалъ, какъ спущена была
И какъ мчалась, воздухъ разсѣкая,
Смертоносная стрѣла.

XLIII.

Лишь когда отточенное жало
Глубоко въ нагую грудь впилось,
Въ ней отъ боли сердце задрожало
И очнулся онъ отъ свѣтлыхъ грезъ.
Шумный говоръ, крики, взрывы смѣха
Услыхалъ онъ, мукою томимъ:
Звѣрская, кровавая потѣха
По душѣ пришлася имъ.

XLIV.

Чередуясь, каждый въ нетерпѣньи
Въ грудь стрѣлу спѣшилъ ему послать
Чтобы силу, ловкость и умѣнье
Надъ безсильной жертвой показать.
И стрѣла вонзалась за стрѣлою...
Онъ терпѣлъ съ молитвой на устахъ;
Кровь изъ жгучихъ ранъ лилась струею
И мутилося въ глазахъ.

[redacted]

Медленно, неслышно, безмятежно
Уплываетъ ночь.—Вотъ, вѣтерка
Предразсвѣтная прохлада вѣетъ,
Край небесъ, свѣтлѣя и горя,
Заалѣлъ съ востока... Тьма рѣдѣетъ—
И зардѣлася заря.

XXXIX.

Узникъ видитъ утра пробужденье,
Свѣтомъ солнца обдало его
И за день послѣдняго мученья
Онъ прославилъ Бога своего.
Пробудились стражи. Обступили
Севастьяна шумною толпой,
Молодое тѣло обнажили;
Высоко надъ головой

XL.

Подняли безпомощныя руки,
Притянули къ дереву плотнѣй...
Лютыя принять готовый муки,
Въ ожиданьи участи своей,
Онъ стоялъ живой предъ ними цѣлью
Въ аломъ блескѣ утреннихъ лучей,
Не внимая дикому веселью
Нумидійскихъ палачей.

XLI.

Въ этотъ часъ предсмертнаго томленья
Все земное мученикъ забылъ;
Полнъ восторга, въ сладкомъ упоеньи,
Въ небесахъ мечтою онъ парилъ.
Передъ нимъ отверзлись двери рая;

Озаренъ сіяньемъ неземнымъ,
Звалъ его, вѣнецъ ему сплетая,
Лучезарный серафимъ.

XLII.

И не видѣлъ узникъ Нумидійца
Съ длиннымъ лукомъ, съ стрѣлами его;
Въ забытьѣ не видѣлъ, какъ убійца
Долго, долго цѣлился въ него,
Тетива какъ дрогнула тугая,
Не видалъ, какъ спущена была
И какъ мчалась, воздухъ разсѣкая,
Смертоносная стрѣла.

XLIII.

Лишь когда отточенное жало
Глубоко въ нагую грудь впилось,
Въ ней отъ боли сердце задрожало
И очнулся онъ отъ свѣтлыхъ грезъ.
Шумный говоръ, крики, взрывы смѣха
Услыхалъ онъ, мукою томимъ:
Звѣрская, кровавая потѣха
По душѣ пришлася имъ.

XLIV.

Чередуясь, каждый въ нетерпѣньи
Въ грудь стрѣлу спѣшилъ ему послать
Чтобы силу, ловкость и умѣнье
Надъ безсильной жертвой показать.
И стрѣла вонзалась за стрѣлою...
Онъ терпѣлъ съ молитвой на устахъ;
Кровь изъ жгучихъ ранъ лилась струею
И мутилося въ глазахъ.

...ьи....
ъ область тьмы, забвенія и сна
лся духъ.... Земныхъ мученій
ашу онъ испилъ до дна.

XLVI.

ное мученика тѣло,
но руками палачей,
бъ незарытое истлѣло
огнемъ полуденныхъ лучей,
будь во рву, иль ямѣ смрадной,
хищный звѣрь, въ ночную тьму,
алъ его, гдѣ бъ коршунъ жадный
чи выклевалъ ему.

XLVII.

о отъ дерева поспѣшно
ь мучители хотятъ...
ою, плача неутѣшно
ы прокрались тайно въ садъ.
бы напрасны; тщетно слезы

Зазвенѣло злато.... Межъ стрѣлками
Завязалась драка, слышенъ крикъ...
А онѣ страдальца тихо взяли,
Дорогой обвили пеленой
И, глубокой полныя печали,
Унесли его съ собой....

I.

Римъ ликуетъ. Зрителей безъ счета
Ужь съ утра стеклося въ Колизей:
Христіанамъ вновь грозитъ охота—
Подъ ареной слышенъ вой звѣрей.
И до зрѣлищъ жадный, въ нетерпѣньи,
Ожидаетъ цезаря народъ...
Вдругъ раздались клики въ отдаленьи:
„Тише, тише! онъ идетъ!“

II.

Распахнулась дверь. Цвѣтовъ кошницы
Высоко держа надъ головой,
Дѣвъ прекрасныхъ сходятъ вереницы
Межъ колоннъ по лѣстницѣ крутой.
Изъ дворца идутъ онѣ какъ тѣни,
Устланъ путь узорчатымъ ковромъ;
Ихъ цвѣты на гладкія ступени
Пестрымъ сыплются дождемъ.

III.

Движется дружина за дружиной:
Здѣсь и Дакъ косматый, и Сарматъ,
Здѣсь и Скиѳъ подъ шкурою звѣриной.
Блещутъ мѣдь, желѣзо и булатъ,

[redacted]

Медленно, неслышно, безмятежно
Уплываетъ ночь.—Вотъ, вѣтерка
Предразсвѣтная прохлада вѣетъ,
Край небесъ, свѣтлѣя и горя,
Заалѣлъ съ востока... Тьма рѣдѣетъ—
И зардѣлася заря.

XXXIX.

Узникъ видитъ утра пробужденье,
Свѣтомъ солнца обдало его
И за день послѣдняго мученья
Онъ прославилъ Бога своего.
Пробудились стражи. Обступили
Севастьяна шумною толпой,
Молодое тѣло обнажили;
Высоко надъ головой

XL.

Подняли безпомощныя руки,
Притянули къ дереву плотнѣй...
Лютыя принять готовый муки,
Въ ожиданьи участи своей,
Онъ стоялъ живой предъ ними цѣлью
Въ аломъ блескѣ утреннихъ лучей,
Не внимая дикому веселью
Нумидійскихъ палачей.

XLI.

Въ этотъ часъ предсмертнаго томленья
Все земное мученикъ забылъ;
Полнъ восторга, въ сладкомъ упоеньи,
Въ небесахъ мечтою онъ парилъ.
Передъ нимъ отверзлись двери рая;

Озаренъ сіяньемъ неземнымъ,
Звалъ его, вѣнецъ ему сплетая,
Лучезарный серафимъ.

XLII.

И не видѣлъ узникъ Нумидійца
Съ длиннымъ лукомъ, съ стрѣлами его;
Въ забытьѣ не видѣлъ, какъ убійца
Долго, долго цѣлился въ него,
Тетива какъ дрогнула тугая,
Не видалъ, какъ спущена была
И какъ мчалась, воздухъ разсѣкая,
Смертоносная стрѣла.

XLIII.

Лишь когда отточенное жало
Глубоко въ нагую грудь впилось,
Въ ней отъ боли сердце задрожало
И очнулся онъ отъ свѣтлыхъ грезъ.
Шумный говоръ, крики, взрывы смѣха
Услыхалъ онъ, мукою томимъ:
Звѣрская, кровавая потѣха
По душѣ пришлася имъ.

XLIV.

Чередуясь, каждый въ нетерпѣньи
Въ грудь стрѣлу спѣшилъ ему послать
Чтобы силу, ловкость и умѣнье
Надъ безсильной жертвой показать.
И стрѣла вонзалась за стрѣлою...
Онъ терпѣлъ съ молитвой на устахъ;
Кровь изъ жгучихъ ранъ лилась струею
И мутилося въ глазахъ.

[redacted]

Медленно, неслышно, безмятежно
Уплываетъ ночь.—Вотъ, вѣтерка
Предразсвѣтная прохлада вѣетъ,
Край небесъ, свѣтлѣя и горя,
Заалѣлъ съ востока... Тьма рѣдѣетъ—
И зардѣлася заря.

XXXIX.

Узникъ видитъ утра пробужденье,
Свѣтомъ солнца обдало его
И за день послѣдняго мученья
Онъ прославилъ Бога своего.
Пробудились стражи. Обступили
Севастьяна шумною толпой,
Молодое тѣло обнажили;
Высоко надъ головой

XL.

Подняли безпомощныя руки,
Притянули къ дереву плотнѣй...
Лютыя принять готовый муки,
Въ ожиданьи участи своей,
Онъ стоялъ живой предъ ними цѣлью
Въ аломъ блескѣ утреннихъ лучей,
Не внимая дикому веселью
Нумидійскихъ палачей.

XLI.

Въ этотъ часъ предсмертнаго томленья
Все земное мученикъ забылъ;
Полнъ восторга, въ сладкомъ упоеньи,
Въ небесахъ мечтою онъ парилъ.
Передъ нимъ отверзлись двери рая;

[redacted]

Озаренъ сіяньемъ неземнымъ,
Звалъ его, вѣнецъ ему сплетая,
Лучезарный серафимъ.

XLII.

И не видѣлъ узникъ Нумидійца
Съ длиннымъ лукомъ, съ стрѣлами его:
Въ забытьѣ не видѣлъ, какъ убійца
Долго, долго цѣлился въ него,
Тетива какъ дрогнула тугая,
Не видалъ, какъ спущена была
И какъ мчалась, воздухъ разсѣкая,
Смертоносная стрѣла.

XLIII.

Лишь когда отточенное жало
Глубоко въ нагую грудь впилось,
Въ ней отъ боли сердце задрожало
И очнулся онъ отъ свѣтлыхъ грезъ.
Шумный говоръ, крики, взрывы смѣха
Услыхалъ онъ, мукою томимъ:
Звѣрская, кровавая потѣха
По душѣ пришлася имъ.

XLIV.

Чередуясь, каждый въ нетерпѣньи
Въ грудь стрѣлу спѣшилъ ему послать
Чтобы силу, ловкость и умѣнье
Надъ безсильной жертвой показать.
И стрѣла вонзалась за стрѣлою...
Онъ терпѣлъ съ молитвой на устахъ;
Кровь изъ жгучихъ ранъ лилась струею
И мутилося въ глазахъ.

[redacted]

Медленно, неслышно, безмятежно
Уплываетъ ночь.—Вотъ, вѣтерка
Предразсвѣтная прохлада вѣетъ,
Край небесъ, свѣтлѣя и горя,
Заалѣлъ съ востока... Тьма рѣдѣетъ—
И зардѣлася заря.

XXXIX.

Узникъ видитъ утра пробужденье,
Свѣтомъ солнца обдало его
И за день послѣдняго мученья
Онъ прославилъ Бога своего.
Пробудились стражи. Обступили
Севастьяна шумною толпой,
Молодое тѣло обнажили;
Высоко надъ головой

XL.

Подняли безпомощныя руки,
Притянули къ дереву плотнѣй...
Лютыя принять готовый муки,
Въ ожиданьи участи своей,
Онъ стоялъ живой предъ ними цѣлью
Въ аломъ блескѣ утреннихъ лучей,
Не внимая дикому веселью
Нумидійскихъ палачей.

XLI.

Въ этотъ часъ предсмертнаго томленья
Все земное мученикъ забылъ;
Полнъ восторга, въ сладкомъ упоеньи,
Въ небесахъ мечтою онъ парилъ.
Передъ нимъ отверзлись двери рая;

Озаренъ сіяньемъ неземнымъ,
Звалъ его, вѣнецъ ему сплетая,
Лучезарный серафимъ.

XLII.

И не видѣлъ узникъ Нумидійца
Съ длиннымъ луком, съ стрѣлами его;
Въ забытьѣ не видѣлъ, какъ убійца
Долго, долго цѣлился въ него,
Тетива какъ дрогнула тугая,
Не видалъ, какъ спущена была
И какъ мчалась, воздухъ разсѣкая,
Смертоносная стрѣла.

XLIII.

Лишь когда отточенное жало
Глубоко въ нагую грудь впилось,
Въ ней отъ боли сердце задрожало
И очнулся онъ отъ свѣтлыхъ грезъ.
Шумный говоръ, крики, взрывы смѣха
Услыхалъ онъ, мукою томимъ:
Звѣрская, кровавая потѣха
По душѣ пришлася имъ.

XLIV.

Чередуясь, каждый въ нетерпѣньи
Въ грудь стрѣлу спѣшилъ ему послать
Чтобы силу, ловкость и умѣнье
Надъ безсильной жертвой показать.
И стрѣла вонзалась за стрѣлою...
Онъ терпѣлъ съ молитвой на устахъ;
Кровь изъ жгучихъ ранъ лилась струею
И мутилося въ глазахъ.

XLV.

Ужь сознанье гасло и блѣднѣло,
И молитвъ мѣшалися слова;
На рукахъ безъ чувствъ повисло тѣло
И на грудь склонилась голова;
Подкосились слабыя колѣни....
Въ область тьмы, забвенія и сна
Погрузился духъ.... Земныхъ мученій
Чашу онъ испилъ до дна.

XLVI.

А честнóе мученика тѣло,
Брошено руками палачей,
Скоро бъ незарытое истлѣло
Подъ огнемъ полуденныхъ лучей,
Гдѣ-нибудь во рву, иль ямѣ смрадной,
Гдѣ бы хищный звѣрь, въ ночную тьму,
Обглодалъ его, гдѣ бъ коршунъ жадный
Очи выклевалъ ему.

XLVII.

Ужь его отъ дерева поспѣшно
Отвязать мучители хотятъ...
Той порою, плача неутѣшно
Двѣ жены прокрались тайно въ садъ.
Но мольбы напрасны; тщетно слезы
Изобильно льются изъ очей:
Имъ въ отвѣтъ звучатъ однѣ угрозы
Съ бранью злобной палачей.

XLVIII.

Жены имъ дрожащими руками
Сыплютъ деньги.... Шумный споръ возникъ,

Зазвенѣло злато.... Межъ стрѣлками
Завязалась драка, слышенъ крикъ...
А онѣ страдальца тихо взяли,
Дорогой обвили пеленой
И, глубокой полныя печали,
Унесли его съ собой....

I.

Римъ ликуетъ. Зрителей безъ счета
Ужь съ утра стеклося въ Колизей:
Христіанамъ вновь грозитъ охота—
Подъ ареной слышенъ вой звѣрей.
И до зрѣлищъ жадный, въ нетерпѣньи,
Ожидаетъ цезаря народъ...
Вдругъ раздались клики въ отдаленьи:
„Тише, тише! онъ идетъ!“

II.

Распахнулась дверь. Цвѣтовъ кошницы
Высоко держа надъ головой,
Дѣвъ прекрасныхъ сходятъ вереницы
Межъ колоннъ по лѣстницѣ крутой.
Изъ дворца идутъ онѣ какъ тѣни,
Устланъ путь узорчатымъ ковромъ;
Ихъ цвѣты на гладкія ступени
Пестрымъ сыплются дождемъ.

III.

Движется дружина за дружиной:
Здѣсь и Дакъ косматый, и Сарматъ,
Здѣсь и Скиѳъ подъ шкурою звѣриной.
Блещутъ мѣдь, желѣзо и булатъ,

Рогъ и трубы воздухъ оглашаютъ
И проходятъ пращники, стрѣлки;
Серебромъ и золотомъ сіяютъ
    Стражи цезарской полки.

IV.

Свищутъ флейты и гремятъ цѣвницы,
Скачетъ шутъ и вертится плясунъ.
Вотъ пѣвцовъ проходятъ вереницы
И подъ звуки сладкогласныхъ струнъ
Воспѣваютъ въ пѣснѣ величавой
Вѣчный Римъ съ владыками его,
Ихъ полки, увѣнчанные славой,
    И знаменъ ихъ торжество.

V.

Звонкихъ лиръ бряцанье заглушаетъ
Грохотъ бубновъ и кимваловъ звонъ.
    Горделиво цезарь выступаетъ,
Облеченный въ пурпуръ и виссонъ.
Скиптръ его изъ драгоцѣнной кости
И орломъ украшенъ золотымъ;
Дорогой вѣнецъ на длинной трости
    Черный рабъ несетъ надъ нимъ.

VI.

Вдругъ кимвалы стихли, смолкли бубны
И застылъ киѳаръ и гуслей звукъ,
Въ отдаленьи замеръ голосъ трубный,
Все кругомъ недвижно стало вдругъ.
Цѣпенѣя въ ужасѣ безмѣрномъ,
Цезарь глазъ не сводитъ со стѣны
И къ стѣнѣ той въ страхѣ суевѣрномъ
    Взоры всѣхъ устремлены.

VII.

Тамъ въ окнѣ, надъ мраморною аркой,
Между двухъ порфировыхъ колоннъ,
Облитъ свѣта полосою яркой,
Полунагъ, израненъ, изможденъ,
Словно призракъ, иль жилецъ загробный,
Отстрадавшій юноша предсталъ.
Красотой небесной, безподобной
Ясный взоръ его сіялъ;

VIII.

Волоса на плечи упадали
Золотистой, шелковой волной,
Кроткій ликъ исполненный печали
Выражалъ величье и покой;
Блѣдны были впалыя ланиты
И прошла морщина вдоль чела:
Злая мука пытки пережитой
Какъ печать на немъ легла.

IX.

Посреди молчанья гробоваго
Онъ, вздохнувъ, отверзъ уста свои;
Полилось восторженное слово
Какъ потока вешнія струи:
„Цезарь! о возьми меня съ собою!
„Въ Колизеѣ ждетъ тебя народъ...
„Христіанъ замученныхъ тобою
„Кровь на небо вопіетъ.

X.

„Ужь песокъ арены звѣрь взрываетъ...
„Медлишь ты, блѣднѣешь и дрожишь!
„Иль тебя то зрѣлище пугаетъ?

Рогъ и трубы воздухъ оглашаютъ
И проходятъ пращники, стрѣлки;
Серебромъ и золотомъ сіяютъ
Стражи цезарской полки.

IV.

Свищутъ флейты и гремятъ цѣвницы,
Скачетъ шутъ и вертится плясунъ.
Вотъ пѣвцовъ проходятъ вереницы
И подъ звуки сладкогласныхъ струнъ
Воспѣваютъ въ пѣснѣ величавой
Вѣчный Римъ съ владыками его,
Ихъ полки, увѣнчанные славой,
И знаменъ ихъ торжество.

V.

Звонкихъ лиръ бряцанье заглушаетъ
Грохотъ бубновъ и кимваловъ звонъ.
Горделиво цезарь выступаетъ,
Облеченный въ пурпуръ и виссонъ.
Скиптръ его изъ драгоцѣнной кости
И орломъ украшенъ золотымъ;
Дорогой вѣнецъ на длинной трости
Черный рабъ несетъ надъ нимъ.

VI.

Вдругъ кимвалы стихли, смолкли бубны
И застылъ киѳаръ и гуслей звукъ,
Въ отдаленьи замеръ голосъ трубный,
Все кругомъ недвижно стало вдругъ.
Цѣпенѣя въ ужасѣ безмѣрномъ,
Цезарь глазъ не сводитъ со стѣны
И къ стѣнѣ той въ страхѣ суевѣрно
Взоры всѣхъ устремлены.

VII.

Тамъ въ окнѣ, надъ мраморною аркой,
Между двухъ порфировыхъ колоннъ,
Облитъ свѣта полосою яркой,
Полунагъ, израненъ, изможденъ,
Словно призракъ, иль жилецъ загробный,
Отстрадавшій юноша предсталъ.
Красотой небесной, безподобной
Ясный взоръ его сіялъ;

VIII.

Волоса на плечи упадали
Золотистой, шелковой волной,
Кроткій ликъ исполненный печали
Выражалъ величье и покой;
Блѣдны были впалыя ланиты
И прошла морщина вдоль чела:
Злая мука пытки пережитой
Какъ печать на немъ легла.

IX.

Посреди молчанья гробоваго
Онъ, вздохнувъ, отверзъ уста свои;
Полилось восторженное слово
Какъ потока вешнія струи:
„Цезарь! о возьми меня съ собою!
„Въ Колизеѣ ждетъ тебя народъ...
„Христіанъ замученныхъ тобою
„Кровь на небо вопіетъ.

X.

несокъ арены звѣрь взрываетъ...
шь ты, блѣднѣешь и дрожишь!
ебя то зрѣлище пугаетъ?

[redacted]

Рогъ и трубы воздухъ оглашаютъ
И проходятъ пращники, стрѣлки;
Серебромъ и золотомъ сіяютъ
Стражи цезарской полки.

IV.

Свищутъ флейты и гремятъ цѣвницы,
Скачетъ шутъ и вертится плясунъ.
Вотъ пѣвцовъ проходятъ вереницы
И подъ звуки сладкогласныхъ струнъ
Воспѣваютъ въ пѣснѣ величавой
Вѣчный Римъ съ владыками его,
Ихъ полки, увѣнчанные славой,
И знаменъ ихъ торжество.

V.

Звонкихъ лиръ бряцанье заглушаетъ
Грохотъ бубновъ и кимваловъ звонъ.
Горделиво цезарь выступаетъ,
Облеченный въ пурпуръ и виссонъ.
Скиптръ его изъ драгоцѣнной кости
И орломъ украшенъ золотымъ;
Дорогой вѣнецъ на длинной трости
Черный рабъ несетъ надъ нимъ.

VI.

Вдругъ кимвалы стихли, смолкли бубны
И застылъ киѳаръ и гуслей звукъ,
Въ отдаленьи замеръ голосъ трубный,
Все кругомъ недвижно стало вдругъ.
Цѣпенѣя въ ужасѣ безмѣрномъ,
Цезарь глазъ не сводитъ со стѣны
И къ стѣнѣ той въ страхѣ суевѣрномъ
Взоры всѣхъ устремлены.

VII.

Тамъ въ окнѣ, надъ мраморною аркой,
Между двухъ порфировыхъ колоннъ,
Облитъ свѣта полосою яркой,
Полунагъ, израненъ, изможденъ,
Словно призракъ, иль жилецъ загробный,
Отстрадавшій юноша предсталъ.
Красотой небесной, безподобной
Ясный взоръ его сіялъ;

VIII.

Волоса на плечи упадали
Золотистой, шелковой волной,
Кроткій ликъ исполненный печали
Выражалъ величье и покой;
Блѣдны были впалыя ланиты
И прошла морщина вдоль чела:
Злая мука пытки пережитой
Какъ печать на немъ легла.

IX.

Посреди молчанья гробоваго
Онъ, вздохнувъ, отверзъ уста свои;
Полилось восторженное слово
Какъ потока вешнія струи:
„Цезарь! о возьми меня съ собою!
„Въ Колизеѣ ждетъ тебя народъ...
„Христіанъ замученныхъ тобою
„Кровь на небо вопіетъ.

X.

„Ужь песокъ арены звѣрь взрываетъ...
„Медлишь ты, блѣднѣешь и дрожишь!
„Иль тебя то зрѣлище пугаетъ?

„Что жъ смущенъ ты, цезарь, и молчишь?
„Содрогнешься ль ты передъ страданьемъ?
„Иль твой слухъ еще не пріученъ
„Къ дѣтскимъ крикамъ, къ воплямъ и стенаньямъ
„Старцевъ, юношей и женъ?

XI.

„Мало ль ихъ, смерть лютую пріявшихъ!
„Мало ль ихъ, истерзанныхъ тобой!
„Одного изъ тѣхъ перестрадавшихъ
„Нынѣ видишь ты передъ собой.
„Эта грудь—одна сплошная рана,
„Вотъ моя кровавая броня!
„Узнаешь ли ты Севастіана?
„Узнаешь ли ты меня?

XII.

„Но сильнѣй любовь и милосердье
„Жала стрѣлъ убійственныхъ твоихъ:
„Я уходъ, заботу и усердье,
„Близъ твоихъ чертоговъ золотыхъ,
„Подъ одною кровлею съ тобою
„Находилъ у праведныхъ людей;
„Я ихъ доброй, ласковой семьею
„Отъ руки спасенъ твоей.

XIII.

„О, какъ тяжко было пробужденье
„Послѣ казни той, когда я ждалъ,
„Что очнуся въ небѣ чрезъ мгновенье,
„Осушивъ страданія фіалъ.
„Но не могъ разстаться я съ землею,
„Исцѣлѣла немощная плоть,
„И ожившимъ, цезарь, предъ тобою
„Мнѣ предстать судилъ Господь.

XIV.

„Страха чуждъ, тебѣ отдавшись въ руки,
„Я пришелъ принять двойной вѣнецъ.
„Претерпѣть опять готовъ я муки
„И отважно встрѣтить свой конецъ.
„Цезарь, тамъ, я слышу... гибнутъ братья,
„Съ ними смертью пасть хочу одной!
„Къ нимъ иду я кинуться въ объятья—
„Цезарь! я иду съ тобой!“

XV.

Недвижимо, притаивъ дыханье,
Какъ волшебнымъ скованные сномъ,
Тѣмъ словамъ, въ томительномъ молчаньи,
Всѣ внимали трепетно кругомъ.
Онъ умолкъ—и какъ отъ грезъ очнулся
Цезарь, а за нимъ и весь народъ;
Гордый духъ въ немъ снова встрепенулся
И надъ страхомъ верхъ беретъ.

XVI.

„Надо мной ты смѣешь издѣваться,
„Или мнишь, что кары ты избѣгъ!
„Червь со львомъ дерзаетъ ли тягаться,
„Иль съ Зевесомъ смертный человѣкъ?
„Испытай же гордой головою,
„Что мой гнѣвъ громовъ небесъ грознѣй
„И что казнь, придуманная мною,
„Когтя львинаго страшнѣй.

XVII.

„Пусть истрачены тѣ стрѣлы даромъ,
„Но палачъ мой справится съ тобой:

[redacted]

„Подъ тяжелымъ палицы ударомъ
„Размозжится жалкій черепъ твой.
„И погибнешь—міру въ назиданье—
„Ты за то, что велъ безумный споръ
„Съ тѣмъ, кто власть свою могучей дланью
„Надъ вселенною простеръ!“

XVIII.

Онъ шагнулъ впередъ; и всколыхалась
Словно море пестрая толпа.
Въ колоннадахъ снова пѣснь раздалась,
Свищутъ флейты и гудитъ труба,
Плясуны вновь пляшутъ по ступенямъ,
Вновь грохочутъ бубны и кимвалъ
И вдоль лѣстницъ съ кликами и пѣньемъ
Лязгъ оружья зазвучалъ.

XIX.

Но въ послѣдній разъ борца Христова
Съ вышины послышались слова—
И мгновенно все умолкло снова,
Какъ объято силой волшебства,
Надъ нѣмой, смятенною толпою
Словно съ неба слово то гремитъ
И ее, какъ Божьею грозою
Разражаяся, громитъ:

XX.

„Ты ужели страхомъ новой казни
„Возмечталъ слугу Христа смутить?
„Воинъ твой, о цезарь, чуждъ боязни,
„Казнь одну успѣлъ я пережить—
„Вѣрь! приму вторую такъ же смѣло,
„Умирая съ радостью святой:

„Погубить ты властенъ это тѣло,
„Но не духъ безсмертный мой.

XXI.

— „О Господь, простившій Іудеямъ,
„На крестѣ ихъ злобою распятъ,
„Отпусти, прости моимъ злодѣямъ:
„И они не знаютъ, что творятъ.
„Пусть Христовой вѣры сѣменами
„Въ глубинѣ поляжемъ мы земли
„Чтобъ побѣги вѣры той съ годами,
„Мощнымъ деревомъ взошли.

XXII.

„Вѣрю я! Ужь время недалеко:
„Зла и лжи съ земли сбѣгаетъ тѣнь,
„Небеса зардѣлися съ востока—
„Близокъ, близокъ правды яркій день!
„Ужь вдали стекаются дружины,
„Юный вождь свою сбираетъ рать
„И ничѣмъ полетъ его орлиный
„Вы не сможете сдержать.

XXIII.

„Константинъ тотъ вождь непобѣдимый!
„Онъ возстанетъ Божіимъ посломъ,
„Онъ возстанетъ, Промысломъ хранимый,
„Укрѣпленный Господомъ Христомъ.
„Вижу я: въ рукѣ его державной
„Стягъ, крестомъ увѣнчанный, горитъ
„И боговъ онъ вашихъ въ битвѣ славной
„Этимъ стягомъ побѣдитъ.

XXIV.

„Тьму неправды властно расторгая,
„Словно солнце пламенной зарей,
„Засіяютъ истина святая
„И любовь надъ грѣшною землей.
„И тогда, въ день радости и мира,
„Осѣнятся знаменьемъ креста
„И воспрянутъ всѣ народы міра,
„Славя Господа Христа!“

К. Р.

Павловскъ.
22 августа 1887 г.

ВОСПОМИНАНІЯ О СИБИРИ[1]

II.

1849 г.: Встрѣча новаго года.—Монгольскій праздникъ „Цаганъ-Сара".—Путешествіе англичанина Остена по Забайкалью.—Смерть В. М. Муравьева.—Пріѣздъ М. С. Корсакова и командировка его на встрѣчу въ Охотскомъ морѣ транспорту „Байкалъ".—Письмо Л. А. Перовскаго отъ 25 января 1849 г.—Всеподд. докладъ мин. ин. дѣлъ объ обитателяхъ сѣверн. Сахалина и о мѣстностяхъ, прилегающихъ къ р. Амуру съ сѣвера. — Канцлеръ гр. Нессельроде о нашей границѣ съ Китаемъ.—Всеподд. рапортъ Муравьева отъ 25 февраля.—Приготовленія къ поѣздкѣ въ Камчатку.—Всеподд. рапортъ Муравьева отъ 15 мая.—Письма его къ министрамъ финансовъ и иностранныхъ дѣлъ.—Плаваніе по Ленѣ до Якутска.—Переходъ изъ Якутска въ Охотскъ.—Пребываніе въ Охотскѣ.—Переходъ на транспортѣ „Иртышъ" изъ Охотска въ Петропавловскій портъ.—Указаніе Муравьева гдѣ ставить батареи.—Встрѣча генералъ-губернатора съ преосвященнымъ Иннокентіемъ.—Обратное плаваніе и посѣщеніе острова Сахалина.—Приходъ въ портъ Аянъ.—Транспортъ „Байкалъ" входитъ въ тотъ же портъ и капитанъ Невельскій доноситъ о сдѣланныхъ имъ важныхъ открытіяхъ.—Возвращеніе въ Якутскъ.—Всеподд. донесеніе Муравьева, записки и рапортъ, посланные Муравьевымъ къ кн. А. С. Меншикову.—Пребываніе въ Якутскѣ.—Возвращеніе въ Иркутскъ.—Представленіе министру финансовъ о мѣрахъ для прекращенія тайнаго вывоза драгоцѣнныхъ металловъ въ Китай.

Не даромъ говорится, что первый шагъ всегда труденъ. Прошелъ 1848 годъ, представляющій первый шагъ въ нашей сибирской жизни,—рѣдкостно трудный по встрѣченному противодѣйствію и непріятный по той роли, которую пришлось поневолѣ играть Муравьеву и всѣмъ, дѣйствовавшимъ непосредственно отъ его имени и по его порученію; но вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣскій и многознаменательный годъ въ исторіи Сибири. Въ 1848 году было положено начало всѣмъ тѣмъ капитальнымъ вопросамъ, благопріятное разрѣшеніе которыхъ,

[1] См. Р. В. Апрѣль, 1888 г.

съ теченіемъ времени, было возможно только при той энергіи, съ которою Муравьевъ за нихъ взялся и которою онъ воодушевлялъ насъ къ перенесенію значительныхъ трудностей. Вступили мы въ новый годъ радостно и весело въ залѣ благороднаго собранія, съ бокалами шампанскаго въ рукахъ, при оживленныхъ обоюдныхъ поздравленіяхъ, подъ звуки музыки, съ криками „ура!“, когда дежурный старшина И. С. Персинъ провозгласилъ тостъ за здравіе генералъ-губернатора Муравьева, съ пожеланіемъ еще много лѣтъ сряду встрѣчать новый годъ при той же дружной обстановкѣ. Дѣйствительно къ концу 1848 года образовался около Муравьева дружный кружокъ, который онъ называлъ „нашъ“ кругъ; попасть въ него было не легко, многіе добивались этого, но безуспѣшно. Этотъ кружокъ заправлялъ всѣмъ Иркутскимъ обществомъ, держалъ камертонъ. Этому кружку въ угоду Муравьевъ встрѣтилъ новый годъ оффиціально въ благородномъ собраніи. Но такъ какъ въ провинціи, а въ особенности въ столицѣ генералъ-губернаторской, время тогда назначалось не по солнцу, а по желанію начальства, то оффиціальная полночь и встрѣча новаго года въ собраніи состоялись нѣсколько ранѣе дѣйствительности. Вслѣдъ за тостомъ Муравьевъ уѣхалъ вмѣстѣ съ Екатериною Николаевною, за ними последовали и мы, жившіе у него въ домѣ—адъютантъ Муравьевъ и я. Въ его незатѣйливомъ рабочемъ кабинетѣ произошла семейная встрѣча новаго года ровно въ полночь. Муравьевъ всегда встрѣчалъ новый годъ очень сосредоточенно, молча, не знаю, въ молитвѣ ли, но несомнѣнно погруженный въ серьезныя размышленія, которыя продолжались нѣсколько минутъ до полночи, съ вывѣренными часами передъ собою. Мнѣ казалось, что онъ тихо молился, и я имѣю основаніе это думать, потому что онъ всегда, чтò бы ни задумывалъ, чтò бы ни предпринималъ, прибавлялъ слова: „Богъ милостивъ“ или „коли Господь дозволитъ“. О своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и вообще о вопросахъ, касающихся сокровенной вѣры, онъ никогда не бесѣдовалъ, но богобоязненное настроеніе его подтверждается всѣми его письмами къ близкимъ ему лицамъ. Онъ не боялся заранѣе, за годъ

впередъ, составлять самыя смѣлыя предположенія и маршруты, исполняемые съ педантическою точностью и неотступною настойчивостью, но въ то же время онъ всегда искренно выражалъ, что эти планы осуществимы только „съ Божьею помощью“. Онъ глубоко вѣрилъ, что нѣтъ препятствій и затрудненій какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ, которыхъ онъ не преодолѣетъ, коли Господь дозволитъ. Въ этомъ упованіи онъ составилъ, почти за годъ, планъ и маршрутъ своего похода въ Камчатку, къ которому онъ и всѣ избранные имъ спутники начали готовиться съ начала 1849 года.

Въ началѣ января празднуется въ пограничномъ Китайскомъ городѣ Маймачинѣ съ большимъ весельемъ Монгольскій праздникъ „Цаганъ-Сара“, извѣстный между русскими, имѣющими дѣло на Кяхтѣ, подъ названіемъ „бѣлый мѣсяцъ“. Къ этому торжеству собирается въ Кяхту большинство Иркутскаго купечества—потому что съ этого праздника начинается ежегодный размѣнъ товаровъ—и кромѣ того другія постороннія торговлѣ лица, не связанныя службою и иными дѣлами въ Иркутскѣ. Во время бѣлаго мѣсяца въ Кяхтѣ бывало необыкновенное оживленіе, что-то въ родѣ нашей русской ярмарочной суеты, но только поскромнѣе. Главный интересъ состоялъ въ томъ сближеніи, которое въ это время происходило между жителями обоихъ пограничныхъ городовъ, Кяхты и Маймачина, зрѣлищѣ тѣмъ болѣе рѣдкомъ, что китайцы тогда еще не выѣзжали за предѣлы своего государства, Китайскихъ посольствъ еще не существовало, вообще Китай былъ еще всецѣло погруженъ въ ту замкнутость, изъ которой извлекли его только послѣдующія событія. Понятно, что англичанинъ Остенъ поспѣшилъ заявить генералъ-губернатору о своемъ желаніи съѣздить въ Кяхту на празднество „бѣлаго мѣсяца“, намѣреваясь воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы побывать на Гусиномъ озерѣ у Хамбы-Ламы и познакомиться съ забайкальскими старообрядцами Тарбагатайской и Мухоршибирской волостей, извѣстными своею зажиточностью. Недоброжелатели Россіи всегда разсчитываютъ на готовность старообрядцевъ возстать противъ правительства въ случаѣ ка-

кихъ-либо политическихъ замѣшательствъ. И какъ они въ этомъ ошибаются! Это только доказываетъ, какъ они мало знаютъ духъ раскола и суть его ученія. Остенъ былъ въ томъ же заблужденіи. Кромѣ того, при продолжительныхъ и постоянно повторявшихся бесѣдахъ моихъ съ нимъ и съ его женою о разнохарактерности сибирскаго населенія, у него можно было подмѣтить мысль, что забайкальскіе буряты-монголы вѣроятно тяготѣютъ къ Манчжурскимъ монголамъ въ силу общности языка, исповѣданія и вѣрованій, вращающихся около Далай-Ламы въ Тибетѣ, который слыветъ за олицетвореніе міросоздателя и божество. Остенъ видимо хотѣлъ удостовѣриться, въ какой степени его предположенія справедливы и въ какой мѣрѣ Русское правительство можетъ разсчитывать на преданность своихъ разнородныхъ подданныхъ, въ случаѣ столкновенія между Россіею и Китаемъ.

Отказать Остену въ предпринимаемомъ имъ объѣздѣ части Забайкалья Муравьеву показалось неудобнымъ, чтобы обнаруженіемъ подозрѣнія не дать Остену основаніе думать, что тутъ дѣйствительно что-нибудь неладное кроется. Съ другой стороны представлялось не совсѣмъ своевременнымъ предоставить ему полную свободу въ этомъ отношеніи. Дѣло устроилось весьма благопріятно. Такъ какъ и я радъ былъ нѣсколько поразвлечься и повеселиться на Маймачинскомъ праздникѣ, то я предложилъ Остену съ его супругою имъ сопутствовать въ этой поѣздкѣ. Муравьевъ былъ этимъ очень доволенъ, потому что онъ былъ увѣренъ, что Остенъ въ моемъ присутствіи стѣснится вступать съ китайцами, монголами, ламаитскими жрецами и представителями старообрядства въ такіе разговоры, которые, по современному положенію дѣлъ, могли бы быть поняты ими въ совершенно превратномъ смыслѣ. Кяхтинскіе купцы: маститый Николай Матвѣевичъ Игумновъ, Иванъ Яковлевичъ Куликовъ, Александръ Андріановичъ Кузнецовъ, всѣ коммиссіонеры и представители первыхъ московскихъ фирмъ наперерывъ усердствовали, чтобы доставить намъ случай видѣть все, что только можно было въ Маймачинѣ. Блистательный обѣдъ, вполнѣ Китайскій, состоящій изъ сотенъ различныхъ отврати-

тельныхъ блюдъ съ каракатицами, ласточкиными гнѣздами и разными червячками, въ фузѣ (магазинѣ) одной изъ лучшихъ Пекинскихъ фирмъ, Маю-ты, съ обильнымъ возліяніемъ шампанскаго, кромѣ непремѣннаго угощенья подогрѣтою рисовою водкою, завершилъ празднество у китайцевъ. Мнѣ съ трудомъ удалось привести своего англичанина домой въ Троицкосавскъ, такъ онъ разгулялся съ китайцами въ Маймачинѣ. Самъ хозяинъ фузы старикъ Маю-та въ обѣдѣ не участвовалъ; онъ съ важностью сидѣлъ въ сторонѣ на огромномъ креслѣ, покуривая трубку, которую держалъ правою рукою, и потирая лѣвою пару грецкихъ орѣховъ, которые онъ уже болѣе тридцати лѣтъ, для забавы, перебиралъ постоянно лѣвою рукою. При прощаніи онъ въ знакъ особаго расположенія подарилъ мнѣ эту пару грецкихъ орѣховъ, совершенно уже обтертыхъ отъ продолжительнаго перебиранія; эти орѣхи до сихъ поръ хранятся у меня. Изъ Троицкосавска была устроена въ горы небывалыхъ размѣровъ облава на дикихъ козъ. Собралось громадное общество верхами. Мадамъ Остенъ оказалась смѣлою наѣздницею. Верстахъ въ 12-ти отъ города насъ разставили по номерамъ линіи въ ожиданіи приближенія козъ, которыхъ выгоняли не менѣе 300 бурятъ-загонщиковъ, уже съ утра охватившихъ огромный кругъ лѣсистой мѣстности. Такъ какъ было довольно холодно, то мы сдѣлали только одинъ загонъ, застрѣлили нѣсколькихъ козъ и затѣмъ поспѣшили отправиться въ бурятское стойбище, гдѣ въ чистой, просторной войлочной юртѣ, вокругъ огня, горѣвшаго въ серединѣ юрты подъ котломъ, подвѣшаннымъ на треножникѣ, мы согрѣлись кипучимъ кирпичнымъ чаемъ на молокѣ съ саломъ и солью. Къ питью этому можно пристраститься, если войти во вкусъ. Я его пилъ съ величайшимъ удовольствіемъ, Остенъ стойко проглотилъ одно блюдцо, объясняя хозяину-буряту знаками, что его угощеніе ему очень нравится, мадамъ Остенъ отплевывалась. Предлагали намъ и цаганъ-аракэ, водку, приготовляемую бурятами изъ квашенаго молока. Вино это называется цаганъ-аракэ т. е. бѣлою водкою, потому что оно приготовляется изъ молока, въ различіе отъ кара-аракэ, черной

водки, приготовляемой русскими изъ ржаной муки, чернаго хлѣба. На другой день послѣ облавы, мы пустились въ путь по старообрядческимъ волостямъ. Остенъ былъ пораженъ ихъ зажиточностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ видимо удивленъ, что нигдѣ не слыхалъ ни слова, которое могло бы указать на раздраженіе или нерасположеніе къ правительству, какъ онъ ожидалъ. Напротивъ, вездѣ могъ онъ только убѣдиться въ искреннѣйшей преданности царю, отечеству, высшему правительству и мѣстнымъ его представителямъ; единственное неудовольствіе высказывалось по отношенію къ духовенству и къ чинамъ полиціи, поведеніе которыхъ не отличалось безупречностью въ дѣлахъ, касавшихся раскольниковъ, и это только благодаря тому направленію, которое давалъ этимъ дѣламъ преосвященный Нилъ. Муравьевъ смотрѣлъ на старообрядцевъ и раскольниковъ совершенно иными глазами, что́ и доказалъ впослѣдствіи. Проѣздомъ мы были и въ Петровскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ, который, разумѣется, показался англичанину крайне жалкимъ по сравненію съ этимъ производствомъ въ его отечествѣ. Посѣщеніе на Гусиномъ озерѣ у Хамбы-Ламы доставило Остену и его женѣ большое удовольствіе. Хамба-Лама, поражавшій всѣхъ своею наружностью, необыкновенно широкою, какъ говорится, косая сажень въ плечахъ, трехъ аршинъ росту, по тучности не передвигавшійся съ мѣста на мѣсто безъ посторонней помощи, что́ считалось у ламаитовъ особымъ благословеніемъ свыше, принялъ насъ чрезвычайно привѣтливо, не вставая со своего сѣдалища. Насъ угостили чаемъ и сухими китайскими фруктами, послѣ чего Хамба-Лама предложилъ намъ присутствовать при торжественномъ богослуженіи, которое онъ собирался совершить въ своемъ большомъ дацанѣ съ участіемъ большаго числа ламаитскаго духовенства. Духовенства собралось человѣкъ 150, всѣ въ желтомъ облаченіи, снабженные музыкальными инструментами всевозможныхъ родовъ и размѣровъ (двѣ трубы были не меньше 2-хъ саженей длины, въ нижней оконечности болѣе полуаршина въ діаметрѣ). Когда все это усѣлось по мѣстамъ, Хамба-Лама вошелъ въ дацанъ, поддерживаемый двумя

прислужниками и въ сопровожденіи своей матери, согбенной старушки меньше маленькаго роста, которая пользовалась особымъ почетомъ. Хамба-Лама усѣлся на свое первенствующее мѣсто и возлѣ него, нѣсколько позади, его мать. Послѣ этого началась ужасающая музыка изъ сотенъ инструментовъ, барабановъ, бубенъ, трубъ, флейтъ, свистковъ, безъ всякой гармоніи, словомъ что-то неописуемое и невообразимое, чего съ нашими нервами нельзя выдержать. Хамба-Лама видѣлъ, что эта, по его понятіямъ, прелестная, а по нашимъ, убійственная музыка, производитъ на насъ потрясающее впечатлѣніе и остался этимъ очень доволенъ, полагая, вѣроятно, что впечатлѣніе не можетъ быть иное, какъ пріятное. Когда все кончилось, мы рады были выбраться изъ этого ада музыки и пошли опять къ Хамбѣ-Ламѣ на домъ. Угощая насъ чаемъ и фруктами, онъ преподнесъ намъ, по восточному обычаю, подарки: Остену, которому я какъ гостю далъ предпочтеніе, старинную монгольскую кольчугу, а мнѣ деревянную чашку, такъ какъ я отъ подарка такой рѣдкости, какую онъ вручилъ Остену, отказался. Но чашка эта имѣла въ его глазахъ еще большую цѣну, служа выраженіемъ глубокаго его уваженія ко мнѣ, потому что онъ много лѣтъ сряду только одинъ пилъ изъ нея чай; она и теперь у меня хранится. И здѣсь Остену не удалось подмѣтить ничего того, что ожидалъ, наоборотъ, онъ вынесъ убѣжденіе, что ламаиты Манчжуріи и сѣвернаго Тибета скорѣе тяготѣютъ къ Россіи, чѣмъ къ Китаю. Въ началѣ февраля мы вернулись въ Иркутскъ.

Для поѣздки въ Камчатку были предназначены адъютантъ В. М. Муравьевъ, докторъ Ю. И. Штубендорфъ въ качествѣ натуралиста и медика, при немъ лаборантъ Фурманъ, сопутствовавшій въ 1843 году академику Миддендорфу во время его путешествія на сѣверъ Сибири, корпуса топографовъ поручикъ В. В. Вагановъ съ топографомъ Литвиновымъ, для астрономическихъ наблюденій и глазомѣрныхъ съемокъ и я, въ качествѣ управляющаго путевою канцеляріею и завѣдующаго хозяйственною и полицейскою частью экспедиціи. Но раньше чѣмъ намъ отправиться въ этотъ многотрудный

путь, Господу Богу угодно было подвергнуть насъ тяжкому испытанію. Еще съ осени 1848 г. В. М. Муравьевъ сталъ прихварывать. Вслѣдствіе хронической перемежающейся лихорадки, обнаружилось общее разслабленіе организма, которое въ свою очередь преимущественно отозвалось на дѣятельности мозга, раньше вѣроятно уже пораженнаго контузіею, полученною на Кавказѣ. 13-го апрѣля, искренно любимый и уважаемый всѣми, знавшими его, Василій Михайловичъ, скончался въ страшныхъ конвульсіяхъ. Эта потеря произвела на меня такое ужасное впечатлѣніе, что боялись за мой разсудокъ. Муравьевъ поспѣшилъ немедленно отправить меня опять въ бурятскую степь на слѣдствіе, чтобы удалить меня изъ той квартиры, гдѣ я жилъ вмѣстѣ съ В. М. и гдѣ онъ умеръ на моихъ рукахъ, и чтобы отвлечь меня отъ грустныхъ размышленій, которымъ я предавался. Мои страданія были двойныя: привязавшись на чужбинѣ со всею пылкостью юной души къ молодому товарищу, я страдалъ за себя; страдалъ я и за Николая Николаевича, глядя, какъ онъ горевалъ. Но Господь безмѣрно милостивъ. Онъ щедро наградилъ насъ за смиренно перенесенныя страданія. За нѣсколько дней до смерти В. М. Муравьева пріѣхалъ въ Иркутскъ назначенный состоять для особыхъ порученій при командующемъ войсками, въ Восточной Сибири расположенными, штабсъ-капитанъ Михаилъ Семеновичъ Карсаковъ, двоюродный братъ Муравьева. Въ лицѣ его Богъ послалъ Муравьеву неизмѣнно вѣрнаго друга и неутомимаго и честнаго сотрудника, а мнѣ нелицемѣрнаго товарища. Установившіяся впослѣдствіи отношенія между нами не смѣю я назвать дружбою, а нелицепріятною, основанною на обоюдномъ искреннемъ уваженіи, преданностью, на которую во всякое время можно разсчитывать.

Вмѣстѣ съ пріѣздомъ въ Иркутскъ М. С. Карсакова, Муравьевъ получилъ изъ Петербурга отъ кн. А. С. Меншикова Высочайше утвержденную инструкцію командиру военнаго транспорта „Байкалъ“ Невельскому, которою повелѣвалось ему изъ Петропавловска идти въ Амурскій лиманъ для изслѣдованія устья этой рѣки. Эту инструкцію нужно было во

что бы то ни стало доставить Невельскому через Якутскъ и Охотскъ или до выхода его въ море изъ Петропавловска, что по разсчету должно было совершиться до 1 іюня, или къ сѣверной оконечности Сахалина, откуда предполагалось транспорту „Байкалу“ войти въ лиманъ Амурскій. Только-что пріѣхавшій изъ Петербурга и еще не успѣвшій отдохнуть послѣ шеститысячеверстнаго пути, 22-хъ-лѣтній Карсаковъ былъ назначенъ Муравьевымъ для исполненія этого труднаго порученія. Льды задержали Карсакова въ Охотскѣ до іюня, такъ что о встрѣчѣ съ Невельскимъ въ Петропавловскомъ портѣ уже и рѣчи не могло быть. 7-го іюня на ботѣ „Кадьякъ“ Карсаковъ снялся съ якоря и вышелъ въ море, рѣшившись крейсировать по сѣверно-западной сторонѣ Сахалина, съ цѣлью непремѣнно тамъ встрѣтиться съ Невельскимъ. Но и это не удалось, они разминовались, и Карсаковъ, потерявъ надежду встрѣтить Невельскаго, вошелъ 5 августа въ портъ Аянъ, гдѣ и остался въ ожиданіи прибытія туда генералъ-губернатора уже на обратномъ пути изъ Петропавловскаго порта.

Серьезныя размышленія Муравьева при встрѣчѣ новаго года, которую я выше описалъ, были отчасти вызваны долгимъ неполученіемъ имъ отвѣтовъ на нѣсколько писемъ, посланныхъ въ концѣ 1848 года Л. А. Перовскому, въ особенности на письмо отъ 14 сентября, въ которомъ онъ, съ приложеніемъ особаго листка, говорилъ о необходимости и возможности занятія нами лѣваго берега Амура и части острова Сахалина, въ видахъ предупрежденія занятія этихъ частей какою-либо постороннею державою (онъ тутъ разумѣлъ, понятно, только англичанъ). Это продолжительное молчаніе со стороны лица, которое, какъ онъ глубоко вѣрилъ, искренно сочувствовало и энергично содѣйствовало, при всѣхъ случаяхъ, благопріятному разрѣшенію вопроса о р. Амурѣ, серьезно тревожило Муравьева; онъ находился въ полномъ недоумѣніи, и это за шесть тысячъ верстъ отъ столицы, когда еще помину не было ни о желѣзнодорожномъ и пароходномъ, ни о телеграфномъ сообщеніи. Муравьевъ боялся, что ему даже будетъ запрещена

путь, Господу Богу угодно было подвергнуть насъ тяжкому испытанію. Еще съ осени 1848 г. В. М. Муравьевъ сталъ прихварывать. Вслѣдствіе хронической перемежающейся лихорадки, обнаружилось общее разслабленіе организма, которое въ свою очередь преимущественно отозвалось на дѣятельности мозга, раньше вѣроятно уже пораженнаго контузіею, полученною на Кавказѣ. 13-го апрѣля, искренно любимый и уважаемый всѣми, знавшими его, Василій Михайловичъ, скончался въ страшныхъ конвульсіяхъ. Эта потеря произвела на меня такое ужасное впечатлѣніе, что боялись за мой разсудокъ. Муравьевъ поспѣшилъ немедленно отправить меня опять въ бурятскую степь на слѣдствіе, чтобы удалить меня изъ той квартиры, гдѣ я жилъ вмѣстѣ съ В. М. и гдѣ онъ умеръ на моихъ рукахъ, и чтобы отвлечь меня отъ грустныхъ размышленій, которымъ я предавался. Мои страданія были двойныя: привязавшись на чужбинѣ со всею пылкостью юной души къ молодому товарищу, я страдалъ за себя; страдалъ я и за Николая Николаевича, глядя, какъ онъ горевалъ. Но Господь безмѣрно милостивъ. Онъ щедро наградилъ насъ за смиренно перенесенныя страданія. За нѣсколько дней до смерти В. М. Муравьева пріѣхалъ въ Иркутскъ назначенный состоять для особыхъ порученій при командующемъ войсками, въ Восточной Сибири расположенными, штабсъ-капитанъ Михаилъ Семеновичъ Карсаковъ, двоюродный братъ Муравьева. Въ лицѣ его Богъ послалъ Муравьеву неизмѣнно вѣрнаго друга и неутомимаго и честнаго сотрудника, а мнѣ нелицемѣрнаго товарища. Установившіяся впослѣдствіи отношенія между нами не смѣю я назвать дружбою, а нелицепріятною, основанною на обоюдномъ искреннемъ уваженіи, преданностью, на которую во всякое время можно разсчитывать.

Вмѣстѣ съ пріѣздомъ въ Иркутскъ М. С. Карсакова, Муравьевъ получилъ изъ Петербурга отъ кн. А. С. Меншикова Высочайше утвержденную инструкцію командиру военнаго транспорта „Байкалъ“ Невельскому, которою повелѣвалось ему изъ Петропавловска идти въ Амурскій лиманъ для изслѣдованія устья этой рѣки. Эту инструкцію нужно было во

что̀ бы то ни стало доставить Невельскому через Якутскъ и Охотскъ или до выхода его въ море изъ Петропавловска, что̀ по разсчету должно было совершиться до 1 іюня, или къ сѣверной оконечности Сахалина, откуда предполагалось транспорту „Байкалу“ войти въ лиманъ Амурскій. Только-что пріѣхавшій изъ Петербурга и еще не успѣвшій отдохнуть послѣ шеститысячеверстнаго пути, 22-хъ-лѣтній Карсаковъ былъ назначенъ Муравьевымъ для исполненія этого труднаго порученія. Льды задержали Карсакова въ Охотскѣ до іюня, такъ что о встрѣчѣ съ Невельскимъ въ Петропавловскомъ портѣ уже и рѣчи не могло быть. 7-го іюня на ботѣ „Кадьякъ“ Карсаковъ снялся съ якоря и вышелъ въ море, рѣшившись крейсировать по сѣверно-западной сторонѣ Сахалина, съ цѣлью непремѣнно тамъ встрѣтиться съ Невельскимъ. Но и это не удалось, они разминовались, и Карсаковъ, потерявъ надежду встрѣтить Невельскаго, вошелъ 5 августа въ портъ Аянъ, гдѣ и остался въ ожиданіи прибытія туда генералъ-губернатора уже на обратномъ пути изъ Петропавловскаго порта.

Серьезныя размышленія Муравьева при встрѣчѣ новаго года, которую я выше описалъ, были отчасти вызваны долгимъ неполученіемъ имъ отвѣтовъ на нѣсколько писемъ, посланныхъ въ концѣ 1848 года Л. А. Перовскому, въ особенности на письмо отъ 14 сентября, въ которомъ онъ, съ приложеніемъ особаго листка, говорилъ о необходимости и возможности занятія нами лѣваго берега Амура и части острова Сахалина, въ видахъ предупрежденія занятія этихъ частей какою-либо постороннею державою (онъ тутъ разумѣлъ, понятно, только англичанъ). Это продолжительное молчаніе со стороны лица, которое, какъ онъ глубоко вѣрилъ, искренно сочувствовало и энергично содѣйствовало, при всѣхъ случаяхъ, благопріятному разрѣшенію вопроса о р. Амурѣ, серьезно тревожило Муравьева; онъ находился въ полномъ недоумѣніи, и это за шесть тысячъ верстъ отъ столицы, когда еще помину не было ни о желѣзнодорожномъ и пароходномъ, ни о телеграфномъ сообщеніи. Муравьевъ боялся, что ему даже будетъ запрещена

поѣздка въ Камчатку, онъ только надѣялся на Государя, который давно уже смотрѣлъ на Камчатку не Петербургскими глазами. 6 марта Николай Николаевичъ былъ обрадованъ длиннымъ письмомъ отъ Л. А. Перовскаго, отъ 25 января 1849 г. съ приложеніями, свидѣтельствовавшими, какъ Перовскій хлопоталъ въ Петербургѣ и у Государя. Продолжительность молчанія объяснилась болѣзнью Перовскаго. „Около трехъ мѣсяцевъ я не выходилъ изъ комнаты,— „писалъ Перовскій,—а какъ содержаніе письма вашего отъ „14 сентября необходимо требовало, чтобы я доложилъ о „немъ лично, то прежде совершеннаго моего выздоровленія „я не могъ дать этому дѣлу надлежащаго хода; при первомъ „же свиданіи съ Государемъ, я прочиталъ Его Величеству „тотъ листокъ, который былъ приложенъ къ вашему письму, „однако жъ объ отзывѣ Государя нельзя мнѣ было тогда же „сообщить вашему превосходительству, потому, что я обязанъ былъ, по важности предмета, прежде отправленія „моего письма къ вамъ, проектъ онаго представить предварительно на Высочайшее усмотрѣніе. На моей докладной „запискѣ Государь Императоръ изволилъ собственноручно „отмѣтить: „не вижу препятствія отправить это письмо, но „какъ предметъ близко касается гр. Нессельроде, то снестись „предварительно съ нимъ“. Вслѣдствіе сего я вошелъ въ „сношеніе съ канцлеромъ, которому сообщилъ выписку изъ „вашего письма, т. е. все то, что относилось до Гиля, „Остена и опасеній вашихъ на счетъ рѣшительныхъ дѣйствій со стороны англичанъ, касательно плаванія по Амуру „и поселенія на Сахалинѣ. Само собою разумѣется, что „наши переговоры не привели ни къ какому рѣшительному „результату; послѣдствіемъ ихъ былъ однако жъ докладъ, „съ котораго копію прилагаю. Изъ этой бумаги вы увидите, „до какой степени мы здѣсь осторожны. Какъ вы ошибаетесь, милостивый государь Николай Николаевичъ, если „полагаете, что всякое представленіе, потому только, что „оно сдѣлано добросовѣстно и согласно съ общественною „пользою, должно непремѣнно и неотлагательно быть принято. Поживите и послужите, и тогда убѣдитесь, что не-

„рѣдко самое полезное нельзя привести въ дѣйствіе безъ „большихъ усилій и борьбы, и, чтобы въ томъ успѣть, „иногда надобно интриговать точно также, какъ иные это „дѣлаютъ для личныхъ своихъ выгодъ. Чѣмъ выше постъ, „который мы занимаемъ, тѣмъ чаще встрѣчаемъ на поприщѣ „нашемъ препятствія и тѣмъ болѣе должны мы быть вооружены твердостью, чтобы не упасть духомъ".

Хотя академикъ Миддендорфъ, путешествовавшій въ мѣстностяхъ при-амурскихъ и говорилъ, что обитающіе тамъ гиляки считаютъ себя народомъ независимымъ и притомъ полными владѣльцами занимаемыхъ ими земель и что они соглашаются за нѣсколько пудовъ табаку уступить часть земли для поселенія тамъ русскихъ, о чемъ было доведено до Высочайшаго свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе министерство иностранныхъ дѣлъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю, о которомъ упоминаетъ Л. А. Перовскій въ своемъ письмѣ отъ 25-го января, во-первыхъ, доказывало, что обитатели сѣверной части острова Сахалина платятъ дань китайскому правительству и вообще признаютъ себя подданными Китая [1]), что китайцы считаютъ и *весь лѣвый берегъ Амура, на весьма далекое протяженіе къ сѣверу*, своимъ достояніемъ, и что, слѣдственно, всякія покушенія къ овладѣнію сими мѣстами неминуемо встревожатъ китайское правительство и могутъ вызвать столкновеніе съ нимъ, а во-вторыхъ, заявило, что появленіе англійскихъ пароходовъ у острова Сахалина и занятіе англичанами сего острова представляется *пока* дѣломъ довольно сомнительнымъ.

Все это было сдѣлано, чтобы, съ одной стороны, возбудить въ Государѣ недовѣріе къ донесеніямъ и письмамъ Муравьева, съ другой—изъ опасенія вызвать неудовольствіе англичанъ. Еще до полученія этого письма Муравьевъ отъ 13-го января обратился къ Перовскому съ просьбою снабдить его наставленіями о мѣрахъ, какія слѣдуетъ при-

[1]) Это было положительно невѣрно, какъ доказалъ капитанъ Невельскій и какъ я имѣлъ случай лично убѣдиться въ бытность мою на Сахалинѣ въ августѣ 1849 г.

нять, чтобы воспрепятствовать англичанину Остену отправиться по рѣкѣ Амуру. Весьма благоразумно и осторожно Муравьевъ желалъ заблаговременно быть снабженнымъ наставленіями изъ Петербурга, какъ поступить въ данномъ случаѣ, но я могу завѣрить, что еслибы онъ этихъ наставленій не получилъ или они оказались бы несоотвѣтствующими цѣли, а Остенъ сталъ бы настаивать на своемъ намѣреніи плыть по Амуру, то въ умѣ Муравьева заранѣе уже было рѣшено сыграть съ Остеномъ такую штуку, что тотъ вмѣсто того чтобы ѣхать на востокъ, поворотилъ бы оглобли на западъ. Муравьевъ высказывалъ намъ это не разъ словами, разумѣется, для насъ только понятными. Письмо отъ 13-го января Перовскій довелъ до Высочайшаго свѣдѣнія, но такъ какъ отзывъ Его Величества казался ему не довольно положительнымъ, то, дабы отклонить всякую отвѣтственность относительно объясненій, которыя Муравьевъ долженъ былъ имѣть съ Остеномъ и которыя онъ непремѣнно сообщитъ англійскому правительству, Перовскій просилъ канцлера гр. Нессельроде начертать письменно мысли его по этому предмету. Подлинную записку графа Нессельроде, удостоенную Высочайшаго одобренія, Перовскій препроводилъ къ Муравьеву при письмѣ отъ 28-го февраля 1849 г., съ добавленіемъ: „если Остенъ не знаетъ настоя-„щей нашей границы съ Китаемъ, которая, впрочемъ, едва „ли намъ самимъ извѣстна, то, кажется, нѣтъ надобности „сообщать Остену, какъ сказано въ запискѣ гр. Нессель-„роде, что Шилка составляетъ пограничную черту съ Ки-„таемъ“.

Для полнаго уразумѣнія, какъ министерство иностранныхъ дѣлъ отнеслось къ вопросу амурскому, воспроизвожу всецѣло записку гр. Нессельроде: „англичанина Остена „слѣдуетъ рѣшительно отклонить отъ изъявленнаго имъ на-„мѣренія спуститься по Шилкѣ и плыть по Амуру. Пред-„логъ къ недопущенію его исполнить сіе намѣреніе можетъ „быть тотъ, что плаваніе иностранца по *Шилкѣ, которая „есть пограничная наша рѣка съ Китаемъ*, можетъ подать по-„водъ къ разнымъ въ тѣхъ мѣстахъ толкамъ, которые не-

„минуемо дойдутъ и до китайцевъ и, по подозрительности „ихъ правительства, могутъ имѣть непріятное на оное влія„ніе. Между тѣмъ какъ, по связямъ нашимъ съ китайцами, „желательно избѣгать малѣйшихъ даже непріятныхъ съ ними „столкновеній, какъ съ добрыми сосѣдями, которые и съ „ихъ стороны не подаютъ никакихъ намъ причинъ къ не„удовольствію. Плаваніе же по Амуру рѣшительно можетъ „ихъ встревожить, и мы отъ этого строго воспрещаемъ даже „нашимъ подданнымъ плавать по сей рѣкѣ".

Ясно, что въ словахъ „*Шилка, которая есть пограничная наша рѣка съ Китаемъ*", объявляемыхъ Англичанину Остену генералъ-губернаторомъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ и еще съ Высочайшаго одобренія, лежала ловушка для Муравьева, чтобы связать ему руки на будущее время, какъ мы увидимъ изъ послѣдующихъ событій и изслѣдованій, доказавшихъ, что не Шилка пограничная наша рѣка съ съ Китаемъ, а Амуръ!

Разумѣется, что Муравьевъ, отправляясь въ Камчатку, передалъ заступавшему его мѣсто Владиміру Николаевичу Зарину къ исполненію только первую фразу Высочайше одобренной записки гр. Нессельроде, а именно, что слѣдуетъ *рѣшительно* отклонить Остена отъ изъявленнаго имъ намѣренія спуститься по Шилкѣ и плыть по Амуру, — и больше ничего. Слово „рѣшительно" онъ усилилъ еще *своими* устными наставленіями, не оставлявшими никакого сомнѣнія, что Остену ни въ какомъ случаѣ не удастся исполнить свое намѣреніе.

Не дождавшись отвѣтовъ на свои письма отъ 14 сентября 1848 года и отъ 13 января 1849 года, Муравьевъ, намѣреваясь въ первыхъ числахъ мая выѣхать изъ Иркутска для путешествія въ Камчатку и желая до отъѣзда получить отъ Государя тѣ повелѣнія, которыя, можетъ быть, Его Величеству благоугодно будетъ дать ему по случаю отправленія его для обозрѣнія Якутской области, Охотска и Камчатки, рѣшился 25 февраля послать всеподданнѣйшій рапортъ и при немъ особую докладную записку, которыми снова обращалъ вниманіе Государя на положеніе золотопромышленности

и Кяхтинской торговли, на вѣроятность совершеннаго ея упадка отъ соперничества Англичанъ и на неразлучныя съ этимъ послѣдствія. При этомъ возникало предположеніе, что эти иностранцы займутъ устье Амура, поставятъ тамъ свою крѣпость и пароходы ихъ пойдутъ по Амуру до Нерчинска и даже до Читы. Однимъ изъ такихъ послѣдствій представлялось опасеніе, что Сибирь можетъ отложиться отъ Россіи. „Не разъ случалось мнѣ слышать въ Петербургѣ опасеніе—писалъ Муравьевъ въ своей всеподданнѣйшей докладной запискѣ—что Сибирь рано или поздно можетъ отложиться отъ Россіи, но прежде прибытія моего сюда я „считалъ это опасеніе не основательнымъ, не умѣя себѣ „объяснить, отъ какого бы источника опасность эта могла „проистекать; здѣсь, Государь, я убѣдился, что опасеніе „это весьма естественно и отъ такихъ причинъ, которыя „совершенно чужды соображеніямъ столичнымъ. Я нашелъ „здѣсь весь народъ подъ вліяніемъ и въ рукахъ, такъ-сказать, богатыхъ торговцевъ, промышленниковъ и откупщиковъ и всѣхъ чиновниковъ правительственныхъ, почти безъ „исключенія, на содержаніи и въ услугахъ тѣхъ же богатыхъ людей. Я строго и твердо принялся дѣйствовать противъ этого направленія, ни законами, ни совѣстью не оправдываемаго, сначала одинъ, потомъ съ помощью нѣсколькихъ сотрудниковъ, прибывшихъ сюда за мною на службу, „но всѣ усилія наши, можетъ быть и не совсѣмъ безуспѣшныя, возбудили однако жъ опасную для насъ борьбу съ „золотомъ, опасную не внутри края, гдѣ твердость моя „внушаетъ страхъ и уваженіе самому золоту, а въ столицѣ, „гдѣ рѣдкій департаментъ не вооруженъ противъ настоящаго управленія Восточной Сибири. Я осмѣлился сказать „это только для того, чтобъ доказать, сколь слаба надежда „уничтожить вліяніе богатаго промышленнаго и торговаго „класса на все народонаселеніе и что въ тѣхъ же видахъ я „опасаюсь сосредоточенія богатствъ въ немногихъ рукахъ „при настоящемъ учрежденіи о золотопромышленности; богатый же классъ этотъ и болѣе образованный по происхожденію своему и по отдаленности отъ центра имперіи,

„вовсе не имѣетъ чувствъ той преданности къ Государю „и отечеству, которыя внутри имперіи всасываются съ мо„локомъ,—онъ ко всему равнодушенъ, кромѣ своихъ вы„годъ и, за немногими только исключеніями, нѣтъ почти и „надежды возбудить въ нихъ тѣ высокія чувства, которыми „гордится и славится всякій русскій; а между тѣмъ они не „только не лишены свойственнаго русскимъ смысла и пред„пріимчивости, но и превосходятъ въ этомъ жителей внут„ренних губерній, что весьма естественно по самому роду „ихъ занятій для полученія своихъ выгодъ на здѣшнихъ „огромныхъ и дикихъ пространствахъ. Этотъ смыслъ и эта „предпріимчивость указываетъ имъ ясно, что настоящій ис„токъ Сибирскихъ произведеній, что все будущее благоден„ствіе Восточной Сибири заключается въ вѣрномъ и удоб„номъ сообщеніи съ Восточнымъ океаномъ и что Кяхта „рано или поздно потеряетъ для нихъ свое значеніе по со„перничеству англичанъ и что всякій другой промыселъ „ничтоженъ и не можетъ принять желаемыхъ размѣровъ „безъ плаванія по Амуру. И вотъ въ послѣдніе годы, а „особенно въ прошломъ, возникло не безосновательное пред„положеніе, что англичане займутъ устье Амура. Наружно, „многіе изъ нихъ изъявляютъ въ этомъ свои опасенія и сожа„лѣніе, внутренно имъ все равно, кто бы ни открылъ Амуръ— „но какихъ тогда потребуется силъ и средствъ отъ правитель„ства, чтобы Восточная Сибирь не сдѣлалась англійскою, „когда въ устьѣ Амура станетъ англійская крѣпость и „англійскіе пароходы пойдутъ по Амуру до Нерчинска и „даже до Читы? Что безъ устья Амура англичане не до„вершатъ своего предпріятія на Китай,—это естественно, „ибо съ правой стороны впадаютъ въ Амуръ большія су„доходныя рѣки, протекающія до тысячи верстъ по насе„леннымъ сѣверо-восточнымъ Китайскимъ провинціямъ;— „что восточная оконечность Сибири въ послѣдніе годы за„нимаетъ англичанъ,—это несомнѣнно. Еслибы вмѣсто „англійской крѣпости стала въ устьѣ Амура русская крѣ„пость, равно какъ и въ Петропавловскомъ портѣ въ Кам„чаткѣ и между ними ходила флотилія, а для вящей пред-

„осторожности, чтобъ въ крѣпостяхъ этихъ и на флотиліи „гарнизоны, экипажъ и начальство доставляемы были изъ „внутри Россіи, то этими небольшими средствами, на вѣч„ныя времена было бы обезпечено для Россіи владѣніе Си„бирью и всѣми неисчерпаемыми ея богатствами и особенно „золотомъ, которое сдѣлалось уже для нея необходимостью „и котораго еще богатѣйшіе источники обѣщаетъ весь лѣ„вый берегъ Амура, по самымъ вѣрнымъ признакамъ лично, „мною въ прошломъ году въ Нерчинскомъ округѣ и по „пограничной р. Горбицѣ видѣннымъ“.

Представляя Государю эту картину, Муравьевъ, понятно, самъ не допускалъ и мысли о возможности отложенія Сибири когда-либо отъ Россіи, но имѣлъ цѣлью во-первыхъ объяснить, изъ какихъ соображеній и сопоставленій естественно могла возникнуть въ извѣстномъ кругѣ эта идея, которую, сколько мнѣ помнится, раздѣлялъ и генералъ-губернаторъ Западной Сибири князь П. Д. Горчаковъ, а во-вторыхъ онъ хотѣлъ, такъ сказать, осязательно изобразить необходимость безотлагательнаго занятія устьевъ Амура въ подкрѣпленіе всѣхъ, предпринимаемыхъ имъ для этого, подготовительныхъ мѣръ.

Къ пасхѣ 1849 г., во-очію, сказалась интрига, которая велась въ Петербургѣ около Царя противъ Муравьева. Министръ Перовскій въ началѣ марта въ разговорѣ съ Государемъ упомянулъ вскользь о награжденіи Муравьева. Его Величество изволилъ отозваться, что онъ предполагаетъ произвести Муравьева къ Святой недѣлѣ въ генералъ-лейтенанты, о чемъ тогда же отдалъ приказаніе военному министру; 3-го апрѣля вышелъ Высочайшій приказъ о наградахъ къ пасхѣ. Имени Муравьева тамъ не было. Перовскій немедленно обратился къ графу В. Ѳ. Адлербергу за разъясненіемъ этого обстоятельства. Изъ отвѣта Адлерберга видно, что нельзя было толку добиться, кто виноватъ, кто забылъ, кто ошибся,—кончилось тѣмъ, что 12-го апрѣля, post festum, явился особый Высочайшій приказъ о производствѣ Муравьева въ генералъ-лейтенанты, со старшинствомъ съ 3-го апрѣля, но безъ утвержденія его въ должности генералъ-губернатора, какъ это обыкновенно

одится въ этихъ случаяхъ. Перовскій былъ возмущенъ, но е счелъ однако возможнымъ тотчасъ же еще разъ поднять ыль. Только 6-го декабря, послѣ Венгерскаго похода и по озвращеніи Муравьева изъ Камчатки, Муравьевъ былъ утвержденъ въ должности. По этому поводу Муравьевъ, тотасъ же писалъ: „мнѣ *лично* наградъ не нужно, я служу по убѣжденію, съ сознаніемъ долга Царю и отечеству, мнѣ ужны награды для поддержанія моего авторитета въ краѣ, акъ знакъ довѣрія ко мнѣ съ высоты престола“. Эту идею нъ проводилъ въ теченіе своей долголѣтней дѣятельности. Между тѣмъ говорили, что Муравьевъ былъ въ высшей степени честолюбивъ. Это положительно невѣрно!

Тяжело мнѣ жилось послѣ смерти моего дорогаго сослуживца В. М. Муравьева, въ которомъ я потерялъ истинаго друга, хотя тогда еще не смѣлъ его такъ называть. Его предсмертныя конвульсіи произвели на меня такое удруающее впечатлѣніе, что я ни одной ночи спокойно не проводилъ, мнѣ постоянно мерещились его судороги и мнѣ казалось, что меня непремѣнно постигнетъ та же участь—такъ ильно была поражена моя нервная система. Хотя пребываніе мое въ теченіе всего апрѣля въ бурятскихъ улуахъ, въ трудѣ и въ переѣздахъ изъ одного мѣста ъ другое, повліяло успокоительно на мою въ сущости крѣпкую натуру, но долго я еще подвергался этимъ аллюцинаціямъ. Только приготовленія къ Камчатскому походу и трудности этого путешествія съ непрерывно мѣнявшимися новыми впечатлѣніями возвратили мнѣ мое прежее здоровье. Въ концѣ апрѣля я возвратился въ Иркутскъ. Приготовленія къ путешествію въ Камчатку были въ полномъ разгарѣ. Особенная заботливость была посвящена сооруженію походнаго погребца, такъ какъ онъ долженъ былъ состоять изъ двухъ только ящиковъ, размѣра такъ называемыхъ вьючныхъ, то-есть 7 верш. ширины, 10 вершк. вышины и 14 вершк. длины, вѣсомъ съ поклажею по 2½ пуда каждый, а въ нихъ должны были помѣститься самоваръ, вся кухонная, чайная и столовая посуда для семи человѣкъ т. е. для генералъ-губернатора со

„осторожности, чтобъ въ крѣпостяхъ этихъ и на флотиліи „гарнизоны, экипажъ и начальство доставляемы были изъ-„внутри Россіи, то этими небольшими средствами, на вѣч-„ныя времена было бы обезпечено для Россіи владѣніе Си-„бирью и всѣми неисчерпаемыми ея богатствами и особенно „золотомъ, которое сдѣлалось уже для нея необходимостью „и котораго еще богатѣйшіе источники обѣщаетъ весь лѣ-„вый берегъ Амура, по самымъ вѣрнымъ признакамъ лично, „мною въ прошломъ году въ Нерчинскомъ округѣ и по „пограничной р. Горбицѣ видѣннымъ“.

Представляя Государю эту картину, Муравьевъ, понятно, самъ не допускалъ и мысли о возможности отложенія Сибири когда-либо отъ Россіи, но имѣлъ цѣлью во-первыхъ объяснить, изъ какихъ соображеній и сопоставленій естественно могла возникнуть въ извѣстномъ кругѣ эта идея, которую, сколько мнѣ помнится, раздѣлялъ и генералъ-губернаторъ Западной Сибири князь П. Д. Горчаковъ, а во-вторыхъ онъ хотѣлъ, такъ сказать, осязательно изобразить необходимость безотлагательнаго занятія устьевъ Амура въ подкрѣпленіе всѣхъ, предпринимаемыхъ имъ для этого, подготовительныхъ мѣръ.

Къ пасхѣ 1849 г., во-очію, сказалась интрига, которая велась въ Петербургѣ около Царя противъ Муравьева. Министръ Перовскій въ началѣ марта въ разговорѣ съ Государемъ упомянулъ вскользь о награжденіи Муравьева. Его Величество изволилъ отозваться, что онъ предполагаетъ произвести Муравьева къ Святой недѣлѣ въ генералъ-лейтенанты, о чемъ тогда же отдалъ приказаніе военному министру; 3-го апрѣля вышелъ Высочайшій приказъ о наградахъ къ пасхѣ. Имени Муравьева тамъ не было. Перовскій немедленно обратился къ графу В. Ѳ. Адлербергу за разъясненіемъ этого обстоятельства. Изъ отвѣта Адлерберга видно, что нельзя было толку добиться, кто виноватъ, кто забылъ, кто ошибся,—кончилось тѣмъ, что 12-го апрѣля, post festum, явился особый Высочайшій приказъ о производствѣ Муравьева въ генералъ-лейтенанты, со старшинствомъ съ 3-го апрѣля, но безъ утвержденія его въ должности генералъ-губернатора, какъ это обыкновенно

водится въ этихъ случаяхъ. Перовскій былъ возмущенъ, но не счелъ однако возможнымъ тотчасъ же еще разъ поднять пыль. Только 6-го декабря, послѣ Венгерскаго похода и по возвращеніи Муравьева изъ Камчатки, Муравьевъ былъ утвержденъ въ должности. По этому поводу Муравьевъ, тотчасъ же писалъ: „мнѣ *лично* наградъ не нужно, я служу по убѣжденію, съ сознаніемъ долга Царю и отечеству, мнѣ нужны награды для поддержанія моего авторитета въ краѣ, какъ знакъ довѣрія ко мнѣ съ высоты престола". Эту идею онъ проводилъ въ теченіе своей долголѣтней дѣятельности. Между тѣмъ говорили, что Муравьевъ былъ въ высшей степени честолюбивъ. Это положительно невѣрно!

Тяжело мнѣ жилось послѣ смерти моего дорогаго сослуживца В. М. Муравьева, въ которомъ я потерялъ истиннаго друга, хотя тогда еще не смѣлъ его такъ называть. Его предсмертныя конвульсіи произвели на меня такое удручающее впечатлѣніе, что я ни одной ночи спокойно не проводилъ, мнѣ постоянно мерещились его судороги и мнѣ казалось, что меня непремѣнно постигнетъ та же участь—такъ сильно была поражена моя нервная система. Хотя пребываніе мое въ теченіе всего апрѣля въ бурятскихъ улусахъ, въ трудѣ и въ переѣздахъ изъ одного мѣста въ другое, повліяло успокоительно на мою въ сущности крѣпкую натуру, но долго я еще подвергался этимъ галлюцинаціямъ. Только приготовленія къ Камчатскому походу и трудности этого путешествія съ непрерывно мѣнявшимися новыми впечатлѣніями возвратили мнѣ мое прежнее здоровье. Въ концѣ апрѣля я возвратился въ Иркутскъ. Приготовленія къ путешествію въ Камчатку были въ полномъ разгарѣ. Особенная заботливость была посвящена сооруженію походнаго погребца, такъ какъ онъ долженъ былъ состоять изъ двухъ только ящиковъ, размѣра такъ называемыхъ вьючныхъ, то-есть 7 верш. ширины, 10 вершк. вышины и 14 вершк. длины, вѣсомъ съ поклажею по $2^1/_2$ пуда каждый, а въ нихъ должны были помѣститься самоваръ, вся кухонная, чайная и столовая посуда для семи человѣкъ т. е. для генералъ-губернатора со

свитою, не считая прислуги. Это была не малая задача въ виду неотступной требовательности Муравьева, чтобы число вьючныхъ лошадей по тракту изъ Якутска въ Охотскъ было по возможности сокращено. Онъ приказалъ, чтобы комплектъ всего каравана не превышалъ 40 лошадей, въ томъ числѣ и всѣ лошади для самихъ путешествующихъ, коихъ было 16 чел., со включеніемъ казаковъ и погонщиковъ, 20 лошадей подъ вьюками и 4 запасныя, на всякій случай, чтобы отнюдь не могла быть остановка въ переходѣ за недостаткомъ лошадей. На 40 лошадей платились прогонныя деньги. Якутское начальство и сами якуты ожидали, что генералъ-губернаторъ потребуетъ для своего похода не менѣе 150 лошадей на каждую станцію, соображаясь съ числомъ лошадей, которое занималъ каждый отдѣльный частный путешественникъ. Можно себѣ представить, какъ всѣ были удивлены, получивъ требованіе всего на 40 лошадей. Для того, чтобы себя и всѣхъ ему сопутствовавшихъ такъ стѣснить и заставить всѣхъ ограничиться только крайне необходимѣйшими предметами для дороги, нужно было быть Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ, который первый во всемъ давалъ примѣръ. При этомъ не слѣдуетъ упустить изъ виду, что мы должны были везти съ собою всѣ предметы продовольствія, для всѣхъ вошедшихъ въ составъ экспедиціи, не менѣе какъ на одинъ мѣсяцъ. На Качугской пристани р. Лены были съ осени еще заказаны три павозка, (большія палубныя лодки) по образцу всегда прежде строившихся для плаванія по Ленѣ болѣе или менѣе высокопоставленныхъ лицъ. Это были какіе-то неуклюжіе, неповоротливые уроды, вовсе не соотвѣтствовавшіе живости характера Муравьева, положительно требовавшаго, чтобы онъ могъ владѣть по своему усмотрѣнію предметомъ, предназначеннымъ для его употребленія. Тутъ вышло совершенно на оборотъ: никакія усилія веслами, никакое увеличеніе искусно поставленной парусности не могли помочь горю, когда теченіе или направленіе вѣтра прижимало насъ къ тому или другому берегу или загоняло въ вовсе нежеланный рукавъ огромной рѣки или малѣйшее противное дуновеніе уравновѣшивало силу тече-

нія. Надводная часть была слишкомъ высока въ сравненіи съ подводною, длина ихъ не соотвѣтствовала ширинѣ. Словомъ эти павозки явились первымъ препятствіемъ, грозившимъ разстроить всѣ разсчеты Муравьева, еслибы онъ не шелъ, какъ говорится, съ запасомъ. Составивъ маршрутъ и снабдивъ меня, какъ начальника экспедиціи, точнѣйшею во всѣхъ отношеніяхъ инструкціею, Муравьевъ приказалъ мнѣ принять суммы, назначенныя на расходы по этой экспедиціи, а затѣмъ безусловно воспретилъ мнѣ обращаться къ нему за какими бы то ни было вопросами собственно по ходу экспедиціи, требуя только одного, чтобы маршрутъ и инструкція были неуклонно выполнены, если какія-либо сверхъестественныя обстоятельства, зависящія отъ воли Божьей, тому не помѣшаютъ. Вслѣдствіе этого всѣ члены экспедиціи, не исключая самого генералъ-губернатора и его супруги, должны были безпрекословно подчиниться моимъ распоряженіямъ, основаннымъ на инструкціи. Е. Н. Муравьева — родомъ француженка, урожденная Ришмонъ, присоединилась къ православію при выходѣ въ замужество за Муравьева. Не трудно ей было убѣдить своего мужа взять ее съ собою въ Камчатку, потому что онъ былъ въ нее влюбленъ безумно она поклялась, безропотно переносить всѣ трудности предстоявшаго путешествія, которыя ей рисовались не въ розовомъ цвѣтѣ. Не задолго до нашего отъѣзда изъ Иркутска пріѣхала туда знаменитая въ то время віолончелистка, француженка M-lle Элиза Христіани, молодая, недурная собою, съ чрезвычайно интеллигентнымъ выраженіемъ глазъ, бойкая и подвижная. Она пристала къ своей землячкѣ, чтобы ей было дозволено участвовать въ походѣ въ качествѣ ея компаніонки. Было рѣшено женской прислуги не брать съ собою, а такъ какъ, тѣмъ не менѣе, иногда могла представиться необходимость въ женской помощи, то Муравьевъ и согласился взять съ собою M-lle Христіани. M-lle Христіани взяла съ собою очень мало поклажи, и, приноровляясь ко всѣмъ требованіямъ нелегкаго похода, просила только объ одномъ,

чтобы ее не разлучали съ ея Stradivarius'омъ, рѣдкою віолончелью, составлявшею все ея состояніе.

15-го мая было назначено выѣхать изъ Иркутска. Въ виду возможности, что путешествіе въ Камчатку, по непредвидѣннымъ препятствіямъ, продолжится болѣе, чѣмъ было предназначено и даже на случай гибели въ морѣ или внезапной смерти, Муравьевъ приготовилъ ко дню своего отъѣзда изъ Иркутска пространную записку о своихъ соображеніяхъ, на мѣстныхъ данныхъ основанныхъ, относительно Забайкальскаго края и находящагося въ немъ Нерчинскаго Горнозаводскаго округа. Эту записку онъ представилъ Государю Императору при рапортѣ отъ 15-го мая. Всѣ прежнія предположенія объ укрѣпленіи въ Забайкальскомъ краѣ, на случай столкновенія съ Китаемъ, нѣкоторыхъ пунктовъ, а именно: Верхнеудинска и Нерчинска, или же о возобновленіи по всей пограничной линіи пришедшихъ уже въ разрушеніе небольшихъ казачьихъ крѣпостей, Муравьевъ считалъ не достигающими цѣли и не соотвѣтствующими силѣ и достоинству Россійской Имперіи. Не соглашался онъ также съ мнѣніемъ о необходимости формированія новыхъ регулярныхъ войскъ для Восточной Сибири вообще и для Забайкальскаго края въ особенности, какъ съ мѣрою, обременительною для государственной казны, мѣрою, которая, по его мнѣнію, могла бы быть замѣнена мѣстными средствами, если только обратить на нихъ *безпристрастное* хозяйственное вниманіе. Утверждая, что весьма ошибочно мнѣніе, чтобы китайцевъ могли встревожить какія-либо перемѣны въ пограничныхъ нашихъ учрежденіяхъ, а напротивъ, завѣряя, что усиленіе подвижныхъ военныхъ средствъ нашихъ въ Забайкальскомъ краѣ скорѣе дастъ китайцамъ надежду на всегда ожидаемую ими помощь отъ насъ, Муравьевъ полагалъ: „*образовать Забайкальское казачье войско*, въ составъ коего „включить: 1) все пограничное казачье войско, исключая „Тункинскаго отдѣленія, которое должно поступить въ со„ставъ Иркутскаго городоваго казачьяго полка; 2) Забай„кальскій городовой казачій полкъ; 3) всѣ инородческіе „Тунгузскій и Бурятскіе полки; 4) всѣхъ станичныхъ каза-

„ковъ Забайкальскаго края, и 5) всѣхъ крестьянъ горнаго „вѣдомства Нерчинскаго округа. Изъ первыхъ четырехъ „разрядовъ составилась бы конная часть этого войска, пя-„тый же разрядъ, т. е. крестьяне горнаго вѣдомства, обра-„щены были бы въ пѣхоту. Сихъ послѣднихъ на лицо слиш-„комъ 25 тысячъ душъ мужскаго пола. Крестьяне эти нынѣ „состоятъ въ этомъ вѣдомствѣ, какъ крѣпостные, и если „горныя права не распространяются на продажу ихъ, какъ „вообще крѣпостныхъ, то за то всѣ другія права, не подле-„жащія никакому мѣстному надзору и контролю, и укрѣп-„ляемыя въ глазахъ высшаго правительства ***постановленіями*** „***коллегіальнаго мѣста*** (т. е. Горнаго Правленія) еще болѣе „обременительны, чѣмъ всякое помѣщичье владѣніе. При „объѣздѣ моемъ Нерчинскаго округа крестьяне эти безпре-„станно подавали мнѣ письменныя и словесныя жалобы на „тягость своего положенія и повинностей—и всякое другое „состояніе было бы для нихъ отрадою. Когда распростра-„нился слухъ о перечисленіи, будто бы, другихъ крестьянъ „Нерчинскаго округа, принадлежащихъ губернскому вѣдом-„ству, въ Горное, то опасались за ихъ спокойствіе. Нер-„чинскіе Горнаго вѣдомства крестьяне, платя подати по 3 „руб. съ души, имѣютъ сверхъ того обязанностью перево-„зить руду и доставлять дрова и уголь на серебро-плавиль-„ные заводы, за что̀ и получаютъ по горнымъ смѣтамъ плату, „изъ которой приходится на каждую душу отъ 1 р. до 1 р. „50 к.; но обязанность эта въ существѣ обходится на каж-„дую душу отъ 6 до 7 р. 50 коп. Эта огромная повинность, „не лежащая ни на какихъ другихъ крестьянахъ, есть, ко-„нечно, самое существенное для нихъ отягощеніе. Къ вя-„щему униженію и отягощенію этихъ крестьянъ принадле-„житъ и то, что при производствѣ съ нихъ рекрутскаго на-„бора наравнѣ со всѣми другими крестьянами края, рекруты „ихъ поступаютъ не въ военное вѣдомство, а въ заводскіе „рабочіе, которые имѣютъ одинаковыя обязанности съ каторж-„ными, съ тѣмъ лишь различіемъ, что самый тяжкій пре-„ступникъ несетъ эти обязанности ***двадцатилѣтній срокъ***, а „рекрутъ изъ крестьянъ покуда безсрочно, но предпола-

чтобы ее не разлучали съ ея Stradivarius'омъ, рѣдкою віолончелью, составлявшею все ея состояніе.

15-го мая было назначено выѣхать изъ Иркутска. Въ виду возможности, что путешествіе въ Камчатку, по непредвидѣннымъ препятствіямъ, продолжится болѣе, чѣмъ было предназначено и даже на случай гибели въ морѣ или внезапной смерти, Муравьевъ приготовилъ ко дню своего отъѣзда изъ Иркутска пространную записку о своихъ соображеніяхъ, на мѣстныхъ данныхъ основанныхъ, относительно Забайкальскаго края и находящагося въ немъ Нерчинскаго Горнозаводскаго округа. Эту записку онъ представилъ Государю Императору при рапортѣ отъ 15-го мая. Всѣ прежнія предположенія объ укрѣпленіи въ Забайкальскомъ краѣ, на случай столкновенія съ Китаемъ, нѣкоторыхъ пунктовъ, а именно: Верхнеудинска и Нерчинска, или же о возобновленіи по всей пограничной линіи пришедшихъ уже въ разрушеніе небольшихъ казачьихъ крѣпостей, Муравьевъ считалъ не достигающими цѣли и не соотвѣтствующими силѣ и достоинству Россійской Имперіи. Не соглашался онъ также съ мнѣніемъ о необходимости формированія новыхъ регулярныхъ войскъ для Восточной Сибири вообще и для Забайкальскаго края въ особенности, какъ съ мѣрою, обременительною для государственной казны, мѣрою, которая, по его мнѣнію, могла бы быть замѣнена мѣстными средствами, если только обратить на нихъ *безпристрастнѣе* хозяйственное вниманіе. Утверждая, что весьма ошибочно мнѣніе, чтобы китайцевъ могли встревожить какія-либо перемѣны въ пограничныхъ нашихъ учрежденіяхъ, а напротивъ, завѣряя, что усиленіе подвижныхъ военныхъ средствъ нашихъ въ Забайкальскомъ краѣ скорѣе дастъ китайцамъ надежду на всегда ожидаемую ими помощь отъ насъ, Муравьевъ полагалъ:
„*образовать Забайкальское казачье войско*, въ составъ коего
„включить: 1) все пограничное казачье войско, исключая
„Тункинскаго отдѣленія, которое должно поступить въ со-
„ставъ Иркутскаго городоваго казачьяго полка; 2) Забай-
„кальскій городовой казачій полкъ; 3) всѣ инородческіе
„Тунгузскій и Бурятскіе полки; 4) всѣхъ станичныхъ каза-

„ковъ Забайкальскаго края, и 5) всѣхъ крестьянъ горнаго „вѣдомства Нерчинскаго округа. Изъ первыхъ четырехъ „разрядовъ составилась бы конная часть этого войска, пя„тый же разрядъ, т. е. крестьяне горнаго вѣдомства, обра„щены были бы въ пѣхоту. Сихъ послѣднихъ на лицо слиш„комъ 25 тысячъ душъ мужскаго пола. Крестьяне эти нынѣ „состоятъ въ этомъ вѣдомствѣ, какъ крѣпостные, и если „горныя права не распространяются на продажу ихъ, какъ „вообще крѣпостныхъ, то за то всѣ другія права, не подле„жащія никакому мѣстному надзору и контролю, и укрѣп„ляемыя въ глазахъ высшаго правительства *постановленіями* „*коллегіальнаго мѣста* (т. е. Горнаго Правленія) еще болѣе „обременительны, чѣмъ всякое помѣщичье владѣніе. При „объѣздѣ моемъ Нерчинскаго округа крестьяне эти безпре„станно подавали мнѣ письменныя и словесныя жалобы на „тягость своего положенія и повинностей—и всякое другое „состояніе было бы для нихъ отрадою. Когда распростра„нился слухъ о перечисленіи, будто бы, другихъ крестьянъ „Нерчинскаго округа, принадлежащихъ губернскому вѣдом„ству, въ Горное, то опасались за ихъ спокойствіе. Нер„чинскіе Горнаго вѣдомства крестьяне, платя подати по 3 „руб. съ души, имѣютъ сверхъ того обязанностью перево„зить руду и доставлять дрова и уголь на серебро-плавиль„ные заводы, за что̀ и получаютъ по горнымъ смѣтамъ плату, „изъ которой приходится на каждую душу отъ 1 р. до 1 р. „50 к.; но обязанность эта въ существѣ обходится на каж„дую душу отъ 6 до 7 р. 50 коп. Эта огромная повинность, „не лежащая ни на какихъ другихъ крестьянахъ, есть, ко„нечно, самое существенное для нихъ отягощеніе. Къ вя„щему униженію и отягощенію этихъ крестьянъ принадле„житъ и то, что при производствѣ съ нихъ рекрутскаго на„бора наравнѣ со всѣми другими крестьянами края, рекруты „ихъ поступаютъ не въ военное вѣдомство, а въ заводскіе „рабочіе, которые имѣютъ одинаковыя обязанности съ каторж„ными, съ тѣмъ лишь различіемъ, что самый тяжкій пре„ступникъ несетъ эти обязанности *двадцатилѣтній срокъ*, а „рекрутъ изъ крестьянъ покуда безсрочно, но предпола-

„гается, въ облегченіе ихъ службы на Нерчинскихъ заво-
„дахъ, назначить срокъ наравнѣ съ Уральскими, т. е. *три-
„дцать пять лѣтъ*. Остается только исчислить, въ какой сте-
„пени это положеніе и обязанности горныхъ крестьянъ по-
„лезны для казны. Какъ выше сказано, они служатъ соб-
„ственно серебро-плавильнымъ заводамъ; а заводы эти съ
„1830 года и донынѣ, т. е. со времени поступленія ихъ въ
„вѣдѣніе министерства финансовъ, ежегодно приносили
„только убытокъ, при чемъ работа крестьянъ въ расходахъ
„исчислена по платѣ, имъ производимой, а не потому, во
„что она крестьянамъ истинно обходится. Одна лишь добыча
„золота, въ которой крестьяне вовсе не участвуютъ и кото-
„рая производится заводскими рабочими, стала покрывать
„ежегодные дефициты серебро-плавильныхъ заводовъ и до-
„ставлять, сверхъ того, значительную выгоду казнѣ отъ Нер-
„чинскаго Горнаго округа, и еслибъ производство этого ме-
„талла не стѣснялось продолженіемъ безвыгоднаго серебро-
„плавильнаго, то давно бы уже увеличилось до той степени,
„какъ ему быть слѣдуетъ, въ мѣру рукъ собственно завод-
„скихъ рабочихъ, состоящихъ изъ ссыльно-каторжныхъ и
„сдаточныхъ. Еще графъ Сперанскій, обозрѣвшій Нерчин-
„скіе заводы, писалъ: „Нерчинское серебро обходится весьма
„дорого, и дороже, нежели чего оно стоитъ". При возни-
„кавшихъ объ этомъ предметѣ сужденіяхъ и перепискѣ глав-
„нымъ препятствіемъ къ прекращенію серебрянаго въ Нер-
„чинскомъ округѣ производства представляли всегда вопросъ:
„Куда же дѣвать каторжныхъ, если работу эту прекратить?
„На этотъ старинный вопросъ я имѣю теперь право отвѣ-
„чать, что всѣхъ каторжныхъ должно обратить къ добыва-
„нію золота въ Нерчинскомъ округѣ, гдѣ золотоносность
„повсемѣстная".

Рекрутскій наборъ доставлялъ Нерчинскимъ заводамъ среднимъ числомъ ежегодно около 60 рабочихъ. При зачисленіи горнозаводскихъ крестьянъ въ казачье сословіе, прибыль рабочихъ Нерчинскимъ заводамъ уменьшилась бы въ этомъ размѣрѣ. Возмѣщеніе этого незначительнаго числа рабочихъ рукъ изъ сдаточныхъ Муравьевъ разсчитывалъ

легко достигнуть уменьшеніемъ числа бѣглыхъ съ заводовъ, вслѣдствіе принимаемыхъ имъ для этого мѣръ. Разсчетъ безошибочно вѣрный и весьма легко достигаемый.

Обративъ *безпристрастное* вниманіе Государя на всѣ вышеизложенные хозяйственные разсчеты свои, относительно Забайкальскаго края, Муравьевъ, въ томъ же рапортѣ отъ 15-го мая, перешелъ къ представленію на Монаршее усмотрѣніе ближайшей цѣли, для которой указанныя имъ средства, можетъ быть, понадобятся въ самомъ непродолжительномъ времени: „Упадокъ Кяхтинской торговли свидѣтельствуетъ „уже положительно о томъ, что предпріятія англичанъ на „Китай не могутъ быть для насъ благопріятны; въ первые „годы послѣ войны ихъ, это не могло быть для насъ за„мѣтно и ощущительно, ибо китайцы, руководимые нена„вистью къ англичанамъ, предпочитали обращаться къ намъ, „добрымъ и снисходительнымъ ихъ сосѣдямъ; но время и „матеріальныя пользы смягчаютъ порывы ненависти, умѣ„ряютъ и пламень дружбы, не представляющей существен„ныхъ выгодъ. Въ этомъ положеніи отношеній нашихъ къ „китайцамъ намъ остается только одно средство: поддер„жать необходимое для Азіатской Россіи вліяніе надъ ними, „представивъ слабымъ и боязливымъ сосѣдямъ нашимъ ува„жительныя военныя силы тамъ, гдѣ ближе, и для помощи „имъ, и для страху, и нигдѣ условія эти не достигаются „лучше, какъ въ Забайкальскомъ краѣ, который, вмѣстѣ „съ тѣмъ, прилегаетъ и къ Амуру. Что для вящаго и пол„наго обладанія торговлею въ Китаѣ, англичанамъ нужно „устье Амура и плаваніе по этой рѣкѣ — это неоспоримо; „еслибъ Амуръ не была единственная рѣка, текущая изъ „Сибири въ Восточный океанъ, то мы могли бы еще къ „предпріятіямъ ихъ быть снисходительнѣе, но плаваніе по „Амуру, какъ по единственному удобному пути къ Востоку, „есть вѣковая мечта здѣшнихъ жителей всѣхъ состояній, „можетъ быть для многихъ инстинктивная, но тѣмъ не ме„нѣе справедливая и я, по соображенію всѣхъ извѣстныхъ „мнѣ на мѣстѣ обстоятельствъ, дерзаю сказать, что кто бу„детъ владѣть устьями Амура, тотъ будетъ владѣть и Си-

„бирью, по крайней мѣрѣ до Байкала, и владѣть прочно, ибо „достаточно имѣть устье этой рѣки и плаваніе по оной подъ „ключемъ, чтобъ Сибирь болѣе населенная и цвѣтущая „земледѣліемъ и промышленностью, оставалась неизмѣн-„ною данницею и подданною той державы, у которой будетъ „этотъ ключъ“.

За симъ указывая, что, безъ сомнѣнія, вся покатость Яблоноваго или Становаго хребта заключаетъ въ себѣ золото по вытекающимъ оттуда и впадающимъ въ Амуръ рѣкамъ и на затруднительность сообщенія съ Камчаткою черезъ Якутскъ и Охотскъ или Аянъ, Муравьевъ развиваетъ мысль о заселеніи лѣваго берега Амура и объ учрежденіи пароходнаго сообщенія по этой рѣкѣ и заключаетъ свое донесеніе заявленіемъ, что началомъ и основаніемъ всѣхъ этихъ предположеній можетъ быть только: 1) образованіе Забайкальскаго казачьяго войска въ томъ составѣ, какъ выше изложено и 2) распространеніе золотаго казеннаго промысла въ Нерчинскомъ округѣ, не вдаваясь ни въ какія-либо изысканія или рекогносцировки въ мѣстности къ востоку отъ р. Горбицы, прежде чѣмъ не будетъ нами занято устье Амура и не возникнутъ съ китайскимъ правительствомъ сношенія и переговоры о рѣшительномъ опредѣленіи границъ между обоими государствами, тамъ гдѣ они считались до того времени еще неопредѣленными. Предупредить Государя о томъ, что всякія теперь же изысканія и рекогносцировки къ юго-востоку отъ р. Горбицы будутъ несвоевременны, Муравьевъ считалъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что въ Иркутскѣ носились смутные слухи, будто военное министерство снаряжаетъ какую-то экспедицію съ секретною цѣлью изслѣдовать южную покатость Яблоноваго хребта. Почти одновременно съ вышеупомянутымъ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ, Муравьевъ написалъ два письма. Одно къ министру иностранныхъ дѣлъ, съ просьбою, чтобы на пристава отправлявшейся тогда въ Пекинъ новой миссіи была возложена обязанность увѣдомлять его, генералъ-губернатора, изъ Пекина, во всякомъ случаѣ обо всемъ, что тамъ происходитъ, и что бы этому приставу не бы-

ло дано тогда же, т. е. до возвращенія его, Муравьева, изъ Камчатки, никакого особаго порученія для сношенія съ китайскимъ правительствомъ, доколѣ не объяснятся главные вопросы и самъ приставъ не ознакомится съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Китаѣ. Другое—къ министру финансовъ отъ 27 апрѣля, которымъ онъ счелъ своею обязанностью вновь обратить его вниманіе на неудовлетворительное положеніе кяхтинской торговли, указывая, что торговые наши интересы въ Китаѣ приняли невыгодный оборотъ и годъ отъ году будутъ клониться къ упадку, если мы не обратимся къ *новымъ направленіямъ и предпріятіямъ* для поддержанія и распространенія ихъ. „Китайская имперія,—писалъ Муравьевъ Ѳ. П. Вронченку,—при всемъ желаніи своемъ сохранить вѣковую *свою неподвижность*, которая и для насъ была очень выгодна, получила, къ сожалѣнію [1]), такой толчекъ отъ Англіи, который поневолѣ заставляетъ и насъ приходить здѣсь въ *подвижность*. Съ полною осторожностью и осмотрительностью, особенно къ сохраненію государственныхъ финансовыхъ выгодъ, приготовляюсь къ этому *новому здѣсь порядку вещей*, но не могу скрыть опасеній за успѣхъ различныхъ предположеній и соображеній моихъ, которыя уже не могутъ согласоваться *съ прежнимъ порядкомъ вещей*, если ваше высокопревосходительство не удостоите меня личнымъ вашимъ довѣріемъ".

Какъ былъ назначенъ выѣздъ изъ Иркутска, такъ онъ и состоялся день въ день, часъ въ часъ: 15-го мая послѣ обѣда, чтобы вечеромъ еще засвѣтло переправиться, около Кудинской степной Думы, черезъ р. Куду, весеннія воды которой очень широко разливались. Провожалъ генералъ-губернатора исправникъ С. О. Чайковскій, дочь котораго впослѣдствіи была принята Муравьевыми въ свой домъ и ими воспитывалась. Переѣздъ до Качугской пристани на Ленѣ совершился съ необыкновенною быстротою

---

1) Сожалѣніе относится, разумѣется, только къ тому обстоятельству, что Китай получилъ этотъ толчекъ отъ Англіи, а не отъ Россіи, какъ бы слѣдовало ожидать при тѣхъ вѣковыхъ торговыхъ сношеніяхъ, которыя Россія имѣла съ Китаемъ. *Б. С.*

*

въ сопровожденіи массы бурятъ верхами, съ ихъ тайшами во главѣ. На Качугѣ, послѣ молебствія и окропленія Св. водою павозковъ, всѣ вещи были вскорѣ погружены, и мы отвалили, какъ говорится, вслѣдъ за льдами, при громкихъ крикахъ „ура!“ собравшихся на пристани купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ и рабочихъ, привѣтствовавшихъ новаго генералъ-губернатора съ невидѣннымъ мною раньше радушіемъ. Для усиленія рабочей силы на павозкахъ, кромѣ гребцовъ изъ обывателей, перемѣнявшихся на каждой станціи—(лѣтомъ съ Якутскомъ въ то время не существовало никакого сообщенія кромѣ какъ на почтовыхъ лодкахъ, отъ станціи до станціи, оплачиваемыхъ установленными прогонными деньгами по числу забираемыхъ гребцовъ),—по павозкамъ были распредѣлены 30 человѣкъ нижнихъ чиновъ, отправлявшихся изъ Иркутска въ Охотскъ для укомплектованія тамошней морской команды. Въ строевомъ отношеніи эта небольшая команда состояла въ вѣдѣніи поручика Ваганова, а въ хозяйственномъ подчинялась моимъ распоряженіямъ. Павозокъ № 1 занялъ генералъ-губернаторъ съ супругою и m-lle Христіани. На этомъ павозкѣ была устроена сравнительно большая столовая, гдѣ вся свита собиралась ежедневно два раза, къ завтраку и обѣду, и гдѣ Муравьевъ, за особымъ столомъ, занимался дѣлами и выслушивалъ доклады каждаго изъ насъ по своей части. Послѣ завтрака и обѣда все общество обыкновенно выходило по палубу и тамъ велись оживленныя бесѣды. Муравьевъ ужасно любилъ дразнить m-lle Христіани, за что въ отвѣтъ она его прозвала: le petit-general rouge. На 2-мъ павозкѣ помѣстились чиновники, лаборантъ и топографъ, а на третьемъ кухня съ прислугою. Самое удобное бывало, когда ширина плёса, теченіе рѣки и вѣтеръ позволяли связывать всѣ три павозка къ рядъ, тогда дѣйствительно жилось уютно. Къ сожалѣнію, это случалось очень рѣдко, потому что павозки, какъ я уже говорилъ, были до невозможности неуклюжи, и для ускоренія хода, по разсчету маршрута, приходилось большею частью идти на веслахъ по-одиночкѣ. Вездѣ головы прибрежныхъ волостей встрѣчали генералъ-губернатора съ хлѣбомъ солью—

просто, безъ затѣй, большая коврига ржанаго или ячменнаго хлѣба съ кучкою соли. Обыватели съ удовольствіемъ привозили къ намъ на павозки много провизіи, за которую приказано мнѣ было щедро разсчитываться непремѣнно звонкою монетою. Особенно много привозили живой рыбы, стерлядей огромныхъ размѣровъ; одновременно у меня бывало на привязи за кухоннымъ павозкомъ до 24 стерлядей не менѣе аршина длины, изъ которыхъ варилась уха для команды. Подобной роскоши наши солдатики никогда и во снѣ не видали. Вообще въ продовольствіи былъ полный избытокъ. По порученію генералъ-губернатора я ревизовалъ всѣ попутныя волостныя правленія, выѣзжая впередъ на маленькой лодкѣ и потомъ догоняя павозки тѣмъ же порядкомъ. Подробная ревизія уѣздныхъ городовъ Киренска и Олекминска а равно и областнаго города Якутска была отложена до обратнаго пути; я провѣрялъ только приходо-расходныя книги и суммы мѣстныхъ казначействъ и присутственныхъ мѣстъ. Еще до отъѣзда изъ Якутска догналъ насъ тамъ курьеръ изъ Иркутска отъ предсѣдательствовавшаго въ Совѣтѣ Главнаго Правленія Восточной Сибири Зарина съ извѣстіемъ, что по Высочайшему повелѣнію военнымъ министерствомъ снаряжена экспедиція подъ начальствомъ подполковника Ахте, для изслѣдованія, на основаніи сообщеній академика Миддендорфа, Становаго хребта къ востоку отъ Горбицы до Тугурской губы близъ Охотскаго моря, т. е. именно того, чего Муравьевъ опасался и не хотѣлъ. Муравьевъ рѣшился остановить до своего возвращенія изъ Камчатки исполненіе Высочайшей воли своею властью и донесъ объ этомъ Государю Императору въ собственныя руки, а предсѣдательствовавшему въ Совѣтѣ Главнаго Управленія послалъ съ обратнымъ курьеромъ соотвѣтственное сему предложеніе. Въ Якутскѣ мы прожили по необходимости трое сутокъ, для укладки разныхъ вещей и провизіи по вьючнымъ ящикамъ и приспособленія остальнаго багажа для вьючной перевозки. Много хлопотъ надѣлала мнѣ віолончель m-lle Христіани. Сверхъ обыкновеннаго ея деревяннаго ящика пришлось устроить желѣзный

изъ кровельнаго желѣза, запаять его и обвязать войлоками для предохраненія отъ сырости. Віолончель занимала особую лошадь по громоздкости своей, чѣмъ Муравьевъ былъ очень недоволенъ; но дѣлать нечего, поворчалъ и—подчинился необходимости, имъ самымъ добровольно созданной. Собственно путь лежалъ прямо на Меинскую станцію Охотскаго тракта, но Муравьевъ хотѣлъ непремѣнно видѣть самое большое *русское* село Якутской области, Амгинскую слободу и для этого рѣшился сдѣлать порядочный кругъ т. е. ѣхать на Амгинскую слободу и оттуда плыть по р. Амгѣ къ Меинской станціи. Долина р. Амги считается Якутскою Италіею. Каково же было наше удивленіе, когда мы убѣдились, что рѣдкій изъ русскихъ крестьянъ этой слободы умѣетъ говорить по-русски; здѣсь разительнѣе всего подтверждается наблюденіе, что якутское племя поглощаетъ всѣ посторонніе элементы, въ нее вторгающіеся, и даже изъ самыхъ жителей г. Якутска,—какъ писалъ преосвященный Иннокентій, впослѣдствіи митрополитъ Московскій, въ своей превосходной запискѣ о Якутской области,—очень многіе гораздо свободнѣе и охотнѣе говорятъ по-якутски, чѣмъ по-русски. У Меинской станціи сѣли мы на лошадей, даже дамы въ мужскихъ костюмахъ, въ высокихъ болотныхъ сапогахъ, и вступили въ непроходимыя тундры и дѣвственные лѣса, по которымъ пролегаетъ путь отъ Якутска до Охотска: 1.000 верстъ, и верстъ старинныхъ Екатерининскихъ, семисотенныхъ. Сколько неимовѣрныхъ трудностей перенесли мы, сколько казавшихся намъ непреодолимыми препятствій побороли мы только благодаря настойчивости, твердости и опытности Муравьева, показывавшаго во всемъ примѣръ. Послѣ перваго 25-ти верстнаго верховаго перехода, Екатерина Николаевна, будучи разбита до изнеможенія, не могла въ назначенный часъ сѣсть опять на лошадь. Это обстоятельство не было предусмотрѣно инструкціею, и я ждалъ приказаній какъ быть. Въ станціонномъ домикѣ, гдѣ легла было отдохнуть генеральша, произошелъ наконецъ крупный разговоръ по-французки, какъ мы слышали, стоя тутъ у входа съ осѣдланными лошадьми. Выходя изъ избы, Муравьевъ приказалъ мнѣ

отправить его супругу одну съ камердинеромъ Флегонтомъ обратно въ Якутскъ, гдѣ ей предоставлялось остаться до возвращенія генерала изъ Камчатки или вернуться въ Иркутскъ. Муравьевъ сѣлъ на свою лошадь въ назначенный по маршруту часъ и отправился дальше, а Екатерина Николаевна вернулась бы въ Якутскъ, еслибы она, убѣдившись въ неуступчивости своего супруга, не сдѣлала сверхъестественное усилье: при помощи моей и Флегонта она поднялась, заливаясь слезами, на свою лошадь и поѣхала за своимъ жестокимъ мужемъ. Какъ объяснить эту жесткость? Опытностью: онъ зналъ, что если въ томъ разбитомъ состояніи, въ которомъ находилась его жена, залежаться, то это не пройдетъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, а если немедленно опять сѣсть на лошадь и продолжать путь, то эта разбитость пройдетъ сама собою, незамѣтно, безъ потери времени для дѣла, въ которомъ каждый день разсчитанъ. Много такихъ сценъ, очень тяжелыхъ и удручающихъ, а въ воспоминаніи пріятныхъ, пережили мы въ этомъ походѣ. Жаль, что тогда еще не были въ употребленіи походные фотографическіе аппараты; сколько дѣйствительно въ высшей степени интересныхъ сценъ и группъ могло бы быть снято, которыхъ описать нѣтъ никакой возможности. Подчасъ наше шествіе имѣло видъ восточнаго мусульманскаго каравана, только не по сухой голой степи, а по вѣчно мокрымъ тундрамъ, покрытымъ первобытнымъ лѣсомъ. Цѣлыя тучи комаровъ и мошкары иногда, подъ утро, какъ будто хотѣли намъ преградить путь, съ такою яростью они на насъ нападали; никакое куреніе не отгоняло ихъ. Для этихъ случаевъ мы всѣ были вооружены башлыками изъ бѣлаго коленкору со вставленными съ лицевой стороны черными волосяными сѣтками. Съ этимъ головнымъ уборомъ мы имѣли видъ мусульманъ съ бѣлыми чалмами на темно-смуглыхъ головахъ. Наши привалы на кормовищахъ (луговыхъ мѣстахъ), на которыхъ пасутся лошади, не получая другаго корма, были въ высшей степени живописны и характерны въ особенности послѣ перенесенной какой-либо, изъ ряда выходящей, тру-

ности—отъ радости, что опасность миновала, что препятствіе побѣждено, утомленіе забывалось. Костры разводились, ковры разстилались, болотные сапоги долой и всѣмъ дышалось легко, было весело на душѣ. M-lle Христіани непремѣнно затягивала какую-нибудь французскую пѣсенку, и мы ей подпѣвали, за неимѣніемъ русскихъ запѣвалъ и русскихъ пѣсенниковъ, а генералъ нашъ, въ отличномъ расположеніи духа, пошучивая и посмѣиваясь, стоя около костра, подбодрялъ наше веселое настроеніе духа острыми словцами. Въ особенности мнѣ памятенъ ночлегъ послѣ переправы черезъ р. Бѣлую, между станціями Аллахъ-Юномъ и Юдомскимъ Крестомъ, послѣ четырехъ сутокъ проливныхъ дождей. Когда мы подходили подъ вечеръ къ рѣчкѣ Бѣлой, за которою въ 4-хъ верстахъ былъ назначенъ ночлегъ на просторномъ кормовищѣ, послышались вдругъ какіе-то неопредѣленные крики. Чуткое ухо стараго кавказскаго воина, Муравьева, привыкшаго прислушиваться къ малѣйшему шороху, тотчасъ обратило на это вниманіе. „Что это значитъ, неужели мы догоняемъ вьюки?“ были его слова, обращенныя ко мнѣ, ѣхавшему позади его.

— „Не знаю, ваше превосходительство“, былъ мой отвѣтъ.

— „Узнайте“!

Насколько дозволила тундристая почва, поросшая густымъ кустарникомъ, я ускорилъ ходъ моей лошади. Вскорѣ я, дѣйствительно, встрѣтилъ передовые вьюки нашего транспорта, который съ утра былъ отправленъ впередъ; съ урядникомъ Хандаковымъ во главѣ они возвращались. На вопросъ мой: „что это значитъ?“ Хандаковъ отвѣтилъ мнѣ: „Бѣлая отъ дождей разыгралась, нельзя переправиться, нужно вернуться къ кормовищу, которое мы уже прошли въ 7 верстахъ отсюда“. Съ этимъ отвѣтомъ я вернулся къ генералъ-губернатору.

— Вздоръ! Какъ смѣлъ Хандаковъ вернуться, галуны спорю! Коли не рѣшился переправиться, то онъ долженъ былъ дождаться нашего прибытія у самой рѣки. Велите ему немедленно вернуться къ рѣкѣ.

Сказано—сдѣлано. Дойдя до самой рѣки, мы увидѣли

мутныя волны ея, которыя, стремясь со страшною быстротою, струятся, пѣнятся и камни несутъ.

— Гдѣ переправа, гдѣ бродъ?—спросилъ Муравьевъ.

— Здѣсь!—указываютъ якуты.

— Покроетъ вода спину лошади?

— Нѣтъ, а повыше полубрюха будетъ.

— Сперва переправимся вдвоемъ, Струве!—были слова Муравьева, обращенныя опять ко мнѣ. Якуты стали увѣрять, что это невозможно: „Не можно, пропадешь!"

Признаюсь, у меня душа въ пятки ушла, но ослушаться не посмѣлъ и не хотѣлъ. Муравьевъ крѣпко пожалъ руку своей женѣ, которая не могла удержать своего отчаянія и, съ любовью взглянувъ на него, въ надеждѣ его еще остановить, сказала ему: „Nicolas, tu es fou!"—но напрасно!

Мы были въ мѣховыхъ сюртукахъ и высокихъ болотныхъ сапогахъ. Перекрестившись, мы вступили въ рѣку. Якуты смотрѣли на насъ молча, со страхомъ, блѣднѣли и машинально крестились. Переправа была саженъ въ 30—40 шириною. Шли мы по грядѣ камней; оступись лошадь на шагъ – и она погибла бы вмѣстѣ со своимъ всадникомъ. Я ѣхалъ за Муравьевымъ совершенно безотчетно. У самаго противоположнаго берега лошадь его было пошатнулась и, казалось, что ее мгновенно снесетъ, но ударомъ нагайки и натянувъ быстро лѣвый поводъ Муравьевъ съумѣлъ ее поставить на моментъ противъ теченія; въ слѣдующій моментъ она выскочила на берегъ, а вслѣдъ за нею и моя лошадь. Клики удовольствія и радости якутовъ слышались съ другой стороны.

— Ну, теперь назадъ, но только не одинъ за другимъ, а рядомъ, для того, чтобы испытать, могутъ ли пройти двое рядомъ. Вы увидите, что возможно, пойдемте за дамами.

— Слушаюсь!—былъ короткій мой отвѣтъ.

Мы вернулись также благополучно. Муравьевъ велѣлъ немедленно развязать вьючныхъ лошадей и перегнать ихъ

черезъ рѣку поодиночкѣ [1]). Одну лошадь со всѣмъ ея вьюкомъ, запасомъ сахара, снесло въ пучину и мы ее больше не видали, она видимо была слабѣе другихъ. Переправивъ вьючный транспортъ и обезпечивъ такимъ образомъ дальнѣйшее продовольствіе экспедиціи, Муравьевъ взялъ къ себѣ подъ лѣвую руку лошадь своей жены, Штубендорфу велѣлъ тоже сдѣлать съ лошадью m-lle Христіани, а мнѣ приказалъ ѣхать во главѣ, чтобы указать путь. Такъ мы переправились и черезъ часъ дошли, къ удивленію всѣхъ якутовъ, до ночлега, назначеннаго по маршруту за р. Бѣлою. Эта небывалая, по словамъ якутовъ, переправа произвела на нихъ такое впечатлѣніе, что они ничего не считали невозможнымъ для Муравьева.

Для чего же Муравьевъ, повидимому, такъ безразсудно рисковалъ своею жизнью и жизнью всѣхъ своихъ спутниковъ? Не значило ли это искушать Бога? Нѣтъ! онъ бывалъ въ подобныхъ передѣлкахъ; онъ зналъ, что съ Божіею помощью онъ ничѣмъ не рискуетъ; его смѣлость, его настойчивость были основаны на опытности, которою весьма немногіе обладаютъ. Его поступокъ вполнѣ оправдался результатомъ: еслибы мы переночевали на кормовищѣ по ту сторону р. Бѣлой, то она за ночь такъ разыгралась бы, что на другой день, дѣйствительно, переправа была бы уже невозможна и пришлось бы, еслибы дожди даже тотчасъ перестали лить, пережидать дня три-четыре, пока рѣка вошла бы опять въ положеніе, возможное для переправы, и это время было бы потеряно для экспедиціи, маршрутъ не былъ бы выполненъ, а кто не знаетъ,

[1]) При передвиженіи вьючныхъ транспортовъ по Охотскому тракту всегда связывается десять лошадей одна за хвостъ другой и при нихъ полагается одинъ погонщикъ. Такимъ порядкомъ эти караваны извиваются между деревьями необозримыхъ лѣсовъ, по кочкамъ тундръ, по скаламъ и камнямъ и въ бродъ черезъ рѣки. Здѣсь же Муравьевъ приказалъ ихъ развязать на тотъ случай, если ту или другую лошадь снесетъ теченіемъ, то она по крайней мѣрѣ не увлечетъ за собою остальныхъ, съ которыми она была связана.

съ какими послѣдствіями сопряженъ однажды нарушенный безъ основательныхъ причинъ порядокъ. Пришли мы къ ночлегу поздно въ 10-мъ часу, а подняться назначено было къ 4-мъ часамъ утра, какъ обыкновенно когда мы приходили къ ночлегу въ 7-мъ часу, поэтому я не могъ рѣшиться на постановку палатокъ, опасаясь, что не успѣю утромъ убрать ихъ во время. Какъ Екатерина Николаевна ни просила своего мужа приказать поставить палатку и дать ей желѣзную кровать, но на это, какъ всегда, послѣдовалъ стереотипный короткій отвѣтъ: „это меня не касается, это дѣло Струве, его и отвѣтственность“. Разумѣется, что я, при этомъ условіи, не могъ рѣшиться ни на какую уступку, потому что въ случаѣ малѣйшаго замедленія, вся гроза обрушилась бы на мою голову. Тѣмъ не менѣе какъ всѣ ни были утомлены и не смотря на то, что предвидѣлся только короткій и неудобный отдыхъ, мы превесело и преисправно поужинали и послѣ того расположились пить чай. Подъ впечатлѣніемъ рѣдкаго, по моимъ понятіямъ, подвига рѣшительности и настойчивости Муравьева при переправѣ черезъ р. Бѣлую, я тутъ же, сидя на коврѣ недалеко отъ Екатерины Николаевны, какъ бы предчувствуя, какія услуги мужъ ея еще окажетъ нашему отечеству, сказалъ ей: Savez vous, madame, que je n'ambitionne qu'une chose, c'est d'écrire un jour la biographie du général“. Поѣздка Муравьева въ Камчатку была причиною тревогъ, волненій и толковъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ отдаленныхъ провинціяхъ и уголкахъ Россіи, какъ въ высшей сферѣ, такъ и въ среднихъ и низшихъ слояхъ общества и населенія. На станціи „Юдомскій Крестъ“ Охотскаго тракта, жена смотрителя, въ моментъ прибытія нашего туда, разрѣшилась отъ бремени тройнею. „Думали преждевременно,—какъ мужъ ея пренаивно объяснилъ генералъ-губернатору, рапортуя о благополучномъ состояніи ввѣренной ему станціи,—отъ тревоги, ваше высокопревосходительство, шибко безпокоилась, больно испугалась, узнавъ, что изволите подходить къ станціи“. Муравьевъ засмѣялся, приказалъ мнѣ выдать роже-

изъ кровельнаго желѣза, запаять его и обвязать войлоками для предохраненія отъ сырости. Віолончель занимала особую лошадь по громоздкости своей, чѣмъ Муравьевъ былъ очень недоволенъ; но дѣлать нечего, поворчалъ и—подчинился необходимости, имъ самымъ добровольно созданной. Собственно путь лежалъ прямо на Меинскую станцію Охотскаго тракта, но Муравьевъ хотѣлъ непремѣнно видѣть самое большое *русское* село Якутской области, Амгинскую слободу и для этого рѣшился сдѣлать порядочный кругъ т. е. ѣхать на Амгинскую слободу и оттуда плыть по р. Амгѣ къ Меинской станціи. Долина р. Амги считается Якутскою Италіею. Каково же было наше удивленіе, когда мы убѣдились, что рѣдкій изъ русскихъ крестьянъ этой слободы умѣетъ говорить по-русски; здѣсь разительнѣе всего подтверждается наблюденіе, что якутское племя поглощаетъ всѣ посторонніе элементы, въ нее вторгающіеся, и даже изъ самыхъ жителей г. Якутска,—какъ писалъ преосвященный Иннокентій, впослѣдствіи митрополитъ Московскій, въ своей превосходной запискѣ о Якутской области,—очень многіе гораздо свободнѣе и охотнѣе говорятъ по-якутски, чѣмъ по-русски. У Меинской станціи сѣли мы на лошадей, даже дамы въ мужскихъ костюмахъ, въ высокихъ болотныхъ сапогахъ, и вступили въ непроходимыя тундры и дѣвственные лѣса, по которымъ пролегаетъ путь отъ Якутска до Охотска: 1.000 верстъ, и верстъ старинныхъ Екатерининскихъ, семисотенныхъ. Сколько неимовѣрныхъ трудностей перенесли мы, сколько казавшихся намъ непреодолимыми препятствій побороли мы только благодаря настойчивости, твердости и опытности Муравьева, показывавшаго во всемъ примѣръ. Послѣ перваго 25-ти верстнаго верховаго перехода, Екатерина Николаевна, будучи разбита до изнеможенія, не могла въ назначенный часъ сѣсть опять на лошадь. Это обстоятельство не было предусмотрѣно инструкціею, и я ждалъ приказаній какъ быть. Въ станціонномъ домикѣ, гдѣ легла было отдохнуть генеральша, произошелъ наконецъ крупный разговоръ по-французски, какъ мы слышали, стоя тутъ у входа съ осѣдланными лошадьми. Выходя изъ избы, Муравьевъ приказалъ мнѣ

отправить его супругу одну съ камердинеромъ Флегонтомъ обратно въ Якутскъ, гдѣ ей предоставлялось остаться до возвращенія генерала изъ Камчатки или вернуться въ Иркутскъ. Муравьевъ сѣлъ на свою лошадь въ назначенный по маршруту часъ и отправился дальше, а Екатерина Николаевна вернулась бы въ Якутскъ, еслибы она, убѣдившись въ неуступчивости своего супруга, не сдѣлала сверхъестественное усилье: при помощи моей и Флегонта она поднялась, заливаясь слезами, на свою лошадь и поѣхала за своимъ жестокимъ мужемъ. Какъ объяснить эту жестокость? Опытностью: онъ зналъ, что если въ томъ разбитомъ состояніи, въ которомъ находилась его жена, залежаться, то это не пройдетъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, а если немедленно опять сѣсть на лошадь и продолжать путь, то эта разбитость пройдетъ сама собою, незамѣтно, безъ потери времени для дѣла, въ которомъ каждый день разсчитанъ. Много такихъ сценъ, очень тяжелыхъ и удручающихъ, а въ воспоминаніи пріятныхъ, пережили мы въ этомъ походѣ. Жаль, что тогда еще не были въ употребленіи походные фотографическіе аппараты; сколько дѣйствительно въ высшей степени интересныхъ сценъ и группъ могло бы быть снято, которыхъ описать нѣтъ никакой возможности. Подчасъ наше шествіе имѣло видъ восточнаго мусульманскаго каравана, только не по сухой голой степи, а по вѣчно мокрымъ тундрамъ, покрытымъ первобытнымъ лѣсомъ. Цѣлыя тучи комаровъ и мошкары иногда, подъ утро, какъ будто хотѣли намъ преградить путь, съ такою яростью они на насъ нападали; никакое куреніе не отгоняло ихъ. Для этихъ случаевъ мы всѣ были вооружены башлыками изъ бѣлаго коленкору со вставленными съ лицевой стороны черными волосяными сѣтками. Съ этимъ головнымъ уборомъ мы имѣли видъ мусульманъ съ бѣлыми чалмами на темно-смуглыхъ головахъ. Наши привалы на кормовищахъ (луговыхъ мѣстахъ), на которыхъ пасутся лошади, не получая другаго корма, были въ высшей степени живописны и характерны въ особенности послѣ перенесенной какой-либо, изъ ряда выходящей, труд-

изъ кровельнаго желѣза, запаять его и обвязать войлоками для предохраненія отъ сырости. Віолончель занимала особую лошадь по громоздкости своей, чѣмъ Муравьевъ былъ очень недоволенъ; но дѣлать нечего, поворчалъ и—подчинился необходимости, имъ самымъ добровольно созданной. Собственно путь лежалъ прямо на Меинскую станцію Охотскаго тракта, но Муравьевъ хотѣлъ непремѣнно видѣть самое большое *русское* село Якутской области, Амгинскую слободу и для этого рѣшился сдѣлать порядочный кругъ т. е. ѣхать на Амгинскую слободу и оттуда плыть по р. Амгѣ къ Меинской станціи. Долина р. Амги считается Якутскою Италіею. Каково же было наше удивленіе, когда мы убѣдились, что рѣдкій изъ русскихъ крестьянъ этой слободы умѣетъ говорить по-русски; здѣсь разительнѣе всего подтверждается наблюденіе, что якутское племя поглощаетъ всѣ посторонніе элементы, въ нее вторгающіеся, и даже изъ самыхъ жителей г. Якутска,—какъ писалъ преосвященный Иннокентій, впослѣдствіи митрополитъ Московскій, въ своей превосходной запискѣ о Якутской области,—очень многіе гораздо свободнѣе и охотнѣе говорятъ по-якутски, чѣмъ по-русски. У Меинской станціи сѣли мы на лошадей, даже дамы въ мужскихъ костюмахъ, въ высокихъ болотныхъ сапогахъ, и вступили въ непроходимыя тундры и дѣвственные лѣса, по которымъ пролегаетъ путь отъ Якутска до Охотска: 1.000 верстъ, и верстъ старинныхъ Екатерининскихъ, семисотенныхъ. Сколько неимовѣрныхъ трудностей перенесли мы, сколько казавшихся намъ непреодолимыми препятствій поборолн мы только благодаря настойчивости, твердости и опытности Муравьева, показывавшаго во всемъ примѣръ. Послѣ перваго 25-ти верстнаго верховаго перехода, Екатерина Николаевна, будучи разбита до изнеможенія, не могла въ назначенный часъ сѣсть опять на лошадь. Это обстоятельство не было предусмотрѣно инструкціею, и я ждалъ приказаній какъ быть. Въ станціонномъ домикѣ, гдѣ легла было отдохнуть генеральша, произошелъ наконецъ крупный разговоръ по-французски, какъ мы слышали, стоя тутъ у входа съ осѣдланными лошадьми. Выходя изъ избы, Муравьевъ приказалъ мнѣ

отправить его супругу одну съ камердинеромъ Флегонтомъ обратно въ Якутскъ, гдѣ ей предоставлялось остаться до возвращенія генерала изъ Камчатки или вернуться въ Иркутскъ. Муравьевъ сѣлъ на свою лошадь въ назначенный по маршруту часъ и отправился дальше, а Екатерина Николаевна вернулась бы въ Якутскъ, еслибы она, убѣдившись въ неуступчивости своего супруга, не сдѣлала сверхъестественное усилье: при помощи моей и Флегонта она поднялась, заливаясь слезами, на свою лошадь и поѣхала за своимъ жестокимъ мужемъ. Какъ объяснить эту жестокость? Опытностью: онъ зналъ, что если въ томъ разбитомъ состояніи, въ которомъ находилась его жена, залежаться, то это не пройдетъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, а если немедленно опять сѣсть на лошадь и продолжать путь, то эта разбитость пройдетъ сама собою, незамѣтно, безъ потери времени для дѣла, въ которомъ каждый день разсчитанъ. Много такихъ сценъ, очень тяжелыхъ и удручающихъ, а въ воспоминаніи пріятныхъ, пережили мы въ этомъ походѣ. Жаль, что тогда еще не были въ употребленіи походные фотографическіе аппараты; сколько дѣйствительно въ высшей степени интересныхъ сценъ и группъ могло бы быть снято, которыхъ описать нѣтъ никакой возможности. Подчасъ наше шествіе имѣло видъ восточнаго мусульманскаго каравана, только не по сухой голой степи, а по вѣчно мокрымъ тундрамъ, покрытымъ первобытнымъ лѣсомъ. Цѣлыя тучи комаровъ и мошкары иногда, подъ утро, какъ будто хотѣли намъ преградить путь, съ такою яростью они на насъ нападали; никакое куреніе не отгоняло ихъ. Для этихъ случаевъ мы всѣ были вооружены башлыками изъ бѣлаго коленкору со вставленными съ лицевой стороны черными волосяными сѣтками. Съ этимъ головнымъ уборомъ мы имѣли видъ мусульманъ съ бѣлыми чалмами на темно-смуглыхъ головахъ. Наши привалы на кормовищахъ (луговыхъ мѣстахъ), на которыхъ пасутся лошади, не получая другаго корма, были въ высшей степени живописны и характерны въ особенности послѣ перенесенной какой-либо, изъ ряда выходящей, труд-

ности—отъ радости, что опасность миновала, что препятствіе побѣждено, утомленіе забывалось. Костры разводились, ковры разстилались, болотные сапоги долой и всѣмъ дышалось легко, было весело на душѣ. M-lle Христіани непремѣнно затягивала какую-нибудь французскую пѣсенку, и мы ей подпѣвали, за неимѣніемъ русскихъ запѣвалъ и русскихъ пѣсенниковъ, а генералъ нашъ, въ отличномъ расположеніи духа, пошучивая и посмѣиваясь, стоя около костра, подбодрялъ наше веселое настроеніе духа острыми словцами. Въ особенности мнѣ памятенъ ночлегъ послѣ переправы черезъ р. Бѣлую, между станціями Аллахъ-Юномъ и Юдомскимъ Крестомъ, послѣ четырехъ сутокъ проливныхъ дождей. Когда мы подходили подъ вечеръ къ рѣчкѣ Бѣлой, за которою въ 4-хъ верстахъ былъ назначенъ ночлегъ на просторномъ кормовищѣ, послышались вдругъ какіе-то неопредѣленные крики. Чуткое ухо стараго кавказскаго воина, Муравьева, привыкшаго прислушиваться къ малѣйшему шороху, тотчасъ обратило на это вниманіе. „Что это значитъ, неужели мы догоняемъ вьюки?“ были его слова, обращенныя ко мнѣ, ѣхавшему позади его.

— „Не знаю, ваше превосходительство“, былъ мой отвѣтъ.

— „Узнайте“!

Насколько дозволила тундристая почва, поросшая густымъ кустарникомъ, я ускорилъ ходъ моей лошади. Вскорѣ я, дѣйствительно, встрѣтилъ передовые вьюки нашего транспорта, который съ утра былъ отправленъ впередъ; съ урядникомъ Хандаковымъ во главѣ они возвращались. На вопросъ мой: „что это значитъ?“ Хандаковъ отвѣтилъ мнѣ: „Бѣлая отъ дождей разыгралась, нельзя переправиться, нужно вернуться къ кормовищу, которое мы уже прошли въ 7 верстахъ отсюда“. Съ этимъ отвѣтомъ я вернулся къ генералъ-губернатору.

— Вздоръ! Какъ смѣлъ Хандаковъ вернуться, галуны спорю! Коли не рѣшился переправиться, то онъ долженъ былъ дождаться нашего прибытія у самой рѣки. Велите ему немедленно вернуться къ рѣкѣ.

Сказано—сдѣлано. Дойдя до самой рѣки, мы увидѣли

мутныя волны ея, которыя, стремясь со страшною быстротою, струятся, пѣнятся и камни несутъ.

— Гдѣ переправа, гдѣ бродъ?—спросилъ Муравьевъ.

— Здѣсь!—указываютъ якуты.

— Покроетъ вода спину лошади?

— Нѣтъ, а повыше полубрюха будетъ.

— Сперва переправимся вдвоемъ, Струве!—были слова Муравьева, обращенныя опять ко мнѣ. Якуты стали увѣрять, что это невозможно: „Не можно, пропадешь!“

Признаюсь, у меня душа въ пятки ушла, но ослушаться не посмѣлъ и не хотѣлъ. Муравьевъ крѣпко пожалъ руку своей женѣ, которая не могла удержать своего отчаянія и, съ любовью взглянувъ на него, въ надеждѣ его еще остановить, сказала ему: „Nicolas, tu es fou!“—но напрасно!

Мы были въ мѣховыхъ сюртукахъ и высокихъ болотныхъ сапогахъ. Перекрестившись, мы вступили въ рѣку. Якуты смотрѣли на насъ молча, со страхомъ, блѣднѣли и машинально крестились. Переправа была саженъ въ 30—40 шириною. Шли мы по грядѣ камней; оступись лошадь на шагъ – и она погибла бы вмѣстѣ со своимъ всадникомъ. Я ѣхалъ за Муравьевымъ совершенно безотчетно. У самаго противоположнаго берега лошадь его было пошатнулась и, казалось, что ее мгновенно снесетъ, но ударомъ нагайки и натянувъ быстро лѣвый поводъ Муравьевъ съумѣлъ ее поставить на моментъ противъ теченія; въ слѣдующій моментъ она выскочила на берегъ, а вслѣдъ за нею и моя лошадь. Клики удовольствія и радости якутовъ слышались съ другой стороны.

— Ну, теперь назадъ, но только не одинъ за другимъ, а рядомъ, для того, чтобы испытать, могутъ ли пройти двое рядомъ. Вы увидите, что возможно, пойдемте за дамами.

— Слушаюсь!—былъ короткій мой отвѣтъ.

Мы вернулись также благополучно. Муравьевъ велѣлъ немедленно развязать вьючныхъ лошадей и перегнать ихъ

черезъ рѣку поодиночкѣ [1]). Одну лошадь со всѣмъ ея вьюкомъ, запасомъ сахара, снесло въ пучину и мы ее больше не видали, она видимо была слабѣе другихъ. Переправивъ вьючный транспортъ и обезпечивъ такимъ образомъ дальнѣйшее продовольствіе экспедиціи, Муравьевъ взялъ къ себѣ подъ лѣвую руку лошадь своей жены, Штубендорфу велѣлъ тоже сдѣлать съ лошадью m-lle Христіани, а мнѣ приказалъ ѣхать во главѣ, чтобы указать путь. Такъ мы переправились и черезъ часъ дошли, къ удивленію всѣхъ якутовъ, до ночлега, назначеннаго по маршруту за р. Бѣлою. Эта небывалая, по словамъ якутовъ, переправа произвела на нихъ такое впечатлѣніе, что они ничего не считали невозможнымъ для Муравьева.

Для чего же Муравьевъ, повидимому, такъ безразсудно рисковалъ своею жизнью и жизнью всѣхъ своихъ спутниковъ? Не значило ли это искушать Бога? Нѣтъ! онъ бывалъ въ подобныхъ передѣлкахъ; онъ зналъ, что съ Божіею помощью онъ ничѣмъ не рискуетъ; его смѣлость, его настойчивость были основаны на опытности, которою весьма немногіе обладаютъ. Его поступокъ вполнѣ оправдался результатомъ: еслибы мы переночевали на кормовищѣ по ту сторону р. Бѣлой, то она за ночь такъ разыгралась бы, что на другой день, дѣйствительно, переправа была бы уже невозможна и пришлось бы, еслибы дожди даже тотчасъ перестали лить, переждать дня три-четыре, пока рѣка вошла бы опять въ положеніе, возможное для переправы, и это время было бы потеряно для экспедиціи, маршрутъ не былъ бы выполненъ, а кто не знаетъ,

---

[1]) При передвиженіи вьючныхъ транспортовъ по Охотскому тракту всегда связывается десять лошадей одна за хвостъ другой и при нихъ полагается одинъ погонщикъ. Такимъ порядкомъ эти караваны извиваются между деревьями необозримыхъ лѣсовъ, по кочкамъ тундръ, по скаламъ и камнямъ и въ бродъ черезъ рѣки. Здѣсь же Муравьевъ приказалъ ихъ развязать на тотъ случай, если ту или другую лошадь снесетъ теченіемъ, то она по крайней мѣрѣ не увлечетъ за собою остальныхъ, съ которыми она была связана.

съ какими послѣдствіями сопряженъ однажды нарушенный безъ основательныхъ причинъ порядокъ. Пришли мы къ ночлегу поздно въ 10-мъ часу, а подняться назначено было къ 4-мъ часамъ утра, какъ обыкновенно когда мы приходили къ ночлегу въ 7-мъ часу, поэтому я не могъ рѣшиться на постановку палатокъ, опасаясь, что не успѣю утромъ убрать ихъ во время. Какъ Екатерина Николаевна ни просила своего мужа приказать поставить палатку и дать ей желѣзную кровать, но на это, какъ всегда, послѣдовалъ стереотипный короткій отвѣтъ: „это меня не касается, это дѣло Струве, его и отвѣтственность". Разумѣется, что я, при этомъ условіи, не могъ рѣшиться ни на какую уступку, потому что въ случаѣ малѣйшаго замедленія, вся гроза обрушилась бы на мою голову. Тѣмъ не менѣе какъ всѣ ни были утомлены и не смотря на то, что предвидѣлся только короткій и неудобный отдыхъ, мы превесело и преисправно поужинали и послѣ того расположились пить чай. Подъ впечатлѣніемъ рѣдкаго, по моимъ понятіямъ, подвига рѣшительности и настойчивости Муравьева при переправѣ черезъ р. Бѣлую, я тутъ же, сидя на коврѣ недалеко отъ Екатерины Николаевны, какъ бы предчувствуя, какія услуги мужъ ея еще окажетъ нашему отечеству, сказалъ ей: Savez vous, madame, que je n'ambitionne qu'une chose, c'est d'écrire un jour la biographie du général". Поѣздка Муравьева въ Камчатку была причиною тревогъ, волненій и толковъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ отдаленныхъ провинціяхъ и уголкахъ Россіи, какъ въ высшей сферѣ, такъ и въ среднихъ и низшихъ слояхъ общества и населенія. На станціи „Юдомскій Крестъ" Охотскаго тракта, жена смотрителя, въ моментъ прибытія нашего туда, разрѣшилась отъ бремени тройнею. „Думали преждевременно,—какъ мужъ ея пренаивно объяснилъ генералъ-губернатору, рапортуя о благополучномъ состояніи ввѣренной ему станціи,—отъ тревоги, ваше высокопревосходительство, шибко безпокоилась, больно испугалась, узнавъ, что изволите подходить къ станціи". Муравьевъ засмѣялся, приказалъ мнѣ выдать роже-

ницѣ сто рублей монетою на зубки новорожденнымъ и самъ вызвался быть воспріемникомъ ихъ отъ купели. Съ Метинской станціи мы спустились въ лодкахъ по р. Охотѣ до Охотскаго порта, куда прибыли 25 іюня въ день рожденія Императора Николая I-го, какъ было назначено по маршруту, но не могли войти по случаю мелководья. На устье рѣки имѣли большое вліяніе морской приливъ и отливъ. Мы должны были дождаться прилива. Названіе „Охотскій портъ"—чистая насмѣшка. Городъ по географическимъ учебникамъ и по нахожденію тамъ уѣздныхъ полицейскихъ и судебныхъ учрежденій—это селеніе представляло нѣсколько рядовъ полуразрушившихся казенныхъ зданій и частныхъ домовъ-избъ, въ которыхъ едва укрывались отъ холода и непогоды офицеры и чиновники, отправившіеся туда на службу, увлеченные преимуществами, предоставляемыми закономъ служащимъ въ этомъ непривѣтливомъ краѣ. „Всѣ наши занятія здѣсь,—писалъ Муравьевъ гр. Л. А. Перовскому изъ Охотска,—будутъ только служить для убѣжденія отдаленныхъ невѣрующихъ, что Охотску сто лѣтъ тому назадъ не должно было бы уже существовать." Безконечныя разсужденія и переписки о перенесеніи Охотскаго порта продолжались съ 1736 года, и только личный осмотръ Муравьевымъ Охотска, Петропавловскаго порта и Аяна привели, наконецъ, послѣ 112 лѣтъ, этотъ вѣковой вопросъ къ желанной развязкѣ. Прибывшій за два дня до насъ изъ Петропавловскаго порта трехмачтовый транспортъ „Иртышъ", подъ командою капитана 2-го ранга В. К. Поплонскаго, усиленно выгружался и готовился къ новому плаванію подъ генералъ-губернаторскимъ флагомъ по Охотскому морю и Тихому океану въ Камчатку. Начальникъ Охотскаго порта капитанъ 1-го ранга И. В. Вонлярлярскій, старикъ дѣльный, умный, чрезвычайно дѣятельный, но, къ сожалѣнію, нужно сознаться, преисполненный личностей, въ пику начальнику прежней Охотской, а потомъ уже Аянской, факторіи Сѣверо-Американской компаніи, В. С. Завойко, представилъ было въ началѣ 1847 г. кн. А. С. Меншикову проектъ перенесенія Охотскаго пор-

та въ бухту „Великій князь Константинъ“ въ южно-западномъ углу Охотскаго моря на полуостровѣ Сегнека между заливами Тугурскимъ и Ульбанскимъ. На перенесеніе это требовалось 250 тыс. руб.; ожидалось только окончательное заключеніе вновь назначеннаго генералъ-губернатора. 1-ое іюля, день рожденія покойной Императрицы, было назначено для выхода изъ Охотскаго порта. Послѣ торжественнаго молебствія въ мѣстномъ соборѣ переселились мы на транспортъ „Иртышъ“, но, не смотря на всѣ усилія, не могли, вытянуться за Охотскій баръ и чуть-чуть было не лишились совсѣмъ возможности выйти изъ Охотска. Перетягиваясь черезъ баръ мы, за убылью воды на немъ, сѣли на мель. Пришлось дождаться прибыли, чтобы опять на завозныхъ верпахъ и на буксирѣ всѣхъ гребныхъ лодокъ, имѣвшихся въ порту, двинуться впередъ. Какъ-то не доглядѣли, и прибылью воды транспортъ „Иртышъ“ былъ переброшенъ съ бара на такъ называемую, „старопортскую кошку“, гдѣ онъ ударился о что-то—оказалось о штокъ своего якоря—съ такою силою, что думали, что прошибло его насквозь, и тогда мы были бы задержаны въ Охотскѣ на продолжительное время, до починки подводной части. Но къ счастью „Иртышъ“ былъ несокрушимой конструкціи; мѣдная его обшивка оказалась слегка только оцарапанною и 4 іюля мы вышли благополучно въ море. „Иртышъ“ былъ очень плохой ходокъ, при лучшемъ попутномъ вѣтрѣ 7 узловъ въ часъ, а въ бейдевиндъ $1^3/_4$ до $2^1/_2$ узловъ. Подходя къ 4-му проливу Курильской гряды между Парашумиромъ и Онекотаномъ, мы за туманами не успѣли опредѣлиться, а пуститься на удачу въ проливъ капитанъ не рѣшался и предпочелъ лавировать передъ проливомъ, пока берегъ не откроется. Такъ мы ложились съ галса на галсъ въ теченіе 2-хъ сутокъ. Вдругъ сильнѣйшій шквалъ, показался берегъ и что же? Насъ теченіемъ перенесло черезъ проливъ, мы очутились уже въ Тихомъ океанѣ, грозный мысъ графа Васильева передъ нами. Мы едва успѣли убрать брамселя и лечь на другой галсъ, чтобы отойти отъ угрожавшей опасности,

какъ показавшійся отъ насъ невдалекѣ китобой, не успѣвшій убрать парусовъ, выскочилъ на утесъ девять футъ изъ воды. Та же волна, которая его туда вынесла, сняла его обратно. Онъ сдѣлалъ сигналъ, что погибаетъ, просилъ помощи. Муравьевъ приказалъ немедленно спустить два вельбота и отправить къ нему на помощь подвахтенную команду. Китобой былъ французскій „Elise“, капитанъ Дармандарнсъ—у него оказалась пробоина въ носовой подводной части и только смѣтливость нашего боцмана, изъ кругосвѣтныхъ, посланнаго туда съ командою съ „Иртыша“, спасла бѣднаго француза. Когда наша команда пришла къ китобойному судну, вся его (численностью очень ничтожная) команда стояла у помпъ. Нашъ боцманъ съ мѣшкомъ муки бросился въ трюмъ и, усмотрѣвъ, по движенію воды, приблизительно гдѣ должна быть пробоина, бросилъ туда первый мѣшокъ муки, немедленно потребовалъ еще нѣсколько мѣшковъ и такимъ образомъ успѣлъ ограничить напоръ воды, такъ, что помпы успѣвали откачиваться на столько, что уровень воды въ трюмѣ остановился на одной нормѣ. Этою находчивостью судно съ командою и грузомъ было спасено отъ мгновенной гибели и дошло вмѣстѣ съ Иртышемъ до Петропавловскаго порта. Здѣсь оно подтянулось въ малой бухтѣ, къ входной песчаной кошкѣ (отмели), выгрузилось и оттяжками отъ мачтъ накренилось, что дало возможность осмотрѣть и починить всю носовую часть, потерпѣвшую отъ удара.

„Я много видѣлъ портовъ въ Россіи и въ Европѣ,—пи„шетъ Муравьевъ въ своемъ письмѣ къ гр. Л. А. Пером„скому отъ 7 августа,—но ничего подобнаго Авачинской „губѣ не встрѣчалъ; Англіи стоитъ сдѣлать умышленно „*двухъ-недѣльный* разрывъ съ Россіею, чтобы завладѣть ею и „потомъ заключить миръ, но ужъ Авачинской губы она „намъ не отдастъ и еслибъ даже заплатила намъ милліонъ „фунтовъ за нее, при заключеніи мира, то выручитъ его въ „самое короткое время отъ китобойства въ Охотскомъ и Бе„ринговомъ моряхъ; Англія, разумѣется, никого не пуститъ „въ эти моря безпошлинно!“

Эти слова Муравьева достаточно свидѣтельствуютъ, какой портъ былъ Петропавловскій, и какую цѣну нужно было ему придавать. Къ сожалѣнію, всѣ сужденія о Камчаткѣ и Авачинской губѣ въ Петербургѣ относились ко временамъ давно прошедшимъ, только Императоръ Николай смотрѣлъ на Камчатку не Петербургскимъ глазомъ. Англичане уже слишкомъ много вниманія обратили тогда на превосходную Авачинскую губу. Муравьевъ приказалъ немедленно устроить нѣсколько батарей на избранныхъ имъ мѣстахъ. Одна изъ этихъ батарей, съ усиленнымъ, можетъ быть, вооруженіемъ, была именно та (№ 6 Озерная), которая навела паническій страхъ на англо-французскій дессантъ въ 1854 году и спасла для Россіи Петропавловскій портъ. Я какъ сегодня помню слова Муравьева: „Въ случаѣ дессанта непріятеля, въ обходъ Никольской горы, вы его встрѣтите картечью отсюда", при этомъ Муравьевъ, съ обычною своею живостью, показывалъ начальнику Камчатки капитану Р. Г. Машину, гдѣ и какъ онъ долженъ поставить батарею.

Въ Петропавловскомъ портѣ съѣхался съ генералъ-губернаторомъ преосвященный Иннокентій, епископъ Алеутскій и Камчатскій, впослѣдствіи митрополитъ Московскій. Не мнѣ описывать высокій умъ и христіанскія добродѣтели этого апостола сѣвера, какъ его тогда уже называли въ иностранной печати, необыкновенные его труды и подвиги всемірно извѣстны. Имѣлъ онъ во время нашего пребыванія въ Петропавловскомъ портѣ ежедневно по вечерамъ продолжительныя бесѣды и совѣщанія съ генералъ-губернаторомъ, однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій коихъ было присоединеніе Якутской области къ Алеутской епископской каѳедрѣ, которую предполагалось возвести во 2-й классъ и перенести въ Петропавловскій портъ, и назначеніе В. С. Завойко военнымъ губернаторомъ Камчатки. На эту должность непремѣнно нужно было выбрать лицо, знакомое съ мѣстными условіями, не говоря о другихъ качествахъ, обусловливавшихъ выборъ. Муравьевъ колебался между И. В. Вонлярлярскимъ и В. С. Завойко. Обоихъ преосвященный Иннокентій хорошо зналъ.

Высказывать свое мнѣніе о лицахъ этотъ архипастырь не любилъ, скажу больше, съ осторожностью уклонялся онъ отъ этого не по скрытности характера и не изъ опасенія какихъ-либо непріятныхъ послѣдствій, а по присущей ему скромности: онъ не довѣрялъ своему сужденію, боялся ошибиться. Долго пыталъ его Муравьевъ, чтобы узнать его мнѣніе о двухъ имѣвшихся у него въ виду кандидатахъ на должность Камчатскаго военнаго губернатора. Случайно, входя въ кабинетъ генералъ-губернатора съ докладомъ по какому-то вопросу, нетерпѣвшему отлагательства, я сдѣлался свидѣтелемъ, какъ преосвященный Иннокентій, вскакивая со своего кресла, выпрямился во весь ростъ, и, съ казавшимся мнѣ въ его голосѣ нетерпѣніемъ, сказалъ: „почто вызываете: за „Лярскаго я руки не подставлю, а за Завойко я постою „обѣими руками, всѣмъ тѣломъ и всею душою". Этотъ рѣшительный отзывъ со стороны лица, вообще уклончиваго, но несомнѣнно въ высшей степени опытнаго, тутъ же указалъ Муравьеву, на кого долженъ пасть его выборъ. Дальнѣйшее наше пребываніе въ Петропавловскомъ портѣ ничѣмъ особеннымъ не ознаменовалось, развѣ только упомянуть объ оригинальномъ концертѣ, данномъ тамъ въ залѣ начальника Камчатки m-lle Христіани, съ участіемъ французскихъ пѣвцовъ съ китобойнаго судна, которое было спасено, благодаря усиліямъ команды съ „Иртыша." Дѣйствительно, въ числѣ своихъ соотечественниковъ m-lle Христіани открыла нѣсколько замѣчательныхъ голосовъ, которые съ увлеченіемъ, свойственнымъ французамъ, пропѣли подъ ея руководствомъ, двѣ, три народныя пѣсни, къ общему удовольствію.

2-го августа вышли мы изъ Петропавловскаго порта в Авачинской губы. Но лишь только выбрались въ открытое море, какъ мы заштилѣли и качались при страшной мертвой зыби Тихаго океана 10 сутокъ на пространствѣ 200 миль до Курильской гряды. Ничто не можетъ произвести болѣе удручающаго впечатлѣнія, какъ то сознаніе безсилія человѣка на парусномъ суднѣ, которое

вызывается подобнымъ качаніемъ въ открытомъ морѣ. Команда наша со скуки неоднократно разыгрывала „Нептуна“, чтобы этою игрою, по старинному повѣрію, умилостивить бога морей, но тщетно. Мы качались, да качались пока Богу неугодно было, наконецъ, послать намъ попутный вѣтеръ, который сравнительно быстро пронесъ насъ черезъ 4-й проливъ по Охотскому морю къ сѣверной оконечности острова Сахалина, гдѣ генералъ-губернаторъ надѣялся встрѣтиться съ транспортомъ „Байкалъ“, на которомъ капитанъ Невельской долженъ былъ произвести опись лимана и устьевъ р. Амура. 22-го августа около 1 часа дня транспортъ „Иртышъ“ легъ въ дрейфъ въ сѣверномъ заливѣ острова Сахалина, генералъ-губернаторъ приказалъ спустить вельботъ, чтобы доставить на островъ Штубендорфа, Ваганова и меня съ серебряною монетою и подарками для обитателей острова, если мы таковыхъ тамъ встрѣтимъ. Подходя къ берегу, мы сначала замѣтили только одну лодку странной конструкціи; вскорѣ ихъ собралось до десяти и человѣкъ 30 дикарей-гиляковъ. По всему было замѣтно, что для нихъ появленіе незнакомцевъ не было новостью: они видимо знали, что у вновь прибывшихъ можно пріобрѣсти мѣною различныя мелочи; къ этому, должно быть, ихъ пріучили китобои. Штубендорфъ, какъ натуралистъ, осматривалъ береговое обнаженіе, собиралъ камушки и растенія. Вагановъ наскоро набросалъ глазомѣрную съемку мѣстности, къ которой мы пристали, а я богато одарилъ инородцевъ серебряною монетою и украшеніями изъ разноцвѣтнаго стекла, взамѣнъ чего они навалили полную лодку свѣжей, только-что наловленной рыбы различныхъ родовъ, которую доставили къ намъ на транспортъ. Всѣхъ иностранцевъ, которые съ судовъ высаживаются на ихъ островъ гиляки называли „лоча“ или „олоча“, а того, кто дастъ имъ подарки, они называли „джангиномъ“, т. е. купцомъ или „пилиджангиномъ“, т. е. богатымъ купцомъ. У нихъ было такое же понятіе, какъ у самоѣдовъ полуострова Ялмалъ на Ледовитомъ океанѣ, что высшее счастіе на землѣ—быть

купцомъ; другаго понятія о правѣ или о старшинствѣ они не имѣли, при чемъ сила и возможность расправы ножемъ играли, разумѣется, важную роль. Ни у сѣверной оконечности Сахалина, ни у Шантарскихъ острововъ, къ которымъ мы подходили по пути въ Аянъ, мы транспорта „Байкалъ“ не встрѣтили. Генералъ-губернаторъ былъ этимъ очень недоволенъ, и мы вошли въ портъ Аянъ въ весьма невеселомъ настроеніи духа. Это тяжелое настроеніе еще усугубилось встрѣчею въ Аянѣ съ М. С. Карсаковымъ, который донесъ о безуспѣшности своего плаванія, и предположеніемъ, вслѣдствіе всего этого, что „Байкалъ“, вѣроятно, погибъ или на пути изъ Петропавловска, или въ Амурскомъ лиманѣ, окруженномъ, по свѣдѣніямъ В. С. Завойко, опасными банками.

Какое же произошло среди насъ волненіе, когда 2 сентября къ вечеру на горизонтѣ передъ Аяномъ показалось судно, видимо шедшее прямо въ Аянъ. Изъ устъ въ уста шло тревожное предположеніе, „можетъ быть это Байкалъ“. Какова радость, каково ликованіе, когда 3 сентября съ разсвѣтомъ съ точностью опредѣлилось, что идетъ „Байкалъ“, когда онъ послѣ обѣда, входя въ портъ, отсалютовалъ генералъ-губернаторскому флагу и всталъ на якорь рядомъ съ „Иртышемъ“.

Муравьевъ, со своею свитою, вышелъ на 12-ти весельномъ катерѣ навстрѣчу „Байкалу“, съ котораго капитанъ Невельской въ рупоръ встрѣтилъ насъ словами: „*Сахалинъ островъ, входъ въ лиманъ и р. Амуръ возможенъ для мореходныхъ судовъ съ сѣвера и юга. Вѣковое заблужденіе положительно разсѣяно, истина обнаружилась!!*“ Несомнѣнно радовался вмѣстѣ съ нами и В. С. Завойко, но нельзя было не замѣтить, что, въ то время какъ мы всѣ съ увлеченіемъ вслушивались въ интересные разсказы Невельскаго и его спутниковъ о сдѣланныхъ ими важныхъ открытіяхъ, онъ, съ своей стороны, съ осторожностью и необыкновенною сдержанностью къ нимъ относился. Знакомымъ съ ходомъ дѣла это было вполнѣ понятно: черезъ В. С. Завойко въ концѣ 1846 года

были доставлены предсѣдателю Главнаго Правленія Россійско-Американской Компаніи Ф. П. Врангелю, ближайшему его родственнику, журналъ и карта описи Амурскаго Лимана, составленной поручикомъ Гавриловымъ съ Высочайшаго соизволенія по порученію Россійско-Американской Компаніи. О результатѣ этой описи Ф. П. Врангель сообщилъ министру иностранныхъ дѣлъ въ томъ смыслѣ, что устье р. Амура оказалось доступнымъ только для мелкосидящихъ шлюпокъ и что рѣка эта за симъ для Россіи не имѣетъ никакого значенія. На всеподданнѣйшемъ докладѣ, представленномъ графомъ Нессельроде 15 декабря 1846 г. объ описи Гаврилова, Императоръ Николай изволилъ начертать: **„Весьма сожалѣю. Вопросъ объ Амурѣ, какъ о рѣкѣ безполезной, оставить“.**

Муравьевъ и Невельской, со свитою и сотрудниками торжествовали; ликовали и пировали мы весь вечеръ 3 сентября до поздней ночи. 5-го мы выступили въ обратный походъ, верхами, черезъ хребетъ Джугдиръ до урочища Нелькана на р. Маѣ, а оттуда въ лодкахъ внизъ по р.р. Маѣ и Алдану и вверхъ по Ленѣ до Якутска. Особенно тяжелъ былъ перевалъ черезъ каменистый, почти отвѣсный, хребетъ Джугдиръ. У подошвы этой горы валяется масса костей лошадей, павшихъ при подъемѣ на эту гору или при спускѣ съ нея. Часто якутамъ приходилось даже складывать тамъ товаръ, который они не въ состояніи дальше везти по убыли лошадей. И при нашемъ шествіи былъ случай, котораго я забыть не могу—такой страхъ онъ на меня навелъ. Муравьевъ съ прочими спутниками своего похода ушелъ впередъ. Я оставался, по обязанности, при транспортѣ, чтобы блюсти за безостановочнымъ переходомъ его черезъ хребетъ. Поднялись мы благополучно до двухъ третей горы. Вдругъ лошадь, вдоль спины которой была прикрѣплена віолончель m-lle Христіани, пошатнулась, упала и кубаремъ скатилась внизъ въ обрывъ со своею поклажею. Меня такъ и обдало холодомъ, сердце замерло при мысли, что будетъ съ бѣдною Христіани, когда она узнаетъ, что

ея stradivarius лежитъ подъ горою разбитый въ дребезги; иначе и ожидать нельзя было. Вмѣстѣ съ урядникомъ Хандаковымъ, который велъ въ поводу запасную лошадь, я спустился опять внизъ, чтобы удостовѣриться въ случившемся. Лошадь нашли мы, разумѣется, мертвою, а ящикъ съ віолончелью, о чудо! цѣлехонекъ! Тутъ я свободнѣе вздохнулъ. Навьючить віолончель на свѣжую лошадь взяло немного времени. Подошелъ я къ ночному привалу вмѣстѣ съ остальнымъ транспортомъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Тѣмъ не менѣе я не рѣшился объ этомъ происшествіи доложить генералъ-губернатору и Хандакову приказалъ не проболтаться. Только по прибытіи на Нельканъ я распаковалъ віолончель, и, удостовѣрившись, что все цѣло, разсказалъ о случившемся Муравьеву и m-lle Христіани, которая не повѣрила было мнѣ, пока я ей не показалъ ея неуклюжее дѣтище въ совершенной цѣлости. Опытный морякъ В. С. Завойко, въ то же время близко знакомый съ условіями и способами передвиженія по тундрамъ и рѣкамъ Сибирскимъ, приготовилъ на пристани р. Маи, у урочища Нелькана, три превосходныя ходкія лодки, также крытыя, вполнѣ защищающія путешественника отъ осенней непогоды. Въ этихъ лодкахъ мы расположились въ томъ же порядкѣ, какъ весною на павозкахъ по Ленѣ. Быстро плыли мы по теченію рр. Маи и Алдана и безостановочно поднялись противъ теченія по Ленѣ отъ устья р. Алдана до Якутска, куда мы пришли 22-го сентября. Отсюда съ нарочно посланнымъ въ Петербургъ, штабсъ-капитаномъ М. С. Карсаковымъ, Муравьевъ донесъ Государю о своемъ возвращеніи изъ Камчатки и представилъ кн. А. С. Меншикову двѣ записки о предположеніяхъ своихъ по предмету перенесенія Охотскаго порта въ Петропавловскъ и о назначеніи капитана Завойко военнымъ губернаторомъ Камчатки. Открытія Невельскаго составляли предметъ особаго рапорта Муравьева къ начальнику главнаго морскаго штаба, въ которомъ онъ писалъ, что *„множество предшествовавшихъ экспедицій* (*къ берегу Сахалинскому*) *до-*

стишам Европейской славы, но ни одна не достигла отечественной пользы по тому истинно русскому смыслу, съ которымъ дѣйствовалъ Невельской". Въ этомъ же рапортѣ Муравьевъ настаивалъ на необходимости учрежденія „*русскаго*" китоловства въ Охотскомъ морѣ и Восточномъ океанѣ.

Въ ожиданіи зимняго пути, прожили мы въ Якутскѣ болѣе мѣсяца. Якутскія присутственныя мѣста были обревизованы въ подробности, а поручикъ Вагановъ составилъ, подъ руководствомъ самого Муравьева, описаніе Якутскаго казачьяго городоваго полка, на тѣхъ же основаніяхъ и въ тѣхъ же видахъ, какъ таковое было составлено въ 1848 г. по Высочайшему повелѣнію Енисейскому и Иркутскому полкамъ, полковникомъ А. И. Веригинымъ. Въ началѣ ноября Лена встала, и мы тотчасъ же пустились въ обратный путь въ Иркутскъ, куда прибыли 20 ноября.

Не взирая на письма Муравьева къ министру финансовъ отъ 19 мая 1848 г. и 27 апрѣля 1849 г., которыми онъ надѣялся и Россію заставить *придти въ подвижность по отношенію къ Китаю*, и на ходатайство Московско-Кяхтинскаго купечества, дѣло это оставалось въ прежнемъ положеніи. Вслѣдствіе этого Муравьевъ рѣшился, немедленно по возвращеніи своемъ въ Иркутскъ, 28 ноября представить свои соображенія о тѣхъ мѣрахъ, которыя должны быть приняты безотлагательно, по его мнѣнію, хотя бы только для прекращенія тайнаго вывоза звонкой монеты въ Китай, въ ожиданіи возможности возобновить ходатайство объ измѣненіи прежняго порядка на Кяхтѣ, съ увѣренностью на успѣхъ. Представляя о принятіи мѣръ строгости, для предупрежденія тайнаго вывоза драгоцѣнныхъ металловъ за китайскую границу, Муравьевъ имѣлъ только *одну* цѣль: на практикѣ доказать, что никакія мѣры строгости не въ состояніи прекратить это мнимое зло, составляющее въ существѣ необходимое условіе торговли и что, слѣдовательно, единственнымъ средствомъ для поддержанія нашихъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ, долженъ быть признанъ свободный торгъ на монету и кредитные билеты, полное освобожденіе торговли

[redacted]

въ Кяхтѣ отъ всѣхъ тѣхъ ограниченій, которыя налагались на нее правилами 1800 года.

Вскорѣ послѣ насъ пріѣхали въ Иркутскъ изъ Охотска всѣ офицеры съ транспорта „Байкалъ“. Столица Восточной Сибири радостно праздновала возвращеніе главнаго начальника края изъ дальняго путешествія; долго иркутское общество помнило, какъ весело оно провело зиму 1849—50 года.

Б. СТРУВЕ.

(*Продолженіе будетъ*).

НЕДѢЛИМЫЕ ДВОРЯНСКІЕ УЧАСТКИ.[1]

Какъ бы ни была подготовлена ходомъ событій почва для серьезной реформы, первый гласный намекъ на ея необходимость всегда встрѣтитъ въ обществѣ отпоръ, который будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше предстоитъ труда для согласованія интересовъ государства съ интересами сословій, корпорацій, обществъ и отдѣльныхъ лицъ.

Инерція мысли, узкій кругозоръ однихъ, частный интересъ другихъ, косность третьихъ—на первыхъ порахъ сливается въ одинъ голосъ протеста, который носитъ громкое названіе „общественнаго мнѣнія". Во имя ближайшихъ, по времени, выгодъ страны, принужденной принести нѣкоторыя жертвы, это мнѣніе отвергаетъ то, что представители общественнаго мнѣнія слѣдующихъ поколѣній рады были бы купить болѣе дорогою цѣною. Къ голосу людей, искреннихъ въ своихъ убѣжденіяхъ, присоединяются голоса сторонниковъ другихъ политическихъ системъ и голоса враговъ всякаго порядка. Вотъ почему безразсудно, по моему мнѣнію, на первыхъ порахъ предлагать на судъ критики разрабо-

[1]) Взглядъ редакціи на недѣлимые дворянскіе участки уже высказанъ въ февральской книжкѣ „Русскаго Вѣстника". Печатаемая теперь статья г. Баратынскаго представляетъ нѣкоторыя данныя для практическаго разрѣшенія этого вопроса въ Казанской губерніи, гдѣ онъ впервые открыто возбужденъ авторомъ въ дворянскомъ собраніи, а затѣмъ нашелъ себѣ оттолосокъ и въ средѣ дворянъ Полтавской губерніи.

танную и цѣльную систему реформы. Путемъ полемики дѣло выяснится постепенно, и уже тогда явится возможность, кому слѣдуетъ, вызвать серьезную и всестороннюю разработку вопроса, который можетъ вылиться въ форму совершенно иную, чѣмъ сложившаяся въ первоначальной концепціи иниціатора. Пусть его предложенія будутъ отвергнуты, но если онъ своевременно указалъ на необходимость новшествъ и убѣдилъ, хоть и не сразу, въ этой необходимости своихъ сверстниковъ, то можно навѣрно сказать, что общество само выработаетъ тѣ начала, на которыхъ реформа можетъ осуществиться.

Приступая къ выполненію задачи, которою я задался, я оговариваюсь, что не имѣю претензіи разрѣшить вопросъ. Я изготовляю канву и надѣюсь, что Казанское дворянство нанесетъ на нее рисунокъ пригодный для нашей губерніи, и чѣмъ болѣе онъ будетъ нашъ доморощенный, къ нашей мѣстности приспособленный, тѣмъ болѣе этотъ рисунокъ будетъ проченъ и пригоденъ.

Въ нашей коммисіи было высказано мнѣніе, что minimum дѣлимости землевладѣльческихъ участковъ для Казанской губерніи могъ бы быть установленъ въ размѣрѣ въ четыре раза увеличеннаго ценза, установленнаго закономъ для участія въ сословныхъ собраніяхъ, т. е. 800 десятинъ. Это мнѣніе было подкрѣплено соображеніями, что хотя въ настоящее время такіе участки еще не даютъ владѣльцамъ доходъ, могущій обезпечить довольство дворянской семьи, но впослѣдствіи, при естественномъ ростѣ населенія, этотъ доходъ увеличится, что наглядно подтверждается сравненіемъ доходности земли за пятьдесятъ лѣтъ назадъ и нынѣшней, даже при упадкѣ цѣнъ на хлѣба въ настоящее время.

Набрасывая проектъ о недѣлимыхъ участкахъ, я принималъ недробимыя единицы крупнѣе, но, какъ видно изъ прилагаемыхъ списковъ землевладѣльческихъ участковъ Казанской губерніи, уже нѣтъ матеріала для образованія участковъ такихъ въ достаточномъ количествѣ. Такой фактъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что съ 1861 года, сперва выкупные капиталы, затѣмъ залоги въ банкахъ сильно задержи-

вали дробимость земель по наслѣдствамъ. Изъ 186 владѣльческихъ имѣній съ землей, превышающей 800 десятинъ, можно насчитывать въ Казанской губерніи участковъ съ доходностью отъ 8 до 12 т. руб.—только до 50. Замѣчу, что этотъ доходъ принятъ считая имѣнія не заложенными. Въ уѣздахъ же Казанскомъ, Цивильскомъ, Чебоксарскомъ, Козмодемьянскомъ и Ядринскомъ такихъ участковъ вовсе нѣтъ. Если бы принять прежде проектированный минимальный размѣръ участковъ, то эти уѣзды остались бы безъ дворянскаго участковаго землевладѣнія, а потому, подчиняясь необходимости уменьшить размѣръ недѣлимыхъ уч. до 800 десятинъ, посмотримъ, какъ такіе участки распредѣлены по уѣздамъ.

Распредѣленіе дворянской землевладѣльческой собственности по участкамъ въ 1888 году:

ТАБЛИЦА А.

УЧАСТКИ.	Уѣзды:												
	Казанскій.	Свіяжскій.	Цивильск.	Чебоксарск.	Козьмодем.	Ядринскій.	Царевококшайск.	Мамадыш.	Лаишевск.	Тетюшскій.	Чистопол.	Спасскій.	ВСЕГО
До 200 десятинъ . .	43	34	9	8	3	6	2	2	52	15	32	32	238
Отъ 200 до 500 дес.	32	16	3	7	1	2	2	2	63	11	32	25	198
„ 500 „ 800 „	13	6	5	4	—	—	—	3	31	8	5	13	88
„ 800 „ 1.600 „	9	10	6	2	1	—	—	3	21	6	15	19	92
„ 1.600 „ 2.400 „	2	1	—	—	—	—	1	1	14	3	5	15	42
„ 2.400 „ 3.200 „	—	—	—	—	—	—	1	1	7	—	1	13	23
Болѣе 3.200 дес. . .	—	4	—	—	—	—	1	2	6	1	7	8	29
Всего . .	99	71	23	21	5	8	7	14	194	44	97	125	708

ТАБЛИЦА Б.

Выборка участковъ крупныхъ.	Уѣзды:												
	Казанскій.	Свіяжскій.	Цивильск.	Чебоксарск.	Козьмодем.	Ядринскій.	Царевококшайск.	Мамадыш.	Лаишевск.	Тетюшскій.	Чистопол.	Спасскій.	ВСЕГО
Отъ 800 до 1.600 дес.	9	10	6	2	1	—	—	3	21	6	15	19	92
„ 1.600 „ 2.400 „	2	1	—	—	—	—	1	1	14	3	5	15	42
„ 2.400 „ 3.200 „	—	—	—	—	—	—	1	1	7	—	1	13	23
Болѣе 3.200 дес. . .	-	4	—	—	—	—	1	2	6	1	7	8	29
Всего . .	11	15	6	2	1	—	3	7	48	10	28	55	186

[redacted]

ТАБЛИЦА В.

Выборка участковъ мелкихъ	Уѣзды: Казанскій.	Свіяжскій.	Цивильск.	Чебоксарск.	Козьмодем.	Ядринскій.	Царево-кокшайск	Мамадыш.	Лаишевск.	Тетюшскій.	Чистопол.	Спасскій.	ВСЕГО.
До 200 десятинъ . .	43	34	9	8	3	6	2	2	52	15	32	32	288
Отъ 200 до 500 дес. .	32	16	3	7	1	2	2	2	63	11	32	25	196
„ 500 „ 800 „ .	13	6	5	4	—	—	--	3	31	8	5	13	88
Всего . .	88	56	17	19	4	8	4	7	146	34	69	70	522

Процентъ собственниковъ, не живущихъ въ своихъ имѣніяхъ:

ТАБЛИЦА Г.

Собственники.	Уѣзды: Казанскій.	Свіяжскій.	Цивильск. Чебоксарск. Козьмо-демьянскій. Ядринскій. Царево-кокшайскій.	Мамадышск.	Лаишевск.	Тетюшскій.	Чистопольскій.	Спасскій
1) До 200 дес. . . .	63,6	82 3	По незначительному количеству дворянскихъ имѣній, въ процентное исчисленіе не могутъ быть приняты	—	72,2	62,5	80	66
2) Отъ 201 до 500 дес.	42	66,6		33,3	50,8	66.6	45	27,2
3) „ 501 „ 800 „	33,3	66.6		33,3	50	40	50	20
4) Болѣе 800 дес. . .	18,1	35,7		33 3	42,2	20	51.8	20

Въ сложности по 7 уѣздамъ:

Собственниковъ до 200 дес. . 71,1%
„ отъ 201—500 . . 47,3
„ „ 501 800 . 41,8
„ свыше 800 . 31,6 [1])

---

[1]) *Примѣчаніе.* Многіе изъ крупныхъ собственниковъ, помѣщенныхъ подъ № 4, владѣютъ дачами въ разныхъ уѣздахъ и будучи отмѣчены въ томъ имѣніи и уѣздѣ, въ которомъ они имѣютъ осѣдлость, показаны отсутствующими въ другихъ уѣздахъ. Изъ этого слѣдуетъ, что общій дѣйствительный процентъ отсутствующихъ собственниковъ по губерніи совершенно иной, чѣмъ показано выше. Изъ этого разряда собственниковъ только 12 семействъ бываютъ въ своихъ имѣніяхъ и въ губерніи наѣздомъ, что составитъ на 185 участковъ только 7% потерянныхъ для губерніи семействъ.

Всѣхъ участковъ, въ которыхъ болѣе 800 дес., въ губерніи 186, изъ коихъ 92 минимальныхъ, 42 могущихъ по раздѣламъ образовать 84 участка, 23 могущихъ образовать 69 участковъ и 29 около 200. Слѣдовательно, со временемъ могутъ образоваться 445 дворянскихъ участковъ. Четыре уѣзда имѣютъ мало дворянъ, но за то эти уѣзды очень богаты государственными землями. Изъ нихъ Ядринскій и Цивильскій уѣзды одни изъ самыхъ плодородныхъ въ губерніи, а потому если система участковаго дворянскаго землевладѣнія будетъ принята за основаніе гражданскаго устройства государства, то отъ правительства будетъ зависѣть вмѣсто раздачи земель за заслуги въ Уфимской губерніи, выдѣлить нѣсколько участковъ въ уѣздахъ, въ которыхъ будетъ чувствоваться ихъ недостатокъ. Всей земли въ 186 участкахъ 420.188 десятинъ. Остальное количество земли распредѣлено между 522 владѣльцами съ землею въ количествѣ 144.553 десятинъ [1]).

Наименьшее количество земли въ участкахъ 2 дес., наибольшее 23.467—во владѣніи Лихачева. Эта земля находится въ разныхъ уѣздахъ и составляетъ заповѣдное имѣніе. Всматриваясь въ именной списокъ дворянъ землевладѣльцевъ, мы увидимъ, какъ сказано въ примѣчаніи къ таблицѣ Г., что изъ 185 семействъ почти всѣ дворяне, либо постоянно живутъ въ предѣлахъ Казанской губерніи, либо пріѣзжаютъ на лѣто. Исключеніемъ являются 8 фамилій, владѣющихъ отъ 4.300 до 23.467 десятинъ и 5 фамилій съ количествомъ земли болѣе 2.000 десятинъ въ лучшихъ уѣздахъ. Семейства эти не принимаютъ участія ни въ сословныхъ собраніяхъ, ни въ земскомъ самоуправленіи. Съ другой стороны, изъ именныхъ списковъ собственниковъ участковъ менѣе 800 десятинъ видно, что процентъ не живущихъ въ имѣніяхъ гг. дворянъ весьма значителенъ, по нѣкоторымъ уѣздамъ онъ доходитъ до 82,3, наименьшій 62,5, т. е. почти три

---

[1]) Свѣдѣнія эти взяты изъ дворянскихъ окладныхъ книгъ, исправленныхъ по замѣчаніямъ гг. уѣздныхъ предводителей дворянства, согласно позднѣйшимъ переходамъ собственности.

четверти мелкихъ собственниковъ не существуетъ для губерніи.

Эти факты краснорѣчиво показываютъ, что на сколько полезно для населенія губерніи среднее дворянское землевладѣніе, на столько оно безцѣльно, когда оно дѣлается крупнѣе или мельче. Задаваясь мыслью удержать земли въ дворянскихъ семействахъ въ недробимыхъ участкахъ, для образованія сословія мѣстнаго дворянства, нельзя не желать поставить предѣлы и сосредоточенія крупной собственности въ однѣхъ рукахъ, такъ какъ такое сосредоточеніе, кромѣ другихъ вредныхъ послѣдствій, о которыхъ нѣтъ возможности распространяться въ этой запискѣ, вызоветъ полный абсентеизмъ владѣльцевъ въ губерніи, т. е. сведетъ всю работу къ нулю.

Наши крупные собственники не владѣютъ дачами сплошными. Ихъ земли испещрены крестьянскими надѣлами, поселеніями, селами и деревнями. Это обстоятельство весьма благопріятно для взаимодѣйствія крупнаго участковаго и мелкаго крестьянскаго земледѣльческихъ элементовъ, при будущемъ дробленіи крупной собственности по раздѣламъ до нормы, имѣющей быть установленной.

Однако, убѣждаясь въ томъ, что крупные собственники отсутствуютъ, какъ я уже сказалъ, необходимо рядомъ съ установленіемъ минимума дробленія земель установить и меньшій максимумъ для учрежденія заповѣдныхъ имѣній. Нынѣ законъ опредѣляетъ этотъ максимумъ въ 100.000 десятинъ. Скопленіе, по наслѣдству или брачными узами, нѣсколькихъ недѣлимыхъ участковъ или заповѣдныхъ имѣній въ однѣхъ рукахъ не представляетъ неудобствъ, такъ какъ по раздѣламъ эта крупная собственность должна раздробиться въ слѣдующихъ поколѣніяхъ.

Съ другой стороны, такъ какъ уже совершившаяся убыль дворянскихъ земель въ Казанской губерніи вынуждаетъ отказаться отъ учрежденія участковъ бо́льшаго минимума, чѣмъ 800 десятинъ, то было бы цѣлесообразно запретить отчужденіе или выдѣлъ по раздѣламъ земель, остающихся сверхъ минимума. Напримѣръ: владѣлецъ 1.300 десятинъ,

т. е. участка, не составляющаго 2 недѣлимыхъ участковъ, не долженъ имѣть права выдѣлить другому наслѣднику часть этого участка иначе, какъ если онъ прикупитъ то количество земли, которое нужно для составленія двухъ полныхъ участковъ.

Изъ приведеннаго выше процентнаго исчисленія собственниковъ, проживающихъ въ имѣніяхъ, усматривается, что по мѣрѣ мельчанія участковъ ниже 800 десятинъ, число лицъ, порвавшихъ связь съ своими участками, увеличивается. Процентъ пустующихъ участковъ въ 200 десятинъ и менѣе доходитъ до 71,1. Таковыхъ участковъ въ губерніи 225 съ общимъ количествомъ земли 18.072 десятинъ. Изъ 225 участковыхъ владѣльцевъ только 65 живутъ въ своихъ участкахъ. Въ пустующихъ участкахъ нѣтъ ни господскихъ, ни хозяйственныхъ усадьбъ. Земли сдаются мѣстнымъ крестьянамъ въ аренду, которую получаютъ и отсылаютъ владѣльцамъ старосты изъ мѣстныхъ крестьянъ. О владѣльцахъ этой категоріи я упомяну ниже. Теперь обращу вниманіе на собственниковъ, владѣющихъ участками отъ 200 до 800 десятинъ, имѣющихъ усадьбы и хозяйства и которые либо сами, либо семейства ихъ живутъ въ участкахъ. Таковыхъ насчитывается у насъ въ губерніи до 145. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторые изъ такихъ собственниковъ владѣютъ землей въ количествѣ почти равномъ 800 десятинамъ, нельзя не замѣтить, что нерѣдко владѣющіе и меньшимъ количествомъ земли обладаютъ участками болѣе доходными, чѣмъ собственники болѣе крупныхъ участковъ. Затѣмъ нельзя не сознавать, что съ точки зрѣнія субъективной, каждый дворянинъ землевладѣлецъ, живущій въ своемъ участкѣ, а слѣдовательно, не потерявшій сословно-землевладѣльческаго характера, будетъ по праву считать себя обиженнымъ не имѣть части въ тѣхъ привилегіяхъ, которыми должно быть обставлено недѣлимо-участковое землевладѣніе. За этой группой дворянъ имѣются и историческія заслуги ихъ предковъ, и ихъ численность. Съ другой стороны, сословныя цѣли не могутъ оправдывать стремленіе удержать недѣлимыми участки, не обезпечивающіе существованіе, хотя бы

самое скромное, дворянской семьи. Для согласованія этихъ двухъ положеній, если для разряда болѣе крупныхъ собственниковъ будетъ учрежденъ обязательный переходъ къ наслѣдству по системѣ недѣлимости земель, то второй группѣ могло бы быть предоставлено право добровольнаго причисленія къ первому разряду, установивъ сроки для такого зачисленія.

О дворянахъ безземельныхъ говорить нечего; они выбыли изъ строя и не участвуютъ въ сословныхъ собраніяхъ, даже черезъ уполномоченныхъ. Но нельзя не желать утилизировать группу тѣхъ дворянъ, которые хотя хозяйничаютъ на ничтожныхъ клочкахъ земли, но отъ своего сословія не отстали и продолжаютъ тянуться къ землѣ. Вспомнимъ, что о таковыхъ дворянахъ нѣкогда имѣло попеченіе и законодательство наше. Историческимъ памятникомъ заботы нашихъ государей объ этихъ дворянахъ служитъ ст. 516 т. X Св. Зак., которая гласитъ: „Малоимущіе дворяне, коимъ отведены по Высочайшему повелѣнію земли для поселенія, не имѣютъ права продавать означенные участки, и вообще всякій переходъ земель отъ одного владѣльца къ другому инымъ способомъ, кромѣ наслѣдства, воспрещается". Припомнимъ, какимъ образомъ были заселены дворянствомъ окраины Россіи, къ которымъ нѣкогда причислялось и Казанское Царство. Примѣняясь къ этимъ положеніямъ, было бы исторически послѣдовательно, такимъ же способомъ заселить дворянствомъ и Сибирь, и другія мѣста Имперіи, но уже на условіяхъ и правахъ недѣлимыхъ участковъ, согласовавъ раздачу земель съ переселенческимъ вопросомъ малоземельныхъ крестьянъ. Мелкопомѣстные дворяне, не утратившіе, по сказочному выраженію, „тягу земную", продавъ участки, которыми они владѣютъ теперь, будутъ имѣть возможность переселиться на новыя мѣста съ достаточными на то капиталами и въ большинствѣ случаевъ съ возможностью принять на себя денежныя обязательства передъ государствомъ. Если къ такимъ дворянскимъ участкамъ будутъ пріурочены мѣста для переселенцевъ, дворянеземлевладѣльцы попадутъ въ условія, при которыхъ хозяйство будетъ воз-

можно и образуютъ со временемъ такое же устойчивое сословіе мѣстнаго дворянства, какъ то, которое образовалось въ Россіи. Такія льготы могутъ быть предоставлены и вторымъ сыновьямъ владѣльцевъ, додробившихся до минимальныхъ недѣлимыхъ участковъ, съ большей выгодой для пустующихъ нынѣ частей Русской Имперіи, но для этого прежде всего надо выработать прочную систему для переселенія малоземельныхъ крестьянъ. По плану, набросанному мной въ брошюрѣ „Изъ губерніи", на первыхъ порахъ образуется два вида собственниковъ: а) владѣльцы недѣлимыхъ участковъ и б) владѣльцы земель свободныхъ отъ недробимости. Казалось бы, что владѣльцамъ послѣдней категоріи, не пожелавшимъ воспользоваться правомъ въ извѣстный срокъ образовать недѣлимые участки менѣе установленнаго наименьшаго размѣра или получить земли на окраинахъ России, не можетъ быть причинъ противиться проекту образованія недѣлимыхъ участковъ. Права ихъ останутся тѣ же, которыми они пользуются и теперь, какъ въ сословныхъ собраніяхъ, такъ и въ земскихъ и, сверхъ сего, отъ нихъ не должно быть отнято право образовывать изъ своихъ земель недѣлимые участки и впослѣдствіи, но только въ опредѣленномъ наименьшемъ размѣрѣ, скупая дроби мельчающихъ участковъ лицъ, не желающихъ удержать за собой свои земли.

Это дѣленіе по роду владѣній будетъ лишь переходное, такъ какъ мелкіе участки въ теченіи перваго же поколѣнія, въ силу нынѣ дѣйствующихъ законовъ, будутъ проданы крестьянамъ, либо, по введеніи законовъ о недѣлимыхъ участкахъ,—дворянамъ, желающимъ дополнить участки до размѣровъ недѣлимыхъ для себя или для вторыхъ и третьихъ сыновей. Слѣдуетъ замѣтить, что исчезновеніе мелкихъ участковъ не обусловливается системой недѣлимыхъ участковъ. Это есть послѣдствіе нынѣ существующаго порядка вещей.

Съ 1861 года до настоящаго времени замѣчается у дворянъ стремленіе развязаться съ землей, доставляющей много трудовъ, заботъ и мало пользы. Осуществленіе проекта о не-

дѣлимыхъ участкахъ даетъ обратный толчекъ. Явится стремленіе пріобрѣтать земли, черезъ что мелкіе землевладѣльцы могутъ только выиграть, такъ какъ земли, вслѣдствіе требованія на нихъ и уменьшенія количества земель продажныхъ, должны вздорожать. Система недѣлимыхъ участковъ обусловливаетъ запретъ продавать не только недѣлимые участки, но и все то количество земли, которое имѣется у владѣльцевъ сверхъ 800 десят., долженствующихъ составить недѣлимый участокъ. Какъ земли общинъ не принадлежатъ въ собственность живущему поколѣнію, а населенію и его потомству, такъ и земли владѣльческія должны принадлежать не владѣльцу, а его роду, что́ и лежало въ основаніи древне-русскаго землевладѣнія [1]) и потому самому эти земли при такомъ ихъ значеніи не должны быть облагаемы налогомъ при переходѣ по наслѣдству въ пользованіе участковыхъ владѣльцевъ. Всѣ земли могутъ дѣлиться до установленнаго минимума, который не подлежитъ отвѣтственности за долги и не можетъ быть закладываемъ, а потому нельзя допустить и новые залоги подъ земли, которыя должны впослѣдствіи образовать недѣлимые участки. Нельзя допустить отчуждаемость земель и цѣлыми недѣлимыми участками, потому что условіе незакладываемости при этомъ не можетъ быть соблюдено. Понятно, что существующимъ земельнымъ банкамъ можетъ быть воспрещено принимать въ въ залогъ дворянскія земли, но частныя лица всегда дадутъ деньги подъ видомъ запродажи и фактически не будетъ возможности оградить участки отъ подобныхъ сдѣлокъ, которыя, быть можетъ, вернутся къ древне-греческой формѣ закладовъ, упрочившихся у Аѳинянъ задолго до Солона [2]). Тамъ кредиторъ вступалъ въ пользованіе зем-

---

[1]) См. брошюру „Изъ губерніи“, стр. 24.

[2]) Законодательство Солона стремится освободить земли отъ ипотечныхъ долговъ и удержать за старшимъ сыномъ отеческій долгъ. Солонъ въ стихахъ поздравляетъ „бабушку землю съ тѣмъ, что она освободилась отъ ипотечныхъ документовъ“. Тѣ же цѣли преслѣдуютъ другіе греческіе законодатели, какъ Ѳидонъ въ Коринѳѣ, Ѳилолаусъ въ Ѳивахъ. Такіе же законы существовали въ Локрахъ,

лей, впредь до уплаты долга, не отвѣчая за убытки, которые въ теченіе этого пользованія онъ могъ причинить владѣнію. Единственная форма кредита, которую можно допустить для дворянскаго землевладѣнія,—это краткосрочную, подъ соло-векселя, въ размѣрахъ извѣстной доли годоваго дохода имѣнія, ссуды подъ хлѣба, при устройствѣ системы элеваторовъ, а главное *меліораціонный кредитъ*.

Самымъ мудренымъ вопросомъ въ дѣлѣ перехода отъ неограниченнаго права распоряженія земельной собственностью при жизни владѣльца и измѣненія условій посмертнаго распоряженія родовыми имуществами къ праву только пользованія—это вопросъ о привилегіяхъ. Мы видимъ, что законы, допускавшіе добровольное учрежденіе заповѣдныхъ имѣній, ни къ чему не привели. Какое же есть основаніе предполагать, что уменьшеніе размѣровъ заповѣдныхъ участковъ можетъ имѣть успѣхъ? Съ точки же зрѣнія государственныхъ интересовъ, какая можетъ быть польза въ томъ, что въ одной или немногихъ мѣстностяхъ будутъ существовать изолированныя группы заповѣдныхъ участковъ, а въ остальныхъ землевладѣніе додробится до нуля. Полтавское дворянство ходатайствуетъ о разрѣшеніи добровольнаго учрежденія заповѣдныхъ участковъ отъ 400 десятинъ. Законъ, устанавливая минимумъ въ 10 т. десятинъ или 12 т. руб. год. дохода, разрѣшилъ даже учрежденіе заповѣдныхъ имѣній съ ипотечными долгами, при согласіи на то учрежденій, въ которыхъ эти имѣнія заложены. Вѣдь такія условія доступны и теперь для 13.380 семействъ по всей Россіи. Когда былъ изданъ законъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ, количество соб-

---

Левкидахъ и Калхедоніи. Законъ, называемый „Оксилусъ", запрещалъ всякому гражданину ипотечные долги подъ земли. Обычай передачи долга старшему держится только до Демосѳена. (Aristot. VIII, 5,2). Послѣдствіемъ утраты такого порядка является сосредоточеніе собственности въ рукахъ немногихъ семействъ, невозможность малочисленнымъ крупнымъ собственникамъ бороться съ численнымъ пролетаріатомъ, что́ обусловливаетъ сперва призывъ крупными собственно Македонянъ, а впослѣдствіи Римлянъ (См. F. Meyer A. G. Ardant 1887).

ственниковъ 10 т. десятинъ и пользовавшихся годовымъ доходомъ въ 12 т. р. было еще значительнѣе. Такія крупныя имѣнія, какъ 32 т. десятинъ Талычиныхъ въ Чистопольскомъ уѣздѣ, уходили изъ дворянскихъ рукъ съ молотка.

Въ Казанской губерніи для 300 семействъ учрежденіе заповѣдныхъ имѣній въ опредѣленномъ закономъ размѣрѣ доступно и понынѣ, однако со времени изданія закона учреждено только одно во всей губерніи.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что мѣра добровольнаго и облегченнаго способа учрежденія заповѣдныхъ участковъ, хотя бы простымъ нотаріальнымъ актомъ, не можетъ дать результатовъ. Эта мѣра усилитъ только неопредѣленное положеніе нашего землевладѣльческаго дворянства, а главное не сохранитъ государству необходимаго для него элемента. Очевидно, что единственный возможный выходъ изъ этого положенія это сословная уступка права распоряженія родовой собственностью при жизни владѣльца и измѣненія посмертныхъ существующихъ ограниченій распоряженія по наслѣдству. Эта сословная уступка правъ, возводящая вопросъ на почву обязательнаго перехода къ владѣнію землей на основаніи недѣлимости наслѣдственныхъ участковъ, обусловливаетъ необходимость вознагражденія потери правъ дарованіемъ правъ новыхъ. Разница добровольнаго и обязательнаго переходовъ отъ одной системы владѣнія землей къ другой—большая. При изысканіи средствъ для привлеченія добровольнаго учрежденія дворянами заповѣдныхъ имѣній, нѣтъ видимыхъ предѣловъ для замѣны утрачиваемыхъ правъ правами новыми, установивши которыя можно было бы сказать, что нужное количество заповѣдныхъ имѣній будетъ учреждено.

При возбужденіи же вопроса объ обязательномъ переходѣ къ иному способу владѣнія родовыми имуществами, уступки и государства, и сословія могутъ быть точно опредѣлены. И такъ, если отнятіе великаго права распоряженія родовыми имуществами должно быть замѣнено другимъ эквивалентнымъ правомъ или другими правами, которыя въ сложности равносильны были бы первому, мы немедленно столкнемся съ

вопросомъ о привилегіяхъ, которыя должны вознаградить потерю того великаго права. Этотъ тезисъ я выдвинулъ въ брошюрѣ моей „Изъ губерніи“. Что же касается до того, какія привилегіи должны быть предложены, то въ этой брошюрѣ я выставилъ только примѣры, сознавая, что обсужденіе такихъ вопросовъ въ нашихъ сословныхъ собраніяхъ пока не имѣетъ цѣли. Для одного села, хотя бы и большаго, законовъ не пишутъ, да наконецъ прежде чѣмъ говорить о вознагражденіи за потери, надо опредѣлить ихъ, а до этой работы мы еще не дошли. За нее можно приняться тогда, когда насъ призоветъ къ ней воля нашего Монарха. Прежде всего надо выяснить положеніе дворянства, убѣдить мыслящіе слои населенія въ томъ, что при существующихъ законахъ о землевладѣніи, государство въ неотдаленномъ будущемъ лишится не только землевладѣльческаго сословія дворянъ, но и вообще участковаго землевладѣнія; что для сохраненія его необходимы жертвы не со стороны одного дворянства, которое уже ихъ принесло достаточно, но и со стороны государства.

Указывая на нѣкоторыя изъ доступныхъ государству и даже полезныхъ для его процвѣтанія мѣръ, какъ то: 1) раздачу земель въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, въ которыхъ онѣ не имѣютъ никакой цѣнности на *и пріурочиваніе къ нимъ переселяющихся крестьянъ* и 2) на дарованіе безплатнаго воспитанія вторымъ и третьимъ сыновьямъ владѣльцевъ минимальныхъ участковъ, пока таковые находятся въ залогѣ банковъ, съ обязательною за то на извѣстный срокъ службой, какъ это практикуется для казенныхъ стипендіатовъ и въ корпусахъ для дѣтей штабъ-и оберъ-офицеровъ, я выставлялъ возможность согласовать взаимные интересы государства и сословія. Въ первомъ примѣрѣ государство едва-ли не больше получитъ, чѣмъ отдастъ. Во второмъ навѣрно это будетъ такъ. Наглядно это можно доказать слѣдующими соображеніями.

Та часть дворянъ, которая поступитъ въ армію, внесетъ въ нее тотъ элементъ, который прославилъ ее межъ всѣми народами міра въ боевыя эпохи Екатерины II и Александра I,

когда ряды офицеровъ состояли исключительно изъ дворянъ. Другая внесетъ въ бюрократію элементъ земскій.

Въ настоящее время, та часть нашего чиновничества, которая и владѣетъ землями, въ большинствѣ случаевъ отъ рожденья не видали своихъ владѣній. Все знакомство ея съ Россіей начинается на службѣ. Чиновники разныхъ вѣдомствъ, проживая въ уѣздахъ и губернскихъ городахъ, составляютъ особые кружки, сходящіеся съ мѣстными жителями только за карточными столами. Эти лица знакомятся съ мѣстностями только съ точки зрѣнія существующихъ порядковъ и требованій мѣстнаго начальства, вышедшаго изъ той же среды. Эластичность статистическихъ выкладокъ и знаній, собираемыхъ односторонне, даетъ имъ полный просторъ писать донесенія въ центральныя учрежденія, примѣняясь къ ихъ направленію.

Владѣльцы недѣлимыхъ участковъ, какъ выяснилось изъ помѣщенныхъ здѣсь таблицъ, будутъ продолжать жить въ своихъ гнѣздахъ. Ихъ дѣти, при нихъ воспитанныя до поступленія въ учебныя заведенія, проводя затѣмъ вакацію у своихъ родителей, пріѣзжая, будучи на службѣ, хотя и въ другія губерніи, будутъ сближаться съ мѣстнымъ лучшимъ обществомъ, какъ съ чѣмъ-то имъ близкимъ. Усвоенныя ими съ дѣтства заботы матерей и отцовъ на всѣхъ ступеняхъ службы не будутъ имъ чужды. Россія будетъ имъ знакома съ дѣтства, тогда какъ канцелярскіе теоретики знакомы съ ней только по книгамъ и докладамъ.

За безплатное воспитаніе молодежь расплатится обязательной службой. Эта служба заставитъ многихъ молодыхъ людей отбывать свою повинность на тѣхъ отдаленныхъ пунктахъ, которые избѣгаются людьми, имѣющими право выбора, на которые ни увеличенный гонораръ, ни сокращенные сроки для выслуги пенсіи не въ силахъ привлечь благовоспитанную и образованную молодежь. Если такія привилегіи тяжелы, то отнюдь не для государства. Чтобы подобныя привилегіи не сдѣлались privilegia odiosa, какъ выразился мой рецензентъ въ „Вѣстникѣ Европы“, для тѣхъ, которые должны будутъ ими пользоваться, надъ ними придется поработать и во всякомъ случаѣ не смотрѣть на нихъ глазами кн. Мещер-

скаго (полт. губ. пред. дворянства)[1]. Конечно, если только возможно найти комбинацію, при которой можно будетъ остановить мельчаніе земельныхъ участковъ до ихъ уничтоженія, безъ всякихъ жертвъ и съ той и съ другой стороны, то чего же лучше; но въ томъ-то и суть, возможно ли это? А если нельзя, то слѣдуетъ ли останавливаться передъ трудностью задачи только потому, что формула для ея разрѣшенія не отыскана. Не привилегіи намъ нужны, намъ нужно дозволеніе отыскивать эту формулу, принявъ за исходную точку наименьшую дробимость земельныхъ участковъ, и это нужно намъ не для насъ: намъ легче доживать нашъ вѣкъ при порядкахъ, съ которыми, такъ или иначе, мы свыклись; намъ это нужно потому, что мы предвидимъ много бѣдъ для всего нашего потомства, осужденнаго жить на узкользающей подъ нимъ почвѣ, подъ кровомъ отцовскихъ домовъ, не имѣющихъ устоевъ.

Систета, предлагаемая мной, касается базиса территоріальнаго устройства губерніи. Она не идетъ противъ теченія реформы 1861 г., она ее завершаетъ, пользуясь существующими землевладѣльческими элементами, согласуя ихъ функціи и указывая заранѣе отдѣльнымъ группамъ населенія дорогу, по которой имъ предстоитъ идти.

Если не во всей Россіи можно единовременно ввести систему недѣлимыхъ участковъ, то это вовсе не значитъ, чтобы она не могла быть введена впослѣдствіи и повсемѣстно.

Всѣ государства, не заселенныя однимъ племенемъ, имѣютъ свой центръ тяжести, который есть племя господствующее и, чѣмъ тверже этотъ центръ организованъ, тѣмъ прочнѣе стоитъ это государство.

Характерная черта славянскихъ народовъ—это, говорятъ, неумѣніе ихъ сплотиться въ стройное гражданское тѣло. Исключеніемъ изъ этого правила является однако Россія. Если крестьянская реформа и потрясла прежній ея землевладѣльческій строй, тѣмъ не менѣе мы вправѣ вѣровать, что Россія найдетъ въ самой себѣ силу и энергію возстановить, на послѣдовательныхъ крестьянской реформѣ нача-

[1]) См. „Новое Время“ № 4285.

когда ряды офицеровъ состояли исключительно изъ дворянъ. Другая внесетъ въ бюрократію элементъ земскій.

Въ настоящее время, та часть нашего чиновничества, которая и владѣетъ землями, въ большинствѣ случаевъ отъ рожденья не видали своихъ владѣній. Все знакомство ея съ Россіей начинается на службѣ. Чиновники разныхъ вѣдомствъ, проживая въ уѣздахъ и губернскихъ городахъ, составляютъ особые кружки, сходящіеся съ мѣстными жителями только за карточными столами. Эти лица знакомятся съ мѣстностями только съ точки зрѣнія существующихъ порядковъ и требованій мѣстнаго начальства, вышедшаго изъ той же среды. Эластичность статистическихъ выкладокъ и знаній, собираемыхъ односторонне, даетъ имъ полный просторъ писать донесенія въ центральныя учрежденія, примѣняясь къ ихъ направленію.

Владѣльцы недѣлимыхъ участковъ, какъ выяснилось изъ помѣщенныхъ здѣсь таблицъ, будутъ продолжать жить въ своихъ гнѣздахъ. Ихъ дѣти, при нихъ воспитанныя до поступленія въ учебныя заведенія, проводя затѣмъ вакацію у своихъ родителей, пріѣзжая, будучи на службѣ, хотя и въ другія губерніи, будутъ сближаться съ мѣстнымъ лучшимъ обществомъ, какъ съ чѣмъ-то имъ близкимъ. Усвоенныя ими съ дѣтства заботы матерей и отцовъ на всѣхъ ступеняхъ службы не будутъ имъ чужды. Россія будетъ имъ знакома съ дѣтства, тогда какъ канцелярскіе теоретики знакомы съ ней только по книгамъ и докладамъ.

За безплатное воспитаніе молодежь расплатится обязательной службой. Эта служба заставитъ многихъ молодыхъ людей отбывать свою повинность на тѣхъ отдаленныхъ пунктахъ, которые избѣгаются людьми, имѣющими право выбора, на которые ни увеличенный гонораръ, ни сокращенные сроки для выслуги пенсіи не въ силахъ привлечь благовоспитанную и образованную молодежь. Если такія привилегіи тяжелы, то отнюдь не для государства. Чтобы подобныя привилегіи не сдѣлались privilegia odiosa, какъ выразился мой рецензентъ въ „Вѣстникѣ Европы“, для тѣхъ, которые должны будутъ ими пользоваться, надъ ними придется поработать и во всякомъ случаѣ не смотрѣть на нихъ глазами кн. Мещер-

скаго (полт. губ. пред. дворянства) [1]). Конечно, если только возможно найти комбинацію, при которой можно будетъ остановить мельчаніе земельныхъ участковъ до ихъ уничтоженія, безъ всякихъ жертвъ и съ той и съ другой стороны, то чего же лучше; но въ томъ-то и суть, возможно ли это? А если нельзя, то слѣдуетъ ли останавливаться передъ трудностью задачи только потому, что формула для ея разрѣшенія не отыскана. Не привилегіи намъ нужны, намъ нужно дозволеніе отыскивать эту формулу, принявъ за исходную точку наименьшую дробимость земельныхъ участковъ, и это нужно намъ не для насъ: намъ легче доживать нашъ вѣкъ при порядкахъ, съ которыми, такъ или иначе, мы свыклись; намъ это нужно потому, что мы предвидимъ много бѣдъ для всего нашего потомства, осужденнаго жить на узкользающей подъ нимъ почвѣ, подъ кровомъ отцовскихъ домовъ, не имѣющихъ устоевъ.

Систета, предлагаемая мной, касается базиса территоріальнаго устройства губерніи. Она не идетъ противъ теченія реформы 1861 г., она ее завершаетъ, пользуясь существующими землевладѣльческими элементами, согласуя ихъ функціи и указывая заранѣе отдѣльнымъ группамъ населенія дорогу, по которой имъ предстоитъ идти.

Если не во всей Россіи можно единовременно ввести систему недѣлимыхъ участковъ, то это вовсе не значитъ, чтобы она не могла быть введена впослѣдствіи и повсемѣстно.

Всѣ государства, не заселенныя однимъ племенемъ, имѣютъ свой центръ тяжести, который есть племя господствующее и, чѣмъ тверже этотъ центръ организованъ, тѣмъ прочнѣе стоитъ это государство.

Характерная черта славянскихъ народовъ—это, говорятъ, неумѣніе ихъ сплотиться въ стройное гражданское тѣло. Исключеніемъ изъ этого правила является однако Россія. Если крестьянская реформа и потрясла прежній ея землевладѣльческій строй, тѣмъ не менѣе мы вправѣ вѣровать, что Россія найдетъ въ самой себѣ силу и энергію возстановить, на послѣдовательныхъ крестьянской реформѣ нача-

[1]) См. „Новое Время“ № 4285.

лахъ, законы о землевладѣніи другихъ сословій, могущіе обезпечить за ней внутренній миръ и силу внѣшнюю. Быть можетъ, люди, воспитанные въ періодъ реформенной эпохи и недавно еще проповѣдывавшіе необходимость довершенія зданія на началахъ намъ совершенно чуждыхъ, будутъ еще достаточно численны, чтобы затормозить наши усилія, но время свое возьметъ. Если ученые западной Европы начинаютъ съ негодованіемъ нападать на систему представительныхъ правительствъ,—явятся и у насъ послѣдователи Тэна, которые скажутъ съ нимъ: „классъ политическихъ „дѣятелей вездѣ подозрителенъ; онъ набирается не изъ не„зависимыхъ и способныхъ людей, а изъ интригующихъ „шарлатановъ, которые за недостаткомъ характера не имѣли „успѣха въ частныхъ предпріятіяхъ и на другихъ попри„щахъ, гдѣ за каждымъ шагомъ зорко слѣдятъ и строго „взвѣшиваютъ достоинства.—Ихъ наглость и безстыдство „широко раскрываютъ передъ ними двери общественной „карьеры. Вотъ та священная особа, въ руки которой я по „теоріи призванъ отдать свою личность. Если признать „необходимымъ самоотреченіе, то я гораздо скорѣе согласенъ „отдать себя въ руки короля или аристократіи: тогда за „моихъ представителей по крайней мѣрѣ ручались бы ихъ „санъ и предполагаемыя способности“. (Соціализмъ какъ правительство, стр. 27—29. Тэнъ, перев. Никитенко).

Вотъ что говоритъ Тэнъ. Я не иду такъ далеко. Не аристократію хотѣлъ бы я видѣть облеченною властью, нѣтъ, я бы полагалъ полезнымъ воспользоваться среднепомѣстнымъ дворянствомъ, чтобы сдѣлать изъ него твердую опору порядка,—пересоздать его на тѣхъ началахъ, которыя составляютъ основы здоровой гражданственности въ государствѣ, приготовить въ нѣдрахъ этого сословія вѣрныхъ слугъ Государю и отечеству, преданность которыхъ была бы гарантирована ихъ собственнымъ интересомъ. Пора крѣпостнаго права миновала; ее должно замѣнить не безправіе землевладѣльческихъ сословій, а крѣпко установленныя права на землю и вытекающія изъ этихъ правъ обязанности.

Н. БАРАТЫНСКІЙ.

МОЛОДЕЖЪ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

II.

Всю эту зиму Гриша Непрядвинъ часто ѣздилъ къ Коловратскимъ. Благодаря Пашѣ онъ былъ теперь принятъ въ домѣ какъ свой человѣкъ. Анна Дмитріевна разъ навсегда пригласила его бывать у нихъ запросто. Гриша чистосердечно воображалъ, что влечетъ его туда одно чувство дружбы къ Пашѣ, съ которымъ онъ такъ любитъ заводить длинныя бесѣды на всевозможныя отлеченныя темы. А между тѣмъ весь интересъ этихъ бесѣдъ давно ужь стушевался передъ инымъ, пока еще незначительнымъ чувствомъ.

Когда Гриша подъѣзжалъ къ знакомому дому на Моховой, то былъ весь охваченъ тревожной мыслью, увидитъ ли онъ Нелли въ этотъ разъ и какъ произойдетъ ихъ встрѣча. И чѣмъ эти встрѣчи повторялись чаще, тѣмъ живѣе Гриша ощущалъ въ себѣ несвойственную ему робость. А сама Нелли держалась съ нимъ какъ нельзя болѣе просто и непринужденно, она къ нему совершенно открыто благоволила. И какъ разъ поэтому никто въ домѣ не догадывался, что молодые люди были другъ къ другу далеко неравнодушны. Анна Дмитріевна смотрѣла на дочь какъ на совершеннаго еще ребенка, а Павлу Александровичу и въ голову не приходило, чтобы его смышленая Нелли могла увлечься та-

кимъ неоперившимся молодымъ малымъ, совсѣмъ ужь непригоднымъ для роли будущаго жениха,—на то она слишкомъ ужь знала себѣ цѣну. Самъ Павелъ Александровичъ почти не обращалъ вниманія на Гришу; а съ тѣхъ поръ какъ Гриша поступилъ къ нему въ министерство—случилось это въ началѣ декабря—къ равнодушной любезности его обращенія прибавился легкій оттѣнокъ начальническаго покровительства.

Когда Нелли вошла къ матери, она ужь совсѣмъ не походила на бойкую своенравную дѣвочку, за пять минутъ передъ тѣмъ болтавшую не совсѣмъ приличный вздоръ съ старшимъ братомъ; въ ея поступи, въ звукѣ ея голоса, въ выраженіи ея лица было теперь что-то скромное, хоть и, правда, неробкое, то самое сдержанное оживленіе, какое должно быть у полувзрослой, но отмѣнно воспитанной дѣвушки. Слегка покраснѣвъ, она приняла изъ рукъ отца дорогой подарокъ и надѣла его себѣ на руку, выразивъ при этомъ ровно въ мѣру и благодарность, и удовольствіе. Онъ обнялъ ее; и когда она слегка приподнялась на цыпочки, чтобы поцѣловать его въ отвѣтъ, даже въ этомъ движеніи было столько законченнаго изящества, что она какъ будто заранѣе выучилась, какъ это сдѣлать, зная напередъ, что ею будутъ любоваться. Да и въ самомъ дѣлѣ глаза Гриши безпокойно слѣдили за ней, пока она говорила съ отцомъ. А когда она такъ мило отвѣтила на его поздравленія, чуть-чуть пожавъ его руку, на мигъ у нея блеснуло что-то шаловливое и задорное, точно ей было весело сознавать свою безграничную власть надъ этимъ рослымъ, красивымъ юношей. Но это было только на мигъ. Нелли сѣла возлѣ матери, и въ ея лицѣ было опять то особое праздничное, но прилично сдержанное выраженіе, съ какимъ она за минуту передъ тѣмъ вошла въ гостиную. И въ тонѣ ея, когда она заговорила съ Гришей, была опять свойственная ей прелестная смѣсь чего-то полудѣтскаго, почти наивнаго, съ какимъ-то затаеннымъ чарующимъ задоромъ, прорывавшимся у нея и въ звукахъ голоса, и въ легкомъ смѣхѣ, и въ мимолетномъ блескѣ

взгляда. Гриша слушалъ и восхищался, и совсѣмъ неумными выходили его смущенные отвѣты. Нетрудно было бы догадаться, что-за чувства вызывала въ немъ молодая дѣвушка. Но догадывалась объ этомъ одна Нелли. И неумѣлая робость его словъ доставляла ей, повидимому, особое самолюбивое удовольствіе. Гришѣ недолго однако пришлось на этотъ разъ за одно робѣть и восхищаться,—а то и другое взятое вмѣстѣ составляетъ, извѣстное дѣло, главную прелесть зарождающейся любви. Вошедшій лакей доложилъ о пріѣздѣ княгини Зои Никитишны Варенцовой съ дочерью. Анна Дмитріевна вздохнула и приказала просить. Павелъ Александровичъ всталъ и объявилъ, что ему пора ѣхать. Жена не разспрашивала его, куда онъ собирается, но по ея лицу пробѣжало грустное и въ то же время покорное выраженіе. Въ залѣ Павелъ Александровичъ встрѣтился съ входившей дамой, сильно шумѣвшей тяжелымъ шлейфомъ.

— Comme vous êtes beau, послышался оттуда нѣсколько крикливый, неестественный голосъ дамы, и тотчасъ затѣмъ немного стремительно вошла въ гостиную невысокая женщина среднихъ лѣтъ, но сильно молодившаяся, съ оттѣнкомъ напряженной любезности на очень некрасивомъ, но выразительномъ лицѣ. За нею шла, вся вытянувшись, точно на ней было не платье, а хомутъ, молодая дѣвушка, въ каждомъ движеніи которой читалась строгая даже мучительная выправка и необыкновенная боязнь передъ матерью. Княгиня Зоя нѣсколько шумливо, неестественно выпрямляя станъ, поздравила новорожденную и ея мать, причемъ выразила преувеличенное восхищеніе, потомъ стремительно опустилась на стулъ, придавъ своему шлейфу необыкновенно быстрое вращательное движеніе, потомъ стала увѣрять, гримасничая, что дочь ея Lise питаетъ къ Нелли необыкновенную привязанность, хотя молодыя дѣвушки видѣлись всего въ третій разъ, а сама Lise неподвижно молчала. Когда княгинѣ представили Гришу, она сперва вмѣсто поклона сдѣлала неопредѣленное движеніе глазами и отвернулась. Но когда Нелли вслѣдъ затѣмъ добавила: „Le neveu

de la comtesse Brunnendorff, madame“, княгиня улыбнулась и даже протянула Гришѣ кончики пальцевъ. Начался вертлявый разговоръ, отъ котораго у Анны Дмитріевны черезъ пять минутъ заболѣла голова,—до того быстро княгиня вплетала въ него самыя разнообразныя темы—и безпокойство за здоровье Анны Дмитріевны, и похвалы государственному уму Павла Александровича, и высшую политику, и городскія сплетни, въ томъ числѣ сдержанный намекъ на отношенія Мери Столѣниной къ Двинскому.

У княгини Зои Никитишны были очень разстроенныя дѣла, и ея довольно многочисленной семьѣ грозила въ будущемъ печальная участь, еслибы ей не удалось заблаговременно пристроить своихъ дѣтокъ. Въ виду этого она зорко и усердно присматривала для своихъ двухъ очень невзрачныхъ сыновей богатыхъ невѣстъ, а для трехъ дочекъ не только богатыхъ, но и блестящихъ жениховъ. Не смотря на свою материнскую заботливость, княгиня отказывать себѣ ни въ чемъ не любила и въ ожиданіи будущихъ благъ всегда жила на широкую ногу. Трудно сказать, какимъ чудомъ она добывала средства на туалеты, на пріемы и на заграничныя путешествія. Но въ Петербургѣ она держала открытый домъ, а каждую осень аккуратно наѣзжала въ Парижъ заказывать платье у Ворта. Она хорошо понимала, что товаръ надо лицомъ показать, и дочекъ своихъ наряжала какъ куколъ. Жениховъ она травила не только въ Петербургѣ, но и заграницей и старшую дочь Вава̀ недавно съ большимъ трескомъ выдала за какого-то испанскаго гранда. Для второй, Lise, только-что выпущенной въ свѣтъ, у нея давно на примѣтѣ былъ Двинскій; и княгиня, забывая про свои многочисленные грѣшки, сильно негодовала на его связь съ Мери Столѣниной. Младшая, самая красивая изъ ея дочерей, Китти, была еще подросткомъ. За годъ передъ тѣмъ княгиня едва-ли бы стала ухаживать за Коловратскими и ѣздить къ нимъ съ поздравленіями. Анна Дмитріевна, вся ушедшая въ благотворительность и никогда у себя не дѣлавшая пріемовъ, недавно еще въ глазахъ княгини не имѣла ровно никакого значенія; но теперь Нелли, которую она случайно встрѣтила

у графини Елизаветы Андреевны, была почти совсѣмъ большая. И въ слѣдующую зиму, когда она станетъ выѣзжать, у Коловратскихъ начнутся пріемы, и Анна Дмитріевна вдругъ пріобрѣтетъ очень высокую цѣнность на свѣтскомъ рынкѣ. Нелли куда какъ могла пригодиться для любаго изъ долговязыхъ болвановъ, сыновей княгини, выводившихъ ее изъ терпѣнія сперва неудачами на экзаменахъ, а потомъ необыкновеннымъ умѣньемъ дѣлать долги и попадать въ глупыя исторіи; и княгиня, прежде совсѣмъ не водившая знакомства съ Анной Дмитріевной, теперь въ угоду ей даже взяла у нея цѣлыхъ двадцать билетовъ на одинъ изъ ея благотворительныхъ концертовъ.

На Гришу точно холодомъ повѣяло отъ княгини Зои Никитишны и ея бойкой трескотни. Онъ упорно, почти обиженно молчалъ, смотря на нее недружелюбными глазами. Княгиня была олицетвореніемъ чуждаго для него міра, отъ котораго онъ, вопреки стараніямъ матери, упрямо и какъ-то пугливо сторонился. Въ этомъ мірѣ онъ чуялъ какую-то враждебную ему силу, которая рано или поздно станетъ между нимъ и Нелли и отниметъ у него милую дѣвушку. Для тѣхъ, кто со свѣтомъ незнакомъ и на него смотритъ лишь издали, онъ всегда кажется чѣмъ-то враждебнымъ, чѣмъ-то похожимъ на заколдованный лѣсъ. Гриша не только возненавидѣлъ княгиню за то, что она не давала ему разговориться съ Нелли,—онъ былъ обиженъ и тѣмъ, что сама молодая дѣвушка теперь все свое вниманіе отдавала пріѣхавшимъ дамамъ, какъ будто даже позабывъ о его присутствіи. А Нелли, примѣчавшая это какъ нельзя лучше, усердно занимала княжну. Ее забавляла и робость его, и досада, въ которой она видѣла лишнее доказательство поклоненія себѣ.

Пытка молодаго человѣка скоро кончилась. Вошла еще какая-то дама, и Гриша этимъ воспользовался, чтобы удалиться.

— Павелъ Павловичъ дома? спросилъ онъ швейцара, сходя по лѣстницѣ.

Гришѣ теперь живо хотѣлось потолковать съ Пашей.

Случалось это съ нимъ каждый разъ, когда, повидавшись съ Нелли, онъ былъ не совсѣмъ доволенъ ею или самимъ собой. Въ томъ особомъ отвлеченномъ мірѣ, въ которомъ замыкалась вся жизнь Паши, онъ въ такія минуты и для себя какъ бы искалъ убѣжища отъ другаго нехорошаго, суетливаго міра, всегда готоваго отнять у него Нелли.

Комнаты молодыхъ Коловратскихъ находились въ нижнемъ этажѣ. Паша былъ у себя по обыкновенію за книгой. Онъ читалъ Шопенгауэра и какъ всегда, когда ему случалось надолго углубиться въ философское сочиненіе, онъ ощущалъ потребность съ кѣмъ-нибудь другимъ подѣлиться вопросами и недоумѣніями, переполнявшими его голову. Гришѣ онъ очень обрадовался и тотчасъ сталъ ему излагать, въ чемъ онъ несогласенъ съ Шопенгауэромъ.

— Самое главное, — твердилъ онъ, — уяснить себѣ, для чего мы созданы, какая цѣль нашей жизни, а потомъ ужъ всё станетъ ясно и не будетъ этихъ вѣчныхъ безплодныхъ жалобъ на невозможность счастья и добра.

Гриша внимательно слушалъ пріятеля и добросовѣстно старался вникнуть въ его мысли. Онъ отправился къ Пашѣ, исполненный сочувствія къ нему и къ его взглядамъ. А между тѣмъ едва Паша заговорилъ, въ немъ тотчасъ поднялся цѣлый рой недоумѣвающихъ возраженій. Гриша самъ никогда не задумывался надъ тѣмъ, какая собственно настоящая жизненная задача: вопросъ этотъ онъ считалъ даже совершенно празднымъ. Для него всегда представлялась прямая, ближайшая цѣль, требовавшая всего напряженія воли; и такою задачею для него въ настóящее время была его служба, которой онъ увлекался на первыхъ порахъ какъ чѣмъ-то сулившимъ впереди необыкновенно плодотворную дѣятельность. И Гриша тотчасъ свелъ разговоръ на практическіе вопросы о необходимыхъ преобразованіяхъ и объ улучшеніи народнаго быта. Гришѣ вѣрилось, что такое улучшеніе можетъ быть достигнуто очень скоро посредствомъ административныхъ и законодательныхъ мѣръ. И въ Павлѣ Александровичѣ онъ видѣлъ какъ разъ того человѣка, который всего лучше въ состояніи это сдѣлать. Общее

высокое мнѣніе о государственныхъ способностяхъ Коловратскаго заранѣе подкупило молодаго человѣка въ его пользу; а когда, поступивъ въ министерство, онъ представился начальнику и сановникъ обворожилъ его ласковой простотой обращенія и немногими, но очень вѣскими, словами о предстоящихъ по министерству работахъ, Гриша сталъ однимъ изъ самыхъ горячихъ его поклонниковъ. Въ тонѣ Павла Александровича было такъ мало оффиціальности, онъ такъ выпукло и мѣтко излагалъ каждую свою мысль, что въ его глубокомъ умѣ и безкорыстной преданности родинѣ, очевидно, нельзя было сомнѣваться. И Гришѣ казалось, что здѣсь, въ министерствѣ, творится великое дѣло обновленія Россіи, о которомъ онъ такъ часто и долго мечталъ еще на университетской скамьѣ.

— Работать по мѣрѣ способности,—говорилъ онъ пріятелю, — вотъ единственная настоящая жизненная задача. Возьми въ примѣръ своего отца. Вѣдь своимъ положеніемъ онъ обязанъ только себѣ,—своему труду и таланту. Онъ съ истинной гордостью можетъ оглянуться на свое прошлое и чего, чего не въ состояніи онъ сдѣлать еще впереди. Чувствовать, что имѣешь власть въ рукахъ и пользуешься ею для общаго блага, — вотъ это настоящая, завидная доля.

Паша горько усмѣхнулся.

— Плохо же ты его знаешь, сказалъ онъ, понизивъ голосъ.—Кабы ты слышалъ, какъ я вотъ, иныя изъ его словечекъ, которыми онъ рѣжетъ точно бритвой, ты бы не дѣлалъ себѣ такихъ иллюзій на его счетъ. Онъ хорошо ведетъ свое министерство; но такъ, какъ хорошій актеръ умно ведетъ свою роль, не больше. Нѣтъ, Богъ съ ними, съ такими успѣхами. Еслибы я когда-нибудь сказалъ себѣ, что живу только для себя, еслибъ я пересталъ вѣрить, что есть иная, лучшая, безконечная жизнь...

Паша запнулся.

— А развѣ и на тебя находили такія сомнѣнія? спросилъ Гриша, удивленный страннымъ оборотомъ ихъ разговора.

— Находили, да!—совсѣмъ беззвучно произнесъ Паша,— и тогда я говорилъ себѣ, что лучше покончить съ собою, чѣмъ жить такимъ образомъ.

Гриша не отвѣтилъ. Съ минуту оба они промолчали. Имъ какъ-то стало неловко, точно они вдругъ поняли, что расходятся почти во всемъ, хоть и воображали до сихъ поръ, что симпатіи и взгляды у нихъ общіе. На самомъ дѣлѣ они даже не были способны понимать другъ друга. Весь умственный складъ Паши стоялъ какъ-то въ сторонѣ отъ дѣйствительной жизни, отъ тѣхъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, которые занимали его старшаго товарища.

Паша заговорилъ первый, быстрыми взволнованными шагами хотя взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, какъ хочешь, а всѣ эти твои практическіе интересы, вся твоя политика въ сущности пустяки!

— Какъ, и судьба нашего русскаго народа тоже по-твоему пустяки? горячо воскликнулъ Гриша.

— Не пустяки, положимъ. Я не такъ выразился...

У Паши сморщились брови. Видно было, что мозгъ его усиленно работалъ, стараясь уловить не совсѣмъ ясную мысль.—Все-таки это не главное, не существенное. Тутъ одна матеріальная сторона жизни, стало быть все же прахъ и суета. И ради чего я, напримѣръ, для котораго полной жизни нѣтъ и не будетъ никогда, ради чего я стану изъ кожи лѣзть для какого-то народнаго благополучія?

— Да просто оттого, что ты не эгоистъ! запальчиво возразилъ Гриша.

— Положимъ такъ. Но скажи мнѣ теперь пожалуйста, отчего въ сущности эгоизмъ намъ кажется гадкимъ? Вѣдь если въ самомъ дѣлѣ счастія нѣтъ, если жизнь въ самомъ дѣлѣ зло—а для меня оно, кажется, такъ и есть,—изъ-за чего мы станемъ хлопотать, изъ-за какой-то недостижимой цѣли, изъ-за нравственнаго принципа? Да вѣдь для того, чтобы вѣрить въ такой принципъ, надо прежде всего признать, что есть нѣчто высшее, чѣмъ наша жизнь, и вотъ почему я говорилъ...

Вдругъ изъ сосѣдней комнаты послышался звонкій мо-

лодой хохотъ. Паша остановился смущенный и раздосадованный. Онъ и Гриша тотчасъ узнали голосъ Нелли. Въ пылу спора они и не разслышали, какъ она вошла.

— Какъ тебѣ не стыдно такіе пустяки говорить, Паша,— сказала она, показываясь въ дверяхъ,—я слушала тебя, слушала, но не могла удержаться и разсмѣялась.

Она присѣла на кресло, обводя молодыхъ людей улыбающимся взглядомъ.

— Я не догадывалась, что вы здѣсь у брата, добавила она, обращаясь къ Гришѣ, иначе бы я не посмѣла войти. Извините, что помѣшала вашему глубокомысленному спору.

Нелли говорила неправду: она была вполнѣ увѣрена, сходя внизъ, что Гриша сидитъ у ея младшаго брата и у нихъ опять завелся одинъ изъ ихъ безконечныхъ споровъ. И пришла она затѣмъ только, чтобы вознаградить Гришу за скучныя минуты, проведенныя имъ наверху, въ гостиной.

Она достигла своей цѣли вполнѣ. Какъ свѣтлый лучъ на облачномъ небѣ показалась она Гришѣ, и отъ первыхъ же звуковъ ея голоса всѣ тревожные, запутанные вопросы мигомъ куда-то отлетѣли какъ туманъ, разсѣянный утреннимъ солнцемъ.

— Неужели вамъ весело говорить о такихъ мудреныхъ вещахъ,—продолжала она улыбаться, очевидно сознавая, что въ ея присутствіи Гриша объ этихъ вещахъ, конечно, не заведетъ рѣчь,—и договорились вы хоть до чего-нибудь, скажите?

— Разумѣется нѣтъ,—разсмѣялся Гриша.

Они заболтали вдвоемъ, и мигомъ на Гришу чѣмъ-то свѣжимъ пахнуло, точно онъ изъ душной комнаты вышелъ на яркое солнце. А Паша молчаливый и угрюмый уткнулся въ дальній уголъ, куда едва падалъ свѣтъ отъ горѣвшей на столѣ лампы. Контрастъ между нимъ и сестрой былъ полный. Она вся сіяла молодою, задорною жизнью, а онъ грустно понурилъ голову какъ увядшій цвѣтокъ. Онъ болѣзненно сознавалъ этотъ контрастъ. Сестра будто нарочно дразнила его своимъ брызжущимъ оживленіемъ. И всѣ въ домѣ, и отецъ, и старшій братъ относились къ нему съ

тѣмъ же полунасмѣшливымъ состраданіемъ. Съ одной только матерью онъ чувствовалъ себя какъ съ родною. И это отчужденіе отъ жизни семьи теперь отзывалось въ немъ тѣмъ отчетливѣе, что даже любимый товарищъ въ присутствіи Нелли словно отшатнулся отъ него. Да, онъ былъ слабое, ничтожное созданіе, съ которымъ всѣ прочіе здоровые и счастливые люди обращаются какъ-то презрительно мягко...

А Гришѣ такъ легко и весело говорилось съ молодой дѣвушкой. Здѣсь, гдѣ не было постороннихъ, пытливыхъ глазъ—Паша вѣдь не могъ идти въ счетъ—Нелли свободно отдалась вполнѣ охватившему ее оживленію. Глаза ея то лукаво прятались подъ длинныя рѣсницы, то прямо глядѣли на Гришу во всей своей дѣвической прелести. Шла у нихъ самая безсодержательная, полудѣтская болтовня. А между тѣмъ Гриша такъ и чувствовалъ, что въ этихъ пустыхъ словахъ есть какой-то затаенный смыслъ, понятный имъ обоимъ.

Такъ пролетѣло слишкомъ полчаса. Они только-что порѣшили, что на слѣдующій день они будутъ вмѣстѣ кататься на конькахъ,—Гриша былъ отличный конькобѣжецъ, а Нелли только-что выучилась — какъ вдругъ послышался въ дверяхъ хриповатый голосъ Виктора.

— А, вотъ ты куда забралась. Хочешь, Нелли, я тебя до обѣда покатаю въ своихъ саняхъ. Ты увидишь, какъ славно бѣжитъ лошадь; да и погода чудесная.

Викторъ былъ въ пальто съ бобровымъ воротникомъ и въ мѣховой шапкѣ. Отецъ подарилъ ему на праздники рослаго, караковаго жеребца и новыя сани, которыми онъ хвастливо щеголялъ передъ товарищами.

Нелли тотчасъ согласилась. Ей было очень весело съ Гришей, но она хорошо знала, что баловать никого не слѣдуетъ и что во время прекратить оживленный разговоръ— это лучшее средство усилить впечатлѣніе, произведенное ея обществомъ. И живо простившись съ Гришей, она побѣжала на верхъ одѣваться.

— Что, вы опять тутъ вдвоемъ ученую воду толкли? небрежно сказалъ Викторъ, закуривая папироску.

— Мы были не вдвоемъ,—отвѣтилъ Паша—а съ Нелли, я думаю, ученыхъ разговоровъ не бываетъ.

— То-то у тебя видъ такой кислый. Волей неволей пришлось спуститься съ седьмаго неба. Что, ты поѣдешь съ нами вечеромъ въ театръ?

— Нѣтъ, не думаю.

— Опять весь вечеръ просидишь за какой-нибудь дурацкой книгою. Что у тебя тутъ, Шопенгауэръ? Фу, охота такую ахинею читать. Ну какъ знаешь, я самъ вѣдь не надолго съ ними въ ложѣ останусь. Собирается компанія къ цыганамъ. Вотъ тебѣ, Гриша, когда-нибудь бы съ нами. Ты вѣдь не то, что мой братецъ.

— И душой бы радъ,—сказалъ Гриша, хоть и совсѣмъ онъ не былъ радъ провести ночь въ одной комнатѣ съ Викторомъ,—да не могу, работа есть по министерству.

— Тоже въ серьезные люди записался,—захихикалъ Викторъ,—ну да это ничего, хвалю—честолюбіе, по крайней мѣрѣ, карьера... въ этомъ есть практическій смыслъ. Это не то, что Пашина философія. Что, Нелли, готова? Молодецъ,—обернулся онъ, увидавъ, что сестра уже пришла, успѣвъ перемѣнить платье и накинуть котиковое пальто и бархатную шапочку, отороченную тѣмъ же котиковымъ мѣхомъ. Викторъ и она, оба красивые и смѣющіеся, казались олицетвореніемъ дерзкой молодости, увѣренной въ томъ, что жизнь передъ нею стелется скатертью. Они вышли, простившись съ Гришей, и минуту спустя, караковый рысакъ, широко расправляя ноги и поднимая снѣгъ сильными копытами, быстро мчалъ ихъ къ Невѣ. А Гриша, все еще полный какого-то сладкаго опьяненія, веселою походкой шелъ по направленію къ Знаменской, гдѣ жили его родные.

III.

Непрядвины занимали довольно просторную меблированную квартиру въ третьемъ этажѣ большаго, совсѣмъ новаго дома. Изъ квартиры этой только-что выѣхалъ крупный чи-

новникъ судебнаго вѣдомства, получившій назначеніе въ провинцію, и Михаилъ Андреевичъ поторопился ее снять, чтобы не тратиться на дорогую жизнь въ гостиницѣ. Совсѣмъ неуютно глядѣла она съ высокими, голыми стѣнами, съ потертою мебелью и съ несвѣжими гардинами на окнахъ. Важное оффиціальное лицо оставило на своемъ бывшемъ жильѣ какой-то унылый отпечатокъ чего-то казеннаго и въ то же время зауряднаго и мѣщанскаго. И какъ ни старательно Варвара Петровна разставляла жалкую мебель, какъ ни развѣшивала по стѣнамъ привезенные изъ деревни портреты и гравюры, этотъ отпечатокъ ей стереть не удалось. Все въ домѣ глядѣло сѣро, холодно и голо, все напоминало скорѣе номеръ гостиницы, чѣмъ постоянное семейное гнѣздо. И всего непріятнѣе поражало глазъ странное противорѣчіе между этой поношенной меблировкой, очевидно набранной случайно, и новизной самаго дома, гдѣ отъ стѣнъ отдавало сыростью и въ воздухѣ все еще носился какой-то непобѣдимый, приторный запахъ свѣжей краски. Хотя Непрядвины тутъ жили уже третій мѣсяцъ, они все какъ бы не чувствовали себя дома: не доставало чего-то необходимаго, не доставало семейнаго очага. И должно быть, сознавая это, Михаилъ Андреевичъ старался дома оставаться какъ можно меньше. Петербургъ еще усилилъ его кочевыя наклонности. У него завелась уже цѣлая куча знакомыхъ. А Варвара Петровна, хоть и не обладала его умѣньемъ быстро сближаться съ людьми, тоже по цѣлымъ днямъ разъѣзжала въ извощичьей каретѣ, то дѣлая безчисленные визиты, то выводя изъ терпѣнія продавщицъ своей нерѣшительностью выбрать себѣ что-нибудь по вкусу.

Михаилъ Андреевичъ чувствовалъ себя въ Петербургѣ какъ рыба въ водѣ. Онъ не понималъ даже, какъ могъ онъ такъ долго киснуть въ своемъ захолустьѣ. Городъ совсѣмъ охватилъ его своимъ суетливымъ потокомъ, и Михаилу Андреевичу, казалось, что и дома, и улицы ему какъ-то сродни, что на Невскомъ онъ знаетъ въ лицо чуть-ли не всѣхъ прохожихъ. Старинные, давно забытые пріятели не только признали его и ему обрадовались, но выходило даже,

какъ будто они не разставались съ нимъ никогда. Въ какой-нибудь мѣсяцъ лицо Михаила Андреевича стало знакомо всѣмъ театральнымъ капельдинерамъ и татарамъ всѣхъ ресторановъ. А Михаилъ Андреевичъ въ свою очередь твердо зналъ, гдѣ надо спрашивать такое-то вино, и гдѣ особенно хорошо готовятъ такое-то блюдо. И Непрядвинъ имѣлъ тѣмъ болѣе права всѣмъ этимъ наслаждаться, что ему въ Петербургѣ рѣшительно повезло. Коловратскій принялъ его какъ нельзя лучше. Правда къ себѣ въ министерство онъ его не взялъ: въ какихъ-нибудь десять минутъ бесѣды съ нимъ, Павелъ Александровичъ вполнѣ убѣдился въ непригодности бывшаго товарища для серьезной работы. Но можно было не обременять своего вѣдомства ненужнымъ человѣкомъ и все-таки доставить этому человѣку хорошее мѣсто на сторонѣ. Не мало вѣдь въ Петербургѣ такихъ мѣстъ, гдѣ не требуется ни большихъ способностей, ни усидчиваго труда,—мѣстъ какъ бы созданныхъ для того, чтобы доставить порядочнымъ людямъ средства прожить въ столицѣ и при случаѣ кутнуть. Павелъ Александровичъ твердо держался правила никогда не забывать товарищей. А Михаилъ Андреевичъ вдобавокъ имѣлъ права на его вниманіе въ качествѣ роднаго брата графини Елизаветы Андреевны. И Коловратскій пріискалъ ему мѣсто члена комитета, учрежденнаго для надзора за процвѣтаніемъ сельскаго хозяйства. Мѣсто это состояло въ другомъ вѣдомствѣ, но министръ, отъ котораго зависѣло назначеніе, нуждался въ Павлѣ Александровичѣ, и назначеніе состоялось.

Михаилъ Андреевичъ былъ очень доволенъ своимъ мѣстомъ. По четвергамъ онъ аккуратно ѣздилъ въ свой комититъ и не менѣе аккуратно подписывалъ журналы, разумѣется, не прочитывая ихъ и не слушая докладовъ ихъ. Въ преніяхъ онъ не принималъ участія, но за стаканомъ чая, выкуривая одну папироску за другой, охотно, ради оживленія скучной оффиціальной бесѣды, вставлялъ какую-нибудь шуточку и какой-нибудь забористый разсказецъ. Михаилъ Андреевичъ всѣмъ своимъ сочленамъ очень полюбился; да и самъ онъ былъ въ восторгѣ отъ своего комитета, гдѣ всѣ

держать себя такъ мило и непринужденно и такъ забавно острять насчетъ правительства. А получать за все это еще три тысячи въ годъ,—очень пріятно. Михаилъ Андреевичъ сразу попалъ въ особый петербургскій тонъ либеральнаго чиновничества. Чутье ему подсказало, что здѣсь совсѣмъ уже не годится его провинціальный, земскій либерализмъ, основанный на томъ, что правительство вѣчно мѣшаетъ земству идти впередъ, а можно было бы такъ много сдѣлать для страны, лишь бы дать мѣстнымъ дѣятелямъ наговориться въ сласть. Здѣсь въ Петербургѣ напротивъ господствовало совсѣмъ иное настроеніе. Мнѣніе, будто можно что-нибудь сдѣлать вообще, признавалось чѣмъ-то ребяческимъ и смѣшнымъ. Всѣ были убѣждены, что рѣшительно ничего сдѣлать нельзя, и забавлялись именно этимъ роковымъ безсиліемъ. Россія съ этой чисто петербургской точки зрѣнія такая страна, гдѣ всѣ—и правительство, и земство, и частные люди—могутъ дѣлать одни только глупости, но есть избранная кучка просвѣщенныхъ людей, которые дѣлаютъ видъ, будто управляютъ страной, а на самомъ дѣлѣ только смѣются надъ всѣмъ, въ томъ числѣ и надъ собою—и за то получаютъ солидное жалованье. И Михаилъ Андреевичъ эту столичную точку зрѣнія усвоилъ себѣ очень быстро. Онъ даже сталъ теперь, какъ истый петербургскій чиновникъ, самодовольно потѣшаться насчетъ провинціальныхъ иллюзій. И дома онъ охотно повторялъ слышанныя имъ въ его новомъ чиновничьемъ кругу удивительно свободныя рѣчи. Варвара Петровна тщетно пыталась его остановить. „Какъ можно передъ дѣтьми!..“ унимала она мужа, „что ты за примѣръ подаешь!“

— Полно,—улыбался въ отвѣтъ Михаилъ Андреевичъ,—то ли еще говорятъ другіе! Въ нашемъ комитетѣ теперь... Да что комитетъ, самъ Коловратскій—нужды нѣтъ, что онъ на такомъ видномъ мѣстѣ — а какія слышалъ я отъ него удивительныя вещи! Съ нимъ про все можно говорить съ полной откровенностью. Да, голова, нечего сказать!

Но Михаилъ Андреевичъ въ женѣ отголоска не находилъ.—Варвара Петровна успѣла разочароваться въ Петер-

бургѣ. Не разъ конечно она ужь объѣхала всю родню; и нельзя даже сказать, чтобы ее приняли особенно дурно. Въ томъ свѣтѣ, куда хотѣла она проникнуть, либо совсѣмъ не принимаютъ людей, либо принимаютъ ихъ вѣжливо. Конечно, ей неслишкомъ обрадовались: кому пріятно видѣть упавшую съ неба провинціальную родственницу. Но все-таки ее встрѣтили хорошо, даже съ оттѣнкомъ снисходительнаго радушія. И почти всѣ, къ кому она ѣздила, ей отдали визиты. Графиня Елизавета Андреевна два раза ее даже пригласила обѣдать, а старуха, княгиня Двинская, у которой она жила до замужества, хоть и высказала ей съ ворчливой откровенностью, что не зачѣмъ ей было съ мужемъ таскаться въ Петербургъ, хоть и называла ее „моя милая“, хоть и заставляла иногда при гостяхъ оказывать ей маленькія услуги, поднимать упавшую на полъ работу или звонить лакея, все-таки при этихъ самыхъ гостяхъ всегда называла ее „ma nièce“ и всѣмъ своимъ знакомымъ отрекомендовала ее въ этомъ качествѣ. Но все же это было не то. Варвара Петровна ясно сознавала, что въ этомъ давно покинутомъ ею мірѣ ей ни за что не стать въ уровень съ прочими, не выйти изъ этого унизительнаго положенія забытой родственницы, которую принимаютъ чуть не изъ милости. Она чувствовала, что между ней и этимъ петербургскимъ міромъ двадцать слишкомъ лѣтъ, проведенныхъ въ деревнѣ, вѣчно будутъ стоять непроходимой стѣной, что не помогутъ ей ни родственныя связи, ни французскій языкъ, бережно ею сохраненный какъ паспортъ для входа въ этотъ міръ, ни угодливость передъ всей ея знатной родней. И когда она таскалась по городу въ своей несчастной извощичьей каретѣ, въ своей старенькой шубѣ на изношенномъ песцовомъ мѣху, Варвара Петровна съ ужасомъ говорила себѣ, что она сдѣлала непростительную ошибку, что деньги, полученныя отъ залога Солнцева, пойдутъ на безполезные расходы или, что еще хуже, на любовныя шалости Михаила Андреевича, что вернуться въ свѣтъ и вывозить Наташу—несбыточная, глупая мечта. И съ горечью она постигала теперь, что между ней и этимъ свѣтомъ есть

еще одно неустранимое препятствіе — недостатокъ въ деньгахъ, презрѣнная, стыдившая ее необходимость дрожать надъ каждой копѣйкой и краснѣть передъ чужими лакеями, когда подавали къ подъѣзду какого-нибудь барскаго дома ея дребезжавшую карету, запряженную двумя клячами. У Варвары Петровны, всегда преклонявшейся передъ богатствомъ и знатностью, теперь поднимался въ душѣ раздраженный ропотъ противъ этого богатства. Разъ, оставшись вдвоемъ съ графиней Елизаветой Андреевной, она дала волю своему негодующему чувству, жалуясь на то, что въ петербургскомъ обществѣ теперь Богъ вѣсть кого можно встрѣтить, а рожденіе, повидимому, не значитъ ужь ничего. Графиня, снисходительно улыбнувшись, ей отвѣтила на это, что въ наше время некогда припоминать, кто кому доводится родней, а надо прежде всего „быть какъ всѣ", то-есть попросту пріучить къ себѣ общество, постоянно торчать у него на глазахъ. „Если кого-нибудь привыкли встрѣчать вездѣ", сказала, между прочимъ, графиня, „никому и въ голову не приходитъ спрашивать, откуда онъ родомъ и какое право онъ имѣетъ бывать въ свѣтѣ". Да, это странное, непонятное для нея правило петербургскаго свѣта теперь кололо глаза Варварѣ Петровнѣ, доводя ее до тихаго бѣшенства. Госпожа Больцева, напримѣръ, принята вездѣ, и всѣ у нея бываютъ, а между тѣмъ хорошо извѣстно всякому, что она дочь какого-то откупщика, чуть ли не изъ бывшихъ крѣпостныхъ. Недавно еще въ присутствіи Варвары Петровны графиня принимала съ изысканною любезностью одного молодаго статскаго господина, Александра Филиповича Скворцова. Этотъ господинъ, судя по его манерамъ и по увѣренности его тона, очевидно, принадлежалъ къ числу самыхъ „настоящихъ". А между тѣмъ, когда она послѣ спросила графиню, кто этотъ Скворцовъ, та ей сказала, что о его происхожденіи ей ничего неизвѣстно, а принимаютъ его всѣ, потому что вездѣ его встрѣчаютъ, и совершенно позабыли, кто первый вздумалъ пустить его въ оборотъ. „Конечно, это была какая-нибудь дама", при этомъ добавила графиня. А самый этотъ Коловратскій, про котораго такъ много гово-

рятъ и который занимаетъ одинъ изъ самыхъ видныхъ постовъ, откуда онъ взялся, кто слыхалъ про его отца? „Выскочка, пролазъ", обзывала его мысленно Варвара Петровна, очень не разборчивая на русскія выраженія, особенно, когда она бесѣдовала съ собой. А между тѣмъ какъ она была благодарна этому выскочкѣ, когда онъ принялъ въ свое министерство ея сына и сразу приблизилъ его къ себѣ. Да, ея старинныя понятія о родовитости приходилось бросить, какъ нѣчто отжившее. Деньги съ одной стороны, а съ другой — умѣнье попасть на истинную дорогу и держаться на ней, — вотъ что теперь даетъ положеніе. А все-таки Варвара Петровна видѣла и нѣчто другое, что совсѣмъ уже спутывало ея понятія: въ свѣтѣ принимались и принимались очень хорошо совсѣмъ небогатые люди и молодые, и старые. Этотъ самый Скворцовъ, котораго она встрѣтила у графини, не имѣлъ состоянія. Были очень блестящіе на видъ господа изъ военной молодежи, которые, по общему отзыву, жили неизвѣстно чѣмъ. А какъ объяснить себѣ, что такимъ почетомъ окружены иныя, совсѣмъ небогатыя, старухи, хотя бы ея тетка Двинская, къ которой по большимъ праздникамъ ѣздятъ даже члены царской фамиліи. На все это было одно только объясненіе, непостижимое для Варвары Петровны: къ этимъ людямъ привыкли, они вросли въ петербургскую почву, они стали чѣмъ-то такимъ же несмѣняемымъ, какъ памятники на площадяхъ. А она—бѣдная, забытая провинціалка, и никому дѣла нѣтъ до того, что по рожденію она принадлежитъ къ одной изъ самыхъ знатныхъ семей, и чувствуетъ она себя передъ всѣми этими людьми какъ чужая, почти какъ приживалка...

Много заботъ причиняла Варварѣ Петровнѣ и Наташа. Вывозить ее оказывалось совсѣмъ не такъ легко, какъ думала она прежде въ своей деревенской простотѣ. Петербургъ стоялъ передъ ней какъ заколдованный лѣсъ. Когда она прикинула, во что обошлись бы туалеты для нея и для дочери, Варвара Петровна ужаснулась. Можно было, конечно, сдать ее на руки какой-нибудь родственницѣ, и какъ ни скорбѣло при этомъ самолюбіе Варвары Петровны,

она на это почти рѣшилась. Но главная бѣда была въ томъ, что Наташа и слышать не хотѣла про выѣзды.

— Бросьте это, право, мама,—сказала она разъ тихо и ласково, заставъ мать за сложными денежными разсчетами.— Ну, подумайте сами, какая я свѣтская барышня! И развѣ я соглашусь вводить васъ въ такіе расходы? Сшейте мнѣ, пожалуй, два-три платьица, совсѣмъ простенькихъ, или нѣтъ, лучше я сама все выберу и устрою, а про выѣзды нечего и думать...

Наташа совсѣмъ перемѣнилась въ своемъ обращеніи съ матерью: въ ней было теперь что-то мягкое, покорное, прежняя строптивость исчезла совсѣмъ. Но Варварѣ Петровнѣ было оттого не легче. Переубѣдить въ чемъ-нибудь дочь, заставить ее отказаться отъ принятаго рѣшенія она по-прежнему не умѣла. Наташа не возражала, не спорила, ласка слышалась въ ея голосѣ, и все-таки она стояла на своемъ.

Наташа даже отказалась бывать у старой тетки, гдѣ Варвара Петровна покорно высиживала длинные часы, услужливо разливая чай, пока княгиня сидѣла за своей вѣчной партіей въ преферансъ. Наташа безпрекословно объѣздила съ матерью всю родню, и своей миловидной наружностью произвела даже очень выгодное впечатлѣніе. Но исполнивъ это, она рѣшительно не захотѣла лишній разъ подвергать себя этой пыткѣ, „ѣздить на поклоненіе къ этимъ мощамъ", какъ она выразилась. Ей просто было скучно среди удушливой атмосферы пустыхъ толковъ и приличнаго злословія, а скучать изъ уваженія къ старой теткѣ, которой она вовсе не знала, Наташѣ казалось унизительнымъ. Варварѣ Петровнѣ даже пришлось допустить нѣчто худшее—Наташа стала ходить на курсы и добилась она согласія матери опять-таки безъ всякой борьбы съ нею, спокойно и покорно. На этотъ разъ, правда, она нашла союзника въ отцѣ. Михаилъ Андреевичъ хорошенько не зналъ, что такое собственно курсы, но либеральныя газеты столько разъ отзывались про нихъ съ горячей похвалой, что, очевидно, нельзя было не сочувствовать желанію дочери.

— Что у тебя за старомодныя идеи,—говорилъ онъ женѣ по этому поводу,—развѣ въ образованіи можетъ быть что-нибудь худое? Я давно нахожу, что дѣвушки должны знать все то же... ну или тамъ почти все то же, что молодые люди... учиться всегда хорошо, особенно, когда это обходится такъ дешево..!

Убѣдили или нѣтъ эти доводы Варвару Петровну, но уступить ей пришлось, хоть и противъ воли. И когда Наташа цѣлый мѣсяцъ побывала на курсахъ и никакой замѣтной перемѣны съ ней не произошло, Михаилъ Андреевичъ принялся даже трунить надъ опасеніями жены. „Ну видишь, что я говорилъ, Наташа осталась такая же, какъ и была: не остриглась, не носитъ синихъ очковъ. Такъ гдѣ же тутъ ужасы, которыхъ ты пугалась?“

Въ самомъ дѣлѣ, не только ужасовъ не было никакихъ, а Наташа за послѣднее время, какъ будто даже оживилась и повеселѣла. Молчаливая грусть, облакомъ нависшая на нее осенью передъ отъѣздомъ изъ Солнцева, словно разсѣялась; такъ по крайней мѣрѣ казалось Варварѣ Петровнѣ, неумѣвшей глубоко заглядывать въ душу молодой дѣвушки. На самомъ дѣлѣ въ сердцѣ Наташи, по-прежнему было затаенное, скорбное чувство разочарованія въ первой любви. Но гордость ей мало-по-малу помогла, если не заглушить это чувство, то по крайней мѣрѣ стряхнуть съ себя его гнетъ. Она будетъ помнить нанесенную ей горькую обиду, но ей незачѣмъ малодушно опускать голову, точно она стыдится чего-то. И коли ей суждено опять встрѣтиться съ этихъ человѣкомъ, она сумѣетъ показать, что власть онъ надъ нею утратилъ навсегда. Жизнь ея вѣдь не замкнулась отъ того, что онъ съ такой холодной небрежностью выказалъ ей, какъ мелко и ничтожно было чувство, которому она такъ искренно вѣрила.

Когда Гриша вернулся отъ Коловратскихъ, онъ засталъ дома однихъ только братишекъ. Въ полутьмѣ гостиной, тускло освѣщенной керосиновой лампой, Андрюша и Митя зубрили греческіе глаголы. На мальчиковъ глядѣть было жалко. Недавно еще полныя, румяныя лица вытянулись и

потускнѣли, словно на нихъ отражалось хмурое петербургское небо. Третій мѣсяцъ они ходили въ гимназію. Пожаловаться на нихъ было нельзя: они учились прилежно и, вернувшись домой, по цѣлымъ часамъ просиживали одни надъ заданными уроками. Вяло и равнодушно сидѣли они надъ своими книгами и безсмысленно звучали въ ихъ ушахъ повторяемыя въ безчисленный разъ мудреныя греческія спряженія. Ученіе наводило на нихъ одну тупую усталую скуку, точно зашли они въ угрюмый безпросвѣтный боръ, которому и конца не было видно. Жалѣли они оба о деревенскомъ привольѣ и о своемъ бывшемъ учителѣ. Здѣсь и побѣгать было негдѣ, да и просто играть не хотѣлось. Когда Гриша вошелъ, Андрюша, зѣвая въ сотый разъ, твердилъ неудававшійся ему неправильный глаголъ, а Митя совсѣмъ уронилъ на книгу свою взъерошенную голову.

— Чего вы такъ притихли,—спросилъ Гриша,—сидите себѣ, точно въ тюрьмѣ какой?

Митя уставилъ на него большіе заспанные глаза, а старшій мальчикъ нетерпѣливо вскочилъ со стула и ударилъ кулакомъ по столу.

— Просто до тошноты все это надоѣло, какъ заставляютъ эту ахинею долбить каждый день. Сегодня опять на цѣлый лишній часъ въ гимназіи задержали.

— Это зачѣмъ?

— Извѣстно зачѣмъ,—опять наказали, съ тупою злостью въ глазахъ отвѣтилъ Андрюша,—все этотъ Грекъ противный. Ну, да мы ему завтра кавардакъ сдѣлаемъ. Это ужь непремѣнно, мы съ товарищами порѣшили.

Гриша принялся увѣщевать брата бросить всякую затѣю о кавардакѣ, хоть и самъ онъ видѣлъ, что мальчики совсѣмъ изъ силъ выбились отъ безсмысленнаго долбленія грамматики. Вдругъ послышался изъ передней громкій голосъ Михаила Андреевича. Минуту спустя отецъ семейства показался въ дверяхъ довольный и румяный какъ всегда. Андрюша мгновенно притихъ и опять взялся за грамматику. Михаилъ Андреевичъ былъ очень въ духѣ,—онъ славно позавтракалъ, истребивъ цѣлыхъ два десятка устрицъ; а по-

томъ, заѣхавъ къ сестрѣ, имѣлъ съ ней длинный разговоръ, отъ котораго у него зародилась въ головѣ цѣлая куча плановъ и надеждъ самаго пріятнаго свойства.

— Я вижу, прилежно занимаетесь,—сказалъ онъ,—это хорошо. А что,—щуря глаза спросилъ онъ у старшаго изъ мальчиковъ, принимаясь ерошить его волосы,—скучновата грамматика эта, а? Ну, теперь полно будетъ, можете побѣгать до обѣда.

Мальчики встали и молча убрали со стола тетради, но играть имъ что-то не хотѣлось.

— Ну, а дозольны вами учителя?—минуту спустя опять спросилъ Михаилъ Андреевичъ какъ бы для очистки совѣсти, очевидно не давая себѣ труда серьезно подумать, какъ на самомъ дѣлѣ идетъ ученіе сыновей.

— Кажетсяд овольны,—коротко и угрюмо отвѣтилъ Андрюша.

И Михаилъ Андреевичъ, больше не разспрашивая мальчиковъ, повернулся на каблукахъ и быстрой упругой походкой прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, насвистывая мотивъ изъ модной оперетки. Гриша невесело посмотрѣлъ на брата.

— Что же ты ему не говоришь правду?—сказалъ онъ—тебѣ прежде лгать не случалось.

— Да чего тамъ, стоитъ говорить! Разсердится, побранитъ, а прокъ изъ этого какой? Папа̀ развѣ не все равно, какъ идетъ наше ученіе!

Гриша не отвѣтилъ, онъ сознавалъ, что Андрюша правъ, говоря это. Михаилъ Андреевичъ, хоть и увѣрялъ себя въ деревнѣ, что переѣзжаетъ въ Петербургъ изъ-за дѣтей, совсѣмъ про нихъ не думалъ. Гриша видѣлъ это какъ нельзя лучше, и совѣсть ему подсказывала не разъ, что его прямая обязанность заняться братишками, встряхнуть ихъ, пріободрить, не дать угрюмой лѣни овладѣть ими. Но какъ ни часто говорилъ онъ себѣ это, все отвлекали его собственныя заботы и мечты, и Гриша чувствовалъ себя виноватымъ передъ братьями. „Надо поговорить про все это съ папа̀“, сказалъ онъ себѣ, „а то бѣдняжекъ совсѣмъ заморитъ школьная мудрость“...

— Гриша,—кстати раздался изъ кабинета голосъ Михаила Андреевича,—пойди-ка сюда. Послушай-ка, что у насъ за чудеса творятся!

Михаила Андреевича такъ и подмывало поскорѣе сообщить кому-нибудь изъ домашнихъ про то, что онъ слышалъ у сестры. Это былъ самый свѣжій, еще не проникшій въ публику скандалъ въ оффиціальномъ мірѣ. Одно чиновное лицо, которому былъ пожалованъ участокъ казенной земли, удачно и впослѣ безнаказанно, при содѣйствіи другихъ чиновныхъ лицъ, отрѣзано въ свое владѣніе такой же участокъ, но покрытый великолѣпнымъ мачтовымъ лѣсомъ. И разсказъ объ этой продѣлкѣ былъ встрѣченъ графиней и бывшими у нея гостями какъ самая забавная новость; а затѣмъ по поводу этой исторіи сидѣвшіе у графини господа стали передавать другъ другу самые невѣроятные случаи удачныхъ спекуляцій, совершенныхъ, конечно, насчетъ одураченной казны. Все это говорилось самымъ веселымъ тономъ, точно слышать про это всѣмъ доставляло большое удовольствіе, а у Михаила Андреевича такъ и разбѣгались глаза. Не въ первый разъ ему доводилось присутствовать при такихъ разсказахъ. Графиня передъ нимъ не стѣснялась, и мало по малу—сестра была въ его глазахъ большимъ авторитетомъ—онъ привыкалъ смотрѣть на подобныя вещи совсѣмъ иными глазами, чѣмъ прежде. По природѣ Михаилъ Андреевичъ былъ очень честный человѣкъ, и въ недавнее еще время всякое сомнительное дѣло вызвало бы въ немъ искреннее негодованіе. Но въ Петербургѣ онъ скоро понялъ, что его провинціальная честность немного смѣшна, что здѣсь привыкли относиться ко всему этому лишь съ веселымъ зубоскальствомъ. И онъ очень скоро поддѣлался подъ столичный тонъ, отбросивъ свое тяжеловѣсное, земское фрондерство. Да и приходилось ему диву даваться, какъ это въ столицѣ быстро и легко достаются такіе крупные барыши, о которыхъ ему и не снилось въ его Тульскомъ захолустьи. Михаилъ Андреевичъ рѣшительно просвѣщался. И когда послѣ отъѣзда гостей онъ остался вдвоемъ съ сестрой, онъ признался ей откровенно, что

пожалуй и ему не зачѣмъ отказывать себѣ въ долѣ отъ той манны небесной, которая такъ щедро сыплется на тѣхъ, кто умѣетъ не зѣвать: вѣдь чѣмъ же онъ хуже другихъ наконецъ? Онъ даже повѣдалъ сестрѣ, что у него успѣлъ уже сложиться и опредѣленный планъ. Онъ сдѣлался недавно акціонеромъ одного изъ крупныхъ банковъ. И когда весною будутъ въ этомъ банкѣ выбирать новое правленіе, отчего бы ему не попасть въ директора? Павелъ Александровичъ имѣлъ въ этомъ банкѣ сильную руку. Вѣдь даже такому сановнику не мѣшало на всякій случай имѣть въ правленіи лишній вполнѣ преданный ему голосъ.

Графиня выслушала эти изліянія довольно равнодушно. Её удивляло немножко, что у такого новичка, какъ ея братъ, такъ быстро разгарался аппетитъ. Но подумать объ этомъ все-таки не мѣшало. Графиня, хоть и не питала особой нѣжности къ брату, не лишена была все-таки нѣкотораго родственнаго чувства, и чувство это всегда выражалось у нея въ видѣ готовности оказать матеріальную услугу, особенно на чужой счетъ. Она была очень не прочь содѣйствовать обогащенію брата. Что, въ самомъ дѣлѣ может быть хуже и скучнѣе бѣдной родни? А Михаилъ Андреевичъ вдобавокъ, хоть и коробилъ ее иногда своими манерами и вслѣдствіе того былъ не совсѣмъ удобенъ на какомъ-нибудь великосвѣтскомъ вечерѣ, ей все-таки внушалъ нѣкоторую симпатію, не въ примѣръ болѣе, конечно, чѣмъ его несносная жена. Онъ въ сущности былъ славный малый, добродушный и почти забавный, и вдобавокъ необидчивый.

Все это, какъ бы заранѣе облизываясь отъ удовольствія, Михаилъ Андреевичъ повѣдалъ сыну, и повѣдалъ съ необыкновеннымъ жаромъ, точно онъ чувствовалъ, что у него крылья отростаютъ.

— Воображаю,—говорилъ онъ,—какую у васъ тамъ въ министерствѣ строчатъ благонамѣренную канитель про необходимость положить конецъ злоупотребленіямъ и повсюду водворить порядокъ!..

Онъ произнесъ это, надсаживая грудь и комически возвышая голосъ.—Хорошъ порядокъ! Такъ и общипываютъ

казенную курицу по всѣмъ правиламъ искусства. И подѣ-ломъ, подѣломъ!...

Михаилъ Андреевичъ словно торжествовалъ какую-то побѣду. Гришѣ было тяжело это слышать. Его возмущала недавно подмѣченная у отца наклонность къ веселому подтруниванью надъ тѣмъ, что ему, Гришѣ, казалось унизительнымъ и печальнымъ. Онъ пробовалъ остановить отца, но Михаилъ Андреевичъ не унимался.

— Да вотъ ты мнѣ что устрой, продолжалъ онъ все тѣмъ же побѣдоноснымъ тономъ. Я слышалъ, тамъ какой-то законъ вышелъ недавно, которымъ запрещается служащимъ занимать директорскія мѣста. Ну, да коли есть законъ такой, есть навѣрно и средство его обойти! Ты мнѣ про это разузнай хорошенько. Собери тамъ справки, что ли.

— Я думалъ поговорить съ вами совсѣмъ о другомъ,— перебилъ отца молодой человѣкъ,—о гораздо болѣе важномъ дѣлѣ,—при этихъ словахъ Михаилъ Андреевичъ принялъ сосредоточенный видъ и внимательно посмотрѣлъ на сына— о братьяхъ... не знаю какъ вамъ, а мнѣ такъ кажется, изъ ихъ ученія толку не выходитъ.

— Какъ не выходитъ? Они въ гимназіи, учатся прилежно, чего же тебѣ еще!...

Гриша принялся объяснять. Михаилъ Андреевичъ поморщился. Онъ чувствовалъ въ эту минуту почти то же, что должно быть чувствуетъ важное оффиціальное лицо, когда позволяютъ себѣ ему докладывать, что не все обстоитъ благополучно. И такъ какъ Михаилъ Андреевичъ рѣшительно не видѣлъ никакого исхода для вопроса, поднятаго Гришей,—у него явилось желаніе ускользнуть отъ рѣшенія. Михаилъ Андреевичъ позвонилъ.

— Я тебя слушаю, сказалъ онъ,—только немножко закусить надо, я сильно проголодался.

И онъ велѣлъ слугѣ подать, только-что привезенную имъ изъ милютиныхъ лавокъ закуску,—кусокъ сыра Roquefort и превосходной икры.

— Попробуй отличная,—предложилъ онъ Гришѣ, намазывая икру на ломоть хлѣба.

За этимъ занятіемъ его застала Варвара Петровна. Она вернулась домой усталая и раздосадованная. Весь этотъ день она провела у старой княгини Двинской. Старая княгиня простудилась и должна была сидѣть дома. Варвара Петровна изъ силъ выбивалась, чтобы развлечь ее, но въ награду за то должна была выслушивать одни колкія ворчливыя замѣчанія. Княгиня была не духѣ отъ того, что докторъ ей запретилъ принимать гостей и отъ того вдобавокъ, что передъ ней торчала эта несносная племянница, которой она и прежде не долюбливала. И Варвара Петровна это прекрасно сознавала. Она вдругъ какъ-то почувствовала, что и сама она никогда не любила тетку, за которой такъ ухаживала и что все это одна ложь, при томъ глупая, безцѣльная ложь. Желчный ропотъ поднялся у нея на душѣ. Зачѣмъ это она, изъ-за какихъ разсчетовъ теряетъ время и силы, таскается къ этой ненужной роднѣ, которая даетъ каждый день понять, что съ нея довольно и той холодной любезности, съ какой ее встрѣтили сначала. Все это она говорила себѣ, возвращаясь домой; раздраженіе все росло у нея на сердцѣ. И когда она вошла въ кабинетъ мужа и увидѣла его свѣжаго и довольнаго собой, долго копившееся чувство вырвалось наружу. Порывистымъ сердитымъ движеніемъ она развязала ленту у своей шляпы и опустилась въ кресло.

— Устала? можетъ быть проголодалась?—неосторожно спросилъ у нея мужъ.—Хочешь закусить? Икра славная.

Варвара Петровна съ неимовѣрнымъ презрѣніемъ взглянула на супруга, и нога ея стала усиленно биться о полъ.—Благодарю, мнѣ ничего ненужно, проговорила она сквозь зубы.—Это тебѣ все закуски да лакомства разныя на умъ идутъ. Очень нужно тратиться на это! И хотѣла бы я знать, разбогатѣли мы, что ли?

— Во всякомъ случаѣ,—обиженнымъ, но добродушнымъ тономъ отвѣтилъ Михаилъ Андреевичъ,—я трачу собственныя деньги. И когда получаешь три тысячи въ годъ...

— Много останется отъ этихъ трехъ тысячъ! Какъ подумаешь, чего стоитъ одна эта ужасная квартира, гдѣ порядочнымъ людямъ жить совѣстно!...

[redacted]

— Ну, матушка, ужъ это капризы настоящіе, жуя свою икру, проговорилъ Михаилъ Андреевичъ, не замѣчавшій даже, какъ раздражали жену каждое его слово и самъ онъ, весь цвѣтущій здоровьемъ, и въ особенности этотъ неприличный его аппетитъ.—Чего тебѣ еще нужно? Квартира преотличная. Мы не милліонеры: по одежкѣ знаешь...

— Да, гнѣвно возразила Варвара Петровна,—на глупыя прихоти, на ужины, на театръ, на подарки разные, Богъ вѣсть какимъ, женщинамъ можно сорить деньгами; а что мы живемъ въ какихъ-то сараяхъ, гдѣ и принять кого-нибудь стыдно—это по-твоему ничего?

И Варвара Петровна дала волю всей презрительной злобѣ, давно накопившейся у нея противъ всей этой скверной мѣщанской обстановки. Каждый разъ, что она возвращалась къ себѣ изъ какого-нибудь барскаго дома, ее возмущали эти голыя стѣны, эта дрянная меблировка, весь этотъ мизерный складъ жизни средняго люда. И мужъ даже не примѣчалъ этого, могъ удовлетворяться жалкимъ хламомъ, собраннымъ здѣсь какимъ-то чиновникомъ, не подозрѣвавшимъ даже, какъ живутъ порядочные люди. Ее въ особенности бѣсило то праздничное настроеніе, въ которомъ постоянно находился ея мужъ, точно онъ каждый день имянинникъ. Тамъ, гдѣ все оскорбляло ея наболѣвшее самолюбіе, онъ чувствовалъ себя какъ нельзя лучше, жилъ на распашку, во все свое удовольствіе. „И это потому лишь", говорила себѣ Варвара Петровна, „что ему ничего инаго и не нужно, что ему нравится эта буржуазная среда, эти буржуазныя удовольствія..." И Варвара Петровна была совершенно права. Тотъ самый Петербургъ, въ которомъ такъ горько разочаровалась она, нравился Михаилу Андреевичу именно потому, что вкусы его были средней руки, что въ большой свѣтъ его не тянуло совсѣмъ; даже на пріемахъ у сестры онъ не бывалъ, потому что чувствовалъ себя тамъ неловко. И можетъ быть какъ разъ за это графиня, прежде всего цѣнившая въ людяхъ тактъ, съ каждымъ днемъ относилась къ брату все довѣрчивѣе и радушнѣе.

Съ первыхъ же словъ матери, Гриша вышелъ изъ каби-

нета, чтобы не присутствовать при домашней сценѣ. Ему не хотѣлось даже въ мысляхъ осуждать ни отца, ни матери. Онъ бережно хранилъ въ себѣ завѣщанное ему съ дѣтства уваженіе къ нимъ; а между тѣмъ онъ чувствовалъ, какъ съ каждымъ днемъ все болѣе меркнутъ свѣтлыя воспоминанія этого дѣтства, какъ будничные споры понемногу разрушаютъ дорогую ему семейную жизнь. Здѣсь въ Петербургѣ было еще хуже, чѣмъ въ деревнѣ, хотя столкновенія между родителями и происходили можетъ быть рѣже потому лишь, что жизнь ихъ шла все замѣтнѣе врозь. Большой городъ своей шумною суетой будто поглотилъ въ себѣ ихъ крошечный мірокъ. Все то, чѣмъ столько лѣтъ твердо держалась семья,—взаимное довѣріе, общія заботы—разлагалось и исчезало. Невыразимо грустно было Гришѣ это видѣть и сознавать, что самъ онъ не можетъ помочь бѣдѣ, сплотить распадающуюся семью. Онъ могъ только сторониться отъ семейныхъ несогласій, заглушая въ себѣ готовый подняться голосъ осужденія.

— Гдѣ Наташа? — раздраженно спросила Варвара Петровна, входя въ столовую.—Кажется, пора бы ей вернуться съ этихъ курсовъ.

— Ахъ, да, совсѣмъ забылъ, — небрежно отвѣтилъ Михаилъ Андреевичъ,—она обѣдаетъ у сестры.

Варвара Петровна повела плечами и съ недовольнымъ видомъ усѣлась за столъ. Въ другой разъ ее бы нисколько не разсердило, что Наташа обѣдаетъ внѣ дома, не предупредивъ ее; но въ этотъ день она въ каждой мелочи видѣла какую-то обиду себѣ. И противъ золовки у нея давно зародилось недружелюбное чувство. Она помнила, какъ холодно графиня всегда отзывалась на ея заискиванія; и теперь какъ на зло эта нелюбимая ею женщина выказывала мужу и дочери какое-то покровительство, за которое даже приходилось ее благодарить: она доставила мужу назначеніе, пристроила сына въ министерствѣ, какъ будто благоволитъ и къ Наташѣ. Благодарность за все это тяготила Варвару Петровну, какъ разъ вслѣдствіе того, что она сравнивала это покровительство графини съ полнымъ равнодушіемъ ея

собственныхъ родственниковъ. Вѣдь Елизавета Андреевна была не ея, а мужнина родня. И графиня давала ей чувствовать, что своими близкими она считаетъ только брата и племянника. Варвара Петровна сознавала что-то обидное для себя въ обращеніи графини. Съ мужемъ у нея было какое-то странное, глухое соревнованіе, точно ей хотѣлось, чтобы семья всѣмъ была обязана ея личной знатной роднѣ. Ухаживать за этой родней ей не казалось унизительнымъ, но признавать какое-то превосходство золовки потому только, что Елизаветѣ Андреевнѣ удалось сдѣлать блестящую партію—противъ этого несказанно возмущалась вся фамильная гордость Варвары Петровны.

Обѣдъ прошелъ въ кисломъ молчаніи. Неудивительно, что Михаилъ Андреевичъ, едва выпилъ онъ кофе и выкурилъ папироску, сталъ посматривать на часы, увѣряя жену, что долженъ спѣшить на какое-то важное совѣщаніе по дѣламъ. Варвара Петровна ничего не отвѣтила на это, но отвернулась, когда мужъ хотѣлъ поцѣловать ее на прощанье, и глаза ея выразили ясно, какого она мнѣнія насчетъ этихъ дѣлъ. Потомъ она просидѣла нѣсколько минутъ, не двигаясь съ мѣста, какъ бы окаменѣвъ въ своемъ неудовольствіи. Съ сыномъ ей говорить не хотѣлось. Да и Гриша чувствовалъ какъ-то, что нѣжныя слова утѣшенія не идутъ ему на языкъ. Онъ почти даже обрадовался, когда мать встала и молча пошла къ себѣ въ комнату...

Да, какимъ-то холодомъ повѣяло не семью Непрядвиныхъ. Оставшись одинъ въ большой опустѣлой гостиной, гдѣ такъ уныло глядѣли высокія, голыя стѣны, онъ почувствовалъ это съ удвоенной силой, словно часы на каминѣ, мѣрно и равнодушно стучавшіе среди тишины комнаты, безжалостно подсказывали ему, что потухъ надолго, можетъ быть, навсегда дорогой семейный очагъ.

Но какъ ни жаль ему было прошлаго, Гриша въ то же время сознавалъ, что у него есть уже своя особая жизнь, свои личные интересы и заботы; и мысль его невольно устремилась впередъ, какъ бы желая выпорхнуть изъ этой сѣрой, будничной обстановки къ чему-то болѣе свѣтлому и живому.

Молодой человѣкъ прошелъ къ себѣ въ комнату, зажегъ свѣчи на письменномъ столѣ, и его мигомъ оставило то ощущеніе холода и пустоты, которое обдавало его тамъ въ гостиной матери. И хотя совѣсть его упрекала за то, что онъ какъ будто отрѣшается отъ общей жизни семьи, молодость требовала своихъ неотъемлемыхъ правъ на дѣятельность и счастье. И будущее, можетъ быть, даже близкое будущее, ему словно уже сулило и то, и другое.

К. ОРЛОВСКІЙ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

У гроба Грознаго.

„Какъ тогда (въ Ветхомъ Завѣтѣ) вмѣсто креста потребно было обрѣзаніе, такъ и вамъ вмѣсто Царскаго владѣнія потребно самовольство. Тщуся съ усердіемъ людей на истину и свѣтъ наставить, да познаютъ Единаго Истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога имъ даннаго Государя, а отъ междуусобныхъ браней и строптиваго житія да престанутъ, которыми царство растлѣвается“.

(*Письмо Іоанна къ кн. Курбскому*).

„На христіанскій же родъ (свой народъ) никакихъ мучительныхъ сосудовъ (орудій) не умышляемъ; но паче за нихъ желаемъ противу всѣхъ враговъ ихъ не токмо до крови, но и до смерти пострадати“. (Тамъ же).

„Сей Государь (Іоаннъ IV) мой предшественникъ и образецъ, но я съ нимъ еще не могъ сравняться“.

(Слова Петра В. см. Штелина 1801. Москва, ч. II, стр. 93—95).

Средь царственныхъ гробовъ въ Архангельскомъ соборѣ
На правомъ клиросѣ есть гробъ. При гробѣ томъ
Стоишь невольно ты съ задумчивымъ челомъ
И съ боязливою пытливостью во взорѣ...
Тутъ Грозный самъ лежитъ!... Послѣдняго суда—
Ты чуешь—что надъ нимъ судьба не изрекала;
Что съ гроба этого тяжелая опала
Еще не снята; что, быть можетъ, никогда
На свѣтѣ пламеннѣй души не появлялось...

Она—съ алчбой добра весь вѣкъ во злѣ терзалась,—
И внутреннимъ огнемъ сгорѣлъ онъ...

До сихъ поръ
Сведенъ итогъ его винамъ и преступленьямъ;
Былъ спросъ свидѣтелей; поставленъ приговоръ,—
Но нѣчто высшее все медлитъ утвержденьемъ,
Недоумѣнія толпа еще полна,
И тайной облеченъ досель сей гробъ безмолвный...
Вотъ онъ!... Иконы вкругъ; изъ узкаго окна
Въ соборъ, еще святыхъ благоуханій полный,
Косой вечерній лучъ на темный гробъ упалъ
Узорной полосой въ колеблющемся дымѣ...
О, еслибъ онъ предсталъ—теперь—въ загробной схимѣ,
И самъ, какъ нѣкогда, народу рѣчь держалъ,
„Я царство созидалъ и—создалъ—и по нынѣ
— Сказалъ бы онъ—оно стоитъ—четвертый вѣкъ...
„Судите тутъ меня! Въ паденьяхъ и гордынѣ
„Отвѣтъ мой—Господу: предъ Нимъ я—человѣкъ,
„Предъ вами—Царь. И кто жъ мнѣ въ помощь былъ?
Потомки
„Развѣнчанныхъ князей—которымъ рѣзалъ глазъ
„Блескъ царскаго вѣнца, а старыхъ правъ обломки
„Дороже были клятвъ и совѣсти?... Держась
„За нихъ и Новгородъ: что онъ въ князьяхъ, молъ, воленъ!
„„Къ Литвѣ, когда Москвой стѣсненъ и недоволенъ"!...
„А вѣкъ тотъ былъ, когда венеціанскій ядъ,
„Незримый какъ чума прокрадывался всюду—
„Въ письмо, въ Причастіе, ко братинѣ и къ блюду...
„Княгиня—мать моя—какъ умерла?... Молчатъ
„Княжата Шуйскіе?... Гдѣ Бѣльскій? Рать сбираетъ?
„Орудуетъ въ Крыму и Хана подымаетъ!...
„Подъ Серпуховымъ кто безбожнаго навелъ
„На своего Царя и указалъ дорогу?
„Мстиславскій! каешься?... А Курбскій?... Онъ ушелъ!
„„Не мыслю на удѣлъ"—клянется мнѣ и Богу,
„А пишется въ Литвѣ, съ панами не таясь,

„Въ облыжныхъ грамотахъ какъ „Ярославскій князь!“
„Клевещетъ—на кого-жъ?... На самоё Царицу—
„Ту, чистую какъ свѣтъ небесный, голубицу!...
„Все противъ!... Что же я на царствѣ?... Всѣмъ чужой?
„Идти ль мнѣ съ посохомъ скитаться въ край изъ края?
„Псарей ли возвести въ боярство—и покой
„Купить —имъ мерзости творить не возбраняя,
„И ненавистью къ нимъ всеобщей ихъ связать
„Съ своей особою?... Отвѣтъ кто жъ долженъ дать
„За мерзость ихъ, за кровь?... Покинутый, болящій,
„Азъ—передъ Господомъ—азъ, аки песъ смердящій
„Въ нечестьи и грѣхѣ!...

„Но Царь пребылъ Царемъ!
„Навѣки утвердилъ въ народѣ онъ своемъ,
„Что предъ лицомъ Царя, предъ правдою державной,
„Потомокъ Рюрика, бояринъ, смердъ—всѣ равны,
„Всѣ—сироты мои!...

И царство создалось.
„Но моря я хотѣлъ: намъ нужно насажденье
„Наукъ, ремеслъ, искусствъ: все съ боя брать пришлось!
„Весь западъ возопилъ: опасно просвѣщенье
„Пускать въ Московію! Самъ Кесарь взоръ возвелъ
„Тревожно на небо: двуглавый нашъ орелъ
„Уже тамъ видѣнъ сталъ—и занавѣсь упала,
„И царство новое предъ ихъ очами встало!...

„Оно не прихотью явилося на свѣтъ;
„Въ немъ не одной Руси—спасенія завѣтъ;
„Въ немъ Церкви истинной Хоругвь, и мечъ, и сила!
„Единовѣрныхъ скорбь „чтобъ быть ему“ молила—
„И бысть... Отецъ мой, дѣдъ трудилися надъ нимъ;
„Я жъ—утвердилъ на вѣкъ—хоть самъ раздавленъ имъ!...
„Вы все не поняли?... Кто жъ понялъ?... Только эти,
„Что въ ужасѣ—„какъ жить безъ государства?“—шли
„Во дни великихъ смутъ, съ крестомъ, со всей земли,

„Освобождать Москву,—моихъ князей же дѣти
„Вели постыдный торгъ съ ворами и Литвой,
„За лишнія права имъ жертвуя Москвой!
„Да! люди *средніе* и *меньшіе*, водимы
„Лишь вѣрою, что Богъ имъ учредилъ Царя
„Въ исходъ отъ тяжкихъ бѣдъ; что Царь, лишь Имъ судимый,
„И зритъ лишь на Него народу судъ творя!...
„Ту вѣру далъ имъ я,—самъ Божья откровенья
„О ней исполнясь, въ дни слезъ и сокрушенья!...
„И сей священный огнь донынѣ не угасъ.
„Навѣки духомъ Русь съ Царемъ своимъ слилась!...
„Да, царство ваше—трудъ свершенный Іоанномъ,
„Трудъ—выстраданный имъ въ бореньи неустанномъ!
„И памятуйте вы: все то, что строилъ онъ,
„Онъ строилъ на вѣка. Гдѣ—взвелъ до половины,
„Гдѣ указалъ пути—и трудъ былъ довершенъ
„Лишь подвигомъ Петра, умомъ Екатерины,
„И вашимъ вѣкомъ...
„Да! Мой день еще прійдетъ!
„Услышится какъ *взвылъ* испуганный народъ,
„Когда возвѣщена Царя была кончина,—
„И сей народный вой надъ гробомъ властелина—
„Я вѣрую—въ вѣкахъ вотще не пропадетъ,
„И будетъ громче онъ, чѣмъ этотъ шипъ подземный
„Боярской клеветы и злобы иноземной"...

1887. А. МАЙКОВЪ.

КАКЪ БЫЛО ДѢЛО?

(Отвѣтъ на „Отвѣтъ“ г. Мехелина).

По изданіи мною въ прошломъ году „Конституціи Финляндіи въ изложеніи мѣстнаго сенатора Мехелина, съ примѣчаніями по русскимъ документамъ“, многія изъ русскихъ повременныхъ изданій отнеслись сочувственно къ этой попыткѣ освѣтить Финляндскіе порядки съ русской точки зрѣнія. Финскія изданія, напротивъ, взглянули на мою книжку вполнѣ враждебно, къ нимъ не замедлилъ присоединиться „Вѣстникъ Европы“, а также органъ нѣмецкихъ нашихъ бюргеровъ—„Petersburger Herold“. Эта группа одобряла переводъ, но порицала присутствіе при немъ примѣчаній.

Такъ какъ цѣль моихъ изслѣдованій объ отношеніяхъ Финляндіи къ Россіи состоитъ въ уясненіи сущности таковыхъ по документамъ во всей ихъ исторической цѣлости, всѣ же статьи оппонентовъ касались только тѣхъ или другихъ частностей, которыя, конечно, не могутъ дать вѣрнаго понятія о всемъ предметѣ, то я находилъ излишнимъ возражать на нихъ, тѣмъ болѣе что газетная и журнальная полемика можетъ только внести обостреніе вопроса, и не уяснить, а напротивъ затемнить его. Объ этомъ и заявлено мною въ письмѣ, помѣщенномъ въ „Новомъ Времени“, въ надеждѣ, что этого будетъ достаточно. Между тѣмъ, въ „Вѣстникѣ Европы“, помимо рецензіи, напечатанной въ декабрской книжкѣ, принадлежащей несомнѣнно перу Финляндца, явился въ мартовской книжкѣ этого года еще „Отвѣтъ“ самого г.

Мехелина, мнѣ адресованный. Питая рѣшительное нерасположеніе къ журнальной полемикѣ, при чемъ взаимныя укоризны и личные счеты занимаютъ едва-ли не болѣе мѣста, чѣмъ самое дѣло, я желалъ пройти молчаніемъ и „Отвѣтъ", не найдя въ немъ къ тому же почти ничего новаго, что не было бы высказано другими мнѣ возражателями. Но та особенность, что г. Мехелинъ адресовалъ свой отвѣтъ лично на мое имя, заставляетъ отступить отъ моего правила. Поэтому, хотя съ крайней неохотой, берусь за перо.

Въ чемъ сущность дѣла? Издается на общераспространенномъ французскомъ языкѣ книга, въ которой излагаются, съ историческимъ объясненіемъ, основы государственнаго права „Государства Финляндіи". Читая эту книгу, я вижу, что очень многое не соотвѣтствуетъ сущности и даже буквѣ несомнѣнныхъ русскихъ документовъ. Желая ознакомить читателей съ тѣмъ, что являютъ эти документы, кстати сказать, почти вовсе не разработанные и изученіе коихъ составляетъ предметъ моихъ занятій, я печатаю переводъ труда г. Мехелина и къ нему, шагъ за шагомъ, прибавляю подъ страницы тѣ замѣтки, которыя имѣютъ цѣлью указать бо̀льшее или меньшее несоотвѣтствіе изложенія съ тѣмъ, что мнѣ извѣстно по документамъ. Читатель воленъ соглашаться съ авторомъ, или принимать во вниманіе мои примѣчанія. Я не излагалъ болѣе или менѣе цѣлой теоріи и въ самыхъ примѣчаніяхъ былъ весьма сдержанъ, помѣстивъ лишь малую часть того, что по моимъ свѣдѣніямъ и документамъ я могъ бы помѣстить. Мало того, считая для себя точность перевода обязательной, я простеръ ее такъ далеко, что помѣстилъ нѣкоторые русскіе документы не въ ихъ русскомъ текстѣ, а въ переводѣ съ французскаго оригинала, хотя въ семъ послѣднемъ они были изложены не точно. Напримѣръ, извѣстный, писанный по-русски, манифестъ 15-го марта 1809 года грѣшитъ во французскомъ изложеніи большими неправильностями, но я перевелъ его въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ, дабы не навлечь на себя упрека въ искаженіи подлинника. Я не привелъ подлиннаго русскаго текста и въ примѣчаніи, дабы не дать возможность читателю заподозрить г.

Мехелина въ умышленномъ искаженіи основнаго документа, въ чемъ вина, можетъ быть, на немъ лежитъ только въ малой долѣ, если онъ пользовался прежними шведскими переводами и по незнанію русскаго языка не сличалъ ихъ съ подлинникомъ. Держась системы точнаго перевода въ примѣненіи и къ другимъ русскимъ документамъ, я навлекъ на себя даже упрекъ со стороны Журнала Мин. Народнаго Просв., съ его точки зрѣнія вполнѣ основательный. Подобнымъ образомъ я устранилъ очень многія изъ примѣчаній, относящихся къ послѣдующему времени, такъ какъ они, рисуя яркими красками пріемы финскихъ дѣятелей въ администраціи и законодательствѣ, могли бы придать изслѣдованію моему черезчуръ острый характеръ. Наконецъ я считалъ дѣломъ вполнѣ безобиднымъ для болѣе вѣрной оцѣнки привести цѣликомъ нѣсколько документовъ, изъ которыхъ во французскомъ оригиналѣ цитированы лишь небольшія выдержки, или же которые вовсе пройдены молчаніемъ.

Кажется, дѣло очень простое и ясное. Между тѣмъ „Отвѣтъ" находитъ въ моихъ примѣчаніяхъ и грѣхи „противъ первыхъ основаній логики и правовѣдѣнія", и неумѣніе „выяснить себѣ, въ чемъ состоятъ дѣйствительные источники предмета", и незнаніе „различія между источниками права и источниками историческими" и т. п. Конечно, эти снаряды выпущены для того, чтобы уронить меня въ глазахъ читателя; но это личные пріемы автора, финляндскаго сенатора и доктора Гельсингфорскаго университета juris utriusque; въ силу того я ими заниматься не буду. Кромѣ того появившіяся въ разныхъ изданіяхъ солидныя статьи содержатъ въ себѣ достаточный запасъ возраженій на многія частности, приводимыя въ „Отвѣтѣ".

Сущность же возраженія г. Мехелина состоитъ все-таки въ томъ, что Финляндія есть государство и что это государство соединилось съ Россіей по договору. Хотя и не прямо, но высказывается и примѣръ, который можетъ служить образцомъ: унія Швеціи и Норвегіи. Ссылка нѣсколько странная. Присоединеніе или вѣрнѣе покореніе Финляндіи состоялось въ 1808—9 г. г., Норвегія же присое-

динена къ Швеціи въ 1814 г., т. е. нѣсколько лѣтъ позже; какъ же послѣднее событіе могло служить первообразомъ первому, ранѣе состоявшемуся? Договоръ этотъ явился въ свою очередь, будто бы, послѣ того, какъ Императоръ Александръ далъ удостовѣреніе, что сохранитъ финляндцамъ ихъ религію, коренные законы и проч., а собранные на сеймъ земскіе чины принесли присягу. Это называется „актомъ соединенія", а затѣмъ, слѣдовательно, и договоромъ.

Но что же на дѣлѣ? Еще до этого Финляндія несомнѣнно была завоевана русскимъ оружіемъ. Деклараціею 16-го марта и манифестомъ 20 марта 1808 г. всему свѣту оффиціально и торжественно объявлено, что Финляндія, такимъ образомъ завоеванная, инкорпорирована, внѣдрена въ Россію въ качествѣ провинціи, такой же, какъ и другія провинціи Россіи. Объ этомъ объявлено и финляндцамъ особымъ манифестомъ 5-го іюня 1808 г. съ многократнымъ повтореніемъ, чтобы финляндцы не думали о разъединеніи съ Россіей. Фридрихсгамскій мирный трактатъ съ Швеціей 5 сентября 1809 г. завершилъ въ дипломатической формѣ то, что было совершено оружіемъ и объявлено манифестомъ 20 марта 1808 года.

Наконецъ даже въ 1811 г., присоединяя Выборгскую губернію къ прочей Финляндіи, несомнѣнный государственный актъ,—манифестъ Императора Александра,—передаетъ эту губернію не „государству финляндскому", а въ „Главное Управленіе, для сего края учрежденное".—Неужели всѣ эти государственные акты, вполнѣ ясно опредѣляющіе свойства правъ Россіи на Финляндію, должны быть вычеркнуты изъ исторіи, хотя вовсе нѣтъ въ позднѣйшее время никакого равносильнаго документа, который бы ихъ отмѣнялъ? Государственные русскіе документы, какъ и отдѣльныя лица изъ числа высокопоставленныхъ финляндцевъ, имѣвшихъ вліяніе на дѣла (Спренгтпортенъ, Маннергеймъ) не обинуясь, въ это время называли Финляндію „провинціей". Въ самыхъ актахъ, которые наиболѣе, казалось бы, благопріятны г. Мехелину, какъ-то: манифестъ о созваніи сейма, манифестъ

15 марта и другіе, послѣдовавшіе даже послѣ присяги, называютъ Финляндію только „краемъ"—не болѣе.

Съ другой стороны, *въ маѣ 1808 г.* финляндцы приносятъ присягу на вѣрное подданство русскому Государю, при чемъ обрядъ этотъ исполненъ былъ присягавшими съ полною готовностію. Въ Або первые присягнули духовенство и университетъ, затѣмъ президентъ и члены гофгерихта, губернаторъ и всѣ чиновники и т. д. Епископъ Тенгстрёмъ, отвѣчая главнокомандующему рѣчью, именемъ духовенства и университета принесъ выраженіе живѣйшей признательности за покровительство Государя ихъ религіи и ея служителямъ и просилъ „повергнуть предъ Августѣйшимъ трономъ Всемилостивѣйшаго Монарха ихъ совершеннѣйшую приверженность и истинное расположеніе къ Высочайшей волѣ Его Величества", т. е. къ принесенію присяги. Президентъ гофгерихта, отъ лица всѣхъ сочленовъ, отвѣчалъ „что они почитать будутъ себя весьма счастливыми, когда истинною ревчостію своею въ исполненіи обязанностей своихъ и воли толико милосердаго къ нимъ Государя сдѣлаются достойными одобренія и похвалы правительства, и что они готовы совершить предложенное имъ обязательство", т. е. то же принесеніе присяги. Представители другихъ сословій изъявили также полную признательность и готовность принести присягу, „которая, соединяя отечество ихъ съ Имперіей Всероссійской, утверждаетъ ихъ благосостояніе [1]". При всемъ этомъ не только не было „давленія вооруженной силы", какъ говоритъ г. Мехелинъ, но даже—и это ему должно быть извѣстно—по волѣ Императора Александра, изъ мѣстъ, гдѣ приносилась присяга, спеціально выводились войска, дабы не было и тѣни подозрѣнія въ томъ, что примѣнено было какое-либо насиліе. Все это происходило *за годъ* до Боргосскаго сейма. Послѣ того разныя лица, а въ томъ числѣ и бывшая въ Петербургѣ депутація съ Маннергеймомъ во главѣ, при всякомъ случаѣ подписывались не только „вѣрноподданными", но и

---

[1]) Арх. М-ва И. Д. Corres. Buxhoevden. ad. 152, 1808 г., 14 іюня.

„вѣрнѣйшими подданными“. Кого? Русскаго Государя, такъ какъ о Финляндскомъ Государѣ тогда не было и помину и вообще въ значеніи „вѣрноподданства русскому Самодержцу“ не было ни малѣйшаго сомнѣнія.

Какъ же относится ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ г. Мехелинъ? Онъ находитъ, что всѣ эти манифесты, международныя деклараціи, присяга, все это только „программы“ и только „эпизоды“. Конечно, всякую составную часть событія можно назвать эпизодомъ, но если въ данномъ случаѣ все, начиная съ перваго манифеста 20 марта 1808 г., объ инкорпорированіи Финляндіи, и послѣдняго Фридрихсгамскаго договора, отъ 5 сентября 1809 г., объ окончательномъ международномъ закрѣпленіи ея за Россіей, считать эпизодами, то гдѣ же главное событіе?

А главное событіе, по выводамъ финляндскихъ теоретиковъ, и есть упомянутый манифестъ 15 марта 1809 г., которымъ подтверждалось (въ четвертый уже разъ) сохраненіе въ краѣ религіи, коренныхъ законовъ, правъ и преимуществъ его сословій, и послѣдовавшее затѣмъ повтореніе, въ присутствіи Государя, присяги чрезъ собранныхъ въ Борго депутатовъ. Вотъ это-то и есть „актъ соединенія“— говоритъ г. Мехелинъ.

Однако, этотъ обоюдный „актъ“, въ которомъ Россія является одною изъ двухъ договаривающихся сторонъ, не былъ Россіи даже и объявленъ; въ Полномъ Собраніи законовъ на него нѣтъ и намека, и, конечно, Россія осталась при тѣхъ вышеупомянутыхъ дѣйствительныхъ актахъ о водвореніи въ нее Финляндіи, которые, не бывъ отмѣнены, сохраняютъ всю свою силу и до сего дня.

Но гг. финскіе историки и правовѣды предъ этимъ не останавливаются. Для нихъ важно слово „актъ“ соединенія, происшедшаго будто бы въ силу означенныхъ возобновительныхъ манифеста и присяги. Императоръ Александръ, въ рѣчи своей употребилъ это слово „актъ“ и оно,—оказывается,— упразднило всѣ прочіе, до и послѣ того подписанные имъ документы. Но на самомъ дѣлѣ все происходило на французскомъ языкѣ и слово „acte“, какъ обозначеніе дѣйствія,

было употреблено въ томъ же смыслѣ какъ *acte I*, *acte II*,—во всякой комедіи или драмѣ. Оно явилось въ рѣчи Императора послѣ принесенія присяги 17-го марта въ слѣдующемъ видѣ:

„Les liens qui M'unissent à eux (т. е. съ представителями) affermis par le mouvement spontané de leur affection, consacrés par cet *acte* solennel, en deviennent plus chers à mon cœur, plus conformes à mes principes". Т. е., что же это значитъ?—Узы, которыя меня *уже* соединяютъ съ ними (т. е. узы побѣдителя съ побѣжденными), еще болѣе укрѣпились не подготовленнымъ движеніемъ сердецъ ихъ и освятились этимъ торжественнымъ *дѣйствіемъ* (acte)—вторичнымъ принесеніемъ присяги—и отъ того дѣлаются болѣе дорогими для моего сердца, болѣе соотвѣтствующими моимъ правиламъ". Какимъ правиламъ?—Менѣе дѣйствовать силой и болѣе располагать сердца.

Вотъ какъ явился „актъ". Это была приличная обстоятельствамъ фраза—не болѣе. Да и гдѣ же привѣтственныя рѣчи имѣютъ силу органическихъ законовъ? Первоначальная, основная связь, какъ сказано, связь побѣдителя съ побѣжденнымъ уже существовала; „любовь и актъ" явились только для приданія большей мягкости первоначальной связи, которую наложила рука торжествующаго побѣдителя.

Продолжая свою рѣчь, Александръ сказалъ: „обѣщая сохранить ихъ религію и коренные законы, я хотѣлъ имъ показать, какую цѣну я придаю чувствамъ довѣрія и любви". Не ясно ли и изъ этихъ словъ, что сохраненіе религіи и прочихъ правъ было дѣломъ никакъ не соглашенія, а личнаго произволенія Императора: „Я хотѣлъ",—также какъ оно было обѣщано и два дня передъ тѣмъ, при открытіи сейма, собственнымъ Его произволеніемъ.

Если и этого мало, то заглянемъ въ исторію и историческіе документы, хотя этого многіе и не любятъ. Обѣщаніе сохранить религію и права не составляетъ новости, примѣненной только къ Финляндіи. Петръ I, пунктомъ 9 и 10-мъ Ништадскаго мирнаго договора, удостовѣрялъ всѣмъ сосло-

віямъ Лифляндіи и Эстляндіи, что они „при нихъ подъ Свейскимъ правленіемъ имѣвшихъ привилегіяхъ, обыкновеніяхъ и правахъ и справедливостяхъ, постоянно и непоколебимо содержаны и защищены будутъ". И далѣе „что не имѣетъ никакое принужденіе въ совѣсти приведено быть, но паче Евангелическая вѣра, кирки и школы, и что къ тому принадлежитъ на такомъ основаніи, при послѣднемъ Свейскомъ правительствѣ, были оставлены и содержимы".— Что же, составляетъ ли и это договоръ? Конечно, балтійскіе бароны очень готовы были бы это утверждать, но жизнь говоритъ другое.

Могутъ сказать: есть разница въ формѣ. Въ Борго Александръ, такъ сказать, освящалъ своимъ присутствіемъ на сеймѣ созванныя сословія; при Ништадскомъ мирѣ этого не было, и Петръ не являлся. А я скажу и, вѣроятно, со мной согласятся многіе, что Ништадскій мирный договоръ имѣлъ болѣе силы и болѣе обязательности нежели боргоскіе манифесты и рѣчи Александра I. Слова Петра были обязательствомъ международнымъ, безусловнымъ; слова Александра I были дѣломъ внутреннимъ, обращеніемъ къ подданнымъ, притомъ вполнѣ условнымъ: изъ точной области права и обязательства все вступило въ неопредѣленную область чувствъ и сердца.

Но, для большаго еще убѣжденія въ томъ, что сдѣланное со стороны Александра I было дѣломъ личнаго его произволенія, а не какого-либо соглашенія и тѣмъ болѣе договора, приведу здѣсь не разъ упоминавшійся основной манифестъ 15 марта 1809 г., этотъ первый краеугольный камень финляндскаго сепаратизма, цитируемый г. Мехелиномъ въ редакціи далеко несогласной съ дѣйствительнымъ текстомъ. Манифесту придается даже значеніе *присяги* прежнихъ королей на вѣрность шведскимъ учрежденіямъ. Въ русскомъ подлинникѣ говорилось дословно:

„Произволеніемъ Всевышняго *вступивъ въ обладаніе* Великаго Княжества Финляндіи, *признали мы за благо* симъ *вновь* утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ

особенности, и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика *по конституціямъ ихъ* доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи; въ удостовѣреніе чего сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ нашимъ утвердить благоволили".

Слѣдовательно, во 1-хъ, Александръ торжественно признаетъ, что онъ *уже вступилъ въ обладаніе* Великимъ Княжествомъ, притомъ *произволеніемъ Всевышняго*, выразившимся въ предоставленныхъ ему Промысломъ побѣдахъ, и вовсе не ожидалъ какого-либо соглашенія или договора;

во 2-хъ, онъ *„призналъ за благо"*, т. е. поступилъ по своему собственному произволенію, опять-таки не по какому-либо соглашенію или договору, издавая эту грамоту, которою сохранялись финляндцамъ ихъ преимущества;

въ 3-хъ, онъ именно *„вновь"*, т. е. не въ первый разъ, удостовѣрялъ это сохраненіе преимуществъ и т. д. Это „вновь" прямо говоритъ, что онъ только повторилъ свои обѣщанія, данныя *до сейма*, и даже тогда, когда онъ вовсе не хотѣлъ созывать сейма. Эти обѣщанія были выражены въ прокламаціи 10 февраля 1808 г., далѣе въ объявленіи 9 апрѣля, потомъ въ манифестѣ 5 іюня, далѣе въ отвѣтѣ финляндскимъ депутатамъ, бывшимъ въ Петербургѣ и т. д. Теперь онъ лишь еще разъ, въ присутствіи собранныхъ его же волею земскихъ представителей, повторилъ то, о чемъ было прежде уже объявлено.

Что же касается утвержденія, что этотъ манифестъ составлялъ присягу Императора Александра на вѣрность финскимъ учрежденіямъ, то кромѣ самой крайней натяжки здѣсь ничего нѣтъ. Бар. Маннергеймъ, бывшій членъ боргоскаго сейма и потомъ вице-президентъ финляндскаго сената, въ мемуарахъ своихъ положительно удостовѣряетъ, что когда наканунѣ чтенія манифеста зашла рѣчь о присягѣ Александра I, то Сперанскій ее рѣшительно отклонилъ, и самая мысль была такъ несообразна съ обстоятельствами и положеніемъ Императора-побѣдителя, что ввечеру разнеслась даже молва, хотя и не подтверждавшаяся, что Александръ хотѣлъ закрыть сеймъ. Въ дѣйствительности, для присяги

короля въ шведской конституціи существовала особая форма: по ней король обязывался „управлять королевствомъ и царствовать *по Формѣ Правленія 21 августа 1772 г.*, навсегда отвергая *ненавистное королевское единодержавіе* (förhateliga Konungsliga Enwäldet) или такъ-называемый суверенитетъ, и почитая для себя за величайшую честь (för Wår största ära) быть первымъ согражданиномъ честнаго и свободнаго народа“ [1]). Только тенденція можетъ видѣть аналогію между этой присягой и манифестомъ, который лишь сохранялъ каждому его права и преимущества.

Но въ „Отвѣтѣ“ дается кромѣ того какое-то особенное значеніе повторительной присягѣ, принесенной въ Борго самими земскими чинами послѣ чтенія манифеста 15 марта. Приводится даже еще новый манифестъ Александра I отъ 23 марта, уже послѣ принесенія присяги. Надо замѣтить, что этотъ манифестъ, тоже французскій, былъ написанъ епископомъ Тенгстрёмомъ и имѣлъ цѣлью главнымъ образомъ произвести впечатлѣніе на крестьянъ, о чемъ спеціально въ немъ и упоминается. Это сословіе продолжало попрежнему быть враждебнымъ русской власти; оно боялось, не смотря на данныя обѣщанія, введенія крѣпостнаго права и рекрутчины, и тогдашніе совѣтники Александра I нашли безъ сомнѣнія нужнымъ предоставить мѣстному главѣ духовенства написать этотъ актъ en connaissance de cause. Иначе нельзя себѣ объяснить того количества Высочайшихъ манифестовъ, которымъ отличено это время. Г. Мехелину этотъ послѣдній манифестъ важенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ упоминается опять о торжественномъ „актѣ“. Значеніе его, однако, предъ симъ только выяснено, поэтому на немъ останавливаться долѣе не будемъ и обратимся къ присягѣ—быть можетъ, какъ это ни невѣроятно, есть въ ней что-нибудь договорное. Воспользуюсь имѣющимся французскимъ переводомъ присяги дво-

[1]) Storfurstendömet Finlands Grundlagar, изд. Френкеля, Гельсингфорсъ, 1861 г., стр. 58–59. Въ тѣхъ же законахъ, но изданныхъ Л. Мехелинымъ въ 1877 г., эта присяга не приведена.

рянства, принесенной въ Боргоскомъ соборѣ по-шведски. Въ ней сказано:

„Мы, рыцарство и дворянство, собранные на этотъ общій сеймъ, какъ за себя лично, такъ и отъ лица отсутствующихъ сочленовъ нашего сословія, обѣщаемъ и клянемся, всѣ вообще и каждый въ отдѣльности предъ Богомъ и на Его Святомъ Евангеліи, что мы признаемъ нашимъ Государемъ Александра I Императора и Самодержца Всероссійскаго, Великаго Князя Финляндскаго, и что мы будемъ неизмѣнно сохранять коренные законы и учрежденія этой страны, въ томъ видѣ, какъ они существуютъ и дѣйствуютъ, равно какъ быть опорою верховной власти, повиноваться ея повелѣніямъ и такъ ихъ исполнять, чтобы имѣть возможность дать отвѣтъ предъ Богомъ и людьми. Государю принадлежатъ повелѣнія, а намъ исполненіе въ сохраненіи всего того, что справедливо какъ въ отношеніи къ особѣ Государя, такъ и въ отношеніи насъ самихъ; мы также обѣщаемъ и удостовѣряемъ Его Величество быть всегда вѣрными его службѣ, особенно защищать страну, соблюдать по законамъ и нашимъ привилегіямъ нашу военную службу, лишь только она будетъ возстановлена, какъ при смотрахъ, такъ и на защиту страны. Мы будемъ убѣждать всѣхъ подданныхъ страны къ вѣрности и къ уплатѣ должныхъ коронѣ повинностей. Мы сохранимъ все это вѣрно по нашему лучшему разумѣнію и возможности, въ удостовѣреніе чего мы это обѣщаемъ, поднявъ руки, и молимъ Бога да будетъ намъ въ помощь какъ душевно, такъ и тѣлесно“.

Кажется, изъ приведеннаго буквальнаго текста ясно, что и въ этой присягѣ тоже нѣтъ ничего условнаго. Финляндское дворянство присягнуло на вѣрность Императору и Самодержцу Всероссійскому, теперь Великому Князю Финляндскому, такъ же какъ и Царю Казанскому, Царю Астраханскому и проч.; выразило по своей формѣ обѣщаніе въ вѣрности, притомъ признавая за нимъ „повелѣніе“, а за собой „исполненіе“; поклялось охранять права Государя и склонять къ вѣрности другихъ; поклялось, наконецъ, охранять основные законы и учрежденія, дѣйствующіе въ краѣ.

Конечно, этотъ послѣдній пунктъ можно считать наиболѣе въ пользу взгляда г. Мехелина, но въ существѣ, что же можетъ значить и онъ?

Чтобы имѣть дѣйствительное значеніе, этому пункту слѣдовало быть сопровождену особымъ актомъ, въ которомъ были бы точно опредѣлены тѣ коренные или основные законы, которымъ сохранялась сила. Въ формѣ присяги по шведской конституціи дѣйствительно въ точности поименованы законы 21-го августа 1772 г. и 24-го января 1617 г. Между тѣмъ Боргоская присяга сама предусматривала, что дворянство будетъ охранять тѣ изъ законовъ, которые сохранили тогда силу: „въ томъ видѣ такъ они существуютъ и дѣйствуютъ—telles qu'elles existent et sont en vigueur", другими словами—ясно признавалось, что въ теченіи года, и вслѣдствіе такого важнаго историческаго событія какъ покореніе Финляндіи Россіей, должно непремѣнно произойти и произошло извѣстное измѣненіе этихъ законовъ. Разъ точное утвержденіе тѣхъ изъ нихъ, которые сохраняютъ силу и ихъ переименованіе не состоялось, все осталось несомнѣнно вопросомъ и въ волѣ Государя—побѣдителя. Если вообще вѣрно положеніе: la force prime le droit, то въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе, ибо самый объектъ права былъ подъ вопросительнымъ знакомъ. Съ другой стороны, Финляндія не имѣла своей собственной конституціи; въ качествѣ же шведской провинціи, наравнѣ съ Шоніей, Помераніей, Далекарліей, она только пользовалась законами Шведскаго государства. Не подлежитъ спору тотъ фактъ, что ей сохранено, и *только сохранено*, прежнее положеніе, слѣдовательно, какъ она была прежде провинціей Швеціи, такъ теперь дѣлалась провинціей страны, вступившей въ права Швеціи, т. е. Россіи. Перенесеніе шведской конституціи во всей ея цѣлости подъ русскую власть было невозможно по самой сущности различія русской и шведской государственной власти. Одинъ изъ главныхъ пунктовъ шведскихъ основныхъ законовъ требуетъ, напримѣръ, чтобы Государь былъ непремѣнно лютеранскаго исповѣданія, между тѣмъ, какъ Императоръ Всероссійскій есть Царь право-

славный. Тамъ установлялся порядокъ престолонаслѣдія и управленія иной противъ установленнаго русскими законами. Въ Швеціи государственная власть сосредоточивалась въ Стокгольмскихъ учрежденіяхъ, какъ въ Шведской столицѣ; извѣстныя должностныя лица, по конституціи должны быть обязательно шведы (замѣтьте, не финляндцы или померанцы, а именно *шведы*, т. е. люди государственной національности, мѣсто которыхъ послѣ завоеванія заступаютъ русскіе, *а не финляндцы*, что и въ порядкѣ вещей). Финляндцы принимали участіе, и только участіе, не въ финляндскомъ, а въ Шведскомъ Государственномъ Сеймѣ, котораго въ Россіи вовсе не было. Кажется, изъ приведенныхъ немногихъ указаній достаточно ясно, что безусловное сохраненіе прежнихъ законовъ являлось немыслимымъ; иначе можно было бы дойти до такого, напримѣръ, абсурда, что дворянство, присягнувъ соблюдать коренные законы, должно было бы въ силу присяги возстать противъ русскаго Императора и требовать отъ него принятія лютеранской вѣры. Еслибы сохраненіе шведской конституціи входило въ условія какого-то договора, и еслибы Боргоскіе депутаты были договаривающейся стороною, то конечно они не могли бы оставить безъ разъясненія: что же изъ нея при перемѣнѣ обстоятельствъ должно быть устранено? Но объ этомъ не было и помину, ни передъ присягой, ни послѣ ея на сеймѣ. Послѣдній могъ высказать только „*мнѣнія*", отъ него именно потребованныя, притомъ по четыремъ лишь вопросамъ, касавшимся внутренней административной, а вовсе не политической организаціи края.

Изъ изложеннаго, кажется, очевидно, что пресловутый правовой актъ, „актъ соединенія", если можетъ быть признанъ, то не иначе какъ дѣломъ нравственнаго, такъ сказать, сердечнаго свойства, ни въ чемъ неизмѣняющимъ хода событій и носящимъ характеръ чисто внутренняго, домашняго проявленія доброжелательства и благодушія, ничѣмъ не стѣсненнаго и не связаннаго Самодержавнаго Государя-Побѣдителя. Въ данномъ случаѣ есть одно право—право даренія, „дара": Императоръ Александръ *даровалъ* финляндцамъ сохраненіе

ихъ правъ. Онъ же *даровалъ* Финляндіи присоединеніе къ ней русской Выборгской губерніи, уже позднѣе Боргоскаго сейма, въ 1811 году. Ея депутаты въ Борго не были и въ „актѣ соглашенія" никакъ не могли участвовать. Это не мѣшаетъ, конечно, гг. финскимъ правовѣдамъ распространять свою „финско-государственную" эгиду и на эту губернію. А разъ рѣчь идетъ о томъ, что Русская Имперія чрезъ посредство своего Самодержавнаго главы *даровала* Финляндіи извѣстныя преимущества, то она же, въ извѣстномъ случаѣ, напримѣръ непочтенія или неповиновенія дарителю, можетъ и лишить дара. Примѣры такого если не лишенія, то ограниченія дарованнаго права, являлись съ теченіемъ времени не одинъ разъ, и ни при одномъ случаѣ финляндцы не могли предъявить никакого договора, по которому русскій Государь обязанъ былъ бы отступиться отъ своего Самодержавія и исполнить требованіе финляндцевъ вопреки своему соизволенію.

Кстати припоминаю, что въ „Отвѣтѣ" написанъ прямой мнѣ укоръ въ „несправедливости относительно памяти Александра I", по поводу моего указанія на то, что послѣ Боргоскаго сейма финляндскіе господа, бывшіе исключительными докладчиками по дѣламъ Финляндіи, злоупотребляли довѣріемъ этого Государя. Но, безъ всякаго сомнѣнія, по толкованію событій въ „Отвѣтѣ", Александру I оказывается стократъ горшая несправедливость, такъ какъ этому Государю приписывается установленіе въ Финляндіи особой государственности, т. е. такое дѣяніе, которое прямо враждебно пользамъ Россіи.

Я кончилъ бы этимъ, еслибы можно было пройти молчаніемъ еще два частныя въ „Отвѣтѣ" указанія. Одно — по поводу приведеннаго мною въ приложеніи собственноручнаго письма Императора Александра къ Наполеону, въ которомъ онъ объявляетъ о присоединеніи Финляндіи къ Россіи въ качествѣ провинціи. „Отвѣтъ" усматриваетъ въ этомъ неумѣніе отличать существенные акты отъ второстепеннаго, какимъ онъ считаетъ автографъ Александра I. Но, спрашивается, есть ли это письмо мелочная подробность, или оно

имѣетъ дѣйствительное значеніе? Я остаюсь при томъ мнѣніи, что, не будучи само по себѣ самостоятельнымъ актомъ,— чего, впрочемъ, я ему нигдѣ и не приписывалъ, — письмо Александра имѣетъ однако большое пояснительное значеніе: въ немъ выраженъ самостоятельный взглядъ Самодержавнаго Государя, притомъ вполнѣ согласный со всѣмъ рядомъ документовъ, изданныхъ имъ по этому предмету.—И что же? Отвергнувъ значеніе Государева письма, г. Мехелинъ вслѣдъ затѣмъ, въ поддержку своихъ разсужденій, не стѣсняется приводить взгляды—двухъ профессоровъ... При всемъ уваженіи къ авторитету науки, нельзя однако считать святыней всякое мнѣніе профессора, тѣмъ болѣе, когда предметъ, подобно настоящему случаю, вовсе не разработанъ, а тѣ данныя, которыя имѣются, въ большинствѣ идутъ изъ пристрастнаго противорусскаго источника. Но и между профессорами существуетъ ли единство взгляда? Одинъ находитъ въ соединеніи Финляндіи съ Россіей признаки *личной* уніи въ особѣ Императора, другой—признаетъ соединеніе *реальное* съ Россійской Имперіей (пр. Сергѣевичъ), третій—(гельсингфорскій проф. Германсонъ) не признаетъ права завоеванія, четвертый (проф. Мартенсъ)—не обинуясь признаетъ, напротивъ, что Финляндія есть русская провинція [1]). И на такіе-то авторитеты, отвергнувъ письмо Александра I, г. Мехелинъ опирается, выбирая тѣ изъ нихъ, которые ему болѣе подходятъ. Въ данномъ случаѣ проф. Мартенсъ, напримѣръ, обойденъ, и цитированъ проф. Чичеринъ за то, что онъ допускаетъ аналогію русско-финскихъ отношеній съ отношеніями между Швеціею и Норвегіею. Послѣдняя форма отношеній конечно составляетъ вѣнецъ желаній и извѣстной группы финляндцевъ, но въ подобномъ сравненіи заключается вопіющая неправда. Между Норвегіей и Швеціей былъ заключенъ въ 1814 году дѣй-

[1]) Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, изд. 1883 г., ч. I, стр. 244. „По странному мнѣнію нѣкоторыхъ писателей Россія и Великое Княжество Финляндское состоятъ между собою въ „реальномъ“ соединеніи... Очевидно, что Финляндское княжество есть неотъемлемая часть Россіи, ея провинція“.

ствительный договоръ, какъ между двумя равными величинами, отчего, между прочимъ, во всѣхъ послѣдующихъ международныхъ актахъ правительство Шведское оффиціально и торжественно называется Шведскс-Норвежскимъ; а какой былъ договоръ между Россіей и Финляндіей—достаточно видно изъ изложеннаго, и русское правительство, слава Богу, еще не именуется Россійско-Финляндскимъ.

Вторая подробность. „Отвѣтъ" упрекаетъ меня въ игнорированіи 4-й статьи Основ. Зак. Р. И., которая говоритъ о нераздѣльности съ Императорскимъ Всероссійскимъ престоломъ престола Финляндскаго [1]). Это дѣйствительно, съ перваго взгляда, какъ будто аргументъ, поражающій на смерть. Но законы пишутся людьми, которые могутъ ошибаться какъ въ существѣ дѣла, такъ и въ изложеніи. Къ числу такихъ чисто редакціонныхъ ошибокъ именно принадлежитъ и упомянутая 4-я статья. Нельзя говорить о престолѣ, котораго никогда не было, а былъ только титулъ; этого престола не создалъ и Александръ I: на это нигдѣ нѣтъ даже намека. Вникая же въ эту статью и въ ея происхожденіе по источникамъ, легко увидѣть, что первымъ документомъ, на который опирается эта статья, является тотъ самый манифестъ 20 марта 1808 г., который говоритъ о присоединеніи Финляндіи къ Россіи въ качествѣ провинціи. Если прослѣдить далѣе всѣ другія цитаты, то окажется, что двѣ вовсе къ дѣлу не относятся, ибо трактуютъ о Царствѣ Польскомъ, шесть—*не* упоминаютъ о финляндскомъ *престолѣ*, и только одна единственная—манифестъ 12 декабря 1825 г. о восшествіи на престолъ Императора Николая I-го—говоритъ о финляндскомъ престолѣ въ томъ видѣ, какъ значится въ 4 ст.

Извѣстно, однако, въ какую смутную эпоху и при какихъ обстоятельствахъ манифестъ спѣшно написанъ. Упоминалось въ немъ о бывшемъ еще престолѣ Царства Польскаго; въ неудачно составленную фразу попалъ и престолъ

---

[1]) Съ Императорскимъ Всероссійскимъ Престоломъ нераздѣльны суть престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго. Ст. 4, т. I Св. Закон. Основ.

Великаго Княжества Финляндскаго. Но эту редакціонную ошибку поспѣшили однако исправить въ слѣдующемъ же 1826 г., и во всѣхъ послѣдующихъ манифестахъ говорилось уже о *единомъ „престомъ Россійской имперіи* и нераздѣльныхъ съ *нею* Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго“. Ими признавалось, слѣдовательно, полное инкорпорированіе Россіею той и другой области при единомъ престолѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при новомъ изданіи Свода Законовъ редакціонная ошибка перваго составителя будетъ исправлена. Но ссылаться при серіозномъ изслѣдованіи на одну мертвую букву, не вникая въ ея духъ, казалось бы, дѣло непозволительное.

Конечно, настоящимъ объясненіемъ я не разубѣдилъ автора „Отвѣта“: il n'y a de plus sourd que celui qui ne veut pas entendre; но русскій безпристрастный читатель, быть можетъ, найдетъ въ моихъ словахъ подтвержденіе того, что идея „Государства Финляндскаго“ есть произвольное порожденіе сепартистскихъ увлеченій, разросшихся на почвѣ провинціальной автономіи, которой оказано въ свое время чрезъ мѣру много вниманія и довѣрія.

К. ОРДИНЪ.

28-го марта 1888 года.

ЗЕМСТВО И СТАТИСТИКА.

(Курская губернія. Итоги статистическаго изслѣдованія. Изд. Курскаго губер. земскаго статистическаго бюро. Стр. 318+144 прилож. Курскъ. 1887).

I.

Земскія учрежденія съ своимъ обширнымъ кругомъ вѣдѣнія не могли ограничиться собственными служебными силами; имъ потребовалась помощь извнѣ, участіе постороннихъ лицъ въ дѣлѣ изслѣдованія тѣхъ предметовъ, съ которыми имъ приходилось вѣдаться. Это въ особенности обнаружилось въ области обложенія земскимъ сборомъ, гдѣ потребовалось произвести количественный учетъ предметовъ обложенія, изслѣдовать качественную ихъ способность къ послѣднему и добиться документальности въ дѣлопроизводствѣ по этому важнѣйшему отдѣлу земскаго вѣдѣнія. Земскія учрежденія, въ качествѣ частныхъ учрежденій, не стѣснялись въ этомъ отношеніи никакою властью, и просторъ частной иниціативы получилъ здѣсь полную свободу. Земство, мало-по-малу, стало обставлять себя разными вспомогательными учрежденіями, которыя должны были, каждое въ своей спеціальности, регулировать его дѣятельность и открывать для него новые пути. Такимъ образомъ у земства явилась своя земская статистика и спеціальный органъ для нея, въ видѣ земскаго статистическаго бюро, организованнаго большею частью при губернской управѣ. Правительственная статистика съ своими оффиціальными органами и ихъ изданіями не удовлетворяла земства; оно пожелало пойти далѣе

и добраться до материка предмета — войти въ самую глубь народнаго хозяйства. Какъ ни почтенны и ни внѣшне-научны статистическіе труды нашего Центр. Статистическаго Комитета, состоящаго при Министерствѣ Внут. Дѣлъ, тѣмъ не менѣе матеріалъ, въ нихъ сгруппированный и обработанный, заподозрѣвается въ своей достовѣрности, такъ какъ онъ получался не изъ совсѣмъ благонадежныхъ источниковъ (волост. правленія), или черезъ посредство третьихъ лицъ, умышленно скрывавшихъ, по личнымъ соображеніямъ, истину. Земство, во избѣжаніе недостатковъ и погрѣшностей нашей правительственной статистики, порѣшило собирать необходимый для него статистическій матеріалъ своими собственными агентами, такъ называемымъ экспедиціоннымъ способомъ, или по методу мѣстнаго изслѣдованія, и, издавая свои статистическіе сборники, стало обработывать въ нихъ самостоятельно собранный статистическій матеріалъ примѣнительно къ своимъ цѣлямъ и задачамъ. Земская статистика явилась особою прикладной наукой съ своимъ кругомъ вѣдѣнія, предметами изслѣдованія, методами и техническими пріемами. Со временемъ образовались самостоятельные типы, какъ бы школы, земской статистики (Черниговская и Московская), внесшія немало разнообразія въ эту науку и тѣмъ уяснившія ея назначеніе. Земско-статистическая литература росла быстро, такъ что сборники ея могли бы составить теперь чуть не цѣлую библіотеку. Она обратила на себя вниманіе и оффиціальныхъ жрецовъ науки и получила доступъ въ университеты—сборники ея стали премироваться (г. Орловъ). Мало того, заговорили о нашихъ земскихъ статистическихъ сборникахъ и заграницей, и въ тамошней печати явились похвальные о нихъ отзывы. Словомъ, земская статистика консолидировалась и на столько упрочилась, въ видѣ своихъ бюро при земскихъ учрежденіяхъ, что, казалось, должна бы слиться съ ними и творить вмѣстѣ одно общее дѣло. Не то оказалось въ дѣйствительности.

Образчикомъ такого разлада между земствомъ и его бюро служитъ вышеназванное сочиненіе, которое, съ одной сто-

роны, было забраковано Курскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ и не допущено къ продажѣ, съ другой — увѣнчано Московскимъ университетомъ преміей Ю. Ѳ. Самарина. Не странно ли?!

Столкновеніе изъ мѣстнаго, губернскаго, получило общероссійскій характеръ и невольно вызываетъ на объясненіе. Сочиненіе, которое, при другихъ обстоятельствахъ, не обратило бы на себя вниманія, теперь должно быть разобрано и подвергнуться рецензіи. Будучи поставленъ близко къ дѣлу, о которомъ рѣчь, я считаю своимъ долгомъ сдѣлать это въ интересахъ науки и практики.

Надо сказать, что Курское губернское земство, слѣдуя примѣру другихъ земствъ, учредило при своей губернской управѣ статистическое бюро, съ тѣмъ, чтобы произвести правильный учетъ имуществъ, подлежащихъ земскому обложенію, и, собравъ статистическія свѣдѣнія о цѣнности и доходности этихъ имуществъ, перейти отъ дѣйствовавшей системы обложенія, какъ устарѣвшей, къ новой, болѣе близкой къ дѣйствительности. Бюро предложило изслѣдовать губернію по программѣ, составленной и выработанной московскими земскими статистиками, принявъ для этого за образецъ Борисоглѣбскій сборникъ (Тамбовской губ.) г. Орлова. Это было въ 1882 г., когда приглашенъ былъ земствомъ самъ г. Орловъ для руководства работами по статистическому изслѣдованію Курской губерніи; подъ редакціей его и былъ изданъ первый статистическій сборникъ по Курскому уѣзду, послужившій прототипомъ для послѣдующихъ поуѣздныхъ сборниковъ и утвердившій собою на столько дѣло статистики въ губерніи, что можно было надѣяться на благополучное окончаніе предпринятаго изслѣдованія ея и, затѣмъ, на достиженіе задуманной земствомъ цѣли. Съ изданіемъ Курскаго сборника г. Орловъ прекратилъ свое участіе въ работахъ по Курской земской статистикѣ и преемникомъ его явился г. Вернеръ, взявшій на себя руководство работами по мѣстному изслѣдованію губерніи и занявшій потомъ мѣсто завѣдывающаго губернско-земскимъ статистическимъ бюро. Онъ обязался изслѣдовать губернію, состоящую изъ 15-ти уѣздовъ, въ 2 года, и вотъ

землевладѣнію; намѣчена была въ общихъ чертахъ и программа проектируемаго сборника, подробно изложенная потомъ однимъ изъ губернскихъ гласныхъ въ особой брошюрѣ, и цѣль, которой долженъ послужить такой сборникъ. Однимъ изъ главнѣйшихъ доводовъ, который склонилъ собраніе на этотъ новый расходъ, это—если не сдѣлать общаго свода поуѣздныхъ сборниковъ, то дѣло изслѣдованія губерніи останется незаконченнымъ и губернскому земству безъ общаго сборника трудно будетъ приступить, напримѣръ, къ новой системѣ обложенія, ради которой оно учредило у себя, между прочимъ, статистическое бюро. Съ ассигнованіемъ на Общій Сборникъ все изслѣдованіе губерніи обошлось курскому земству безъ малаго 50 т. Цифра почтенная, съ которой однако можно бы помириться, еслибы губернское земство получило въ своемъ Общемъ Сборникѣ то, чего вправѣ было ожидать.

Сборникъ этотъ, озаглавленный: „*Курская губернія. Итоги статистическаго изслѣдованія*", составленъ былъ почти исключительно г. Вернеромъ, который и представилъ его отъ своего имени въ московскій цензурный комитетъ, гдѣ, разрѣшенный къ выходу въ свѣтъ, явился въ губерн. земск. собраніе не заблаговременно, а по примѣру поуѣздныхъ сборниковъ—чуть не наканунѣ его засѣданія. Но и бѣгло просмотрѣнный губерн. управой, онъ вызвалъ сперва недоумѣніе, такъ что управа, раздавъ этотъ сборникъ гласнымъ, сочла своимъ долгомъ указать на негодность его, какъ земскаго изданія; разсмотрѣнный же въ самомъ собраніи, онъ вызвалъ даже негодованіе, и собраніе постановило: признать этотъ сборникъ трудомъ недобросовѣстно выполненнымъ и въ продажу его не выпускать. Вмѣстѣ съ этимъ, чтобы подробнѣе мотивировать свое постановленіе, оно назначило изъ своей среды особую коммисію, которая должна была разсмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ инкриминируемый сборникъ и представить свой докладъ о немъ ближайшему зем. собранію. Этому докладу предполагалось дать возможно большую огласку и распространеніе, чтобы какъ правительство, такъ и публика, освѣдомленныя о судьбѣ Курскаго Общ. Сборника, могли бы ознакомиться и съ мотивами, выз-

вавшими такое постановленіе о немъ собранія. Трудъ, возложенный на коммисію губерн. земствомъ, былъ не легкій: надо было свѣрить Общій Сборникъ съ 15-ю поуѣздными, чтобы убѣдиться, на сколько первый составляетъ итоги послѣднихъ, и затѣмъ навести не мало справокъ и въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, и въ разныхъ печатныхъ источникахъ, чтобы уяснить себѣ, въ какомъ видѣ обстоитъ дѣло въ дѣйствительности, сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ изобразилъ его г. Вернеръ въ своемъ сборникѣ. Все это требовало времени, которымъ и воспользовался г. Вернеръ, чтобы отдать свой трудъ на судъ другой публики, которая должна была, по его мнѣнію, рѣшить вопросъ: насколько его Общій Сборникъ есть произведеніе науки и насколько онъ пригоденъ для Курскаго земства? Сперва онъ явился референтомъ въ статистическомъ отдѣленіи Московскаго Юридическаго Общества, состоящаго при Московскомъ университетѣ, и прочелъ тамъ свою статью: *Землевладѣніе и землепользованіе въ Курской губерніи*, напечатанную потомъ въ одномъ изъ повременныхъ московскихъ изданій [1]). Въ томъ же изданіи товарищъ его по профессіи, г. Григорьевъ, предварительно сообщилъ о выходѣ въ свѣтъ пресловутыхъ курскихъ *Итоговъ* и о несправедливой судьбѣ, ихъ постигшей, такъ какъ „это новое, ничѣмъ не обоснованное, земское veto разрѣшенной цензурой книги тѣмъ болѣе изумительно, что чуть не всѣ выводы ея лишь сводятъ во-едино сказанное въ поуѣздныхъ томахъ Курскаго сборника...“ [2]). Изъ Московскаго Юридическаго Общества сборникъ этотъ перекочевалъ въ Московскій университетъ, гдѣ былъ представленъ составителемъ его на премію Ю. Ѳ. Самарина. Въ виду распространившихся объ этомъ слуховъ, въ мѣстной корреспонденціи одной изъ столичныхъ газетъ совершенно справедливо высказывалось, что „едва-ли то ученое общество, которое будетъ оправдывать и защищать это сочиненіе отъ нападокъ земства, поступитъ справедливо, произнося свое

---

[1]) Русск. Мысль. апр. 1887 г.

[2]) Тамъ же, ст. Григорьева: Общій обзоръ земско-статистическихъ работъ, янв. 1887 г., стр. 96.

сужденіе о немъ ранѣе того, пока не ознакомится съ заключеніемъ образованной Курскимъ земствомъ коммисіи для разработки того же самаго сочиненія [1]). Однако заключеніе мѣстной коммисіи было упреждено заключеніемъ университетской коммисіи, назначенной по присужденію преміи Ю. Ѳ. Самарина. Послѣдняя усмотрѣла, что сочиненіе г. Вернера „представляетъ первый и пока единственный опытъ сводки и разработки земско-статистическаго изслѣдованія губерніи; что въ ряду многочисленныхъ изданій по земской статистикѣ, которымъ принадлежитъ нынѣ первенствующая роль въ дѣлѣ изученія нашего народнаго и въ частности крестьянскаго хозяйства, одно только сочиненіе г. Вернера касается не отдѣльныхъ уѣздовъ, а цѣлой губерніи, а слѣдовательно подходитъ подъ условія преміи“ [2]); затѣмъ, воздавая ему хвалу въ научномъ отношеніи, коммисія нашла его заслуживающимъ половинной преміи, которую Совѣтъ Московскаго университета и присудилъ г. Вернеру. Если кто при этомъ пожелалъ бы подробнѣе ознакомиться какъ съ содержаніемъ премированнаго сочиненія, такъ и съ соображеніями, которыя легли въ основаніе лестнаго для него постановленія университетскаго Совѣта, то мы отсылаемъ его къ статьѣ г. Чупрова: *Очеркъ экономическаго быта Курской губерніи* [3]), которую авторъ представилъ въ видѣ доклада въ самаринскую коммисію. Здѣсь почтенный профессоръ беретъ подъ свою защиту сказанное сочиненіе, довѣрчиво повторяетъ общіе выводы, въ немъ сдѣланные, заботливо смягчая всѣ ихъ крайности, а гдѣ нужно и умалчивая о болѣе нелѣпыхъ выводахъ,—въ результатѣ сборникъ этотъ рекомендуется имъ земствамъ, которыя не имѣютъ еще таковаго, какъ образцовый; самъ же г. Чупровъ, на основаніи его, не затруднился, какъ мы видимъ, дать даже характеристику экономическаго быта Курской губерніи. Статью эту можно назвать диѳирамбомъ сочиненію г. Вернера: г. профессоръ на-

---

[1]) Москов. Вѣд. 1887 г., № 63.
[2]) Москов. Вѣд. 1887 г., № 100.
[3]) Юридическ. Вѣст. апр. 1887 г.

ходитъ, между прочимъ, что „ему по всей справедливости должно быть приписано очень видное мѣсто въ литературѣ нашего отечествовѣдѣнія“ (стр. 701). Все это не можетъ не заинтриговать читателя ближе вникнуть въ суть дѣла, тѣмъ болѣе, что параллельно съ такимъ отзывомъ, косвенно обвиняющимъ Курское земство, явились и другіе отзывы въ печати, совершенно противоположнаго свойства. Такъ, напримѣръ, г. К. Головинъ, въ статьѣ „*Тенденціозная статистика*“ [1]), разбирая выводы г. Вернера по статистическому изслѣдованію Курской губ., которыми онъ, въ виду задержанія его Общаго Сборника счелъ необходимымъ подѣлиться съ публикой въ вышеприведенной статьѣ своей, упоминаетъ также о получившемъ извѣстность постановленіи Курскаго земскаго собранія и находитъ, что г. Вернеръ, давъ себѣ трудъ разъяснить читающей публикѣ мотивы, вызвавшіе это постановленіе, представилъ своею статьей блестящее оправданіе этихъ мотивовъ. Полемизируя съ его выводами и изобличая ихъ лживость, г. Головинъ приходитъ къ заключенію, что сочиненіе г. Вернера есть не болѣе какъ статистическій памфлетъ и что, „позволивъ распространять въ публикѣ подъ фирмою земства и на его счетъ этотъ памфлетъ, Курское земство обнаружило бы нѣкоторую наивность“. Итакъ, прежде чѣмъ раздался голосъ съ мѣста объ этомъ сочиненіи, мы имѣемъ такіе два рѣзко-противоположные о немъ отзыва: одинъ заноситъ его въ лѣтопись науки, другой отрицаетъ въ немъ всякое практическое значеніе, низводя его на степень памфлета. Это и придаетъ мѣстному голосу серьезное значеніе, ибо кому какъ не земству оцѣнить достовѣрность собраннаго въ немъ статистическаго матеріала, полноту его и обстоятельность выводовъ. Если же сборникъ въ существенныхъ своихъ частяхъ окажется неудовлетворительнымъ, причемъ тогда совершенство техническихъ пріемовъ въ обработкѣ негоднаго матеріала и научность выводовъ? Не является ли эта научность маскою, которая прикрываетъ негодное содержаніе, и

---

[1]) Петербург. Вѣд., 1887 г., №№ 136 и 137.

не обращается ли эта пресловутая земская статистика, при случаѣ, въ пропаганду идей извѣстнаго пошиба, которыя, потерпѣвъ фіаско подъ однимъ знаменемъ, явились подъ другою фирмою и кличкой. Посмотримъ же, въ чемъ Курское земство инкриминируетъ представленный ему Общій Сборникъ, и если онъ оказался негоднымъ, какъ земское изданіе, можетъ ли онъ быть признанъ произведеніемъ научнымъ?

II.

Книга Вернера, небольшая по своему объему, состоитъ преимущественно изъ текста съ выводами (318 стр.) и цифровыхъ приложеній (144 стр.) и трактуетъ въ 10-ти главахъ, на которыя она распадается, повидимому, о многомъ: тутъ идетъ рѣчь о почвѣ и климатѣ, о населеніи, землевладѣніи, земледѣліи и скотоводствѣ, крестьянской арендѣ земель, внѣнадѣльныхъ заработкахъ, грамотности, крестьянскихъ платежахъ, арендныхъ и продажныхъ цѣнахъ земли и переселеніяхъ. Приложенія состоятъ изъ цифровыхъ таблицъ, перепечатанныхъ изъ поуѣздныхъ сборниковъ и долженствующихъ подкрѣплять выводы текста. Центръ тяжести сборника лежитъ въ главахъ о землевладѣніи и земледѣліи и скотоводствѣ, что, между прочимъ, подтверждается и статьею г. Вернера въ „Русской Мысли", гдѣ главнѣйшіе выводы сборника изложены имъ подъ этимъ заглавіемъ. Поэтому и мы въ своей рецензіи остановимся преимущественно на нихъ, такъ какъ они дѣйствительно характеризуютъ собою весь сборникъ.

Въ главахъ о почвѣ и климатѣ интересно указать на методъ, который, составляя достояніе земской статистики, ставитъ ее, по мнѣнію нѣкоторыхъ непосвященныхъ въ это судей, выше нашей оффиціальной правительственной статистики. Извѣстно, что нашъ Центральный Статистическій Комитетъ собираетъ матеріалъ для своихъ изданій такъ называемымъ бланковымъ способомъ, разсылая составленные имъ бланковые листы съ вопросами и цифровыми графами

въ волостныя правленія и полицейскія управленія, которыя, исполнивши возложенное на нихъ порученіе, препровождаютъ всѣ эти бланки въ мѣстные губернскіе статистическіе комитеты, служащіе органами Центральнаго Комитета. Добытый такимъ способомъ статистическій матеріалъ обработывается тамъ, согласно требованіямъ науки и практической жизни, и мы смѣло можемъ утверждать, что труды нашего Центральнаго Статистическаго Комитета, напримѣръ: „Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи въ 1877—1878 г.г.“ (10 выпусковъ) могутъ выдержать съ успѣхомъ самую строгую научную критику, а по достовѣрности своего матеріала стоятъ не ниже другихъ статистическихъ изданій въ этомъ родѣ. Мы видимъ, однако, что въ послѣднее время земскія статистическія изданія ставятся выше правительственныхъ, что, яко бы, земской статистикѣ „принадлежитъ нынѣ первенствующая роль въ дѣлѣ изученія нашего народнаго и въ частности крестьянскаго быта“; что правительственная статистика черпаетъ свои данныя изъ волостныхъ правленій, т. е. „съ потолка“, а что земская статистика сообщаетъ свой матеріалъ непосредственно черезъ своихъ агентовъ по методу „мѣстнаго изслѣдованія“. Земскій статистикъ имѣетъ-де на сельскомъ сходѣ дѣло съ самимъ народомъ, знакомится съ его языкомъ и можетъ вскрыть массу новыхъ экономическихъ явленій въ жизни крестьянства, которыя освѣщаютъ статистическій матеріалъ съ бо́льшихъ точекъ зрѣнія и помогутъ собирателю глубже и оригинальнѣе взглянуть на изслѣдуемый предметъ. Въ этомъ преимущество мѣстнаго метода изслѣдованія передъ бланковымъ, и никто лучше не доказалъ этого, какъ бывшій директоръ Центральнаго Статистическаго Комитета, П. П. Семеновъ, въ сдѣланномъ имъ описаніи Мураевинской волости (Рязанской губ.), въ отвѣтъ на программу, составленную Императорскимъ Вольно-Экономическимъ Обществомъ для собиранія свѣдѣній о сельской поземельной общинѣ [1]). Но методъ этотъ хорошъ, когда имъ

[1]) Сборникъ матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины. Изд. Импер. В. Э. Общ. и Русск. Географ. Общ., т. I, 1880 г., стр. 37—139.

пользуются свободно, не впопыхахъ, и когда онъ умѣло примѣняется къ дѣлу. Вотъ почему нельзя не удивляться, что въ такихъ спеціальныхъ вопросахъ, какъ опредѣленіе свойствъ и наименованіе почвъ въ губерніи, г. Вернеръ рѣшился руководиться данными, собранными имъ на сельскихъ сходахъ и у частныхъ лицъ, и выдавать это за результаты „мѣстнаго изслѣдованія". И такими данными онъ рѣшается даже, если не исправлять, то дополнять результаты изслѣдованій такихъ спеціалистовъ, какъ профессора Борисякъ и Левановскій, и ученыхъ, какъ г. Докучаевъ, сочиненіями которыхъ онъ смѣло пользуется для своего Общаго Сборника [1]). Надо думать, что эти почтенные изслѣдователи лично наблюдали и изслѣдовали геологическій строй почвъ, о которыхъ пишутъ, или химически анализировали тѣ образцы почвъ, съ составомъ которыхъ они насъ знакомятъ; г. Вернеръ же не могъ сдѣлать ни того, ни другаго: тѣмъ не менѣе, на основаніи своихъ мѣстныхъ изслѣдованій, онъ распредѣляетъ всю губернію на почвенные районы. И что это за районы: 1) глубокій суглинистый черноземъ (до 3 ф.), 2) мелкій черноземъ; 3) суглинокъ, 4) супесокъ и пески, 5) мѣловой и известковый черноземъ! Такое распредѣленіе сдѣлано очевидно съ земско-утилитарною цѣлью, съ тѣмъ, чтобы дать земству основаніе для раціональнаго обложенія; но спрашивается, какое значеніе имѣетъ такая классификація почвъ безъ опредѣленія ихъ производительности, т. е. качественнаго анализа. При этомъ г. Вернеръ сообщаетъ, что Курская губернія представляетъ чуть не одно сплошное пахатное поле, что земельныхъ угодій въ ней не существуетъ, что цѣнится здѣсь одна земля безъ различія угодій (пахоть, луга, выгоны и пр.), которыя не имѣютъ въ куплѣ-продажѣ никакого вліянія и что даже земства, при обложеніи, не принимаютъ угодья во вниманіе [2]). Что-за несчастная, подумаешь, губернія, которая изъ прежней лѣ-

---

[1]) Сборникъ матеріаловъ, относящихся до геологіи Южной Россіи, проф. Борисякъ и Левановскій. Схематическая почвенная карта и русскій черноземъ, Докучаева.

[2]) *Итоги*, стр. 41.

систой, украшенной лугами и всѣмъ разнообразіемъ, которое придаетъ землѣ природа, обратилась теперь въ какую-то пахатную степь, изъ-за которой, какъ мы увидимъ это далѣе, борются два класса: землевладѣльцы и земледѣльцы! Но это необходимый фонъ для той мрачной картины, которую авторъ готовитъ намъ въ будущемъ. На дѣлѣ же цѣнность земли въ губерніи разнится по роду угодій, убѣдиться въ чемъ прежде всего можно изъ тѣхъ же поуѣздныхъ сборниковъ, гдѣ авторъ не могъ еще проявить во всей силѣ своей тенденціозности. Если въ Курской губерніи весьма значителенъ % распаханныхъ земель сравнительно съ другими угодьями (76%), то потому, что она принадлежитъ къ центральной земледѣльческой области Россіи [1]); тѣмъ не менѣе, понятіе земельныхъ угодій совсѣмъ ей не чуждо, въ особенности въ частномъ землевладѣніи, въ земствахъ же, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (Льговскомъ, Дмитріевскомъ и Новооскольскомъ), практикуется и до сихъ поръ обложеніе земли по угодьямъ или по разрядамъ. Словомъ, губернія далеко не обезображена и не обезличена.

Странно, что при такомъ положеніи, когда въ губерніи усиленно изводятся лѣса и распахиваются луга, это не повліяло будто на мѣстный климатъ и Курская губ., по словамъ г. Вернера, оказывается въ этомъ отношеніи въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Основаніемъ для такого вывода служатъ ему наблюденія курскаго астронома г. О. Семенова, относящіяся, впрочемъ, ко времени 1833—68 г. г. и обнимающія собою съ перерывами 28 лѣтній періодъ. Благодаря этимъ даннымъ и по изслѣдованіямъ, относящимся къ спеціальной литературѣ предмета, оказывается, что Курская губ., по количеству дней съ дождемъ и снѣгомъ, занимаетъ въ Европѣ первое мѣсто (154 дн.) послѣ западной Англіи (160 дн.); что наибольшее количество дождей выпадаетъ въ концѣ весны и началѣ лѣта (стр. 49) и что у насъ чаще дуютъ западные вѣтры, а изъ восточныхъ наименѣе вредный юговосточный (стр. 50). Какъ бы хотѣ-

---

[1]) Статистика поземел. собств. т. I стр. XV.

лось повѣрить всему этому; но если уже такъ рѣзко измѣнилась внѣшняя физіономія губерніи, то трудно допустить, чтобы климатическія условія ея оставались тѣ же самыя. Вѣдь семеновскія наблюденія относятся ко времени до-эмансипаціонному и отнюдь не вяжутся съ нашимъ, въ которое нельзя не замѣтить рѣзкихъ перемѣнъ въ климатѣ, препятствующихъ сельскому хозяйству. Теперь постоянные изъ года въ годъ неурожаи въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, размноженіе гессенской мухи, гусеницъ и другихъ бичей хозяйства находятъ себѣ главнымъ образомъ объясненіе въ измѣнившихся климатическихъ явленіяхъ послѣднихъ лѣтъ. Если сопоставить при этомъ низкія цифры средняго урожая, выведенныя самимъ г. Вернеромъ для губерніи (рожь 5,7, овесъ 3,7, стр. 153), то общее его заключеніе о томъ, что всѣ естественныя условія Курской губерніи сложились крайне благопріятно для земледѣлія (стр. 50), слѣдуетъ по меньшей мѣрѣ признать преувеличеннымъ. Объяснять плохіе урожаи одной дурной обработкой поля, вызванной будто бѣдственнымъ положеніемъ крестьянъ, слишкомъ смѣло; засухи, безснѣжныя зимы и неурожаи—явленія общія въ губерніи, тѣсно связанныя между собою какъ причина съ слѣдствіемъ, и, говоря объ одномъ, невозможно игнорировать другое. Это бьющее въ глаза противорѣчіе, гдѣ въ одной и той же главѣ, въ почвенномъ отношеніи, губернія приведена въ такой видъ, при которомъ правильное сельское хозяйство немыслимо, а въ климатическомъ—она находится чуть не въ дѣвственныхъ условіяхъ, можетъ быть объяснено только тенденціозностью, проводимою съ помощью разныхъ научныхъ сочиненій, откуда черпаются необходимыя на заданную тему данныя.

Въ слѣдующей главѣ о населеніи, гдѣ г. Вернеръ входитъ, такъ сказать, въ обладаніе самостоятельно собраннымъ имъ статистическимъ матеріаломъ, онъ сообщаетъ, что по земской переписи 1883—85 гг. настоящее крестьянское населеніе губерніи доходитъ до 2.148.000 душъ обоего пола и увеличилось за два періода: съ 1862—78 гг. (16 лѣтъ) на 6,6 %, а съ 1878—85 гг. (7 лѣтъ) на 10,4 %. Распредѣляя

населеніе это на элементы, онъ не ограничивается названіемъ разрядовъ крестьянъ, изъ которыхъ оно состоитъ (бывшіе государственные четвертные крестьяне и крестьяне общинники, крестьяне собственники, бывшіе помѣщичьи, крестьяне вышедшіе на дарственномъ надѣлѣ, водворенные на собственныхъ земляхъ и проч.), но входитъ въ объясненіе историческаго происхожденія нѣкоторыхъ изъ этихъ разрядовъ — и также съ помощью метода мѣстнаго изслѣдованія. Такъ, установивъ, что четвертные крестьяне, это—прежніе служилые „по отечеству" люди, позднѣе однодворцы, онъ готовъ вѣрить, вмѣстѣ съ этими крестьянами, что они и въ самомъ дѣлѣ потомки дворянъ и что въ жилахъ ихъ добрый процентъ привилегированной крови. „Привилегированная кровь, пишетъ онъ, сказывается въ четвертныхъ крестьянахъ въ нѣкоторомъ отсутствіи энергіи, стойкости, въ меньшей способности и привычкѣ къ тяжелому физическому труду, благодаря чему, при другихъ равныхъ условіяхъ, у бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ хозяйство всегда ведется несравненно лучше" (стр. 56). Мы не будемъ спорить, что какой-нибудь захудавшій дворянскій родъ, и не одинъ, попалъ, можетъ быть, въ число однодворцевъ, когда производилась первая ревизская перепись въ Россіи; но это было при Петрѣ Великомъ, который положилъ начало и самому дворянству, какъ сословію; о привилегированности его тогда и рѣчи не было — всѣ сословія были служилыми, крѣпкими государству. Только со времени Екатерины II дворянство получило самостоятельную сословную организацію, особыя права и привилегіи; однодворцы же къ этому времени слились съ общею массою крестьянства и вошли въ общій составъ податнаго населенія Имперіи. Когда было образоваться у четвертныхъ крестьянъ этому понятію о привилегированности, которою они никогда не пользовались, и что это за оригинальные признаки привилегированности: отсутствіе энергіи, стойкости и т. д. Развѣ возможно объяснять историческое происхожденіе какого-либо разряда крестьянъ на основаніи показаній, собираемыхъ на сельскихъ сходахъ, и

предположенія, высказываемыя въ видѣ догадокъ [1]), обращать въ историческіе выводы и факты? Государственные крестьяне, распадаясь, по формѣ землевладѣнія, на двѣ группы: четвертныхъ и душевыхъ, претерпѣли слишкомъ много измѣненій за время своего существованія, которыя должны были отразиться и на составѣ ихъ; это, по своимъ элементамъ, сложный разрядъ крестьянъ, объяснить историческое происхожденіе котораго не такъ легко: для этого потребуется собрать подлинные историческіе документы и провѣрить ихъ съ исторіею нашего законодательства и общимъ ходомъ нашей исторіи. А для этого у г. Вернера не было ни средствъ, ни времени. Поэтому, лучше было бы не задаваться такими задачами, чѣмъ разрѣшать ихъ въ фельетонномъ духѣ, который не можетъ быть умѣстенъ ни въ земскомъ сборникѣ, ни въ научномъ трудѣ.

Вслѣдъ за четвертными крестьянами говорится о такъ называемыхъ старозаимочныхъ крестьянахъ, которые представляютъ собою потомковъ малороссовъ, или черкасъ, пришедшихъ въ Курскую губ. съ запада. Это небольшая группа крестьянъ, встрѣчающаяся только въ Суджанскомъ уѣздѣ, съ весьма смутнымъ представленіемъ о своемъ землевладѣніи, такъ что выдѣлить ихъ, на основаніи владѣнныхъ документовъ, изъ общаго разряда подворныхъ четвертныхъ крестьянъ довольно затруднительно. Извѣстно, что старозаимочники эти, утверждая, что они владѣютъ своею землею на заимочномъ договорномъ правѣ съ государствомъ, возбудили противъ казны иски о правѣ полной собственности на свою землю и добивались освобожденія ея отъ платежа и возвращенія оброчной подати, выплаченной ими въ казну съ начала сороковыхъ годовъ. Эти иски, по размѣру своихъ суммъ, произвели когда-то сенсацію въ губерніи, но затѣмъ были пріостановлены спеціальнымъ закономъ 25 сентября 1883 г., изданнымъ по Высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе особаго по сему предмету доклада Министра Юстиціи. Такимъ

---

[1]) См. Сборн. статист. свѣдѣній по Курскому уѣзду г. Орлова, стр. 41.

образомъ касаться этого вопроса и категорически разрѣшать, кому принадлежитъ юридическое право на землю старозаимочниковъ—казнѣ или крестьянамъ, въ виду отсутствія всякихъ данныхъ для этого, врядъ ли представляется возможнымъ. Къ немалому удивленію, г. Вернеръ выступаетъ въ роли адвоката за этихъ крестьянъ и, проводя съ этою цѣлью параллель между правомъ ихъ на землю и тѣмъ же правомъ вотчинниковъ, находитъ, что, если признать возможнымъ нарушеніе договора по отношенію къ первымъ, „то необходимо допустить, что онъ можетъ быть нарушенъ вообще по отношенію ко всѣмъ вотчинникамъ, потомками которыхъ являются всѣ теперешніе частные владѣльцы" (стр. 58). Хороша аналогія и выводъ! Мѣстному земству, которому извѣстна вся подноготная этого дѣла, трудно было согласиться съ безшабашностью такой аналогіи; научность же ея представляетъ, надо думать, явленіе sui generis.

Это отсутствіе объективности изложенія, какая-то слабость къ разнаго рода сенсаціоннымъ темамъ и полемическій тонъ при обсужденіи общественныхъ явленій поражаетъ въ Сборникѣ, такъ что не знаешь, съ чѣмъ имѣешь дѣло: съ общимъ ли сводомъ поуѣздныхъ сборниковъ, гдѣ скорѣе цифры должны бы служить средствомъ аргументаціи вмѣсто текста, или это статистическій трактатъ, предназначенный проводить индивидуальныя мнѣнія автора, гдѣ цифры уже подводятся подъ идеи? Напр., въ той же главѣ обсуждается весьма печальный фактъ слабости крестьянской семьи, происходящей отъ семейныхъ раздѣловъ. Оказывается, что до 1862 г. средняя по губерніи семья состояла изъ 10 членовъ обоего пола; въ 1878 г. та же семья уменьшилась до 6,8 членовъ, а къ 1883—86 гг. она состоитъ уже изъ 6,3 обоего пола, причемъ 3,2 приходится на мужской полъ и 3,1 на женскій, а работниковъ 1,6, работницъ 1,5. Изъ общаго числа всѣхъ семей въ губерніи (250.067) 5,8°/o не имѣютъ работника мужскаго пола, 52,2°/o имѣютъ одного работника, 38,2°/o — 2 и 3 работниковъ и 3,8°/o болѣе 3 работниковъ. Цифры, казалось бы, весьма краснорѣчивыя: центръ тяжести перешелъ въ сторону малорабочихъ семей (58°/o), ибо крестьянскій

дворъ, имѣющій одного работника, не можетъ содержаться въ исправности. Но г. Вернеръ, утѣшаясь тѣмъ, что въ губерніи имѣется еще 42°/о семей многорабочихъ, находитъ, что „посылаемые по адресу крестьянъ и вызвавшіе даже мѣропріятія правительства упреки въ безразсудныхъ раздѣлахъ и чрезмѣрномъ дробленіи семей не имѣютъ никакого основанія“ (стр. 77). Заслуживаетъ особеннаго вниманія то обстоятельство, пишетъ онъ, „что тѣ, которые требуютъ ограниченія крестьянскихъ раздѣловъ, чаще всего являются противниками общиннаго землевладѣнія, какъ формы, при которой происходитъ нарушеніе права собственности и несправедливая эксплуатація результатовъ чужаго труда“ (тамъ же). Что же правительство сдѣлало въ ограниченіе семейныхъ раздѣловъ?—издало законъ 18 марта 1887 г., которымъ только регулировало и выяснило власть сельскаго схода въ отношеніи раздѣловъ. Власть эту — разрѣшать или запрещать семейные раздѣлы—сельскій сходъ имѣлъ и прежде, по Положенію 1861 г.; въ виду же того, что сельскій сходъ составляетъ почти всегда и поземельную общину, въ хозяйственныхъ интересахъ послѣдней раздѣлы не должны миновать вѣдѣнія схода. Законъ этотъ не нарушаетъ самостоятельности крестьянской общины, не допускаетъ вмѣшательства въ дѣло раздѣловъ административныхъ лицъ крестьянскаго управленія и скорѣе долженъ имѣть покровительственное значеніе для благосостоянія крестьянъ, чѣмъ задерживающее или стѣснительное. Но Вернеръ, закрывая глаза на цифры, находитъ, что семейные раздѣлы составляютъ не отрицательное, а положительное явленіе среди крестьянства, что на крестьянскую общину они не должны имѣть разрушительнаго вліянія, и заканчиваетъ свои разсужденія по этому поводу словами: „теперь воля помѣщика не имѣетъ никакого значенія, а проникающая въ деревню цивилизація способствуетъ развитію индивидуализма и ослабленію патріархальныхъ отношеній,—поэтому всѣ попытки задержать раздѣлы окажутся безплодными, а стремленія соединить вмѣстѣ нравственно расколовшіяся семьи поведутъ къ увеличенію преступленій, не улучшивъ благосостоянія“ (стр. 78).

Спрашивается, какъ земству пользоваться такимъ сборникомъ, гдѣ составитель его полемизируетъ съ своими же цифрами и проводитъ взгляды, не имѣющіе ничего общаго съ дѣйствительностью?

Послѣ сказаннаго мы должны быть готовы ко всякимъ курьезамъ, которые мы встрѣтимъ въ важнѣйшихъ главахъ Сборника, о землевладѣніи и земледѣліи. Въ Курской губ. существуетъ два главнѣйшихъ вида землевладѣнія: надѣльно-крестьянское и частное; казенныя, городскія и церковныя земли составляютъ ничтожнѣйшій % общаго ея количества. При этомъ крестьянское землевладѣніе (65%) значительно преобладаетъ надъ частнымъ (35%); если же вникнуть во взаимное отношеніе между ними по уѣздамъ, то въ 3-хъ изъ нихъ частное землевладѣніе составляетъ отъ 50—53% по отношенію къ крестьянскому; въ 7-ми уѣздахъ—отъ 48—31%; въ 4-хъ отъ 29—20 и въ одномъ спускается до 16%. Отсюда можно заключить, что Курская губ. далеко не дворянская, скорѣе наоборотъ, это—губернія крестьянская; что частное землевладѣніе, по размѣру своему, не можетъ подавлять въ ней крестьянскаго и безусловно подчинять его своимъ требованіямъ. По сословіямъ частно-владѣльческія земли распредѣляются слѣдующимъ образомъ: дворянамъ принадлежитъ 849.500 дес. или 78% общаго ихъ числа; купцамъ, мѣщанамъ, духовенству и разночинцамъ 113.176 дес. или 10%; крестьянамъ 129.390 дес. или 11,8%. Не ограничиваясь объективнымъ изложеніемъ этихъ отношеній въ области частнаго землевладѣнія, г. Вернеръ пожелалъ воспользоваться ими для цѣлей земско-практическихъ и примѣнить ихъ къ существующему строю земскаго представительства. Установивъ, что для Курской губ. мелкимъ землевладѣніемъ должно почитаться землевладѣніе менѣе 10 дес., среднимъ—100—300 дес. и крупнымъ—свыше 300 дес., онъ усмотрѣлъ, на основаніи составленной имъ таблицы, гдѣ владѣнія эти распредѣляются по сословіямъ, что $^2/_3$ дворянъ принадлежатъ въ губерніи къ группѣ мелкихъ землевладѣльцевъ и въ то же время $^3/_4$ всей дворянской земли принадлежитъ сравнительно незначительному числу крупныхъ владѣльцевъ; почти тѣ же

отношенія сохраняются среди землевладѣльцевъ другихъ сословій, и только у крестьянъ почти всѣ владѣльцы принадлежатъ къ группѣ мелкаго землевладѣнія. Оказывается, что въ настоящее время въ земскихъ учрежденіяхъ власть сосредоточивается въ рукахъ средняго и крупнаго землевладѣній, т. е. у дворянъ; мелкое же совершенно лишено представителей, причемъ г. Вернеръ считаетъ возможнымъ предоставить право представительства даже владѣльцамъ ниже 10 дес. Выработывая для Курской губ. новую форму земскаго представительства, онъ пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: по 11-ти уѣздамъ изъ 15-ти, по коимъ онъ могъ собрать свѣдѣнія,

Мелкіе владѣльцы имѣютъ представителей	0
Средніе	1.220
Крупные	1.040
Итого . . .	2.260

По его проекту произошли бы слѣдующія измѣненія:

Мелкіе владѣльцы (до 10 д.) имѣли бы представителей	382
Средніе (до 100 д.)	1.686
Крупные (свыше 100 д.)	1.644
Итого . . .	4.112

(стр. 95)

Въ этой группѣ мелкихъ землевладѣльцевъ числится 9.472 владѣльца, изъ нихъ 7.894 крестьянина, за которыхъ собственно г. Вернеръ и ратуетъ. Онъ находитъ, что открылъ какой-то пробѣлъ въ существующемъ земскомъ представительствѣ губерніи, и г. Чупровъ серьезно соглашается съ нимъ, совѣтуя земству сдѣлать практическое примѣненіе изъ приведеннаго нами разсчета г. Вернера [1]). Поистинѣ не знаешь, чему тутъ удивляться: шарлатанству ли одного, или наивности другаго? Не говоря о томъ, что въ земскомъ сборникѣ совершенно неумѣстно изложеніе разнаго рода проектовъ, имѣющихъ индивидуальное значеніе, но и самый этотъ проектъ ложенъ въ своемъ основаніи. Изъ этой

[1]) См. Юридич. Вѣст. апр., стр. 699.

группы мелкихъ землевладѣльцевъ 7.894 крестьянина и такъ пользуются правомъ земскаго представительства черезъ посредство своихъ выборщиковъ на сельскихъ избирательныхъ съѣздахъ и еслибы имъ предоставить право голоса на съѣздѣ мелкихъ землевладѣльцевъ, то они пользовались бы правомъ двойнаго представительства до такого крайняго minimum'а, какъ землевладѣніе ниже 1 дес. Мы видимъ, что и существующіе съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ отъ 10 дес. крайне несамостоятельны въ своихъ дѣйствіяхъ на выборахъ и что слабыя стороны земскаго представительства проявляются преимущественно на этихъ съѣздахъ; если же увеличить составъ этихъ съѣздовъ, руководствуясь однимъ имущественнымъ цензомъ, то врядъ-ли выиграетъ отъ этого земство? Но г. Вернеру до дѣйствительности мало дѣла: ему важно ослабить крупное землевладѣніе, хотя на бумагѣ, и преобразовать демократически земство, хотя бы при посредствѣ своихъ статистическихъ цифръ. Съ своей стороны мы думаемъ, что земство, получающее такіе добрые совѣты, вправѣ и требовать, чтобы они не фигурировали въ земскомъ сборникѣ.

Радѣя повсюду о нуждахъ крестьянства, неудивительно, что, изслѣдуя крестьянское землевладѣніе, г. Вернеръ обязательно долженъ былъ прійти къ выводу о малоземельѣ крестьянина. Мы знаемъ уже, что, въ общемъ, крестьянское землевладѣніе преобладаетъ надъ другими видами въ губерніи; надѣльное же составляетъ по отношенію ко всей ея площади 63,5%. Въ распредѣленіи надѣльно-крестьянской земли по уѣздамъ замѣчается крайняя неравномѣрность, а также по разрядамъ крестьянъ, въ отдѣльныхъ поземельныхъ общинахъ и семьяхъ. Такъ, есть уѣзды (Тимскій, Обоянскій, Фатежскій и Корочанскій), гдѣ на надѣльный дворъ приходится отъ 11,7 до 10,2 дес., въ 5 уѣздахъ—отъ 9,4 до 9,1 дес., въ 4 уѣздахъ—отъ 8,7 до 6,8 и въ двухъ—отъ 5,8 до 5,6 дес. Въ среднемъ по губерніи на надѣльный дворъ приходится 8,9 дес., на душу муж. пола 2,6 дес., на работника 5,3 дес. Эта средняя—почти 9 дес., есть та норма, которая въ поуѣздныхъ сборникахъ и въ Общемъ признана за нормальный крестьянскій надѣлъ

на дворъ, необходимый для прокормленія семьи средняго состава. Но средняя цифра сама по себѣ не имѣетъ рѣшающаго значенія для уясненія дѣйствительнаго положенія дѣла, если отъ этой средней существуютъ рѣзкія уклоненія въ стороны и большія крайнія цифры повліяли на образованіе средней, носящей примирительный характеръ. Такъ и въ данномъ случаѣ: разсматривая распредѣленіе надѣльной земли по разрядамъ крестьянъ, мы получаемъ слѣдующую таблицу: (стр. 98)

	На надѣльный дворъ	На нал. д. муж. п.	На работника.	На душ. обоего п.
У гос. четв. крест.	12	3,4	7	1,7
У госуд. душевыхъ	10,3	3,1	6,3	1,8
У собственниковъ	5,9	1,7	3,4	0,9
У дарственныхъ	2	0,5	1,2	0,3
У водвор. на соб. зем.	8,9	2,5	5	1,3

Изъ всего этого видно, что если губернія страдаетъ отъ малоземелья, то только нѣкоторые уѣзды, по отношенію же къ разрядамъ крестьянъ только быв. помѣщичьи. Но г. Вернеръ, простирая свое изслѣдованіе въ глубь, производитъ учетъ земли по общинамъ и семьямъ и, избравъ для этого за норму 9 дес. на дворъ, нашелъ на основаніи данныхъ 8 уѣздовъ, что въ среднемъ выводѣ по губерніи имѣющихъ на дворъ

	Менѣе 9 десят.		Болѣе 9 десят.	
	двор.	душ. м. п.	двор.	душ. м. п.
У владѣющ. землею на общ. нач.	88.609	257.317	16.828	87.731
" " подворно . .	24.492	72.201	13.288	53.420
Итого	113.101	329.518	30.116	135.151

(стр. 101).

„Такимъ образомъ, заключаетъ онъ, изъ 100 домохозяевъ имѣютъ недостаточный надѣлъ: у крестьянъ, владѣющихъ землею на общинномъ началѣ,—84 домохозяина, у подворныхъ владѣльцевъ—65 домохозяевъ, вообще по губерніи—79 домохозяевъ, или 4/5 всего числа домохозяевъ, и лишь 1/5 ихъ имѣютъ надѣлъ больше 9 дес. на дворъ“ (тамъ же). Выводъ поразительный! Если это такъ, то положеніе крестьянъ Курской губ. требуетъ почти сплошнаго переселенія и

земству приходится взывать къ чрезвычайнымъ государственнымъ мѣрамъ. Прежде всего, можно ли для всѣхъ уѣздовъ Курской губ. избрать одинъ нормальный надѣлъ: уѣзды ея довольно разнообразны и доходность земли въ оныхъ не одинакова. Затѣмъ, научно ли выводъ, относящійся къ одной половинѣ уѣздовъ губерніи (8-ми) обобщать для остальныхъ ея уѣздовъ (7-ми), и это въ такомъ вопросѣ, какъ малоземелье. Самый учетъ земли—подворный, врядъ ли можетъ дать правильный выводъ: надѣляется землею не дворъ, а душа; дворъ—единица сложная и количественный составъ его измѣнчивъ. Прибавимъ къ этому, что сопоставлять въ вопросѣ о малоземельѣ быв. госуд. крестьянъ съ помѣщичьими положительно невозможно: у первыхъ вполнѣ достаточное землевладѣніе, и если есть среди нихъ малоземельные домохозяева, то это происходитъ отъ неравномѣрности землевладѣнія въ силу наслѣдственной его формы. Ту же неравномѣрность мы замѣчаемъ часто и у быв. помѣщичьихъ крестьянъ, въ тѣхъ общинахъ, гдѣ долго не было кореннаго передѣла земли. Объ этой внутренней причинѣ малоземелья массы домохозяевъ въ губерніи г. Wернеръ совершенно умалчиваетъ и ограничивается только сдѣланнымъ имъ выводомъ. Но если и признать даже фактъ малоземелья, то нельзя не отмѣтить, что надѣльная земля не должна была служить и въ предположеніи составителей Положенія 1861 года единственнымъ источникомъ обезпеченія крестьянина; благосостояніе его должно было основываться на земельномъ надѣлѣ и промыслахъ, и теперь, что ни далѣе, это дѣлается необходимѣе. Пора Россіи изъ земледѣльческой страны становиться и промышленной — подумать о развитіи промысловъ, которые должны получить подсобное при земледѣліи значеніе. Да и въ чемъ это курское малоземелье? Если мы поинтересуемся узнать, какъ велико крестьянское надѣльное землевладѣніе, то по окладнымъ книгамъ Управъ оказывается, что оно—2.512.067 дес.; всѣхъ дворовъ въ губерніи 294.833, помножая которые на 9 дес., получится 2.653.497 дес.—значитъ, недостаетъ всего 141.430 дес. Замѣчательно, что, проектируя 9 дес. на дворъ, г. Вер-

неръ надѣляетъ послѣднiй меньшимъ надѣломъ чѣмъ назначенъ для Курской губ. на ревизскую душу по Общ. Полож. 1861 г.; среднiй дворъ въ губернiи состоитъ изъ 3. душъ муж. пола; значитъ, на душу приходится 2 д. 1731 кв. саж. (по Полож. 2 д. 1800 кв. саж. на душу). Примѣняя этотъ разсчетъ къ числу душъ муж. пола въ губернiи, мы получимъ даже излишекъ (962.029 души муж. п. X на 2 дес. 1.371 кв. саж. = 2.473.617 дес.) въ 138.450 дес. сравнительно съ наличнымъ крестьянскимъ землевладѣнiемъ. Вопросъ о крестьянскомъ малоземельи уже давно трактуется въ нашей литературѣ и былъ одно время моднымъ вопросомъ, надъ которымъ производились всякiя статистическiя элукубрацiи, цѣль которыхъ была получить искомое малоземелье. Нѣчто подобное мы видимъ и въ разбираемомъ Сборникѣ: вмѣсто того, чтобы выяснить существующiе размѣры землевладѣнiя у разныхъ разрядовъ крестьянъ и предоставить самому читателю самостоятельно разрѣшать вопросъ о крестьянскомъ малоземельѣ, г. Вернеръ обработываетъ весь свой статистическiй матерiалъ на основанiи весьма спорнаго вывода о 9 дес. нормальномъ надѣлѣ на дворъ и неудивительно, что пришелъ къ заключенiю о сплошномъ малоземельѣ крестьянъ въ губернiи. Курское земство, ходатайствуя объ учрежденiи у себя крестьянскаго Поземельнаго Банка, было ознакомлено уже съ размѣрами крестьянскаго малоземелья, и потому не могло не усумниться въ правильности такого вывода, признавъ его совершенно основательно тенденцiознымъ. Что же касается быв. государ. крестьянъ, то у насъ имѣется подъ рукою журналъ Курскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствiя по предмету преобразованiя оброчной подати государ. крестьянъ въ выкупные платежи, согласно закона 12 iюня 1886 г.; въ этомъ журналѣ сдѣланъ сводъ всѣхъ работъ уѣздныхъ коммисiй, назначенныхъ съ этою цѣлью, въ которыхъ приведены подробныя данныя о надѣльности государственныхъ крестьянъ землею и соотвѣтствiи ихъ надѣловъ съ существующими платежами. Въ заключенiи этого доклада, при сравненiи обезпеченности государственныхъ крестьянъ землею съ быв.

помѣщичьими и подесятинныхъ обложеній тѣхъ и другихъ, получился выводъ, указывающій на вполнѣ достаточное землевладѣніе госуд. крестьянъ и легкость ихъ обложенія. Заподозрить правильность этого вывода невозможно, ибо въ работахъ по исполненію закона 12 іюня 1886 г. принимали участіе преимущественно податные инспекторы—новый институтъ, который если грѣшитъ противъ истины, то никакъ не во вредъ крестьянству. Такимъ образомъ изслѣдованіе г. Вернера о малоземельи курскаго крестьянина не можетъ быть одобрено ни съ земско-практической точки зрѣнія, какъ тенденціозное, ни съ научно-теоретической, по необоснованности и произвольности своихъ выводовъ.

Разбираемая глава Сборника заключается весьма эффектно: данными о благосостояніи безнадѣльныхъ домохозяевъ, приведенными по 9-и уѣздамъ губерніи. Эта группа фигурируетъ въ видѣ *сельскаго пролетаріата*, который какъ бы свилъ себѣ прочное гнѣздо въ каждомъ селеніи и долженъ служить однимъ изъ видныхъ факторовъ въ мрачной картинѣ крестьянскаго быта губерніи. Въ составъ этого пролетаріата входятъ: быв. дворовые, такъ называемые николаевскіе отставные солдаты, крестьяне, отказавшіеся отъ надѣла и пр. Бытовыя условія этихъ лицъ крайне разнообразны и во всякомъ случаѣ подводить ихъ подъ общій уровень съ крестьянствомъ весьма ошибочно. Только ничтожный процентъ ихъ занятъ земледѣліемъ, большая же часть имѣетъ профессіи: кто добываетъ себѣ средства существованія ремесломъ, кто торговлею, кто занятъ личнымъ услуженіемъ и т. д. Изъ этой категоріи лицъ выходятъ весьма часто міроѣды и кулаки, и есть лица весьма состоятельныя. Вотъ почему судить о благосостояніи этой группы по признакамъ, отличающимъ земледѣльческій бытъ: арендуемость, безлошадность, бездомовность и т. д., какъ дѣлаетъ это г. Вернеръ, не можетъ привести къ разумному выводу. Да и самая группа эта не есть продуктъ крестьянской поземельной общины и связь между ними чисто случайная. Если уже говорить о народившемся сельскомъ пролетаріатѣ, то не мѣшало бы углубиться въ причины его происхожденія, изслѣ-

довать его самостоятельно и найти органическую связь между нимъ и крестьянствомъ. Тогда, можетъ быть, и явленіе это оказалось бы на столько частнымъ и ограниченнымъ, что и не вошло бы въ Общій Сборникъ, на столько преувеличено оно и извращено, получивъ у г. Вернера названіе „*сельскаго пролетаріата*".

III.

Особымъ сенсаціоннымъ интересомъ отличается глава о земледѣліи и скотоводствѣ по рѣшительности своихъ выводовъ и по способу ея изложенія. Частное хозяйство въ ней какъ бы противополагается крестьянскому, и интересы ихъ какъ бы взаимно исключаются. Приступая къ сельско-хозяйственной сторонѣ дѣла, авторъ касается внутренней жизни двухъ главнѣйшихъ факторовъ населенія Курской губ.—частныхъ владѣльцевъ и крестьянскихъ общинъ, и выводы его въ этомъ случаѣ имѣютъ не только статистико-экономическое значеніе, но и соціально-политическое; они даютъ подчасъ и нравственную характеристику извѣстныхъ группъ и классовъ населенія. Вотъ почему фактическая полнота и обоснованныя на ней обобщенія были для него обязательны; тогда и выгоды его не могли бы оспариваться.

Къ сожалѣнію, не то мы видимъ въ дѣйствительности. Начавъ съ распредѣленія угодій на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ, г. Вернеръ приходитъ къ заключенію, что по количеству распаханныхъ земель Курская губ. стоитъ на первомъ мѣстѣ во всей Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, крестьяне заняли подъ пашню и усадьбу изъ 100 дес. 87, оставивъ подъ выгономъ, покосомъ и лѣсомъ всего 13 дес. Въ частныхъ имѣніяхъ, судя по 4 уѣздамъ, имѣнія которыхъ были описаны, % распаханныхъ земель доходитъ до 74,5. Въ общемъ по губерніи онъ равенъ 79%. При такомъ отношеніи угодій у крестьянъ правильное веденіе сельско-хозяйственнаго промысла у нихъ не мыслимо, и это есть первое внѣшнее условіе, вредящее ихъ хозяйству. Затѣмъ слѣдуетъ другое, это—

заведеніе разнополья, т. е. системы хозяйства безъ удобренія, безъ пара и безъ правильнаго чередованія посѣвовъ. Система эта практикуется издавна не только крестьянами, но и лицами другихъ сословій и объясняется отдаленностью нѣкоторыхъ полей отъ усадебъ, въ настоящее же время, по словамъ г. Вернера, малоземельемъ. Количество такого разнополья въ губерніи довольно велико. Къ числу такихъ же вредныхъ сельскохозяйственныхъ условій относится неудобство расположенія крестьянскаго надѣла. Явленіе это довольно распространенное и виновникомъ его, къ удивленію, авторъ признаетъ крестьянскія учрежденія, не соблюдавшія будто при спеціальномъ размежеваніи земель между быв. госуд. крестьянами и частными владѣльцами, а также при выдѣленіи временно-обязаннымъ крестьянамъ ихъ надѣла требованій 53 и слѣд. статей Мѣст. Полож. о поземельномъ устройствѣ крестьянъ. Иллюстрируя свое предположеніе, г. Вернеръ приводитъ изъ сборниковъ 6 уѣздовъ факты, изъ которыхъ можно убѣдиться, въ чемъ состоитъ это неудобство расположенія крестьянскаго надѣла и какія происходятъ отсюда послѣдствія. Такъ „въ Рыльскомъ уѣздѣ 33 общины, въ которыхъ земля разбросана въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ нѣкоторыхъ общинахъ такая дробная черезполосность, что міръ нарѣзываетъ своимъ членамъ землю въ 47, 52, 77 и даже 102 отдѣльныхъ мѣстахъ; въ 38 общинахъ крестьяне не пользуются для выпаса частью своей земли, за отсутствіемъ прогона; въ 9 общинахъ за прогонъ отработываютъ; въ 12 общинахъ надѣлъ нарѣзанъ узкою полосою, клины поперечные, прогонъ на нихъ крайне неудобенъ; въ одной изъ этихъ общинъ ширина холста не превышаетъ 20 аршинъ".

„Въ Путивльскомъ уѣздѣ въ 118 крестьянскихъ общинахъ болѣе или менѣе дробная черезполосность съ крестьянскими же обществами и съ частными владѣльцами; черезполосность эта, помимо неудобства распредѣленія земли и способа ея обработки, служитъ источникомъ нескончаемыхъ пререканій о захватѣ и запашкѣ чужой земли; въ 28 общинахъ прогона нѣтъ на нѣкоторые особняки; въ 11 общи-

нахъ за прогонъ отработки; въ двухъ общинахъ на свое поле большой объѣздъ; въ 20 общинахъ покосъ нарѣзанъ за 7, 10, 15, 20 и даже въ одномъ случаѣ за 50 верстъ отъ усадьбы; въ 8 общинахъ надѣлъ тянется узкою полосою отъ 15 до 200 сажень ширины и клины поэтому поперечные, и т. д.“ (стр. 116).

На основаніи выхваченныхъ такимъ способомъ фактовъ, относящихся къ 6 уѣздамъ, авторъ дѣлаетъ слѣдующее обобщеніе, распространяемое имъ на всю губернію: „какой бы уѣздъ мы ни взяли, всюду встрѣчаемъ громадное количество общинъ, въ которыхъ расположеніе надѣла по той или другой причинѣ крайне неудобно“ (тамъ же).

Перечисленіе общихъ внѣшнихъ условій, характеризующихъ крестьянское хозяйство, авторъ заканчиваетъ „длиноземельемъ“; это неудобство состоитъ въ растянутости поля, при которомъ поля удалены отъ усадебъ отъ 3 до 10 и болѣе верстъ. Данныя по этому предмету сгруппированы имъ въ особую таблицу, изъ которой оказывается, „что 2½% всѣхъ общинъ въ губерніи имѣютъ поля, дальній конецъ которыхъ отстоитъ болѣе 5 верстъ отъ усадьбы“. „Такимъ образомъ, заключаетъ г. Вернеръ, разсматривая крестьянское хозяйство со стороны распредѣленія угодій и удобства расположенія надѣла, необходимо признать, что человѣкъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, для того, чтобы хотя отчасти парализовать благопріятныя естественныя условія“ (стр. 119).

Послѣ такого вступленія чего же ожидать отъ описанія хозяйства въ частныхъ имѣніяхъ и въ крестьянскихъ общинахъ въ отдѣльности?

Переходя къ этому описанію, нельзя не спросить: откуда почерпнулъ свои свѣдѣнія г. Вернеръ, чтобы приписывать неудобства расположенія крестьянскаго надѣла нарушенію 53 ст. Мѣст. Полож.? Ни въ одномъ изъ поуѣздныхъ сборниковъ такого объясненія мы не встрѣчаемъ; въ тѣхъ же двухъ уѣздахъ, которые мы привели въ видѣ образчика тѣхъ пріемовъ изслѣдованія, которые практикуетъ г. Вернеръ, неудобство это объясняется весьма про-

сто: въ Путивльскомъ уѣздѣ—неразмежеванностью тѣхъ земельныхъ дачъ, въ которыхъ находятся крестьянскіе надѣлы,—значитъ, крестьянскимъ учрежденіямъ тутъ и дѣлать было нечего и неудобство черезполосности владѣній терпятъ одинаково всѣ участники такихъ дачъ: частные владѣльцы и крестьянскія общины. Въ Рыльскомъ уѣздѣ дробная черезполосица владѣній между отдѣльными членами общины не имѣетъ никакой связи съ удобствомъ расположенія крестьянскаго надѣла, ибо и при отведенномъ въ одномъ особнякѣ надѣлѣ, пріуроченномъ къ усадьбѣ, весьма часто встрѣчается такая черезполосица, объясняемая просто условіями общиннаго землевладѣнія, обычаемъ общины разверстывать землю между своими членами по качеству ея, что и приводитъ ее нерѣдко къ ужасающей черезполосицѣ. Эти причины описываемыхъ явленій для г. Вернера какъ бы не существуютъ: онъ подыскалъ такую, которую доказать ему, конечно, весьма трудно,—причину административную, придающую за то соціальный интересъ изслѣдованію, въ особенности, если, по своеобразности научныхъ своихъ пріемовъ, онъ обобщилъ свой выводъ по даннымъ 6 уѣздовъ на всю губернію. Что же удивительнаго, если Курское земство не захотѣло согласиться съ основательностью обвиненія, возводимаго г. Вернеромъ на правящую часть населенія въ дѣлѣ поземельнаго устройства крестьянъ и признало въ этомъ памфлетъ. Надо думать, что и наука тутъ мало уважена и ничѣмъ не обогатилась. Но послѣдуемъ за г. Вернеромъ дальше.

Описаніе частновладѣльческаго хозяйства представляется у него въ слѣдующемъ видѣ: въ имѣніяхъ до 50 дес., по цифрамъ, взятымъ въ 8 уѣздахъ, только крестьяне ведутъ лично свое хозяйство, обработывая землю собственнымъ инвентаремъ; дворяне же и другія сословія большею частью сдаютъ ее или обработываютъ чужимъ инвентаремъ. Въ крупныхъ имѣніяхъ сравнительно съ мелкими обработывается земли еще меньше лично, батрачнымъ способомъ. Причинами этого, по мнѣнію г. Вернера, служатъ какъ отсутствіе умѣнія и привычки вести хозяйство батрачнымъ способомъ, такъ и высокія арендныя цѣны на землю. Центръ тяжести всего

хозяйства въ частныхъ имѣніяхъ, какъ это явствуетъ между прочимъ изъ описанія 662 имѣній свыше 50 дес. по 4 уѣздамъ, заключается въ сдачѣ земли, и вся хозяйственная дѣятельность владѣльцевъ имѣній сводится будто къ полученію денегъ за снятую землю, такъ что даже сравнительно незначительное количество земли, оставленное подъ собственный посѣвъ, обработывается преимущественно крестьянами за арендованную землю. Такой установившійся порядокъ оказался настолько выгоднымъ, что онъ практикуется и арендаторами частныхъ имѣній. Вести личное хозяйство дѣлается невозможнымъ по затруднительности достать рабочую силу, какъ заявляютъ это владѣльцы; въ сущности же вслѣдствіе низкой заработной платы, въ виду которой, какъ утверждаетъ г. Вернеръ, въ работники идутъ только захудалые, измотавшіеся крестьяне, или безхозяйные бобыли, „которые собственно представляютъ дурную накипь крестьянскаго сословія“ (стр. 128). Интересно, что по даннымъ тѣхъ же описанныхъ имѣній, въ среднемъ, на каждое имѣніе нанимается не болѣе 1—2 работниковъ мужскаго пола, и вся тяжесть сельскохозяйственныхъ работъ лежитъ на сосѣднихъ крестьянахъ, обработывающихъ земли частныхъ владѣльцевъ изъ части урожая и въ видѣ уплаты за снимаемую землю. Для обработки пахоти въ такомъ имѣніи (340 дес. въ среднемъ) владѣлецъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи: 2 плуга, 2 сохи, 3 желѣзныхъ бороны, 1 сѣялку на три имѣнія, 1 молотилку на два имѣнія и 1 вѣялку. Скотоводство представляется въ слѣдующемъ видѣ: на одно имѣніе (448 дес.) въ тѣхъ же уѣздахъ приходилось въ среднемъ: 9 лошадей, 9 воловъ, 8 коровъ и 66 головъ мелкаго скота. Въ громадномъ большинствѣ имѣній Курской губ. практикуется трехпольный сѣвооборотъ. Посѣвъ кормовыхъ травъ и многопольный сѣвооборотъ встрѣчается въ видѣ исключеній и то въ крупныхъ имѣніяхъ, гдѣ „богатые владѣльцы, замѣчаетъ г. Вернеръ, или ученые управители сочли своею обязанностью отдать хотя нѣкоторую дань требованіямъ агрономической науки; вообще же къ этимъ новшествамъ большинство относится несимпатично“ (стр. 133). Удобряется въ среднемъ

имѣніи, по даннымъ тѣхъ же уѣздовъ, изъ 100 дес. пахатной земли ежегодно 3,3 дес., а вся площадь въ 30 лѣтъ одинъ разъ. Сѣется изъ 100 дес. экономическаго посѣва рожью—27,8 дес., пшеницы—18,4, яровыми 40,3 и спеціальными культурами 13 дес. Выводы эти заканчиваются описаніемъ техники земледѣлія.

Такимъ образомъ, общее впечатлѣніе изъ приведенныхъ выводовъ таково, что владѣльческаго хозяйства, какъ положительнаго явленія, не существуетъ, и что оно питается на счетъ крестьянскаго. Основаніемъ для этого послужили 662 имѣнія, описанныя въ 4 уѣздахъ такъ называемымъ бланковымъ способомъ, т. е. чрезъ посредство самихъ же владѣльцевъ. Цифра эта—662, сама по себѣ довольно значительна, но если сопоставить ее съ общимъ количествомъ всѣхъ частныхъ владѣній въ губерніи, то она представляетъ всего $^{1}/_{6}$ часть съ небольшимъ этого числа (18%). Спрашивается, это ли называется подводить итоги статистическаго изслѣдованія по губерніи? Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ таблицу по частному землевладѣнію губерніи, данныя которой за 1887 г. извлечены нами изъ мѣстной Казенной Палаты:

Владѣнія:

До 50 дес.	15.570
Отъ 50—100 дес.	1.421
„ 100—500 дес.	1.774
„ 500—1.000 дес.	333
Болѣе 1.000 дес.	192
Всего по губерніи	19.290

И такъ 3.720 противъ 622 имѣній, иначе говоря, $^{5}/_{6}$ всѣхъ имѣній въ губерніи, и притомъ въ 10 уѣздахъ изъ 15 остались необслѣдованными! Мы не будемъ повторять уже сказаннаго о невозможности дѣлать обобщенія, основанныя на столь маломъ числѣ данныхъ; въ частномъ хозяйствѣ принципъ индивидуализма проявляется сильнѣе чѣмъ въ крестьянскомъ, поэтому для выводовъ, которые претендуютъ на характеристику его по губерніи, и требовалось бы имѣть по крайней мѣрѣ данныя изъ всѣхъ уѣздовъ и, притомъ, отно-

сящіяся ко всѣмъ разрядамъ частнаго землевладѣнія и отъ преобладающаго числа владѣльцевъ по каждому изъ нихъ. Между тѣмъ, справляясь съ поуѣздными сборниками, мы видимъ, что въ пяти уѣздахъ (Бѣлгородскій, Новооскольскій, Старооскольскій, Тимскій и Корочанскій) отдѣлъ частнаго землевладѣнія даже и въ томъ печальномъ видѣ, въ какомъ онъ является въ сборникахъ другихъ уѣздовъ, совершенно отсутствуетъ; что въ этихъ послѣднихъ онъ только намѣчался для изслѣдованія и выработывались съ этою цѣлью пріемы и программа въ этой непочатой и недоступной, по сознанію г. Вернера, новой области для земской статистики. Затѣмъ, изъ журнала Курскаго очередного земскаго собранія 1885 г. мы знаемъ, что нѣкоторые губернскіе гласные высказывались, что предварительно изданія Общаго Сборника требуется пополнить по губерніи свѣдѣнія по частному землевладѣнію и что земское собраніе, вслѣдствіе этого, обязало постановленіемъ г. Вернера дополнить этотъ отдѣлъ недостающими свѣдѣніями. Если исполненіе этого порученія и потерпѣло бы неудачу, то при такомъ состояніи дѣла попытка сдѣлать обобщеніе и противопоставить малоизслѣдованное, владѣльческое хозяйство достаточно обслѣдованному крестьянскому хозяйству, — врядъ ли можетъ быть одобрено съ точки зрѣнія научной. Въ Общемъ Сборникѣ, гдѣ сводятся и обобщаются данныя, собранныя по цѣлой губерніи, объективное отношеніе къ дѣлу обязывало бы не вводить отдѣла частнаго землевладѣнія въ сборникъ и не дѣлать въ немъ преждевременныхъ выводовъ, въ особенности такого хлесткаго характера. Кромѣ того, вслѣдствіе недостаточности свѣдѣній по частному землевладѣнію, авторъ поставленъ былъ въ необходимость изслѣдовать его суммарно, не входя въ особенности хозяйства въ мелкихъ, среднихъ и крупныхъ имѣніяхъ: ибо, если онъ касается преимуществъ мелкаго и крупнаго землевладѣній съ ихъ внутренней стороны, нельзя описывать частныя имѣнія внѣшне-статистически, перечисляя въ нихъ одинъ живой и мертвый инвентарь, надо было войти въ агрономическую суть дѣла, т. е. выбрать и описать типическія хозяйства по

каждому виду и разряду землевладѣній. Достаточно, что въ Курской губ. имѣется три сельско-хозяйственныхъ общества (Курское губернское, Курское уѣздное и Щигровское), дѣятельность которыхъ проявляется чуть не ежегодными сельско-хозяйственными выставками, чтобы усумниться, что въ области частнаго землевладѣнія все хозяйство выражается только въ сдачѣ земли крестьянамъ и чтобы они не имѣли своихъ представителей въ раціональной земледѣльческой культурѣ, которые вліяли бы на окружающую ихъ среду. Мы помнимъ, что и на Московской Всероссійской выставкѣ 1881 года Курская губ. имѣла таких представителей, которые не остались тамъ незамѣченными. Вообще, видѣть въ земскомъ изданіи враждебное отношеніе къ предмету, прежде чѣмъ о послѣднемъ собраны даже достаточныя свѣдѣнія, можетъ быть объяснено только своеобразнымъ отношеніемъ къ наукѣ статистики вообще и къ цѣлямъ земской статистики въ частности.

Послѣ сказаннаго насъ не должны удивить отношеніе автора къ крестьянскому хозяйству и тѣ объясненія, которыя онъ подыскиваетъ для наблюдаемыхъ имъ здѣсь явленій. Такъ, всѣхъ надѣльныхъ домохозяевъ въ губерніи числится 278.999, которымъ противопоставлено 15.848 безнадѣльныхъ, или 5,7% общаго числа. Въ дѣлѣ пользованія надѣломъ: 216.525 домохозяевъ обработываютъ его собственнымъ инвентаремъ, 40.250—наймомъ и 22.224 сдаютъ надѣлъ. Двѣ послѣднія категоріи крестьянъ постоянно пополняютъ-де ряды вышеозначенныхъ безнадѣльныхъ пролетаріевъ; слагая всѣ три группы вмѣстѣ, получится 26,4% домохозяевъ, имѣющихъ образовать сельскій пролетаріатъ. „Такимъ образомъ, четвертая часть всѣхъ крестьянскихъ семей Курской губ., разсуждаетъ г. Вернеръ, принуждена снискивать себѣ существованіе при помощи различныхъ заработковъ, такъ какъ хозяйство на собственныхъ надѣлахъ у нихъ прекращено или приходитъ въ окончательный упадокъ“ (стр. 141). Тутъ же онъ перечисляетъ отдѣльныя мѣстности, отличающіяся значительнымъ процентомъ домохозяевъ, сдающихъ свой надѣлъ, причемъ оказывается, что кандидатами на

пролетарія считаются всѣ крупныя промышленныя слободы и села въ губерніи (Ямская съ Стрѣлецкой и Казацкая въ Курскомъ уѣздѣ и т. д.)—такъ легко создать у насъ пролетаріатъ на бумагѣ! Производя далѣе учетъ крестьянскаго хозяйства по лошадности, получается 25% безлошадныхъ, 26,4% съ 1 лошадью и 47% съ 2 и болѣе лошадьми. Чтобы объяснить такой громадный % безлошадныхъ домохозяевъ, авторъ указываетъ на то, что онъ почти совпадаетъ съ цифрою сельскаго пролетаріата въ губерніи (26,4%), и неудивительно, прибавимъ мы отъ себя, такъ какъ промышленныя общины идутъ у него въ одинъ счетъ съ земледѣльческими. Казалось бы, эти два разряда общинъ на столько противоположны по своему быту, что для сужденія о ихъ благосостояніи никакъ нельзя примѣнять одинъ и тотъ же критерій, ибо промышленная община живетъ отхожими заработками и почти всѣ домохозяева ея безлошадны, земли не арендуютъ, а сдаютъ и свою,—но г. Вернеръ не простираетъ своего анализа въ глубь, а чтобы усилить эффектъ такого явленія, какъ безлошадность, прибѣгаетъ къ сравненію величинъ совершенно однородныхъ. Рецензентъ же его, г. Чупровъ, какъ бы не замѣчаетъ такой грубой противонаучной цѣли, притомъ, не разъ повторяемой, и ограничивается тѣмъ, что подчеркиваетъ измышленное земскимъ статистикомъ явленіе. Приходя въ восторгъ отъ оригинальности и новизны статистическихъ пріемовъ г. Вернера, онъ указываетъ, напр. въ главѣ о населеніи, какъ на самостоятельную заслугу автора, что онъ впервые попытался разрѣшить вопросъ о вліяніи размѣровъ крестьянскаго населенія на состояніе хозяйства. Вникая въ эту попытку, оказывается, что и тамъ произведено то же смѣшеніе: 4 крупныя промышленныя общины по Новооскольскому уѣзду противопоставлены остальнымъ 218 земледѣльческимъ общинамъ, причемъ, конечно, у послѣднихъ ниже и % безхозяйныхъ, въ смыслѣ обработыванія надѣла, и % безлошадныхъ; по скотоводству же и арендности получаются у первыхъ цѣлыя числа, у вторыхъ дробныя (стр. 64). И это называется научностью!

Сосчитавъ далѣе, сколько имѣется коровъ, телятъ и овецъ у курскаго крестьянства, авторъ останавливается надъ вопросомъ объ удобреніи крестьянами своей земли: оказывается, что они удобряютъ только свои коноплянники; въ нѣкоторыхъ же общинахъ, преимущественно у четвертныхъ крестьянъ, навозъ вываливается въ оврагъ или употребляется на изгороди. Въ виду того, что находятся лица, которыя обвиняютъ, вслѣдствіе этого, крестьянъ въ лѣни, г. Вернеръ, утверждая, что большинство ихъ находится въ такомъ положеніи, „при которомъ самая напряженная работа едва способна поддержать ихъ существованіе“ (стр. 151), настаиваетъ на томъ, что большинство крестьянъ „не удобряетъ земли потому, что не имѣетъ къ тому возможности, остальные по какой-то непонятной инертности, поддерживаемой пока естественными богатствами почвы и климата“ (стр. 152). Крестьянамъ на себя работать будто некогда, такъ какъ они связаны разными отработками по экономіи частныхъ владѣльцевъ. То они вывозятъ экономическій навозъ, то убираютъ экономическій хлѣбъ и мечутъ паръ, почему не всѣ крестьяне успѣваютъ вспахать свой паровой клинъ и принуждены разсѣвать рожь по непаханному полю подъ соху; большинство крестьянъ, впрочемъ, успѣваетъ кое-какъ вспахать землю одинъ разъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ веденія хозяйства урожаи на крестьянскихъ земляхъ должны быть скудны, и крестьянинъ не можетъ свести концы съ концами. Чтобы доказать это воочію, г. Вернеръ проектируетъ бюджетъ средней крестьянской семьи, надѣленной 9 дес. земли на дворъ, изъ которой онъ извлекаетъ будто единственныя средства для своего существованія. Онъ утверждаетъ, напримѣръ, что такая семья получитъ съ своего надѣла 16 четв. озимаго и 18 четв. яроваго, потребитъ $13^{3}/_{4}$ перваго и $11^{1}/_{2}$ втораго; остатокъ того и другаго можно продать за 18—41 р. Но и тутъ предстоятъ еще денежные расходы, какъ-то:

Дегтю на телѣгу, сбрую и сапоги	0 р. 50 к.
Ковка 2 лошадей	1 „ — „
Ремонты орудій и сбруи.	1 „ 50 „
3 пары сапогъ по 4 р. (на 3 года) въ годъ .	4 „ — „
1 пара башмаковъ въ 2 р. (на 2 года). . .	1 „ — „
Кумача на праздничныя рубахи, платокъ женѣ и дѣвочкѣ, чулки и т. п.	3 „ — „
4 шапки по 92½ коп. (на 2 года)	1 „ 85 „
Соли себѣ и скоту.	1 „ 95 „
Водки, чай и сахаръ на праздники. . . .	1 „ 20 „
Выдѣлка овчинъ на полушубки, шитье ихъ, валянье сукна, битье конопляннаго масла, помолъ зерна.	3 „ — „
Итого	19 р. — „

(стр. 157)

Кромѣ того, надо заплатить податей 27 р. въ годъ, на религіозныя требы и мелкіе непредвидѣнные расходы 3 р., всего денежнаго годоваго расхода на 49 р. Часть этихъ денегъ можетъ быть покрыта доходами съ коноплянника, но все-таки и за продажею свободныхъ остатковъ отъ собранныхъ съ земли продуктовъ получается дефицитъ въ 3—5 руб. Замѣчательно, что такимъ вычисленіямъ г. Вернеръ придаетъ практическое значеніе, такъ какъ знакомитъ насъ въ особой таблицѣ съ балансомъ крестьянскаго бюджета при разныхъ размѣрахъ надѣла. Такъ, при 3½ дес. надѣла у крестьянина должно быть 102 р. дефициту, при 5 дес.— 75 р., при 7 дес.—48 р. 50 к., при 9,3 дес.—6 р.; зато при 10,3 дес. является излишекъ въ 12 р., при 13½ дес.—72 р. И вся аргументація этихъ цифръ сводится къ тому, чтобы доказать, что 9 дес. на дворъ должны быть признаны для крестьянина нормальнымъ надѣломъ въ Курской губер. Тутъ уже и г. Чупровъ не рѣшается признать научность всѣхъ этихъ разсчетовъ и относитъ ихъ къ недостаткамъ Сборника.

IV.

Врядъ-ли есть необходимость утомлять читателя дальнѣйшимъ разборомъ другихъ главъ Сборника, которому создали искусственный интересъ. Если намъ удалось доказать на двухъ основныхъ отдѣлахъ его, что онъ неудовлетворителенъ какъ со стороны земско-утилитарной, такъ и научной, то будетъ вполнѣ достаточно привести тѣ общіе выводы, къ которымъ авторъ приходитъ въ этихъ главахъ.

Такъ, глава о крестьянской арендѣ земель заканчивается слѣдующимъ выводомъ: „такимъ образомъ какую бы форму аренды мы ни взяли, при существующихъ въ Курской губ. условіяхъ, она является мало выгодною для крестьянъ, а потому прибѣгаютъ къ ней не зажиточные домохозяева, какъ въ другихъ мѣстностяхъ, а, наоборотъ, тѣ, кому *дѣваться некуда*" (стр. 174). Провѣряя этотъ выводъ съ поуѣздными сборниками, оказывается, что тамъ арендный промыселъ, распространенный среди всѣхъ сословій и въ области какъ частнаго, такъ и крестьянскаго землевладѣнія, далеко не такъ безвыгоденъ, и что арендныя цѣны на землю регулируются въ зависимости отъ хлѣбныхъ цѣнъ на рынкѣ и производительностью почвы. Въ Общемъ же Сборникѣ г. Вернеру не захотѣлось остаться на экономической почвѣ: онъ перешелъ на соціальную и разбираетъ то же явленіе арендности земель со стороны одной нуждаемости въ оной, причемъ, если $^3/_4$ всѣхъ крестьянскихъ дворовъ онъ отнесъ къ малоземельнымъ, то долженъ былъ изобразить положительное экономическое явленіе, какъ арендность, отрицательнымъ. Такимъ образомъ курскіе землевладѣльцы, изъ которыхъ большая часть задолжена и еле сводятъ концы съ концами, являются у него какими-то англійскими лендлордами, которые только и живутъ рентой съ своихъ владѣній, не прилагая никакого труда къ своимъ имѣніямъ.

Въ главѣ о крестьянскихъ платежахъ, указывая, что половина земскаго бюджета составляется сборомъ съ крестьскихъ земель, г. Вернеръ находитъ, „что крестьянское со-

словіе, благодаря этому, до нѣкоторой степени вправѣ требовать исключительныхъ заботъ земства" (стр. 239). Затѣмъ голословно утверждая, что крестьяне платятъ съ своей земли 12°/₀ валоваго дохода, а другія сословія 3,₅°/₀ и находя, что земство, если оно желаетъ, чтобы дѣятельность его была плодотворна, должно увеличить свои расходы, — онъ заключаетъ, что увеличеніе это отнюдь не можетъ идти на счетъ обложенія крестьянскихъ надѣльныхъ земель. „Здѣсь нельзя не говорить о томъ, убѣждаетъ онъ, что услугами земства пользуются всѣ сословія, а потому всѣ они должны нести одинаковое обложеніе; точно также въ пополненіи общаго государственнаго бюджета податныя сословія участвуютъ въ наибольшей мѣрѣ, не претендуя ни на какія исключительныя преимущества или льготы" (стр. 240). И такъ земство, какъ бы status in statu должно ввести у себя подоходное обложеніе. Это ли не нелѣпица?

Въ главѣ объ арендныхъ и продажныхъ цѣнахъ земли, для которой поуѣздные сборники представляли богатый матеріалъ, мы видимъ спѣшную и жалкую сводку этихъ данныхъ, которая далеко не изображаетъ полноты всѣхъ явленій въ этой области. На основаніи этихъ данныхъ Курское земство предполагало приступить къ переоцѣнкѣ земель, но такъ какъ въ этой главѣ, для соотвѣтствія съ прочими, не приведены изъ поуѣздныхъ сборниковъ данныя о земельныхъ угодьяхъ, якобы исчезнувшихъ, то она не представляетъ никакого практическаго интереса; въ научномъ же отношеніи не даетъ свода, итога данныхъ изъ поуѣздныхъ сборниковъ.

Въ главѣ о внѣнадѣльныхъ заработкахъ перечисляются черезъ пень-колоду существующіе промыслы въ Курской губ., опять безъ всякаго вниманія къ собранному въ поуѣздныхъ сборникахъ матеріалу и къ практическимъ потребностямъ въ отношеніи земства. Оно не получило тутъ описанія кустарныхъ промысловъ въ губерніи, хотя и добивалось этого въ особенности, въ виду тѣхъ мѣропріятій, которыми заявило свое покровительство кустарнымъ промысламъ.

Изъ всѣхъ главъ Сборника только двѣ: о грамотности

и переселеніяхъ—выдѣляются своимъ серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу и объективностью изслѣдованія. Но онѣ не могутъ измѣнить общаго характера Сборника и, составляя его украшеніе, имѣютъ сами по себѣ второстепенное значеніе, сравнительно съ другими главами. Къ тому же глава о переселеніяхъ принадлежитъ перу г. Добротворскаго, о грамотности же, надо полагать, г. Кислякову, составлявшему этотъ отдѣлъ въ лучшихъ поуѣздныхъ сборникахъ.

Что касается цифровыхъ статистическихъ таблицъ Сборника, занимающихъ добрую его часть, то нельзя не сравнить ихъ съ таблицами статистическихъ трудовъ нашего Центральнаго Статистическаго Комитета. Насколько послѣднія по своей полнотѣ и обработанности служатъ основаніемъ для общихъ выводовъ, сдѣланныхъ въ текстѣ, и находятся въ тѣсной съ ними связи (выводы всегда могутъ быть провѣрены таблицами, а потому не носятъ въ себѣ ничего индивидуальнаго), на столько таблицы разбираемаго Сборника представляютъ безсвязное къ нему приложеніе и совершенно неудобное для провѣрки тѣхъ рѣшительныхъ выводовъ и смѣлыхъ обобщеній, которыя насъ поражаютъ въ текстѣ. Трудно найти что-либо болѣе не научное.

Въ дополненіе ко всему нельзя не привести, въ параллель отзыву самаринской коммисіи университета, отзывъ Курской губернской земской коммисіи о томъ же Сборникѣ, изъ котораго читатель можетъ усмотрѣть, что Курское земство отнеслось къ нему далеко не поверхностно и проштудировало его вдоль и поперекъ. Вотъ онъ:

„Въ общемъ, со стороны конструкціи, Общій Сборникъ построенъ безъ всякаго вниманія къ земскимъ потребностямъ, ради которыхъ онъ проектировался, такъ какъ центръ тяжести его лежитъ не въ основныхъ отдѣлахъ такого Сборника, какъ-то: о крестьянскомъ хозяйствѣ, о промыслахъ, о матеріалахъ по опредѣленію цѣнности и доходности земель, а исключительно въ главахъ о землевладѣніи и земледѣліи, для которыхъ остальныя имѣютъ подсобное значеніе, усиливая и подкрѣпляя общіе выводы, сдѣланные въ этихъ главахъ. Сборникъ этотъ, который долженъ былъ

основаться на предшествовавшихъ 15-ти поуѣздныхъ сборникахъ, имѣетъ слабую связь съ послѣдними и далеко не исчерпываетъ статистическаго матеріала, въ нихъ собраннаго. Кромѣ того, обработка самаго матеріала, въ немъ изслѣдуемаго, страдаетъ тенденціозностью и преждевременностью общихъ выводовъ и индивидуализмомъ частныхъ мнѣній, не имѣющихъ ничего общаго съ предметомъ изслѣдованія и назначеніемъ Общаго Сборника, какъ земскаго изданія. Вслѣдствіе указанныхъ причинъ. названное сочиненіе г. Вернера теряетъ свое практическое значеніе для губернскаго земства и не можетъ быть признано имъ за изданіе, въ которомъ изображается общій характеръ сельско-хозяйственнаго положенія губерніи въ настоящемъ ея видѣ.

„Въ частности, перечисленные недостатки обнаруживаются особенно рельефно въ главахъ III и IV (землевладѣніе и земледѣліе, и скотоводство), гдѣ частное хозяйство, при отсутствіи достаточнаго для этого статистическаго матеріала, рѣзко противопоставлено крестьянскому и изображено въ отношеніи полной экономической эксплоатаціи послѣдняго первымъ, неизбѣжной въ силу крайняго малоземелья крестьянскаго населенія, которое авторъ доказываетъ посредствомъ разныхъ искусственныхъ статистическихъ пріемовъ и вычисленій, преувеличивающихъ дѣйствительность и затемняющихъ истину. Впечатлѣніе полученныхъ такимъ способомъ выводовъ усиливается въ гл. V и VIII (крестьянская аренда земель и крестьянскіе платежи) односторонностью разработки статистическаго матеріала, дающей въ результатѣ неправильные выводы о крупныхъ сельско-хозяйственныхъ явленіяхъ въ губерніи (аренда земель) и о положеніи крестьянскаго сословія, какъ безъисходно зануженнаго и чрезмѣрно подавленнаго въ области обложенія его денежными платежами вообще и земскимъ сборомъ въ частности. Главы же VI и IX (внѣнадѣльные заработки и арендныя и продажныя цѣны земли) отличаются такою неполнотою сводки собраннаго въ поуѣздныхъ сборникахъ матеріала и неразработанностью его, что дѣлаетъ ихъ неудобными для пользованія въ Общемъ Сборникѣ. Наконецъ, если

присоединить къ этому черты фельетонизма въ характеристикѣ цѣлыхъ общественныхъ группъ, входящихъ въ составъ населенія губерніи (четвертные крестьяне), неосновательную и неумѣстную полемику противъ правительственныхъ мѣръ въ отношеніи крестьянскаго населенія (семейные раздѣлы), пользованіе статистическимъ матеріаломъ для проведенія индивидуальныхъ мнѣній въ области земскаго самоуправленія (проектъ земскаго представительства) и пр., все это придаетъ сочиненію г. Вернера характеръ полемическаго произведенія, имѣющаго въ виду доказать, при удобномъ случаѣ, правильность своихъ политико-общественныхъ воззрѣній, съ тѣмъ, чтобы дать имъ наибольшее распространеніе и извѣстность" [1]).

Трудно прибавить что-либо къ сказанному. Если сочиненіе г. Вернера отличается такими грубыми недостатками съ точки зрѣнія земско-утилитарной, то и въ научномъ отношеніи врядъ-ли оно можетъ быть удовлетворительно. Съ своей стороны, мы сочли своимъ долгомъ указать на научные промахи этого сочиненія и не пожелали бы, вопреки г. Чупрову, ни одному губернскому земству обладать такимъ Общимъ Сборникомъ, весь интересъ котораго состоитъ въ его хлесткой тенденціозности политико-экономическихъ взглядовъ новѣйшаго времени.

А. РОШТОКЪ.

Январь, 1888.

---

[1]) См. докл. Курской губер. зем. коммисіи по предмету Общ. Сбор., стр. 52-54.

РАЗСКАЗЫ СВѢТЛЯКА.

(Glow-worm tales)

Джемса Пэна.

I.

Возмездіе.

1.

Мой домъ находится теперь на западной окраинѣ Манчестера; но было время, когда я жилъ на противоположномъ концѣ хлопчатобумажнаго города, откуда бѣжалъ по причинамъ ниже изложеннымъ и съ такимъ чувствомъ, что хоть на край свѣта такъ въ пору. Мое первоначальное жилище была вилла въ Парадизъ-Роу. Занятія же мои, по правдѣ сказать, мало для меня привлекательныя, обязывали бывать въ центрѣ города. Тамъ я дѣлалъ воскъ, отъ котораго получалъ большую часть своего дохода, но медъ свой,—а я былъ въ ту пору очень трудолюбивой пчелкой—я собиралъ дома, возвращаясь изъ конторы и хотя тоже посредствомъ пера, но уже совсѣмъ въ другомъ родѣ. Душа моя была предана литературѣ, и все время, какое я могъ урвать у гг. Дэля и Кропа, торговцевъ хлопкомъ, посвящалось сочинительству. Если исключить тотъ промежутокъ времени, когда я перебирался изъ конторы домой, я могъ бы сказать, что сходилъ съ конторскаго табурета только затѣмъ, чтобы осѣдлать Пегаса, и онъ носилъ меня по поднебесью отъ семи до десяти часовъ вечера.

Спѣшу прибавить, что это выраженіе метафорическое. Какъ человѣкъ, все еще причастный къ дѣламъ, я былъ бы недоволенъ, еслибы кто-нибудь подумалъ, что я пишу стихи. Нѣтъ, я писалъ прозу, только прозу, но (если позволено такъ выразиться) высшаго порядка. Я писалъ повѣсти для толстаго журнала и передовыя статьи для мѣстной газеты или двухъ, короче сказать—занимался такъ называемой художественной литературой. У меня была молодая жена и нѣсколько человѣкъ дѣтей, и прибавка, которую я такимъ образомъ получалъ къ моему оффиціальному доходу, была очень для насъ кстати; но главное: литературная работа была мнѣ по сердцу. Съ гусинымъ перомъ въ рукахъ, (стальными я писалъ только конторскіе счета) за письменнымъ столомъ, съ цѣлымъ роемъ мыслей въ головѣ, которыя я готовился изложить на бумагѣ—я былъ счастливъ какъ царь. Это скромное удовольствіе, оно знакомо немногимъ, и никому не покажется завиднымъ, но повѣрьте мнѣ, что нѣтъ болѣе пріятнаго и возвышеннаго.

Когда наши дѣтки лягутъ спать, жена приходила обыкновенно ко мнѣ и садилась возлѣ съ шитьемъ въ рукахъ. У насъ былъ уговоръ, чтобы она первая не заговаривала, если я молчу, чтобы не спугнуть вдохновенія. И я могъ на нее въ этомъ положиться. Иныя женщины не могутъ двухъ минутъ помолчать, когда работаютъ. Моя Клементина была не изъ нихъ... къ счастью для насъ обоихъ.

Мнѣнія могли расходиться (то-есть *мое* мнѣніе и мнѣніе другихъ людей) на счетъ полезности или пригодности моихъ литературныхъ трудовъ, но каковы бы они ни были, для нихъ требовалась безусловная тишина. Малѣйшій шумъ, трескъ угля въ каминѣ, дверь, хлопнувшая гдѣ-нибудь на чердакѣ—и конченъ балъ; еслибы соловей запѣлъ въ саду, я былъ бы парализованъ; наши двѣ служанки ходили всегда въ туфляхъ въ тѣ часы, когда я предавался сочинительству.

Цѣлый долгій мѣсяцъ вилла моя въ Парадизъ-Роу оправдывала свое названіе „Эдемъ"; но на пятой недѣлѣ змій высунулъ голову изъ-за цвѣтовъ и прошипѣлъ: „Сэръ, вы

обманулись въ названіи своей резиденціи; это не „Эдемъ", а „Чистилище".

Дѣло было въ 7 ч. 15 м., и я по обыкновенію сидѣлъ одинъ за своимъ любимымъ занятіемъ, когда за стѣной, у которой помѣщался какъ разъ мой письменный столъ, раздался словно пушечный выстрѣлъ, а за нимъ послѣдовало три или четыре взрыва, точно ракеты. Въ первую минуту я такъ и подумалъ, что это ракеты и что онѣ разбили мнѣ черепъ, и онъ разлетѣлся въ разныя стороны.

Моя вѣрная жена, услышавшая канонаду въ дѣтской, сбѣжала съ лѣстницы и въ одинъ моментъ очутилась около меня. Когда она вошла въ комнату, безобразная канонада возобновилась и съ такимъ эффектомъ, что кочерга упала на полъ, а крышка чернильницы запрыгала.

— Милосердное небо! что это такое?

— Я такъ и думала, что тебя это обезпокоитъ, начала Клементина дрожащимъ голосомъ.

— Обезпокоитъ! это убьетъ меня! Я больше не напишу ни одной строчки сегодня вечеромъ. Что это за громъ?

— Милый Чарльзъ, я съ сожалѣніемъ должна сказать, что это дочь нашей сосѣдки, м-съ Броунъ. Она только-что вернулась изъ пансіона и играетъ на фортепіано „Битву при Прагѣ". Джемима говоритъ, что она всегда этимъ занимается на праздникахъ. Джемима знаетъ этотъ околодокъ, и такъ глупо, что она не сказала этого раньше; я увѣрена, что ты не купилъ бы „Эдема"!

— Но неужто же она *постоянно* играетъ на фортепіано! Вѣдь это ужасъ, что такое! Похоже было на фейерверкъ, только безъ огня. Ни одинъ человѣкъ этого не вынесъ бы, и только дьяволъ могъ измыслить такую пытку.

— Джемима говоритъ, что барышня играетъ на фортепіано впродолженіи шести недѣль отъ семи до десяти; но только по воскресеньямъ она играетъ духовныя вещи.

Я не пылкій человѣкъ, но нетерпѣливый и, попадись мнѣ въ эту минуту барышня-сосѣдка, я бы свернулъ ей шею, не смотря на ея полъ, нѣжный возрастъ и благочестіе. Обстоятельство было не такого рода, чтобы можно было отло-

жить его въ долгій ящикъ или задуматься надъ нимъ: въ тотъ же моментъ я сѣлъ и написалъ Броунамъ (такъ связно, какъ только было можно при такомъ адскомъ шумѣ) записку съ вѣжливымъ замѣчаніемъ. Я встрѣчался съ нимъ и разговаривалъ, и онъ показался мнѣ добрымъ малымъ, но я подозрѣвалъ, что жена у него аспидъ. М-съ Броунъ слишкомъ туго стягивалась корсетомъ, чтобы не быть сварливой; но должно же и у нея биться подъ корсетомъ сердце. И ужь, конечно, въ христіанскомъ государствѣ... но я забѣгаю впередъ.

Письмо мое гласило слѣдующее:

„Любезный м-ръ Броунъ, обращаясь теперь къ вамъ, я знаю, что разсчитываю на дружеское участіе сосѣда, а не опираюсь на законное право. По закону домъ англичанина— его крѣпость, и онъ можетъ, если захочетъ, палить день и ночь изъ пушекъ. Къ несчастію я такъ устроенъ, что шумъ окончательно лишаетъ меня способности къ литературному труду, которому (какъ вамъ не безъизвѣстно) я по необходимости предаюсь отъ семи часовъ до десяти вечера. Ваша миленькая дочка играетъ на фортепіано удивительно для своихъ лѣтъ—(я говорилъ правду: никакой взрослый демонъ, не только такой чертенокъ, какъ она, не могъ бы произвести больше грому)—но еслибы вы были столь добры попросить ее играть днемъ, а не вечеромъ, то обязали бы меня на всю жизнь. Въ ожиданіи вашего благосклоннаго согласія, за которое впередъ благодарю васъ, остаюсь

преданный вамъ,

Чарльзъ Джонсъ".

Я былъ въ такомъ состояніи волненія и нетерпѣнія, такъ какъ ужасная канонада все время не прекращалась, что написалъ на конвертѣ: „просятъ немедленно отвѣта" и велѣлъ посланцу дожидаться. Отвѣтъ пришелъ скоро, но привелъ меня въ совершенное отчаяніе. Онъ былъ написанъ, какъ я тотчасъ же догался по почерку, тряпичному, какъ уши упрямаго осла, Броуномъ женскаго пола и гласилъ такъ:

„Любезный сэръ, моего мужа нѣтъ дома, но ваша просьба такого рода, что я, не колеблясь, отвѣчаю вамъ за него отказомъ; какъ вы изволили вѣрно выразиться, вы не опираетесь на легальное право и простите, если я прибавлю, что ваша просьба неблагоразумна. Моей дочери неудобно играть на фортепіано въ иные часы, какъ отъ семи до десяти, и въ это время она будетъ упражняться и впредь. Преданная вамъ

Абигаель Броунъ“.

Не смотря на поздній часъ, я схватилъ шляпу и побѣжалъ къ агенту, черезъ посредство котораго купилъ виллу „Эдемъ“, и взялъ отъ него объявленіе, которое въ ту же ночь приклеилъ къ стѣнамъ дома. „Сія вилла продается и уступается во владѣніе немедленно. Всякое мало-мальски разумное предложеніе будетъ принято“.

Послѣ этого я гулялъ по улицамъ до десяти часовъ, а затѣмъ вернулся домой нѣсколько успокоенный. Жена увѣряла, что ровно въ десять часовъ шумъ прекратился, но эхо его, казалось, все еще наполняло домъ; я чувствовалъ, что рискую заболѣть нервной горячкой, и написалъ своимъ принципаламъ, что нѣкоторое время не буду приходить въ контору. Я рѣшился сидѣть дома до семи часовъ, чтобы какъ-нибудь не пропустить покупателя.

На слѣдующее же утро мнѣ подали карточку, на которой стояло: „М-ръ Джозефъ Плумплинъ“. Онъ оказался плотнымъ человѣкомъ далеко не аристократической наружности, но я привѣтствовалъ его такъ, какъ еслибы онъ былъ членъ королевскаго дома. Манеры у него были рѣзки до крайности, но онъ показался мнѣ честнымъ человѣкомъ, и дѣловая сторона моего характера тотчасъ же подсказала мнѣ, что этотъ человѣкъ пришелъ не по-пустому.

— Я вижу, что этотъ домъ продается. Я самъ архитекторъ и знаю, какой домъ стоитъ купить и какой нѣтъ. Если мы сойдемся въ цѣнѣ, я куплю виллу „Эдемъ“. Сколько вы за нее хотите?

Я назвалъ сумму, которая мнѣ казалась подходящей, но,

говоря правду, я бы охотно взялъ половину, только бы сбыть домъ съ рукъ.

— Слишкомъ дорого, сказалъ онъ, качая солидно головой, цѣлыхъ сто фунтовъ лишку.

Будь я французъ, я бы вскочилъ и расцѣловалъ его въ обѣ щеки; но, будучи англичаниномъ, я скрылъ свою радость и покачалъ головою такъ же рѣшительно, какъ и онъ.

— Домъ недорогъ по той цѣнѣ, какую я назначилъ.

— Безъ сомнѣнія; я знаю это такъ же хорошо, какъ и вы, холодно отвѣчалъ онъ; домъ стоитъ даже дороже, но когда въ объявленіи стоитъ: „уступается во владѣніе немедленно“, это обозначаетъ, что у человѣка есть резоны желать выѣхать изъ дома. Ну а я, надо вамъ знать, человѣкъ дѣловой и не люблю проволочекъ. Если угодно: грѣхъ пополамъ, я сейчасъ же выдамъ вамъ чекъ на требуемую вами сумму, минусъ 50 фунтовъ.

И онъ вынулъ изъ кармана жилета большую и грязную чековую книжку и распахнулъ ее настежь, точно дверь.

— Любезный сэръ, отвѣтилъ я съ умиленіемъ, нѣтъ никакой надобности такъ торопиться: пусть вашъ стряпчій пришлетъ завтра мнѣ письмо на предложенныхъ вами условіяхъ, и домъ вашъ.

— Подъ словами „немедленное владѣніе“ я понимаю, что могу переѣхать черезъ недѣлю, продолжалъ м-ръ Плумплинъ... такъ? черезъ недѣлю?

Я кивнулъ головой и съ трудомъ удержался, чтобы не сказать: переѣзжайте сегодня вечеромъ,—и этимъ испортить все дѣло; еслибы онъ услышалъ фортепіано, дѣло разошлось бы. Я почувствовалъ, что такъ какъ онъ самъ собирался жить въ домѣ, то я продалъ его съ сокрытіемъ его главнаго неудобства, но дѣловая сторона моего характера напомнила мнѣ, что своя рубашка къ тѣлу ближе... и я согласовался съ этимъ.

Наведя справки на счетъ состоятельности м-ра Плумплина и убѣдившись въ ней, я въ тотъ же день пошелъ искать себѣ новый домъ и на этотъ разъ мнѣ посчастливилось

найти „особнякъ". Черезъ недѣлю мы перебрались въ него со всѣми пожитками къ вящему моему удовольствію; передъ тѣмъ каждый вечеръ отравляло мнѣ фортепіано этого ужаснаго ребенка. Я думалъ, что ничто не могло быть хуже ея піесъ, но змій „Эдема" имѣлъ въ запасѣ болѣе ужасныя вещи: въ иные вечера она играла гаммы.

2.

Шесть мѣсяцевъ спустя, садясь въ омнибусъ на возвратномъ пути изъ города, я очутился сосѣдомъ м-ра Плумплина. Онъ сейчасъ же узналъ меня, хотя думаю, во всякомъ случаѣ я заговорилъ бы съ нимъ. Человѣкъ всегда чувствуетъ себя неловко съ незнакомцемъ, которому продалъ домъ или лошадь: самъ-то онъ знаетъ всѣ ихъ маленькія несовершенства, между тѣмъ какъ тотъ-то о нихъ провѣдаетъ только тогда, когда ихъ купитъ; и даже въ „Эдемѣ" не было ничего особенно худаго, я сознавалъ, что жизнь тамъ (помимо даже музыкальныхъ сосѣдей) не безупречна. Я взялъ быка за рога и спросилъ:

— Я надѣюсь, что вы довольны своимъ домомъ, м-ръ Плумплинъ?

— Да, отвѣчалъ онъ, совсѣмъ натурально (чѣмъ снялъ тяжелое бремя съ моей души). Я не изъ тѣхъ людей, которые плачутъ по волосамъ, снявши голову. Кромѣ того, будучи архитекторомъ, я, знаете, и не ожидалъ найти совершенствъ. Въ переднемъ чердакѣ сыровато, но я знаю, какъ съ этимъ справиться, я пустилъ въ ходъ парижскій цементъ, и скоро все будетъ улажено.

Я не настаивалъ. Вообще разговоръ объ „Эдемѣ" былъ щекотливъ, но я не могъ сдержать любопытства и не разузнать, какими заклинаніями онъ выжилъ музыкальнаго бѣсенка изъ сосѣдства. Что онъ этого добился—было ясно; въ противномъ случаѣ онъ бы не былъ такъ веселъ.

— А довольны ли вы сосѣдями, м-ръ Плумплинъ?

— О, да; хотя я вѣдь съ ними мало знакомъ.

И вдругъ прибавилъ:

— Да вотъ, одного изъ моихъ сосѣдей зовутъ Броунъ, *онъ*—большой чудакъ; что, какъ вы думаете, онъ сдѣлалъ? хотя, по правдѣ сказать, я думаю, что это сдѣлала его жена?

Ну, подумалъ я, начинается: Плумплинъ извѣдалъ фортепіано. Я отвѣчалъ однако съ невольной краской въ лицѣ, что не могу догадаться, что такое сдѣлалъ Броунъ.

— Видите ли: у меня большая семья и главнымъ образомъ все барышни; само собой разумѣется, что онѣ всѣ играютъ на фортепіано, поочереди, конечно... и почти весь день, понятно. Почему же имъ и не играть?

— Конечно, конечно, подтвердилъ я. Безумная радость овладѣла мной. Я подумалъ, что поэты и моралисты не безъ основанія учатъ насъ, что возмездіе ждетъ даже въ здѣшней жизни.

Ну, понятно, продолжалъ онъ, пренебрежительно, и однако этотъ человѣкъ, или вѣрнѣе его жена, потому что почеркъ похожъ на женскій, имѣли наглость написать мнѣ письмо. Оно со мной, пошарилъ онъ въ карманѣ, вотъ оно.

И онъ прочиталъ письмо вслухъ въ омнибусѣ, сопровождая чтеніе возгласами и замѣчаніями, выражавшими негодованіе и досаду.

„Любезный м-ръ Плумплинъ, (*что-за нахальство, скажите пожалуйста! сейчасъ ужъ и „любезный“ какъ ей что-то понадобилось!*) Обращаясь теперь къ вамъ, я знаю, что разсчитываю на дружеское участіе сосѣда, а не опираюсь на законное право.

— *Законное право! еще бы! желалъ бы я посмотрѣть, какъ бы она пустила въ ходъ законное право въ такомъ дѣлѣ*).

„По закону домъ англичанина—его крѣпость, и онъ можетъ, если захочетъ, палить день и ночь изъ пушекъ.

— *Разумѣется, можетъ!*

„Къ несчастію жена моя такъ устроена, что шумъ—какъ *игра на фортепіано*...“

— Слыхали вы что-нибудь подобное? освѣдомился м-ръ Плумплинъ съ дикимъ хохотомъ. Ну какое мнѣ дѣло до нервовъ его жены. Ну, короче сказать, эта дама протестовала

противъ „шума“. Не очень лестно, замѣтила жена, называть игру нашихъ дочекъ *шумомъ*. Но она ее назвала такъ. Но пуще всего меня бѣситъ ея нахальство. Слыхали вы когда про такое письмо?

— Никогда, отвѣчалъ я не очень твердо.

Дѣло въ томъ, что я узналъ въ посланіи м-съ Броунъ тѣ самыя выраженія, какія я употребилъ въ письмѣ *къ ней*. Она списала ихъ дословно, безъ всякаго уваженія къ литературной собственности, но надѣюсь, не безъ горькихъ размышленій о томъ, что когда-то осталась глуха къ такому краснорѣчію.

— Что же вы отвѣтили ей? спросилъ я съ непобѣдимымъ любопытствомъ.

— Отвѣтилъ ей? Я отвѣтилъ то, что и всякій другой на моемъ мѣстѣ, если только онъ не идіотъ. Я написалъ ея мужу, конечно, такъ какъ письмо было отъ него, хотя я и знаю, что не онъ писалъ его, и высказалъ откровенно свое мнѣніе. Я сказалъ ему, что онъ не только не имѣетъ никакихъ законныхъ правъ—въ чемъ и самъ сознается по своему здравомыслію—но что просьба его неблагоразумна.

— (*Очень хорошее это слово по-моему, да и хорошо ей знакомое, я думаю*).

— Если вамъ не нравится наша музыка, продолжалъ м-ръ Плумплинъ, то переѣзжайте въ другое мѣсто. Купите домъ на другомъ концѣ города: *вотъ что* я сказалъ ему.

— Добраго утра, сэръ.

II.

Хорошенькаго понемножку.

Я одинъ изъ тѣхъ хорошихъ людей, которые, отправляясь на каникулахъ за городъ или на воды, берутъ съ собою (случается) и женъ, а потому не считаются молодыми кавалерами. Но тотъ случай, о которомъ я говорю, былъ совсѣмъ особеннаго рода: моя жена заболѣла и для нея требовалась перемѣна воздуха. Болѣзнь ея была такъ-называе-

мый tic-douloureux. Такъ называется острая, рѣзкая боль въ вискахъ, распространяющаяся на кости лица и заставляющая человѣка желать, чтобы у него совсѣмъ не было головы. Тутъ заодно болятъ и зубы, и уши, и лицо, словомъ какая-то адская комбинація болей. Лѣкарства противъ этого нѣтъ, но малѣйшій шумъ доводитъ боль до нестерпимости; поэтому спокойствіе и тишина — вотъ средства, рекомендуемыя врачами отъ этой болѣзни; смирно сидѣть у хиннаго моря и ждать погоды—вотъ всеобщая панацея. Иногда кромѣ хинина и тишины прописывается прямо морской воздухъ, для разнообразія, конечно (такъ какъ надо же врачамъ жить, а если они не будутъ разнообразить свои предписанія, то всѣ паціенты ихъ бросятъ).

— Морской воздухъ вамъ необходимъ, сударыня, морской воздухъ, и полнѣйшее спокойствіе!

Никто, кромѣ докторовъ, не знаетъ, какая польза проистекаетъ для людей изъ поѣздки на море. Они мѣняютъ удобные дома на болѣе или менѣе неудобныя квартиры; здоровую пищу на скверные обѣды и если судьба спасетъ ихъ отъ квартиры, гдѣ жилъ передъ тѣмъ больной скарлатиной, то они вернутся домой живыми и загорѣлыми. Во время этой поѣздки они пользовались, благодаря морскому воздуху, превосходнымъ аппетитомъ и ѣли больше, чѣмъ слѣдуетъ; а мужчины при этомъ, не зная, какъ убить время, курили, не переставая, и разстроили себѣ печень. Каждый, въ сущности, гораздо хуже себя чувствуетъ чѣмъ тогда, когда уѣзжалъ изъ города, но на видъ всѣ здоровѣе—впродолженіи двухъ или трехъ дней. Послѣ этого срока румяна изъ пѣны рожденной Венеры—солнечный загаръ—сходитъ и дѣло обнаруживается на чистоту. Болѣзнь поселяется въ домѣ и для домашняго доктора осенній сезонъ весьма прибыленъ.

Но каникулы, о которыхъ я говорю, заключались въ кратковременной поѣздкѣ, рекомендованной докторомъ въ поискахъ за „морскимъ воздухомъ и безусловнымъ спокойствіемъ“. Первое на островѣ, какъ Великобританія (до нелѣпости маломъ) легко достигается; Брайтонъ такъ близокъ

отъ Лондона, что туда доѣхать стоитъ всего три шиллинга; но Брайтонъ пріютъ бродячихъ музыкантовъ; его чудный воздухъ наполненъ звуками духовыхъ инструментовъ. Рамсгэтъ кишитъ шарманками; въ Дуврѣ и Фолькстонѣ нѣмецкій и французскій языкъ образуютъ (какъ и слѣдуетъ ожидать) раздирательный диссонансъ. Гранвиль, конечно, тоже обращенный лицомъ къ Франціи портъ, но, какъ мнѣ сказали, французъ туда не заглядываетъ, а если и заглянетъ, то ужь тамъ и остается, натурализуется и утрачиваетъ свой акцентъ. Переѣздъ по морю такъ догогъ, и онъ такъ настрадается отъ него, что ужь потомъ не двигается съ мѣста. Конечно, англичане ѣздятъ въ Гранвиль, но лишь затѣмъ, чтобы сѣсть тамъ на пароходъ и отправиться на континентъ. Переѣздъ дешевъ, хотя, какъ я уже говорилъ, утомителенъ. Самъ городъ скученъ; скучнѣе даже чѣмъ его сосѣдъ, прекрасный городъ Санвиль. „Живя въ Санвилѣ можешь сходить въ Гранвиль, гласитъ пословица, но придя въ Гранвиль, остается только утопиться".

Я подумалъ, что вотъ настоящее мѣсто для жены съ ея нервною болью и потребностью въ тишинѣ и спокойствіи.

Я такъ же добронравенъ, какъ и талантливъ, но друзья находятъ, что я суетливъ. Я всегда и всюду поспѣваю: я люблю, чтобы все было впередъ готово и удобно: мѣсто въ вагонѣ, номеръ въ гостиницѣ—все это я всегда нанимаю заранѣе. На этотъ разъ нездоровье жены совершенно оправдывало чрезвычайныя мѣры предосторожности. Разспрашивая знакомыхъ, я узналъ, что лучшая извѣстная гостиница въ Гранвилѣ—„Каравансарай"—всегда полна пріѣзжающими и отъѣзжающими туристами, а слѣдовательно, какъ я разсудилъ, шумомъ и гамомъ. Тамъ былъ другой отель—„Сѣверный Утесъ"—не столь усердно посѣщаемый и названіе котораго меня плѣнило. Онъ, должно быть, вдали отъ шумной толпы, на верху какой-нибудь скалы, окруженный со всѣхъ сторонъ рокочущими волнами. Поэтому я телеграфировалъ въ гостиницу „Сѣверный Утесъ", прося приготовить мнѣ номеръ съ „гостиной, окнами на море" и съ

обычной предусмотрительностью прибавилъ: „отвѣтить по телеграфу".

Только по истеченіи полусутокъ получился отвѣтъ, и это меня порядкомъ разстроило, но наконецъ пришло извѣщеніе: „Номеръ приготовленъ, какой требуется". Итакъ предварительныя мѣры для исцѣленія нервныхъ болей жены были приняты.

Однако по прибытіи въ Гранвиль, находящійся въ значительномъ разстояніи отъ столицы, нервныя боли усилились: трехчасовая ѣзда по желѣзной дорогѣ, впродолженіи которой мы проѣзжали черезъ двадцать туннелей и сотню мостовъ, не способствовали исцѣленію. Наконецъ мы увидѣли обширное голубое зеркало океана, которое, подобно женской улыбкѣ (для тѣхъ, кто съ нею незнакомъ), кажется неисчерпаемымъ и бездоннымъ убѣжищемъ любви и покоя.

Уже одинъ видъ моря принесъ какъ бы нѣкоторое облегченіе бѣдной страдалицѣ въ то время, когда она растянулась въ открытой коляскѣ, взявшейся доставить насъ въ наше временное жилище. Мы проѣхали мимо „Каравансарая", и намъ показалось, что тамъ и пусто, и тихо; послѣ этого извощикъ своротилъ съ морскаго берега въ городъ.

— Стой, любезный, куда же ты насъ везешь?

Извощикъ придержалъ лошадь и, оглянувшись на меня, подарилъ тѣмъ презрительнымъ къ невѣжеству взглядомъ, который свойственъ людямъ очень мало знающимъ.

— Я везу васъ туда, куда вы сказали,—въ гостиницу „Сѣверный Утесъ".

— О! значитъ такъ! Вѣрно ближе чѣмъ вдоль моря?

— Ближе! Я думаю, что ближе, когда она совсѣмъ и не у моря.

— Не у моря? завопилъ я.

— Другъ мой, взмолилась жена, пощади мою бѣдную голову.

Пристыженный я ничего больше не говорилъ, а возница проворчалъ сквозь зубы: „голова, какъ же!" продолжалъ путь. Онъ сознавалъ, что больная для него союзница,

и онъ можетъ говорить и дѣлать что ему вздумается. Онъ привезъ насъ, однако, куда слѣдуетъ. Проѣхавъ въ гору съ полумилю по улицѣ, представлявшей изъ себя родъ сплошнаго базара, мы прибыли на террасу „Сѣвернаго Утеса“.

— Ну, ободрись, душа моя, сказалъ я ласково женѣ, мы теперь должно быть очень близко отъ гостиницы.

— Въ такомъ случаѣ, слабо проговорила больная, гостиница не должна быть очень близко отъ моря.

— Какъ знать, но мы во всякомъ случаѣ поднялись довольно высоко въ гору и, можетъ быть, съ нея открывается видъ на море. Что же ты опять сталъ?—обратился я къ извощику.

Это *опять* было очень несправедливо, такъ какъ извощикъ совсѣмъ не останавливался кромѣ того раза, когда я самъ остановилъ его, но чувство справедливости было омрачено во мнѣ раздраженіемъ.

— Я сталъ, потому что мы пріѣхали, отрѣзалъ возница съ бóльшимъ, чѣмъ тогда, презрѣніемъ.

Я выглянулъ въ окно и увидѣлъ, что четыре дома на террасѣ соединены въ одно и что на фронтонѣ двухъ центральныхъ стояли на голубомъ фонѣ слова: Гостиница „Сѣвернаго Утеса“. Какъ разъ напротивъ находился общественный садъ, а затѣмъ шла широкая аллея для пѣшихъ и конныхъ. А затѣмъ линія неба, подъ которой—хотя оно было столько же видно, какъ и изъ Лондона—могло лежать море.

— Это нестерпимо, разразился я, это подлый обманъ!

— Другъ мой! простонала жена, моя голова!

Извощикъ захохоталъ, и я слышалъ это сатанинское гоготаніе, взбѣгая на ступеньки подъѣзда.

— Гдѣ хозяинъ? гдѣ управляющій? Кто тутъ виноватъ въ этомъ обманѣ? Покажите мнѣ мою телеграмму со словами „видъ на море!“—вотъ вопросы, которыми я закидывалъ съ негодующимъ пыломъ, такъ какъ жена не могла меня слышать.

Высокая женщина, на которую я не обращалъ вниманія и замѣтилъ только, что она очень высока, просто вели-

канша, такъ какъ была выше меня, а я вовсе не малаго роста, когда надѣваю сапоги съ каблуками, поглядѣла на меня сверху внизъ, держа въ рукѣ пачку телеграммъ.

— Мы сдѣлали все, что могли для васъ, нѣжно проворковала она, но комнаты передняго фасада всѣ заняты. Городъ биткомъ набитъ посѣтителями, сэръ.

Спасенія не было, и вотъ мы съ женой стали подниматься за великаншей по лѣстницамъ и шли долго, долго, пока не добрались до тѣсной комнатки, чуть не чулана на задней сторонѣ дома.

— Здѣсь очень тихо, замѣтила великанша.

— И очень душно, сердился я. Но, можетъ быть, съ этой высоты видно море?

— По правдѣ сказать, сэръ, море по ту сторону дома. Но здѣсь видъ на чудный лугъ...

— Лугъ! закричалъ я; я вижу только безконечный тентъ...

— Ахъ, да! конечно! (точно она только-что увидѣла это), здѣсь устроили тентъ, потому что въ понедѣльникъ сюда пріѣдутъ попировать нѣсколько французовъ.

— Должно быть, вся нація?

— Нѣтъ, сэръ, только тысяча четыреста человѣкъ, или около того.

Великій Боже! Тысяча четыреста человѣкъ французовъ собиралось отобѣдать подъ окномъ моей бѣдной жены, которая пріѣхала въ Гранвиль за тишиной и спокойствіемъ.

Великанша догадалась о томъ, что у меня на умѣ, и поспѣшно прибавила:

— Шуму никакого не будетъ. Они не пріѣдутъ раньше полудня, а уѣдутъ на пароходѣ въ шесть часовъ.

— Мы будемъ въ это время гулять, по всей вѣроятности, прошептала больная, цѣпляясь за тѣнь надежды. Завтра воскресенье, и мы хорошенько отдохнемъ.

— Вотъ гостиная, промолвила великанша, отворяя дверь въ сосѣднюю комнату.

Гостиная была точь въ точь такая же, какъ и спальная, только вмѣсто постели въ ней стоялъ столъ. Окно тоже вы-

ходило на тентъ, такъ что по правую руку тентъ, по лѣвую руку тентъ и, куда бы мы ни заглянули, все тентъ, да тентъ.

— Это ужасно! Это... (но тутъ я спохватился и понизилъ голосъ) хорошо, сударыня. Мы увѣрены, что вы постарались, какъ могли, и съ своей стороны постараемся устроиться наилучшимъ образомъ.

Послѣ этого жена и я остались вдвоемъ.

— Я знала, что ты спустишь тонъ, сказала она не такъ жалобно, какъ говорила до сихъ поръ. Я замѣтила, что ты въ первый разъ только взглянулъ на эту молодую женщину. Она, конечно, то, что вульгарные люди называютъ красивая женщина; но право же, я не вижу, чѣмъ тутъ такъ восхищаться.

— Душа моя, ты удивляешь меня. Когда я восхищался этой женщиной?

— Словами — нѣтъ, Чарльзъ, но взглядами — другое дѣло.

Докторъ замѣтилъ, что женѣ необходимо „поднять тонъ" и, очевидно, это уже удалось. Воздухъ Гранвиля уже принесъ ей пользу, такъ какъ рѣшительно ничто въ моемъ поведеніи не вызывало такой энергіи, сравнительно, въ ея рѣчи. Совершенно справедливо, что я не замѣтилъ, какъ хороша собой экономка до того момента, какъ внезапно смягчилъ голосъ. Но это простое совпаденіе обстоятельствъ. Я всегда вѣжливъ съ женщинами. Предполагать, что я вѣжливѣе съ хорошенькими, чѣмъ съ другими—просто клевета. Въ настоящемъ случаѣ я чувствовалъ, что виноватъ передъ этой дамой за то, что принялъ ее за великаншу. Она, безъ сомнѣнія, очень хороша собой, очень хороша.

Тутъ мнѣ послышалось, что жена моя попросила „уксусу" для своей бѣдной головы.

— Не лучше ли, душа моя, примочить голову одеколономъ, а не уксусомъ?

— Я не говорила про „уксусъ", Чарльзъ, я говорила, что эта женщина годится въ „ушкуйницы".

— Она, конечно, кажется чертовски зла, поспѣшилъ я поддакнуть, такъ какъ жена убѣдила меня, что докторъ прежде всего напиралъ на то, что ей не слѣдуетъ противорѣчить. Но, слава Богу, намъ съ нею не дѣтей крестить.

Никогда не худо поблагодарить Бога, въ особенности, когда, какъ въ настоящемъ случаѣ, желаешь угодить женѣ.

Мы пообѣдали въ своей комнатѣ, такъ какъ жена не переносила шума *table-d'hôte*, но подозрѣваю, что обѣдъ намъ принесли тогда, когда *table-d'hôte* уже кончился. Я не могъ не вспомнить, что кухня въ „Каравансараѣ“ (стариннѣйшей изъ гостиницъ) считалась одной изъ лучшихъ въ Англіи. Про кухню „Сѣвернаго Утеса“ этого никакъ нельзя было сказать. Но, въ сущности, мы вѣдь пріѣхали сюда за спокойствіемъ и тишиной, а не за хорошими обѣдами.

Мы спозаранку улеглись спать, но на разсвѣтѣ, то есть въ 3 часа 45 минутъ, я былъ разбуженъ непрерывной стукотней. Точно сотни топоровъ рубили дерево. Ной съ домочадцами должно быть такъ стучалъ, когда строилъ ковчегъ. Но только, что не шестеро, а повидимому шестьдесятъ человѣкъ стучало въ настоящую минуту.

Я надѣялся, что больная не проснется, но вдругъ услышалъ ея стонъ:

— Что это такое, Чарльзъ? они разбиваютъ мнѣ голову!

Мнѣ вообразилось въ состояніи полудремоты, въ какомъ я находился, что кто-то умеръ въ гостиницѣ и его заколачиваютъ въ гробъ; но такого предположенія нельзя было высказать при больной. Припомнивъ, что мы не въ Лондонѣ, а въ провинціи, я сказалъ, что это вѣрно колютъ дрова.

— Это ужасный этотъ тентъ! простонала она.

И, дѣйствительно, чудовище это все росло, точно бойницы на Отрантской крѣпости.

Лежа въ постели, мы догадывались, почему плотники мѣшали спать добрымъ людямъ, принимаясь за работу въ такой неурочный часъ. Они желали убѣдить честной народъ въ томъ, что теперь вовсе не утро воскресенья, а вечеръ субботы. И, дѣйствительно, въ шесть часовъ утра, когда

сонъ давно уже бѣжалъ отъ нашихъ глазъ, эти негодяи ушли.

Я ненавидѣлъ красавицу, пообѣщавшую намъ „спокойствіе“ съ такой силой, что даже жена была бы довольна, еслибы она могла заглянуть мнѣ въ душу. Само собой разумѣется, что нервная боль только усилилась, и весь день прошелъ въ прикладываніи ледяныхъ компрессовъ и въ поискахъ спальной, какъ можно дальше отъ отвратительнаго тента. Та, которую намъ отвели, наконецъ была больше первой, но съ болѣе скуднымъ убранствомъ. На окнахъ не было даже занавѣсей, а такъ какъ они выходили на востокъ, то мы знали, что солнце ворвется въ нихъ и разбудитъ насъ. Поэтому мы завѣсили ихъ всѣмъ, чѣмъ только могли; всякими шалями, пенюарами, такъ что комната превратилась какъ бы въ дешевую лавку съ готовымъ платьемъ. Мы опять спозаранку улеглись, въ сладкой надеждѣ, что ужь на этотъ-то разъ мы выспимся какъ слѣдуетъ. И только когда потушили огонь, то увидѣли, въ какую новую бѣду мы попали. Дверь въ корридоръ была стеклянная, для того, чтобы въ нее проходилъ дневной свѣтъ, а по вечерамъ корридоръ оказывалъ такую же услугу комнатѣ, такъ какъ въ немъ горѣлъ громадный рожокъ газа. Спать при такихъ условіяхъ немыслимо.

Я вскочилъ съ постели и задулъ газъ. Послѣ того мы долго пытались уснуть, но напрасно. Во-первыхъ кровать у насъ была не съ пружиннымъ матрацомъ, а точно набита булыжникомъ. Такую кровать можно было бы смѣло рекомендовать членамъ Инквизиціи, и они съ успѣхомъ воспользовались бы ею для пытки. Я только-что задремалъ и мнѣ снилось, что я—Св. Лаврентій, и меня поджариваютъ на жаровнѣ, какъ вдругъ... трескъ, что-то сверкнуло, и вся комната ярко озарилась.

— Пожаръ! пожаръ! завопилъ я,

— Нѣтъ, простонала моя несчастная жена, я бы желала, чтобы это былъ пожаръ, по крайней мѣрѣ мы бы сгорѣли, и мукѣ конецъ. Кто-то опять зажегъ газъ.

Какой-то услужливый болванъ сходилъ за спичками и

зажегъ потушенный газовый рожокъ. Совѣсть подсказала мнѣ, что это сдѣлала „красивая молодая женщина", такъ какъ только она одна могла достать до рожка.

Я пройду молчаніемъ наши послѣдующія муки.

Представьте себѣ нервныя боли, послѣ двухъ безсонныхъ ночей и послѣ солнечнаго и газоваго припека! Весь слѣдующій день былъ посвященъ международнымъ торжествамъ, и благодареніе неба за то, что шелъ дождь.

Я ощущалъ злобную радость при видѣ промокшихъ, раскисшихъ, несчастныхъ французовъ. Если когда-нибудь непріятель вторгнется въ предѣлы Англіи, то черезъ подводный туннель, а не черезъ каналъ. Я самъ не очень хорошо переношу море, но молодцомъ схожу на берегъ сравнительно съ тѣми несчастными нѣсколькими сотнями французовъ. Что касается парохода, привезшаго ихъ, то мнѣ казалось, что нѣтъ больше никакой возможности привести его въ приличное состояніе, а слѣдуетъ тотчасъ же и на вѣки потопить его въ морѣ. Какой злой насмѣшкой должна была звучать въ ушахъ злополучныхъ путешественниковъ военная музыка, встрѣтившая ихъ. Правда, къ обѣду они нѣсколько оправились, такъ какъ производили подъ тентомъ такой шумъ, какого не произвели бы четырнадцать тысячъ англичанъ; но мысль, что *имъ придется ѣхать назадъ*, должна была отравлять имъ пиршество. Моя несчастная жена, съ ледянымъ компрессомъ на головѣ и съ ватой въ ушахъ, видѣла всю эту международную процессію; самая интересная часть спектакля была встрѣча ихъ мэромъ Гранвиля въ тогѣ и съ цѣпью на шеѣ, и я никогда не забуду его удивленія, когда мэръ Сен-Мало чмокнулъ его въ обѣ щеки!

Полное согласіе воцарилось между двумя странами за банкетомъ, но боюсь, что *entente cordiale* менѣе интересовала меня, чѣмъ вопросъ о перемѣнѣ квартиры. Я пустилъ въ ходъ всю энергію, чтобы найти помѣщеніе въ презрѣнномъ было мной „Каравансараѣ", а пуще всего постель, устланную не булыжникомъ. Когда я наконецъ этого добился и водворилъ мою бѣдную больную, я спросилъ, чѣмъ

могу еще услужить ей. Она поманила меня рукой и прошептала умирающимъ голосомъ:

— Увези меня, пожалуйста, назадъ домой!

Я увезъ ее домой или по меньшей мѣрѣ ея изможденное тѣло на другое утро, но не раньше какъ по прошествіи шести недѣль она оправилась отъ дѣйствія „морскаго воздуха и тишины и спокойствія“.

Само собой разумѣется, что насъ преслѣдовала исключительная неудача. Но тѣмъ не менѣе полагаю, и не безъ основанія, что въ бóльшей или меньшей степени неуспѣхъ всегда сопровождаетъ знаменитое докторское предписаніе и описалъ личный опытъ въ предостереженіе своимъ ближнимъ.

Не возите больныхъ „для перемѣны воздуха“, если не увѣрены, что кромѣ воздуха найдете тамъ, куда ѣдете, и другія вещи, ровно необходимыя для здоровья; одной перемѣны не достаточно, если она вообще не лучшему.

III.

Судья не впопадъ.

Я, надѣюсь, оказывалъ всегда должное уваженіе властямъ предержащимъ; но никогда не оцѣнялъ вполнѣ значеніе этихъ властей, пока не сталъ однимъ изъ нихъ, будучи выбраннымъ въ „мировые“ округа Мидльсексъ. Такъ вульгарно характеризовала невѣжественная толпа мое новое званіе, но излишне, полагаю, прибавлять, что настоящій титулъ мой былъ членъ мироваго суда. Въ старинныхъ мѣстечкахъ и округахъ, гдѣ сохраняются добрые старые обычаи, люди, удостоенные такой почести, препоясываются даже мечемъ, подносимымъ колѣнопреклоненной корпораціей; но въ наши дни эта церемонія обыкновенно опускается. По новымъ правиламъ намѣстникъ графства (по зрѣломъ размышленіи и, быть можетъ, помолившись предварительно) выбираетъ самыхъ почтенныхъ и пригодныхъ для этого поста лицъ и

письмомъ извѣщаетъ ихъ объ избраніи. Въ этой простотѣ, быть можетъ, еще больше смысла для тѣхъ, кто умѣетъ смотрѣть въ глубь вещей—чѣмъ въ старинной формѣ инвеституры.

По внѣшнему виду я былъ, казалось, тотъ же человѣкъ, что и до моего возвышенія, но, Боже, какая однако огромная разница!

Въ святая святыхъ души своей я сознавалъ себя custos rotulorum, то есть лицомъ не дюжиннымъ, позвольте вамъ замѣтить, персоной, такъ сказать. Я самъ, собственно говоря, не зналъ, что разумѣю, но какъ любой профессоръ метафизики былъ готовъ вразумить другихъ.

Во-первыхъ, я велѣлъ пришить къ шляпамъ моихъ слугъ кокарды такой величины, что мой грумъ жаловался женѣ, что надъ нимъ смѣются, говоря, что не кокарда пришита къ нему, а онъ пришитъ къ кокардѣ. Я призвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и прочиталъ наставленіе, какъ бы съ судейской скамьи, очень краснорѣчивое и внушительное, и отпустилъ юношу черезъ три четверти часа, полагаю, съ пользою для него, но въ горькихъ слезахъ. Я нашелъ удивительно сильную (и, надѣюсь, оригинальную) фразу: „я не хочу, несчастный мальчикъ, подбавлять горечи къ вашему горькому положенію“.

Сначала я вознамѣрился было, чтобы подготовить себя къ своимъ важнымъ обязанностямъ читать „судебные уставы“; но послѣ шестикратныхъ попытокъ, при чемъ первые пять оканчивались легкой дремотой, а послѣдняя, шестая, такимъ крѣпкимъ сномъ, что онъ смахивалъ на апоплексическій ударъ, я отказался отъ своего намѣренія и ограничился чтеніемъ полицейскихъ отчетовъ, гдѣ въ сущности каждый могъ почерпнуть все самое существенное. Я находилъ также полезнымъ для практики обращаться къ шарманщикамъ на улицѣ со словами:

— Послушай-ка, любезный, я какъ мировой судья...— и заканчивалъ цитатой изъ 4-го отдѣла, 19 параграфа. Но прежде чѣмъ я успѣвалъ договорить, шарманщикъ обыкновенно складывалъ свою подставку, убиралъ ученыхъ мышей,

обезьянъ и все прочее въ этомъ родѣ и, пробормотавъ сквозь зубы *insensato*—слово, выражающее по-итальянски покаяніе, я такъ это понимаю—поспѣшно удалялся.

Я вовсе не люблю всюду совать свой носъ, что бы тамъ ни говорили завистливые люди, которымъ такъ же невозможно попасть въ мировые судьи, какъ и въ члены парламента, но, сознаюсь, что мнѣ хотѣлось найти случай отправить правосудіе, не коллективно, въ мировомъ съѣздѣ (гдѣ личность сливается съ большинствомъ или, что почти такъ же дурно, съ меньшинствомъ), но единолично, и наконецъ такой случай представился. И представился къ тому же тогда, когда я находился въ обществѣ племянника Джона изъ Итона, и это мнѣ было тѣмъ пріятнѣе, что мальчикъ отличался легкомысліемъ и нуждался въ урокѣ, который бы внушилъ ему достодолжное почтеніе и уваженіе къ высокому званію, въ какое облеченъ его дядя.

Мы обѣдали съ нимъ на святкахъ у другаго дяди, въ сѣверо-восточномъ округѣ Лондона, и, увлекшись различными праздничными забавами, какъ-то: шарадами, играми и пуншемъ, засидѣлись до поздней ночи. Было очень холодно и шелъ снѣгъ, около дома по близости не было извощичьей биржи, и мы пошли домой пѣшкомъ, намѣреваясь взять перваго попавшагося извощика. Въ половинѣ перваго мы увидѣли кэбъ у дверей трактира, который, какъ и подобало въ такой поздній часъ, былъ запертъ и не долженъ былъ бы скрывать въ нѣдрахъ своихъ ни извощика и ни инаго какого посѣтителя. Съ хитростью, свойственной тѣмъ, кто привыкъ обходить законъ, хозяинъ потушилъ всѣ огни въ домѣ. Но съ легкомысліемъ, отличающимъ преступленіе, позабылъ, что присутствіе пустаго кэба у дверей доказываетъ его вину.

— Вотъ, сказалъ я Джону, прямое нарушеніе параграфа 7, статьи 8-й, и ты увидишь, какъ судья дѣйствуетъ въ такихъ случаяхъ.

Быть можетъ, мною руководило не одно чувство долга: я озябъ и усталъ, и рѣшился, во что бы то ни стало, добыть кэбъ, который бы отвезъ насъ домой.

письмомъ извѣщаетъ ихъ объ избраніи. Въ этой простотѣ, быть можетъ, еще больше смысла для тѣхъ, кто умѣетъ смотрѣть въ глубь вещей—чѣмъ въ старинной формѣ инвеституры.

По внѣшнему виду я былъ, казалось, тотъ же человѣкъ, что и до моего возвышенія, но, Боже, какая однако огромная разница!

Въ святая святыхъ души своей я сознавалъ себя custos rotulorum, то есть лицомъ не дюжиннымъ, позвольте вамъ замѣтить, персоной, такъ сказать. Я самъ, собственно говоря, не зналъ, что разумѣю, но какъ любой профессоръ метафизики былъ готовъ вразумить другихъ.

Во-первыхъ, я велѣлъ пришить къ шляпамъ моихъ слугъ кокарды такой величины, что мой грумъ жаловался женѣ, что надъ нимъ смѣются, говоря, что не кокарда пришита къ нему, а онъ пришитъ къ кокардѣ. Я призвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и прочиталъ наставленіе, какъ бы съ судейской скамьи, очень краснорѣчивое и внушительное, и отпустилъ юношу черезъ три четверти часа, полагаю, съ пользою для него, но въ горькихъ слезахъ. Я нашелъ удивительно сильную (и, надѣюсь, оригинальную) фразу: „я не хочу, несчастный мальчикъ, подбавлять горечи къ вашему горькому положенію".

Сначала я вознамѣрился было, чтобы подготовить себя къ своимъ важнымъ обязанностямъ читать „судебные уставы"; но послѣ шестикратныхъ попытокъ, при чемъ первые пять оканчивались легкой дремотой, а послѣдняя, шестая, такимъ крѣпкимъ сномъ, что онъ смахивалъ на апоплексическій ударъ, я отказался отъ своего намѣренія и ограничился чтеніемъ полицейскихъ отчетовъ, гдѣ въ сущности каждый могъ почерпнуть все самое существенное. Я находилъ также полезнымъ для практики обращаться къ шарманщикамъ на улицѣ со словами:

— Послушай-ка, любезный, я какъ мировой судья...— и заканчивалъ цитатой изъ 4-го отдѣла, 19 параграфа. Но прежде чѣмъ я успѣвалъ договорить, шарманщикъ обыкновенно складывалъ свою подставку, убиралъ ученыхъ мышей,

обезьянъ и все прочее въ этомъ родѣ и, пробормотавъ сквозь зубы *insensato*—слово, выражающее по-итальянски покаяніе, я такъ это понимаю—поспѣшно удалялся.

Я вовсе не люблю всюду совать свой носъ, что бы тамъ ни говорили завистливые люди, которымъ такъ же невозможно попасть въ мировые судьи, какъ и въ члены парламента, но, сознаюсь, что мнѣ хотѣлось найти случай отправить правосудіе, не коллективно, въ мировомъ съѣздѣ (гдѣ личность сливается съ большинствомъ или, что почти такъ же дурно, съ меньшинствомъ), но единолично, и наконецъ такой случай представился. И представился къ тому же тогда, когда я находился въ обществѣ племянника Джона изъ Итона, и это мнѣ было тѣмъ пріятнѣе, что мальчикъ отличался легкомысліемъ и нуждался въ урокѣ, который бы внушилъ ему достодолжное почтеніе и уваженіе къ высокому званію, въ какое облеченъ его дядя.

Мы обѣдали съ нимъ на святкахъ у другаго дяди, въ сѣверо-восточномъ округѣ Лондона, и, увлекшись различными праздничными забавами, какъ-то: шарадами, играми и пуншемъ, засидѣлись до поздней ночи. Было очень холодно и шелъ снѣгъ, около дома по близости не было извощичьей биржи, и мы пошли домой пѣшкомъ, намѣреваясь взять перваго попавшагося извощика. Въ половинѣ перваго мы увидѣли кэбъ у дверей трактира, который, какъ и подобало въ такой поздній часъ, былъ запертъ и не долженъ былъ бы скрывать въ нѣдрахъ своихъ ни извощика и ни инаго какого посѣтителя. Съ хитростью, свойственной тѣмъ, кто привыкъ обходить законъ, хозяинъ потушилъ всѣ огни въ домѣ. Но съ легкомысліемъ, отличающимъ преступленіе, позабылъ, что присутствіе пустаго кэба у дверей доказываетъ его вину.

— Вотъ, сказалъ я Джону, прямое нарушеніе параграфа 7, статьи 8-й, и ты увидишь, какъ судья дѣйствуетъ въ такихъ случаяхъ.

Быть можетъ, мною руководило не одно чувство долга: я озябъ и усталъ, и рѣшился, во что бы то ни стало, добыть кэбъ, который бы отвезъ насъ домой.

письмомъ извѣщаетъ ихъ объ избраніи. Въ этой простотѣ, быть можетъ, еще больше смысла для тѣхъ, кто умѣетъ смотрѣть въ глубь вещей—чѣмъ въ старинной формѣ инвеституры.

По внѣшнему виду я былъ, казалось, тотъ же человѣкъ, что и до моего возвышенія, но, Боже, какая однако огромная разница!

Въ святая святыхъ души своей я сознавалъ себя custos rotulorum, то есть лицомъ не дюжиннымъ, позвольте вамъ замѣтить, персоной, такъ сказать. Я самъ, собственно говоря, не зналъ, что разумѣю, но какъ любой профессоръ метафизики былъ готовъ вразумить другихъ.

Во-первыхъ, я велѣлъ пришить къ шляпамъ моихъ слугъ кокарды такой величины, что мой грумъ жаловался женѣ, что надъ нимъ смѣются, говоря, что не кокарда пришита къ нему, а онъ пришитъ къ кокардѣ. Я призвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и прочиталъ наставленіе, какъ бы съ судейской скамьи, очень краснорѣчивое и внушительное, и отпустилъ юношу черезъ три четверти часа, полагаю, съ пользою для него, но въ горькихъ слезахъ. Я нашелъ удивительно сильную (и, надѣюсь, оригинальную) фразу: „я не хочу, несчастный мальчикъ, подбавлять горечи къ вашему горькому положенію".

Сначала я вознамѣрился было, чтобы подготовить себя къ своимъ важнымъ обязанностямъ читать „судебные уставы"; но послѣ шестикратныхъ попытокъ, при чемъ первые пять оканчивались легкой дремотой, а послѣдняя, шестая, такимъ крѣпкимъ сномъ, что онъ смахивалъ на апоплексическій ударъ, я отказался отъ своего намѣренія и ограничился чтеніемъ полицейскихъ отчетовъ, гдѣ въ сущности каждый могъ почерпнуть все самое существенное. Я находилъ также полезнымъ для практики обращаться къ шарманщикамъ на улицѣ со словами:

— Послушай-ка, любезный, я какъ мировой судья...— и заканчивалъ цитатой изъ 4-го отдѣла, 19 параграфа. Но прежде чѣмъ я успѣвалъ договорить, шарманщикъ обыкновенно складывалъ свою подставку, убиралъ ученыхъ мышей,

обезьянъ и все прочее въ этомъ родѣ и, пробормотавъ сквозь зубы *insensato*—слово, выражающее по-итальянски покаяніе, я такъ это понимаю—поспѣшно удалялся.

Я вовсе не люблю всюду совать свой носъ, что бы тамъ ни говорили завистливые люди, которымъ такъ же невозможно попасть въ мировые судьи, какъ и въ члены парламента, но, сознаюсь, что мнѣ хотѣлось найти случай отправить правосудіе, не коллективно, въ мировомъ съѣздѣ (гдѣ личность сливается съ большинствомъ или, что почти такъ же дурно, съ меньшинствомъ), но единолично, и наконецъ такой случай представился. И представился къ тому же тогда, когда я находился въ обществѣ племянника Джона изъ Итона, и это мнѣ было тѣмъ пріятнѣе, что мальчикъ отличался легкомысліемъ и нуждался въ урокѣ, который бы внушилъ ему достодолжное почтеніе и уваженіе къ высокому званію, въ какое облеченъ его дядя.

Мы обѣдали съ нимъ на святкахъ у другаго дяди, въ сѣверо-восточномъ округѣ Лондона, и, увлекшись различными праздничными забавами, какъ-то: шарадами, играми и пуншемъ, засидѣлись до поздней ночи. Было очень холодно и шелъ снѣгъ, около дома по близости не было извощичьей биржи, и мы пошли домой пѣшкомъ, намѣреваясь взять перваго попавшагося извощика. Въ половинѣ перваго мы увидѣли кэбъ у дверей трактира, который, какъ и подобало въ такой поздній часъ, былъ запертъ и не долженъ былъ бы скрывать въ нѣдрахъ своихъ ни извощика и ни инаго какого посѣтителя. Съ хитростью, свойственной тѣмъ, кто привыкъ обходить законъ, хозяинъ потушилъ всѣ огни въ домѣ. Но съ легкомысліемъ, отличающимъ преступленіе, позабылъ, что присутствіе пустаго кэба у дверей доказываетъ его вину.

— Вотъ, сказалъ я Джону, прямое нарушеніе параграфа 7, статьи 8-й, и ты увидишь, какъ судья дѣйствуетъ въ такихъ случаяхъ.

Быть можетъ, мною руководило не одно чувство долга: я озябъ и усталъ, и рѣшился, во что бы то ни стало, добыть кэбъ, который бы отвезъ насъ домой.

— Ваша воля, дядюшка, отвѣчалъ Джонъ довольно почтительно, но прибавилъ что-то, въ родѣ: „Вотъ потѣха!“ Хотя я нашелъ это безсмысленнымъ; развѣ только онъ хотѣлъ такимъ неподходящимъ словомъ охарактеризовать непріятную погоду и снѣгъ, залѣплявшій намъ глаза.

Я изо всей мочи позвонилъ у дверей и отступилъ на обледѣнѣлую мостовую, чтобы видѣть эффектъ моего звонка. Въ домѣ не было и признака жизни, и я опять позвонилъ: и опять ничего.

— Джонъ, сказалъ я, такъ же вѣрно какъ то, что этого человѣка зовутъ Уильямъ Вилькинсъ, онъ лишится патента. Онъ спряталъ кэбмана на задахъ и поитъ его водкой вопреки закону. Онъ, очевидно, желаетъ убѣдить меня, что улегся уже спать со всей семьей; но онъ плохо знаетъ твоего дядю.

И я опять позвонилъ, и затѣмъ сталъ стучать ручкой зонтика въ дверь. Окно въ верхнемъ этажѣ отворилось:

— Что нужно? вопросилъ сонный и ворчливый голосъ или, вѣрнѣе сказать, голосъ, притворявшійся соннымъ.

— А то, произнесъ я строго и внушительно, что вы укрываете кэбмана, экипажъ котораго стоитъ у вашихъ дверей; а самъ онъ, я увѣренъ, сидитъ у васъ и пьетъ водку.

— Врешь! перебилъ голосъ очень явственно.

Но прежде нежели я успѣлъ дать волю негодованію, Джонъ такъ захохоталъ, какъ я не считалъ даже пристойнымъ для Итонскаго воспитанника: громко и, говорю это съ сожалѣніемъ, пошло.

— Ну, убирайтесь же по-добру, по-здорову, закричалъ голосъ у окна; ясно, что вы пьяны.

— Сэръ, повелительно сказалъ я, позвольте вамъ доложить, что я—засѣдаю въ совѣтѣ Мидльсекскихъ судей.

— Оно и видно! былъ дерзкій отвѣтъ. У тебя на лбу написано „трактирный засѣдатель“. Ступай, проспись!

И окно съ шумомъ захлопнулось.

Съ сожалѣніемъ говорю, что чувство униженія, испытанное мною, только усиливалось отъ непристойнаго поведенія

племянника, который вмѣсто симпатіи къ моей особѣ, или хотя бы къ величію закона, оскорбленнаго въ моемъ лицѣ, продолжалъ хохотать.

— Идемъ, сказалъ я строго; трактирщикъ, очевидно, пьянъ; это дѣло слѣдуетъ досконально разобрать, и я пойду за полисменомъ.

Мнѣ уже было не до кэба: я рѣшилъ—не изъ личной мести, о, нѣтъ!—наказать и отправить правосудіе. Я поучу этого разбойника трактирщика, не щадя живота (снѣгъ валилъ хлопьями),—что нельзя шутить съ правосудіемъ.

Джонъ продолжалъ покатываться отъ смѣха все время тягостныхъ поисковъ за охранителемъ закона, какъ дикарь какой-то, время отъ времени повторяя: у тебя на лбу написано: трактирный засѣдатель! Ха! ха! ха!

Признаюсь, я не видѣлъ въ этомъ восхищеніи рѣшительно ничего забавнаго и, признаюсь, очень сожалѣлъ, что за оскорбленіе судьи можно наказать только тогда, когда онъ находится при исполненіи обязанностей, потому что маленькая острастка была бы полезна для Джона.

Но какъ бы то ни было, не стану распространяться о личномъ оскорбленіи. На концѣ слѣдующей улицы мы нашли полисмена.

И тутъ опять Джонъ чуть-было не скомпрометтировалъ моего достоинства, потому что не успѣлъ я сообщить въ видѣ предисловія полицейскому, что засѣдаю въ совѣтѣ Мидльсекскихъ судей, какъ мальчишка снова покатился со смѣху, и это заставило полисмена замѣтить:

— Не лучше ли вамъ обоимъ идти спать?

Но когда я подалъ мою карточку, онъ живо образумился и пошелъ за нами къ дверямъ „Семи Звѣздъ“ (такъ назывался трактиръ), гдѣ все еще стоялъ кэбъ, а зданіе погружено было все въ тотъ же мракъ.

— Должно быть, это постоянно практикуется, какъ думаете, полисменъ? сказалъ я.

Но онъ, повидимому, этого не думалъ и только покачалъ головой. Соединенными усиліями (долженъ замѣтить, что

Джонъ на этотъ разъ тоже усердно колотилъ въ дверь) мы снова вызвали появленіе трактирщика у окна.

— Эге! да это ты опять и подъ карауломъ! Такъ всегда бываетъ съ трактирными засѣдателями.

Я просто онѣмѣлъ отъ негодованія, и полисменъ долженъ былъ говорить за меня. Что касается Джона, то онъ присѣлъ на мостовой и корчился словно въ конвульсіяхъ, запихавъ перчатки въ ротъ.

—Трактирщикъ, этотъ джентльменъ, Мидльсексскій судья, это вѣрно; я самъ видѣлъ его карточку. Онъ говоритъ, что въ трактирѣ скрывается кэбманъ и пьетъ водку послѣ положеннаго часа.

— А я уже сказалъ ему, что онъ вретъ, былъ нахальный отвѣтъ.

Джонъ сильнѣе скорчился, пролепетавъ: —Господи! я умру!

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ полисменъ, джентльменъ — представитель закона, и лучше вамъ не сердить его, а не то вы лишитесь патента.

— И лишится, сказалъ я, такъ же вѣрно, какъ вѣрно то, что его зовутъ Уильямъ Вилькинсъ.

— Ну а я вамъ говорю, отвѣтилъ трактирщикъ ворчливо, но уже не такъ грубо, что я выпроводилъ кэбмана изъ моего дома до полуночи.

— Но вотъ стоитъ его кэбъ, съ недовѣріемъ замѣтилъ я.

— Господи, Боже! да онъ спитъ въ кэбѣ! закричалъ вдругъ полисменъ.

И сказалъ правду: извощикъ спалъ, какъ сурокъ.

Само собой разумѣется, что съ Джономъ опять сдѣлались конвульсіи. М-ръ Вилькинсъ освѣдомился изъ окна, *вполнѣ* ли я теперь увѣрился въ томъ, что поднялъ шумъ изъ-за пустяковъ или же еще желаю поломаться надъ честнымъ человѣкомъ. Потомъ вдругъ спросилъ очень внушительно: чѣмъ я заплачу ему за безпокойство.

Я чувствовалъ себя—не скажу виноватымъ, но обманутымъ, а потому далъ м-ру Вилькинсу соверенъ. Я счелъ, что пяти шиллинговъ будетъ довольно съ полисмена, и, давая

ихъ ему, тонко далъ понять, что даю съ тѣмъ, чтобы онъ позабылъ, что видѣлъ мою карточку. А племянника я тоже ублаготворилъ, объяснивъ ему, что на святкахъ мало ли что бываетъ, и что недостойно джентльмену сплетничать, тѣмъ болѣе на счетъ родственника.

Я молча возвращался домой (племянникъ по временамъ все-таки хихикалъ и корчился), размышляя о безуспѣшности добрыхъ намѣреній и о неудачахъ въ отправленіи правосудія, которыми полна исторія міра.

IV.

Жертва стойкости.

Я изъ тѣхъ людей, которымъ завидуютъ впродолженіи трехъ мѣсяцевъ въ году и которыхъ сожалѣютъ въ теченіи девяти остальныхъ, потому что они живутъ „загородомъ“. Лѣтомъ наша резиденція очаровательна; въ особенности хорошъ садъ и превлекаетъ толпы знакомыхъ изъ Лондона. Они не только всегда охотно обѣдаютъ у насъ, но по собственной инциціативѣ то и дѣло пріѣзжаютъ къ намъ и остаются до послѣдняго поѣзда. Неопредѣленныя выраженія въ родѣ „въ хорошую погоду“ или еще болѣе неопредѣленныя „въ одинъ изъ красныхъ деньковъ“, къ которымъ прибѣгаютъ изъ любезности, становится очень опасно употреблять, такъ какъ ихъ принимаютъ въ серьезъ и ловятъ на словѣ. Все это было бы очень лестно, хотя и убыточно, еслибы только длилось круглый годъ. Но въ промежуткахъ отъ октября до іюня никто рѣшительно не посѣщаетъ насъ.

Въ отвѣтъ на наши скромныя приглашенія мы слышимъ выраженія нѣжнаго сожалѣнія, долженствующія убѣдить самыхъ скептическихъ людей: „обѣщаніе, данное раньше“, „болѣзнь новорожденнаго младенца“, „хромота лошади“ та или другая катастрофа постоянно мѣшаютъ нашимъ знако-

мымъ провести съ нами такой вечеръ „какъ тотъ очаровательный, какой они провели прошлаго іюля“. Они надѣются однако, что это удовольствіе опять достанется имъ, „когда погода станетъ чуть-чуть получше“, подъ чѣмъ разумѣется, конечно, когда наступитъ лѣто. Что касается того, чтобы пріѣхать отобѣдать съ нами зимою, то они все собираются переговорить съ нами объ этомъ при свиданіи. И дѣйствительно, порою мы слышимъ, пріѣзжая въ гости къ знакомымъ, болѣе или менѣе невинные намеки на этотъ счетъ. Кто-нибудь изъ присутствующихъ вдругъ замѣтитъ намъ, à propos обѣдъ:—удивительно право, какъ это люди, которые живутъ въ двадцати верстахъ отъ города, не хотятъ признавать временъ года и ждутъ, что вы пріѣдете къ нимъ обѣдать, какъ въ августѣ мѣсяцѣ, когда на дворѣ снѣгъ по колѣно. Это, право, верхъ эгоизма, какъ справедливо замѣтилъ намедни нашъ милый хозяинъ, Джонсъ.

Такъ какъ мы давно уже живемъ загородомъ, то излѣчились отъ эгоизма, но не потеряли чувствительности. Наши общественные нервы не замерзли и когда намъ наступаютъ на мозоли, то намъ бываетъ больно. Намъ больно, что Джонсъ такъ думаетъ и говоритъ про насъ, и жена роняетъ одну или двѣ слезы, когда мы возвращаемся домой въ закрытомъ экипажѣ. Долженъ сознаться, что путь долгонекъ-таки. Я засыпаю, прежде нежели мы съѣдемъ съ городской мостовой, а когда мы проѣзжаемъ по большому пастбищу около нашего дома, то я ощущаю значительную перемѣну въ температурѣ. Лѣтомъ это пріятное, прохладное мѣсто, съ красивымъ мѣстоположеніемъ, гдѣ рѣзвятся бабочки и хлопочутъ пчелки. Но зимою тамъ холодно и пустынно.

Днемъ тамъ никого не встрѣтишь, а по ночамъ попадается изрѣдка патруль. Въ былыя времена это было любимымъ мѣстопребываніемъ рыцарей большой дороги, и помню, что въ ту эпоху тѣмъ, кто жилъ по сосѣдству, бывало еще труднѣе сбирать у себя гостей. Оно и теперь пользуется худой славой, и по этой причинѣ жена всегда тревожится, когда дни убываютъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и пріѣздъ гостей. Она настаиваетъ на томъ, чтобы я каждый вечеръ обходилъ

весь домъ, прежде нежели идти спать и доложилъ ей, что все обстоитъ благополучно. Будучи роста не выше средняго, да и то въ сапогахъ съ каблуками, а въ туфляхъ такъ и того меньше, я часто подумываю, что было бы разумнѣе предоставить ворамъ воспользоваться серебромъ и другими предметами и не рисковать тѣмъ, что для меня всего дороже. Конечно, я могъ бы уравновѣсить шансы, запасшись заряженнымъ револьверомъ, но бѣда въ томъ, что не умѣю обращаться ни съ какими орудіями за исключеніемъ дождеваго зонтика. Рискуя такимъ образомъ подстрѣлить самого себя, вмѣсто вора, я говорю женѣ:

— Ни за что на свѣтѣ не рѣшусь я, моя душа, пролить кровь человѣческую, и тѣмъ паче свою собственную.

Съ другой стороны, такъ какъ я вѣрю въ силу воображенія, то всегда ношу въ карманѣ халата, во время ночныхъ экспедицій, дѣтскій пистолетикъ, принадлежащій нашему сыну Джону, но похожій на настоящій и, по моему мнѣнію, долженствующій произвести то же впечатлѣніе на вора, не подвергая опасности мою персону.

— Жалкіе негодяи, приготовилъ я на всякій случай рѣчь, ваша жизнь въ моихъ рукахъ (при этихъ словахъ я показываю дуло пистолета), но изъ ошибочнаго, быть можетъ, милосердія я убью изъ васъ только одного, того, кто послѣднимъ оставитъ мой домъ. Я буду считать до шести (или шестнадцати, смотря по числу воровъ) и затѣмъ выстрѣлю.

Послѣ такого обращенія я разсчитываю, что всѣ они опрометью бросятся вонъ изъ дверей, которыя я и запру за ними на двойной запоръ. А вы спросите у меня, что это за двойной запоръ? Я вамъ не могу отвѣтить на это удовлетворительно. Я и самъ не знаю, но мой любимый романистъ— пишетъ все сенсаціонные романы—постоянно употребляетъ его, и я заключаю, что онъ ужь, вѣрно, знаетъ, что говоритъ.

Дѣло было въ началѣ туманнаго октября, когда листья улетѣли и знакомые наши послѣдовали за ними. Я сидѣлъ одинъ до поздней ночи, рѣшивъ прочитать моего любимаго автора до горькаго конца, то есть до третьяго тома включительно, гдѣ всѣ его главные герои (за исключеніемъ коми-

ческихъ) бываютъ убиты, кромѣ одного. Тотъ остается живъ, но съ наслѣдственной наклонностью къ самоубійству. Немного разстроенный чтеніемъ и очень сонный, пошелъ я обычнымъ дозоромъ, который, правду сказать, производилъ невнимательно и машинально.

Въ столовой все было на видъ какъ слѣдуетъ, также и въ гостиной и, безъ сомнѣнія, въ моемъ кабинетѣ, гдѣ я сидѣлъ, все какъ слѣдуетъ и въ передней—нѣтъ не все какъ слѣдуетъ, такъ какъ я увидѣлъ на кругломъ столикѣ громаднѣйшую и толстѣйшую пару мужицкихъ сапогъ, рядомъ съ зонтикомъ жены и ея перчатками. Даже и въ ту ужасную минуту я помню, какъ этотъ контрастъ и нелѣпое присутствіе этихъ чудищъ поразили меня почти съ такой же силой, какъ и страхъ; я былъ удивленъ и встревоженъ, какъ и Робинзонъ Крузое при видѣ знаменитыхъ слѣдовъ ногъ и по той же самой причинѣ.

Сапоги и слѣды сами по себѣ были ничего, но разсудокъ, теперь вполнѣ проснувшійся, сразу подсказалъ, что кто-нибудь долженъ же былъ ихъ оставить и находится, по всей вѣроятности, въ настоящую минуту по сосѣдству и даже подъ моей кровлей.

Если вы дадите профессору Оуэну ногу какого-нибудь существа, онъ построитъ изъ собственной головы все его туловище и голову: нѣчто въ родѣ этой таинственной способности проснулось и во мнѣ, и я представилъ себѣ чудовище шести слишкомъ футовъ ростомъ, широкоплечаго силача, съ ногами какъ столбы, и кулаками величиной съ тыкву. Изъ сѣней дверь вела въ буфетъ, и тамъ, конечно, пребывалъ великанъ и уже завладѣлъ нашимъ серебромъ.

Конечно, я могъ тотчасъ же удостовѣриться въ этомъ и заглянуть въ буфетъ, но я не люблю никакихъ поспѣшныхъ дѣйствій; быть можетъ, этотъ жалкій бродяга (не найдя большой наживы) устыдится и самъ уйдетъ. Было бы дурно лишить его случая проявить раскаяніе. Къ тому же мнѣ вдругъ пришло въ голову, что, быть можетъ, онъ вовсе не воръ, а какой-нибудь родственникъ (седьмая вода на киселѣ, конечно) одной изъ нашихъ служанокъ. Очень дурно съ ея стороны,

очень дурно, что она пустила его въ домъ въ такой поздній часъ, но вѣдь возможно, что она это сдѣлала и что въ эту минуту онъ ужинаетъ въ кухнѣ остатками отъ обѣда, которые, я знаю, хранились въ кладовой. Такое поведеніе, повторяю, не похвально, но я искренно надѣялся, что такъ дѣло и было. Тайная любовь, хотя бы и незаконная, все же лучше нежели грабежъ съ убійствомъ. Кашлянувъ довольно громко, чтобы предупредить джентльмена о томъ, что я не сплю и что ему лучше убраться по-добру, по-здорову, я пошелъ на чердакъ за справками.

И тутъ я не могу не сдѣлать отступленія и не поговорить о чрезвычайной сонливости женской прислуги. Что касается нашей, то она напомнила мнѣ, кромѣ красоты, спящую царевну. Я стучался въ ихъ дверь добрыхъ четверть часа, прежде нежели онѣ услыхали и еще съ четверть часа убѣждалъ ихъ изъ-за дверей, что никакого пожара нѣтъ. Будь въ самомъ дѣлѣ пожаръ, онѣ бы сгорѣли въ своихъ постеляхъ. Успокоившись на этотъ счетъ, онѣ пришли въ страшное негодованіе, когда, съ подобающей деликатностью и осторожностью, я спросилъ ихъ, нѣтъ ли въ числѣ ихъ родственниковъ такихъ, которые носятъ необыкновенно большіе сапоги, и не былъ ли кто изъ нихъ недавно въ гостяхъ у нихъ... напримѣръ сегодня вечеромъ.

Онѣ въ одинъ голосъ отвѣчали, что и не слыхивали о подобныхъ вещахъ и что никто въ ихъ родствѣ не носитъ сапогъ, такъ какъ у нихъ только родственницы.

Удовлетворивъ свое любопытство касательно этого пункта (и крѣпко разочаровавшись), я почувствовалъ, что теперь долженъ неизбѣжно произвести осмотръ дома. Со свѣчей въ рукѣ и съ дѣтскимъ пистолетомъ въ карманѣ, я пошелъ въ буфетъ. Къ моему вящему успокоенію онъ былъ пустъ. Неужели воръ уже ушелъ? Если такъ, то онъ оставилъ сапоги, такъ какъ они стояли на прежнемъ мѣстѣ. Ихъ размѣры вновь поразили меня. Неужели только одинъ воръ пришелъ въ этихъ сапогахъ?

Я вошелъ въ кухню: ни одна мышь не шевельнулась; но за то легіонъ таракановъ разбѣжался во всѣхъ направле-

віяхъ, за исключеніемъ одного. Они избѣгали шкапа, за которымъ и лежалъ джентльменъ, котораго я искалъ, скорчившись, такъ какъ ему было тѣсно, но притворяясь, что спитъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя я и не слыхалъ до той минуты даже его дыханія, не успѣлъ свѣтъ моей свѣчи упасть ему въ лицо, какъ онъ громко захрапѣлъ. Я сразу понялъ, что онъ хотѣлъ доказать, что спитъ сномъ праведныхъ, какъ честный труженикъ. Я зналъ, прежде чѣмъ онъ раскроетъ ротъ, какъ онъ станетъ меня увѣрять, что, утомленный до изнеможенія, онъ забрался подъ мой кровъ только затѣмъ, чтобы выспаться и только.

— Поберегите вашъ порохъ, сэръ, сказалъ онъ, такъ какъ я старательно выставилъ изъ кармана кончикъ пистолетика Джона;—я бѣденъ, но честенъ; я пришелъ сюда только за тѣмъ, чтобы выспаться.

— Какъ вы вошли? строго спросилъ я.

— Влѣзъ въ окно, былъ жалобный отвѣтъ, и легъ спать.

— Значитъ, вы поставили сапоги на столъ въ сѣняхъ, чтобы вамъ ихъ вычистили поутру?

При этомъ онъ осклабился.

Усмѣшка какъ бы говорила: смѣйся, смѣйся, сила на твоей сторонѣ. Но кабы не твой пистолетъ, ты бы у меня не такъ посмѣялся, голубчикъ.

— Вставайте, приказалъ я,—и надѣньте ваши сапоги.

Онъ поднялся точно какой звѣрь, вылѣзающій изъ берлоги, и заковылялъ впереди меня въ переднюю.

Хотя онъ казался очень свирѣпымъ, я былъ благодаренъ ему за послушаніе, и мнѣ стало его жаль.

— Вы въ самомъ дѣлѣ изъ нищеты пришли сюда? Вы голодный? спросилъ я.

— Нѣтъ, теперь больше не голоденъ, отвѣтилъ онъ, ухмыляясь.

Конечно, онъ намекалъ на то, что поужиналъ на мой счетъ, и въ ту минуту я подумалъ, что съ его стороны очень мило признаться въ этомъ. Еслибы я зналъ тогда, какъ узналъ впослѣдствіи, что онъ съѣлъ полторы тетерьки и выпилъ большой горшокъ девонширскихъ сливокъ, которые

мы получили въ подарокъ, то счелъ бы это за наглость. Я нашелъ также довольно большой наглостью, когда, стоя въ дверяхъ, которыя я растворилъ передъ нимъ, онъ сказалъ:

— Не дадите ли мнѣ полкроны, сэръ, чтобы помочь мнѣ обратиться на путь истинный?

Но считая, что лучше разстаться съ нимъ миролюбиво, я далъ ему полкроны. Онъ плюнулъ на монету „для счастья", и былъ такъ добръ, что объяснилъ это, и, довольствуясь этимъ объясненіемъ и не потрудившись поблагодарить меня, удалился.

Было три часа утра; туманъ разсѣялся и показались звѣзды и мѣсяцъ. Какое-то мирное спокойствіе овладѣло мною. Я чувствовалъ, что сдѣлалъ доброе дѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ избавился отъ очень опаснаго субъекта, и что пора мнѣ лечь спать. Жена, однако, которую разбудили служанки, ждала съ волненіемъ, чтобы я разсказалъ ей обо всемъ, что случилось. Я описалъ ей весь эпизодъ съ такимъ драматизмомъ, что она объявила, что ничто въ мірѣ не заставитъ ее отнынѣ ночевать въ домѣ одной безъ меня. Это было, быть можетъ, достойное наказаніе за легкое преувеличеніе въ моемъ разсказѣ, которое я невинно позволилъ себѣ, но оказалось очень для меня неудобно. Время отъ времени, пообѣдавъ въ клубѣ, я оставался въ городѣ, задерживаемый обстоятельствами внѣ моей власти находящимися, какъ-то игрою въ вистъ или тому подобное; и до сихъ поръ мнѣ стоило только послать телеграмму съ выраженіемъ сожалѣнія въ томъ, что я, быть можетъ, не вернусь ночевать домой. Теперь конецъ этимъ льготамъ, если только мнѣ не удастся снова успокоить жену. Поэтому я сталъ увѣрять, что совсѣмъ невѣроятно, чтобы бродяги вторично забрались въ домъ, когда...

— О! не говори мнѣ пустяковъ, возразила жена съ нетерпѣливымъ раздраженіемъ въ голосѣ. Господи! Кто же ѣдетъ по дорогѣ?

Она подумала, что это какой-нибудь конный разбойникъ,

тогда какъ, если можно такъ выразиться, это было какъ разъ противоположное, а именно: конный патруль.

— Постучи въ окно; позови его. Я непремѣнно хочу его видѣть! воскликнула жена.

Мнѣ ничего не оставалось, разъ жена сказала, что она *непремѣнно хочетъ* (это пойметъ всякій женатый человѣкъ), какъ исполнить ея желаніе. Поэтому я позвалъ патрульнаго и разсказалъ ему о томъ, что случилось.

— Какъ давно былъ здѣсь этотъ человѣкъ, сэръ, спросилъ онъ.

— Слишкомъ часъ тому назадъ. Нечего и думать вамъ нагнать его. И, кромѣ того, я право думаю, что онъ раскаялся и собирается на будущее время вести честную жизнь.

— Вы думаете? сказалъ патрульный съ тѣмъ состраданіемъ въ голосѣ, какое слышится у посѣтителя сумасшедшаго дома, разговаривающаго съ сумасшедшимъ, считающимся неопаснымъ. Прекрасно, но такъ какъ я уже тутъ, то не лучше ли намъ обойти домъ и поглядѣть, не оставилъ ли онъ послѣ себя товарища.

— На столѣ стояла только одна пара сапогъ, сказалъ я съ убѣжденіемъ. это я знаю навѣрное.

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ я зналъ, что это будетъ пріятно женѣ, я согласился на его предложеніе. Онъ привязалъ лошадь и вошелъ въ домъ съ фонаремъ въ рукѣ. Въ сѣняхъ, разумѣется, никого не было; я только-что проходилъ черезъ нихъ; въ гостиной тоже никого, въ передней тоже никого... но на столѣ стояла, какъ и прежде, гигантская пара сапогъ.

— Что вы скажете? указалъ на нихъ патрульный.

— Это тѣ же самые, отвѣтилъ я въ изумленіи. Готовъ побожиться, что узна̀ю ихъ изъ тысячи. Что же это значитъ?

— А это значитъ, сухо отвѣтилъ онъ, что джентльменъ, который собирался вести честную жизнь, передумалъ и вернулся обратно.

И такъ оно и было. Мы нашли его на томъ самомъ мѣстѣ за шкапомъ.

— О, Господи! Это вы, г. полисменъ? жалобно спросилъ онъ. Значитъ, все кончено.

Еслибы ему пришлось имѣть дѣло только со мной, то онъ, вѣроятно, попросилъ бы у меня еще полкроны. По всей вѣроятности, онъ рѣшилъ, что теперь, когда всѣ опасенія на нынѣшнюю ночь разсѣялись, онъ можетъ безпрепятственно расположиться въ домѣ. Игра была смѣлая, но всѣ козыри остались въ его рукахъ.

Я помогъ связать ему руки крѣпкой веревкой, той самой, которая уже послужила коновязью для лошади патрульнаго.

— А теперь, холодно сказалъ послѣдній, пойдемъ и надѣнемъ сапоги.

Вторично въ эту ночь я увидѣлъ, какъ совершалъ эту операцію мой воръ на этотъ разъ съ помощью патрульнаго. Я не желаю, какъ говорятъ судьи, накрываясь черной шапкой, увеличивать горечь чувствъ этого несчастнаго человѣка (онъ былъ отпущенъ изъ тюрьмы на срокъ и теперь вновь накликалъ на себя пятилѣтнюю каторжную работу), но не могъ удержаться, чтобы не сказать:

— Мнѣ кажется, вы могли бы удовольствоваться ужиномъ и полукроной и не возвращаться *сюда* для грабежа.

Мой аргументъ не произвелъ, повидимому, никакого дѣйствія; благодарность—чувство неизвѣстное этому дикому существу. Подобно многимъ цивилизованнымъ людямъ, онъ приписывалъ всѣ свои бѣды одной своей добродѣтели:

— Нѣтъ, сэръ, не въ томъ дѣло, отвѣтилъ онъ. Я жертва своей стойкости.

Теорія культурно-историческихъ типовъ.

(Н. Я. Данилевскій. *Россія и Европа*. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ германо-романскому. *Изданіе 3 съ портретомъ и посмертными примѣчаніями* (изданіе Н. Страхова). *Спб.* 1888).

„У книгъ есть своя судьба“, давно уже сказалъ римскій поэтъ. Вѣрность этихъ словъ, какъ нельзя болѣе, подтверждается книгою, о которой мы теперь намѣрены говорить. „Россія и Европа“ покойнаго Н. Я. Данилевскаго не новость въ русской литературѣ: въ 1869 г. она была напечатана въ мало распространенномъ журналѣ „Заря“, а въ 1871 г. явилась въ отдѣльномъ изданіи. Это изданіе напечатано было въ 1200 экземпляровъ и только недавно распродано вполнѣ. Стало-быть, смѣло можно сказать, что сочиненіе Данилевскаго, котораго въ Австріи зовутъ „апостоломъ славянства“, едва извѣстно въ Россіи; къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что критики, говорившіе о немъ съ трогательнымъ единодушіемъ, не смотря на различіе партій, отзывались равно неблагосклонно [1]). Стало-быть, для русскихъ литераторовъ (почти безъ исключеній) существуетъ пунктъ, на которомъ они всѣ сходятся. Пунктъ этотъ—какъ ни страннымъ кажется такой фактъ—возможность самостоятельной русской или скорѣе всеславянской культуры. Какъ

[1]) За исключеніемъ статьи Н. Н. Страхова въ „Зарѣ“, потомъ перепечатанной въ „Извѣстіяхъ Слав. Благотворит. Общ.“ и нынѣ въ біографіи, при новомъ изданіи „Россіи и Европы“.

противна русской интеллигенціи мысль о возможности такой культуры, можно убѣдиться и теперь и даже не въ статьяхъ обыкновенныхъ журнальныхъ писателей, а въ статьяхъ людей, отъ которыхъ можно было бы ожидать и большей глубины, и большей проницательности.

Причины такого страннаго явленія, не безъ основанія, видятъ въ исторіи Россіи за послѣднія двѣсти лѣтъ. Соловьевъ замѣчаетъ, что со времени Петра мы вступили изъ періода чувствъ въ періодъ мысли, т. е. отъ цѣльнаго инстинктивнаго творчества перешли къ сомнѣніямъ, повѣркѣ, критикѣ. Сомнѣніе, критика, повѣрка обратились прежде всего на свое, на старое. Очевидно, что за этимъ увлеченіемъ должно было послѣдовать обращеніе той же критики на чужое, переборъ началъ этого чужаго; но этотъ періодъ былъ еще далеко, онъ едва начинается на нашей памяти и не только еще не господствуетъ въ общественномъ сознаніи, но даже выдерживаетъ страшную борьбу. Все это понятно, и такъ и должно было быть. Человѣкъ въ юности увлекается внѣшностью, внѣшностью увлекаются и юные народы. Говоримъ народы, хотя въ данномъ случаѣ увлеченіе касается только общества (т. е. интеллигенціи), но общество представляетъ собою движущуюся часть народа, а остальная часть является хранительницею непочатыхъ силъ. Благо той странѣ, которая имѣетъ у себя такое сокровище, залогъ долгаго будущаго развитія. Такое сокровище выпало и на нашу долю: въ то время, какъ общество наше все болѣе и болѣе проникалось завѣтомъ Ремигія Хлодвигу и стремилось сожигать то, чему поклонялось, и поклоняться тому, что сожигало, народъ крѣпко держался за свою старину. Общество, прислушиваясь къ голосу своихъ передовыхъ людей, употребляло умственныя силы на борьбу съ невѣжествомъ, на изученіе Европы, а народъ все болѣе и болѣе отклонялся отъ него, не сознавая ясно, но чувствуя инстинктивно, что за кажущимся невѣжествомъ кроются настоящія живыя силы. Въ XVIII в. служилое сословіе объединяется названіемъ шляхетства (самое имя показываетъ, съ какой стороны идетъ починъ), измѣненнымъ скоро на старо-русское на-

званіе дворянства. Дворянству этому Екатерина дала важную политическую роль: въ его руки передано было мѣстное самоуправленіе. Освобожденное отъ обязательной службы, одаренное правами, оно въ значительномъ числѣ осталось на мѣстѣ, и явилось мѣстное общество, которое разносило по провинціи то, что прежде собиралось въ столицѣ, ибо дворянство мало по малу становилось просвѣщеннымъ сословіемъ на ряду съ духовенствомъ, съ тою разницею, что духовенство держалось въ основѣ типа славяно-греко-латинской академіи, а дворянство все болѣе и болѣе проникалось просвѣщеніемъ европейскимъ, т. е. въ то время исключительно французскимъ. Шляхетскіе и магнатскіе идеалы, заимствованные изъ Польши, уступали мѣсто французскимъ аристократическимъ, въ особенности тогда, какъ революція выкинула къ намъ массу эмигрантовъ, ставшихъ или образцами, или учителями нашего дворянства. Что было болѣе образованнымъ или почитало себя таковымъ, то проникалось началомъ энциклопедистовъ; обрывки ихъ ученія достигали и до фонвизинскаго Митрофанушки. Оплотомъ противъ энциклопедистовъ явилось тоже западное ученіе—массоновъ. Русское все болѣе и болѣе сосредоточивалось во внѣшней государственности. Мало помалу получала преобладаніе мысль о спасительности европейской цивилизаціи. Карамзинъ усомнился въ своихъ надеждахъ на „вѣкъ просвѣщенія" и, погрузившись въ исторію, вынесъ оттуда драгоцѣнное предчувствіе національныхъ началъ, но и онъ не обладалъ яснымъ ихъ сознаніемъ. Кругомъ же господствовалъ полный европеизмъ: общехристіанство, идеалы европейскіе: консервативные, либеральные, переводы на русскій языкъ французскихъ кодексовъ, административныя нововведенія на французскій ладъ и т. д. Событія конца 1825 г. показали необходимость стать на національную почву; идутъ попытки въ этотъ родѣ: символомъ ихъ служитъ такъ называемая тоновская архитектура, то—да не то. Въ ту пору выростаетъ, какъ протестъ противъ неловкихъ попытокъ, уже сознательный европеизмъ—западничество, которое, примѣшиваясь къ реформамъ послѣдующаго времени, дѣлаетъ не совсѣмъ

точными знаменитыя слова адреса, поданнаго Императору Александру II, отъ раскольниковъ: „въ новинахъ твоихъ старина намъ слышится“, и дѣйствительно старина далеко неполно и неточно возстала въ этихъ новинахъ. Русской землѣ предлежала и предлежитъ громадная и трудная задача: сознать основы своего бытія, отдѣливъ ихъ отъ всей своей многовѣковой исторіи, и на нихъ воздвигнуть новое зданіе своей цивилизаціи. Какой выходъ указываетъ нашъ авторъ, скажемъ впослѣдствіи, а теперь „на прежнее возвратимся“, по выраженію лѣтописи. Рядомъ съ западниками образовалась новая школа славянофиловъ. Эти приснопамятные дѣятели были первыми носителями настоящаго русскаго сознанія. Ихъ проповѣдь, часто останавливаемая и раздававшаяся, по условіямъ тогдашнимъ, не вполнѣ ясно (прибавимъ, что и сами они росли и мужали), была долго непонятна: ихъ обвиняли въ староверствѣ, т. е. именно въ томъ, чего у нихъ не было. Изъ нихъ никто не думалъ возвращаться къ старинѣ въ томъ видѣ, въ которомъ она существовала, имъ нужно было уяснить основныя начала, но этого не понимала публика, постоянно смѣшивающая основное съ случайнымъ. Несчастное совпаденіе проповѣди славянофиловъ съ господствующимъ настроеніемъ, совпаденіе чисто внѣшнее, препятствовало обществу оцѣнить ихъ начала, къ тому же были и такіе писатели, которые, подъ видомъ защиты основныхъ русскихъ началъ, защищали существующее. Рядъ недоразумѣній, возбужденныхъ этимъ грустнымъ временемъ, завершился крымской войной. Патріотизмъ государственный былъ возбужденъ: героическая защита Севастополя—одна изъ лучшихъ страницъ русской исторіи; но смыслъ войны былъ теменъ, чего уже никакъ нельзя сказать о войнѣ 1877—78 г. За Парижскимъ миромъ наступила пора реформъ; славянофилы приняли въ нѣкоторыхъ изъ нихъ живое участіе; но и тогда ихъ ученіе не сдѣлалось господствующимъ, во многомъ и во многомъ отразилось наше европейничаніе. Трудно разбираться въ современной исторіи, трудно безпристрастно относиться къ ея явленіямъ, но нельзя не признать того, что успѣхи народнаго самосознанія все еще

недовольно значительны и насажденное славянофилами еще недостаточно пустило корни. Славянофилы смотрятъ на міръ широко, въ основѣ ихъ воззрѣній лежитъ знакомство съ Европою и критическое отношеніе къ ней; западники продолжаютъ критически относиться только къ явленіямъ русской жизни. Вновь народившееся народничество слишкомъ узко понимаетъ народность и едва-ли не слѣдуетъ считать его порожденіемъ западничества, ибо идеалы его новаго ничего не представляютъ. Книга Данилевскаго, представляющая собою систематизацію славянофильскаго воззрѣнія, основанную на широкомъ образованіи и проведенную глубокимъ умомъ—должна служить поворотнымъ пунктомъ въ исторіи русскаго самосознанія, когда наконецъ съ нею ближе ознакомятся мыслящіе русскіе люди и рѣшатся изучать ее безъ всякихъ предубѣжденій. Собираясь говорить о ней, мы считаемъ однако нужнымъ сдѣлать еще небольшое предисловіе.

Заслуги славянофиловъ для развитія русскаго самосознанія неоцѣненны, и если пока труды ихъ не принесли всѣхъ желанныхъ плодовъ, то только потому, что мысли ихъ встрѣтили сильное противодѣйствіе и пока еще мало извѣстны; но въ будущемъ, надо полагать, дѣло пойдетъ иначе. Славянофилы намѣтили всѣ важнѣйшія основы, на которыхъ должно покоиться зданіе все-славянской цивилизаціи: они развили понятіе о преимуществѣ православія надъ всѣми иными христіанскими исповѣданіями (Хомяковъ, Самаринъ), указали основы русскаго народнаго характера (К. С. Аксаковъ), указали общность всѣхъ славянскихъ народовъ (Валуевъ, Хомяковъ, Погодинъ, Гильфердингъ), противоположность міровъ романо-германскаго и греко-славянскаго (Вл. Ив. Ламанскій). Мы не говоримъ здѣсь о заслугахъ славистовъ русскихъ и западно-славянскихъ, ибо это завело бы насъ слишкомъ далеко. Словомъ, для людей, хотящихъ видѣть, открывается впереди необозримый горизонтъ. Нельзя сказать, чтобы и въ практической жизни не занималась заря будущаго сближенія славянъ: дѣятельность славянскихъ благотворительныхъ обществъ, какъ она ни

стѣснена, отношеніе народа и общества (хотя и съ значительными исключеніями) къ войнѣ сербской и русско-турецкой, возростающее стремленіе къ изученію русскаго языка у славянъ западныхъ—все это признаки благопріятные. Для тѣхъ же, кто не видитъ, такъ и хочется повторить евангельскія слова: „отъ смоковницы же научитеся притчѣ: егда уже ваія ея будутъ млада, и листвіе прозябнетъ, вѣдите, яко близь есть жатва“. Да, жатва близка, можемъ мы сказать, если, конечно, припомнимъ, что для событій въ народной жизни иная мѣрка времени, чѣмъ для ежегоднаго круговорота природы и для краткой жизни человѣка. Какъ ни далеки мы еще, кажется намъ, въ нашемъ нетерпѣніи, отъ осуществленія нашихъ надеждъ, но, оглядываясь назадъ, мы должны сознаться, что сдѣлали значительные шаги къ цѣли. Вспомнимъ, что писалъ о. Раевскій Погодину къ дню его юбилея: „Было время, вы это помните, какъ разъ Ганка, Юнгманъ, Шафарикъ и еще кто-то четвертый (вѣроятно, самъ Погодинъ), собравшись въ одной комнатѣ, разсуждали о судьбѣ чеховъ, о славянствѣ, и вдругъ разбѣжались отъ страха, какъ бы не провалился надъ ними потолокъ и съ ними не задавилъ бы всего, тогда маленькаго, славянства; теперь, учитель, такого потолка не найдется въ цѣломъ мірѣ, который могъ бы подавить подъ собою все славянство“. Будемъ же помнить эти замѣчательныя слова человѣка, прожившаго много лѣтъ въ центрѣ интересовъ западнаго славянства, въ Вѣнѣ и, слѣдовательно, знавшаго и видѣвшаго все на дѣлѣ. Когда же, минутами, овладѣетъ нами уныніе, станемъ перечитывать вдохновенныя страницы „Дневника писателя“, дабы почерпать у этого великаго художника его глубокую вѣру въ будущность славянства и въ высокое призваніе Россіи.

Что же сдѣлалъ Данилевскій послѣ этихъ разносторонних изслѣдованій, направленныхъ къ одной цѣли, послѣ вѣщихъ словъ поэтовъ славянства (Хомяковъ, Тютчевъ), послѣ глубоко прочувствованныхъ и пламенно высказанныхъ надеждъ и ожиданій великаго романиста (Достоевскій), послѣ неустанной борьбы съ врагами славянства и равнодушіемъ

русской публики великаго, недавно сошедшаго со сцены, публициста (И. С. Аксаковъ)? Обстоятельный обзоръ „Россіи и Европы“ даетъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Мы уже сказали выше, что книга Данилевскаго должна быть поворотнымъ пунктомъ въ развитіи русскаго и всеславянскаго сознанія. Думаемъ, что представленный нами очеркъ можетъ служить отвѣтомъ тѣмъ, которые сказали бы: отчего же столь важная и нужная всѣмъ книга не пользуется общественнымъ признаніемъ? Прибавимъ еще, что свѣтлыя мысли всегда встрѣчаютъ небольшой кружокъ признающихъ ихъ, и уже изъ этого кружка идетъ ихъ распространеніе. Конечно, не всякая мысль, признанная небольшимъ кружкомъ, есть непремѣнно мысль здравая, ибо много вздорныхъ мыслей выходитъ на свѣтъ Божій и находитъ послѣдователей. Нужно, стало быть, чтобы мысль сама въ себѣ носила признаки истины, и тогда признаніе ея послѣдуетъ рано или поздно. Отчаяваться въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ уже и потому, что это значитъ отчаяваться въ здравомъ смыслѣ и въ инстинктѣ своего народа; надо же помнить, что каждой мысли слѣдуетъ пережить разностороннее изслѣдованіе, чтобы выйдти чистой, какъ золото изъ горнила.

„Россія и Европа“ поражаетъ читателя, впервые открывшаго ея страницы, необыкновенной стройностью логической, убѣдительностью своихъ доводовъ, полною объективностью изложенія, результатомъ постоянныхъ занятій естественными науками, которыя, если поставить ихъ въ надлежащіе предѣлы и не требовать отъ нихъ разрѣшенія вопросовъ, не подлежащихъ ихъ вѣдѣнію, представляютъ чрезвычайно благодарный предметъ для развитія методическаго мышленія. Внесеніе въ нихъ субъективнаго элемента всегда вредно, будетъ ли то фантазія, какъ у многихъ естествоиспытателей, стремящихся сдѣлаться художниками, или матеріалистическія воззрѣнія, извнѣ вносимыя въ изученіе природы, а никакъ не рождающіяся вслѣдствіе изученія, какъ хотѣли бы многіе увѣрить. Такой примѣси былъ чуждъ Данилевскій; оттого въ науку историческую онъ вноситъ методъ и объективность естествознанія, но не оставляетъ ни

малѣйшей возможности внести въ нее тѣ скороспѣлые выводы, которые извѣстны подъ именемъ „послѣднихъ словъ науки". Съ суевѣрнымъ поклоненіемъ этимъ послѣднимъ словамъ Данилевскій успѣшно борется въ своемъ „Дарвинизмѣ", о чемъ можно получить понятіе хотя бы изъ превосходныхъ статей Н. Н. Страхова. Читая далѣе, читатели поражаются массою знаній: экономическихъ, политическихъ, историческихъ; видно, что авторъ не даромъ учился въ заведеніи, дающемъ общее юридическое образованіе, поставившемъ его въ возможность понимать эти вопросы и интересоваться ими. Читателя нашего времени должно поразить то, что авторъ далеко не чуждъ богословскихъ вопросовъ, которые кажутся людямъ поверхностнымъ столь далекими отъ дѣйствительности и, пожалуй, уже совершенно отжившими. Не такими они казались Данилевскому: онъ клалъ ихъ въ основу своей теоріи. Это было не только слѣдствіемъ вліянія Хомякова, но и результатомъ собственныхъ занятій: знакомые съ литературною дѣятельностію Данилевскаго могутъ убѣдиться въ этомъ, припомнивъ его полемику съ Вл. С. Соловьевымъ. Вся эта подготовка была необходима для того, чтобы разносторонне разсмотрѣть вопросы. И такъ не только великая умственная сила Данилевскаго, но и громадное трудолюбіе придаетъ такую увлекательность, можно даже сказать неотразимость его изслѣдованіямъ, конечно, не для тѣхъ, которые заранѣе рѣшились не принимать его результатовъ.

Цѣль книги Данилевскаго—доказать возможность даже необходимость новой славянской культуры. На пути къ рѣшенію этой задачи стоитъ предразсудокъ, который надо побѣдить: въ Европѣ, какъ и у насъ, всѣ увѣрены въ томъ, что культура только одна, лишь непрерывно развивающаяся, при чемъ всѣ прежнія культуры являются лишь ничѣмъ инымъ, какъ ступенями этого развитія. Хранилище этой культуры—Европа. развитіе же ея безконечно, какъ безконечно существованіе самаго человѣчества, которое можетъ быть прекращено только какой-либо катастрофой. Слѣдственно, въ настоящемъ и въ будущемъ культура

эта должна обнимать всѣ народы, перестающіе быть варварскими и для воспріятія ея слѣдуетъ пожертвовать своимъ народнымъ во имя общечеловѣческаго, за которое выдаетъ себя эта культура. Если все предъидущее справедливо, то мы, стремящіеся со времени Петра стать настоящими европейцами, вѣроятно уже достигли своей цѣли: Европа считаетъ насъ своими, мы принимаемъ участіе во всѣхъ ея радостяхъ и печаляхъ, она съ своей стороны оказываетъ намъ такое же участіе; столкновеніе наше съ тою или другою изъ европейскихъ земель будетъ, стало быть, временнымъ недоразумѣніемъ, междоусобіемъ; отношенія наши съ Европою управляются только закономъ политическаго равновѣсія. Точно ли однако Европа считаетъ Россію равноправнымъ членомъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ авторъ начинаетъ свою книгу. Разрѣшенія вопроса онъ ищетъ въ фактахъ и останавливается на случаѣ частномъ, но чрезвычайно характеристическомъ: въ 1864 г. Австрія и Пруссія напали безъ особаго права на Данію; Европа позволила имъ овладѣть Шлезвигомъ и Голштиніей; въ 1854 г. Россія требовала отъ Турціи необходимаго ей протектората надъ православными народами Турціи. Результатомъ была восточная война, въ которой не только правительства возстали противъ насъ, но за нихъ стояло и общественное мнѣніе, скорѣе даже возбуждало ихъ. Россія была совершенно права въ своихъ требованіяхъ, основанныхъ на трактатѣ, но ее обвинили, и она осталась одна безъ друзей. Примѣръ этотъ ясно показываетъ, что Европа не считаетъ Россію своей. Чего же она боится отъ Россіи? На это отвѣчаютъ, что Россія государство завоевательное. Авторъ тонкимъ анализомъ всѣхъ такъ называемыхъ завоеваній Россіи доказываетъ несправедливость этого ходячаго обвиненія. Въ самомъ дѣлѣ, Россіи нужно было обезпечить себя съ востока и юга отъ набѣговъ кочевниковъ; нужно было пробиться къ морю и получить обладаніе тѣми провинціями, которыя когда-то были въ ея рукахъ; она не могла терпѣть рабства русскихъ и угнетенія ихъ религіи. Таковы большинство изъ такъ называемыхъ завоеваній. Присоединеніе Царства

Польскаго совершилось вслѣдствіе желанія Императора Александра I возстановить имя польское. Мы знаемъ, что Александръ едва не отдалъ возстановленной Польшѣ и Литвы. Это ли завоеванія? Польша не могла существовать въ томъ видѣ, въ которомъ она существовала; лучше ли было бы для нея попасть въ руки нѣмцевъ? Едва-ли кто-либо изъ поляковъ отвѣтитъ, что лучше. Мы остановились только на нѣсколькихъ примѣрахъ, пусть читатель самъ прочтетъ необыкновенно убѣдительныя страницы Данилевскаго, посвященныя этому вопросу и сознаетъ, до какой степени онъ правъ. Обвиняютъ Россію еще въ томъ, что она является врагомъ всякаго либеральнаго развитія. Данилевскій ясно указываетъ, что это только предлогъ, ибо когда Россія при Царѣ-Освободителѣ приступила къ преобразованіямъ, совершила освобожденіе крестьянъ, самую трудную, какъ казалось, но самую существенную и либеральную реформу, то Европа отнеслась къ ней не болѣе снисходительно: ноты 1863 г.— не столько выраженіе сочувствія къ Польшѣ, сколько признакъ желанія воспользоваться затруднительными обстоятельствами Россіи, которыя еще преувеличивались надеждами на внутреннія затрудненія. Данилевскій убѣжденъ въ томъ, что Европа не знаетъ насъ по тому, что̀ не хочетъ знать. Дѣйствительно, мы видимъ, что люди, имѣющіе претензіи знать Россію и даже заявившіе нѣкоторыя доказательства этого знанія, вдругъ становятся на сторону враговъ Россіи. Очевидно, Европа насъ своими не считаетъ.

Если Европа насъ не признаетъ и мы не Европа, то что же такое Европа? Прежде всего это терминъ географическій. Авторъ нашъ блистательно доказываетъ всю условность этого термина, доставшагося новому міру въ наслѣдіе отъ древности, обозначавшей именемъ трехъ странъ свѣта три берега Средиземнаго моря, служившіе поприщемъ греческой и римской цивилизаціи. Не имѣя опредѣленныхъ границъ съ востока, не представляя цѣльнаго типа въ смыслѣ физическихъ особенностей, Европа въ этомъ смыслѣ не можетъ считаться отдѣльнымъ цѣлымъ. Болѣе существенное значеніе имѣетъ это слово въ смыслѣ культурно-исто-

рическомъ. Въ этомъ смыслѣ Европа обнимаетъ собою народы романо-германскіе, которые издавна живутъ одною общею жизнью, имѣютъ общія преданія, получили общее воспитаніе историческое и религіозное, вмѣстѣ пережили феодальный строй, вмѣстѣ несли иго католицизма, (ибо и самъ протестантизмъ мыслимъ только какъ отрицаніе католицизма), вмѣстѣ создавали современную матеріальную цивилизацію; событія политическія, культурныя пріобрѣтенія каждаго изъ народовъ этого цѣлаго отзываются положительно или отрицательно въ жизни другихъ народовъ, къ нему принадлежащихъ. Россія не переживала съ Европою ея исторіи, но, можетъ быть, цивилизацію можно привить, можетъ быть, Россія стала Европою по усыновленію? Европа не желаетъ считать Россію своей, отводитъ ей роль цивилизатора Средней Азіи и пуще всего боится, чтобы она не перебила у Европы тѣхъ странъ, которыя послѣдняя считаетъ поприщемъ своей дѣятельности. Бывали такія столкновенія и между европейскими народами, но каждый изъ нихъ находилъ себѣ сторонниковъ и союзниковъ; мы же находимъ себѣ союзниковъ въ Европѣ только тогда, когда вступаемся за чуждые намъ интересы. Слѣдственно, усыновленія не послѣдовало. Чтобы стать европейцами, намъ предлагаютъ (такова была мысль Чаадаева) отречься отъ всей прошлой нашей жизни, отъ всѣхъ народныхъ началъ. Таково мнѣніе нашихъ западниковъ. Далѣе мы увидимъ, какъ авторъ блистательно доказываетъ невозможность прививки цивилизаціи, а теперь скажемъ, что, правильно отрицая невозможность отреченія отъ своей народности, онъ находитъ еще болѣе несостоятельнымъ такъ-называемый политическій патріотизмъ, который многими у насъ принимается, ибо политическій патріотизмъ защищаетъ только внѣшнее государственное единство, а признаетъ единую культуру. Во имя политическаго патріотизма мы—по справедливому замѣчанію автора—не можемъ требовать преобладанія русской народности на нашихъ окраинахъ, не можемъ, напр., препятствовать онѣмеченію эстовъ и латышей и ополяченію бѣлоруссовъ. „Политическій патріотизмъ—говоритъ авторъ—

возможенъ для Франціи, Англіи, Италіи, но не возможенъ для Россіи, потому что Россія и эти страны—единицы не одинаковаго порядка. Онѣ суть только политическія единицы, составляющія части другой высшей культурно-исторической единицы — Европы, къ которой Россія не принадлежитъ по многимъ причинамъ". Да и сама Европа не желаетъ насъ считать своими. Правда ли однако, что цивилизація европейская, какъ твердо вѣритъ сама Европа и какъ хотятъ увѣрить насъ, тождественна съ общечеловѣческой цивилизаціей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ принадлежитъ къ числу самыхъ блестящихъ сторонъ книги Данилевскаго.

Рѣзкія противоположности—вотъ наиболѣе наглядный способъ дѣлать понятными для всѣхъ общіе выводы. Такъ и въ занимающемъ насъ вопросѣ, понятіе прогресса выясняется противопоставленіемъ ему понятія застоя; первый олицетворяется въ Европѣ, второй въ Азіи. Въ отвѣтъ на такой легкій способъ рѣшать затруднительные вопросы авторъ указываетъ на примѣръ Китая, приводимый обыкновенно какъ образецъ полнаго застоя. Настоящему состоянію Китая предшествовала обширная исторія, создавшая своеобразную цивилизацію, плоды которой видны и до сихъ поръ: въ китайскомъ земледѣліи, въ многихъ отрасляхъ промышленности, въ своеобразной этикѣ и т. д. Китай склонился къ упадку по естественному закону, осуждающему все живое на старость и смерть. Также старилась и влачила свое существованіе Византія послѣ своего великаго подвига—утвержденія православной догматики. Такимъ образомъ, и прогрессъ не сосредоточивается въ Европѣ, и застой не олицетворяется Азіей. Способность народовъ къ развитію опредѣляется разными условіями, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Главную причину образованія невѣрнаго пониманія, что такое прогрессъ, авторъ справедливо видитъ въ томъ, что до сихъ поръ въ исторіи господствуетъ искусственная система, а не естественная. Ему, какъ естествоиспытателю, ясно, что искусственная система является прежде естественной, является вслѣдствіе потребности нашего ума такъ или иначе распре-

дѣлить накопившіяся знанія, ибо, безъ распредѣленія, знанія не могутъ держаться въ памяти. Такимъ образомъ, искусственная система есть твореніе нашего ума, естественная—плодъ продолжительныхъ наблюденій надъ фактами. Въ основу первой кладется какой-нибудь случайный признакъ, въ основу второй—существенный. Требованія естественной системы авторъ опредѣляетъ такъ: „1) Принципъ дѣленія долженъ обнимать собою всю сферу дѣлимаго, входя въ нее какъ наисущественнѣйшій признакъ. 2) Всѣ предметы или явленія одной группы должны имѣть между собою бо̀льшую степень сродства, чѣмъ съ явленіями или предметами, отнесенными къ другой группѣ. 3) Группы должны быть однородны, т. е., степень сродства, соединяющая ихъ членовъ, должна быть одинакова въ одноименныхъ группахъ".

Прилагая высказанныя имъ логическія правила къ существующему дѣленію исторіи, Данилевскій находитъ это дѣленіе вполнѣ несостоятельнымъ. Извѣстно, что исторія дѣлится на древнюю, среднюю, новую; иные прибавляютъ еще въ началѣ древнѣйшую и въ концѣ—новѣйшую. Такое дѣленіе не соотвѣтствуетъ первому правилу потому, что признакъ дѣленія выбранъ несущественный: паденіе западной Римской Имперіи не имѣетъ никакого значенія для Китая, Индіи; если принять за признакъ проповѣдь христіанства, то придется раздѣлить на двѣ части исторію Рима; то же слѣдуетъ сказать о всякой грани, дѣлящей среднюю исторію отъ новой, ибо всякая такая грань рѣжетъ по живому исторію романо-германскихъ народовъ. Дѣленіе это не удовлетворяетъ и второму логическому требованію, ибо соединяетъ разнородныя явленія въ одну группу: народы древняго востока съ греками и римлянами, арабовъ съ романо-германцами и т. п., вслѣдствіе этого такое дѣленіе не удовлетворяетъ и третьему логическому требованію.

Взамѣнъ этого, такъ сказать, прямолинейнаго дѣленія, Данилевскій предлагаетъ другое, основанное на аналогіи съ науками естественными, уже принявшими естественную систему,—дѣленіе по типамъ организаціи. „Эти типы—говоритъ онъ—не суть ступени развитія въ лѣстницѣ постепеннаго

усовершенствованія существъ (ступени, такъ сказать, іерархически подчиненныя одна другой), а совершенно различные планы, въ которыхъ своеобразнымъ путемъ достигается доступное для этихъ существъ разнообразіе и совершенство формъ,—планы, собственно говоря, не имѣющіе общаго знаменателя, черезъ подведеніе подъ который можно бы было проводить между существами (разныхъ типовъ) сравненіе для опредѣленія степени ихъ совершенства. Это, собственно говоря, величины несоизмѣримыя". Дѣленіе же по ступенямъ развитія или по возрастамъ авторъ допускаетъ только внутри каждаго типа. Такимъ образомъ каждый изъ нихъ имѣетъ свою древнюю, свою среднюю и свою новую исторію. Выгоды такого построенія исторіи несомнѣнны: какъ въ разнообразіи типовъ растеній и животныхъ сказывается все разнообразіе природы, такъ въ разнообразіи типовъ культурныхъ сказывается все богатство человѣческаго духа. Принимая дѣленіе искусственное, допускаютъ то предположеніе, что въ извѣстное время стоитъ во главѣ цивилизаціи одинъ или нѣсколько народовъ, принявшихъ въ себя всю цивилизацію предшествующую и передающихъ ее другому: quasi cursores vitai lampada tradunt, что такая передача однако можетъ остановиться, если цивилизація достигнетъ такого совершенства, что можетъ обезпечить себя отъ смерти, ибо смерть является въ этомъ ученіи не результатомъ естественныхъ условій организма, а слѣдствіемъ несовершенства извѣстной степени цивилизаціи. Европа, оградившая свою цивилизацію съ одной стороны результатомъ своихъ техническихъ успѣховъ, которые защищаютъ ее усовершенствованнымъ оружіемъ отъ новыхъ варваровъ, даютъ возможность при дальнѣйшемъ развитіи и жить трудомъ, и пользоваться капиталомъ, съ другой—книгопечатаніемъ и популяризаціей науки, назначеніе которыхъ предотвратить на будущее время возможность паденія цивилизаціи, можетъ не бояться смерти. Полагаютъ также, что постепенное развитіе государственныхъ учрежденій должно мало-по-малу удовлетворить всѣхъ обдѣленныхъ и создать царство Божіе на землѣ. Но вѣдь и Римъ вѣрилъ въ свою вѣчность, и Рим-

ская Имперія, казалось, должна была водворить миръ на землѣ. Для непредубѣжденнаго взгляда не все въ европейской цивилизаціи кажется такимъ, какимъ является глазамъ ея ревностныхъ поклонниковъ; ясно, что цивилизація главнымъ образомъ матеріальная, что „душа убываетъ", какъуже замѣтили проницательнѣйшіе изъ европейцевъ [1]) да и общественный бытъ Европы, созданный борьбою, до сихъ поръ продолжается борьбою и, весьма вѣроятно, грозитъ катастрофой. Высокомѣрное отношеніе европейца ко всѣмъ другимъ народамъ чувствуется постоянно, такъ называемая ширина цивилизаціи не излѣчила его отъ этого недостатка, наслѣдія всего его историческаго воспитанія. Вспомнимъ слова Тютчева:

Давно на почвѣ европейской,
Гдѣ ложь такъ пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:
Для нихъ—законъ и равноправность,
Для насъ насилье и обманъ..
И закрѣпила стародавность
Ихъ, какъ наслѣдіе славянъ

Берлинскій трактатъ, клеветы на Россію, процессы о. Наумовича, д-ра Живнаго, и т. д. и т. д. постоянно напоминаютъ вѣрность этихъ словъ. И въ народахъ ложь и насиліе находятъ себѣ наказаніе, какъ и въ отдѣльныхъ людяхъ, хотя бы и нескоро.

Авторъ указываетъ слѣдующіе культурно-историческіе типы, уже высказавшіеся въ исторіи: 1) египетскій, 2) китайскій, 3) ассирійско-вавилонско-финикійскій, халдейскій

---

[1]) У Поля Бурже, мы встрѣтили любопытныя слова: „по всей вѣроятности, существуетъ такой законъ, въ силу котораго варварскія общества стремятся изъ всѣхъ силъ къ такому состоянію ума, которое они называютъ „цивилизованнымъ"; тотчасъ же по достиженіи этого состоянія въ нихъ замѣчается изсяканіе источниковъ жизни. У восточныхъ народовъ существуетъ поговорка: „когда домъ отстроятъ, въ него входитъ смерть"—пусть по крайней мѣрѣ эта неизбѣжная гостья найдетъ нашъ домъ убраннымъ цвѣтами".

или древне-семитическій, 4) индійскій, 5) иранскій, 5) еврейскій, 7) греческій, 8) римскій, 9) ново-семитическій или аравійскій и 10) романо-германскій или европейскій. Авторъ полагаетъ возможнымъ прибавить еще недоразвившійся мексиканскій и перуанскій. Эти культурные типы не исчерпываютъ однако всего круга историческихъ явленій. Ихъ дѣйствіе положительно, но еще существуютъ дѣятели отрицательные, нѣчто въ родѣ—небесныхъ феноменовъ (кометъ, аэролитовъ и т. п. въ астрономіи). Таковы гунны, монголы и т. п. Есть еще племена, которыя, „потому ли что самобытность ихъ прекращается въ чрезвычайно ранній періодъ ихъ развитія или по другимъ причинамъ", являются только этнографическимъ матеріаломъ, входящимъ въ образованіе культурныхъ народовъ, таковы финны и многіе другіе.

Изъ группировки народовъ по культурно-историческимъ типамъ вытекаютъ, по мнѣнію Данилевскаго, слѣдующіе законы, которые мы изложимъ его собственными словами:

„*Законъ* 1. Всякое племя или семейство народовъ, характеризуемое отдѣльнымъ языкомъ или группою языковъ, довольно близкихъ между собою для того, чтобы сродство ихъ ощущалось непосредственно, безъ глубокихъ филологическихъ изысканій — составляетъ самобытный культурно-историческій типъ, если оно вообще, по своимъ духовнымъ задаткамъ, способно къ историческому развитію и вышло уже изъ младенчества.

„*Законъ* 2. Дабы цивилизація, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиться, необходимо, чтобы народы, къ нему принадлежащіе, пользовались политическою независимостью.

„*Законъ* 3. Начала цивилизаціи одного культурно-историческаго типа не передаются народамъ другаго типа. Каждый типъ вырабатываетъ ее для себя, *при большемъ или меньшемъ вліяніи чуждыхъ, ему предшествовавшихъ или современныхъ, цивилизацій* [1]).

---

[1]) Изъ подчеркнутыхъ словъ видно, что теорія Данилевскаго не исключаетъ возможности распространенія внѣнародныхъ религій (христіанства, буддизма, ислама). Дѣло въ томъ, что и эти религіи,

„*Законъ* 4. Цивилизація, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигаетъ полноты, разнообразія и богатства, когда разнообразны этнографическіе элементы, его составляющіе,—когда они, не будучи поглощены однимъ политическимъ цѣлымъ, пользуясь независимостью, составляютъ федерацію, или политическую систему государства.

„*Законъ* 5. Ходъ развитія культурно-историческихъ типовъ всего ближе уподобляется тѣмъ многолѣтнимъ одноплоднымъ растеніямъ, у которыхъ періодъ роста бываетъ неопредѣленно продолжителенъ, но періодъ цвѣтенія и плодоношенія—относительно коротокъ и истощаетъ разъ навсегда ихъ жизненную силу".

Первые два закона авторъ поясняетъ тѣмъ фактомъ, что каждая изъ выше названныхъ культуръ принадлежитъ одному племени [1]).

Изъ племенъ арійскихъ только одно племя кельтское не достигло самостоятельной культуры, но это потому, что рано потеряло политическую самостоятельность. Культура славянская принадлежитъ будущему.

Въ объясненіе третьяго закона авторъ приводитъ тѣ факты, что древнѣйшія цивилизаціи, если и распространялись, то только между племенами родственными. Такъ, напр., цивилизація Карѳагена не передалась Нумидійцамъ. Цивилизація Греціи распространялась только на греческія колоніи. Такъ было и съ такъ называемой элленизаціей востока послѣ Александра Македонскаго: Александрійская образованность

даже само христіанство принимается каждымъ народомъ, какъ онъ можетъ ихъ принять. Различіе католицизма отъ православія произошло отъ различія западной Европы отъ восточной. То же слѣдуетъ сказать и о буддизмѣ: конечно, ламаизмъ не похожъ на буддизмъ первоначальный. Быть можетъ, въ различіяхъ суннитовъ отъ шіитовъ можно подыскать тоже народную основу.

[1]) Культура европейская, представляемая племенами романскими и германскими, противорѣчитъ только повидимому этому положенію. Ибо романскія племена образовались при большемъ или меньшемъ участіи германскихъ элементовъ; затѣмъ они жили одною исторической жизнью.

представлялась главнымъ образомъ греками и составляла продолженіе греческой цивилизаціи. Правда, что греки передали свою цивилизацію римлянамъ, но вліяніе грековъ на римлянъ было во многомъ, напр., въ нравственномъ отношеніи совсѣмъ не благотворно, а въ отношеніи наукъ и искусствъ тѣ отрасли, въ которыхъ римляне подчинились грекамъ, были менѣе плодотворны и возвышенны, чѣмъ тѣ, гдѣ римляне остались римлянами (въ правѣ, исторіографіи, сатирѣ, элегіи, отчасти въ архитектурѣ: колосей и пантеонъ). Римляне имѣли не болѣе успѣха: народы, ими покоренные, латинизировались, потеряли свою національность, и выходившіе изъ ихъ среды дѣятели сдѣлались вкладчиками римской цивилизаціи. Это объясняютъ насильственностью культурнаго вліянія римлянъ, но безплодными остались и готы, принявшіе римскую цивилизацію уже послѣ паденія Имперіи. Такимъ образомъ, авторъ отвергаетъ пересадку цивилизаціи одного народа къ другому, но, какъ мы уже видѣли, прямо признаетъ, что цивилизаціи возникающія развиваются подъ бо́льшимъ или меньшимъ вліяніемъ предшествующихъ или современныхъ цивилизацій. Это обстоятельство вызываетъ его на обстоятельный анализъ тѣхъ способовъ, которыми цивилизація передается. Первымъ способомъ является *колонизація*; но при колонизаціи развитіе совершается только между колонистами; туземцы же или истребляются, или обращаются въ этнографическій матеріалъ. Второй способъ *прививка*, но при садовой прививкѣ привитой глазокъ продолжаетъ жить своею жизнью, а дичокъ своей. Такимъ глазкомъ была Александрія въ Египтѣ и римская культура въ Галліи. Ни изъ того, ни изъ другаго опыта не вышло пользы ни Египту, ни Галліи. Третій способъ вліянія авторъ сравниваетъ съ вліяніемъ почвы на растительный организмъ, или улучшеннаго питанія на организмъ животный. Таково вліяніе Египта и Финикіи на Грецію, Римъ, на народы германо-романскіе. Организмъ сохраняетъ свою образовательную дѣятельность, онъ только питается результатами чужой дѣятельности и перерабатываетъ ихъ по-своему. При такомъ отношеніи народовъ заимствуются отъ

другихъ результаты ихъ опыта: выводы науки, успѣхи техники и т. п., но сохраняется своя религія, свой бытъ, свои учрежденія. Вотъ почему все, что относится до познанія человѣка и общества, а въ особенности до практическихъ примѣненій этого познанія, можетъ быть только принято къ свѣдѣнію.

Четвертый историческій законъ, выводимый Данилевскимъ, состоитъ въ томъ, что цивилизація тѣмъ полнѣе, чѣмъ разнообразнѣе, независимѣе ея составные элементы, т. е., народности, входящія въ культурно-историческій типъ. Самыми полными цивилизаціями изъ доселѣ бывшихъ являются цивилизаціи греческая и европейская. И та и другая представляютъ разнообразіе элементовъ. Въ Греціи племена: дорическое, іоническое, эолическое; въ Европѣ съ одной стороны племена германскія, съ другой романскія. Къ сожалѣнію Греція была слишкомъ раздроблена и окончила чужеземнымъ игомъ; въ Европѣ же подчиненныя общему типу единицы представляютъ достаточную силу; только двѣ изъ подчиненныхъ общему типу народностей представляли слишкомъ большое раздробленіе: Германія и Италія, и тѣ теперь объединились. Какія же народности должны слиться въ одно цѣлое, какія должны образовать собою или федерацію или политическую систему? Авторъ указываетъ на то, что грань положена самой природою: народности, нарѣчія которыхъ такъ близки, что не составляютъ затрудненія для взаимнаго общенія (великоруссы, мало- и бѣлоруссы), должны составлять одно политическое цѣлое; народы же, хотя и принадлежащіе къ одному лингвистическому семейству, но имѣющіе отдѣльные языки, должны составлять или федерацію или систему государствъ. Связь такая не должна простираться за предѣлы извѣстнаго культурнаго типа, ибо такая связь требуетъ въ нѣкоторой степени подчиненія отдѣльныхъ интересовъ общимъ; такъ народы Греціи, кромѣ своихъ отдѣльныхъ интересовъ, должны были имѣть въ виду интересы Греціи, а для народовъ европейскихъ интересъ европейскій—не пустое слово. Не таково отношеніе культурныхъ типовъ къ интересамъ

общечеловѣческимъ: каждая культурная группа можетъ сознавать только свой интересъ, общечеловѣческій же знаетъ олько Богъ; ему и принадлежитъ веденіе дѣлъ человѣчества.

Пятый законъ состоитъ въ томъ, что „періодъ цивилизаціи каждаго типа сравнительно очень коротокъ, истощаетъ его силы и вторично ке возвращается“. Періоду цивилизаціи предшествуетъ длинный періодъ этнографическій, когда народы выдѣляются, образуютъ свои особенности, создаютъ государство, заготовляютъ силы для будущей дѣятельности. Въ періодъ цивилизаціи происходитъ растрата этихъ силъ, народы выражаютъ свои особенности, въ чемъ и состоитъ прогрессъ человѣчества, который въ сущности есть всестороннее раскрытіе богатствъ человѣческаго духа. Если каждый типъ представляетъ собою нѣкотораго рода ограниченность, то онъ и не можетъ развиваться вѣчно, а долженъ найдти себѣ предѣлъ. Такъ, главное содержаніе греческой цивилизаціи—искусство, въ немъ эллины во многихъ отношеніяхъ достигли совершенства, которое превзойти невозможно; характеромъ европейской цивилизаціи является положительная наука и т. д. Переходъ изъ періода этнографическаго въ періодъ культурный обусловливается однимъ или нѣсколькими внѣшними толчками: у грековъ—нашествіе Гераклидовъ повело къ образованіе государствъ, столкновеніе съ Востокомъ дало начало періоду цивилизаціи; у израиля борьба съ ханаанскими племенами была поводомъ къ образованію государства, а противодѣйствіе сосѣднимъ культурамъ повело къ развитію пророческой культуры и т. д. Изъ всего этого изложенія авторъ выводитъ, что доселѣ развитіе человѣчества совершалось посредствомъ культурно-историческихъ типовъ. Для доказательства, что оно иначе идти не можетъ, онъ обращается къ разсмотрѣнію вопроса объ отношеніи общечеловѣческаго къ народному.

Обыкновенно дѣло представляется такъ, что народность есть нѣчто узкое, отъ чего можно освободиться и перейти къ болѣе широкому; по мѣткому сравненію Данилевскаго:

народности сообразно этому взгляду, „рядъ обнесенныхъ заборами двориковъ или клѣтокъ, окружающихъ обширную площадь, на которую можно выйдти, лишь разломавъ перегородки“. Таково воззрѣніе нашихъ западниковъ 30 и 40-хъ годовъ. Источники его авторъ видитъ въ германской философіи, стремящейся все свести къ абсолюту, и французскомъ соціализмѣ, мечтавшемъ объ единообразномъ устройствѣ всего міра. Эти двѣ доктрины возвышались, казалось, надъ узкой національностью—тогда еще никому не приходило въ голову, до чего онѣ сами національны: Гегель могъ родиться только въ Германіи, ибо нѣмцы способнѣе всякихъ другихъ народовъ къ смѣлымъ теоретическимъ построеніямъ; соціализмъ же есть порожденіе французскаго духа: соціализмъ подчиняетъ личность государству—таково всегдашнее настроеніе французовъ, таковы они были и въ монархіи Людовика XIV, и въ республикѣ конвента. Сами славянофилы, по замѣчанію Данилевскаго, не чужды той мысли, что славянство призвано рѣшить общечеловѣческую задачу, не чужды потому, что въ значительной степени воспитались подъ вліяніемъ германской философіи. Но такой общечеловѣческой задачи, которую могло бы одно племя рѣшить конкретнымъ образомъ для всѣхъ другихъ племенъ, не существуетъ. „Задача человѣчества—говоритъ Данилевскій—состоитъ ни въ чемъ другомъ, какъ въ проявленіи, въ разныя времена и разными племенами, всѣхъ тѣхъ сторонъ, всѣхъ тѣхъ особенностей, которыя лежатъ виртуально (въ возможности, in potentia) въ идеѣ человѣчества“. Какъ естествоиспытатель, авторъ прибѣгаетъ для подкрѣпленія своей мысли къ аналогіи, показывая, что ни одна форма ни растительная, ни животная не заключаетъ въ себѣ совершенствъ ни растительнаго, ни животнаго царства. Такъ, человѣкъ уступаетъ многимъ животнымъ въ способности двигаться: птицамъ, рыбамъ; органы пищеваренія совершеннѣе у коровы или лошади; зрѣніе лучше у орла и т. д. Если мы возьмемъ разные возрасты человѣка, то ни одинъ изъ нихъ не выражаетъ вполнѣ человѣка: память сильнѣе въ дѣтствѣ, опытность принадлежитъ старости и т. д., слѣдственно, и человѣкъ мо-

жетъ быть вполнѣ человѣкомъ только въ сознаніи своей индивидуальности. Такъ и человѣчество можетъ сознавать себя цѣлымъ только въ идеалѣ, какъ соединеніи всѣхъ отдѣльныхъ проявленій, выражающихся въ отдѣльныхъ культурныхъ типахъ. Человѣчество есть родъ, отдѣльные народы—виды этого рода, потому, для болѣе вразумительнаго уясненія взаимнаго отношенія этихъ понятій, авторъ обращается къ разъясненію отношеній между родомъ и видомъ. Онъ беретъ для примѣра одинъ растительный родъ—малину и одинъ животный родъ — кошку, и показываетъ, что для образованія понятія рода слѣдуетъ отбросить отъ понятія вида всѣ видовыя особенности, и образуется понятіе слишкомъ общее — обще-видоваго. Слѣдственно, родъ осуществляется въ видахъ, и только при соединеніи видовыхъ признаковъ является у насъ понятіе *всевидоваго*, которое шире и выше каждаго вида въ отдѣльности, но которое выражается въ дѣйствительности въ отдѣльныхъ видахъ. Такъ и человѣчество выражается въ отдѣльныхъ племенахъ, образующихъ культурно-историческіе типы. Изъ соединенія ихъ можетъ выйдти понятіе *всечеловѣческаго*, которое содержаніемъ полнѣе понятія *общечеловѣческаго*, совершенно лишеннаго конкретныхъ чертъ. Эпиграфъ, поставленный авторомъ въ заголовкѣ этой главы наглядно выражаетъ его мысль: $a+b>a$. Такимъ образомъ *общечеловѣческой* цивилизаціи не существуетъ, а *всечеловѣческая* выражается въ отдѣльныхъ культурно-историческихъ типахъ.

Переходя къ славянству, мы должны признать, что, составляя отдѣльную группу народовъ, оно или должно выразиться въ особомъ культурно историческомъ типѣ, или обратиться въ этнографическій матеріалъ. Передача цивилизаціи одного культурнаго типа другому, какъ мы уже видѣли, невозможна. Возвращаясь снова къ этому вопросу, авторъ указываетъ на то, что принятіе западной цивилизаціи исказило образъ Польши, что Чехія выдвигается только попытками сбросить это иго (гусситство, панславитское движеніе). Все это разсужденіе приводитъ автора къ такому выводу: „для всякаго славянина: русскаго, чеха, серба, хорвата,

словенца, словака, болгарина (желалъ бы прибавить и поляка) послѣ Бога и Его святой церкви—идея славянства должна быть высшею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвѣщенія, выше всякаго земнаго блага", ибо эти блага, по вѣрному мнѣнію автора, суть результаты народной самостоятельности.

Авторъ предвидитъ, что мнѣніе его о необходимости выступленія новаго культурнаго типа должно встрѣтить сильныя возраженія и спѣшитъ заранѣе отвѣтить на нихъ. Прежде всего, указывая на блестящее развитіе современной науки, выражаютъ сомнѣніе въ томъ, нужна ли новая культура, когда наука постоянно движется впередъ. Данилевскій, не отрицая возможности дальнѣйшаго развитія науки европейскими народами, а также и возможности пользоваться результатами ихъ трудовъ народамъ новаго типа, указываетъ, какъ условія неизбѣжности новаго типа культуры, на то, что для дальнѣйшаго развитія цивилизаціи необходима перемѣна направленія, обрѣтеніе новаго предмета дѣятельности. Бывали примѣры культуры, не имѣющей своей собственной научной дѣятельности. Такова была культура Рима и даже вообще для самихъ народовъ, составляющихъ культурный типъ, практическая дѣятельность ихъ государственныхъ людей кажется выше ихъ умственной жизни. Но для потомства односторонняя и бѣдная жизнь, лишенная собственнаго научнаго развитія, кажется ниже жизни народовъ, блестящихъ наукою и искусствомъ. Такой жизни мы не можемъ желать будущей славянской культурѣ. Въ способности славянъ къ искусству сомнѣваться нечего: она доказана исторіей; но можетъ ли быть внесено что-нибудь новое въ науку? Это вызываетъ автора на обширное разсмотрѣніе вопроса о народности въ наукѣ, много лѣтъ тому назадъ поставленнаго у насъ славянофилами и вызвавшаго тогда сильныя пренія. Постараемся вкратцѣ изложить оригинальное и, по нашему мнѣнію, вполнѣ убѣдительное разсужденіе Данилевскаго по этому вопросу. Истина—говорятъ—одна, и потому наука должна быть для всѣхъ одна и та же. Данилевскій видитъ здѣсь недоразумѣніе. Истина, по его опредѣленію,

„есть знаніе существующаго именно такимъ, какимъ оно существуетъ“. Слѣдовательно, здѣсь два элемента: дѣйствительность и отраженіе ея въ нашемъ сознаніи. Полное отраженіе дѣйствительности въ человѣческомъ сознаніи невозможно, по самому свойству сознанія, которое ограничено и личными, и національными особенностями: люди имѣютъ разный взглядъ на одни и тѣ же предметы, по своимъ личнымъ свойствамъ (Соловьевъ и Погодинъ) и по своимъ національнымъ особенностямъ (Кювье и Океnъ). Конечно, примѣсь личныхъ и національныхъ особенностей оставляетъ всегда въ результатѣ примѣсь нѣкоторой лжи къ истинѣ, но это вызываетъ на новый пересмотръ вопроса, ведущій къ удаленію всего лишняго. Съ другой стороны важно и то, что взглядъ на дѣло каждаго изслѣдователя, благодаря именно его личнымъ и національнымъ особенностямъ, открываетъ намъ новыя стороны. Личныя и національныя особенности сказываются не только въ особенностяхъ взгляда на предметы, но также и въ выборѣ тѣхъ или другихъ предметовъ изученія: есть люди, неспособные къ математикѣ; таковы большинство художниковъ; есть люди не понимающіе исторіи. Тоже бываетъ и у народовъ: здравый смыслъ французовъ сказывается въ ихъ успѣхахъ въ математикѣ, способность къ абстрактному мышленію нѣмцевъ даетъ имъ перевѣсъ въ философіи, въ сравнительномъ языкознаніи; практичность англичанъ сказалась въ созданіи политической экономіи и т. д. Само собой ясно, что чѣмъ точнѣе устанавливаются техническіе пріемы въ какой-нибудь наукѣ, чѣмъ болѣе успѣхи ея зависятъ отъ техническихъ пріемовъ, тѣмъ менѣе сказывается народность въ ея развитіи. Но и здѣсь, однако, есть доступъ народнымъ свойствамъ: пластически настроенные греки обращались въ математикѣ къ геометрическому способу, болѣе абстрактные индусы—къ аналитическому. Само собой ясно, что чѣмъ сложнѣе предметъ науки, чѣмъ менѣе строго точны ея пріемы, тѣмъ болѣе открывается доступа личнымъ и народнымъ особенностямъ: такъ на принципѣ борьбы и конкурренціи, столь дорогомъ для англичанина, въ жизни ко-

тораго такъ развито начало личности, а слѣдственно и борьбы, англичане построили три теоріи: Гоббесъ теорію общества, (bellum omnium contra omnes), Адамъ Смитъ—теорію политической экономіи (экономическая конкурренція), Дарвинъ—теорію біологіи (борьба за существованіе). Экономическія и соціалистическія теоріи французовъ требуютъ сильнаго участія государства въ личной дѣятельности—это, очевидно, особенность національнаго развитія французовъ. Въ развитіи наукъ (до сихъ поръ преимущественно естественныхъ) замѣчено нѣсколько стадій: собираніе фактовъ, искусственная система, естественная система, періодъ частныхъ эмпирическихъ законовъ, періодъ общаго раціональнаго закона. Конечно, не всѣ науки прошли эти стадіи, но нѣкоторыя уже достигли высшаго развитія. Намъ невозможно вдаваться въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, такъ полно и обстоятельно изложеннаго у Данилевскаго, мы укажемъ только, что онъ подмѣтилъ участіе національности и въ этомъ движеніи науки: такъ участіе нѣмцевъ сильнѣе въ созданіи искусственныхъ системъ по бо̀льшей склонности ихъ къ абстрактности; въ созданіи естественныхъ системъ болѣе другихъ народовъ приняли участіе французы, что̀ вполнѣ объясняется ихъ народнымъ характеромъ. И такъ, національность болѣе или менѣе сказывается въ развитіи наукъ вообще; болѣе же всего должна она сказаться въ развитіи наукъ общественныхъ, которыя основаны на изученіи явленій общественнаго быта, гдѣ наиболѣе рѣзко выражаются національныя особенности. Это мы видимъ, сопоставляя взгляды англичанъ и французовъ на явленія общественной жизни.

Разсужденія автора, до сихъ поръ изложенныя нами, имѣли цѣлію показать, что развитіе человѣчества совершается через посредство культурно-историческихъ типовъ. Однимъ изъ такихъ типовъ можетъ быть славянскій; но эта возможность только предполагалась, остается разсмотрѣть особенности славянскаго племени, чтобы на основаніи ихъ опредѣлить способность этого племени къ созданію своей культуры. Не приступая еще къ такому разсмотрѣнію, авторъ за-

даетъ вопросъ, точно ли западная культура приближается къ концу? Вопросъ этотъ былъ выраженъ первыми славянофилами, въ болѣе рѣзкой формѣ: „гніетъ ли западъ?“ Оттого эти слова и стоятъ заголовкомъ соотвѣтствующей главы въ книгѣ Данилевскаго. Предварительно замѣчаетъ онъ однако, что въ исторіи были примѣры существованія двухъ или болѣе параллельныхъ культуръ, что наконецъ идеальнымъ порядкомъ на землѣ былъ бы тотъ, когда всѣ культуры возникли бы одновременно, но такого порядка не было, да и не могло быть потому что, одновременно возникнувъ, онѣ должны были бы и одновременно погибнуть. А исторія учитъ насъ тому, что культуры гибнутъ, какъ гибнетъ все земное. На вопросъ, *почему* гибнутъ, мы также мало можемъ дать отвѣтъ, какъ и на вопросъ, почему люди должны стариться и умирать, мы только знаемъ фактъ и можемъ опредѣлить, *какъ* онъ совершается. Мы видимъ, что культуры достигаютъ своего высшаго пункта, держатся на немъ нѣкоторое время и потомъ начинаютъ падать. Для уясненія этого процесса авторъ прибѣгаетъ къ сравненіямъ: солнце стоитъ въ своей высшей точкѣ въ полдень, оно начинаетъ склоняться къ западу, а результатъ его восхожденія—теплота—возрастаетъ еще часа два, три. Лѣтнее солнцестояніе падаетъ на іюнь мѣсяцъ, а результаты его относительно температуры достигаютъ своей высоты въ іюлѣ или августѣ; а въ жизни растительной высказываются эти результаты или въ то же время, или позже. Въ жизни отдѣльнаго человѣка полнота физическихъ и нравственныхъ силъ достигается около 30 лѣтняго возраста, а самые обильные плоды приносятъ онѣ не ранѣе сорока лѣтъ, когда уже начинаютъ клониться къ упадку. Въ развитіи языковъ замѣчаютъ филологи, что они достигли высшаго развитія ранѣе того періода, когда они дѣлаются извѣстными намъ, а развитіе литературы является еще позднѣе; полное развитіе, напр., славянскихъ литературъ, вѣроятно, и теперь еще не наступило. То же замѣчается и въ исторіи культуры: высшее развитіе греческой культуры—вѣкъ Перикла, но паденіе Греціи начинается съ пелопонезской войны; время процвѣтанія наукъ начинается отъ

Аристотеля и продолжается въ Александріи. Въ Римѣ вѣкъ просвѣщенія начинается съ Августа до Антониновъ; право—высшій цвѣтъ римскаго духа, продолжаетъ развиваться и въ Византіи, а между тѣмъ внутренняя болѣзнь Рима обнаруживается еще въ вѣкъ Гракховъ. Въ Индіи творческій періодъ относится къ эпохѣ покоренія при-Гангскихъ странъ, а время цвѣтенія къ эпохѣ Викромадитьи (въ началѣ нашей эры). Такимъ образомъ, изъ этихъ примѣровъ видно, что высшей точкой развитія является творческая эпоха, создающая цивилизаціонныя силы, затѣмъ идетъ время процвѣтанія искусствъ и философіи, а затѣмъ выростаетъ положительная наука, характеризующая то время „когда творческія общественныя силы уже довольно далеко оставили за собой эпоху своего лѣтняго солнцестоянія“. Въ Европѣ творческій періодъ въ литературѣ, искусствѣ—XVI в., время развитія положительной науки—XIX в. Германія, благодаря тридцатилѣтней войнѣ нѣсколько отставшая и потому спѣшившая догнать, не можетъ считаться противорѣчіемъ. Конечно, нельзя съ полною достовѣрностью сказать, достигла ли Европа поздняго лѣта или ранней осени, но во всякомъ случаѣ она пережила уже время лѣтняго солнцестоянія.

Указавъ неизбѣжность появленія новаго культурнаго типа, Данилевскій переходитъ къ вопросу о томъ, имѣетъ ли славянское племя въ себѣ черты, условливающія образованіе изъ него такого типа. По замѣчанію автора, черты различія народностей, образующихъ особые типы, распредѣляются по тремъ разрядамъ: 1) этнографическія особенности (психическій строй), 2) различіе въ высшемъ духовномъ началѣ (религіозномъ), 3) различіе историческаго воспитанія (условія исторической жизни). По этимъ тремъ разрядамъ авторъ указываетъ различіе народовъ славянскихъ отъ германскихъ.

Переходя къ различіямъ въ психическомъ строѣ, авторъ останавливается предварительно на предполагаемомъ дѣленіи народовъ на высшіе и низшіе, на основаніи строенія черепа, дѣленія Ратціуса—но мы не будемъ слѣдить за остроумными соображеніями Данилевскаго, скажемъ только, что

онъ отстраняетъ это дѣленіе, какъ слишкомъ искусственное, и, дѣйствительно, на его основаніи приходится самихъ нѣмцевъ раздѣлить на два племени: длинноголовое—сѣверное и короткоголовое—южное. Отличительными чертами психическаго строя народа авторъ справедливо считаетъ черты, проходящія черезъ всю его исторію. Такою чертою въ исторіи запада является чрезмѣрное развитіе личности и слѣдствіе его—насильственность. Черты эти проявляются прежде всего въ религіозной нетерпимости: первый примѣръ сожженія еретиковъ поданъ былъ сожженіемъ въ 395 г. испанскихъ еретиковъ въ Бордо. Самое внесеніе въ символъ filioque совершилось подъ вліяніемъ Карла, стремившагося создать государственную церковь, которая отдѣлилась бы отъ вселенскаго единства, подъ главенствомъ папы, а папу онъ считалъ возможнымъ подчинить себѣ. Его поддержало духовенство, папа уступилъ; но впослѣдствіи папы сами явились носителями того же насильственнаго настроенія. Одни они не могли однако дѣйствовать и встрѣчали себѣ постоянно и опору, и основу въ настроеніи народовъ: христіанство распространялось между язычниками огнемъ и мечемъ. Сожженіе еретиковъ, ужасы Варѳоломеевской ночи находили себѣ сторонниковъ и орудія. Протестанты съ своей стороны не отрѣшились отъ того же духа нетерпимости: Кальвинъ сжигаетъ Сервета; англиканизмъ утверждается казнями. Впослѣдствіи наступила терпимость, но эта терпимость была результатомъ религіознаго индифферентизма, да и при наступленіи ея видимъ въ періодъ французской революціи насилія надъ священниками, не принесшими гражданской присяги.

Тѣ же черты сказываются въ испанскихъ и португальскихъ искателяхъ приключеній въ Америкѣ, въ торговлѣ неграми и въ современномъ такъ-называемомъ наймѣ кулієвъ. Во французской революціи насильственность проявляется яркими, для всѣхъ очевидными, чертами. Когда снова выступаютъ на первый планъ интересы торговли, мы встрѣчаемъ войну Англіи съ Китаемъ, имѣвшую цѣлію ввезти опіумъ въ Китай. Развѣ это не та же насильственность? Со-

противленіе освобожденію славянъ и поддержаніе Турціи является тоже результатомъ эгоистическихъ интересовъ, даже ложно понятыхъ.

Въ Россіи мы видимъ иное: терпимость къ иновѣрцамъ у насъ явленіе раннее; кровавое преслѣдованіе ересей почти исключеніе. Вспомнимъ, что Іоанна III поощряли къ гоненію примѣромъ „Шпанскаго короля". Гоненіе на раскольниковъ стало болѣе яростнымъ, когда еще при Софіи приписано имъ политическое значеніе. Петръ видѣлъ въ нихъ противниковъ своихъ реформъ; придаваніе имъ политическаго характера продолжалось почти до нашихъ временъ и было причиною многихъ недоразумѣній. Разселеніе русскаго народа на востокѣ совершалось иначе, чѣмъ европейское завоеваніе Южной Америки. Полудикія племена не были обращаемы въ рабство, сохраняли свой бытъ и свою вѣру. Проповѣдь христіанства шла медленно, ибо шла безъ насилія, иногда даже на туземномъ языкѣ (Стефанъ Пермскій) въ то время, когда западъ еще не думалъ о томъ, чтобы прибѣгнуть къ инымъ языкамъ. Отношеніе русскаго народа къ смертной казни тоже замѣчательно: ее отвергалъ св. Владиміръ, ее осуждалъ Мономахъ; по историческимъ обстоятельствамъ она была введена, но и уничтожена въ Россіи (кромѣ исключительныхъ случаевъ) ранѣе, чѣмъ въ Европѣ.

Процессъ историческаго развитія въ Россіи, иной чѣмъ въ Европѣ: перевороту историческому предшествуетъ не агитація интересовъ, представляющихся разными партіями, а внутренній процессъ, совершающійся въ народномъ сознаніи. Самое появленіе государства въ Россіи ознаменовалось знаменательною легендою о призваніи. Можетъ быть, эта легенда невѣрна фактически, но глубоко важна, какъ фактъ народнаго сознанія; христіанство также принято вслѣдствіе сознанія недостатковъ язычества. Существованіе *двоевѣрія*, по мѣткому замѣчанію автора, нисколько не противорѣчитъ его общему положенію: „содержаніе христіанства, говоритъ онъ—по его нравственной высотѣ, безконечно, и вполнѣ едва-ли даже осуществляется и въ отдѣльныхъ, самаго высшаго характера, личностяхъ, не го-

воря уже о цѣлой народной массѣ. Но иное дѣло—полное осуществленіе христіанскаго идеала въ жизни и дѣятельности, иное дѣло болѣе или менѣе ясное сознаніе его превосходства, его властительной силы надъ душою“.

Созданіе московскаго государства было столько же дѣломъ великорусскаго народа, сколько князей, бояръ и святителей, выразившихъ собою обще-народную мысль. Еще очевиднѣе это въ освобожденіи Москвы отъ поляковъ: въ Мининѣ воплотилось народное чувство; оттого такъ полно откликнулся русскій народъ на его призывъ. Самая реформа Петра, о которой авторъ не говоритъ, была выраженіемъ (иногда черезчуръ одностороннимъ) назрѣвшей потребности. Освобожденіе крестьянъ совершилось не только волею Царя-Освободителя, въ которой олицетворялось общественное сознаніе, но и самымъ пробудившимся сознаніемъ. Дворянство, отъ котораго можно было бы ждать противодѣйствія, въ большинствѣ стало пособникомъ реформы. Такая особенность нашего народнаго развитія дѣлаетъ существованіе партій какою-то аномаліею въ Россіи и, дѣйствительно, партій у насъ нѣтъ, а существуютъ только различныя мнѣнія. Изъ того, что называютъ партіями, имѣетъ нѣкоторое подобіе партіи въ европейскомъ смыслѣ такъ называемая партія аристократическая, нѣкогда представлявшаяся газетою „Вѣсть“, да и то потому, что къ ней примѣшивались польскіе паны и нѣмецкіе бароны. Все сказанное относится преимущественно къ Россіи потому, что у другихъ славянъ или остановлено національное развитіе, или искажено чуждою примѣсью.

Такимъ образомъ, развитіе Европейскихъ народовъ основывается на началѣ личности, русское — на началѣ общенародномъ. Начало личности ведетъ къ борьбѣ, заканчивающейся договорами; начало общенародное ведетъ за собою довѣріе. Борьба характеризуется жесткостію въ защитѣ своего права; начало общенародное требуетъ большей мягкости, характеризуется благостью. Намъ кажется, что это соображеніе можетъ связать выводы, сдѣланные Данилевскимъ изъ сравненія нравственныхъ качествъ славянъ

съ германо-романскими народами, съ его раздѣленіемъ нравственныхъ качествъ на три группы: благости, справедливости и чистоты (послѣднее есть совершенство отдѣльнаго человѣка), изъ которыхъ первую онъ приписываетъ славянамъ, а вторую европейцамъ. Данилевскій не сравниваетъ умственныя свойства изучаемыхъ племенъ по молодости науки у славянъ, не сравниваетъ также и свойствъ эстетическихъ потому, что это отвлекло бы далеко отъ предмета.

Вѣроисповѣдное различіе между сравниваемыми народами заключается въ томъ, что русскіе и значительная часть другихъ славянъ исповѣдуютъ православіе, а народы западной Европы—или католицизмъ, или протестантизмъ. Какъ ни важно догматическое различіе между этими различными вѣроисповѣданіями, но еще болѣе важно различіе въ понятіи о церкви. Данилевскій приводитъ глубокомысленное замѣчаніе Хомякова, что ереси восточныя отходятъ отъ православія въ догматическомъ отношеніи, а согласны съ нимъ въ понятіи о церкви, тогда какъ западныя вѣроученія отступаютъ наиболѣе въ понятіи о церкви, что̀ гораздо важнѣе, ибо догматическое недоразумѣніе можетъ имѣть ограниченное вліяніе, а ложное понятіе о церкви искажаетъ все. Церковь въ томъ смыслѣ, въ которомъ понимаетъ ее православное ученіе, т. е., какъ единеніе вѣрующихъ всѣхъ временъ и народовъ подъ главенствомъ Іисуса Христа и водительствомъ Св. Духа, охраняетъ чистоту откровенія, и въ этомъ смыслѣ ей приписывается непогрѣшимость. Церковь является истолковательницею откровенія, составляющаго основу христіанскаго вѣрованія. Чтобы уяснить свою мысль, Данилевскій прибѣгаетъ къ сравненію откровенія съ закономъ, а церкви съ судомъ. Пониманіе закона не можетъ быть предоставлено личному разумѣнію тяжущихся, точно также пониманіе религіозной истины не можетъ быть предоставлено личному разумѣнію вѣрующихъ. Для толкованія закона существуетъ судъ, для толкованія откровенія—церковь. Въ противоположность православному воззрѣнію на церковь являются три другихъ: *католическое*, сосредоточивающее церковь въ лицѣ папы и ему

риписывающее непогрѣшимость; *протестантское*, признаю-
цее мѣриломъ истины личное сознаніе каждаго и *мистиче-
кое*, принадлежащее нѣкоторымъ сектамъ, признающее слу-
аи особаго внушенія Св. Духа, но признакомъ такого вдох-
овенія считающее личное сознаніе. Этимъ оно сближается
ъ ученіемъ протестантскимъ, съ тою только разницею, что
истики, признавая, подобно протестантамъ, мѣриломъ личное
ознаніе, источникомъ этого сознанія считаютъ вдохновеніе,
не личный умъ. Несостоятельность мистическаго воззрѣнія
идна съ перваго взгляда, да къ тому же оно слишкомъ
ало распространено, отчего Данилевскій и не останавли-
ается на немъ. Важнѣе воззрѣніе протестантское. Чтобы
яснить всю несостоятельность протестантскаго воззрѣнія,
тносящагося къ откровенію, какъ къ любой философской
истемѣ, авторъ приводитъ любопытный примѣръ: прези-
ентъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ, Джеферсонъ взялъ
ва экземпляра Евангелія, вырѣзалъ изъ нихъ то, что ему
азалось истиннымъ и наклеилъ въ особую книжку. Такія
ырѣзки умственно дѣлаетъ каждый протестантъ, и оттого
ротестантизмъ ведетъ къ Бюхнеру и т. п., а если и оста-
авливается на пути, то только произвольно, по личнымъ
ображеніямъ. Еще болѣе вниманія авторъ обращаетъ на
атолическое ученіе. Прежде всего онъ указываетъ, что у
амихъ католиковъ нѣтъ согласія въ вопросѣ о томъ, что
ыше папа или соборъ. Онъ признаетъ, однако, что при
атолическомъ ученіи о томъ, что папа есть намѣстникъ
Христа, можно защищать только второе мнѣніе, ибо, если
оборъ выше папы, то можетъ ли онъ утверждать новый
огматъ безъ собора? Такъ, напр., filioque не установлено
икакимъ вселенскимъ соборомъ. Но если папа имѣетъ та-
ой авторитетъ, то кѣмъ онъ ему переданъ? Католики отвѣ-
аютъ: апостоломъ Петромъ. Но извѣстно, что послѣ Петра
ылъ еще живъ апостолъ Іоаннъ; а мы не знаемъ, отрекался
и онъ отъ преемства Петру и было ли даже ему предло-
ено это преемство? Наконецъ, какъ оно передавалось послѣ
Петра? Мы знаемъ, что папы не назначали себѣ преемни-
овъ; знаемъ, что соборъ не всегда присутствовалъ при на-

значеніи новаго папы; а того, чтобы при выборѣ новаго папы совершалось таинственное сошествіе Св. Духа, не утверждають и католики. Такое внутреннее противорѣчіе католицизма усиливается еще внѣшнимъ противорѣчіемъ: папа не можетъ отречься отъ нѣкогда принадлежавшаго ему авторитета и на всѣ требованія новаго времени отвѣчаетъ: non possumus. Католической Европѣ предлежитъ, слѣдовательно, или обратиться снова къ временамъ Григорія VII, или перейдти къ православію или протестантизму, или отдѣлиться отъ церкви. Таковъ смыслъ Кавуровой „свободной церкви въ свободномъ государствѣ“ и знаменитаго изреченія: „La loi est athée“. На первыхъ порахъ не замѣчается, что этимъ не совершается отдѣленіе кесарева отъ Божьяго, а только новое смѣшеніе. Авторъ беретъ въ примѣръ гражданскій бракъ, который есть контрактъ; отчего же этотъ контрактъ не можетъ быть заключенъ на опредѣленный срокъ, отчего нельзя допустить многоженства или многомужія, браки въ близкихъ степеняхъ родства и т. д. Очевидно, что все это находитъ препятствіе въ причинахъ религіозныхъ, а если ихъ нѣтъ, то на чемъ же остановиться?

Иное положеніе православія: оно не отнимаетъ у религіи твердой почвы откровенія, какъ дѣлаетъ протестантство, и не сосредоточиваетъ церкви въ одномъ лицѣ, какъ католицизмъ. Его авторитетъ основался на соборахъ, а рѣшеніе соборовъ скрѣпляется дѣйствіемъ Св. Духа. Видимымъ свидѣтельствомъ служитъ то обстоятельство, что осуждалось соборами, осуждалось вслѣдъ затѣмъ и исторіей: такимъ образомъ истина торжествовала надъ ложью. На практикѣ вопроса о предѣлахъ между кесаревымъ и Божіимъ для православной церкви не существуетъ: „потому—говоритъ авторъ—что сама церковь во всемъ, что до нея касается, непогрѣшимая, никогда не можетъ его переступить; если же переступаетъ государство, то это не болѣе какъ частное и временное насиліе, могущее, правда, причинить бѣдствія или страданія отдѣльнымъ христіанамъ, іерархамъ, даже цѣлымъ народамъ, но совершенно безсильное по отношенію церкви вообще. Свобода ея ненарушима по той простой

причинѣ, что ни для какой земной власти недосягаема. Церковь остается свободною и подъ гоненіями Нероновъ и Діоклетіановъ, и подъ еретическими императорами Византіи, и подъ гнетомъ турецкимъ". На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, Данилевскій находитъ, что участь, грозящая западной Европѣ, не можетъ постигнуть православные народы, пока они держатся православія.

Третью существенную разницу между міромъ Европейскимъ и славянскимъ составляетъ то, что авторъ называетъ ихъ историческимъ воспитаніемъ. Выясненіе того, что онъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ, онъ начинаетъ съ опредѣленія понятія государства. Изъ различныхъ опредѣленій этого понятія, онъ избираетъ англійское: „государство есть такая форма или такое состояніе общества, которое обезпечиваетъ своимъ членамъ покровительство личности и имущества, понимая подъ личностію жизнь, честь и свободу". Послѣднія слова онъ принимаетъ въ обширномъ смыслѣ, разумѣя не только личную жизнь, честь и свободу, но и національныя. Еслибы этого не было, зачѣмъ было образоваться большимъ государствамъ, и швейцарскіе кантоны достаточны были бы для цѣли. Для чего далѣе нѣмцамъ было возставать противъ Наполеона? Въ земляхъ Рейнскаго союза по многимъ причинамъ жилось лучше, чѣмъ въ бывшей священной Римской Имперіи. Зачѣмъ наконецъ такія большія жертвы требуетъ каждое государство отъ своихъ подданныхъ на войско и флотъ, нужные для охраненія не личности, а національности. И такъ національность есть основа государства. Государство безъ національности неимѣетъ ни національной чести, ни національной свободы. Какая національная честь Австріи или Турціи? Слѣдственно, каждая національность должна составлять особое государство. Исключенія изъ этого общаго правила только кажущіяся. Сюда относятся народы, не сознающіе своей національности (финскія племена въ Россіи, баски въ Испаніи и Франціи) и народы, утратившіе свое политическое бытіе вслѣдствіе неумѣнія устроить его. Если цѣль государства—охраненіе жизни, чести и свободы народной, то справедливо и то, что

каждая народность должна составлять одно государство. Этому противорѣчитъ, повидимому, существованіе двухъ государствъ англо-саксонскихъ: Великобританіи и Соединенныхъ штатовъ; но Соединенные штаты, очевидно, находятся въ процессѣ образованія новой народности или новыхъ народностей. Смотря по тому, какъ разрѣшится этотъ процессъ, они образуютъ одно или нѣсколько государствъ. Цѣль государства, какъ понимаетъ ее Данилевскій,—охраненіе народности отъ внѣшней опасности, стало быть, напряженіе силъ должно быть больше тамъ, гдѣ опасность больше, слѣдовательно, гдѣ опасность сильна, тамъ создается единое государство; если же опасность меньшая, довольствуются федераціей, болѣе или менѣе слабой. Народности не являются бобылями въ мірѣ: онѣ принадлежатъ къ той или другой племенной группѣ. Народности каждой изъ такихъ группъ, для развитія своей народности, для общей защиты, должны соединяться въ болѣе или менѣе тѣсную федерацію; такая федерація можетъ принять форму *союзнаго государства*, въ которой при широкой мѣстной автономіи существуетъ центральная политическая власть, или *союза государствъ*, связанныхъ между собою договоромъ общаго внѣшняго дѣйствія оборонительнаго и наступательнаго, или *системы государствъ*, связанныхъ лишь нравственнымъ сознаніемъ, безъ опредѣленнаго положительнаго обязательства. Греція потеряла свою политическую самостоятельность потому, что во̀-время не образовала изъ себя ни единаго государства, къ чему побуждалась единствомъ происхожденія, языка и вѣры, ни даже союзнаго государства или союза государствъ—форма, которая обусловливалась бы физическими условіями страны.

Для основанія государствъ необходимъ внѣшній толчекъ: предоставленный самъ себѣ инстинктъ общежительности ведетъ только къ образованію волостей, и изъ соединенія волостей, связанныхъ только слабою связью, образуется племя. Такъ и бываетъ въ рѣдкихъ случаяхъ, когда нѣтъ сильной внѣшней опасности. Такъ до нѣкоторой степени мы видимъ на примѣрѣ Соединенныхъ штатовъ; но не такъ бываетъ

въ большинствѣ случаевъ. Впрочемъ и въ такихъ случаяхъ племена долго прибѣгаютъ только къ временной власти. Таковы напр. были еврейскіе судьи. Племенная независимость долго отстаиваетъ себя отъ необходимости соединенія. Этимъ объясняется долгое установленіе центральной власти у разныхъ народовъ. Этимъ объясняется знаменитое польское преданіе о двукратномъ управленіи 12 воеводъ, т. е. объ отложеніи племенъ отъ общей центральной власти. Самое утвержденіе удѣльной системы у народовъ славянскихъ не безъ связи съ этими племенными стремленіями. Для достиженія государственнаго единства мало только внѣшней опасности, нужна еще *зависимость.* Народъ, находящійся въ зависимости, пріучается дорожить народною свободою и честью и для ихъ достиженія тѣснѣе сплачивается. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что къ той же цѣли ведетъ и преобладаніе. Исторія знаетъ случаи, когда преобладающіе тѣснѣе сплачиваются между собою для поддержанія своихъ преимуществъ. Такое сплачиваніе авторъ называетъ *историческимъ воспитаніемъ* и сравниваетъ его со школьною дисциплиною и нравственнымъ аскетизмомъ. Подобно этимъ двумъ видамъ воспитанія личности, историческое воспитаніе научаетъ народы подчинять частные интересы общимъ и сдерживаетъ произволъ отдѣльной единицы (лица или племени). Формъ зависимости Данилевскій насчитываетъ три: *рабство, данничество* и *феодализмъ. Рабство*, обращающее человѣка въ вещь, не только не воспитываетъ людей, но еще растлѣваетъ и рабовъ и господъ; оно подрываетъ корень тѣхъ государствъ, гдѣ устанавливается юридически. Такъ было въ древнемъ мірѣ. *Данничество* образуется тогда, когда одно племя покорено другимъ, до того отличнымъ отъ покоряемыхъ, что, довольствуясь данью, оно не смѣшивается съ покоренными и оставляетъ свободною ихъ внутреннюю жизнь. Такъ было съ Россіей, подъ властію татаръ. Форма эта, очевидно, благопріятна для пробужденія народнаго самосознанія. *Феодализмомъ* авторъ называетъ такой порядокъ вещей, при которомъ завоеватели поселяются между завоеванными, отбираютъ у нихъ собственность, оставляя часть ея

въ пользованіе за извѣстныя работы, подати и т. п. Такой порядокъ наступилъ въ Европѣ вслѣдъ за поселеніемъ германцевъ въ областяхъ Римской имперіи [1]). Къ гнету феодальному въ средніе вѣка присоединяются еще гнетъ мысли, порождаемый безусловнымъ поклоненіемъ дурно понятымъ древнимъ мыслителямъ (Аристотелю) и гнетъ совѣсти подъ папскимъ деспотизмомъ. Подъ этими тремя нитями воспитывались Европейскіе народы среднихъ вѣковъ.

За крестовыми походами, приведшими западъ въ соприкосновеніе съ востокомъ, послѣдовалъ въ XIII в. расцвѣтъ аристократическо-ѳеократической культуры: теологія, поэзія, архитектура, рыцарство. Но сами высшія сословія почувствовали неустойчивость этого состоянія и прежде всего въ эпоху возрожденія свергли умственный гнетъ, а затѣмъ свергнутъ былъ и гнетъ теологическій—реформаціей. Тогда наступилъ новый цвѣтущій періодъ европейской жизни. Это время—идеалъ европейскихъ консерваторовъ, какъ средніе вѣка идеалъ романтиковъ. Французская революція сломила и феодализмъ. Наступило господство средняго сословія, время промышленнаго и техническаго развитія. Но и этого оказывается недостаточнымъ: обдѣленные требуютъ перестройки самыхъ основъ общественнаго зданія: страшные іюльскіе дни 1848, коммуна 1871 г.—это послѣднее слѣдствіе феодализма, которое отняло у развитія почву—право на землю. Переживетъ ли Европа грозящій ей кризисъ? Авторъ думаетъ, что пережила бы, еслибы не заключала въ себѣ непримиримыя противорѣчія. Мы уже видѣли, что принципъ индивидуальности составляетъ основу европейской жизни; индивидуальная свобода допускаетъ только то ограниченіе, которое она сама признаетъ. Отсюда демократизація государственнаго устройства и требованіе всеобщей

[1]) Вопросъ о различныхъ теоріяхъ образованія феодализма, различныхъ стадіяхъ, которыя онъ проходилъ, сюда не относится. Важенъ фактъ, что этотъ порядокъ дѣлъ является послѣдствіемъ германскаго завоеванія, хотя бы корень его и отыскался частію въ Римскихъ учрежденіяхъ.

подачи голосовъ, которая должна перевести власть въ руки многочисленнѣйшаго сословія: рабочаго населенія большихъ промышленныхъ центровъ. Никто, получивъ политическую власть, не можетъ ею ограничиться; можетъ ли голодающій народъ показать бо̀льшее самообладаніе? Маколей говорилъ, что за всеобщей подачей голосовъ можетъ послѣдовать или коммунизмъ, или цезаризмъ. Цезаризмъ уже испробованъ, можетъ быть, попробуютъ его и вновь, но надолго ли? На замѣчаніе, что все это относится только къ Франціи, авторъ отвѣчаетъ, что Франція сокращеніе Европы, ея полное выраженіе. Свою мысль онъ подтверждаетъ обзоромъ исторіи Франціи: принятіе православія Хлодвигомъ убило аріанство, Карлъ Великій создалъ зерно, изъ котораго выросъ европейскій порядокъ. Крестовые походы начали и кончили французы; рыцарство французское образецъ для другихъ; государственная централизація прежде всего зарождается во Франціи. Хотя реформація зародилась не во Франціи, но здѣсь она вызвала первую ожесточенную борьбу; вѣкъ Людовика XIV положилъ свою печать на всю Европу; французская революція имѣла громадное вліяніе на среднюю Европу. Словомъ, Франція постоянно имѣла рѣшительное вліяніе. Фактъ этотъ авторъ остроумно объясняетъ тѣмъ, что Франція представляетъ сліяніе обоихъ этнографическихъ элементовъ Европы: романскаго и германскаго. Вотъ почему и противорѣчіе между политическими правами и экономическою зависимостью низшихъ классовъ, проявившееся во Франціи преимущественно, зловѣще для всей Европы. Англію на время обезпечиваютъ нѣкоторыя особенности англійскаго характера и историческаго развитія: 1) въ Англіи строгая логичность замѣняется практической пользой, вслѣдствіе чего компромиссъ такъ сильно развитъ въ политической жизни Англіи; 2) самая радикальная часть англійскаго народа—пуритане—переселились въ Америку; 3) обладаніе Индіей, доставляя массу богатствъ, сглаживаетъ многіе недостатки общественнаго устройства и даетъ искусственную силу аристократіи; 4) ненормальное сосредоточеніе въ рукахъ Англіи всемірной торговли помогаетъ накопленію

богатствъ. „Распредѣленіе богатствъ—говоритъ авторъ—происходитъ въ Англіи весьма неравномѣрно, но масса богатствъ такъ велика, что все еще порядочная доля приходится на неимущіе классы". Конечно, положеніе это неустойчиво: могутъ открыться новые пути торговли, Англія можетъ потерять Индію и т. п. За сохраненіемъ своего положенія ревниво слѣдятъ англичане и могутъ имѣть успѣхъ до нѣкотораго времени, но все же это время должно наступить. Ирландія не послѣдній тернъ въ лавровомъ вѣнкѣ Англіи. Такимъ образомъ, кризисъ, предвѣстники котораго уже видны во Франціи, не можетъ миновать и Англіи.

Какъ бы въ помощь появленію новаго культурно-историческаго типа въ Европѣ, выдвигается теорія національности, какъ основы политическаго бытія. Теорія эта новѣйшаго происхожденія. Въ періодъ сложенія государствъ, національности европейскія еще не образовались. Сначала ихъ объединилъ государственный римскій принципъ, внесенный въ особенности Карломъ Великимъ, и іерархическій принципъ папства. Обще-европейскій характеръ аристократіи тоже способствовалъ объединенію, того же достигали рыцарство и крестовые походы. Между тѣмъ происходилъ медленный процессъ образованія новыхъ народностей. Въ этомъ авторъ видитъ новое различіе между западною Европою и славянствомъ: у первой единство вверху, а обособленіе внизу, во второмъ, внизу чувствуется сначала инстинктивное, а потомъ и сознательное, стремленіе къ единенію. Когда объединяющія силы падали, а принципъ національности, какъ основы, не пришелъ въ полное сознаніе, на первый планъ выступило понятіе отвлеченнаго государства, на практикѣ совпадающее съ династическими интересами равновѣсія, которое должно было сдерживать династическіе интересы. Тогда соединяли, во имя интересовъ династическихъ, разныя народности; дробили одну во имя интереса равновѣсія. Конечно, Франція искони была государствомъ національнымъ, но таковою она была лишь вслѣдствіе своихъ физическихъ условій. Принципъ національности вызвали къ жизни наполеоновскія войны. Ими задумалъ воспользоваться для

своихъ цѣлей Наполеонъ III; но чтобы оградиться отъ неблагопріятныхъ послѣдствій, изобрѣлъ всеобщее голосованіе для опредѣленія желанія принадлежать тому или другому государству. Это изобрѣтеніе, очень удобное для разныхъ интригъ, погибло со своимъ изобрѣтателемъ. Національныя задачи не имѣютъ впрочемъ особаго значенія на западѣ, но на востокѣ имъ суждено играть первенствующую роль.

Славянскій міръ активно мало участвовалъ въ жизни западной Европы: единственное религіозное движеніе въ средѣ западныхъ славянъ—гусситство, имѣло цѣлью возвращеніе къ старымъ славянскимъ преданіямъ. Въ политическихъ дѣлахъ очень часто участіе славянъ происходило отъ недоразумѣнія (такова была въ большей части случаевъ внѣшняя политика Россіи).

Отъ историческаго воспитанія народовъ западной Европы Данилевскій переходитъ къ историческому воспитанію русскаго народа. Первымъ толчкомъ къ исторической жизни было въ русской землѣ появленіе варяговъ, которые, какъ дружина, распустились скоро въ славянской народности. Значеніе ихъ заключается въ томъ, что они заложили государственность, но не ввели феодализма. Для дальнѣйшаго развитія государственности послужила удѣльная система, связавшая Русь единствомъ княжескаго рода; но еслибы не пришли татары, Русь могла бы распасться. Татарское иго пробудило народное сознаніе, сказывавшееся и прежде въ отдѣльныхъ умахъ. И призваніе варяговъ, и татарское иго сравнительно съ европейскими явленіями авторъ считаетъ болѣе легкими. Онъ уподобляетъ первыя прививной оспѣ, и послѣднія натуральной. Когда иго было свергнуто, напряженіе народнаго сознанія должно было ослабнуть, тогда государству пришлось для защиты свободы и чести народной, наложить на народъ зависимость, сдѣлать всѣ сословія крѣпкими службѣ. Отсюда и прикрѣпленіе крестьянъ[1]). Авторъ

---

[1]) Происходитъ ли крѣпостное право отъ указа Θеодора Іоанновича или образовалось постепенно, здѣсь вопросъ второстепенный. Важно то, что имъ обезпечивалась служба служилыхъ людей.

указываетъ на то, что самое крѣпостное право становилось особенно тяжкимъ лишь съ того времени, когда при развитіи роскоши, не довольствуясь домашними припасами, помѣщики потребовали болѣе денегъ. Свой окончательный выводъ авторъ выражаетъ такъ: „Русскій народъ перешелъ черезъ различныя формы зависимости, которыя должны были сплотить его въ единое тѣло, отучить отъ личнаго племеннаго эгоизма, пріучить къ подчиненію своей воли высшимъ, общимъ цѣлямъ,—и цѣли эти достигнуты: государство основалось на незыблемой народной основѣ; и однако же, въ теченіи этого тысячелѣтняго процесса, племенной эгоизмъ не замѣнился сословнымъ,—русскій народъ, не утративъ своихъ нравственныхъ достоинствъ, не утратилъ и вещественной основы для дальнѣйшаго своего развитія, ибо сохранилъ владѣніе землею въ несравненно бо́льшей степени, нежели какой бы то ни было европейскій народъ... сами политическія требованія или, лучше сказать, надежды его въ высшей степени умѣренны, такъ какъ за отсутствіемъ (въ теченіи всей его жизни) внутренней междоусобной исторической борьбы между различными слоями русскаго общества онъ не видитъ во власти врага (противъ котораго чувство самосохраненія заставляло бы принимать всевозможныя средства предосторожности) и относится къ ней съ полнѣйшей довѣренностью“.

При такихъ задаткахъ здоровья русская жизнь однако носитъ въ себѣ болѣзнь; болѣзнь эта привита къ ней лѣтъ около 200 тому назадъ и называется *европейничаньемъ*. Конечно, какъ всѣ пережитыя народнымъ организмомъ болѣзни, оно можетъ повести къ лучшему росту организма; но авторъ нашъ допускаетъ и другой исходъ, онъ полагаетъ, что если во̀-время не исцѣлимся отъ нея, то намъ грозитъ безплодное и безсильное существованіе. Горько было бы вѣрить въ подобную случайность, и мы отказываемся въ нее вѣрить, да и самъ авторъ ставитъ ее только, какъ возможность. Неужели въ самомъ дѣлѣ мы даромъ жили тысячу лѣтъ, даромъ положили столько усилій на созданіе государства, неужели великія силы, сказывающіяся и въ великихъ поэтахъ,

и въ великихъ художникахъ (Глинка, Ивановъ и др.), и въ тѣхъ мыслителяхъ, которые являются зарею нашего умственнаго освобожденія, — неужели все это должно привести къ полному безсилію? Неужели даромъ обращаются на насъ взоры столькихъ мыслящихъ людей въ западномъ славянствѣ? Корни этой болѣзни, конечно, въ Петровской реформѣ, въ той тяжелой школѣ, которую пришлось проходить русскому народу. Данилевскій справедливо различаетъ двѣ стороны дѣятельности Петра: его политическую дѣятельность т. е. созданіе флота, войска, устройство промышленности, финансовъ, внѣшнюю политику и т. п., которая была положительно плодотворна, а съ другой стороны—измѣненіе обычаевъ, безъ котораго можно было бы обойдтись и которое является слѣдствіемъ страстности характера Петра и его увлеченія Европою. Прибавимъ однако, что это увлеченіе послѣ охватило высшіе слои не только вслѣдствіе мѣръ правительства, но и по самой сущности дѣла. Можно жалѣть о томъ, что увлеченіе зашло слишкомъ далеко (хоть бы, напр., въ церковныхъ вопросахъ), но оно было и, стало-быть, избѣжать его было нельзя при данныхъ условіяхъ. Надо только желать скорѣйшаго отъ него исцѣленія. Анализируя эту болѣзнь, авторъ указываетъ три формы, въ которыхъ она выразилась: 1) искаженіе быта, 2) заимствованіе учрежденій, 3) взглядъ на внутреннія и внѣшнія дѣла съ европейской точки зрѣнія. Искаженіе быта, по мнѣнію автора, отражается на искусствахъ, у которыхъ отняты самобытные источники творчества. Искусство у насъ долго жило подражаніемъ и только теперь выходитъ на прямой путь; далѣе сама промышленность страдаетъ отъ подражательности: иностранныя моды требуютъ иностранныхъ тканей или подражаній имъ; низшіе слои, сохранившіе старыя формы, часто подозрительно смотрятъ на высшіе; наконецъ обрусеніе инородцевъ, столь успѣшное при цѣлостности быта московскаго государства, теперь затрудняется и, даже принимая общеевропейскій костюмъ и таковые же обычаи, инородцы не становятся русскими. Вторая форма болѣзни есть перенесеніе чужеземныхъ учрежденій. Въ этой сферѣ наглядно ска-

зывается неудобство заимствованій. Нѣкогда вводились у насъ цехи и гильдіи, наканунѣ ихъ уничтоженія въ Европѣ; въ настоящее время тоже замѣтны слѣды Европейскаго вліянія: развѣ въ краснорѣчіи нашихъ адвокатовъ не слыхать отголоска французскихъ адвокатовъ и т. д. Авторъ надѣялся въ 1869 г., что адвокаты наши избѣгнутъ этого излишества, но позднѣе онъ приписалъ горькое замѣчаніе, являющееся въ посмертномъ изданіи: „не избѣгли, а опять каррикатурно усилили“ [1]). Третья форма болѣзни—Европейскій взглядъ на внѣшнія и внутреннія дѣла. О первомъ много толковано въ послѣднее время: въ превосходныхъ статьяхъ г. Татищева, нынѣ появившихся въ отдѣльной книгѣ, гдѣ мы имѣемъ поучительную исторію цѣлаго періода русской дипломатіи; другіе примѣры относятся къ недавнему прошлому и всѣмъ извѣстны изъ газетъ и журналовъ. Въ обществѣ эта форма европейничанія создаетъ небывалыя и ненужныя у насъ партіи аристократовъ и демократовъ. Самый нигилизмъ, по вѣрному замѣчанію Данилевскаго, есть каррикатура западнаго матеріализма. Опасность и вредъ отъ него становится не меньшимъ отъ такой генеалогіи; но не надо забывать корня болѣзни. Безповоротное обращеніе Россіи къ ея національнымъ задачамъ будетъ началомъ исцѣленія. Задачи эти сосредоточиваются въ восточномъ вопросѣ, къ нему и обратимся вслѣдъ за авторомъ.

Изложеніе своихъ мыслей о восточномъ вопросѣ Данилевскій начинаетъ прекрасными словами: „Восточный вопросъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые подлежатъ

---

[1]) Посмертныя примѣчанія автора суть замѣтки, сдѣланныя имъ на книгѣ въ виду новаго изданія. Замѣтки эти, составленныя, кажется, въ разное время и при разныхъ настроеніяхъ, авторъ могъ или развить или откинуть. Вотъ почему ихъ нельзя считать его окончательнымъ словомъ и, слѣдовательно, нельзя согласиться съ тѣмъ, что на стр. 475 при словахъ: „готовый („больной, разслабленный колоссъ“) отказаться отъ всѣхъ преданій своей исторіи, отречься отъ самаго смысла своего существованія“ помѣщенная замѣтка: „увы! начинаетъ оказываться“—есть окончательное мнѣніе, а не выраженіе преходящаго настроенія автора.

рѣшенію дипломатіи. Мелкую текущую дребедень событій предоставляетъ исторія канцелярскому производству дипломатіи; но свои великія вселенскія рѣшенія, которыя станотся закономъ жизни народовъ на цѣлые вѣка, провозглашаетъ она сама, безъ всякихъ посредниковъ, окруженная громомъ и молніями, какъ Саваоѳъ съ вершины Синая". Да, великіе историческіе вопросы не рѣшаются мелкими средствами: дипломатія, вся погруженная въ интересы личные, интересы временные, можетъ только задерживать рѣшеніе и никогда не ведетъ къ окончательному установленію прочнаго порядка; она строитъ только временныя сооруженія; но тѣсно жить въ такихъ баракахъ, душа рвется на просторъ. Такой просторъ, такая историческая ширь открывается только кровавой борьбой. Страшно произнести это слово въ нашъ слабонервный вѣкъ, но произнести его надобно и надо готовиться къ его осуществленію. Первый по времени русскій поэтъ, великій Ломоносовъ, не даромъ сказалъ:

Необходимая судьба
Во всѣхъ народахъ положила,
Дабы военная труба
Унылыхъ къ бодрости будила,
Чтобъ въ нѣдрахъ мягкой тишины
Не зацвѣли водамъ равны,
Что вкругъ защищены горами,
Дубравой, неподвижны спятъ
И подъ лѣнивыми листами
Презрѣнный производятъ гадъ.

Конечно, только великій вопросъ можетъ подвинуть къ борьбѣ, ибо давно миновали времена богатырства безпричиннаго, вызываемаго потребностью.

Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Или башку съ широкихъ плечъ
У татарина отсѣчь

Въ чемъ же сущность этого восточнаго вопроса, который долженъ вызвать къ міровой борьбѣ и кончится—мы глубоко вѣримъ въ это—созданіемъ новой цивилизаціи? Данилевскій предпосылаетъ своему изложенію опровержение мысли

С. М. Соловьева, будто восточный вопросъ есть борьба Европы съ Азіей, морскаго берега—со степью. Авторъ уже прежде доказалъ, что Европа и Азія суть термины условные, здѣсь онъ показываетъ, что никогда вся Азія не возставала противъ всей Европы, что Греція боролась съ Персіею, Римъ съ Кареагеномъ (но Кареагенъ не въ Азіи), Римъ съ царствами діадоховъ, съ пареянами; западная Европа въ крестовыхъ походахъ задѣвала и Византію и т. д.; потому и теперешнее покровительство, оказываемое Турціи, нельзя назвать измѣною общему дѣлу, какъ былъ измѣною со стороны спартанцевъ Анталкидовъ миръ (это слова Соловьева), ибо борющіяся стороны совсѣмъ не тѣ, какія выставляются въ гипотезѣ Соловьева; борются не западъ и востокъ, а романо-германскій и греко-славянскій міръ, изъ которыхъ одинъ наслѣдникъ римской, и другой наслѣдникъ греческой цивилизаціи, насколько наслѣдственность допускается теоріею культурно-историческихъ типовъ. Вотъ почему авторъ возводитъ начало вопроса къ періоду борьбы между греческимъ и римскимъ типомъ. Греки не пришли къ единству и оттого жизнь ихъ казалась неоконченною: они отвергли Филиппа, который могъ бы дать имъ цѣлость, Александръ только создалъ центръ для греческой науки въ Александріи. Завершеніемъ плана Филиппа является созданіе Константиномъ столицы на Босфорѣ, которая пережила древнюю столицу на Тибрѣ и гдѣ основалось ново-греческое царство, и гдѣ греческая мысль принесла свой послѣдній плодъ въ созданіи христіанской догматики. Римъ передалъ свою цивилизацію народамъ, поселившимся на почвѣ Имперіи и быстро создавшимъ государства, процессъ образованія которыхъ закончился въ 300 лѣтъ, при Карлѣ Великомъ. Византія передавала свое наслѣдіе славянскимъ народамъ, которые оставались въ то время еще въ состояніи племенной розни и потому прямаго дѣйствія Византія на нихъ почти не имѣла. Къ существеннымъ различіямъ обоихъ міровъ въ IX в. прибавляется рознь религіозная. Въ то же время славяне получаютъ орудіе для воспріятія цивилизаціи—письменность. Такое совпаденіе не случайно, оно есть несомнѣнный исто-

рическій законъ. Для подкрѣпленія такого предположенія авторъ прибѣгаетъ съ одной стороны къ аналогіи съ явленіями природы. Такъ, онъ указываетъ на то, что замѣчено соотвѣтствіе морфологическихъ формъ, напр., у котораго животнаго есть рога, у того должны быть раздѣленныя копыта; еще интереснѣе примѣръ тѣхъ растеній, у которыхъ, чтобы достать цвѣточную пыль, надо приподнять клапанъ; у растеній этихъ сладкій сокъ; ими питаются насѣкомыя; оплодотворяющая пыль пристаетъ къ волосикамъ на тѣлѣ этихъ насѣкомыхъ и ими разносится на другіе цвѣты и оплодотворяетъ ихъ. Ясно, что причина здѣсь должна быть идеальная. Съ другой стороны онъ указываетъ на такія событія, стеченіе которыхъ образуетъ новую эпоху въ жизни народовъ: такъ, въ исторіи Европы грань средней и новой исторіи составляютъ три событія: завоеванія Константинополя турками, книгопечатаніе и открытіе Америки. Очевидно, каждое изъ нихъ имѣетъ свои причины, но взаимодѣйствіе ихъ можетъ быть объяснено только дѣйствіемъ Провидѣнія. Мы вполнѣ согласны съ словами Хомякова: „неразумно и даже едва-ли сообразно съ христіанскимъ смиреніемъ брать на себя угадываніе минутъ непосредственнаго дѣйствія воли Божіей на дѣла человѣческія“, но въ общемъ тотъ же Хомяковъ говоритъ: „нельзя по справедливости не признать путей Провидѣнія въ общемъ ходѣ исторіи“. Все ученіе христіанское основано на этомъ сознаніи; стало быть, Хомяковъ возстаетъ только противъ дерзкихъ объясненій нашего ограниченнаго разума, начинающаго по-своему толковать пути Божіи, гдѣ они намъ совсѣмъ неясны, и позволяющаго себѣ отождествлять свою ограниченность съ безграничнымъ. Въ данномъ случаѣ—мы полагаемъ,—можно безошибочно принять мнѣніе Данилевскаго и приписать совпаденіе раздѣленія церквей съ началомъ славянской письменности Божьему Провидѣнію. Этими событіями оканчивается, по мнѣнію Данилевскаго, періодъ подготовленія, начавшійся отъ Филиппа Македонскаго, инстинктивно стремившагося „обезпечить самобытность политической судьбы греческаго народа и греческой культуры“.

Съ этой поры начинается борьба романо-германскаго міра съ греко-славянскимъ. Бодрый юноша на одной сторонѣ, дряхлый старецъ и ребенокъ на другой—результаты борьбы не подлежали сомнѣнію. Идетъ германизація на славянъ прибалтійскихъ, борьба съ славянскимъ обрядомъ въ Моравіи, которая могла бы привести къ такимъ же результатамъ; лишь нашествіе дикой угорской орды спасло славянство отъ онѣмеченія. Чехія вошла въ вассальныя отношенія къ имперіи и только тлѣвшая искра приверженности къ славянскому обряду, возгорѣвшаяся въ гусситство, спасла Чехію; Польша вся предалась западу; Россія еще росла, на Византію напиралъ западъ съ оружіемъ, въ особенности въ четвертомъ крестовомъ походѣ, послѣ котораго съ великимъ трудомъ удалось императору возвратить свою столицу, и соблазномъ уніи, на которую было поддавались въ Византіи страха ради турецкаго. Но турки-то и явились временной опорой и защитой молодыхъ славянскихъ племенъ, пока не подросъ естественный и болѣе надежный защитникъ—Россія. Такимъ образомъ и турки, какъ и угры, имѣютъ свою важную роль въ исторіи славянства: въ нихъ его временная ограда отъ напора романо-германскаго. Таковъ выводъ, который дѣлаетъ Данилевскій изъ блестящаго анализа всемірнаго историческаго значенія ислама. Этотъ выводъ дозволяетъ ему вполнѣ согласиться съ словомъ патріарха Анѳимія, сказаннымъ въ началѣ греческаго возстанія: „Провидѣніе избрано владычество османовъ для замѣщенія поколебавшейся въ православіи Византійской имперіи (собственно надо бы сказать императорства), какъ защиту противъ западной ереси“.

Еще въ періодъ крестовыхъ походовъ западная Европа начала борьбу съ исламомъ въ надеждѣ подчинить себѣ восточное христіанство. Когда же турки перешли въ Европу, стали соблазнять принять унію сначала Византію, а потомъ и Россію [1]). Когда же Турція ослабѣла, Европа начинаетъ

[1]) См. объ этомъ любопытныя сочиненія О. Пирлинга и превосходныя статьи Ѳ. И. Успенскаго (въ Ж. М. Н. Пр. и „Извѣстіяхъ Слав. Благ. Общ.“).

поддерживать ее противъ Россіи и славянства, какъ она поддерживала Польшу и какъ поддерживаетъ Венгрію.

Съ окончательнымъ политическимъ возрастаніемъ Россіи при Екатеринѣ II оканчивается второй фазисъ восточнаго вопроса, который авторъ называетъ напоромъ запада на востокъ. Съ тѣхъ поръ начинается третій—отпоръ востока западу. Авторъ указываетъ на характеристическую черту этой борьбы: какъ одно время напоръ западной Европы на греко-славянскій міръ принялъ характеръ борьбы съ исламомъ, такъ и въ этотъ періодъ отпоръ греко-славянскаго міра принялъ тоже характеръ борьбы съ турками. Всѣ наши побѣдоносныя войны однако еще далеко не достигли цѣли. Авторъ видитъ этому двѣ общія причины: „неясность цѣлей, которыхъ стремились достигнуть, и отсутствіе политики либеральной и національной вмѣстѣ, двухъ качествъ, совокупность которыхъ существенно необходима для успѣшнаго разрѣшенія восточнаго вопроса—въ смыслѣ выгодномъ для Россіи и для славянства".

Въ примѣръ неясности цѣлей можно привести вслѣдъ за Данилевскимъ греческій проектъ Екатерины, по которому возстанавливалась Византійская Имперія въ пользу грековъ, что значило бы отдать славянъ на жертву грекамъ и открыть широкій доступъ европейскимъ интригамъ. „Что касается до соединенія либеральнаго и національнаго направленія политики — говоритъ Данилевскій — то прежде всего должно замѣтить, что, употребляя эти выраженія, я дѣлаю уступку общепринятому употребленію; ибо, собственно говоря, либеральная политика совершенно невозможна, если она не національна, такъ какъ либерализмъ заключается въ свободномъ развитіи всѣхъ здоровыхъ сторонъ народной жизни, между которыми національныя стремленія занимаютъ самое главное мѣсто". Эрою наступленія такой политики авторъ считаетъ освобожденіе крестьянъ. Дѣйствительно, послѣдняя наша война съ Турціей получила сознательный народный характеръ, чего прежде не бывало. Нельзя не признать также съ авторомъ, что послѣдняя война, какъ и война 1853 г. и слѣдующихъ годовъ, указала намъ настоя-

щаго противника; съ нихъ начинается новый періодъ и новая борьба, „которая рѣшится, конечно, не въ одинъ годъ, не въ одну кампанію, а займетъ собою цѣлый историческій періодъ“.

Не только подъ властью турецкой орды славяне не пользуются самостоятельнымъ положеніемъ жизни, существуетъ еще государство, составленное изъ разныхъ народностей, преимущественно славянскихъ, связанныхъ между собою лишь только единствомъ династіи. Государство это — Австрія. Было нѣкогда время, когда существованіе Австріи могло имѣть значеніе: преобладая въ священной имперіи, Габсбурги являлись защитниками ея съ запада отъ Франціи и съ юга отъ Турціи; но эти времена давно миновали: Германія нашла себѣ защиту въ Пруссіи; а для ослабленія Турціи выросла Россія. Авторъ указываетъ на знаменательное совпаденіе: въ 1740 г. умеръ Карлъ VI, послѣдній изъ Габсбурговъ, передавшій свои права дочери и зятю; въ томъ же году вступилъ на престолъ Фридрихъ II, такъ много способствовавшій возрастанію Пруссіи, тогда же скончалась Анна Іоанновна, послѣ которой, хотя и съ разными колебаніями, русская политика получила болѣе національный характеръ. Централизаціонныя попытки Іосифа II, стремившагося пересоздать средневѣковой строй Австріи въ государственный строй новыхъ временъ, и затѣмъ Наполеоновскія войны возбудили національности. Возбужденіе національностей—смерть Австріи. На защиту Австріи выступилъ Меттернихъ, усыпитель, какъ его мѣтко называетъ Данилевскій; государственный человѣкъ, съ способностями, несомнѣнно сильными, но употребленными на защиту дѣла, не только осужденнаго исторіей, но и ложнаго въ своихъ основаніяхъ, Меттернихъ не только старался усыплять народы Австріи, но съ помощью священнаго союза препятствовалъ пробужденію народовъ сосѣднихъ, чтобы какънибудь они не подѣйствовали и на Австрію. Такъ, не ограничиваясь Италіей, въ которой Австрія имѣла и свою долю и свое вліяніе на остальныя части полуострова, онъ простиралъ свои заботы на Грецію. 1848 годъ сломилъ Меттер-

ниха; Австрія осталась на распутьи: спасенная славянами и Россіей отъ мадьярскаго возстанія, она, полная еще Меттерниховскихъ преданій, прибѣгла къ системѣ централизаціи. Битва при Садовой нанесла ударъ централизму, особенно въ виду явной враждебности мадьяръ. Осталось или создать *дуализмъ*, раздѣливъ власть съ мадьярами, или обратить Австрію въ *федерацію*, при чемъ славянскій элементъ получитъ перевѣсъ. Первый планъ восторжествовалъ: Австрія обратилась въ Австро-Венгрію. Причина такого выбора понятна: страхъ передъ славянствомъ, ибо, не смотря на вѣрность славянъ Габсбургамъ, инстинктивно чувствуется, что центръ славянства въ другомъ мѣстѣ. Поэтъ давно сказалъ славянамъ:

Вамъ не прощается Россія,
Россіи не прощаютъ васъ!

Неестественность дуализма всѣми чувствуется, ибо обѣ преобладающія народности малочисленнѣе славянской и держатся только славянскою рознью: divide et impera — старый девизъ Австріи; къ тому же венгры даже менѣе цивилизованы. На смѣну дуализму многіе желаютъ федераціи: одинъ изъ вождей западныхъ славянъ сказалъ даже: „если бы не было Австріи, то ее нужно бы выдумать". Но возможна ли прочная федерація въ предѣлахъ Австрійской Имперіи? Данилевскій обстоятельно доказываетъ всю ея невозможность: во имя чего народы, образующіе эту федерацію, будутъ жертвовать своими частными интересами? Австрія не представляетъ ни географической почвы для такого объединенія: это не островъ, ни полуостровъ; не представляетъ и почвы этнографической: славяне многочисленнѣе, но могутъ ли они подчинить себѣ нѣмцевъ, которые образованнѣе ихъ и за которыми стоитъ объединенная Германія, да и сами славяне не ограничиваются предѣлами Австріи. Могутъ ли славяне сочувствовать войнѣ съ Франціей, къ которой могутъ стремиться нѣмцы, или могутъ ли нѣмцы сочувствовать войнѣ, предпринимаемой Россіей въ пользу славянъ Балканскихъ? Невозможность этой федераціи воз-

буждаетъ мысль о другой, болѣе обширной, которая должна включить и народы Балканскаго полуострова.

Такая федерація была бы угодна и Европѣ, которая теперь, скрѣпя сердце, поддерживаетъ Турцію, ясно сознавая всю нелѣпость ея существованія и стараясь фразами прикрывать очевидное варварство. Въ сущности и эта комбинація не можетъ удовлетворить требованіямъ правды исторической, и устойчивость ея болѣе чѣмъ сомнительна. Для Европы она дорога тѣмъ, что удаляетъ славянъ отъ Россіи, открываетъ возможность религіозной и культурной пропаганды, которыя должны обезнародить славянъ и сдѣлать ихъ безопасными. Желательная для Европы, она является не таковою для имѣющихъ составить ее народовъ: нѣмцы и мадьяры, включенные въ нее, продолжали бы свои стремленія къ подчиненію себѣ славянъ, при чемъ нѣмцы опирались бы на Германію; славяне же были бы отдѣлены отъ Россіи и, безконечно враждующіе между собою, находили бы въ Европѣ постоянную поддержку своихъ стремленій къ обособленію, ибо стремленія эти въ высшей степени выгодны, какъ для внутреннихъ враговъ федераціи, въ лицѣ народовъ, въ нее включенныхъ, такъ и для внѣшнихъ враговъ славянства; а отъ Россіи они были бы отдѣлены и государственными предѣлами, и стараніями пропаганды всякаго рода. Слѣдственно, славянская федерація мыслима только подъ главенствомъ Россіи. Осуществленіе же ея возможно лишь по рѣшеніи вопроса о Царьградѣ, къ которому переходитъ Данилевскій.

Царьградъ, какъ краснорѣчиво выражается авторъ—„городъ не прошедшаго только, не жалкаго настоящаго, но и будущаго, которому, какъ фениксу, суждено возрождаться изъ пепла все въ новомъ и новомъ величіи". „Славяне, говоритъ онъ далѣе—какъ бы предчувствуя его и свое величіе, пророчески назвали его *Царьградъ*. Это имя и по своему смыслу, и потому что оно славянское, есть будущее названіе этого города". Значеніе Царьграда основывается главнымъ образомъ на его географическомъ положеніи: онъ служитъ перепутіемъ великихъ торговыхъ путей. Значеніе его

должно возрасти съ усиленіемъ экономическаго развитія Южной Россіи, Кавказа, Малой Азіи и т. д. Кому же долженъ принадлежать Царьградъ? На первый взглядъ казалось бы, что онъ долженъ быть возвращенъ грекамъ; но настоящая Греція не можетъ быть преемницей Византійской имперіи, такъ какъ греческій элементъ, малочисленный и во время имперіи, еще малочисленнѣе теперь. Можетъ ли слабое Греческое королевство выдержать тяжесть защиты Царьграда, можетъ ли оно принять на себя ту высшую роль, которая соединяется съ обладаніемъ этимъ важнѣйшимъ пунктомъ? „Небольшое Греческое королевство", замѣчаетъ нашъ авторъ, „скоро впало бы въ истощеніе, въ маразмъ, и константинопольскій вопросъ, не погашенный, а тлѣющій подъ пепломъ, воспламенился бы съ новою силою". Изъ великихъ Европейскихъ державъ только Англія, Франція и Россія могутъ изъявлять притязанія на Царьградъ, ибо для Германіи въ немъ не было бы никакой пользы; Австріи онъ могъ бы достаться только вслѣдствіе преобразованія ея въ славянскую федерацію, что̀, какъ мы видѣли, немыслимо. Для морскихъ державъ, Англіи и Франціи, обладаніе Царьградомъ было бы важно въ смыслѣ стѣсненія Россіи; но едва-ли онѣ рѣшились бы употребить громадныя силы, нужныя для защиты Босфора, только съ отрицательною цѣлью. Обладаніе этимъ пунктомъ одною изъ морскихъ державъ грозило бы ей постоянною опасностью войны съ Россіей, которая когда-нибудь все же кончилась бы торжествомъ Россіи. Слѣдственно, обладаніе Царьградомъ положительно выгодно только для Россіи. Выгоды эти состоятъ въ томъ: 1) что тогда Россія могла бы защитить свои южные берега, 2) могла бы для этой защиты выставить менѣе силъ, ибо линія обороны имѣла бы меньше протяженія, 3) имѣла бы море для развитія своего флота, 4) наконецъ прочно утвердила бы свое вліяніе на востокѣ. Но и для самой Россіи владѣніе Царьградомъ представляетъ существенное затрудненіе: Царьградъ не можетъ не быть столицею, а перенесеніе столицы на такое дальнее разстояніе вредно отразилось бы на русскихъ внутреннихъ дѣлахъ.

Слѣдовательно, Царьградъ долженъ быть центромъ не Русской Имперіи, а всеславянскаго союза.

Славянскіе ручьи не должны сливаться въ русскомъ морѣ, ибо тогда теряется разнообразіе, столь необходимое для всецѣлаго развитія культурно-историческаго типа; но союзъ не долженъ состоять изъ мелкихъ племенныхъ единицъ, которыя были бы совершенно ничтожны и не имѣли бы своей отличительной физіономіи. Потому авторъ указываетъ на болѣе обширныя группы: чехо-словаки, сербо-хорваты, болгары, русскіе. По его мнѣнію, греки и румуны народы православные, имѣющіе въ себѣ значительную примѣсь славянскаго элемента, должны тоже войти въ эту федерацію; необходимо войдутъ въ нее и венгры, по своему географическому положенію, но, разумѣется, придется сдерживать ихъ покушенія на владычество. Быть можетъ, къ славянству примкнутъ и поляки, если русскіе, ставъ на твердой національной почвѣ въ западной Россіи, почувствуютъ возможность поддерживать польскую народность въ ея этнографическихъ предѣлахъ. Въ этихъ предѣлахъ поддержаніе ея кажется намъ желательнымъ, какъ и Данилевскому, съ тѣмъ, конечно, условіемъ, чтобы поляки отреклись отъ своихъ претензій. Быть можетъ, и сбудется предсказаніе Тютчева:

Тогда лишь въ полномъ торжествѣ
Въ славянской міровой громадѣ
Строй вожделѣнный водворится,
Какъ съ Русью Польша помирится,
А помирятся жъ эти двѣ—
Не въ Петербургѣ, не въ Москвѣ,
А въ Кіевѣ и въ Цареградѣ.

Всѣ члены этой будущей федераціи должны, по мнѣнію автора, имѣть въ значительной степени независимость, но ни степени этой независимости, ни объема и формы центральной власти, конечно, нельзя опредѣлять гадательно. Этихъ вопросовъ авторъ касается слегка и обращается, въ виду возраженій, которыя могутъ быть высказаны, а частью и высказывались противъ самой мысли о такомъ единеніи славянъ, на указаніе политическихъ выгодъ такого едине-

нія, какъ для Россіи, такъ и для другихъ славянскихъ народовъ.

Европа, какъ мы уже видѣли, Россію своей не считаетъ: съ тѣхъ поръ, какъ мы съ конца XVIII в. выступили на охрану Европы, нами пользуются, изъ насъ извлекаютъ выгоды для себя, а намъ ничего не даютъ, и лишь только Россія находится въ сколько-нибудь затруднительномъ положеніи, Европа дѣйствуетъ противъ нея. Стало быть, и намъ не выгодно искать себѣ мѣсто въ ряду великихъ европейскихъ державъ. Это, впрочемъ, не значитъ, чтобы въ частныхъ случаяхъ мы не могли искать союза того или другаго европейскаго государства: въ Великой Сѣверной войнѣ мы находили же союзниковъ себѣ, не вступивъ въ систему европейскихъ государствъ; но тогда мы воевали за свои, а не за европейскіе интересы. Образованіе славянскаго союза создастъ Россіи особое положеніе: она станетъ не въ ряду европейскихъ государствъ, а рядомъ съ цѣлою Европою. Тогда, стало быть, вмѣсто вопроса объ европейскомъ равновѣсіи поднимется вопросъ о міровомъ равновѣсіи между Европою, славянствомъ и Америкою. Для другихъ славянскихъ народовъ необходимость федераціи еще настоятельнѣе: Россія все же будетъ существовать, хотя бы и лишилась своего прямаго назначенія и своей исторической роли, но другія славянскія народности, отдѣленныя отъ Россіи, сдѣлаются жертвою иноземной интриги и могутъ лишиться своей народности; вспомнимъ, что онѣмеченіе въ Пруссіи продолжается и въ наши дни, вспомнимъ зловѣщее положеніе, которое принимаетъ интеллигенція молодыхъ славянскихъ народовъ: сербовъ, болгаръ. Данилевскій еще до войны предсказывалъ дѣятельность болгарской интеллигенціи и указывалъ опасность предоставить ее себѣ самой [1]). Онъ доказываетъ, что союзъ важенъ и для грековъ, ибо они могутъ найти защиту своей торговлѣ въ военномъ флотѣ, ко-

[1]) На то же указывалъ Достоевскій въ „Дневникѣ Писателя“, когда, предсказывая „неблагодарность“ болгаръ, увѣщевалъ не обращать на нее вниманія.

торый непремѣнно создастся въ случаѣ образованія союза. Румуны, по мнѣнію автора, только съ помощью Россіи могутъ войти въ свои этнографическіе предѣлы и найти опору противъ покушеній мадьяръ. Только венгры и поляки многимъ должны будутъ пожертвовать: отказаться отъ покушеній на власть надъ другими. Быть можетъ, однимъ изъ самыхъ сильныхъ возраженій противъ будущей федераціи можетъ служить необходимость включить въ нее грековъ, мадьяръ и румуновъ; но эти народы такъ вкраплены въ славянскій міръ, что отдѣлить ихъ совершенно нельзя.

Противники мысли о федераціи боятся, что Россія поглотитъ народности другихъ племенъ. Данилевскій возражаетъ на это указаніями на Финляндію, получившую особыя учрежденія, прибалтійскія губерніи, такъ долго сохраняющія свой нѣмецкій характеръ, и наконецъ на Польшу до 1830 г. Но самымъ важнымъ опроверженіемъ служитъ то, что стремленіе къ обрусенію этихъ народовъ было бы вредно для самой Россіи: она имѣла бы вмѣсто 40 м. союзниковъ такое же число недовольныхъ, сдерживать которыхъ пришлось бы съ огромнымъ напряженіемъ силъ.

Будущее единеніе славянъ пугаетъ многихъ еще съ той стороны, не будетъ ли это всемірнымъ владычествомъ; но 1) въ славянскомъ союзѣ получаютъ значеніе всѣ славяне, и 2) соединенныя силы Европы особенно въ первое время все же были бы значительнѣе силъ славянства. Напротивъ, славянскій союзъ можетъ послужить оплотомъ противъ грозящаго преобладанія европейской цивилизаціи. Въ Европѣ съ объединеніемъ Италіи и Германіи государства въ настоящее время распредѣляются болѣе или менѣе по народностямъ. Такимъ образомъ, взамѣнъ государственнаго равновѣсія устанавливается въ средѣ этого культурнаго типа равновѣсіе естественное; стремленіе одного государства къ преобладанію теперь будетъ встрѣчать болѣе существенныя препятствія, чѣмъ прежде, хотя и прежде, какъ остроумно показываетъ авторъ, равновѣсіе вездѣ возстановлялось. Въ такіе промежутки междоусобныхъ войнъ, Европа обращала обыкновенно свои дѣйствія на страны внѣ-евро-

пейскія (къ которымъ, что бы мы ни говорили, принадлежитъ и Россія) [1]), слѣдственно, тоже будетъ и теперь, если не установится міровое равновѣсіе; а оно можетъ установиться лишь съ образованіемъ славянскаго союза. Тогда Европа раздѣлитъ свое міровое владычество съ Россіею и Америкой, и міръ избѣжитъ самой большой опасности — установленія единой культуры, которая нарушила бы міровой законъ—разнообразія въ единствѣ.

Говорятъ еще, что славяне не готовы къ единенію, что они не могутъ оставить своихъ племенныхъ раздоровъ. Но только приступивъ къ борьбѣ, они поймутъ необходимость сближенія, тогда они примутъ общій дипломатическій языкъ—русскій, тогда въ общей продолжительной борьбѣ они ближе сойдутся другъ съ другомъ, а то именно разрозненность ихъ и отсутствіе между ними такого племени, которое они считали бы высшимъ авторитетомъ—открываетъ широкое поле дѣйствію на нихъ. Итакъ борьба неизбѣжна, неизбѣжна тѣмъ болѣе, что восточный вопросъ настоятельно требуетъ разрѣшенія. Переходимъ съ авторомъ къ изученію условій этой борьбы.

Авторъ справедливо отстраняетъ всѣ статистическія соображенія, которыя столько же рановременны, сколько могутъ оказаться даже и своевременно ошибочными, и останавливается на нравственныхъ условіяхъ дѣла. Прежде всего его вниманіе обращено на одно нравственное условіе, на то, что онъ называетъ закономъ „сохраненія силы“: не разъ повторялось въ исторіи, что еще въ этнографическій періодъ одна часть племени, близко соприкасаясь съ сосѣдними племенами, подъ воздѣйствіемъ ихъ цивилизуется; но эта цивилизація менѣе прочна, ибо болѣе или менѣе преждевременна. Между тѣмъ, другая часть, скрываясь въ лѣсахъ, горахъ и т. п., собираетъ свои силы и позднѣе высту-

---

[1]) Авторъ допускаетъ, впрочемъ, что временное осуществленіе гегемоническихъ плановъ тоже вызывало иногда дѣйствіе Европы на страны внѣ-европейскія, съ условіемъ, что оно было довольно продолжительно для возстановленія истощенныхъ силъ.

паетъ на поприще. Такъ единство Испаніи создается изъ Астуріи, единство Германіи изъ Пруссіи, единство Италіи изъ Піемонта. Таково же отношеніе великорусскаго племени къ малорусскому и Россіи ко всему славянству. Указавъ на этотъ общій законъ, чрезвычайно для Россіи выгодный, авторъ обращается къ политическимъ союзамъ, которые могла бы заключить Россія, но здѣсь мы за нимъ не послѣдуемъ потому, что соображенія, составленныя еще до низложенія Наполеона III, теперь могутъ оказаться далеко не точными; выпишемъ только замѣчательныя слова гр. Ростопчина изъ донесенія, поданнаго имъ Императору Павлу I. Ростопчинъ говоритъ: „одна лишь выгода изъ сего (изъ войны 1799 г.) произошла та, что сею войной разорвались почти всѣ союзы Россіи съ другими землями. Ваше Императорское Величество, давно уже со мною согласны, что Россія съ прочими державами не должна имѣть иныхъ связей, кромѣ торговыхъ. Перемѣняющіяся столь часто обстоятельства могутъ рождать и новыя сношенія, и новыя связи, но все сіе можетъ быть случайно, временно“. Слова эти, при которыхъ императоръ написалъ: „святая истина“, Данилевскій считаетъ правиломъ, отъ котораго наша политика не должна отступать. Онъ справедливо думаетъ, что разъединеніе европейскихъ народовъ полезнѣе для насъ ихъ союза: настоящія стремленія Франціи къ сближенію съ Россіей служатъ лучшимъ подтвержденіемъ этого мнѣнія. Отъ внѣшнихъ условій, которыя могутъ быть благопріятны для успѣховъ Россіи, авторъ обращается къ болѣе надежнымъ внутреннимъ условіямъ, передъ которыми ничтожны всѣ внѣшнія условія успѣха. Хотя и со внѣшней стороны мы достигли въ отношеніи военномъ многихъ успѣховъ со времени крымской войны, но авторъ справедливо видитъ главный залогъ побѣды въ нравственныхъ свойствахъ народа, нынѣ освобожденнаго отъ рабства. Если народъ этотъ оказалъ такія чудеса мужества въ 1812 г., что же должно быть теперь? Въ основѣ русскаго характера лежитъ полное довѣріе, безграничная преданность верховной власти. Что же можно сдѣлать съ такимъ народомъ? Но этого еще мало:

стойкость русскаго солдата извѣстна; съ нимъ полководецъ не всегда первостепенный (Петръ, впрочемъ, замѣчателенъ какъ и стратегъ, такъ смотритъ на него Г. А. Лееръ, лучшій знатокъ военной исторіи) побѣждалъ Карла XII, Фридриха II, Наполеона I, русскія арміи никогда не слагали оружія массами: ни Меца, ни Седана нѣтъ въ новой русской исторіи. Извѣстно, какъ грустно смотрѣлъ Фридрихъ на свою побѣду при Цорндорфѣ; русскіе переходили и Альпы и Балканы. Нужно ли говорить о томъ, что не деньгами дается побѣда въ національной борьбѣ? У насъ, кажется, нужно и Данилевскій указываетъ на то, что Франція въ 1793 г. побѣдила не банкирскими операціями; что наше торжество въ 1812 г. не условливалось никакими займами. Когда Россія встанетъ серьезно на борьбу, славяне непремѣнно откликнутся. Этого факта мы не хотимъ видѣть лишь потому, что слишкомъ много обращаемъ вниманіе на интеллигенцію славянскихъ народовъ, по большей части состоящую изъ людей полуобразованныхъ. Высокіе умы въ славянствѣ иначе смотрятъ на это дѣло, иначе смотритъ и народъ, традиціонно вѣрующій въ „Бѣлаго Царя".

Въ заключеніе своей книги авторъ пытается гадательно опредѣлить характеръ будущей общеславянской культуры. Культурная дѣятельность представляется въ четырехъ отношеніяхъ: *религіозная*, *собственно-культурная* (научная, художественная, техническая), *политическая* и *общественно-экономическая*. Въ первоначальныхъ культурахъ (китайская, египетская, индѣйская) всѣ эти дѣятельности еще смѣшаны. Еврейская культура исключительно религіозная, греческая—собственно культурная, по преимуществу эстетическая, римская—главнымъ образомъ политическая; новая Европа представляетъ двѣ основы культуры: политическую и собственно культурную (научную и техническую). Славянская культура, по мнѣнію автора, должна соединить всѣ четыре основы: религіозность русскаго народа не подлежитъ сомнѣнію; сила политическаго творчества сказалась въ его исторіи; способность славянъ къ искусству уже проявилась; въ наукѣ мы видимъ не только задатки (не надо забывать, что въ числѣ

величайшихъ геніевъ науки есть и славянинъ-Коперникъ). Въ экономическомъ отношеніи — русское надѣленіе крестьянъ землею—эпоха во всемірной исторіи. Таковы вкратцѣ выводы Данилевскаго, желающіе ближе познакомиться съ ними обратятся къ книгѣ его.

Читатели, конечно, не посѣтуютъ на насъ за подробное изложеніе содержанія замѣчательнѣйшей изъ всѣхъ русскихъ книгъ послѣдняго времени, а можетъ быть даже и не одного послѣдняго. Книга эта едва-ли извѣстна большинству публики и едва-ли многими изучена основательно; а между тѣмъ она принадлежитъ къ числу книгъ, оставляющихъ послѣ себя очень мало, если прочесть ихъ слегка, какъ мы привыкли читать журнальныя статьи. Книгу эту знаютъ только тѣ, кто читалъ ее согласно съ совѣтомъ Горація: manu versate diurna, versate nocturnaque. Каждое перечитываніе ея открываетъ въ ней новыя стороны. По самому своему изложенію „Россія и Европа“ не можетъ быть легкимъ чтеніемъ: многосторонняя ученость автора постоянно внушаетъ ему эпизодическія разсужденія, аналогіи и несмотря на строго логическую послѣдовательность мыслей, такая особенность изложенія ставитъ читателя въ затрудненіе. Особенность терминологіи, которую мы старались удержать въ своемъ изложеніи, тоже является для многихъ препятствіемъ. Наконецъ, занятый своей мыслью, подавляемый богатствомъ соображеній, плодомъ геніальности его ума, массою фактовъ изъ разныхъ областей знанія, авторъ болѣе думалъ о логичномъ согласованіи соображеній съ фактами и между собою, чѣмъ объ удобствѣ читателя. Въ высокихъ, рѣдкихъ во всемірной литературѣ качествахъ книги Данилевскаго тонутъ мелкія неудобства ея изученія. Можетъ быть, относительно пользы для изучающаго эти неудобства должны обратиться въ удобства: книга требуетъ полнаго вниманія, требуетъ такого читателя, о которомъ мечталъ Гёте, читателя способнаго забыть себя, и автора,

и весь міръ, и жить только въ книгѣ, по крайней мѣрѣ на время ея изученія [1]).

Самое существенное достоинство книги—установленіе теоріи культурно-историческихъ типовъ. Зародышъ этой теоріи въ давнемъ мнѣніи о томъ, что народы, какъ и люди, мужаютъ, старѣются и умираютъ; мнѣніе это отразилось въ знаменитыхъ corsi e ricorsi Вико. Н. Н. Страховъ въ предисловіи отъ издателя говоритъ, что у нѣмецкаго историка Рюккерта есть указаніе на эту теорію; можно пожалуй сказать, что мнѣніе Фриммана объ отдѣльности исторіи востока отъ исторіи классическихъ народовъ, которую онъ связываетъ съ исторіею западной Европы, не далеко отъ мнѣнія Данилевскаго. Какъ бы то ни было, нигдѣ еще доселѣ теоріи эти не развиты такъ полно, обстоятельно и широко, какъ въ книгѣ, насъ занимающей. Можно, конечно, найдти тотъ или другой типы недостаточно отдѣльными, можно отыскать другія грани между типами, можно, пожалуй, прибавить или убавить ихъ число (выдѣлить напр. цивилизацію финикійскую); но едва-ли можно поколебать общее основаніе, едва-ли можно доказать, что прогрессъ совершается не тѣмъ путемъ, который указалъ Данилевскій, едва-ли можно будетъ опровергнуть тотъ установленный имъ фактъ, что культурные типы развиваютъ каждый свою сторону человѣческаго духа, что развиваемая каждымъ такимъ типомъ сторона отражается даже въ такихъ сторонахъ дѣятельности, которыя общи нѣсколькимъ типамъ. Законъ разнообразія въ единствѣ, общій законъ природы, блистательно примѣненъ къ исторіи, и Н. Н. Страховъ вполнѣ правъ, когда въ своей превосходной характеристикѣ книги Данилевскаго указываетъ на то, что высшая ея заслуга—внесеніе въ исторію естественной системы, а естественная система только одна потому, что двухъ истинъ быть не можетъ.

---

[1]) Пожалѣемъ о томъ, что издатель не счелъ возможнымъ помѣстить въ концѣ книги политическихъ статей Данилевскаго изъ „Русск. Міра“ и „Моск. Вѣд.“, которыя послужили бы отличнымъ дополненіемъ и частію поясненіемъ книги.

Пусть же тѣ, кто изучаютъ науки общественныя, глубже и глубже вникаютъ въ книгу Данилевскаго, пусть плодотворныя мысли, имъ собранныя въ одно цѣлое, послужатъ основаніемъ самостоятельнаго развитія нашей науки, которой до сихъ поръ недоставало такого центральнаго взгляда. Самъ Данилевскій показалъ, что и въ другихъ сферахъ мысль его плодотворна: и въ естествознаніи онъ борется съ тою же теоріею прогресса, которую въ сферѣ наукъ общественныхъ опровергаетъ онъ въ „Россіи и Европѣ“. Пусть и „Дарвинизмъ“ его оплодотворяетъ самостоятельными мыслями наше естествознаніе.

Книга Данилевскаго важна не только для русской науки, но и для русскаго общества: мы такъ привыкли къ самоуниженію, самобичеванію, что каждый твердый голосъ, защищающій русское начало, кажется намъ какой-то непозволительной ересью. Пора же намъ сознать, что какъ бы мы ни стремились представить русскій народъ меньшимъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности, намъ это никогда не удастся. Книга Данилевскаго должна бодрить насъ, она должна служить оправданіемъ того, что нѣкогда А. А. Григорьевъ приписывалъ русскому народу:

И видитъ онъ орлинымъ окомъ
Въ своемъ грядущемъ недалекомъ
Мету совсѣмъ иной борьбы,
Иракла новаго столбы.

К. БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ.

ТЬМА ЕГИПЕТСКАЯ [1].

РОМАНЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА XVI.

Мать Серафима съ Тамарой.

Подкрѣпившись послѣ ранней обѣдни чаемъ съ просвиркой, мать Серафима зашла провѣдать Тамару въ отведенномъ ей помѣщеніи.

— Ну что́, дитя мое, отдохнули ль вы? Хорошо ли васъ тутъ устроили? просто и ласково обратилась она къ поднявшейся навстрѣчу ей дѣвушкѣ.

Та отвѣчала, что всѣмъ совершенно довольна и не знаетъ, какъ благодарить ее за все, для нея сдѣланное.

Игуменья присѣла на одинъ изъ двухъ плетеныхъ стульевъ, у простаго деревяннаго столика, приставленнаго къ стѣнѣ, предъ углубленнымъ окошкомъ. Ей хотѣлось познакомиться съ Тамарой поближе, приглядѣться къ ней, узнать хотя нѣсколько черты ея нравственнаго облика и причины, побуждающія ее къ разрыву съ еврействомъ. Заботливымъ взглядомъ внимательной хозяйки она оглядѣла всю комнату и видимо осталась довольна. Проворная келейница Наталья своевременно успѣла прибрать все какъ слѣ-

[1]) См. Русскій Вѣстникъ № 4, 1888 г.

дуетъ, привела комнату въ опрятный видъ, застлала постель чистымъ бѣльемъ и бѣлымъ пикейнымъ одѣяломъ, затеплила предъ образомъ лампадку и позаботилась даже напоить Тамару чаемъ, къ которому принесла ей изъ монастырской пекарни пару вкусныхъ бѣлопшеничныхъ хлѣбцевъ.

— Что̀ это за книжка? ваша? спросила между прочимъ Серафима, замѣтивъ на подоконникѣ, рядомъ съ узелкомъ Тамары, довольно толстую тетрадку въ корешковомъ переплетѣ.

При этомъ неожиданномъ вопросѣ, Тамара нѣсколько смутилась и покраснѣла.

— Моя, проговорила она, невольно конфузясь и какъ бы оправдываясь:—это... это „Дневникъ“ мой... гимназическій еще... но я ни за что̀ не хотѣла оставлять его дома... Тамъ онъ навѣрно попалъ бы теперь въ чужія руки... Стали бы читать, а я не хотѣла, чтобы посторонніе знали мою душу и все, что̀ я думаю... Тамъ это, кромѣ глумленія и злобы, ничего не встрѣтило бы.

— О, въ этомъ случаѣ ваше побужденіе совершенно понятно, какъ понятно и то, что дѣвушки въ ваши годы нерѣдко ведутъ дневники...—Кто въ этомъ не грѣшенъ! снисходительно замѣтила Серафима, и ласковый, добросердечный тонъ ея словъ пріободрилъ Тамару.

— Скажите мнѣ, дитя мое, продолжала все также сердечно игуменья:—давно это вамъ запала мысль перемѣнить религію?

— Нѣтъ, недавно; всего лишь нѣсколько недѣль.

— И что̀ же собственно побудило васъ къ этому?

Послѣдній вопросъ не удивилъ Тамару: раньше или позже, она во всякомъ случаѣ должна была ожидать его; но тонъ, какимъ былъ онъ теперь предложенъ, инстинктивно подсказалъ ей, что никакого неискренняго или даже уклончиваго отвѣта съ ея стороны быть не должно, что всякая фальшь невольно выдастъ сама себя, съ перваго же слова, и глазами, и голосомъ, а потому надо говорить правду, такъ какъ только правда можетъ доставить ей сочувствіе и

поддержку такой женщины, какъ Серафима, которая въ своей нравственной чистотѣ и простосердечной искренности, какъ казалось Тамарѣ, глубоко читаетъ въ ея душѣ въ эту самую минуту. И она рѣшилась сказать правду, хотя высказывать ее казалось ей нелегко.

— Побудила меня любовь, проговорила она, застѣнчиво потупляя глаза:—я люблю христіанина и хочу быть его женою... Дѣлаю это съ обоюднаго нашего согласія.

Серафима задумчиво и внимательно посмотрѣла на дѣвушку.

— Любовь... Одно только *это?* проговорила она серьезно и нѣсколько строго:—Но вѣдь вы еще такъ молоды, это можетъ пройдти, и тогда почемъ знать,—быть можетъ, вы не разъ еще и горько раскаетесь въ своемъ шагѣ... А его вѣдь ужъ не поправишь!...

— Нѣтъ, не раскаюсь, увѣренно и твердо сказала Тамара, поднявъ на игуменью открытые, ясные взоры.—Не раскаюсь. Я вполнѣ знаю, что̀ дѣлаю, знаю, что̀ мнѣ предстоитъ, и... тѣмъ не менѣе... рѣшеніе мое безповоротно.

— Вы такъ думаете... Но, во всякомъ случаѣ, причина кажется мнѣ слишкомъ еще недостаточной, возразила Серафима. Я не спрашиваю васъ, продолжала она:—кто именно избранникъ вашего сердца и охотно готова вѣрить, что это человѣкъ достойный во всѣхъ отношеніяхъ,—да иного отзыва о немъ съ вашей стороны, конечно, и быть теперь не можетъ. Но изъ вашихъ словъ я вижу, что вѣра Христова не есть для васъ цѣль, сама по себѣ; вы избираете ее лишь по необходимости, какъ средство къ достиженію вашихъ личныхъ влеченій, и то потому только, что между этими влеченіями и ихъ предметомъ стоитъ препятствіемъ церковный и гражданскій законъ, котораго нельзя обойдти иначе, не такъ ли?

— Нѣтъ... простите меня, но не совсѣмъ такъ, убѣжденно возразила Тамара.—Изъ-за однихъ только своихъ влеченій, я еще не рѣшилась бы перемѣнить вѣру, еслибы у меня не было внутренняго убѣжденія.

— А, это другое дѣло! Внутреннее убѣжденіе... Но,

извините меня, откуда въ васъ могло взяться такое внутреннее убѣжденіе? Вѣдь чтобы убѣдиться, надо сначала хорошо узнать то, въ чемъ убѣждаешься. Чтобы сказать себѣ „эта вѣра лучше моей“, надо сперва изучить и ту, и другую, надо изслѣдовать, сравнить ихъ основанія, а это такая задача, что едва-ли она подъ силу такой молодой дѣвушкѣ. Да и гдѣ у васъ средства на это?

— Средство тутъ одно: Евангеліе, и другихъ мнѣ не надо, спокойно и просто отвѣтила Тамара.—И развѣ тѣ евангельскія женщины, что стояли у креста на Голгофѣ, были ученыя? продолжала она:—развѣ онѣ сравнивали, изучали?—Онѣ просто слышали слова Спасителя и увѣровали сердцемъ.

Такой отвѣтъ поразилъ Серафиму. Ничего подобнаго она не ожидала отъ „современной“ еврейской дѣвушки и потому невольно остановила на ней удивленный взглядъ.

— А вамъ знакомо Евангеліе? спросила она.

— Да, знакомо. Мнѣ далъ его однажды человѣкъ, котораго я люблю. Это было еще на первыхъ порахъ нашего знакомства. Я заинтересовалась Евангеліемъ, сначала не болѣе какъ и всякой „запрещенной“ книжкой,—то-есть, запрещенной для Еврейки, потому, что въ еврейскомъ кругу сочли бы крайне предосудительнымъ для женщины такое чтеніе.—Я стала читать по ночамъ, заперпшсь у себя въ комнатѣ, и тутъ неожиданно раскрылись мнѣ такія идеи, такія истины, которыя перевернули весь мой внутренній міръ...

Серафима продолжала смотрѣть на нее все тѣмъ же удивленнымъ взглядомъ, въ которомъ однако затеплилась теперь тихая внутренняя радость христіанки, нежданно обрѣтшей „душу живу“ тамъ, гдѣ и не чаяла.

— Кромѣ того,—продолжала Тамара:—первое дѣтство свое провела я заграницей, затѣмъ воспитывалась въ русской гимназіи, подруги у меня всѣ русскія, я постоянно бываю въ ихъ обществѣ, и все это настолько сблизило меня съ христіанами, съ ихъ жизнью и обычаями, что переходъ въ ихъ вѣру вовсе не кажется мнѣ чѣмъ-то чудовищнымъ...

Наконецъ, должна вамъ сказать еще и то, что я, богатая наслѣдница моихъ родныхъ, навсегда лишаюсь съ обращеніемъ въ христіанство всего, всѣхъ своихъ матеріальныхъ средствъ и благъ, и тѣмъ не менѣе я все-таки рѣшаюсь, я знаю на что̀ иду... А послѣ моего побѣга къ вамъ, назадъ мнѣ уже нѣтъ возврата, хотя Евреи, по всей вѣроятности, и будутъ добиваться этого. Но для чего? Чтобы въ конецъ измучить меня нравственно... Еврейство никогда не проститъ мнѣ этого поступка; въ его глазахъ, на мнѣ уже лежитъ самое позорное клеймо, и если *вы* меня теперь отвергнете, что̀ же мнѣ останется?!.. Самоубійство?

— Господь съ вами, дитя мое, что̀ это вы говорите! издали перекрестила ее Серафима.—Отвергнуть васъ я не могу, разъ что вы уже мною приняты. Я хотѣла только немножко ближе познакомиться съ вами, узнать ваши побужденія, душу вашу, чтобы знать, за кого я стою и ка̀къ стоять мнѣ, потому что̀ тутъ безъ борьбы не обойдется, я это предвижу.

— Душу мою... задумчиво повторила Тамара:—душу мою я отъ васъ не скрываю и не хочу скрывать. Все, что я думала, все, что я перечувствовала,—все это вотъ здѣсь, въ этой тетрадкѣ.

Съ этими словами, она взяла съ подоконника свой „Дневникъ“.

— Тутъ все... вся моя жизнь, вся задушевная исповѣдь... Хотите знать ее, возьмите и читайте... Я не таюсь предъ вами, я вся тутъ, какъ есть,—худа ли, хороша ли,—судить не мнѣ. Примите это какъ мою исповѣдь, я прошу васъ даже объ этомъ.

— Благодарю васъ за довѣріе, сказала съ нѣкоторымъ внутреннимъ колебаніемъ Серафима:—но только зачѣмъ же это? До чужихъ мірскихъ тайнъ я не хочу касаться, а чтобъ узнать васъ,—такъ вѣдь это я могу гораздо скорѣй изъ простой, откровенной бесѣды... То, что мнѣ нужно было знать, я уже знаю, и съ меня довольно.

— Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ!

*

раздался изъ корридора встревоженный голосъ келейницы Натальи, сопровождавшійся осторожнымъ стукомъ въ дверь.

— Аминь, отвѣтила игуменья на этотъ обычно-условный, по монастырскому уставу, предваряющій возгласъ, и вслѣдъ за тѣмъ запыхавшаяся послушница вошла въ келію.

— Матушка! Бѣда у насъ чуть не случилась, доложила она, остановясь у двери и отдавая игуменьѣ, по уставу, поясной поклонъ со сложенными ниже груди руками.

— Что̀ такое? серьезно сдвинула брови Серафима.

— Евреи ломятся во святыя ворота... цѣлая толпа... камнями швыряютъ во дворъ черезъ стѣну... въ сторожкѣ стекла вышибли... А однимъ булыжникомъ старицу Агнію сейчасъ-было чуть-чуть въ високъ не хватило.

Игуменья вскользь взглянула на Тамару. Та мгновенно вся поблѣднѣла и глядѣла на нее глазами полными испуга, мольбы и тревоги. Углы губъ ея замѣтно вздрагивали отъ нервнаго трепета.

— Ворота заперты? спросила Серафима келейницу.

— Всѣ на запорѣ, какъ сами давеча приказать изволили, и святыя, и чернодворскія.

— Ну, такъ остальное до насъ не касается; это дѣло мірской власти, спокойно сказала игуменья.—Да передай еще всѣмъ старицамъ и сестрамъ, что я прошу ихъ не ходить пока по двору, а сидѣть по своимъ кельямъ.

— Будьте покойны, дитя мое! ободрила она Тамару, подымаясь съ мѣста.—Тревожиться тутъ нечего: сюда они ни въ какомъ случаѣ не доберутся, и все это, я увѣрена, кончится сейчасъ же... ихъ разгонятъ. А что выдать васъ, я никогда не выдамъ, подтвердила монахиня твердымъ тономъ:—Никогда! Такъ это и знайте!.. Никто какъ Богъ! Будемъ молиться и надѣяться, что все устроится къ лучшему.

Тамара безъ словъ отвѣтила ей однимъ только глубоко благодарнымъ взглядомъ.

— Хотите читать или рукодѣльемъ какимъ заняться, такъ я могу прислать вамъ книгъ и работу, предложила, уже стоя въ дверяхъ, Серафима.

Успокоенная дѣвушка охотно изъявила свою готовность на все, что̀ ей будетъ указано, и монахиня, ласково кивнувъ ей головою, скрылась за дверью, въ сопровожденіи своей келейницы.

ГЛАВА XVII.

Изъ „Дневника" Тамары.

Оставшись одна и взволнованно ходя мелкими шажками по комнатѣ, Тамара нѣкоторое время не могла совладать съ хаосомъ внезапно взбудораженныхъ въ ней мыслей, впечатлѣній и ощущеній; чувствовала только, что теперь ей въ одно и то же время и хорошо, и жутко,—такъ хорошо и такъ жутко, что плакать хочется,—и что сердце переполнено радостнымъ умиленіемъ и щемящею болью какой-то. Впечатлѣнія бесѣды съ Серафимой смѣшивались въ ея душѣ съ мыслью о домѣ, о покинутыхъ старикахъ и съ потрясающими ощущеніями, только-что испытанными ею при извѣстіи о ломящихся въ монастырь Евреяхъ. Съ одной стороны ярко представлялись ей вся величавая въ своей простотѣ фигура Серафимы, строгій и въ то же время сердечный, прямо въ душу проникающій тонъ ея рѣчей, спокойно твердая сила и точно бы цѣлебно-успокоивающее вѣяніе на душу ея простыхъ, безхитростныхъ словъ, ея сдержанные, но прямо бьющіе въ цѣль вопросы, ея тихая привѣтливая улыбка и эта удивительная манера держать себя, гдѣ при всей простотѣ, невольно, сами собою сказываются прирожденное благородное достоинство и порода, гдѣ подъ суровою рясой монахини все же чувствуешь женщину, принадлежавшую нѣкогда высшему обществу. Для Тамары это было впечатлѣніе, полное какого-то благоговѣйнаго очарованія личностью Серафимы. Съ другой же стороны вспоминались и безсознательнымъ шепотомъ повторялись ею нѣкоторыя слова и отдѣльныя выраженія ея собственныхъ отвѣтовъ игуменьѣ, какихъ она какъ будто и сама не ожидала отъ себя, и даже до такой

степени, что теперь сама себѣ дивилась, откуда вдругъ взялись у нея такія мысли, такая рѣшимость и смѣлость высказывать въ самозащиту все, что было высказано ею. Теперь она сама уже убѣжденно чувствовала въ душѣ, что безповоротное рѣшеніе ея принять христіанство дѣйствительно безповоротно, что это не фраза, а сама истина и что послѣ ея разговора съ Серафимой, иначе и быть не можетъ.

Наконецъ, она мало по малу совсѣмъ успокоилась, присѣла къ столу и почти машинально раскрыла подвернувшійся ей подъ руку „Дневникъ". Перелистывая его, отъ нечего дѣлать, въ ожиданіи обѣщанной работы, принялась она перечитывать кое-какія попадавшіяся на глаза страницы.

***

„*10-е іюня 1874 г.* Сегодня день моего торжества. У насъ въ гимназіи былъ торжественный актъ. Я кончила курсъ первою ученицей и меня выпустили съ золотою медалью. Всѣ поздравляютъ, говорятъ разныя пріятныя вещи, учителя пріятно улыбаются и пожимаютъ намъ ручки, классныя надзирательницы совсѣмъ измѣнили тонъ, не брюзжатъ, не обрываютъ, а обращаются совсѣмъ какъ съ равными себѣ, точно бы мы всегда были имъ самыя задушевныя пріятельницы. А ужь товарки мои, въ особенности изъ среднихъ классовъ, чуть не молятся на меня, называютъ „божественною", „очаровательною", „счастливицею" и ужь не знаю, какъ еще... Подруги-сверстницы обнимаютъ и цѣлуютъ, — иныя, правда, немножко и завидуютъ, но это ничего; это, говорятъ, даже такъ и слѣдуетъ, по человѣчеству. Ольга Ухова, Сашенька Санковская, Маруся Горобецъ и я дали себѣ взаимное слово продолжать между собою тѣ же дружескія отношенія, какія всѣ семь лѣтъ связывали насъ въ гимназіи. Дѣдушка тоже присутствовалъ на актѣ во всѣхъ своихъ медаляхъ. Онъ гордъ и счастливъ своею внучкой; даже прослезился, когда меня торжественно вызвали къ столу и вручили золотую медаль вмѣстѣ съ дипломомъ. И отчего это, право, дѣдушка не хочетъ сдѣлать себѣ фракъ!—онъ

такъ шелъ бы къ его представительной наружности... Всѣ были въ мундирахъ и во фракахъ, одинъ только онъ въ своемъ патріархальномъ долгополомъ сюртукѣ. Впрочемъ, это не мѣшало тому, чтобы всѣ, начиная съ самаго губернатора, относились къ нему съ должнымъ почтеніемъ. Его тоже всѣ поздравляли съ такою внучкой „умницей и красавицей", и дѣдушка былъ этимъ очень растроганъ. Бѣлое батистовое платье съ прошивками и кружевомъ — ma première robe de grande demoiselle — сшитое не по условной гимназической формѣ, ко мнѣ очень идетъ. Оно просто, но изящно, и въ этомъ отношеніи наша m-me Sophie Пшиборовская постаралась приложить къ дѣлу весь свой варшавскій шикъ и искусство. Она очень хорошая портниха, съ большимъ вкусомъ, и я буду постоянно у нея одѣваться. Всѣ находили, что въ этомъ нарядѣ я прелесть какая хорошенькая! Губернаторша подходила ко мнѣ познакомиться, сдѣлала мнѣ нѣсколько комплиментовъ и заявила дѣдушкѣ, что ей будетъ очень пріятно видѣть у себя его „милую внучку". Словомъ, мнѣ везетъ,—везетъ съ перваго же шага на житейскомъ поприщѣ. Успѣхъ полный и я совершенно счастлива".

***

„*15-е іюня.* Вчера Санковскіе дѣлали grande soirée, по случаю выпуска Сашеньки. Я пріѣхала къ нимъ съ m-me Горобецъ, такъ сказать, подъ ея крыломъ, вмѣстѣ съ Маруеей. Не можетъ же бабушка Сарра сама вывозить меня въ свѣтъ: это не ея общество, да и не привыкла она, къ тому же. Дѣдушкѣ также было бы утомительно, а между тѣмъ, добрые мои старики понимаютъ, что мнѣ нужны развлеченія, и именно въ кругу моихъ подругъ, къ которому я привыкла еще съ гимназіи. Поэтому они не препятствуютъ мнѣ продолжать мои дружескія отношенія къ „нухримъ" и къ „гойишесъ нокэвесъ" [1]). По моей просьбѣ, рѣшено, что я буду выѣзжать въ свѣтъ подъ покровительствомъ m-me Санковской или m-me Горобецъ, вмѣстѣ съ ихъ дочерями.

[1]) Къ иновѣрцамъ и невѣрнымъ (христіанскимъ) дѣвушкамъ.

Обѣ эти милыя дамы были такъ добры и любезны, что сами, первыя предложили мнѣ это.

„На вчерашнемъ вечерѣ было очень весело, я очень много танцовала, такъ что сегодня просто ногъ подъ собою не слышу. И здѣсь опять-таки у меня полный успѣхъ, начиная съ костюма. На мнѣ было впервые надѣто бѣлое газовое платье, съ треномъ, подхваченное мѣстами небольшими букетиками бутоновъ чайной розы; открытый лифъ carré; на груди, съ лѣвой стороны, букетъ живыхъ чайныхъ розъ, въ волосахъ тоже двѣ живыя розы — et c'est tout! Эти розы, мои первыя бальныя розы, я спрятала себѣ на память. Нѣкоторые кавалеры высказывали мнѣ свое удивленіе, какъ это я, новичекъ на бальномъ паркетѣ, такъ ловко умѣю управляться со своимъ треномъ (!) и на этомъ основаніи пророчатъ мнѣ въ будущемъ великіе успѣхи. Уланы и пѣхотные, и штатскіе изъ правовѣдовъ просто забросали меня ангажементами. Кое-какіе злые язычки говорятъ, будто при этомъ на кавалеровъ магически дѣйствуетъ то, что я „богатая невѣста"; но это вздоръ: они же знаютъ, что я Еврейка и потому ни въ какомъ случаѣ не могу быть для нихъ невѣстой. А впрочемъ, пусть ихъ болтаютъ, что хотятъ!—Это нисколько не препятствуетъ моему успѣху.

„Третьяго дня мы съ дѣдушкой дѣлали визитъ губернаторшѣ. Она очень мило приняла насъ въ своей гостиной, сама наливала намъ чай и вообще была очень любезна. Немножко было натянуто, но вѣдь нельзя же иначе: на то она и „особа"... „Mon Simon" (кстати замѣтить, его весь городъ и не зоветъ иначе за-глаза, какъ Mon Simon'омъ, а ее—Mon Simon'шей) тоже присутствовалъ и все уговаривалъ дѣдушку, отчего бы ему опять не пуститься въ казенные подряды, доказывалъ и пользу государственную отъ этого, и пользу общественную, и требованія прогресса нашего времени, и еще что-то такое; но я не вслушивалась, потому, что была занята губернаторшей, которая разсказывала мнѣ свои воспоминанія о своемъ собственномъ выпускѣ изъ Екатерининскаго института. Говорятъ, будто она чопорная

и скупая, но мнѣ кажется, что въ сущности, все же добрая женщина".

***

„.... Пріобрѣла еще одного поклонника. Это нашъ бывшій учитель физики и математики Охрименко. Вотъ не ожидала-то!.. Говоритъ, что я ему очень нравлюсь, что я, „красивая" и, „съ задатками" (такъ-таки прямо это и высказалъ), но что мнѣ не хватаетъ еще настоящаго развитія. Это, говоритъ, еще ровно ничего не доказываетъ, что я кончила курсъ съ золотою медалью, потому что насъ учили одной дребедени, которую слѣдуетъ поскорѣе забыть и начать учиться сызнова. Совѣтуетъ въ Петербургъ, на курсы, а еще бы лучше въ Цюрихъ. „Вы, говоритъ, барышня, пожалуйста, много о себѣ не мечтайте и кисейность-то эту надо бы вамъ по боку, коли хотите, чтобы васъ уважали порядочные люди". Я даже немножко съ толку сбилась, не понимая, говоритъ ли онъ мнѣ любезности, или выговоръ дѣлаетъ, въ качествѣ прежняго моего учителя. Оказалось, однако, что любезности. Предложилъ мнѣ, что если я хочу, такъ онъ, пожалуй, согласенъ меня развивать „заправскимъ манеромъ" и доставлять мнѣ хорошія, честныя книжки, которыя откроютъ мнѣ глаза и научатъ, что̀ собственно нужно въ жизни для мыслящей интеллигентки. Все это прекрасно, и я не прочь учиться, только зачѣмъ онъ всѣхъ и все такъ ругаетъ, съ плеча и безъ разбора! Это дѣлаетъ непріятное впечатлѣніе и выходитъ у него какъ-то особенно грубо. А онъ какъ будто этимъ-то именно и кичится".

***

„Кстати о поклонникахъ. Ольга Ухова тоже заполонила себѣ одного и преинтереснаго, даже, можно сказать, блестящаго. Уланскій офицеръ, мужчина лѣтъ двадцати-пяти, красивъ и статенъ, усики — прелесть, глаза — цѣлое море страсти, вальсёръ и мазуристъ, какихъ нѣтъ другихъ въ Украинскѣ, цыганскіе романсы поетъ дивно, ѣздитъ вер-

хомъ какъ центавръ, лихо и красиво, — на лошади это просто картина!.. Затѣмъ, что̀ еще?.. Ахъ, да! отчаянно смѣлый охотникъ, стрѣляетъ изъ пистолета въ туза, имѣлъ уже нѣсколько романовъ съ нашими барынями и одну преинтересную дуэль, держитъ тройку лошадей въ русской упряжи, пользуется хорошимъ, не разстроеннымъ состояніемъ и, наконецъ, влюбленъ въ Ольгу, какъ котъ. Но при всемъ этомъ — увы! — у него невозможная фамилія. То-есть, совсѣмъ невозможная, хоть и дворянская: Пупъ!.. Поручикъ Пупъ, — можетъ ли быть что-нибудь хуже?! Можно ли даже носить такую неприличную фамилію и мириться съ нею!.. Ну, будь еще какъ-нибудь иначе, хоть немножко иначе, въ родѣ Пуповъ, Пупскій, Пупинскій,—все бы ничего; или, напримѣръ, Пупа̀, Пупé—это походило бы на что́-то французское, Пупо—на греческое, но Пупъ, просто такъ-таки малороссійскій Пупъ—это... это Богъ знаетъ что̀, даже оскорбительно какъ-то, тѣмъ болѣе, что имя у него прекрасное, самое поэтическое,—Аполлонъ; но чуть попробуешь сочетать имя съ фамиліей, выходитъ что-то смѣшное, каррикатурное!.. И нужно же такое несчастіе человѣку!.. Пронесся слухъ, будто онъ собирается сдѣлать Ольгѣ формальное предложеніе. Мы съ Марусей и Сашенькой сообщили ей объ этой новости и поздравили съ блестящею побѣдой. Но Ольга, что называется, и руками, и ногами противъ этого, даже въ ужасъ пришла:—„Нѣтъ, нѣтъ, говоритъ:— ни за что́ на свѣтѣ, ни за какія конфетки! Онъ интересенъ, онъ прелестенъ, онъ—само божество, онъ все, что угодно; увлечься имъ, влюбиться въ него, — да, это все возможно, это я все понимаю и даже, пожалуй, готова; но сдѣлаться его женой и называться m-me Пупъ,—нѣтъ, это сверхъ моихъ силъ, это невозможно, это просто скандалъ! Никогда, никогда и никогда!“ — Мы ужасно много смѣялись, а она даже сердится. Вотъ потѣха-то!“

***

„... До чего, однако, ревнивы и наглы наши Евреи!.. По секрету узнаю вдругъ сегодня отъ Айзика (онъ у насъ та-

кой проныра, — все узнаётъ, какъ гончая собака, чутьемъ какимъ-то), что къ дѣдушкѣ являлись утромъ двое кагальныхъ рошей [1]), съ упреками, подъ видомъ дружескихъ совѣтовъ и добраго участія, — зачѣмъ это онъ позволяетъ мнѣ знаться съ моими христіанскими подругами и бывать на ихъ вечерахъ и балахъ, гдѣ я легко могу „потрефиться", и почему бы мнѣ не избрать для себя подругъ между еврейскими дѣвушками. По ихъ мнѣнію, такое поведеніе съ моей стороны даже неприлично и можетъ скандализировать все благочестивое еврейское общество. Вотъ еще удивительная претензія! Если только Айзикъ не лжетъ, я нахожу, что это просто дерзость — осмѣлиться распространять свою кагальную цензуру даже на личныя знакомства и частныя отношенія людей, потому только, что люди эти принадлежатъ къ семитической расѣ и записаны въ ревизскихъ спискахъ мѣстнаго еврейскаго общества. Хотятъ предписывать, съ кѣмъ я могу и съ кѣмъ не должна быть знакома. Это ни на что не похоже! И что-за нетерпимость, что-за нелѣпый деспотизмъ!.. Айзикъ говоритъ, однако, что дѣдушка успѣлъ ихъ урезонить. Удивительно мнѣ только одно: на мѣстѣ дѣдушки, при его общественномъ положеніи и независимыхъ средствахъ, я бы не задумалась тотчасъ же указать этимъ господамъ на дверь, а онъ, по старымъ традиціямъ, на столько еще благоговѣетъ предъ своимъ общественнымъ управленіемъ, что счелъ нужнымъ убѣждать рошей и доказывать имъ, что ничего особенно дурнаго въ моихъ знакомствахъ не видитъ, что мои подруги принадлежатъ къ честнымъ и самымъ уважаемымъ въ городѣ домамъ, къ семьямъ людей вліятельныхъ по своему общественному и служебному положенію, что надо наконецъ и имъ, старикамъ, дѣлать нѣкоторыя разумныя уступки духу времени и своему молодому поколѣнію, которому видимо придется жить при другихъ условіяхъ; увѣрялъ даже рошей, что я, кромѣ чаю и бѣлаго хлѣба, ничего не ѣмъ у моихъ подругъ и потому никакъ не могу потрефиться (а я таки преисправно тамъ

---

[1]) *Рошъ*—выборный голова; званіе почетное.

ужинаю!), затѣмъ объяснялъ имъ, что на то была воля моего отца, чтобы я воспитывалась непремѣнно въ казенной гимназіи, дающей извѣстныя образовательныя права, которыя—почемъ знать!—быть можетъ, на что-нибудь еще и пригодятся мнѣ въ жизни, а разъ что я по своему образованію и развитію перешагнула за общееврейскій женскій уровень, то жестоко было бы требовать отъ меня, чтобы я не смѣла выбирать себѣ подругъ по своему вкусу, изъ дѣвушекъ одинаковаго со мною развитія; еслибы наши еврейскіе отцы и матери отдавали своихъ дочерей не къ домашнимъ меламдамъ [1]), а въ гимназіи, то, безъ сомнѣнія, нашлись бы для меня подруги и между еврейскими дѣвушками; теперь же это во всякомъ случаѣ не моя вина и стѣснить меня въ этомъ отношеніи онъ не можетъ. Словомъ, выходитъ такъ, что дѣдушка точно бы оправдывался предъ этими рошами. Ссориться съ нимъ изъ-за этого вопроса, конечно, не въ ихъ разсчетахъ, не политично,—потому что дѣдъ не кто-нибудь, а всѣми уважаемый „гвиръ",—но ушли они едва-ли убѣжденные его доводами. Теперь мнѣ ясно, почему въ еврейскомъ обществѣ начинаютъ на меня коситься.—Ну, и пускай ихъ, на здоровье, лишь бы носу больше не совали со своею непрошенной цензурой! Айзикъ увѣряетъ, будто они имѣютъ на это законное право, но неужели такъ? Вѣдь въ сущности, если вдуматься поглубже, такъ это просто возмутительно!"

* * *

„*1-е іюля.* Сегодня у насъ великая семейная радость. Неожиданно пріѣхалъ изъ Вѣны мой отецъ, котораго я уже нѣсколько лѣтъ не видала, и намѣренъ прогостить у насъ около мѣсяца, ради своихъ стариковъ. Дѣдушка написалъ ему о моемъ выпускѣ изъ гимназіи первою

---

[1]) Меламды - вольнопрактикующіе еврейскіе учителя, стоящіе по своему образованію, большею частію, на столь низкомъ уровнѣ, что сами же еврейскіе писатели (какъ напримѣръ, Г. Богровъ) свидѣтельствуютъ о полной ихъ несостоятельности.

лауреаткой, и онъ, оставивъ на время всѣ свои дѣла, прилетѣлъ полюбоваться на свою дочку. Милый мой папа! Какъ я ему благодарна!.. Нечаянный пріѣздъ его былъ истиннымъ и самымъ дорогимъ сюрпризомъ, какъ для меня, такъ и для дѣдушки съ бабушкой.—Вѣдь онъ у нихъ единственный сынъ. И какой онъ все еще элегантный, изящный, держитъ себя настоящимъ бариномъ, интересуется всѣмъ, и политикой, и литературой, и музыкой,—я просто и не ожидала. Со своимъ появленіемъ, онъ точно бы внесъ къ намъ въ домъ еще больше свѣта, тепла и оживленія. Господи, за что меня такъ балуетъ судьба!.. А какіе подарки!.. Привезъ мнѣ мой папочка фамильные брилльянты покойной мамы моей, которые, по ея завѣщанію, должны были перейдти ко мнѣ по достиженіи мною совершеннолѣтія или при выходѣ замужъ, а кромѣ того, привезъ еще и отъ себя въ подарокъ нѣсколько роскошныхъ золотыхъ вещицъ вѣнской работы,—прелесть, какія изящныя! Однѣхъ таможенныхъ пошлинъ на границѣ пришлось уплатить больше пятисотъ рублей. Можно бы было, конечно, и такъ провезти, но папа не захотѣлъ рисковать, въ особенности материнскими брилльянтами. Со мной онъ чрезвычайно ласковъ, добръ, внимателенъ и просто не налюбуется на меня. Зоветъ съ собою въ Вѣну, говоритъ, что мнѣ необходимо посмотрѣть на жизнь большаго европейскаго центра и отшлифоваться окончательно среди избраннаго общества, а затѣмъ и замужъ,—у него будто есть уже на примѣтѣ хорошій женихъ, который, онъ увѣренъ, непремѣнно мнѣ понравится: молодой, красивый, свѣтскій и богатый, и при всемъ томъ хорошій дѣлецъ, человѣкъ съ головою, за которымъ не пропадешь.—„Не здѣсь же, говоритъ, въ самомъ дѣлѣ, не между Украинскими хасидами [1]) искать тебѣ мужа!"—Что жъ, въ

[1]) *Хасидимъ* значитъ благочестивые, добродѣтельные, праведные. Такъ называются послѣдователи жившаго во второй половинѣ XVII вѣка, въ мѣстечкѣ Менджибожѣ, въ Польшѣ (нынѣ Подольской губерніи) Израиля баалъ-шемъ-тоба (сокращенно пишется и произносится *бештъ*) т. е. мужа добраго имени или чудотворца. Въ сущности, это есть современная, но выродившаяся секта фарисеевъ. Уче-

Вѣну, такъ въ Вѣну! Я очень рада прокатиться и разсѣяться, только на счетъ замужества пока еще не думаю и такъ-таки прямо и высказала отцу, что выйду не иначе, какъ за того, кого изберетъ мое собственное сердце. А онъ мнѣ на это: „Баронессой, говоритъ, будешь“.

„— Какъ такъ баронессой? спрашиваю его:—почему баронессой?

„— Потому—говоритъ,—что мой проектируемый женихъ баронъ.

„— Въ такомъ случаѣ, стало быть, онъ христіанинъ?

„— Нѣтъ, зачѣмъ же непремѣнно христіанинъ? Напротивъ, онъ чистокровный Еврей и изъ очень почтеннаго семейства.

„— Такъ какъ же это, Еврей и вдругъ баронъ?!

„— Что жъ тутъ удивительнаго, коза ты эдакая! Ужъ если у насъ въ Россіи есть бароны „изъ нашихъ“, такъ у насъ, въ Австріи, ими хоть прудъ пруди! Развѣ ты не слыхала, напримѣръ, хоть про Ротшильдовъ?

„Я даже руками всплеснула отъ удивленія.

„— Такъ неужели же это будетъ одинъ изъ Ротшильдовъ? спрашиваю отца, а сама думаю, что онъ шутитъ надо мною. А онъ мнѣ на это:—„Почему жъ бы и нѣтъ, говоритъ:— древній родъ Бендавидовъ таковъ, что самъ по себѣ можетъ сдѣлать только честь любому Ротшильду, генеалогія которыхъ еще не Богъ-вѣсть какая важная“.

ніе ихъ, по свидѣтельству Г. Богрова, составляетъ „странную смѣсь евреизма, пиѳагорщины, діогенщины и крайняго цинизма“. Хасиды — это еврейскіе спириты. Они вѣруютъ переселенію душъ въ людей и животныхъ, и главный предметъ изученія для нихъ составляетъ *Кабалла*, носящая вполнѣ мистическій характеръ. Большею частію, они тунеядствуютъ, населяя собою синагоги и проводя всю жизнь среди своихъ кружковъ въ толкахъ о кабаллистическихъ тонкостяхъ. Бракъ у нихъ обязателенъ, но ласки жены хасидъ принимаетъ лишь „подъ вліяніемъ дьявольскаго навожденія“ и смотритъ на нее не только какъ на рабу, но просто какъ на вьючное домашнее животное. Они очень нечистоплотны и одѣваются грязно, но это потому, что чѣмъ неопрятнѣе наружность хасида, тѣмъ святѣе считается онъ у вѣрующихъ въ хасидскую праведность.

„Это, конечно, не болѣе, какъ разговоръ, и папа, какъ объяснилось затѣмъ, прочитъ мнѣ въ женихи хотя и барона, только вовсе не Ротшильда, тѣмъ не менѣе слова его заставили меня нѣсколько призадуматься. Я люблю подмѣчать въ себѣ кое-какія слабыя стороны, такъ сказать, ловить самоё себя на отрицательныхъ чертахъ своего характера и потому должна теперь сознаться, наушко самой себѣ, что во мнѣ есть-таки изрядная доля тщеславія. Пускай родъ Бендавидовъ и очень древенъ, а все же пріятно носить громкій титулъ баронессы, графини, маркизы и т. п. Хотя, въ сущности, быть можетъ, это не болѣе какъ пустой звукъ, съ философской точки зрѣнія, но... грѣшный человѣкъ,—это такъ красиво, такъ звучно, такъ подымаетъ надъ толпою, и это мнѣ нравится.

„Какая, однако, я еще пустая дѣвчонка!.. Да, пустая,—сознаю это, а все же нравится. Вотъ и поди жъ ты!“

***

„*5-е іюля.* Третьяго дня папа поѣхалъ представиться губернатору, въ качествѣ временнаго гостя въ его городѣ и, кстати, поблагодарить за любезное вниманіе, оказанное мнѣ его супругой, а вчера (о, удивленіе!) „Mon Simon“ самъ, лично, отвѣтилъ ему визитомъ, — нарочно пріѣзжалъ для этого въ открытомъ фаэтонѣ. Такой „чести“ онъ даже и дѣдушку никогда еще не удостоивалъ, а присылалъ къ нему обыкновенно только свою карточку. Въ еврейскомъ муравейникѣ по этому поводу большая сенсація. Во время вчерашняго своего визита, „Mon Simon“ пригласилъ на сегодня папу и меня къ обѣду. Папа мой, какъ libre penseur, не наблюдаетъ „кашера“ и „трефа“, и мы поѣхали. Да и неловко было бы отказаться. Общество было небольшое, но отборное, сливки губернской чиновной аристократіи, и папа примировалъ между гостями. Удивительное право дѣло, что̀ значитъ въ глазахъ людей золотой мѣшокъ!.. Ну что̀ такое, казалось бы, для всѣхъ этихъ важныхъ господъ мой папа?—Случайный, мимолетный гость нашего города, совсѣмъ посторонній и даже не интересный человѣкъ. А между тѣмъ, всѣ, не исключая самаго Mon Simon'а и его супруги, за

нимъ ухаживали, какъ за какимъ-нибудь „знатнымъ иностранцемъ“, а нѣкоторые столь явно и вовсе не тонко льстили и, можно сказать, лебезили предъ нимъ, почти до подобострастія, что мнѣ, иными минутами, въ душѣ просто совѣстно за нихъ становилось. И подумаешь, изъ-за чего все это?.. Даже и не изъ-за „Гекубы“!.. Я понимала бы еще, еслибъ хоть денегъ, что ли, разсчитывали они занять у него, а то вѣдь и этого нѣтъ,—безкорыстно! Изъ-за того лишь, что онъ „извѣстный вѣнскій банкиръ“, „de la haute finance“,—и только! И эти же самые люди, безъ сомнѣнія, самымъ искреннимъ образомъ презираютъ и осуждаютъ между собою Евреевъ (и моего отца въ томъ числѣ, конечно) за будто бы искони присущее намъ поклоненіе „тельцу златому“.—Господи! да развѣ это не то же самое?!

„А впрочемъ, это съ моей стороны выходитъ злость, и даже не „маленькая“. Люди насъ радушно пригласили и накормили, были съ нами отмѣнно любезны, и я же ихъ браню и осуждаю за это. Нехорошо!.. Но вырывать или тщательно зачеркивать страницу не стану, хоть и хотѣлось бы, послѣ того какъ перечла и пораздумала надъ нею. Некрасивая страница. Но пускай ужь такъ и остается она для меня достойнымъ укоромъ и уликой нехорошаго душевнаго движенія“.

* * *

„*10-ое іюля.* Оказывается, однако, что ухаживаніе за папой со стороны Mon Simon'а было вовсе не безцѣльно и приглашеніе на обѣдъ устроено не безъ тонкаго разсчета. Мон-Симонша устраиваетъ въ городскомъ саду большое общественное гулянье и балъ въ лѣтнемъ клубѣ съ лотереей allegri, съ благотворительною цѣлью, въ пользу „mes chers pauvres“, какъ она выражается, и съ насъ по этому поводу нужна контрибуція. Вотъ и разгадка. Папа получилъ еще позавчера оффиціальное приглашеніе на бланкѣ, гдѣ изображено, что „ея превосходительство, супруга г. начальника губерніи, проситъ васъ, милостивый государь, пожаловать сего числа въ восемь часовъ вечера, въ совѣщаніе особаго

благотворительнаго комитета, по поводу предполагаемаго ея превосходительствомъ устройства общественнаго праздника". Папа, конечно, „пожаловалъ" и долженъ былъ „доброхотно" подписать на это устройство пятьсотъ рублей, да кромѣ того, впередъ записаться на двѣсти лотерейныхъ билетовъ, по полтиннику каждый. Но и этимъ дѣло еще не кончается, такъ какъ и меня тоже „привлекли къ отвѣтственности". Въ числѣ нѣсколькихъ „избранныхъ" молодыхъ дамъ и дѣвицъ изъ общества, я удостоена „чести" вертѣть колесо или продавать въ одномъ изъ кіосковъ какую-то дребедень. Впрочемъ, впослѣдствіи, по распредѣленіи ролей, оказалось, что мнѣ, вмѣстѣ съ Марусей Горобецъ досталось продавать десертъ—фрукты, ягоды и конфекты, Сашенькѣ торты и тартинки, а Ольгѣ—шампанское. Мон-Симонша, въ видахъ сокращенія расходовъ, рѣшила, чтобы каждая дама и дѣвица, назначенная къ какой-либо торговлѣ, озаботилась заблаговременно пріобрѣсти на собственный счетъ, по силѣ возможности, и самые предметы этой торговли. Намъ-то съ Марусей оно съ полà-горя, потому что ягоды да конфекты не Богъ-вѣсть чего стоютъ, а у бѣдной Ольги, хотя она и очень польщена честью играть роль Гебы-разливательницы, все же вытянулась физіономія: нѣсколько дюжинъ шампанскаго—это-таки чувствительно для кармана. Желая выручить ее изъ затрудненія, я предложила ей помѣняться со мною ролями, и, судя по первому ея движенію, она готова была согласиться, но вдругъ запнулась, какъ бы сообразивъ что-то, и отказалась.—„Нѣтъ, говоритъ, милочка, merci! Не ловко... Ужъ нечего дѣлать, когда такъ досталось, а ты вотъ чтó: если ужъ хочешь оказать мнѣ большую дружескую услугу, такъ устрой такъ, чтобы дѣдушка отпустилъ намъ шампанское въ кредитъ, изъ своего бакалейнаго склада". Я пообѣщала, но устроила это сегодня гораздо проще: дѣдушка согласился прямо пожертвовать отъ себя все шампанское, сколько тамъ его выпьютъ. Такимъ образомъ, Ольга вдвойнѣ довольна и счастлива, и я тоже очень рада, что могла доставить ей это удовольствіе. А Мон-Симонша, оказывается, пожертвовала для лотереи какую-то склеенную

фарфоровую вазу, которая будетъ вѣнчать собою всю красную горку выигрышныхъ вещей. Вотъ что́ называется, и дешево, и сердито".

* * *

„... Въ среду, утромъ, къ папѣ являлась еврейская депутація отъ главной синагоги и нѣсколькихъ благотворительныхъ союзовъ нашей городской общины, съ предложеніемъ—не угодно ли ему сдѣлать въ пользу ихъ учрежденій нѣкоторыя пожертвованія. Тутъ были представители и отъ погребальнаго братства *хевро́*, и отъ братства страннопріимнаго, и отъ ссудной кассы для бѣдныхъ, и отъ *бикуръ-холимъ*[1]), и даже двѣ еврейскія дамы-представительницы *Гахносатъ кала*, или союза помощи бѣднымъ невѣстамъ. Отецъ пожертвовалъ пятьсотъ рублей на синагогу, пятьсотъ въ цедоке-гадола[2]) погребальнаго братства и всѣмъ остальнымъ тоже по пяти сотъ, итого три тысячи. Пожертвованіе бѣднымъ невѣстамъ было сдѣлано папой отъ моего имени. Всѣ депутаты и депутатки, конечно, разсыпались въ тысячахъ благодарностей и благихъ пожеланій, а синагогальный габай[3]) выразилъ, между прочимъ, надежду, что отецъ не откажется въ наступающую субботу отъ почетной аліа[4]), которую синагога намѣрена предложить ему въ воздаяніе за столь щедрое пожертвованіе, и, тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ на это право, какъ возвратившійся въ домъ отца своего съ дороги.

---

[1]) Союзъ помощи бѣднымъ.

[2]) Большая благотворительная кружка.

[3]) *Габай*—староста синагоги, который смотритъ за порядкомъ и завѣдываетъ всѣми хозяйственными дѣлами. Габай лицо выборное, и обыкновенно въ каждомъ молитвенномъ домѣ бываетъ четверо габаевъ, выбираемыхъ вмѣстѣ со своими кандидатами срокомъ на одинъ годъ. Выборы совершаются въ выпускные дни Пасхи ежегодно. Въ отправленіи своихъ обязанностей габаи чередуются между собою помѣсячно.

[4]) *Аліа* собственно означаетъ поднятіе на биму (возвышенная эстрада посреди синагоги) и знаменуетъ собою восхожденіе на Синай, изображаемый въ каждой синагогѣ бимой, откуда возвѣщаютъ собравшейся общинѣ законы, данные самимъ Богомъ (*Тора*) и читаютъ Пророковъ. Обрядъ Аліа установленъ Эздрою, а по мнѣнію другихъ (Колбо, уставъ о чтеніи Пятикнижія, гл. 20) даже самимъ Моисеемъ.

„Отъ столь высокаго почета не отказываются, и потому вчера утромъ мы всею семьею отправились въ бейсъ-гакне-

---

Исполненіе этого обряда возложено на людей всѣхъ сословій, для чего и призываются къ чтенію избранные. Чтеніе это совершается однако не ежедневно, а лишь по понедѣльникамъ, четвергамъ и субботамъ, а также въ праздники новолунія и въ дни поста; оно входитъ въ составъ общественнаго богомоленія и производится не иначе, какъ по принадлежащему синагогѣ и написанному всегда на пергаментѣ свитку Торы (Пятикнижія) Обрядъ Аліа происходитъ слѣдующимъ образомъ: по окончаніи чтенія Шемина Эсрей (главная часть богомоленія), кто-либо изъ присутствующихъ мірянъ вынимаетъ изъ орнъ-гакодеша (кивота) свитокъ Торы и передаетъ его кантору,—а вынимать свитокъ и вставлять оный обратно, равно какъ развивать, свивать и перевязывать его лентой,—все это составляетъ *Мицотъ*, благочестивыя дѣянія, совершаемыя по данному обѣту. Канторъ, принявъ Тору, произноситъ краткое молитвословіе и совершаетъ съ нею торжественное восхожденіе на биму, причемъ народъ окружаетъ его и благоговѣйно прикладываются къ свитку. На бимѣ встрѣчаютъ кантора габай и одинъ изъ шамешовъ, и всѣ вмѣстѣ укладываютъ свитокъ на столъ. Послѣ этого, канторъ, по указанію габая, громко и на распѣвъ призываетъ по имени, отчеству и титулу того, кто удостоился чести первымъ приступить къ чтенію. На этотъ зовъ, приглашенное лицо подымается со своего мѣста и отправляется на биму. Приложившись къ Торѣ, удостоенный громко произноситъ молитву благословенія Богу-законодателю, избравшему для врученія своего закона между всѣми народами земными одного лишь Израиля. Народъ громко отвѣчаетъ ему „Аминь", и затѣмъ начинается чтеніе. Но такъ какъ читать вполнѣ правильно и еще съ правильнымъ распѣвомъ по свитку, писанному безъ пунктуацій и знаковъ препинанія, рѣдко кто умѣетъ, то при каждой порядочной синагогѣ состоитъ особый *баалъ-корея*, ученый чтецъ, который и читаетъ вслухъ, а лицо приглашенное повторяетъ за нимъ каждое слово втихомолку. По окончаніи чтенія, приглашенный опять произноситъ молитву благословенія и удаляется съ бимы на свое мѣсто. Въ будничные дни и въ постъ читается три аліесъ, въ новолуніи четыре, въ праздники пять, въ день судный шесть, а по субботамъ семь, при участіи чтецовъ изъ среды прихожанъ. Первая и самая почетная аліа принадлежитъ всегда когену, какъ потомку Аарона, брата Моисеева, сохраняющему въ родѣ своемъ права и благодать еврейскаго священства; вторая—левиту, какъ помощнику когена въ священнослуженіи, совершавшемся нѣкогда въ стѣнахъ храма іерусалимскаго. (По разрушеніи храма, священнодѣйствія болѣе не совершаются, впредь до его возстановленія, а происходятъ только общественныя богомоленія, и потому когены и левиты священническихъ обязанностей своихъ нынѣ не исполняютъ болѣе). Затѣмъ, всѣ послѣдующія аліесъ достаются на долю мірянъ и для раздачи ихъ существуетъ слѣдующій порядокъ: *наси* (т. е. князь, если таковой имѣется на лицо), *талмудъ-хахамъ* (ученый талмудистъ) и *парнесъ* (представитель общественнаго управленія) берутъ на свою долю самыя высшія изъ аліесъ, каковыми считаются *шелиши* и *шиши*, т. е. третья и шестая; прочія идутъ въ удѣлъ остальнымъ прихожанамъ. Но изъ числа прихожанъ бываютъ лица, *хаюбимъ*, которымъ всѣ должны уступать алію, и таковыми считаются: *баръ-мицва*, т. е. лицо

сетъ [1]), къ субботнему богомоленію. У бабушки давно уже откуплено въ синагогѣ свое мѣсто, въ женской галлереѣ, и когда мы отправляемся съ нею вдвоемъ, то обѣимъ намъ приходится тамъ тѣсниться,—поэтому я бываю въ синагогѣ довольно рѣдко, тѣмъ болѣе, что посѣщеніе ея для Еврейки и не считается обязательнымъ; но сегодня пришлось потѣсниться и дѣдушкѣ, такъ какъ онъ уступилъ свое мѣсто папѣ. Впрочемъ, ему было подано особое почетное кресло. Входить во внутрь синагоги женщины не имѣютъ права и потому, пропустивъ своихъ мужчинъ впередъ, въ главныя

достигшее совершеннолѣтія (13 лѣтъ и 1 день); женихъ въ субботу передъ свадьбой и послѣ оной, мужъ родильницы, лицо справляющее годовщину (панихиду) по родителямъ лицо окончившее *шива*, т. е. первую недѣлю траура и т. п Субботнее чтеніе Торы раздѣлено на 54 отдѣла, по числу субботъ въ еврейскомъ году, который имѣетъ 355 дней или 51 недѣлю, а высокосный 385 дней или 53 недѣли. Высокосный годъ слѣдуетъ всегда два раза сряду черезъ годъ и разъ черезъ два года и получаетъ прибавочный мѣсяцъ, слѣдующій за мѣсяцемъ Адоромъ и называемый Адоромъ вторымъ Лицу, удостоенному аліи, канторъ тутъ же читаетъ на распѣвъ молитву о его здравіи, равно какъ и о здравіи лицъ, имъ указанныхъ, изъ числа присутствующихъ его родныхъ, друзей и т. п., называя при этомъ каждаго по имени и отчеству, съ присовокупленіемъ лестныхъ для Евреевъ титуловъ: морейне, море-морейне, море-морейне-гарафъ, имѣющихъ почти одинаковое значеніе съ благородіемъ, высокоблагородіемъ и т. п. Для Евреевъ этотъ молебенъ имѣетъ то самое значеніе, какъ для православныхъ заздравицы во время проскомидіи. При извѣстныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, при разрѣшеніи жены отъ бремени, возвращенія изъ дороги, годовщины смерти родителей, полнолѣтія, вступленія въ бракъ и т п., алія считается обязательною для Еврея Въ силу этого обстоятельства, спросъ на аліи всегда силенъ, и онѣ тутъ же, въ общественныхъ молитвенныхъ домахъ, продаются желающимъ съ аукціона, въ пользу синагоги; цѣна имъ, особенно въ большіе праздники, доходитъ до нѣсколькихъ рублей, а такъ какъ церемонія алія раздѣляетъ вѣрныхъ на патриціевъ и плебеевъ, то изъ-за этого на аукціонахъ зачастую происходятъ жесточайшія ссоры и даже драки между членами набожнаго общества и синагогальнымъ управленіемъ; одинъ считаетъ себя оскорбленнымъ тѣмъ, что не былъ приглашенъ взойти на биму, другой претендуетъ на третью алія вмѣсто пятой которую онъ получилъ, третій желаетъ принадлежать къ патриціямъ, тогда какъ его отнесли къ плебеямъ и т. д. Подобныя претензіи всегда производятъ шумные скандалы, неприличествующіе мѣсту, предназначенному для святой молитвы, и кагалъ, не смотря на свой авторитетъ, признаваемый всѣми Евреями, и свой деспотизмъ, распространяемый на внутреннюю ихъ жизнь, раздѣливъ еврейское общество въ синагогахъ на два различныхъ класса, не сумѣлъ или не могъ въ этомъ случаѣ утвердить должную дисциплину.

[1]) Домъ собранія, синагога.

двери, а сами направляясь вправо, къ лѣстницѣ на галлерею, мы съ бабушкой поневолѣ должны были нѣсколько замедлиться въ сѣняхъ, за невозможностью продраться сквозь тѣсную толпу, скучившуюся предъ габайскимъ прилавкомъ, и въ это-то время мнѣ пришлось быть свидѣтельницей одной изъ возмутительнѣйшихъ сценъ, которыя, къ сожалѣнію, разыгрываются въ этихъ сѣняхъ чуть-ли не каждую субботу. Мнѣ это тѣмъ прискорбнѣе, что на этотъ разъ исторія вышла изъ-за папиной аліи. Папѣ предназначалась *шелиши*, третья алія, какъ самая почетная послѣ священническихъ, но вдругъ, во время аукціона остальныхъ мірскихъ алій, выискался неожиданный конкуррентъ, одинъ изъ самыхъ вздорныхъ и несговорчивыхъ здѣшнихъ хасидовъ и парнесовъ [1]), нѣкто Исахаръ Беръ, который сталъ доказывать, что третья алія принадлежитъ ему по законному праву и что онъ не допуститъ нарушенія своего права кѣмъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе, когда это дѣлается изъ лицепріятія къ какому-то пріѣзжему денежному мѣшку, который не удостоилъ его даже своимъ визитомъ и вся заслуга котораго только въ томъ и состоитъ, что онъ — денежный мѣшокъ, тогда какъ самъ онъ, ребъ Исахаръ Беръ, имѣетъ честь быть и парнесомъ, и талмудъ-хахамомъ. Габай сталъ отстаивать право отца, какъ человѣка возвратившагося съ дороги въ отчій домъ и сдѣлавшаго къ тому же столь значительное пожертвованіе въ пользу синагоги, а тотъ ему принялся возражать, что онъ невѣжда, позволяющій себѣ произвольно толковать Колбо и Орахъ-Хаимъ и что въ пожертвованіи отца сказывается не уваженіе, а презрѣніе къ синагогѣ, потому что точно такое же пожертвованіе онъ сдѣлалъ и губернаторшѣ, въ пользу „нухримъ". Тутъ пошелъ между ними крупный споръ, превратившійся сначала во взаимные упреки и перебранку, затѣмъ въ горячую ругань и, наконецъ, въ пощечины. Присутствовавшая толпа тотчасъ же раздѣлилась на сторонниковъ того и другаго изъ спорщиковъ и приняла участіе въ дракѣ; одни бросились разни-

---

[1]) *Парнесъ*—представитель общины.

мать, другіе защищать, поднялись крики, визгъ и гвалтъ, пошла всеобщая потасовка,—насъ совсѣмъ затолкали, бабушкѣ отдавили ногу, меня приперли къ стѣнѣ такъ, что я чуть не задохлась, и кончилось тѣмъ, что шотры и шамеши, чтобъ унять драку, должны были пустить въ толпу струю воды изъ ручнаго брандспойта и бить направо и налѣво своими трехвостками, по комъ ни попало. Какъ мы только уцѣлѣли, и сама ужь не знаю. А когда шамешамъ удалось, наконецъ, прекратить эту свалку, то намъ съ бабушкой было уже не до богомоленія, и мы рады-радехоньки были, что вырвались изъ этого ада во дворъ, на свѣжій воздухъ. Бѣдная бабушка захромала и почти захворала,—ее сильно-таки помяли въ толпѣ,—и я, сама разстроенная чуть не до истерики, кое-какъ довела ее подъ-руку до дому. Такъ мы и не видѣли, какъ отецъ совершалъ свою аліа. Но эта ужасная сцена,—я ее никогда не забуду. Чтó за возмутительное безобразіе, и гдѣ же!.. Невольно приходитъ на умъ сравненіе съ христіанскимъ храмомъ и, увы!—далеко не въ пользу и не къ чести нашихъ синагогальныхъ порядковъ.

* * *

„...И вотъ, онъ состоялся, наконецъ, этотъ Мон-Симоншинъ „праздникъ“. Народу было множество, всякаго. Даже нѣсколько Евреекъ расщедрились на входные билеты, кажется, нарочно только затѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ это я чувствую себя среди „гойевъ“ и управляюсь въ кіоскѣ, въ роли продавщицы. Нѣсколько разъ онѣ,—видимо, нарочно—проплывали медленнымъ шагомъ мимо нашего кіоска, подъ-руку со своими супругами, и поглядывали на меня съ выраженіемъ завистливой ироніи. То-то, я думаю, перемываютъ теперь всѣ мои косточки!...

„Праздникъ, вообще говоря, вышелъ довольно удаченъ. Иллюминація сада и фейерверкъ, два военныхъ оркестра, полковые пѣсенники, какія-то наѣзжія изъ Одессы пѣвицы *русскихъ шансо*нетокъ и разсказчики народныхъ сценъ

и сценъ изъ еврейскаго быта, наконецъ лотерея,—все это привлекало толпы разнаго люда. Украинскій beau-monde предавался благотворительнымъ танцамъ въ открытомъ павильонѣ лѣтняго клуба, а плебеи довольствовались тѣмъ, что глядѣлъ на танцы снаружи. Мы, продавщицы, добросовѣстно и всецѣло приносили себя въ жертву своимъ благотворительнымъ обязанностямъ и потому не танцовали. Торговля наша шла недурно, но главный успѣхъ выпалъ на долю Ольги съ ея сотрудницами, двумя разбитными военными дамочками. У ихъ кіоска просто отбою не было отъ кавалеровъ. Мы, бѣдненькія, сидимъ себѣ съ Маруськой при своихъ десертахъ и ждемъ, когда-то еще наклюнется какой-нибудь лакомка, а черезъ площадку, напротивъ насъ, у Ольги то и дѣло хлопаютъ пробки, и сама она, точно вакханка, такая пышная, румяная, вся сіяющая весельемъ, едва успѣваетъ разливать шампанское въ бокалы. Просто даже глядѣть-то завидно! И какъ это она граціозно и ловко умѣетъ наливать, чтобы показать всю свою красивую, обнаженную руку! Знаетъ, чѣмъ взять... А впрочемъ, рѣшительно не понимаю, что̀ въ ней такого особеннаго находятъ эти мужчины... Неотлучнымъ ассистентомъ при ней состоялъ ея „Аполлонъ въ уланскомъ мундирѣ", но онъ весь этотъ вечеръ былъ какъ-то сумраченъ, не въ духѣ, и на это, какъ мы догадывались, есть своя причина. Дѣло въ томъ, что на сихъ дняхъ на Украинскомъ горизонтѣ появилась одна новая личность, сильно заинтересовавшая собою все общество. Это нѣкто графъ Каржоль де-Нотрекъ, изъ Петербурга. Красивъ и элегантенъ до совершенства,—даже Ольгина Аполлона затмѣваетъ этими качествами, въ особенности своею аристократичной элегантностью, потому что отъ Аполлона, сколь онъ ни блестящъ, а все же какъ будто уланской конюшней немного отзывается, тогда какъ этотъ—баринъ, совсѣмъ баринъ, какъ есть, до конца ногтей. Онъ, говорятъ, очень богатъ и пріѣхалъ сюда по какимъ-то дѣламъ,—учреждать какую-то поземельную агентуру, въ видахъ распространенія русскаго землевладѣнія въ краѣ, и еще что-то такое „общественное", но что̀?—я не могла хорошенько понять, не вслушавшись

толкомъ, когда объ этомъ говорили... Вообще, отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ очень солидномъ, дѣловомъ и съ большими связями въ Петербургѣ. Онъ сразу сумѣлъ стать здѣсь на надлежащую ногу и завоевать симпатіи вершинъ губернскаго міра. У Мон-Симонши онъ, говорятъ, уже свой человѣкъ, и она отъ него въ восторгѣ, а этого довольно, чтобы и самъ Mon Simon весь былъ къ его услугамъ. На нашемъ благотворительномъ праздникѣ состоялся, такъ сказать, первый дебютъ графа въ Украинскомъ mond'ѣ, когда этотъ monde находился почти весь налицо, въ полномъ своемъ составѣ; но графъ, конечно, большую часть своего вечерняго досуга долженъ былъ отдавать обществу „сливокъ".— Mon Simon почти не отходилъ отъ него, какъ бы ревниво оберегая его отъ „недостойныхъ", а Мон-Симонша выказывала явное стремленіе „пришпилить" его къ себѣ, и заставить заниматься только ею, чтобы другимъ ничего не доставалось; они даже сидѣли, какъ „хозяева" на особомъ возвышеніи, покрытомъ коврами, гдѣ былъ устроенъ родъ гостиной для „избранныхъ" и куда проникали только тѣ, кого губернаторская чета удостоивала особымъ приглашеніемъ. Это, по обыкновенію, очень многихъ злило и заставляло изподтишка шипѣть. Какъ новая новинка, графъ Каржолъ, конечно, привлекалъ къ себѣ общее вниманіе, тѣмъ болѣе, что всѣ уже заранѣе были имъ очень заинтересованы, по разсказамъ и слухамъ. Слышно, что по дѣламъ своимъ онъ намѣревается поселиться у насъ въ городѣ на довольно долгое время, хотя и долженъ будетъ уѣзжать порою, по дѣламъ же. Стоитъ пока въ гостиницѣ, но пріискиваетъ себѣ подходящій домъ со всѣми удобствами и хозяйствомъ, потому что желаетъ жить на привычную ему ногу. Mon Simon, между прочимъ, представилъ его Ольгѣ, и когда та, съ обычной своей бойкостью, предложила ему бокалъ, графъ выпилъ и положилъ ей сторублевую бумажку, не потребовавъ сдачи. Тамъ, гдѣ платили за бокалъ отъ одного до трехъ рублей, такая щедрость, конечно, произвела на всѣхъ окружающихъ внушительное *впечатлѣніе* въ пользу жертвователя. Онъ оставался предъ

Ольгиной выставкой около получаса, непринужденно и весело болтая съ нашей „златокудрою Гебой“ и потомъ, въ теченіи вечера, подходилъ къ ней еще раза два. Все это его маленькое вниманіе и было причиной, что бѣдный ея Аполлонъ пощипывалъ усы и кусалъ себѣ губы. А Ольга отъ такого вниманія графа, конечно, на верху блаженства и воображаетъ что она вскружила ему голову. Chère Olga, не слишкомъ ли уже самонадѣянно?“

***

„*19-е іюля.* Сегодня у меня съ отцомъ былъ разговоръ, вслѣдствіе котораго я настроена очень грустно. Послѣ обѣда, когда мы отдыхали у себя дома на террасѣ, онъ обнялъ меня за талію и спустился со мною въ садъ, въ большую нашу липовую аллею. Тамъ онъ сказалъ мнѣ, что давно уже собирался поговорить со мною серьезнымъ образомъ обо мнѣ и о себѣ и началъ нѣсколько издалека, но такъ было нужно, чтобы познакомить меня поближе съ его жизнью, перепетіи которой и внутреннюю сторону, признаюсь, до сихъ поръ я знала очень мало. Сущность разговора этого была вотъ въ чемъ:

„Древній родъ Бендавидовъ былъ знаменитъ не столько своими матеріальными богатствами, сколько богатствомъ ума и благочестія. Въ немъ насчитывается нѣсколько ученѣйшихъ мужей, достигшихъ не только въ своихъ, но и въ отдаленныхъ еврейскихъ общинахъ почетнѣйшаго положенія и оставившихъ слѣды своего ума и знаній въ нѣсколькихъ трактатахъ теологическаго и философскаго характера. Матеріальное богатство наше, сравнительно говоря, недавняго происхожденія. Первый изъ Бендавидовъ, который сдѣлалъ себѣ нѣкоторое состояніе, былъ мой прадѣдъ Еліезаръ Бендавидъ, бывшій нѣкогда домашнимъ повѣреннымъ, а потомъ и банкиромъ у такихъ старопольскихъ магнатовъ, какъ Браницкіе, Потоцкіе и Сангушко. Дѣдъ мой Соломонъ еще умножилъ это состояніе, доставшееся ему въ наслѣдство, тѣмъ что очень счастливо, исполнилъ нѣсколько крупныхъ казенныхъ подрядовъ и затѣмъ, въ теченіи многихъ лѣтъ дер-

жалъ винный откупъ въ двухъ губерніяхъ. Отецъ мой у него — единственный сынъ. Изъ двухъ сестеръ отца одна умерла еще въ дѣтствѣ, другая же замужемъ, въ Вѣнѣ, за негоціантомъ. Разсчитывая имѣть въ лицѣ отца ближайшаго и свѣдущаго помощника въ своихъ дѣлахъ, чтобы не держать наемныхъ управляющихъ, не всегда къ тому же честныхъ, дѣдушка далъ ему образованіе въ русской гимназіи, что̀ въ тѣ времена случалось въ еврейской средѣ не часто, но что̀ было совершенно необходимо, такъ какъ безъ основательнаго знанія русскаго языка и законовъ невозможно было самому вести дѣловую переписку по откупнымъ дѣламъ съ губернскими властями. Затѣмъ, дѣдушка отправилъ его докапчивать образованіе въ Вѣну, гдѣ отецъ слушалъ лекціи на юридическомъ факультетѣ. Въ Вѣнѣ онъ встрѣтился съ прелестною дѣвушкой хорошаго семейства (впослѣдствіи моею матерью), и это порѣшило его дальнѣйшую судьбу. Они полюбили другъ друга, и отецъ написалъ дѣду, прося его благословенія на бракъ. Вслѣдствіе этого письма, дѣдъ самъ нарочно пріѣхалъ тогда въ Вѣну, чтобы собственными глазами убѣдиться, достойна ли невѣста быть принятою въ домъ Бендавидовъ, хороша ли она, какого происхожденія и какого достатка. По всѣмъ этимъ статьямъ дѣло оказалось подходящимъ. Отецъ невѣсты принадлежалъ къ извѣстной фамиліи Мендельсоновъ и занималъ весьма приличное мѣсто въ администраціи банкирскаго дома Ротшильда, имѣлъ нѣкоторый достатокъ и хорошія связи, съ помощью которыхъ могъ предоставить и моему отцу мѣсто въ той же администраціи. Поэтому дѣдъ согласился на бракъ, тѣмъ болѣе, что послѣ Крымской войны откупная система, видимо, доживала уже свой вѣкъ, готовясь уступить поле дѣйствій новой системѣ, акцизной, а стало быть, въ непосредственной помощи сына по откупнымъ дѣламъ для дѣдушки уже не было болѣе особенной надобности. Родители обѣихъ сторонъ условились между собою на счетъ приданаго, подписали *тноимъ*[1]), при чемъ, какъ требуетъ старо-

[1]) Предварительныя условія брачнаго контракта. Самый же брачный договоръ, *кетуба*, заключающій въ себѣ изложеніе обязанностей мужа относительно жены, пишется на халдейскомъ языкѣ и громо-о читается хазаномъ (канторомъ)во время самаго обряда вѣнчанія.

давній обычай, разбили нѣсколько уже ранѣе надтреснутыхъ тарелокъ изъ домашняго хозяйства и, наконецъ, сыграли свадьбу, а затѣмъ дѣдушка выдѣлилъ отцу, по брачному условію, порядочный капиталъ и уѣхалъ домой, въ Украинскъ. Тогда же, благодаря тестю, отецъ поступилъ на службу въ администрацію Ротшильда, не столько изъ-за жалованья, сколько собственно для практики въ финансовыхъ дѣлахъ и, главное, въ самой техникѣ финансовыхъ операцій, а черезъ три года. Открылъ въ Вѣнѣ и свою собственную банкирскую контору открылъ онъ ее сначала въ небольшихъ размѣрахъ, но съ теченіемъ времени дѣло все крѣпло, расширялось, росло, такъ что къ 1866 году, благодаря необыкновенно счастливымъ биржевымъ операціямъ, отецъ былъ уже милліонеромъ.

„Я родилась въ 1857 году и сознательно начинаю себя помнить съ седьмаго года жизни, въ роскошной обстановкѣ нашего вѣнскаго дома, всегда разодѣтою, какъ куколка, съ бонной-Француженкой и гувернанткой-Англичанкой, которыя почему-то вѣчно грызлись между собою. Другихъ дѣтей, кромѣ меня, у отца съ матерью не было, и потому на мою долю безраздѣльно падали всѣ ихъ ласки и все баловство. Къ несчастью, мать моя была хрупкаго здоровья и, схвативъ себѣ зимою 1865 года воспаленіе легкихъ, умерла отъ скоротечной чахотки. Мы съ отцомъ осиротѣли. Мнѣ было восемь лѣтъ, я понимала уже, что́ значитъ смерть и, помню, много плакала и долго не могла утѣшиться послѣ этой потери. Извѣстно, что „бѣды не ходятъ порознь, но толпою“, и эта толпа бѣдъ, послѣ такого довольства и полнаго счастія, вдругъ, со смертью матери, обрушилась на голову моего бѣднаго отца. Вслѣдъ за матерью умираетъ ея отецъ, состояніе котораго, подѣленное между остальными членами многочисленной семьи, представило изъ себя какія-то мелкія дроби. Затѣмъ не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ разразилась австро-прусская война, послѣ которой отецъ, благодаря нѣкоторымъ операціямъ, невѣрно разсчитаннымъ въ связи съ политикой, потерпѣлъ въ одинъ пре-

красный день жесточайшій крахъ. Ему грозило полное банкротство, но онъ успѣлъ кое-какъ ликвидировать дѣла, продалъ съ молотка все, что̀ было, весь домъ, экипажи, всю обстановку, цѣлую галлерею картинъ,—словомъ, рѣшительно все, за исключеніемъ только завѣщанныхъ мнѣ материнскихъ брилльянтовъ и, пополнивъ почти до копѣйки свой пассивъ, самъ очутился буквально нищимъ. Заложивъ брилльянты, онъ спѣшно собрался вмѣстѣ со мною въ дорогу и привезъ меня къ дѣдушкѣ, въ Украинскъ.

„Потерявъ по собственной винѣ состояніе, отецъ не смѣлъ просить у дѣда помощи, даже и не заикнулся ему о ней; но дѣдъ былъ самъ настолько великодушенъ, что предложилъ крупную сумму, которая помогла отцу снова подняться на ноги. Взамѣнъ этой услуги, дѣдушка съ бабушкой попросили его только объ одномъ: оставить меня при нихъ въ Украинскѣ, какъ единственную для нихъ радость, единственное утѣшеніе на старости лѣтъ, въ ихъ одинокой жизни. Отецъ, конечно, долженъ былъ согласиться на это изъ чувства признательности и уѣхалъ въ Вѣну одинъ. Спустя около полугода, онъ увѣдомилъ дѣдушку письмомъ, что намѣревается вступить во второй бракъ съ очень богатою вдовой одного вѣнскаго негоціанта, но дѣлаетъ это не по влеченію сердца, а по разсчету, въ надеждѣ пріобщить ея капиталы къ своимъ оборотамъ и такимъ образомъ завоевать себѣ прежнее свое положеніе въ финансовомъ мірѣ. Обзаводясь новымъ семействомъ и предвидя, что у него могутъ пойти новыя дѣти, отецъ просилъ дѣда и бабушку, чтобы они оставили меня у себя и на дальнѣйшее время, чему старики несказанно обрадовались. При этомъ онъ выразилъ имъ одно только непремѣнное желаніе, чтобы я получила образованіе не домашнимъ способомъ, какъ большинство еврейскихъ дѣвушекъ, а въ русской гимназіи, которая современемъ дастъ мнѣ извѣстныя права, и обѣщалъ высылать ежегодно извѣстную сумму на мое ученіе. Старики согласились на это, и тогда-то у меня появились русская учительница, для практики въ языкѣ, а затѣмъ двое русскихъ *же учителей*, которые общими силами и подготовили

меня къ гимназіи. При моихъ способностяхъ и нѣкоторомъ стараніи, да имѣя къ тому же особыхъ репетиторовъ у себя на дому, я всегда училась очень порядочно, такъ что постоянно стояла въ числѣ первыхъ ученицъ, а, съ теченіемъ времени, быть первою между первыми стало для меня вопросомъ даже личнаго самолюбія и честолюбія. Кромѣ гимназическаго курса, я обучалась дома еще музыкѣ, рисованію и французскому языку, и на всѣ эти занятія уходила бóльшая часть моего времени, такъ что даже наша начальница не разъ высказывала и мнѣ, и дѣдушкѣ, что я черезъ-чуръ уже много учусь, что умственное развитіе идетъ у меня на счетъ физическаго и что она даже опасается, какъ бы не было у меня мозговаго переутомленія. Но домашнія занятія меня не утомляли,—напротивъ, я отдавалась имъ какъ бы шутя, скорѣе для развлеченія, и находила еще время посѣщать кое-когда своихъ гимназическихъ подругъ и принимать ихъ у себя. Я всегда была очень общительною дѣвочкой. Въ первое время по поступленіи въ гимназію было, конечно, не безъ того, чтобы иныя товарки не задирали и не дразнили меня, показывая мнѣ кончикъ платка, либо передника, въ видѣ свинаго или „гáманова“ уха, и называя „жидовицей“. Въ душѣ мнѣ это было очень обидно, тѣмъ болѣе, что, со своей стороны, я ничѣмъ не заслужила такого недоброжелательства; но чувствуя всю горечь обиды, я въ то же время если не умомъ, то инстинктомъ какимъ-то понимала, что не слѣдуетъ показывать имъ, насколько это задѣваетъ меня за живое, потому что покажи я это разъ и расплачься,—приставаньямъ ихъ и конца не будетъ, и мнѣ вѣчно придется разыгрывать жалкую роль „несчастненькой“. Поэтому я всегда старалась въ такихъ случаяхъ овладѣвать собой и дѣлать видъ, будто отношусь ко всѣмъ задираньямъ сверху внизъ, не удостоивая ихъ своимъ вниманіемъ. Хотя меня и прозвали за это „гордячкой“, но за то вскорѣ отстали со своими „гáмановыми ухами“ и оставили меня въ покоѣ. По характеру своему я всегда была доброю товаркой, не выдѣляясь изъ толпы сверстницъ ничѣмъ, кромѣ отличныхъ балловъ за предметы, и всегда,

гдѣ только могла, старалась не отказывать имъ въ разныхъ маленькихъ услугахъ, въ родѣ того, чтобы для одной сдѣлать заданный переводъ съ французскаго или нѣмецкаго, для другой рѣшить математическую задачу и т. п. Вслѣдствіе этого, со мною не только всѣ примирились, какъ бы позабывъ даже мое еврейское происхожденіе, но, благодаря своей уживчивости и независимости, я пріобрѣла себѣ еще нѣсколько добрыхъ подругъ, которыя меня искренно полюбили, и съ которыми я сохранила самыя дружескія отношенія и до сихъ поръ.

„За всѣ семь лѣтъ моей гимназической жизни, отецъ только одинъ разъ заглянулъ въ Украинскъ, и то на самое короткое время, проѣздомъ по дѣламъ въ Одессу. Я была тогда уже въ третьемъ классѣ, а онъ къ тому времени имѣлъ отъ втораго брака уже двухъ дѣтей и—Богъ знаетъ, по этому ли, по другому ли чему, но только мнѣ тогда показалось, будто онъ уже не такъ сердечно ласковъ со мною, какъ прежде, даже менѣе, чѣмъ въ своихъ письмахъ, которыя отъ поры до времени я получала отъ него изъ Вѣны,—точно бы онъ отвыкъ отъ меня, точно бы новыя привязанности вытѣснили меня изъ его сердца. Сегодня я ему откровенно все это высказала и увидѣла изъ его объясненія, на сколько я тогда ошибалась. Проѣздомъ въ Одессу, ему было не до меня, такъ какъ призывали его туда крайне важныя дѣла, отъ оборота которыхъ въ ту или другую сторону зависѣло все его состояніе, опять повисшее было на волоскѣ и, къ счастію, ему удалось тогда уладить эти дѣла, какъ нельзя лучше. Что же до дѣтей отъ втораго брака, то, конечно, какъ отецъ, по чувству крови, онъ любитъ ихъ; но все же я, его Тамара, стою предъ нимъ какъ бы живымъ воплощеніемъ покойной моей матери, на которую, по его словамъ, я очень похожа и уже по одному этому не могу быть вытѣснена изъ его сердца. Онъ не говорилъ мнѣ подробно о своей нынѣшней семейной жизни, многое даже заминалъ или вовсе замалчивалъ, но изъ этихъ самыхъ умолчаній, изъ выраженія его глазъ, изъ его нервной, порою горькой улыбки, изъ нѣкоторыхъ,

невольно прорывавшихся нотокъ въ его голосѣ, наконецъ, изо всего тона его бесѣды со мной я догадалась, я сердцемъ своимъ почуяла, что во второмъ своемъ супружествѣ онъ далеко и далеко не счастливъ. Мачиха моя, кажись, женщина пустая, съ мелочнымъ характеромъ и сухимъ сердцемъ. Правда, разсчеты отца оправдались: капиталы ея сильно помогли его банкирскимъ оборотамъ, и теперь онъ опять стоитъ въ числѣ биржевыхъ корифеевъ; но того тихаго, свѣтлаго счастія, какое знавалъ онъ когда-то съ моею матерью, для него уже нѣтъ, да и не бывало во второмъ бракѣ. И это, мнѣ кажется, втайнѣ его грызетъ и мучитъ. Онъ рѣшилъ построить свою новую жизнь на одномъ лишь матеріальномъ разсчетѣ и незамѣтно попалъ подъ домашнее ярмо; сталъ рабомъ этого разсчета и несетъ теперь за это въ сердцѣ своемъ собственную свою кару. Бѣдный отецъ!.. Финансовыя дѣла его идутъ отлично, онъ давно уже съ процентами возвратилъ дѣдушкѣ взятыя у него послѣ краха деньги, коммерческій кредитъ его, повидимому, проченъ; но эта жизнь изо дня въ день среди биржеваго ажіотажа, какъ бы подъ Дамокловымъ мечемъ, этотъ вѣчный рискъ азартнаго игрока, вѣчное напряженіе всѣхъ умственныхъ способностей на одну и ту же цѣль, на крупную биржевую игру, эти пертурбаціи въ собственной его судьбѣ, когда изъ милліонера онъ вдругъ очутился нищимъ и изъ нищаго опять милліонеромъ, рискуя чуть не ежедневно вновь обратиться въ нищаго,—такое существованіе, полное душевныхъ тревогъ, нервныхъ волненій и безпокойствъ, да еще при этомъ вѣчныя домашнія сцены,—все это, къ несчастію, надломило отца, отравило его жизнь и отразилось въ немъ недугомъ, который раньше или позднѣе долженъ свести его въ безвременную могилу. У него развилась въ сильной степени болѣзнь сердца,—ужасная, безпощадная болѣзнь, которая напоминаетъ о себѣ чуть не каждую минуту. Слѣдовало бы давно уже бросить эту проклятую биржу, эти жгучія дѣла, совершенно перемѣнить образъ жизни, уѣхать куда-нибудь отъ жены, хотя на время, чтобъ успокоиться, забыться, но увы!—ничего этого не возможно. Къ несчастію,

отецъ до того уже втянулся въ такое существованіе, что безъ биржи, безъ ея проклятой лихорадочной атмосферы, какъ для Китайца безъ опія, для него нѣтъ жизни. Это что-то затягивающее, роковое, и въ этомъ онъ мнѣ признался сегодня. — „Я чувствую,—сказалъ онъ, — что мнѣ остается уже не долго, и это такого рода болѣзнь, что смерть можетъ захватить меня внезапно, въ любую минуту... Да если и не умру, то какъ знать!—быть можетъ, опять потеряю все (это всегда такъ возможно, пока у человѣка нѣтъ Ротшильдовскихъ милліардовъ) и тогда... тогда съ чѣмъ ты останешься?!... Потому-то — говорилъ онъ — я и позаботился теперь выдѣлить тебѣ изъ моихъ собственныхъ—замѣть это: не изъ мачихиныхъ, а изъ *собственныхъ моихъ* денегъ—триста тысячъ рублей, въ банковыхъ билетахъ, которые на сихъ дняхъ передалъ дѣдушкѣ, вмѣстѣ съ засвидѣтельствованной копіей съ духовнаго завѣщанія. Чтó бы тамъ ни случилось, умру ли я или обанкрочусь, ты по крайней мѣрѣ будешь обезпечена. А если дастъ Богъ, умру безъ банкротства, то на твою долю придется еще около пятисотъ тысячъ... ну, да и дѣдъ не обидитъ, онъ самъ сказалъ мнѣ“. Вотъ почему—пояснилъ мнѣ отецъ—ему такъ хотѣлось бы выдать меня поскорѣе замужъ, при своей еще жизни.—„Я бы тогда—говоритъ—смерти своей ждалъ гораздо спокойнѣе, я бы зналъ по крайней мѣрѣ, что ты у меня пристроена за хорошаго, надежнаго человѣка, съ которымъ можешь быть счастлива“. И онъ съ увлеченіемъ уговаривалъ, почти умолялъ меня ѣхать съ нимъ въ Вѣну, увѣряя, что я не раскаюсь. Растроганная до глубины души, я плакала, я цѣловала ему руки, утѣшая и, въ свою очередь, умоляя его бросить свою биржу, обѣщала ему выдти замужъ за любаго, за кого лишь онъ мнѣ прикажетъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ закончилъ свои дѣла и уѣхалъ бы съ нами куда-нибудь подальше изъ Вѣны, отдохнуть, полечиться; я говорила, что, Богъ дастъ, новая жизнь освѣжитъ его, придастъ новыя силы, и болѣзнь пройдетъ, и мы проживемъ съ нимъ еще долго, долго... А онъ такъ грустно улыбался мнѣ на это, такъ ласково гладилъ мою голову и

тихо повторялъ все: „поѣдемъ, поѣдемъ въ Вѣну, но только поскорѣй... дорогая моя, поскорѣе!..“

„Господи! какъ мнѣ тяжело, какъ мнѣ грустно все это!..“

* * *

„...Нѣсколько дней ходила я, какъ убитая, подъ впечатлѣніемъ разговора съ отцомъ. Милый папочка!—онъ замѣтилъ это и всячески старался утѣшить меня и развеселить. Я упросила его посовѣтоваться съ нашимъ докторомъ Зельманомъ, который здѣсь считается лучшимъ, да и въ самомъ дѣлѣ, онъ, говорятъ, превосходный и очень свѣдущій докторъ. Послѣ діагноза, я сама спросила Зельмана, умоляя не скрывать отъ меня правду, въ какомъ положеніи нашелъ онъ сердце отца?—Онъ увѣрилъ меня, что дѣло вовсе не такъ плохо, какъ я думаю, и опредѣлилъ болѣзнь какимъ-то латинскимъ названіемъ, сказавъ, что это нервное и что отцу нужно только полное успокоеніе при строго правильномъ режимѣ, и тогда, съ Божьей помощью, все пройдетъ. Слава Богу! Послѣ этихъ отрадныхъ словъ, я почувствовала, точно бы воскресаю“.

* * *

„...Ахъ, до чего надоѣлъ мнѣ этотъ несносный Охрименко! Каждый разъ что встрѣтится со мною, все пристаетъ со своими Цюрихами да съ моею „кисейностью“, а сегодня въ клубѣ, на семейномъ вечерѣ, подсѣвъ ко мнѣ, завелъ вдругъ такой разговоръ, который вывелъ меня наконецъ изъ терпѣнія.

— Вотъ, вы—говоритъ—считаетесь богатѣйшею невѣстой, и въ самомъ дѣлѣ вы вѣдь богатая,—ну, а какое употребленіе думаете вы сдѣлать изъ своихъ денегъ?

„Я отвѣчала, что на этотъ счетъ ровно еще ничего не думала и не думаю.

„— Жаль,—говоритъ,—курица, и та думаетъ. А вы, что же, замужъ, небойсь, разсчитываете?

„— Что́ жъ,—говорю,—если будетъ хорошій женихъ, почему и не разсчитывать?

„— Такъ-съ, разумѣется... Къ роли насѣдки готовитесь.

Разумная роль, достойная интеллигентки. Ну и что жъ, выйдете за какого-нибудь жида и будете плодить ему ребятъ, и капиталы, пожалуй, всѣ ему вручите, — самое настоящее дѣло! Ну, а потомъ-то что?.. Такъ и закиснете?.. А вы—говоритъ,—вотъ что: замужъ-то выходить это вздоръ. Порядочныя дѣвушки нынче и безъ этихъ легальностей обходятся, и благо имъ!—По крайней мѣрѣ, не путаютъ ни себя, ни другаго лишними узами. Любовь по существу своему должна быть свободна, и только въ такомъ случаѣ она чего-нибудь стоитъ и достойна уваженія мыслящихъ людей. А вы бы лучше посвятили себя „общему дѣлу". Капиталы-то, по крайней мѣрѣ, получили бы надлежащее примѣненіе, а безъ того, владѣть такими капиталами, вѣдь это подлость, подумали ль вы объ этомъ?

„Я на него даже глаза вытаращила отъ удивленія. — Съ ума сошелъ онъ, думаю, что ли? А онъ мнѣ:—„Вамъ—говоритъ—слышно, родитель брилльянты какіе-то привезъ въ подарокъ?"

„— Слышно,—говорю,—а что?

„— Да ничего... Ими-то вотъ вы загодя, пока что, и воспользовались бы.

„— Я ими и пользуюсь: когда хочу, тогда и надѣваю.

„— Эка польза!... Какая же это порядочная интеллигентка надѣнетъ на себя брилльянты! Я не такую пользу разумѣю.

„— А какую же?

„— А такую, что взяли бы вы эти самые камешки, ни говоря ни папенькамъ, ни бабинькамъ, да и замѣнили бы ихъ стразами, а камешки обратили бы въ деньги,—не здѣсь, конечно; здѣсь сейчасъ же всѣ узнаютъ, а можно бы чрезъ надежныхъ людей живо устроить это самое дѣло хотя бы въ Одессѣ. И какъ обратили бы въ деньги, такъ и пожертвовали бы ихъ на „общее дѣло". Это, по крайней мѣрѣ, съ вашей стороны было бы честно.

„Я возразила ему, что напротивъ, подобный поступокъ, совершенный тайкомъ, походилъ бы скорѣе на воровство и ужь никакъ не могъ бы быть названъ честнымъ. А онъ

мнѣ на это:—„Ну,—говоритъ,—и честность, и подлость, это все понятія относительныя, это какъ кто понимаетъ. Еще Прудонъ сказалъ, что собственность есть кража, а я говорю, что воровство ничуть не подлѣе и не честнѣе всякаго другаго обыкновеннаго поступка. Тутъ важна цѣль, ради которой вы извѣстный поступокъ совершаете, а вовсе не самый поступокъ“.

„Меня такое нахальство наконецъ взорвало и я сказала, что подобныя теоріи онъ можетъ проповѣдовать кому угодно, только не мнѣ.

„— Нѣтъ, именно вамъ,—говоритъ,—потому что вы богатая и съ задатками, которые даютъ поводъ разсчитывать, что изъ васъ могъ бы выдти прокъ для „общаго дѣла“. И затѣмъ прибавилъ, что если онъ проповѣдуетъ мнѣ такія вещи, то это только потому, что считаетъ меня порядочнымъ человѣкомъ и что я ему даже нравлюсь. „Нравлюсь“... „*Даже* нравлюсь“.—Подумаешь, честь какая!...

„— Ну, а мнѣ—сказала я—ни такія проповѣди, ни самые проповѣдники вовсе не нравятся.

„Озлился.

„— Кто же вамъ нравится,—говоритъ,—уланскіе лоботрясы, небойсь? Ну, хорошо, такъ и запишемъ. Я—говоритъ—думалъ, что вы въ самомъ дѣлѣ порядочная, а вы... какъ есть кисея, кисеей и останетесь!

„Я замѣтила ему на эту грубую дерзость, что менторство его мнѣ еще въ гимназіи надоѣло, а теперь, послѣ сго словъ, разъ навсегда прошу его не подходить ко мнѣ болѣе ни съ какими разговорами и вообще считать всякое знакомство между нами поконченнымъ. Онъ спохватился и вздумалъ было оправдываться, говоря, что я шутокъ не понимаю и что онъ хотѣлъ только испытать меня, но я рѣшилась круто оборвать его и, съ презрѣніемъ бросивъ ему въ глаза названіе нахала, отошла прочь. Онъ даже позеленѣлъ отъ злости, и съ этой минуты, конечно, уже не поклонникъ мой, а величайшій врагъ. Но, Богъ съ нимъ, я не жалѣю о своемъ поступкѣ“.

ВС. КРЕСТОВСКІЙ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НАШИ ЗАДАЧИ НА КРАЙНЕМЪ ВОСТОКѢ. [1]

II.

Россія и Японія.

Японія пользуется на крайнемъ востокѣ чрезвычайно важнымъ политическимъ значеніемъ; тридцати-милліонное государство, сильное и могущественное своею народностью, имѣетъ несомнѣнное вліяніе на сосѣднія державы, Китай и Корею, а также на наши восточныя окраины. Островная Имперія, съ давнихъ уже поръ, стремится занять на крайнемъ востокѣ преобладающее политическое значеніе. Недовольствуясь распространеніемъ своихъ владѣній на сѣверъ и югъ, Японія лелѣетъ мечту о пріобрѣтеніяхъ на сосѣднемъ материкѣ. Особенно соблазнительна для нея Корея, отдѣленная отъ Японскаго архипелага только узкимъ проливомъ. Успѣшные походы великаго микадо въ „Азіятскую Италію" въ III, XV и XVI столѣтіяхъ еще все памятны японцамъ. Трофеи этихъ славныхъ походовъ хранятся въ храмахъ, какъ святыни, а мельчайшія, легендарныя подробности великихъ войнъ съ корейцами передаются народомъ изъ устъ въ уста по настоящее время. Японцы до послѣдняго времени неизмѣнно глядятъ на Корею, какъ на вассальное государство, завоеванное, еще въ III столѣтіи, великой регентшей Цинчу. Одновременно, „Азіятская Италія" привлекаетъ взоры Китая, Россіи и даже Англіи, очень желающей приблизиться на крайнемъ

[1]) См. Р. В. Январь, 1888 г.

востокѣ къ нашимъ владѣніямъ, съ предвзятою цѣлью затормозить на берегахъ Тихаго океана политическій ростъ великой славянской державы. Ни одно изъ вышеупомянутыхъ государствъ не выказало пока относительно Корейскаго полуострова никакихъ рѣшительныхъ поползновеній, справедливо опасаясь, что эта страна послужитъ яблокомъ серьезныхъ раздоровъ, раздувать которые еще преждевременно. Тѣмъ не менѣе, недалеко уже время, когда вопросъ объ участи „Азіятской Италіи" долженъ разрѣшиться въ томъ или другомъ направленіи. Для Россіи, нѣтъ сомнѣнія, было бы выгодно присоединить къ своимъ восточнымъ окраинамъ этотъ прекрасный полуостровъ, но мы увѣрены, что встрѣтили бы со стороны Китая, поддерживаемаго интригами Англіи, серьезный отпоръ въ подобныхъ замыслахъ. Пока намъ остается ждать и войти въ наиболѣе тѣсныя дружественныя отношенія съ Японіей, найти почву соглашенія съ этой „Великобританіей" Тихаго океана и, въ союзѣ съ могущественною державою крайняго востока, идти во всеоружіи на защиту своихъ интересовъ, попираемыхъ Англіей и Китаемъ. Союзъ съ Японіей не только желателенъ, но положительно необходимъ, разъ мы желаемъ стать на берегахъ Великаго океана твердой ногой и принудить Англію и Китай относиться къ намъ съ должнымъ уваженіемъ и добросовѣстностью. За тѣсный союзъ съ Россіей стоитъ само японское правительство, почти вся печать и здравомыслящее японское общество. Почву политическихъ соглашеній Россіи и Японіи легко найти, устранивъ единственное возможное яблоко раздора—Корею. Прежде чѣмъ выяснить эту почву соглашеній, считаемъ необходимымъ сдѣлать краткій обзоръ сношеній Россіи съ Японіей, чтобы вполнѣ охарактеризовать политическій тактъ обоихъ государствъ и выяснить существовавшія и существующія симпатіи японской народности къ русской, не смотря на всѣ промахи и ошибки представителей нашего государства. Надо помнить, что эти многолѣтнія симпатіи послужатъ наиболѣе вѣрнымъ залогомъ тѣснаго союза и благопріятнаго для насъ разрѣшенія всѣхъ политическихъ недоразумѣній съ Японіей, еще возможныхъ,

вслѣдствіе настойчивыхъ, подпольныхъ интригъ Англіи, проникнутой жаждою противодѣйствовать нашимъ политическимъ успѣхамъ, на всѣхъ пунктахъ земнаго шара...

Наши отношенія къ японцамъ никогда не были систематичны и ясны въ своихъ цѣляхъ и стремленіяхъ, а измѣнялись съ каждымъ новымъ дѣятелемъ. Познакомившись въ концѣ XVII столѣтія съ грядою Курильскихъ острововъ, мы впервые встрѣтились и разошлись, не вступая съ японцами ни въ какія особенныя сношенія. При Петрѣ Великомъ, начали было серьезно подумывать объ японцахъ, даже основали въ Петербургѣ школу японскаго языка, но минутный жаръ охладѣлъ по неизвѣстной причинѣ, и въ теченіи всего XVIII столѣтія мы не имѣли съ этимъ народомъ никакихъ болѣе или менѣе замѣтныхъ столкновеній.

Первыя серьезныя сношенія Россіи съ Японіей начались въ самомъ началѣ XIX столѣтія, но, къ несчастью, начались очень недружелюбно и неудачно. Извѣстный Рѣзановъ, посланный въ 1804 году въ Японію для заключенія торговаго трактата, потерпѣлъ полную неудачу; озлобленный неудачей, онъ разомъ перешелъ отъ миролюбивой политики къ воинственной и началъ доказывать необходимость занятія рѣки Амура; а для обезпеченія этого предпріятія совѣтовалъ предварительно овладѣть островомъ Сахалиномъ, въ южной части котораго японцы успѣли уже завести торговыя и промышленныя факторіи. Насильственныя дѣйствія противъ японцевъ на Сахалинѣ и Курильскихъ островахъ двухъ молодыхъ морскихъ офицеровъ, Хвостова и Давыдова, посланныхъ по внушеніямъ Рѣзанова, имѣли печальныя послѣдствія: захватъ японцами въ плѣнъ капитана Головина. Послѣ дружелюбныхъ разъясненій [1]) возникшихъ недоразумѣній, всякія сношенія съ японцами прекратились до вступленія въ управленіе Восточною Сибирью генерала Н. Н. Муравьева, рѣшившагося поднять старинный вопросъ

---

[1]) Русское правительство признало захватъ Сахалина лейтенантомъ Хвостовымъ „самовольнымъ“ и оффиціально отреклось отъ правъ на островъ.

объ Амурѣ и привести въ исполненіе смѣлые замыслы Рѣзанова. Въ теченіи 1849—1853 годовъ было изслѣдовано устье рѣки Амура, а въ 1853 году заняты на Сахалинѣ, военными постами, болѣе извѣстные и важные пункты: Дуэ—въ сѣверо-западной части острова и Анива—въ южной, японской, части. Такимъ образомъ, мы снова очутились лицомъ къ лицу съ японцами, но очутились съ оружіемъ въ рукахъ, скорѣе какъ враги, чѣмъ друзья. Въ слѣдующемъ году, при перемѣнѣ русскаго политическаго дѣятеля, наши воинственныя отношенія разомъ измѣнились въ миролюбивыя: адмиралъ Путятинъ снялъ Муравьевскій постъ въ Анивѣ и предписалъ нашимъ войскамъ не вступать, безъ особаго приказанія, въ японскую часть острова. Дружелюбныя отношенія къ японцамъ не замедлили пригодиться намъ: экипажъ погибшаго фрегата „Діана", вынужденный жить на японской землѣ, встрѣтилъ со стороны правительства и жителей въ высшей степени гостепріимное радушіе. Въ 1855 году, былъ заключенъ съ Японіей первый торговый трактатъ (Симодскій), которымъ разграничена Курильская гряда и признано наше право владѣть Сахалиномъ совмѣстно съ японцами. Островъ остался при этомъ не разграниченнымъ. Тѣмъ же духомъ дружелюбія и мягкости отличались взаимныя отношенія и въ 1858 году, и опять же это послужило въ нашу пользу: фрегатъ „Аскольдъ", пострадавшій въ ураганѣ, встрѣтилъ въ Японіи полное радушіе и гостепріимство. Въ это время, изъ числа державъ, заключившихъ трактаты съ Японіей, Россія пользовалась наибольшимъ сочувствіемъ и довѣріемъ японскаго правительства и народа потому, что не прибѣгала, при разрѣшеніи недоразумѣній и вопросовъ, къ пушкамъ и штыкамъ, къ насилію и кровопролитію, какъ то дѣлали другія европейскія державы и Американскіе Соединенные Штаты. Въ 1859 году, отношенія наши къ японцамъ опять измѣнились. Измѣнился и самый составъ японскаго правительства: партія прогресса, заключившая трактаты съ европейцами, уступила мѣсто партіи, враждебной послѣднимъ. Съ нашей стороны, графа Путятина замѣнилъ графъ Муравьевъ Амурскій. Цѣлью переговоровъ опять

сдѣлался злополучный Сахалинъ. Россія желала пріобрѣсти его цѣликомъ, и при томъ даромъ, подѣйствовавъ лишь на воображеніе японскихъ чиновниковъ присутствіемъ многочисленной военной эскадры, еще не бывавшей въ водахъ Іеддо (Токіо), громомъ пушекъ, необыкновенною пышностью посольства и подарками. Переговоры тянулись цѣлый мѣсяцъ и не привели къ желаемому результату, благодаря энергичному противодѣйствію англійскаго посланника, успѣвшаго придать, въ глазахъ гордыхъ японцевъ, присутствію русской эскадры въ японскихъ водахъ угрожающій смыслъ. Такимъ образомъ, благодаря интригамъ представителя Великобританіи, довѣріе, до сихъ поръ существовавшее между Японіей и Россіей, было нарушено, а непріязнь не замедлила проявиться: русскій офицеръ и матросъ пали подъ саблями убійцъ, подосланныхъ недовольными князьками. Этимъ насиліемъ начался цѣлый рядъ тайныхъ убійствъ, имѣвшихъ цѣлью изгнаніе европейцевъ изъ Японіи. Печальное происшествіе это могло бы оправдать всякую энергичную мѣру [1]) съ нашей стороны, но мы удовольствовались извиненіями японскихъ чиновниковъ, въ надеждѣ возвратить миролюбіемъ прежнее расположеніе японцевъ. Дѣйствительно, съ начала шестидесятыхъ годовъ мы опять вступили съ Японіей въ дружественныя отношенія, отложивъ на время щекотливый сахалинскій вопросъ. Мы основали въ Хакодатэ школу для молодыхъ японцевъ, посылали нашихъ морскихъ офицеровъ для обученія японцевъ морскому дѣлу, содержали на станціи въ Японіи значительныя эскадры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не переставали увѣрять японцевъ въ нашей неизмѣнной дружбѣ и искреннемъ расположеніи. Между тѣмъ, порты Японіи, открытые трактатами, были уже переполнены коммерческими судами всѣхъ націй; обширная, выгодная торговля возникла

---

[1]) Четыре года спустя, англійскій адмиралъ вытребовалъ, при подобныхъ же обстоятельствахъ, денежное вознагражденіе въ пользу семействъ убитыхъ лицъ, а при возникшихъ затѣмъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ японцевъ, сжегъ Кагосиму, и Японія смирилась.

вдругъ въ разныхъ пунктахъ богатаго архипелага; а русскій торговый флагъ все еще не показывался въ водахъ японіи, что крайне удивляло практическихъ, смѣтливыхъ японцевъ. Неспособные подняться до понятія какой-то „идеальной“ дружбы, они не переставали спрашивать насъ: „когда же придутъ русскіе купеческіе корабли?“ Мы отзывались безкорыстіемъ нашей дружбы, стараясь скрыть печальную дѣйствительность и наше ничтожество, какъ коммерческой, морской державы. Напрасно, у японцевъ были уже учителя (голландцы, англичане и французы), отъ которыхъ они скоро узнали, что Россія не спѣшитъ, подобно другимъ государствамъ, воспользоваться благами трактатовъ только потому, что не имѣетъ коммерческихъ судовъ... Сообщеніе это крайне озадачило японцевъ, у которыхъ вдругъ явилось, благодаря нашептыванью европейцевъ, подозрѣніе въ двуличности политики Россіи.

„Съ какою цѣлью содержитъ Россія въ нашихъ водахъ такую сильную эскадру, съ какою цѣлью употреблено русскими столько усилій, чтобы войти съ нами въ сношенія, для чего заключили они два торговыхъ трактата?“ спрашивали они. Подозрѣніе росло. Сильная эскадра, постоянно пребывающая въ японскихъ водахъ, и постоянныя при томъ заявленія со стороны Русскихъ въ дружбѣ и расположеніи не вязались какъ-то въ умѣ подозрительныхъ японцевъ. Имъ стало казаться, что Россія имѣетъ какую-то тайную, корыстную цѣль, и они начали поглядывать на насъ, какъ на тайныхъ враговъ... Неожиданный, трудно оправдываемый фактъ насилія Россіи, вдругъ какъ бы подтвердилъ подозрѣнія японцевъ: искренніе друзья, постоянно напоминавшіе о своемъ безграничномъ расположеніи, захватили островъ Цусиму въ тотъ моментъ, когда это казалось положительно невозможнымъ. Захватъ этотъ, сдѣланный по непростительной инициативѣ одного изъ командировъ военныхъ судовъ, раскрылъ глаза японцамъ и разъяснилъ имъ всю загадку странной русской политики. Японцы не замедлили обратиться за посредничествомъ къ Англіи, и мы со сты-

домъ оставили захваченный островъ, надолго лишившись расположенія Японіи.

Послѣ Цусимскаго столкновенія, наша политика въ Японіи отличалась полнымъ невмѣшательствомъ во внутреннія и внѣшнія дѣла архипелага; но въ то же время, мы все еще смутно продолжали преслѣдовать цѣль пріобрѣтенія японской части Сахалина въ полное владѣніе. Между тѣмъ, въ Японіи произошли громадные перевороты, при которыхъ Россія могла бы сказать свое вѣское слово и должна была бы выяснить свои отношенія къ Японской монархіи; но она хранила молчаніе, предоставивъ другимъ державамъ воспользоваться междуусобными войнами для достиженія извѣстныхъ привилегій и увеличенія здѣсь своего вліянія. Особенно обильны происшествіями высокой политической важности оказались годы 1863 и 1864. Пять націй (Англія, Франція, Соединенные Штаты, Голландія и Германія) дружно соединились для охраненія трактатовъ, нарушенныхъ японцами. Укрѣпленія Кагосимы были бомбардированы; Іокогама занята соединеннымъ гарнизономъ, проливъ Симонозеки ядрами очищенъ для торговли; укрѣпленія князя Ногато разрушены и заняты войсками, привезенными изъ Индіи и Англіи. Микадо, не пожелавшій признать трактатовъ, заключенныхъ тайкуномъ, былъ вынужденъ ратификовать ихъ подъ пушками соединенныхъ эскадръ. Такимъ образомъ, упорное отчужденіе верховнаго властелина отъ сближенія съ европейцами было сломлено. Кромѣ того, за совершенныя въ японскихъ владѣніяхъ убійства европейцевъ (кромѣ русскихъ) правительствомъ уплачена значительная контрибуція.

Россія не приняла участія въ этой грандіозной демонстраціи, благодаря тревожному положенію польскаго вопроса. Наша эскадра, получившая приказаніе быть готовой къ войнѣ, чинилась, снабжалась всѣмъ необходимымъ и выжидала въ С. Франциско дальнѣйшихъ приказаній. Когда же суда наши вернулись наконецъ въ Японію, намъ пришлось довольствоваться только тѣмъ, что было достигнуто другими державами. Такимъ образомъ, переворотъ, окончательно от-

крывшій Японію иностранцамъ, совершился безъ насъ, что значительно умалило, въ глазахъ японцевъ, наше политическое значеніе, какъ великой европейской державы...

Между тѣмъ, неудовлетворительность трактатовъ 1855 и и 1858 годовъ, оставившихъ островъ Сахалинъ въ „нераздѣльномъ" владѣніи Россіи и Японіи, безъ точнаго объясненія этого слова, побудила мѣстныхъ властей, съ той и другой стороны, установить условную границу по рѣкѣ Косунай: на одномъ берегу устроился русскій постъ, а на другомъ—японскій портъ. Такимъ образомъ, на пустынномъ морскомъ побережьѣ сошлись опять, лицомъ къ лицу, представители двухъ народностей, при чемъ наша національная гордость была принижена этимъ сопоставленіемъ. Оскорбительно для Россіи было видѣть, насколько японцы стояли выше русскихъ по своимъ нравственнымъ качествамъ, насколько ихъ портъ отличался передъ нашимъ ничтожнымъ, заброшеннымъ постомъ своей чистотой, удобствомъ, порядкомъ. Два раза забытый, нашъ постъ былъ спасаемъ отъ голода японцами: фактъ этотъ не требуетъ комментаріевъ...

Въ 1865 году, мы воспользовались прибытіемъ въ Петербургъ Японскаго посольства и подняли опять вопросъ о Сахалинѣ, причемъ русское правительство предложило въ обмѣнъ южной части острова Курильскую гряду. Переговоры кончились почти ничѣмъ, благодаря опять же настойчивымъ интригамъ Англіи, опасавшейся нашего политическаго роста на берегахъ Великаго океана. Конвенціей, заключенной 18 марта 1867 года, была лишь разъяснена статья о нераздѣльномъ владѣніи Россіи и Японіи Сахалиномъ въ томъ смыслѣ, что „русскіе и японцы имѣютъ право въ равной степени занимать по *всему* острову незанятыя еще мѣста". Такого рода разъясненія, удаляя только рѣшеніе вопроса на неопредѣленное время, создали въ будущемъ значительныя затрудненія. Соглашаясь на подобное „нераздѣльное" владѣніе Сахалиномъ, мы не допускали мысли, что можемъ встрѣтить въ японцахъ сильныхъ соперниковъ; между тѣмъ, всѣ факты скоро доказали, что въ дѣлѣ занятія острова всѣ преимущества на ихъ сторонѣ. Пользуясь вы-

домъ оставили захваченный островъ, надолго лишившись расположенія Японіи.

Послѣ Цусимскаго столкновенія, наша политика въ Японіи отличалась полнымъ невмѣшательствомъ во внутреннія и внѣшнія дѣла архипелага; но въ то же время, мы все еще смутно продолжали преслѣдовать цѣль пріобрѣтенія японской части Сахалина въ полное владѣніе. Между тѣмъ, въ Японіи произошли громадные перевороты, при которыхъ Россія могла бы сказать свое вѣское слово и должна была бы выяснить свои отношенія къ Японской монархіи; но она хранила молчаніе, предоставивъ другимъ державамъ воспользоваться междуусобными войнами для достиженія извѣстныхъ привилегій и увеличенія здѣсь своего вліянія. Особенно обильны происшествіями высокой политической важности оказались годы 1863 и 1864. Пять націй (Англія, Франція, Соединенные Штаты, Голландія и Германія) дружно соединились для охраненія трактатовъ, нарушенныхъ японцами. Укрѣпленія Кагосимы были бомбардированы; Іокогама занята соединеннымъ гарнизономъ, проливъ Симонозеки ядрами очищенъ для торговли; укрѣпленія князя Ногато разрушены и заняты войсками, привезенными изъ Индіи и Англіи. Микадо, не пожелавшій признать трактатовъ, заключенныхъ тайкуномъ, былъ вынужденъ ратификовать ихъ подъ пушками соединенныхъ эскадръ. Такимъ образомъ, упорное отчужденіе верховнаго властелина отъ сближенія съ европейцами было сломлено. Кромѣ того, за совершенныя въ японскихъ владѣніяхъ убійства европейцевъ (кромѣ русскихъ) правительствомъ уплачена значительная контрибуція.

Россія не приняла участія въ этой грандіозной демонстраціи, благодаря тревожному положенію польскаго вопроса. Наша эскадра, получившая приказаніе быть готовой къ войнѣ, чинилась, снабжалась всѣмъ необходимымъ и выжидала въ С. Франциско дальнѣйшихъ приказаній. Когда же суда наши вернулись наконецъ въ Японію, намъ пришлось довольствоваться только тѣмъ, что было достигнуто другими державами. Такимъ образомъ, переворотъ, окончательно от-

крывшій Японію иностранцамъ, совершился безъ насъ, что значительно умалило, въ глазахъ японцевъ, наше политическое значеніе, какъ великой европейской державы...

Между тѣмъ, неудовлетворительность трактатовъ 1855 и и 1858 годовъ, оставившихъ островъ Сахалинъ въ „нераздѣльномъ" владѣніи Россіи и Японіи, безъ точнаго объясненія этого слова, побудила мѣстныхъ властей, съ той и другой стороны, установить условную границу по рѣкѣ Косунай: на одномъ берегу устроился русскій постъ, а на другомъ—японскій портъ. Такимъ образомъ, на пустынномъ морскомъ побережьѣ сошлись опять, лицомъ къ лицу, представители двухъ народностей, при чемъ наша національная гордость была принижена этимъ сопоставленіемъ. Оскорбительно для Россіи было видѣть, насколько японцы стояли выше русскихъ по своимъ нравственнымъ качествамъ, насколько ихъ портъ отличался передъ нашимъ ничтожнымъ, заброшеннымъ постомъ своей чистотой, удобствомъ, порядкомъ. Два раза забытый, нашъ постъ былъ спасаемъ отъ голода японцами: фактъ этотъ не требуетъ комментаріевъ...

Въ 1865 году, мы воспользовались прибытіемъ въ Петербургъ Японскаго посольства и подняли опять вопросъ о Сахалинѣ, причемъ русское правительство предложило въ обмѣнъ южной части острова Курильскую гряду. Переговоры кончились почти ничѣмъ, благодаря опять же настойчивымъ интригамъ Англіи, опасавшейся нашего политическаго роста на берегахъ Великаго океана. Конвенціей, заключенной 18 марта 1867 года, была лишь разъяснена статья о нераздѣльномъ владѣніи Россіи и Японіи Сахалиномъ въ томъ смыслѣ, что „русскіе и японцы имѣютъ право въ равной степени занимать по *всему* острову незанятыя еще мѣста". Такого рода разъясненія, удаляя только рѣшеніе вопроса на неопредѣленное время, создали въ будущемъ значительныя затрудненія. Соглашаясь на подобное „нераздѣльное" владѣніе Сахалиномъ, мы не допускали мысли, что можемъ встрѣтить въ японцахъ сильныхъ соперниковъ; между тѣмъ, всѣ факты скоро доказали, что въ дѣлѣ занятія острова всѣ преимущества на ихъ сторонѣ. Пользуясь вы-

домъ оставили захваченный островъ, надолго лишившись расположенія Японіи.

Послѣ Цусимскаго столкновенія, наша политика въ Японіи отличалась полнымъ невмѣшательствомъ во внутреннія и внѣшнія дѣла архипелага; но въ то же время, мы все еще смутно продолжали преслѣдовать цѣль пріобрѣтенія японской части Сахалина въ полное владѣніе. Между тѣмъ, въ Японіи произошли громадные перевороты, при которыхъ Россія могла бы сказать свое вѣское слово и должна была бы выяснить свои отношенія къ Японской монархіи; но она хранила молчаніе, предоставивъ другимъ державамъ воспользоваться междуусобными войнами для достиженія извѣстныхъ привилегій и увеличенія здѣсь своего вліянія. Особенно обильны происшествіями высокой политической важности оказались годы 1863 и 1864. Пять націй (Англія, Франція, Соединенные Штаты, Голландія и Германія) дружно соединились для охраненія трактатовъ, нарушенныхъ японцами. Укрѣпленія Кагосимы были бомбардированы; Іокогама занята соединеннымъ гарнизономъ, проливъ Симонозеки ядрами очищенъ для торговли; укрѣпленія князя Ногато разрушены и заняты войсками, привезенными изъ Индіи и Англіи. Микадо, не пожелавшій признать трактатовъ, заключенныхъ тайкуномъ, былъ вынужденъ ратификовать ихъ подъ пушками соединенныхъ эскадръ. Такимъ образомъ, упорное отчужденіе верховнаго властелина отъ сближенія съ европейцами было сломлено. Кромѣ того, за совершенныя въ японскихъ владѣніяхъ убійства европейцевъ (кромѣ русскихъ) правительствомъ уплачена значительная контрибуція.

Россія не приняла участія въ этой грандіозной демонстраціи, благодаря тревожному положенію польскаго вопроса. Наша эскадра, получившая приказаніе быть готовой къ войнѣ, чинилась, снабжалась всѣмъ необходимымъ и выжидала въ С. Франциско дальнѣйшихъ приказаній. Когда же суда наши вернулись наконецъ въ Японію, намъ пришлось довольствоваться только тѣмъ, что было достигнуто другими державами. Такимъ образомъ, переворотъ, окончательно от-

крывшій Японію иностранцамъ, совершился безъ насъ, что значительно умалило, въ глазахъ японцевъ, наше политическое значеніе, какъ великой европейской державы...

Между тѣмъ, неудовлетворительность трактатовъ 1855 и и 1858 годовъ, оставившихъ островъ Сахалинъ въ „нераздѣльномъ“ владѣніи Россіи и Японіи, безъ точнаго объясненія этого слова, побудила мѣстныхъ властей, съ той и другой стороны, установить условную границу по рѣкѣ Косунай: на одномъ берегу устроился русскій постъ, а на другомъ—японскій портъ. Такимъ образомъ, на пустынномъ морскомъ побережьѣ сошлись опять, лицомъ къ лицу, представители двухъ народностей, при чемъ наша національная гордость была принижена этимъ сопоставленіемъ. Оскорбительно для Россіи было видѣть, насколько японцы стояли выше русскихъ по своимъ нравственнымъ качествамъ, насколько ихъ портъ отличался передъ нашимъ ничтожнымъ, заброшеннымъ постомъ своей чистотой, удобствомъ, порядкомъ. Два раза забытый, нашъ постъ былъ спасаемъ отъ голода японцами: фактъ этотъ не требуетъ комментаріевъ...

Въ 1865 году, мы воспользовались прибытіемъ въ Петербургъ Японскаго посольства и подняли опять вопросъ о Сахалинѣ, причемъ русское правительство предложило въ обмѣнъ южной части острова Курильскую гряду. Переговоры кончились почти ничѣмъ, благодаря опять же настойчивымъ интригамъ Англіи, опасавшейся нашего политическаго роста на берегахъ Великаго океана. Конвенціей, заключенной 18 марта 1867 года, была лишь разъяснена статья о нераздѣльномъ владѣніи Россіи и Японіи Сахалиномъ въ томъ смыслѣ, что „русскіе и японцы имѣютъ право въ равной степени занимать по *всему* острову незанятыя еще мѣста“. Такого рода разъясненія, удаляя только рѣшеніе вопроса на неопредѣленное время, создали въ будущемъ значительныя затрудненія. Соглашаясь на подобное „нераздѣльное“ владѣніе Сахалиномъ, мы не допускали мысли, что можемъ встрѣтить въ японцахъ сильныхъ соперниковъ; между тѣмъ, всѣ факты скоро доказали, что въ дѣлѣ занятія острова всѣ преимущества на ихъ сторонѣ. Пользуясь вы-

домъ оставили захваченный островъ, надолго лишившись расположенія Японіи.

Послѣ Цусимскаго столкновенія, наша политика въ Японіи отличалась полнымъ невмѣшательствомъ во внутреннія и внѣшнія дѣла архипелага; но въ то же время, мы все еще смутно продолжали преслѣдовать цѣль пріобрѣтенія японской части Сахалина въ полное владѣніе. Между тѣмъ, въ Японіи произошли громадные перевороты, при которыхъ Россія могла бы сказать свое вѣское слово и должна была бы выяснить свои отношенія къ Японской монархіи; но она хранила молчаніе, предоставивъ другимъ державамъ воспользоваться междуусобными войнами для достиженія извѣстныхъ привилегій и увеличенія здѣсь своего вліянія. Особенно обильны происшествіями высокой политической важности оказались годы 1863 и 1864. Пять націй (Англія, Франція, Соединенные Штаты, Голландія и Германія) дружно соединились для охраненія трактатовъ, нарушенныхъ японцами. Укрѣпленія Кагосимы были бомбардированы; Іокогама занята соединеннымъ гарнизономъ, проливъ Симонозеки ядрами очищенъ для торговли; укрѣпленія князя Ногато разрушены и заняты войсками, привезенными изъ Индіи и Англіи. Микадо, не пожелавшій признать трактатовъ, заключенныхъ тайкуномъ, былъ вынужденъ ратификовать ихъ подъ пушками соединенныхъ эскадръ. Такимъ образомъ, упорное отчужденіе верховнаго властелина отъ сближенія съ европейцами было сломлено. Кромѣ того, за совершенныя въ японскихъ владѣніяхъ убійства европейцевъ (кромѣ русскихъ) правительствомъ уплачена значительная контрибуція.

Россія не приняла участія въ этой грандіозной демонстраціи, благодаря тревожному положенію польскаго вопроса. Наша эскадра, получившая приказаніе быть готовой къ войнѣ, чинилась, снабжалась всѣмъ необходимымъ и выжидала въ С. Франциско дальнѣйшихъ приказаній. Когда же суда наши вернулись наконецъ въ Японію, намъ пришлось довольствоваться только тѣмъ, что было достигнуто другими державами. Такимъ образомъ, переворотъ, окончательно от-

крывшій Японію иностранцамъ, совершился безъ насъ, что значительно умалило, въ глазахъ японцевъ, наше политическое значеніе, какъ великой европейской державы...

Между тѣмъ, неудовлетворительность трактатовъ 1855 и и 1858 годовъ, оставившихъ островъ Сахалинъ въ „нераздѣльномъ" владѣніи Россіи и Японіи, безъ точнаго объясненія этого слова, побудила мѣстныхъ властей, съ той и другой стороны, установить условную границу по рѣкѣ Косунай: на одномъ берегу устроился русскій постъ, а на другомъ—японскій портъ. Такимъ образомъ, на пустынномъ морскомъ побережьѣ сошлись опять, лицомъ къ лицу, представители двухъ народностей, при чемъ наша національная гордость была принижена этимъ сопоставленіемъ. Оскорбительно для Россіи было видѣть, насколько японцы стояли выше русскихъ по своимъ нравственнымъ качествамъ, насколько ихъ портъ отличался передъ нашимъ ничтожнымъ, заброшеннымъ постомъ своей чистотой, удобствомъ, порядкомъ. Два раза забытый, нашъ постъ былъ спасаемъ отъ голода японцами: фактъ этотъ не требуетъ комментаріевъ...

Въ 1865 году, мы воспользовались прибытіемъ въ Петербургъ Японскаго посольства и подняли опять вопросъ о Сахалинѣ, причемъ русское правительство предложило въ обмѣнъ южной части острова Курильскую гряду. Переговоры кончились почти ничѣмъ, благодаря опять же настойчивымъ интригамъ Англіи, опасавшейся нашего политическаго роста на берегахъ Великаго океана. Конвенціей, заключенной 18 марта 1867 года, была лишь разъяснена статья о нераздѣльномъ владѣніи Россіи и Японіи Сахалиномъ въ томъ смыслѣ, что „русскіе и японцы имѣютъ право въ равной степени занимать по *всему* острову незанятыя еще мѣста". Такого рода разъясненія, удаляя только рѣшеніе вопроса на неопредѣленное время, создали въ будущемъ значительныя затрудненія. Соглашаясь на подобное „нераздѣльное" владѣніе Сахалиномъ, мы не допускали мысли, что можемъ встрѣтить въ японцахъ сильныхъ соперниковъ; между тѣмъ, всѣ факты скоро доказали, что въ дѣлѣ занятія острова всѣ преимущества на ихъ сторонѣ. Пользуясь вы-

шеизложеннымъ разъясненіемъ, правительство микадо предприняло въ 1866 и 1867 годахъ систематическую колонизацію острова Сахалина; къ этому ихъ понуждали: собственныя выгоды, соперничество съ нами и коварные совѣты англичанъ. Колонизація, столь трудная для насъ, доставалась японцамъ легко и дешево. Близость острововъ, богатыхъ средствами и людьми, давала японскому правительству возможность заселять Сахалинъ безъ особенныхъ усилій; при этомъ оно воздерживалось отъ непроизводительныхъ расходовъ; каждая затрата вызывалась дѣйствительными нуждами народа и съ избыткомъ вознаграждалась немедленнымъ пользованіемъ предметами промысла острова: рыбой и пушнымъ звѣремъ. Въ то время, когда японцы выдѣляли на Сахалинъ избытокъ своего населенія, мы были вынуждены привлекать туда переселенцевъ большими льготами изъ сердца Россіи, что̀ вызывало крупные, малопроизводительные расходы. Мы ставили военные посты, роты холостыхъ солдатъ, не имѣющихъ никакого значенія въ колонизаціи острова; а японцы строили прочныя селенія семейныхъ работниковъ и промышленниковъ. Мы перешли на югъ отъ рѣки Косукай и возобновили постъ на берегу залива Анива, поставивъ тамъ роту солдатъ; Японцы тотчасъ же перешли на сѣверъ этой рѣчки и основали прочныя селенія въ прежнихъ пустопорожнихъ нашихъ владѣніяхъ. Не будучи, наконецъ, въ силахъ ставить военные посты въ каждой понравившейся намъ мѣстности, мы начали водружать, въ знакъ занятія извѣстнаго пункта, столбы съ надписями; японцы не замедлили послѣдовать нашему примѣру и ставили такіе же столбы всюду, гдѣ только поспѣвали. Эта конкурренція, создавъ на островѣ чрезвычайную черезполосицу, была причиной безпрестанныхъ ссоръ и недоразумѣній, возникавшихъ между нашими властями и японскими чиновниками. Такимъ образомъ, вопреки желанію русскаго правительства, сахалинскій вопросъ усложнялся съ каждымъ годомъ и грозилъ въ будущемъ еще болѣе серьезными затрудненіями. Между тѣмъ, съ устройствомъ на Сахалинѣ каторжныхъ поселеній и съ развитіемъ на немъ каменно-

угольной промышленности, Россія должна была настоятельно добиваться уступки острова въ полное владѣніе. Въ этомъ направленіи начались новые, продолжительные переговоры, и только въ 1875 году, 25 апрѣля, былъ заключенъ съ Японіей новый договоръ, по которому Сахалинъ сталъ исключительною собственностью Россіи, взамѣнъ Курильскихъ острововъ, отошедшихъ къ Японіи. Такимъ образомъ, спорный сахалинскій вопросъ былъ наконецъ разрѣшенъ къ обоюдной выгодѣ, и съ этого времени наступилъ періодъ наиболѣе дружественныхъ отношеній между Россіей и Японіей. Дружелюбною настойчивостью русское правительство достигло давно намѣченной цѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣло рѣдкія симпатіи японскаго правительства и народа, убѣдившагося наконецъ, что не въ нашемъ духѣ прибѣгать, при разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ, къ пушкамъ и штыкамъ, что̀ обыкновенно практиковали и практикуютъ англичане, особенно при столкновеніяхъ со слабыми, сравнительно, народами. При столкновеніяхъ же съ сильнымъ врагомъ, англичане предпочитаютъ ограничиваться, въ большинствѣ случаевъ, только обычными, подпольными интригами.

Въ началѣ настоящей статьи мы указали на необходимость войти Россіи съ Японіей въ дружескія соглашенія относительно района политическаго преобладанія на крайнемъ востокѣ той и другой державы. Намъ кажется, достигнуть этого вполнѣ возможно, не оскорбляя національнаго самолюбія японцевъ, народа рыцарскаго, не выносящаго высокомѣрія и политическаго двуличія. Онъ признаетъ только политику чести, благоразумія, взаимнаго довѣрія и безпристрастія. Японцы чрезвычайно цѣнятъ искреннюю, безкорыстную дружбу и всегда готовы отнестись къ дружелюбной націи съ рѣдкою, вполнѣ рыцарскою, предупредительностью, что̀ чрезвычайно важно помнить при разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ. Они съ презрѣніемъ относятся къ интригамъ и подпольной политикѣ, въ родѣ англійской, и умѣютъ хорошо отличать искренній образъ дѣйствія отъ ли-

цемѣрія и подтасовокъ. Съ японцами легко войти въ откровенныя соглашенія, распредѣливъ политическія сферы. Стоитъ только оказать Японіи энергичное содѣйствіе къ расширенію ея островныхъ владѣній къ югу, до Формозы включительно, и мы увѣрены, что̀ она откажется отъ Кореи въ пользу Россіи. Японцы хорошо сознаютъ, что Корея въ случаѣ ея присоединенія (что еще сомнительно) къ островной монархіи, создастъ въ будущемъ громадныя политическія затрудненія. Не говоря уже о томъ, какъ трудно будетъ управлять народомъ, который съ дикимъ фанатизмомъ ненавидитъ японцевъ за ихъ былые, истребительные походы въ Корею, Японія сдѣлаетъ грубую политическую ошибку, если войдетъ въ непосредственное сосѣдство съ Китаемъ, который, въ силу вѣками сложившейся національной вражды, всегда будетъ стремиться сбросить японцевъ съ материка за Корейскій проливъ. Это стремленіе Китая несомнѣнно осуществится, вслѣдствіе положительной невозможности для Японіи удержаться во враждебной странѣ противъ китайскихъ полчищъ. Между тѣмъ, обладая болѣе или менѣе могущественнымъ флотомъ и не преслѣдуя эфемерныхъ завоеваній на материкѣ, японцы могутъ вполнѣ господствовать на Великомъ океанѣ и поставить свою монархію на ступень „Восточной Великобританіи“. Для осуществленія этой задачи, Японіи необходимо заключить тѣсный союзъ съ Россіей, единственной державой, способной на истинную, честную дружбу. Сплотившись на крайнемъ востокѣ, Россія и Японія могутъ смѣло встать во всеоружіи на защиту своихъ жизненныхъ интересовъ и съ честью отразить хищническія посягательства на эти интересы Англіи, Китая и Германіи. Повторяемъ, Японія—единственный, вѣрный нашъ союзникъ на берегахъ Великаго океана; дружба ея для насъ одинаково дорога, какъ наша дружба дорога для Японіи. Мы должны быть вполнѣ солидарны съ этой державой, такъ какъ имѣемъ съ нею много общихъ точекъ политическаго соприкосновенія. Нѣкоторые авторитеты пугаютъ Россію быстрымъ прогрессивнымъ ростомъ могущественной монархіи. Напрасно! Ростъ этотъ опасенъ для нашихъ враговъ, но не для насъ.

Мы должны искренно радоваться и сочувствовать этому росту, потому что Японія быстро освобождается отъ тлетворнаго вліянія нашихъ европейскихъ враговъ, сбрасываетъ съ себя ихъ тяжелое, позорное ярмо, постепенно дѣлается самостоятельной и становится внѣ какихъ-либо исключительныхъ давленій, всегда чрезвычайно вредныхъ для насъ. Только при непосредственномъ содѣйствіи Японіи, Россія можетъ разомъ выдвинуть свои грозные аванпосты къ импульсу всемірной торговли—Китайскому морю и почти на самый рубежъ англійскихъ колоній—этихъ неотвратимыхъ ахиллесовыхъ пятъ могущественной Великобританіи. Намъ хорошо извѣстно, что нѣкоторые публицисты отрицаютъ пользу союза Россіи съ Японіей, при чемъ еще недавно, въ періодъ серьезнаго осложненія, возникшаго между Японіей и Китаемъ изъ за Ліу-Кійскихъ острововъ, старались выразить свои „личныя" симпатіи къ Поднебесной Имперіи и наталкивали Россію оказать Китаю, въ разрѣшеніи спорнаго вопроса, моральную поддержку. Всѣ эти симпатіи и моральная поддержка были построены на нѣкоторыхъ весьма шаткихъ основаніяхъ, которыя можно формулировать такъ. Китай-де государство консервативное, а потому для Россіи не опасное; Японія — государство quasi-прогрессирующее, владѣющее броненоснымъ флотомъ и европейски обученной арміей; могущество этой монархіи будетъ намъ вредно на нашихъ далекихъ окраинахъ. Затѣмъ: съ Китаемъ мы торгуемъ и торгуемъ на большую сумму, а съ Японіей наша торговля равна почти нулю, а потому „барыши" должны склонить вѣсы въ пользу Китая. Въ концѣ концовъ, было выражено предположеніе, что за своевременный нейтралитетъ и моральную поддержку Китая, при столкновеніяхъ съ Японіей, Россія можетъ получить отъ первой „благодарность", въ видѣ рѣки Сунгари, долины Или, верхняго Иртыша, верховьевъ Енисея и тому подобнаго по мнѣнію сторонниковъ союза съ Китаемъ, „хлама", который не имѣетъ будто бы „большой цѣны" для Поднебесной Имперіи. Всѣ эти доводы крайне голословны и противорѣчатъ исторіи политическихъ сношеній Россіи съ Китаемъ. Изъ перваго политическаго этюда „Китай и Россія" ясно видно,

что Поднебесная Имперія, во всѣ времена сношеній съ Россіей, всегда придерживалась двуличной политики, пускалась на всевозможныя продѣлки, передержки и подтасовки, чтобы только имѣть возможность отречься отъ своихъ словъ и договоровъ. Наши торговые люди постоянно подвергались и подвергаются въ Китаѣ до настоящаго времени грубымъ притѣсненіямъ и придиркамъ; китайское, корыстолюбивое чиновничество тянуло и тянетъ съ нихъ крупныя взятки, не стѣсняясь разными вымогательствами и насиліемъ. Торговля наша съ Китаемъ терпитъ всевозможныя затрудненія, несмотря на энергичныя попытки Россіи поставить ее въ одинаковыя условія съ торговлей англійской, американской, французской и др. При каждомъ удобномъ случаѣ, какъ только Китай чувствовалъ за собой силу, онъ съ дерзостью обращался къ Россіи съ самыми тяжелыми требованіями, обращался какъ могущественный сюзеренъ къ приниженному вассалу. Еще разъ вспомнимъ несчастный Нерчинскій договоръ, вырванный у насъ съ оружіемъ въ рукахъ, вспомнимъ тѣ полтораста лѣтъ, которые слѣдовали за этимъ печальнымъ договоромъ, вспомнимъ оскорбленія, нанесенныя нашимъ посланникамъ во времена мнимаго могущества Поднебесной Имперіи, и тогда убѣдимся, что Китай будетъ къ намъ безпощаденъ, какъ только онъ почувствуетъ подъ собою болѣе или менѣе твердую почву. Онъ уже ощущаетъ свою силу, подозрѣваемую нашими европейскими врагами. Еще недавно, Китай рискнулъ обратиться къ Россіи съ весьма дерзскимъ, настойчивымъ требованіемъ о возвратѣ Кульджи. Мы не измѣнили своей „мирной, уступчивой политики“ и, только благодаря этому, отсрочили на время вооруженное столкновеніе съ китайскими полчищами, бывшими наготовѣ вторгнуться въ Кульджу. Въ результатѣ, военныя приготовленія Китая противъ Россіи увѣнчались „симпатіями“, печатно выраженными нѣкоторыми публицистами къ этой державѣ. Спрашиваемъ, должна ли Россія раздѣлять такія симпатіи? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Мы можемъ держаться относительно Китая „пока“ миролюбивой политики, это дѣло нашего правительства, но симпатизиро-

вать ему рѣтительно оскорбительно для національной гордости. Вправѣ ли Россія оказать Китаю, когда-либо, моральную поддержку, не говоря уже о болѣе существенной, въ случаѣ ея возможнаго столкновенія съ Японіей? Отнюдь нѣть! — Напротивъ намъ необходимо въ данномъ случаѣ, не раздумывая, стать на сторону Японіи. Надо твердо помнить, что здравая политика разрѣшаетъ государству оказывать какую-либо поддержку только „испытаннымъ друзьямъ“ или, когда это „выгодно“. Въ данномъ случаѣ, мы не видимъ ни того, ни другаго. Китай никогда не состоялъ съ нами въ „искреннихъ“ дружественныхъ отношеніяхъ, и этой честной дружбы нельзя ожидать и въ будущемъ. Не надо забывать, что Китай при всѣхъ „дружественныхъ“ отношеніяхъ къ Россіи, всегда держалъ за пазухой камень, которымъ билъ насъ часто и больно. Онъ съ затаенной злобой уступилъ намъ Амуръ и Уссури и будетъ стараться возвратить ихъ обратно, какъ старался вернуть Амуръ въ XVII столѣтіи. Онъ съ насмѣшливой улыбкой подписывалъ трактаты и договоры, съ явнымъ намѣреніемъ не выполнять ихъ, если только они шли въ разрѣзъ его интересамъ. Онъ всегда пользовался нашимъ крайнимъ довѣріемъ и рыцарскою честностью, не разъ обманутыми и оскорбленными. Японія же до послѣдняго времени осталась вѣрной своей прямой, миролюбивой, относительно Россіи, политикѣ; оставалась вѣрной, несмотря на то, что, къ сожалѣнію, наши политическіе дѣятели крайняго востока не разъ вызывали ее на столкновеніе. Чѣмъ отплатила намъ Японія за цѣлый рядъ насилій отдѣльныхъ личностей, дѣйствовавшихъ какъ бы по инціативѣ русскаго правительства? Искреннимъ желаніемъ устранить всякій поводъ къ столкновеніямъ и выдающимся дружелюбіемъ. Не Японія ли дала гостепріимный пріютъ сотнямъ нашихъ моряковъ, имѣвшимъ несчастье потерпѣть крушеніе у японскихъ береговъ; не она ли много разъ спасала отъ голода наши заброшенные, забытые военные посты на островѣ Сахалинѣ; не она ли постоянно выражала желаніе войти съ Россіей, преимущественно передъ

другими державами, въ дружескія и торговыя сношенія? Японія оказывала намъ свое рѣдкое расположеніе даже въ такое тяжелое время, когда по всей Имперіи шло энергичное преслѣдованіе всѣхъ европейцевъ. Въ то время, когда христіане-католики и христіане-протестанты гибли тысячами подъ ударами японскихъ фанатиковъ, наши православные христіане оставались неприкосновенными, если не считать заключенія въ тюрьму по ошибкѣ нѣсколькихъ православныхъ катехизаторовъ, которые были выпущены на свободу тотчасъ же, какъ только вмѣшалась въ дѣло наша дипломатія. Можетъ ли Россія, сообразивъ все прошлое, дѣлать выборъ между Японіей и Китаемъ? Ни въ какомъ случаѣ: всѣ наши симпатіи должны сосредоточиться исключительно на могущественной островной монархіи, которой предстоитъ играть на Великомъ океанѣ выдающуюся политическую роль. Эти симпатіи должны быть неизмѣнны. Японія сумѣетъ оцѣнить нашу искренность.

А. МАКСИМОВЪ.

КРИТИКА.

I.

Новыя страницы русской исторіи.

Родъ Шереметевыхъ. Александра Барсукова. Книга пятая. Спб. 1888 г.

Появленіе новаго тома „Родъ Шереметевыхъ" обязываетъ насъ припомнить то, что было нами высказано въ печати о замѣчательномъ трудѣ А. П. Барсукова, при появленіи первыхъ томовъ, и тѣмъ самымъ освѣжить въ памяти читателя какъ самое содержаніе, такъ и исполненіе, на первый разъ, какъ будто односторонней и сухой задачи.

Но это—не сухая генеалогія, не хвалебныя и пристрастныя повѣствованія, а правдивая, увлекательная исторія одного изъ знаменитѣйшихъ русскихъ родовъ, рода, родственнаго дому Царя, народнаго избранника, равно какъ и роду величаваго страдальца за правду, митрополита Филиппа Колычева. Послѣ цѣлаго ряда любопытныхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ повѣствованія ближняго стольника Степана Колычева и изъ другихъ источниковъ, читатель знакомится съ боярами Кобылиными и Кошкиными временъ Донскаго, Темнаго—вплоть до правнука Андрея Кобылы, Константина Беззубцова, отъ котораго повелось поколѣніе Шереметевыхъ. Послѣ новаго ряда бояръ (уже Шереметевыхъ), появляющихся то въ походахъ, то въ торжественныхъ обрядахъ—при дворѣ *державныхъ*: Ивана III и сына его Василія — выступаютъ живые историческіе образы Шереметевыхъ современниковъ Грознаго. Изъ нихъ особенно выдается

Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ. Участникъ въ заговорѣ Шуйскихъ и въ произведенномъ ими переворотѣ, окольничій, полководецъ въ походѣ на Казань и на крымцевъ, раненный при осадѣ Полоцка, глава опальной земщины, воевода Московскій, пытанный царемъ и имъ же жалованный—бояринъ этотъ наконецъ постригается въ Кириловомъ монастырѣ и тамъ, какъ инокъ Іона, служитъ предметомъ укоровъ и насмѣшекъ царя Ивана Васильевича, въ его посланіи къ игумену Козьмѣ. Сгруппированные около Шереметевыхъ факты даютъ выполненную живыми красками картину изъ царствованія Іоанна Грознаго. Владѣнія Шереметевыхъ,—ихъ отчины и помѣстья, вклады ихъ въ монастыри, завѣщанія и описи движимаго имущества—все это введено въ исторію „рода“ съ точностью, придающею особую цѣнность повременному изложенію сочиненія и съ подробностями, окрашивающими данную эпоху бытовымъ колоритомъ.

Во второй книгѣ первое мѣсто принадлежитъ Ѳедору Ивановичу Шереметеву, и съ нимъ читатель переживаетъ смутное время отъ тѣхъ годовъ, когда у престола царя Ѳеодора стоялъ его дядя Никита Романовичъ, до поры возвращенія изъ польскаго плѣна Филарета Никитича. Припомнимъ, что Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ привелъ все Низовье въ порядокъ и тѣмъ приготовилъ почву для славнаго Нижегородскаго движенія, что онъ сберегъ казну отъ Поляковъ и что на него, какъ коса на камень, наткнулись враги, чаявшіе отвоевать права Владислава на престолъ Московскаго государства. Прибавимъ, что бояринъ этотъ стоялъ во главѣ посольства, отправленнаго отъ лица всей земли къ Михаилу и Мароѣ въ Ипатьевскій монастырь. Участіе Шереметевыхъ въ церемоніяхъ царскихъ выходовъ, пировъ и путешествій даетъ автору поводъ сообщать интересныя, затерянныя въ массѣ источниковъ черты быта царей. Участіе Шереметевыхъ въ войнахъ и договорахъ заставляетъ автора приводить читателю на память крупныя событія отечественной исторіи. Въ книгѣ г. Барсукова читатель избавленъ отъ труда переноситься къ доказательствамъ и справкамъ. Вмѣсто излишнихъ ссылокъ подъ стро-

кою авторъ обыкновенно прямо въ текстѣ приводитъ выдержку изъ древняго писателя-современника, въ сомнительномъ же случаѣ приводитъ слова современнаго намъ писателя, чье мнѣніе онъ вполнѣ раздѣляетъ. Надо сказать, что русскіе источники и свидѣтельства иностранцевъ исчерпаны авторомъ по поводу затрогиваемыхъ имъ фактовъ. Такія же свѣдѣнія, какъ разсказъ о Судьбищенской битвѣ (походы противъ крымцевъ при Грозномъ) по турецкой лѣтописи составляютъ прямо вкладъ въ науку.

Въ III и IV томахъ, или книгахъ, передъ нами раскрывается жизнь Москвы въ царствованіе Михаила и въ въ первые годы Алексѣя Михайловича. Близость Шереметевыхъ къ Романовымъ—причина тому, что исторія первыхъ становится какъ бы исторіею царской семьи. Браки, сватовство, пріѣздъ жениха королевича—все въ семьѣ царской связано съ именами Шереметевыхъ. И Шереметевы вновь выступаютъ въ походахъ, переговорахъ, на воеводствѣ и во главѣ приказовъ. Живыя сцены встрѣчъ того или другаго изъ Шереметевыхъ то съ Олеаріемъ, то съ протопопомъ Аввакумомъ—переносятъ читателя всецѣло въ жизнь Москвы XVII столѣтія.

Въ концѣ III тома знаменитый Θедоръ Ивановичъ принимаетъ иночество, у молодаго стольника Петра Борисовича Шереметева родится сынъ, будущій фельдмаршалъ и первый графъ изъ русскихъ, а на поприще дѣятельности выступаетъ тотъ Василій Борисовичъ, который дѣлается главнымъ героемъ нынѣ появившагося въ свѣтъ V-го тома. Въ дѣтствѣ своемъ любимый рында царя Алексѣя, потомъ быстро подвинувшійся въ чинахъ, Василій Борисовичъ выступаетъ передъ нами, какъ дѣятель, въ должности Тобольскаго воеводы. Съ его переселеніемъ въ Сибирь, г. Барсуковъ открываетъ передъ нами условія жизни далекой окраины, гдѣ Шереметевъ является водворителемъ новыхъ порядковъ, поборникомъ христіанскаго просвѣщенія въ языческой странѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ дипломатомъ, сумѣвшимъ ладить съ независимыми калмыками посредствомъ договоровъ и снарядить первое посольство въ Китай.

Въ IV томѣ исторіи рода Шереметевыхъ—трое изъ нихъ играютъ видную роль: дядя Василія Борисовича, Василій Петровичъ, сынъ его Матвѣй Васильевичъ и самъ Василій Борисовичъ. Старикъ ведетъ войско на Литву, беретъ Полоцкъ и послѣ долгой упорной осады—Витебскъ. На войнѣ онъ главный начальникъ, въ Москвѣ первый бояринъ. При встрѣчѣ пословъ, при пріемѣ царственнаго гостя, грузинскаго царя Теймураза и во многихъ другихъ случаяхъ, онъ главное лицо; сынъ его, храбрый воинъ, подъ рукою отца одерживаетъ побѣды и падаетъ на полѣ битвы въ сраженіи при Валкѣ. Василій Борисовичъ съ отдѣльнымъ отрядомъ войска въ польскую войну имѣетъ важную задачу—оберегать пограничную линію съ юга; потомъ онъ воеводой въ Смоленскѣ и наконецъ оберегаетъ Бѣлоруссію въ пограничномъ городѣ Борисовѣ, отъ „*ляцкихъ безвѣстныхъ приходовъ*". Ему поручено было вѣдать всякія дѣла во всемъ княжествѣ Литовскомъ, въ государевыхъ городахъ и про всякія дѣла и про вѣсти писать къ великому Государю. Съ четвертой книги г. Барсуковъ пользуется на ряду съ другими источниками неизвѣстною до сихъ поръ рукописью римскаго Архива Іезуитовъ—Даровскаго: Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1667, списокъ которой сообщенъ графу С. Д. Шереметеву извѣстнымъ отцомъ Мартыновымъ. Рукопись служитъ источникомъ и для пятой книги, этой новинки послѣднихъ дней, обогатившей русскую исторію новыми страницами и русскій палладіумъ новымъ героемъ, котораго бѣдствія и мужество могли бы быть предметомъ своего рода Одиссеи или Энеиды.

Новый томъ, по обыкновенію изящно изданный, снабженъ портретомъ главнаго дѣйствующаго лица. Это—снимокъ съ современнаго портрета, приложеннаго къ сочиненію графа Галацо: Historia di Leopoldo Cesare. Vienna 1670.

Новая книга начинается слѣдующими словами: „Бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ назначенъ былъ воеводою въ Кіевъ, на смѣну Андрея Васильевича Бутурлина, 6 апрѣля 1658 года. Въ ту пору Малороссія представляла поприще кровавой междоусобицы, терзавшей страну съ са-

мой кончины достославнаго гетмана Богдана Хмельницкаго". Равная по объему прежнимъ книгамъ новая, пятая книга, передаетъ намъ событія только двухъ съ половиною лѣтъ. Обиліе источниковъ русскихъ и польскихъ: рукописный матеріалъ архива министерства юстиціи, книга Даровскаго и тщательно выбранныя и искусно сгрупированныя данныя актовъ Юго-Западной Россіи освѣтили войну нашу—сперва съ Выговскимъ, а потомъ съ поляками и крымцами—новымъ, яркимъ свѣтомъ. Какъ Костомаровъ переносилъ читателя въ центры казачества той же эпохи, такъ авторъ нашъ приводитъ насъ въ станъ русскаго воеводы и описываетъ подвиги и тяжкія испытанія того, кого царь Алексѣй Михайловичъ называлъ своимъ „*благонадежнымъ архистратигомъ*".

Василій Борисовичъ Шереметевъ пріѣхалъ въ Кіевъ воеводою, онъ долженъ былъ вѣдать Украйну по уговору, по признанію со стороны гетмана, а между тѣмъ присягнувшій царю гетманъ явился предводителемъ возстанія противъ царскаго воеводы. Шереметевъ, оказался въ осадномъ положеніи и три раза выдержалъ въ Кіевѣ нападеніе Выговскаго. Подкравшаяся измѣна началась съ недоумѣній; поляки усердно раздували усобицу въ Малороссіи—и вотъ, наконецъ, въ Кіевѣ началась тревога. Полкъ Павла Яненки сталъ собираться и вышелъ стоять подъ Кіевомъ, увѣряя боярина, что безъ его вѣдома не пойдетъ въ бой. Мѣщане кіевскіе пришли просить Шереметева велѣть имъ переселяться въ городъ. Наказной полковникъ Дворецкій, подъ великою тайною, сообщилъ воеводѣ вѣсть о томъ, что у гетмана много татаръ и поляковъ и что онъ хочетъ идти войною на Кіевъ. „Между тѣмъ Выговскій быстро стягивалъ войско къ Кіеву, а въ кіевскій полкъ прислалъ въ прибавку „*казаковъ пѣшихъ и многихъ людей*" и велѣлъ ихъ оставить въ посадѣ, на мѣщанскихъ дворахъ. Наконецъ, мѣщане и всякіе жилецкіе люди начали вывозиться съ женами, дѣтьми и со всѣми пожитками *изъ домовъ своихъ въ струги и байдаки на Днѣпръ*, а иные многіе и поразъѣхались. Уѣхалъ изъ города, между прочимъ, и самъ

митрополитъ Діонисій" [1]). Такъ описываетъ,—переходя затѣмъ къ новымъ подробностямъ, — нашъ авторъ положеніе Шереметева въ Кіевѣ, которое день ото дня становилось труднѣе. Переживая, въ слѣдъ за авторомъ, всѣ эти трудности изо дня въ день, мы видимъ, наконецъ, полное пораженіе гетманскаго войска и присутствуемъ во дворѣ воеводы, когда тамъ переписывались трофеи, взятые на полѣ битвы, и великодушный Шереметевъ изрекалъ прощеніе всѣмъ плѣннымъ черкасамъ, отпуская ихъ на свободу. За первою осадою Кіева была вторая, окончившаяся новымъ пораженіемъ гетманскаго войска, а вслѣдъ за тѣмъ сдѣлана и третья попытка завладѣть Кіевомъ, причемъ были перехвачены пути сообщенія. Не только провіантъ, но и вѣстники не могли дойти до Шереметева, и преданный ему протопопъ тайно доставлялъ ему почту. Чѣмъ труднѣе было положеніе Шереметева, тѣмъ нерѣшительнѣе и медленнѣе двигалось къ Кіеву вспомогательное войско подъ начальствомъ князя Трубецкаго и, наконецъ, произошла несчастная для русскихъ битва подъ Конотопомъ.

Припомнимъ, что говоритъ объ этой битвѣ Соловьевъ. „Цвѣтъ московской конницы, совершившей походы 54 и 55 года, сгибъ въ одинъ день; плѣнныхъ досталось побѣдителямъ тысячъ пять... Никогда послѣ того царь Московскій не былъ уже въ состояніи вывести въ поле такое сильное ополченіе. Въ печальномъ платьѣ вышелъ Алексѣй Михайловичъ къ народу, и ужасъ напалъ на Москву... Царствующій градъ затрепеталъ за собственную безопасность: въ августѣ, по государеву указу, люди всѣхъ чиновъ спѣшили на земляныя работы для укрѣпленія Москвы... Шелъ слухъ, что государь уѣзжаетъ за Волгу, за Ярославль". Послѣ того авторъ исторіи Россіи слѣдитъ за княземъ Трубецкимъ, передвинувшимъ свое войско въ Путивль, за рознью, проявившеюся между казаками, когда прошелъ слухъ о томъ, что молодой Юрій Хмельницкій ходилъ подъ Крымъ и тѣмъ посѣялъ раздоръ между конотопскими побѣдителями-

[1]) Родъ Шереметевыхъ, пятая кн., стр. 97—98.

татарами и казаками Выговскаго. О Шереметевѣ упоминается тутъ очень мало, и только дважды: онъ писалъ къ Хмельницкому, чтобы тотъ отступилъ отъ измѣнниковъ въ сентябрѣ, а въ октябрѣ прибылъ къ Трубецкому въ Переяславль, гдѣ состоялось избраніе Юрія Хмельницкаго въ гетманы. Только въ слѣдующей главѣ, послѣ разсказа о заключеніи мира съ Швеціей и эпизода объ измѣнѣ сына Ордина-Нащокина, Соловьевъ переходитъ къ малороссійскимъ дѣламъ и говоритъ, „что туча, ужаснувшая Москву, пронеслась мимо, и годъ завершился удачею: въ декабрѣ бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ изъ Кіева ударилъ на Андрея Потоцкаго, разбилъ его и взялъ обозъ".

Но между тѣмъ, изъ книги г. Барсукова и приводимыхъ имъ свидѣтельствъ мы видимъ гораздо яснѣе виновника нашей удачи послѣ Конотопской бѣды. Василій Борисовичъ Шереметевъ предостерегалъ князя Трубецкаго; еще до Конотопской битвы, онъ крѣпко удержалъ въ своихъ рукахъ Кіевъ и вмѣстѣ съ нимъ и царскую власть во взволнованной странѣ, и искусно повелъ дѣло организаціи отпора Выговскому, въ средѣ самихъ малороссіянъ. Проницательному воеводѣ пришлось вести борьбу съ княземъ Трубецкимъ, который не терялъ надежды сойтись съ измѣнникомъ Выговскимъ путемъ мирныхъ переговоровъ. Шереметевъ многократно просилъ маститаго вождя нигдѣ не останавливаться и прямо идти къ Кіеву, но князь Трубецкой не послушалъ Василія Борисовича и жестоко расплатился за это Конотопскимъ пораженіемъ. Шереметевъ подготовляетъ Переяславскую раду и, отмѣченный рельефными чертами и у Соловьева, полковникъ Цецюра, по настоянію того же Василія Борисовича, поѣхалъ для переговоровъ въ Путивль къ князю Трубецкому.

Новое отраженіе Выговскаго отъ Кіева, увѣщаніе, разосланное Шереметевымъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, и другія мѣры для усиленія положенія царскихъ войскъ привлекаютъ Шереметеву щедрыя награды, жалованье и похвалу и спросъ отъ царскаго имени о его здоровьѣ. А между тѣмъ Шереметевъ не дремлетъ, и 4 ноября (послѣ Переяславской

рады) выступаетъ изъ Кіева въ походъ „на измѣнника Ивашка Выговскаго и Андрея Потоцкаго“ —какъ доноситъ самъ онъ царю. 26 ноября была одержана побѣда подъ Хмельникомъ на берегу Буга, гдѣ Выговскій былъ „*зломленъ и разгромленъ вконецъ*“, по словамъ Украинской хроники. Дальнѣйшія свѣдѣнія о временномъ успокоеніи Украйны, находящіяся въ непосредственной въ связи съ дѣятельностью Шереметева, невольно заставили бы насъ, сокращая, пересказывать то, что такъ одушевленно и интересно изложено въ концѣ XIV главы пятой книги „Рода Шереметевыхъ“. Малороссійское затишье даетъ автору нашему возможность перейти къ другимъ Шереметевымъ и дополнить о нихъ прежнія біографическія свѣдѣнія.

Василій Борисовичъ во время затишья просился въ Москву, но царь отказалъ и отказалъ двукратно: тревоги на югѣ и осложнившіяся недоразумѣнія съ Польшей были тому естественной причиной. Царь рѣшилъ двинуть войско въ Польшу подъ начальствомъ В. Б. Шереметева. Тутъ уже начинается своего рода эпопея Шереметева, планъ котораго разбился объ измѣну Юрія Хмельницкаго: удачныя схватки, кровопролитныя битвы, гдѣ личная храбрость „архистратига“ удивляла враговъ и, наконецъ, неудачи, вынужденныя отступленія и новыя ожесточенныя битвы. Центромъ дѣйствія эпопеи—городъ Чудновъ. Шереметевъ вступилъ въ него; поляки перехватили Чудновскій замокъ; Шереметевъ сжегъ городъ, и неподалеку, на рѣчкѣ Тетеревѣ, былъ окруженъ поляками. Его положеніе, при голодѣ, при убійственномъ дѣйствіи польской артиллеріи, его вылазки на проломъ и тутъ же окончательное обнаруженіе передъ нимъ измѣны Хмельницкаго и вслѣдъ за тѣмъ новый подъемъ духа, новый кровопролитный бой—все это вмѣстѣ стоитъ Измаила и Севастополя.

Блестящія страницы, повѣствующія о русской доблести Чудновской эпопеи, настолько оживлены подробностями, настолько жизненны, что читатель незамѣтно доходитъ до развязки, до глубоко трогательной сдачи героя нарушившими

честь договора поляками, союзникамъ ихъ—татарамъ, которые и увозятъ его въ Крымъ, какъ плѣнника.

Судьба двадцатилѣтняго томленія Василія Борисовича въ плѣну и возвращенія его на родину давно извѣстны. Но какъ мало извѣстны были до сихъ поръ его труды и доблесть! Не знали мы и обстоятельствъ, при которыхъ онъ дѣйствовалъ. А теперь онъ стоитъ передъ нами какъ одинъ изъ самыхъ живыхъ историческихъ образовъ XVII столѣтія, благодаря замѣчательнымъ *новымъ страницамъ* русской исторіи подъ перомъ талантливаго А. П. Барсукова.

И. ХРУЩОВЪ.

Книга Э. Энгеля.

Eduard Engel. — „Geschichte der englischen Literatur von ihren Anfängen bis auf die neueste Zeit, 1888, Leipzig.

Въ Германіи съ усидчивымъ прилежаніемъ и знаніемъ дѣла изучаютъ все, касающееся и иностранныхъ литературъ. Въ этомъ отношеніи тамъ едва-ли не больше всѣхъ въ Европѣ сдѣлали и дѣлаютъ для сближенія народовъ въ области словеснаго творчества. Однимъ изъ выдающихся писателей, преслѣдующихъ столь полезную цѣль, надо признать Энгеля, который уже въ такой степени прославился своими драгоцѣнными трудами объ иностранныхъ литературахъ, что его сочиненія могутъ служить источниками для самихъ французовъ, итальянцевъ, англичанъ и американцевъ. Особенно выдается все, написанное имъ относительно литературной дѣятельности англо-саксонской расы. Ничего подобнаго нѣтъ пока ни въ предѣлахъ Великобританской Имперіи, ни въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, гдѣ, однако все сознательнѣе всматриваются въ произведенія роднаго искусства.

Начитанность автора, художественная ясность изложенія, обиліе сгруппированныхъ Энгелемъ матеріаловъ и библіографическихъ указаній весьма замѣчательны. Между тѣмъ объемъ книги не превышаетъ сорока печатныхъ листовъ. Первое изданіе появилось уже лѣтъ пять тому назадъ, новое—второе, теперь значительно дополнено и пере-

работано. Къ концу приложенъ очеркъ американской литературы.

Исторія Энгеля начинается съ древнѣйшихъ временъ. Весьма страннымъ фактомъ надо признать то, что двухсотлѣтнее римское владычество не положило замѣтнаго отпечатка на Англію. Въ языкѣ *только четыре слова* происходятъ отъ латинскихъ (*street* отъ *strata*, *Портсмутъ* отъ *portus*, названія городовъ на *кольнъ* и *честеръ* отъ *colonia* и *castra*, лагерь). Потомъ церковь внесла средневѣковую, сохранившуюся для образованныхъ людей, терминологію. Изъ греческаго тогда приняли *priest* (пресвитеръ) и *church* (церковь). Когда единокровные англы, саксы и скандинавы нахлынули на цвѣтущій западный островъ, они оттѣснили, подавили и, по мѣрѣ силъ, претворили кельтическіе элементы. И жизнь, и рѣчь стали другими. Стариннѣйшій туземный эпосъ „Бэовульфъ" (VII в.) имѣетъ вполнѣ германскій характеръ. Завоеватели, пришедшіе съ материка, до того прочно осѣлись и размножились въ Англіи, что, въ годъ нашествія *60,000* норманновъ съ Вильгельмомъ Завоевателемъ, *двухмилліонное* населеніе съ глухимъ ропотомъ покорилось воинственнымъ иноземцамъ. Сначала они потребовали, чтобы все говорило по-французски: и при дворѣ, и въ судахъ, и въ храмахъ, и въ школахъ вошелъ въ употребленіе чужой языкъ, но реакція не замедлила послѣдовать — не даромъ сами норманны были норвежскаго происхожденія и лишь случайно, поверхностно офранцузились въ теченіе своего 150-лѣтняго пребыванія на материкѣ. Англійскій народъ не подчинился навязываемому обычаю. Лишь высшіе слои нѣкоторое время продолжали щеголять знаніемъ французской рѣчи, но и то не очень долго. Вскорѣ ее такъ исказили и извратили, что парижане не поняли бы, что хотятъ сказать ихъ заморскіе подражатели. Дольше всего римское вліяніе просуществовало въ области законовъ. Ихъ только въ XV в. обнародовали по-англійски. Когда, благодаря внутреннимъ кровавымъ распрямъ, норманнская знать почти вымерла, англо-саксонское дворянство, естественно, возвысилось.

Американскій филологъ Маршъ сдѣлалъ подробныя изы-

сканія для опредѣленія того, сколько словъ въ англійской литературѣ романскаго, сколько германскаго происхожденія. Результаты весьма любопытны. Въ XIII столѣтіи, въ извѣстной хроникѣ монаха Роберта Глостерскаго, трактующей о норманнскомъ завоеваніи, 90 процентовъ приходится на долю словъ германскаго происхожденія. То же замѣчается вѣкомъ позже у знаменитаго поэта Чоусера. Современный ему стихотворецъ Лангландъ имѣетъ даже до 95 процентовъ. Чище литературный языкъ никогда не становится. Лишь въ переводѣ Новаго Завѣта (XVI в.)—93 проц., а то вездѣ меньше: у Шекспира—89, у Мильтона—84, у Теннисона и Лонгфелло—88. Прозаики спускаются еще ниже: у Маколея—75, у Свифта—68.

Въ седьмомъ вѣкѣ ни одна европейская нація не создала ничего самобытно-литературнаго. Англія уже имѣла языческую поэму о скандинавскомъ героѣ Бэовульфѣ и пастуха Кэдмона, слагавшаго пѣснопѣнія, вдохновляясь библейскими темами. Это былъ, такъ сказать, предшественникъ и предвозвѣстникъ Мильтона. Девятое столѣтіе смѣло можетъ гордиться дѣятельностью короля Альфреда Великаго. Онъ не только заботился о просвѣщеніи своего народа, но и самъ двигалъ это дѣло впередъ, искусно переводя съ латинскаго и являясь здѣсь *первымъ прозаикомъ*. Норманское нашествіе прервало развитіе англо-саксонской литературы. Но лѣтъ сто спустя она возстановляется, и съ такою силою, что въ эпосѣ одного монаха, взявшагося доказывать, будто родоначальникомъ бриттовъ былъ потомокъ троянца Энея, насчитывается всего 50 французскихъ словъ на *32,000* строкъ.

Англійская народная лирика искони отличалась необычайнымъ богатствомъ. Стоитъ вспомнить пѣсни Шекспировскихъ пьесъ, чтобы въ этомъ убѣдиться. Особенно много возникало пѣсней на рубежѣ Англіи и Шотландіи. Въ 1765 г. епископъ Перси собралъ важнѣйшіе образцы, и сдѣланное имъ изданіе благотворно повліяло на пишущую Германію. Бюргеръ заимствовалъ изъ него свою „Леонору“. Гёте,

благодаря знакомству съ чужеземною лирикой, создалъ „Лѣснаго царя“, „Рыбака“ и т. п.

Еще въ XIV в. изъ норманнской среды вышелъ человѣкъ, который, благодаря замѣчательному дарованію и любви къ мѣстному языку, сумѣлъ привлечь симпатіи какъ высшихъ, такъ и низшихъ слоевъ общества. Это былъ *Чоусеръ*, родственникъ королевскаго дома. Пребываніе въ Италіи и знакомство съ блестящими произведеніями тамошней литературы, несомнѣнно, дало толчекъ его развитію. Поэтъ обезсмертилъ себя своими отрывочными, недоконченными кэнтерберійскими разсказами, которые, по отзыву безпристрастныхъ критиковъ, группировкой матеріаловъ и живою яркостью изложенія, положительно превосходятъ Бокаччіо. Чоусеръ впервые оформилъ художественно и облагородилъ англійскую стихотворную рѣчь. Подобно тому какъ итальянцы Данта считаютъ главнымъ представителемъ идеи своего національнаго единства, англичане въ правѣ сказать, что Чоусеръ столь же много сдѣлалъ для пробужденія ихъ народнаго самосознанія. Вся жизнь вѣка съ ея разносторонними проявленіями духа, странными типами, отрицательными сторонами, все отразилось въ кэнтерберійскихъ разсказахъ, гдѣ воспроизводится болѣе тридцати лицъ, мужчинъ и женщинъ совершенно различнаго соціальнаго положенія, которые отправляются на богомолье и по дорогѣ потѣшаютъ другъ друга всевозможнѣйшими монологами. Чоусеровскій геній способенъ поражать неподражаемымъ юморомъ. Средневѣковая веселая Англія (the merry old England) не успѣла еще впасть въ крайности пуританизма. Параллельно съ этою струной звучитъ другая: порывъ въ заоблачную высь, стремленіе унестись въ такой міръ, гдѣ все становится однимъ безгрѣшнымъ созвучіемъ, гдѣ все какъ бы соткано изъ солнечныхъ лучей и благоуханья цвѣтовъ.

Простонародье въ то же самое время получило сильную нравственную опору въ переводной библіи Виклефа. Обладая подобною сокровищницею мудрости (и притомъ на понятномъ языкѣ) и имѣя кромѣ того могучаго поэта, Англія смѣло могла и должна была ждать расцвѣта литературы вне-

реди. При скоромъ вслѣдъ за тѣмъ введеніи книгопечатанія, языкъ сдѣлался еще устойчивѣе, опредѣленнѣе, неизмѣннѣе. Совокупность благопріятныхъ условій постепенно подготовила XVI столѣтіе, послѣ цѣлаго вѣка молчанія, когда толпѣ только оставалось услаждать себя балладами историческаго характера и энергичными, свободными пѣснопѣніями шотланцевъ.

Въ царствованіе Генриха VIII (англійскаго Нерона, если принять во вниманіе его кровожадность и стараніе казаться поклонникомъ искусства) сатирикъ Скельтонъ,—*задолго до Скаррона* въ Франціи,—злѣе чѣмъ послѣдній на кардинала Мазарини, нападалъ на временщика—кардинала Вольсея и король это терпѣлъ, потому что самъ ненавидѣлъ своего всемогущаго министра. Но благороднымъ, высоко талантливымъ сонетистамъ того времени не дано было наслаждаться такимъ же сравнительнымъ успѣхомъ. Родовитаго графа Сюррея, казавшагося Генриху VIII политически опаснымъ, онъ приказалъ казнить, когда вдохновенному лирику едва исполнилось тридцать лѣтъ. Аналогичная участь чуть не постигла сэра Уайта, воспѣвавшаго Анну Болэйнъ. Молодой сэръ Филиппъ Сидней, много ѣздившій по материку, убитъ былъ въ Голландіи, сражаясь противъ французовъ. Незадолго передъ смертью онъ напечаталъ небольшое сочиненіе „Въ защиту поэзіи", гдѣ ставитъ служеніе ей выше всего на свѣтѣ. „Ни призваніе государственнаго человѣка, ни полководца, ни философа, ни натуралиста, ни историка не могутъ сравниться съ положеніемъ, присущимъ въ мірѣ пѣвцу. Онъ въ творчествѣ своемъ подобенъ природѣ, съ тою только важною разницею, что преображаетъ въ горнилѣ фантазіи, все лишенное красоты". Въ агоніи, изнемогая отъ жажды, Сидней отдалъ на полѣ битвы раненому сосѣду-солдату послѣдніе глотки своей запасной воды. Когда даровитый поэтъ Спенсеръ принесъ этому же поклоннику музъ свое поражающее музыкальностью произведеніе „Царица Фей", великодушно щедрый и чуждый всякой зависти аристократъ прослушалъ новаго писателя и тотчасъ же подарилъ ему 50 фунтовъ стерлинговъ, про-

слушалъ во второй разъ и заплатилъ сто фунтовъ, за третій разъ далъ двѣсти и, шутя, просилъ не раззорять его окончательно. Суммы эти, по цѣнамъ XVI вѣка, очень значительны. Спенсера перваго сдѣлали при дворѣ англійскимъ „poëta laureatus“. Въ лицѣ его скончался послѣдній представитель поэзіи аллегорической, рыцарской. Несмотря на нѣкоторый временный успѣхъ, Спенсеръ все-таки не избѣгнулъ крайней нужды, погибъ даже въ Лондонѣ голодною смертью, съ гордостью отвергнувъ запоздалую субсидію: „Мнѣ некуда уже израсходовать эти деньги!“ были его горькія слова.

Нечего, я думаю, и упоминать о томъ, сколько вниманія потрачено Энгелемъ для характеристики англійской драмы, ея исторіи и развитія. Кульминаціонный ея пунктъ— Шекспиръ—освѣщенъ какъ нельзя болѣе ярко, хотя, конечно, тема такъ уже разработана, что трудно прибавить какую нибудь существенную черту. Въ книгѣ нѣмецкаго критика не упущены даже подробности, вродѣ того, что въ Индіи туземцы разыгрываютъ творенія безсмертнаго драматурга, что онъ умеръ день въ день съ Сервантесомъ, что потомство его пресѣклось уже въ 1670 г., что у подножья его статуи въ Вестминстерскомъ аббатствѣ покоится прахъ актера Гаррика и Чарльса Диккенса, и т. д. Въ оправданіе многаго, непріятно поражающаго въ Шекспирѣ, Энгель старательно доказываетъ, въ какомъ извращенномъ видѣ дошли до насъ тексты великихъ произведеній. Самъ авторъ не позаботился объ ихъ изданіи. Раньше чѣмъ появиться въ печати, они прошли черезъ руки своевольныхъ режиссеровъ, актеровъ, плохихъ стенографовъ того времени, невѣжественныхъ корректоровъ и книгопродавцевъ.

Пуританизмъ нанесъ страшный, неизлѣчимый вредъ англійской литературѣ. Она пала отъ его прикосновенія, и до сихъ поръ фарисейское настроеніе на столько сильно въ странѣ, что чувствуется протестъ всѣхъ и каждаго при попыткахъ заговорить о чемъ бы то ни было пламеннымъ словомъ страсти. Нетерпимость и жесткость воцарились не-

медленно, какъ только обезглавили Карла I, и парламентъ пріобрѣлъ безусловное значеніе. Творенія искусства, церкви, памятники, все стало подвергаться разрушенію. Картины, собранныя королями и изображавшія Спасителя или Божью Матерь, безпощадно сжигались. Изваянія уничтожались. Поэзія смолкла и долго не пробуждалась. Даже религіозная лирика оказалась безплодною. Сатирикъ Самуилъ Бэтлеръ вскорѣ по возвращеніи Стюартовъ, необыкновенно ѣдко заклеймилъ дурныя стороны пуританизма въ своемъ произведеніи „Hudibras". Мильтонъ также,—хотя и сынъ вѣка, сдѣлавшаго ханжество кумиромъ,—тѣмъ не менѣе рѣзко отличается отъ узкихъ сторонниковъ Кромвеля, ибо не могъ одобрять гнета, налагаемаго на все фанатически грубою толпою.

Изъ жизни пѣвца „Потеряннаго рая" нельзя не отмѣтить того важнаго обстоятельства, какъ онъ ослѣпъ. На Англію того времени очень нападали за границей. Мильтонъ горячо защищалъ принципъ, отстаиваемый соотечественниками. Врачи совѣтовали оставить утомительныя занятія, предсказывая потерю зрѣнія. Поэтъ однако твердо рѣшилъ писать до конца, и лишился глазъ. Послѣ этого онъ еще прожилъ 22 года, въ борьбѣ съ нуждой и продавъ свои пѣсни о Раѣ *за 5 фунт. стерл.*!!

По мѣрѣ того, какъ Энгель подходитъ къ извѣстнѣйшимъ періодамъ новѣйшей литературы, онъ начинаетъ обращать все болѣе вниманія на политику, развитіе философіи и нарожденіе журналистики. Поэзіи въ это время не везло. Восемнадцатое столѣтіе бѣдно дарованіями въ этой области. Отчасти виновато воздѣйствіе псевдоклассицизма, заполонившаго тогда образованную Европу. Поэтъ Попъ, благодаря ему, достигнулъ совершенства формы и блестящей отдѣлки стиховъ, но содержаніе ихъ осталось мертвенно блѣдно. Драйденъ тяготился искусственностью вдохновляющихъ писателей сюжетовъ, и не порвалъ однако цѣпей. Свѣжія, спасительныя вѣянія пришли изъ Шотландіи. Первый заговорилъ истиннымъ языкомъ поэзіи Алланъ Рамзай. Несмотря на подлогъ, изданіемъ мнимо-средневѣковыхъ твореній Оссіяна, Макферсонъ пробудилъ интересъ къ прошлому родной ли-

тературы. Идя по тому же заманчивому пути, Чаттертонъ, подъ именемъ несуществовавшаго монаха — поэта Роулея, пишетъ въ духѣ XIV столѣтія, пишетъ такъ хорошо, что созданія его безсмертны. Энгель съ любовью и подробно останавливается надъ нимъ, приравниваетъ его къ замѣчательнѣйшему англійскому самородку XVIII вѣка—Бэрнсу (шотландскому крестьянину-лирику) — называетъ этихъ двухъ лучшими поэтами Англіи за весь XVIII в., подробно рисуетъ бѣдственность положенія Чаттертона. *Десяти лѣтъ* онъ пишетъ хорошіе стихи, а *двѣнадцати* сотрудничаетъ въ журналахъ, семнадцати, почти умирая отъ голода и не имѣя возможности помогать матери и сестрѣ, онъ кончаетъ самоубійствомъ. Положимъ, тогда литературныя занятія плохо оплачивались, но талантливые люди умѣли заставить дорожить собою. Богатый Байронъ *за 1674 строки* IV пѣсни „Чайльдъ Гарольда" получилъ *двѣ съ половиною тысячи фунт. стерл.*—и это менѣе чѣмъ на полстолѣтіе позже кончины Чаттертона. Вальтеръ-Скоттъ романами нажилъ около милліона рублей.

Все, что Энгель пишетъ относительно великобританской литературы XIX в., не заключаетъ ничего существенно новаго. Сочиненіе его тутъ полезно лишь какъ образцово составленная справочная книга. На нынѣшнюю эпоху (съ воцаренія Викторіи) онъ смотритъ крайне пессимистически. Она свидѣтельствуетъ, по мнѣнію критика, о нѣкотораго рода застоѣ и чуть-ли не полномъ упадкѣ, хотя и Теннисонъ со своимъ спокойнымъ, заботящимся о формѣ творчествѣ, и Суинбэрнъ со своею необузданно-смѣлою фантазіею пока еще составляютъ какъ бы продолженіе нѣкогда блестящихъ періодовъ. Театръ стоитъ на очень низкой ступени. Особенно нравятся пошлѣйшія пьесы нѣкоего Генри Джэмса Бэйрона. Ихъ играютъ по тысячѣ и болѣе разъ, а между тѣмъ Шекспира рѣже ставятъ въ Лондонѣ, нежели въ Берлинѣ, драматическія произведенія лорда Байрона разыгрывались въ Германіи, а на родинѣ никогда.

Энгель находитъ, будто грядущее обѣщаетъ дать цѣнную американскую литературу. До сихъ поръ авторы за моремъ

[redacted]

отличались посредственными дарованіями, за исключеніемъ Эдгара Поэ. Прозаики стоятъ тамъ выше стихотворцевъ. Писатели выгодно обставлены, потому что въ Соединенныхъ Штатахъ вообще принято покупать книги пишущихъ соотечественниковъ.

Къ сочиненію Энгеля приложенъ перечень всего, что необходимо прочитать и усвоить изъ англо-американской литературы, кто желаетъ имѣть о ней ясное представленіе. Въ своихъ частыхъ параллеляхъ между литературами материка и Великобританіи онъ слишкомъ замѣтно часто и рѣзко нападаетъ на Францію.

И. СУГОРСКІЙ.

[redacted]

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

А. Ѳ. Кони. Судебныя рѣчи 1868—1888. С.-Петербургъ. 1888. стр. 745+IV+II.

Авторъ названнаго труда посвящаетъ свой цѣнный вкладъ въ нашу юридическую литературу памяти своего бывшаго наставника, Н. И. Крылова, въ теченіе 38 лѣтъ занимавшаго въ московскомъ университетѣ каѳедру исторіи римскаго права. „Обнародованіе, говоритъ А. Ѳ. Кони въ своемъ предисловіи,—въ 1864 году, судебныхъ уставовъ было встрѣчено Крыловымъ съ сердечною радостью. Онъ видѣлъ въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ стройную организацію для „отысканія и присужденія“, какъ онъ выражался, „правды *жизненной* взамѣнъ правды *приказной*“; онъ особенно пытливо вглядывался въ будущій складъ новаго уголовнаго процесса, а когда уставы были введены въ дѣйствіе — живо интересовался дѣятельностью своихъ слушателей на судебномъ поприщѣ. Вотъ почему одинъ изъ такихъ слушателей, собравъ во-едино отголоски своей дѣятельности на этомъ поприщѣ, съ благодарнымъ чувствомъ обращается къ памяти Крылова и ставитъ его имя на первой страницѣ настоящей книги“.

Немного такихъ слушателей покойнаго профессора, ка-

кимъ заявилъ себя своею дѣятельностью, особенно въ послѣдніе годы, авторъ „Судебныхъ рѣчей“, появлялось и появляется на нашемъ судебномъ поприщѣ. „Присудить правду *жизненную* взамѣнъ правды *приказной*“—труднѣйшая изъ задачъ и достижимая единственно соединенными усиліями всѣхъ факторовъ состязательнаго уголовнаго процесса, одинаково проникнутыхъ уваженіемъ къ закону и любовью къ истинѣ, одинаково сознающихъ свою нравственную отвѣтственность передъ обществомъ и твердо исполняющихъ свой долгъ— служителей правосудія. Наши судебныя учрежденія оставляютъ желать очень многаго относительно той „стройности организаціи“, которая для этого требуется *на дѣлѣ* и которая въ теоріи и частью въ писанномъ законѣ доставляла сердечную радость Никитѣ Ивановичу Крылову. Но законъ писанный и законъ исполненный—далеко не одно и то же. Непониманіе какою-либо изъ сторонъ смысла гласнаго состязательнаго процесса, нерѣдко превращаемаго въ сценическое представленіе передъ праздною публикою, уже нарушаетъ его стройность, препятствуетъ исполненію писаннаго закона, ставитъ практику въ противорѣчіе съ теоріей и угрожаетъ правосудію серьозною опасностью. „Судебныя рѣчи“ представляютъ немало примѣровъ въ доказательство сказанному. Какъ предсѣдателю суда, А. Ѳ. Кони не разъ приходилось ограждать совѣсть присяжныхъ отъ попытокъ со стороны обвиненія или защиты направить ее на ложный путь. Одинъ талантливый прокуроръ (тоже слушатель Н. И. Крылова) не зналъ, напримѣръ, или не хотѣлъ знать, что присяжные обязаны внимать только голосу своей совѣсти, руководствоваться собственнымъ убѣжденіемъ, основаннымъ на обстоятельствахъ дѣла, на данныхъ судебнаго слѣдствія—и приглашалъ ихъ призадуматься надъ тѣмъ, что скажетъ о ихъ приговорѣ Европа (!). Авторъ „Судебныхъ рѣчей“ съ достоинствомъ безпристрастнаго судьи и русскаго человѣка замѣтилъ по этому поводу присяжнымъ: „Исполняя свой долгъ, вамъ также незачѣмъ оглядываться на Европу и задумываться надъ тѣмъ, что *тамъ* скажутъ, какъ истолкуютъ вашъ приговоръ и какого мнѣнія будутъ о русскомъ правосудіи. Помните, что одно

изъ условій отправленія дѣйствительнаго правосудія—слушать голосъ своей совѣсти и не заботиться о томъ, „что скажутъ“. Если слѣдуетъ вамъ помнить о комъ-нибудь, такъ это о честныхъ людяхъ на родинѣ вашей, сердца которыхъ жаждутъ справедливости, состоящей въ оправданіи невиновнаго и въ признаніи вины за виновнымъ. Чувства этихъ людей для васъ должны быть дороже выводовъ законодателей и мнѣній иностранцевъ“ (руков. нап. по дѣлу Юханцева, стр. 494).

Тактъ, величайшее изъ достоинствъ въ практической жизни, составляетъ высокое качество должностнаго лица при отправленіи имъ правосудія, и такой тактъ, не дѣланный, а вполнѣ искренній, естественно вытекающій изъ стремленія къ юридической правдѣ, къ ея отысканію и выясненію на судѣ, отличаетъ всѣ безъ исключенія судебныя рѣчи, помѣщенныя въ разсматриваемомъ сборникѣ: 17 обвинительныхъ рѣчей, 3 руководящія напутствія присяжнымъ и 7 кассаціонныхъ заключеній. Этотъ тактъ, вооруженный тонкимъ и глубокимъ анализомъ преступныхъ дѣйствій и карающаго ихъ уголовнаго закона, исключаетъ всякую, мѣшающую спокойному обсужденію, страстность и увлекающую на ложный путь односторонность. Обвинительныя рѣчи и руководящія напутствія одинаково чужды стремленія „сгущеніемъ красокъ“ и „музыкою“ слова подѣйствовать на *чувства* присяжныхъ, но простотою и ясностью изложенія помогаютъ ихъ *здравому смыслу* разобраться въ самыхъ сложныхъ дѣлахъ.

Особенно хороши тѣ мѣста судебныхъ рѣчей, гдѣ ораторъ, предвидя, что по самому свойству преступнаго дѣянія у присяжныхъ можетъ возникнуть сомнѣніе въ его наказуемости, выясняетъ простымъ разговорнымъ языкомъ, не прибѣгая къ научной терминологіи, существенное различіе между задачами суда гражданскаго и уголовнаго. Необходимость такого выясненія представилась, напр., по дѣлу Гулакъ-Артемовской, которая имѣла въ своихъ рукахъ подложные векселя, но не предъявляла ихъ ко взысканію. Въ своемъ руководящемъ напутствіи присяжнымъ, по всей вѣроятности

смущеннымъ доводами защиты, находившей, что уголовное преслѣдованіе за *составленіе* подложнаго векселя—порядокъ *отжившій* (!) А. Ѳ. Кони говоритъ:

„Вамъ указано различіе, повидимому, трудно объяснимое между производствомъ дѣлъ о подлогѣ въ судѣ гражданскомъ и въ судѣ уголовномъ, причемъ оказывается, что человѣкъ, пришедшій въ судъ съ подложнымъ векселемъ, призвавшій судъ на помощь въ своемъ темномъ и нечестномъ дѣлѣ, можетъ безбоязненно смотрѣть въ будущее, если только онъ возьметъ, по предложенію суда, этотъ вексель обратно, тогда какъ ему грозитъ скамья подсудимыхъ, если обвинительная власть только узнаетъ, что онъ составилъ какой-то вексель, но по робости или разсчету даже не сдѣлалъ и первыхъ шаговъ къ судебному взысканію по нему. Несоотвѣтствіе этихъ двухъ случаевъ—меньшая виновность и гораздо бо̀льшая строгость во второмъ—можетъ вызвать сочувствіе къ порядку гражданскаго производства и должно, какъ вамъ было здѣсь сказано, побудить васъ не поддерживать вашимъ рѣшеніемъ отжившій, непослѣдовательный порядокъ уголовнаго преслѣдованія. Я долженъ, поэтому, указать вамъ на причины и основанія разницы въ этихъ двухъ порядкахъ. Гражданскій судъ возстановляетъ право нарушенное; онъ, главнымъ образомъ, имѣетъ дѣло съ правами на имущество, на вещи, на дѣйствія другихъ людей, съ матеріальною стороною человѣческаго быта; это судъ формальный, судъ иногда даже черствый, очень рѣдко заглядывающій въ область нравственныхъ соображеній, стоящій на почвѣ строгаго права и имѣющій дѣло только съ правомъ, подчасъ не смотря на стоящаго за этимъ правомъ человѣка. Этотъ судъ очень часто вынужденъ изрекать рѣшеніе въ пользу человѣка, нравственная подкладка дѣйствій котораго возмущаетъ чувство, но который *„въ своемъ правѣ"*... Уголовный судъ—караетъ за нарушенное право; онъ имѣетъ дѣло съ драгоцѣннѣйшими благами жизни, со свободою, здоровьемъ, самою жизнью. Онъ защищаетъ своими приговорами предметы не матеріальные—честь, репутацію, доброе имя, общественную нравственность. Въ этомъ

судѣ форма не *почти все*, а *почти ничего*, но за то содержаніе, за то нравственный характеръ дѣянія—на главномъ мѣстѣ. Онъ входитъ въ оцѣнку цѣлей, въ обсужденіе намѣреній, онъ судитъ не о дѣйствіяхъ, въ которыхъ выразилось *право*, а о дѣйствіяхъ, въ которыхъ выразилась *воля*, и если эта воля преступна, если она направлена на вредъ, на гибель ближнему, онъ караетъ того, кто проявилъ эту волю... Съ точки зрѣнія гражданской, которая указана была вамъ здѣсь какъ единственно вѣрная, подложный документъ не имѣетъ никакого значенія, разъ онъ исключенъ изъ числа доказательствъ; это пустой, ничтожный клочокъ бумаги, который имѣлъ значеніе только при предъявленіи въ судъ, потому что могъ ввести судъ въ заблужденіе. Только *на* судѣ онъ и имѣетъ значеніе, — ни *до*, ни *по* — никакого. Поэтому, съ этой точки зрѣнія, тотъ, кто не предъявилъ суду подложнаго документа, въ сущности еще не сдѣлалъ ничего. Но иначе смотритъ и, прибавлю, долженъ смотрѣть на дѣло судъ уголовный. Его точка зрѣнія другая. Для него преступная воля, направленная на незаконный прибытокъ, выразилась вполнѣ въ составленіи подложнаго документа. Предъявленіе его на судѣ есть лишь одно изъ послѣдствій, есть то, что кассаціонный Сенатъ называетъ пользованіемъ *плодами преступленія*. Но послѣдствія составленія могутъ состоять не въ одномъ представленіи въ судъ, и въ этомъ причина, почему законъ уголовный караетъ не за одно представленіе, но и за *составленіе*. Подложный вексель, напримѣръ, можно дисконтировать, заставить пройти чрезъ рядъ бланко-надписателей, заставить всплыть на поверхность гдѣ-нибудь въ другомъ городѣ, далеко отъ того, отъ чьего имени онъ написанъ. Да и дисконтъ не всегда можетъ быть неизбѣженъ. Подложный вексель можетъ быть страшнымъ средствомъ мести и ненависти, не имѣющихъ ничего общаго съ матеріальною выгодою. Представьте себѣ подрядчика, предпринимателя какого-нибудь большаго дѣла, какого-нибудь обширнаго общественнаго сооруженія—мстительный врагъ котораго пуститъ на показъ, для *предполагаемаго* дисконта, въ средѣ тор-

говаго, коммерческаго міра массу подложныхъ векселей отъ имени предпринимателя на большую сумму. Векселя погуляютъ и вернутся къ выпустившему ихъ; онъ ихъ уничтожитъ и радостно скажетъ себѣ, что и недруга онъ также уничтожилъ, ибо пойдетъ по городу, пуская ростки и отпрыски, слухъ, что предприниматель весь въ долгу, что векселя его предлагаются за безцѣнокъ, что ему не устоять въ своемъ дѣлѣ, и масса напуганныхъ довѣрителей осадитъ его съ требованіями немедленной уплаты и съ отказомъ въ дальнѣйшей помощи, и онъ дѣйствительно не устоитъ"...

Полное развитіе юридическихъ знаній и способностей автора „Судебныхъ рѣчей" обнаруживаютъ его кассаціонныя заключенія, гдѣ онъ выступаетъ критикомъ судебныхъ дѣйствій и истолкователемъ законовъ. Изъ семи заключеній три посвящены разъясненію нашего законодательства о клеветѣ на словахъ и въ печати. Благодаря тщательной и мастерской разработкѣ возбужденныхъ вопросовъ, явилась возможность исправить прежнюю, неудовлетворительную, судебную практику по этому предмету. Въ заключеніи по дѣлу о Соболевскомъ впервые указано на недомолвку или, скорѣе, обмолвку въ кассаціонномъ рѣшеніи 1875 года по дѣлу Ватсона и Суворина. Этимъ рѣшеніемъ Сенатъ слишкомъ ограничилъ примѣненіе наказанія за клевету въ печати, признавъ, что „не можетъ быть признанъ клеветникомъ и подвергнутъ наказанію, по 1535 ст. улож. о нак., тотъ, кто распространялъ о комъ-либо ложное извѣстіе, *полагая*, что онъ распространяетъ свѣдѣніе объ истинномъ происшествіи". Выраженію „полагалъ" придавался на практикѣ, очень часто и въ ущербъ правосудію, смыслъ гораздо болѣе широкій и растяжимый, чѣмъ бы слѣдовало. Слово „полагалъ" отожествляли съ понятіемъ „думалъ" и даже „предполагалъ", но несомнѣнно, что Сенатъ былъ далекъ отъ мысли освободить человѣка, печатающаго о другомъ позорящія обстоятельства, отъ всякой осторожности. Для безнаказанности необходима *увѣренность* въ истинности того, что́ оглашается. „Только такая увѣренность подсудимаго, говоритъ г. Кони, можетъ дать суду право не

вмѣнять ему въ вину того зла, которое онъ причинилъ потерпѣвшему, приписавъ ему ложный позорящій фактъ, окрыливъ и пустивъ его во всенародное свѣдѣніе путемъ печатнаго станка. Область предположеній, догадокъ и умозаключеній, основанныхъ на одной вѣроятности и возможности—слишкомъ неопредѣленна. Въ этой области мнительная довѣрчивость, способность увлекаться, живое воображеніе и даже личный темпераментъ играютъ слишкомъ большую роль, и нельзя отдавать имъ безнаказанно на жертву честь и доброе имя человѣка. Поэтому и жалобщика, который ищетъ у суда защиты отъ поруганія и возстановленія своего достоинства признаніемъ оглашеннаго о немъ клеветою—нельзя обезоруживать заявленіемъ, что обидчикъ предполагалъ, что оглашенное вѣрно, что ему думалось, что онъ правъ, что онъ поспѣшилъ обобщить и сжать во-едино разнородные слухи, полагая, что эти слухи—сама истина. Не надо забывать, что „алчущіе и жаждущіе правды" нерѣдко жаждутъ лишь личнаго мщенія, и что въ основѣ благороднаго негодованія иногда лежатъ чувства, съ благородствомъ ничего общаго не имѣющія".

Раздѣляя взгляды оберъ-прокурора, Сенатъ нашелъ, что „клевету составляетъ не завѣдомо правдивое обвиненіе кого-либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, и для оправданія въ клеветѣ необходимо признаніе со стороны суда, что обвиняемый былъ *убѣжденъ* въ справедливости того, что онъ распространялъ".

Книга А. Ѳ. Кони, представляя цѣнный матеріалъ для изученія исторіи нашей судебной практики въ послѣднее двадцатилѣтіе, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и полезнымъ руководствомъ для юристовъ. Общество отнеслось къ ней съ должнымъ вниманіемъ: книга очень успѣшно расходится въ продажѣ.

———

II.

Внѣшняя политика Императора Николая Перваго. Введеніе въ исторію внѣшнихъ сношеній Россіи въ эпоху Севастопольской войны. С. С. Татищева. С.Петербургъ, 1887 г.

Эпоха Севастопольской войны еще такъ близко отстоитъ отъ насъ, что не только воспоминаніе объ ней живо въ памяти настоящаго поколѣнія, но среди насъ живутъ и дѣйствуютъ еще многіе изъ людей, переживших ее и дѣйствовавшихъ въ ту пору. Этимъ объясняется несомнѣнный успѣхъ всякой книги, относящейся такъ или иначе ко времени этой великой эпопеи. Но книга г. Татищева, названіе которой выписано выше, привлекаетъ вниманіе еще и тѣмъ, что въ ней читатель разсчитываетъ встрѣтить разъясненіе событій этой достопамятной эпохи, съ той именно стороны, съ которой до сихъ поръ они всего менѣе были извѣстны нашей публикѣ,—со стороны современныхъ дипломатическихъ сношеній.

До сихъ поръ *на русскомъ языкѣ* появлялось очень мало сочиненій, раскрывающихъ хотя отчасти тайну дипломатическихъ сношеній, предшествовавшихъ созданію европейской коалиціи 1853 года. Кромѣ Сборника дипломатическихъ документовъ профессора Мартенса, Сборника, имѣющаго впрочемъ, чисто спеціальный характеръ, да книги А. Г. Жомини, напечатанной въ русскомъ переводѣ лишь въ 1886 году въ „Вѣстникѣ Европы“ подъ заглавіемъ „Россія и Европа“, мы до сихъ поръ не знаемъ ни одного серьезнаго изслѣдованія о дипломатическихъ отношеніяхъ Россіи къ Европѣ въ послѣдніе годы жизни и царствованія Императора Николая Павловича. Не говоря уже о томъ, что самая личность этого Государя, съ его безпримѣрной стойкостью убѣжденій, рыцарской вѣрой въ людей и ихъ слова, которыхъ онъ, никогда не измѣнявшій своему слову, мѣрилъ по своей мѣркѣ, представляется глубоко интересной, — самый ходъ всѣхъ историческихъ событій названной эпохи настолько полно и рельефно рисуетъ Европу и ея, такъ-на-

зываемыя, „дружественныя“ отношенія къ Россіи, что ихъ вѣрная историческая передача, освѣщенная при томъ подлинными документами дипломатическихъ сношеній, можетъ служить превосходнымъ назиданіемъ для русскихъ дипломатовъ настоящаго и будущаго поколѣній.

Справедливость требуетъ замѣтить, что книга А. Г. Жомини сдѣлала починъ въ этомъ дѣлѣ. „Старый дипломатъ“, какъ авторъ называетъ себя во французскомъ изданіи своего труда, съ особеннымъ вниманіемъ и большой правдивостью подчеркиваетъ всѣ наиболѣе рельефно выступающія дѣйствія нашей дипломатіи Нессельродовской школы. Но трудъ А. Г. Жомини, уже по самому своему объему, даетъ только очень бѣглую и неполную картину приснопамятной эпохи Крымской кампаніи и только вскользь касается предшествовавшихъ ей событій предыдущихъ годовъ царствованія Императора Николая, событій, такъ сказать, подготовившихъ и европейскую коалицію противъ Россіи, и Крымскую войну, и Парижскій трактатъ 1856 года. Напротивъ того, книга С. С. Татищева посвящаетъ насъ спеціально въ тайны дипломатическихъ перипетій, почти съ роковаго момента подписанія Императоромъ Александромъ Благословеннымъ Вѣнскаго трактата и до начала восточной войны 1853 года.

Практическая назидательность этой „тяжкой“ для насъ эпохи побудила автора остановиться именно на ней, какъ на имѣющей „органическую связь“ съ событіями переживаемаго нами времени. „Исторія, говоритъ С. С. Татищевъ въ предисловіи къ своей книгѣ,—учитель строгій и суровый, но и благодѣтельный. Раскрывая передъ нами тайны прошедшаго, она поучаетъ насъ,—и примѣръ Крымской войны служитъ тому вѣрнѣйшимъ доказательствомъ, — что внѣшняя политика великаго народа слагается не произвольно или случайно, а вѣками, въ силу нуждъ и пользъ этого народа, и что всякое уклоненіе отъ традиціоннаго историческаго пути, хотя вызванное самыми благородными и великодушными побужденіями, влечетъ за собою кару суровую и неизбѣжную“.

Книга С. С. Татищева знакомитъ читателя съ истинной

причиной постепеннаго упадка русскаго вліянія на востокѣ, упадка, которымъ такъ ловко и искусно воспользовались наши враги, которыхъ мы принимали за друзей даже и тогда уже, когда они почти открыто шли противъ насъ. Несомнѣнная ошибка политики Императора Николая Павловича заключалась въ томъ, что онъ до конца своихъ дней продолжалъ считать Вѣнскій трактатъ краеугольнымъ камнемъ взаимныхъ отношеній европейскихъ державъ и „Священный Союзъ"—твердой формой этихъ отношеній. За это время всѣ бывшіе участники этого союза давно уже отдѣлились отъ него или, вѣрнѣе говоря, забыли о существованіи этого акта, на который и прежде-то смотрѣли вовсе не какъ на актъ, къ чему-либо ихъ обязывающій, а какъ на уступку великодушнымъ мечтаніямъ и увлеченіямъ Императора Александра. Во имя „Священнаго Союза" Императоръ Николай считалъ своимъ долгомъ поддерживать каждаго изъ своихъ союзниковъ, охранять миръ Европы и бороться со всѣми элементами, являвшимися угрозой установленному вѣками строю европейскихъ государствъ. Парламентарная Англія съ давнихъ поръ явилась враждебной абсолютизму Австріи, Пруссіи и Россіи и когда гроза революціи 1848 года пронеслась надъ Европой и государи первыхъ двухъ державъ склонились подъ этой грозой, она осталась лицомъ къ лицу съ русскимъ колоссомъ, который одинъ устоялъ среди всеобщаго крушенія. Въ самый моментъ революціоннаго движенія 1848 г., разумѣется, и Австрія и Пруссія взирали на Россію, какъ на единственное прибѣжище и защиту, и всячески готовы были кадить ѳиміамъ Императору Николаю Павловичу. Но когда движеніе успокоилось, когда Россія спасла Австрію и тогда тотчасъ же стало ясно, что ни Пруссія, ни Австрія не могутъ быть надежными друзьями Россіи въ дѣлѣ достиженія ея традиціонныхъ историческихъ цѣлей. Пруссія немедленно же начала проявлять стремленіе къ объединенію Германіи и, по возможности, къ избавленію ея отъ главенства Австріи, а эта послѣдняя своими отношеніями къ славянскимъ племенамъ Балканскаго полуострова явно обнаружила, что ни-

когда не будетъ и не можетъ быть союзницей Россіи въ ея историческомъ движеніи на востокъ.

Императоръ Николай Павловичъ, повидимому, замѣтилъ это уже тогда, когда нельзя было изгладить слѣдовъ политики, продолжавшейся неизмѣнно въ теченіи стольких лѣтъ. Да и не въ его характерѣ было отступать и сворачивать съ заранѣе намѣченнаго пути, и онъ шелъ по нему до конца, до великой катастрофы Крымской войны.

Оптимизмъ, окутывающій сплошь да рядомъ воззрѣнія нашихъ дипломатовъ на отношенія къ намъ всей Европы, долженъ разсѣяться, въ виду тѣхъ важныхъ фактовъ, которые открываетъ намъ книга г. Татищева и съ которыми, быть можетъ, многіе изъ нихъ, вѣроятно, не вполнѣ знакомы. Въ юномъ поколѣніи нашихъ дипломатовъ, къ сожалѣнію, почти вовсе не приходится встрѣчать людей, воспитанныхъ въ традиціяхъ дипломатическаго прошлаго, изучившихъ исторію русской дипломатіи, такихъ людей, какихъ, напротивъ, очень часто встрѣчаешь не только среди англійскихъ, но и среди французскихъ дипломатовъ. Наша дипломатическая молодежь очень хорошо и скоро усвоиваетъ себѣ спеціальную „дипломатическую внѣшность", спеціальный лоскъ и традиціонное tenue, очень рѣдко идетъ далѣе и, кажется, даже съ неудовольствіемъ взираетъ на попадающихъ въ ея среду людей съ иными воззрѣніями на дипломатическое дѣло.

„Въ трудѣ моемъ я искалъ только истины, говоритъ г. Татищевъ въ заключеніе своего предисловія, но счастливымъ себя почту, если, ознакомивъ моихъ соотечественниковъ съ тяжкими испытаніями, какъ естественными послѣдствіями нашихъ политическихъ заблужденій, мнѣ удастся подкрѣпить въ нихъ сознаніе историческаго призванія Россіи, выразившагося, въ продолженіи столѣтій, въ послѣдовательномъ рядѣ государственныхъ дѣйствій со стороны ея державныхъ вождей, вознесшихъ ее на высокую степень могущества и славы. Истинно охранительная политика есть политика вѣковая, историческая, народная, и внѣ ея нѣтъ ничего, кромѣ опасныхъ опытовъ и горькихъ разочарованій".

Книжныя новости.

Книги, вышедшія за послѣдній мѣсяцъ.

Въ С.-Петербургѣ:

Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, изданные Императорскою академіею наукъ подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина, адъюнкта академіи. Томъ III. Годъ 1713. Книга II (іюль — декабрь). 35+451—1571 стр. 8 д. л.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ шестьдесятъ третій. *Протоколы, журналы и указы Верховнаго Тайнаго Совѣта. 1726 — 1730.* Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина. Томъ III. XXXVIII+875 стр. 8 д. л.

Н. Барсуковъ. *Жизнь и труды М. П. Погодина.* Книга первая. XV+344 стр. 8 д. л.

Графъ Ѳедоръ Петровичъ Литке. В. П. Безобразова. I. 1797—1832. LXV+239 стр. 8 д. л.

Папскія буллы по греко-уніатскому вопросу. П. Парвовъ. V+119 стр. 8 д. л.

Н. Я. Данилевскій. *Россія и Европа.* Взглядъ на культурныя и политическія отношенія Славянскаго міра къ Германо-Романскому. Изданіе третье, съ портретомъ и посмертными замѣчаніями. XXXVIII+557 стр. 8 д. л.

Принципы жизни Китая. Сочиненіе Сергѣя Георгіевскаго. XXI+494 стр. 8 д. л.

Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ. Составлена подъ главною редакціей генералъ-лейтенанта Леера, заслуженнаго профессора Николаевской академіи генеральнаго штаба. Томъ III, выпускъ четвертый (исторія кавалеріи—Іудейскія войны). VIII стр. и 481—584. 8 д. л.

Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ 1883 году въ судебныхъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ на основаніи уставовъ Императора Александра II. Изданіе министерства юстиціи. 51+167+59+VI стр. 4 д. л.

К. К. Арсеньевъ. *Критическіе этюды по русской литературѣ.* Т. I. V+350. Т. II. 357 стр. 8 д. л.

А. Незеленовъ. *Островскій въ его произведеніяхъ.* Первый періодъ дѣятельности (до историческихъ хроникъ). III+208 стр. 8 д. л.

Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго. Изданіе третье. Томъ четвертый. *Униженные и оскорбленные.* Романъ въ четырехъ частяхъ съ эпилогомъ. *Вѣчный мужъ.* Разсказъ. 476 стр. 8 д. л.

В. И. Водовозовъ. *Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія.* 2+VI+512 стр. 8 д. л.

Дешевая библіотека. *Марія Стюартъ.* Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф. Шиллера. Переводъ А. А. Шишкова. Съ предисловіемъ и примѣчаніями по новѣйшимъ источникамъ. XXV+167 стр. 12 д. л.

Студенты. Романъ Д. Стахѣева. 311 стр. 8 д. л.

А. Манцони. *Графъ Карманьола.* Трагедія. Переводъ съ итальянскаго. Н. Соколова. 142 стр. 8 д. л.

Д. Л. Мордовцевъ. *Кумъ Иванъ.* Историческая быль. 55 стр. 12 д. л.

Правдивые разсказы Евгенія Львова „Русскаго странника“. Томъ первый. II+237 стр. 12 д. л.

Провинція. Романъ Г. А. Хрущова-Сокольникова. 273 стр. 8 д. л.

Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи сравнительно съ другими государствами. Составилъ Д. Д. Моревъ, преподаватель Петровскаго училища С.-Петербургскаго купеческаго общества. VIII+228 стр. 8 д. л.

В. А. Добролюбовъ. *О положеніи каменноугольной промышленности Донецкаго бассейна и объ отношеніи къ ней ея руководителей и руководимыхъ.* 224 стр. 8 д. л.

Добровольный флотъ и его задачи. А. Багурина. 37 стр. 8 д. л.

Клиническія лекціи профессора С. П. Боткина, читанныя въ Военно-Медицинской академіи въ 1884—85 году. Собраны и составлены ординаторомъ клиники, докторомъ В. Н. Сиротининымъ подъ редакціей профессора Боткина. Выпускъ I. Второе дополненное и исправленное изданіе. V+200 стр. 8 д. л.

Письма графини Е. М. Румянцевой къ ея мужу фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву-Задунайскому. 1762—1779 г. Съ портретомъ и факсимиле. Издалъ графъ Д. А. Толстой. XVI+259 стр. 8 д. л.

Извлеченія изъ переписныхъ книгъ, составленныя Е. Е. Замысловскимъ. Изданіе Археологической коммиссіи. Выпускъ первый. VI+314 стр. 8 д. л.

Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Изслѣдованіе съ прибавленіемъ „Поученій Серапіона Владимірскаго" по древнѣйшимъ ихъ спискамъ. Евгенія Пѣтухова. XI+235+XI+19 стр. 8 д. л.

Сношенія Россіи съ Польшей въ царствованіе Θеодора Алексѣевича. Е. Е. Замысловскаго. 90 стр. 8 д. л.

Памятники древней письменности и искусства. *Книга о чудесахъ пр. Сергія.* Твореніе Симона Азарьина. VI+131 стр. 8 д. л.

П. Карцовъ. *Изъ прошлаго. Личныя и служебныя воспоминанія.* Часть первая. 1831—1876 г. 515 стр. 8 д. л.

Критическіе этюды В. Буренина. 398 стр. 8 д. л.

И. Панаевъ. *Полное собраніе сочиненій въ 6 томахъ.* Т. I. XV+400 стр. 8 д. л.

Иванъ Николаевичъ Крамской, его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи. 1837—1887. Издалъ А. Суворинъ. Съ факсимиле и 2 портретами. XVII+750 стр. 8 д. л.

Въ Москвѣ:

Графъ М. В. Толстой. *Книга, глаголемая описаніе о россійскихъ святыхъ, гдѣ и въ которомъ градѣ или области или монастырѣ и пустыни поживе и чюдеса сотвори, всякаго чина святыхъ.* 288+II стр. 8 д. л.

Врачи у древнихъ римлянъ. Эпиграфическіе очерки Алексѣя Стрѣльцова, привата доцента Императорскаго Московскаго университета. II+IV+119+III стр. 8 д. л.

Московская старина. I *Новодѣвичій монастырь.* Составилъ Θ. Гиляровъ. 84 стр. 12 д. л.

Боровскъ. Матеріалы для исторіи города XVII и XVIII столѣтій. 291 стр. 4 д. л.

А. А. Титовъ. *Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахрамѣеву.* XII+225 стр. 8 д. л.

Евреи и христіане. Сочиненіе Натальи Петровны Уваровой, урожденной княжны Горчаковой. Переводъ съ французскаго С. Л. Деманта. Изданіе второе. VIII+39 стр. 8 д. л.

О политическихъ причинахъ войны въ современной Европѣ. Графа Л. А. Камаровскаго. 27 стр. 8 д. л.

Основанія метрики у древнихъ грековъ и римлянъ. Я. Денисова. 198 стр. 8 д. л.

Герои Гомера съ краткими очерками изъ другихъ сказаній древняго міра. Съ рисунками. Составилъ С. Чекала. VII+123 стр. 8 д. л.

Двухстолѣтіе памяти Ньютона. (1687—1887) 51 стр. 8 д. л.

Михаилъ Харузинъ. „*Балтійская конституція*". Историко-юридическій очеркъ. 70 стр. 8 д. л.

Наполеонъ Бонапартъ. Тэна переводъ съ французскаго. 119 стр. 8 д. л.

Стихотворенія Алексѣя Степановича Хомякова. 160 стр. 12 д. л.

Эдуардъ Пайлеронъ. *Мышенокъ* (La Souris). Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ французскаго А. Антоновича. 120 стр. 8 д. л.

Ясновидящая. Мысли и факты. Посвящается г-жѣ Гюлотенъ. В. А. С. 16 стр. 8 д. л.

Матеріалы для исторіи научной и прикладной дѣятельности въ Россіи по зоологіи и соприкасающимся съ нею отраслямъ знанія, преимущественно за послѣднее тридцатилѣтіе. (1850—1887 гг.). Собраны А. Богдановымъ. 204 стр. и 12 фотографій. 4 д. л.

Сочиненія С. А. Усова. Томъ I. Статьи зоологическія. Съ портретомъ, 5 фотогравюрами и 24 полит. Подъ редакціей проф. М. А. Мензбира. IV+413 стр. 8 д. л.

Сборникъ темъ по древнимъ языкамъ, предложенныхъ на испытанія зрѣлости, съ ключемъ. Составили С. Вермель и А. Генцъ подъ редакціей О. Петрученко. IV+83+55 стр. 8 д. л.

Сельско-хозяйственная зоологія по лекціямъ профессора Петровской земледѣльческой академіи К. Э. Линдемана. Выпускъ I. Составилъ студентъ Петровской академіи Н. А. Виноградовъ подъ редакціей профессора К. Э. Линдемана. 174 стр. 8 д. л.

Курсъ аналитической механики. Составилъ Д. Бобылевъ. Ч. II. VI+304 стр. 8 д. л.

Сборникъ работъ и ремеслъ полезныхъ для дѣтей различныхъ возрастовъ. Составилъ И. Я. Гердъ. Изданіе 3-е. XVI+336 стр. 8 д. л.

Боевыя свойства новыхъ ружей. Изслѣдованіе Н. Волоцкаго. II+II+59+IV стр.

Полный учебникъ для фельдшеровъ, фельдшерицъ и фельдшерскихъ учениковъ. Въ двухъ частяхъ. Составленъ врачемъ Луниным. Пятое изданіе. VI+676 стр. 8 д. л.

Въ Воронежѣ:

Указатель статей, напечатанныхъ въ Филологическихъ запискахъ за весь 25-ти-лѣтній періодъ этого изданія. II+56 стр. 8 д. л.

Въ Вильнѣ:

Виленскій Св. Николаевскій Каѳедральный Соборъ. (Краткій историческій очеркъ). Священника Василія Некрасова. 81 стр. 12 д. л.

Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшьѣ, т. е. въ нынѣшней Сидлецкой и Гродненской губерніяхъ по актамъ XVI столѣтія. Якова Головацкаго. 47 стр. 8 д. л.

Русское чтеніе для еврейскаго юношества. Изданіе восьмое. II+193 стр. 8 д. л.

Во Владимірѣ на Клязьмѣ:

Учебникъ ариѳметики для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. А. Михайловъ. II+76 стр. 8 д. л.

Въ Екатеринбургѣ:

Причины, препятствующія усвоенію иностранныхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и вызываемый ими единственно

возможный вѣрный способъ ихъ устраненія. Выслѣдилъ А. Шмидтъ. 24 стр. 8 д. л.

Въ Минскѣ:

Записки по ботаникѣ для первоначальнаго знакомства съ ботаническими свѣдѣніями. Составилъ М. Павловъ. 37 стр. 8 д. л.

Въ Оренбургѣ:

Адресъ-календарь и справочная книжка по Оренбургской губерніи на 1888 годъ. Изданіе Оренбургскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. X+100+79+147+CCXXXI стр. 12 д. л.

Въ Самарѣ:

Алфавитный сборникъ тэзисовъ уголовнаго кассаціоннаго и общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената. 1874—1886 г. Сост. Орловъ. 450 стр. 8 д. л.

Въ Тифлисѣ:

Вожакъ. Неурядица. Подъ паровозомъ. На переправѣ. Грамотѣй Захаръ. Эпизоды изъ исторіи постройки Баку-Тифлисскаго участка Закавказской желѣзной дороги. Пав. Мих. Якимова. 84 стр. 8 д. л.

Кавказъ. Справочная книжка, составленная старожиломъ. Выпускъ IV. Населеніе, его происхожденіе, языкъ, религія, домашній и общественный бытъ. Стр. 181—240. 12 д. л.

По первому звонку. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. Юда. 42 стр. 8 д. л.

МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА.

Праздникъ Пасхи.—Московскія улицы.—Статистика преступленій и роль еврейства въ этой статистикѣ. —О московскомъ нищенствѣ.—Консерваторская статистика.—Подмосковная деревня, попавшая въ еврейскій передѣлъ. —По поводу двухъ крупныхъ еврейскихъ уголовныхъ дѣлъ о сбытѣ фальшивыхъ кредитокъ и купоновъ.

Послѣдніе дни страстной недѣли, дни по внѣшнему виду своему тихіе, въ сущности преисполнены глухой, скрытой отъ глазъ суетни, приготовленій къ предстоящему празднику. Страстная суббота. Поздній вечеръ. Во всѣхъ домахъ, во всѣхъ квартирахъ—отъ богатыхъ, фешенебельныхъ помѣщеній до покривившихся домиковъ бѣдняковъ, отъ центра Москвы до самыхъ захолустныхъ окраинъ ея — повсюду люди приготовляются идти къ заутрени. Бьетъ 11 часовъ. По всѣмъ улицамъ текутъ волны народныя по направленію къ церквамъ, и нигдѣ эти волны не достигаютъ такихъ размѣровъ, какъ на путяхъ, ведущихъ къ Кремлю. Въ Кремль, въ Кремль! Туда стремятся тысячи, десятки тысячъ москвичей. Всѣмъ хочется встрѣтить Свѣтлое Воскресенье въ Кремлѣ, всѣмъ хочется услышать близъ себя первый, мягкій, серебристый звонъ громаднаго Кремлевскаго колокола. Не только русскіе всѣхъ званій и состояній, но и живущіе въ Москвѣ иностранцы стремятся въ эту ночь въ Кремль, чтобъ присутствовать хотя бы въ качествѣ

простыхъ зрителей при торжественномъ, ни съ чѣмъ несравнимомъ вступленіи страстной Субботы въ Свѣтлое Воскресенье. Тутъ даже погода не оказываетъ никакого вліянія: можетъ быть хорошая, сухая, не холодная ночь, можетъ быть холодъ и слякоть—ничто не вліяетъ на массу народа, стремящагося къ Кремлю въ ночь подъ Свѣтлое Воскресенье. Соборы полны народу. На Красномъ дворѣ неисчислимыя толпы, и чѣмъ ближе къ колокольнѣ Ивана Великаго—тѣмъ толпы гуще. Вокругъ, за оградой, до самой рѣшетки, ограждающей спускъ въ Кремлевскій садъ, повсюду виднѣется плотная масса людей...

Вспыхнули ряды огней на иллюминованныхъ ярусахъ колокольни. Прошли послѣднія минуты ожиданія. Раздается первый ударъ главнаго колокола. Какъ бы въ отвѣтъ ему, сразу со всѣхъ концовъ Москвы, несется колокольный звонъ,—грандіозный хоръ мѣдныхъ голосовъ, хоръ, подобный которому нигдѣ въ цѣломъ мірѣ не услышишь. Въ этомъ мѣдномъ хорѣ, въ этомъ мощномъ звонѣ тысячъ колоколовъ есть что-то свѣтлое, несравнимо-радостное, истинно-праздничное.

Мало ли есть несчастливцевъ въ этой толпѣ, собравшейся въ Кремль, несчастливцевъ, жизнь которыхъ имѣетъ въ себѣ столь мало радостнаго, что для нихъ казалось бы и праздникъ не въ праздникъ. Но въ эту ночь бываютъ минуты, когда и у такихъ несчастливцевъ легко становится на душѣ; какъ-то забывается на время даже забота и горе! Словно чувствуется подъ этотъ немолчный звонъ, что наступилъ праздникомъ праздникъ, наступилъ день, когда съ памятью воскресенія Господа Христа воскресаетъ въ душѣ человѣка радость и надежда...

А удары большаго колокола идутъ своей чередой. Въ грандіозныхъ волнахъ его мягкаго, но мощнаго звона начинаютъ тонуть словно въ звуковомъ морѣ и несмолкающій звонъ всѣхъ московскихъ колоколовъ, и раздающіеся съ Тайницкой башни выстрѣлы, и гомонъ толпы, и пѣніе, и свистъ взвивающейся высоко-высоко ракеты...

Вокругъ соборовъ направляются крестные ходы. Всюду,

куда проникаетъ взоръ, видны тысячи и тысячи непокрытыхъ человѣческихъ головъ. Миріады свѣчъ озаряютъ густые потемки пасхальной ночи...

И надъ всѣмъ этимъ царитъ, словно наполнившій собою все пространство, весь окружающій воздухъ, мягкій звонъ большаго колокола; его уже не только слышишь, его чувствуешь, его ощущаешь въ воздуховыхъ колебаніяхъ. Отдѣльные звуки ударовъ огромнаго языка о массивныя стѣнки уже не слышны; слышенъ только немолчный гулъ, мягкій, всеподавляющій, имѣющій въ себѣ что-то величественное и вмѣстѣ съ тѣмъ радостное, что-то могучее и вмѣстѣ съ тѣмъ ласкающее...

Христосъ воскресе!

Наступилъ великій праздникъ, наступилъ для всѣхъ, всѣмъ неся съ собою надежду, свѣтъ и радость. Но нигдѣ нельзя такъ *чувствовать* его наступленіе, нигдѣ не является онъ въ столь свѣтломъ образѣ, какъ въ Московскомъ Кремлѣ, подъ мощные звуки стараго колокола. Тамъ, въ Кремлѣ, истинное впечатлѣніе наступленія Свѣтлаго Праздника!

Во истину воскресъ Христосъ! Да расточатся врази Его и да прольется во всемъ мірѣ радость, какъ льется она въ душу истинно-православнаго вмѣстѣ съ первыми, мягкими звуками большаго Кремлевскаго колокола....

Теперь, съ весной, для Москвы, для сообщенія по улицамъ ея обитателей серьезный вопросъ — эти улицы. Въ зимы столь снѣжныя, какъ только-что пережитая, Москва оказывается въ положеніи почти безвыходномъ. Куда можно удалить всѣ эти громоздкіе сугробы снѣга, наваленнаго на огромномъ пространствѣ города, захватившаго до пяти тысячъ десятинъ своими кривыми, неправильными, безконечными улицами? Вывозить за городъ—даль страшная, и, значитъ, страшно дорого; вывозить на частныя снѣжныя свалки, устраиваемыя на окраинахъ города, по разнымъ огородамъ и пустопорожнимъ землямъ, въ Грузинахъ, у Трифона и т. д.—тоже недешево, такъ какъ на

свалкахъ этихъ съ каждаго привозимаго и сваливаемаго воза берутъ по 5—10 копѣекъ, сбирая такимъ образомъ тысячи и тысячи рублей за зиму; городскихъ общественныхъ свалокъ очень мало, да и расположены онѣ удобно только для извѣстныхъ районовъ города. Остается одна Москва рѣка: валить въ нее уличный снѣгъ и удобно, и близко; этотъ способъ удаленія съ улицъ и дворовъ снѣга представляется наименѣе накладнымъ для обывателей. Но и тутъ бѣда! Валить на рѣку снѣгъ до безконечности невозможно, такъ какъ тогда является рискъ, что подъ страшнымъ давленіемъ огромнаго снѣжнаго груза проломится ледъ и все сваленное сядетъ на дно въ видѣ цѣльной, скипѣвшейся массы, заполнивъ собою все пространство узкаго ящика, образуемаго дномъ рѣки и ея набережными; если это случится, то когда же наваленная громада снѣга растаетъ, и въ какіе же потопы преобразится весеннее половодье въ низменныхъ мѣстностяхъ, лежащихъ выше мѣстъ свалки снѣга на рѣкѣ? И сверхъ того: сколько же уличнаго сора, всякихъ остатковъ, навоза, при этихъ условіяхъ, не будетъ пронесено половодьемъ, а поневолѣ сядетъ на дно и заразитъ и безъ того уже зараженную воду рѣчки? По отношенію къ вопросу о свалкѣ снѣга на Москвѣ-рѣкѣ обыкновенно и городское управленіе, и городская администрація вѣчно находятся въ сомнѣніи: и разрѣшить какъ-будто надо, и разрѣшать какъ-будто не слѣдовало бы. Въ результатѣ дѣло устраивается такъ: свалка разрѣшается и затѣмъ воспрещается, во избѣжаніе того, „чтобы не вышло чего-нибудь несоотвѣтствующаго требованіямъ городской гигіены". Такъ оно было и въ этомъ году: когда въ началѣ зимы насыпало на Москву невѣроятное количество снѣга—свалку на рѣкѣ разрѣшили; прежде чѣмъ Москву рѣку завалили всю, испугались могущихъ произойдти послѣдствій и наваленныхъ снѣжныхъ горъ, и свалку запретили. Вдругъ во время масляницы выпадаетъ невѣроятный снѣгъ... Разрѣшена ли свалка или нѣтъ, но фактъ состоитъ въ томъ, что на Москву рѣку опять начали возить снѣгъ. Значитъ: „и не разрѣшено, но и не возбранено".

Очистку улицъ въ Москвѣ вѣдаютъ два хозяина: домовладѣльцы и городъ; дробится между этими хозяевами очистительное хозяйство такимъ образомъ: домовладѣльцы чистятъ уличные проѣзды въ половину ихъ ширины, свои тротуары и проѣзды площадей и набережныхъ на разстояніе 7½ сажень отъ домовъ; городъ чиститъ уличные проѣзды и тротуары передъ своими зданіями, срединные участки площадей (внутри домовладѣльческой полосы) и тѣ полосы набережныхъ, которыя лежатъ за предѣлами 7½ сажень отъ домовъ. Не правда ли, довольно курьезно: мечтательная линія, разграничивающая такой важный предметъ, какъ очистка! Но этого мало. Между двумя хозяевами есть еще и третій; это—общества конножелѣзныхъ дорогъ; на ихъ обязанности лежитъ очистка путей конножелѣзной дороги и полосы въ два фута внѣ путей; это—еще одна умственная линія. Понятно, сколько всевозможныхъ пререканій должно возникать въ подобномъ дѣлѣ и понятно, что, вопреки общепринятому во всѣхъ другихъ случаяхъ порядку, преимущество въ этомъ случаѣ состоитъ именно въ доказательствѣ, что „мое“ есть „не мое“, а „твое“. Пролегаютъ, напр., рельсы конножелѣзной дороги по бульварному проѣзду (такихъ путей много верстъ въ Москвѣ) и пролегаютъ такъ, что часть проѣзда шириною въ сажень, или двѣ, остается свободною между рельсами и бульваромъ; эту часть проѣзда не чиститъ конка, такъ какъ она обязана чистить лишь два фута внѣ рельсъ, не чиститъ городъ, такъ какъ проѣздъ, сообразно съ шириной своей, долженъ быть во всю ширину очищаемъ домовладѣльцами, не чистятъ домовладѣльцы, такъ какъ они разсуждаютъ тоже не безъ основанія: не будь конки, мы чистили бы проѣздъ во всю ширину, но разъ, что конка разрѣзала его по длинѣ, зачѣмъ мы съ своей очисткой пойдемъ за рельсы изъ законной-то полоски въ одну сажень, изъ которой еще вдобавокъ два фута очистки лежатъ на обязанностяхъ конки? Всѣ правы, и полоса остается безъ очистки.

Въ томъ, какъ городъ ведетъ свое хозяйство по очисткѣ, какъ онъ очищаетъ свои участки лѣтомъ отъ пыли и сора,

зимою—отъ снѣга, есть точно немало первобытнаго и даже анекдотическаго. Всего очищеннаго имъ пространства имѣется до 200.000 квадр. саженъ. Двѣсти тысячъ квадр. саженъ—пространство не малое; стоило бы организовать дѣло правильно; но съ другой стороны: подходящее ли занятіе организовать правильную очистку пространствъ, раскиданныхъ по всѣмъ концамъ огромнаго города и ограниченныхъ какими-то умственными линіями? Въ результатѣ городъ ничего въ этомъ видѣ не организуетъ, а по-просту безъ затѣй сдаетъ всю очистку, всѣ эти 200.000 кв. саж., съ подряда контрагентамъ, которымъ такимъ образомъ и поручаются вмѣстѣ съ очисткой всѣ предстоящія въ этомъ дѣлѣ пререканія съ домовладѣльцами и т. д. Сдается подрядъ по годовой цѣнѣ—нѣчто въ высшей степени гадательное, фантастическое и нелѣпое, тѣмъ болѣе, что цѣна на очистку издавна установилась такая, за которую не только очищать, но даже и пререкаться-то, казалось бы, не стоитъ. 20, 25, 30, 40 коп. въ годъ съ квадратной сажени очистки соглашаются брать съ города контрагенты, подписывающіе при этомъ условія, обставленныя жесточайшими штрафами за всевозможныя неисправности. 20, 25, 30, 40 коп. въ годъ съ квадратной сажени соглашается платить имъ городъ, знающій очень хорошо, что за эту цѣну производить очистку можно бы было лишь въ томъ случаѣ, если зима будетъ безснѣжная, такъ какъ, при обиліи снѣга, въ 2—3 мѣсяца контрагентъ поневолѣ долженъ израсходовать всю свою годовую плату, получаемую имъ за очистку. И такъ идетъ это гаданіе изъ году въ годъ. Контрагенты берутъ на себя очистку и вносятъ залоги, обезпечивающіе ихъ исправность; если зима малоснѣжная, они выходятъ изъ подряда съ небольшими барышами, или безъ барышей, но довольные тѣмъ, что имъ удалось за зиму прокормить лошадей (подрядъ и берется главнымъ образомъ изъ-за этого); если же зима выпадетъ въ родѣ истекшей—тѣ же контрагенты погребаютъ въ зимней очисткѣ всю годовую плату, получаемую отъ города, всѣ свои залоги, и еле уносятъ изъ подряда ноги. Бывали случаи, что контрагентъ, бравшій на себя очистку отъ го-

рода въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ подъ рядъ, послѣ этого навѣки отказывался отъ удовольствія быть контрагентомъ, а бывали конечно и случаи, что контрагенты тянули лямку лѣтъ пять, шесть безъ перерыва. Во всякомъ случаѣ не бывало только одного: чтобъ контрагентъ оставался доволенъ подрядомъ и чтобъ городское управленіе осталось довольно контрагентомъ. И никогда, ни одинъ, по справедливости, не сказалъ еще, что городская очистка въ Москвѣ есть „хозяйство", что она вообще похожа на то, что принято понимать подъ словомъ „очистка". „Очистки" нѣтъ, а есть какая-то большая путаница съ внѣшними признаками очистки, есть гаданіе, какая будетъ зима, есть игра на малоснѣжность съ одной стороны и многоснѣжность съ другой.

Нѣсколько словъ объ уголовной статистикѣ....

Лицъ, попадающихъ на скамьи обвиняемыхъ въ Московскомъ окружномъ судѣ, перебываетъ за годъ около двухъ съ половиною тысячъ человѣкъ—процентъ въ сущности не очень крупный по отношенію къ численности населенія Московской губерніи. Это общее количество дѣлится неравномѣрно относительно мужскаго и женскаго пола. Изъ 2.476 случаевъ обвиненія только 272 выпадаютъ на долю обвиняемыхъ женщинъ. Женщинъ на скамьѣ обвиняемыхъ немного болѣе 10% общаго количества. Характерно и процентное отношеніе обвиняемыхъ разныхъ вѣроисповѣданій къ общей ихъ цифрѣ. Московская губернія—сердце Россіи; количество населяющихъ ее православныхъ составляетъ въ ней конечно подавляющій процентъ; нѣтъ ничего удивительнаго, что изъ общаго количества обвиняемыхъ на долю православныхъ выпадаетъ $75^1/_3$%; въ сущности это не только не много, но даже мало, если принять въ разсчетъ, какое сравнительно ничтожное количество *неправославнаго* населенія живетъ въ Московской губерніи. Остальные $24^2/_3$% распредѣляются такъ: на долю католиковъ, протестантовъ, вообще на долю всѣхъ остальныхъ, кромѣ православнаго, христіанскихъ вѣроисповѣданій выпадаетъ 6%; на долю исповѣда-

нія магометанскаго – $1^1/_2\%$; на долю же евреевъ—слишкомъ 17%! Къ какимъ выводамъ можно придти, сличивъ эти цифры?

Въ самой Москвѣ и вообще въ предѣлахъ Московской губерніи живетъ немало протестантовъ, лютеранъ, католиковъ, реформатовъ, кальвинистовъ, армяно-грегоріанъ и пр. Мы не ошибемся, сказавъ, что непосредственно за подавляющимъ процентомъ православнаго населенія въ данномъ случаѣ слѣдуетъ процентъ населенія другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій; эти неправославные христіане даютъ собою 6% общаго количества обвиняемыхъ по суду, это нормально по отношенію къ $75^1/_2\%$ обвиняемыхъ православныхъ. Магометанъ несомнѣнно въ Московской губерніи меньше чѣмъ христіанъ неправославнаго вѣроисповѣданія; контингентъ ихъ и даетъ значительно меньшую процентную величину, доставляя всего $1^1/_2\%$ изъ общаго количества обвиняемымъ по суду.

Но евреевъ 17% слишкомъ! Въ сущности это огромная цифра. Какъ ни много евреевъ въ Москвѣ и Московской губерніи, но все же ихъ не столько, сколько французовъ, поляковъ, чеховъ, швейцарцевъ и т. д. и т. д. И однако рядомъ съ 6% обвиняемыхъ христіанъ *всѣхъ вѣроисповѣданій*, кромѣ православнаго, 17% слишкомъ обвиняемыхъ евреевъ. Эти 17% относятся къ 75% почти какъ 1:4. И это въ коренной русской странѣ, въ странѣ, гдѣ православное населеніе составляетъ подавляющее большинство!

Получивъ въ свое распоряженіе матерьялъ, которымъ мы пользуемся для настоящихъ выводовъ, мы сперва почти не повѣрили даннымъ—до такой степени эти 17% показались намъ маловѣроятными; мы обратились къ лицу, доставившему намъ матерьялъ, съ просьбой о провѣркѣ его... Но и послѣ провѣрки процентъ евреевъ обвиняемыхъ не измѣнился.

Не лишено также интереса и то, какъ распредѣляются обвиняемые по званіямъ и сословіямъ. Исходя изъ цифры 2.476 обвиняемыхъ, мы пришли къ слѣдующему:

Крестьянъ изъ этого количества	65%
Разночинцевъ	17%
Купцовъ	10%
Мѣщанъ	7%
Отставныхъ военныхъ и нижн. чин. около.	1%
Дворянъ около.	1/2%

Опять таки и въ этомъ есть кое-что не лишенное ха-актерности. 65% крестьянъ—это конечно естественно; на-еленіе губерніи въ подавляющемъ большинствѣ крестьян-тво. Но 10% купцовъ—это уже крупно; и въ особенности ю сравненіи съ ничтожными процентами отставныхъ воен-ныхъ, нижнихъ чиновъ и дворянъ. Что касается цифры коло 1%, выпадающаго на долю отставныхъ военныхъ и нижнихъ чиновъ, то она, можно сказать, представляетъ даже тѣчто отрадное, какъ явленіе дающее понятіе объ уровнѣ ицъ, прошедшихъ школу военной службы. Въ самомъ дѣ-тѣ: отставныхъ военныхъ и нижнихъ чиновъ въ сущности іемало; много между ними есть и людей, принадлежавшихъ ъ прежнее время къ той же средѣ крестьянскаго сословія, однако отставныхъ военныхъ и нижнихъ чиновъ менѣе 1% изъ общаго количества обвиняемыхъ по суду.

По роду преступленій, дѣла по которымъ разбираются ъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, общая циф-ра таковыхъ преступленій дробится слѣдующимъ образомъ:

Кражъ выпадаетъ.	72%
Грабежа	8 1/2%
Убійства	7 1/2%
Мошенничества	7%
Разбоя	3 1/2%
Прочихъ преступленій, какъ-то: святотатства, преступленій противъ нравственности и пр. .	1 1/2—2%

Преступленія, дѣла по которымъ разбираются безъ уча-стія присяжныхъ засѣдателей, группируются главнымъ обра-зомъ въ четыре отдѣла:

О бродягахъ—составляютъ изъ общаго количества	35°/₀
О нарушеніи питейнаго устава.	27°/₀
О преступленіяхъ противъ народнаго здравія. .	18°/₀
По преступленіямъ по службѣ, по присвоенію званій и пр.	20°/₀

Группа дѣлъ, возникающихъ по кражамъ 72°/₀. Затѣмъ процентъ дѣлъ по убійствамъ почти равняется проценту дѣлъ по грабежамъ и превышаетъ процентъ дѣлъ по мошенничествамъ; убійство есть послѣдній видъ преступныхъ дѣяній. И процентъ дѣлъ по убійствамъ выше процента дѣлъ по мошенничествамъ.

Далѣе 35°/₀ дѣлъ о бродягахъ. Особенно много бродягъ попадается именно въ Московской губерніи. Отчего же всевозможные шлёнды, бѣглые каторжники, стремятся изъ тюремъ и каторги въ Москву? Казалось бы и мѣсто отдаленное и попасться въ немъ легче, чѣмъ въ какомъ-нибудь захолустьи. Есть какое-то соображеніе, въ силу котораго весь этотъ людъ тяготѣетъ къ Москвѣ.

Москва—большой и, повидимому, благоустроенный городъ. Въ Москвѣ много полиціи и полиціи довольно исправной. Но не смотря на все это „спрятаться" въ Москвѣ возможнѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь Лукояновѣ, не говоря уже о томъ, что поживиться въ Москвѣ, найти себѣ разныя подозрительныя средства пропитанія возможнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Въ Москвѣ есть масса притоновъ, гдѣ укроютъ завѣдомаго каторжника, есть ночлежные дома, въ которыхъ не спрашиваютъ съ приходящаго его паспорта, есть Хитровъ рынокъ и множество трущобъ, есть русское обыкновеніе не особенно строго относиться къ прошенію милостыни на улицахъ. Гдѣ же, если не въ Москвѣ, можно найти все это?

А про нищенство въ Москвѣ нечего и говорить. По всей вѣроятности, ни въ одномъ благоустроенномъ городѣ не могло бы быть что-либо подобное. Нищіе въ Москвѣ пристаютъ повсемѣстно, провожаютъ на десятки саженъ и иногда въ своемъ обращеніи превышаютъ всякую мѣру нахальства. И это не только тамъ, гдѣ много ходитъ людей,

могущихъ подать милостыню, но даже въ глухихъ переулкахъ, въ мѣстностяхъ отдаленныхъ отъ центра. На протяженіи полуверсты непремѣнно пристанетъ три-четыре просителя. Между ними попадаются оборванцы, люди имѣющіе обликъ пропоицъ, но есть и такіе, обращеніе которыхъ къ вамъ прежде всего васъ удивляетъ...

Не лишена интереса и московская „консерваторская статистика“,—распредѣленіе количества учащихся по званіямъ, сословіямъ и роду занятій родителей учениковъ. Оказывается, что изъ 344 человѣкъ учащихся въ отчетномъ году было:

дѣтей офицеровъ и чиновниковъ	112
дѣтей ремесленниковъ	71
дворянъ	57
купцовъ.	52
крестьянъ	21
дѣтей лицъ духовнаго званія	18
дѣтей артистовъ	13
Итого . .	344 чел.

Выходитъ, что артисты-то и есть послѣдніе изъ желающихъ давать своимъ дѣтямъ артистическое образованіе. Это не дурно въ смыслѣ явленія довольно характернаго. Похоже на то, что офицерскимъ и чиновничьимъ дѣтямъ, а также дѣтямъ ремесленниковъ и купцовъ нравится избирать себѣ артистическую карьеру, дѣтямъ же артистовъ (по ихъ ли волѣ, или по волѣ ихъ родителей) приходится больше по сердцу карьера офицерская, чиновничья и пр., словомъ всякая кромѣ артистической. Совершенно вопреки законамъ наслѣдственной преемственности: нравится дѣлать въ предстоящей жизни то, чего не дѣлали наши отцы, или: пусть наши дѣти дѣлаютъ себѣ карьеру именно не ту, какую мы дѣлали.

Не менѣе странною кажется и слѣдующая черта „консерваторской статистики“. Оказывается, что южныя губерніи, отдаленныя отъ Москвы, какъ напр. Кіевская, Херсон-

ская, Екатеринославская, доставляютъ Московской консерваторіи гораздо большее количество учениковъ, чѣмъ ближайшія къ Москвѣ губерніи: Тульская, Калужская, Тверская, Ярославская Костромская, Нижегородская и т. д. Странность такого явленія усугубляется, конечно, еще тѣмъ, что южныя губерніи эти имѣютъ, такъ сказать, подъ бокомъ двѣ свои консерваторіи (въ Кіевѣ и въ Харьковѣ), для подмосковныхъ же и лежащихъ сѣвернѣе Москвы губерній, въ сущности, по части обученія музыкѣ, только и свѣта въ окошкѣ что Москва. И тѣмъ не менѣе губерніи эти доставляютъ по три-четыре ученика въ то время, какъ изъ трехъ южныхъ, помянутыхъ губерній, въ отчетномъ году значится поступившихъ сорокъ шесть учениковъ, изъ которыхъ одна Кіевская губернія выставила 24 учащихся. Изъ отдаленныхъ губерній восточной полосы выдѣляется довольно рѣзко Тамбовская губернія, давшая консерваторіи 12 учащихся, остальныя же фигурируютъ съ мелкими цифрами. Конечно, изъ всѣхъ губерній первое мѣсто занимаетъ Московская, выставившая одна чуть не четвертую часть всѣхъ учащихся, а именно 92 человѣка; но это, разумѣется, въ порядкѣ вещей.

Что не совсѣмъ въ порядкѣ вещей—это опять таки необычайный процентъ учениковъ евреевъ. На 233 православныхъ ученика приходится 51 ученикъ еврейскаго вѣроисповѣданія. Иначе говоря, евреи и тутъ составляютъ безъ малаго шестую часть всѣхъ учащихся и тутъ относятся къ русскимъ почти какъ 1: 4. Опять таки для центральнаго русскаго учебнаго заведенія это—болѣе чѣмъ много. Но ужъ, должно-быть, такова судьба наша: питать и воспитывать (себѣ не на радость, разумѣется) несчислимое количество евреевъ.

Интересный образчикъ такого питанія представляетъ собою одно изъ коренныхъ русскихъ селъ — подмосковное село Всѣхсвятское.

Расположенное сейчасъ же за Петровскимъ паркомъ, на

самомъ Петербургскомъ шоссе, близъ Ходынскаго поля, село Всѣхсвятское вытянулось своей широкой улицей слишкомъ на версту разстоянія. Всегда оно существовало въ условіяхъ весьма благопріятныхъ для благосостоянія мѣстнаго крестьянства—и разныя дачи подъ бокомъ, и лѣтняя лагерная стоянка войскъ совсѣмъ рядомъ,—всегда представляло собою образчикъ богатаго подмосковнаго села, съ хорошей каменной церковью, со множествомъ трактировъ по-случаю сильной проѣздности пролегающаго черезъ него шоссе, съ большой мѣстной школой. Нечего и говорить о томъ, что всегда оно было кореннымъ русскимъ селомъ, не питавшимъ въ нѣдрахъ своихъ ни единаго иновѣрца и тѣмъ паче ни единаго еврея. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ селѣ угнѣздились два-три еврея, какъ будто, повидимому, промысловъ ради; явились портной, сапожникъ, слесарь; далѣе явились картузникъ, часовщикъ и т. д. Прошло немного лѣтъ и село Всѣхсвятское украсилось вывѣсками разныхъ заведеній, содержимыхъ промышленниками евреями. Теперь уже евреевъ живетъ тамъ очень много; они уже сдѣлались, такъ сказать, коренными и постоянными сельчанами села Всѣхсвятскаго; они уже отправляютъ тамъ свое богослуженіе, выписывая для этого раввина изъ Москвы; во всемъ этомъ ихъ усердно поддерживаютъ богатые московскіе евреи...

— Но что же изъ этого?—спроситъ, быть можетъ, читатель.—Въ чемъ же тутъ бѣда? Очевидно, село, дѣлаясь все болѣе и болѣе промысловымъ и торговымъ, болѣе и болѣе богатѣетъ.

Увы! Далеко нѣтъ. Всѣхсвятское, напротивъ того, замѣтно бѣднѣетъ; хозяевамъ его дѣлается все хуже и хуже жить на свѣтѣ и отъ евреевъ quasi-промышленниковъ бѣдному селу приходится-таки жутко. Дѣло въ томъ, что вывѣски промышленныхъ заведеній, украшающія село Всѣхсвятское—невинный обманъ; на самомъ дѣлѣ за ними кроются кассы ссудъ, стоящія внѣ всякаго контроля и наблюденія, кассы ссудъ, въ паутинѣ которыхъ путаются и бьются безнадежно не только крестьяне села Всѣхсвятскаго, и не только крестья-

не другихъ окрестныхъ селъ и деревень, но даже солдатики, стоящіе въ лѣтнее время въ лагеряхъ по сосѣдству съ селомъ.

За послѣднее время дѣло дошло уже до того, что даже Всѣхсвятская земская школа начала мало-по-малу дѣлаться убѣжищемъ юныхъ еврейчиковъ, отцы которыхъ, сказать по правдѣ, имѣютъ весьма малое касательство къ земству Московскаго уѣзда. Положимъ, что въ школѣ юные галилеяне наталкиваются на нѣкоторое стѣсненіе, вызываемое христіанскими порядками, въ школѣ господствующими: имъ приходится лишаться тамъ жидовской субботы и взамѣнъ этого лишенія получать уроки закона Божія. Вѣроятно, это дѣлается изъ желанія хоть какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь обрусить молодыхъ евреевъ; и, разумѣется, прекрасно, что оно дѣлается. Но, грѣшнымъ дѣломъ, мы не вѣримъ въ возможность обрусить еврея, хотя начавъ эту операцію съ десятилѣтняго возраста подвергающагося такому опыту субъекта. Намъ кажется, что юный еврейчикъ можетъ остаться безъ субботы, можетъ выдолбить хоть всѣ тексты православнаго катехизиса, можетъ подвергаться сколько угодно вліянію своихъ товарищей, русскихъ мальчугановъ, и все-таки онъ не обрусѣетъ. Скорѣе ожидовѣютъ эти самые русскіе мальчуганы, чѣмъ обрусѣетъ ихъ сотоварищъ еврейчикъ. Такая ужь закваска дается представителямъ еврейскаго племени чуть не отъ пеленокъ. Дѣло, доказанное неоднократнымъ опытомъ, что даже ребенокъ-еврей располагаетъ достаточной для его нѣжнаго возраста дозой ненавистничества и презрѣнія ко всему нееврейскому. За подтвержденіемъ этого рекомендуемъ обратиться къ различнымъ корреспонденціямъ изъ юго-западнаго края, помѣщаемымъ въ газетахъ, совершенно чуждыхъ еврейскаго вліянія (съ Божіей помощью на Руси водятся еще и такіе органы печати).

Обширное еврейское дѣло о сбытѣ фальшивыхъ кредитокъ (Залкиндъ, Грюнбаумъ и К°), о которомъ мы сообщали въ свое время, еще не назначено къ слушанію; однородное же съ нимъ, и тоже еврейское дѣло объ изготовленіи и сбытѣ фальшивыхъ купоновъ (Розенталь и К°), хотя и

назначено вторично къ слушанію, снова было отложено: обвиняемая сторона отвела изъ двадцати наличныхъ присяжныхъ трехъ человѣкъ—и дѣло не могло слушаться.

Похоже на то, что гг. евреямъ, продѣлавшимъ всю ловкую штуку съ фальшивыми купонами, хочется по возможности оттянуть слушаніе дѣла, чего они на сей разъ и достигли, благодаря случайно благопріятствовавшимъ имъ обстоятельствамъ. Но намъ сдается, что положеніе могло бы быть инымъ, еслибъ всѣ сотрудники г. Розенталя, какъ и всѣ сотрудники гг. Залкинда съ Грюнбаумомъ, обвиняемые по суду въ этихъ двухъ дѣлахъ, находились подъ замкóмъ, въ хорошо огражденной отъ внѣшняго міра, истинной пристани ихъ жизнедѣятельности, преисполненной треволненій и аферъ. А то гуляютъ иные изъ нихъ на свободѣ, имъ и на руку откладывать судоговореніе. Находись всѣ обвиняемые подъ стражей—положеніе было бы иначе: тогда откладыванье слушанія процесса прямо было бы неудобно обвиняемой сторонѣ.

Мѣшаетъ въ данномъ случаѣ тотъ избытокъ гуманности, который проходитъ сквозь всю систему нашего уголовнаго судопроизводства и тюремнаго управленія. Въ примѣненіи ко многимъ случаямъ это неудобно.

Вотъ, напримѣръ, недавно по Москвѣ начали опять гулять фальшивые купоны. Повидимому, это новое произведеніе искусства есть дѣло, до Розенталевской компаніи не касающееся, такъ какъ компанія больше практиковалась по части купоновъ отъ выигрышныхъ займовъ и Московскаго земельнаго банка, а вновь появившіеся купоны — отъ серій Государственнаго казначейства. Все бы было какъ будто спокойнѣе, еслибъ гг. изготовители и сбыватели фальшивыхъ денегъ сидѣли въ вѣрномъ мѣстѣ, благо, что они уже преданы суду....

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Возобновленный походъ на русскіе финансы и опубликованіе баланса обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ и расходовъ за 1887 годъ.—Дѣятельность сберегательныхъ кассъ государственнаго банка.—Итоги нашихъ торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ.—Сомнѣнія въ существованіи сельско-хозяйственнаго кризиса.—Помощь земледѣлію тарифными ставками.—Промышленныя училища.—Прибалтійская оппозиція передъ судомъ западно-европейской печати и демонстративный приговоръ эстляндскаго оберъ-ландгерихта.

Перемѣна царствованія въ Германіи, возвѣстившая рѣшительный поворотъ къ миролюбію во внѣшней политикѣ, не удержала враждебную намъ германскую печать, искусившуюся въ ложныхъ толкованіяхъ явленій русской государственной и общественной жизни, отъ возобновленія похода на русскіе финансы. На этотъ разъ, однако, попытка гласныхъ пособниковъ берлинской биржевой интриги подорвать русскій государственный кредитъ потерпѣла полную неудачу. Чтобы вывести изъ заблужденія читателей „Koelnischer Zeitung" и другихъ органовъ систематическаго хуленія Россіи, наше министерство финансовъ тоже прибѣгло къ гласности и противопоставило лишеннымъ всякаго основанія инсинуаціямъ цифровыя данныя о поступленіи обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ за 1887 годъ. Такія свѣдѣнія впервые публикуются у насъ въ мартѣ мѣсяцѣ, т. е. за полгода раньше обычнаго времени обнародованія отчета государственнаго контролера.

Оказывается, что въ теченіе 12 мѣсяцевъ 1887 г. государственныхъ доходовъ, обыкновенныхъ и оборотныхъ, въ счетъ росписи 1887 г. поступило 809,3 милл. рубл., болѣе противъ 1886 г. на 73,7 милл. руб. или на 10 процентовъ. Со включеніемъ же доходовъ за 1886 г., поступившихъ въ 1887 году въ теченіе льготнаго срока (т. е. до 30 апрѣля), а равно бывшихъ въ 1887 г. поступленій въ счетъ будущихъ смѣтъ, общая сумма обыкновенныхъ и оборотныхъ доходовъ за 12 мѣсяцевъ 1887 года опредѣляется въ 830,9 милл. р., тогда какъ въ 1886 г. соотвѣтствующая сумма составила всего 754,4 милл. р. Такимъ образомъ общее поступленіе всѣхъ обыкновенныхъ и оборотныхъ доходовъ въ теченіе 1887 (гражданскаго) года превысило такое же поступленіе предъидущаго года на 76,5 милл. или на 10,1%. Сравнительно съ смѣтнымъ назначеніемъ въ 796,4 милл. по росписи 1887 г. для обыкновенныхъ и оборотныхъ доходовъ, въ счетъ означенной росписи поступило 809,3 милл., болѣе на 12,9 милл. р., такъ что дѣйствительное поступленіе въ счетъ росписи 1887 года за 12 мѣсяцевъ составило 101,6% смѣтныхъ назначеній на 1887 годъ; въ предъидущемъ же, 1886-мъ, году дѣйствительное поступленіе (735,6 милл.) въ счетъ росписи 1886 г. было менѣе смѣтнаго предположенія (794 милл.) на 58,4 милл. р. и составило лишь 92,6% смѣтныхъ назначеній.

Что касается расходовъ, то въ теченіе 1887 г. ихъ произведено всего на 832,2 милл. Въ этой суммѣ заключается:

расходовъ обыкновенныхъ, покрываемыхъ бюджетными средствами 1887 г.	765,3	милл.	р.
расходовъ обыкновенныхъ льготнаго срока, покрываемыхъ остатками отъ бюджетныхъ средствъ отд. вѣдомствъ.	25,8	"	"
расходовъ за счетъ истекшихъ смѣтъ, предшествующихъ 1886 году. . .	31,9	"	"
авансовыхъ платежей въ счетъ росписи 1888 года.	9,2	"	"
Итого.	832,2	милл.	р.

Если окончательно остановиться на этой цифрѣ, то получится незначительный дефицитъ въ 1,3 милл. рублей. Но такое заключеніе было бы невѣрно. За неполученіемъ окончательныхъ свѣдѣній о распредѣленіи расходовъ на обыкновенные и чрезвычайные, всѣ расходы, сдѣланные въ 1887 году за счетъ смѣтъ истекшихъ лѣтъ, приняты какъ *обыкновенные*. Между тѣмъ, если въ 1887 г. *чрезвычайныхъ* расходовъ за счетъ истекшихъ смѣтъ сдѣлано столько же, какъ и въ 1886 году, т. е. 6,9 милл., то въ счетъ обыкновенныхъ расходовъ по этой рубрикѣ надобно включить только 25 милл. руб. вмѣсто 31,9 милл. руб. Принимая въ соображеніе это замѣчаніе, получится, что въ теченіе 12 мѣсяцевъ 1887 года за счетъ всѣхъ росписей, подлежавшихъ выполненію, обыкновенныхъ и оборотныхъ доходовъ поступило 830.868.000 руб., а обыкновенныхъ и оборотныхъ расходовъ исполнено 825.335.000 р., т. е. въ результатѣ получится не дефицитъ, а избытокъ доходовъ надъ расходами слишкомъ въ 5½ милл. рублей.

Сбитая съ своихъ боевыхъ позицій, германская печать попыталась сначала вышутить опубликованныя оффиціальнымъ органомъ министерства финансовъ свѣдѣнія объ исполненіи нашей государственной росписи за 1887 годъ, такъ какъ опубликованіе этихъ свѣдѣній пришлось по новому стилю въ день шутливыхъ обмановъ — 1-го апрѣля; но такая выходка показалась грубою шуткою самимъ нѣмцамъ. Биржевые интриганы спохватились и придумали увертку: они стали намекать, что въ неопубликованномъ *чрезвычайномъ* бюджетѣ скрываются, будто бы, обстоятельства, неблагопріятныя для финансоваго положенія Россіи. Въ нашихъ глазахъ такая инсинуація смѣшна; мы очень хорошо знаемъ, что на чрезвычайный бюджетъ въ нашей государственной росписи относятся *исключительно* расходы на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ, т. е. на предпріятія, непосредственно содѣйствующія подъему производительныхъ силъ страны. Но въ Германіи принятъ иной порядокъ. Тамъ на чрезвычайный бюджетъ относятся исключительно кредиты для военныхъ надобностей, т. е. самые тяжелые

для государства. Понятно, стало быть, на что разсчитывали германскія газеты, указывая своимъ читателямъ на неизвѣстность итога нашихъ чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ за 1887 годъ. Понятно также, что не въ интересахъ берлинской биржевой интриги и ея пособниковъ напоминать германскимъ владѣльцамъ русскихъ фондовъ о томъ, что на текущій 1888 годъ наша государственная роспись, со включеніемъ въ нее и *чрезвычайныхъ* расходовъ, сведена безъ дефицита.

Однимъ изъ признаковъ увеличенія платежной силы населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпеченія государственныхъ доходовъ, служитъ возрастаніе вкладовъ въ сберегательныя кассы.

Къ началу нынѣшняго царствованія, т. е. къ 1881 году, у насъ дѣйствовали 62 сберегательныя кассы государственнаго банка: 2 столичныя съ ихъ 9-ю отдѣленіями и 51 провинціальная. Во всѣхъ этихъ кассахъ состояло до 100.300 вкладчиковъ съ 8.820.000 р. вкладовъ; средній вкладъ составлялъ 88 р. 93 к. Учреждать сберегательныя кассы помимо своихъ конторъ и отдѣленій государственный банкъ не имѣлъ права. Уставомъ 1862 года дѣло учрежденія кассъ при городскихъ думахъ, общественныхъ банкахъ и уѣздныхъ казначействахъ было предоставлено исключительно почину городскихъ обществъ. Но къ этому дѣлу городскія думы отнеслись крайне равнодушно. Во всей Россіи ими было учреждено къ 1881 году только 14 сберегательныхъ кассъ: 1 при городской думѣ (Кіевской), 5 при общественныхъ банкахъ и 8 при уѣздныхъ казначействахъ. Во всѣхъ этихъ 14 сберегательныхъ кассахъ числилось до 3.800 вкладчиковъ съ 137.000 вкладовъ; средняя величина вклада равнялась 36 р. 5 к.

Съ половины 1881 года начинается оживленіе оборотовъ и развитіе сберегательныхъ кассъ, въ чемъ нельзя не признать заслуги бывшаго министра финансовъ Н. Х. Бунге. Имъ повышенъ процентъ на вклады съ 3 на 4 и предпринятъ рядъ послѣдовательныхъ улучшеній: 1) сокращена зна-

чительная часть формальностей, существовавшихъ прежде при пріемѣ и выдачѣ вкладовъ; 2) увеличены число присутственныхъ дней и самая продолжительность занятій должностныхъ лицъ въ столичныхъ кассахъ; 3) открыты 23 новыя отдѣленія при столичныхъ кассахъ и 41 сберегательная касса въ провинціи, при конторахъ и отдѣленіяхъ государственнаго банка; наконецъ, 4) въ силу Высочайше утвержденнаго 21-го февраля 1884 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, государственный банкъ учредилъ 461 сберегательную кассу при губернскихъ, областныхъ, окружныхъ и уѣздныхъ казначействахъ. Для привлеченія вкладчиковъ тѣмъ же банкомъ отпечатано и разослано, въ количествѣ 100.000 экземпляровъ, по волостнымъ и сельскимъ управленіямъ, фабрикамъ, торговымъ заведеніямъ, краткое изложеніе правилъ о дѣйствіяхъ сберегательныхъ кассъ. Всѣ эти мѣры, разумѣется, не породили народныхъ сбереженій, но разнымъ категоріямъ тружениковъ облегчили и расширили доступъ къ мѣстамъ надежнаго храненія и приращенія ихъ сбереженій. По мѣрѣ открытія такихъ мѣстъ стали накопляться и сбереженія. Обороты сберегательныхъ кассъ достигли крупныхъ размѣровъ. За время 1881 — 1887 годовъ поступило на приходъ свыше 132 милліоновъ рублей и востребовано обратно вкладчиками свыше 73 мил. рублей. Къ 1-му января 1888 года сберегательныя кассы, въ числѣ 596, существовали во всѣхъ губернскихъ и областныхъ городахъ Имперіи, почти во всѣхъ уѣздныхъ и окружныхъ городахъ Европейской Россіи, во многихъ городахъ Сибири (не исключая и Амурской области) и въ русскихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ. Сберегательныя кассы имѣются теперь въ Батумѣ, Ардаганѣ, Мервѣ и въ другихъ въ недавнее время присоединенныхъ къ Россіи мѣстностяхъ, тогда какъ 7 лѣтъ раньше ихъ не было и въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ, напримѣръ, въ Черниговѣ, Новгородѣ, Петрозаводскѣ. 1886 годъ былъ самымъ дѣятельнымъ по открытію новыхъ сберегательныхъ кассъ въ значительной части уѣздныхъ городовъ, и съ этого же времени начинается быстрое возрастаніе вкладовъ.

За одинъ годъ, съ 1-го января 1887 г. по 1 января 1888 г., это возрастаніе опредѣлилось въ 23.767.446 р. Къ послѣднему сроку оставалось:

	въ С.-Петербургѣ,	въ Москвѣ,	въ друг. гор.	Всего
Книжекъ . .	73.939	45.749	296.564	416.252
Взносовъ . .	8.163.676 р.	6.211.296 р.	53.294,045 р.	67.669.017 р.

Не смотря, однако, на то, что въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ число вкладчиковъ учетверилось, а общая сумма вкладовъ увеличилась слишкомъ въ $7^1/_2$ разъ, существующія сберегательныя кассы государственнаго банка не могутъ считаться учрежденіями, приспособленными къ накопленію сбереженій *народныхъ* въ тѣсномъ смыслѣ слова. Можно сказать даже, что прежде онѣ въ большей мѣрѣ наполнялись сбереженіями рабочихъ. Съ открытіемъ сберегательныхъ кассъ почти во всѣхъ уѣздныхъ городахъ, т. е. съ географическимъ приближеніемъ ихъ къ деревнямъ, вклады не измельчали, какъ это случилось бы непремѣнно, еслибы начался усиленный приливъ вкладчиковъ изъ среды рабочихъ—ремесленниковъ, фабричныхъ и земледѣльцевъ,—а напротивъ стали крупнѣе почти вдвое. Нынѣшній средній вкладъ, въ 162 р. 56 к., слишкомъ великъ для простаго рабочаго, отношеніе же общаго числа вкладчиковъ къ общему числу населенія Имперіи (0, 4: 100) слишкомъ ничтожно, чтобы можно было утверждать, будто сберегательная касса заступила у насъ мѣсто кабака для простаго народа. Еще менѣе основательно связывать развитіе оборотовъ сберегательныхъ кассъ съ отмѣною подушной подати. Совпаденіе по времени обоихъ явленій—простая случайность; между ними нѣтъ никакого взаимодѣйствія, никакой причинной связи. На отсутствіе такого взаимодѣйствія и такой связи ясно указываетъ тотъ фактъ, что по мѣрѣ распространенія сберегательныхъ кассъ въ глубь Россіи, въ провинцію, по мѣрѣ приближенія ихъ къ малоимущему населенію, ищущему заработковъ въ отхожихъ промыслахъ, средняя величина вкладовъ становится крупнѣе. Вышеприведенныя цифровыя данныя о числѣ книжекъ и суммѣ взносовъ даютъ возможность вычислить, что средній вкладъ въ Петербургѣ не превышаетъ 110 р.

41 коп., въ Москвѣ онъ доходитъ до 135 р. 76 коп., а въ провинціальныхъ городахъ до 179 р. 70 коп. Очевидно, что большинство 296 тыс. провинціальныхъ вкладчиковъ или вовсе не принадлежитъ къ средѣ бывшихъ плательщиковъ подушной подати, или составляетъ такую ихъ часть, во всякомъ случаѣ весьма малую, для которой подушная подать не была хозяйственнымъ бременемъ, а потому и препятствіемъ къ сбереженіямъ. Мы склонны думать (въ этомъ убѣждаютъ насъ только-что приведенныя цифры), что провинціальныя сберегательныя кассы государственнаго банка менѣе всего коснулись податныхъ сословій и вообще рабочихъ. Ихъ вкладчиками, какъ и въ столицахъ, являются по преимуществу ремесленники-хозяева, мастера на фабрикахъ и заводахъ, большею частію не русскаго происхожденія, лица, состоящія на государственной службѣ и занимающія разныя должности по найму на службѣ общественной и частной, въ канцеляріяхъ, конторахъ, торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ, а также сельское и городское духовенство. Возрастаніе сбереженій всѣхъ этихъ лицъ по мѣрѣ удаленія отъ Петербурга объясняется, на нашъ взглядъ, прежде всего меньшею, сравнительно съ Петербургомъ, дороговизною жизни въ Москвѣ и въ провинціи, затѣмъ меньшимъ соблазномъ развлеченій, болѣе умѣренными привычками или потребностями въ предметахъ роскоши, большею простотою костюмовъ и домашней обстановки, наконецъ, бо́льшимъ развитіемъ семейной жизни. Можетъ статься, что и сельское кулачество не чуждается сберегательныхъ кассъ, учреждаемыхъ при уѣздныхъ казначействахъ, куда, за отсутствіемъ банковъ, оно помѣщаетъ свои барыши временно, до раздачи ихъ въ ссуды крестьянамъ земледѣльцамъ и кустарямъ на гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ. Не изъ представителей чернаго труда, а изъ такъ называемой интеллигенціи, рабочей и служебной, набирается повсемѣстно главный контингентъ вкладчиковъ въ сберегательныя кассы государственнаго банка. Эти кассы едва-ли еще въ состояніи конкурировать „въ народѣ“ съ кабакомъ; но при дальнѣйшемъ ихъ развитіи, съ пониженіемъ взносовъ до копѣеч-

наго размѣра (теперь минимальный взносъ 25 коп.) и съ осуществленіемъ уже выработаннаго государственнымъ банкомъ проекта открытія сберегательныхъ кассъ при почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ, весьма вѣроятно, что кабакъ потерпитъ нѣкоторое пораженіе, особенно если вкладныя книжки будутъ вполнѣ ограждены, подобно полисамъ по страхованію капиталовъ и доходовъ, отъ захватовъ за недоимки и на покрытіе разныхъ правительственныхъ или частныхъ взысканій.

Весьма важныя свѣдѣнія по статистикѣ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій собраны и приведены въ систематическій порядокъ департаментомъ мануфактуръ и торговли. По объясненію „Вѣстника Финансовъ", такого рода свѣдѣнія прежде не могли быть ни точны, ни полны, такъ какъ данныя о торговыхъ документахъ, выдаваемыхъ на торгово-промышленное лицо или заведеніе, вовсе не выражаютъ собою точно опредѣленнаго числа лицъ или заведеній и не только не даютъ классификаціи предпріятій по родамъ и видамъ производства, но не всегда даже указываютъ, сколько документовъ взято на промышленное и сколько на торговое дѣло. Только съ установленіемъ въ 1885 году дополнительнаго обложенія раскладочнымъ сборомъ содержимыхъ по гильдейскимъ документамъ частныхъ предпріятій, явилась возможность имѣть числовыя данныя болѣе точныя, болѣе разнообразныя и полныя, по крайней мѣрѣ, относительно самой главной категоріи предпріятій, чѣмъ хотя отчасти восполняется существенный пробѣлъ въ нашей торгово-промышленной статистикѣ.

По закону 15 января 1885 года, раскладочному сбору подлежатъ всѣ торговыя и промышленныя предпріятія, уплачивающія гильдейскія пошлины и принадлежащія отдѣльнымъ лицамъ или товариществамъ, полнымъ и на вѣрѣ, съ исключеніемъ изъ нихъ заводовъ и фабрикъ, подлежащихъ платежу акцизныхъ сборовъ. Поэтому въ изданіе департа-

мента мануфактуръ и торговли [1]) не вошли предпріятія, которыя принадлежатъ *акціонернымъ* обществамъ, *паевымъ* товариществамъ, или обществамъ, основаннымъ на *круговой порукѣ* (слѣдовательно, всѣ желѣзныя дороги, крупнѣйшія пароходныя предпріятія, страховыя и перевозочныя общества, банки коммерческіе, городскіе общественные, земельные, взаимнаго кредита и правительственные, акціонерные и казенные заводы и фабрики), а также тѣ изъ промышленныхъ предпріятій, которыя уплачиваютъ акцизные сборы (винокурни, пивоварни, водочные, дрожжевые, паточные и свеклосахарные заводы). Независимо отъ этого, въ изданіе департамента не вошли предпріятія, содержимыя по гильдейскимъ свидѣтельствамъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири, въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ, въ Закавказскомъ краѣ и въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ, такъ какъ раскладочный сборъ введенъ лишь въ губерніяхъ Европейской Россіи (въ томъ числѣ въ Ставропольской губерніи съ Кубанскою и Терскою областями), въ Царствѣ Польскомъ и въ 4 сибирскихъ губерніяхъ: Енисейской, Иркутской, Томской и Тобольской. При всемъ томъ „Статистическіе результаты" представляютъ итоги очень крупные.

Общее число предпріятій, подлежащихъ раскладочному сбору, опредѣляется въ 133.203, а число хозяевъ въ 83.273. Для всѣхъ 123.203 предпріятій, въ 1885 году участвовавшихъ въ сборѣ (10.000 изъ нихъ были освобождены отъ платежей) и принадлежавшихъ 70.023 хозяевамъ, общая сумма годоваго оборота опредѣлилась въ 5.443.075.800 р., т. е. по 44.180 р. на каждое предпріятіе, а сумма годовыхъ прибылей въ 183.079.610 р., или по 2.614 р. на хозяина.

Такое развитіе торговой и промышленной дѣятельности едва-ли указываетъ на оскудѣніе въ нашемъ отечествѣ источниковъ государственныхъ доходовъ и едва-ли оправдываетъ жалобы нашихъ торговцевъ и промышленниковъ на тяжелыя

---

[1]) Изданіе это озаглавлено: „Статистическіе результаты раскладочнаго сбора за 1885 годъ".

времена. При этомъ, для надлежащей оцѣнки приведенныхъ итоговъ, необходимо имѣть въ виду естественное стремленіе плательщиковъ раскладочнаго сбора къ уменьшенію въ своихъ показаніяхъ цифръ оборотовъ и прибылей. Провѣрка этихъ показаній по книгамъ, къ сожалѣнію, не всегда удобная и даже возможная, по всей вѣроятности, обнаружила бы гораздо болѣе крупныя величины.

Группировка торговыхъ и промышленныхъ предпріятій по категоріямъ, опредѣляемымъ размѣрами ихъ годовыхъ оборотовъ, даетъ весьма интересныя въ экономическомъ отношеніи указанія:

	Число предпріятій.	Годовой оборотъ въ милл. рубл.
Съ оборотомъ въ 1 милл. р. и болѣе:		
предпріятій торговыхъ . . .	530	2.279,6
„ промышленныхъ .	46	69,1
Съ оборотомъ отъ 500 т. до 1 милл. рублей:		
предпріятій торговыхъ . . .	624	426,5
„ промышленныхъ .	122	75,6
Съ оборотомъ отъ 250 т. до 500 т. рублей:		
предпріятій торговыхъ . . .	1.068	395,5
„ промышленныхъ .	245	80,9
Съ оборотомъ отъ 100 т. до 250 т. рублей:		
предпріятій торговыхъ . . .	3.903	536,9
„ промышленныхъ .	772	107,7
Съ оборотомъ отъ 50 т. до 100 т. рублей:		
предпріятій торговыхъ . . .	5.603	353,3
„ промышленныхъ .	1.187	73,8
Съ оборотомъ отъ 10 т. до 50 т. р.:		
предпріятій торговыхъ . . .	36.374	686,4
„ промышленныхъ .	4.994	102,3
Съ оборотомъ менѣе 10 т. рублей:		
предпріятій торговыхъ . . .	63.032	236,2
„ промышленныхъ .	4.698	19,2

Изъ этихъ данныхъ видно, что развитіе у насъ торговой и промышленной предпріимчивости идетъ не одною дорогою. Въ то время какъ въ области торговли крупныя предпріятія, съ годовымъ оборотомъ въ милліонъ и болѣе рублей, пріобрѣли подавляющее значеніе,—въ области промышленности первенствующее мѣсто принадлежитъ предпріятіямъ средней величины, съ оборотомъ отъ 100 до 250 т. рублей. Мелкая промышленность, съ годовымъ оборотомъ менѣе 10 т. рублей, рѣшительно уступила мѣсто болѣе крупной предпринимательской дѣятельности непосредственно надъ нею стоящаго разряда, тогда какъ численность мелкихъ торговцевъ является не только преобладающею, но и подавляющею, значительно превосходя собою численность всѣхъ остальныхъ предпринимателей вмѣстѣ взятыхъ, при сравнительно малой суммѣ годоваго оборота —менѣе 3.764 руб. на предпріятіе, въ среднемъ выводѣ.

Такимъ образомъ, Россія въ настоящее время представляется, въ промышленномъ отношеніи, страною производствъ по преимуществу средней величины: сумма годовыхъ оборотовъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій (свыше 250 т. рублей) въ общей сложности менѣе суммы годовыхъ оборотовъ среднихъ предпріятій (отъ 10 до 250 тыс. рублей). Поэтому крупные промышленники еще не могутъ у насъ стать монополистами, подобно крупнымъ торговцамъ, и окружить себя толпою услужливыхъ коммисіонеровъ, мелкихъ скупщиковъ и розничныхъ продавцевъ,—толпою предпринимателей, не имѣющихъ никакой самостоятельности и безсильныхъ устанавливать рыночныя цѣны. Не вошедшія въ настоящій разсчетъ акціонерныя предпріятія только усиливаютъ торговыя монополіи, облегчая стачки между крупными предпринимателями, въ рукахъ которыхъ они находятся, или непосредственно устраивая стачки между собою: таковы взаимные договоры страховыхъ обществъ, синдикаты банковъ, устраиваемые съ цѣлью поднятія или пониженія курса тѣхъ или другихъ цѣнностей и т. д.

Покуда самыя крупныя предпріятія, съ милліонными оборотами, обѣихъ категорій сосредоточены у насъ въ немно-

гихъ мѣстностяхъ. Изъ общаго числа 576 такихъ предпріятій насчитывается: въ С.-Петербургской губерніи 238, въ Московской 168, въ Херсонской (съ Одессою и Николаевомъ) 31, въ Лифляндской 22, въ Екатеринославской 16, во Владимірской 11, въ Кіевской 10, въ Харьковской 8, да изъ польскихъ губерній: въ Петроковской 13 и въ Варшавской 12, т. е. въ 10 губерніяхъ 529 предпріятій. На всѣ остальныя губерніи приходится 47 предпріятій съ годовыми оборотами въ 1 милл. руб. и болѣе.

Мы видѣли, что огульныя жалобы нашихъ торговцевъ и промышленниковъ на тяжелыя времена едвали заслуживаютъ серьезнаго вниманія, но нельзя того же сказать о жалобахъ нашихъ сельскихъ хозяевъ. Въ послѣднее время, въ повременной печати и въ спеціально занимающихся экономическими вопросами ученыхъ обществахъ, было возбуждено сомнѣніе въ дѣйствительности существованія у насъ сельско-хозяйственнаго кризиса. Увѣряли, что наши землевладѣльцы страдаютъ не отъ упадка цѣнъ на хлѣбъ, а отъ собственнаго невѣжества, отъ неумѣнія распорядиться естественными силами почвы, отъ того, наконецъ, что они производятъ зря, не примѣняясь къ требованіямъ рынка. Всѣ подобныя разсужденія мы считаемъ по меньшей мѣрѣ праздными: они не безполезны для выясненія *причинъ* кризиса, но вовсе не отвѣчаютъ на поставленный вопросъ: существуетъ ли кризисъ, или нѣтъ?

Экономическая болѣзнь всегда распознается по ея наружнымъ проявленіямъ, по такъ-называемымъ симптомамъ; проявленіями же или симптомами сельско-хозяйственнаго кризиса служатъ: настолько низкія цѣны на сельско-хозяйственные продукты, производимые обычными способами и въ обычномъ количествѣ, что ими не окупается стоимость производства со включеніемъ установившейся въ каждой мѣстности арендной платы за землю, затѣмъ—пониженіемъ ренты и паденіемъ продажныхъ цѣнъ на земли. Всѣ эти явленія у насъ на лицо, а потому сельско-хозяйственный

кризисъ существуетъ несомнѣнно. Мы вполнѣ присоединяемся въ этомъ отношеніи ко взгляду кн. Друцкого-Сокольницкаго, высказанному имъ въ статьѣ, напечатанной въ предъидущей книжкѣ „Русскаго Вѣстника", хотя далеко не раздѣляемъ мнѣній почтеннаго автора о нѣкоторыхъ мѣрахъ министерства финансовъ.

Различными хозяевами кризисъ переносится съ большею трудностію или съ большею легкостію, но онъ особенно тяжелъ для тѣхъ изъ нихъ, которые обязаны срочными платежами по ссудамъ подъ залогъ имѣній, потому что размѣры этихъ платежей не уменьшаются, тогда какъ доходы съ имѣній сокращаются изъ года въ годъ. Не удивительно, что задолжавшіе землевладѣльцы и говорятъ громче другихъ о бѣдѣ, постигшей сельскихъ хозяевъ, и настойчивѣе другихъ домогаются правительственной помощи то въ видѣ разсрочки платежей по ссудамъ, то посредствомъ пониженія перевозочныхъ желѣзно-дорожныхъ тарифовъ на хлѣбные грузы.

Вопросъ объ этихъ тарифахъ уже поднятъ и къ осени настоящаго года, вѣроятно, будетъ разрѣшенъ окончательно особымъ совѣщаніемъ изъ министровъ финансовъ, государственныхъ имуществъ, путей сообщенія и государственнаго контролера подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента государственной экономіи. Совѣщанію этому еще въ прошломъ году поручено „обсужденіе необходимыхъ измѣненій въ установленныхъ желѣзными дорогами хлѣбныхъ тарифахъ и самое урегулированіе оныхъ, сообразно съ потребностями нашей вывозной торговли и сельско-хозяйственной промышленности страны, а равно и съ интересами государственнаго казначейства". Часть предпринятой работы была тогда же возложена на представителей названныхъ министерствъ, государственнаго контроля и всѣхъ частныхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ, но труды этого „подготовительнаго" совѣщанія дали лишь отрицательные результаты. Ихъ работа оказалась несоотвѣтствующею постановленной комитетомъ министровъ цѣли ни въ смыслѣ упорядоченія тарифовъ сообразно съ потребностями нашей вывозной тор-

говли и сельской промышленности, ни въ интересахъ государственнаго казначейства. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя мысли, высказанныя въ особомъ мнѣніи представителемъ министерства государственныхъ имуществъ, заслуживаютъ полнаго вниманія.

По заявленію этого лица, большинство желѣзныхъ дорогъ, въ прошломъ году, добровольно понизило на половину слишкомъ высокіе, предѣльные по уставамъ, мѣстные тарифы на перевозку хлѣба, но многія дороги въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ максимальныхъ тарифахъ пониженія не сдѣлали. Благодаря сдѣланнымъ пониженіямъ, экспортъ русскаго хлѣба увеличился до небывалыхъ размѣровъ. Само собою разумѣется, что польза, принесенная желѣзными дорогами отечественному производству, увеличилась бы еще болѣе, еслибы всѣ дороги сдѣлали надлежащія пониженія въ тарифахъ, что-де настоятельно необходимо, такъ какъ, и послѣ сдѣланныхъ пониженій, русскіе тарифы, въ средней сложности, почти вдвое выше американскихъ, по которымъ перевозится хлѣбъ, конкурирующій съ нашимъ въ Европѣ.

Тарифы прямаго сообщенія представляютъ еще болѣе разнообразія и произвола; въ общемъ, ихъ нельзя считать чрезмѣрно пониженными, такъ какъ большинство даетъ ставки въ $^1/_{50}$—$^1/_{65}$ и только немногіе, исключительные тарифы, по преимуществу на Кенигсбергъ [1]), понижаются еще болѣе и доходятъ до $^1/_{76}$; но доли дорогъ, изъ которыхъ слагается общая сумма тарифовъ прямаго сообщенія, представляютъ, повидимому, ничѣмъ не оправдываемыя несообразности: въ то время какъ однѣ изъ дорогъ, участвующихъ въ перевозкѣ въ прямомъ сообщеніи, берутъ по $^1/_{24}$ к. съ пудоверсты, а вмѣстѣ съ дополнительными платежами по $^1/_{16}$ коп., другія дороги въ томъ же сообщеніи понижаютъ свою долю до $^1/_{113}$ съ пудоверсты. Это разнообразіе ставокъ въ дѣйствительности объясняется тѣмъ, что первыя дороги не побуж-

[1]) Т. е. къ иностранному порту, въ прямой ущербъ русскому отпускному порту въ Либавѣ.

даются къ пониженію тарифа ни конкуренціей водяныхъ сообщеній, ни соперничествомъ другихъ желѣзныхъ дорогъ, вторыя же, напротивъ, желаютъ захватить грузъ, который можетъ быть перевезенъ другими путями. Просматривая тарифы, мы находимъ въ нихъ и различные другіе недостатки, именно: весьма часто они не соотвѣтствуютъ разстояніямъ,— на двѣнадцати и болѣе станціяхъ одной дороги, несмотря на приближеніе къ пункту сбыта, оставляется одна и та же провозная плата; за кратчайшія разстоянія взимается плата дороже, чѣмъ за дальнѣйшія; грузъ вынуждаютъ везти кружнымъ путемъ, когда есть другой, болѣе прямой. По большей части всѣ эти неправильныя распоряженія дорогъ, возбуждающія жалобы сельскихъ хозяевъ и хлѣботорговцевъ, обусловливаются договорами дорогъ, нигдѣ не предъявленными, правительствомъ не утвержденными, которымъ дано названіе картелей, но которые было бы правильнѣе назвать стачками; ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы оно дало свою санкцію такимъ тарифамъ, заслуживающимъ полнаго осужденія, по меньшей мѣрѣ неудобно...

Интересы государства, по отношенію къ тарифамъ, имѣютъ гораздо болѣе общаго съ интересами земледѣлія, нежели съ интересами желѣзныхъ дорогъ, несмотря на то, что государство гарантировало доходъ дорогъ. Слишкомъ низкіе тарифы, еслибы такіе были, никогда не могутъ принести такого вреда государству, какой должны сдѣлать слишкомъ высокіе тарифы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, предположимъ, что вездѣ введены высокіе тарифы. Естественнымъ послѣдствіемъ такой мѣры было бы уменьшеніе дохода казны отъ оброчныхъ земель, увеличеніе недоимокъ по прежде заключеннымъ контрактамъ, уменьшеніе пространства помѣщичьихъ запашекъ, слѣдовательно, уменьшеніе заработка крестьянъ; доходъ крестьянъ землевладѣльцевъ также бы уменьшился, слѣдовательно, увеличились бы недоимки въ выкупныхъ платежахъ; помѣщики не въ состояніи были бы уплачивать проценты въ банки, а при продажѣ имѣній съ торговъ нельзя было бы выручить тѣхъ

суммъ, которыя были выданы подъ залогъ имѣній; въ концѣ концовъ должно было бы произойти общее оскудѣніе...

Желѣзно-дорожное хозяйство дѣйствительно обременяетъ государственное казначейство; но причина этого обремененія заключается не въ пониженіи тарифовъ на перевозку хлѣба, а въ неудовлетворительности желѣзно-дорожнаго хозяйства, въ особенности на дорогахъ, пользующихся гарантіей, доказательства чему приводятся въ трудахъ коммисіи графа Баранова. Поэтому, серьезное облегченіе Государственному Казначейству можетъ принести не возвышеніе тарифовъ, а сокращеніе неэксплуатаціонныхъ и въ особенности эксплуатаціонныхъ расходовъ желѣзныхъ дорогъ, что вполнѣ возможно и было предметомъ обсужденія въ совѣтѣ по желѣзно-дорожнымъ дѣламъ въ концѣ 1886 и въ началѣ 1887 г.

Принимая же во вниманіе, что улучшеніе положенія земледѣлія есть улучшеніе народнаго благосостоянія, за которымъ слѣдуетъ усиленіе поступленій косвенныхъ и прямыхъ платежей въ казну, представитель министерства государственныхъ имуществъ находилъ необходимымъ созвать съѣздъ представителей земледѣлія, сельско-хозяйственныхъ обществъ, хлѣбной торговли и представителей главныхъ желѣзныхъ дорогъ, которому поручить выработать правила для устраненія тѣхъ затрудненій при перевозкѣ продуктовъ сельскаго хозяйства, на которыя жалуются какъ хозяева, такъ и торговцы.

На сколько намъ извѣстно, комитетъ министровъ, согласно заключенію особаго совѣщанія, положилъ поручить разработку тарифовъ на хлѣбные грузы тарифному отдѣлу министерства путей сообщенія, съ привлеченіемъ къ участію въ его трудахъ, кромѣ имѣющихся уже въ немъ представителей министерства финансовъ, еще представителей отъ министерства государственныхъ имуществъ и государственнаго контроля, торговли, промышленности и желѣзнодорожныхъ обществъ.

Естественное стремленіе народа къ промышленному развитію не можетъ быть удовлетворено одними направленными къ хозяйственному благоустройству мѣропріятіями и учрежденіями, облегчающими образованіе капиталовъ. Благоустройство даетъ только удобную обстановку, накопленные капиталы служатъ только источникомъ средствъ для промышленной дѣятельности; необходимо еще умѣлое пользованіе этою обстановкою и этими источниками, необходимы знанія и умѣнія, воспитаніе труда теоретическимъ и практическимъ преподаваніемъ въ школахъ. Обученіе ремесламъ и разнымъ промышленнымъ производствамъ является такимъ образомъ однимъ изъ главныхъ рычаговъ покровительства народному труду и охраны отечественныхъ производствъ отъ иностраннаго соперничества, имъ единственно упрочивается промышленная самодѣятельность народа, обезпечивается ростъ производительныхъ силъ страны и созидается на прочномъ основаніи дѣйствительно національное богатство. Готовить „мастеровъ всякаго дѣла“ со временъ Петра составляетъ задачу нашего правительства; но если прежде правительству приходилось толкать народъ по пути къ промышленному обученію, то теперь ему предстоитъ только удовлетворить громадному спросу на это обученіе, повсемѣстно заявляемому. Существующія у насъ учебныя заведенія далеко не соотвѣтствуютъ размѣрамъ этого спроса ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи. Какъ прежде открывались у насъ университеты безъ подготовительныхъ къ нимъ классическихъ гимназій, или въ эти послѣднія поступали молодые люди, не имѣвшіе ни призванія, ни способностей къ изученію высшихъ наукъ, и въ большинствѣ случаевъ отвлекались отъ научныхъ занятій заботами о хлѣбѣ насущномъ, останавливаясь на полупути, попадали въ *межеумки*, непригодные ни для какой практической дѣятельности; такъ и теперь: существуютъ у насъ высшія техническія училища, откуда могутъ выходить теоретики, спросъ на которыхъ въ обществѣ весьма слабъ, но отсутствуютъ школы, готовящія *мастеровъ*, на которыхъ спросъ великъ и возрастаетъ постоянно. Наши гимназіи и т. н.

реальныя училища переполнены воспитанниками, ищущими однихъ только прикладныхъ знаній въ объемѣ средняго и низшаго преподаванія. Огромное большинство родителей изъ городскихъ состояній и крестьянъ желаютъ и имѣютъ средства дать своимъ дѣтямъ только ремесленное образованіе, обучить ихъ дѣлу, которое ведутъ сами и ведутъ плохо, не получивъ надлежащей подготовки. И въ интересахъ матеріальнаго преуспѣянія страны, и въ видахъ согласованія школьнаго обученія съ требованіями жизни, государство не можетъ не придти на помощь промышленному образованію и дать ему возможно большее развитіе, примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ. Очевидная необходимость такого примѣненія не позволяетъ ограничиться изданіемъ нормальнаго устава канцелярской работы. Нужно предварительное изученіе, съ цѣлью опредѣленія мѣстностей, гдѣ промышленныя училища должны быть открыты, и выбора спеціальностей, которымъ они должны быть посвящены. Эта работа по Высочайшему повелѣнію возложена на особую временную коммисію изъ представителей министерствъ: народнаго просвѣщенія, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. Выработанныя ею предположенія будутъ разсмотрѣны Государственнымъ Совѣтомъ и тогда только получитъ осуществленіе удостоенный Высочайшаго утвержденія проектъ о промышленныхъ училищахъ. Основныя положенія этого проекта состоятъ въ слѣдующемъ:

Промышленныя училища для мужскаго населенія имперіи имѣютъ цѣлью распространеніе въ семъ населеніи образованія техническаго средней и низшей степени и ремесленнаго.

Среднія техническія училища сообщаютъ знанія и умѣнія, необходимыя техникамъ, какъ ближайшимъ помощникамъ инженеровъ и другихъ высшихъ руководителей промышленнаго дѣла.

Низшія техническія училища, наряду съ обученіемъ пріемамъ какого-либо опредѣленнаго производства, сообщаютъ знанія и умѣнія, необходимыя ближайшимъ и непосред-

ственнымъ руководителямъ труда рабочихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ.

Ремесленныя училища имѣютъ цѣлью практическое обученіе пріемамъ какого-либо производства и сообщеніе знаній и умѣній, необходимыхъ для осмысленной въ семъ производствѣ работы.

Опредѣливъ задачи каждаго изъ трехъ типовъ или видовъ промышленныхъ училищъ, министерскій проектъ намѣчаетъ и смѣшанные типы ихъ, которые, по всей вѣроятности, получатъ обширное примѣненіе въ виду отсутствія у насъ рѣзкаго разграниченія промышленныхъ областей по роду производствъ и степени промышленной зрѣлости. Онъ устанавливаетъ слѣдующія правила:

Промышленныя училища каждаго изъ поименованныхъ видовъ могутъ существовать или отдѣльно, или въ соединеніи съ другими подобными же училищами различныхъ степеней и спеціальностей. Если въ общемъ управленіи соединяются среднія техническія училища съ низшими или ремесленными, то такая совокупность учебныхъ заведеній носитъ названіе общаго промышленнаго училища. Съ промышленными училищами, въ мѣрѣ возможности, соединяются дополнительныя школы для обученія въ занятыхъ промышленныхъ заведеніяхъ рабочихъ въ свободное отъ промышленныхъ работъ время.

Такимъ образомъ, проектированныя училища будутъ служить не только для обученія юношества, но и для восполненія пробѣловъ въ знаніяхъ и умѣніяхъ уже взрослыхъ рабочихъ.

Промышленныя училища могутъ быть соединяемы съ приготовительными къ нимъ школами общаго образованія. Въ учебныхъ заведеніяхъ этого рода преподаваніе нѣкоторыхъ общеобразовательныхъ предметовъ можетъ быть завершаемо въ классахъ, назначенныхъ для прохожденія спеціальныхъ предметовъ, и, наоборотъ, обученіе нѣкоторымъ прикладнымъ предметамъ и практическимъ работамъ можетъ начинаться до окончанія общеобразовательнаго курса училища, съ тѣмъ однако, чтобы въ среднихъ техническихъ учи-

лицахъ преподаваніе прикладныхъ предметовъ и практическія работы начинались не ранѣе, какъ по окончаніи учениками общеобразовательнаго курса, соотвѣтствующаго курсу третьяго класса реальныхъ училищъ.

Для поступленія въ ремесленныя училища требуется представленіе свидѣтельства объ окончаніи курса въ начальномъ или церковно-приходскомъ, или въ одноклассномъ сельскомъ, или же городскомъ приходскомъ училищѣ; для поступленія въ низшее техническое училище—предъявленіе аттестата объ окончаніи курса городскаго училища, уѣзднаго или двухъ-класснаго сельскаго; для поступленія въ среднее техническое училище — удостовѣреніе объ окончаніи курса пяти классовъ реальнаго училища или соотвѣтствующаго заведенія. Но допускаются и исключенія въ условіяхъ пріема для тѣхъ учениковъ, которые работали не менѣе двухъ лѣтъ въ промышленныхъ заведеніяхъ и, по производствѣ имъ надлежащаго испытанія, доказали, что могутъ успѣшно слѣдовать за курсомъ училища, въ которое желаютъ поступить.

При промышленныхъ училищахъ могутъ быть учреждаемы, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, пансіоны или общежитія, которые находятся въ непосредственномъ управленіи начальства промышленныхъ училищъ.

Къ обученію въ промышленныхъ училищахъ допускаются *лица всѣхъ состояній и вѣроисповѣданій*. Но если училища учреждаются на средства сословій или частныхъ лицъ, то въ этомъ отношеніи могутъ быть вводимы ограниченія, разрѣшаемыя министромъ народнаго просвѣщенія по ходатайству учредителей.

Успѣхи промышленнаго *народнаго* образованія, которому теперь кладется правительствомъ широкое основаніе, будутъ зависѣть, конечно, не столько отъ теоретическихъ соображеній и предположеній, какъ отъ правильности *практической* постановки этого дѣла и умѣнія его непосредственныхъ исполнителей. „Дѣло мастера боится“.

ственнымъ руководителямъ труда рабочихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ.

Ремесленныя училища имѣютъ цѣлью практическое обученіе пріемамъ какого-либо производства и сообщеніе знаній и умѣній, необходимыхъ для осмысленной въ семъ производствѣ работы.

Опредѣливъ задачи каждаго изъ трехъ типовъ или видовъ промышленныхъ училищъ, министерскій проектъ намѣчаетъ и смѣшанные типы ихъ, которые, по всей вѣроятности, получатъ обширное примѣненіе въ виду отсутствія у насъ рѣзкаго разграниченія промышленныхъ областей по роду производствъ и степени промышленной зрѣлости. Онъ устанавливаетъ слѣдующія правила:

Промышленныя училища каждаго изъ поименованныхъ видовъ могутъ существовать или отдѣльно, или въ соединеніи съ другими подобными же училищами различныхъ степеней и спеціальностей. Если въ общемъ управленіи соединяются среднія техническія училища съ низшими или ремесленными, то такая совокупность учебныхъ заведеній носитъ названіе общаго промышленнаго училища. Съ промышленными училищами, въ мѣрѣ возможности, соединяются дополнительныя школы для обученія въ занятыхъ промышленныхъ заведеніяхъ рабочихъ въ свободное отъ промышленныхъ работъ время.

Такимъ образомъ, проектированныя училища будутъ служить не только для обученія юношества, но и для восполненія пробѣловъ въ знаніяхъ и умѣніяхъ уже взрослыхъ рабочихъ.

Промышленныя училища могутъ быть соединяемы съ приготовительными къ нимъ школами общаго образованія. Въ учебныхъ заведеніяхъ этого рода преподаваніе нѣкоторыхъ общеобразовательныхъ предметовъ можетъ быть завершаемо въ классахъ, назначенныхъ для прохожденія спеціальныхъ предметовъ, и, наоборотъ, обученіе нѣкоторымъ прикладнымъ предметамъ и практическимъ работамъ можетъ начинаться до окончанія общеобразовательнаго курса училища, съ тѣмъ однако, чтобы въ среднихъ техническихъ учи-

лищахъ преподаваніе прикладныхъ предметовъ и практическія работы начинались не ранѣе, какъ по окончаніи учениками общеобразовательнаго курса, соотвѣтствующаго курсу третьяго класса реальныхъ училищъ.

Для поступленія въ ремесленныя училища требуется представленіе свидѣтельства объ окончаніи курса въ начальномъ или церковно-приходскомъ, или въ одноклассномъ сельскомъ, или же городскомъ приходскомъ училищѣ; для поступленія въ низшее техническое училище—предъявленіе аттестата объ окончаніи курса городскаго училища, уѣзднаго или двухъ-класснаго сельскаго; для поступленія въ среднее техническое училище — удостовѣреніе объ окончаніи курса пяти классовъ реальнаго училища или соотвѣтствующаго заведенія. Но допускаются и исключенія въ условіяхъ пріема для тѣхъ учениковъ, которые работали не менѣе двухъ лѣтъ въ промышленныхъ заведеніяхъ и, по производствѣ имъ надлежащаго испытанія, доказали, что могутъ успѣшно слѣдовать за курсомъ училища, въ которое желаютъ поступить.

При промышленныхъ училищахъ могутъ быть учреждаемы, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, пансіоны или общежитія, которые находятся въ непосредственномъ управленіи начальства промышленныхъ училищъ.

Къ обученію въ промышленныхъ училищахъ допускаются *лица всѣхъ состояній и вѣроисповѣданій*. Но если училища учреждаются на средства сословій или частныхъ лицъ, то въ этомъ отношеніи могутъ быть вводимы ограниченія, разрѣшаемыя министромъ народнаго просвѣщенія по ходатайству учредителей.

Успѣхи промышленнаго *народнаго* образованія, которому теперь кладется правительствомъ широкое основаніе, будутъ зависѣть, конечно, не столько отъ теоретическихъ соображеній и предположеній, какъ отъ правильности *практической* постановки этого дѣла и умѣнія его непосредственныхъ исполнителей. „Дѣло мастера боится".

Наши доморощенные западники, въ погонѣ за либеральными миражами утратившіе пониманіе дѣйствительности, не сумѣли оцѣнить мотивовъ отвѣта г. синодальнаго оберъ-прокурора на адресъ, поданный Государю Императору евангелическимъ союзомъ. Имъ кажется, что, противясь насилію и соблазну совращенія изъ православія подъ ложнымъ знаменемъ свободы совѣсти, правительство лишаетъ человѣческія души вѣчнаго спасенія за гробомъ и христіанскія общины братской любви на землѣ. Не такъ смотрятъ на призваніе государственной власти и истинный смыслъ домогательствъ балтійской оппозиціи дѣйствительные западники, дѣйствительно свободолюбивые люди, потомки борцовъ съ деспотизмомъ папства и произволомъ феодальныхъ владѣльцевъ. Въ *Journal de Genève* читаемъ:

„Наша либеральная публика запада, по всей вѣроятности, не знаетъ, что среди дворянства балтійскихъ провинцій находятся фанатическіе защитники своихъ привилегій и своего господства, средневѣковые рыцари, забредшіе въ нашъ вѣкъ. Принявъ лютеранскую реформу, они, къ сожалѣнію, недостаточно прониклись ея духомъ свободы по отношенію ко всѣмъ и каждому; сбросивъ съ себя иго папства, они сохранили и удержали тяготѣвшее надъ народомъ ихъ собственное иго. Лютеранское дворянство сѣверныхъ странъ еще стоитъ за него и, повидимому, духовенство съ нимъ солидарно. Дворянство и духовенство вступаютъ въ борьбу съ правительствомъ и національною церковью изъ-за распространенія своихъ политическихъ и религіозныхъ идей. Отсюда столкновенія. Отсюда жалобы лютеранъ, кричащихъ о преслѣдованіи, и возраженія правительства, объявляющаго, что оно просто на просто защищается отъ нападенія и желаетъ охранить народъ отъ гнета со стороны господъ германскаго происхожденія. Невольно переносишься мыслію въ средніе вѣка, когда феодальные владѣльцы боролись съ королевскою властью, а эта послѣдняя, чтобы вѣрнѣе нанести ударъ, принимала на себя защиту народныхъ интересовъ“...

Таковъ взглядъ безпристрастной и дѣйствительно свобо-

долюбивой иностранной печати на вопросъ, поднятый и агитируемый нашими балтійскими самобытниками. Оказывается, что въ послѣднее время они нашли себѣ ревностнаго союзника въ преобразованномъ синодѣ Шафгаузенскаго кантона. Этотъ зарейнскій синодъ взялъ на себя починъ неблагодарной защиты прибалтійскихъ привилегій и въ декабрѣ 1886 года впервые обратился съ посланіемъ къ нашему синодальному оберъ-прокурору, завѣряя, что жалобы лютеранъ балтійскихъ провинцій раздаются по всей Европѣ.

„Г. Побѣдоносцевъ, продолжаетъ иностранная газета, отвѣтилъ, что его церковь и его правительство одушевлены чувствами терпимости и христіанскаго братства, и еслибы лютеране названныхъ провинцій ограничивались религіозною практикою, то миръ не былъ бы нарушенъ ни на одно мгновеніе“. Но дѣло не въ томъ. Лютеранское духовенство дѣйствуетъ за-одно съ нѣмецкимъ дворянствомъ, которое терроризируетъ и притѣсняетъ крестьянъ, какъ въ былыя времена феодальнаго режима. На 2.192.000 жителей Ливоніи, Курляндіи и Эстоніи приходится только 150.000 нѣмцевъ и они-то желаютъ распоряжаться въ странѣ по своему усмотрѣнію. „Вы согласитесь, прибавляетъ г. синодальный оберъ-прокуроръ, какъ представители евангелическаго союза и защитники евангельской истины, вы согласитесь, что въ этой борьбѣ дворянства за исключительное господство надъ народомъ и за исключительное обладаніе привилегіями и преимуществами — кроется вопіющая несправедливость, какъ въ отношеніи религіозномъ, такъ и политическомъ“. Русское правительство вовсе не думаетъ нападать, оно обороняется: *wenn also von unserer Seite gekämpft wird, so handelt sich dabei um keinen Angriff, sondern um einen blossen Vertheidigungskampf*.

Шафгаузенскій синодъ не сдался, однако, и по полученіи отвѣта препроводилъ свое второе посланіе, къ которому приложилъ обязательно ему доставленную и въ свое время оцѣненную по достоинству въ нашихъ свѣдущихъ кругахъ докладную записку графа Бобринскаго, гдѣ со словъ

прибалтійской оппозиціи разсказывается о томъ, какъ принявшіе православіе лютеране ропщутъ и просятъ о дозволеніи возвратиться въ лоно лютеранства. На этотъ разъ г. Побѣдоносцевъ отвѣтилъ оффиціально удостовѣренными фактами, выясняющими, что жалобы принявшихъ православіе балтійскихъ крестьянъ вынуждаются угрозами мѣстныхъ владѣльцевъ, отъ которыхъ они находятся въ хозяйственной зависимости.

Тогда настойчивый или побуждаемый къ настойчивости евангелическій союзъ обратился съ адресомъ къ Государю Императору.

Цитируемая иностранная газета такъ отзывается объ извѣстномъ уже русскимъ читателямъ изъ „Церковнаго" и „Правит." Вѣстниковъ отвѣтѣ на этотъ адресъ синодальнаго оберъ-прокурора:

„Надо признать, что отвѣтъ г. Побѣдоносцева президенту центральнаго швейцарскаго комитета, г. Эдуарду Навиллю, составленъ мастерски. Въ немъ узнаешь бывшаго и блестящаго профессора права, искусно возстанавливающаго истинное положеніе вопроса и пользующагося историческими источниками для торжества своего дѣла. Это не простой адвокатъ, развертывающій свой талантъ и свои знанія, а прежде всего человѣкъ убѣжденія, патріотъ и вѣрующій христіанинъ. Въ немъ чувствуется движеніе двоякой любви: къ своему отечеству и къ своей церкви. Это два нераздѣльныя понятія въ его мысли и въ его сердцѣ... Въ странѣ, гдѣ германизмъ и лютеранизмъ почти синонимы, славизмъ и православіе—то же самое. Еще долго политика и религія будутъ тамъ въ тѣсномъ единеніи. Нужно видѣть на мѣстѣ это глубокое единеніе, чтобы составить себѣ о немъ вѣрное понятіе... Г. Побѣдоносцевъ отстаиваетъ пользу законовъ, воспрещающихъ православнымъ русскимъ отступничество отъ своей церкви, потому что эти законы охраняютъ безпомощныхъ крестьянъ отъ богатыхъ притѣснителей, стремящихся торговать ихъ совѣстью, и позволяютъ карать пропагандистовъ и совратителей".

Не странно ли, что просвѣщенные публицисты нашего

отечества, люди *порядка*, не въ состояніи понять дисциплинирующаго значенія на нашихъ окраинахъ закона, направленнаго противъ совратителей, не признають за нимъ надежной опоры дѣйствительной свободѣ совѣсти, за которую они распинаются, и готовы дать carte blanche торгашамъ совѣстью, не гнушающимся ради житейскихъ выгодъ насиловать души слабыхъ и угнетенныхъ различнаго рода соблазнами и угрозами. Наши безпочвенные либералы не замѣчаютъ, что, ратуя за-одно съ Пашковцами и Шафгаузенскимъ синодомъ, они протягиваютъ въ данномъ случаѣ руку не свободѣ совѣсти, а лютеранскому фанатизму, который въ рукахъ балтійскихъ пасторовъ и бароновъ служитъ не только оппозиціоннымъ орудіемъ противъ русской государственности, но и орудіемъ угнетенія туземцевъ края, ищущихъ защиты у центральной власти и отъ ея твердости и энергіи чающихъ своего гражданскаго и экономическаго возрожденія.

Такимъ же орудіемъ сталъ и мѣстный сословный судъ. Послѣдовавшее недавно оправданіе эстляндскимъ оберъландгерихтомъ бывшаго рижскаго городскаго головы Грейфенгагена не можетъ не быть сочтено за демонстрацію противъ русскаго закона и государственной власти. Извѣстно, что Грейфенгагенъ, въ 1885 году, по Высочайшему повелѣнію былъ отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду за упорное сопротивленіе законному требованію губернатора сноситься съ нимъ, въ оффиціальной перепискѣ, на русскомъ языкѣ. Казалось бы, только состояніе юридической невмѣняемости могло бы служить въ глазахъ судей поводомъ къ оправданію; но избираемые мѣстнымъ дворянствомъ и отъ него получающіе содержаніе члены эстляндской судебной коллегіи иначе взглянули на свои обязанности предъ государственною властью и въ дерзкомъ неповиновеніи городскаго головы *законнымъ* распоряженіямъ представителя высшей администраціи не усмотрѣли ничего противозаконнаго. Такой явно демонстративный приговоръ, разумѣется, опротестованъ прокуроромъ и Сенатъ, конечно, оградитъ достоинство русской государственной власти и возстановитъ силу

закона; но самая возможность появленія подобныхъ приговоровъ, несомнѣнно пріятныхъ прибалтійской оппозиціи и въ угоду ей постановляемыхъ, свидѣтельствуетъ о совершенномъ несоотвѣтствіи сословной организаціи мѣстныхъ судовъ ихъ значенію органовъ государственнаго правосудія. Очевидною становится необходимость въ неотложной судебной реформѣ, уже давно предположенной и ожидаемой съ нетерпѣніемъ кореннымъ населеніемъ края. Привилегіи, подрывающія правительственный авторитетъ, угнетающія народную жизнь и насильственно задерживающія гражданское развитіе края въ колодкахъ феодальнаго режима,—несомнѣнное зло, которое не можетъ и не должно быть терпимо въ благоустроенномъ государствѣ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Неумѣлость республиканскаго правительства Франціи.—Паденіе министерства Тирара. — Воцареніе радикальнаго кабинета Флоке. — Исторія отношеній къ генералу Буланже. — Промахи новаго кабинета.—Стремленія современной Франціи.—Монархія или диктатура.— Настоящее положеніе Германіи. — Ухудшеніе здоровья Императора.—Романъ трехъ Викторій и германскій канцлеръ.

Мы закончили прошлое „обозрѣніе“ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Какъ это ни печально, но слѣдуетъ признать, что въ настоящую минуту Франція представляетъ очень грустную картину внутренней борьбы и неурядицъ, которыя, къ сожалѣнію ея друзей, лишаютъ ея голосъ того значенія въ международныхъ европейскихъ вопросахъ, которое принадлежитъ ему по праву, какъ голосу великой европейской державы“.

Это замѣчаніе было высказано нами въ виду крайне безтактнаго образа дѣйствій президента Карно и министерства Тирара по отношенію къ бывшему командиру 13-го корпуса, генералу Буланже. Не трудно было предвидѣть, что подобный образъ дѣйствій будетъ имѣть роковое значеніе для самаго существованія министерства. Не надо забывать, что это министерство, въ самый день своего появленія на свѣтъ, было встрѣчено надгробнымъ словомъ большинства не только враждебныхъ оппортунистской республикѣ органовъ, но и всей публицистики, хорошо знакомой съ нравами и обычаями настоящей палаты. Раззадоренное раздававшимися

со всѣхъ сторонъ упреками въ бездѣйствіи оппортунистскаго правительства, министерство Тирара вздумало упрочить свое шаткое положеніе, проявивъ хотя въ какомъ-либо отдѣльномъ случаѣ извѣстную дозу энергіи и самостоятельности. Такимъ удобнымъ для проявленія энергіи случаемъ показалось ему „дѣло Буланже“. Тираръ и компанія тѣмъ съ большей охотой ухватились за это дѣло, что оно давало имъ возможность, независимо отъ проявленія ихъ энергіи, избавиться отъ человѣка, котораго они давнымъ давно уже инстинктивно боялись несравненно болѣе, чѣмъ десяти нѣмецкихъ нашествій. Надо сказать правду, генералу Буланже, съ самаго момента вступленія его въ министерство, какъ-то особенно посчастливилось по части народныхъ симпатій съ одной стороны, и страха со стороны его невоенныхъ товарищей — съ другой. Трудно сказать, чѣмъ, какъ и почему генералъ Буланже, не заявившій себя никакими военными подвигами и относительно даже немного извѣстный среди массы французскаго народа, съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности въ качествѣ военнаго министра сумѣлъ сдѣлаться весьма популярнымъ не только въ Парижѣ, но и во всей Франціи. Восторженныя оваціи, которыхъ онъ былъ предметомъ въ день возобновленнаго имъ большаго парада на лоншанскомъ полѣ въ іюлѣ 1886 г. и потомъ въ день открытія, устроеннаго по его мысли военнаго клуба, заставили встрепенуться не только министерство Фрейсинэ, но и самаго Греви. Парижане, чтобы тамъ ни говорили, всегда были, есть и будутъ неисправимыми поклонниками всего блестящаго, красиваго и помпезнаго. Республиканское правительство независимо отъ своихъ внутреннихъ недостатковъ, говоря правду, надоѣло имъ именно отсутствіемъ всякаго внѣшняго блеска и всякой представительности. Парижское населеніе до глупости любитъ картину военныхъ парадовъ, но и оно никакъ не могло смотрѣть безъ смѣха на прохожденіе войскъ передъ тремя штатскими президентами, приподнимавшими свои цилиндры въ отвѣтъ на воинственные крики дефилировавшихъ мимо нихъ войсковыхъ частей. Со времени

вступленія въ должность президента Греви общіе парады были отмѣнены, и ихъ замѣнили парады отдѣльныхъ полковъ и бригадъ на разныхъ парижскихъ площадяхъ, производившіеся непосредственными командирами парадировавшихъ частей. Вступивъ въ должность военнаго министра, Буланже возобновилъ общій парадъ въ день народнаго праздника 14 іюля. Какъ это ни можетъ показаться страннымъ, но несомнѣнно, что однимъ этимъ онъ уже пріобрѣлъ себѣ расположеніе парижанъ. Понятно, что его появленіе передъ фронтомъ массы войскъ, собравшихся на парадъ, появленіе въ качествѣ главнаго начальника національной арміи, окруженнаго блестящей свитой, наполнило сладостнымъ трепетомъ жадныя до зрѣлищъ сердца парижанъ—и они восторженно привѣтствовали виновника давно желаннаго торжества. Всѣ, кому довелось видѣть возвращеніе генерала Буланже съ того знаменитаго смотра и тѣ оваціи, которыхъ онъ былъ предметомъ, разумѣется, очень хорошо поймутъ, что съ этой минуты онъ сдѣлался кошмаромъ оппортунистскаго правительства и его сторонниковъ... Имъ припомнились слова Гамбетты: „pas de militaire dans le pouvoir". Въ этихъ словахъ покойнаго бордосскаго диктатора они сочли удобнымъ для себя усмотрѣть политическое завѣщаніе создателя французскаго оппортунизма и возмнили себя призванными, во что бы то ни стало, исполнить это завѣщаніе...

Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что со дня этого роковаго лоншанскаго парада начались преслѣдованія генерала Буланже со стороны послѣдователей правительственнаго оппортунизма. Мы не станемъ припоминать всѣхъ подробностей этихъ преслѣдованій и замѣтимъ только, что крайне непослѣдовательные въ своихъ дѣйствіяхъ вообще представители современнаго французскаго правительства оказались весьма послѣдовательными въ дѣлѣ систематическаго преслѣдованія генерала, который имѣлъ несчастіе своей особой напомнить имъ о возможности военной диктатуры. Народныя массы даже и въ самомъ Парижѣ очень мало посвящены въ тонкости политическихъ комбинацій и

разсчетовъ, и потому никакого особаго пристрастія къ республиканской формѣ правленія они не чувствуютъ, что бы тамъ и какъ бы ни говорили отъ имени народа различные его псевдо-представители. Личная корысть, желаніе личнаго блага и довольства всегда стоятъ на первомъ планѣ въ глазахъ массъ народныхъ, и тотъ, кто въ данную минуту сумѣетъ заставить его повѣрить себѣ и своимъ обѣщаніямъ, тотъ смѣло можетъ разсчитывать на то, что народъ пойдетъ за нимъ, хотя бы онъ и велъ его къ военной диктатурѣ или прямо къ цезаризму.

Господа оппортунисты горько ошибаются, если предполагаютъ, что даже цезаризмъ второй имперіи ненавистенъ массамъ французскаго народа. Подъ массами мы въ этомъ случаѣ понимаемъ все сельское населеніе Франціи и большую часть трудящагося населенія небольшихъ изъ среднихъ городовъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ представленіи всякаго простаго человѣка гораздо легче складывается и помѣщается образъ единоличнаго олицетворенія верховной власти, нежели образъ собирательнаго правительства. Даже самъ Карно, о существованіи котораго въ глуши сельскихъ захолустій, можетъ быть, еще и не знаютъ, все-таки гораздо болѣе говоритъ представленію простаго народа о власти, нежели министерство различныхъ оттѣнковъ и направленій. Другими словами, простой народъ и во Франціи, какъ и вездѣ, несомнѣнно болѣе и скорѣе привязывается къ имени и къ лицу, нежели къ отвлеченному понятію объ извѣстной формѣ правленія. Господа французскіе оппортунисты въ душѣ очень хорошо это сознаютъ, и потому-то такъ и напугала ихъ зарождавшаяся популярность генерала Буланже.

Дѣйствительно, Буланже представлялъ для нихъ не малую опасность, которую съ каждымъ днемъ увеличивала ихъ собственная неумѣлость, политическая безтактность и непроизводительная, почти безсмысленная борьба партій, замѣнившая въ палатѣ мѣсто всякой законодательной и вообще разумной дѣятельности. Еслибы у представителей оппортунистскаго лагеря достало благоразумія сохранить за

нераломъ Буланже мѣсто военнаго министра и такимъ бразомъ удержать его въ составѣ правительства, то они бы остигли, во-первыхъ, того, что генералъ не сталъ бы въ вную оппозицію съ правительствомъ, а во-вторыхъ, не служили бы нареканія почти цѣлой Франціи въ томъ, го, устраняя отъ дѣлъ генерала Буланже, они повиноались почти прямому приказанію германскаго канцлера. Іо такого благоразумія было бы даже странно ожидать отъ юдей, опасающихся каждый день лишь того, какъ бы не отерять власть, которую имъ удалось всѣми правдами и неравдами захватить въ свои руки. Ссылка въ Клермонъ-Ферранъ показалась имъ недостаточно строгимъ наказаіемъ для генерала Буланже за то, что онъ смѣлъ пріобрѣсти опулярность, которой никогда не могли добиться ни Ферри, и самъ Греви, да и никто изъ оппортунистовъ, исключая окойнаго Гамбетты, стоявшаго, во всякомъ случаѣ, на деять головъ выше всѣхъ своихъ преемниковъ вмѣстѣ взяыхъ. Заступившій мѣсто Буланже, генералъ Ферронъ, ичный врагъ бывшаго министра, захотѣлъ, во что бы то и стало, впутать своего предшественника въ дѣло Каффаеля и Вильсона, но какъ ни хлопотали объ этомъ сотоарищи Феррона по министерству Рувье, имъ все-таки не далось замарать репутаціи Буланже, и Ферронъ, передъ воимъ уходомъ со сцены, утѣшилъ себя лишь тѣмъ, что одвергъ командира 13-го корпуса мѣсячному аресту. Это ышло очень комично, и министерство Рувье вмѣстѣ съ ѣмъ же Ферронымъ рухнуло, благодаря именно дѣлу Вильона. Оправданіе этого проходимца, прикрывавшагося званіемъ президентскаго зятя, послѣдовавшее уже при минитерствѣ Тирара, вышло уже не только комичнымъ, но и прямо позорнымъ. Еще позорнѣе оказалось оно, будучи соопоставлено рядомъ съ жестокой карой, постигшей генерала Буланже. Какое понятіе должны были себѣ составить о правительствѣ всѣ честные люди, видѣвшіе, какъ оно едва не рукоплещетъ оправданію завѣдомаго вора и взяточника и въ то же время подтасовываетъ обвиненіе противъ человѣка, въ которомъ, быть можетъ, большинство французскаго на-

рода видитъ единственную надежду на избавленіе его отъ неурядицъ настоящаго республиканскаго режима! Отрѣшеніе генерала Буланже отъ командованія корпусомъ, вслѣдствіе представленія военнаго министра генерала Лажеро, а затѣмъ и осужденіе его слѣдственной коммисіей, подъ предсѣдательствомъ генерала Февріера, на увольненіе отъ службы послужили сигналомъ къ паденію министерства Тирара.

На другой же день послѣ своего увольненія въ отставку Буланже высказалъ свою политическую программу, которая заключалась въ распущеніи безсильной для отправленія своихъ функцій палаты и въ пересмотрѣ конституціи. Въ слѣдующемъ же засѣданіи палаты вопросъ о пересмотрѣ былъ поставленъ на очередь сторонникомъ Буланже депутатомъ Лагерромъ, который настаивалъ на томъ, чтобы была вотирована „неотложность“ этого вопроса. Изъ частнаго вопроса о „неотложности“ Тираръ имѣлъ безтактность сдѣлать вопросъ министерскій и провалился на немъ со стыдомъ и срамомъ. Это случилось какъ разъ въ страстную пятницу 18 (30) марта, когда должны были начаться парламентскія вакансіи, но ихъ, разумѣется, пришлось отложить, и Карно поручилъ составленіе новаго министерства бывшему предсѣдателю палаты Флоке, который дѣйствительно составилъ его въ весьма краткій срокъ. Особенность новаго министерства заключается въ томъ, что въ составъ его входятъ двое бывшихъ президентовъ совѣта: Гобле и Фрейсинэ и, притомъ, Фрейсинэ въ качествѣ военнаго министра. Составъ министерства считается вполнѣ радикальнымъ, такъ какъ намѣревавшіеся войти въ него оппортунисты заблаговременно ретировались.

Оказывается, что кошмаръ военной диктатуры и цезаризма настолько же безпокоитъ и радикальное правительство, насколько безпокоитъ оппортунистовъ. Сочиненіе статскаго военнаго министра, о которомъ оппортунисты давно мечтали, какъ нельзя болѣе характерно рисуетъ генералофобію новаго правительства. Лица, близко знающіе Флоке и вѣрующіе въ его политическій и государственный та-

лантъ, предполагали и надѣялись (эти предположенія проникли даже и въ печать), что онъ сознаетъ, что въ настоящую минуту положеніе генерала Буланже таково, что его гораздо выгоднѣе имѣть на своей сторонѣ, нежели на сторонѣ своихъ противниковъ, и постарается не только войдти съ нимъ въ какія-либо отношенія, но даже и пригласить его въ составъ новаго кабинета. Для Флоке, который никогда не былъ въ числѣ заклятыхъ враговъ бывшаго командира 13-го корпуса, это не представляло никакого затрудненія и, въ добавокъ, Буланже, какъ уволенный въ отставку, могъ тоже считаться, въ случаѣ надобности, штатскимъ. Назначеніе его военнымъ министромъ имѣло бы для новаго кабинета ту выгоду, что дѣлало бы его сразу популярнымъ и передавало завѣдываніе арміей въ свѣдущія и опытныя руки. Вообще, благоразуміе и тактъ требовали, чтобы новое министерство, такъ или иначе, вознаградило „опальнаго генерала“ за тѣ несправедливости, жертвой которыхъ онъ сдѣлался во время правленія Рувье и Тирара. Республиканское правительство, если оно желаетъ оставаться вѣрнымъ своему принципу, не можетъ и не должно идти въ разрѣзъ съ волей и желаніями народа. Оно не имѣетъ права считать „опальнымъ“ человѣка, за котораго говорятъ симпатіи народа. Какъ бы тамъ правительство ни успокоивало себя разными соображеніями о неправильности, допущенной будто бы при выборахъ генерала Буланже, но цифры количества избирательныхъ голосовъ говорятъ несравненно громче и убѣдительнѣе этихъ соображеній. Если мы припомнимъ, что кромѣ 54-хъ тысячъ голосовъ, полученныхъ Буланже въ разныхъ департаментахъ еще во время его командованія корпусомъ, да 46-ти тысячъ голосовъ энскаго департамента, онъ совершенно неожиданно на выборахъ въ департаментѣ Дордоны получилъ 59 тысячъ голосовъ и, наконецъ, въ сѣверномъ департаментѣ избранъ громаднымъ большинствомъ 172-хъ тысячъ, то едва-ли окажется какая-нибудь возможность сомнѣваться въ томъ, что популярность Буланже растетъ съ каждымъ днемъ, вопреки ухищреніямъ его противниковъ.

Прежде чѣмъ говорить о первыхъ шагахъ новаго министерства, дебютировавшаго послѣ пасхальныхъ вакацій 7 (19) апрѣля и, притомъ, дебютировавшаго въ одинъ день съ Буланже, выступившимъ въ качествѣ представителя сѣвернаго департамента, необходимо бросить бѣглый взглядъ на положеніе, въ которое стало министерство Флоке съ самаго дня своего рожденія. Мы уже сказали, что враждебное положеніе, занятое имъ по отношенію къ Буланже, было его первой и громадной ошибкой; второй на столько же серьезной, если не еще болѣе, ошибкой—необходимо признать назначеніе Фрейсинэ военнымъ министромъ. Господа, придумавшіе для Франціи штатскаго военнаго министра, ссылаются обыкновенно на примѣры Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и Англіи, гдѣ дѣлами военныхъ министерствъ завѣдуютъ статсъ-секретари, не имѣющіе никакого военнаго чина. Но, во-первыхъ, за-атлантическіе порядки менѣе всего могутъ быть примѣнены къ Франціи, которая только по какому-то несчастному недоразумѣнію считаетъ себя страной, пригодной для республиканскихъ порядковъ вообще, а во-вторыхъ, и главное, и въ Сѣверной Америкѣ, и въ Англіи завѣдующіе военнымъ министерствомъ статсъ-секретари вѣдаютъ только чисто хозяйственную и канцелярскую часть военнаго управленія; командованіе же арміей въ строевомъ отношеніи всецѣло лежитъ на особыхъ главнокомандующихъ, которые и наблюдаютъ за единообразіемъ обученія и боеваго воспитанія арміи. Во Франціи, ради того же страха военной диктатуры, главнокомандующаго нѣтъ, и высшее командованіе принадлежитъ корпуснымъ командирамъ. Однообразіе въ обученіи арміи достигается лишь путемъ примѣненія одного общаго устава и наблюденіемъ особыхъ инспекторовъ, состоящихъ при военномъ министерствѣ. Военный министръ изъ числа генераловъ можетъ самъ лично во всякое время провѣрять дѣятельность корпусныхъ командировъ и военныхъ инспекторовъ. Но какимъ образомъ можетъ дѣлать такую провѣрку штатскій военный министръ? Это остается извѣстнымъ только господамъ оппортунистамъ. Какими бы благими желаніями и ка-

кими бы теоретическими познаніями даже по части снаряженія, вооруженія и довольствованія арміи ни былъ преисполненъ штатскій министръ, вѣдь не можетъ же онъ во фракѣ и цилиндрѣ явиться передъ корпусомъ и произвести ему смотръ? Во всякомъ случаѣ, онъ долженъ будетъ всецѣло довѣрять корпусному командиру и инспекторамъ... Буланже совершенно вѣрно говорилъ, что „еслибы онъ желалъ войны, то былъ бы безумцемъ, а еслибы не готовился къ ней, то былъ бы негодяемъ". Современные политики Франціи, вѣроятно, предпочитаютъ прослыть за негодяевъ, лишь бы только ихъ не могли считать за безумцевъ. Штатское управленіе военными силами Франціи едва-ли можетъ привести къ чему-нибудь, кромѣ ихъ полнѣйшей деморализаціи. Деморализацію арміи второй имперіи была возможность свалить хотя на Наполеона III; любопытно было бы знать, на кого придется сваливать деморализацію арміи, командуемой г. Фрейсинэ?

Не менѣе любопытно прослѣдить и постараться себѣ уяснить дальнѣйшіе виды и планы новаго представителя сѣвернаго департамента. Съ видомъ совершеннаго bon enfant и съ кажущейся откровенностью генералъ Буланже говоритъ, что цѣль его—борьба съ парламентаризмомъ, что онъ будетъ добиваться всѣми силами распущенія парламента и пересмотра конституціи. Себя онъ выдаетъ за чистокровнаго республиканца и увѣряетъ, что никогда и не помышлялъ о диктатурѣ, но не прочь взять на себя высшую магистратуру Франціи, магистратуру, о которой онъ прежде никогда и не думалъ, но на которую въ послѣднее время указываютъ ему его друзья. Таково „credo", провозглашаемое самимъ Буланже. Нѣкоторыя даже изъ наиболѣе серьезныхъ французскихъ республиканскихъ газетъ и въ томъ числѣ „Temps" находятъ, и, можетъ быть, не безъ основанія, что „profession de foi" генерала Буланже какъ двѣ капли воды похожа на тѣ политическія воззрѣнія принца Людовика Наполеона, которыя онъ высказывалъ, когда добивался еще только званія президента второй французской республики. Для довершенія сходства генералъ Буланже,

какъ нѣкогда и маленькій племянникъ великаго дяди, на вопросъ, къ какой партіи онъ принадлежитъ, отвѣчаетъ удивленіемъ: какъ можно предлагать ему подобный вопросъ, когда всѣ существующія партіи уже успѣли доказать свою непригодность къ дѣлу и безсиліе подарить Францію, хоть сколько-нибудь сноснымъ, внутреннимъ государственнымъ порядкомъ. На обвиненіе его въ желаніи войны Буланже отвѣчаетъ: „Буланже—это миръ".

Враги генерала утверждаютъ, что онъ пародируетъ автора 2-го декабря, потому что не въ состояніи придумать чего-либо болѣе новаго и оригинальнаго...

Говоря правду, мы далеко не вполнѣ раздѣляемъ это мнѣніе.

Буланже и буланжистамъ необходимо прежде всего составить себѣ парламентское большинство въ виду того, что ни одна изъ настоящихъ фракцій французской палаты не имѣетъ за собою большинства и имѣетъ противъ себя всѣ другія парламентскія партіи, имъ нѣтъ никакого основанія и разсчета примыкать къ которой бы то ни было изъ нихъ. Стоя особнякомъ, буланжисты могутъ собрать вокругъ себя *всѣхъ недовольныхъ* настоящимъ режимомъ, независимо отъ ихъ принадлежности къ той или другой парламентской партіи. Борьба на жизнь и на смерть съ существующимъ режимомъ и сверженіе его во что бы то ни стало—единственная програма, которую *можетъ* начертать на своемъ знамени Буланже, если хочетъ быть увѣреннымъ, что вокругъ этого знамени сплотится большинство, которое способно подавить приверженцевъ настоящаго режима...

На нашъ взглядъ, въ настоящую минуту Франціи приходится выбирать между диктатурой Буланже или возвращеніемъ къ законной монархіи... Можетъ быть, мнѣніе, высказанное такъ положительно, покажется инымъ парадоксальнымъ, а потому мы и постараемся изложить вкратцѣ его основаніе. Только предвзятое упорство современныхъ французскихъ республиканцевъ дѣлаетъ то, что, такъ называемая великая революція 1789 года заслоняетъ передъ ними всю прошлую исторію Франціи. Считая себя прямыми наслѣдниками дѣятелей этой, во всякомъ случаѣ, печальной

эпохи, отразившейся кровавымъ пятномъ на всей французской исторіи, они хотятъ увѣрить молодое поколѣніе Франціи, что собственно съ этого кроваваго момента и началась исторія ея... Но пустыми словами и громкими фразами нельзя передѣлать историческихъ фактовъ, обнимающихъ цѣлыя столѣтія. Вся слава, вся сила, все могущество Франціи создались подъ покровомъ монархической власти: многія сотни поколѣній французскаго народа родились, выросли и воспитались въ монархическихъ традиціяхъ. Ошибки представителей монархической власти конца прошлаго столѣтія вмѣстѣ съ извѣстнымъ направленіемъ философской науки XVIII вѣка подготовили революцію 1789 г. Переживъ это великое несчастіе и омывшись, такъ сказать, въ своей собственной крови, большинство французскаго народа сознало наконецъ невозможность для Франціи республиканскаго режима и, какъ за единственный въ то время якорь спасенія, ухватилась за военную диктатуру, подарившую Франціи перваго цезаря въ лицѣ Наполеона Буонапарте... Второе изданіе французской республики породило Наполеона III. Почему же третья республика можетъ разсчитывать на большую прочность и долговѣчность, чѣмъ двѣ предъидущія?

Паденіе двухъ первыхъ республикъ, сочиненныхъ французами, было послѣдствіемъ внутренней несостоятельности и непригодности вообще, а для Франціи въ особенности, республиканскаго строя съ одной стороны и вызываемаго имъ каждый разъ поголовнаго недовольства съ другой. Сторонниками всѣхъ трехъ французскихъ республикъ были только тѣ, кто, благодаря имъ, могъ находиться у дѣлъ и питаться отъ народнаго республиканскаго пирога, или надѣялся, такъ или иначе, рано или поздно, пробраться къ этому пирогу и урвать ломтикъ въ свою пользу. Другими словами, сторонниками республики были и есть только самые дѣятели республики или люди, живущіе ихъ подачками, все остальное, т. е. весь французскій народъ всякій разъ въ началѣ терпѣлъ республику, а потомъ, когда неурядицы республиканскаго режима переходили всякую мѣру—начиналъ ее ненавидѣть.

Это, систематически повторявшееся, явленіе обусловливается, какъ мы уже сказали, не только несостоятельностью республиканской формы правленія, но и тѣмъ, что въ сущности каждый французъ—по природѣ монархистъ, и сознательно или безсознательно всегда будетъ стремиться къ этой формѣ государственнаго устройства или къ ея подобію.

Если въ данную минуту во Франціи невозможна монархическая реставрація, то народъ поставитъ на мѣсто ея военную диктатуру: настолько опротивѣла ему третья республика со своей внутренней неурядицей и дикимъ деспотизмомъ, прикрывающимся трехцвѣтнымъ знаменемъ и девизомъ свободы, равенства и братства. Вотъ почему и сказали мы, что въ настоящую минуту для Франціи нѣтъ выбора между возстановленіемъ монархіи или диктатурой, между графомъ Парижскимъ и Буланже, за котораго французскій народъ уже уцѣпился, какъ за якорь спасенія отъ неурядицъ третьей республики...

Министерство Флоке взяло на себя неблагодарную роль цѣлителя недуговъ разлагающейся республики. Едва-ли существуютъ какія-либо силы для того, чтобы можно было дѣйствительно поставить ее на ноги, но, быть можетъ, новому министерству удалось бы еще кое-какъ продлить ея агонію, еслибы оно не вступило съ самаго начала въ открытую борьбу съ Буланже. Ему показалось мало уроковъ, полученныхъ предшествовавшими министерствами, ополчившимися на преслѣдованія того же Буланже, и оно желаетъ, очевидно, идти по ихъ стопамъ и раздѣлить ихъ участь. Флоке и его товарищи мечтаютъ еще разъ дискредитировать своего противника въ глазахъ народа и сдѣлать его смѣшнымъ, но при этомъ они забываютъ, что никакими способами нельзя прервать теченіе исторіи. Съ Буланже они должны считаться не какъ съ отдѣльной личностью, а какъ съ олицетвореніемъ, быть можетъ, совершенно случайнымъ, идеи избавленія отъ республиканскаго режима, который они же сами умѣли сдѣлать невыносимо ненавистнымъ громадному большинству французскаго народа.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ обращается къ министерству Флоке одинъ изъ публицистовъ притворяющейся независимой, но въ сущности чисто оппортунистской газеты „Le Matin“: „На дняхъ утромъ“, говоритъ онъ, „въ редакціи нашей газеты я встрѣтилъ одного изъ приверженцевъ новаго министерства, который между прочимъ, сказалъ относительно Буланже: „этому человѣку мы предпочитаемъ все, что хотите, даже клерикальную монархію“. Такъ думаетъ министерство и его сторонники. Положимъ, они заходятъ ужь слишкомъ далеко: если монархія, дѣйствительно, къ намъ возвратится, то она, несомнѣнно, должна быть и будетъ монархіей христіанской, но я не вижу причинъ, почему бы она должна быть монархіей клерикальной. Но вотъ что̀ я хотѣлъ бы сказать отъ души господамъ оппортунистамъ и радикаламъ, ненавидящимъ Буланже и предпочитающимъ возвращеніе монархіи: „вы предпочитаете монархію Буланже, вѣрьте мнѣ, что вамъ некогда терять времени и необходимо выбрать то или другое сейчасъ же. Вотъ уже два года, какъ мы толкуемъ о Буланже и, что̀ бы ни говорили про меня, но я долженъ замѣтить, что никогда не ошибался относительно этого человѣка. Въ іюлѣ 1886 г., на другой день послѣ знаменитаго смотра, я сказалъ гг. оппортунистамъ: постарайтесь избавиться отъ этого генерала, если не желаете, чтобы онъ сыгралъ съ вами пренепріятную штуку. Только полгода спустя они начали его преслѣдовать. 24 декабря 1886 г. я имъ замѣтилъ: „уже поздно: вы дали время ему вырости — и онъ теперь можетъ дѣйствовать безъ васъ“. Теперь, я имъ говорю, онъ уже началъ дѣйствовать и сдѣлаетъ изъ этой страны все, что ему вздумается. Смотрите же, что вамъ остается дѣлать, вамъ нечего терять ни одного часа, и вы должны выбирать между монархіей и имъ. Если вы хотите спасти Францію отъ Буланже, то, не теряя ни минуты, провозгласите монархію, иначе такъ же вѣрно какъ то, что солнце сіяетъ на небѣ, придется сказать еще разъ: уже поздно. А черезъ шесть мѣсяцевъ мнѣ придется сказать вамъ: друзья мои, вы не хотѣли подчиниться власти перваго дворянина Франціи,

вы не хотѣли предоставить ему спасеніе и руководительство отечества, такъ переносите же власть потомка торговца карандашами"...

Если такимъ образомъ допускаетъ выражаться на своихъ столбцахъ газета, которую ни въ какомъ случаѣ нельзя уже заподозрить въ приверженствѣ къ монархизму, то, слѣдовательно, на самомъ дѣлѣ вопросъ стоитъ ребромъ, и дни французской республики сочтены.

Между тѣмъ, министерство Флоке не только не желаетъ слѣдовать подобному совѣту, а въ день открытія засѣданій палатъ 7 (19) апрѣля Флоке, говоря о необходимости отсрочить пересмотръ конституціи, на сторонѣ котораго онъ по-прежнему остается въ принципѣ, замѣтилъ еще, что *„къ этому пересмотру можно будетъ приступить лишь тогда, когда онъ перестанетъ быть западнею, поставленною монархистами или дырявой мантіей диктатуры"*. Видимо желая разъединить большинство, которому министерство Тирара обязано своимъ паденіемъ, Флоке предложилъ палатѣ прежде всего вотировать довѣріе правительства. Это довѣріе дано было ему съ разными оговорками, но весьма внушительнымъ большинствомъ 370 голосовъ противъ 117. Но эта внушительность теряетъ очень много вслѣдствіе того, что поставленный въ тотъ же день вопросъ о назначеніи дня для выбора коммисіи, которая должна составить подробный докладъ по поводу предложеній Лагерра о „пересмотрѣ", былъ вотированъ уже большинствомъ 340 голосовъ противъ 215, и днемъ выборовъ былъ назначенъ день 9 (21) апрѣля. Такимъ образомъ, противъ довѣрія къ министерству оказалось только 117 голосовъ, а противъ отсрочки пересмотра, на который настаивалъ президентъ совѣта министровъ Флоке, оказалось уже 340; и при этомъ выборъ коммисіи былъ признанъ дѣломъ настолько важнымъ, что на 8 (20) апрѣля даже не было назначено вовсе засѣданія.

Уже одни результаты этого перваго засѣданія не обѣщали ничего особенно пріятнаго для будущности псевдо-радикальнаго министерства Флоке. При этомъ надо замѣтить, что къ этому засѣданію правительство приготовлялось съ та-

кимъ страхомъ и съ такими предосторожностями, какъ будто бы оно разсчитывало на возможность государственнаго переворота. Всѣ улицы, ведущія къ Бурбонскому дворцу, были заняты сильными отрядами полицейскихъ, и всѣ войска парижскаго гарнизона получили приказаніе не отлучаться въ этотъ день изъ казармъ, а иныя, говорятъ, и просто находились подъ ружьемъ. Полиціи было приказано отнюдь не дозволять скопленіе народа вблизи зданія палаты, которая за послѣднее время окружается какими-то таинственными постройками, предназначенными для охраненія его отъ нападеній народныхъ массъ. Очевидно, Карно, Флоке и К° опасались, что буланжисты будутъ на столько просты и недальновидны, что воспользуются первымъ появленіемъ Буланже въ палатѣ, для того чтобы устроить въ честь его какую-нибудь крупную демонстрацію. Само собою разумѣется, что Буланже и его сторонники, понимающіе дѣло гораздо лучше господъ, изображающихъ правительство, находятъ неудобнымъ вызывать до поры до времени мелкіе, безцѣльные уличные скандалы, могущіе повлечь за собою вмѣшательство полиціи или войскъ... Это отнюдь не въ ихъ разсчетахъ... Тѣмъ не менѣе, пріѣздъ Буланже въ палату и отъѣздъ его оттуда по окончаніи засѣданія былъ привѣтствованъ толпою около 60.000 человѣкъ, собравшихся на площади „Согласія", но толпою, которая вела себя такимъ образомъ, что полиція не имѣла никакой возможности придраться и пустить въ дѣло открытую силу. Это, само собою разумѣется, должно было не мало раздражить Флоке, весьма вѣроятно разсчитывавшаго на уличный скандалъ для того, чтобы имѣть возможность въ слѣдующемъ засѣданіи палаты указать на него, какъ на фактъ, обличающій направленіе политики Буланже и его „республиканскія" стремленія. Вообще необходимо замѣтить, что образъ дѣйствій бывшаго командира 13-го корпуса и его сторонниковъ отличается крайней тактичностью и сдержанностью, которыхъ, именно, и не хватаетъ новому министерству на столько же, на сколько не хватало ихъ и его предшественникамъ.

Очень рельефною иллюстраціей легкомысленнаго отноше-

нія къ дѣлу современныхъ руководителей судебъ Франціи можетъ служить весьма комичное положеніе новаго военнаго министра въ самый день открытія засѣданій палатъ: въ Парижѣ распространился слухъ о томъ, что Фрейсинэ отказывается отъ занимаемой имъ должности и собирается передать портфель военнаго министерства парижскому военному губернатору генералу Соссье. Не смотря на то, что слухъ этотъ пущенъ въ ходъ газетами монархическаго и имперіалистскаго лагерей, онъ, во всякомъ случаѣ, очень хорошо рисуетъ отношенія французовъ къ назначенію штатскаго главы военнаго министерства. Трудно предположить, чтобы Фрейсинэ дѣйствительно рѣшился отказаться отъ принятаго имъ, послѣ долгихъ размышленій и соображеній, портфеля военнаго министерства, тѣмъ болѣе, что дѣлалось это имъ въ угоду крайней лѣвой на столько же, на сколько и въ угоду оппортунистамъ радикаламъ. Однимъ словомъ, созданіемъ штатскаго военнаго министра имѣлось въ виду расположить въ пользу новаго министерства всѣ три уволенныя парламентскія группы, а потому и можно предполагать, что удаленіе Фрейсинэ отъ неподходящихъ къ нему дѣлъ военнаго министерства хотя и совершится въ недалекомъ будущемъ, но совершится во всякомъ случаѣ, не иначе, какъ послѣ какого-нибудь болѣе или менѣе крупнаго промаха или скандальчика въ нѣдрахъ самого министерства, которые наглядно докажутъ невозможность командованія арміей для лица, не имѣющаго ни малѣйшаго понятія ни о военной службѣ, ни о военномъ дѣлѣ. Пока еще о подобномъ скандальчикѣ или qui pro quo ничего не было слышно, а потому слѣдуетъ предполагать, что слухи о замѣнѣ Фрейсинэ генераломъ Соссье, по крайней мѣрѣ, преждевременны. Впрочемъ, эти слухи начинаютъ мотивироваться оппортунистскими органами тѣмъ обстоятельствомъ, что Фрейсинэ, будто бы, въ душѣ весьма расположенъ къ Буланже, а потому въ настоящее тревожное время опасно оставлять его во главѣ военнаго министерства, тѣмъ болѣе, что и теперешній главный начальникъ парижской полиціи Граньонъ принадлежитъ, будто бы, къ числу сто-

ронниковъ „страшнаго" генерала. Генералъ Соссье считается преданнымъ республикѣ, и потому министерство и Карно могутъ на него вполнѣ положиться. Насколько во всемъ этомъ правды—сказать очень трудно; но самые толки на эту тему доказываютъ уже, что въ Парижѣ въ правительственныхъ и политическихъ кружкахъ господствуетъ сильное волненіе.

День 9 (21) апрѣля прошелъ, повидимому, довольно тихо въ палатѣ: по крайней мѣрѣ, полученныя здѣсь на другой день телеграммы сообщили только окончательный результатъ выборовъ въ коммисію для составленія подробнаго доклада по поводу предложенія Лагерра о пересмотрѣ конституціи. Телеграмма, не называя именъ избранниковъ, говоритъ только, что въ составъ коммисіи вошли *двое* сторонниковъ немедленнаго пересмотра, *пятеро* сторонниковъ этого пересмотра подъ условіемъ предоставленія министерству избранія его момента, и, наконецъ, *четверо* противниковъ пересмотра. Такимъ образомъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, предложеніе Лагерра, по мнѣнію министерства, должно потерпѣть пораженіе. Коммисія, вѣроятно, большинствомъ голосовъ постановитъ и внесетъ въ докладъ предположеніе о необходимости пересмотра конституціи, когда палата признáетъ удобнымъ время для этого пересмотра. Само собою разумѣется, министерство Флоке разсчитываетъ, что палата приметъ такое предложеніе, и что вопросъ о неотложности пересмотра отойдетъ на задній планъ и такимъ образомъ правительство одержитъ очень дешевую и легкую побѣду надъ Буланже и его сторонниками. Мы полагаемъ, что такой разсчетъ, во всякомъ случаѣ, окажется совершенно невѣрнымъ и что буланжисты ни въ какомъ случаѣ не помирятся съ такимъ легкимъ пораженіемъ. Впрочемъ, изъ всего сказаннаго выше само собою явствуетъ, что, по нашему мнѣнію, Франція находится наканунѣ событій, долженствующихъ имѣть серьезное вліяніе на будущность.

Къ сожалѣнію, не одна Франція переживаетъ такой тревожный моментъ. Германія, еще не успѣвшая оправиться отъ удара, нанесеннаго ей кончиной маститаго Императора

Вильгельма, снова переживаетъ роковыя минуты ожиданія новой утраты и новаго потрясенія... Здоровье Императора Фридриха, хотя и слабое и не подававшее надеждъ на полное исцѣленіе, все-таки въ послѣднее время настолько улучшилось, что не угрожало роковымъ исходомъ въ близкомъ будущемъ и позволяло ожидать нѣсколько лѣтъ спокойнаго царствованія. Недѣли три тому назадъ съ больнымъ Императоромъ случилось нѣчто крайне непонятное и почти невѣроятное. Дежурившій у постели августѣйшаго больнаго фельдшеръ (такъ объясняютъ, по крайней мѣрѣ, печальныя событія берлинскіе оффиціозы) замѣтилъ, что спавшій до тѣхъ поръ спокойно Императоръ началъ хрипѣть. Подойдя къ больному, фельдшеръ удостовѣрился, что трубочка, вставленная въ разрѣзъ трахеи и служащая для дыханія, вышла изъ отверстія дыхательнаго горла и, недопуская притока воздуха къ легкимъ, въ то время преграждаетъ путь къ выходу матеріи, исходящей изъ раны. Попробовавъ собственными средствами исправить положеніе аппарата и не успѣвъ въ этомъ, фельдшеръ отправился въ сосѣднюю комнату, для того чтобы разбудить спавшаго тамъ дежурнаго врача; но тутъ-то и произошелъ истинный курьезъ, который передается въ двухъ разныхъ версіяхъ. По одной изъ нихъ, врачъ не повѣрилъ фельдшеру и продолжалъ спокойно спать, а тотъ снова отправился къ больному, чтобы еще разъ попробовать обойтись безъ помощи врача, но опять таки не достигъ никакого результата; если вѣрить другой версіи, то недоразумѣніе между врачемъ и фельдшеромъ произошло оттого, что фельдшеръ былъ чистокровный нѣмецъ, не понимающій никакого другаго нарѣчія, а дежурный докторъ —не менѣе чистокровный англичанинъ, не понимающій ни одного нѣмецкаго звука. Какъ бы то ни было, но фактъ— тотъ, что спавшій рядомъ съ комнатой больнаго Императора врачъ явился къ нему на помощь не ранѣе, какъ черезъ полчаса послѣ момента, когда обнаружилась необходимость медицинской помощи. Подобный разсказъ, конечно, можетъ показаться невѣроятнымъ всякому. Дѣйствительно, трудно допустить, чтобы уходъ и врачебный надзоръ за

страждущимъ повелителемъ Германской Имперіи были настолько дурно организованы, что онъ въ теченіи цѣлыхъ ночей оставался бы подъ наблюденіемъ какого-то фельдшера, которому не вѣритъ врачъ; и что-за такіе врачи дежурятъ при больномъ Императорѣ, которые, не вѣря фельдшеру или не понимая его, не могутъ побезпокоиться сами освѣдомиться о томъ, что случилось съ больнымъ; и, наконецъ, какъ же можно назначать на одно и то же дежурство врача и фельдшера, не понимающихъ другъ друга...

Что же такое вся эта исторія, которую очень подробно на разные лады повторяютъ всѣ европейскія газеты съ различными комментаріями, а англійскія даже очень серьезно увѣряютъ, что послѣ этого печальнаго случая, для ухода за больнымъ Императоромъ Германіи выписано нѣсколько штукъ настоящихъ англійскихъ фельдшеровъ? Еще разъ, что такое вся эта исторія? Простая ли сплетня или нѣчто гораздо худшее? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ только исторія, да и то не теперь, а когда-нибудь въ будущемъ, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ...

Ближайшимъ же результатомъ этого, повторяемъ, невѣроятнаго случая явились, по опредѣленію врачей, пользующихъ Императора, острый бронхитъ и затѣмъ, какъ говорятъ одни, зараженіе крови гноемъ, а по другимъ, воспаленіе легкихъ... То или другое страданіе вызвали сильную лихорадку и сдѣлали состояніе царственнаго страдальца безнадежнымъ. Подъ вліяніемъ такого положенія вещей находится Германія...

Съ той минуты, на которой мы остановились въ послѣднемъ „обозрѣніи", эта Германія уже успѣла пережить серьезный кризисъ, который въ Европѣ и въ самой Германіи уже успѣли окрестить наименованіемъ „канцлерскаго или Бисмарковскаго кризиса". Этотъ кризисъ заслуживаетъ того, чтобы ознакомиться съ нимъ нѣсколько подробнѣе.

Еще весною 1885 г., когда Александръ Баттенбергскій, въ то время еще бывшій княземъ Болгаріи и не успѣвшій совершить филиппопольской революціи, поѣхалъ въ Лондонъ на свадьбу своего брата Генриха, женившагося на

младшей дочери королевы Викторіи, принцессѣ Беатрисѣ. Во время этой поѣздки онъ настолько очаровалъ престарѣлую Императрицу Индіи, что она тогда же торжественно объявила, что не допуститъ ни малѣйшаго посягательства на независимость и достоинство очаровательнаго повелителя Болгаріи. Только-что смѣнившій въ то время старика Гладстона маркизъ Салисбюри воспользовался восторженнымъ настроеніемъ духа своей повелительницы и преподалъ принцу нѣсколько „благихъ совѣтовъ“, имѣвшихъ цѣлью освободить его и *„его“* Болгарію отъ русской опеки и вліянія. Съѣздивъ, послѣ пребыванія въ Лондонѣ, въ Австрію для собесѣдованія съ австрійскимъ Императоромъ и побывавъ затѣмъ въ Франценсбадѣ, для того чтобы самымъ безцеремоннымъ образомъ обмануть русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, а черезъ него и русскій императорскій кабинетъ, Александръ Батенбергскій, какъ извѣстно, возвратился во-свояси—и совершилъ переворотъ 6-го сентября. Когда Россія окончательно отвернулась отъ своего клятвопреступнаго ставленника, а Германія, вопреки ухаживаніямъ Австріи, не желала выказать никакого расположенія становиться въ явное противорѣчіе съ Россіей ради Баттенберга, этотъ послѣдній сдѣлался еще дороже и милѣе сердобольной повелительницѣ Англіи. Она рѣшилась такъ или иначе устроить судьбу своего угнетаемаго протежэ. Прежде всего, она пожаловала его орденомъ Подвязки, который потомъ (по настоянію министерства, не признавшаго возможнымъ предоставить подобную честь болгарскому принцу) должна была замѣнить орденомъ Бани и затѣмъ придумала сосватать его на своей внучкѣ, принцессѣ Викторіи, дочери тогдашняго германскаго кронпринца, нынѣшняго Императора Фридриха. Сливницкій герой проѣздомъ изъ Лондона явился въ столицу Германской Имперіи и, какъ новый Фаустъ, рѣшился очаровать указанную ему въ Лондонѣ Маргариту... Но, увы! Въ Берлинѣ онъ не нашелъ Мефистофеля, который сослужилъ бы ему такую службу. Германскій канцлеръ—какъ ни казалась или ни была двусмысленной по отношенію къ

Россіи его политика,—все-таки не нашелъ совмѣстнымъ съ достоинствомъ германскаго императорскаго дома принять въ свою семью принца, обманувшаго довѣріе Россіи, отплатившаго самой черной неблагодарностью облагодѣтельствовавшему его русскому Императору, и исключеннаго за свое вѣроломство изъ списковъ русской арміи, въ рядахъ которой состоятъ почти всѣ принцы Гогенцоллернскаго дома. Маститый Императоръ Вильгельмъ вполнѣ раздѣлялъ воззрѣнія своего канцлера на матримоніальныя поползновенія самозваннаго князя, „князя сѣверной и южной Болгаріи". Онъ не только не далъ своего соизволенія на придуманный въ Лондонѣ бракъ, но даже заставилъ Баттенберга дать слово, что онъ и впредь никогда не возобновитъ сватовства, на которое царственная семья Гогенцоллерновъ не можетъ отвѣчать иначе, какъ отказомъ. Самъ кронпринцъ, какъ говорили тогда, вовсе не былъ сторонникомъ этого неравнаго брака, но не выражалъ энергичнаго протеста, благодаря вліянію своей жены, кронпринцессы Викторіи, которая вполнѣ раздѣляла планы своей родительницы и въ этомъ направленіи вліяла и на свою дочь. Какъ бы то ни было, но романъ трехъ Викторій не удался, и Фаустъ возвратился въ „свою" Болгарію, увезя въ качествѣ сувенира браслетъ своей Маргариты, съ которымъ никогда не разставался и которымъ хвастался всѣмъ своимъ приспѣшникамъ. Пока былъ живъ Императоръ Вильгельмъ, вопросъ объ этой свадьбѣ съ тѣхъ поръ не выступалъ наружу, но едва прахъ маститаго Императора успѣлъ сокрыться въ фамильномъ склепѣ Гогенцоллерновъ, какъ пребывающій на покоѣ, въ Дармштадтѣ, неудавшійся завоеватель Македоніи счелъ за нужное забыть данное имъ покойному Императору слово и снова заявилъ себя претендентомъ на руку принцессы Викторіи. За сватовство принялась опять королева Викторія, а новая Императрица Германіи явилась ея усердной пособницей. Не трудно было повліять на волю больнаго Императора и уговорить его не противиться счастью яко бы влюбленной парочки. Но если слабая воля государя-страдальца могла склониться подъ вліяніемъ романиче-

скихъ увѣреній, то вовсе не такъ легко было заставить канцлера, стоящаго на стражѣ германской политики, войти во вкусъ романическихъ похожденій баттенбергскаго принца, котораго онъ зналъ ничѣмъ инымъ, какъ простымъ поручикомъ прусской службы. Было рѣшено, что королева Викторія привезетъ съ собою въ Берлинъ интереснаго жениха, онъ сдѣлаетъ формальное предложеніе, которое будетъ принято—и онъ получитъ командованіе однимъ изъ корпусовъ германской арміи. Узнавъ объ этомъ рѣшеніи, князь Бисмаркъ прямо заявилъ Императору, что если эта матримоніальная программа будетъ исполнена или если Баттенбергъ только явится въ Берлинъ, то онъ, Бисмаркъ, подастъ въ отставку и сложитъ съ себя обязанности руководителя германской международной политики. Почти въ то же время, какъ сдѣлалась извѣстною въ Берлинѣ вся эта политика романической исторіи, разнеслись слухи о другой причинѣ, вызвавшей неудовольствіе между Императоромъ Фридрихомъ и княземъ Бисмаркомъ. Причина эта заключалась въ тостѣ, произнесенномъ кронпринцемъ Вильгельмомъ на обѣдѣ въ день годовщины рожденія канцлера. Въ текстѣ этой рѣчи, напечатанной прежде другихъ газетами „Köln. Zeit.“ и „Post“, дѣйствительно, заключались выраженія, намекавшія на то, что въ виду болѣзненнаго состоянія Императора, князь Бисмаркъ является единственнымъ руководителемъ Германіи. Но когда слухи о послѣдствіяхъ этого тоста сдѣлались крайне настойчивыми и стали принимать уже нѣсколько фантастическіе размѣры, лейбъ-органъ канцлера „Norddeutsch. All. Zeit.“ поспѣшилъ напечатать текстъ тоста въ значительно смягченномъ видѣ, и этимъ, повидимому, прекратился весь эпизодъ, и князю Бисмарку удалось разсѣять неудовольствіе Императора, увѣривъ его въ неосновательности пущенныхъ въ ходъ слуховъ. Вовсе не такъ легко удалось канцлеру помѣшать исполненію матримоніально-романическихъ плановъ трехъ Викторій. Отставнаго повелителя Болгаріи не на шутку манила перспектива сдѣлаться зятемъ германскаго Императора и корпуснымъ командиромъ германской арміи.

Королева Викторія желала, во что бы то ни стало, довести своего любимца до намѣченной цѣли, а Императрица Викторія настаивала на этомъ бракѣ уже ради того, что ему противодѣйствовалъ князь Бисмаркъ.

Едва начался этотъ матримоніальный кризисъ, какъ вѣнскія газеты, забывъ, что нѣсколько недѣль тому назадъ онѣ превозносили до небесъ германскаго канцлера и не находили словъ, которыми бы можно было достаточно обрисовать его величіе, набросились на него съ необычайнымъ остервененіемъ, на которое способны только продажные еврейскіе публицисты вѣнской журналистики. Въ теченіи двухъ недѣль, пока продолжался кризисъ и было много вѣроятія за удаленіе отъ дѣлъ князя Бисмарка, онъ могъ извѣдать на себѣ всю честность и неподкупность вѣнской оффиціозной журналистики и, кстати ужь, и вѣнскихъ политическихъ кружковъ, такъ еще недавно распинавшихся передъ нимъ въ крайнемъ раболѣпіи.

Наша публицистика отнеслась очень сдержанно и спокойно къ политическому роману, разыгравшемуся въ Берлинѣ. Органъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, „Journal de St.-Pétersbourg“, напечаталъ очень коротенькую замѣтку, смыслъ которой заключался въ томъ, что русское правительство вполнѣ убѣждено, что въ Берлинѣ не совершится ничего такого, что бы могло противорѣчить миролюбивымъ и успокоительнымъ заявленіямъ, которыми Императоръ Фридрихъ началъ свое царствованіе и которыхъ князь Бисмаркъ является истолкователемъ и выразителемъ. Бракъ Баттенберга русское правительство считаетъ невозможнымъ потому, что онъ могъ бы возбудить новыя надежды въ болгарскихъ приверженцахъ бывшаго князя и, вообще, въ людяхъ, стремящихся къ поддержанію безпорядковъ и неурядицъ въ этой несчастной странѣ.

Оппозицію князя Бисмарка вѣнская и германская либеральная печать объясняли исключительно стремленіемъ его угодить Россіи и привлечь ее къ тѣсному сближенію съ Германіей, въ чемъ Австрія, конечно, усматривала прямое нарушеніе своихъ собственныхъ интересовъ.

Въ дѣйствительности же, германскій канцлеръ былъ совершенно правъ. Если онъ и принималъ въ соображеніе въ данномъ случаѣ отношенія Германіи къ Россіи, то онъ и не могъ поступить иначе, не нарушая достоинства Германской Имперіи. На бракъ Александра Баттенберга съ принцессой Викторіей ни въ какомъ случаѣ нельзя смотрѣть не только съ чисто романической, но даже и исключительно семейной точки зрѣнія. Этотъ романъ выкроенъ въ Англіи на чисто политической подкладкѣ. Канцлеръ долженъ былъ притвориться слѣпымъ для того, чтобы не замѣтить этой подкладки...

Какъ мы уже указывали, бракъ этотъ былъ придуманъ королевой Викторіей спеціально для того, чтобы создать для Александра Баттенберга, фонды котораго въ то время стояли уже не очень высоко въ Болгаріи, новую точку опоры въ Германіи, которая никогда не показывала особенной наклонности поддерживать его въ его авантюристской политикѣ, направленной къ ниспроверженію русскаго вліянія въ Болгаріи. Фіаско, которое потерпѣлъ этотъ бракъ, благодаря рыцарскому отношенію къ этому вопросу покойнаго Императора Германіи, видимо принудило только отложить, до поры до времени, матримоніальныя намѣренія и планы, а вовсе не покинуть ихъ. Вотъ почему, немедленно послѣ кончины маститаго Императора, королева Викторія сочла возможнымъ выступить снова со своимъ сватовствомъ.

Англія сама по себѣ совершенно безсильна въ „болгарскомъ вопросѣ"... Какими бы орденами и чинами ни награждала она своего любимца, но водворить его на болгарскомъ престолѣ она все-таки не можетъ. Напротивъ того, одного слова Германіи, быть можетъ, было бы совершенно достаточно, чтобы это водвореніе совершилось. Да кромѣ того, еслибы даже Баттенбергъ отложилъ всѣ помышленія о болгарскомъ престолѣ, то и тогда положеніе его, какъ зятя германскаго Императора, было бы весьма завиднымъ и почетнымъ. Но для Германіи такой союзъ былъ бы не только неприличнымъ, но почти позорнымъ. Во-первыхъ, сынъ отъ морганатическаго брака Александра Гессенскаго и госпожи Гаукъ вовсе

не представляется особенно блистательной партіей для такой невѣсты, какъ дочь германскаго Императора. Еще менѣе становится возможной эта партія, если принять во вниманіе личный характеръ и свойства претендента. Онъ, кажется, неопровержимымъ образомъ доказалъ, что для него нѣтъ ничего святаго. Получивши все отъ руки русскаго Императора, онъ на его благодѣянія отвѣтилъ сплошнымъ рядомъ интригъ противъ Россіи, которыя и составляли почти исключительно все его княженіе. Затѣмъ филиппопольскій переворотъ и провозглашеніе себя княземъ объединенной Болгаріи вопреки желанію русскаго Императора, сдѣлали этого политическаго авантюриста окончательно невозможнымъ въ глазахъ русскаго правительства. Онъ вычеркнутъ изъ списковъ русской арміи и, слѣдовательно, опредѣленіе его на какой бы ни было отвѣтственный постъ германской арміи было бы рѣшительной грубостью по отношенію къ Россіи. Князь Бисмаркъ не можетъ признавать такую невѣжливость удобной и своевременной. Кромѣ того, такъ называемой высокооффиціозной „Köln. Zeit.“ удалось достать собственноручную переписку Баттенберга съ какими-то пріятелями, изъ которой видно, что онъ самъ на предполагаемый бракъ съ принцессой Викторіей взираетъ не иначе, какъ на выгодную политическую аферу, точно также, какъ нѣкогда онъ взиралъ и на полученіе болгарскаго престола. Какъ ни оскорбительнымъ для самолюбія юной принцессы Викторіи могло показаться такое откровенничанье при-рейнскаго оффиціоза, но, во всякомъ случаѣ, было лучше раскрыть этотъ некрасивый фактъ, нежели давать возможность экс-болгарскому Фаусту драппироваться пламенной любовью и изображать изъ себя угнетенную невинность.

Какъ бы то ни было, но, повидимому, въ данную минуту устранена возможность подобной комбинаціи. Впрочемъ, она казалась настолько устраненной, что даже и не предполагалось болѣе, что королева Викторія заѣдетъ въ Берлинъ; а между тѣмъ, поѣздка эта является совершившимся фактомъ. За-Ламаншскую путешественницу съ большимъ почетомъ и самой утонченной любезностью принималъ въ

Инсбрукѣ Императоръ Францъ-Іосифъ. Австрія, видимо, заискиваетъ близкаго расположенія Англіи въ смутной надеждѣ, что хоть она выручитъ ее въ „болгарскомъ вопросѣ", такъ какъ на содѣйствіе Германіи въ Вѣнѣ давно уже утратили всякую надежду: тамъ отводятъ душу тѣмъ, что продолжаютъ поносить германскаго канцлера на столбцахъ газетъ и громятъ въ парламентскихъ рѣчахъ политику Австріи, которая слѣпо слѣдуетъ по стопамъ Берлина. За послѣдніе дни положительно нельзя открыть ни одной политической газеты австрійской или германской безъ того, чтобы не наткнуться на взаимную полемику. Австрія притворяется, что совершенно готова уже къ нападенію на Россію, вполнѣ независимо отъ Германіи, но дѣлаетъ видъ, что находитъ болѣе удобнымъ войти въ непосредственное соглашеніе съ Россіей на почвѣ „болгарскаго вопроса", хотя до сихъ поръ ни одинъ изъ ораторовъ, говорившихъ въ пользу подобнаго соглашенія, не указалъ ближайшимъ образомъ на тѣ пути, которыми такое соглашеніе могло бы быть достигнуто.

Въ Берлинѣ, не смотря на страданія Императора и на тревожное настроеніе вообще, очень дѣятельно взялись за приготовленія къ прибытію королевы Викторіи и, кажется, не прочь были изъ этого событія сдѣлать какъ бы семейный праздникъ германскаго народа. Хотя въ послѣдніе дни англійская оффиціозная печать и перемѣнила свой рѣзкій и грубый тонъ по отношенію къ канцлеру на болѣе заискивающій, но тѣмъ не менѣе, едва-ли этимъ способомъ ей удастся возбудить какую-нибудь особенную нѣжность въ отношеніи къ Англіи въ душѣ опытнаго сподвижника покойнаго маститаго государя Германіи...

Сообщенія и извѣстія.

I. Еще къ письмамъ Императора Александра Павловича (сообщ. П. Н. Батюшковымъ). Кн. С. С. Мещерская (къ которой обращены Императоромъ Александромъ I письма, помѣмѣщенныя въ предъидущемъ №), ур. Всеволожская, была женою кн. Ив. Сергѣевича, брата бывшаго оберъ-прокурора св. синода, кн. Петра Сергѣевича. Она пользовалась въ царствованіе Императора Александра I большимъ значеніемъ и почетомъ при Дворѣ; находилась въ живой и постоянной перепискѣ и личныхъ сношеніяхъ съ Императоромъ, котораго отвѣтныя письма (за исключеніемъ двухъ находящихся у меня) были, по ея кончинѣ, посланы ея дочерью княж. С. Ив. Императору Николаю. Она была въ близкихъ сношеніяхъ съ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ во время его ректорства въ здѣшней духовной академіи и съ *соперникомъ* Филарета—Иннокентіемъ. За пропускъ сочиненія Станевича „Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души" Иннокентіемъ (который былъ тогда цензоромъ духовныхъ книгъ) онъ повергся по всеподданнѣйшему докладу кн. А. Н. Голицына выговору „за неосмотрительность при пропускѣ сочиненія, стремящагося уничтожить „духъ внутренняго ученія христіанства, такъ какъ авторъ „къ сужденію о безсмертіи души привязалъ защищеніе „греко-россійской церкви, на которую никто не нападаетъ. „Это защищеніе наружной церкви противъ внутренней наполняетъ книгу; раздѣленіе непонятное въ христіанствѣ,—

„ибо наружная безъ внутренней, есть тѣло безъ души..
„Однимъ словомъ, книга эта противна началамъ, руково-„дящимъ христіанское правительство по гражданской и ду-„ховной части“.

Только по стараніямъ княгини и всеподданнѣйшему ходатайству Михаила (митрополита петербугскаго) Иннокентій былъ оправданъ, книга не изъята изъ обращенія—но онъ все-таки былъ удаленъ (1819 г.) изъ Петербурга и назначенъ епископомъ въ Пензу, гдѣ вскорѣ въ цвѣтѣ лѣтъ (35) скончался. Замѣчательныя его письма къ кн. Мещерской были напечатаны Бодянскимъ въ 1875 г. Съ восшествіемъ на престолъ Императора Николая, кн. Мещерская переѣхала на постоянное жительство въ Москву, гдѣ была въ постоянномъ общеніи съ митрополитомъ Филаретомъ. Скончалась въ 1848 году, похоронена на Новодѣвичьемъ кладбищѣ.

II. **Изъ неизданныхъ сочиненій В. А. уковскаго** (сообщ. И. А. Бычковымъ). Въ бумагахъ В. А. Жуковскаго, принесенныхъ въ 1884 году въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ сыномъ нашего знаменитаго поэта, Павломъ Васильевичемъ Жуковскимъ, находится, между прочимъ, нѣсколько неизданныхъ замѣтокъ поэта и небольшихъ его разсужденій философскаго, политическаго и общественнаго характера. Часть этихъ замѣтокъ и разсужденій осталась въ черновыхъ набросках, часть же имѣется и въ окончательно обработанномъ видѣ. Здѣсь помѣщаются нѣкоторыя изъ этихъ сужденій и замѣтокъ, писаны они Жуковскимъ въ сороковыхъ годахъ 1842—1847 гг.) [1]). Какъ извѣстно, въ 1850 году Жуковскій отправилъ П. А. Плетневу для напечатанія часть своихъ статей философскаго и политическаго содержанія; цензура тогда ихъ не пропустила, и онѣ были напечатаны въ первый разъ уже по смерти Жуковскаго въ XI-мъ дополнительномъ томѣ къ 5-му изданію его сочиненій (Спб. 1857). Плетневъ сообщилъ Жуков-

[1]) См. мою книгу „Бумаги В. А. Жуковскаго, поступившія въ 1884 году въ Импер. Публ. Библіотеку“ (Спб. 1887); стр. 114—117 и слѣд.

кому о затрудненіяхъ, которыя дѣлала цензура; поэтъ былъ
горченъ этимъ извѣстіемъ, и вотъ что онъ, между прочимъ,
исалъ Плетневу по этому поводу: „...Я все-таки буду писать
ъ прозѣ, если не про чужихъ, то про себя и про своихъ.
Со временемъ и отечество скажетъ спасибо. Я стою твердо
а двухъ основаніяхъ—на христіанствѣ и православіи отно-
ительно философіи и нравственности, и на основаніи хри-
тіанства и самодержавія относительно политики....“ (въ
письмѣ отъ 16 (28) октября 1850 года) [1]. „Возьмите назадъ
ануски ипты мои изъ цензуры—писалъ онъ Плетневу 19
31) декабря того же года.—Я раздумалъ ихъ печатать и
весьма радъ, что цензурныя задрудненія меня на то надо-
умили.... Я хотѣлъ дѣлиться съ своими соотечественниками
тѣми мыслями, которыя жизнь развила въ головѣ и сердцѣ.
Это не нужно; гораздо вѣрнѣе, покойнѣе и смиреннѣе думать
 выражать искренно свои мысли про себя. Зачѣмъ подвер-
гать себя недоразумѣнію, произвольному суду и навле-
кать на себя неосновательныя обвиненія? Я знаю по со-
вѣсти, что у меня въ томъ, что представлено въ манускрип-
тахъ моихъ на судъ цензуры, нѣтъ ни одной вредной мысли...“
О характерѣ и направленіи своихъ политическихъ статей
Жуковскій въ томъ же письмѣ говоритъ слѣдующее: „Отно-
сительно политики я, по глубокому убѣжденію, а не по
страху полиціи, вѣрую въ необходимость самодержавія и
болѣе всего желаю сохранить его для нашей Россіи непри-
косновеннымъ; мнѣнія, на этой базѣ утвержденныя, не только
не могутъ быть у насъ вредны, но они необходимо должны
быть пущены въ ходъ, выраженныя не лакейскимъ оффи-
ціальнымъ слогомъ, а словомъ сердца и ума, покореннаго
высшей правдѣ... Но теперь, благодаря строгому суду на-
шихъ цензоровъ, я долженъ буду вѣроятно узнать, что мои
мысли могутъ быть незаконны и вредны... Буду писать про
себя и можетъ быть болѣе прежняго; но безъ всякой гордой
мысли автора, который полагаетъ, что всякое написанное

---

[1]) Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, изд. Я. К. Гротомъ,
т. III (Спб. 1885), стр. 679.

имъ слово есть драгоцѣнная перла. Опять скажу: время прозы для меня наступило, то есть, время чистаго изложенія мыслей и убѣжденій, собранныхъ въ теченіи жизни. Многое сидитъ въ головѣ, что хотѣлось бы положить на бумагу... Отъ моей теперешней литературной дѣятельности отдѣлится всякій позывъ на хвастовство и похвалу, мысли пріобрѣтутъ болѣе простоты и искренности, выраженіе ихъ будетъ безъ кокетства; однимъ словомъ, будетъ во всемъ болѣе совѣсти, и умственная работа будетъ безъ всякой тревоги самолюбія, которое замышляетъ учить, боится противорѣчія и сердится на опроверженія...“ [1]). Направленіе, которымъ охарактеризовалъ Жуковскій въ приведенныхъ письмахъ свои политическія статьи, проходитъ и въ нижепомѣщаемыхъ его разсужденіяхъ.

Терпѣливость царя. Главная добродѣтель властителя должна быть *терпѣливость*, résignation. Онъ долженъ быть смиреннымъ исполнителемъ воли Провидѣнія; его всемогущество относительно народа должно быть смиреніемъ относительно Бога. Творя надъ народомъ Божію волю, онъ долженъ ей подчинять безусловно свою волю. Если, посѣявъ добро на нивѣ народнаго блага, онъ захочетъ насильственно произвести всходъ своихъ сѣмянъ и пожать преждевременно плодъ ихъ, то онъ будетъ дѣйствовать только въ смыслѣ одной собственной власти, а не въ смыслѣ власти верховной. Сѣй сѣмена блага, но жди отъ Промысла благотворнаго дождя и свѣта для созрѣнія сѣмянъ твоихъ. Иными словами: твори добро, но жди съ терпѣніемъ плодовъ его. Нетерпѣніе видѣть успѣхъ (зависящій не отъ насъ, а отъ Бога и отъ постояннаго содѣйствія Его волѣ) есть эгоизмъ, весьма свойственный властителю. Онъ слишкомъ подверженъ отчасти видѣть въ неограниченности власти всемогущество. Но всемогущество принадлежитъ одному Богу. Горе тому, кто замыслитъ его себѣ присвоить; онъ познаетъ только слабость свою, гибельную и для него самого, и для тѣхъ, кто подверженъ его власти. Твори благо не для себя, а для народа; не жди исполненія при себѣ добрыхъ твоихъ

[1]) Тамъ же, стр. 685–687.

замысловъ; не жди наслажденія видѣть ихъ исполненными; будь счастливъ чувствомъ своей чистоты, своего безкорыстнаго дѣйствія для блага, своимъ смиреніемъ передъ Богомъ, твоимъ всемогущимъ сподвижникомъ. Смотри въ будущее и вѣрь, что придетъ минута, въ которую Богъ благословитъ твою на него надежду; удобряй почву царства, не мысля о жатвѣ, не надѣясь даже, чтобы и твой наслѣдникъ ее собралъ; но въ настоящемъ довольствуясь чистымъ дѣйствіемъ для блага, живи въ будущемъ, и вселяй твоему наслѣднику тоже смиреніе—добро творитъ Богъ, а не люди. Оно будетъ, когда творящій его творитъ во имя Бога. Когда будетъ?—это Его дѣло. Намъ принадлежитъ только *одна* минута, и правда въ эту *одну* минуту и вѣра въ будущее, безъ всякаго желанія властвовать будущимъ, которое все во власти Того, Кто одинъ всемогущъ и Который равно дѣйствуетъ и въ каждое быстро-пролетающее мгновеніе, и въ вѣчности, неизмѣнно Ему одному подвластной.

Государь и человѣчество. Государь (говорятъ) далекъ отъ человѣчества и простыя чувства человѣческія ему чужды. Послѣднее несправедливо: Государь знакомится съ человѣчествомъ въ семьѣ своей и въ этомъ отношеніи онъ равенъ всякому другому человѣку. Если по своему положенію онъ не можетъ знать всѣхъ частностей человѣческой жизни, подобно человѣку, стоящему на башнѣ, съ высоты которой не можно ему видѣть въ лицо людей, ее окружающихъ, за то онъ видитъ всю ихъ массу, о которой не можетъ имѣть понятія тотъ, кто въ толпѣ.

Порядокъ общественный. Не государство для порядка, а порядокъ для государства. Если правительство будетъ заботиться объ одномъ порядкѣ исключительно, жертвуя ему благосостояніемъ лицъ, то это будетъ одна декорація: спереди благовидное зрѣлище, сзади перепутанныя веревки, колеса и холстина. Надобно, напротивъ, чтобы видимая сторона была благоденствіе общее и частное, а порядокъ—сокровенная задняя сторона, невидимо производящая это благовидное устройство.

Деспотизмъ. Тамъ нѣтъ народнаго благоденствія, гдѣ народъ чувствуетъ себя подъ стѣсняющимъ вліяніемъ какой-то невидимой власти, которая вкрадывается во все и бременитъ тебя во всѣ минуты жизни, хотя впрочемъ до тебя непосредственно и не касается. Это стѣснительное чувство, которое портитъ жизнь, бываетъ въ такомъ случаѣ, когда правительство вмѣшивается не въ одну публичную жизнь, но хочетъ распоряжаться и личною и домашнею жизнью, когда ему до всего нужда, до нашего платья, до нашихъ забавъ, до нашего дома, когда мы вѣчно подъ надзоромъ полиціи. Въ такомъ случаѣ власть отъ верховнаго властителя переходитъ къ исполнителямъ власти, и въ нихъ становится не только обременительною, но и ненавистною. Въ государствѣ демократическомъ чувствуешь себя также стѣсненнымъ. Тамъ власть не на тронѣ, а на улицѣ, не въ порфирѣ, а въ лохмотьяхъ; тамъ властвуетъ не одинъ, а толпа; тамъ личная свобода, огражденная закономъ, но подчиненная верховной власти, не признаетъ въ толпѣ ни закона, ни власти. И чернь, гордая свободою, становится, такъ сказать, сама мучительнымъ закономъ, отъ котораго нѣтъ нигдѣ убѣжища; она не наблюдаетъ закона, который въ свою очередь, давая всѣмъ одинаковую гарантію, тѣмъ самымъ отдаетъ того, кто чтитъ законъ по мѣрѣ нравственности и просвѣщенія, на жертву тому, кто, не имѣя сей узды, безпрестанно его нарушаетъ насчетъ безопасности общей. Свобода тисненія, нѣкогда врагъ деспотизма правителей, есть нынѣ подпора деспотизма черни, которая безпрестанно ослабляетъ узду ея.

Русскій историческій романъ. Въ историческихъ романахъ Вальтеръ Скотта болѣе истины, нежели въ исторіи; то же можно сказать и объ историческихъ драмахъ Шекспира. Эти два гиганта подаютъ другъ другу руку. Что, еслибъ нашелся Шекспиръ для русской исторіи и своимъ геніемъ дополнилъ, описалъ и олицетворилъ то, о чемъ умолчала наша скудная лѣтопись! Какая бы живая картина развилась предъ нашими глазами! Древняя исторія Россіи слишкомъ для насъ далека, и трудно угадать и живо представить

сіи времена отдаленныя: слишкомъ будетъ ощутителенъ вымыселъ поэтическій. Но времена раздробленія и междоусобія: Мономахъ, Изяславъ, Всеволодъ Великій; времена ига Татарскаго: Александръ Невскій, Михаилъ Тверской, Донской, Литва, Галичъ; времена Іоанновъ III и IV, Василія Темнаго; Годуновъ; междуцарствіе — все это полно удивительной жизни. Но надобно быть великимъ творцомъ, чтобы воздвигнуть стройное зданіе изъ щебня лѣтописей.

III. **Кіевскій кладъ.** (Сообщ. проф. Н. В. Покровскимъ). Въ прошедшемъ году нѣсколько рабочихъ, производя земляныя работы въ кіевскомъ Михайловскомъ монастырѣ, нечаянно натолкнулись на глиняный сосудъ, въ которомъ оказались, по осмотрѣ, драгоцѣнныя вещи, представляющія высокій археологическій интересъ: вещи эти золотыя, отчасти украшены византійскою перегородчатою эмалью. Вѣроятно, это кладъ, скрытый богатымъ лицомъ по какому-нибудь особенному случаю, можетъ быть, по случаю нашествія татаръ. Большая часть вещей представляется разрозненною, а потому опредѣлить съ точностью ихъ значеніе трудно. Несомнѣнно, что въ числѣ ихъ находятся двѣ золотыя серьги, имѣющія форму круглыхъ бляхъ, размѣры которыхъ значительно превосходятъ размѣры большихъ серегъ, употребительныхъ въ настоящее время. На лицевыхъ сторонахъ ихъ находятся прекрасныя эмалевыя изображенія сиренъ, миѳологическихъ птицъ, формы которыхъ намъ хорошо извѣстны по памятникамъ старинной русской иконографіи. Есть основаніе думать, что птицы эти на нашихъ серьгахъ имѣютъ не декоративное только, но и символическое значеніе: онѣ снабжены сіяніями (нимбами) вокругъ головъ, что уже прямо выдѣляетъ ихъ изъ ряда обыкновенныхъ птицъ. Съ другой стороны и помѣщеніе этихъ птицъ, съ которыми древность соединяла мысль о чарующемъ пѣніи, на серьгахъ, предназначаемыхъ для ушей, орудій слуха, даетъ нѣкоторое основаніе предполагать здѣсь темный слѣдъ древняго воззрѣнія на чудную птицу. Кромѣ этихъ серегъ здѣсь находится нѣсколько золотыхъ бляхъ, весьма красиво орна-

ментированныхъ византійскою разноцвѣтною эмалью: быть можетъ, онѣ составляютъ отдѣльныя части нагрудной цѣпи,—довольно распространеннаго византійскаго и древне-русскаго украшенія; значительное количество золотыхъ бусъ и золотой сіончикъ или ковчежецъ съ золотыми привѣсками, носимый, быть можетъ, на груди въ качествѣ амулета. Кладъ этотъ относится приблизительно къ XI—XII в. и составляетъ одно изъ рѣдкихъ явленій русской отдаленной старины. Года три тому назадъ, подобный кладъ найденъ былъ въ томъ же Кіевѣ г. Есикорскимъ; нѣчто подобное находили также въ Черниговѣ, Рязани и Смоленскѣ. На сѣверѣ Россіи не встрѣчалось доселѣ ничего подобнаго. Чрезвычайно тонкая ювелирная работа, необычайно счастливыя сочетанія красокъ и свѣжесть эмалеваго колорита, правильность рисунка, превосходятъ все, что уцѣлѣло до насъ отъ отдаленной художественной старины Россіи. Несомнѣнно, что этотъ видъ художественнаго производства перешелъ къ намъ изъ Византіи, но почему на почвѣ самой Византіи, оставившей намъ довольно многочисленные образцы эмалей религіознаго характера, до сихъ поръ не найдено прототиповъ кіевскихъ кладовъ; въ какомъ отношеніи къ этому производству стояли русскіе мастера,—вопросы эти остаются открытыми. Какъ бы то ни было, но древняя Россія можетъ гордиться тѣмъ, что она высоко цѣнила произведенія искусствъ и хранила ихъ на-ряду съ лучшими сокровищами. Въ настоящее время кіевскій кладъ пріобрѣтенъ Императорскою археологическою коммисіею для Эрмитажа, гдѣ онъ и займетъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ ряду памятниковъ русской старины.

IV. **Къ исторіи русскаго флота.** (Сообщено Е. В. Бревковымъ). Въ одномъ изъ дѣлъ бывшей „коммиссіи о комерціи“, именно въ дѣлѣ о провѣркѣ разсчетовъ съ раззорившимся таможеннымъ откупщикомъ Шемякинымъ, относящемся къ 1763—1765 г.г., — встрѣтился любопытный документъ: письмо (отъ 11 декабря 1741 года) нѣкоего Алексѣя Чирикова, содержащее интересный разсказъ о не-

счастіяхъ, перенесенныхъ имъ въ морѣ на одномъ изъ русскихъ судовъ. Несомнѣнное значеніе этого документа для исторіи русскаго флота, Богъ вѣсть почему попавшаго въ дѣла „коммисіи о коммерціи“,—даетъ возможность привести его здѣсь цѣликомъ, несмотря на то, что, къ сожалѣнію, неизвѣстно, кому письмо адресовано, такъ какъ ни въ дѣлѣ, ни въ самомъ документѣ на этотъ счетъ нѣтъ никакихъ указаній; въ своемъ письмѣ А. Чириковъ обращается къ какому-то Дмитрію Яковлевичу, не давая ни малѣйшаго намека на то, кѣмъ онъ былъ и по какому случаю онъ послалъ ему это донесеніе. Выяснить этотъ вопросъ представляется, во всякомъ случаѣ, интереснымъ. Вотъ этотъ любопытный документъ; воспроизводимъ его со всѣми особенностями его оригинальнаго правописанія и слога:

„Милостивый Государь мой и другъ Дмитрій Яковлевичъ! О несчастливомъ нашемъ мореплаваніи доношу: отправились мы изъ здѣшней гавани вмѣстѣ съ господиномъ Капитаномъ Командоромъ Мая 29 числа, а 20 числа Іюня при обычныхъ, на здѣшнемъ морѣ, всегдашнихъ туманахъ сталъ великій вѣтръ, которымъ насъ разлучило съ господиномъ Капитаномъ Командоромъ, и по утишенію сильнаго вѣтра искалъ я его опредѣленное время, точію сыскать не могъ. И поынѣ онъ господинъ Капитанъ Командоръ со своимъ судномъ и сюды не возвратился—статное дѣло, ежели не въ несчастьи, то остался нѣгдѣ зимовать; а по разлученіи съ нимъ господиномъ Командоромъ принужденъ былъ слѣдовать въ надлежащій намъ путь одинъ; и, переплывъ отсюда близко *полупути* (sic) тысячи верстъ, получили землю, которая у себя берега имѣетъ, можно вмѣнять, что неприступные, а именно, вездѣ каменные и крутые; и близъ самыхъ береговъ море имѣетъ глубину великую; однако же, необходимо надлежало мнѣ объ обстоятельствахъ оной провѣдать, чего ради посланъ отъ меня съ десятью человѣками Аврамъ Михайловичъ Дементьевъ на лангботѣ; точію общимъ моимъ и его несчастіемъ онъ къ намъ со всѣми людьми не возвратился и ожидая его къ себѣ шестеро сутки, по присутствію всѣхъ офицеровъ, разсуждая, что не возвращается къ намъ за по-

врежденіемъ лангбота, послалъ на имѣющейся при судѣ послѣдней малой лодкѣ мастеровыхъ людей для починки, а для свозу ихъ посланъ боцманъ Сидоръ Савельевъ, понеже онъ, сожалѣя посланныхъ прежде людей, самъ о посылкѣ своей просилъ, но по несчастью и онъ самъ-четвертъ къ намъ не возвратился, а посланъ былъ весьма въ удобную погоду; а на другой день изъ того мѣста, въ которое посланы наши суда и гдѣ раскладыванъ былъ почти безпрестанно огонь, о которомъ мы чаяли, что держатъ посланные отъ меня служители,—вышли двѣ лодки и гребли къ нашему судну, точію къ намъ не приближались такъ, чтобъ можно хотя въ лицо людей разсмотрѣть, но издали на судно наше посмотрѣли, вставъ на ноги, прокричали: „агай“, „агай“ и съ великимъ поспѣшеніемъ возвратились и сильно погребли въ прежнее свое мѣсто. Тогда мы разсудили, что посланные отъ насъ, конечно, въ несчастьи, ибо тогда уже настали осьмыя сутки, какъ посланъ былъ отъ меня Аврамъ Михайловичъ; и знатное дѣло, что отъ тамошнихъ жителей, по обыкновенному ихъ безчеловѣчному суровству, побиты или задержаны; однако жъ, мы еще ожидали послѣ выѣзду тамошнихъ жителей часовъ 18 и, не дождавшись, пошли въ путь свой, и только осмотрѣли чай земли верстъ съ пятьсотъ, и Іюля 27 числа, понеже намъ не на чѣмъ стало обстоятельство земли развѣдывать и къ пропитанію своему въ прибавокъ получать водки, а были тогда отсюда весьма въ дальнемъ разстояніи,—возвратились къ здѣшней гавани, но, несчастьемъ, возвратъ намъ весьма продолжили долговременно стоящіе противные вѣтры и нечаянная, лежащая на возвратномъ пути нашемъ, земля, которой, впередъ идучи, и признаковъ не видали, и мало бъ объ сію землю въ туманѣ судна не разбили, и уже отстоялись отъ ней на якорѣ въ 200 саженяхъ, причемъ имѣли Божьей помощью вдругъ утишившійся вѣтръ, и довольное время стоящая тишина; однако жъ съ великимъ трудомъ отъ нея отошли, потерявъ якорь; пріѣзжали къ намъ и люди въ 21 лодкахъ кожаныхъ, въ каждой по одному человѣку, а ежели соблаговолите вѣдать, каковы

собою тѣ люди и какъ къ намъ выѣзжали, о чемъ можетъ вамъ донесть посланный отъ меня солдатъ Сплавщиковъ, и во все время бытности нашей на морѣ, почти всегда были въ смертной опасности и несли великій трудъ и претерпѣвали многую нужду, а именно страхъ, отъ того что плаваніе имѣли въ незнаемомъ морѣ и подлѣ неизвѣстныхъ береговъ почти со всегда стоящими туманами, которые на здѣшнемъ морѣ гораздо больше стоятъ, нежели на иныхъ моряхъ; а трудъ отъ продолженія времени, понеже безпрестанно имѣли паруса 4 мѣсяца и 6 дней и отъ частыхъ не покойныхъ мокрыхъ погодъ, а нужду претерпѣли отъ недовольства воды, котораго ради недовольствія, однажды давалась въ недѣлю служителямъ каша, а въ прочіе же дни питались холоднымъ и пить принужденъ былъ, дивость, воду малою мѣрою, которою только бъ жажду утолить, да и та вода очень испортилась и издавала изъ себя духъ весьма противный, при которомъ оскудѣніи и я со всѣми офицерами принужденъ былъ по однажды въ день вареное кушать и пили только чаю по двѣ или по три чашки въ день, а всѣхъ трудностей нашихъ и описать невозможно; отъ которыхъ трудовъ и отъ оскудѣнія пищи и питья и отъ всегдашняго сыраго воздуха постигла всѣхъ насъ жестокая цинготная болѣзнь, отъ которой многіе слегли, а остальные съ нуждою и насилу судномъ управляли, и я съ 20 числа сентября и по возвратъ въ здѣшнюю гавань за тяжкою болѣзнью уже не могъ выходить и наверхъ и былъ при самой смерти не токмо на морѣ, но уже и на берегу и отъ не надежды жизни не однажды, по обычаю, приготовленъ былъ къ смерти, чему виновны многіе мои грѣхи предъ Богомъ; а сентября 26 числа помянутая злая болѣзнь лишила сего свѣта Осипа Андреевича Катчикова, а октября 6 числа преставился премногосклонный ко мнѣ благодѣтель *Иванъ Львовичъ Чихачевъ;* послѣ его черезъ однѣ сутки преставился *Михайло Гавриловичъ Плаутинъ*, чтó случилось уже весьма незадолго до входа въ Авачинскую губу; ибо по милости, не до конца гнѣвающагося на насъ Бога, Октября 6 числа увидѣли Камчатскую землю, а 9 числа

[redacted]

вошли въ Авачинскую заливу и стали на якорь, а 10 числа уже въ Авачинскомъ заливѣ преставился астрономіи господинъ профессоръ; между тѣмъ, еще умеръ Михайло Усачевъ, котораго, чаю, изволили знать, да одинъ служивый; 11 числа вошли въ здѣшнюю гавань, а осталось насъ живыхъ 50 человѣкъ, а 21 человѣкъ, по волѣ Божіей, — нѣкоторые остались на удаленной землѣ въ неизвѣстномъ несчастіи, а прочіе померли. Я послѣ, по милости Божіей, отъ болѣзни имѣю нѣкоторую свободу, однако жъ ноги еще весьма болятъ и все въ цинготныхъ пятнахъ и зубы коренные еще трясутся, какъ прежде почти всѣ тряслися, и нынѣ я нахожусь въ недоумѣніи, хотя и подастъ Богъ мнѣ совершенное здоровье отъ болѣзни, то на море идтить не съ кѣмъ и снасти на суднѣ худы, а жить здѣсь въ праздности изъ того будетъ не безъ траты интересу, понеже казенный провіантъ, который доходитъ суды съ великимъ трудомъ и дорогимъ коштомъ, принужденъ буду издержать напрасно, а безъ указу и до Охотска возвратиться не очень смѣю".

Алексѣй Чириковъ.

Гавань св. Апостоловъ Петра и Павла.
Декабря 11 дня, 1741 году.

Редакторъ **Ф. Бергъ.**
Издатели: Ф. Н. Бергъ и Товарищество „Общественная Польза".

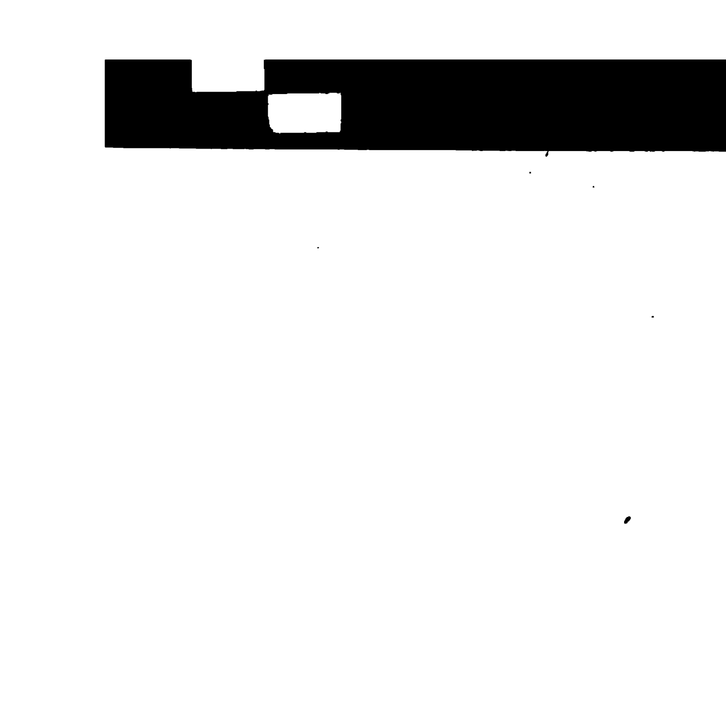
[redacted]

НЕОБХОДИМОЕ РАЗЪЯСНЕНІЕ.

Въ статьѣ моей „Траяновъ перевалъ“ помѣщенной въ февральской книгѣ „Русскаго Вѣстника“, сего года на 171 страницѣ, есть неправильность, требующая, для возстановленія истины, необходимаго разъясненія.

Приведенная на указанной страницѣ записка, какъ оказалась потомъ, была составлена и подписана вовсе не начальникомъ штаба Западнаго отряда, какъ у меня сказано, а другимъ лицомъ. Это усмотрѣно мною только теперь, когда разыскана хранившаяся у меня подлинная записка, за № 172, отправленная 1 января 1878 г., но откуда на бланкѣ необозначена. Она подписана „начальникъ штаба—такой-то“, безъ означенія какого именно отряда. Считаю долгомъ принести, въ этомъ неумышленномъ недосмотрѣ, мое извиненіе, какъ передъ лицомъ, которому было неправильно мною приписано составленіе записки, такъ и передъ редакціею „Русскаго Вѣстника“, дабы на него не пало обвиненіе въ помѣщеніи на страницахъ своего журнала, невѣрнаго факта.

П. КАРЦОВЪ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

196

ТОМЪ СТО ДЕВЯНОСТО ШЕСТОЙ.

1888.

Іюнь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяческая, № 39.
1888.

БРИНГИЛЬДА.

ПОЭМА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гудруна — жена убитаго Сигурда.
Брингильда — жена Гуннара, брата Гудруны.
Медди.
Гермунда
Герварда — пять королевъ.
Урлунда-Красавица
Древняя Гильда.
Время — миѳическихъ преданій Скандинавской Старшей Эдды.

Мертвый Сигурдъ на высокомъ помостѣ лежитъ.
Весь съ головы золотою покрытъ онъ фатой.
Факелъ горитъ въ головахъ, а въ ногахъ у него
Блѣдная, взглядъ неподвижный, Гудруна сидитъ.
Пять королевъ на ступеняхъ помоста вокругъ—

Прим. для чтенія вслухъ... „Бога ради, читая вслухъ, не скандуйте стиховъ, какъ, къ сожалѣнію, у насъ принято при чтеніи греческихъ и латинскихъ поэтовъ, и переносится также и на русскіе трехсложные размѣры; не надобно думать совсѣмъ о размѣрѣ: читайте какъ прозу, но выразительно, гдѣ требуется, и съ удареніемъ на тѣ слова въ стихахъ, которое слѣдуетъ по смыслу Скандованіе убиваетъ всякое одушевленіе, всякій лиризмъ, всѣ переливы чувства, словомъ пропадаетъ вся сила діалога. Въ рѣчахъ Гудруны и еще болѣе— Брингильды — скорѣе — декламація, а не скандованіе... (*Изъ письма автора въ редакцію*).

Древняя Гильда на креслахъ высокихъ одна:
Съѣхались съ разныхъ концовъ на ужасную вѣсть.
Воины въ шлемахъ стальныхъ оцѣпляютъ ихъ кругъ.
Сзади толпятся старѣйшины, дворъ и рабы.
Ропотъ въ чертогѣ и гулъ отъ толпы на дворѣ.

Утромъ съ шурьями на ловы поѣхалъ Сигурдъ.
Тотчасъ почти принесенъ былъ домой, весь въ крови.
Кровь изъ большихъ десяти изливалася ранъ.

Входитъ Брингильда въ чертогъ, дверь на отмашь раскрывъ.
Шуба соболья и волосы въ снѣжной пыли.
Холодъ за нею въ широкія двери пахнулъ.
Въ стороны съ факела пламя метнулось, вздымясь.
Дрогнулъ, заискрясь, Сигурдовъ покровъ золотой.
Глянувши быстро на всѣхъ, молча въ уголъ прошла.
Слушаетъ, пристально глядя, что вкругъ говорятъ.

Подлѣ Гудруны, у ногъ ея, Медди была.
Горе чужое—да чуткое сердце у ней!
Руку слегка на колѣни ея положивъ,
Молвила: „Милая! Жалко смотрѣть на тебя!
Словно ты каменной стала! Хоть слово скажи!
Еле ты дышешь, и то вѣдь вздрогнешь всякій разъ!
Знаю, голубонька! Тяжкое горе твое!
Свѣтлый былъ свѣтъ на душѣ—темна ночь налегла!
Цвѣтикъ въ прогалинкѣ—всякій затопчетъ тебя!
Елочка край-лѣску—всякій обидитъ тебя!
Лань ты моя круглоокая! серна моя!
Чуется, тяжко тебѣ одинокой-то жить!
Въ горы ль, бывало, олень твой бѣжитъ,—ты за нимъ!
Пьетъ ли въ ручьѣ,—ты ужь скачешь и плещешься вкругъ!
Будь моя волюшка—охъ!—унесла бы тебя,
Холила бъ въ замкѣ своемъ... Здѣсь вѣдь ужасъ и мракъ!“

Молча Гудруна, въ отвѣтъ, лишь тихонько съ колѣнъ
Руку подруги сложила холодной рукой.

Молвитъ Гермунда: „И вправду ужь лучше ты плачь!
Легче, какъ выплачешь горькое горе заразъ!
Слезъ еще много на первое горе найдешь.
Вотъ, какъ другія пойдутъ—такъ и рада бъ—да нѣтъ!
Высушатъ въ сердцѣ въ конецъ всѣ живые ключи!
Я схоронила двоихъ—да какихъ вѣдь! мужей!
Пять сыновей у меня въ одномъ пало бою!..
Съ факеломъ, въ бурную ночь я бродила межь тѣлъ,
Всѣхъ собрала. Нагрузила тѣлами ладью.
Ѣду. Надъ ними стою—и ни словъ нѣтъ, ни слезъ.
Думаю: что же? зачѣмъ же осталась я жить?..
Только—живу. Двое внуковъ остались: рощу.
Домъ свой, народъ, все какъ было, во страхѣ веду.
Въ фо́льстингъ старшинъ собираю. Суды имъ сужу.
Съ моря ли, съ суши ли врагъ—я встрѣчаю сама:
Всѣхъ впереди колесница моя иль корабль...
Внукамъ отцовскій вѣнецъ поклялась передать,
Въ женскихъ рукахъ не сломавъ ни едина зубца.
Такъ вотъ и ты поступай. У тебя вѣдь есть дочь.“

Молвитъ Герварда: „А я-то? что вынесла я!
Было и царство, и войско, и слава у насъ!
Въ домѣ—большая семья, вѣчно гости, пиры!
На́ берегъ выйдешь—и нѣту конца кораблямъ!
Словно безсчетно чудовищъ морскихъ на песокъ
Всплыли съ глубинъ и на солнцѣ рядкомъ улеглись,
Головы съ пастью драконовъ поднявъ высоко́!
Нынче—волчецъ тамъ да верескъ: Аланы прошли!
Все—сожжено!.. что побито, что у́гнано въ плѣнъ!
Я—королева—въ толпѣ очутилась рабынь!
Гнали насъ съ мѣста на мѣсто, голодныхъ, босыхъ...
Взялъ меня въ жены каганъ. У него на пирахъ—
Мужнинъ, отца, троихъ братьевъ,—всѣхъ пять череповъ—
—Въ кубки обдѣлали ихъ—наливала виномъ,
Ихъ разносила съ поклономъ пирующимъ я!
Что же? привыкла! сжилась! и съ каганомъ сжилась!
Въ почестяхъ тоже! Царей принимали, пословъ!

Только кагана-то грекъ отравилъ—и пошла
Бойня кругомъ... пришли Греки... все бросилось врозь!
Я по болотамъ скрывалась, по дебрямъ—совсѣмъ
Думала—смерть!—да попала сюда, и еще
Мужа нашла,—королева опять, въ третій разъ!
Ты молода еще: что же крушиться тебѣ?
Мужа—постой—не такого найдешь! Ужь повѣрь,
Знаю я—всѣ они, каждый по своему милъ!
Дикій Аланъ—и по немъ даже плакала я!"

Словно не видитъ, не слышитъ, Гудруна сидитъ.
Взглядъ устремила впередъ. Ни кровинки въ лицѣ.

Молвитъ Урлунда-Красавица: „Годъ пожила
Съ первымъ я мужемъ, Гудруна. Какъ умеръ онъ,—я
Думала: кончено! больше ужь нечего жить!
Бросилась даже за нимъ на костеръ: удержать
Люди насилу могли! Цѣлый годъ я была
Словно какъ мертвая: плачу, не ѣмъ, и не пью.
Встрѣтился Оттенъ—и стыдно бъ признаться мнѣ въ томъ—
Стыдно—но я, Государыни, вамъ признаюсь:
Встрѣтился Оттенъ—и сердце зажглось не спросясь!
Что впереди—я не знаю, но—слава богамъ,
Благами ихъ какъ цвѣтами осыпана я!
Дѣти-красавцы! а старшій ужь правитъ рулемъ,
Знаетъ всѣ снасти, какъ парусъ поставить, когда.
Такъ ужь его и прозвали Волченкомъ Морскимъ!..
Развѣ мы знаемъ удѣлъ свой!.. Какъ ты родилась,
Норны связали ужь въ узелъ твой жребій навѣкъ,
Намъ—ни распутать, ни вновь своего не скрутить!"

Древняя Гильда за ней пожелала сказать:
Жадно всѣхъ очи къ ея устремились устамъ.
Всюду какъ жемчугъ слова подбирались ея.

„Въ старые годы намъ слезы вмѣнялись въ позоръ.
Замужъ шла—знала, что мужнинъ конецъ—твой конецъ,

Шла съ нимъ на одръ — знала: также пойдешь на костеръ.
Чуть не сто лѣтъ я живу. Что же? въ радость мнѣ жизнь?
Сорокъ годовъ ужь какъ въ море ушелъ мой король.
Я разсылала гонцовъ: возвращались ни съ чѣмъ.
Башню на крайнемъ утесѣ поставила я,
Стража на вышкѣ, а я на бойницѣ весь день.
Парусъ его покажись: я узнàю изъ ста!..
Вѣщій есть старецъ, вѣдунья-жена у меня.
Валка-вѣдунья: въ пещерѣ надъ Геллой [1]) живетъ,
Ходъ тамъ въ пещерѣ есть узкій, и въ Геллу окно;
Всѣхъ истязуемыхъ тѣни тамъ видитъ она:
Нѣтъ до сихъ поръ между нихъ моего, говоритъ.
Вѣщій же Снорро: являлся къ нему самъ Одинъ.
Травы онъ знаетъ. Нажжетъ ихъ—что снопъ упадетъ,
Духомъ же къ самой Валгаллѣ восходитъ тогда.
Тамъ, притаясь, онъ въ толпѣ челядинцевъ глядитъ:
Видѣлъ и свѣтлаго Бальдура, Брагги-пѣвца,
Фриггу, Одина—сидятъ за высокимъ столомъ.
Тѣни жь сражаются, мчатся на бѣлыхъ коняхъ,
Жены, любуясь, стоятъ по сторонкамъ вокругъ—
Нѣтъ короля моего, нѣтъ Олафа и тамъ!
Такъ я его по тремъ царствамъ, по всѣмъ, сторожу.
Какъ гдѣ явился—узнàю—и тотчасъ къ нему!
Лодка съ горючей смолой на-готовѣ всегда,
Царское платье, вѣнецъ. Въ тотъ же мигъ уберусь,
Сяду, спущуся въ открытое море сама,
Брачную пѣснь запою и смолу запалю,—
И—полечу голубицей въ догонку къ нему!“

Смолкнула Дивная: вспыхнувшій пламень погасъ.
Молча склонили главы королевы предъ ней.
Съ низкимъ поклономъ лишь Медди дерзнула сказать:

„Нынче какъ ты, Государыня, мало такихъ!
Гдѣ же намъ съ этимъ терпѣньемъ и вѣрой прожить!

---

[1]) Гелла—адъ.

Мужъ уѣзжаетъ... на годы пропалъ о немъ слухъ:
Ждешь ты, живешь—сирота—ни жена, ни вдова;
Ждешь, узорочья ему вышиваешь, сидишь;
Подвиги тоже шелками рисуешь его:
Крѣпишься, крѣпишься, стелешь стежокъ за стежкомъ,—
Нѣтъ—да и капнетъ тебѣ на работу слеза...
Ты вѣдь весь вѣкъ на гнѣздѣ, а вѣдь онъ-то—кружитъ,
Такъ залетитъ, что, гляди, и забылъ обо всемъ!..“

Молча сидѣла Брингильда въ тѣни, на скамьѣ.
Умныхъ рѣчей королевъ ужь не слышитъ давно.
Вдругъ она встала, на помостъ къ Сигурду взошла,
Сбросила шубу соболью съ крутаго плеча,
На̀ руку бѣлый спустила покровъ съ головы,
Черныя косы откинула быстро назадъ.
Ферязь на ней золотая; за поясомъ—ножъ;
Гладкое, низко на лбу, золотое жь кольцо.

Сдернувъ съ Сигурда покровъ съ головы и груди—
Десять зіяющихъ ранъ обнажила на ней.
Въ мигъ отскочила Гудруна и вскрикнула такъ,
Воплемъ такимъ, что гудѣньемъ тотъ крикъ отдался
Въ кованыхъ чашахъ на полкахъ кругомъ по стѣнамъ.
Точно мечомъ поразилъ ея сердце въ упоръ
Грозныхъ Брингильды очей торжествующій взглядъ.

Тутъ полились, что потокъ, у Гудруны слова:

„Прочь, ненавистная! скройся, уйди ты отъ насъ!
Только ты горе и слезы приносишь съ собой!
Дѣло твое—эта кровь! неповинная кровь—
Къ крови ты съ дѣтства привыкла что къ сладкимъ медамъ!
Дикимъ Аланомъ, не дѣвкой родиться бъ тебѣ!
Чѣмъ виноватъ онъ—Сигурдъ—предъ тобою, скажи?
Тѣмъ ли, что между мужей онъ что солнце сіялъ?
Тѣмъ ли, что слава его облетѣла весь свѣтъ?
Видѣла ты, что когда выходилъ онъ со мной,

Всѣ разступалися съ радостью глядя на насъ:
Ты только черною тучей смотрѣла, одна!
Лѣтомъ, когда уѣзжали они на войну,
Я не хотѣла, чтобъ съ братьями ѣхалъ Сигурдъ,
Я, какъ надъ малымъ ребенкомъ дрожала надъ нимъ,
Три дня, три ночи молила—и сдался бы онъ,
Еслибъ не взглядъ твой, не сжатыя губы твои,
Это презрѣніе и вмѣстѣ насмѣшка въ лицѣ!
Сѣлъ ужь когда на коня—я упала безъ чувствъ—
Помнишь—какимъ залилася ты смѣхомъ тогда!
Смерти его ты ужь хочешь, ты ищешь давно!
Радуйся жь—вотъ онъ!.. Твое это дѣло, твое!
Скажешь: ты дома была? Да твои ужь глаза—
Взглядомъ убьешь, обернешься медвѣдемъ, орломъ,—
Прежде была —говорятъ же—Валкиріей ты!
Братья пріѣдутъ—постой! старшину соберутъ,
Любъ ли Сигурдъ былъ народу—узнаешь тогда!"

Рѣчь перебить ей хотѣла Брингильда: „Молчи!
Вскрикнула снова Гудруна—„Оставь хоть на мигъ!
Дай хоть въ послѣдній-то разъ поглядѣть на него!
Ахъ, Государыни! горькая доля моя!
Только какъ вспомню... вотъ ныньче—поднялся чѣмъ свѣтъ,
Ходитъ на цыпочкахъ, самъ снарядился, одинъ,
Бережно крался къ дверямъ, чтобъ меня не будить—
Я притаилась—лежу—и все вижу—молчу—
Только онъ къ двери,—вскочила, его обняла—
Поднялъ меня какъ ребенка,—опять уложилъ—
И—уходилъ и смѣялся, кивнулъ головой,—
Только и видѣла!.. Встала, во дворъ выхожу—
Вижу—бѣжитъ его конь, его Грани, одинъ...
Гдѣ жь твой хозяинъ?—я въ шутку спросила его:
Конь палъ на землю—и слезы изъ глазъ полились—
Плакалъ слезами—а мнѣ еще все не въ домёкъ!
Только вдругъ вижу—несутъ!.. Что тутъ сталось со мной!
Я и теперь даже въ разумъ прійти не могу!
Гдѣ я? съ какой я упала теперь высоты?

Вотъ ты хотѣла, ехидна, чего—моихъ слезъ!
Радуйся жь! хватитъ тебѣ ихъ на всю твою жизнь!
Пей ихъ, соси ихъ, суши мое сердце, змѣя!
Ишь, изрядилась какъ! золото, камни, янтарь...
Точно не смерть у насъ въ домѣ, а свадебный пиръ!
Бѣдный мой, бѣдный!".. И сильно руками всплеснувъ,
Голосомъ стала рыдать и упала на одръ,
Жаркой къ колѣнямъ Сигурда прижавшись щекой.

Сжалося сердце у всѣхъ, у пяти королевъ:
Изъ-коса взглядъ на Брингильду бросаютъ порой.
Стража сурово глядитъ, на щиты опершись.
Тихія женщинъ рыданья въ толпѣ раздались.
Тихо Брингильда Гудрунѣ въ отвѣтъ начала:

„Слушай, Гудруна. Теперь, сколько хочешь, кляни.
Все что есть злобы въ душѣ изливай на меня!
Прежде... вчера еще... голосъ твой—имя твое—
Кровь подымали во мнѣ и мутили глаза,
Кажется—такъ бы тебя растерзала сейчасъ!
Только въ желѣзной уздѣ я держала свой духъ,
Руки сжимая,—ногтями ихъ рѣзала я!
Нынче жь спокойно, безъ злобы, отвѣчу тебѣ!..

„Нынче, когда принесенъ былъ убитый Сигурдъ,—
Въ полную грудь мнѣ хотѣлось вздохнуть въ первый разъ!..
Въ горы ушла я, блуждала по бѣлымъ снѣгамъ,
Пѣла во всю свою волю побѣдную пѣснь—
Пѣла какъ въ дѣтствѣ пѣвала по раннимъ зарямъ,
Розовымъ блескомъ ихъ тѣшась на горныхъ высяхъ!...
„Крошкой-Валкиріей" звали тогда ужь меня—
Послѣ ужь „Грозной Валкиріей" прозвали... Да!
Бросила прялку я, броню одѣла и шлемъ,
Грозной Валкиріей—вправду—являлась въ бояхъ:
Мечъ мой, къ кому я хотѣла, побѣду склонялъ!
„Ахъ, эти годы мои—золотые года!
Я, что орлица, жила въ недоступной выси!

Мелкую тварь, что ютится въ норахъ, по землѣ,
Въ жалкой враждѣ—и не знала, не видѣла я!...
Ахъ! для чего имъ хотѣлось, чтобъ замужъ я шла!...

„Былъ у насъ замокъ—спасенье, я думала, тамъ!
Замокъ—и въ лѣто на снѣгомъ покрытой горѣ.
Только подъемный надъ пропастью подняли мостъ—
Въ замокъ и доступу нѣтъ... Царство вѣчной зимы!
Только одинъ и цвѣтетъ тамъ минутный цвѣтокъ—
Подлѣ оттаявшей глыбы—фіялокъ семья.
Вкругъ—клокотанье ручьевъ—водопадовъ грома̀,
Радуги всюду надъ ними въ алмазной пыли,
Синее небо и—міръ безпредѣльный кругомъ!

„Я и сказала своимъ, что туда удалюсь.
Только тотъ смѣлый, кто въ замкѣ добудетъ меня,—
Только одинъ онъ и будетъ мнѣ мужъ. И ушла.

„Сколько тамъ дней—и не помню, не знаю—прошло...
Разъ—открываю глаза—свѣтозарный ли богъ,
Горній ли духъ-повелитель льдяныхъ этихъ странъ,
Въ чистомъ эѳирѣ рожденный, въ нетлѣнной зарѣ,
Смертный ли чудной невѣдомой мнѣ красоты,—
— Шлемъ золотой—изумленный и радостный самъ—
Мечъ обнаженный опущенъ—стоитъ предо мной...
Онъ-этотъвитязь-онъздѣсь!..Вотъонъ-мертвый-Сигурдъ!
Вотъ—продолжала, касаясь Сигурда рукой,
Вотъ эти волосы—въ кудряхъ вились по плечамъ...
Блѣдныя щеки—румянцемъ пылали тогда...
Сжаты уста—но съ приподнятой верхней губой,
Какъ отвѣчали они изумленью въ очахъ,
Ясному взору, что вмѣстѣ и грѣлъ, и ласкалъ!
Мигъ—и зажглися сердца наши тѣмъ же огнемъ;
Вотъ на рукахъ его обручи—видите—вотъ
Эти три—бѣлаго золота—это мои!
Краснаго—вотъ на рукахъ моихъ—это его!
Тутъ же, предъ ликомъ небесъ, обручилися мы,
Въ вѣчной любви поклялись и на жизнь, и на смерть!“

Слушали всѣ, удивленно къ ней очи поднявъ:
Только Гудруна смущенный потупила взглядъ.
Сердце смиряя съ трудомъ, та опять начала:

„Знали, Гудруна, вы съ матерью—чей былъ Сигурдъ!
Знали, что ѣдетъ онъ сватовъ за мной посылать!
Зельемъ ли вы опоили его на пиру,
Чарами ль память отшибли,—но въ эту же ночь
Дочь обручила, Гудруну, съ нимъ нѣжная мать!

„Что? вы подумали, что́ же со мной будетъ, что?
Жизнь мою, сердце мое—пожалѣли тогда?
Смѣрили бездну, куда вы втоптали его,
Бездну, гдѣ въ вѣчной ночи̇ нѣтъ ни солнца, ни звѣздъ,
Развѣ изъ ада лишь жгучее пламя пахнетъ,
Слышны лишь стоны, проклятья, да скрежетъ зубовъ—
Муки осмѣянной—чистой какъ небо—любви!
Съ нимъ—когда ластилась съ подлой ты страстью къ нему,
Въ нѣгѣ постыдной гася въ немъ божественный духъ,
Лаской кошачьей геройство въ немъ тщась усыпить,—
Думала ль ты, что тутъ подлѣ же, о̇-бокъ съ тобой—
Та, чьи обманомъ украли вы честь и права,
Та—для которой любовь—это подвигъ и долгъ?!
Думала, да!... но судила о ней по себѣ:
„О, покорится!... Не тотъ, такъ другаго нашла!
Родомъ не ниже, красавецъ, Морской же Король“—
Душу, несчастная, въ разумъ-то взять ли тебѣ,
Душу—небесный тотъ свѣтъ, что намъ свѣтитъ въ богахъ,
То, что въ Валгаллѣ насъ вводитъ въ ихъ радостный кругъ!

„Слушайте жь всѣ теперь. Да! это дѣло—мое!
Все какъ задумала, все довела до конца.
Сватовъ Гуннара заставила выслать ко мнѣ.
Въ домъ ихъ, въ семью ихъ—невѣсткою ей—я вошла.
Въ мужѣ—и въ братьяхъ ея—стала зависть будить.
Стала имъ зло на Сигурда нашептывать я.
Стала пророчить имъ тяжкую долю и стыдъ.

Будетъ, твердила, Сигурдъ здѣсь одинъ королемъ.
Мужу Гудруна покоя не дастъ ни на мигъ—
По свѣту всѣхъ ихъ сживетъ или пуститъ съ сумой.

„Въ рунахъ стоитъ: „На Сигурда—Сигурдовъ лишь мечъ".
Мечъ его надобно было тихонько достать.
Ночью—вы спали—въ свѣтлицу прокралась я къ вамъ...
Мѣсяцъ тебя освѣщалъ у него на груди,
Мечъ же высоко надъ вами висѣлъ на стѣнѣ:
Черезъ тебя я ступила, чтобъ снять его тамъ...
Мысль: „не тебя ль заколоть?" промелькнула—но въ мигъ,
Какъ отъ шмеля, отъ нея отмахнулася я!..
Въ ночь это было вчера—а съ зарей этотъ мечъ
Сдѣлалъ ужь дѣло свое—у Гуннара въ рукахъ!
Да,—у Гуннара—и всѣ твои братья съ нимъ—всѣхъ
Я натравила и въ волю свою привела...
Волчью срубила имъ печень съ кусками змѣи,
Въ крѣпкую брагу—изъ жабы имъ желчь подлила—
Ели и пили всю ночь—и озлились въ конецъ!"

Въ ужасѣ Медди къ Урлундѣ прижалась плечомъ.
Ждутъ съ любопытствомъ Герварда съ Гермундой конца;
Съ дрожью всѣмъ тѣломъ провидица-Гильда сидитъ,
Пристальный взоръ свой соколій въ Брингильду вперивъ.
Тихо рыдала Гудруна, закрывши лицо.
Къ ней обратила Брингильда послѣднюю рѣчь:

„Слушай. Теперь въ моемъ сердцѣ нѣтъ зла на тебя.
Все что давило—какъ снѣгъ растопилось съ души—
Ей и легко, и свѣтло—какъ тогда—на горѣ,
Въ замкѣ въ тотъ мигъ, какъ Сигурда увидѣла я.
Даже... тебѣ утѣшевье могу я сказать...
Взоръ мой въ грядущее видитъ теперь далеко...
Кро́ви тамъ... кро́ви... Въ крови̂ вашъ погибнетъ весь родъ...
Атли отмститъ за Сигурда... но ты... ты найдешь
Въ мстителѣ счастье свое... и забудешь о насъ...
Развѣ какъ сонъ какой вспомнишь, какъ будто твой духъ

Въ чудное царство взлеталъ—гдѣ все чуждо ему,
Гдѣ все давило, какъ вѣчныя горы, его—
Люди, ихъ облики, души и замыслы ихъ—
Вспомнишь—душа содрогнется, какъ робкій пловецъ.
Вдругъ очутясь въ океанѣ на утлой ладьѣ—
И пожелаешь домой, поскорѣе домой,
Къ дѣтямъ и мужу, къ рабынямъ и прялкѣ своей.

„Будетъ ужасенъ на первое время мой образъ тебѣ!
Злой и холодной Валкиріей буду казаться я вамъ—
Новое жь счастье тебя и со мной примиритъ.
Этого счастья—ты скажешь—она бъ не могла
Здѣсь ни себѣ, ни другому кому-либо дать,
И—скажешь правду!.. Не здѣшнее,—счастье мое!
Счастье мое—и не здѣшняя мѣра ему—
Счастье мое—безъ конца, безъ предѣла и—съ нимъ!"

Властно перстомъ на Сигурда при семъ указавъ,
Радостнымъ вся торжествомъ просіяла она,
И—какъ бы взоромъ во глубь проницая небесъ,
Медленно, голосомъ твердымъ, сказала еще:

„Боги съ престоловъ своихъ ужь взираютъ на насъ.
Мчатся на встрѣчу Валкиріи къ новой сестрѣ,
Въ славу героя, герои мечами стучатъ о щиты—
Брачный въ Валгаллѣ готовятъ намъ пиръ".
И обратившись къ рабынямъ „подайте вѣнецъ"—
Словно на пиръ, непоспѣшно, надѣла его.
Встала колѣномъ къ Сигурду на одръ, и—еще
Слово сказала: „Послѣдняя воля моя—
Вы на одномъ насъ съ Сигурдомъ сожгите кострѣ"
Тутъ же, на ферязи съ петель застежки разнявъ,
Грудь обнажила, и сердце ощупавъ рукой,
Къ мѣсту межь реберъ, приставила ножъ остріемъ.
Сильно ударила правой рукой рукоять,
И, пошатнувшись, упала Сигурду на грудь.
Вскрикнули Медди съ Урлундой. Гудруна глядитъ,

[redacted]

Въ страхѣ широко прекрасныя очи раскрывъ,
Словно не въ силахъ все бывшее мыслью обнять.
Древняя жь Гильда, порывисто съ креселъ вскочивъ,
Прядями бѣлыхъ волосъ потрясая, одна,
Руки воздѣвъ, воскликала въ наитьи святомъ:
„Слава, Брингильда, тебѣ,
Мужа обрѣтшей на вѣкъ въ безразлучную жизнь!“

А. МАЙКОВЪ.

КАТКОВЪ И БѢЛИНСКІЙ.

(1837—1840).

Характеристика настроенія молодежи тридцатыхъ годовъ и кружка Бѣлинскаго.—Личность Станкевича —Философскія увлеченія кружка.—Знакомство Каткова съ Бѣлинскимъ.—Ихъ размолвка въ 1839 году и примиреніе.—Переходъ Бѣлинскаго и Каткова къ сотрудничеству въ „Отечественныхъ Запискахъ". — Письма Бѣлинскаго о Катковѣ.—Пріѣздъ Каткова въ 1840 году въ Петербургъ.—Споры его съ Бѣлинскимъ.—Столкновеніе Каткова съ Бакунинымъ.—Отъѣздъ Каткова заграницу.—Отзывъ о немъ Бѣлинскаго.

Первоначальное развитіе Каткова совпало съ тѣмъ въ высшей степени интереснымъ и благотворнымъ моментомъ въ умственной жизни русскаго общества, когда пробудившееся стремленіе къ умственному и эстетическому развитію составляло дѣйствительный интересъ учащейся молодежи. Это было время искренняго увлеченія наукой и искусствомъ, господства идейныхъ интересовъ. Изученіе философіи превратилось въ настоящій культъ. Философскія системы не только передумывались, но, такъ сказать, переживались.

Русская интеллигенція впервые тогда знакомилась съ глубокомысленными продуктами германскаго мышленія. Восемнадцатый вѣкъ былъ поглощенъ, по преимуществу, французскими вліяніями, господствовавшими и въ области мысли, и въ сферѣ литературнаго творчества. Въ тридца-

ъ годахъ наступило иное время. Нароставшая интелли-ція воспитывала свой умъ и эстетическое чувство не на іи французскихъ классиковъ и энциклопедистовъ, какъ жде, а посредствомъ изученія болѣе глубокой нѣмецкой нглійской поэзіи и философскихъ системъ, выросшихъ почвѣ, очищенной кантовскою критикой. Народились и литературные таланты. Это усиливало подъемъ духа молодомъ поколѣніи.

Въ то время молодежи приходилось самой проклады-ь себѣ умственные пути и направленія. Правда, уже ѣе существовалъ, съ одной стороны, въ лицѣ Карам-а, Погодина, Шевырева, культъ русской древности и обытности, съ другой стороны, замѣчалось увлеченіе адомъ, проявившееся даже въ извѣстныхъ порывахъ льнаго протеста. Но умственныя движенія не были еще ечатлѣны въ твердыхъ формулахъ. Предшественникамъ телей сороковыхъ годовъ для этого недоставало фило-скаго развитія. Когда оно явилось, начались теоретиче-і разграниченія. Такъ въ началѣ сороковыхъ годовъ изошло обособленіе славянофильства отъ западниче-і—съ его культомъ Москвы, русской древности, сла-ской общности и саморазвитія. Въ тридцатыхъ же го-ъ только начали образовываться кружки, въ которыхъ уждались теоретическіе вопросы.

Молодежь работала сама. Университетъ давалъ лишь чокъ къ развитію. Оно продолжалось самостоятельно по-дствомъ чтенія и совмѣстныхъ разсужденій. Немало антовъ оказалось въ этомъ поколѣніи: Станкевичъ, Бѣ-скій, Грановскій, Герценъ, К. Аксаковъ, Самаринъ, ковъ, Буслаевъ, Кудрявцевъ, Кавелинъ. Впослѣдствіи разбрелись по разнымъ направленіямъ; не только въ жденіяхъ, но и въ самой ихъ судьбѣ оказалось су-ственное различіе. Но тогда всѣ эти люди сходились и не могли всѣ вполнѣ сочувствовать другъ къ другу, руппировались пока еще почти сомкнутою толпой.

Для выясненія умственнаго развитія нароставшихъ тогда телей, надо, конечно, останавливаться не столько на уни-

верситетѣ, сколько на вліяніяхъ кружковъ. Это приводитъ насъ къ личности Бѣлинскаго, около котораго постоянно группировались молодыя силы—люди отборные по уму, образованности, талантамъ и благородству чувствъ, какъ выразился онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Въ совмѣстномъ развитіи съ ними, въ обмѣнѣ чувствъ и мыслей находилъ онъ главную отраду своей жизни.

Можно различать два періода въ существованіи кружка Бѣлинскаго: первый—во время тридцатыхъ годовъ, когда главнымъ умственнымъ двигателемъ въ кружкѣ былъ Станкевичъ, и второй—во время сороковыхъ годовъ, когда въ немъ появились Грановскій, Герценъ и Огаревъ.

Бѣлинскій былъ истиннымъ сердцемъ кружка. Если онъ уступалъ другимъ по знаніямъ и новизнѣ мыслей, то онъ былъ во всякомъ случаѣ нравственнымъ центромъ дружеской среды. Его чуткая, искренняя и горячо стремившаяся къ истинѣ душа служила какъ бы пробнымъ камнемъ, на которомъ повѣрялись увлеченія и полеты мыслей его друзей. Не даромъ Тургеневъ называетъ Бѣлинскаго центральной натурой.

Друзья жили, какъ говорится, душа на распашку. Дѣлились они между собой не только умственными увлеченіями, но и всею жизнью. Это влекло за собою не только разсужденія, но и споры, кончавшіеся иногда продолжительными размолвками, особенно когда оказывались замѣшанными сердечные интересы.

Но несмотря на это, кружокъ не былъ давящей, гнетущей средой, подгонявшей своихъ сочленовъ непремѣнно подъ одинъ умственный и нравственный шаблонъ. Въ кружкѣ Бѣлинскаго были существенныя разновидности и въ умственномъ, и въ нравственномъ складѣ. Не допускалось только полной дисгармоніи въ убѣжденіяхъ.

Бѣлинскій съ большою прямотой какъ-то высказалъ въ письмѣ къ Боткину: „Друзья мои, будемъ бояться крайностей, какъ зла: оставимъ каждаго жить, какъ онъ хочетъ, не будемъ читать другъ другу поученій, посылать буллы, требовать отчета, но не побоимся же и замѣчать другъ

другу, чего каждый въ себѣ не хочетъ или не можетъ замѣчать".

Смыслъ кружка заключался въ свободномъ обмѣнѣ и развитіи, и между личностями, окружавшими Бѣлинскаго, существовало сознаніе взаимнаго достоинства. Впослѣдствіи, когда кружки получили большее распространеніе между учащейся молодежью, начались въ средѣ ординарныхъ личностей тѣ далеко неказистыя явленія, о которыхъ, напримѣръ, вспоминаетъ Тургеневъ (см. въ Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда, Рудинѣ и др.). Гегемонія отдѣльныхъ лицъ, нравственная инспекція, безплодныя словоизліянія—вотъ черты этихъ единеній, которыя Тургеневъ охарактеризовалъ насмѣшливыми словами: „ein кружокъ in der Stadt Moskau". Бывали, впрочемъ, исключенія и въ кружкѣ Бѣлинскаго. Въ особенности Бакунинъ отличался неделикатнымъ стремленіемъ разыгрывать постоянно роль умственнаго и нравственнаго руководителя своихъ товарищей. Но онъ вызвалъ, какъ мы увидимъ, всеобщее негодованіе противъ себя.

До отъѣзда Станкевича заграницу въ 1837 году онъ имѣлъ руководящее значеніе въ кружкѣ. Онъ былъ не только самымъ развитымъ въ философскомъ отношеніи членомъ его, но и распространителемъ философскаго развитія. Подъ его вліяніемъ находился Бѣлинскій; онъ ввелъ въ кружокъ Бакунина, поэта Кольцова, вѣроятно также и Каткова. Всѣ относились къ нему съ большою теплотою и задушевностью.

Станкевичъ рисуется передъ нами въ высшей степени душевною личностью, идеалистомъ по характеру и принципамъ. Философскій анализъ уживался у него не только съ поэтическимъ чутьемъ, но и съ религіознымъ чувствомъ. Въ письмахъ своихъ, когда онъ говоритъ о вѣрѣ, онъ выражается словами, проникнутыми любовью и теплотой. Онъ съ упоеніемъ сообщаетъ о блаженствѣ чувствовать въ себѣ потребность вѣры, высказываетъ подъ вліяніемъ религіознаго чувства обѣты нравственнаго исправленія. Сохранилось описаніе кануна Свѣтлаго Воскресенья въ 1835 году, кото-

рое Станкевичъ встрѣчалъ, окруженный близкими ему людьми[1]). Ночь шла тихо и серьезно. Каждый изъ собесѣдниковъ старался наполнить минуты ея лучшими помыслами, избраннѣйшими своими воспоминаніями. Станкевичъ думалъ о первой своей любви. Затѣмъ описываетъ онъ: „Въ половинѣ 12-го мы вышли на дворъ... Погода была тихая, прекрасная; небо ясно и усѣяно звѣздами, за нѣсколько часовъ шелъ дождь... Вдругъ ударили колокола... Къ намъ пришелъ Бѣлинскій и увлекъ насъ въ Кремль! Мы подходили къ Иверской и услышали пушки; Василій Блаженный вдругъ озарился ихъ молніей и ударъ разсыпался по Кремлю".

Исходною точкою умственнаго развитія кружка Бѣлинскаго былъ переходъ отъ Шеллинговой къ Гегелевской философіи. На этой ступени развитія остановились профессора московскаго университета, отъ которыхъ молодежь усвоивала первыя начала философскаго образованія.

Хотя Надеждинъ, читавшій въ первый годъ поступленія Каткова въ университетъ (1834—1835 гг.) теорію изящныхъ искусствъ и логики, восторгался главнымъ образомъ Шеллинговымъ ученіемъ о высшей психической способности, сознающей въ себѣ единство съ общимъ міровымъ разумомъ и открывающей степени проявленія его въ природѣ и искусствѣ, но онъ нѣсколько подвинулся въ самостоятельномъ развитіи этого ученія къ Гегелевской эстетикѣ, хотя, повидимому, самъ не изучалъ Гегеля[2]). Дальше онъ не пошелъ, что видно, между прочимъ, изъ того, что во время своего заграничнаго путешествія 1832 года Надеждинъ, согласно воспоминаніямъ своей автобіографіи[3]), сближался только съ профессорами, историками и археологами (Гереномъ, Отфридомъ, Мюллеромъ и Рауль-Рашеттомъ).

---

[1]) Н. В. Станкевичъ, Анненкова.

[2]) Очерки Гоголевскаго періода русской литературы. „Современникъ", 1856 г., кн. 4 я, стр. 7-я.

[3]) „Русскій Вѣстникъ", 1856 г., кн. 5-я. М. И. Надеждинъ. Автобіографія.

На философское развитіе личности Каткова, впрочемъ, оказалъ, можетъ быть, еще большее вліяніе, чѣмъ Надеждинъ, профессоръ М. Г. Павловъ, въ пансіонѣ котораго онъ воспитывался до поступленія въ университетъ. Павловъ, замѣчательный ученый, читалъ собственно физику, а потомъ теорію сельскаго хозяйства, но въ обоихъ случаяхъ распространялъ свои лекціи до включенія въ нихъ цѣлаго философскаго міросозерцанія. Сущность его заключалась, какъ можно судить по вышедшему въ 1833 году „основанію физики", въ космогонической теоріи, вытекающей изъ философскаго положенія о сходствѣ или тождествѣ безграничной свободы съ хаосомъ. Отвлеченное понятіе изображено, какъ настоящій источникъ міра, силлогизмъ и посылки его образуются изъ силъ и стихій природы, вещество объясняется, какъ взаимодѣйствіе свѣта и тяжести, и т. д.

Вотъ откуда началось философское развитіе въ кружкѣ Бѣлинскаго.

Пропагандистомъ философіи Гегеля былъ въ немъ Станкевичъ. Онъ указалъ на нее Бакунину; онъ внушалъ ее Бѣлинскому.

Друзья извлекли изъ философіи Гегеля ея примирительную сторону. „Все дѣйствительное разумно" — было ихъ главнымъ лозунгомъ. Въ Бѣлинскомъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, бродило кое-что иное, сложившееся сначала подъ впечатлѣніемъ произведеній Sturm und Drang periode Шиллéра. Въ увлекавшейся постоянно натурѣ Бѣлинскаго проблески рѣзко критическаго отношенія къ дѣйствительности появлялись и послѣ сближенія со Станкевичемъ, напримѣръ, въ 1836 году. Тогда онъ приписывалъ ихъ вліянію фихтеанства [1]). Но съ теченіемъ времени это броженіе утихло.

Безконечная идея, лежащая въ основѣ міра и равно живущая въ явленіяхъ природы и произведеніяхъ искусства, соединеніе съ идеей посредствомъ отреченія отъ своего *я*—

---

[1]) Бѣлинскій. Его жизнь и переписка, соч. А. Пыпина, т. I, стр. 175.

вотъ основныя мысли кружка, какъ онѣ выражались въ письмахъ Станкевича и первыхъ статьяхъ Бѣлинскаго. Это Гегелевская философія безъ ея сухости и раціональности, подчиненная еще освѣщенію Шеллинговскаго міровоззрѣнія. Въ этомъ же духѣ написаны, какъ мы увидимъ ниже, статьи Каткова, появлявшіяся въ 1839—1840 гг. Взгляды такъ называемыхъ молодыхъ гегеліянцевъ, начавшіе сильно пробиваться послѣ произошедшей въ 1831 году смерти философа, были пока совершенно неизвѣстны московскимъ друзьямъ.

Впослѣдствіи, въ сороковыхъ годахъ, въ мнѣніяхъ Бѣлинскаго наступилъ переворотъ. Прежнее успокоеніе въ философскомъ идеализмѣ замѣнилось критическимъ анализомъ. Это совпало со временемъ его сближенія съ Герценомъ. Сначала между обоими кружками, группировавшимися съ одной стороны около Станкевича, съ другой—около Герцена, не было ничего общаго даже въ предметахъ умственныхъ интересовъ. Одинъ погрузился въ философскую метафизику, другой, напротивъ, интересовался болѣе общественно-политическими теоріями. Сближеніе оказалось возможнымъ только послѣ того, какъ Герценъ, въ 1839 году, возвратился въ Москву изъ четырехлѣтней отлучки (вызванной административнымъ распоряженіемъ, постигшимъ въ 1835 году не только его, но и нѣсколькихъ близкихъ къ нему людей); Бѣлинскій, начиная съ его переѣзда въ Петербургъ въ концѣ 1839 года, сталъ тяготиться прежнимъ отношеніемъ къ жизни. Прежніе друзья его также стали исчезать: Станкевичъ умеръ, съ Бакунинымъ онъ разошелся. Вотъ въ это время (т. е. послѣ 1840 года) Бѣлинскій началъ мало по малу сближаться съ Герценомъ. Онъ внушилъ послѣднему любовь и уваженіе къ философіи, но за то и Герценъ оказалъ на него вліяніе своимъ умомъ, наклоннымъ къ критикѣ и скептицизму.

Близость Каткова къ кружку относится къ тому времени: когда о принадлежности къ нему Герцена не было и помину. Катковъ познакомился съ Бѣлинскимъ еще въ бытность свою студентомъ. Какъ произошло это знакомство — неизвѣстно. Весьма вѣроятно, что оно сдѣлано было черезъ

Станкевича, съ которымъ Катковъ могъ познакомиться, благодаря воспитанію въ пансіонѣ Павлова. Станкевичъ кончилъ курсъ въ университетѣ именно въ ту пору, когда Катковъ туда поступилъ—въ 1834 году. Но Станкевичъ жилъ во время своихъ студенческихъ годовъ у Павлова, и тамъ именно могло, какъ намъ кажется, произойти знакомство между ними. Когда Станкевичъ умеръ, Катковъ въ одной изъ своихъ статей (о графинѣ Саррѣ Толстой) посвятилъ его памяти нѣсколько теплыхъ словъ, признавъ его человѣкомъ, „не столько принадлежавшимъ публикѣ, сколько малому кругу людей, лично его знавшихъ и не отдохнувшихъ еще отъ невознаградимой, горькой утраты".

Бѣлинскій не зналъ нѣмецкаго языка и нуждался въ посредникахъ для изученія нѣмецкой философіи и эстетики. Первые шаги на этомъ поприщѣ онъ сдѣлалъ при содѣйствіи Станкевича, потомъ, когда послѣдній уѣхалъ заграницу, началъ ему помогать въ этомъ отношеніи Бакунинъ. Дружескія отношенія къ послѣднему начались у Бѣлинскаго главнымъ образомъ съ лѣта 1836 года, которое онъ провелъ среди семейства своего пріятеля въ ихъ имѣніи Новгородской губерніи; но, конечно, одного посредника было мало для такого необъятнаго предмета, какъ нѣмецкая философія. Наряду съ Бакунинымъ появляются новые люди: В. П. Боткинъ, съ которымъ Бѣлинскій подружился въ особенности въ концѣ 1836 года, и М. Н. Катковъ, о знакомствѣ котораго съ Бѣлинскимъ упоминается годомъ позже.

Бѣлинскій старался внушить своимъ друзьямъ изъ среды молодежи необходимость саморазвитія, осуждая мертвую книжную ученость тогдашняго университета. Въ стремленіи къ независимости мышленія Бѣлинскій сходился съ Катковымъ, который помимо университетскаго образованія работалъ самостоятельно. Начало сближенія, произошедшаго особенно въ продолженіе осени 1837 года, совпало съ тѣмъ моментомъ, когда Бѣлинскій сильно поддавался примирительному настроенію. Катковъ изучалъ тогда Гегеля—читалъ его эстетику и былъ отъ нея въ восторгѣ. Бѣлинскій разсказывалъ въ одномъ письмѣ, что онъ именно въ это

же время обсуждалъ путемъ собственныхъ умозрѣній вопросъ о творчествѣ и собирался уже изложить цѣлую теорію по этому поводу, но Катковъ съ Гегелемъ въ рукахъ опровергъ Бѣлинскаго. „Катковъ, упоминаетъ по этому поводу Бѣлинскій, стакнувшись съ Егоромъ Ѳедоровичемъ (такъ называли Гегеля въ кружкѣ), разбилъ въ прахъ мою прекрасную теорію“ [1]). „Катковъ, говоритъ Бѣлинскій въ другомъ письмѣ, передалъ мнѣ, какъ умѣлъ, а я принялъ, какъ могъ, нѣсколько результатовъ эстетики.—Боже мой! какой новый, свѣтлый безконечный міръ! Я вспомнилъ тогда твое недовольство собою, твои хлопоты по побіенію фантазій, свою тоску о нормальности. Слово „дѣйствительность“ сдѣлалось для меня равнозначительно слову „Богъ“. И ты напрасно совѣтуешь мнѣ чаще смотрѣть на синее небо—образъ безконечнаго, чтобы не впасть въ кухонную дѣйствительность: другъ, блаженъ, кто можетъ видѣть въ образѣ неба символъ безконечнаго, но вѣдь небо часто застилается сѣрыми тучами, потому тотъ блаженнѣе, кто и кухню умѣетъ просвѣтлить мыслью безконечнаго“ [2]).

Одновременно съ изученіемъ Гегелевской эстетики, Бакунинъ, съ своей стороны, внушалъ Бѣлинскому мысли, почерпнутыя изъ философіи религіи того же философа. Все это приводило друзей къ еще бо́льшему утвержденію себя во взглядахъ прекраснодушія,—такъ величалось между друзьями ихъ примирительное настроеніе; впослѣдствіи, когда Бѣлинскій переѣхалъ въ Петербургъ, онъ придумалъ новое выраженіе для того же понятія: москводушіе. Бакунинъ съ отличавшей его во всякое время рьяностью проповѣдывалъ это настроеніе, пользуясь всѣми тонкостями Гегелевской діалектики, которою онъ, по признанію друзей, овладѣлъ въ совершенствѣ. Но замѣнить Станкевича онъ не могъ ни по умственнымъ, ни въ особенности, какъ мы увидимъ дѣлѣе, по нравственнымъ качествамъ. По воспоминаніямъ Панаева, Бѣлинскій говаривалъ, что продол-

[1]) Бѣлинскій, Пыпина, ч. I. стр. 193, 194.
[2]) Бѣлинскій, Пыпина, ч. I. стр. 226.

жаетъ видѣть въ отсутствующемъ Станкевичѣ душу и жизнь кружка [1]).

Но отношенія Каткова къ Бѣлинскому не были въ это время еще близкими. Вѣроятно, въ нихъ проглядывало разстояніе между молодымъ человѣкомъ еще учащимся и молодымъ писателелъ, проявившимъ уже дарованіе. Отношенія эти стали измѣняться въ 1839 году, когда Бѣлинскій началъ редактировать „Московскій Наблюдатель". Къ этому времени Катковъ успѣлъ уже окончить университетъ и готовился къ магистерскому экзамену, который и сдалъ въ теченіи 1839 года. Онъ сдѣлался однимъ изъ сотрудниковъ Бѣлинскаго.

Не смотря на богатство литературнаго матеріала, „Наблюдатель" долженъ былъ прекратить свое существованіе на второмъ томѣ. Въ журнальномъ мірѣ трудно пробивать себѣ дорогу—въ особенности же трудность эта существовала въ тогдашнюю пору, когда кругъ читающей публики былъ ничтоженъ.

Кружокъ Бѣлинскаго сталъ, между тѣмъ, нѣсколько расклеиваться. Съ Бакунинымъ начались у Бѣлинскаго теоретическія разногласія, съ Боткинымъ и Катковымъ произошла у него личная ссора.

Основаніемъ послѣдней послужила одна исторія, относившаяся къ чисто внутренней ихъ жизни и не чуждая, между прочимъ, соперничества. Столкновеніе произошло первоначально между Бѣлинскимъ и Катковымъ. Какъ можно догадываться, Бѣлинскій, освободившись отъ слишкомъ идеальнаго взгляда на одну личность, затѣялъ излѣчивать отъ него и своего молодаго пріятеля. Послѣдній отвѣтилъ въ слишкомъ рѣзкихъ выраженіяхъ [2]).

---

[1]) Панаевъ. Лит. воспоминанія, стр. 136.

[2]) Но, вѣроятно, въ Катковѣ пробудилось вмѣстѣ съ тѣмъ разочарованіе, которое хотѣлъ вызвать въ немъ Бѣлинскій. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ отъ 19 мая 1839 года къ Краевскому, Катковъ, извиняясь за недоставленіе окончанія статьи о русскихъ народныхъ пѣсняхъ, описываетъ слѣдующее: „пріѣхавъ въ Москву, я какъ будто былъ брошенъ въ какой-то водоворотъ—въ головѣ у меня звенѣло,

же время обсуждалъ путемъ собственныхъ умозрѣній вопросъ о творчествѣ и собирался уже изложить цѣлую теорію по этому поводу, но Катковъ съ Гегелемъ въ рукахъ опровергъ Бѣлинскаго. „Катковъ, упоминаетъ по этому поводу Бѣлинскій, стакнувшись съ Егоромъ Ѳедоровичемъ, (такъ называли Гегеля въ кружкѣ), разбилъ въ прахъ мою прекрасную теорію“ [1]). „Катковъ, говоритъ Бѣлинскій въ другомъ письмѣ, передалъ мнѣ, какъ умѣлъ, а я принялъ, какъ могъ, нѣсколько результатовъ эстетики.—Боже мой! какой новый, свѣтлый безконечный міръ! Я вспомнилъ тогда твое недовольство собою, твои хлопоты по побіенію фантазій, свою тоску о нормальности. Слово „дѣйствительность“ сдѣлалось для меня равнозначительно слову „Богъ“. И ты напрасно совѣтуешь мнѣ чаще смотрѣть на синее небо—образъ безконечнаго, чтобы не впасть въ кухонную дѣйствительность: другъ, блаженъ, кто можетъ видѣть въ образѣ неба символъ безконечнаго, но вѣдь небо часто застилается сѣрыми тучами, потому тотъ блаженнѣе, кто и кухню умѣетъ просвѣтлить мыслью безконечнаго“ [2]).

Одновременно съ изученіемъ Гегелевской эстетики, Бакунинъ, съ своей стороны, внушалъ Бѣлинскому мысли, почерпнутыя изъ философіи религіи того же философа. Все это приводило друзей къ еще бо̀льшему утвержденію себя во взглядахъ прекраснодушія,—такъ величалось между друзьями ихъ примирительное настроеніе; впослѣдствіи, когда Бѣлинскій переѣхалъ въ Петербургъ, онъ придумалъ новое выраженіе для того же понятія: москводушіе. Бакунинъ съ отличавшей его во всякое время рьяностью проповѣдывалъ это настроеніе, пользуясь всѣми тонкостями Гегелевской діалектики, которою онъ, по признанію друзей, овладѣлъ въ совершенствѣ. Но замѣнить Станкевича он не могъ ни по умственнымъ, ни въ особенности, какъ увидимъ далѣе, по нравственнымъ качествамъ. По [illegible]минаніямъ Панаева, Бѣлинскій говаривалъ, [illegible]

[1]) Бѣлинскій, Пыпина, ч. I. стр. 193, 194.
[2]) Бѣлинскій, Пыпина, ч. I. стр. 226.

Боткинъ сталъ на сторону Каткова. Бѣлинскому это было, вѣроятно, очень больно, потому что, вспоминая объ этомъ событіи даже черезъ четыре года, когда онъ уже разошелся съ Катковымъ, онъ упрекалъ мимоходомъ перваго за участіе къ послѣднему въ этомъ столкновеніи. Панаевъ, познакомившійся съ кругомъ московскихъ друзей весною 1839 года, разсказываетъ, что когда къ нему входили Боткинъ и Катковъ въ одну дверь, то Бѣлинскій выходилъ въ другую.

Самъ Панаевъ познакомился съ Катковымъ только въ это время. Онъ встрѣтилъ его какъ-то у Боткина. Домъ Боткиныхъ былъ расположенъ на живописномъ мѣстѣ Москвы. Изъ флигеля, выходившаго въ садъ, открывался черезъ зелень видъ на Замоскворѣчье. Садъ былъ расположенъ на горѣ, въ срединѣ его находилась бесѣдка, вся окруженная фруктовыми деревьями. Въ этой-то бесѣдкѣ Панаевъ въ майскій день въ первый разъ увидѣлъ Каткова. Про эту встрѣчу Катковъ писалъ Краевскому 13 мая: „познакомился я и, кажется, хорошо съ Панаевымъ, хотя и видѣлся съ нимъ только одинъ разъ у Боткина".

Примиреніе Бѣлинскаго съ Катковымъ и Боткинымъ произошло въ теченіи лѣта. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ отъ 7 іюля Катковъ передаетъ Краевскому поклонъ Бѣлинскаго и заявленіе, что, несмотря на болѣзнь, все обѣщанное будетъ готово къ сроку. Самъ Бѣлинскій писалъ 19 августа Панаеву:

„Я помирился съ Боткинымъ и Катковымъ, между нами все опять по-прежнему, кромѣ прежнихъ пошлостей. Сперва я сошелся съ Боткинымъ и безъ всякихъ объясненій, прекраснодушныхъ и экстатическихъ выходокъ и порывовъ, но благоразумно, хладнокровно, хотя и тепло, а слѣдовательно—и дѣйствительно. Теперь вижу ясно, что ссора была необходима, какъ гроза для очищенія воздуха; эта ссора уничтожила бездну прошлаго въ нашихъ отношеніяхъ. Причины ссоры, насколько вамъ извѣстно, были

въ глазахъ прыгали мальчики—я былъ, какъ угорѣлый и въ самомъ дѣлѣ было отчего—въ жизни моей свершился одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ кризисовъ".

только предлогомъ, а истинныя и внутреннія причины теперь обозначились и стали ясны. Боткинъ былъ много виноватъ передо мной, но и я въ этомъ случаѣ не уступилъ ему".

Боткинъ самъ сдѣлалъ первый шагъ къ Бѣлинскому. Встрѣтившись съ нимъ у Р—го, Боткинъ началъ съ нимъ говорить—и вражда растаяла. Сойтись вновь съ Катковымъ оказалось затруднительнѣе. Вспоминая объ этомъ примиреніи черезъ полтора года, Бѣлинскій, какъ мы увидимъ, жаловался, что Катковъ слишкомъ наслаждался своей побѣдой надъ нимъ и чувствовалъ ненависть къ нему послѣ того, какъ все объяснилось въ его пользу.

Характеристично, между прочимъ, то обстоятельство, что Бѣлинскій счелъ нужнымъ описывать это столкновеніе даже Станкевичу, проживавшему заграницей; онъ не оправдывалъ при этомъ и себя.

„Я понялъ, писалъ онъ, что дружескія отношенія не только не отрицаютъ деликатности, какъ лишней для себя вещи, но болѣе, нежели какія-нибудь другія, требуютъ ея".

Съ Бакунинымъ причины разлада были у Бѣлинскаго болѣе глубокими. Бакунинъ старался подавлять друзей своимъ авторитетомъ. „Онъ любитъ идеи, а не людей", замѣчалъ Бѣлинскій.

„Съ весны (1839 года), писалъ онъ Станкевичу, я пробудился для новой жизни, рѣшилъ, что каковъ бы я ни былъ, но я—самъ по себѣ, что ругать себя и кланяться другимъ глупо и смѣшно, что у всякаго свое призваніе, своя дорога въ жизни. Ему (Бакунину) это крайне не понравилось, и онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что во мнѣ самостоятельность, сила, и что на мнѣ верхомъ ѣздить опасно—сшибу, да еще копытомъ лягну".

Въ другомъ мѣстѣ говорилъ онъ еще слѣдующее:

„Я пишу ему (Бакунину), что прекраснодушныя и идеальныя комедіи мнѣ надоѣли. Споръ о простотѣ игралъ тутъ важную роль. Я ему говорилъ, что о Богѣ, объ искусствѣ можно разсуждать съ физической точки зрѣнія, но и о достоинствѣ холодной телятины должно говорить просто. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что бунтъ противъ идеальности есть бунтъ противъ Бога, что я погибаю, дѣлаюсь добрымъ малымъ въ смыслѣ bon vivant et bon camarade и пр. А я

только хочу бросить претензіи быть великимъ человѣкомъ, я хочу быть со всѣми, какъ всѣ“.

Вообще, чѣмъ болѣе вчитываешься въ переписку Бѣлинскаго, тѣмъ болѣе понимаешь, какъ Бакунинъ, позировавшій впослѣдствіи на львиную, героическую натуру, могъ послужить дѣйствительнымъ прототипомъ для фразерства, изображеннаго Тургеневымъ въ Рудинѣ.

Во время изолированнаго положенія Бѣлинскаго вслѣдствіе разлада съ постоянными друзьями, ближе всѣхъ стоялъ къ нему К. Аксаковъ, находившійся тогда на полдорогѣ между Бѣлинскимъ и Хомяковымъ, „Московскимъ Наблюдателемъ“ и „Москвитяниномъ“ Шевырева и Погодина.

Бѣлинскій очень скоро подмѣтилъ различіе между своимъ примирительнымъ настроеніемъ и духовнымъ складомъ Аксакова. Онъ писалъ 19 августа 1839 года Панаеву, что въ немъ еще столько дѣтскаго, что какъ бы ни былъ молодъ Катковъ, но и онъ ему годится въ дѣдушки.

Обстоятельства лицъ, связанныхъ по литературному труду съ „Московскимъ Наблюдателемъ“, стали весьма шаткими вслѣдствіе неудачи этого журнала. Бѣлинскій страшно бѣдствовалъ; Катковъ, который долженъ былъ содержать своимъ трудомъ не только себя, но старушку мать и брата, приготовлявшагося къ университету, также сильно нуждался. Онъ принялъ, какъ манну небесную, предложеніе участвовать въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Краевскаго.

Относительно приглашенія Каткова къ участію въ журналѣ существуютъ различные разсказы. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ указываетъ въ этомъ отношеніи на свое посредничество, А. Д. Галаховъ, напечатавшій особую статью въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (1888 г. № 1) о журнальномъ сотрудничествѣ своемъ съ Катковымъ, не упоминаетъ объ означенномъ посредничествѣ Панаева. А. А. Краевскій, бывшій издатель „Отечественныхъ Записокъ“, въ сдѣланныхъ намъ лично сообщеніяхъ выразилъ сомнѣніе, чтобы ему приходилось обращаться по этому предмету къ содѣйствію Плетнева. Онъ указывалъ на Галахова, какъ на го-

товаго посредника. Галаховъ дѣйствительно завѣдывалъ составленіемъ библіографическихъ замѣтокъ для „Отечествен. Записокъ“ о книгахъ, выходившихъ въ Москвѣ. Онъ отчасти самъ исполнялъ работу, отчасти раздавалъ ее другимъ. Вотъ такимъ помощникомъ былъ у Галахова Катковъ. Изъ воспоминаній Галахова однако непонятно, какъ же могъ быть Катковъ приглашенъ имъ на смѣну Бѣлинскаго, отъѣзжавшаго въ Петербургъ; вѣдь первый началъ писать статьи еще лѣтомъ, а послѣдній оставилъ Москву только поздней осенью.

Изъ переписки Каткова съ Краевскимъ видно, что первый въ апрѣлѣ или въ началѣ мая 1839 г. ѣздилъ въ Петербургъ для свиданія съ издателемъ „Отеч. Записокъ“. Они, вѣроятно, и уговорились при этомъ объ условіяхъ сотрудничества Каткова, Краевскій любезно принялъ и даже обласкалъ Каткова. Это видно изъ слѣдующихъ выраженій Каткова въ первомъ его письмѣ къ Краевскому:

„Я еще ничего не сказалъ вамъ о томъ чувствѣ, съ какимъ я разставался съ вами, но оно безпрестанно шевелилось, какъ только я начиналъ думать, что нужно писать къ вамъ. На письмѣ какъ-то скорѣе высказывается то, что трудно высказать въ лицо. Да, А. А., благодарю васъ. Немного такихъ прекрасныхъ встрѣчъ въ жизни, какъ моя встрѣча съ вами. Радушный пріемъ, который вы оказали человѣку неизвѣстному, бывшему совершенно чуждымъ для васъ, ваша дружеская обходительность, которою вы украсили мое пребываніе въ незнакомомъ городѣ,—все это я глубоко чувствую. Прошу васъ только быть увѣреннымъ, что человѣкъ, въ которомъ вы произвели это чувство, имѣетъ хорошую память“ [1]).

Катковъ принялся за сотрудничество немедленно. Вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливалось сотрудничество Бѣлинскаго. Въ Москвѣ онъ написалъ для „Отечественныхъ Записокъ“ всего двѣ большихъ статьи: „о Менцелѣ“ и о „Бородинской го-

---

[1]) Пользованіе письмами Каткова дозволено было намъ любезнымъ разрѣшеніемъ А. А. Краевскаго, къ которому они были адресованы.

вотъ основныя мысли кружка, какъ онѣ выражались въ письмахъ Станкевича и первыхъ статьяхъ Бѣлинскаго. Это Гегелевская философія безъ ея сухости и раціональности, подчиненная еще освѣщенію Шеллинговскаго міровоззрѣнія. Въ этомъ же духѣ написаны, какъ мы увидимъ ниже, статьи Каткова, появлявшіяся въ 1839—1840 гг. Взгляды такъ называемыхъ молодыхъ гегеліянцевъ, начавшіе сильно пробиваться послѣ происшедшей въ 1831 году смерти философа, были пока совершенно неизвѣстны московскимъ друзьямъ.

Впослѣдствіи, въ сороковыхъ годахъ, въ мнѣніяхъ Бѣлинскаго наступилъ переворотъ. Прежнее успокоеніе въ философскомъ идеализмѣ замѣнилось критическимъ анализомъ. Это совпало со временемъ его сближенія съ Герценомъ. Сначала между обоими кружками, группировавшимися съ одной стороны около Станкевича, съ другой—около Герцена, не было ничего общаго даже въ предметахъ умственныхъ интересовъ. Одинъ погрузился въ философскую метафизику, другой, напротивъ, интересовался болѣе общественно-политическими теоріями. Сближеніе оказалось возможнымъ только послѣ того, какъ Герценъ, въ 1839 году, возвратился въ Москву изъ четырехлѣтней отлучки (вызванной административнымъ распоряженіемъ, постигшимъ въ 1835 году не только его, но и нѣсколькихъ близкихъ къ нему людей); Бѣлинскій, начиная съ его переѣзда въ Петербургъ въ концѣ 1839 года, сталъ тяготиться прежнимъ отношеніемъ къ жизни. Прежніе друзья его также стали исчезать: Станкевичъ умеръ, съ Бакунинымъ онъ разошелся. Вотъ въ это время (т. е. послѣ 1840 года) Бѣлинскій началъ мало по малу сближаться съ Герценомъ. Онъ внушилъ послѣднему любовь и уваженіе къ философіи, но за то и Герценъ оказалъ на него вліяніе своимъ умомъ, наклоннымъ къ критикѣ и скептицизму.

Близость Каткова къ кружку относится къ тому времени: когда о принадлежности къ нему Герцена не было и помину. Катковъ познакомился съ Бѣлинскимъ еще въ бытность свою студентомъ. Какъ произошло это знакомство — неизвѣстно. Весьма вѣроятно, что оно сдѣлано было черезъ

Станкевича, съ которымъ Катковъ могъ познакомиться, благодаря воспитанію въ пансіонѣ Павлова. Станкевичъ кончилъ курсъ въ университетѣ именно въ ту пору, когда Катковъ туда поступилъ—въ 1834 году. Но Станкевичъ жилъ во время своихъ студенческихъ годовъ у Павлова, и тамъ именно могло, какъ намъ кажется, произойти знакомство между ними. Когда Станкевичъ умеръ, Катковъ въ одной изъ своихъ статей (о графинѣ Саррѣ Толстой) посвятилъ его памяти нѣсколько теплыхъ словъ, признавъ его человѣкомъ, „не столько принадлежавшимъ публикѣ, сколько малому кругу людей, лично его знавшихъ и не отдохнувшихъ еще отъ невознаградимой, горькой утраты“.

Бѣлинскій не зналъ нѣмецкаго языка и нуждался въ посредникахъ для изученія нѣмецкой философіи и эстетики. Первые шаги на этомъ поприщѣ онъ сдѣлалъ при содѣйствіи Станкевича, потомъ, когда послѣдній уѣхалъ заграницу, началъ ему помогать въ этомъ отношеніи Бакунинъ. Дружескія отношенія къ послѣднему начались у Бѣлинскаго главнымъ образомъ съ лѣта 1836 года, которое онъ провелъ среди семейства своего пріятеля въ ихъ имѣніи Новгородской губерніи; но, конечно, одного посредника было мало для такого необъятнаго предмета, какъ нѣмецкая философія. Наряду съ Бакунинымъ появляются новые люди: В. П. Боткинъ, съ которымъ Бѣлинскій подружился въ особенности въ концѣ 1836 года, и М. Н. Катковъ, о знакомствѣ котораго съ Бѣлинскимъ упоминается годомъ позже.

Бѣлинскій старался внушить своимъ друзьямъ изъ среды молодежи необходимость саморазвитія, осуждая мертвую книжную ученость тогдашняго университета. Въ стремленіи къ независимости мышленія Бѣлинскій сходился съ Катковымъ, который помимо университетскаго образованія работалъ самостоятельно. Начало сближенія, происшедшаго особенно въ продолженіе осени 1837 года, совпало съ тѣмъ моментомъ, когда Бѣлинскій сильно поддавался примирительному настроенію. Катковъ изучалъ тогда Гегеля—читалъ его эстетику и былъ отъ нея въ восторгѣ. Бѣлинскій разсказывалъ въ одномъ письмѣ, что онъ именно въ это

же время обсуждалъ путемъ собственныхъ умозрѣній вопросъ о творчествѣ и собирался уже изложить цѣлую теорію по этому поводу, но Катковъ съ Гегелемъ въ рукахъ опровергъ Бѣлинскаго. „Катковъ, упоминаетъ по этому поводу Бѣлинскій, стакнувшись съ Егоромъ Ѳедоровичемъ, (такъ называли Гегеля въ кружкѣ), разбилъ въ прахъ мою прекрасную теорію“ [1]). „Катковъ, говоритъ Бѣлинскій въ другомъ письмѣ, передалъ мнѣ, какъ умѣлъ, а я принялъ, какъ могъ, нѣсколько результатовъ эстетики.—Боже мой! какой новый, свѣтлый безконечный міръ! Я вспомнилъ тогда твое недовольство собою, твои хлопоты по побіеніи фантазій, свою тоску о нормальности. Слово „дѣйствительность“ сдѣлалось для меня равнозначительно слову „Богъ“. И ты напрасно совѣтуешь мнѣ чаще смотрѣть на синее небо—образъ безконечнаго, чтобы не впасть въ кухонную дѣйствительность: другъ, блаженъ, кто можетъ видѣть въ образѣ неба символъ безконечнаго, но вѣдь небо часто застилается сѣрыми тучами, потому тотъ блаженнѣе, кто и кухню умѣетъ просвѣтлить мыслью безконечнаго“ [2]).

Одновременно съ изученіемъ Гегелевской эстетики, Бакунинъ, съ своей стороны, внушалъ Бѣлинскому мысли, почерпнутыя изъ философіи религіи того же философа. Все это приводило друзей къ еще бо̀льшему утвержденію себя во взглядахъ прекраснодушія,—такъ величалось между друзьями ихъ примирительное настроеніе; впослѣдствіи, когда Бѣлинскій переѣхалъ въ Петербургъ, онъ придумалъ новое выраженіе для того же понятія: москводушіе. Бакунинъ съ отличавшей его во всякое время рьяностью проповѣдывалъ это настроеніе, пользуясь всѣми тонкостями Гегелевской діалектики, которою онъ, по признанію друзей, овладѣлъ въ совершенствѣ. Но замѣнить Станкевича онъ не могъ ни по умственнымъ, ни въ особенности, какъ мы увидимъ дѣлѣе, по нравственнымъ качествамъ. По воспоминаніямъ Панаева, Бѣлинскій говаривалъ, что продол-

---

[1]) Бѣлинскій, Пыпина, ч. I. стр. 193, 194.
[2]) Бѣлинскій, Пыпина, ч. I. стр. 226.

жаетъ видѣть въ отсутствующемъ Станкевичѣ душу и жизнь кружка [1]).

Но отношенія Каткова къ Бѣлинскому не были въ это время еще близкими. Вѣроятно, въ нихъ проглядывало разстояніе между молодымъ человѣкомъ еще учащимся и молодымъ писателелъ, проявившимъ уже дарованіе. Отношенія эти стали измѣняться въ 1839 году, когда Бѣлинскій началъ редактировать „Московскій Наблюдатель". Къ этому времени Катковъ успѣлъ уже окончить университетъ и готовился къ магистерскому экзамену, который и сдалъ въ теченіи 1839 года. Онъ сдѣлался однимъ изъ сотрудниковъ Бѣлинскаго.

Не смотря на богатство литературнаго матеріала, „Наблюдатель" долженъ былъ прекратить свое существованіе на второмъ томѣ. Въ журнальномъ мірѣ трудно пробивать себѣ дорогу—въ особенности же трудность эта существовала въ тогдашнюю пору, когда кругъ читающей публики былъ ничтоженъ.

Кружокъ Бѣлинскаго сталъ, между тѣмъ, нѣсколько расклеиваться. Съ Бакунинымъ начались у Бѣлинскаго теоретическія разногласія, съ Боткинымъ и Катковымъ произошла у него личная ссора.

Основаніемъ послѣдней послужила одна исторія, относившаяся къ чисто внутренней ихъ жизни и не чуждая, между прочимъ, соперничества. Столкновеніе произошло первоначально между Бѣлинскимъ и Катковымъ. Какъ можно догадываться, Бѣлинскій, освободившись отъ слишкомъ идеальнаго взгляда на одну личность, затѣялъ излѣчивать отъ него и своего молодаго пріятеля. Послѣдній отвѣтилъ въ слишкомъ рѣзкихъ выраженіяхъ [2]).

---

[1]) Панаевъ. Лит. воспоминанія, стр. 136.

[2]) Но, вѣроятно, въ Катковѣ пробудилось вмѣстѣ съ тѣмъ разочарованіе, которое хотѣлъ вызвать въ немъ Бѣлинскій. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ отъ 19 мая 1839 года къ Краевскому, Катковъ, извиняясь за недоставленіе окончанія статьи о русскихъ народныхъ пѣсняхъ, описываетъ слѣдующее: „пріѣхавъ въ Москву, я какъ будто былъ брошенъ въ какой-то водоворотъ—въ головѣ у меня звенѣло,

Боткинъ сталъ на сторону Каткова. Бѣлинскому это было, вѣроятно, очень больно, потому что, вспоминая объ этомъ событіи даже черезъ четыре года, когда онъ уже разошелся съ Катковымъ, онъ упрекалъ мимоходомъ перваго за участіе къ послѣднему въ этомъ столкновеніи. Панаевъ, познакомившійся съ кругомъ московскихъ друзей весною 1839 года, разсказываетъ, что когда къ нему входили Боткинъ и Катковъ въ одну дверь, то Бѣлинскій выходилъ въ другую.

Самъ Панаевъ познакомился съ Катковымъ только въ это время. Онъ встрѣтилъ его какъ-то у Боткина. Домъ Боткиныхъ былъ расположенъ на живописномъ мѣстѣ Москвы. Изъ флигеля, выходившаго въ садъ, открывался черезъ зелень видъ на Замоскворѣчье. Садъ былъ расположенъ на горѣ, въ срединѣ его находилась бесѣдка, вся окруженная фруктовыми деревьями. Въ этой-то бесѣдкѣ Панаевъ въ майскій день въ первый разъ увидѣлъ Каткова. Про эту встрѣчу Катковъ писалъ Краевскому 13 мая: „познакомился я и, кажется, хорошо съ Панаевымъ, хотя и видѣлся съ нимъ только одинъ разъ у Боткина".

Примиреніе Бѣлинскаго съ Катковымъ и Боткинымъ произошло въ теченіи лѣта. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ отъ 7 іюля Катковъ передаетъ Краевскому поклонъ Бѣлинскаго и заявленіе, что, несмотря на болѣзнь, все обѣщанное будетъ готово къ сроку. Самъ Бѣлинскій писалъ 19 августа Панаеву:

„Я помирился съ Боткинымъ и Катковымъ, между нами все опять по-прежнему, кромѣ прежнихъ пошлостей. Сперва я сошелся съ Боткинымъ и безъ всякихъ объясненій, прекраснодушныхъ и экстатическихъ выходокъ и порывовъ, но благоразумно, хладнокровно, хотя и тепло, а слѣдовательно—и дѣйствительно. Теперь вижу ясно, что ссора была необходима, какъ гроза для очищенія воздуха; эта ссора уничтожила бездну прошлаго въ нашихъ отношеніяхъ. Причины ссоры, насколько вамъ извѣстно, были

въ глазахъ прыгали мальчики—я былъ, какъ угорѣлый и въ самомъ дѣлѣ было отчего—въ жизни моей свершился одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ кризисовъ".

только предлогомъ, а истинныя и внутреннія причины теперь обозначились и стали ясны. Боткинъ былъ много виноватъ передо мной, но и я въ этомъ случаѣ не уступилъ ему".

Боткинъ самъ сдѣлалъ первый шагъ къ Бѣлинскому. Встрѣтившись съ нимъ у Р—го, Боткинъ началъ съ нимъ говорить—и вражда растаяла. Сойтись вновь съ Катковымъ оказалось затруднительнѣе. Вспоминая объ этомъ примиреніи черезъ полтора года, Бѣлинскій, какъ мы увидимъ, жаловался, что Катковъ слишкомъ наслаждался своей побѣдой надъ нимъ и чувствовалъ ненависть къ нему послѣ того, какъ все объяснилось въ его пользу.

Характеристично, между прочимъ, то обстоятельство, что Бѣлинскій счелъ нужнымъ описывать это столкновеніе даже Станкевичу, проживавшему заграницей; онъ не оправдывалъ при этомъ и себя.

„Я понялъ, писалъ онъ, что дружескія отношенія не только не отрицаютъ деликатности, какъ лишней для себя вещи, но болѣе, нежели какія-нибудь другія, требуютъ ея".

Съ Бакунинымъ причины разлада были у Бѣлинскаго болѣе глубокими. Бакунинъ старался подавлять друзей своимъ авторитетомъ. „Онъ любитъ идеи, а не людей", замѣчалъ Бѣлинскій.

„Съ весны (1839 года), писалъ онъ Станкевичу, я пробудился для новой жизни, рѣшилъ, что каковъ бы я ни былъ, но я—самъ по себѣ, что ругать себя и кланяться другимъ глупо и смѣшно, что у всякаго свое призваніе, своя дорога въ жизни. Ему (Бакунину) это крайне не понравилось, и онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что во мнѣ самостоятельность, сила, и что на мнѣ верхомъ ѣздить опасно—сшибу, да еще копытомъ лягну".

Въ другомъ мѣстѣ говорилъ онъ еще слѣдующее:

„Я пишу ему (Бакунину), что прекраснодушныя и идеальныя комедіи мнѣ надоѣли. Споръ о простотѣ игралъ тутъ важную роль. Я ему говорилъ, что о Богѣ, объ искусствѣ можно разсуждать съ физической точки зрѣнія, но и о достоинствѣ холодной телятины должно говорить просто. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что бунтъ противъ идеальности есть бунтъ противъ Бога, что я погибаю, дѣлаюсь добрымъ малымъ въ смыслѣ bon vivant et bon camarade и пр. А я

только хочу бросить претензіи быть великимъ человѣкомъ, я хочу быть со всѣми, какъ всѣ".

Вообще, чѣмъ болѣе вчитываешься въ переписку Бѣлинскаго, тѣмъ болѣе понимаешь, какъ Бакунинъ, позировавшій впослѣдствіи на львиную, героическую натуру, могъ послужить дѣйствительнымъ прототипомъ для фразерства, изображеннаго Тургеневымъ въ Рудинѣ.

Во время изолированнаго положенія Бѣлинскаго вслѣдствіе разлада съ постоянными друзьями, ближе всѣхъ стоялъ къ нему К. Аксаковъ, находившійся тогда на полдорогѣ между Бѣлинскимъ и Хомяковымъ, „Московскимъ Наблюдателемъ" и „Москвитяниномъ" Шевырева и Погодина.

Бѣлинскій очень скоро подмѣтилъ различіе между своимъ примирительнымъ настроеніемъ и духовнымъ складомъ Аксакова. Онъ писалъ 19 августа 1839 года Панаеву, что въ немъ еще столько дѣтскаго, что какъ бы ни былъ молодъ Катковъ, но и онъ ему годится въ дѣдушки.

Обстоятельства лицъ, связанныхъ по литературному труду съ „Московскимъ Наблюдателемъ", стали весьма шаткими вслѣдствіе неудачи этого журнала. Бѣлинскій страшно бѣдствовалъ; Катковъ, который долженъ былъ содержать своимъ трудомъ не только себя, но старушку мать и брата, приготовлявшагося къ университету, также сильно нуждался. Онъ принялъ, какъ манну небесную, предложеніе участвовать въ „Отечественныхъ Запискахъ" Краевскаго.

Относительно приглашенія Каткова къ участію въ журналѣ существуютъ различные разсказы. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ указываетъ въ этомъ отношеніи на свое посредничество, А. Д. Галаховъ, напечатавшій особую статью въ „Историческомъ Вѣстникѣ" (1888 г. № 1) о журнальномъ сотрудничествѣ своемъ съ Катковымъ, не упоминаетъ объ означенномъ посредничествѣ Панаева. А. А. Краевскій, бывшій издатель „Отечественныхъ Записокъ", въ сдѣланныхъ намъ лично сообщеніяхъ выразилъ сомнѣніе, чтобы ему приходилось обращаться по этому предмету къ содѣйствію Плетнева. Онъ указывалъ на Галахова, какъ на го-

товаго посредника. Галаховъ дѣйствительно завѣдывалъ составленіемъ библіографическихъ замѣтокъ для „Отечествен. Записокъ“ о книгахъ, выходившихъ въ Москвѣ. Онъ отчасти самъ исполнялъ работу, отчасти раздавалъ ее другимъ. Вотъ такимъ помощникомъ былъ у Галахова Катковъ. Изъ воспоминаній Галахова однако непонятно, какъ же могъ быть Катковъ приглашенъ имъ на смѣну Бѣлинскаго, отъѣзжавшаго въ Петербургъ; вѣдь первый началъ писать статьи еще лѣтомъ, а послѣдній оставилъ Москву только поздней осенью.

Изъ переписки Каткова съ Краевскимъ видно, что первый въ апрѣлѣ или въ началѣ мая 1839 г. ѣздилъ въ Петербургъ для свиданія съ издателемъ „Отеч. Записокъ“. Они, вѣроятно, и уговорились при этомъ объ условіяхъ сотрудничества Каткова, Краевскій любезно принялъ и даже обласкалъ Каткова. Это видно изъ слѣдующихъ выраженій Каткова въ первомъ его письмѣ къ Краевскому:

„Я еще ничего не сказалъ вамъ о томъ чувствѣ, съ какимъ я разставался съ вами, но оно безпрестанно шевелилось, какъ только я начиналъ думать, что нужно писать къ вамъ. На письмѣ какъ-то скорѣе высказывается то, что трудно высказать въ лицо. Да, А. А., благодарю васъ. Немного такихъ прекрасныхъ встрѣчъ въ жизни, какъ моя встрѣча съ вами. Радушный пріемъ, который вы оказали человѣку неизвѣстному, бывшему совершенно чуждымъ для васъ, ваша дружеская обходительность, которою вы украсили мое пребываніе въ незнакомомъ городѣ,—все это я глубоко чувствую. Прошу васъ только быть увѣреннымъ, что человѣкъ, въ которомъ вы произвели это чувство, имѣетъ хорошую память“ [1]).

Катковъ принялся за сотрудничество немедленно. Вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливалось сотрудничество Бѣлинскаго. Въ Москвѣ онъ написалъ для „Отечественныхъ Записокъ“ всего двѣ большихъ статьи: „о Менцелѣ“ и о „Бородинской го-

---

[1]) Пользованіе письмами Каткова дозволено было намъ любезнымъ разрѣшеніемъ А. А. Краевскаго, къ которому они были адрессованы.

довщинѣ". Но потомъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1839 года, онъ, по приглашенію Краевскаго, переѣхалъ даже въ Петербургъ, чтобы всецѣло отдаться работѣ въ его журналѣ.

Катковъ, работая въ журналѣ Краевскаго, рекомендовалъ послѣднему Бакунина для составленія философскихъ статей. Изъ отзывовъ Каткова о Бакунинѣ видно, что онъ былъ о немъ въ то время не только хорошаго, но и дружескаго мнѣнія.

„Изо всѣхъ, кого я знаю, писалъ Катковъ 5 іюня, никто бы не могъ такъ успѣшно приняться за это дѣло, какъ *Бакунинъ*, который въ первой половинѣ этого мѣсяца будетъ въ Петербургѣ. Поговорите съ нимъ. Я же съ своей стороны напишу къ нему объ этомъ въ деревню, гдѣ онъ теперь пребываетъ. Въ случаѣ, если онъ не возьмется, дайте мнѣ знать: я не упущу ничего, чтобы статьи о предметѣ такомъ великомъ и такъ близкомъ къ моему сердцу (философіи) въ журналѣ, которымъ я особенно интересуюсь—имѣли видъ, сколько-нибудь похожій на дѣло".

Узнавъ (вѣроятно отъ Галахова), что Краевскій уже видѣлся съ Бакунинымъ, Катковъ пишетъ черезъ два дня (7 іюня):

„Прошу васъ полюбить его — это одинъ изъ самыхъ близкихъ мнѣ людей. Я желалъ бы только, чтобы вы поближе сошлись съ нимъ—я увѣренъ, что вы его полюбите. Говорили ли съ нимъ о философскихъ статьяхъ? Я не успѣлъ тогда написать къ нему и пишу объ нихъ теперь въ прилагаемомъ письмѣ. Дай Богъ, чтобы вы съ нимъ поладили въ этомъ отношеніи".

Катковъ проситъ въ этомъ письмѣ познакомить Бакунина съ поэтомъ Лермонтовымъ. „Это было бы—прибавляетъ онъ — пріятно для обоихъ". Онъ проситъ вмѣстѣ съ тѣмъ Краевскаго передать его поклонъ Лермонтову. „Я вспомнилъ, что зналъ Лермонтова еще въ дѣтствѣ. Вѣдь онъ изъ Костромской губерніи, сынъ тамошняго помѣщика. Если такъ, то память меня не обманула". Лермонтовы, какъ видно изъ біографіи поэта, имѣли дѣйствительно родовыя имѣнія въ Костромской губерніи. Такъ какъ Лермонтовъ съ 1827

года по 1832 годъ воспитывался въ Москвѣ, то Катковъ могъ здѣсь встрѣтить его.

Характерною чертою дѣятельности Каткова являлась уже въ то время страшная энергія и неутомимость въ работѣ. Обработка имъ слога въ юношескихъ статьяхъ могла бы дать поводъ къ предположенію, что онъ пользовался относительно досугомъ для такого труда. Но онъ въ теченіи того года, когда занимался своими статьями, успѣлъ сдать магистерскій экзаменъ, написать переводъ цѣлой драмы Шекспира и нѣсколькихъ мелкихъ поэтическихъ произведеній и еще помогать своему брату Меѳодію въ подготовкѣ къ университетскому экзамену [1]). Мало того, онъ жилъ и въ другихъ отношеніяхъ кипучей жизнью, которая должна была поглощать много душевной энергіи. И на все это хватало у него силъ.

Каткову еще мало было тѣхъ статей, которыя онъ писалъ. Онъ все открывалъ новые сюжеты. Съ пыломъ юности онъ былъ готовъ пускаться во всякіе отдѣлы искусства, помимо излюбленной имъ художественной литературы.

Онъ писалъ, напримѣръ, Краевскому 22 іюня:

„Вы пишете, что у васъ для отдѣла художествъ нѣтъ статей и что вы намѣрены перепечатать обозрѣніе Эрмитажа. Бога ради, не дѣлайте этого. Подумайте, что это будетъ. Такой интересный отдѣлъ въ журналѣ будетъ наполняться сухимъ перечнемъ картинъ съ сухими же подробностями, и притомъ вы никакъ не упечатаете его за слѣдующій годъ. Это обозрѣніе нужно сколько-нибудь оживить — отложите его до слѣдующаго года. Къ тому времени я думаю побывать у васъ и, можетъ быть, мнѣ удалось бы спрыснуть его живой водой. Вашей же безстатейности по этому отдѣлу я берусь помочь. У меня теперь готовится вамъ превосходная

---

[1]) Вотъ что писалъ онъ по этому поводу Краевскому въ письмѣ отъ 16 августа, извиняясь за недоставку статей: „Братъ мой держитъ экзаменъ въ университетъ — я долженъ былъ оставить все и заняться имъ исключительно. — Я полагалъ, что экзаменъ начнется и кончится въ первыхъ числахъ августа, какъ это почти всегда бывало. Вышло же иначе: почтенные patres conscripti растянули его на цѣлый августъ, и я никакъ не могъ освободиться отъ хлопотъ ранѣе сего числа“.

статья гегеліанца Карове о новѣйшей нѣмецкой живописи, состоящая изъ описанія художественныхъ выставокъ за 1836 и 1839 годы, во Франкфуртѣ-на-М. Въ ней столько глубокихъ Гегелевскихъ мыслей, столько живыхъ, образныхъ описаній, что, я увѣренъ, вы будете довольны ею. Она поспѣетъ, - хотя бы для этого пришлось мнѣ не поспать ночь,— къ понедѣльнику... Если время не уйдетъ и если теперь у васъ нѣтъ никакой статьи взамѣнъ, то лучше сдѣлайте такъ, какъ вы сдѣлали въ VI №: ничего не печатайте въ отдѣлѣ художествъ. Только, Бога ради, не печатайте обозрѣніе— статей хватитъ на этотъ годъ. Послушайте: статья Карове по своей величинѣ должна быть раздѣлена на двѣ части: въ одной будетъ идти дѣло о выставкѣ за 1836 годъ, въ другой—за 1839 г. Вотъ ужь двѣ статьи есть. Потомъ я вамъ пошлю *описаніе художественнаго класса въ Москвѣ*, а если пріѣдетъ *Рабасъ*,—статейку объ его мастерской. Такъ 4 статьи. Потомъ, я вамъ переведу изъ Готе дивный *очеркъ исторіи живописи* и, наконецъ, возьму у Боткина и пришлю къ вамъ статью, которую онъ написалъ и которую будетъ продолжать: о *итальянской музыкѣ*. Вотъ 6 статей на №№ за этотъ годъ. Если придетъ минута, если картины Брюлова и Рубенса зашевелятся въ душѣ и будутъ проситься наружу, я напишу объ нихъ. Впрочемъ за нихъ не ручаюсь. Можетъ быть, статью о нихъ я напишу, когда буду 2-й разъ въ Петербургѣ.

Въ письмѣ отъ 5 іюля Катковъ спрашиваетъ, доволенъ ли Краевскій статьей о нѣмецкой живописи и обѣщается выслать вторую половину ея на-дняхъ (она не была отправлена даже въ срединѣ августа). Онъ сообщаетъ о пріѣздѣ Рабаса и говоритъ опять о намѣреніи, по осмотрѣ его мастерской, написать о ней статейку. Въ то же время Катковъ спрашиваетъ: какъ нужны для журнала обѣщанные имъ переводы философскихъ критикъ Ганса и Рётшера и отрывки изъ эстетики Гегеля? Онъ проситъ также выслать одинъ экземпляръ „Росписанія картинъ Эрмитажа". „Оно могло бы, прибавляетъ онъ, оживить во мнѣ многія впечатлѣнія, которыя я, можетъ быть, изложу на бумагѣ".

Въ письмѣ отъ 7 іюля (черезъ два дня) онъ обѣщаетъ выслать, кромѣ статьи Карове, еще небольшую, но прекрасную статейку, почерпнутую изъ превосходнаго нѣмецкаго журнала „Hallische Jahrbuecher" (1839), о модели скульптора

иисса: Амазонка—произведеніи, „которое украситъ собою напъ богатый вѣкъ“ говоритъ Катковъ.

Въ томъ же письмѣ сообщаетъ онъ о намѣреніи составить для журнала біографію Гегеля:

„Странный случай! я вовсе не думалъ составлять этой статьи. I увѣдомлялъ васъ, что хочу только извлечь изъ превосходной книги Готе характеристику Гегеля. Вы послѣ этого пишете мнѣ, что ждете отъ меня біографіи Гегеля, мною составленной. Я думалъ, какъ пришла вамъ эта мысль и между ѣмъ не замѣтилъ, какъ эта же мысль прокралась и въ мою олову. Что жъ, подумалъ я, почему же не составить. Въ оловѣ моей мелькнуло то, другое, третье. Я увидѣлъ, что татья можетъ быть дѣльная и занимательная. Я воспользуюсь для нея многими матеріалами и, между прочимъ, употреблю также въ дѣло письма самого Гегеля къ его друзьямъ, къ ученикамъ, къ женѣ. Что это за письма! Я постараюсь также, руководствуясь Шеллингомъ, Гёшеномъ, определить его отношеніе къ современному міру и т. д. Впрочемъ, эта статья не поспѣетъ къ сентябрскому №. Намѣреніе ее написать только теперь утвердилось въ моей головѣ, и не всѣ еще нужныя книги у меня подъ рукой. Однако, я постараюсь: можетъ быть и поспѣетъ“.

Большая часть предположеній (въ томъ числѣ и составленіе біографіи Гегеля) оставались невыполненными. Но въ массѣ этихъ затѣй виденъ живой интересъ ко всему и самонадѣянная предпріимчивость молодости, внушающая увѣренность, что все такъ легко можно одолѣть, безъ особеннаго труда справиться со всякой задачей.

Къ сожалѣнію, у Краевскаго не сохранилось писемъ Каткова за періодъ отъ середины августа 1839 года до конца 1840 года, когда уже Катковъ оказался заграницей. За этотъ періодъ мы располагаемъ воспоминаніями Панаева и письмами Бѣлинскаго, въ которыхъ Катковъ рисуется уже не только какъ рабочая сила, но какъ живая личность съ душевными стремленіями и порывами его тогдашней внутренней жизни.

Катковъ былъ въ то время не только гегеліанцемъ, но и романтикомъ. Онъ упивался мистической поэзіей, бредилъ Гофманомъ, Фрейлихратомъ... Къ этому времени его жизни

относится знакомство съ Кольцовымъ, котораго Станкевичъ ввелъ въ кружокъ, познакомившись съ нимъ въ Воронежѣ, откуда Станкевичъ былъ родомъ.

Катковъ былъ, повидимому, очень привязанъ къ Кольцову. Бѣлинскій писалъ къ Боткину 4 октября 1840 года, когда Катковъ былъ почти наканунѣ отъѣзда заграницу: „Кольцова расцѣлуй и скажи ему, что жду, не дождусь его пріѣзда, словно свѣтлаго праздника. Катковъ умираетъ отъ желанія хоть два дня провести съ нимъ вмѣстѣ“. Кольцовъ успѣлъ пріѣхать къ отъѣзду Каткова – онъ былъ на проводахъ его. Ихъ свиданіе было послѣднимъ. Кольцовъ умеръ въ 1842 году, до возвращенія Каткова изъ-заграницы.

До самаго отъѣзда заграницу, въ 1840 году, Катковъ оставался все тѣмъ же романтическимъ юношей, преданнымъ мечтательности, порой выражавшейся въ странныхъ причудахъ и порывахъ. Кто бы могъ угадать въ немъ будущаго суроваго публициста! Но одну господствующую въ его характерѣ черту можно отмѣтить и въ тогдашнее время. Это необыкновенная страстность натуры, стремившейся доводить усвоенную душевную наклонность до послѣдняго выраженія.

Къ проявленіямъ юношеской фантазіи у Каткова надо, конечно, относиться съ точки зрѣнія условій времени. Нельзя не вспомнить, что Кетчеръ, извѣстный переводчикъ Шекспира, ходилъ тогда не иначе, какъ въ красномъ плащѣ; В. П. Боткинъ даже женился по теоріи на одной француженкѣ и разошелся съ ней вскорѣ послѣ брака, во время перваго путешествія заграницу, изъ-за различія во взглядахъ на одинъ изъ романовъ Жоржъ-Занда.

Въ отношеніяхъ къ своимъ тогдашнимъ пріятелямъ Катковъ отличался чрезвычайною, почти болѣзненною чувствительностью. Результатомъ этого бывали столкновенія и ссоры, вызывавшія иногда весьма рѣзкіе и даже недоброжелательные отзывы о немъ въ этой средѣ. Каткова высоко цѣнили, какъ даровитую личность, но истинно дружескаго чувства нельзя подмѣтить въ отношеніяхъ къ нему лицъ, принад-

ежавшихъ къ кружку Бѣлинскаго. Съ наибольшей тепло-ой относился къ Каткову самъ Бѣлинскій, но и то урыв-ами. Онъ писалъ: „я люблю его, но не знаю, какъ и до акой степени“. За то онъ превозносилъ его дарованіе до ебесъ и предсказывалъ ему блестящую будущность.

Періодъ жизни Каткова между осенью 1839 и концомъ 840 года можетъ быть довольно подробно освѣщенъ, благо-аря тому, что Бѣлинскій, переѣхавшій въ концѣ 1839 года ъ Петербургъ для ближайшаго сотрудничества въ „Отече-твенныхъ Запискахъ“, чувствовалъ себя осиротѣвшимъ въ редѣ новыхъ людей и писалъ къ Боткину, чтобы дѣлиться ыслями и впечатлѣніями, длиннѣйшія письма почти въ идѣ дневниковъ. Въ письмахъ этихъ часто упоминается ичность Каткова, которымъ Бѣлинскій чрезвычайно инте-есовался.

Между ними, какъ уже было заявлено, состоялось при-иреніе послѣ лѣтней ссоры 1839 года—и когда Панаевъ [1], ернувшись изъ деревни, проживалъ осенью этого года въ Іосквѣ, онъ нашелъ, какъ увѣряетъ, кружокъ московскихъ рузей временно сплотившимся. Въ немъ были, однако, не-омнѣнные признаки разложенія. Выступали рѣзкія проти-оположности характеровъ и стремленій. Друзья, послѣ про-житаго вмѣстѣ періода идеальныхъ увлеченій юности, начи-али смотрѣть въ разныя стороны. Бакунинъ, Катковъ и Бѣлинскій не могли, очевидно, продолжать свое дальнѣй-шее развитіе рука объ руку. Первый, отличавшійся вообще езпорядочными инстинктами, искалъ бури въ жизни, а въ жиданіи таковой вызывалъ бури и распри въ дружеской редѣ; въ Бѣлинскомъ загоралось критическое отношеніе ъ жизни, сблизившее его съ Грановскимъ и съ Герценомъ; Катковъ, напротивъ, искалъ по своей натурѣ примиренія ъ жизнью. Онъ долженъ былъ отстать отъ кружка, а кру-жокъ долженъ былъ переродиться. Но Панаевъ засталъ еще ъ Москвѣ послѣдніе поминки дружескаго единенія. Онъ споминаетъ о вечерахъ, которые они проводили всей ком-

[1]) Панаевъ. Лит. воспоминанія, стр. 256, 257.

паніей преимущественно у Бакунина—велись философскіе разговоры, Катковъ и К. Аксаковъ прочитывали свои переводы изъ Гейне, Фрейлихрата и изъ другихъ новѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ. Катковъ обыкновенно декламировалъ съ большимъ эффектомъ, принимая живописныя позы, складывая руки накрестъ, подкатывая глаза подъ лобъ.

Наконецъ, когда день отъѣзда Бѣлинскаго въ Петербургъ наступилъ, его, направлявшагося туда вмѣстѣ съ Панаевымъ, явились провожать до Черной Грязи — Бакунинъ, Кетчеръ и Катковъ.

Въ самый моментъ прощанія, Катковъ энергически сжималъ Бѣлинскаго въ своихъ объятіяхъ и крѣпко, нѣсколько разъ, поцѣловалъ его.

„Когда карета двинулась, и мы, вспоминаетъ Панаевъ, выдвинулись въ окно,—Бакунинъ съ нѣжной грустью смотрѣлъ на насъ, махая своимъ платкомъ, Кетчеръ кричалъ что-то и размахивалъ фуражкой, Катковъ стоялъ неподвижно со сложенными накрестъ руками, съ надвинутыми на глаза бровями, провожая отъѣзжавшихъ глубокимъ и задумчивымъ взглядомъ“ [1]).

Еще до отъѣзда Бѣлинскаго, Катковъ познакомился, между прочимъ, съ поселившимся тогда въ Москвѣ семействомъ О—хъ. Въ этомъ домѣ Катковъ встрѣтился съ вернувшимся также въ 1839 году въ Москву, Герценомъ. И Бѣлинскій, какъ можно судить по нѣкоторымъ указаніямъ, тамъ бывалъ, но не сочувствовалъ кружку; онъ не одобрялъ появленіе тамъ Каткова. „Ты правду говоришь, что кружокъ, къ которому приклеился и нашъ юноша—не твой: и не мой, ей-Богу, не мой, братъ“, писалъ онъ 30 декабря Боткину. Впрочемъ, интересъ къ этому дому Каткова не обозначалъ вовсе сочувствія къ образу мыслей, тамъ высказывавшихся. Герценъ, по словамъ А. А. Краевскаго (лично передавшаго намъ это воспоминаніе), разсказывалъ, что Катковъ вращался въ домѣ О—хъ исключительно въ дамскомъ обществѣ. Онъ не входилъ ни въ

---

[1]) Панаевъ. Лит. воспоминанія, стр. 259.

споры, ни въ общеніе съ мужской частью кружка, появляясь лишь на нѣсколько минутъ въ кабинетѣ среди разговаривавшихъ, съ сложенными на груди руками и какъ бы съ высоты величія посматривая на нихъ.

Для Каткова близость къ Герцену была немыслима. Натуры обоихъ были діаметрально противоположны. Они не могли даже временно сойтись въ этотъ юношескій періодъ. Черезъ двадцать лѣтъ они оказались публицистами совершенно противоположныхъ направленій: одинъ—съ идеаломъ обновленія Россіи посредствомъ будто-бы существующихъ въ русскомъ духѣ основъ новаго общественнаго строя; другой—напротивъ, съ идеаломъ укрѣпленія русской государственности посредствомъ реформы. Они жестоко тогда столкнулись на литературномъ поприщѣ, какъ ярые и непримиримые враги.

Но вернемся къ перепискѣ Бѣлинскаго. Онъ проситъ иногда Боткина читать его письма наиболѣе симпатичнымъ ему въ то время личностямъ: Грановскому, съ которымъ онъ успѣлъ уже подружиться, и Кудрявцеву, бывшему еще студентомъ. Относительно же Каткова Бѣлинскій разрѣшаетъ Боткину прочитывать ему эти письма, но только мѣстами, въ чемъ они до него касались.

Въ письмѣ отъ 30 ноября 1839 года Бѣлинскій спрашиваетъ Боткина: „Что Катковъ? Онъ что-то молчитъ".

Свѣдѣнія, которыя сообщилъ о Катковѣ Боткинъ, сначала вызвали порицаніе со стороны Бѣлинскаго. Онъ начинаетъ свой отзывъ такъ:

„Не можешь представить себѣ, какъ удивило меня извѣстіе о нашемъ юношѣ. Нечего сказать, „странно себя аттестуетъ". Это мнѣ не нравится—и субъективнаго участія я не могу въ этомъ принять" [1]).

Строить догадки о томъ, что именно разумѣли пріятели, говоря такъ о Катковѣ, едва-ли необходимо, тѣмъ болѣе,

---

[1]) Пользованіе этими письмами Бѣлинскаго (до сихъ поръ не изданными, но лишь упомянутыми въ извѣстномъ трудѣ А. Н. Пыпина о Бѣлинскомъ) представлено намъ ихъ собственникомъ К. Т. Солдатенковымъ.

что они могли ошибаться не только въ оцѣнкѣ, но и въ содержаніи слуховъ. Довольно знать, что Бѣлинскій вскорѣ отказался отъ высказаннаго имъ осужденія. Друзей всего болѣе коробило отступленіе отъ рецептовъ идеализма, усвоеннаго московскимъ кружкомъ,—рецептовъ, построенныхъ на разсудочной рисовкѣ передъ самимъ собой. Бѣлинскій сталъ понимать искусственную ложь этой точки зрѣнія. Онъ высказывалъ даже прямо зависть къ тѣмъ, которые не запутываются въ этихъ блѣдныхъ, тощихъ соображеніяхъ.

„Въ каждомъ моментѣ человѣка есть современныя этому моменту потребности и полное ихъ удовлетвореніе,

Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто во время созрѣлъ".

Существуютъ двѣ идеальности, говоритъ Бѣлинскій, здоровая и резонерская—и, увы, относитъ направленіе кружка къ послѣдней. Онъ сознается, что видитъ вокругъ себя только резонерство и самъ пребывалъ въ немъ. „Чѣмъ я особенно восхищался въ Станкевичѣ? Тѣмъ, что онъ ненавидѣлъ въ себѣ".

Съ разсудочной высоты ложнаго упоенія идеализмомъ Бѣлинскій вдругъ спускается, въ томъ же письмѣ, въ міръ падшихъ женщинъ и описываетъ впечатлѣнія чисто матеріалистическаго къ нимъ отношенія. Онъ нарочно употребляетъ рѣзкія, тривіальныя выраженія. Онъ отдаетъ, напримѣръ, предпочтеніе нѣмкамъ передъ русскими: послѣднія не понимаютъ любви, какъ таинства, чужды всякой идеальной настроенности духа, онѣ берутъ только деньги, а о Шиллерѣ не имѣютъ никакого понятія. Нѣмка совсѣмъ не то, возьметъ деньги, да ужь „уважитъ барина".... Во всемъ этомъ слышится горькая насмѣшка; страданіе сквозитъ слишкомъ явственно въ грубыхъ шуткахъ. „Боткинъ, Боткинъ! восклицаетъ Бѣлинскій—не сердись и не презирай, но пойми".

Съ Бѣлинскимъ совершалась тогда безсознательная пока ломка его „прекраснодушія", на которомъ онъ временно остановился. Его душа требовала вѣры и пока не явилось новое умственное увлеченіе, онъ страшно мучился въ душевной апатіи. Въ такія минуты всѣ недочеты жизни отно-

сительно личнаго счастья особенно ярко всплываютъ наружу и тяжело бьется въ груди сердце при мысли, что вотъ прошла уже молодость съ ея радостями и не оставила воспоминаній. Скромный, мечтательный Бѣлинскій доходилъ до того, что его душа, какъ онъ выражался, требовала оргій... А тутъ срочная, скучная, обязательная работа.

Онъ скоро выяснилъ себѣ окончательно несостоятельность порицанія, высказаннаго имъ относительно молодаго пріятеля, и выразилъ, напротивъ, очень теплое къ нему участіе не чуждое даже самоуничиженія.

„Ахъ, Б. (Боткинъ), всей силой любви дѣйствуй на Каткова; онъ лучше всѣхъ насъ, но въ немъ много нашего, т. е. лѣни и мечтательности, рефлекса и фразерства. Да не погибнетъ онъ, подобно мнѣ и многимъ другимъ, отъ недостатка дѣятельности, отъ развычки отъ работы, которая есть альфа и омега человѣческой мудрости, камень спасенія и условіе дѣятельности“.

Но порою всплывало опять прежнее отношеніе. Вообще трудно себѣ представить человѣка, болѣе подвижнаго въ своихъ взглядахъ на людей, болѣе подчинявшагося впечатлѣніямъ, чѣмъ Бѣлинскій; 24 февраля онъ пишетъ:

„Твое новое извѣстіе о Катковѣ поразило меня. Вѣдь ты же писалъ мнѣ, что онъ уже образумился? Я получилъ отъ него два письма, въ которыхъ видна грусть и страданіе. Эта исторія начинаетъ возмущать меня: въ ней нѣтъ никакой поэзіи... Знаешь ли что: не брякнуть ли мнѣ къ нему не прямо, а намеками, но понятно? Отвѣчай, безъ твоего совѣта ничего не сдѣлаю. Добрый благородный К.! О еслибы онъ чаще былъ въ грустномъ состояніи духа.

Но письмо такого содержанія не было написано Бѣлинскимъ; онъ вообще, находясь въ мрачной апатіи, откладывалъ писаніе писемъ другимъ пріятелямъ, кромѣ Боткина. Катковъ сильно пенялъ на него за молчаніе. Потомъ Бѣлинскій возобновилъ предположеніе писать Каткову, но уже не о прежнемъ сюжетѣ, а о безсмертіи души.

Въ мартѣ мѣсяцѣ Катковъ прислалъ еще Бѣлинскому какіе-то стихи Сатина для помѣщенія въ „Отечественныхъ Запискахъ“.

Вѣроятно, по поводу этого письма Бѣлинскій писалъ 16 апрѣля Боткину:

„Что это дѣлается съ К.? Онъ въ восторгѣ отъ Одесскаго альманаха, отъ стиховъ Огарева и Сатина—недостаетъ ему приходить въ восторгъ отъ повѣстей К. Ф. Павлова... Онъ полонъ дивныхъ и дикихъ силъ, и ему предстоитъ еще много, много надѣлать глупостей. Я его люблю, хоть и не знаю, какъ и до какой степени. Я вижу въ немъ великую надежду науки и русской литературы. Онъ далеко пойдетъ, далеко, куда нашъ братъ и носу не показывалъ, и не покажетъ. Славная его статья о книгѣ Максимовича, прекрасная статья; мысль такъ и свѣтится въ каждомъ словѣ. Вообще, преобладаніе мысли въ опредѣленномъ и яркомъ словѣ—есть отличительный характеръ его статей и высокое ихъ достоинство, а отсутствіе сосредоточенной, непосредственной теплоты сердца—недостатокъ, но это недостатокъ не его натуры, а его лѣтъ. Общее поглощаетъ его духъ и, такъ сказать, обезличиваетъ его индивидуальность. Это—чудное начало,—оно всегда останется съ нимъ, укрѣпляясь наукой, а когда онъ перестанетъ пылить... то и недостатокъ, о которомъ я говорю и который опредѣленно не умѣю назвать, исчезнетъ. Я читаю его статьи съ особеннымъ уваженіемъ—наслаждаюсь ими и учусь мыслить“...

Вообще, друзья въ то время на рукахъ носили Каткова. Онъ сразу заявилъ себя истиннымъ мастеромъ литературнаго дѣла. Слава его быстро расцвѣла. Онъ затмилъ на время Бѣлинскаго. Чадъ упоенія успѣхомъ, повидимому, дѣйствовалъ на 21 лѣтняго Каткова, по крайней мѣрѣ, Бѣлинскій сознавался, что друзья развивали въ Катковѣ своимъ поклоненіемъ заносчивость и высокомѣріе.

Первый разъ жалоба на обращеніе Каткова проглядываетъ въ упомянутомъ посланіи Бѣлинскаго отъ 16 апрѣля 1840 года. Онъ разсказываетъ про письмо, написанное Катковымъ Краевскому. Письмо касалось статьи Каткова о книгѣ Мартына Задеки, статьи, которую Бѣлинскій, несмотря на все увлеченіе талантомъ Каткова, признавалъ неудачною. Краевскій, считая означенную книгу не заслуживающею особенно подробнаго анализа, сократилъ статью, а Катковъ выразилъ на это претензію. Онъ намекалъ въ письмѣ

и на то, что Бѣлинскій не шлетъ ему писемъ и высказалъ все это въ тонѣ, проявлявшемъ оскорбленное самолюбіе.

Бѣлинскій написалъ, должно быть, одно или два письма къ Каткову, но письмами этими мы не имѣли случая пользоваться.

Въ серединѣ лѣта Катковъ былъ уже въ Петербургѣ, намѣреваясь ѣхать заграницу. Бѣлинскій съ нетерпѣніемъ ожидалъ его. Онъ звалъ въ Петербургъ и Кудрявцева, котораго приглашалъ даже остановиться у себя. Онъ писалъ по этому поводу: „жду вашего пріѣзда, какъ праздника. Шутка ли—вы и Катковъ, да это Москва цѣлая".

Катковъ оставался въ Петербургѣ до 19 октября. Обстоятельства пребыванія его тамъ разсказаны, кромѣ писемъ Бѣлинскаго, еще въ воспоминаніяхъ Панаева. Остановимся, прежде всего, на послѣднихъ, такъ какъ въ нихъ послѣдовательнѣе разсказаны не лишенныя интереса внѣшнія обстоятельства, тогда какъ въ письмахъ Бѣлинскаго глубже затрогиваются событія его внутренней жизни.

Въ апрѣлѣ 1840 года, вспоминаетъ Панаевъ, получилъ онъ отъ Каткова письмо, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ, что намѣренъ ѣхать заграницу и передъ этимъ прожить нѣкоторое время въ Петербургѣ. Передъ этимъ Катковъ прислалъ оконченный имъ переводъ Шекспировской „Ромео и Юліи", который былъ проданъ петербургскими его друзьями книгопродавцу Полякову, бывшему тогда издателемъ „Пантеона". Деньги должны были быть заплачены по напечатаніи перевода.

Получивъ извѣщеніе о пріѣздѣ Каткова, Панаевъ пригласилъ его остановиться у него—на новой квартирѣ, которую онъ занялъ у пяти Угловъ, въ домѣ Пшеницыной, который Катковъ впослѣдствіи прозвалъ кораблемъ Пшеницына.

Незадолго до пріѣзда Каткова, Панаевъ прочелъ только-что изданный во французскомъ переводѣ романъ Купера: „Путеводитель въ пустынѣ" (Le lac Ontario). Романъ этотъ произвелъ на Панаева сильное впечатлѣніе, и онъ разсказалъ

его содержаніе Бѣлинскому. Послѣдній посовѣтовалъ перевести для „Отечественныхъ Записокъ". Каткову романъ также очень понравился. Въ письмѣ къ Ефремову Бѣлинскій приводитъ отзывъ Каткова, что многія мѣста изъ „Путеводителя" могли бы украсить даже драму Шекспира. Бѣлинскій упросилъ Каткова и Панаева взять переводъ на себя вмѣстѣ [1]). У него бывали и ранѣе того предположенія воспользоваться для этой цѣли трудолюбіемъ Каткова. Онъ писалъ Боткину, что недурно было бы украсить страницы „Отеч. Записокъ" переведенными послѣднимъ романами Гёте: „Wilhelm Meister" и „Wahlverwandtschaften".

Каткову достались первыя двѣ части „Путеводителя", Панаеву послѣднія двѣ. Первый переводилъ съ англійскаго, второй съ французскаго. Краевскій объявилъ, что за переводъ онъ не можетъ платить деньгами, а отпечатаетъ 200 отдѣльныхъ экземпляровъ, которые переводчики могутъ продать въ свою пользу. Это условіе было принято и переводъ исполнялся съ жаромъ. Цѣлые вечера за однимъ столомъ, на „кораблѣ Пшеницына", просиживали за переводомъ Панаевъ и Катковъ.

Экземпляры „Путеводителя въ пустынѣ", доставшіеся переводчикамъ, проданы были книжному магазину Юнгмейстера за 700 рублей ассигнаціями, на долю каждаго пришлось по 350 рублей.

Эти деньги и еще тѣ, которыя Катковъ долженъ былъ выручить за переводъ „Ромео и Юліи" составляли фондъ, на который задумывалась заграничная его поѣздка. Самъ же Катковъ привезъ въ Москву незначительную сумму (не болѣе 100 рублей ассигнаціями). Но деньги за Шекспировскій переводъ не поступали отъ Полякова, книгопродавецъ, ухмыляясь, изгибаясь и извиняясь, каждый день клялся, что онъ заплатитъ завтра. Поѣздка Каткова поневолѣ откладывалась. Наконецъ, онъ вышелъ изъ терпѣнія и взялъ билетъ

---

[1]) Такъ описываетъ Панаевъ; Бѣлинскій замѣчаетъ въ письмѣ отъ 12 августа къ Боткину, что въ переводѣ этомъ принималъ участіе, кромѣ Каткова и Панаева, еще Языковъ.

на пароходъ... Онъ объявилъ объ этомъ Полякову и сказалъ, что долѣе терпѣть не можетъ. Поляковъ обѣщалъ доставить деньги къ 10 часамъ утра наканунѣ отъѣзда, но опять не явился. Панаевъ и Катковъ отправились къ нему въ лавку—купецъ хотѣлъ скрыться, но былъ задержанъ друзьями и далъ клятвенное увѣреніе, что принесетъ деньги въ день отъѣзда къ десяти часамъ. Но онъ опять не явился; въ 11 часовъ Панаевъ и Катковъ въ совершенной ярости побѣжали въ его лавку. Но Поляковъ предусмотрительно исчезъ, и гнѣвъ прибывшихъ палъ на приказчиковъ.

Каткову пришлось уѣхать заграницу со 100 или 200 рублями ассигнацій. Его петербургскіе друзья: Бѣлинскій, Панаевъ, Языковъ и Кольцовъ, провожали его до Кронштадта. „Бога ради, спасайте же меня, говорилъ онъ, обнимая ихъ на прощаніе—высылайте же мнѣ скорѣе деньги въ Берлинъ... Я могу умереть съ голода, если вы меня забудете“.

Какъ ни тревожило, однако, Каткова его безденежье, онъ былъ, какъ повѣствуетъ Панаевъ, веселъ и счастливъ мыслью, что черезъ нѣсколько дней будетъ въ западной Европѣ, которая такъ давно манила его, что онъ вступитъ въ самое святилище науки—берлинскій университетъ, о которомъ такъ давно мечталъ. Онъ предавался разнымъ упоительнымъ фантазіямъ, со всѣмъ увлеченіемъ и безпечностью молодости забывая свое положеніе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ его отъѣзда, прибавляетъ Панаевъ, Поляковъ заплатилъ деньги, и онѣ были тотчасъ же отосланы къ Каткову въ Берлинъ, съ прибавкою денегъ отъ Краевскаго. Но въ этомъ отношеніи память измѣнила Панаеву—деньги не тотчасъ же могли быть высланы Каткову. Ему пришлось бѣдствовать. Вообще, какъ мы увидимъ, пребываніе Каткова заграницей не оправдало въ извѣстныхъ отношеніяхъ его свѣтлыхъ надеждъ.

Но остановимся еще на пребываніи Каткова въ Петербургѣ. Съ Бѣлинскимъ Катковъ по-прежнему занимался вопросами философскаго развитія. Бѣлинскій, какъ мы уже упоминали, находился въ то время въ періодѣ душевной апатіи,

вызванной ломкою его убѣжденій. Вслѣдствіе этой апатіи, усиленной еще недавнимъ впечатлѣніемъ смерти Станкевича, онъ высказывалъ мысли о ничтожествѣ всего существующаго и человѣческой личности въ особенности. Это была реакція, своего рода Katzenjammer послѣ упоенія „прекраснодушіемъ“.

Бѣлинскій собирался спорить съ Катковымъ, который оставался на прежней точкѣ идеалистическаго отношенія къ гегелевской философіи и уваженія къ Шеллингу. Описывая встрѣчу съ Катковымъ, онъ заявлялъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ (10 декабря 1840 года):

„Къ пріѣзду Каткова я уже приготовленъ, – и при первой стычкѣ съ нимъ, отдался ему въ плѣнъ безъ противорѣчія. Смѣшно было: хотѣлъ спорить, и вдругъ вижу, что ужь нѣтъ ни силъ, ни жару, а черезъ $^1/_2$ часа, вмѣстѣ съ нимъ, началъ ратовать противъ всѣхъ сбитыхъ съ толку мною же“.

Какъ видно изъ позднѣйшаго письма Бѣлинскаго отъ 15 января 1841 года, на которомъ мы впослѣдствіи подробнѣе остановимся, предметомъ ихъ перваго разговора были жалобы о ничтожествѣ человѣческой личности; Катковъ, по заявленію Бѣлинскаго, осмѣялъ эту точку зрѣнія. Въ чемъ заключалось „плѣненіе“, въ которое Бѣлинскій попался къ Каткову, къ сожалѣнію неизвѣстно. Вѣроятно, послѣдній своимъ вліяніемъ нѣсколько пріостановилъ процессъ разложенія въ Бѣлинскомъ прежнихъ основъ его міросозерцанія. О ихъ спорахъ и занятіяхъ можно судить только по отрывочнымъ указаніямъ, попадающимся въ письмахъ послѣдняго.

Повидимому, и въ Катковѣ проглядывало порою неудовлетвореніе усвоенной ими точкою зрѣнія на философію Гегеля. Въ упомянутомъ письмѣ отъ 15 января Бѣлинскій указываетъ, что Катковъ, осмѣявъ его взглядъ на ничтожество существующаго, самъ затянулъ „черезъ нѣсколько недѣль ту же пѣсню, только еще заунывнѣй и отчаяннѣй“. Кромѣ субъективнаго настроенія, этому взгляду посодѣйствовала критика новогегеліанца Фрауенштета. „Катковъ

хандритъ—писалъ Бѣлинскій еще ранѣе 12 августа 1839 г., для него исчезла всякая достовѣрность въ жизни и знаніи. Онъ читалъ мнѣ отрывки изъ Фрауенштета — молодецъ Фрауенштетъ! Послѣ его брошюрки пропадаетъ охота не только резонерствовать или мыслить, но и что-нибудь утверждать".

Но только, какъ слѣдуетъ заключить изъ дальнѣйшихъ писемъ Бѣлинскаго, пріятелей тянуло въ разныя стороны. Катковъ чувствовалъ влеченіе къ мистическому Jenseits, къ душевному примиренію и вѣрѣ, Бѣлинскаго, напротивъ, влекло въ міръ анализа и критики, гдѣ душа не во всемъ находитъ успокоеніе, но гдѣ за то все освѣщено рѣзкимъ свѣтомъ разсудка. Но Бѣлинскій въ то время колебался между двумя теченіями—и духовное общеніе между пріятелями было еще возможно.

Предаваясь сомнѣніямъ въ достовѣрности знанія и жалуясь на тщету жизни, Бѣлинскій, какъ видно изъ письма его Боткину отъ 5 сентября, выдвигалъ тогда, въ видѣ исхода изъ этого мучительнаго состоянія, вопросъ о безсмертіи души, который онъ признавалъ тогда капитальнѣйшимъ изъ вопросовъ, возникающихъ въ человѣческомъ сознаніи.

„Погоди, говоритъ онъ Боткину, придетъ время, не то запоешь. Увидишь, что этотъ вопросъ—альфа и омега истины, и что въ его рѣшеніи—наше искупленіе. Я плюю на философію, которая только потому съ презрѣніемъ прошла мимо этого вопроса, что не въ силахъ была рѣшить его".

Этотъ вопросъ глубоко занималъ Бѣлинскаго въ періодъ 1839—1840 гг. Онъ писалъ ранѣе этого времени, въ началѣ 1840 года, къ Боткину, какъ бы указывая на отступленіе свое отъ общаго рѣшенія по этому предмету: „мысли мои объ Unsterblichkeit снова перевернулись: П. (Петербургъ) имѣетъ необыкновенное свойство обращать къ хрст-у, Миш... (Бакунинъ) много тутъ участвовалъ. Нѣтъ, объективный міръ страшенъ, и мы съ тобою скоренько порѣшили важный вопросъ". Онъ обѣщалъ тогда же написать по этому поводу письмо Каткову, которое Боткинъ долженъ былъ

прочитать. Намъ неизвѣстно, было ли это письмо написано, но вѣроятно вопросъ о безсмертіи души былъ предметомъ дебатовъ между пріятелями во время ихъ свиданій въ Петербургѣ.

Сходились ли они тогда въ рѣшеніи этого вопроса, мы не беремся рѣшить. Въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ они сходились. Бѣлинскій въ письмахъ къ Боткину одобряетъ порою взгляды Каткова, такъ, напр., относительно узости гегелевской философіи.

„Гегель не благоволилъ ко всему фантастическому—писалъ Бѣлинскій 5 сентября,—какъ прямо противоположному опредѣленно дѣйствительному. Катковъ говоритъ, что это ограниченность. Я съ нимъ согласенъ... Не отъ того ли музыка не далась Егору Ѳедоровичу, что она есть нѣчто невыговоримое, слѣдовательно по философіи Гегеля призрачное, ничто“?

Но въ томъ же письмѣ Бѣлинскій замѣчаетъ, что Катковъ недавно „поразилъ его заступничествомъ своимъ за заживо умершаго Шеллинга, говоря, что у него есть нѣчто, что онъ не можетъ выговорить, ибо возможность выговорить основывается опять-таки на метафизикѣ Гегеля и что это нѣчто—личность человѣческая.

Въ оцѣнкѣ Шеллинга, значитъ, друзья расходились. Бѣлинскій видѣлъ въ возвращеніи къ философіи Шеллинга шагъ назадъ въ развитіи; между тѣмъ, эта философія оказалась впослѣдствіи наиболѣе отвѣчающей духовнымъ стремленіямъ Каткова. Изъ-за этого, какъ мы увидимъ, они впослѣдствіи окончательно разошлись...

Внутреннее разногласіе друзей стало выступать, между прочимъ, въ оцѣнкѣ, данной Бѣлинскимъ статьѣ Каткова о Саррѣ Толстой [1]). Сначала онъ былъ восхищенъ или, какъ говорилъ самъ, оглушенъ этой статьей. Еще 25 октября (уже послѣ отъѣзда Каткова) онъ писалъ Боткину: „по мнѣ, чудесная статья, но чувствуется какая-то тяжеловатость“. Онъ спрашивалъ у Боткина, какое впечатлѣніе она произвела на него и что говорятъ объ этой статьѣ въ Москвѣ.

[1]) Напечатанной въ „Отеч. Запискахъ“ за 1840 годъ.

Въ Петербургѣ она совершенно не понравилась. Но чѣмъ болѣе Бѣлинскій въ нее вчитывался, тѣмъ менѣе она ему казалась существенной. „Я самъ вижу—писалъ онъ 10 декабря,—что много мыслей, но мыслей, которыя проходятъ сквозь голову читателя, какъ сквозь рѣшето, не останавливаясь въ ней. Начну читать—превосходно, закрою книгу—ничего не помню".

Бѣлинскій признавалъ, и во время пребыванія Каткова въ Петербургѣ, и послѣ его отъѣзда, что Катковъ „много заставилъ его двинуться", но прибавлялъ, что онъ это сдѣлалъ, „самъ того не зная". Вѣроятно, Бѣлинскій разумѣлъ въ этомъ случаѣ критическія мысли Каткова о гегеліанизмѣ, которыя впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, вызвали въ Бѣлинскомъ развитіе въ противоположную сторону отъ той, куда пошелъ Катковъ.

Общее впечатлѣніе отъ встрѣчи съ Катковымъ Бѣлинскій высказалъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Съ Катковымъ мнѣ было какъ-то несовсѣмъ свободно, ибо я страдалъ, а онъ еще хуже, такъ что былъ для всѣхъ тяжелъ, но и съ нимъ для меня бывали чудныя минуты" (письмо къ Боткину отъ 10 декабря 1839 года).

Пребываніе Каткова въ Петербургѣ ознаменовалось разными столкновеніями, ссорами, размолвками... Кружокъ окончательно разсыпался. Отношенія между членами перепутались, исказились.

Главное мѣсто среди раздоровъ принадлежитъ столкновенію Каткова съ Бакунинымъ. Мы видѣли, что къ послѣднему Бѣлинскій охладѣлъ еще въ концѣ 1839 года. Отношенія ухудшились весной 1840 года. Чрезвычайная неделикатность Бакунина, его стремленіе совать свой носъ въ интимныя дѣла пріятелей, умѣніе ставить себя и другихъ въ фальшивыя положенія и прибѣгать къ нелѣпому резонерству, чтобы ихъ оправдывать, послужили окончательнымъ основаніемъ къ разрыву. Бѣлинскій былъ такъ возстановленъ противъ Бакунина, что когда Боткинъ сообщилъ ему о враждебности Бакунина къ Каткову, то Бѣлинскій просилъ (въ письмѣ 24 апрѣля 1839 года) расцѣловать за это Кат-

кова. „Я вдвое больше люблю его за это, писалъ онъ; это новое доказательство, что онъ человѣкъ". Бакунинъ успѣлъ въ это время насолить Бѣлинскому, Боткину, Каткову... Послѣдній не принадлежалъ къ числу людей, которые позволяли бы даромъ наступать себѣ на ногу.

Въ бытность Каткова въ Петербургѣ, явился туда и Бакунинъ, также направлявшійся оттуда заграницу. Ни мало не стѣсняясь, онъ пошелъ къ пріятелямъ; завернулъ къ Панаеву, у котораго проживалъ Катковъ. Панаевъ, въ виду произошедшихъ исторій, принялъ его въ высшей степени холодно — и Бакунинъ долженъ былъ отретироваться, не сумѣвъ произвести никакого впечатлѣнія въ свою пользу. Во время его визита тамъ былъ Катковъ, но послѣдній не вышелъ къ нему—и встрѣча произошла уже на слѣдующій день у Бѣлинскаго, который ее подробно описалъ.

Однажды рано утромъ, писалъ Бѣлинскій къ Боткину 12 августа, явился къ нему Катковъ въ какомъ-то необыкновенномъ и страстно-одушевленномъ состояніи и съ разными штуками и мистификаціями объяснилъ, что пріѣхалъ Бакунинъ. Онъ разсказалъ Бѣлинскому про посѣщеніе послѣднимъ Панаева и предупредилъ, что онъ долженъ явиться этотъ день къ нему. Тщетно пріятели ждали гостя продолжительное время, наконецъ, уже около 12 часовъ дня, показалась на дворѣ дома, гдѣ жилъ Бѣлинскій, „уродливая фигура, какъ онъ выражался, въ филистерскомъ прегнусномъ картузѣ". Онъ хотѣлъ встрѣтить его, какъ можно холоднѣе—но Бакунинъ успѣлъ поцѣловать его. Катковъ же привѣтствовалъ Бакунина благодарностью за участіе въ его исторіи (Бакунинъ распустилъ про него какую-то сплетню, въ которой не одинъ Катковъ къ тому же былъ замѣшанъ). Бакунинъ прошелъ въ спальню и отвѣчалъ оттуда: „фактецовъ, фактецовъ, я желалъ бы фактецовъ, милостивый государь!" — „Какіе тутъ факты, вы продавали меня по мелочамъ". Произошла перебранка, перешедшая въ наступательныя дѣйствія, причемъ наиболѣе потерпѣвшимъ оказался, по справедливости, виновный въ исторіи Бакунинъ. Бѣлинскій былъ весь на сторонѣ Каткова. „Я въ первый разъ, писалъ

онъ, увидѣлъ, что такое мужчина, достойный любви женщины". Бакунинъ, получивъ оскорбленіе, заявилъ, что онъ намѣренъ драться. Катковъ, успокоившись, еще разъ передъ уходомъ подошелъ къ нему и заявилъ: „послушайте, милостивый государь, если въ васъ есть хоть капля теплой крови, не забудьте же, что вы сказали". Бѣлинскій остался успокоивать Бакунина. Жалость смѣшивалась у него съ отвращеніемъ. Бакунинъ казался ему противнымъ настолько, что онъ не допускалъ возможности любви къ нему со стороны женщинъ и не понималъ, какъ могутъ цѣловать его сестры.

Удаливши Бакунина, Бѣлинскій поѣхалъ къ Панаеву. Катковъ пригласилъ его секундантомъ, но Бѣлинскій сначала отказался, указывая на свою неспособность къ этой роли. Катковъ обратился тогда съ просьбой къ Панаеву, который кивнулъ головой въ знакъ согласія. Отъ Панаева компанія, въ которой находился, кромѣ названныхъ лицъ, еще Языковъ, направилась на дачу къ Краевскому, къ которому они были приглашены. Поѣхали на извощикахъ: Панаевъ съ Катковымъ, Бѣлинскій съ Языковымъ. Послѣдній сталъ уговаривать своего компаньона принять предложеніе Каткова, чтобы избавить отъ него Панаева, какъ семейнаго человѣка. Бѣлинскій согласился и когда пріятели подъѣхали къ дачѣ Краевскаго, онъ объявилъ объ этомъ Каткову. „Иду на войну да и только—восклицалъ онъ въ письмѣ,—что твой Аѳанасій Ивановичъ, когда онъ пугалъ Пульхерію Ивановну".

Война оказалась однако весьма миролюбивой. Противникъ Каткова не проявлялъ воинственнаго пыла. Бѣлинскій былъ на слѣдующій день у Бакунина, который просилъ его передать Каткову какія-то увѣренія и записку, въ которой онъ на трехъ страницахъ—„аналитическимъ и скопческимъ слогомъ", какъ выражался Бѣлинскій—изложилъ, что можно было сказать въ трехъ словахъ. Онъ предлагалъ отложить дуэль до появленія обоихъ въ Берлинѣ, ссылаясь на строгость русскихъ законовъ, присуждавшихъ оставшагося въ живыхъ противника къ отдачѣ въ солдаты. Затѣмъ, въ

письмѣ къ Ефремову Бакунинъ просилъ его посредничества, чтобы уговорить Каткова отложить дѣло на неопредѣленный срокъ, такъ какъ въ Берлинѣ онъ будетъ единственною поддержкой и защитникомъ одной личности (В. А. Д—ой). „Кажется, молодецъ, такъ заключаетъ Бѣлинскій письмо—хочетъ отдѣлаться, а нашъ горячится тѣмъ пуще—говоритъ надо подлеца стереть съ лица земли. Впрочемъ я подозрѣваю, что онъ прикнучиваетъ себя, ибо дуэль хороша, когда оскорбленіе живо и сильно еще“.

Бакунинъ уѣхалъ заграницу, должно быть, въ концѣ сентября, потому что Бѣлинскій говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ Боткину отъ 4 октября:

„Когда онъ уѣзжалъ изъ Петербурга заграницу—писалъ Бѣлинскій—его провожали не я, не Катковъ, даже не Языковъ и Панаевъ, но Г-нъ (должно быть, Герценъ), произведенный имъ за 1.000 р. ассигнаціями въ спекулятивныя натуры. Но этимъ не кончилось: оная натура говоритъ, что его можно уважать за умъ, но не любить и что по письмамъ московскихъ друзей видно, что они даже плохо уважаютъ его“.

„Мишель думалъ—писалъ по поводу его отъѣзда Бѣлинскій,—что кромѣ глубокой натуры и генія необходимы для удостоиваемыхъ его дружбы еще одинаковый взглядъ на погоду и одинаковый вкусъ даже къ гречневой кашѣ—условіе sine qua non! Вотъ какъ оправдала жизнь его абстрактныя, лишенныя жизненнаго соку и теплоты воззрѣнія“.

Изъ Берлина Бакунинъ тотчасъ послѣ пріѣзда написалъ къ Бѣлинскому и Каткову. Въ письмѣ къ первому онъ сознавался въ своихъ недостаткахъ, соглашался съ опредѣленіемъ Бѣлинскаго, что онъ—діалектическая натура и старался вызвать симпатію со стороны послѣдняго. Но онъ извлекъ только сожалѣніе къ себѣ своего бывшаго друга, который не отвѣчалъ ему даже на посланіе. Про письмо къ Каткову Бѣлинскій писалъ къ Боткину:

„Къ К—ву онъ писалъ, приписывая свой поступокъ пустотѣ и болтовнѣ, просилъ извиненія, но говорилъ, что *извѣстное объясненіе* неизбѣжно, да я не вѣрю—у.....ся на мѣстѣ объясненія—и всего вѣрнѣе—увернется отъ него. Ты правъ, что онъ трусъ“.

Такимъ fiasco въ средѣ своихъ друзей кончилъ этотъ колоссъ идеализма! Катковъ, какъ видно изъ всего приведеннаго выше, былъ нравственно правъ въ своемъ столкновеніи съ нимъ.

Но у Каткова не совсѣмъ ладились отношенія и съ другими изъ окружающихъ лицъ. На него нашелъ тяжелый стихъ. О Кетчерѣ (бывшемъ московскомъ пріятелѣ), онъ отзывался дурно, имѣлъ какую-то ссору съ Краевскимъ, готовъ былъ разойтись съ Боткинымъ и вызывалъ противъ себя жалобы со стороны Бѣлинскаго, Панаева, Языкова. Друзья старались какъ можно осторожнѣе къ нему относиться, но и то не избѣгали поводовъ къ его неудовольствію.

„Теперь о К—вѣ, пишетъ Бѣлинскій Боткину 5 октября. Онъ хандритъ и мутитъ себя и все близкое къ нему. Ссора его съ Кр. была результатомъ этой хандры, но онъ скоро опомнился и загладилъ это. Теперь его отношенія съ Кр. прекрасныя. Но вотъ другое горе. Ты помнишь, какъ онъ сердился на меня въ Москвѣ, что я не пишу ему, теперь твоя очередь. Недавно я узналъ отъ него, что онъ убѣжденъ, что ты его любишь не болѣе, чѣмъ М. Б. (Бакунинъ). Причиной этому твои поклоны ему въ письмахъ ко мнѣ. Я имѣлъ неосторожность прочитать ему твое письмо (отъ 3 сентября), разумѣется, выпустивши то, что ты говоришь о немъ по поводу его ссоры съ Кр. Замѣтивъ, что я не все прочиталъ, онъ измѣнился въ лицѣ, поблѣднѣлъ и сталъ допрашивать. Послѣ этого дня два пролежалъ онъ, уткнувши носъ въ подушку. Дикая натура, молодая—много самолюбія! но я понимаю это. Насъ съ нимъ раздѣляетъ разница въ лѣтахъ, онъ это чувствуетъ и ложно объясняетъ. Бога ради, скорѣе напиши къ нему, если письмо твое его не застанетъ (12 онъ думаетъ отправиться), я тотчасъ же перешлю къ нему. Но въ немъ ни слова о томъ, что ты знаешь о его на тебя претензіи, ни слова обо мнѣ — иначе ты убьешь его. Пиши, какъ будто тебѣ самому вздумалось написать ему“.

„Глубокая натура, могучій умъ, блестящій,—пишетъ Бѣлинскій 25 октября, проводивъ Каткова,—богатая надежда въ будущемъ, но теперь К. такой ребенокъ, что съ нимъ тяжелы близкія отношенія. Кольцовъ говоритъ, что онъ весь и вдругъ наваливается и отъ того тяжелъ. Зато взъѣстся

на человѣка—другая крайность: забываетъ деликатность и вѣжливость. Дитя, еще дитя! Твое письмо къ нему подошло кстати и утѣшило его".

Проявлявшіяся шереховатости въ отношеніяхъ Каткова къ пріятелямъ по молодости вызвали въ нихъ даже довольно рѣзкій приговоръ о его характерѣ, сложившійся, очевидно, подъ дурными впечатлѣніями. Примѣръ показалъ въ этомъ отношеніи Боткинъ. Что онъ писалъ—неизвѣстно, но вотъ что отвѣчалъ по этому поводу Бѣлинскій 15 января 1841 года. Приводимъ отзывъ его цѣликомъ:

„Теперь о второмъ пунктѣ твоего письма—о Катковѣ. Признаюсь, огорошилъ ты меня. Я—странная натура—никогда не смѣю высказывать о человѣкѣ, что̀ думаю, и часто наталкиваюсь на любовь и дружбу къ нему, чтобы примирить свое чувство къ нему съ понятіемъ о немъ. Твое сужденіе о Катковѣ ужасно вѣрно. Я тоже чувствовалъ, но не смѣлъ сказать себѣ самому. Изъ этого человѣка (я увѣренъ въ этомъ) еще выйдетъ человѣкъ... Пріѣхавши въ Петербургъ, онъ началъ съ высоты величія подсмѣиваться надъ моими жалобами о ничтожествѣ человѣческой личности, столь похожей въ общемъ на мыльный пузырь, и говорить, что въ наше время объ этомъ тужатъ только дрянныя и гнилыя натуришки, а черезъ нѣсколько недѣль затянулъ ту же пѣсню, только еще заунывнѣй и отчаяннѣй. Потомъ толковалъ мнѣ, съ видомъ покровительства, о необходимости провести по своей непосредственности рѣзцомъ художника, чтобы придать себѣ виртуозности. У меня странная привычка—принимать въ другихъ самохвальство за доказательство достоинства—я и повѣрилъ, что онъ—статуя, виртуознѣе самого Аполлона Бельведерскаго, да и давай плевать на себя и смиряться передъ нимъ. Вообще, онъ велъ себя со всѣми нами, какъ геніальный юноша съ людьми добродушными, но недалекими... Панаеву съ Языковымъ тоже досталось порядочно за то, что они не знали, какъ лучше выразить ему свое уваженіе и любовь. Не скажу, чтобы у меня съ нимъ не было и пріятныхъ минутъ, ибо это—натура сильная и голова крѣпко работающая. Онъ много разбудилъ во мнѣ, и изъ этого многаго большая часть воскресла и самодѣятельно переработалась во мнѣ уже послѣ отъѣзда. Ясно, что немного прошло у него черезъ сердце, но живетъ только въ головѣ, и потому пристаетъ отъ него и понимается съ трудомъ. Когда онъ съ торжествомъ созвалъ насъ у Краев-

скаго и прочелъ половину статьи о Саррѣ Толстой, я былъ *оглушенъ*, но нисколько не наполненъ, но сказалъ Комарову и прочимъ, что такой статьи не бывало на свѣтѣ. Статья вышла. Питеръ принялъ ее съ остервенѣніемъ, что̀ еще больше придало ей цѣны въ моихъ глазахъ. Панаевъ и Комаровъ просто сказали мнѣ, что имъ статья не нравится, а послѣдній - что онъ въ ней, за исключеніемъ двухъ, трехъ дѣйствительно прекрасныхъ мѣстъ, ничего не понимаетъ. Я чуть не побранился съ нимъ за то, хоть онъ и говорилъ мнѣ, что въ моихъ статьяхъ все понимаетъ. Уже спустя довольно времени, я самъ поусомнился, замѣтивъ, что ничего не помню изъ дивной статьи. Перечитывалъ—читаю, прекрасно, положу книгу—не помню ничего. Твое письмо довершило. Ты здѣсь—не то, что я, – ты человѣкъ посторонній. Не забудь, что мы съ Катковымъ—соперники по ремеслу, а я по своей натурѣ способенъ видѣть всегда въ соперникахъ Богъ знаетъ что, а въ себѣ—ничего. Когда онъ изъявилъ желаніе писать о Саррѣ Толстой, я не смѣлъ и думать взяться за это дѣло. Теперь каюсь, ибо вижу, что это чудное явленіе погибло для публики. Хочу написать для „Современника", да книги нѣтъ. Нащокинъ, говорятъ, передалъ для меня экземпляръ К. Аксакову, а тотъ, Богъ знаетъ, что сдѣлалъ съ нимъ. Не можешь ли ты похлопотать объ этомъ дѣлѣ?

„Въ немъ бездна самолюбія и эгоизма—и много мы развили въ немъ и то, и другое. Сперва держали его въ черномъ тѣлѣ, а съ исторіи со Щ. [1]) начали носить его въ хлопочкахъ—вотъ онъ и зазнался.

„Вспоминая объ извѣстной тебѣ моей исторіи съ нимъ, ясно сознаю, что я тогда же видѣлъ то, чего никто не видѣлъ и ты особенно, и что съ другимъ кѣмъ у меня была бы невозможна подобная исторія, что онъ слишкомъ безчестно наслаждался плодами своей побѣды надо мною и что его ненависть послѣ того, какъ все объяснилось въ его пользу, выходила изъ самаго черстваго эгоизма и что не онъ, а я жестоко оскорбленъ былъ. Да, Боткинъ, признаюсь въ слабости, а и теперь иногда тяжело вспомнить объ этой исторіи. Вотъ этотъ человѣкъ какъ-то не вошелъ въ нашъ кругъ, а присталъ къ нему. И онъ не могъ войти въ него: онъ для этого слишкомъ молодъ, и онъ еще только теперь страдаетъ тѣми болѣзнями, которыя мы или давно перестра-

[1]) Эта исторія была поводомъ перваго столкновенія Бѣлинскаго съ Катковымъ.

дали, или къ которымъ притерпѣлись, такъ что не чувствуешь ихъ, какъ лошадь хомута или упряжи. Это важное обстоятельство — одновременность развитія! Да, много, много пятенъ въ этой, впрочемъ, прекрасной натурѣ. Время образуетъ ее: есть натуры, трудно и туго развивающіяся— къ такимъ принадлежитъ и натура нашего юноши. А между тѣмъ, эта натура, полная силы, энергіи, могучая, натура широкая, если пока еще не глубокая; онъ никогда не сдѣлается ни піэтистомъ, ни резонеромъ, ни сантиментальнымъ шутомъ. Только онъ носитъ въ себѣ страшнаго врага—самолюбіе, которое... чортъ знаетъ до чего можетъ довести его. Удивительно вѣрно твое выраженіе: „бравады субъективности". Это конекъ, на которомъ нашъ юноша легко можетъ свернуть себѣ шею. Самолюбіе ставитъ его въ такія положенія, что отъ случайности будетъ зависѣть его спасеніе или гибель, смотря по тому, куда онъ повернется, пока еще есть время поворачивать себя въ ту или другую сторону".

Въ этой подробной характеристикѣ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ отзывахъ подчеркнуты неблагопріятныя впечатлѣнія о Катковѣ. Чрезвычайно искренній, Бѣлинскій въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ самъ не отличался объективностью—и въ его оцѣнкѣ болѣе, чѣмъ у другихъ, сквозило вліяніе впечатлѣній.

Умѣніе ладить съ людьми инымъ не дается сразу и приходитъ съ годами. Позднѣйшая, многолѣтняя дружба Каткова съ Леонтьевымъ доказываетъ, что онъ сумѣлъ впослѣдствіи въ извѣстномъ отношеніи переработать свою натуру. Къ прежнему кругу друзей Катковъ болѣе не возвращался — ихъ разъединило окончательно различіе убѣжденій, такъ что мы не можемъ судить о томъ, какъ отзывались бы о немъ тѣ же люди, еслибы продолжали съ нимъ общеніе въ болѣе зрѣлые и трезвые года.

С.

МОЛОДЕЖЬ.

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IV.

Всю эту зиму жизнь Гриши складывалась какъ-то своеобразно, совсѣмъ не по-петербургскому. Въ такъ называемый „свѣтъ“ онъ по-прежнему не ѣздилъ вовсе, какъ ни уговаривала его тетка бросить свою привычку дичиться, которую она приписывала ребяческому, и вдобавокъ обидчивому самолюбію. Съ товарищами онъ тоже не видѣлся; да и не было у него почти вовсе товарищей. Всѣ, съ кѣмъ онъ блъ на короткой ногѣ въ университетѣ, куда-то исчезли, точно ихъ развѣяло вдругъ. Удивительно быстро, какъ вешній снѣгъ, будто стаяла эта школьная дружба, казавшаяся такою прочной. И все-таки эта почти одинокая жизнь была такъ полна и дѣломъ, и сладкими грезами, что Гриша и не тяготился своимъ одиночествомъ: съ одной стороны было министерство, въ которомъ Гриша работалъ много и усердно, искренно вѣря въ серьезность и важность этого бумажнаго дѣла, и цѣлый кругъ интересовъ и отношеній, тоже казавшихся очень серьёзными. Гриша аккуратно посѣщалъ вечернія собранія у Петра Кириловича Радугина, гдѣ собирался весь цвѣтъ либеральной интеллигенціи,—профессора, адвокаты, литераторы и многіе изъ видныхъ представителей судебнаго міра. Гриша тамъ заслушивался хлесткими

дали, или къ которымъ притерпѣлись, такъ что не чувствуешь ихъ, какъ лошадь хомута или упряжи. Это важное обстоятельство — одновременность развитія! Да, много, много пятенъ въ этой, впрочемъ, прекрасной натурѣ. Время образуетъ ее: есть натуры, трудно и туго развивающіяся— къ такимъ принадлежитъ и натура нашего юноши. А между тѣмъ, эта натура, полная силы, энергіи, могучая, натура широкая, если пока еще не глубокая; онъ никогда не сдѣлается ни піэтистомъ, ни резонеромъ, ни сантиментальнымъ шутомъ. Только онъ носитъ въ себѣ страшнаго врага—самолюбіе, которое... чортъ знаетъ до чего можетъ довести его. Удивительно вѣрно твое выраженіе: „бравады субъективности". Это конекъ, на которомъ нашъ юноша легко можетъ свернуть себѣ шею. Самолюбіе ставитъ его въ такія положенія, что отъ случайности будетъ зависѣть его спасеніе или гибель, смотря по тому, куда онъ повернется, пока еще есть время поворачивать себя въ ту или другую сторону".

Въ этой подробной характеристикѣ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ отзывахъ подчеркнуты неблагопріятныя впечатлѣнія о Катковѣ. Чрезвычайно искренній, Бѣлинскій въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ самъ не отличался объективностью—и въ его оцѣнкѣ болѣе, чѣмъ у другихъ, сквозило вліяніе впечатлѣній.

Умѣніе ладить съ людьми инымъ не дается сразу и приходитъ съ годами. Позднѣйшая, многолѣтняя дружба Каткова съ Леонтьевымъ доказываетъ, что онъ сумѣлъ впослѣдствіи въ извѣстномъ отношеніи переработать свою натуру. Къ прежнему кругу друзей Катковъ болѣе не возвращался — ихъ разъединило окончательно различіе убѣжденій, такъ что мы не можемъ судить о томъ, какъ отзывались бы о немъ тѣ же люди, еслибы продолжали съ нимъ общеніе въ болѣе зрѣлые и трезвые года.

С.

МОЛОДЕЖЪ.

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IV.

Всю эту зиму жизнь Гриши складывалась какъ-то своеобразно, совсѣмъ не по-петербургскому. Въ такъ называемый „свѣтъ“ онъ по-прежнему не ѣздилъ вовсе, какъ ни уговаривала его тетка бросить свою привычку дичиться, которую она приписывала ребяческому, и вдобавокъ обидчивому самолюбію. Съ товарищами онъ тоже не видѣлся; да и не было у него почти вовсе товарищей. Всѣ, съ кѣмъ онъ былъ на короткой ногѣ въ университетѣ, куда-то исчезли, точно ихъ развѣяло вдругъ. Удивительно быстро, какъ вешній снѣгъ, будто стаяла эта школьная дружба, казавшаяся такою прочной. И все-таки эта почти одинокая жизнь была такъ полна и дѣломъ, и сладкими грезами, что Гриша и не тяготился своимъ одиночествомъ: съ одной стороны было министерство, въ которомъ Гриша работалъ много и усердно, искренно вѣря въ серьезность и важность этого бумажнаго дѣла, и цѣлый кругъ интересовъ и отношеній, тоже казавшихся очень серьёзными. Гриша аккуратно посѣщалъ вечернія собранія у Петра Кириловича Радугина, гдѣ собирался весь цвѣтъ либеральной интеллигенціи,—профессора, адвокаты, литераторы и многіе изъ видныхъ представителей судебнаго міра. Гриша тамъ заслушивался хлесткими

дали, или къ которымъ притерпѣлись, такъ что не чувствуешь ихъ, какъ лошадь хомута или упряжи. Это важное обстоятельство — одновременность развитія! Да, много, много пятенъ въ этой, впрочемъ, прекрасной натурѣ. Время образуетъ ее: есть натуры, трудно и туго развивающіяся — къ такимъ принадлежитъ и натура нашего юноши. А между тѣмъ, эта натура, полная силы, энергіи, могучая, натура широкая, если пока еще не глубокая; онъ никогда не сдѣлается ни піэтистомъ, ни резонеромъ, ни сантиментальнымъ шутомъ. Только онъ носитъ въ себѣ страшнаго врага — самолюбіе, которое... чортъ знаетъ до чего можетъ довести его. Удивительно вѣрно твое выраженіе: „бравады субъективности". Это конекъ, на которомъ нашъ юноша легко можетъ свернуть себѣ шею. Самолюбіе ставитъ его въ такія положенія, что отъ случайности будетъ зависѣть его спасеніе или гибель, смотря по тому, куда онъ повернется, пока еще есть время поворачивать себя въ ту или другую сторону".

Въ этой подробной характеристикѣ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ отзывахъ подчеркнуты неблагопріятныя впечатлѣнія о Катковѣ. Чрезвычайно искренній, Бѣлинскій въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ самъ не отличался объективностью — и въ его оцѣнкѣ болѣе, чѣмъ у другихъ, сквозило вліяніе впечатлѣній.

Умѣніе ладить съ людьми инымъ не дается сразу и приходитъ съ годами. Позднѣйшая, многолѣтняя дружба Каткова съ Леонтьевымъ доказываетъ, что онъ сумѣлъ впослѣдствіи въ извѣстномъ отношеніи переработать свою натуру. Къ прежнему кругу друзей Катковъ болѣе не возвращался — ихъ разъединило окончательно различіе убѣжденій, такъ что мы не можемъ судить о томъ, какъ отзывались бы о немъ тѣ же люди, еслибы продолжали съ нимъ общеніе въ болѣе зрѣлые и трезвые года.

С.

МОЛОДЕЖЬ.

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IV.

Всю эту зиму жизнь Гриши складывалась какъ-то своеобразно, совсѣмъ не по-петербургскому. Въ такъ называемый „свѣтъ" онъ по-прежнему не ѣздилъ вовсе, какъ ни уговаривала его тетка бросить свою привычку дичиться, которую она приписывала ребяческому, и вдобавокъ обидчивому самолюбію. Съ товарищами онъ тоже не видѣлся; да и не было у него почти вовсе товарищей. Всѣ, съ кѣмъ онъ былъ на короткой ногѣ въ университетѣ, куда-то исчезли, точно ихъ развѣяло вдругъ. Удивительно быстро, какъ вешній снѣгъ, будто стаяла эта школьная дружба, казавшаяся такою прочной. И все-таки эта почти одинокая жизнь была такъ полна и дѣломъ, и сладкими грезами, что Гриша и не тяготился своимъ одиночествомъ: съ одной стороны было министерство, въ которомъ Гриша работалъ много и усердно, искренно вѣря въ серьезность и важность этого бумажнаго дѣла, и цѣлый кругъ интересовъ и отношеній, тоже казавшихся очень серьезными. Гриша аккуратно посѣщалъ вечернія собранія у Петра Кириловича Радугина, гдѣ собирался весь цвѣтъ либеральной интеллигенціи,—профессора, адвокаты, литераторы и многіе изъ видныхъ представителей судебнаго міра. Гриша тамъ заслушивался хлесткими

и умными рѣчами, и отъ этихъ рѣчей въ головѣ его оставался какой-то опьяняющій туманъ; и съ гордостью онъ говорилъ себѣ, что самъ тоже со временемъ станетъ въ первыхъ рядахъ передовыхъ дѣятелей, такъ хорошо и ясно умѣющихъ рѣшать труднѣйшіе, государственные вопросы. Но на ряду съ этимъ либерально-бюрократическимъ міромъ былъ совершенно иной, еще болѣе заманчивый мірокъ, въ центрѣ котораго вся дышащая свѣжестью и блескомъ стояла маленькая Нелли. И безкорыстное честолюбіе, отъ котораго такъ билось у Гриши сердце, жило въ немъ бокъ о бокъ съ инымъ сладкимъ и трепетнымъ чувствомъ.

Было около десяти часовъ вечера. Гриша весь погрузился въ объемистое дѣло, по которому ему было поручено составить записку. Но какъ ни старался онъ постичь тяжеловѣсную мудрость оффиціальнаго слога, передъ его глазами то и дѣло мелькалъ заманчивый, шаловливый образъ Нелли, и среди сухихъ фразъ, какъ „на отношеніе вашего превосходительства честь имѣю отвѣтить", Гришѣ вспоминались отрывки бойкихъ, веселыхъ рѣчей, слышанныхъ имъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ въ комнатѣ Папи. Глаза его искрились, и раза два онъ даже разсмѣялся вполголоса, припомнивъ что-то изъ своего разговора съ Нелли.

— Какъ, ты одинъ у себя въ комнатѣ, — неожиданно услышалъ онъ вдругъ мягкій голосъ сестры, — а я думала, съ тобой кто-то сидитъ: ты сейчасъ такъ весело смѣялся. Это у васъ оффиціальныя бумаги такъ забавно пишутъ въ министерствѣ?

— Я такъ, замечтался, — слегка покраснѣвъ, отвѣтилъ Гриша и тутъ же спросилъ, чтобы перемѣнить разговоръ,— что ты такъ засидѣлась у графини? Неужели тебѣ весело тамъ?

— Видно не скучно было. Тетя велѣла тебѣ сказать, чтобы ты былъ у нея завтра вечеромъ: будутъ гости.

— Не знаю, право, я вѣдь до вечеровъ не охотникъ. Да ты сама ужь больно часто стала бывать у тети, — прежде ты ее не долюбливала.

— Я просто перестала дичиться, вотъ и все. Сказала себѣ разъ навсегда, что дичиться глупо, потому что въ этомъ собственно никакой независимости нѣтъ, а есть, напротивъ, какая-то нелѣпая боязнь передъ людьми потому только, что они иначе живутъ, чѣмъ мы жить привыкли.

— Вотъ какъ! это я въ первый разъ отъ тебя слышу, весело сказалъ Гриша, предвидѣвшій, что у него тотчасъ начнется съ сестрой одинъ изъ тѣхъ длинныхъ споровъ, которые онъ такъ любилъ.

А съ Наташей дѣйствительно перемѣна случилась, перемѣна, которой братъ до сихъ поръ не замѣчалъ; даже одѣта она была не по-прежнему. Ея свѣтло-сѣрое платье, правда, очень простенькое, сидѣло на ней ловко, изящно, прелестно обрисовывая ея тонкій станъ. И прическа у нея была совсѣмъ не та ужь, какъ въ Солнцевѣ. Во всемъ этомъ сказывалось незамѣтно для самой Наташи вліяніе на нее графини Елизаветы Андреевны. Графиня, какъ женщина умная, тотчасъ поняла, что въ Наташѣ, несмотря на ея деревенское воспитаніе, много природнаго чутья, что стóитъ этимъ самородкомъ заняться, и отшлифуется онъ въ совершенствѣ. Графиня Елизавета Андреевна была далеко не рада пріѣзду брата и невѣстки. Но разъ это событіе совершилось, надо было, хотя бы изъ личнаго разсчета, пристроить семью Непрядвиныхъ какъ можно лучше,—по крайней мѣрѣ за нихъ краснѣть не придется. И Елизавета Андреевна пустила въ ходъ все свое вліяніе на Коловратскаго, чтобы доставить брату мѣсто, а племяннику открыть путь къ возможно быстрой карьерѣ. А Наташа заинтересовала графиню какъ разъ той строптивой независимостью нрава, которая такъ странно у нея мирилась съ мягкостью въ пріемахъ и въ голосѣ. Графинѣ захотѣлось приручить дѣвушку, такъ напоминавшую молодую необъѣзженную лошадь. Къ счастію Варвара Петровна охотно отпускала ее одну. И можно было заняться ея перевоспитаніемъ, не навязывая себѣ на шею скучную маменьку. Сердце Наташи, правда, совсѣмъ не лежало къ графинѣ, но за то ее скоро прельстилъ недюжинный и вдобавокъ совсѣмъ ужь независимый умъ тетки. Графиня въ

душѣ также ненавидѣла все условное, какъ и сама Наташа, хоть и дѣлала всегда неизбѣжныя уступки тому, чего требовало ея положеніе. Желаніе Наташи посѣщать курсы не внушало ей ровно никакого ужаса, она только снисходительно улыбалась, думая про себя, что мимолетное увлеченіе Наташи пройдетъ само собою и пройдетъ очень скоро. И молодая дѣвушка уже нѣсколько разъ присутствовала на ея маленькихъ вечернихъ пріемахъ. Молодежи у графини не бывало почти вовсе, но объ этомъ Наташа и не жалѣла. Слушая остроумныя, вертлявыя рѣчи, какими обмѣнивались гости Елизаветы Андреевны, молодая дѣвушка по-немногу заинтересовалась тѣмъ, что говорили вокругъ нея эти солидные, вліятельные люди. И сдѣлалось какъ-то само собой, что Наташа мало по малу вошла въ новую колею и незамѣтно для самой себя переняла тонъ и пріемы чуждаго ей круга.

Въ этотъ день Наташа провела время у тетки особенно пріятнымъ образомъ. До обѣда она оставалась вдвоемъ съ кузиной Катей, съ которой у нея было столько общихъ милыхъ воспоминаній. И лишній разъ Наташѣ пришлось сказать себѣ, что для такихъ, какъ эта добрая, безобидная Катя, жизнь стелется особенно легко и гладко не потому, чтобы ихъ очень баловала судьба, а въ силу того, что природа ихъ надѣлила такимъ кроткимъ невзыскательнымъ нравомъ. Отъ каждой бесѣды съ Катей словно миромъ вѣяло на сердце Наташи, и въ эти минуты она почти завидовала безропотному смиренію двоюродной сестры. „Да лучше быть такой, гораздо лучше", твердила она себѣ, слушая мягкія неторопливыя слова кузины, „ничѣмъ не волноваться, ни противъ чего не роптать, но я такой все-таки быть не могу"...

Обѣдали у графини въ этотъ день два молодыхъ генерала, изъ числа тѣхъ, которыхъ всѣ, а въ особенности они сами, считаютъ ближайшими кандидатами въ государственные люди. Одинъ изъ нихъ, Алексѣй Петровичъ Ломовисовъ, уже бойко шелъ по крутой и опасной дорогѣ, ведущей на самую вершину, и занималъ въ ожиданіи лучшаго

одинъ изъ видныхъ второстепенныхъ постовъ; другой, графъ Дмитрій Васильевичъ Албановъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ пошелъ въ гору съ необыкновенною прытью, но увы! свихнулся на полпути, потому что не во́-время зазнался. Съ тѣхъ поръ, въ утѣшеніе себѣ онъ съ какимъ-то франтоватымъ ухарствомъ сыпалъ, гдѣ только могъ, насмѣшками по адресу власть имущихъ. Эта видная роль члена салонной оппозиціи нисколько ему впрочемъ не мѣшала выбиваться изъ силъ, чтобы вновь попасть на покинутую дорогу и тогда, о, тогда уже, конечно, онъ всѣмъ сумѣетъ показать, какъ слѣдуетъ держать въ рукахъ возжи. Дамъ у графини въ этотъ день не было. Мери Столѣнина, которую ожидали, отказалась передъ самымъ обѣдомъ.

Оба генерала были изъ числа самыхъ лучшихъ друзей Елизаветы Андреевны. Ея домъ они любили особенно потому, что въ немъ разъ навсегда установилась привычка о всемъ говорить совершенно свободно. Есть такіе дома, гдѣ всѣмъ кажется, что можно какъ-то особенно не стѣсняться, точно и стѣны и самая мебель внушаютъ довѣріе. И въ этотъ день разговоръ у графини былъ до того смѣлый и непринужденный, что Наташа диву давалась, какъ это ей такія рѣчи приходилось слушать отъ этихъ людей, столь близкихъ къ самому источнику власти. Заговорили сперва про успѣхъ, одержанный въ этотъ самый день Коловратскимъ. Павелъ Александровичъ былъ у графини въ четыре часа и повѣдалъ ей про это подъ секретомъ, но оказалось, что всѣ уже знали о преніяхъ, въ то же утро происходившихъ въ комитетѣ. Павелъ Александровичъ въ этотъ день сжегъ свои корабли: онъ произнесъ горячую рѣчь въ самомъ рѣшительномъ либеральномъ духѣ. Дѣло шло о продолженіи казенной субсидіи одному товариществу, состоявшему изъ иностранцевъ и тѣмъ не менѣе близкому къ банкротству. По этому поводу Коловратскій доказалъ, что мы долго еще будемъ учиться и за это должны платить и что собственное хозяйничанье для насъ убыточнѣе такой науки вслѣдствіе нашей повальной нечестности. Онъ сослался при этомъ на примѣръ недавней войны.

— Что жъ, мы опять понесли всенародное покаяніе и съ великимъ удовольствіемъ признали себя никуда негодными,—сказалъ графъ Албановъ,—это прекрасно! Только вотъ бѣда,—каемся мы усердно, а исправленія что-то не видно. И самъ Коловратскій...

Ломовисовъ подъ столомъ слегка толкнулъ его ногой, этимъ напоминая ему про слухи, ходившіе въ городѣ о близкихъ отношеніяхъ Павла Александровича къ хозяйкѣ дома. Графъ покрутилъ свои блестѣвшіе, мягкіе черные усы.

— Мнѣ сдается, — проговорилъ онъ, — что это начало конца...

— Да ты долженъ быть доволенъ,—замѣтилъ ему Ломовисовъ,—ты вѣдь числишься въ оппозиціи.

— Я всегда доволенъ, когда другіе дѣлаютъ глупости, потому что на это забавно смотрѣть; но все-таки, когда корабль собирается идти ко дну и самъ имѣешь несчастіе плыть на этомъ кораблѣ...

— И вдобавокъ плыть противъ теченія,—вскользь замѣтила графиня.

— Ахъ, Елизавета Андреевна,—разсмѣялся графъ,—кто разберетъ, гдѣ тутъ теченіе. По-моему его совсѣмъ и нѣтъ. И ко дну мы пойдемъ даже не въ открытомъ морѣ, а въ болотѣ какомъ-то; и это тѣмъ стыднѣе.

По словамъ графа никогда нельзя было разобрать, тѣмъ онъ собственно недоволенъ, слабостью власти или, напротивъ, излишнею ея строгостью.

Онъ былъ недоволенъ вообще, какъ всѣ честолюбцы, которымъ не даютъ кормила въ руки. Надо ему, однако, воздать справедливость: желчность его была веселая.

— Vous avez, mon cher, le mécontentement gai, — сказалъ ему Ломовисовъ.

— Самъ знаю, что гожусь только въ оперетку съ своей оппозиціей. Да и ты тоже, мой милый, и всѣ вы тамъ, стряпающіе кухню, прямо взяты изъ оперетки; оттого васъ никто и не боится.

Разговоръ не сходилъ съ этой почвы добродушно-ядовитаго глумленія. Графъ то и дѣло дразнилъ Ломовисова,

обзывая его, между прочимъ, русскимъ „бонапартистомъ“. Ломовисовъ слылъ за одного изъ сторонниковъ энергической политики.

— Ну, скажи пожалуйста, — спросилъ его, между прочимъ, графъ, накладывая себѣ на хлѣбъ ломтикъ сыра, — ты вѣришь, что всѣ эти ваши мѣры къ чему-нибудь поведутъ и что вамъ удастся схватить звѣря за хвостъ и раздавить ему голову?

— Да что жъ,—засмѣялся Ломовисовъ, высокій мужчина съ крупнымъ здоровымъ лицомъ и дерзко глядѣвшими сѣрыми глазами,—хвостовъ мы кажется довольно отрубили, да все новые отростаютъ, таковъ ужъ звѣрь. А что насчетъ головы, ты знаешь мое мнѣніе—ее напрасно ищутъ, потому что ея нѣтъ вовсе.

— А все-таки васъ проглотитъ этотъ звѣрь, — сказала графиня.

— И по-вашему, Елизавета Андреевна, подѣломъ? Ну представьте себѣ, иногда вотъ какъ посмотришь на всѣ глупости, какія у насъ творятся—онъ понизилъ голосъ—на это полное отсутствіе системы, на это шатаніе справа налѣво, такъ и подумаешь за одно съ вами, что подѣломъ. Nous sommes pourris, voilà le mot.

— Eh bien! alors vive la pourriture!—воскликнулъ графъ, поднося къ губамъ рюмку отличнаго рейнвейна.

Графиня еще передъ обѣдомъ своимъ обоимъ друзьямъ отрекомендовала Наташу какъ очень горячую опасную головку. „Une tête à l'envers qui ne recule devant rien“.

— Будьте при ней осторожны,—сказала между прочимъ графиня,—c'est une jacobine dans l'âme.

При этомъ она потрепала Наташу по щекѣ. Но даже эта страшная кличка, повидимому, ничуть не испугала генераловъ. Напротивъ они обратили на молодую дѣвушку усиленное вниманіе и осыпали ее любезностями. Графиня, напередъ знавшая, что будетъ именно такъ, оттого и выставила племянницу въ этомъ свѣтѣ.

— Я бы очень желалъ,—между прочимъ замѣтилъ Ломовисовъ,—чтобы всѣ хорошенькія женщины стали револю-

— Что жъ, мы опять понесли всенародное покаяніе и съ великимъ удовольствіемъ признали себя никуда негодными,—сказалъ графъ Албановъ,—это прекрасно! Только вотъ бѣда,—каемся мы усердно, а исправленія что-то не видно. И самъ Коловратскій...

Ломовисовъ подъ столомъ слегка толкнулъ его ногой, этимъ напоминая ему про слухи, ходившіе въ городѣ о близкихъ отношеніяхъ Павла Александровича къ хозяйкѣ дома. Графъ покрутилъ свои блестѣвшіе, мягкіе черные усы.

— Мнѣ сдается, — проговорилъ онъ, — что это начало конца...

— Да ты долженъ быть доволенъ,—замѣтилъ ему Ломовисовъ,—ты вѣдь числишься въ оппозиціи.

— Я всегда доволенъ, когда другіе дѣлаютъ глупости, потому что на это забавно смотрѣть; но все-таки, когда корабль собирается идти ко дну и самъ имѣешь несчастіе плыть на этомъ кораблѣ...

— И вдобавокъ плыть противъ теченія,—вскользь замѣтила графиня.

— Ахъ, Елизавета Андреевна,—разсмѣялся графъ,—кто разберетъ, гдѣ тутъ теченіе. По-моему его совсѣмъ и нѣтъ. И ко дну мы пойдемъ даже не въ открытомъ морѣ, а въ болотѣ какомъ-то; и это тѣмъ стыднѣе.

По словамъ графа никогда нельзя было разобрать, чѣмъ онъ собственно недоволенъ, слабостью власти или, напротивъ, излишнею ея строгостью.

Онъ былъ недоволенъ вообще, какъ всѣ честолюбцы, которымъ не даютъ кормила въ руки. Надо ему, однако, воздать справедливость: желчность его была веселая.

— Vous avez, mon cher, le mécontentement gai, — сказалъ ему Ломовисовъ.

— Самъ знаю, что гожусь только въ оперетку съ своей оппозиціей. Да и ты тоже, мой милый, и всѣ вы тамъ, стряпающіе кухню, прямо взяты изъ оперетки; оттого васъ никто и не боится.

Разговоръ не сходилъ съ этой почвы добродушно-ядовитаго глумленія. Графъ то и дѣло дразнилъ Ломовисова,

обзывая его, между прочимъ, русскимъ „бонапартистомъ". Ломовисовъ слылъ за одного изъ сторонниковъ энергической политики.

— Ну, скажи пожалуйста, — спросилъ его, между прочимъ, графъ, накладывая себѣ на хлѣбъ ломтикъ сыра, — ты вѣришь, что всѣ эти ваши мѣры къ чему-нибудь поведутъ и что вамъ удастся схватить звѣря за хвостъ и раздавить ему голову?

— Да что жъ,—засмѣялся Ломовисовъ, высокій мужчина съ крупнымъ здоровымъ лицомъ и дерзко глядѣвшими сѣрыми глазами,—хвостовъ мы кажется довольно отрубили, да все новые отростаютъ, таковъ ужь звѣрь. А что насчетъ головы, ты знаешь мое мнѣніе—ее напрасно ищутъ, потому что ея нѣтъ вовсе.

— А все-таки васъ проглотитъ этотъ звѣрь, — сказала графиня.

— И по-вашему, Елизавета Андреевна, подѣломъ? Ну представьте себѣ, иногда вотъ какъ посмотришь на всѣ глупости, какія у насъ творятся—онъ понизилъ голосъ—на это полное отсутствіе системы, на это шатаніе справа налѣво, такъ и подумаешь за одно съ вами, что подѣломъ. Nous sommes pourris, voilà le mot.

— Eh bien! alors vive la pourriture!—воскликнулъ графъ, поднося къ губамъ рюмку отличнаго рейнвейна.

Графиня еще передъ обѣдомъ своимъ обоимъ друзьямъ отрекомендовала Наташу какъ очень горячую опасную головку. „Une tête à l'envers qui ne recule devant rien".

— Будьте при ней осторожны,—сказала между прочимъ графиня,—c'est une jacobine dans l'âme.

При этомъ она потрепала Наташу по щекѣ. Но даже эта страшная кличка, повидимому, ничуть не испугала генераловъ. Напротивъ они обратили на молодую дѣвушку усиленное вниманіе и осыпали ее любезностями. Графиня, напередъ знавшая, что будетъ именно такъ, оттого и выставила племянницу въ этомъ свѣтѣ.

— Я бы очень желалъ,—между прочимъ замѣтилъ Ломовисовъ,—чтобы всѣ хорошенькія женщины стали револю-

ціонерками: роль преслѣдователя сдѣлалась бы гораздо забавнѣе.

— А что,—отозвался на это графъ,—еслибы въ плѣну очутился ты. Прекрасное вышло бы средство покончить споръ—l'enlevemens des sabines à rebours.

Они очевидно смотрѣли на нее просто какъ на хорошенькую дѣвушку, мнѣнія которой не могутъ идти въ счетъ. Ей до крайности претилъ этотъ тонъ вѣчнаго подтрунивания; но природный тактъ подсказалъ ей, что надо отвѣчать въ томъ же легкомъ шутливомъ тонѣ, что всякая попытка говорить съ этими людьми серьезно вышла бы неминуемо смѣшной. И Наташа сдѣлала это какъ нельзя лучше, словно она давно привыкла къ вертлявому языку гостиныхъ. Она сама удивилась, откуда у нея взялось умѣнье уклончиво и бойко отвѣчать на шутки. Оба генерала были отъ нея въ восхищеніи.

— Да вы въ самомъ дѣлѣ преопасная молодая особа,—твердилъ ей Ломовисовъ, у котораго обычное дерзкое выраженіе глазъ стало заискивающимъ и мягкимъ,—только не въ томъ смыслѣ, какъ вы думаете.

— Il s'est tout à fait emballé pour votre nièce,—сказалъ графъ на ухо Елизаветѣ Андреевнѣ.

Будущіе сановники не только не стѣснялись присутствіемъ Наташи, но какъ будто захотѣли щегольнуть передъ ней своимъ беззастѣнчивымъ глумленіемъ надъ той средой, къ которой они принадлежали сами. Не смотря на легкую шутливость ихъ рѣчей, Наташѣ казалось, что никогда еще ей не доводилось слышать такихъ ѣдкихъ безпощадныхъ обличеній „всероссійской неурядицы“. Графъ Албановъ привелъ одинъ за другимъ два недавно бывшихъ случая, въ которыхъ все поведеніе дѣйствующихъ оффиціальныхъ лицъ было „верхомъ нелѣпости“. А Ломовисовъ, подзадоренный этимъ, разсказалъ еще одинъ эпизодъ, гдѣ представители власти оказались „совершенно одураченными“ двумя юношами изъ числа неблагонамѣренныхъ. И говорили они это оба съ какимъ-то особымъ наслажденіемъ, точно они смаковали всю прелесть этой комической неумѣлости властей

— Что, вы очень удивлены все это слышать, обратился вдругъ къ Наташѣ Ломовисовъ,—cela vous scandalise, n'est ce pas? Nous vous montrons le deçous des cartes les secrets du métier.

— Не правда ли, мы похожи на римскихъ авгуровъ, смѣясь, въ свою очередь вставилъ графъ.

Наташѣ въ самомъ дѣлѣ казалось, что эти двое господъ похожи на языческихъ жрецовъ, которые втихомолку насмѣхаются надъ обрядами своей вѣры. Когда оба генерала уѣхали, графиня спросила у нея, довольна ли она сегодняшнимъ днемъ.

— Я по твоимъ глазамъ замѣтила, что тебѣ весело. Видишь, мой другъ, и отъ свѣтскихъ людей можно услыхать кое-что не совсѣмъ банальное.

— Да,—задумчиво отвѣтила Наташа,—но коли всѣ въ вашемъ свѣтѣ такъ думаютъ и говорятъ,—въ самомъ дѣлѣ, недалеко до начала конца.

— Что дѣлать, мой другъ,—кто заглядываетъ за кулисы, у того иллюзій мало, но вѣдь это нисколько не мѣшаетъ актерамъ доиграть свою роль до конца.

„Всѣ они въ этомъ свѣтѣ“, думала Наташа, пока карета графини увозила ее домой, „въ самомъ дѣлѣ только роль играютъ; и вотъ почему имъ совершенно все равно, чѣмъ бы ни кончилась пьеса, лишь бы имъ самимъ достался на долю успѣхъ. И я была совершенно права, такъ ненавидя этотъ свѣтъ...“ А между тѣмъ она не могла скрыть этого отъ себя—для нея было что-то привлекательное въ этомъ самомъ ненавистномъ ей обществѣ, въ увѣренной легкости, съ которой оно касалось самыхъ тревожныхъ вопросовъ, самыхъ глубокихъ убѣжденій. И хоть и стыдно было ей признаться въ этомъ передъ собой, она выносила изъ дома тетки какое-то странное возбуждающее чувство удовлетвореннаго самолюбія.

Все видѣнное и слышанное ею у тетки Наташа оживленно передала брату. Гришу поразилъ искристый блескъ ея глазъ, пока она про это разсказывала.

— Ты будто восхищаешься всѣмъ этимъ—перебилъ онъ

ее,—а по-моему здѣсь одинъ наглый цинизмъ, все это безстыдно и гадко.

— Можетъ быть и гадко,—возразила она,—но во всякомъ случаѣ интересно. У нихъ, что ни говори, есть одно —есть смѣлость глядѣть на вещи прямо и называть ихъ по имени; у нихъ кругозоръ не узокъ. И вотъ что я тебѣ еще скажу. Эти люди совсѣмъ не то, что я думала,—они держатъ себя гораздо проще, свободнѣе, чѣмъ тѣ люди, которыхъ мы привыкли видѣть тамъ, въ Солнцевѣ, въ нихъ нѣтъ предразсудковъ.

Гриша собирался возражать, какъ вдругъ въ сосѣдней комнатѣ послышались чьи-то шаги,

— Можно войти къ тебѣ на минуту? спросилъ высокій молодой человѣкъ, показавшійся въ дверяхъ.

Это былъ Леонтій Радугинъ. Гриша былъ далеко не радъ приходу товарища, прервавшему его разговоръ съ сестрой. У нихъ за всю эту зиму установились довольно странныя отношенія, и холодныя, и короткія въ то же время. Они видѣлись часто и въ министерствѣ, гдѣ они вмѣстѣ служили, и на вечерахъ у Петра Кириловича. Но настоящей близости между ними уже не было. Леонтій сознавалъ это отлично, но дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ явной сдержанности бывшаго пріятеля.

— Наташа, прикажи, чтобъ намъ принесли чаю, сказалъ Гриша сестрѣ, — и останься съ нами, мы поболтаемъ втроемъ.

Наташа до сихъ поръ встрѣчалась съ Леонтіемъ лишь мелькомъ. Она догадывалась, что братъ не долюбливаетъ товарища. И на нее тоже онъ сперва производилъ не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе. Ей не нравился пристальный, почти дерзкій взглядъ его пытливыхъ глазъ. Но въ глазахъ этихъ она все-таки успѣла прочесть несомнѣнную силу воли, и немногія слова, сказанныя имъ въ ея присутствіи, показались ей незаурядными словами.

Черезъ минуту Наташа вернулась и молча сѣла возлѣ письменнаго стола. У молодыхъ людей успѣлъ уже подняться споръ. Гриша, повидимому, горячился, между тѣмъ

какъ въ спокойномъ тонѣ Леонтія чуть-чуть звучала сдержанная иронія.

— Нѣтъ, ты мнѣ вотъ что объясни, говорилъ Гриша, возвышая голосъ.—Ты вѣдь радикалъ, стало быть, долженъ вѣрить въ прогрессъ...

— Вѣра тутъ не при чемъ, мой милый!—спокойно перебилъ Леонтій.

— Ну! Не придирайся къ словамъ!—нетерпѣливо возразилъ Гриша.—Ты не можешь отрицать, что у Россіи великое будущее, и что, стало быть, не вѣкъ намъ топтаться въ болотѣ и тянуть старую канитель. Многое, вѣдь, ужь сдѣлано за послѣднія двадцать лѣтъ!

— Да, помазали нѣсколько по губамъ, это правда, а потомъ...

— Знаю я не хуже тебя, что мы остановились на полпути, что реформы не доведены до конца. Но та сила, которая насъ двинула впередъ, можетъ опять взяться за дѣло преобразованія. Стоитъ ей довѣриться народу, и посмотри, какъ мы развернемся! Да и есть уже признаки новаго поворота: назначеніе Павла Александровича... Леонтій разсмѣялся.—Любо васъ, право, слушать, господа оптимисты. Переставятъ тамъ какую-нибудь пѣшку на шахматной доскѣ, назначатъ новенькаго администратора, и все должно пойти какъ по маслу. Больно ужь легко это у васъ выходитъ и немногаго вамъ надо, чтобы воспрянуть духомъ.

— Да развѣ ты не признаешь, что Коловратскій...

— Умный онъ человѣкъ, спору нѣтъ, только одна ласточка весны вѣдь не дѣлаетъ. Нѣтъ, милый мой, авгіевы конюшни въ одинъ день не вычистишь. Да и не Геркулесъ какой-нибудь твой Коловратскій. Когда вѣками громоздились безпорядки да злоупотребленія, когда вездѣ царило распущенное самовластіе, этого не измѣнитъ одинъ человѣкъ, будь онъ семи пядей во лбу. И отъ кого ты ожидаешь спасенія? Отъ тѣхъ, кто такъ долго у насъ давилъ все, въ чемъ были задатки жизни...

Такіе споры часто возникали у молодыхъ людей. Съ тѣхъ поръ какъ Гриша разочаровался въ своемъ поклоненіи

простому народу, въ немъ зародилось убѣжденіе, что благой починъ у насъ можетъ идти только сверху, изъ Петербурга. И на первыхъ порахъ его службы ему твердо вѣрилось, что дѣтищу Великаго Петра надолго еще суждено вести за собою Россію. Все, что дѣлалось и писалось въ министерствѣ Павла Александровича, было такъ преисполнено гуманныхъ идей, все такъ вѣяло тамъ просвѣщеннымъ либерализмомъ, что Гриша чувствовалъ въ себѣ новую увлекающую его волну служебнаго рвенія. Онъ весь былъ охваченъ петербургскимъ либерализмомъ и не могъ онъ понять, отчего Леонтій насмѣшливо отрицалъ возможность плодотворныхъ реформъ.

— Да на кого же ты разсчитываешь, наконецъ,—горячился онъ, — откуда намъ ждать спасенія, отъ провинціи? отъ помѣщиковъ, что ли, которые умѣютъ лишь раззоряться и бѣгутъ изъ своихъ имѣній на казенное, либо на земское жалованье?

— Ну помѣщики и даже земство ваше, — усмѣхнулся Леонтій,—на этотъ счетъ ты мое мнѣніе знаешь.

— Что жъ народъ по-твоему, народъ?.. Я самъ недавно, признаюсь, крѣпко вѣрилъ въ мужика, но пришлось разувѣриться. Я вѣдь тебѣ говорилъ...

— Въ томъ-то и дѣло, милый мой, что ни на кого разсчитывать не приходится, потому что сверху до низу все никуда не годится.

— И что жъ, стало быть, у насъ по-твоему, у насъ нѣтъ будущаго, нѣтъ будущаго у стомилліоннаго народа?

Гриша вскочилъ со стула и принялся ходить по комнатѣ. Леонтій не отвѣтилъ и только слегка улыбнулся.—Я думаю, Гриша, — сказалъ онъ, — мы Натальѣ Михайловнѣ сильно надоѣдаемъ. И лучше бы намъ...

— Напротивъ,—сказала Наташа,—мнѣ очень интересно васъ слушать.

— Неужели? А вамъ не кажется немножко смѣшнымъ, что въ такихъ спорахъ всегда какъ будто хотятъ сейчасъ вотъ сразу разрѣшить всѣ крупнѣйшіе вопросы, точно вся будущность Россіи въ самомъ дѣлѣ зависитъ отъ того, къ

какому мы прійдемъ заключенію? А вѣдь ни къ какому заключенію мы въ сущности не прійдемъ. Вы это, я думаю, напередъ знаете.

Наташа принялась разливать чай.

— Такъ по-твоему выходитъ, — продолжалъ Гриша, останавливаясь передъ Леонтіемъ,—что намъ такъ вѣчно и остаться недорослемъ среди европейскихъ народовъ? Иль ждать намъ что ли, пока придутъ къ намъ какіе-нибудь новые варяги?

— Совсѣмъ этого изъ моихъ словъ не выходитъ,—все также сдержанно отвѣтилъ Леонтій, — только вотъ что я тебѣ доложу. Мы вотъ недавно, въ прошлую войну, имѣли случай показать себя, провѣрить, чему въ двадцать лѣтъ мы научились. И что жъ?.. какъ въ Севастополѣ мы опять не выдержали экзамена, и опять намъ приходится, какъ провалившемуся гимназисту, повторять зады...

— Знаете, что меня поражаетъ,—задумчиво проговорила Наташа,—съ часъ тому назадъ я слышала почти то же, что говорите вы теперь...

И Наташа разсказала Леонтію про странныя рѣчи молодыхъ генераловъ.—Вотъ съ какими людьми вы сходитесь. Конечно, вы этого не ожидали; удивительныя бываютъ совпаденія.

Леонтій разсмѣялся.—Что жъ я говорилъ тебѣ, Гриша?—сказалъ онъ, вскинувъ на товарища насмѣшливыми глазами,—видишь, какъ плохо вѣрятъ въ себя наши руководители?

— Такъ признайся лучше, что въ самомъ дѣлѣ приходитъ начало конца и, что намъ объ этомъ сожалѣть незачѣмъ.

Леонтій вдругъ оживился, замѣтивъ, что Наташа его слушаетъ охотно. Онъ встряхнулъ своими густыми волосами, откинулъ голову назадъ и заговорилъ бойко и горячо.

— Я вовсе не смотрю безотрадно на будущее, самоувѣренно закончилъ онъ—и черные его глаза такъ и блестѣли— совсѣмъ нѣтъ, природа насъ учитъ, что тамъ, гдѣ есть

гниль, разложеніе, готова зародиться новая лучшая жизнь. Спящее общество можетъ проснуться, лишь бы пробѣжала по немъ электрическая искра. Надо только свыкнуться съ мыслью, что стараго чинить не стоитъ, что только огнемъ и бурей можетъ быть очищенъ воздухъ, а послѣ бури, ты знаешь, наступаютъ ясные дни.

Наташа его слушала съ явнымъ сочувствіемъ. Это ужъ совсѣмъ не походило на безотрадное подтруниванье обоихъ генераловъ.

— Однако, я не понимаю,—заговорила она тихо,—какъ это вы съ такими убѣжденіями поступили на службу.

Лицо молодаго человѣка мгновенно приняло сосредоточенное выраженіе. У него даже потупились глаза.

— Вы имѣете право этому удивляться,—медленно отвѣтилъ онъ,—вамъ это можетъ показаться даже нечестнымъ...

И вдругъ Леонтій снова поднялъ на молодую дѣвушку на этотъ разъ нерѣшительный робкій взглядъ, словно онъ искалъ передъ ней оправданія.

— Я можетъ быть въ самомъ дѣлѣ покривилъ душой, потому что—признаюсь въ этомъ—я служу не правительству, а только странѣ. Но если это и не хорошо, что дѣлать, коли иного выбора нѣтъ! Готовятся грозныя событія, и когда они наступятъ, вѣдь нужно, чтобъ имѣлись на лицо люди, готовые пожертвовать собой въ минуту опасности и облегчить неминуемый кризисъ. Вамъ это, можетъ быть, покажется самоувѣреннымъ, я слишкомъ еще молодъ, чтобы такъ говорить, но каюсь въ этомъ, я вѣрю въ себя,— смиреннымъ быть я не умѣю.

— Хорошо, по крайней мѣрѣ, что вы въ этомъ признаетесь, отвѣтила Наташа, на которую слова Леонтія произвели какое-то смутное впечатлѣніе. Она чувствовала, что въ нихъ есть что-то неясное; но въ то же время въ его, можетъ быть, черезчуръ громкихъ фразахъ ей слышалась искренняя вѣра въ собственныя силы. И такая вѣра не только ей не казалась смѣшною, — она подкупала ее въ пользу Леонтія.

Не таково было впечатлѣніе Гриши.—Какъ хочешь,

милый мой, сказалъ онъ, качая головой,—а служить правительству и въ то же время ждать его паденія просто нечестно!

Но Леонтій уже не давалъ себѣ труда возражать Гришѣ. Онъ отвѣтилъ ему вскользь двумя-тремя словами и все свое вниманіе отдалъ Наташѣ. Ему хотѣлось разсѣять ея сомнѣнія на его счетъ. И хоть это ему не совсѣмъ удалось, онъ успѣлъ въ одномъ, онъ заставилъ ее призадуматься надъ тѣмъ, что онъ говорилъ; а вызвать женщину на такое раздумье пожалуй выгоднѣе, чѣмъ внушить ей сразу полное довѣріе къ себѣ.

Когда Леонтій вышелъ отъ Непрядвиныхъ, полный мѣсяцъ ярко свѣтилъ на морозномъ небѣ. Довольный собою Леонтій быстрою походкой шелъ по пустынной улицѣ. Извозчиковъ не было; да онъ радъ былъ пройтись на чистомъ ночномъ воздухѣ, весь еще полный возбуждающаго оживленія отъ собственныхъ рѣчей и въ особенности отъ блеска тѣхъ прекрасныхъ глазъ, которые останавливались на немъ такъ загадочно, пока онъ говорилъ. Гордыя мысли наполняли его самонадѣянную голову.

Когда-нибудь, думалось ему, въ этомъ городѣ, гдѣ теперь онъ занимаетъ такое скромное мѣсто, его имя получитъ извѣстность. Конечно, онъ не пойдетъ той заурядной дорогой, на которую поставилъ его отецъ! То, что могло удовлетворять скромныя мечты почтеннаго профессора, казалось Леонтію мелкимъ и презрѣннымъ. Лишь бы представился случай расправить крылья, и онъ всѣмъ покажетъ, каковъ его настоящій полетъ, хотя бы этотъ случай и потребовалъ у него жертвы его убѣжденій. Убѣжденія!.. Онъ внутренно разсмѣялся при этомъ словѣ. Они должны служить человѣку на его пути вверхъ, какъ палка служитъ тому, кому надо взойти на гору, а не являться помѣхой, какъ лишняя обуза. И для этого прежде всего надо выйти изъ той узкой, мѣщанской среды, въ которую поставило его рожденіе. „Вотъ у этой дѣвушки“, подумалъ онъ, вспомнивъ опять про Наташу, „есть, какъ и у меня, стремленіе вверхъ, смѣлое пониманіе жизни“. И ему казалось, что Наташа ему съ родни и онъ замечтался, думая объ ней.

Леонтій вышелъ на Сергіевскую. Здѣсь, передъ однимъ ярко-освѣщеннымъ домомъ, толпились кареты. Сквозь занавѣси на окнахъ блестѣли огни. Леонтій окинулъ этотъ домъ жаднымъ, завистливымъ взглядомъ. Тамъ былъ чужой для него, замкнутый міръ, дразнившій своимъ загадочнымъ блескомъ его честолюбивое воображеніе. Туда ему надо проникнуть, если онъ хочетъ завоевать себѣ настоящее, видное положеніе. И онъ не сомнѣвался, что рано или поздно ему удастся это сдѣлать. Вѣдь сколько, и самыхъ громкихъ, русскихъ именъ недавно лишь вышло изъ неизвѣстности. Россія не даромъ страна быстрыхъ, почти сказочныхъ успѣховъ. Надо одно лишь—найдти доступъ въ этотъ міръ, а потомъ уже идти впередъ смѣло и осторожно въ то же время. И Леонтій зналъ, что лишь бы удалось ему найдти этотъ ключъ, сдѣлать первый, необходимый шагъ, а потомъ ужь онъ съ пути не собьется.

V.

Давно Марья Борисовна такъ много не выѣзжала, какъ въ эту зиму, и никогда еще не тратила она такихъ бѣшеныхъ денегъ на свои платья и уборы. Когда въ ноябрѣ она вернулась изъ-за границы, она ощутила въ себѣ небывалый еще приливъ оживленія, словно ей усиленно захотѣлось шума, блеска и суеты. Въ сущности ей хотѣлось совсѣмъ инаго. Ей надо было бросить вызовъ этому обществу, въ которомъ злорадная молва успѣла уже, конечно, пустить на ея счетъ ядовитыя догадки, и предстать предъ ними во всемъ сіяніи своего новаго счастья, своей торжествующей красоты. Она знала, что въ этомъ обществѣ любое положеніе берется только съ боя. И въ то же время ея прежніе друзья и обычные посѣтители ея дома ей какъ-то вдругъ опротивѣли. Передъ ними, передъ этими свидѣтелями ея прежней вседневной жизни, она ощущала теперь какой-то стыдъ, съ ними она не могла уже сохранить давно усвоен-

ный тонъ, держаться обычной колеи установленныхъ отношеній. Мери знала, что они въ сущности гораздо болѣе друзья ея мужа, чѣмъ ея собственные, и за это особенно они стали ей теперь ненавистны. Вернувшись въ Петербургъ, она совершенно измѣнила прежній порядокъ своей жизни, переставъ даже почти вовсе принимать у себя обычныхъ прихлебателей. Огорченные такой неожиданной опалой, они попробовали было сомкнуться вокругъ хозяина дома и, принявъ рѣшительно его сторону, образовать въ его кабинетѣ свой особый лагерь, враждебный Марьѣ Борисовнѣ. Но и это имъ не удалось. Владиміръ Валеріановичъ самъ рѣдко теперь бывалъ дома. Какъ ни старался онъ съ достоинствомъ выносить свое незавидное положеніе, какъ ни спасалъ онъ свое самолюбіе подъ личиной холодной насмѣшливости—ему было неловко въ присутствіи жены: слишкомъ уже явно было ея презрѣніе къ нему, презрѣніе, еще усилившееся въ виду его покорнаго равнодушія. Она не могла простить ему его развязно-насмѣшливаго тона, за которымъ не безъ основанія она чуяла малодушную неспособность къ отпору. Правда, на первыхъ порахъ, когда въ началѣ сентября Юрій пріѣхалъ въ Баденъ, гдѣ тогда жили Столѣнины, и Мери на глазахъ у всѣхъ, съ нимъ вдвоемъ, совершала длинныя прогулки, ничуть не скрывая своей близости къ нему, Владиміръ Валеріановичъ попытался было протестовать. Онъ даже сдѣлалъ женѣ что-то похожее на сцену.

— Вы должны бы понять,—сказалъ онъ ей,—что во всемъ есть границы, требуемыя приличіемъ. Вамъ, кажется, на меня пожаловаться нельзя,—злобно усмѣхнулся онъ,— но я не могу пожертвовать ради васъ своимъ именемъ...

— Ваше имя?! вспылила она,— и вы смѣете про него говорить! вы, у котораго за всѣ эти десять лѣтъ я не замѣтила ни малѣйшаго проблеска чувства!.. Да и какое мнѣ дѣло до вашего имени?! Себя я не уроню, потому что дорожу я на свѣтѣ однимъ только—своимъ собственнымъ мнѣніемъ, а всѣхъ остальныхъ—и васъ, и весь этотъ глупый свѣтъ—я презираю и хохочу надъ ними.

— И князя Юрія вы тоже презираете? неудачно попробовалъ уязвить ее Столѣнинъ.

Она только повела плечами и холодно расхохоталась.

— Вы жалкій и дрянной человѣкъ! Васъ и теперь только хватаетъ на шуточки, и вы меня хотите увѣрить, что въ васъ есть что-то похожее на негодованіе. Полноте! я вѣдь не мѣшаю вамъ жить, какъ вы хотите и никогда не мѣшала, чего же вамъ больше? Вамъ вѣдь этого только и нужно въ сущности,—вашихъ дрянненькихъ удовольствій, которыя вамъ гораздо дороже и меня, и дочери вашей... Такъ не говорите же мнѣ громкихъ словъ, да избавьте меня отъ вашихъ совѣтовъ!

— Въ такомъ случаѣ,—съ достоинствомъ отвѣтилъ Столѣнинъ,—мнѣ остается одно: уѣхать отсюда и увезти съ собою Олли, чтобы не быть свидѣтелемъ вашихъ сумасбродныхъ выходокъ и, по крайней мѣрѣ, уберечь вашу дочь. Въ ея возрастѣ дѣти уже начинаютъ кое-что понимать...

И, объявивъ, что онъ умываетъ себѣ руки на счетъ поведенія жены, Столѣнинъ въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ на другой же день, вмѣстѣ съ дочерью, на югъ Франціи, подъ предлогомъ необходимости морскихъ купаній для Олли. А Марья Ларіоновна воспользовалась данной ей свободою, чтобы вдвоемъ съ Юріемъ уединиться въ очаровательномъ уголкѣ на берегу одного изъ верхне-итальянскихъ озеръ, куда изрѣдка лишь заглядываютъ милые соотечественники. Здѣсь они подъ ласкающей улыбкой осенняго итальянскаго неба провели цѣлый волшебный мѣсяцъ, „мой настоящій медовый мѣсяцъ“, какъ называла его Мери. А когда въ половинѣ октября супруги съѣхались опять, Владиміръ Васильевичъ казался уже совсѣмъ примиреннымъ, и лишь ироническій оттѣнокъ его рѣчи, да холодная насмѣшливость въ глазахъ порою выдавали его не совсѣмъ отрадное настроеніе. За то онъ вполнѣ умѣлъ придать себѣ спокойную развязность тона. Было даже что-то чуть-чуть умышленное въ этой развязности, точно онъ дразнилъ ею кого-то. Съ Юріемъ въ особенности онъ держалъ себя

какъ-то совсѣмъ по-товарищески, точно ему доставляло удовольствіе вызывать на лицѣ молодаго князя брезгливое раздраженіе своимъ напускнымъ дружескимъ тономъ.

„Странное это дѣло", говорилъ иногда самому себѣ Владиміръ Валерьяновичъ, по-настоящему я вѣдь долженъ бы ненавидѣть Двинскаго, ощущать какую-то жажду мщенія, словомъ, трагическое чувство какое-то, а между тѣмъ ничего такого нѣтъ, никакого мщенія я не жажду... Должно быть, я, въ сущности, очень добрый человѣкъ!..."

И придя къ такому заключенію, Владиміръ Валерьяновичъ добродушно хохоталъ, точно онъ любовался собою и собственнымъ остроуміемъ. А когда онъ съ женой пріѣхалъ въ Петербургъ и убѣдился, что приняли его какъ всегда, что ровно ничего въ его положеніи не перемѣнилось, Владиміръ Валерьяновичъ нашелъ, что въ самомъ дѣлѣ, après tout, ничего такого ужаснаго нѣтъ въ роли обманутаго мужа, нѣтъ, пожалуй, даже ничего смѣшнаго.

„Вѣдь сколько, сколько такихъ примѣровъ", подумалъ онъ и съ какимъ-то наслажденіемъ высчитывалъ эти примѣры: „Кореневъ, Саханскій, графъ Блонскій, Медвѣдевъ... И что же? вѣдь они всѣ чувствуютъ себя какъ нельзя лучше... Да, все это пустяки и предразсудки!"

Юрію сперва очень неловко становилось отъ милой развязности Владиміра Валерьяновича, но мало по малу и онъ съ нею свыкся. Отвращеніе, какое сперва возбуждала въ немъ самодовольная насмѣшливость Столѣнина, смѣнилось немного презрительнымъ равнодушіемъ; онъ просто пересталъ обращать на него вниманіе и мысленно благодарилъ его за то, что Столѣнинъ рѣдко доставлялъ ему случай встрѣчаться съ нимъ у жены. Они, какъ бы сговорившись, взаимно избѣгали другъ друга. Но за то, когда имъ приходилось видѣться, они по-прежнему казались хорошими пріятелями—до того беззаботно звучалъ смѣхъ Владиміра Валерьяновича, и радушіе слышалось въ его привѣтствіи, когда онъ обмѣнивался рукопожатіемъ съ любовникомъ жены. Разница была только въ томъ, что притворство это, повидимому, не стоило никакихъ усилій обманутому мужу,

тогда какъ Юрій всякій разъ приневоливалъ себя, чтобы скрыть гадливое выраженіе лица.

Юрій былъ совершенно искрененъ, увѣряя Гришу Непрядвина, что чувствуетъ себя вполнѣ счастливымъ. Любовь его къ Мери, сперва казавшаяся ему самому какимъ-то легкимъ, почти шутливымъ чувствомъ, мало по малу совсѣмъ заполонила все его существо, опутавъ его сѣтью невѣдомыхъ до того ощущеній. Никогда прежде, сближаясь съ женщинами, Двинскій не находилъ въ нихъ той особой, пряной смѣси тонкаго изящества съ безудержнымъ, задорнымъ увлеченіемъ, какими дышала вся прихотливо-своевольная натура Мери. Съ ней никогда нельзя было знать заранѣе, какая причуда ей придетъ въ голову черезъ нѣсколько минутъ, что-за неожиданный поворотъ скажется у нея въ мысляхъ и ощущеніяхъ. Точно на клавишахъ инструмента въ ней могли поочередно звучать самыя разнообразныя, даже противоположныя интонаціи. И не смотря на свои тридцать два года она отдавалась своему чувству съ пылкостью совсѣмъ молодой еще женщины, полюбившей впервые. Да Юрій и былъ ея первой и единственной любовью. Чувство это даже, будто накопляемое годами, какъ драгоцѣнное сокровище, теперь выливалось наружу съ тѣмъ большею полнотою. И Юрій, не смотря на то, что цѣлыми шестью годами былъ ея моложе, подчинился вполнѣ ея обаянію; онъ какъ будто не сожалѣлъ даже о томъ, что среди мягкой праздности, окутавшей его новую жизнь, гибнутъ одна за другою всѣ его прежнія мечты о дѣятельности и власти. Съ однимъ только онъ иногда примириться не могъ—съ шумной, свѣтской жизнью, которою увлекалась Мери, точно ей могъ быть нуженъ этотъ шумъ, точно она искала тщеславныхъ успѣховъ, когда у нея была иная жизнь вдвоемъ съ нимъ, наполненная истиннымъ, незамѣнимымъ счастьемъ. Что для нея это было настоящее, дорогое счастье—въ этомъ онъ сомнѣваться не могъ. Но зачѣмъ же тогда эта погоня за свѣтомъ, куда и онъ поневолѣ долженъ былъ слѣдовать за нею, скучая среди этого празднаго шума? Неужели она думаетъ сильнѣе

возбудить его чувство, вызывая въ немъ ревность?—Этотъ мелочной разсчетъ былъ бы слишкомъ недостоинъ ихъ отношеній. И онъ часто выговаривалъ ей за это, даже иногда въ шутку увѣряя ее, что самъ онъ съ нѣкоторыхъ поръ становится какою-то мишенью для ея свѣтскихъ пріятельницъ, явно старавшихся завлечь его потому только, что онѣ догадывались про ихъ взаимную близость.

— Берегись, Мери, смѣясь говорилъ онъ ей, разсказывая, какъ иной разъ его принимались обольщать,—еслибы меня заставили разыграть роль Іосифа, я, чего добраго...

Мери отвѣчала ему въ томъ же шутливомъ тонѣ, зажимая ему губы своей розовой ладонью; а между тѣмъ по тревожному блеску ея глазъ, по сдвигавшимся дугамъ бровей видно было, какъ волновалъ ее даже въ шутку брошенный намекъ.

— Ты не хочешь, чтобы я выѣзжала, въ свою очередь говорила она, становясь серьезной,—изволь, я сдѣлаю все, что ты хочешь... Но, развѣ ты не понимаешь, какая прелесть эти наши разговоры вдвоемъ именно послѣ всей этой толкотни, какъ хорошо тамъ среди толпы чувствовать себя такими близкими. Иногда вдругъ я на тебя посмотрю мелькомъ и дожидаюсь—встрѣтятся ли наши глаза... И каждый разъ они встрѣчаются... и я такъ этимъ счастлива, и въ тотъ же мигъ я словно читаю въ твоихъ мысляхъ... Тутъ есть что-то особенное, чего вы, мущины, не понимаете...

Мери очень любила, какъ разъ среди какого-нибудь бала уловивъ минуту, шепнуть на ухо Юрію два-три слова, исполненныхъ самой неудержимой страсти. Юрію всякій разъ страшно за нее становилось, какъ бы кто-нибудь не услыхалъ этихъ на-лету брошенныхъ словъ, а она, говоря ихъ, улыбалась съ спокойнымъ торжествомъ. И не разъ въ теченіи этой зимы, кутаясь, чтобы ее не узнали, Мери ѣздила съ нимъ вдвоемъ въ одинъ изъ петербургскихъ ресторановъ и тамъ, рѣзвясь какъ ребенокъ, она безъ оглядки отдавалась самымъ шальнымъ затѣямъ, точно ей доставляло особое удовольствіе говорить и держать себя какъ одна изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ обыкновенно можно встрѣтить въ

одной изъ этихъ крошечныхъ душныхъ комнатокъ, наполненныхъ запахомъ газа и вина и какъ бы носящихъ въ себѣ живые отголоски безумныхъ рѣчей и дикаго хохота, такъ часто ихъ оглашавшихъ...

Марья Борисовна любила контрасты. Любилъ ихъ и Двинскій. Но все же здѣсь, въ Петербургѣ, среди этой разгоряченной жизни, точно скачущей во всю лихую прыть, ему жалко было тѣхъ блаженныхъ дней, какіе они провели вдвоемъ на берегахъ Комскаго озера. Тамъ рядомъ съ нимъ была совсѣмъ иная Мери: тихая и нѣжная... И обходились же они тамъ безо всего этого шума, такъ отзывавшагося искусственнымъ возбужденіемъ. Правда, Мери, не особенно любившая и понимавшая природу, иногда и тамъ удивляла Юрія своимъ страннымъ равнодушіемъ къ ея красотамъ, но Юрію было тогда не до того, чтобы подвергать оцѣнкѣ ея слова и мысли. Они жили вдвоемъ, какъ бы слившись въ одно существо и тихо струилась ихъ жизнь, точно ее качала одна изъ тѣхъ лѣнивыхъ итальянскихъ лодокъ, что стояли передъ ихъ виллой на гладкой лазури озера.

Впрочемъ и тамъ произошелъ одинъ не совсѣмъ пріятный случай. Имъ вздумалось совершить вдвоемъ поѣздку въ сосѣднюю Швейцарію. Въ одномъ изъ мѣстечекъ, куда они завернули, Двинскій случайно наткнулся на своихъ родителей; онъ не зналъ, что князь и княгиня пріѣхали въ это мѣстечко уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Встрѣча эта была ему очень непріятна. Онъ предвидѣлъ, хотя Мери и онъ изъ предосторожности даже остановились въ разныхъ отеляхъ, что княгиня Софья Станиславовна, тотчасъ догадается про ихъ связь. И онъ не ошибся. Стоило княгинѣ съ полчаса просидѣть съ ними вмѣстѣ—и сомнѣній на этотъ счетъ у ней не осталось. Съ Мери, которую она знала съ Петербурга, она обошлась необыкновенно любезно, только изрѣдка вглядываясь въ нее пристально своими не совсѣмъ добрыми глазами. И когда въ тотъ же вечеръ сынъ былъ у нея, она, не обинуясь, ему сказала:

— Vous êtes en bonne fortune, je crois... Ne le niez pas,

c'est inutile... Mes compliments d'ailleurs, c'est une femme charmante!

И княгиня съ необычайной развязностью высказала сыну, какъ выгодна, по ея мнѣнію, для молодаго человѣка связь въ большомъ свѣтѣ, придающая, какъ она выразилась окончательную шлифовку воспитанію.

— Но за послѣднее время, добавила она,—это уже не совсѣмъ такъ безопасно, какъ прежде.

И она выразила надежду, что сынъ ея не дастъ себя увлечь „à quelques bêtises sentimentales".

— Еще бы, вмѣшался старый князь, сухо засмѣявшись,— онѣ всѣ теперь помѣшаны замужъ выходить отъ живыхъ мужей. Прежде такія отношенія были совсѣмъ безопасны, а теперь, когда чуть-чуть не сватаются за чужихъ женъ...

— Да и свататься нечего, сказала княгиня,—on a changé tout cela. Онѣ сами вѣшаются на шею каждому, у кого есть имя и состояніе. Но ты поймешь, Юрій, что въ твоемъ положеніи можно найти себѣ иную партію, чѣмъ эта женщина, которая на шесть лѣтъ тебя старше. C'est bon pour un temps, но затѣмъ надо умѣть развязаться; и къ тому же это все-таки неправильная жизнь, а люди въ нашемъ положеніи должны подавать примѣръ.

Юрія тѣмъ болѣе коробило отъ этихъ словъ матери, что ему хорошо было извѣстно, какова на самомъ дѣлѣ ея жизнь и что-за холодная распущенность скрывается за строгой гордостью ея осанки. И теперь, когда ей далеко за-сорокъ, она находится въ близкихъ отношеніяхъ съ какимъ-то докторомъ, который вездѣ ей сопутствуетъ подъ предлогомъ мнимой слабости ея здоровья. И этому проходимцу, котораго презиралъ и ненавидѣлъ, онъ долженъ, ради матери, выказывать наружное уваженіе.

Юрій отвѣтилъ княгинѣ съ почтительной холодностью,— онъ всегда избѣгалъ споровъ, особенно съ родными,—но въ душѣ его какъ разъ отъ этихъ словъ окрѣпла рѣшимость отдать всего себя и всю свою жизнь любимой женщинѣ, еслибы ей нужна была эта жертва. Да въ его глазахъ это и не было жертвою.

Одно только смущало Юрія среди его счастья: онъ не могъ не замѣтить то чувство явнаго пугливаго отвращенія, какое вызывалъ онъ въ маленькой Олли. Глаза дѣвочки — эти большіе, строгіе не по лѣтамъ, глаза—часто останавливались на немъ съ выраженіемъ нѣмаго укора.

Разъ, когда онъ пріѣхалъ къ Столѣнинымъ, узнавъ, что Мери вдругъ заболѣла, и встрѣтивъ Олли въ первой гостиной, съ безпокойствомъ спросилъ у нея про мать, та отвѣтила ему такъ холодно и враждебно, какъ будто онъ даже не имѣлъ права про это спрашивать. А когда онъ, не задумываясь, хотѣлъ тутъ же пройти въ ея спальную, дѣвочка его остановила.

— Мама еще не вставала, сказала она, глядя на него съ какимъ-то испугомъ въ глазахъ.

Но Юрій не послушался; ему было въ эту минуту не до соблюденія приличій. Онъ отворилъ дверь въ комнату молодой женщины и, обернувшись на порогѣ, увидѣлъ, какимъ горестнымъ и въ то же время негодующимъ взглядомъ смотрѣли на него глаза дѣвочки.

А между тѣмъ, ему такъ хотѣлось примириться съ этимъ ребенкомъ, возбудить къ себѣ его довѣріе, хоть сколько-нибудь загладить зло, невольно причиненное имъ этому ребенку. Вѣдь благодаря ему, въ ея молодой умъ запали первыя сѣмена недовѣрія къ людямъ, и отношенія ея къ матери стали такими натянутыми и холодными. Ея безотрадно одинокое дѣтство по его винѣ стало еще болѣе одинокимъ, и бѣдной дѣвочкѣ пришлось такъ рано лицомъ къ лицу увидать то жизненное зло, котораго и не подозрѣваютъ прочія дѣти. И эта ранняя опытность словно тѣнью легла на личико Олли, сгоняя съ него молодой румянецъ. Теперь, въ четырнадцать лѣтъ, она глядѣла совсѣмъ почти большою: только узкія плечи, да не совсѣмъ развившаяся грудь, да еще короткія платья, которыя она носила, выдавали ея возрастъ. На лицѣ ея теперь уже рѣдко играла улыбка. И совѣсть Юрія громко укоряла его, когда онъ встрѣчался съ дѣвочкой, обмѣниваясь съ ней мимоходомъ двумя, тремя короткими словами...

Домъ Столѣниныхъ не былъ уже въ этомъ году такъ полонъ шума и толкотни, какъ прежде. „Свой звѣринецъ“, какъ Мери называла иногда сборище своихъ друзей, она распустила. Олли почти радовалась этому, хоть она знала, чему она была обязана наступившей тишиной. Дѣвочку не тревожилъ никто, когда она цѣлые часы просиживала за роялемъ или за книгой, либо задумчиво глядѣла въ окно, на которомъ морозъ выводилъ затѣйливые узоры.

Но въ четырнадцать лѣтъ одинокая тишина—плохое утѣшеніе. И бѣдная дѣвочка замыкалась въ себя, даже себѣ не признаваясь въ томъ неумолимомъ приговорѣ, какой невольно складывался въ ея умѣ на счетъ матери.

Подругъ у нея не было. Изрѣдка лишь ѣздила она къ Непрядвинымъ повидаться съ Наташей, да и съ ней она не могла подѣлиться тѣмъ, что такъ тревожило ея молодое сердце: хотя Наташа и знала всю правду, передъ ней, въ особенности передъ ней, вѣдь нельзя было и заикнуться про эту извѣстную имъ обѣимъ отвратительную тайну. Изъ тѣхъ, кто бывалъ у Столѣниныхъ, одинъ только Паша Коловратскій иногда заговаривалъ съ дѣвочкой; да и Паша бывалъ у нихъ очень рѣдко и лишь мимоходомъ, на нѣсколько минутъ и, случайно встрѣтивъ Олли, останавливался съ нею.

Съ нимъ только однимъ дѣвочкѣ говорилось легко и довѣрчиво. А онъ, напротивъ, не смотря на то, что былъ такъ многимъ ея старше, передъ ней какъ будто робѣлъ. Всякій разъ, когда вмѣстѣ съ братомъ Викторомъ Паша бывалъ у Столѣниныхъ, онъ непремѣнно старался улучить минуту, чтобы увидать Олли и заговорить съ нею; но едва скажетъ онъ нѣсколько словъ, странная неловкость овладѣваетъ имъ, точно онъ стыдился чего-то. А стыдился онъ того безсознательнаго чувства, какое влекло его, двадцатилѣтняго юношу, къ этому полуребенку.

Разъ, въ одинъ сумрачный февральскій день, Юрій Двинскій, входя къ Столѣнинымъ, гдѣ онъ бывалъ почти ежедневно, засталъ въ первой проходной гостиной Олли за какой-то работою, въ которой, повидимому, ей помогалъ Паша Коловратскій. Олли затѣяла устроить маленькую благотвори-

тельную лотерею для одного бѣднаго семейства и разставляла на столъ разныя бездѣлки, предназначенныя для этой лотереи. Это были почти все собственныя ея вещи, подаренныя ей въ разное время. Паша усердно занимался приготовленіемъ билетиковъ. Увидѣвъ Двинскаго, онъ вспыхнулъ какъ виноватый.

— Что это, спросилъ Юрій, улыбаясь,—у васъ тутъ цѣлая лавка, Олли? Лотерею устраиваете, да?

Она, какъ всегда, отвѣтила ему неохотно, сдвинувъ брови.

Узнавъ, въ чемъ дѣло, Юрій тутъ же предложилъ принять участіе въ ея сердобольной затѣѣ, доставивъ ей нѣсколько выигрышей.

— И двадцать билетовъ за мной, не правда ли? добавилъ онъ весело.

Но къ его удивленію Олли про это и слышать не хотѣла.

— Нѣтъ, пожалуйста, не нужно, — тихо, но упорно отказалась она отъ его предложенія, избѣгая на него глядѣть.

И какъ ни увѣрялъ ее Двинскій, что онъ отъ всего сердца радъ случаю помочь бѣднымъ людямъ, о которыхъ она хлопочетъ, дѣвочка упорно настаивала на своемъ, точно въ ея глазахъ подарокъ Юрія былъ чѣмъ-то обиднымъ, чѣмъ-то могущимъ испортить затѣянное ею доброе дѣло.

Вдругъ, пока они говорили, вошла Марья Борисовна и, замѣтивъ возбужденныя лица Юрія и Олли, строго и холодно посмотрѣла на дочь и неестественнымъ, измѣнившимся голосомъ обратилась къ Юрію.

— Что же вы не войдете, князь? Мнѣ давно про васъ доложили, и я никакъ не могла понять, гдѣ вы пропадаете все это время...

Онъ молча послѣдовалъ за нею въ ея кабинетъ, не смѣя догадываться про то странное чувство, какое, повидимому, зашевелилось въ сердцѣ Марьи Борисовны. Чувство это было ничто иное, какъ ревность къ дочери, нелѣпое, безсмысленное подозрѣніе, что Двинскій,—чего добраго, можетъ

заинтересоваться этимъ ребенкомъ. „Вѣдь бывали же такіе случаи", скользнуло у нея въ головѣ. И она вдругъ съ горечью вспомнила про свои года.

— Я пораженъ, — мягко заговорилъ Юрій, — какъ ты иногда строго обходишься съ своей дочерью; ты ее какъ будто не любишь. Она вѣдь такая хорошая дѣвочка, мнѣ часто жаль ее становится...

— Жаль? почему жаль? Развѣ ей недостаетъ чего-нибудь?

Голосъ Мери звучалъ сухо и отрывисто.

— Да за что ты съ ней такая? настаивалъ Юрій, котораго не въ первый разъ уже возмущалъ странный, почти враждебный тонъ Мери съ ея дочерью.

Но Мери не только не смягчалась, а раздраженіе ея все росло, подозрительность была на-сторожѣ и по-своему толковала каждое слово, сказанное Юріемъ въ защиту дѣвочки.

Когда Юрій въ этотъ день уѣхалъ отъ Столѣниныхъ, у него въ первый разъ отчетливо сказалось тягостное сознаніе безсердечія Мери. Прежде онъ въ ней этого не замѣчалъ или вѣрнѣе замѣчать не хотѣлъ; теперь онъ не могъ освободиться отъ досадливаго, непріятнаго ощущенія. Самая мысль о томъ, что она могла смотрѣть на дочь, какъ на соперницу, словно роняла Мери въ его глазахъ. И какъ ни старался онъ придумывать ей извиненія и увѣрять себя, что женскій умъ подверженъ страннымъ мимолетнымъ причудамъ, онъ не могъ стереть впечатлѣнія чего-то жесткаго и безсердечнаго въ натурѣ Мери.

Дома у себя Юрій нашелъ два письма, только-что пришедшихъ изъ-за границы: одно было отъ отца, другое отъ матери. Старый князь напоминалъ про запутанныя дѣла по имѣніямъ, оставшіяся нерѣшенными, и давалъ цѣлый рядъ сложныхъ и важныхъ порученій. Юрій не могъ не сказать себѣ, прочитавъ письмо, что онъ много виноватъ передъ отцомъ, что онъ не оправдалъ его довѣрія. И очень ужь быстро исчезло въ немъ то рвеніе новичка, которое ощущалъ онъ прошлымъ лѣтомъ, когда на первыхъ порахъ такъ охотно принялся за дѣло.

ему Борисоглѣбскій, давно было отдано другому. При встрѣчахъ съ нимъ—Юрій это давно успѣлъ замѣтить—высокопоставленныя лица, отъ которыхъ могла зависѣть его судьба, теперь уже только снисходительно улыбались, но о дѣловыхъ вопросахъ болѣе не заговаривали. На него, очевидно, начинали смотрѣть какъ на милаго балагура, отъ котораго многаго ожидать нельзя. Положимъ, онъ показалъ себя храбрымъ офицеромъ и это, конечно, продолжаютъ цѣнить, но въ мирное время съ этимъ далеко не уйдешь; Юрій хорошо зналъ, какъ скоро блекнутъ военные лавры. И честолюбивыя мечты, которыя онъ считалъ заглохшими, опять зашевелились въ его сердцѣ. Вѣдь онъ наконецъ и не имѣетъ права отдать свою жизнь, свое будущее въ жертву одному увлекшему его чувству; вѣдь у него есть обязанности передъ собой и передъ родиной и даны же ему на что-нибудь энергія и способности, какія онъ за собой признаетъ...

И говоря себѣ это, Юрій вспомнилъ, какъ тщетно онъ пытался иногда вызвать въ Мери сочувствіе къ своимъ планамъ на будущее. Онъ заговаривалъ съ ней про это не разъ, ожидая найти въ ней не только любящую женщину, но и подругу, способную понять и оцѣнить его мысли. „Вѣдь настоящая любовь“, думалось ему, „не замыкается въ слѣпомъ, хоть и сладкомъ увлеченіи, и готова все раздѣлить съ любимымъ человѣкомъ, интересоваться всѣмъ, что занимаетъ и тревожитъ его“.

Но не такова была любовь Мери. Молодая женщина упорно отказывалась вникать во всѣ эти вопросы, казавшіеся Юрію такими важными, а въ ея глазахъ лишенные смысла и значенія. Онъ долженъ весь принадлежать ей, и ни одна изъ его мыслей не должна выходить изъ того заколдованнаго круга, въ который любовь замкнула его жизнь. И зачѣмъ думать о будущемъ? Самое это слово ей претило, какъ напоминаніе, что любовь ихъ не будетъ длиться вѣчно, что за предѣлами ея можетъ быть нѣчто иное, могущее завлечь Юрія. Мери сознательно старалась вызвать у него полное равнодушіе къ этому будущему, убить въ немъ

энергію и честолюбіе... Чѣмъ мельче и ниже онъ станетъ, тѣмъ вѣрнѣе онъ будетъ въ ея власти.

Юрій теперь вдругъ припомнилъ все это и съ горечью сказалъ себѣ, что, чего добраго, эта любовь, которой онъ отдалъ себя безъ оглядки, мало по малу загубитъ въ немъ все, что возвышаетъ человѣка, всякую благородную мечту, всякое стремленіе къ дѣятельности.

На другой день онъ сказалъ Мери про свое намѣреніе уѣхать, сказалъ бережно и мягко, точно онъ боялся оскорбить ее. Но старанія его были напрасны: Мери про его отъѣздъ и слышать не хотѣла; запальчивые упреки посыпались съ ея губъ и страстныя злыя слезы навернулись у нея на глаза.

— Я понимаю, чего ты хочешь,—говорила она прерывающимся голосомъ;—ты ищешь только случая со мной разстаться; эти дѣла, про которыя пишетъ твой отецъ— одинъ предлогъ и больше ничего.

Онъ тщетно старался разувѣрить ее: чѣмъ больше онъ настаивалъ на своемъ, тѣмъ сильнѣе росли ея подозрѣнія. Должно быть, Юрій не сумѣлъ придать своимъ словамъ достаточно искренности и теплоты. Оскорбленный недовѣріемъ молодой женщины, онъ, должно быть, отвѣчалъ ей слишкомъ холодно; природная неуступчивая гордость въ немъ заговорила.

— Уѣзжай, коли хочешь, утирая слезы, продолжала она, и глаза ея теперь сухо заблестѣли,—уѣзжай, ты вѣдь свободенъ; удерживать тебя я не могу и не стану. Но знай, что я не вѣрю ничему изъ того, что ты мнѣ тутъ наговорилъ. Какъ! теперь, зимой тебѣ понадобилось въ деревню изъ-за какихъ-то дѣлъ, и на цѣлый мѣсяцъ! Да развѣ могутъ у тебя быть такія дѣла, которыя важнѣе нашего счастья? И ты, съ твоимъ богатствомъ, не стыдишься со мною заговаривать о какихъ-то денежныхъ вопросахъ, точно деньги могутъ что-нибудь значить для тебя...

Мери неопровержимо доказала ему, что онъ кругомъ передъ ней виноватъ, доказала съ помощью той особой женской логики, которую нельзя опровергнуть никакими дово-

дами, потому что во всемъ, что говорится во имя холоднаго разсудка, для каждой любящей женщины есть что-то обидное и ненавистное, есть непризнаніе всемогущества ея любви. Юрію пришлось не только отказаться отъ своего намѣренія, но просить у нея прощенія, увѣрять ее, цѣлуя ея руки и лицо, мокрое отъ слезъ, что на свѣтѣ у него ничего не можетъ быть важнѣе ея счастья и что отъ всего онъ готовъ отказаться, лишь бы не огорчить ее. Вѣдь та жертва, которую она принесла ему, даетъ ей право имъ располагать. И Мери успокоилась тогда только, когда убѣдилась, что всякая мысль о поѣздкѣ имъ оставлена. Торжествующая улыбка даже показалась въ ея глазахъ, и горделивая радость наполнила ея сердце, радость не тому только, что онъ остается съ нею, а тому въ особенности, что онъ покорился ея волѣ.

Но такія побѣды достаются не даромъ. Тронутый ея слезами Юрій совершенно искренно увѣрялъ ее въ своей готовности исполнить каждую ея прихоть; но когда, два часа спустя, онъ былъ опять наединѣ съ собою, имъ овладѣло горькое чувство стыда за выказанное имъ малодушіе. Онъ заперся у себя въ кабинетѣ, приказавъ не пускать къ себѣ никого, и долго угрюмо ходилъ взадъ и впередъ по обширной комнатѣ, говоря себѣ, что сдѣлалъ непростительную ошибку, уступивъ на этотъ разъ ея прихоти. Онъ чувствовалъ себя связаннымъ какими-то невидимыми цѣпями и связаннымъ по своей винѣ. „Не такъ надо было поступить“, говорилъ онъ себѣ; „слѣдовало прямо сказать ей, что я уѣзжаю послѣ завтра, сказать, что это рѣшено безповоротно. Женщины всегда примиряются съ совершившимся фактомъ; онѣ прибѣгаютъ къ слезамъ и упрекамъ тогда только, когда у нихъ есть надежда поставить на своемъ“...

Онъ самъ не замѣтилъ, какъ мысль его невольно приняла направленіе почти враждебное Мери. У нихъ сказывалась уже та всегдашняя глухая взаимная борьба, которая таится, долго незамѣчаемая даже подъ самою искреннею горячею любовью. И теперь это противорѣчіе между нимъ и любимой женщиной выступало наружу. Онъ говорилъ себѣ, что,

уступивъ на этотъ разъ, онъ связалъ себя на будущее время, что отстоять свою волю когда-нибудь потомъ будетъ еще труднѣе.

„Нѣтъ“, возмутился онъ при этой мысли, „нѣтъ, это не повторится. Положимъ, я теперь обѣщалъ ей, но слѣдующій разъ я сумѣю поставить на своемъ; пройдетъ недѣля-другая, и я скажу ей, что есть же у меня иныя обязанности, пренебрегать которыми нельзя. Она пойметъ это, надо только выбрать удачную минуту“.

И Юрій, самъ того не подозрѣвая, уже собирался увернуться отъ даннаго обѣщанія, стряхнуть съ себя добровольно надѣтую узду; онъ какъ будто считалъ себя вправѣ даже мстить за понесенное униженіе...

Юрій остановился передъ широкимъ окномъ, сумрачно глядя, какъ сыпались тяжелые снѣжные хлопья, окутывая дневной свѣтъ тусклой пеленою и ему казалось, что самая его жизнь, такъ недавно еще свѣтлая и полная радостей, также словно тускнѣетъ, будто ее застилаетъ теперь что-то тяжелое и холодное, какъ эта снѣжная пелена.

К. ОРЛОВСКІЙ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВОСПОМИНАНІЯ О СИБИРИ.[1]

(*продолженіе*).

1850 годъ: Непосредственныя послѣдствія поѣздки Муравьева въ Камчатку.—Перемѣна въ составѣ ближайшихъ служащихъ около Муравьева.—Всеподданнѣйшее донесеніе Муравьева по обозрѣнію Восточной Сибири.—Отзывъ о немъ Государя Императора и Цесаревича.—Высочайшія повелѣнія объ основаніи перваго наблюдательнаго поста у входа въ лиманъ Амурскій и о прибытіи Муравьева въ Петербургъ.—Болѣзнь Муравьева.—Вопросъ о продажѣ вина въ Восточной Сибири въ 4-хъ-лѣтіе 1851—1855 г.—Пріѣздъ Муравьева въ Петербургъ.—Аудіенція его у Государя и ея послѣдствія для Амурскаго вопроса.—Борьба по вопросу объ устройствѣ продажи вина въ Восточной Сибири.—1851 г.: Раздвоеніе власти главнаго начальника края.—Высочайшія повелѣнія 15-го января и 12-го февраля 1851 г. по дѣламъ на Кяхтѣ и на устьѣ Амура.—Всѣ преобразовательныя предположенія Муравьева Высочайше утверждаются.—Основаніе Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Географическаго Общества.—Объѣздъ Муравьевымъ Забайкальской области.—Открытіе за Байкаломъ и въ Якутскѣ областныхъ учрежденій на правахъ губернскихъ.

Кто хотя сколько-нибудь знакомъ съ провинціальною жизнью конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ, когда не было еще на Руси ни пассажирскаго пароходства, ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфнаго сообщенія, тотъ пойметъ, въ какомъ тревожномъ ожиданіи мы вступили въ новый годъ въ Иркутскѣ, отдаленномъ отъ столицы на 6 тысячъ верстъ, куда почта въ хорошее время года ходи-

[1]) „Русск. Вѣстн.“, 1888 г., апрѣль и май.

ла 4 недѣли, слѣдовательно, ближайшій отвѣтъ могъ получаться только черезъ два мѣсяца. Какой успѣхъ имѣли происки, враждебно направленные въ Петербургѣ противъ Муравьева? въ какой мѣрѣ его защитникамъ удалось отклонить удары интриги во время его шестимѣсячнаго отсутствія для обозрѣнія Охотска и Камчатки? какъ Царь посмотрѣлъ на всѣ новыя предположенія, которыя генералъ-губернаторъ повергъ на его усмотрѣніе по возвращеніи съ окраинъ? Эти вопросы въ тиши занимали каждаго изъ насъ, служебная участь которыхъ была неразрывно связана съ положеніемъ Муравьева. Первые же дни 1850 года не замедлили дать отвѣтъ на тревожившіе насъ вопросы и доказать, съ какимъ довѣріемъ Государь отнесся къ представленіямъ Муравьева. Кн. А. С. Меншиковъ, по прибытіи Карсакова въ Петербургъ, доложилъ Государю Императору обѣ записки Муравьева и рапортъ его о дѣйствіяхъ Невельскаго. Рапортъ этотъ, касавшійся устья р. Амура, Его Величество повелѣлъ передать на разсмотрѣніе особаго комитета подъ предсѣдательствомъ гр. Нессельроде, а обѣ записки немедленно утвердилъ *собственноручно*. Въ этомъ видѣ эти записки поступили въ Комитетъ Министровъ, который постановилъ: представить Государю проектъ указа Сенату, изложивъ въ немъ главныя основанія удостоенныхъ Высочайшаго утвержденія предположеній Муравьева, предоставивъ ему сдѣлать распоряженіе къ дальнѣйшему исполненію оныхъ; копіи съ записокъ генералъ-лейтенанта Муравьева о преобразованіи Охотскаго и Камчатскаго управленій препроводить къ министрамъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, государственныхъ имуществъ и юстиціи, съ тѣмъ, чтобы они чрезъ исправляющаго должность генералъ-губернатора сдѣлали всѣ необходимыя распоряженія, сообразно съ началами, въ запискахъ изложенными; поручить генералъ-лейтенанту Муравьеву нынѣ же заняться составленіемъ подробнаго проекта положенія и штата управленія Охотскимъ и Камчатскимъ краемъ на основаніяхъ, удостоенныхъ Высочайшаго утвержденія; о назначеніи капитана Завойко Камчатскимъ военнымъ губернаторомъ предоставить князю Меншикову поднести указъ. Замѣ-

чательна быстрота, съ которою все это совершилось: 16 ноября въ 7 часовъ утра Карсаковъ лично вручилъ Государю рапортъ Муравьева отъ 24 сентября изъ Якутска, а 30 ноября все вышеизложенное было уже совершившимся фактомъ! Вмѣстѣ съ этимъ гр. Перовскій рѣшился доложить Государю объ утвержденіи Муравьева въ должности генералъ-губернатора. При этомъ случаѣ Его Величество изволилъ отозваться, какъ сообщилъ гр. Перовскій Муравьеву въ письмѣ своемъ отъ 7 декабря: „Я ожидаю до-„несенія Муравьева объ обозрѣніи ввѣреннаго ему края. „До сихъ поръ я знаю объ его путешествіи только изъ „2-хъ записокъ къ кн. Меншикову. Когда онъ представитъ „мнѣ свое донесеніе, то пусть въ то же время проситъ до-„зволенія сюда пріѣхать. Муравьевъ, кажется, не можетъ „жаловаться, что Я его представленій долго не разрѣшаю; ко-„нечно Я убѣжденъ, что это дѣло полезное, но спрашивается, „можно ли будетъ обойтись безъ расходовъ? хотя впрочемъ „онъ обѣщаетъ, что мѣстныхъ способовъ достаточно для „приведенія въ исполненіе его предположеній". Читатель пойметъ, какъ это вниманіе Царя къ представленіямъ Муравьева подбодрило его и насъ всѣхъ для дальнѣйшихъ дѣйствій въ томъ же духѣ и въ томъ же направленіи, которое Муравьевъ намъ преподалъ и которому онъ рѣшился слѣдовать неукоснительно.

Въ 1850 году предвидѣлась ожесточенная борьба съ финансовымъ міромъ изъ-за устройства въ Восточной Сибири на новое четырехъ-лѣтіе, съ 1851 года, акцизно-откупнаго дѣла, противъ злоупотребленій котораго Муравьевъ такъ рѣшительно выступилъ и основанія котораго возбуждали въ немъ отвращеніе. Въ своихъ письмахъ къ министру финансовъ Ѳ. П. Вронченко Муравьевъ не обинуясь заявлялъ, что онъ признаетъ дѣйствія тогдашнихъ откупщиковъ (они были вмѣстѣ съ тѣмъ изъ числа самыхъ крупныхъ золотопромышленниковъ) вредными для края, избавленіе котораго отъ нихъ было бы, по его мнѣнію, благодѣтельно. „Всѣ хлопоты и за-„боты министерства финансовъ клонились и клонятся,—пи-„салъ Муравьевъ Л. А. Перовскому,—не къ пользамъ казны, а

„къ поощренію злоупотребленій и незаконныхъ выгодъ от-„купщиковъ. Нравственное здѣсь (въ Сибири) развращеніе „народа заключается не въ одномъ пьянствѣ, но въ под-„властности откупщику. Указывая далѣе на необходимость „отдѣленія откуповъ отъ золотопромышленныхъ дѣлъ,— „Муравьевъ выражалъ,—что онъ этому соединенію *двухъ* „*могуществъ* не находитъ другаго названія какъ *монополія*, а „съ этимъ словомъ связано понятіе вреда: золотопромыш-„ленникъ заманиваетъ работника къ усиленному и изнури-„тельному труду денежнымъ вознагражденіемъ, которое онъ „увѣренъ воротить какъ откупщикъ. Не должно жертвовать „зародышемъ народонаселенія для выгодъ откупщиковъ, а не „казны и даже не откуповъ, являющихся финансовою опера-„ціею, необходимою при существующемъ порядкѣ. Необходимо „увеличить выгоды казны, сокративъ безнравственныя зло-„употребленія откупщиковъ, и этимъ облегчить народъ". Много, очень много предвидѣлось дѣла, и дѣла тяжелаго. Въ виду этого генералъ-губернаторъ счелъ необходимымъ сдѣлать одну важную перемѣну въ составѣ ближайшихъ его сотрудниковъ. Вновь открытымъ въ 1848 году IV Отдѣленіемъ Главнаго Управленія Восточной Сибири, представлявшимъ, по роду переданныхъ туда дѣлъ, собственную канцелярію генералъ-губернатора, завѣдывалъ А. О. Стадлеръ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Муравьева, какъ по своимъ блистательнымъ способностямъ, такъ и по знанію дѣла. Его наблюдательность была замѣчательна, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не щадилъ никого своимъ острымъ языкомъ; своими насмѣшками онъ нажилъ себѣ множество враговъ и нерѣдко ставилъ своего начальника и его супругу въ крайне непріятное положеніе. Къ тому же онъ во время отсутствія Муравьева, для обозрѣнія Камчатки, пооблѣнился и не выполнилъ тѣхъ работъ, которыя были ему заданы Муравьевымъ, предавшись въ обществѣ иностранца-англичанина Остена и его молодой жены космополитическому воззрѣнію на дѣла. Все это побудило Муравьева дать Стадлеру новое назначеніе въ Красноярскъ, подальше отъ „двора", какъ говорилось въ окружавшей Му-

равьева средѣ. На его мѣсто былъ назначенъ изъ бывшихъ воспитанниковъ училища правовѣдѣнія Дм. Вас. Молчановъ, управлявшій экспедиціею о ссыльныхъ Иркутскаго губернскаго правленія, состоявшій еще въ Западной Сибири въ дружественныхъ отношеніяхъ къ доктору Ю. И. Штубендорфу и теперь съ ловкостью и успѣхомъ ухаживавшій за Еленою Сергѣевною Волконскою. Одновременно съ этимъ перемѣщеніемъ вступилъ на службу по главному управленію сынъ декабриста Михаилъ Волконскій, окончившій въ 1849 году гимназическій курсъ, съ награжденіемъ золотою медалью. Тогдашній шефъ жандармовъ и главноуправляющій 3-мъ Отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, графъ Орловъ, отнесся къ генералъ-губернатору письмомъ, которымъ просилъ его обратить особенное вниманіе на этого молодаго человѣка, чтобы занять его дѣятельною службою подъ ближайшимъ его надзоромъ. По военному вѣдомству, по части строевой и генеральнаго штаба, сталъ играть видную роль Ах. Ив. Заборинскій, а по части продовольственной оберъ-провіантмейстеръ Тваровскій. Къ нимъ присоединился вновь назначенный бригадный командиръ, генералъ-маіоръ П. И. Запольскій. Эта новая констелляція внесла въ нашу сибирскую жизнь какое-то вѣяніе, до тѣхъ поръ нами не испытанное.

Со дня возвращенія изъ Камчатки, Муравьевъ принялся за составленіе всеподданнѣйшаго донесенія о сдѣланныхъ имъ обозрѣніяхъ и предположеніяхъ по различнымъ предметамъ къ устройству Восточной Сибири, что̀ составляло не малый трудъ, тѣмъ болѣе, что онъ все писалъ своею рукою, требуя только къ себѣ дѣла. Понятно, что онъ еще усилилъ эти занятія, получивъ вышеизложенное сообщеніе гр. Перовскаго съ изложеніемъ Высочайшей воли относительно этого предмета и вопроса о пріѣздѣ его въ Петербургъ. 3-го марта 1850 года былъ отправленъ всеподданнѣйшій рапортъ Муравьева съ приложеніемъ подробной записки по обозрѣнію Восточной Сибири. Для того, чтобы дать возможность судить, какой это былъ гигантскій трудъ, я перечислю сперва только всѣ приложенія, которыя были

пріобщены къ представленной при рапортѣ отъ 3 марта записке, составлявшей, одна до 60 не широко писанныхъ листовъ и раздѣленной на 21 отдѣлъ: 1) Проектъ положенія и штатовъ Забайкальской области, съ приложеніемъ рисунка герба. 2) Проектъ положенія и штатовъ Кяхтинскаго градоначальства, съ приложеніемъ рисунка герба. 3) Проектъ положенія штатовъ Якутской области. 4) Историческая записка о пограничныхъ нашихъ сношеніяхъ, съ картами I, II и III. 5) Историческая записка о якутскихъ казакахъ, съ картою. 6) Проектъ преобразованія губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, съ приложеніемъ штатовъ. 7) Три краткихъ списка по формѣ о чиновникахъ. *Карты:*

№ 1. Карта Восточной Сибири, съ показаніемъ предполагаемаго раздѣленія на губерніи и расположенія въ нихъ войскъ. № 2. Карта общаго отчета геодезическимъ работамъ, произведеннымъ въ Восточной Сибири. № 3. Планъ порта Аянъ. № 4. Планъ города Охотска съ окрестностями. № 5. Планъ города Охотска до перенесенія его въ 1815 году. № 6. Карта рѣкъ: Лены, Алдана и Маи съ сухопутнымъ сообщеніемъ порта Аянъ съ урочищемъ Нельканомъ и съ показаніемъ мѣстъ удобныхъ для заселенія. № 7. Глазомѣрная съемка сѣвернаго залива на островѣ Сахалинѣ. № 8. Карта Авачинской губы. № 9. Планъ Петропавловскаго порта съ расположеніемъ батарей. № 10. Планъ входа въ Авачинскую губу. № 11. Планъ Тарьинской гавани. № 12. Карта предполагаемому укрѣпленію Авачинской губы. № 13. Карта устья р. Камчатки съ окрестностями. № 14. Карта рѣки Камчатки съ сухопутнымъ сообщеніемъ деревень.

„Первое извѣстіе о вашемъ отчетѣ,—писалъ гр. Л. А. „Перовскій въ своемъ письмѣ отъ 9 мая 1850 г.,—я получилъ отъ Цесаревича, который сказывалъ мнѣ, что Государь Императоръ нашелъ его весьма интереснымъ, хотя въ „немъ и есть мечты. Его Высочество, которому Государь „передавалъ вашъ отчетъ, равнымъ образомъ изволилъ „отозваться: „что читаетъ его и находитъ чрезвычайно зани-

„мательнымъ“; при чемъ Наслѣдникъ присовокупилъ, что „не всѣ предположенія считаетъ удобоисполнимыми. Дня два „спустя послѣдовало Высочайшее повелѣніе сдѣлать экстренное засѣданіе Комитета Министровъ для прочтенія сказаннаго отчета. Комитетъ собирался 15 апрѣля въ полномъ „составѣ, т. е. *въ немъ присутствовалъ и гр. Нессельроде, который въ немъ засѣдалъ не болѣе одного или двухъ разъ въ годъ.* „О различныхъ мнѣніяхъ нѣкоторыхъ членовъ, послѣ чтенія, скажу вамъ при личномъ свиданіи. Впрочемъ направленіе, данное этому дѣлу, не допускало критическаго разбора „онаго; очевидно было, что Государю угодно двинуть его „впередъ. Высочайшая воля выражена была повелѣніемъ „передать копіи съ отчета всѣмъ министрамъ, до коихъ „касаются предположенія ваши, съ тѣмъ, чтобы каждый изъ „нихъ изготовилъ свои замѣчанія ко времени вашего пріѣзда, „дабы вы не были по сему поводу удержаны здѣсь долѣе, „чѣмъ нужно. Я могу вамъ сказать личное мое мнѣніе о „вашемъ отчетѣ: я нашелъ его въ высшей мѣрѣ интереснымъ, „административныя предположенія изложены отчетливо и „представляются полезными, редакція отличная, заключеніе „такое точно, какъ я его желалъ, но я могу сказать, что вы „лучше бы сдѣлали, еслибъ отложили до вашего сюда пріѣзда всякое представленіе на счетъ приведенія въ оборонительное положеніе Петропавловскаго порта и снабженіе „укрѣпленія тремя стами орудій большаго калибра. Это-то „и названо Государемъ—мечтою; другими лицами—фантазіею „и почти всѣми приписано пылкости вашего воображенія“.

Послѣ этого нельзя не упомянуть о самыхъ выдающихся указаніяхъ, сдѣланныхъ Муравьевымъ въ его всеподданнѣйшей запискѣ отъ 3-го марта. Учрежденіемъ 1822 года, составленнымъ генералъ-губернаторомъ, впослѣдствіи графомъ, Сперанскимъ, Восточная Сибирь была раздѣлена на двѣ губерніи—Енисейскую и Иркутскую, а къ послѣдней причислены: Якутская область, Охотское и Камчатское приморскія и Троицкосавское пограничное управленія. Въ обѣихъ губерніяхъ одинаковые чины и губернскія присутственныя

мѣста, тогда какъ въ Енисейской 230 тыс., а въ Иркутской 800 тыс. жителей, а площадь Иркутской губерніи въ 10 разъ болѣе Енисейской. Трудно въ настоящее время объяснить причины неуравнительности этого раздѣленія. Замѣтно, что учредитель не считалъ значительными ни Забайкальскій край, ни Якутскую область, ни Охотскъ, ни Камчатку, и причислилъ ихъ къ Иркутскому губернскому управленію, *какъ не требующіе особеннаго вниманія*. Вслѣдствіе этого *бумажное управленіе* краемъ развилось, по учрежденію 1822 г., до огромныхъ размѣровъ и вездѣ замѣнило въ Восточной Сибири *настоящую администрацію*, до того времени существовавшую. Руководствуясь этимъ воззрѣніемъ, Муравьевъ писалъ Перовскому: „грѣхъ Сперанскому, ибо тотъ, кто собирался быть предсѣдателемъ временнаго правленія, не могъ не понимать важности Восточнаго океана и умалчивать объ этомъ передъ государями своими, зная духъ и средства Сибири, было преступленіе—свойственное впрочемъ Сперанскому, который любилъ болѣе свои *идеи*, тѣмъ государей и отечество".

Городъ Троицкосавскъ и Кяхтинская торговая слобода, гдѣ собиралось товаровъ на десятки милліоновъ рублей, преданы были совершенному безначалію. Тамъ дѣйствовали три власти, одна отъ другой не зависимыя. „Не умѣю истолковать себѣ—писалъ Муравьевъ—какъ это могло быть терпимо до сихъ поръ, но я считаю необходимымъ прекратить этотъ безпорядокъ, имѣющій весьма невыгодныя послѣдствія для нашей торговли съ Китаемъ".

Берега Дауріи и Сахалина представляютъ и климатъ и растительность прекрасные; Камчатка въ томъ же положеніи; устья рѣкъ изобилуютъ прекрасною рыбою; словомъ сказать, природа ни въ чемъ не отказала Охотскому морю, оставалось только приложить руку и знаніе человѣческое, между тѣмъ множество иностранныхъ китобойныхъ судовъ, тамъ плавающихъ, не могли этого не замѣчать, равно какъ *безсилія и равнодушія нашего въ этой сторонѣ, какъ будто въ чужомъ для насъ владѣніи*. Китобойство распространилось въ

Охотскомъ морѣ недавно; прежде суда эти опасались тамъ льдовъ и *насъ*, и нѣкоторые только смѣльчаки заходили туда и, получая знатную добычу безъ всякихъ препятствій, скрывали это отъ другихъ; но тайна не могла долго храниться и постепенно число ихъ увеличивалось. Въ 1849 году, по всѣмъ нашимъ наблюденіямъ и разспросамъ у самихъ же китобоевъ, можно умѣренно исчислять, что ихъ было до 250 судовъ собственно въ Охотскомъ морѣ, всѣ большаго ранга и съ многочисленными экипажами,—мы не видали ни одного менѣе трехмачтоваго и менѣе 500 тоннъ грузу. Одинъ французскій китобой, котораго мы настигли уже въ Восточномъ океанѣ и потомъ видѣли въ Петропавловскомъ портѣ, разсказывалъ, что въ одинъ день іюня мѣсяца онъ въ сѣверной части Охотскаго моря встрѣтился вдругъ съ 22-мя китобойными судами разныхъ націй, и всѣ они окружили массу плывшаго льда, близъ коего было много китовъ и набили ихъ, по словамъ его, безчисленное множество; на другой день они разошлись. Это можетъ служить мѣрою количества этихъ судовъ, плавающихъ во всемъ морѣ, когда въ одинъ день, въ одномъ пунктѣ сошлось ихъ 22. Одинъ изъ американскихъ китобоевъ, встрѣченный нами у Сахалина, разсказывалъ, что они предпочитаютъ Охотское море Беринговому, по умѣренности климата, и самъ онъ намѣренъ былъ оставаться тамъ часть октября мѣсяца, а потомъ полагалъ испытать пройти *между Сахалиномъ и материкомъ*. Онъ при насъ посылалъ три лодки на берегъ Сахалина, гдѣ они съ жителями—гиляками имѣли сношенія. Наши же суда Охотскія и Американской компаніи никогда себѣ этого не позволяли и никогда не подходили къ Сахалину, исключая тѣхъ, которымъ это было *особенно* приказано.

Вовсе не укрѣпленный маленькій Петропавловскій портъ и ничтожное число частныхъ домовъ, называвшихся городомъ, Муравьевъ предполагалъ перевести въ Тарьинскую губу, еслибы военно-морскія средства въ Камчаткѣ были усилены въ томъ размѣрѣ, какъ онъ считалъ необходи-

мымъ [1]). Тарьинская губа, представляя всѣ удобства для большаго порта, могла бы имѣть связь съ главными батареями, которыя, по мнѣнію Муравьева, должны были быть устроены для защиты входа въ Авачинскую губу. Для этого требовалось не менѣе 300 орудій большаго калибра и преимущественно бомбическихъ. Тарьинскую губу Муравьевъ предполагалъ соединить каналомъ для гребныхъ судовъ и канонерскихъ лодокъ съ Ягодною губою, внѣ входа уже находящеюся, съ тою цѣлью, чтобы въ случаѣ блокады входа, гребная флотилія могла этимъ каналомъ выходить изъ Авачинской губы помимо главнаго направленія атаки. Всѣ эти предположенія были нанесены на представлявшіяся при всеподданнѣйшемъ донесеніи карты. „Впрочемъ всѣ „эти соображенія—писалъ Муравьевъ Государю—зависятъ „отъ тѣхъ военныхъ средствъ, которыя Вашему Величеству „угодно будетъ расположить въ Восточномъ океанѣ и Охотскомъ морѣ и *тѣхъ послѣдствій, которыя Вамъ угодно будетъ „дать открытіямъ, сдѣланнымъ капитаномъ Невельскимъ*. Во „всякомъ случаѣ я смѣю думать, что въ Камчаткѣ и Охотскомъ морѣ намъ должно имѣть военныя средства, соотвѣтственныя тѣмъ, которыя имѣютъ англичане у Китайскихъ „береговъ и Сандвичевыхъ острововъ“.

Наша Сѣверо-Американская компанія находилась въ весьма затруднительномъ положеніи, во-первыхъ, потому, что Кяхтинская торговля не представляла ей уже вѣрнаго сбыта ея произведеній, во-вторыхъ, потому, что, при сдѣлавшейся чрезмѣрной дороговизнѣ въ Калифорніи, колоніи лишились средства пріобрѣтать хлѣбъ для продовольствія по выгоднымъ цѣнамъ. Оба эти обстоятельства отнюдь не могли быть поставлены въ вину компаніи, но должны были имѣть вліяніе на отношенія ея къ подвѣдомственнымъ ей племенамъ и на прочность ея существованія. Существованіе Россійско-Американской компаніи для правительства, по крайней мѣрѣ до времени, было необходимо. Правительству слѣдовало бы оказать содѣйствіе компаніи въ настоящемъ трудномъ ея положеніи: она слиш-

[1]) Вся наша Тихо-Океанская флотилія состояла тогда изъ трехъ жалкихъ небольшихъ транспортовъ и одного полугнилаго бота.

комъ отдалена была отъ всякой правительственной опоры. Весною 1848 г. компанія отправила судно съ товарами для опытной расторжки, въ одномъ изъ открытыхъ для европейской торговли китайскихъ портовъ Шань-гай. Судно благополучно туда пришло, шкиперъ былъ ласково принятъ мѣстнымъ китайскимъ начальствомъ и допущенъ къ промѣну товаровъ, но вскорѣ ему было предложено, по распоряженію уже областнаго начальника, прекратить всѣ сношенія и оставить Шань-гай. Въ дѣлѣ этомъ принималъ дѣятельное участіе Англійскій консулъ, чрезъ котораго производились всѣ сношенія нашего шкипера съ Китайскимъ правительствомъ. Неизвѣстно, чѣмъ разрѣшился вопросъ объ удаленіи русскаго судна изъ Шань-гая; едва-ли даже доведено было объ этомъ до свѣдѣнія высшаго нашего правительства. Это обстоятельство между тѣмъ не могло быть оставлено безъ вниманія и неудобно было намъ, въ сношеніяхъ съ китайцами, посредничество англичанъ и явное передъ нами ихъ тамъ преимущество. „Еслибы Россійско-„Американская компанія — писалъ Муравьевъ — обратила „дѣятельное вниманіе на китоловство и занялась бы этимъ „выгоднымъ дѣломъ въ Охотскомъ морѣ, то, конечно, дѣла „ея скоро приняли бы хорошій оборотъ, но ей это невоз-„можно было безъ содѣйствія правительства. Если прави-„тельство и мѣстныя власти видѣли бы въ Россійско-Аме-„риканской компаніи не одно торговое предпріятіе и под-„держивали бы ее зависящими средствами и нѣкоторымъ „участіемъ въ ея распоряженіяхъ для лучшаго направленія ея дѣйствій въ общихъ правительственныхъ видахъ на тѣ „страны, то это учрежденіе могло бы принести существенную „пользу государству. Примѣромъ для этого служатъ быстрые „успѣхи Англійской Остъ-Индской компаніи, поддерживае-„мой и направляемой своимъ правительствомъ, съ тѣмъ еще „благопріятнымъ для насъ различіемъ, что отъ Петербурга „до Восточнаго океана сплошь одна великая Россійская „Имперія".

Представленныя Муравьевымъ предположенія о раздѣленіи края на новыя области и губерніи и о преобразованіи

губернскихъ присутственныхъ мѣстъ съ упраздненіем окружныхъ управленій не только не были связаны съ увеличеніемъ расходовъ, а должны были составить эконо более чѣмъ на 30 тысячъ рублей въ годъ.

Въ заключеніе своей записки Муравьевъ, указывая также на необходимость преобразованія строительной, медицинской и межевой частей, а равно Нерчинскаго горнаго управленія и въ особенности по устройству каторжныхъ и ссыльныхъ въ Сибири, излилъ изъ глубины души свою вѣрноподданническую благодарность передъ Государемъ за вниманіе Его Величества къ представленію его о Камчатской области и о перенесеніи Охотскаго порта.

Въ духѣ вышеизложенныхъ воззрѣній Муравьева говорили и дѣйствовали въ Петербургѣ командированные имъ туда М. С. Карсаковъ и Г. И. Невельской. Карсаковъ писалъ Муравьеву длинныя, но весьма сдержанныя письма. „Не вините меня,—писалъ онъ Николаю Николаевичу,—что я пишу вамъ слишкомъ осторожно, всѣхъ подробностей нельзя писать, нѣкоторыя надо разсказывать съ глазу на глазъ, почтѣ я ихъ не довѣряю". Тѣмъ не менѣе онъ не затруднился извѣстить Муравьева: „Государь *весьма* доволенъ вашею поѣздкою въ Камчатку и результатами оной. Графъ Орловъ пожелалъ меня видѣть, онъ разспрашивалъ меня о Камчаткѣ и китобояхъ; я ему съ жаромъ о нихъ разсказывалъ и графъ *понялъ* меня. Я здѣсь обласканъ властями *до нельзя*". Эти послѣднія слова относились въ особенности къ кн. А. С. Меншикову и гр. Л. А. Перовскому, которые и въ Высочайше учрежденномъ комитетѣ для разсмотрѣнія представленій Муравьева объ устьѣ р. Амура выступили *рѣшительными* защитниками дѣйствій Невельскаго и полагали необходимымъ не только утвердить представленія Муравьева, но даже усилить ихъ учрежденіемъ крейсерства въ Амурскомъ лиманѣ и въ Татарскомъ заливѣ. Вслѣдствіе этого послѣдовало 3 февраля 1850 г. Высочайшее повелѣніе на имя генералъ-губернатора Муравьева: основать въ заливѣ Счастія, т. е. у входа въ лиманъ Амурскій, противъ мыса Головачева, на Сахалинѣ, зимовье-поселеніе.

Исполненіе этого повелѣнія на мѣстѣ и избраніе мѣста для зимовья съ охраненіемъ его командою изъ матросовъ и казаковъ было поручено произведенному тогда же въ капитаны 1-го ранга Г. И. Невельскому, который былъ командированъ для этой цѣли въ распоряженіе генералъ-губернатора. Изъ зимовья этого Россійско-Американская компанія должна была производить расторжку съ гиляками. Въ назначеніи Невельскаго съ командою для охраненія зимовья выразилась первая готовность правительства содѣйствовать упроченію дѣлъ Россійско-Американской компаніи и въ направленіи ея дѣйствій не въ торговомъ только смыслѣ, а въ общихъ правительственныхъ видахъ. Такимъ образомъ, какъ непосредственныя послѣдствія поѣздки Муравьева въ Камчатку, должны были совершиться два дѣла первостепенной важности: 1) поднятіе русскаго флага на материкѣ у самаго входа въ Амуръ, что имѣло для дѣла громадное значеніе въ виду убѣжденія Императора Николая І-го: *„гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ“*, и 2) упраздненіе Охотскаго порта съ перенесеніемъ его въ Петропавловскій портъ на полуостровѣ Камчаткѣ. Для исполненія этой нелегкой задачи М. С. Карсаковъ былъ посланъ въ Охотскъ. 15 апрѣля Карсаковъ вмѣстѣ съ Невельскимъ выѣхали изъ Иркутска. Обоихъ сотрудниковъ своихъ въ этихъ важныхъ дѣлахъ Муравьевъ благословилъ на путь небольшими образками, которые они носили постоянно на груди, дорого цѣня это вниманіе къ нимъ любимаго начальника. Пришлось имъ ѣхать въ самую распутицу; съ ужаснѣйшими затрудненіями добрались они, черезъ Якутскъ, каждый по своему назначенію, Карсаковъ до Охотска, а Невельской до Аяна—и оттуда на транспортѣ „Охотскъ“ въ заливъ Счастія. Съ величайшимъ сочувствіемъ отнеслись къ упраздненію Охотскаго порта почетнѣйшіе члены Императорскаго Географическаго Общества: адмиралъ Литке и другіе. Всѣ мѣропріятія Муравьева къ переносу Охотскихъ учрежденій въ Камчатку и прочія предположенія по морскому управленію симъ краемъ Государь вполнѣ одобрить изволилъ, какъ увѣдомилъ Муравьева кн. А. С. Меншиковъ письмомъ отъ 20 февраля.

Одновременно съ утвержденіемъ представленій Муравьева относительно дѣйствій на устьѣ Амура, Императоръ Николай I изволилъ отозваться графу Перовскому: „Муравьеву не „только можно, но должно сюда прибыть для многихъ объ„ясненій; жаль только, что онъ пріѣдетъ въ такое время, „когда Я не совсѣмъ свободенъ: хотя можетъ быть обсто„тельства Европы и не заставятъ меня быть въ отлучкѣ, но „въ это время года Я всегда занятъ войскомъ. Впрочемъ „все-таки напиши Муравьеву, чтобы сюда пріѣхалъ". Эти указанія Государя побудили Муравьева не слишкомъ торопиться выѣздомъ изъ Иркутска и пріѣздомъ въ Петербургъ, тѣмъ болѣе что гр. Левъ Алексѣевичъ въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ извѣстилъ его, что Государь Императоръ предполагалъ 5 или 7 сентября выѣхать для осмотра войскъ въ Южной Россіи, оттуда послѣдуетъ въ Варшаву и возвратится въ Петербургъ черезъ 6 недѣль. „Поэтому, доѣхавъ до Москвы, писалъ гр. Перовскій, можетъ быть, не лишнимъ будетъ прежде всего узнать: возвратился ли Государь Императоръ? если нѣтъ, то остановиться и разсчитать такъ, чтобы быть въ Петербургѣ за нѣсколько дней до пріѣзда Государя".

На сколько оба вопроса о перенесеніи Охотскаго порта и о занятіи устья Амура видимо подвинулись къ вполнѣ удовлетворительной развязкѣ, на столько два другихъ угрожали большими непріятностями для Муравьева, въ виду постоянно повторявшихся напоминаній, что финансовыя дѣла государства въ затруднительномъ положеніи и что нужно изыскать всѣ средства къ увеличенію доходовъ. Вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ Муравьевымъ, для обузданія злоупотребленій по продажѣ вина въ Восточной Сибири, на основаніи акцизно-откупныхъ условій, бывшіе откупщики съ Д. Е. Бенардаки во главѣ сначала рѣшительно отказались принять участіе въ новыхъ торгахъ, запретили своимъ повѣреннымъ содѣйствовать устройству этого дѣла и даже убѣждали другихъ не браться за него. Это былъ своего рода ловкій маневръ. Такъ какъ вопросъ о финансахъ затрогиваетъ самое больное мѣсто всякаго государста и во-

лею неволею всѣ государи и правительства всегда крайне озабочены бываютъ удачнымъ разрѣшеніемъ этого вопроса, то государственные дѣятели, не сочувствовавшіе образу дѣйствія Муравьева, сильно разсчитывали, что этимъ путемъ удастся имъ поколебать довѣріе Государя къ Муравьеву и свергнуть его съ занимаемаго имъ высокаго поста. Всѣ пружины были пущены въ ходъ для достиженія этой цѣли. Муравьевъ это зналъ; онъ рѣшился неотступно бороться. Въ мартѣ онъ сильно заболѣлъ, мучительныя страданія печени свалили его въ постель, онъ вынужденъ былъ сдать управленіе краемъ заступавшему его мѣсто по гражданскому вѣдомству В. Н. Зарину, а по военному—генералъ-маіору П. Н. Запольскому. Тѣмъ не менѣе откупныя дѣла постоянно его занимали и не давали ему покоя. Пользовавшій его, вмѣстѣ съ Ю. И. Штубендорфомъ, врачъ И. С. Персинъ, отличавшійся удивительнымъ умѣніемъ обращаться со своими паціентами и ловкостью приноравливаться къ ихъ требованіямъ, и въ то же время любимый и уважаемый въ средѣ золотопромышленниковъ и купцовъ, долженъ былъ сдѣлаться посредникомъ по откупному дѣлу между безпокоившимся объ этомъ дѣлѣ больнымъ и тѣми лицами, которыхъ онъ привлекалъ къ этому вопросу, однихъ какъ свѣдующихъ, а другихъ какъ капиталистовъ, которые могли войти въ него. Разсчеты безошибочно показывали, что за это дѣло можно взяться безъ уменьшенія казеннаго дохода и не только безъ убытка, но даже съ значительною выгодою для предпринимателя. Всѣ эти разсчеты были мнѣ хорошо извѣстны, поэтому Муравьевъ поручилъ мнѣ отправиться въ Петербургъ, чтобы доставить министру финансовъ его отзывъ по этому вопросу для назначенія одновременно торговъ въ сенатѣ и въ Иркутскѣ при главномъ управленіи Восточной Сибири, имѣя въ виду, что я, въ случаѣ надобности, могъ бы еще дать устныя объясненія. 9 Мая Муравьевъ потребовалъ меня къ себѣ совершенно неожиданно, какъ всегда. На его страдальческомъ измученномъ болѣзнью лицѣ замѣтно было волненіе. „Хотите ѣхать въ Петербургъ?“ спросилъ онъ меня коротко. „Какъ не хотѣть!“ воскликнулъ

я ему въ отвѣтъ. Мысль, что я послѣ трехъ лѣтъ разлуки опять обниму обожаемыхъ мною старичковъ, отца и мать, увижу братьевъ и сестеръ, встрѣчусь съ товарищами по школьной скамьѣ, мною такъ овладѣла, что я схватилъ руку Муравьева и ее поцѣловалъ. Онъ видимо былъ тронутъ этимъ дѣтскимъ выраженіемъ моей благодарности. „Но уговоръ: не позже 1-го іюня нужно быть въ Петербургѣ".

„За этимъ дѣло не станетъ, коли Богъ милостивъ!" отвѣтилъ я съ твердостью.

„Ну, готовьтесь. Завтра ѣхать". Съ этими словами Муравьевъ меня отпустилъ. На утро меня опять позвали къ нему. Онъ передалъ мнѣ, кромѣ оффиціальныхъ бумагъ и конфиденціальныхъ писемъ къ министрамъ, написанныя имъ на маленькомъ тоненькомъ листѣ почтовой бумаги соображенія свои по откупному дѣлу, приказалъ мнѣ сѣсть, взять листъ бумаги и перо и продиктовалъ мнѣ цѣлую инструкцію о чемъ и какъ, въ какой мѣрѣ, съ кѣмъ откровенно или сдержанно говорить въ Петербургѣ. „Съ графомъ Перовскимъ обо всемъ совершенно откровенно, съ другими лицами относительно вопроса объ устьяхъ Амура отдѣлывайтесь молчаніемъ или уклончивымъ отвѣтомъ, что вы въ подробности этого дѣла не посвящены", хотя важнѣйшія бумаги по этому вопросу большею частію были переписаны моею рукой; составлялъ ихъ Муравьевъ всегда самъ, своимъ своеобразнымъ слогомъ, дышащимъ энергіею и увѣренностью, что онъ ратуетъ за дѣло правое, какъ истинный патріотъ. Тутъ же Муравьевъ повѣдалъ мнѣ объ одномъ обстоятельствѣ, о которомъ до тѣхъ поръ было извѣстно только одному Карсакову: въ одномъ изъ своихъ писемъ къ гр. Перовскому Муравьевъ, по возвращеніи изъ Камчатки, упомянулъ, что онъ могъ совершить это путешествіе, которое ему стоило до 12 тыс. руб., только благодаря тому усиленному содержанію, которое Государю угодно было дать ему при самомъ назначеніи его генералъ-губернаторомъ. Гр. Перовскій счелъ справедливымъ возмѣстить Муравьеву этотъ расходъ и довелъ объ этомъ до Высочайшаго свѣдѣнія. Николай Николаевичъ принялъ это за личную себѣ

обиду и на-отрѣзъ отказался отъ предложеннаго вознагражденія. „Если графъ Перовскій съ вами объ этомъ заговоритъ, то вы ему скажете, что я считаю этотъ вопросъ конченнымъ". 10-го мая, вечеромъ, я пустился въ путь подъ проливнымъ дождемъ на перекладной телѣгѣ и въ этомъ незатѣйливомъ экипажѣ я проѣхалъ безостановочно день и ночь 6 тысячъ верстъ до Петербурга. На станціи Средняя Рогатка (Четыре Руки), подъ самымъ Петербургомъ, на свѣту, меня такъ и манило въ Пулково—всего вѣдь шесть верстъ—одна тысячная доля того, что я проѣхалъ! Я только обниму своихъ дорогихъ и поспѣю къ утру въ Петербургъ. Моментъ невыразимой внутренней борьбы... Но сознаніе долга взяло верхъ, я вскочилъ въ телѣгу и помчался въ Петербургъ. 30 мая въ 10 ч. утра я былъ въ пріемной министра внутреннихъ дѣлъ. Здѣсь меня обдало холодомъ. Директоръ департамента, А. А. Гвоздевъ, сдѣлалъ мнѣ рѣзкое замѣчаніе, какъ я позволилъ себѣ явиться къ его сіятельству въ невыутюженномъ мундирѣ, и только смягчился нѣсколько, когда я ему объяснилъ, что я прямо съ телѣги и едва успѣлъ одѣться, чтобы, согласно приказанію генералъ-губернатора, немедленно представить по принадлежности порученныя мнѣ бумаги. Простите, читатель, что я позволяю себѣ занять ваше вниманіе такими пустяками, но вы увидите, какое значеніе этотъ случай имѣлъ впослѣдствіи для меня. Послѣ сдачи, кому слѣдуетъ, привезенныхъ мною конвертовъ, я, получивъ приказаніе явиться на другое утро за приказаніями, поспѣшилъ переодѣться, забылъ, разумѣется что мой вице-фракъ лежитъ въ чемоданѣ въ такомъ же измятомъ видѣ, какъ мой мундиръ, и поскакалъ безъ оглядки въ Пулково, оставивъ всѣ мои вещи въ гостиницѣ. На другое утро я надѣлъ вице-фракъ въ такомъ же неприличномъ видѣ, какъ наканунѣ мундиръ, и поѣхалъ къ гр. Перовскому. Но тутъ А. А. Гвоздевъ задалъ мнѣ такую головомойку, какой второй я въ жизни не получалъ, не взирая на всю взыскательность Муравьева по службѣ. Вопросъ объ откупахъ по Восточной Сибири министръ финансовъ, гр. Ѳ. П. Вронченко, внесъ немедленно

[illegible] министровъ. Во время доклада дѣла я сидѣлъ [illegible] министра [illegible]ченко, въ канцеляріи комитета [illegible] какія-либо разъясненія къ пре[illegible] но никакихъ недоразумѣній не встрѣ[illegible] отправлено Высочайше утверж[illegible] фельдъегеремъ въ Иркутскъ. Мнѣ было [illegible] въ Петербургѣ въ ожиданіи пріѣзда ге[illegible]ратора. Гр. Перовскій велѣлъ мнѣ, отъ вре[illegible] освѣдомляться, не будетъ ли какихъ [illegible]. Я явился къ нему какъ-то въ началѣ [illegible] принималъ меня всегда чрезвычайно ласково въ [illegible], съ величайшею любознательностью раз[illegible] о Сибири, въ особенности о бурятахъ, яку[illegible]хъ. На сей разъ онъ самъ предложилъ мнѣ, [illegible] для развлеченія, на нѣкоторое время уѣхать [illegible]. Я съ радостью согласился на его предло[illegible] только въ такомъ случаѣ, если я могу получить [illegible] формальнаго отпуска, такъ какъ я имѣлъ въ [illegible] можетъ быть впослѣдствіи мнѣ придется воспол[illegible]пускомъ.

[illegible] собою разумѣется. Приходите завтра утромъ въ [illegible] общихъ дѣлъ, я прикажу вамъ выдать вид[illegible]

[illegible] день прихожу я въ департаментъ. Директоръ [illegible] встрѣчаетъ меня словами:

[illegible] желаете куда-то ѣхать? Подайте прошеніе объ [illegible], министръ разрѣшилъ.

Я желалъ бы воспользоваться свободнымъ для меня [illegible] формальнаго отпуска, ваше превосходитель[illegible] я, основываясь на словахъ министра.

„[illegible]того нельзя!“ былъ короткій и весьма опредѣленный [illegible].

Что же мнѣ оставалось дѣлать, я поклонился и ушелъ. [illegible] жаловаться министру на директора. Черезъ нѣ[illegible] приполнительно я явился опять къ графу Перовскому.

„Ну какъ вы съѣздили?“ спросилъ онъ меня.

„Никакъ, ваше сіятельство“.

„Почему, отчего?"

„Да потому, что мнѣ объявили, что безъ формальнаго прошенія объ отпускѣ вида нельзя мнѣ выдавать".

„Кто вамъ это объявилъ?"

„Его превосходительство Александръ Александровичъ".

Графъ позвонилъ; входитъ дежурный чиновникъ.

— „Директора Гвоздева попросите ко мнѣ".

„Онъ уже ушелъ, ваше сіятельство". „Послать за нимъ!"

Затѣмъ обращаясь ко мнѣ: „приходите завтра въ департаментъ. Видъ безъ отпуска будетъ вамъ выданъ". Что произошло между министромъ и директоромъ департамента, я не знаю, но на другой день у дежурнаго на столѣ лежалъ уже изготовленный для меня видъ въ томъ смыслѣ, какъ я просилъ. Я расписался въ полученіи и, хотя уже было позднее осеннее время года, волею неволею я поѣхалъ въ Гельзингфорсъ на 10 дней, чтобы только не дать повода къ новымъ толкамъ. Этотъ съ виду ничтожный, но типичный, эпизодъ тяжело отозвался впослѣдствіи на моей службѣ, поэтому я о немъ и вспоминаю. Въ началѣ 1854 года я былъ произведенъ въ статскіе совѣтники, въ 1855 г. причисленъ къ министерству, въ 1856 г. назначенъ Астраханскимъ вице-губернаторомъ, въ 1857 г., по настоянію Его Высочества Константина Николаевича, исправляющимъ должность Астраханскаго губернатора. Въ этой должности я состоялъ пять лѣтъ. За все время, пока А. А. Гвоздевъ былъ директоромъ департамента общ. дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, до выхода моего въ отставку въ 1861 году, въ теченіе 8 лѣтъ, я не получилъ ни одной награды, не былъ утвержденъ въ должности и даже при отставкѣ не удостоился никакого повышенія, между тѣмъ какъ высшее начальство было очень милостиво ко мнѣ расположено.

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Иркутска Муравьевъ поручилъ корпуса топографовъ поручику В. В. Ваганову, на преданность котораго онъ могъ разсчитывать, секретную рекогносцировку мѣстностей, прилегающихъ къ правому берегу Амура въ предѣлахъ сѣверной Монголіи. Для этой цѣли Вагановъ, въ сопровожденіи двухъ казаковъ, пере-

шелъ въ августѣ 1850 года рѣку Аргунь около крѣпости Цурухайтуй. Съ того момента о немъ не было получено никакихъ свѣдѣній. Въ 1851 г. мнѣ было поручено развѣдать подъ рукою, нѣтъ ли какихъ-либо слуховъ о Вагановѣ и его спутникахъ. Тогда же говорили, будто онъ убитъ приамурскими орочонами, но ничего вѣрнаго нельзя было узнать. Впослѣдствіи, когда уже не оставалось никакого сомнѣнія, что Вагановъ погибъ при исполненіи даннаго ему порученія. Кяхтинскій градоначальникъ Н. Р. Ребиндеръ потребовалъ отъ Маймачинскаго Дзаргучея наказанія злоумышленниковъ, лишившихъ его жизни, доставленія останковъ погибшаго и выдачи находившихся при немъ вещей. Вслѣдствіе этого мы предали землѣ въ Иркутскѣ уже въ 1853 г., по обряду православной церкви, доставленныя тогда изъ Кяхты кости Ваганова, самоотверженно принесшаго себя въ жертву за дѣло амурское, а убійцы были казнены въ Маймачинѣ китайскими властями.

Въ ноябрѣ генералъ-губернаторъ Муравьевъ пріѣхалъ въ Петербургъ, вслѣдъ за нимъ изъ Камчатки М. С. Корсаковъ и съ устья Амура Г. И. Невельской, *поднявшимъ 1-го августа на мысѣ Куегдѣ русскій военный флагъ и назвавшій этотъ первый постъ на Амурѣ Николаевскимъ*. О дѣйствіяхъ Невельскаго на Амурѣ Муравьевъ составилъ немедленно для Государя подробную записку, которую онъ имѣлъ счастіе вручить лично Его Величеству. Послѣ этой аудіенціи, состоявшейся въ присутствіи Цесаревича, Государь повелѣлъ разсмотрѣть записку Муравьева въ комитетѣ, *но уже не подъ предсѣдательствомъ графа Нессельроде, а подъ предсѣдательствамъ Государя Цесаревича*. Сходя съ лѣстницы Зимняго Дворца, послѣ этой аудіенціи, Муравьевъ вдругъ услышалъ съ верху, что его зовутъ: Муравьевъ! Это его звалъ Наслѣдникъ престола. Муравьевъ поспѣшилъ вернуться. „Амурское дѣло повелѣно разсмотрѣть въ моемъ присутствіи. Будемъ работать и трудиться вмѣстѣ!“ При этомъ Цесаревичъ обнялъ въ порывѣ удовольствія Муравьева и поцѣловалъ его. *Этимъ моментомъ собственно и былъ окончательно рѣшенъ амурскій вопросъ*. Съ какою радостною вѣстью

вернулся Муравьевъ въ гостиницу Hôtel Boucquin (нынѣ Hôtel d'Angleterre на Исакіевской площади), гдѣ мы его ждали въ его квартирѣ въ какомъ-то боязливомъ настроеніи. Это было дѣйствительное торжество при сложившихся въ то время обстоятельствахъ, это было тѣмъ бо̀льшее торжество, что устройство винныхъ откуповъ по Восточной Сибири еще не было налажено и положеніе кяхтинской торговли угрожало весьма неблагопріятными послѣдствіями. Торги на содержаніе питейнихъ откуповъ ни въ Иркутскѣ при главномъ управленіи, ни въ сенатѣ не состоялись, таможенныхъ пошлинъ по кяхтинской торговлѣ въ 1849 году поступило меньше на 1.600.000 руб. Государь всѣмъ этимъ былъ крайне озабоченъ. Министръ финансовъ, гр. Ѳ. П. Вронченко, видимо терялъ голову. По вопросу о кяхтинской торговлѣ онъ затребовалъ, для доклада Императору, свѣдѣнія непосредственно отъ Муравьева, а не отъ директора кяхтинской таможни, какъ это прежде практиковалось по департаменту внѣшней торговли. Относительно откупа онъ писалъ Муравьеву, что, по важности настоящаго дѣла и затруднительности обстоятельствъ, онъ не можетъ вдругъ, безъ ближайшихъ и нѣкоторыхъ предварительныхъ объясненій, рѣшиться на какую-либо мѣру.

Въ такомъ положеніи засталъ Муравьевъ эти дѣла первостепенной важности при пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ.

Много работы предстояло Муравьеву въ Петербургѣ. Съ твердостью взялся онъ за борьбу, которая во всякомъ случаѣ была ему легче въ Петербургѣ, лицомъ къ лицу съ противниками, чѣмъ изъ-за шести тысячъ верстъ. Для усиленныхъ письменныхъ работъ пріѣхалъ къ нему на помощь Дм. Вас. Молчановъ, женившійся въ Иркутскѣ на Е. С. Волконской, когда ей только-что минуло 16 лѣтъ, или даже чуть ли не раньше; она была совершеннымъ ребенкомъ. Молодая красавица, мадамъ Молчанова, дочь именитаго декабриста, обратила на себя вниманіе всего С.-Петербургскаго high-life, въ среду котораго она была немедленно вовлечена силою ея родства съ высшею аристократіею.

Свѣтлѣйшій князь Петръ Михайловичъ Волконскій, родной ея дядя, былъ тогда министромъ Императорскаго двора.

Первымъ дѣломъ, подлежавшимъ немедленному разрѣшенію, былъ вопросъ объ устройствѣ продажи вина въ губерніяхъ и областяхъ Восточной Сибири. Отъ разныхъ лицъ были поданы министру финансовъ проекты объ устройствѣ этого дѣла, даже прежніе откупщики, дѣйствія которыхъ Муравьевъ признавалъ положительно вредными для края, позволили себѣ сдѣлать еще разъ попытку, чтобы остаться тамъ при этомъ дѣлѣ. Со всѣхъ сторонъ были пущены въ ходъ происки съ протекціею высокаго и высочайшаго давленія. Муравьевъ стоялъ твердо, но одинъ, какъ гранитная скала среди бурнаго моря. Министръ финансовъ отклонялъ отъ себя всякую отвѣтственность какъ по краткости времени, такъ и новости дѣла, послѣдствія котораго онъ отказывался предусмотрѣть, и въ этомъ смыслѣ сдѣлалъ всеподданнѣйшій докладъ Императору Николаю, который повелѣлъ представленный Муравьевымъ проектъ разсмотрѣть въ комитетѣ министровъ въ присутствіи генералъ-губернатора Восточной Сибири. Проектъ, за который стоялъ Муравьевъ, былъ составленъ, по предварительному съ нимъ соглашенію, статскимъ совѣтникомъ Александромъ Кирѣевымъ и Верхотурскимъ 1-й гильдіи купцомъ Ѳедоромъ Соловьевымъ. Новости, за введеніе которыхъ графъ Вронченко не считалъ возможнымъ принять на себя отвѣтственность, состояли въ томъ, во-первыхъ, что Муравьевъ, во избѣжаніе злоупотребленій при продажѣ полугарнаго вина, не допускалъ раздѣленіе онаго на обыкновенное и улучшенное и, во-вторыхъ, что онъ предполагалъ допустить, по выпускѣ вина изъ магазиновъ контрагента, *свободную* продажу онаго, со взносомъ патентнаго сбора, въ назначенныхъ мѣстахъ и заведеніяхъ, но не иначе какъ на выносъ и при томъ въ запечатанной посудѣ. Мѣра эта должна была быть особенно полезна тѣмъ, что откроетъ соперничество въ продажѣ вина и поведетъ къ уменьшенію числа тѣхъ мѣстъ, гдѣ производится распивочная продажа, чего надо было желать, по убѣжденію Муравьева. Этотъ взглядъ Му-

равьева на вопросъ о продажѣ хлѣбнаго вина въ Россіи, проведенный черезъ высшее правительственное учрежденіе, является основаніемъ всѣхъ преобразованій по этой части законодательства въ послѣдствіи времени. Комитетъ министровъ призналъ объясненіе Муравьева во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ удовлетворительнымъ и вслѣдствіе этого состоялось наконецъ положеніе, удостоившееся 24 ноября 1850 г. Высочайшаго утвержденія, въ силу котораго управленіе питейными сборами по Восточной Сибири съ 1851 по 1855 г. принялъ на себя Верхотурскій 1-й гильдіи купецъ Ѳедоръ Петровичъ Соловьевъ. Для содѣйствія къ скорѣйшей и правильной сдачѣ прежними откупщиками питейнаго управленія Соловьеву и для посредничества между ними въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній, генералъ-губернаторъ счелъ необходимымъ немедленно командировать меня изъ Петербурга въ Иркутскъ. Снабженный подробною инструкціею, я выѣхалъ изъ С.-Петербурга 29 ноября, еще на колесахъ, одновременно съ назначеннымъ отъ Соловьева для управленія этими дѣлами коллежск. асс. Гавріиломъ Каспаровичемъ Эрномъ. Въ ночь съ 18-го на 19-е декабря пріѣхали мы въ Иркутскъ. Къ 1-му января 1851 года передача питейнаго управленія отъ прежнихъ откупщиковъ Соловьеву должна была быть совершившимся фактомъ. Привезъ я между прочимъ съ собою въ Иркутскъ Высочайшій приказъ о производствѣ прямо въ статскіе совѣтники старца золотопромышленника, потомственнаго почетнаго гражданина, Ефима Андреевича Кузнецова въ награду за значительныя пожертвованія, сдѣланныя имъ по гражданскому и духовному вѣдомствамъ, для основанія обще-образовательныхъ учебныхъ заведеній, по 350 тыс. по каждому вѣдомству, 125 тыс. на постройку новаго зданія для Иркутскаго института благородныхъ дѣвицъ и 100 тыс. на сооруженіе парохода у соединенія р. Шилки и Онона для сплава по Амуру, когда на это послѣдуетъ Высочайшее соизволеніе, всего около одного милліона рублей, если считать тѣ, по его понятіямъ, ничтожныя пожертвованія, въ размѣрѣ отъ 5 до 10 тысячъ, которыя онъ подносилъ генералъ-губернатору при

различныхъ случаяхъ, въ пользу бѣдныхъ и неимущихъ. За всѣ эти пожертвованія Кузнецовъ получилъ почти одновременно, въ небольшой промежутокъ времени, сперва орденъ Св. Владиміра 3-й степени и потомъ чинъ статскаго совѣтника. Къ счастью наслѣдниковъ Кузнецова, привезенная мною награда не застала его въ живыхъ, онъ скончался за три дня до моего пріѣзда. Еслибы эта награда застала Ефима Андреевича еще такимъ бодрымъ, какимъ онъ былъ до послѣдняго времени, то ихъ наслѣдство уменьшилось бы несомнѣнно еще на милліонъ или другой рублей. Старикъ только и мечталъ о томъ, какъ бы быть произведеннымъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, чтобы къ нему наравнѣ съ губернаторомъ обращались со словами: „ваше превосходительство", что тогда имѣло громадное значеніе и составляло почти недостижимую мечту самыхъ завзятыхъ честолюбцевъ.

Что же я засталъ въ Иркутскѣ? Полнѣйшій разладъ въ обществѣ! О томъ дружномъ кружкѣ, среди котораго Муравьевъ встрѣчалъ вмѣстѣ съ нами 1-е января 1849 и 1850 г., и помину не было. Еще въ 1849 г. Муравьевъ ходатайствовалъ, чтобы Иркутскій гражданскій губернаторъ, дѣйств. ст. совѣтникъ В. Н. Заринъ, служившій вмѣстѣ съ нимъ на Кавказѣ въ чинѣ подполковника, былъ переименованъ въ генералъ-маіоры и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ Иркутскимъ военнымъ губернаторомъ, управляющимъ гражданскою частью. Этимъ путемъ Муравьевъ желалъ избѣгнуть раздвоенія власти, съ которымъ сопровождалось всякое его отсутствіе изъ Иркутска: на Иркутскаго гражданскаго губернатора возлагалось въ этихъ случаяхъ предсѣдательствованіе въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири, а бригадный командиръ вступалъ въ командованіе войсками, въ оной расположенными. Это раздвоеніе власти всегда вредно отзывалось на ходѣ дѣлъ въ отдаленномъ краѣ. Ему было въ этомъ отказано, потому что Императоръ Николай I не допускалъ мысли, чтобы однажды оставившій военную службу могъ бы быть опять въ нее зачисленъ не тѣмъ чиномъ, въ которомъ онъ ее оставилъ, а съ переименованіемъ въ тотъ соотвѣтственный чинъ, который онъ выслужилъ по

гражданскому вѣдомству. Между тѣмъ военные офицеры, ничему не учившіеся и никогда не служившіе по гражданскому вѣдомству, постоянно переименовывались въ соотвѣтственные гражданскіе чины, даже съ повышеніемъ, и назначались на высшія должности, не исключая и судебныхъ, требующихъ, кажется, непремѣнно спеціальной подготовки. Таковъ былъ духъ времени, какъ свидѣтельствуетъ продолжительная переписка объ этомъ вопросѣ Муравьева съ графомъ Л. А. Перовскимъ, который приводитъ всего только одинъ случай въ видѣ изъятія изъ этого правила, и то имѣвшій совершенно особую подкладку. Предпочтеніе отдавалось всегда военнымъ, какъ будто лицамъ болѣе способнымъ все постичь и все объять по складу своего ума и по образу воспитанія. Подъ давленіемъ этого духа времени находился отчасти и Н. Н. Муравьевъ. Нерѣдко, оставаясь очень доволенъ какимъ-либо моимъ дѣйствіемъ или распоряженіемъ, онъ говаривалъ мнѣ: „Да вы родились для военной службы, вы не гражданскій чиновникъ". Частенько мы съ нимъ объ этомъ спорили. Остававшіеся, за отсутствіемъ Муравьева, двѣ главы мѣстнаго главнаго управленія, гражданскаго и военнаго, Заринъ и Запольскій пересорились между собою и все общество, вслѣдствіе этого, разумѣется, раздѣлилось на два лагеря. Оба, и Заринъ, и Запольскій, были люди дѣльные, оба трудились, повидимому, на пользу дѣла,—за Зарина я и тогда и теперь готовъ головою ручаться въ этомъ отношеніи,—но Заринъ скромный, сдержанный, мало говорившій и много дѣлавшій, а Запольскій быстрый, рѣзкій и языкомъ своимъ натворившій много зла—два элемента не соединимые, какъ Муравьевъ ни старался ихъ соединить. Въ этомъ видѣ представлялось и все тогдашнее общество г. Иркутска. Мнѣ, пріѣхавшему изъ Петербурга съ точными указаніями отъ главнаго начальника края, пришлось почти девять мѣсяцевъ изворачиваться между этими непріязненными настроеніями; я не имѣлъ права пристать ни къ одной, ни къ другой сторонѣ, хотя, признаться, я всегда съ глубокимъ сочувствіемъ и уваженіемъ относился къ симпатичной для меня личности В. Н. Зарина и

къ его семейству. Мнѣ удалось все время выдержать роль и быть соединительнымъ звеномъ между обоими управленіями. Заринъ въ своихъ бумагахъ и письмахъ ко мнѣ прямо писалъ: „не имѣя возможности вступить въ непосредственные, личные переговоры съ генералъ-маіоромъ Запольскимъ, я поручаю вамъ“ и т. д. Дѣло дошло до того, что скромный, но стойкій В. Н. Заринъ, не считая возможнымъ продолжать службу совмѣстно съ Запольскимъ, подалъ прошеніе о переводѣ его въ одну изъ внутреннихъ губерній или даже объ увольненіи его въ отставку. Муравьеву Запольскій былъ нуженъ, въ виду предстоявшаго образованія Забайкальскаго казачьяго войска на основаніяхъ, изложенныхъ въ всеподд. рапортѣ его отъ 15 мая 1849 г., и хотя онъ въ душѣ глубоко уважалъ Владиміра Николаевича, но онъ считалъ его для предпринимаемыхъ имъ по всей Сибири преобразованій не довольно быстрымъ,—онъ требовалъ болѣе ретиваго исполнителя своихъ предначертаній, безусловно, въ данный моментъ, только исполнителя. По ходатайству Муравьева, находившагося, какъ извѣстно читателю, въ Петербургѣ, Заринъ былъ переведенъ въ Курскъ, вмѣсто его былъ назначенъ генералъ-маіоръ К. К. Венцель, изъ офицеровъ генеральнаго штаба, Иркутскимъ военнымъ губернаторомъ, а Запольскій изъ бригадныхъ командировъ былъ переименованъ военнымъ губернаторомъ Забайкальской области и наказнымъ атаманомъ Забайкальскаго казачьяго войска. Я нѣсколько забѣжалъ впередъ, чтобы доказать и этимъ случаемъ, какъ послѣдовательно Муравьевъ дѣйствовалъ въ дѣлѣ осуществленія задуманныхъ имъ преобразованій: въ видахъ достиженія цѣли онъ, по неволѣ, временно подчинялся настоятельному требованію момента, оставляя въ сторонѣ свои внутреннія влеченія. Его государственный умъ всегда руководилъ его сердцемъ. Крайне требовательный по службѣ, онъ въ то же время былъ очень добръ, и всѣ тѣ, которые обращались къ нему съ какою-либо просьбою, всегда встрѣчали въ немъ человѣка вполнѣ отзывчиваго. Возвращаюсь къ изложенію послѣдствій данныхъ мнѣ порученій. Гавр. Касп.

Эрнъ молодцомъ распорядился сперва проѣздомъ черезъ Красноярскъ, а потомъ изъ Иркутска относительно Забайкальскаго края и Якутска, куда всѣ распоряженіи были посланы по эстафетѣ. Праздники Рождества Христова я провелъ еще въ Иркутскѣ, а новый годъ, 1-го января 1851 г., я встрѣтилъ одинъ въ занятіяхъ, за Байкаломъ въ г. Верхнеудинскѣ, откуда начался мой объѣздъ губерній Восточной Сибири для наблюденія за устройствомъ питейныхъ сборовъ на основаніи новыхъ правилъ. Съ 27 декабря по 23 марта я объѣхалъ всѣ главныя мѣста склада и продажи вина по Забайкалью, Иркутской и Енисейской губерніямъ отъ запада на востокъ, отъ Ачинска до Усть-Стрѣлки и до соединенія Шилки и Аргуни, образующихъ въ этомъ мѣстѣ р. Амуръ, съ юга на сѣверъ, отъ Троицкосавска на китайской границѣ до Туруханска на сѣверѣ Енисейской губерніи. Во время этого объѣзда я впервые познакомился съ декабристами: въ Читѣ съ Д. И. Завалишинымъ, въ Селенгинскѣ съ Ник. Алекс. Бестужевымъ и въ Красноярскѣ съ Василіемъ Львовичемъ Давыдовымъ, а въ Шилкинскомъ и Александровскомъ заводахъ Нерчинскаго горнаго округа я встрѣтился съ Мих. Вас. Буташевичемъ-Петрашевскимъ, котораго я раньше зналъ еще въ Петербургѣ, и съ принадлежавшими въ 1848 г. къ его кружку Львовымъ, Григорьевымъ, Спѣшневымъ и Монбелли. Почтенная личность Н. А. Бестужева произвела на меня глубокое, неизгладимое впечатлѣніе. Свѣтлость его взгляда на современныя событія, опредѣленность его сужденій о далеко еще не совсѣмъ обрисовавшейся дѣятельности Муравьева, труженическая дѣятельность его самого среди мѣстнаго населенія съ цѣлью распространенія образованія, отзывчивость его на все хорошее и изящное въ области науки и художества, все это вмѣстѣ соединенное въ одномъ лицѣ представлялось мнѣ такимъ радужнымъ явленіемъ, что мнѣ казалось, что въ общеніи съ нимъ человѣкъ долженъ просвѣтлѣть и становиться лучше. По поводу предстоявшаго освобожденія Нерчинскихъ горнозаводскихъ крестьянъ отъ обязательныхъ отношеній къ заводамъ, согласно предположенію Муравьева,

съ перечисленіемъ ихъ въ казачье сословье, у насъ завязался длинный разговоръ вообще о крѣпостномъ сословіи въ Россіи. Бестужевъ сообщилъ мнѣ о взглядѣ декабристовъ на крестьянскій вопросъ и о томъ, что они всѣ признавали необходимость безусловнаго упраздненія крѣпостнаго права. При этомъ онъ упомянулъ о полученномъ имъ отъ С. Г. Волконскаго, для прочтенія, сочиненіи Н. И. Тургенева „la Russie et les Russes“, которымъ онъ былъ очень недоволенъ, въ особенности потому, что Тургеневъ не признавалъ значенія общиннаго владѣнія, вслѣдствіе чего и допускалъ возможность освобожденія крестьянъ безъ земли. Умеръ Н. А. Бестужевъ въ 1855 году, совершивъ едва-ли кому-либо извѣстный подвигъ истиннаго человѣколюбія: возвращаясь въ мартѣ изъ Иркутска въ Селенгинскъ, онъ нагналъ на Байкалѣ двухъ пѣшихъ старушекъ-странницъ, при постепенно усиливавшейся метели. Онъ вышелъ изъ своей повозки, усадилъ въ нее этихъ старушекъ, а самъ сѣлъ на козлы и такъ продолжалъ переправу черезъ Байкалъ. При этомъ онъ простудился; пріѣхавъ въ Селенгинскъ, слегъ въ постель и чрезъ нѣсколько дней скончался, какъ праведникъ. Д. И. Завалишину я обязанъ массою крайне интересныхъ и важныхъ свѣдѣній объ образѣ дѣйствіи мѣстнаго купечества и о степени благонадежности чиновниковъ горнозаводскаго и губернскаго вѣдомствъ. Буташевичъ-Петрашевскій и въ ссылкѣ оказался такимъ же, какимъ я его зналъ въ Петербургѣ, т. е. человѣкомъ крайне не деликатнымъ, тщеславнымъ, желающимъ только вездѣ играть роль, чтобы на него указывали, не имѣющимъ въ существѣ никакой серьезной цѣли. Начальникъ Шилкинскаго завода дѣлалъ содержавшимся у него въ заключеніи Буташевичу-Петрашевскому и другимъ всякаго рода облегченія въ ихъ участи. Безтактность и недостатокъ деликатности со стороны Буташевича въ пользованіи этимъ снисхожденіемъ дали поводъ, что на это было обращено вниманіе высшаго правительства въ столицѣ, вслѣдствіе чего послѣдовало распоряженіе о недопущеніи подобнаго послабленія, которое имѣло видъ глумленія надъ строгостью закона. Позднѣйшіе

поступки Буташевича-Петрашевскаго вполнѣ подтверждають отсутствіе въ немъ всякой добросовѣстности.

Хотя 15 января 1851 г. и было Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о дополненіи и измѣненіи дѣйствовавшихъ тогда правилъ кяхтинскаго торга, но въ существѣ эти измѣненія не имѣли никакого значенія, а Муравьевъ, по обстоятельствамъ, не считалъ тогда еще своевременнымъ и возможнымъ настаивать на измѣненіи этихъ правилъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ смотрѣлъ на это дѣло. Тѣмъ не менѣе это Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта достойно вниманія въ томъ отношеніи, что сколько до этого времени бо́льшая часть высшихъ административныхъ лицъ и мѣстъ въ Петербургѣ видимо и не безъ цѣли какъ будто хотѣли игнорировать мѣстнаго главнаго начальника, столько, какъ доказываетъ это мнѣніе, съ начала 1851 г. послѣдовалъ замѣчательный поворотъ въ этомъ направленіи: по всѣмъ предположеніямъ и распоряженіямъ, касавшимся Восточной Сибири, но не требовавшимъ *безотлагательнаго* утвержденія, повелѣно было таковыя внести на разсмотрѣніе высшихъ правительственныхъ учрежденій *непремѣнно черезъ посредство и съ мнѣніемъ* генералъ-губернатора Восточной Сибири, а мѣры, разрѣшаемыя по спѣшности безъ предварительнаго заключенія генералъ-губернатора, приводить въ дѣйствіе *лишь въ видѣ опыта*. Этотъ поворотъ можетъ быть объясненъ только тѣми выраженіями личнаго довѣрія, котораго удостоивали Муравьева Императоръ Николай I и тогдашній Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

12 Февраля 1851 г. состоялось Высочайше утвержденное положеніе комитета подъ предсѣдательствомъ Государя Цесаревича по дѣламъ Амурскимъ, коимъ повелѣвалось учредить Амурскую экспедицію подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Невельскаго. Эта экспедиція должна была состоять подъ главнымъ распоряженіемъ генералъ-губернатора Восточной Сибири. Вмѣстѣ съ тѣмъ китайское правительство было увѣдомлено, по Высочайшему повелѣнію, что Россійское Императорское правительство прини-

маетъ на себя наблюденіе за устьемъ р. Амура. Карсакову и Невельскому опять приходилось ѣхать вмѣстѣ до Якутска, такъ какъ Карсакову было поручено избрать въ теченіе лѣта 1851 года мѣста поселенія для вновь устраиваемаго Якутско-Аянскаго тракта. Но Невельской попался въ плѣнъ, какъ писалъ Муравьевъ графу Перовскому, который, читая эти слова, въ первую минуту принялъ это извѣстіе въ буквальномъ смыслѣ и испугался, не понимая впрочемъ, кто могъ его взять въ плѣнъ; но увидѣвъ, что дѣло идетъ о женитьбѣ Невельскаго, проѣздомъ черезъ Иркутскъ, на племянницѣ Зарина, совершенно успокоился и даже былъ этому очень радъ, потому что бѣдняку не будетъ такъ скучно, какъ онъ выразился, въ глуши, куда занесенъ судьбою. Карсаковъ уѣхалъ еще зимнимъ путемъ въ Якутскъ, а Невельской остался до перваго сплава. Имя Екатерины Ивановны Невельской, урожденной Ельчаниновой, по всей справедливости, занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи Амурской экспедиціи. По словамъ очевидца, не смотря на всѣ неимовѣрныя лишенія и трудности, которыя приходилось ей переносить вмѣстѣ съ другими членами этой экспедиціи, никто никогда не слыхалъ отъ нея ни одной жалобы или упрека, напротивъ, всѣ всегда замѣчали въ ней спокойное и гордое сознаніе того горькаго, но высокаго положенія, которое предназначало ей Провидѣніе. Ея примѣръ благодѣтельно дѣйствовалъ на всѣхъ.

Почти одновременно съ учрежденіемъ Амурской экспедиціи, нѣсколько ранѣе, 4-го января 1851 года, было Высочайше утверждено положеніе объ Иркутскихъ и Енисейскихъ казачьихъ конныхъ полкахъ съ зачисленіемъ въ составъ этихъ полковъ нѣкоторыхъ селеній государственныхъ крестьянъ, что дало возможность окончательно осуществить передвиженіе линейныхъ баталіоновъ въ Забайкальскій край. Передача этихъ полковъ изъ гражданскаго вѣдомства, въ вѣдѣніи котораго они прежде состояли, военному, съ перечисленіемъ указанныхъ селеній, предсѣдательствующимъ въ главномъ управленіи Заринымъ была поручена мнѣ. Временно командовавшій войсками генералъ-

маіоръ Запольскій почелъ своею обязанностью лично объявлять по селеніямъ объ этой Высочайшей волѣ. Сопутствуя ему, я былъ пораженъ, съ какою радостью казенные крестьяне встрѣчали вѣсть о перечисленіи ихъ въ казачье сословіе, тогда какъ губернское начальство почему-то ожидало совершенно противное и предписаніемъ на имя мѣстнаго исправника поручило ему даже озаботиться, чтобы жителямъ этихъ селеній заранѣе не было извѣстно о настоящей Высочайшей волѣ. Объ этомъ фактѣ я сообщилъ Муравьеву въ Петербургъ частнымъ письмомъ, въ увѣренности, что это доставитъ ему большое удовольствіе, въ виду предстоявшаго въ томъ же году перечисленія 27 тыс. душъ горнозаводскихъ крестьянъ въ Забайкальское казачье сословіе, о которомъ много рядили и толковали вкривь и вкось. Едва успѣлъ я окончить это порученіе, сравнительно легкое и пріятное, какъ на меня возложили рядъ удостовѣреній крайне тяжелыхъ и отвѣтственныхъ по Нерчинскому горному округу, я говорю тяжелыхъ потому, что трудно даже представить, какое тамъ было царство злоупотребленій и лжи, и отвѣтственныхъ потому, что мнѣ приходилось почти поголовно обвинять всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей, а между тѣмъ я боялся впасть въ ошибку, очернивъ напрасно, можетъ быть, невиннаго. Производимыя мною дознанія, разумѣется, были поводомъ, что я подъ различными предлогами входилъ въ разспросы и бесѣды съ людьми самаго разнороднаго положенія на Нерчинскихъ горныхъ заводахъ и золотыхъ промыслахъ. Между прочимъ, мнѣ пришлось встрѣтить въ Нерчинскомъ большомъ заводѣ бывшаго ссыльно-каторжнаго, тогда уже старика-поселенца изъ евреевъ, Цейзига, занимавшагося въ то время съ большимъ искусствомъ лѣпными работами изъ разноцвѣтной глины, въ особенности сценъ изъ жизни Христа Спасителя. Я потребовалъ его къ себѣ подъ предлогомъ, что желаю видѣть и купить что-нибудь изъ его лѣпныхъ работъ. Показывая мнѣ свои произведенія, онъ вдругъ спросилъ меня на чисто нѣмецкомъ языкѣ, не сынъ ли я знаменитаго астронома Струве. Пораженный этимъ вопросомъ, я его спросилъ: да что ты знаешь про астронома Струве? Въ отвѣтъ

на это, онъ мнѣ назвалъ нѣсколько сочиненій отца. Потомъ онъ заговорилъ по-французски и, наконецъ, даже по-англійски. „Какъ же ты, Цейзигъ, такой порядочно образованный человѣкъ, дошелъ до такой низости, что занимался дѣланіемъ фальшивыхъ ассигнацій, за что̀ и попалъ на каторгу? спросилъ я его, глядя на него съ изумленіемъ.—„Я дѣлалъ ассигнаціи на манеръ русскихъ, но не какъ фальшиво-монетчикъ, а какъ директоръ банка польскаго правительства во время возстанія 1831 года“, отвѣтилъ онъ мнѣ съ увѣренностью, что этимъ оправдывается его преступленіе, и что онъ вовсе не простой какой-нибудь преступникъ. Послѣ долгихъ развѣдываній по различнымъ порученнымъ мнѣ дѣламъ я поставилъ ему вопросъ: „Какъ же ты объяснишь мнѣ, что горный начальникъ Иванъ Никифоровичъ Ковригинъ, который, какъ мнѣ извѣстно, очень хорошій человѣкъ, допускаетъ такія невѣроятныя злоупотребленія?“ „Ахъ, ваше высокоблагородіе,—былъ его отвѣтъ,—развѣ это можетъ быть иначе? Горному начальнику стоитъ одного только взять за ухо—пятьдесятъ закричатъ, все вѣдь родня; такъ онъ, чтобы не слышать этого крика, затыкаетъ себѣ уши, закрываетъ глаза и на все махаетъ рукою“. Дѣйствительно, въ Нерчинскомъ горномъ округѣ тогда всѣ такъ между собою переродпились, начиная отъ горнаго начальника до послѣдняго унтеръ-шихтмейстера и нарядчика, отъ купца до крестьянина и даже рабочаго, что начальникъ не могъ преслѣдовать никого, не задѣвая въ то же время цѣлую фалангу своей ближайшей родни. Волею неволею онъ закрывалъ глаза на многое, чего старался не видѣть, лишь бы только самому уцѣлѣть. Въ Нерчинскомъ округѣ высшее духовное начальство, чтобы дать возможность жениться, было вынуждено разрѣшать браки между лицами, состоящими въ болѣе близкомъ родствѣ, чѣмъ это дозволяется общими каноническими законами.

Только 12-го августа Муравьевъ вернулся изъ Петербурга въ Иркутскъ, послѣ разсмотрѣнія тамъ всѣхъ дѣлъ, по которымъ требовались отъ него личныя объясненія. Результатъ его почти осьмимѣсячнаго пребыванія въ Пе-

тербургѣ былъ самый блистательный какъ по существу разрѣшенныхъ дѣлъ, такъ и по краткости времени, въ теченіе котораго удалось провести черезъ министерства и высшія законодательныя инстанціи всѣ тѣ преобразованія, которыми обусловливалось дальнѣйшее развитіе обширнаго края, имъ управляемаго. Твердая воля Императора Николая I проявилась тутъ во всей своей силѣ: онъ повелѣлъ, „*чтобы Муравьевъ, по поводу разсмотрѣнія его предположеній, не былъ задержанъ въ Петербургѣ долѣе, чѣмъ нужно*", и никакой антагонизмъ въ высшей сферѣ правительственныхъ лицъ и учрежденій, никакія усилія бюрократіи не были въ состояніи затормозить ходъ дѣлъ сибирскаго преобразованія, потому что Государь хотѣлъ его двинуть впередъ. Состоялось и Высочайше было утверждено положеніе о Забайкальскомъ казачьемъ войскѣ на тѣхъ основаніяхъ и въ томъ видѣ, какъ Муравьевъ ходатайствовалъ; области Забайкальская и Якутская были отдѣлены отъ управленія Иркутскою губерніею, и мѣстное управленіе этими областями, на правахъ самостоятельнаго губернскаго, должно было внести новую жизнь въ эти забытыя окраины; учрежденіе Кяхтинскаго градоначальства открыло возможность ближайшихъ сношеній съ китайскими властями, чтобы болѣе внушительно показать имъ цѣль нашихъ стремленій на востокѣ и вселить въ нихъ довѣріе къ нашей силѣ; открытіе *Сибирскаго* отдѣла Императорскаго Географическаго Общества еще разъ доказало, какъ это Общество понимало свое географическое призваніе, какъ оно должно быть не только географическимъ, но именно *русскимъ* Обществомъ, не просто лишь ученое Общество, а Общество *учено-патріотическое*. Оно признало важнѣйшимъ событіемъ 1851 года въ отношеніи своей дѣятельности учрежденіе Сибирскаго отдѣла подъ ближайшимъ руководствомъ генералъ-губернатора Восточной Сибири. Открывая дѣйствія Сибирскаго отдѣла въ Иркутскѣ, Муравьевъ прекрасно очертилъ предстоявшую этому отдѣлу дѣятельность, обращаясь къ намъ, только-что избраннымъ новымъ членамъ Общества: „Три вѣка тому назадъ,—говорилъ „Николай Николаевичъ,—достославные наши предки завое-

„вали Сибирь въ вѣчное достояніе Россіи, не многочисленностью дружинъ своихъ, но твердостью въ своихъ начинаніяхъ, постоянною ревностью къ дѣлу и стремленіемъ „заслужить похвалу Царя и отечества. Такъ предстоитъ „нынѣ нашему отдѣлу пріобрѣсть страну эту для Россіи въ „ученомъ отношеніи не многочисленностью ученой нашей „дружины, но постоянными трудами и ревностнымъ стремленіемъ исполнить Высочайшую волю и оправдать довѣріе „Августѣйшаго предсѣдателя, великаго князя Константина „Николаевича".

Немедленно по возвращеніи своемъ въ Иркутскъ, Муравьевъ предпринялъ объѣздъ вновь образуемой Забайкальской области и обозрѣніе станицъ, имѣющихъ входить въ Забайкальскія казачья войска въ новомъ ихъ составѣ. Бывшимъ горнозаводскимъ крестьянамъ объявляли освобожденіе ихъ отъ того тяжелаго крѣпостнаго положенія, подъ гнетомъ котораго они потеряли чувство самосознанія и коснѣли въ невѣжествѣ. Это было одно изъ началъ положенія 19-го февраля 1861 года, несомнѣнно сознательно подготовленнаго твердою рукою Императора Николая I. Въ качествѣ управляющаго путевою канцеляріею генералъ-губернатора Муравьева, во время этого объѣзда Забайкальской области, я былъ свидѣтелемъ той неподдѣльной радости и того восторга, съ которымъ все населеніе Нерчинскаго горнаго округа встрѣчало виновника освобожденія его отъ горнозаводскихъ работъ и повинностей, какъ воспрянуло духомъ Забайкальское казачье сословіе, ободренное вниманіемъ, котораго его удостоилъ Царь. Обо всемъ этомъ Муравьевъ, разумѣется, донесъ во всей подробности Государю и въ то же время писалъ частно вновь назначенному военному министру кн. Вас. Анд. Долгорукому, который не замедлилъ увѣдомить Муравьева, что полученныя извѣщенія были *„весьма пріятны Его Величеству"*. Эти слова имѣли тѣмъ большее значеніе, что невѣжество и заблужденіе многихъ, какъ писалъ генералъ-маіоръ (нынѣ генералъ-адъютантъ и членъ Государственнаго Совѣта) А. И. Веригинъ, не переставали преслѣдовать Муравьева упре-

ками за образованіе Забайкальскаго атаманства и отдѣльнаго областнаго управленія и за переводъ линейныхъ баталіоновъ въ Забайкалье. Въ подкрѣпленіе своей агитаціи противъ Муравьева злые языки болѣе чѣмъ за десять тысячъ верстъ отъ мѣстъ, о которыхъ они повѣствовали, распускали нелѣпые, но упорно повторяемые, слухи, будто китайцы выставили 100 т. войска на границѣ и заперли входъ въ Маймачинъ, вслѣдствіе посланной Муравьевымъ экспедиціи для изслѣдованія береговъ Амура и выражали опасеніе, что китайцамъ не понравится учрежденіе Кяхтинскаго градоначальства и что Ургинскіе правители можетъ быть даже не захотятъ сноситься съ Кяхтинскимъ градоначальникомъ вмѣсто Иркутскаго губернатора. Хорошо знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ Восточной Сибири и поэтому одинъ изъ лучшихъ судей всего, въ то время тамъ происходившаго, А. И. Веригинъ, нисколько не довѣрявшій этимъ слухамъ, но не желая быть въ Петербургѣ *безгласнымъ* слушателемъ могущихъ быть различныхъ сужденій по симъ предметамъ, говорилъ и писалъ: „Еслибы даже дѣйствительно китайцы приняли нѣкоторыя мѣры осторожности, то пугаться этого нечего; пора дать почувствовать нашу силу и наше могущество на Востокѣ“. Всѣ эти слухи были плодъ празднаго воображенія и злорадства противъ Муравьева: никакихъ 100 тыс. войска китайцы не выставляли на границѣ и воротъ Маймачинскихъ не закрывали, напротивъ Ургинскіе правители, какъ сообщилъ между прочимъ Муравьевъ Великому Князю Константину Николаевичу въ отвѣтъ на милостивый рескриптъ Его Высочества отъ 1-го октября 1851 года,—„поспѣшили войти въ сношеніе со вновь назначеннымъ въ Кяхту градоначальникомъ Н. Р. Ребиндеромъ и присланные ими въ Троицкосавскѣ курьеры изъявляли удовольствіе своихъ начальниковъ по случаю этой перемѣны въ убѣжденіи, что сближеніе губернской нашей власти къ границѣ послужитъ лишь къ скорѣйшему разрѣшенію могущихъ возникать по пограничнымъ дѣламъ вопросовъ“. Его Императорское Высочество Константинъ Николаевичъ, съ удовольствіемъ вспоминая любопытные разсказы Муравьева о дѣлахъ Восточ-

ной Сибири и въ особенности объ экспедиціи Невельскаго [1], милостивымъ рескриптомъ отъ 1-го октября 1851 г. изъ г. Павловска, просилъ его „продолжать иногда сообщенія на письмѣ съ тою же откровенностью, которая была въ устной бесѣдѣ“. Съ этого времени начинается постоянный обмѣнъ мыслей между Его Высочествомъ и Муравьевымъ по дѣлу Амурскому, развитію котораго генералъ-адмиралъ оказывалъ свое неизмѣнное высокое покровительство и всесильное содѣйствіе.

Дѣло освобожденія крестьянъ отъ обязательныхъ работъ на заводахъ и фабрикахъ, начатое перечисленіемъ 27 тыс. горнозаводскихъ крестьянъ Нерчинскаго округа въ казачье сословіе, Муравьевъ продолжалъ въ концѣ этого же 1851 г. и по отношенію къ находящейся близъ Иркутска поссессіонной Тальцинской фабрикѣ. По его приказанію я вытребовалъ изъ Иркутскаго губернскаго правленія всѣ дѣла, касавшіяся основанія и преобразованія этой фабрики, равно какъ и всѣ дѣла, когда-либо производившіяся и тогда еще состоявшія въ производствѣ по обоюднымъ претензіямъ владѣльцевъ и рабочихъ этой фабрики, и долженъ былъ приступить къ составленію проекта положенія, имѣвшаго цѣлью прекращеніе всѣхъ этихъ обязательныхъ отношеній и водвореніе *основаній вольнаго труда*. Муравьевъ имѣлъ на эти вопросы совершенно опредѣленный взглядъ, выработанный особенно во время бытности его Тульскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось окончить это порученіе, занимавшее меня въ высшей степени вслѣдствіе тѣхъ практическихъ указаній, которыми снабдилъ меня Муравьевъ и тѣхъ основныхъ началъ, которыя онъ мнѣ преподалъ. По особому, для меня весьма лестному, порученію пришлось мнѣ въ началѣ декабря 1851 г. ѣхать въ Якутскъ. Положеніе объ управленіи Якутскою областью, отдѣленной

---

[1]) Невельской съ 1836 года въ продолженіи 7 лѣтъ былъ вахтеннымъ лейтенантомъ великаго князя Константина Николаевича, когда Его Высочество въ отроческомъ возрастѣ начиналъ свое морское поприще.

отъ Иркутской губерніи, и объ открытіи тамъ и въ Забайкальской области областныхъ учрежденій на правахъ губернскихъ хотя и было 11 іюля 1851 г. Высочайше утверждено, но назначеніе въ Якутскъ губернатора почему-то замедлилось. Между тѣмъ Муравьевъ хотѣлъ, чтобы обѣ новыя области были непремѣнно открыты къ наступавшему 1852 году. Въ Забайкальскую область былъ назначенъ находившійся уже на мѣстахъ, въ качествѣ наказнаго атамана Забайкальскаго казачьяго войска, генералъ-маіоръ Запольскій. Открытіе Якутской области и введеніе тамъ новыхъ областныхъ учрежденій Муравьевъ возложилъ на меня. Выборъ хорошихъ чиновниковъ въ Сибири крайне затруднителенъ. На мое счастье Муравьевымъ, въ бытность его въ Петербургѣ, было принято на службу въ Сибирь нѣсколько молодыхъ людей, которые согласились ѣхать со мною въ Якутскъ: А. А. Ганъ въ качествѣ областнаго прокурора, Н. Д. Свербеевъ и П. А. Налабардинъ чиновниками особыхъ порученій и И. Григ. Яковенко, возвращавшійся изъ Охотска на свою родину, въ Малороссію, послѣ пятилѣтней службы въ непривѣтливомъ приморскомъ краѣ, согласился еще разъ вернуться въ глушь сибирскую на должность совѣтника областнаго правленія. Съ этимъ небольшимъ числомъ честныхъ и преданныхъ дѣлу сотрудниковъ я выѣхалъ изъ Иркутска 11 декабря и, разумѣется, мы должны были ѣхать безостановочно и безъ отдыха, чтобы поспѣть въ Якутскъ за 2,400 верстъ, на столько благовременно, чтобы 1 января 1852 г., согласно распоряженію генералъ-губернатора, открыть тамъ новыя областныя учрежденія. Въ моемъ формулярномъ спискѣ значится, что я *открылъ* 1 января 1852 года Якутскую область, какъ будто эта область раньше не была извѣстна, а я, какъ Христофоръ Колумбъ, открылъ новую невѣдомую страну. Эта канцелярская недомолвка впослѣдствіи нерѣдко подавала поводъ и къ веселому смѣху при воспоминаніи въ дружескомъ кругу о хорошемъ быломъ, и къ ироническимъ, злостнымъ насмѣшкамъ со стороны лицъ нерасположенныхъ ко мнѣ, а измѣнить никакъ нельзя: „что написано перомъ, не вырубишь топоромъ“.

Б. СТРУВЕ.

[redacted]

* * *

Есть одиночество—въ тиши,
Вдали людей, вблизи природы—
Полно задумчивой свободы,
Оно цѣлебно для души;
Въ немъ утихаютъ сердца бури,
Въ немъ думы, какъ цвѣты полей,
Какъ звѣзды въ тьмѣ ночной лазури,
Сіяютъ чище и свѣтлѣй.

Есть одиночество иное—
Его, мой другъ, не знаешь ты:
Кругомъ холодное, чужое,
Бушуетъ море суеты;
Шумитъ толпа, конца нѣтъ бою
Ея слѣпыхъ безумныхъ волнъ;
Напрасно къ пристани, къ покою
Стремится сердца утлый челнъ.
О, никогда, никто въ пустынѣ
Такъ не забытъ, не одинокъ,
Какъ это сердце въ злой пучинѣ
Чужихъ страстей, чужихъ тревогъ!

ГР. А. ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ.

НУЖДЫ МѢСТНАГО УПРАВЛЕНІЯ.[1]

(*Окончаніе*).

IV.

Земское представительство.

Внесенный на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта министерскій проектъ придаетъ особую важность умственному и нравственному уровню общественныхъ классовъ, т. е. сословій, призываемыхъ къ участію въ земскихъ дѣлахъ, и распредѣляетъ избирательныя права по относительной политической правоспособности каждой сословной группы собственниковъ. Составители проекта справедливо полагаютъ, что представительство, призываемое къ завѣдыванію общественными дѣлами, въ томъ только случаѣ можетъ оказаться вполнѣ удовлетворительнымъ и цѣлесообразнымъ, если при распредѣленіи избирательныхъ правъ принято будетъ во вниманіе не одно лишь количество собственности, но также и качество собственниковъ.

Съ этой точки зрѣнія, въ виду первенствующаго значенія дворянства, какъ сословія служилаго, проникнутаго бо́льшимъ, чѣмъ прочіе классы населенія, сознаніемъ общественнаго долга, притомъ какъ сословія наиболѣе образованнаго, нельзя не признать, что *государственная* польза требуетъ привлеченія дворянъ въ бо́льшемъ, чѣмъ лицъ другихъ состояній, числѣ къ земскому представительству. Мѣра эта представляется тѣмъ болѣе правильною, что, по основ-

[1]) См. Р. В. 1888 г. № 3.

ной мысли проекта, присутствованіе въ земскомъ собраніи въ качествѣ гласнаго признается *обязанностью*, своего рода *государственною повинностью*.

Участіе въ земскомъ представительствѣ духовенства предположено въ очень ограниченномъ размѣрѣ и на совершенно новыхъ основаніяхъ.

Еще при разработкѣ нынѣ дѣйствующаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ, Московскій митрополитъ Филаретъ и высшіе представители вѣдомства православнаго исповѣданія указывали на то, что привлеченіе лицъ духовнаго званія къ участію въ дѣлахъ земства не согласовалось бы съ каноническими правилами православной церкви. Но Государственный Совѣтъ, устранивъ это возраженіе, призналъ необходимымъ предоставить священнослужителямъ право участвовать въ избирательныхъ съѣздахъ и быть избираемыми въ гласные. Свое мнѣніе Государственный Совѣтъ обосновывалъ необходимостью защиты матеріальныхъ интересовъ церкви и охраны нравственно-религіозныхъ началъ въ вопросахъ народнаго образованія, призрѣнія и благотворенія, подлежащихъ вѣдѣнію земства, а также полезностью усиленія вліянія духовенства (преимущественно на окраинахъ и въ мѣстностяхъ, населенныхъ раскольниками) посредствомъ мѣры, дающей ему возможность принимать на себя защиту интересовъ мѣстныхъ жителей въ дѣлахъ хозяйственнаго управленія [1]). На практикѣ же оказалось:

Во-первыхъ, бо́льшая часть церковныхъ недвижимыхъ имуществъ, а именно земли и угодья, отведенныя на содержаніе церквей и причтовъ, монастырей и архіерейскихъ домовъ, изъята отъ земскаго обложенія, а потому матеріальные интересы церкви въ земствѣ крайне незначительны и конечно не требуютъ самостоятельнаго представительства.

Во-вторыхъ, несомнѣнно важно религіозно-нравственное вліяніе на дѣла народнаго образованія, призрѣнія и благотворенія, но вліяніе это едва-ли обезпечивается участіемъ приходскаго духовенства въ избирательныхъ съѣздахъ, по-

---

[1]) Матер. по земск. общ. устр., изд. хоз. деп., т. II, стр. 510–515.

тому что самое избраніе въ гласные членовъ этого духовенства зависитъ отъ многихъ случайностей и нерѣдко бываетъ, что въ числѣ избранныхъ гласныхъ не оказывается ни одного священнослужителя.

Въ-третьихъ, участіе духовенства въ избирательныхъ интригахъ и въ борьбѣ земскихъ партій, которая ведется обыкновенно на почвѣ мелкихъ матеріально-эгоистическихъ интересовъ, менѣе всего способствуетъ усиленію его нравственнаго вліянія, въ особенности въ средѣ иновѣрческаго или раскольничьяго населенія.

Въ виду такой дѣйствительности, вовсе не оправдывающей предположеній Государственнаго Совѣта и его заботъ объ охранѣ въ земствѣ матеріальныхъ интересовъ и нравственнаго вліянія приходскаго духовенства, составители новаго проекта признали полезнымъ освободить священнослужителей отъ участія въ земскихъ избирательныхъ съѣздахъ и предоставить епархіальному начальству, на его волю, если оно усмотритъ въ томъ надобность, назначать особыхъ представителей какъ въ губернскія, такъ и въ уѣздныя земскія собранія.

Выше было упомянуто, что къ участію въ земскомъ представительствѣ собственниковъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, не имѣющихъ другаго имущественнаго ценза въ уѣздѣ, общественное мнѣніе относится строже министерскаго проекта, который, исключая изъ состава избирателей лицъ, пользующихся правомъ голоса по суммѣ *годоваго оборота* производства (не менѣе 6.000 р.), оставляетъ это право за владѣльцами промышленныхъ, торговыхъ и хозяйственныхъ заведеній, капитальная цѣнность коихъ не ниже 15.000 рублей. Для уясненія вопроса, не безполезно обратиться къ его исторіи.

При составленіи нынѣ дѣйствующаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ, признано было, что „есть особые случаи, гдѣ нельзя не принять въ соображеніе и другихъ (кромѣ пространства земли) условій ея цѣнности, имѣющихъ сильное вліяніе на увеличеніе доли интересовъ землевладѣльца въ общемъ хозяйствѣ уѣзда. Сюда преимуще-

ственно относится случай, когда владѣлецъ, хотя бы и небольшаго участка земли, имѣетъ на ономъ промышленное заведеніе, фабрику, заводъ, мельницу, садъ, виноградникъ и т. п. Если подобное заведеніе довольно велико, то значеніе его въ общемъ хозяйствѣ уѣзда должно давать владѣльцу право на участіе его въ общихъ дѣлахъ уѣзда, на равномъ основаніи съ большими и средними землевладѣльцами. За симъ, можно бы, казалось, допустить къ участію въ избирательномъ собраніи лицъ, владѣющихъ количествомъ земли и менѣе 100 душевыхъ надѣловъ, т. е. менѣе установленнаго для непосредственнаго участія въ земскихъ выборахъ земельнаго ценза, если на этой землѣ существуютъ значительныя, по цѣнности или обороту производства, промышленныя или хозяйственныя заведенія. Предѣльною цифрою цѣнности таковаго заведенія можно положить 15.000 р.—цифру, близкую къ обыкновенной цѣнѣ 100—200 среднихъ душевыхъ надѣловъ земли,—или общій годовой оборотъ производства въ 6.000 рублей (40% капитальной цѣнности)" [1]).

Если справедливо разсужденіе о томъ, что владѣлецъ небольшаго земельнаго участка, на которомъ устроено значительное промышленное или хозяйственное заведеніе, заинтересованъ не менѣе крупнаго земельнаго собственника въ земскихъ дѣлахъ своей мѣстности, то оно справедливо лишь по отношенію къ владѣльцу такого заведенія, которое облагается на земскія нужды и сборъ съ котораго существенно увеличиваетъ платежи по имѣнію. Облагается же не годовой оборотъ производства, а цѣнность помѣщенія, вмѣстѣ съ машинами и другими необходимыми принадлежностями фабричнаго, заводскаго и промысловаго устройства [2]), и доходность предпріятія. Кромѣ того нельзя не замѣтить, что законъ не указываетъ никакихъ основаній для исчисленія размѣровъ годовыхъ оборотовъ, земская же практика, руководствуясь ст. 13 правилъ 25 мая 1864 г., признаетъ

---

[1]) Матер. по земск. обществ. устр., т. II, стр. 369 и 370.

[2]) Высоч. утвержд. 3 іюля 1867 г. мнѣніе Гос. Сов.

достаточнымъ заявленіе о томъ владѣльца заведенія, подтвержденное двумя свидѣтелями. При такихъ условіяхъ нерѣдко случается, что въ избирательныхъ съѣздахъ участвуютъ лица, не имѣющія никакой недвижимой собственности или владѣющія мелкимъ ремесленнымъ заведеніемъ, съ котораго они уплачиваютъ земскаго сбора *по нѣсколько копѣекъ* въ годъ. Лица эти являются на съѣзды исключительно для проведенія кандидатовъ той или другой партіи, а въ случаѣ избранія ихъ самихъ въ гласные, дѣйствуютъ въ земскихъ собраніяхъ подъ вліяніемъ побужденій, не имѣющихъ ничего общаго съ добросовѣстною службою обществу. Въ огражденіе достоинства земскаго представительства и интересовъ земскаго хозяйства признано необходимымъ устранить такихъ лицъ отъ участія въ избирательныхъ съѣздахъ и изъ среды торговцевъ и промышленниковъ предоставить право этого участія только „лицамъ, владѣющимъ въ уѣздѣ или въ одномъ изъ находящихся въ предѣлахъ онаго городовъ, посадовъ и мѣстечекъ, другимъ (кромѣ опредѣленнаго пространства земли) недвижимымъ имуществомъ (домомъ, фабрикою, заводомъ, хозяйственнымъ, промышленнымъ или торговымъ заведеніемъ), оцѣненнымъ, для взиманія земскихъ сборовъ, не ниже *пятнадцати тысячъ* рублей“ (п. 2 ст. 15 проекта).

Составители разсматриваемаго проекта вообще ставятъ себѣ задачею очистить земское представительство отъ разныхъ сорныхъ или равнодушныхъ къ общественному дѣлу элементовъ.

Въ этихъ видахъ вопросъ объ участіи въ избирательныхъ съѣздахъ арендаторовъ земель предположено рѣшить отрицательно.

Еще при разсмотрѣніи въ 1863 году проекта дѣйствующаго положенія, въ средѣ Государственнаго Совѣта высказаны были сомнѣнія относительно желательности и даже возможности предоставленія арендаторамъ земель права участія въ земскихъ избирательныхъ съѣздахъ [1]) и хотя право

[1]) Матер. по земск. обществ. устр., т. II, стр. 503—507.

это и было допущено, но съ большими ограниченіями: имъ пользовались только лица, арендующія земли по контрактамъ, заключеннымъ не менѣе какъ за два года до выборовъ и на сроки не менѣе шести лѣтъ, если при томъ до истеченія срока контракта остается не менѣе трехъ лѣтъ, если самъ владѣлецъ не можетъ лично присутствовать въ избирательномъ съѣздѣ и уполномочитъ на то своего арендатора. Высказанныя въ Государственномъ Совѣтѣ 25 лѣтъ тому назадъ сомнѣнія вполнѣ оправдались на практикѣ: несмотря на ограниченія, участіе арендаторовъ въ земствѣ оказывается скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Не имѣя прочныхъ интересовъ въ мѣстности, самые добросовѣстные изъ нихъ относятся равнодушно къ земскому дѣлу, большинство же пользуется избирательными правами исключительно съ цѣлью извлечь личную выгоду изъ борьбы партій и успѣха на выборахъ той или другой группы земскихъ дѣятелей.

Относительно участія въ земскомъ представительствѣ юридическихъ лицъ предположено ограничиться промышленными и торговыми обществами, компаніями и товариществами, такъ какъ представляемыя теперь въ земствѣ особыми повѣренными богоугодныя и благотворительныя учрежденія, весьма близко соприкасающіяся съ интересами государства, всегда найдутъ безпристрастнаго и вліятельнаго защитника въ лицѣ губернатора, а въ случаѣ упущеній съ его стороны—въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ, предъ которымъ справедливыя заявленія и жалобы подобныхъ учрежденій могутъ быть поддержаны авторитетомъ начальствующихъ лицъ. Но участвовать въ земскихъ выборахъ чрезъ повѣренныхъ, могутъ только такія общества, компаніи и товарищества, которыя владѣютъ имущественнымъ цензомъ, установленнымъ для *непосредственнаго* участія въ избирательномъ съѣздѣ, т. е. полнымъ земельнымъ цензомъ или инымъ недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ, для взиманія земскихъ сборовъ, не ниже 15.000 р.

Предлагается существенная поправка къ избирательнымъ правамъ купцовъ.

Въ настоящее время, лица, имѣющія купеческія свидѣтельства 1-й и 2-й гильдій, допускаются къ участію въ городскомъ земскомъ избирательномъ съѣздѣ, хотя бы они не владѣли никакимъ недвижимымъ имуществомъ. Ни одна изъ категорій земскихъ избирателей не пользуется такою льготою, основаніемъ которой послужило единственно то соображеніе, что купеческія свидѣтельства облагаются сборомъ на земскія повинности. Но такимъ же образомъ облагаются и свидѣтельства на право производства промысловъ, а между тѣмъ лица, берущія промысловыя свидѣтельства, тѣмъ самымъ не пріобрѣтаютъ избирательныхъ по земству правъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что купеческія свидѣтельства лучше недвижимой собственности охранены отъ чрезмѣрнаго обложенія на земскія нужды, потому что закономъ установлена предѣльная норма этого обложенія, именно 15% съ пошлины, уплачиваемой въ казну. При такихъ условіяхъ, невладѣющіе недвижимымъ имуществомъ купцы не имѣютъ особаго въ земскихъ дѣлахъ интереса и, какъ указываетъ опытъ, относятся вообще крайне равнодушно къ ходу этихъ дѣлъ. Предоставленное имъ право участія въ избирательныхъ съѣздахъ ведетъ только къ злоупотребленіямъ: нерѣдки случаи зачисленія въ гильдіи лицъ неторговаго званія, исключительно съ партійными цѣлями, или же въ видахъ полученія мѣста на земской службѣ. Поэтому проектировано подчинить купцовъ общеустановленному избирательному порядку, т. е. допускать къ участію въ избирательныхъ или предварительныхъ городскихъ съѣздахъ только тѣхъ лицъ изъ купечества, которыя владѣютъ имущественнымъ цензомъ.

Относительно крестьянъ министерскій проектъ наименѣе склоненъ къ нововведеніямъ.

По дѣйствующему положенію, земское представительство сельскихъ обществъ основано на началѣ двухстепенныхъ выборовъ: каждый волостной сходъ назначаетъ изъ своей среды особыхъ выборщиковъ, въ числѣ не свыше трети общаго числа лицъ, имѣющихъ право участвовать въ сходѣ, съ тѣмъ, чтобы отъ каждаго общества, входящаго въ составъ волости, находилось въ средѣ выборщиковъ не менѣе

одного представителя; затѣмъ выборщики нѣсколькихъ волостей образуютъ участковый избирательный съѣздъ и выбираютъ на немъ сообща причитающееся на участокъ число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ. Тѣ же крестьяне, которые внѣ границъ крестьянскаго надѣла пріобрѣли въ собственность участки земли, достигающіе цензовыхъ размѣровъ, кромѣ присутствія на сходахъ и съѣздахъ на общемъ основаніи, участвуютъ еще, лично или чрезъ уполномоченныхъ, въ избирательномъ съѣздѣ землевладѣльцевъ.

Такую организацію крестьянскаго представительства составители проекта находятъ вполнѣ цѣлесообразною, за исключеніемъ послѣдняго правила. По ихъ мнѣнію, его неудобство состоитъ въ томъ, что, съ одной стороны, оно предоставляетъ нѣкоторымъ лицамъ крестьянскаго сословія двойное представительство: въ составѣ избирательныхъ собраній отъ сельскихъ обществъ и на съѣздахъ землевладѣльцевъ, а съ другой стороны—допускаетъ личное, по праву частной собственности, участіе въ земскихъ выборахъ только въ пользу крестьянъ-землевладѣльцевъ, не распространяя такого участія на лицъ крестьянскаго сословія, владѣющихъ другимъ, кромѣ земли, недвижимымъ имуществомъ. Такое ограниченіе еще могло имѣть нѣкоторое основаніе въ 1864 г., когда крестьяне въ рѣдкихъ только случаяхъ оказывались владѣльцами иныхъ, кромѣ земель, недвижимостей; нынѣ же, вслѣдствіе измѣнившихся экономическихъ условій, основаніе это утратило всякое значеніе. Чтобы ввести крестьянское представительство въ строго сословныя границы и предотвратить двойное представительство, министерскій проектъ предлагаетъ сдѣлать лишь слѣдующую поправку въ статьяхъ, относящихся до крестьянскихъ выборовъ земскихъ гласныхъ: крестьяне, владѣющіе въ уѣздѣ или въ одномъ изъ городскихъ поселеній онаго, на правѣ частной собственности, установленнымъ для личнаго участія въ земскихъ выборахъ цензомъ, принимаютъ участіе въ томъ избирательномъ участковомъ собраніи выборщиковъ крестьянскаго сословія, въ районъ дѣйствій коего входитъ волость или общество, къ которому крестьяне

эти приписаны, а лица крестьянскаго сословія, владѣющія недвижимымъ имуществомъ не менѣе одной десятой доли ценза, участвуютъ въ избраніи выборщиковъ на подлежащемъ волостномъ сходѣ.

Проектъ точно опредѣляетъ, что каждый избирательный съѣздъ или сходъ можетъ избирать въ уѣздные земскіе гласные только лицъ, имѣющихъ право участвовать въ томъ съѣздѣ или сходѣ (ст. 45). Такимъ образомъ упрочивается на выборахъ строго сословное начало: дворянскій съѣздъ, состоящій изъ дворянъ потомственныхъ и личныхъ, какимъ бы родомъ недвижимаго имущества они ни владѣли, можетъ избирать въ гласные только лицъ дворянскаго званія, городской съѣздъ—только лицъ городскихъ сословій, крестьянскій сходъ—только крестьянъ.

Основами земскаго представительства служатъ: недвижимая собственность, сословность и политическая правоспособность—не личная, а цѣлыхъ общественныхъ группъ. Отъ взаимодѣйствія всѣхъ этихъ трехъ началъ ожидается существенное исправленіе земскаго дѣла, засореннаго, такъ сказать, чуждыми ему и непригодными для общественной службы элементами.

Недвижимая собственность и *только* она признается самымъ правильнымъ и наиболѣе твердымъ, но не единственнымъ основаніемъ для опредѣленія числа гласныхъ земскихъ собраній отъ различныхъ разрядовъ избирателей. Выражаясь словами составителей разсматриваемаго законопроекта, „въ земствѣ должна быть представлена не собственность сама по себѣ, какъ мертвая ариѳметическая величина, а собственность, одухотворенная воздѣйствіемъ на нее человѣка.“ Важно знать, въ чьихъ рукахъ она находится, насколько владѣльцы той или другой сословной группы проникнуты сознаніемъ общественнаго долга и въ своей совокупности представляютъ среду способную къ завѣдыванію дѣлами общественнаго хозяйства и благоустройства, насколько они политически правоспособны. Съ этой точки зрѣнія является цѣлесообразнымъ: во-первыхъ, усилить дворянскій элементъ въ земствѣ, по соображеніямъ, высказан-

нымъ въ началѣ настоящей главы; во-вторыхъ, предоставить преимущества крупнымъ земельнымъ собственникамъ, въ большинствѣ принадлежащимъ къ старинному родовому дворянству. Преимущества эти, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, могли бы состоять въ томъ, чтобы владѣльцамъ значительныхъ имѣній присвоено было личное, помимо выборовъ, право присутствовать въ земскихъ собраніяхъ наравнѣ съ гласными. Но льготу эту имѣется въ виду допустить только въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣніе находится во владѣніи собственника или рода его не менѣе 10 лѣтъ (срока земской давности), чтобы ограничить примѣненіе ея лицами, имѣющими прочную связь съ мѣстностью.

Осуществленіе предположенной для владѣльцевъ большихъ имѣній льготы министерскій проектъ обусловливаетъ современнымъ состояніемъ крупнаго землевладѣнія въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Онъ не руководствуется однимъ только пространствомъ земли, одною лишь ариѳметическою величиною состоящаго во владѣніи отдѣльныхъ лицъ числа десятинъ, но придаетъ существенное значеніе экономическимъ условіямъ края, характеру мѣстнаго землевладѣнія, и, въ особенности, существующимъ цѣнамъ на земельныя угодья. Въ черноземныхъ губерніяхъ средней полосы Россіи, густо населенныхъ и искони дворянскихъ, преобладающею формою землевладѣнія является средняя и даже мелкая собственность, при чемъ, въ виду высокой цѣнности земли, значеніе крупныхъ собственниковъ имѣютъ тамъ лица, владѣющія участками, далеко не достигающими пространства, на которое полагается по одному земскому гласному отъ избирателей дворянъ (20 земельныхъ цензовъ) или лицъ городскихъ состояній (30 земельныхъ цензовъ). Напротивъ того, для мѣстностей лѣсной и степной полосы, преимущественно же для восточныхъ и сѣверныхъ губерній, разсчетъ этотъ даетъ такія цифры, которыя не могутъ служить мѣриломъ крупной собственности. Такимъ образомъ, еслибы росписаніе пространства земли, дающаго право участвовать въ земскихъ собраніяхъ безъ выборовъ, было основано исключительно на ариѳметическомъ разсчетѣ, положимъ, 30

средне-сложныхъ земельныхъ цензовъ (высшая норма земельнаго пространства, на которое полагается 1 гласный), то послѣдствіемъ такого исчисленія было бы: въ однихъ губерніяхъ—устраненіе отъ пользованія льготою многихъ владѣльцевъ, которымъ она, по справедливости, должна быть предоставлена, а въ другихъ—распространеніе предполагаемой льготы на лицъ, не принадлежащихъ, въ дѣйствительности, къ разряду крупныхъ землевладѣльцевъ. Поэтому признано необходимымъ: принявъ за основаніе разсчета 30 средне-сложныхъ земельныхъ надѣловъ, исправить затѣмъ цифры примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, допустивъ для губерній первой категоріи пониженіе въ предѣлахъ до 50%, а для мѣстностей послѣдняго рода—повышеніе цифръ, не болѣе, однако, чѣмъ на 60%. Такимъ образомъ крупнымъ собственникомъ признается лицо, владѣющее въ губерніи или уѣздѣ землями цѣнностію около *полумилліона* рублей. На этомъ основаніи всѣ 34 губерніи, гдѣ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, распредѣлены на 7 группъ.

Къ *первой* группѣ отнесены губерніи: Курская, Орловская, Полтавская, Рязанская, Тамбовская, Тульская и Черниговская. Наименьшій размѣръ земельнаго владѣнія, представляющаго здѣсь право участія въ земскихъ собраніяхъ безъ выборовъ, опредѣленъ въ 3.500 дес.

Вторую группу составляютъ губерніи: Бессарабская, Воронежская, Московская, Пензенская, Симбирская и Харьковская, съ земельною нормою въ 5.000 дес.

Въ *третью* группу, съ нормою въ 6.000 дес., зачислены губерніи: Екатеринославская, Казанская, Нижегородская, Саратовская, Таврическая и Херсонская.

Въ составъ *четвертой* группы, съ нормою въ 7.000 дес., входятъ нечерноземныя губерніи центральной полосы: Владимірская, Калужская, Костромская, Смоленская и Ярославская.

Пятую группу, съ нормою въ 10.000 дес., составляютъ только двѣ губерніи: Самарская и Уфимская.

Къ *шестой* группѣ, съ нормою въ 12.000 дес., причислены

мѣстности, расположенныя въ сѣверозападной части центральной полосы, именно губерніи: Новгородская, Псковская, С.-Петербургская и Тверская.

Послѣднюю, *седьмую* группу, съ нормою въ 15,000 дес., составляютъ губерніи: Вологодская, Вятская, Олонецкая и Пермская.

Проектируя льготу для крупнаго землевладѣнія, министерство внутреннихъ дѣлъ не имѣло въ данномъ случаѣ въ виду сословныхъ различій. По его мнѣнію, сословное различіе вполнѣ умѣстно, когда идетъ рѣчь объ опредѣленіи порядка исполненія мѣстнымъ населеніемъ возлагаемой на него *повинности* земскаго представительства, ибо доля участія въ немъ различныхъ элементовъ населенія должна быть опредѣлена по соображенію съ подготовленностью ихъ къ этой задачѣ и съ требованіями государственной пользы. Напротивъ того, при осуществленіи мѣры, которая имѣетъ характеръ льготы въ пользу крупной поземельной собственности и единственная цѣль которой состоитъ въ предоставленіи крупнымъ землевладѣльцамъ наибольшихъ удобствъ для защиты ихъ законныхъ интересовъ, сословное различіе явилось бы ничѣмъ не оправдаемою несправедливостью. Съ разсматриваемой точки зрѣнія интересы всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, къ какому бы сословію они ни принадлежали, заслуживаютъ одинаковаго вниманія, а потому и проектируемая льгота должна быть предоставлена имъ на одинаковомъ основаніи, безъ различія сословнаго ихъ положенія. Тѣмъ не менѣе она прямо ведетъ къ усиленію, и очень значительному, дворянскаго элемента въ земствѣ, что̀ видно изъ слѣдующихъ свѣдѣній о числѣ лицъ, которыя, по пространству своихъ земельныхъ владѣній, могутъ пользоваться правомъ личнаго, безъ выборовъ, участія въ земскихъ собраніяхъ.

Число владѣльцевъ:

Губерніи.	Дворянъ.	Городск. сост.	Крестьянъ.	Итого
1. Бессарабская . .	34	9	—	43
2. Владимірская . .	13	9	—	22
3. Вологодская . . .	3	3	—	6
4. Воронежская . . .	39	6	—	45

убернія.	Дворянъ.	Городск. сост.	Крестьянъ.	Итого
Вятская	4	1	—	5
катеринославская	38	5	2	45
Казанская	14	2	—	16
Калужская	5	2	—	7
Костромская . . .	32	16	2	50
Курская	29	2	—	31
Московская . . .	5	4	—	9
Нижегородская .	30	4	1	37 [1]
Новгородская . .	20	16	3	39
Олонецкая	—	2	—	2
Орловская	32	5	—	37
Пензенская . . .	30	3	—	33
Пермская	37	2	—	39
Полтавская . . .	45	3	—	48
Псковская	3	1	—	4
Рязанская	20	9	—	29
Самарская	36	21	4	61
С.-Петербургская .	10	6	1	17
Саратовская . . .	66	13	1	80
Симбирская . . .	40	1	—	41
Смоленская . . .	22	2	—	24
Таврическая . . .	51	15	6	72
Тамбовская . . .	38	14	—	52
Тверская	7	3	—	10
Тульская	15	1	—	16
Уфимская	18	15	—	33
Харьковская . . .	23	3	1	27
Херсонская . . .	51	20	—	71
Черниговская . .	52	11	—	63
Ярославская . . .	9	—	—	9
Всего	871	229	21	1123

Изъ общаго числа крупныхъ землевладѣльцевъ на 871 рянина приходится только 250 лицъ другихъ сословій, чемъ въ одной только Олонецкой губерніи нѣтъ круп- ъ собственниковъ изъ дворянъ и лишь въ одной Воло- кой губерніи дворянская крупная собственность вполнѣ вновѣшивается въ земствѣ такою же собственностью ъ городскихъ состояній. Въ центральной промышленной

[1]) Не имѣется свѣдѣній о сословномъ положеніи двухъ землевла- цевъ Ардатовскаго уѣзда.

области, гдѣ вообще ослабѣло дворянское землевладѣніе, крупная дворянская собственность относится къ такой же собственности лицъ всѣхъ остальныхъ сословій: въ губерніи Московской, какъ 5 : 4, Владимірской, какъ 13 : 9, Костромской, какъ 32 : 16, Тверской, какъ 7 : 3, Нижегородской, какъ 30 : 5 и Ярославской, какъ 9 : 0.

Какое преобладаніе дворянскому элементу, особенно въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, даетъ одна только льгота, предоставленная крупному землевладѣнію, — лучше всего видно изъ слѣдующихъ сравнительныхъ цифровыхъ данныхъ:

Губерніи.	Общее число гласныхъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ.	Число дворянъ, пользующихся правами губернскихъ гласныхъ безъ выборовъ.
1. Бессарабская	46	34
2. Владимірская	57	13
3. Вологодская	32	3
4. Воронежская	78	39
5. Вятская	29	4
6. Екатеринославская	44	38
7. Казанская	45	14
8. Калужская	49	5
9. Костромская	52	32
10. Курская	80	29
11. Московская	80	5
12. Нижегородская	60	30
13. Новгородская	44	20
14. Олонецкая	14	—
15. Орловская	76	32
16. Пензенская	56	30
17. Пермская	41	37
18. Полтавская	85	45
19. Псковская	34	3
20. Рязанская	73	20
21. Самарская	61	36
22. С.-Петербургская	58	10
23. Саратовская	79	66
24. Симбирская	55	40
25. Смоленская	54	22
26. Таврическая	28	51
27. Тамбовская	88	38

Губерніи.	Общее число гласныхъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ.	Число дворянъ, пользующихся правами губернскихъ гласныхъ безъ выборовъ
28. Тверская	74	7
29. Тульская.	60	15
30. Уфимская	36	18
31. Харьковская.	84	23
32. Херсонская	72	51
33. Черниговская	78	52
34. Ярославская.	46	9

Значеніе цифръ послѣдней графы нѣсколько умаляется участіемъ въ земскихъ собраніяхъ безъ выборовъ крупныхъ землевладѣльцевъ и не дворянскаго сословія, но въ большинствѣ мѣстностей, гдѣ существуетъ дворянское представительство, эти цифры служатъ еще недостаточнымъ мѣриломъ усиленія дворянскаго элемента, потому что предполагается ввести въ губернскія земскія собранія всѣхъ уѣздныхъ предводителей дворянства, независимо отъ того, будутъ ли они, или не будутъ избраны въ гласные.

Съ цѣлью усиленія дворянскаго элемента въ уѣздныхъ земствахъ вообще принято за правило, что

а) въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ пространство земельныхъ угодій, принадлежащихъ дворянамъ, превышаетъ общее количество земель, состоящихъ во владѣніи лицъ иныхъ сословій *на правѣ частной собственности*,—число гласныхъ отъ городскихъ состояній и отъ крестьянъ, вмѣстѣ взятое, *не должно превышать числа гласныхъ отъ дворянъ*, за исключеніемъ однако случаевъ необходимости довести составъ уѣзднаго земскаго собранія до того числа гласныхъ (12-ти), которое требуется по закону для производства выборовъ на нѣкоторыя должности [1]);

б) число гласныхъ отъ лицъ городскихъ состояній ни въ какомъ случаѣ не должно превышать числа гласныхъ отъ дворянъ;

---

[1]) На этомъ основаніи допущено отступленіе отъ общаго правила въ уѣздахъ: Мамадышскомъ и Чебоксарскомъ Казанской губ., Камышинскомъ Саратовской губ. и Златоустовскомъ Уфимской губ.

в) назначеніе гласныхъ отъ крестьянъ въ бо̀льшемъ числѣ противъ гласныхъ отъ дворянъ можетъ быть допущено лишь въ случаяхъ исключительныхъ, когда, по принятому порядку исчисленія, количество гласныхъ дворянскаго сословія не можетъ превысить *половины* опредѣляемаго тѣмъ же порядкомъ общаго числа гласныхъ отъ остальныхъ двухъ сословныхъ группъ избирателей и когда назначеніе гласныхъ отъ крестьянъ въ бо̀льшемъ числѣ, нежели гласныхъ отъ дворянъ, оправдывается необходимостью доведенія состава собранія до указаннаго въ п. *а* числа гласныхъ [1]) и

г) когда опредѣленное для уѣзда количество гласныхъ отъ дворянства оказывается менѣе *одной четверти* всѣхъ владѣльцевъ, имѣющихъ непосредственный голосъ на земскомъ избирательномъ съѣздѣ дворянъ, то, въ видахъ привлеченія къ участію въ земскихъ дѣлахъ бо̀льшаго числа лицъ способныхъ, безъ особаго при томъ обремененія для мѣстнаго дворянства, упомянутое количество можетъ быть увеличено до одной *четвертой* части и даже до одной *трети* общаго числа означенныхъ владѣльцевъ.

Чтобы избѣгнуть, однако, многолюднаго состава земскихъ собраній, являющагося, какъ показываетъ опытъ, препятствіемъ къ основательному и спокойному обсужденію дѣлъ, признано необходимымъ отнюдь не увеличивать нынѣ установленное для каждаго уѣзда общее число гласныхъ; такимъ образомъ усиленіе дворянскаго элемента предполагается произвесть прямо на счетъ представительства отъ крестьянъ и въ особенности отъ городскихъ состояній.

Признаны ненормальными послѣдствія, къ которымъ привела и не могла не привести ложная постановка въ бывшей коммисіи объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежде-

---

[1]) Въ такихъ именно условіяхъ, кромѣ поименованныхъ выше уѣздовъ, находятся уѣзды: Царевококшайскій и Цивильскій Казанской губ., Валдайскій Новгородской губ., Краснослободскій Пензенской губ. и Бердянскій Таврической губ.,—всего, слѣдовательно, 9 уѣздовъ изъ 362, въ коихъ введено земское положеніе 1864 года.

ніяхъ основаній для земскаго представительства городскихъ обществъ. Невѣрность ея заключается въ томъ, что она разсчитана на искусственное привлеченіе въ составъ земскихъ избирательныхъ съѣздовъ представителей отъ всякихъ городскихъ поселеній, какъ бы послѣднія ни были сами по себѣ ничтожны. Желаннаго результата, очевидно, возможно было достигнуть только пониженіемъ ценза для горожанъ, сравнительно съ обывателями сельскихъ мѣстностей, и притомъ пониженіемъ бо́льшимъ въ городахъ малонаселенныхъ, чѣмъ въ значительныхъ городскихъ центрахъ. Благодаря этой системѣ, тотъ именно классъ мѣстныхъ обывателей, который уплачиваетъ наименьшую часть земскихъ сборовъ и который не можетъ, конечно, считаться болѣе другихъ мѣстныхъ сословій способнымъ къ добросовѣстному служенію общественнымъ интересамъ, находится въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ относительно участія въ земскомъ представительствѣ. Такая неуравнительность, не вызываемая никакою практическою надобностью, по справедливости должна быть устра́нена въ законѣ и на практикѣ. По мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, основаніемъ къ предоставленію участія въ земскомъ представительствѣ долженъ служить исключительно имущественный цензъ и притомъ цензъ одинаковый для всѣхъ сословій и разрядовъ уѣздныхъ жителей, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ. Соотвѣтственно этому, обыватели каждаго города, каково бы ни было его населеніе, могутъ быть допускаемы въ составъ городскаго избирательнаго съѣзда, если владѣютъ недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ въ 15.000 р. Тѣ же изъ нихъ, за которыми числится недвижимость цѣною отъ 1.500 до 15.000 р., должны участвовать въ предварительномъ съѣздѣ городскихъ состояній для избранія уполномоченныхъ, имѣющихъ затѣмъ присутствовать на *избирательномъ* съѣздѣ; недвижимость цѣною ниже 1.500 р. ни въ какомъ случаѣ никакихъ избирательныхъ правъ въ земствѣ давать не должна. Относительно числа гласныхъ министерскимъ проектомъ предположено назначить для лицъ городскихъ состояній по одному гласному на 30 земельныхъ цен-

зовъ и на 450.000 р. оцѣночной стоимости другихъ, кромѣ земель, недвижимостей, наблюдая притомъ, чтобы въ каждомъ уѣздѣ, гдѣ на этомъ основаніи можетъ быть допущено земское отъ городскихъ сословій представительство, было не менѣе *двухъ* гласныхъ отъ этихъ сословій. Такимъ образомъ въ земскомъ собраніи явятся не представители городскихъ обществъ или поселеній и даже не горожанъ, а представители собственниковъ изъ среды лицъ городскихъ состояній. Доля участія городскаго населенія въ земскомъ представительствѣ неизбѣжно должна сократиться и многіе города, выставляющіе теперь болѣе или менѣе значительное число избирателей для непосредственнаго участія въ выборѣ земскихъ гласныхъ, будутъ впредь участвовать, чрезъ посредство своихъ гражданъ, только въ предварительныхъ съѣздахъ для избранія уполномоченныхъ. Между тѣмъ каждый городъ самъ по себѣ представляетъ крупную хозяйственную единицу, и интересы городскихъ обществъ требуютъ защиты въ земскихъ собраніяхъ, какъ потому, что они оказываются нерѣдко въ рѣзкомъ противоположеніи съ интересами уѣздныхъ владѣльцевъ, такъ и потому, что большинство городскихъ поселеній, въ качествѣ юридическихъ лицъ, владѣютъ обширными земельными угодьями и другими недвижимыми имуществами значительной цѣнности. Если различнымъ вѣдомствамъ (духовному, государственныхъ имуществъ и удѣловъ), частнымъ товариществамъ и компаніямъ и даже отдѣльнымъ крупнымъ землевладѣльцамъ, а въ губерніяхъ Вятской, Пермской и Уфимской еще и владѣльцамъ значительныхъ по пространству горнозаводскихъ имѣній и поссессіонныхъ горнозаводскихъ дачъ предоставлено право защиты въ земскихъ собраніяхъ своихъ интересовъ лично или чрезъ особыхъ повѣренныхъ, то нѣтъ основанія отказывать въ такомъ же правѣ владѣющимъ недвижимостями значительной цѣнности городскимъ обществамъ; поэтому предположено предоставить каждому городу или посаду, въ которомъ введено городовое положеніе 16 іюня 1870 г., посылать *одного* депутата въ мѣстное уѣздное зем-

ское собраніе, съ тѣмъ, чтобы лица эти были избираемы подлежащими городскими думами на трехлѣтній срокъ.

Таково, въ главнѣйшихъ чертахъ, предположенное преобразованіе земскаго представительства и состава земскихъ собраній, куда, кромѣ гласныхъ, входятъ представители трехъ вѣдомствъ, депутаты отъ городовъ уѣзда и крупные землевладѣльцы. Въ отличіе отъ гласныхъ всѣ остальныя лица названы общимъ именемъ *членовъ* собранія. На самомъ дѣлѣ особенно существенно различіе между выборными гласными и частными собственниками, пользующимися, безъ выборовъ, непосредственнымъ голосомъ въ земскихъ собраніяхъ. Для первыхъ участіе въ дѣлахъ земства составляетъ *повинность*, для послѣднихъ же оно является *правомъ*.

Министерскій проектъ такъ опредѣляетъ политическое значеніе гласныхъ:

„Съ предполагаемымъ измѣненіемъ системы земскаго представительства, долженъ измѣниться и самый характеръ дѣятельности земскихъ гласныхъ. При существующей организаціи земскихъ учрежденій, построенныхъ на началѣ отдѣленія интересовъ народа отъ интересовъ правительства, причемъ гласные земскихъ собраній призываются къ охраненію интересовъ избравшаго ихъ населенія, участіе въ земскомъ представительствѣ является какъ бы *политическимъ правомъ*, такъ сказать *прерогативою* извѣстныхъ категорій мѣстныхъ обывателей. Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ законодательство предоставляетъ усмотрѣнію сихъ лицъ пользоваться означеннымъ правомъ или уклоняться отъ осуществленія онаго, дозволяетъ имъ отказываться отъ званія гласнаго и относиться безразлично къ непосѣщенію гласными земскихъ собраній. Съ признаніемъ же земскаго дѣла—дѣломъ государственнымъ, обязанности гласныхъ пріобрѣтаютъ значеніе служенія государству, характеръ *повинности*, исполненіе коей должно считаться обязательнымъ для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя общественнымъ довѣріемъ будутъ призваны въ составъ собраній [1]). Если правительство, прини-

[1]) По проекту новаго земскаго положенія, могутъ отказаться отъ званія гласнаго только лица, достигшія *шестидесятилѣтняго* возраста,

мая въ свое завѣдываніе земское хозяйство, какъ отдѣльную лишь отрасль общаго государственнаго хозяйства, считаетъ полезнымъ привлечь къ совмѣстному съ органами администраціи участію въ этомъ важномъ дѣлѣ представителей сословныхъ группъ мѣстнаго населенія, то, очевидно, не можетъ быть и рѣчи о факультативномъ примѣненіи подобнаго участія, какъ *права* населенія. Понятіе о такомъ правѣ умѣстно въ области отношеній частныхъ, гражданскихъ; въ сферѣ же государственной дѣятельности, всякое право налагаетъ соотвѣтственную обязанность на лицъ, коимъ оно предоставлено. Посему и земское представительство, при проектируемой новой постановкѣ всего земскаго дѣла, слѣдуетъ признать *не только правомъ*, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и *обязанностію* мѣстнаго населенія, добросовѣстное исполненіе коей должно быть обезпечено, въ случаѣ надобности, карательными постановленіями [1]). Наконецъ, нельзя не замѣтить, что приведенный выше взглядъ на дѣятельность гласныхъ вполнѣ согласуется съ исторически выработавшимся въ нашемъ отечествѣ воззрѣніемъ, на основаніи котораго *служеніе государству и обществу выборныхъ лицъ всегда почиталось у насъ повинностью*. Начало это, строго соблюдавшееся въ древней Руси, сохранилось и въ дѣйствующемъ законодательствѣ, которое воспрещаетъ лицамъ, избраннымъ городскимъ

или исполнявшія уже, въ теченіе не менѣе *двухъ трехлѣтій*, обязанности земскихъ гласныхъ, или состоящія гласными земскаго собранія въ другой губерніи или другомъ уѣздѣ и тѣ изъ состоящихъ на государственной службѣ лица, которыя занимаютъ должности, указанныя въ особомъ спискѣ, составляемомъ на этотъ предметъ въ каждомъ вѣдомствѣ и представляемомъ, чрезъ Комитетъ Министровъ, на Высочайшее утвержденіе (ст. 57).

[1]) Гласный, неявившійся въ земское собраніе безъ уважительныхъ причинъ, можетъ быть подвергнуть, по постановленію собранія, установленнымъ порядкомъ утвержденному: въ первый разъ—замѣчанію, во второй разъ—денежному взысканію отъ 10 до 100 р., а въ третій и послѣдующій затѣмъ разъ, сверхъ того же денежнаго взысканія,—исключенію изъ состава гласныхъ и членовъ земскаго собранія на все время, остающееся до окончанія срока, на который онъ былъ избранъ (ст. 117).

или сельскимъ обществомъ, отказываться, безъ законныхъ причинъ, отъ принятія должности и установляетъ извѣстныя взысканія за такой отказъ“.

ГЛАВА V.

Исполнительные органы и кругъ дѣятельности земствъ.

Признавъ земское дѣло государственнымъ, въ которомъ рѣшающій голосъ долженъ принадлежать правительству, поставивъ себѣ задачею устранить обособленность земскихъ учрежденій и ввести ихъ въ общую систему государственнаго управленія, министерскій проектъ, съ этою цѣлью, придалъ земскому представительству характеръ *повинности* и не допускаетъ примѣненія выборнаго начала къ замѣщенію должностей въ составѣ земскихъ исполнительныхъ органовъ. Подчиненіе выборныхъ органовъ непосредственному надзору и руководству правительства министерство внутреннихъ дѣлъ считаетъ задачею, неразрѣшимою на практикѣ, потому что какія бы мѣры ни были приняты по отношенію къ выборнымъ земскимъ управамъ, онѣ всегда оставались бы учрежденіями частными, а не правительственными, и руководились бы въ своей дѣятельности исключительно волею земскихъ собраній. Въ виду этого, предположено замѣнить губернскія и уѣздныя земскія управы особыми правительственными установленіями подъ наименованіемъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ присутствій. Правительству принадлежитъ назначеніе предсѣдателей и членовъ этихъ присутствій „изъ числа лучшихъ и пользующихся довѣріемъ населенія мѣстныхъ дѣятелей“. Такимъ образомъ, въ основаніе новой системы назначенія должностныхъ лицъ, въ составѣ исполнительныхъ земскихъ органовъ, имѣется въ виду положить два начала: назначеніе правительственною властью и, въ извѣстной мѣрѣ, такую рекомендацію мѣстными сословіями, на которую правительство „можетъ положиться“.

Наиболѣе правильнымъ и удобнымъ примѣненіемъ начала рекомендаціи кандидатовъ могло бы казаться избраніе должностныхъ лицъ на *трехлѣтній* срокъ изъ числа гласныхъ земскаго собранія. При такомъ порядкѣ, мѣстные жители, недовольные дѣятельностью предсѣдателя или члена присутствія, имѣли бы возможность, забаллотировавъ его на слѣдующихъ выборахъ въ уѣздные земскіе гласные, тѣмъ самымъ устранить потерявшее довѣріе избирателей лицо отъ дальнѣйшаго служенія въ земствѣ. Признавая въ этой формѣ проявляемый контроль населенія не лишеннымъ „полезнаго значенія", министерство внутреннихъ дѣлъ не находитъ, однако, возможнымъ присвоивать рекомендаціи путемъ земскихъ выборовъ въ гласные „безусловно обязательный характеръ". Оно полагаетъ, что примѣненіе начала рекомендаціи сословіями къ высшимъ должностямъ въ составѣ присутствій, именно къ ихъ предсѣдателямъ, слѣдуетъ ограничить мѣстностями, имѣющими дворянское представительство, но и въ такихъ мѣстностяхъ правительство не можетъ быть лишено права назначать на упомянутыя должности членовъ земскаго собранія изъ числа крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, пользующихся голосомъ безъ выборовъ, если они изъявятъ на то свое согласіе.

Министерство не находитъ препятствій и къ назначенію уѣздныхъ предводителей дворянства, тоже съ ихъ согласія, на должности предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ присутствій, хотя и не отрицаетъ нѣкоторыхъ неудобствъ подобнаго назначенія [1]). Въ мѣстностяхъ съ дворянскимъ представительствомъ постановлено за правило назначать

---

[1]) Въ числѣ этихъ неудобствъ, повидимому, не усматривается неудобство смѣшенія принципа дворянскаго служенія по выборамъ — безвозмезднаго, „изъ чести", — съ принципомъ вознагражденія за трудъ, между тѣмъ недавній судъ надъ касимовскимъ предводителемъ дворянства Алѣевымъ, который одновременно занималъ и платную должность предсѣдателя мѣстной земской управы, показываетъ, что смѣшеніе этихъ принциповъ представляетъ серьезную опасность, увлекая представителей дворянства на ложный путь.

предсѣдателя и членовъ губернскаго присутствія по соглашенію губернатора съ губернскимъ предводителемъ дворянства, предсѣдателей уѣздныхъ присутствій—по соглашенію губернатора съ губернскимъ и подлежащимъ уѣзднымъ предводителями, а членовъ уѣздныхъ земскихъ присутствій—по соглашенію губернатора съ мѣстнымъ уѣзднымъ предводителемъ; въ такихъ мѣстностяхъ предположено назначеніе на должности предсѣдателей уѣздныхъ присутствій ограничить кругомъ лицъ дворянскаго званія изъ числа гласныхъ или членовъ мѣстнаго уѣзднаго земскаго собранія, а членовъ губернскихъ присутствій назначать изъ среды губернскихъ гласныхъ или членовъ губернскаго земскаго собранія, т. е. безъ выборовъ присутствующихъ въ собраніи крупныхъ землевладѣльцевъ, пользующихся, по своему происхожденію или образованію, правами государственной службы; что же касается членовъ уѣздныхъ присутствій, то, въ виду невысокаго ихъ служебнаго положенія и того обстоятельства, что и нынѣшніе члены уѣздныхъ земскихъ управъ изъ мѣщанъ и крестьянъ нерѣдко исполняютъ возлагаемыя на нихъ служебныя обязанности вполнѣ удовлетворительно, можно было бы допустить замѣщеніе упомянутыхъ должностей исключительно гласными подлежащихъ земскихъ собраній, въ томъ числѣ и такими лицами, которыя не имѣютъ правъ государственной службы. Но тамъ гдѣ правительство лишено возможности опереться въ своемъ выборѣ на организованный классъ служилыхъ людей, въ лицѣ его представителей — предводителей дворянства, оно по необходимости должно принять на себя безраздѣльно назначеніе личнаго состава исполнительныхъ органовъ земства и не можетъ ставить опредѣленіе къ должностямъ начальниковъ, т. е. предсѣдателей присутствій, равно и продолженіе ими служебной дѣятельности въ зависимость отъ случайностей земскихъ выборовъ, производящихся безъ всякаго участія или при весьма слабомъ участіи наиболѣе образованнаго и проникнутаго у насъ сознаніемъ общественнаго долга сословія—помѣстнаго дворянства. Въ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ дворянства, какъ сословія, а имѣются, и притомъ въ

нѣкоторыхъ только уѣздахъ, единичные собственники, пользующіеся правами высшаго состоянія, правительство не можетъ питать увѣренности, что въ каждомъ избираемомъ сосоставѣ гласныхъ окажутся лица способныя и достойныя занять должности предсѣдателей мѣстныхъ земскихъ присутствій. Въ такихъ мѣстностяхъ должность предсѣдателя уѣзднаго присутствія предполагается соединить съ должностью предсѣдателя уѣзднаго съѣзда земскихъ начальниковъ, учреждаемыхъ по особому проекту преобразованія мѣстнаго управленія, внесенному въ Государственный Совѣтъ еще въ началѣ прошлаго года, а должность предсѣдателя губернскаго земскаго присутствія замѣщается *безсрочно* и *преимущественно* изъ числа лицъ, прослужившихъ не менѣе трехъ лѣтъ въ одной изъ слѣдующихъ должностей: непремѣннаго члена присутствія по крестьянскимъ (или по сельскимъ) дѣламъ, предсѣдателя уѣзднаго земскаго присутствія и съѣзда земскихъ начальниковъ, земскаго начальника, члена губернскаго земскаго присутствія, предсѣдателя бывшей губернской или уѣздной земской управы и члена губернской управы. Члены уѣзднаго земскаго присутствія назначаются губернаторомъ, *на три года*, изъ числа гласныхъ подлежащаго земскаго собранія, а члены губернскаго земскаго присутствія—министромъ внутреннихъ дѣлъ, по представленію губернатора, тоже на три года, изъ среды гласныхъ или членовъ губернскаго земскаго собранія.

По проекту, предсѣдатели губернскихъ земскихъ присутствій повсемѣстно сосредоточиваютъ въ своемъ вѣдѣніи направленіе важнѣйшихъ земскихъ дѣлъ и дѣятельность губернскихъ присутствій по надзору за всѣми земскими исполнительными органами въ губерніи; они являются непосредственными руководителями и отвѣтственными распорядителями мѣстнаго хозяйственнаго управленія. Въ виду такого первенствующаго положенія въ земствѣ предсѣдателей губернскихъ присутствій и выдающагося значенія возлагаемыхъ на нихъ обязанностей, признано правильнымъ установить, чтобы лица эти утверждались въ должностяхъ (гдѣ есть дворянское представительство) или назначались (въ гу-

берніяхъ, гдѣ нѣтъ дворянскаго представительства) Высочайшею властью, по всеподданнѣйшимъ докладамъ министра внутреннихъ дѣлъ. Члены губернскихъ и предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ присутствій подлежатъ утвержденію министра внутреннихъ дѣлъ.

Что касается служебныхъ преимуществъ учреждаемыхъ по мѣстному хозяйственному управленію должностей, то, по соображеніи классовъ и разрядовъ, присвоенныхъ нынѣ различнымъ должностямъ въ составѣ административныхъ установленій губерніи и уѣзда, признано соотвѣтственнымъ отнести:

	По должности и шитью на мундиръ.	*По пенсіи.*
Предсѣдателей губернскихъ присутствій	къ V классу и разр.	къ 1 ст. III разр.
Членовъ губернскаго и предсѣдателей уѣзднаго присутствій.	„ VI „ „	„ 2 ст. III „
Членовъ уѣзднаго земскаго присутствія	„ VII „ „	„ IV разря

Для опредѣленія окладовъ содержанія, приняты въ соображеніе земскія смѣты на 1887 годъ. Изъ означенныхъ смѣтъ видно, что вознагражденіе предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ колеблется между 2.500 и 6.000 р. въ годъ, члену губернской управы производится жалованья отъ 1.500 до 3.000 руб., предсѣдателю уѣздной земской управы—отъ 300 до 4.000 р. и члену уѣздной управы—отъ 175 р. до 2.000 р. въ годъ. Средніе же размѣры денежнаго довольствія этихъ лицъ, выведенные посредствомъ раздѣленія итоговъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе каждаго изъ указанныхъ четырехъ разрядовъ выборныхъ чиновъ земства, на общее число должностей соотвѣтствующаго разряда, составляютъ: для предсѣдателей губернскихъ управъ 3.479 р., для членовъ этихъ управъ 2.097 р., для предсѣдателей уѣздныхъ управъ 1.639 р. и для ихъ членовъ 908 р. въ годъ. Первая и вторая изъ этихъ цифръ, съ округленіемъ до 3.500 р. и 2.000 р., приняты въ проектированномъ росписаніи должностей для предсѣдателя и члена губернскаго присутствія; цифры же третью

и четвертую признано справедливымъ увеличить до 2.000 р.[1]) и 1.000 р., въ виду возлагаемыхъ на предсѣдателя уѣзднаго присутствія отвѣтственныхъ обязанностей и предполагаемаго въ бóльшей части уѣздовъ сокращенія нынѣшняго числа членовъ уѣздныхъ исполнительныхъ органовъ, послѣдствіемъ чего окажется увеличеніе дѣятельности каждаго изъ этихъ членовъ.

Составъ нынѣшнихъ земскихъ управъ, на основаніи дѣйствующаго закона, допускается въ числѣ отъ *двухъ* до *шести* членовъ, кромѣ предсѣдателя. Высшая предѣльная норма оказывается чрезмѣрно высокою. Не смотря на далеко небережливое распоряженіе земскими средствами, нѣтъ ни одной земской управы, гдѣ бы состояло въ настоящее время 6 членовъ, получающихъ содержаніе. Хотя въ Дмитріевской (Курской губ.) и Данковской (Рязанской губ.) уѣздныхъ управахъ и числится по шести членовъ, но въ каждой изъ нихъ получаютъ содержаніе только двое. Опытъ указываетъ, что нормальнымъ составомъ слѣдуетъ признать *двухъ* членовъ для уѣзднаго и *трехъ*—для губернскаго земскаго исполнительнаго органа. Но, установляя эти цифры, нельзя не предвидѣть, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онѣ могутъ оказаться недостаточными, а потому признано необходимымъ въ исключительныхъ случаяхъ допускать превышеніе нормы, не иначе, однако, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. При нормальномъ составѣ будетъ требоваться на содержаніе:

34 предсѣдателей губернскихъ присутствій . .	119.000 р.
102 членовъ „ „ . .	204.000 „
362 предсѣдателей уѣздныхъ присутствій . .	724.000 „
724 членовъ „ „ . .	724.000 „
Всего . .	1.771.000 р.

[1]) Окладъ этотъ предположенъ для предсѣдателей присутствій въ уѣздахъ, имѣющихъ уѣздное дворянское представительство, такъ какъ въ остальныхъ уѣздахъ должность предсѣдателя уѣзднаго присутствія соединяется съ должностью предсѣдателя съѣзда земскихъ начальниковъ, которому назначается содержаніе въ размѣрѣ 2.500 р. въ годъ.

Значительно сократятся также и расходы на содержаніе другихъ лицъ. Нынѣ законъ предоставляетъ земскимъ собраніямъ назначать изъ своей среды по выборамъ особыхъ уполномоченныхъ, на которыхъ могутъ быть возлагаемы *постоянныя* обязанности по управленію принадлежащими земству недвижимыми имуществами и разными заведеніями и учрежденіями. Такой порядокъ составляетъ логическое послѣдствіе принятой нынѣ выборной системы замѣщенія всѣхъ должностей по земству и подчиненія его исполнительныхъ органовъ однимъ лишь земскимъ собраніямъ, какъ самостоятельнымъ распорядителямъ въ дѣлѣ мѣстнаго хозяйства. Но при новой постановкѣ земскаго дѣла, превращающей исполнительные земскіе органы въ учрежденія правительственныя, личный составъ которыхъ назначается правительственною властью и дѣйствуетъ подъ непосредственнымъ надзоромъ губернатора, избраніе особыхъ лицъ для исполненія такихъ постоянныхъ обязанностей, которыя входятъ въ кругъ непосредственнаго вѣдомства присутствій, очевидно, не можетъ быть допущено. Потребность въ услугахъ смотрителей больницъ, экономовъ и т. п., разумѣется, будетъ существовать и впредь, но присутствіе (никакъ не земское собраніе) можетъ приглашать постороннихъ лицъ для постоянныхъ занятій или для исполненія временныхъ порученій не иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора. Вопросъ о томъ, какія должности медиковъ, техниковъ и иныхъ второстепенныхъ агентовъ земства должны быть сохранены и какія могутъ быть упразднены, съ возложеніемъ соотвѣтственныхъ обязанностей на спеціалистовъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ общей администраціи, требуетъ внимательнаго и всесторонняго соображенія, въ звязи съ точными и подробными свѣдѣніями о размѣрахъ и условіяхъ дѣятельности подвѣдомственныхъ земствамъ учрежденій. Такихъ свѣдѣній практика земскихъ управъ не можетъ дать, ибо они, по удостовѣренію министерства внутреннихъ дѣлъ, „при образованіи упомянутыхъ учрежденій и дальнѣйшемъ направленіи ихъ дѣйствій, руководствуются нерѣдко побужденіями, не имѣющими ничего общаго съ заботами объ удовлетворе-

нія дѣйствительныхъ, а не предполагаемыхъ только, подъ вліяніемъ различныхъ тенденціозныхъ теорій, потребностей мѣстнаго населенія" и не соразмѣряютъ съ платежными средствами послѣдняго необходимыхъ на то матеріальныхъ жертвъ. Удовлетворительно разрѣшить поставленный вопросъ можно лишь въ будущемъ, когда совмѣстный трудъ органовъ администраціи и земства выяснитъ дѣло, покуда же осторожность требуетъ не касаться личнаго состава второстепенныхъ агентовъ по мѣстному хозяйственному управленію.

Сдѣлана важная редакціонная поправка къ ст. 53 дѣйствующаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Въ статьѣ этой выражено, что въ губернскомъ земскомъ собраніи, „въ тѣхъ случаяхъ, когда Государю Императору не угодно будетъ назначить для предсѣдательствованія въ ономъ особое лицо", предсѣдательствуетъ губернскій предводитель дворянства. Въ такой редакціи приведенное постановленіе представляетъ весьма существенныя неудобства. Оно указываетъ на первомъ мѣстѣ и какъ бы въ видѣ общаго правила мѣру, примѣнявшуюся крайне рѣдко. Не подлежитъ сомнѣнію, что если Его Величеству благоугодно будетъ устранить того или другаго губернскаго предводителя дворянства отъ предсѣдательствованія въ губернскомъ земскомъ собраніи, то распоряженіе о томъ можетъ послѣдовать въ формѣ сепаратнаго Высочайшаго повелѣнія. Между тѣмъ указаніе на такое устраненіе, въ приведенной выше формѣ, въ законодательномъ актѣ, получившемъ широкое распространеніе во всѣхъ слояхъ общества, бросаетъ тѣнь, ничѣмъ не заслуженную, на самую почетную въ губерніи должность, потому что можетъ быть истолковано въ смыслѣ принципіальнаго или предвзятаго недовѣрія правительства къ губернскимъ предводителямъ дворянства. Подобное, несомнѣнно ошибочное, толкованіе находитъ себѣ, повидимому, почву и въ сопоставленіи ст. 53 съ 43-ю статьею, въ которой безъ всякихъ оговорокъ постановлено, что „въ уѣздномъ земскомъ собраніи предсѣдательствуетъ уѣздный предводитель дворянства". Министерство внутреннихъ дѣлъ находитъ необ-

ходимымъ постановить также безъ оговорокъ, что „въ губернскомъ земскомъ собраніи предсѣдательствуетъ губернскій предводитель дворянства“.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ не производятся дворянскіе выборы, было бы затруднительно пріискать незанятыхъ службою людей, на столько пользующихся общимъ уваженіемъ и пріобрѣвшихъ необходимую дѣловую опытность, чтобы имъ можно было поручить предсѣдательствованіе въ земскихъ собраніяхъ. Такихъ людей вообще немного въ упомянутыхъ мѣстностяхъ и наиболѣе достойными изъ нихъ, безъ сомнѣнія, будутъ замѣщены должности предсѣдателей съѣздовъ земскихъ начальниковъ, а съ этими должностями, по проекту земскаго положенія, имѣется въ виду соединить должности предсѣдателей мѣстныхъ земскихъ присутствій. Поэтому наиболѣе цѣлесообразнымъ казалось бы постановить, что въ мѣстностяхъ, гдѣ не производятся дворянскіе выборы, предсѣдательствованіе въ губернскомъ и уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ возлагается на предсѣдателей губернскаго и уѣздныхъ земскихъ присутствій.

Земскія собранія и ихъ постановленія, по новому проекту, совершенно теряютъ тотъ характеръ независимости отъ правительственной власти и обособленной самостоятельности, который присвоенъ имъ дѣйствующимъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ.

Дѣятельности администраціи предоставленъ широкій просторъ. *Всѣ постановленія* земскихъ собраній подчиняются единообразному порядку, состоящему въ томъ, что они входятъ въ законную силу, т. е. становятся обязательными, лишь въ случаѣ утвержденія ихъ, смотря по роду дѣлъ, властью министра или губернатора. Исполненію можетъ подлежать только такое постановленіе, по которому послѣдовала утвердительная резолюція начальника центральнаго или мѣстнаго управленія, по принадлежности. Чтобы устранить всякія сомнѣнія на практикѣ, предположено постановить, что подобныя резолюціи отмѣчаются на представленныхъ губернатору спискахъ (копіяхъ) постановленій собраній и сообщаются подлежащему земскому присутствію въ

установленномъ порядкѣ сношеній. Если губернаторъ не признаетъ возможнымъ утвердить постановленіе уѣзднаго собранія, то передаетъ его на разсмотрѣніе собранія губернскаго; точно также губернаторъ поступаетъ и съ постановленіями этого послѣдняго собранія, съ которыми онъ не согласенъ. Если губернское собраніе уже закрыто или губернаторъ не согласится съ его вторичнымъ постановленіемъ, то дѣло представляется на разрѣшеніе министру внутреннихъ дѣлъ. Министру предоставлено разрѣшать собственною властью всѣ подобныя разномыслія, кромѣ нѣкоторыхъ, возникающихъ по вопросамъ объ увеличеніи земскихъ расходовъ, т. е. когда этого увеличенія требуетъ губернаторъ. Въ такихъ случаяхъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, если признаетъ предположенія губернатора заслуживающими уваженія, вноситъ на разсмотрѣніе Комитета Министровъ тѣ отдѣлы земскихъ смѣтъ, по которымъ проектировано увеличеніе расходовъ, сравнительно съ предъидущимъ годомъ, а впредь до разрѣшенія дѣйствуютъ земскія смѣты и раскладки предшествующаго смѣтнаго періода. Никакими сроками для утвержденія постановленій земскихъ собраній, ни губернаторъ, ни министръ не стѣснены, такъ какъ „ни одинъ губернаторъ не рѣшится затянуть на долгій срокъ“ своихъ представленій министру внутреннихъ дѣлъ, а послѣдній пользуется правомъ безусловнаго veto относительно опредѣленій, съ которыми онъ не признаетъ возможнымъ согласиться. Губернатору предоставляется право, въ случаяхъ чрезвычайной важности, когда является необходимость въ принятіи хозяйственныхъ мѣръ, не терпящихъ отлагательства (напр. во время народныхъ бѣдствій, прохожденія по губерніи значительнаго числа войскъ и т. п.), не ожидая созванія земскихъ собраній, подъ своею личною отвѣтственностію, предписывать присутствіямъ произвести потребные расходы изъ мѣстныхъ средствъ. Ему же предоставляется предлагать на обсужденіе подлежащаго земскаго собранія предположенія о мѣрахъ, клонящихся къ улучшенію экономическаго положенія всей губерніи или отдѣльныхъ въ ней мѣстностей, равно какъ заключенія свои по

всѣмъ вообще предметамъ вѣдомства собранія. Ходатайства земскихъ собраній передъ правительствомъ о мѣстныхъ хозяйственныхъ пользахъ и нуждахъ направляются къ губернатору и уже съ его заключеніемъ представляются по принадлежности.

Предположено важное нововведеніе въ обжалованіи постановленій земства *частными* лицами.

По этому предмету въ дѣйствующемъ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ находится крайне неопредѣленное указаніе: „земское собраніе, говорится въ ст. 83, приступаетъ къ обсужденію подвѣдомственныхъ ему дѣлъ, между прочимъ, по жалобамъ частныхъ лицъ". Указаніе это разъяснено Сенатомъ въ томъ смыслѣ, что такъ какъ земскія учрежденія, въ кругѣ ввѣренныхъ имъ дѣлъ, дѣйствуютъ самостоятельно, то существующими узаконеніями не только не установленъ инстанціонный порядокъ обжалованія опредѣленій земскихъ собраній, но и самое право на такое обжалованіе, со стороны частныхъ лицъ, нигдѣ въ законѣ не допущено [1]). Правительствующій Сенатъ вообще не считаетъ себя призваннымъ провѣрять распоряженія земскихъ органовъ по существу [2]). Между тѣмъ именно по существу вопросовъ возникаютъ главнѣйшія столкновенія между земскими и частными интересами. Сюда относятся, напримѣръ, всѣ тѣ часто встрѣчающіеся на практикѣ случаи, когда чрезмѣрное обложеніе имуществъ земскими сборами зависитъ отъ неправильной ихъ оцѣнки. Такъ какъ установленіе подробностей раскладки и самыхъ нормъ для опредѣленія цѣнности и доходности имуществъ, подлежащихъ обложенію, предоставлено всецѣло вѣдѣнію земскихъ собраній [3]), то владѣльцамъ, собственность которыхъ оцѣнена слишкомъ высоко и которые узнаютъ о такой оцѣнкѣ обыкновенно лишь по полученіи окладныхъ листовъ, т. е. когда постановленіе собранія, нарушившее ихъ интересы, вступило уже въ за-

---

[1]) Цирк. мин. внутр. дѣлъ 13 апр. 1867 г., № 81 и рѣшеніе Общ. Собр. Прав. Сен. 6 окт. 1872 г., № 588.

[2]) Тамъ же и ук. Прав. Сен. 20 дек. 1873 г.

[3]) Ук. Прав. Сен. 2 янв. 1873 г., № 5.

конную силу и не можетъ быть опротестовано губернаторомъ, остается только жаловаться земскому собранію и просить о переоцѣнкѣ ихъ имуществъ. Опытъ указываетъ однако, что такимъ путемъ почти никогда нельзя достигнуть возстановленія нарушенной справедливости, ибо въ подобныхъ случаяхъ земскія собранія являются судьями въ собственномъ дѣлѣ и притомъ судьями безапелляціонными. Такимъ образомъ, благодаря отсутствію прямыхъ и точныхъ указаній въ законѣ, земскія собранія пріобрѣли для плательщиковъ земскихъ сборовъ значеніе власти, на которую нѣтъ ни суда, ни расправы. Въ устраненіе такой несообразности на будущее время предполагается постановить, что опредѣленія земскихъ собраній, утвержденныя губернаторомъ, могутъ быть обжалованы министру внутреннихъ дѣлъ, который, если признаетъ такую жалобу заслуживающею уваженія, сообщаетъ губернатору о пересмотрѣ постановленія въ земскомъ собраніи. Если же собраніе не согласится измѣнить обжалованное опредѣленіе, то возникающее разномысліе подлежитъ разрѣшенію министра внутреннихъ дѣлъ на общемъ основаніи. Распоряженія же министра подлежатъ, со стороны частныхъ лицъ, обжалованію въ первый департаментъ Сената.

Здѣсь кстати привести взглядъ министерства внутреннихъ дѣлъ на принятіе на себя земскими гласными, избранными изъ числа присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ, владѣющихъ недвижимымъ имуществомъ (преимущественно въ городахъ), ходатайствъ по судебнымъ дѣламъ противъ своего земства. Лица эти, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, не стѣсняются злоупотреблять своимъ положеніемъ въ земствѣ для полученія свѣдѣній, которыми затѣмъ пользуются въ интересахъ своихъ довѣрителей и въ прямой ущербъ земству. Независимо отъ неблаговиднаго характера такихъ поступковъ, министерство внутреннихъ дѣлъ находитъ, что поступки эти обнаруживаютъ въ лицахъ, не считающихъ ихъ для себя предосудительными, такое отсутствіе пониманія самыхъ основаній и истиннаго значенія обязанностей земскаго гласнаго, призываемаго къ защитѣ интересовъ *земства*,

что дальнѣйшее пребываніе подобныхъ ходатаевъ въ составѣ земскаго собранія не можетъ быть признано полезнымъ, ни даже умѣстнымъ. Поэтому въ проектѣ постановлено, что гласный, принявшій на себя веденіе судебнаго дѣла противъ своего земства, исключается изъ числа гласныхъ подлежащаго земскаго собранія (ст. 58).

Особое вниманіе обращено составителями проекта на порядокъ установленія новыхъ земскихъ сборовъ.

По основнымъ началамъ нашего законодательства, установленіе, измѣненіе и отмѣна обязательныхъ для всѣхъ классовъ мѣстнаго населенія денежныхъ сборовъ и налоговъ зависитъ исключительно отъ верховной власти. Въ до-реформенную эпоху начало это проведено было съ неуклонною послѣдовательностью относительно всякаго рода повинностей, какъ обще-государственныхъ, такъ и мѣстныхъ. Соотвѣтственно этому, смѣты денежнымъ сборамъ на земскія повинности составлялись министромъ финансовъ на каждое трехлѣтіе и, по разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ, представлялись на утвержденіе Государя Императора. Такой порядокъ примѣняется и теперь къ мѣстностямъ, гдѣ не введены земскія учрежденія.

Первое отступленіе отъ указаннаго основнаго принципа въ дѣлѣ мѣстнаго обложенія было допущено при осуществленіи земской реформы. Положеніемъ 1-го января 1864 года и изданными, одновременно съ этимъ положеніемъ, временными правилами о земскихъ повинностяхъ, народномъ продовольствіи и общественномъ призрѣніи, новымъ земскимъ учрежденіямъ предоставлено было назначать дополнительные, ко взимавшимся до того времени на губернскія и уѣздныя потребности, сборы съ земель, фабрикъ, заводовъ, промышленныхъ и торговыхъ заведеній и вообще съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ и уѣздахъ, а также съ свидѣтельствъ на право торговли [1]). Затѣмъ, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановленіе это было измѣнено въ томъ смыслѣ, что земскимъ собраніямъ при-

[1]) П. С. З. № 40.458, ст. 9.

надлежитъ право установлять денежные на нужды земства сборы съ слѣдующихъ предметовъ: а) съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ и уѣздахъ, какъ то: съ земель, жилыхъ домовъ, фабричныхъ, заводскихъ и торговыхъ помѣщеній и вообще всякаго рода зданій и сооруженій, и б) съ свидѣтельствъ на право торговли и промысловъ, билетовъ на торговыя и промышленныя заведенія и съ патентовъ на винокуренные заводы и на заведенія для продажи питей. При этомъ установлены были высшія нормы обложенія поименованныхъ документовъ, опредѣленіе же размѣра сборовъ съ недвижимой собственности предоставлено всецѣло усмотрѣнію земскихъ собраній.

Не имѣя возможности выходить изъ предѣловъ нормъ, назначенныхъ для сборовъ съ торговли и промышленности, земскіе органы сосредоточили всѣ свои бюджетныя мѣропріятія на недвижимыхъ имуществахъ, въ особенности на земляхъ казенныхъ, удѣльныхъ и владѣльческихъ. По удостовѣренію министерства внутреннихъ дѣлъ, широко и неосмотрительно, въ большинствѣ случаевъ подъ вліяніемъ тенденціозныхъ соображеній, пользуясь правомъ обращать натуральныя повинности въ денежныя, произвольно возвышая или понижая оцѣнки различныхъ категорій недвижимыхъ имуществъ, нерѣдко съ цѣлью удовлетворенія господствующей партіи, наконецъ, назначая оклады безъ надлежащаго соображенія съ дѣйствительною цѣнностью и доходностью имуществъ, многія земства внесли вопіющую неравномѣрность въ распредѣленіе тяжести повинностей между различными группами плательщиковъ, а нѣкоторыя систематически разоряли и продолжаютъ разорять цѣлые классы мѣстнаго населенія. Не менѣе поразительные примѣры земскаго произвола представляютъ размѣры обложенія казенныхъ земель, преимущественно въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, гдѣ земскія учрежденія задавались, повидимому, цѣлью постоянно возвышать сборы съ такихъ земель, не стѣсняясь количествомъ приносимыхъ ими доходовъ и не облегчая притомъ бремени налоговъ для частныхъ владѣль-

цевъ, въ особенности для собственниковъ крупныхъ горнозаводскихъ имѣній [1]).

Подобное ненормальное положеніе, казалось бы, легко устранить. Стоило бы только опредѣлить высшую норму обложенія недвижимой собственности, примѣнительно къ постановленіямъ, содержащимся по этому предмету въ городовомъ положеніи [2]). Именно такую мѣру предлагаетъ баронъ П. Л. Корфъ въ своей брошюрѣ, отчасти уже извѣстной нашимъ читателямъ. Земскій публицистъ говоритъ:

„Владѣлецъ имущества, не зная предѣла возможнаго своего взноса на земскую повинность, не можетъ сдѣлать въ точности своего бюджета и теряетъ отъ того при продажѣ имѣнія и при отдачѣ его въ аренду, не имѣя возможности разъяснить покупщику или арендатору эту статью расхода; владѣльцы домовъ въ городахъ, имѣя опытъ огражденія закономъ всѣхъ предметовъ обложенія собственно на городскія нужды, не могутъ свыкнуться съ этою неопредѣлительностью относительно обложенія на повинности уѣздныя и губернскія; неопредѣлительность эта вредна самому земскому управленію, которое, не имѣя предъ собою закономъ опредѣленнаго предѣла, лишается чрезъ то самаго сильнаго орудія для борьбы какъ съ собственными, подъ-часъ, увлеченіями, такъ и съ настояніями разныхъ мѣстныхъ дѣятелей, и съ требованіями постороннихъ вѣдомствъ и должностныхъ лицъ“...

„Если при изданіи положенія о земскихъ учрежденіяхъ установить максимумъ земскаго обложенія было трудно, за отсутствіемъ данныхъ, то теперь этого сказать нельзя. Данныхъ имѣется вполнѣ достаточно, и я не вижу препятствія къ изданію нынѣ же закона, опредѣляющаго максимумъ для обложенія земскимъ сборомъ недвижимыхъ имуществъ, по-

---

[1]) Это обстоятельство главнымъ образомъ, повидимому, побудило министерство внутреннихъ дѣлъ предоставить владѣльцамъ крупныхъ горнозаводскихъ имѣній самостоятельный голосъ въ земскихъ собраніяхъ съ правомъ посылать даже вмѣсто себя уполномоченныхъ, чего не могутъ дѣлать остальные крупные землевладѣльцы.

[2]) Ст. 128, 130 и 132.

добно тому, какъ этотъ максимумъ существуетъ уже для городскаго обложенія на всѣ предметы и для самого же земскаго обложенія на торговые документы"...

„Внимательное изученіе земскихъ смѣтъ и раскладокъ даетъ основаніе для выработки такой нормы обложенія, которая, будучи прежде всего не чрезмѣрно отяготительною для плательщиковъ, давала бы возможность выполнить смѣту, благоразумно составленную, въ которой заключались бы расходы, обязательные въ ихъ минимальномъ размѣрѣ, и также въ умѣренномъ размѣрѣ расходы хотя не обязательные, но продолжительною мѣстною практикою и опытомъ (!) обратившіеся въ необходимые. Полагаю, что благоразумная норма для максимальнаго обложенія на губернское и уѣздное земство вмѣстѣ можетъ составить приблизительно 3/4 % съ цѣнности недвижимаго имущества, т. е. по 7 р. 50 коп. съ каждой 1.000 руб. цѣнности, или, вѣрнѣе сказать, эта норма можетъ колебаться, смотря по мѣстностямъ, между 1/2 % и 1 % цѣнности".

„Я думаю, что можно допустить различныя нормы въ разныхъ мѣстностяхъ. Во всякомъ случаѣ, нужно будетъ спросить по этому вопросу предварительнаго заключенія всѣхъ земскихъ собраній, причемъ въ отвѣтахъ ихъ найдутся полезныя соображенія и данныя, которыя облегчатъ разрѣшеніе вопроса".

Министерство внутреннихъ дѣлъ прямо противоположнаго мнѣнія. Оно полагаетъ, что матеріалъ, накопленный земскими изслѣдованіями и земскимъ опытомъ,—негодный матеріалъ для установленія нормы обложенія недвижимой собственности на земскія нужды, что вполнѣ точныхъ о цѣнности и доходности недвижимыхъ имуществъ данныхъ нельзя извлечь ни изъ земскихъ смѣтъ и раскладокъ, по большей части крайне произвольныхъ, ни изъ свѣдѣній, собранныхъ земскими статистическими изслѣдованіями, которыя производились, въ большинствѣ случаевъ, съ предвзятыми идеями и подъ вліяніемъ побужденій, совершенно чуждыхъ строго научному изученію предмета. Кромѣ того, на основаніи результатовъ дѣятельности существующихъ земскихъ учрежде-

ній невозможно составить вѣрное понятіе и объ истинныхъ потребностяхъ земства. По мнѣнію министерства, благоразумнѣе признать опредѣленіе нормъ обложенія недвижимыхъ имуществъ задачею будущаго, не усложняя разрѣшеніемъ ея и безъ того сложнаго дѣла предстоящаго земскаго преобразованія. Въ настоящее время по необходимости слѣдуетъ ограничиться непосредственнымъ воздѣйствіемъ правительственной власти по завѣдыванію земскими повинностями и установить въ законѣ основнымъ началомъ, что возвышеніе сборовъ на предметы, предоставленные обложенію на земскія потребности, можетъ быть допускаемо лишь путемъ совмѣстныхъ распоряженій администраціи и земскихъ собраній.

Въ иномъ видѣ представляется вопросъ о *новыхъ* сборахъ.

Хотя предоставленныя нынѣ по этому предмету земскимъ собраніямъ обширныя полномочія, весьма близко граничащія съ кругомъ непосредственнаго вѣдѣнія законодательной власти, явились послѣдствіемъ ошибки или недосмотра, допущеннаго государственною канцеляріею, при составленіи окончательной редакціи земскаго положенія [1]), тѣмъ не менѣе министерство внутреннихъ дѣлъ не находитъ возможнымъ совершенно устранить земскія собранія отъ дѣла установленія новыхъ сборовъ, въ виду того, что разныя мѣстныя потребности, удовлетвореніе которыхъ возложено на обязанность земскихъ учрежденій, съ теченіемъ времени постепенно возрастаютъ и могутъ, слѣдовательно, вызвать въ будущемъ необходимость обложенія новыхъ источниковъ или возвышенія предѣльныхъ нормъ, установленныхъ въ законѣ для нѣкоторыхъ изъ существующихъ земскихъ сборовъ. Но земскія собранія ни въ какомъ случаѣ не должны пользоваться верховными законодательными правами, а потому ихъ полномочія слѣдуетъ ввести въ предѣлы, установленные нынѣ для

[1]) Ошибка обнаруживается при сопоставленіи п. 8 ст. 68 земскаго положенія съ мнѣніемъ Госуд. Совѣта по поводу ст. 10 проекта „временныхъ правилъ для земскихъ учрежденій по дѣламъ о земскихъ повинностяхъ“ (матер. по земск. общ. устр., изд. хоз. д-та, т. II, стр. 562).

городскихъ думъ; въ городовомъ же положеніи (ст. 137 выражено, что установленіе новыхъ сборовъ или налоговъ въ пользу города, а равно опредѣленіе сборовъ свыше указанныхъ предѣловъ можетъ послѣдовать не иначе, какъ по разрѣшенію, законодательнымъ порядкомъ, ходатайствъ о томъ городской думы. Соотвѣтственныя ходатайства предположено предоставить однимъ только *губернскимъ* земскимъ собраніямъ.

Новымъ проектомъ вообще съуженъ кругъ дѣятельности уѣздныхъ земскихъ собраній и расширенъ контроль губернскихъ земскихъ учрежденій надъ уѣздными. Напримѣръ: губернскому земскому собранію принадлежитъ разсмотрѣніе постановленій уѣздныхъ собраній, въ случаѣ несогласія губернатора съ такими постановленіями; въ нѣкоторыхъ случаяхъ обжалованія—распоряженія уѣздныхъ присутствій могутъ быть отмѣняемы по представленіямъ губернскаго присутствія; губернское присутствіе по собственному почину можетъ производить ревизіи уѣзднымъ земскимъ присутствіямъ и всѣмъ подчиненнымъ имъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ, равно производить на мѣстахъ дознанія о дѣйствіяхъ лицъ, служащихъ въ уѣздныхъ присутствіяхъ и учрежденіяхъ, представляя губернатору и губернскому собранію о результатахъ такихъ ревизій и дознаній; если уѣздное земское собраніе не состоится за неприбытіемъ узаконеннаго числа гласныхъ, то подлежавшія его обсужденію дѣла разрѣшаются губернскимъ собраніемъ, а нѣкоторыя изъ нихъ направляются къ исполненію по заключеніямъ уѣзднаго земскаго присутствія, утвержденнымъ властью губернатора; предположенія объ открытіи новыхъ или перенесеніи изъ одной мѣстности въ другую прежнихъ ярмарокъ, торговъ и базаровъ разсматриваются исключительно губернскимъ земскимъ собраніемъ и т. п.

Нѣкоторыя изъ существующихъ земскихъ учрежденій признаны несоотвѣтствующими характеру земствъ, какъ органовъ правительственной власти. Таковы, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, банки промышленные или спекулятивные. Въ настоящее время, во всѣхъ 34 губер-

ніяхъ, дѣйствуютъ 22 кредитныя установленія, открытыя земствами на основаніи Высочайше утвержденнаго по ихъ ходатайствамъ 17 мая 1871 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, а именно: Общества взаимнаго кредита: Екатеринославскаго губернскаго земства и уѣздныхъ земствъ: Аткарскаго, Бердянскаго, Брянскаго, Галичскаго, Ефремовскаго, Изюмскаго, Кинешемскаго, Кологривскаго, Кромскаго, Лебединскаго, Макарьевскаго, Пошехонскаго, Псковскаго, Роменскаго, Славяносербскаго, Сумскаго, Сѣвскаго, С.-Петербургскаго, Торопецкаго, Трубчевскаго и Череповецкаго. При учрежденіи каждаго изъ нихъ земствами производились денежные взносы на образованіе складочнаго капитала; взносы эти различны, отъ 500 до 50.000 р., а при образованіи Херсонскаго и Саратовскаго земельныхъ банковъ, получившихъ наименованіе земскихъ, изъ мѣстныхъ губернскихъ продовольственныхъ капиталовъ назначены были пособія (теперь возвращенныя) въ размѣрѣ 100.000 р. на каждый изъ нихъ. Бóльшею частью взносы земствъ подлежатъ возврату, по мѣрѣ развитія операцій обществъ, на основаніи условій, заключенныхъ послѣдними съ мѣстными земскими управами и внесенныхъ въ уставы; но въ нѣкоторыхъ уставахъ не содержится никакихъ указаній по этому предмету [1]). Всего желательнѣе было бы, одновременно съ введеніемъ проектируемаго новаго земскаго положенія, передать всѣ перечисленныя общества взаимнаго кредита въ полное и исключительное вѣдѣніе прочихъ, кромѣ земства, ихъ членовъ, на началахъ частныхъ банковыхъ предпріятій, съ немедленнымъ возвратомъ взносовъ земскихъ учрежденій и устраненіемъ этихъ послѣднихъ отъ всякаго участія въ управленіи дѣлами обществъ взаимнаго кредита и въ отвѣтственности за ихъ операціи; но осуществленіе этой мѣры встрѣтило бы препятствіе въ томъ обстоятельствѣ, что возмѣщеніе зем-

---

[1]) Какъ можно заключить изъ содержанія уставовъ, Череповецкое, Макарьевское и Изюмское уѣздныя земства, сдѣлавъ членскіе взносы въ 500, 5.000 и 10.000 р., отвѣтствуютъ за убытки въ десять разъ бóльшіе, т. е. въ 5.000, 50.000 и 100.000 р., остальныя же земства—въ суммѣ ихъ взносовъ.

ствомъ ихъ взносовъ вовсе не предусмотрѣно въ уставахъ нѣкоторыхъ кредитныхъ установленій, воспользовавшихся земскими деньгами, а по другимъ изъ такихъ уставовъ оно должно производиться постепенно, въ сроки и порядкомъ, опредѣленнымъ по соглашенію съ мѣстными земскими управами. Въ виду этого признано необходимымъ, сохранивъ до поры до времени земскія общества взаимнаго кредита на существующихъ основаніяхъ, предоставить государственному контролеру и министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, по взаимному между собою соглашенію, выработать предположенія о порядкѣ и способахъ ликвидаціи участія земствъ въ упомянутыхъ кредитныхъ установленіяхъ.

Министерскій проектъ высказывается и противъ нынѣшняго устройства земскихъ эмеритальныхъ кассъ, учрежденныхъ по представленію въ 1882 году тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ графа Н. П. Игнатьева.

Разсмотрѣнныя въ Государственномъ Совѣтѣ правила [1] были утверждены, въ видѣ опыта на 5 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы министерство внутреннихъ дѣлъ своевременно представило свои соображенія или о продленіи срока, или о необходимыхъ измѣненіяхъ въ главныхъ основаніяхъ учрежденія земскихъ эмеритальныхъ кассъ. Эта оговорка сдѣлана въ примѣчаніи къ ст. 1876 общ. учр. губ., по прод. 1883 г., но при изданіи земскаго положенія въ 1886 году была устранена, такъ что временнымъ правиламъ о земскихъ эмеритальныхъ кассахъ присвоено, въ кодификаціонномъ порядкѣ, значеніе постояннаго закона.

---

[1]) Главныя ихъ основанія слѣдующія: а) земскія эмеритальныя кассы учреждаются по одной на губернію; б) въ нихъ обязательно участвуютъ всѣ состоящіе на службѣ съ содержаніемъ, какъ въ земскихъ учрежденіяхъ, такъ и въ подвѣдомственныхъ имъ установленіяхъ и заведеніяхъ, за исключеніемъ лицъ, занимающихъ выборныя по земству должности; в) фондъ кассы образуется, кромѣ вычетовъ изъ содержанія участниковъ, ежегоднымъ отчисленіемъ 3% годового оклада всѣхъ земскихъ сборовъ; г) опредѣленіе размѣра вычетовъ и нормальныхъ выдачъ (т. е. пенсій и единоврем. пособій) предоставляется губернскому земскому собранію; д) состоятельность кассы обезпечивается всѣми средствами земства.

Мысль объ учрежденіи отдѣльныхъ эмеритальныхъ земскихъ кассъ по губерніямъ, и при томъ исключительно для низшихъ должностныхъ лицъ земства, едва ли можетъ быть признана вполнѣ удачною. Въ основаніи всякой эмеритуры лежитъ начало страхованія, а потому однимъ изъ главнѣйшихъ условій успѣха служитъ по возможности широкая постановка эмеритальной операціи. Чѣмъ больше составъ обязательныхъ членовъ эмеритальной кассы съ самаго ея открытія—тѣмъ скорѣе образуется эмеритальный фондъ, необходимый для обезпеченія обязательствъ кассы передъ пенсіонерами, и тѣмъ прочнѣе станетъ все дѣло эмеритуры. Но земскія кассы, образуемыя по каждой губерніи изъ крайне ограниченнаго числа участниковъ и притомъ изъ лицъ, получающихъ, въ большинствѣ случаевъ, скудное содержаніе,—не обѣщаютъ дать такихъ результатовъ. Относительно этихъ учрежденій неизбѣжною представляется слѣдующая дилемма: или придется отложить начало производства эмеритальныхъ выдачъ на продолжительный срокъ, который долженъ быть исчисляемъ многими десятками лѣтъ; или же земства, принявшія на себя отвѣтственность за исполненіе кассами ихъ обязательствъ, вынуждены будутъ недостающія суммы пополнять изъ своихъ смѣтныхъ средствъ. И тотъ и другой исходъ едва-ли можетъ быть признанъ желательнымъ.

Хотя такимъ образомъ и возбуждаются весьма серьезныя сомнѣнія относительно правильности допущенной организаціи земскихъ эмеритальныхъ кассъ—этихъ, по основной мысли, благодѣтельныхъ учрежденій,—но министерство внутреннихъ дѣлъ признаетъ необходимымъ продолжить срокъ дѣйствія временныхъ правилъ впредь до пересмотра ихъ въ установленномъ порядкѣ.

Такъ какъ изъ губернскихъ и уѣздныхъ присутствій предположено образовать правительственные органы по мѣстному хозяйственному управленію, то едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что обороты земскихъ суммъ, состоящихъ въ вѣдѣніи этихъ присутствій, должны быть подчинены ревизіи и надзору государственнаго контроля, на общемъ съ

прочими правительственными учрежденіями основаніи; но такая, вполнѣ правильная по существу, мѣра едва-ли можетъ быть введена одновременно съ проектируемымъ преобразованіемъ земствъ, такъ какъ предварительно необходимо подвергнуть тщательному соображенію порядокъ и условія ея примѣненія.

Какъ установленія правительственныя, земскіе исполнительные органы, по дѣламъ судебнымъ и въ своихъ сношеніяхъ съ разными мѣстами и лицами, а также по храненію суммъ въ казначействахъ или въ государственномъ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ, должны пользоваться всѣми правами и преимуществами казенныхъ управленій.

Новое положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ предположено вводить постепенно, по отдѣльнымъ губерніямъ, вслѣдъ за осуществленіемъ въ каждой изъ нихъ проекта о земскихъ начальникахъ, причемъ признается необходимымъ всѣ по этому предмету распоряженія подчинить высшему надзору министра внутреннихъ дѣлъ и непосредственному въ каждой губерніи вѣдѣнію губернатора, не разсчитывая на содѣйствіе нынѣшнихъ исполнительныхъ органовъ земства, которымъ въ данномъ случаѣ пришлось бы трудиться надъ неблагодарною задачею самоупраздненія.

А. М—СКІЙ.

ГРЯДУЩІЯ БѢДЫ АНГЛІИ.

I.

Говорятъ, что древніе заводы двухъ прочнѣйшихъ матеріаловъ—стали и желѣза—подвержены такой же опасности какъ пороховые склады: желѣзная пыль забирается вѣками въ каждую дырочку и щелку завода и, возгораясь быстрѣе пороха, грозитъ ежеминутно смертельнымъ взрывомъ. Подобный заводъ олицетворяетъ собой современная Англія. Цѣлые вѣка шла она во главѣ цивилизованныхъ націй, гордая и сильная. Нигдѣ въ Европѣ высшіе классы общества не пользовались столь обширными привилегіями, какъ въ этомъ островномъ царствѣ, а между тѣмъ именно тамъ выросъ пышнымъ деревомъ идеалъ приличія въ людскихъ отношеніяхъ, который характеризуется полностью англійскимъ выраженіемъ „gentlemenlike", столь невѣрно переводимымъ на русскій языкъ словомъ „джентльменство". Ни въ одномъ изъ цивилизованныхъ государствъ среднее образованіе не было столь прочнымъ достояніемъ массы, а высшее не стояло тверже на почвѣ классицизма, какъ въ Англіи, и въ то же время нѣтъ въ Европѣ другой націи, гдѣ бы столь усердно посѣщались церкви и гдѣ религіозныя проповѣди были бы такъ многочисленны, какъ въ Великобританіи. Слово устное и печатное только въ Англіи дѣйствительно свободно даже отъ малѣйшей тѣни административной опеки, а, между тѣмъ, гдѣ есть другой народъ, который бы столь

мало злоупотреблялъ этой свободой въ ущербъ частной общественной или государственной жизни? Далѣе, Англія—единственная страна въ мірѣ, твердо держащаяся принциповъ laissez faire, laissez passer и free trade, т. е. принциповъ полнаго отрицанія системы покровительства частной иниціативѣ и отечественному производству, и именно Англія первая въ мірѣ страна по обилію капиталовъ; наконецъ, одна лишь Великобританія, строго уважая индивидуальную свободу, до сей поры не рѣшилась на введеніе общей воинской повинности, оставаясь при ничтожной арміи наемныхъ солдатъ, и, однако, нѣтъ другаго государства, которое бы успѣло столь широко и смѣло раскинуть по всему міру свою власть, чтобы имѣть тождественное съ англичанами право на признаніе своего языка универсальнымъ [1]). Словомъ, смѣло можно утверждать, что со времени паденія Римской Имперіи ни одинъ изъ народовъ не внушалъ иностранцамъ такъ много законной зависти, не пользовался среди нихъ столь прочнымъ положеніемъ и не оказывалъ такого огромнаго менторскаго вліянія, возбуждая повсемѣстно подражаніе, какъ народъ англійскій.

Не безъ основанія знаменитые публицисты Франціи говорили, что ихъ морская сосѣдка живетъ „полными аккордами". Нельзя было бы и подыскать болѣе вѣрной фразы для краткаго опредѣленія англійской общественной и государственной жизни.

Но вотъ, уже на нашихъ глазахъ, что-то случилось почти невидимое и еще меньше кѣмъ понимаемое, что словно по волшебству нарушило гармонію этого аккорда. Трудно даже опредѣлить, когда именно это случилось. Политики и дипломаты, послѣ блестящей буффонады графа

---

[1]) По счету г. Онейля, въ его „Not at Home" (N. C. 1886) четыре милліона двѣсти тысячъ англичанъ проживаютъ внѣ отечества, а профессоръ Ransome въ „Our Colonies and India" насчитываетъ даже до 10 милліоновъ. Территорія англійскихъ колоній, говоритъ онъ, вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 8 милл. квадратныхъ миль, т. е. она въ три раза больше С.-А. Штатовъ, въ 14 разъ больше Германіи, въ 18 разъ больше Франціи и т. д.

Биконсфильдскаго на берлинскомъ конгрессѣ, начали потихоньку отзываться о политической силѣ Великобританіи, какъ о quantité neglegible; вслѣдъ за непомѣрнымъ развитіемъ дешевой германской мануфактуры, возникшей на пособія изъ пятимилліардной французской контрибуціи, англійскій товаръ сталъ какъ бы стушевываться на всеміpныхъ рынкахъ; избирательныя реформы 1867 и особенно 1885 гг. затмили въ самой Великобританіи ея блестящую аристократію, поставивъ на первый планъ сѣрую массу. Пошелъ слухъ, что стальная Англія становится зерномъ всесвѣтнаго соціализма и, наконецъ, вотъ уже третій годъ, какъ главныя свѣдѣнія, идущія изъ этой страны, сосредоточиваются на печальной повѣсти о систематическихъ безпорядкахъ— даже для отдаленнаго наблюдателя—растущихъ съ очевидною силой.

Такая быстрая перемѣна декорацій не могла не породить вопросовъ, настоятельно требующихъ отвѣтовъ—какъ случилась эта перемѣна, гдѣ причины ея и каковъ долженъ быть ея вѣроятный конецъ?

Счастье или несчастье занесло пишущаго эти строки въ Англію какъ разъ на эти послѣдніе три года и, въ качествѣ очевидца, я пробую теперь сдѣлать краткій выводъ изъ того, что мною видѣно, слышано—надѣясь тѣмъ посильно уяснить отвѣты на означенные выше вопросы.

Революціонное движеніе въ массѣ не есть явленіе исключительно англійское. Вся западная Европа въ любомъ уголкѣ ея болѣе или менѣе больна тою же болѣзнью. И, понятно, въ движеніи англійской массы должны играть также немаловажную роль причины общеевропейскаго свойства. Онѣ уже знакомы нынѣ каждому: всегда и вездѣ были воры и грабители, но съ той поры, когда собственность публично объявлена кражей, грабящіе и ворующіе превратились изъ преступниковъ въ практическихъ пропагандистовъ передовой экономической теоріи; вездѣ и всегда были люди безнравственные, но со времени публичнаго отрицанія религіи, безнравственный человѣкъ естественно сдѣлался лишь практическимъ послѣдователемъ новѣйшей дарвиновской теоріи о „борьбѣ за существованіе“.

Даже самое ужасное изъ преступленій—убійство значительно упростилось—прежде убійца покушался на „душу“ жертвы, а теперь, при модномъ матеріализмѣ, онъ бьетъ только тѣло. Наконецъ, и Евангеліе начали уже истолковывать въ смыслѣ натуральнаго и прирожденнаго права каждаго пользоваться одинаково съ другими благами жизни. Словомъ, все, что естественно принято считать основой человѣческаго общества, т. е. мораль, религія и наука, — все приводится къ выводамъ и аксіомамъ, представляющимъ полное отрицаніе современныхъ основъ общественной и государственной жизни. И притомъ, новые учители, не облеченные въ рутинный мундиръ, но подогрѣваемые дешевой и опьяняющей популярностью, отличаются энергіей и неустанной дѣятельностью. Безличныя народныя школы даютъ только лишнее оружіе въ руки этихъ новыхъ учителей. Школы не смѣютъ и думать о борьбѣ съ ними, покорно лишь доставляя имъ грамотный контингентъ, могущій не только слушать проповѣдь отрицанія, но и читать эту проповѣдь въ печатномъ оттискѣ.

Думаю, что нѣтъ надобности обладать особой проницательностью для предсказанія опасностей этой новѣйшей борьбы. Безспорный философскій выводъ изъ исторіи человѣчества утверждаетъ, что общественныя формы жизни основаны на суммѣ и общности идей, а потому, разъ идеи, служившія базисомъ зданія общественнаго, расшатываются—завтрашній день, само собой разумѣется, уже не можетъ походить на вчерашній...

Таковы общія причины смутнаго броженія и тревожныхъ ожиданій въ близкомъ будущемъ всей западной Европы. Каковы же ближайшія причины спеціально англійскихъ тревогъ?

До 1885 года Англія была строго аристократическимъ государствомъ. Въ палатѣ пэровъ засѣдали, какъ и теперь, лишь старшіе представители благородныхъ фамилій, пользуясь законодательной властью не по милости короля или народа, а въ силу своего первородства. Нижняя палата была не менѣе аристократическою. Высокій цензъ для изби-

рателей допускалъ въ стѣны Вестминстерскаго дворца лишь вторыхъ сыновей лордскихъ фамилій, да представителей крупныхъ финансовыхъ предпріятій. Самые выборы стоили не менѣе 6—10 тысячъ фунтовъ, т. е. требовали отъ кандидата или милліоннаго состоянія, или престижа древней знаменитой родовитости. Грѣхъ исключеній изъ этого общаго правила случался очень рѣдко, когда, во имя партійной борьбы, богатые торіи или виги проводили въ парламентъ на свои средства какого-нибудь особенно талантливаго parvenu, появленіе котораго на трибунѣ могло принести пользу той или другой партіи въ пору горячей борьбы ея съ противникомъ. Притомъ, аристократичность власти не ограничивается въ Англіи одной парламентской ареной—она течетъ сильной струей по всѣмъ волоснымъ сосудамъ государственнаго организма: высшій судебный и административный авторитетъ находится въ рукахъ мировыхъ судей и шерифовъ, безплатно отправляющихъ свои обязанности и потому избираемыхъ изъ среды той же богатой аристократіи; предсѣдатели приходовъ, завѣдующіе, вродѣ нашихъ земствъ, церковью, народнымъ образованіемъ, благотворительностью и всѣмъ хозяйствомъ участка, суть тѣ же титулованные лорды; наконецъ и земля Англіи принадлежитъ крайне ограниченному числу собственниковъ—аристократовъ. Словомъ, если мы скажемъ, что Англія до 1885 года управлялась землевладѣльцами, какъ николаевская Россія помѣщиками—сравненіе не потребуетъ ни малѣйшей натяжки. И тогдашняя Англія, какъ тогдашняя Россія, имѣла свой опредѣленный обликъ стройнаго и цѣльнаго организма, гдѣ сверху до низу, внутри и снаружи была законченность и гармонія [1]).

---

[1]) Вотъ интересный счетъ Лабушера въ его „Hereditary Legislators“: пэры Англіи имѣютъ среднимъ числомъ на каждаго болѣе 300 т. дохода и по 35 т. акровъ земли; кромѣ того они получаютъ отъ казны въ видѣ ренты ежегодно около 8 мил. рублей; 4500 близкихъ родственниковъ ихъ пользуются отъ правительства постояннымъ жалованьемъ; средней цифрой каждый герцогъ, напр., содержитъ на счетъ государства по 56 родственниковъ и т. д.

У насъ эта гармонія разрушена освобожденіемъ крестьянъ, а избирательныя реформы 1867 и 1885 годовъ вынули изъ подъ прочнаго государственнаго зданія Англіи многое изъ его фундамента. Мало того, онѣ создали на мѣсто гармоніи разладъ, какой едва-ли случалось видѣть въ исторіи другихъ странъ. Земля осталась въ Англіи по-прежнему исключительно аристократической собственностью; лорды съ своимъ правомъ первородства сохраняютъ за собой status in statu, пользуясь привилегіями въ законодательствѣ, судѣ и администраціи, но центральная власть, при крайне пониженномъ избирательномъ цензѣ, на три четверти перешла уже въ руки массы или „улицы", какъ теперь принято называть ее.

Между тѣмъ, старый гармоническій строй націи создалъ колоссальныя частныя богатства и забралъ въ руки извѣстнаго класса все—землю и власть. Крупное землевладѣніе въ пору своего всевластія уничтожило мелкихъ собственниковъ земли; удивительное развитіе фабричнаго дѣла въ свою очередь сокрушило даже память о кустарномъ промыслѣ. Словомъ, нигдѣ масса не была столь обездолена и такъ систематически приговорена всѣми условіями жизни, обычаями и законодательствомъ къ исключительно подчиненной, зависимой роли, какъ въ Англіи; и вдругъ этой-то именно массѣ избирательная реформа 1885 года отдала почти всецѣло распоряженіе самыми высшими функціями государственной жизни... На сценѣ не замедлилъ появиться чудовищный диссонансъ. Сами творцы этой реформы—Гладстонъ и Брайтъ отказались идти дальше и публично признали опаснымъ даровать Англіи sufrage universel. Но этотъ отказъ едва-ли еще не ухудшилъ общее положеніе дѣлъ.

Пишущему эти строки пришлось быть свидѣтелемъ первыхъ парламентскихъ выборовъ на основаніи закона 1885 года. Аристократическіе салоны для избирательныхъ митинговъ оказались тогда черезчуръ тѣсными, и въ городахъ потребовались уже самые обширные демократическіе театры, а въ деревняхъ нужно было открыть для черни завѣтныя ворота вѣковыхъ аристократическихъ парковъ. Количество избирателей сразу выросло отъ двухъ до шести милліоновъ душъ,

и эти новые четыре милліона были до сихъ поръ столь безсловесны, что никто не зналъ ихъ думъ, сужденій или желаній. Корреспонденты газетъ бросились во всѣ глухіе уголки, описывая этихъ новыхъ, какъ невѣдомый народъ, невѣдомой страны[1]). Лорды и милліонеры, хотя съ гримасой, но также стали объѣзжать свои владѣнія, дѣлая визиты къ „меньшему брату", пытая его вопросами о высшей политикѣ, о его взглядахъ на свободу, справедливость, братство и равенство. Послѣ такой увертюры началась „чума языка", какъ мѣтко окрестилъ это явленіе одинъ изъ выдающихся публицистовъ Англіи[2]).

Высшій классъ, понимая, что теперь близится часъ смерти его привилегій, стремится удержать ихъ при помощи врага—массы, ублажая эту массу угодничествомъ. Ландлордъ приглашаетъ фермеровъ уже не по-вчерашнему въ переднюю, а прямо въ гостиную и столовую, садится съ ними вмѣстѣ за обѣдъ и угощаетъ ихъ. До обѣда, за обѣдомъ и послѣ обѣда льются льстивыя рѣчи „младшему брату". Въ шестинедѣльный періодъ упомянутыхъ выборовъ одними вожаками партій было сказано 157 рѣчей и, ручаюсь, нигдѣ подобныя рѣчи не были такъ длинны, какъ въ Англіи. По счету Тройля, они заняли 285 печатныхъ столбцовъ „Times'а" (петитомъ), и столбцы ихъ изъ одной только газеты могли бы покрыть на землѣ пространство 130 квадратныхъ футовъ. Прежде, замѣчаетъ тотъ же авторъ, кандидаты говорили въ пять разъ, а комитеты ихъ въ десять разъ меньше.

Безчисленное количество мелкихъ непріятностей, при встрѣчѣ лицомъ къ лицу съ грубой массой, заставили многихъ изъ обѣихъ партій придти къ мысли будто бы для поддержанія государства въ томъ видѣ, какъ оно выработано исторіей, необходимо имъ самимъ попробовать встать

---

[1]) См. напр., рядъ корреспонденцій того времени въ „Daily News" подъ заглавіемъ „The new democracy", въ которыхъ авторъ увѣряетъ, что „еслибъ я сказалъ новымъ избирателямъ, что Тель-Эль-Кебиръ въ Австраліи, а Суданъ есть новое имя мѣсяца — они повѣрили бы мнѣ" и т. д.

[2]) The Plague of Tongues by Trail (N. K. 1886).

во главѣ новаго демократическаго движенія и постараться руководить опасной волной, дабы она не залила, не потопила и не разрушила все существующее вмѣстѣ съ будущимъ Англіи. Явились, такимъ образомъ, у партій и фракцій свои демагоги, и на сцену внутренней политики выступилъ удивительный рядъ странныхъ попытокъ примирить крупное землевладѣніе съ безземеліемъ, привилегіи пэровъ съ всеобщимъ равенствомъ и капитализмъ съ соціализмомъ. Ради первой задачи, напр., ультра-консервативный демагогъ, лордъ Энслей, предложилъ дать каждому земледѣльцу треть десятины въ собственность, обрекая, однако, таковаго на вѣчное батрачество у лордскихъ фермеровъ[1]); для примиренія капитала съ комунизмомъ консервативный демагогъ лордъ Чорчиль провелъ черезъ парламентъ постановленіе объ обязанности большихъ городовъ строить казармы для дароваго помѣщенія бѣднаго люда и пр. и пр. Словомъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ этой избирательной борьбы не только стѣны народныхъ аудиторій и шкафы парламентскихъ проектовъ, но и весь воздухъ Англіи напитался до пресыщенія подобными попытками согласовать несогласимое.

Число рабочихъ синдикатовъ и ассоціацій росло не по днямъ, а по часамъ; многочисленныя торговыя и промышленныя корпораціи гостепріимно раскрывали свои двери для членовъ-рабочихъ; повсемѣстно организовывались консервативные клубы блузниковъ; милліонеры фабриканты проповѣдывали о сокращеніи рабочихъ часовъ и о запретѣ вредныхъ занятій для женщинъ и дѣтей; наконецъ, и парламентъ отпраздновалъ невиданную доселѣ и „радостную" манифестацію при входѣ на трибуну перваго фермера, попавшаго въ число депутатовъ—Арча, и перваго рабочаго, удостоившагося выбора—каменьщика Гауля... То была кратковременная, странная пора иллюзій. Помнится, многіе изъ серьезныхъ и образованныхъ головъ Англіи не только вѣрили тогда искренно въ будущую возможность миролюби-

[1]) См. Landlords and Allotement by the Earl of Onslow. 1886.

ваго сожитія батрака съ лордомъ и рабочаго съ фабрикантомъ, но и видѣли уже начало осуществленія такой идеальной дружбы...

Но конечно дѣло выяснилось очень скоро. Льстивыя рѣчи господъ, еще вчера еле отвѣчавшихъ на почтительный поклонъ, а сегодня высказывавшихъ настойчивое желаніе нравиться и служить меньшему брату, только взбудоражили массу. Работа, которую народъ несъ терпѣливо цѣлые десятки лѣтъ, вдругъ оказалась ему непосильной. Тамъ и сямъ, на фабрикахъ, заводахъ и рельсовыхъ путяхъ начали образовываться стачки небывалыхъ размѣровъ съ требованіями нелѣпыми и неслыханными. Фабриканты, заводчики и директора желѣзныхъ дорогъ, въ виду этой требовательности, невозможности удовлетворить ее и страха предъ будущимъ ростомъ непокорности, волей-не-волей должны были искать выхода въ полной или постепенной замѣнѣ своихъ служащихъ иностранцами. Еще болѣе настоятельной такая замѣна оказалась относительно интелигентнаго штата обширныхъ учрежденій промышленности. Эти господа не только захотѣли получать болѣе выгодъ отъ хозяевъ, но и нашли удобнымъ для себя стать во главѣ новыхъ требованій массы подчиненныхъ, предъ которой заводчикъ, фабрикантъ или директоръ заискивалъ въ качествѣ члена парламента.

Такимъ образомъ, въ очень короткій срокъ послѣ избирательной реформы притоны нищеты всѣхъ большихъ городовъ, а по преимуществу Лондона, какъ центра промышленности, благотворительности и соціалистической пропаганды, наполнились словно въ годы народнаго голода. Туда собрались тысячи вчера сытыхъ и довольныхъ земледѣльцевъ; пламенныя головы подъ вліяніемъ новаго вѣянія вдругъ признали жизнь въ деревнѣ на старыхъ началахъ невыносимой несправедливостью; тутъ же сошлись всѣ наиболѣе ярые протестанты среди рабочихъ, которыхъ осторожные патроны замѣнили рабочими изъ нѣмцевъ, шведовъ и бельгійцевъ: сюда же, наконецъ, устремился новый и самый опасный элементъ, состоящій изъ прикащиковъ, кон-

торщиковъ, кассировъ и комми-вояжеровъ, только-что возмечтавшихъ играть политическую роль и очутившихся вдругъ на улицѣ съ пустымъ желудкомъ и оскорбленнымъ самолюбіемъ.

Вотъ почему въ тѣ дни, когда достовѣрная статистика заноситъ въ свои анналы завидный ростъ британской индустріи и территоріи — Лондонъ видитъ воочію небывалую толпу озлобленныхъ, бушующихъ, не находящихъ работы и чуть не ежедневно нарушающихъ спокойствіе столицы [1]).

Указать открыто на корень бѣдъ значило бы дать ужасный совѣтъ публикѣ сложить руки при видѣ надвигающейся грозы, заставить капиталистовъ бѣжать изъ Англіи, а собственниковъ земли—изъ ихъ помѣстій. И безъ того чуткіе капиталы начинаютъ переплывать океаны, направляясь въ дальнія страны новаго свѣта; и безъ того британская деревня, этотъ недавній идеалъ жизни во всѣхъ сантиментальныхъ романахъ англійской литературы, начинаетъ знакомиться съ небывалымъ явленіемъ увеличивающагося абсентеизма собственниковъ [2]).

Палліативныя средства, какъ и слѣдовало ожидать, всѣ сплошь оказались ведущими не къ пользѣ, а ко вреду. Когда, напр., не было домовъ для дароваго и дешеваго помѣщенія

---

[1]) Трудъ современной статистической знаменитости — Мьюлгаля ясно доказываетъ огромное развитіе благосостоянія Англіи за послѣдніе десять лѣтъ, а именно:

Населеніе ея увеличилось на	12%
Торговля.	29%
Судоходство	67%
и образованіе	68%

(См. Ten. Years of National growth by Mulhall C. R. 1886). Тѣ же выводы и въ знаменитой рѣчи лорда Дерби „Are we rich or poor?“.

[2]) Г. Бойдъ въ его „The Depression of Trade“ (N. R. 1886) удостовѣряетъ, что „теперь въ Англіи золота и серебра на 25 мил. фунт. меньше, чѣмъ было 25 лѣтъ тому назадъ, хотя населеніе страны за это время увеличилось на 37½%“; а солидный Edinburgh Review въ статьѣ „English Land, Low and Labour“ (январь 1887) говоритъ: „Land lords hare curtailed their expenditure, reduced their establishements, let or closed their houses or become absentees an the Continent“.

бѣднаго люда, нуждающихся въ такихъ квартирахъ насчитывали сорокъ тысячъ. Демагоги-консерваторы выстроили образцовые дома для шестидесяти тысячъ жильцовъ и тотчасъ явилось 150 тысячъ кандидатовъ на эти помѣщенія; пришлось лишній разъ опечалить отказомъ въ помощи 90 тысячъ душъ и, послѣ огромныхъ расходовъ, самая мысль дать на казенный счетъ гигіеническій пріютъ бѣдности признана опасной и неосуществимой иллюзіей. Проба удовлетворить требованіе толпы о пріисканіи ей работы наткнулась, конечно, на несокрушимую при настоящихъ порядкахъ силу—страхъ конкурренціи въ коммерческихъ сферахъ—и потому пришлось на первыхъ порахъ удовлетворять въ этомъ смыслѣ толпу лишь увеличеніемъ числа метущихъ улицы. Починъ тутъ принялъ на себя демагогъ изъ купцовъ-милліонеровъ Чемберлэнъ; по его настоянію (онъ былъ тогда министромъ) лондонскіе приходы пригласили вмѣсто штатныхъ ста пятидесяти поденщиковъ по очисткѣ улицъ (по большей части итальянцевъ) 385 и—о, ужасъ—изъ милліонной толпы голодныхъ пожелало придти на эту работу лишь 15 душъ, а въ дѣйствительности явилось только пять; остальныя же сотни тысячъ просили пищи, крова и работы, но отказывались стоять съ метлой. Демагогъ-лордъ-мэръ Сити Фаулеръ изобрѣлъ съ своей стороны еще одно средство для умиротворенія страстей. Предъ праздникомъ Рождества Христова, единственнымъ днемъ въ году, когда англичане, накушавшись плюмъ-пудинга съ бузиннымъ виномъ, сантиментальничаютъ, лордъ-мэръ задумалъ монстръ-подписку въ пользу бѣдныхъ, упросилъ газетчиковъ раздуть ее, расчеркнувшись самъ въ 25 тысячахъ рублей. И точно, въ три дня собрали почтенную сумму въ 800 тысячъ. Въ каждомъ изъ приходовъ тотчасъ образовался комитетъ вспомоществованій, куда на благотворительную дѣятельность важныя леди являлись въ простенькихъ платьяхъ, а титулованные джентльмены безъ перчатокъ. Кончилась эта затѣя такимъ же фіаско, какъ и всѣ подобные проекты умиротворить толпу. Тамъ, гдѣ комитеты рѣшили помочь бѣдѣ денежными пособіями, они были

завалены такой горой просьбъ и удостовѣреній о бѣдности, что пришлось выдать всего по 3 шиллинга (по 1 р. 50 к.) на голодную семью [1]); въ тѣхъ же приходахъ, гдѣ комитеты хотѣли устроить работы для бѣдныхъ, вышелъ скандалъ: бѣдные заявляли съ гнѣвомъ, бранью и побитіемъ стеколъ свое право на пособіе даромъ, ибо жертвователи, давая деньги, не ставили-де условіемъ полученія ихъ какую-либо работу. Въ концѣ концовъ вся демократическая пресса обозвала затѣю лорда-мэра оскорбленіемъ бѣдныхъ людей, которымъ-де богатство бросило грошовую милостыню, а компетентные люди вскорѣ убѣдились, что монстръ-подписка пошла лишь на барышъ кабаковъ [2]).

Хроника такихъ попытокъ и ихъ неудачъ очень велика; она лишь постепенно сгущала туманъ и увеличивала пропасть. Общество, идя навстрѣчу требованій толпы, разжигало аппетитъ послѣдней. Притомъ, въ этихъ случаяхъ люди сами себѣ не могутъ дать отчета о тѣхъ границахъ уступокъ, перейти которыя они не въ силахъ безъ самоубійства; улица въ свою очередь также не можетъ объяснить ни себѣ, ни другимъ, чего она добивается, чего ждетъ и къ чему именно стремится. На вторичныхъ выборахъ 1886 г. изъ шести милліоновъ избирателей воспользовалось правомъ вота уже менѣе 40%; столь же презрительно толпа стала относиться даже къ приходскимъ выборамъ и на нихъ въ Лондонѣ, изъ числа 463 т. приглашенныхъ, явились лишь 143 т.: фермеръ Арчъ и камень-

---

[1]) О количествѣ требованій можно судить по примѣру слѣдующихъ трехъ приходовъ: въ Whitechapel'ѣ было подано комитету 14 т. просьбъ, въ St. Georges—15 т. и въ Hamlet Division—86 т. (см. Distress in East London by Barnett N. C. 1886).

[2]) Кардиналъ Манингъ въ его „Our National Vice" (Z. R. 1886) высчиталъ, что въ послѣдніе 60 лѣтъ число кабаковъ въ Англіи выросло съ 50 т. до 200 т., а капиталъ, затрачиваемый на продажу водки, съ 82 мил. ф. ст. до 138 мил. Съ своей стороны „Morning Advertiser" констатировалъ въ 1886 г., что число задержанныхъ за буйное пьянство возросло въ одномъ Лондонѣ въ пять лѣтъ съ 172 т. до 198 т. душъ.

щикъ Гауль во второй парламентъ уже не попали [1]). Толпа предпочла легальности демонстраціи на площадяхъ, а вчерашніе благодѣтели ея возложили все упованіе на полицію [2]). Таково было естественное послѣдствіе величайшей въ мірѣ ошибки — дарованія широкаго избирательнаго права грамотной толпѣ при необходимости сохраненія старыхъ правъ дворянства и купечества.

II.

Англія издавна славилась своими митингами и клубами. До 1885 г. эти митинги и клубы были полезными игрушками и школами для народа. Лорды строили клубы на свой счетъ, на свои средства нанимали колесницы и оркестры для митинговъ, являлись на нихъ въ качествѣ президентовъ, выбирали сами и ораторовъ для тѣхъ и другихъ. Толпа, слушая рѣчи, кой-чему училась, отвлекалась на время отъ кабаковъ и, весело вотируя предложенную лордомъ резолюцію, удалялась домой — какъ мы уходимъ изъ театра — довольная времяпрепровожденіемъ. Лорды несли резолюцію въ парламентъ и представляли ее тамъ въ качествѣ свидѣтельства о настроеніи „общественнаго мнѣнія". Словомъ, обѣ стороны играли, не подозрѣвая, что изъ игрушки рано или поздно выйдутъ не игрушки. Я засталъ по пріѣздѣ въ Англію

---

[1]) Workhouse Cruelties by Twining (N. C. 1886). Замѣчательно также, что въ первые выборы по закону 1885 г. явилось къ урнамъ болѣе 70% избирателей и въ сотнѣ городовъ были крупные безпорядки; на вторыхъ же выборахъ не было даже и обычнаго шума — такъ индифферентно отнеслась къ нимъ быстро извѣрившаяся масса.

[2]) Такъ одинъ изъ либеральнѣйшихъ журналовъ въ Англіи, еще недавно редактировавшійся Джономъ Морлеемъ — Fortnightly Review помѣстилъ у себя статью полковника Knollys'a „Mobs and Revolution", въ которой описываются удобнѣйшіе стратегическіе планы для успѣшной борьбы съ толпой при помощи пуль и штыковъ; органъ же маркиза Гартингтона „Spectator" въ статьѣ „Volunteers versus mob" настоятельно предлагалъ населенію Лондона пользоваться волонтерскими ружьями для усмиренія толпы.

послѣдній изъ такихъ мирныхъ митинговъ и привожу описаніе его, такъ какъ оно было сдѣлано мной тотчасъ послѣ видѣнной сцены. Прочитавшему это описаніе будетъ ясно, до какой степени круто и радикально измѣнилась физіономія народныхъ сборищъ въ Лондонѣ.

Г. Стэдъ, редакторъ газеты Pall Mall, изслѣдовалъ лондонскіе притоны разврата; извѣстный филантропъ графъ Шефсбюри (нынѣ умершій), епископъ Контерборійскій и еще нѣсколько почтенныхъ лордовъ были возмущены открывшейся картиной развращенія нравовъ и потребовали отъ парламента строгихъ законовъ противъ зла. 22 августа м. с. 1885 г. съ этой цѣлью лорды устроили огромный митингъ въ Гайдъ-Паркѣ.

Въ четвертомъ часу послѣ полудня со всѣхъ концовъ Лондона и во всѣ ворота обширнаго парка потянулись безчисленныя процессіи ассоціацій. Сотни ихъ шли съ музыкой во главѣ, съ знаменами и подобіемъ хоругвей, на которыхъ или напечатано крупными буквами—„защита дѣвушкамъ!“, „Да здравствуетъ чистое сердце!“, „Слава невинности!“, „Честь газетѣ Pall Mall!“, „Строгое наказаніе пороку!“ и т. п., или что-нибудь нарисовано, напр., Христосъ, пасущій стадо ягнятъ; народъ, спасающій утопленницу; визитъ филантропа въ квартиру голоднаго семейства; вѣнчаніе бѣдняковъ и т. д. Хоругвей, знаменъ, надписей было болѣе тысячи и нѣсколько сотенъ оркестровъ, состоящихъ частью изъ военныхъ музыкантовъ. За оркестромъ обыкновенно ѣдетъ одинъ, иногда и пять, и десять высокихъ открытыхъ омнибусовъ, полныхъ членами ассоціаціи; далѣе пѣшіе члены по четыре въ рядъ и на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга несутъ знамена, хоругви и надписи; кругомъ процессіи, сзади, впереди и съ боковъ толпы народа. Тѣснота ужасная, крикъ, громъ сотни оркестровъ, играющихъ заразъ съ преобладаніемъ барабана различныя плясовыя пьесы; тамъ и сямъ экипажи, опрокинутые испуганными лошадьми; вотъ влетаетъ въ толпу карета, кучеръ бьетъ коней, стараясь прорваться сквозь процессію, а народъ схватилъ коней за узду и выпячиваетъ экипажъ изъ

толпы обратно; солидный старикъ выглядываетъ изъ кареты и смѣется... Здѣсь верховая лошадь джентльмена испугалась, бросилась въ сторону, но двадцать-тридцать молодцевъ изъ процессіи подхватили ее, удержали и спасли сѣдока. А гдѣ же полиція? Одинъ полисменъ на всю полумилліонную толпу. Онъ неподвиженъ какъ статуя: подыметъ руку—процессія останавливается, толпа проходитъ; опуститъ—процессія двинулась, поперечная толпа стала. За то есть здѣсь другіе начальники порядка; еще задолго до начала процессій ко входу въ Гайдъ-Паркъ явились человѣкъ двадцать верхомъ, столько же пѣшкомъ и въ нѣсколькихъ кабріолетахъ распорядители митинга, штатскіе джентльмены съ лиловой шелковой лентой черезъ плечо. Они, пользуясь полнымъ авторитетомъ въ толпѣ, указываютъ дорогу и порядокъ процессій, раздаютъ имъ мѣста, совѣтуютъ, какъ поставить знамена и т. д. Я нарочно зорко наблюдалъ за ихъ дѣятельностью: не смотря на ихъ повелительный голосъ, ни толпа, ни ассоціаціи ни разу не протестовали и, внимательно выслушавъ приказъ, исполняли его немедленно. Когда толпа забралась въ одномъ мѣстѣ парка на деревья, подскакалъ джентльменъ съ лентой черезъ плечо и крикнулъ: „на деревья не влѣзать!“, крикнулъ и ускакалъ обратно. А между тѣмъ молча и тотчасъ публика слѣзла съ деревьевъ и еще какая публика—по большей части уличные оборванные мальчишки. Часа два безъ остановки двигались въ паркъ различныя процессіи подъ неописуемый трескъ музыки и веселые крики толпы. Вотъ, наконецъ, общество охраны невинности—огромный открытый экипажъ, полный маленькихъ дѣвочекъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья и бѣлыя шляпки; ихъ встрѣчаютъ громомъ аплодисментовъ и ура. Ѣдутъ далѣе патронессы невинности—по большей части знатныя старухи—въ колясках, каждая высоко держа букетъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Имъ тоже аплодируютъ. Омнибусы и экипажи ассоціацій въѣзжаютъ на мягкую измятую траву огромнаго поля парка и размѣщаются въ десять кружковъ. Лошадей отпрягли, кругомъ поставили знамена, хоругви и надписи, а одинъ изъ омнибусовъ обращается въ бюро и

каѳедру. Встаетъ господинъ и рекомендуется, снимая шляпу: „я chairman—предсѣдатель!“, встаетъ другой и начинаетъ говорить рѣчь. За нимъ разглагольствуетъ третій и т. д. Какія горла, какіе могучіе голоса! Реветъ вѣтеръ, шумитъ стотысячная толпа, доносится съ улицы громъ экипажей, а ораторскій голосъ покрываетъ все и врывается въ уши даже издалека. Умѣть говорить народу въ паркѣ значитъ обладать рѣдкимъ и особеннымъ даромъ природы. За то, приблизьтесь къ каѳедрѣ и взгляните, какія нечеловѣческія, истинно ужасныя усилія дѣлаетъ надъ собой ораторъ— каждая фраза изъ устъ его вылетаетъ въ одинъ духъ, а вслѣдъ за каждой фразой онъ животомъ, грудью и плечами втискиваетъ въ себя наибольшее количество воздуха, чтобъ выпалить слѣдующую фразу... Полумилліонная масса народа ходитъ отъ одной каѳедры къ другой, слушаетъ, апплодируетъ, а потомъ отдыхаетъ, лежа на травѣ; многіе принесли съ собой корзиночку съ бутербродами, ибо тутъ по близости нѣтъ ни кабаковъ, ни трактировъ. Такъ проходитъ время до 7—8 часовъ, т. е. до сумерекъ, когда толпа мирно расходится изъ парка; знамена и хоругви складываются въ омнибусы, а петиція объ охранѣ невинности дѣвицъ, подписанная на митингѣ сотнями тысячъ людей, увозится торжествующими распорядителями собранія. Я подходилъ къ нѣсколькимъ каѳедрамъ-омнибусамъ, вслушиваясь въ рѣчи, и убѣдился, что англичане умѣютъ строго придерживаться узкихъ программъ; тутъ была только повѣсть о крайнихъ предѣлахъ разврата и звучныя рѣчи о прелести невинности. На всемъ огромномъ пространствѣ десяти каѳедръ не было ни одного полицейскаго...

Таковъ былъ всегда старый, мирный, чинный и благородный митингъ Лондона, для какой бы цѣли его ни собирали богатые лорды — для утѣхи ли своей партіи, или для пораженія „общественнымъ мнѣніемъ“ противниковъ въ парламентѣ. Правда, уже лѣтъ десять, какъ устроилась въ Лондонѣ, говорятъ, по русскому почину, красная колесница съ краснымъ знаменемъ и красной шапкой у кучера, появлявшаяся въ хвостѣ каждаго уличнаго митинга, но до

-сихъ поръ ѣздили въ этой колесницѣ такіе мирные революціонеры, что сами лорды-устроители митинговъ приглашали ихъ „для разнообразія картины".

Проповѣдники соціализма давно уже водятся въ Англіи, при томъ проповѣдники всѣхъ сортовъ: и въ рясѣ пастора, и въ щегольской фрачной парѣ дэнди, и въ рваной блузѣ поденщика. Но до 1885 года они прятались или въ кабинетахъ съ наглухо затворенными дверями, гдѣ вырабатывали разныя философическія основы для перемѣны „всего міра заново", или въ глухихъ аллеяхъ парковъ, гдѣ, стоя подъ тѣнью дерева на скамейкѣ, разсказывали сказки о медовыхъ рѣкахъ праздношатающемуся десятку слушателей. Притомъ, среди этихъ глашатаевъ не было ни одного громкаго имени, ни одной крѣпкой интеллигентной силы. Открыто называли себя соціалистами, главнымъ образомъ, „разбойники пера и слова", у которыхъ другіе корабли были сожжены или загажены судебными приговорами за мошенничество, дезертирство, подлогъ и т. п. Это была пора для видной дѣятельности заграничныхъ эмигрантовъ, проживавшихъ въ Лондонѣ—тогда они были еще желанными ораторами и руководителями. Толпа охотно прощала имъ варварскій выговоръ и подчасъ, смѣясь, апплодировала ихъ полуанглійскимъ рѣчамъ. Были, конечно, и въ то время убѣжденные соціалисты среди честныхъ, образованныхъ и вліятельныхъ британцевъ, но они строго хранили тайну своего увлеченія, избѣгая ужаснаго для англичанина „шокингъ", и на улицу ни лично, ни съ брошюрами не появлялись ни за что. Такіе тайные соціалисты понимали, что въ аристократическомъ парламентѣ нельзя даже заикнуться о какихъ-либо проектахъ, одобряемыхъ краснымъ ученіемъ, и, по врожденной практичности, считали глупостью пробивать лбомъ стѣну, предпочитая безнадежному дѣлу кабинетныя мечтанія.

Но когда Franchise Bill перенесъ центръ законодательной тяжести въ руки толпы, когда толпа заволновалась,—сердце многихъ кабинетныхъ мечтателей не выдержало. На сцену для нихъ явилась возможность компенсаціи: переходъ

въ лагерь толпы пугалъ шокингомъ въ гостиныхъ, но стяжалъ за то громкую популярность на улицѣ. Такимъ образомъ, вдругъ у буйной массы открылись неожиданные друзья, сильные именемъ, языкомъ, умомъ и образованіемъ [1]. Появленіе ихъ вырыло пропасть еще глубже, и произошло то, что бываетъ всегда при подобныхъ обстоятельствахъ: новые головы движенія, въ началѣ мечтавшія о мирныхъ путяхъ, постепенно теряютъ разумъ, развивая вмѣсто него злобу и обращаются въ концѣ концовъ въ остервенителей толпы.

Пишущему эти строки пришлось близко наблюдать столь интересную метаморфозу на одномъ изъ честнѣйшихъ руководителей настоящаго хаоса въ Англіи, г-нѣ Ш. Это былъ добрякъ, энтузіастъ, сынъ знатныхъ и богатыхъ родителей, блистательно окончившій курсъ Эдинбургскаго университета, другъ и школьный товарищъ многихъ изъ настоящихъ министровъ Великобританіи. Самые чопорные салоны привѣтствовали его какъ желаннаго гостя; фракъ у него всегда былъ сшитъ по послѣдней модѣ, а любовная рѣчь о младшемъ братѣ вносила лишь свѣжій элементъ въ довольно скучную и монотонную атмосферу этихъ салоновъ. Всѣ знали, что Ш. увлекается, но никто ни въ глаза, ни за глаза не осмѣливался звать его „соціалистомъ", ибо онъ былъ джентльменъ и эсквайръ, при всемъ своемъ увлеченіи никогда не снисходившій до появленія на уличномъ сборищѣ. При первыхъ проблескахъ самостоятельности и власти толпы Ш. смутился. Какъ безукоризненно благородный человѣкъ и какъ горячій патріотъ, онъ не счелъ себя вправѣ оставаться долѣе при салонныхъ и кабинетныхъ мечтахъ.—„Толпа требуетъ теперь честныхъ руководителей, иначе она разрушитъ отечество и убьетъ сама себя", рѣшилъ онъ и блѣдный, трепещущій, явился на одинъ изъ

---

[1]) Г. Гейндманъ въ Nineteenth Century за ноябрь 1885 г. замѣчаетъ, что, къ сожалѣнію, „теперь въ Англіи оказывается уже невозможнымъ сказать политическую рѣчь безъ упоминанія о соціалистической теоріи, о которой еще на прошлыхъ выборахъ никто не рѣшался говорить".

многочисленныхъ, безпокойныхъ митинговъ. Тогда онъ поздравлялъ толпу съ великимъ праздникомъ перехода власти въ ея руки, сулилъ мирное и легальное шествіе Англіи по пути къ счастію, правдѣ и равенству, заклиная нетерпѣливыхъ не пятнать высокое знамя насиліемъ и грубостью. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ и Ш. переродился безъ малѣйшей тѣни лицемѣрія; онъ похудѣлъ и обрюзгъ; старые друзья отвернулись отъ него; нервы его надорвались; раненые и побитые при стычкахъ съ полиціей ослабили послѣднія струны холоднаго разсудка и этотъ Ш., не обидѣвшій мухи во всю свою жизнь, нынѣ громко проповѣдуетъ о мести, крови, рѣзнѣ и анархіи... Такова, говорятъ, участь каждаго, окунувшагося въ толпу: рано или поздно волна зальетъ его и прочно засадитъ на днѣ бурнаго моря въ хрустальный дворецъ самыхъ крайнихъ утопій... Однажды руководители народныхъ движеній въ Лондонѣ пристали къ Брэдло, требуя, чтобы онъ отказался отъ церемонныхъ конференцій и пришелъ бы прямо на площадь.—„Не могу, отвѣтилъ совершенно серьезно ультра-радикальный депутатъ, не могу, потому что не хочу пачкать свои руки въ крови“. Дѣйствительно, кровь льется уже теперь—послѣ каждаго митинга госпитали столицы наполняются сотнями раненыхъ съ обѣихъ сторонъ и кто знаетъ, какое число этихъ раненыхъ отдаетъ черезъ нѣсколько часовъ или дней свою грѣшную душу на судъ Божій. Наконецъ, и въ публицистикѣ начали являться тревожныя рѣчи о близкомъ будущемъ.

III.

Перехожу теперь, какъ очевидецъ, къ описанію тактики обѣихъ борющихся партій, если читатель дозволитъ мнѣ выразиться такъ ради краткости. Начнемъ съ толпы. Странно сказать, что руководитель ея—тріумвиратъ, состоящій изъ г.г. Гейндмана, Чемпіона и Уатса — людей съ высшимъ образованіемъ и принадлежащихъ по происхожденію къ благороднымъ фамиліямъ. У каждаго изъ нихъ по два, по

три секретаря и общее бюро, адресъ котораго оффиціально извѣстенъ. Кромѣ этихъ главъ, есть совѣтъ депутатовъ отъ кружковъ, собирающійся въ бюро каждую субботу вечеромъ. Совѣтъ вырабатываетъ программу дѣйствій на цѣлую будущую недѣлю и немедленно сообщаетъ ее сполна въ редакціи столичныхъ газетъ. Мало того, одинъ изъ тріумвировъ пишетъ почтительное письмо къ оберъ-полиціймейстеру столицы, извѣщая, что центральный соціалистическій комитетъ въ такомъ-то мѣстѣ, на такой-то часъ, такого-то дня, организуетъ такую-то процессію; въ другомъ мѣстѣ, на другой день, митингъ и пр. Газеты печатаютъ программу, а власть благодаритъ бюро за сообщенія. Такимъ образомъ, дѣло на первыхъ шагахъ обставляется аттрибутами гласности и легальности, и въ этой части соціалисты чувствуютъ за собой всю силу общественнаго мнѣнія Англіи. Свобода слова, убѣжденій, собраній и печати, составляетъ одинъ изъ такихъ признанныхъ корней національной исторіи страны, что вырвать этотъ корень, даже поранить его, нельзя и потому, даже среди недовольныхъ, въ Англіи до сихъ поръ не было слышно ни одного голоса за нарушеніе этой свободы. Порой власть, придираясь къ неопредѣленности и сбивчивости некодифицированныхъ законовъ Англіи, объявляетъ запрещеніе собираться на какой-нибудь площади, но не рѣшается поддержать запрещеніе силой, зная напередъ, что за это она подверглась бы порицанію даже тѣхъ, которые несутъ непосредственные убытки отъ подобныхъ сборищъ.

Программа дѣйствій соціалистическаго бюро имѣетъ всегда двойную цѣль. Одна изъ нихъ—организація силъ, другая—парадированіе толпы передъ публикой. Ради первой назначаются будничныя утра, когда по Сити разгуливаютъ маленькими группами разныя спеціальности, оставшіяся безъ работы и хлѣба. Вотъ, напр., идутъ чинно и важно въ шелковыхъ цилиндрахъ и черныхъ суконныхъ рединготахъ бывшіе прикащики, конторщики, управляющіе, писцы и кассиры. Самый рослый несетъ впереди большое и тяжелое знамя изъ проклеенной папки, на которомъ крупными буквами напечатано: „Безъ работы! Требуемъ занятій для себя

и хлѣба для семьи!“ Смирно, безъ малѣйшаго шума, они подходятъ къ Mansion House'у—лондонской думѣ; депутація съ сверткомъ бумаги въ рукахъ подымается по широкой лѣстницѣ; лордъ-мэръ любезно встрѣчаетъ ее, беретъ петицію и въ краткихъ словахъ заявляетъ о своемъ платоническомъ сочувствіи. Столь же чинно депутаты возвращаются къ толпѣ и знамя безпрепятственно шествуетъ изъ улицы въ улицу, направляясь къ зданію министерствъ. Тамъ депутаціи и петиціи столь же вѣжливо принимаются секретарями министровъ...

На другой день по той же дорогѣ шествуютъ уже не прикащики въ рединготахъ, а „Джаки“ въ синихъ сюртукахъ—матросы, не находящіе работы. Ихъ знамя—цѣлый картонъ въ квадратную сажень, поддерживаемый на высокихъ палкахъ четырьмя молодцами и на немъ напечатано: „British Labour sacrificed! Иностранцы завладѣли нашимъ торговымъ флотомъ. Англійскихъ матросовъ болѣе не принимаютъ на службу на англійскія суда. Требуемъ хлѣба и законовъ, возвращающихъ Великобританіи ея торговый флотъ“ [1]).

Эти безвредныя съ виду процессіи, однако, пріучая толпы къ строю и взаимности, убиваютъ въ нихъ ту естественную робость, которую испытываетъ каждый изолированный протестующій. Человѣкъ, побывавшій раза три-четыре въ толпѣ своихъ, начинаетъ чувствовать, что онъ не одинъ, что, въ сотоварcommitteeществѣ съ тысячью такихъ же какъ онъ, онъ не только сила, но и гражданинъ, котораго просьбы и желанія почтительно выслушиваются и лордами, и министрами.

Разсказывая объ этихъ похожденіяхъ съ петиціями, я долженъ оговориться. Пріемъ петицій и свободное разгуливаніе по улицамъ мирныхъ процессій совершается не потому, что лондонская полиція не имѣетъ достаточно силы

---

[1]) Знатокъ дѣла г. Уалль, прослужившій на британскомъ флотѣ 26 лѣтъ, удостовѣряетъ въ своемъ сочиненіи „The British Merchant Sirvice (N. R. 1886), что дѣйствительно на англійскомъ флотѣ служитъ теперь масса иностранцевъ-капитановъ, иностранцевъ-шкиперовъ, а среди матросовъ осталось лишь 10% англичанъ.

къ воспрещенію ихъ de facto. Нѣтъ, мирную процессію сможетъ остановить и разогнать одинъ полисменъ; депутаты дѣйствительныхъ рабочихъ обыкновенно довольно робкіе и конфузливые люди, и выгнать ихъ изъ пріемной легко для любаго швейцара. Но за процессіями этими и ихъ петиціями стоитъ другая сила—сила историческихъ традицій. Какъ запрещеніе національной лиги въ Ирландіи заставило стать на одну доску съ Парнелемъ сотни именитыхъ людей Англіи, еще вчера брезговавшихъ подать руку коноводу ирландскаго движенія, такъ точно, если не въ бо́льшей степени, запрещеніе мирныхъ процессій въ Лондонѣ вызоветъ цѣлый взрывъ негодованія всѣхъ образованныхъ англичанъ. Они привыкли къ этой свободѣ, впитали ее въ себя съ молокомъ матери, унаслѣдовали любовь къ ней отъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, утративъ изъ поколѣнія въ поколѣніе даже тѣнь идеи о возможности жить безъ этого. Мало того, англичане глубоко убѣждены, что безъ этой свободы государство потеряно: при извѣстной долѣ развитія массы и при существованіи феодальныхъ привилегій аристократіи и капитала, необходимо держать открытыми клапаны для мирнаго выхода неудовольствій большинства.

Приготовленія къ параду обставляются бо́льшими хлопотами и бо́льшей торжественностью. Излюбленное мѣсто для парада Трафальгарскій скверъ—огромная площадь въ центрѣ кипучей жизни города съ пятимилліоннымъ населеніемъ. Мы не знаемъ, почему это мѣсто, сплошь устланное каменными плитами, называется скверомъ: на немъ нѣтъ ни одного деревца, ни одного кустика и ни одного цвѣточка. Площадь имѣетъ видъ четыреугольника величиной почти въ 2000 кв. саж., вырытаго на довольно крутомъ скатѣ. Гиганты-фонтаны, статуя Нельсона, напоминающая по виду петербургскій памятникъ Александру Благословенному, четыре великана-льва, стерегущіе подножіе памятника, бюсты Непира, Гавелока и пр. вотъ живописныя украшенія площади. Шесть бойкихъ улицъ сходятся у ея концовъ. На пригоркѣ сѣверной стороны стоитъ уродливое зданіе

національной картинной галлереи, и отсюда идетъ уступъ къ Трафальгару высотой въ тринадцать ступеней. Съ сѣвера же выходитъ на площадь Сенъ-Мартинъ-Лэнъ—узкая и грязная улица, проходящая черезъ знаменитый воровской притонъ – улицу „Семи Сестеръ", составляющую главное звено между двумя центрами торговаго Лондона—Оксофдъ-Стритомъ и Стрендомъ. Съ восточной стороны примыкаетъ къ площади улица Стрендъ, на которой истинно лондонская толкотня и давка не прекращаются съ ранняго утра до поздней ночи. Тутъ рядъ самыхъ лучшихъ отелей, главная центральная городская станція Черингъ-Кроссъ, судебная палата, Эксетеръ-Голлъ и пр. пр. Всѣ первые этажи домовъ Стренда заняты магазинами, вторые—ресторанами, кофейнями и гостиницами. Стрендъ есть главная артерія, связывающая Сити съ Вестъ-Эндомъ, наиболѣе аристократической частью столицы. Съ юга на площадь выходитъ широкая улица, съ легкимъ наклономъ внизъ къ зданіямъ министерствъ, центральной полиціи, парламенту и Букингемскому дворцу—мѣсту жительства королевы въ рѣдкіе дни пребыванія ея въ Лондонѣ. На западъ отъ площади идетъ Pall-Mall, широкая и короткая улица, по обѣимъ сторонамъ почти сплошь занятая роскошными зданіями аристократическихъ клубовъ, среди которыхъ красуется печальный памятникъ въ честь славныхъ побѣдъ, одержанныхъ будто бы въ Крыму. На концѣ Pall-Mall'я стоитъ дворецъ Мальборò—резиденція принца Уэльскаго, мимо котораго идетъ прямая дорога отъ Трафальгара на Пикадилли, улицы съ роскошнѣйшими магазинами, въ Гайдъ-Паркъ и въ самую фешенебельную часть Лондона—Вестъ-Эндъ [1]). Площадь съ трехъ сторонъ ниже улицъ и обнесена высокой каменной балюстрадой; кругомъ ея богатые магазины и лучшіе отели.

[1]) Кстати для характеристики демократизирующейся Англіи напомнимъ, что улица Стрендъ почти со всѣми домами и переулками составляетъ собственность маркиза Солюсбири, а Вестъ-Эндъ, гдѣ проживаетъ около милліона населенія, почти цѣликомъ принадлежитъ герцогу Вестминстерскому.

Даже столь краткой топографіи Трафальгарскаго сквера достаточно, чтобъ понять причины, заставившія соціалистовъ избрать это мѣсто для своихъ парадовъ. Высокія балюстрады съ трехъ сторонъ, широкіе бассейны фонтановъ по срединѣ, львы и пьедесталы памятниковъ, какъ импровизированныя каѳедры, представляютъ собой огромное удобство для обращенія къ стотысячной толпѣ съ десятками рѣчей одновременно. А главное, тутъ именно и только тутъ собраніе двухъ-трехъ-сотъ тысячъ пасмурныхъ, мрачныхъ лицъ и полмилліона судорожно сжатыхъ кулаковъ могутъ заставить трепетать кого угодно. Здѣсь, на самомъ скверѣ, направо и налѣво, вверхъ и внизъ отъ него, торгуетъ богатѣйшее купечество; черезъ скверъ лежитъ прямой путь аристократіи въ Сити и обратно; около сквера гнѣзда чиновниковъ, а невдалекѣ блеститъ золотой куполъ дворца народныхъ представителей; даже королева и наслѣдный принцъ могутъ слышать отсюда въ своихъ кабинетахъ тотъ таинственный гулъ шумной толпы, который такъ напоминаетъ приступы сердитаго моря. Лучшаго мѣста дѣйствительно нельзя было найдти....

Обычные дни соціалистическаго парада—воскресные и праздничные отъ трехъ часовъ до наступленія позднихъ сумерекъ. Дня за три до митинга весь Лондонъ въ хлопотахъ. Главнокомандующіе парада подновляютъ знамена, шарфы и петличные красные значки; нанимаютъ музыкантовъ; пишутъ программу для процессій, назначая каждой спеціальный маршрутъ для путешествія къ Трафальгарскому скверу и обратно къ мѣстожительству кружковыхъ знаменъ и т. д. Въ каждомъ клубѣ Pall-Mall'я секретарь окруженъ герцогами, маркизами, графами, лордами и эсквайрами, записывающимися на мѣста въ окнахъ. Въ гостиницахъ, смотрящихъ на скверъ хоть бокомъ, хоть издали, не говоря уже о тѣхъ, которыя какъ Grand-Hôtel выходятъ на площадь главнымъ фасадомъ, комнаты и окна разбираются публикой на расхватъ; Grand-Hôtel, при томъ, каждый разъ даромъ отводитъ двѣ роскошныя залы—одну для высшихъ чиновъ, другую для редакторовъ, корреспондентовъ и ре-

портеровъ. Гостепріимный хозяинъ гостиницы не остается отъ своей любезности въ накладѣ: лорды и газетчики, также какъ прочая публика, созерцающая интересное зрѣлище изъ оконъ отеля, приходятъ часа за два до начала митинга, пока улицы еще свободны отъ толпы, и покидаютъ отель не ранѣе какъ часа черезъ два послѣ конца сборища, ибо раньше выходить опасно—и осторожная полиція, оберегая двери гостиницы, никого не выпускаетъ изъ нея, сурово отвѣчая на каждую попытку „not yet", пока голодный людъ не разошелся окончательно. Такимъ образомъ дежурить приходится въ гостиницѣ отъ часу до семи и за это время, проведенное съ высокимъ подъемомъ нервовъ, гости пьютъ и ѣдятъ немало.

Наканунѣ митинга кругомъ площади и далеко по всѣмъ радіусамъ отъ нея идетъ энергичный стукъ молотковъ. Тутъ каждый домъ давно уже запасся дубовыми досками и солидными перекладинами, а завтрашніе минифестанты теперь строятъ изъ этихъ досокъ и стропилъ внушительные щиты для охраны дверей и стеклянныхъ оконъ въ лавкахъ и магазинахъ....

Вблизи, на Скотлэндъ-Ярдѣ, у зданія главной полиціи, тысячи народа терпѣливо съ утра до вечера переминаются съ ноги на ногу, образуя толпу, какую нигдѣ и никогда въ другомъ мѣстѣ не увидите. Она вся на подборъ изъ высокихъ плечистыхъ людей, цѣлой головой превышающихъ обыкновенный ростъ человѣка. Это гвардія безработицы, пришедшая сюда искать заработка, ибо Скотлэндъ-Ярдъ, приготовляясь къ завтрашней битвѣ, набираетъ изъ толпы волонтеровъ.

Первый безпорядочный митингъ 3-го февраля 1886 года засталъ полицію врасплохъ—буяны успѣли разбить сотни тысячерублевыхъ оконъ въ клубахъ и магазинахъ, разграбить десятки ювелирныхъ лавокъ, оскорбить и избить сотни проходящихъ и проѣзжающихъ, безнаказанно останавливая кареты, высаживая изъ нихъ въ грязь разряженныхъ барынь и пр. и пр. Послѣ этого разгрома оберъ-полиціймейстеръ Лондона, полковникъ Гендерсонъ былъ тотчасъ

замѣненъ генераломъ Уарреномъ, пріобрѣтшимъ на югѣ Африки опытность въ усмиреніи зулусовъ и готентотовъ, а парламентская оппозиція дала хорошій нагоняй министру внутреннихъ дѣлъ Чальдерсу. Напомнимъ кстати, что этотъ первый безпорядокъ произошелъ при существованіи либеральнаго кабинета съ Гладстономъ во главѣ.

Урокъ, конечно, не пропалъ даромъ. Митинги, угрожающіе благочинію столицы, собирались все чаще и чаще, а полиція въ свою очередь изощрилась въ средствахъ противодѣйствовать грозѣ. Сначала курьерскіе поѣзда свозили ко дню сборищъ сотни полисменовъ изъ другихъ городовъ. Это стоило дорого и оказалось вскорѣ мѣрой опасной: однажды толпа въ Лейсестрѣ, воспользовавшись отъѣздомъ полицейскаго резерва, задала своему городу такой трезвонъ, что теперь ни Манчестеръ, ни Ливерпуль, ни Оксфордъ не даютъ болѣе Лондону своихъ охранителей. Притомъ, митинги становились день ото дня многочисленнѣе и компактнѣе, если можно такъ выразиться, а потому и полиція нуждается теперь не въ сотняхъ помощниковъ, а въ тысячахъ. Напримѣръ, для послѣдняго изъ видѣнныхъ мною подобныхъ сборищъ, лондонская полиція набирала шесть тысячъ волонтеровъ. Недоумѣніе, гдѣ достать такую армію для службы на одинъ день, было разрѣшено весьма остроумно талантливымъ гостемъ Россіи лордомъ Чорчилемъ—„предложите хорошую плату, посовѣтовалъ онъ, всѣмъ рослымъ ворамъ и анархистамъ; одѣньте ихъ въ полицейскій мундиръ, и дѣло будетъ въ шляпѣ: толпа лишится самыхъ сильныхъ мускуловъ, а вы будете имѣть за себя самыхъ здоровыхъ молодцовъ изъ этой толпы!“

Генералъ Уарренъ послушался умнаго и смѣлаго совѣта. Теперь за три дня до каждаго митинга полиція выбираетъ изъ уличной толпы шесть тысячъ рослыхъ малыхъ. Никакихъ рекомендацій или формулярныхъ списковъ не требуется—ростъ, ширина плечъ и объемъ кулака замѣняютъ ихъ. Записываютъ въ книгу фамилію, приводятъ къ присягѣ гуртомъ, пригоняютъ мундиръ, наканунѣ митинга ве-

дуть на Трафальгарскій скверъ. Тамъ по субботамъ въ 10 часовъ утра импровизированные полисмены собираются въ чинные ряды, на каменнаго льва всходитъ сѣдовласый коммиссаръ, по нашему частный приставъ, и обращается къ нимъ съ рѣчью. Онъ популярно излагаетъ правила, обязанности и отвѣтственность полицейской службы, а потомъ указываетъ на тѣ мѣста площади, гдѣ импровизированные полисмены должны находиться завтра, въ день битвы. Ночью, по окончаніи митинга, каждому великану дается хорошій обѣдъ и по шести шиллинговъ платы (3 рубля).

Конечно, девять десятыхъ этихъ курьезныхъ охранителей — воры, дезертиры, но удивительно и интересно видѣть, съ какой гордостью они носятъ мундиръ и какую важную физіономію строятъ тотчасъ, какъ имъ вручена властная палица! Опытъ уже неоднократно доказалъ, что эти охранители честнѣйшимъ образомъ исправляютъ свою обязанность и при стычкахъ бьютъ своихъ собратій съ бо̀льшей энергіей, чѣмъ настоящіе обрутинившіеся полисмены. Долго ли сохранится въ нихъ эта энергія—вопросъ другой; пока же коноводы митинговъ волосы на головѣ рвутъ, а противодѣйствовать полицейскому набору не въ силахъ. Во-первыхъ, на такую мѣру полиція каждый разъ расходуетъ 30 т. рублей, а, во-вторыхъ, страсть къ мундиру и сладость хотя и временной власти берутъ свое.

Итакъ, все готово. Лавки и магазины забиты досками; движеніе экипажей на площади пріостановлено; полиція вооружена; гостиницы и клубы полны, а мы съ вами сидимъ у окна въ Грандъ-Отелѣ и наблюдаемъ поразительную картину.

IV.

Находись мы въ Италіи, зрѣлище было бы, конечно, во сто разъ красивѣе, но за то вѣчно сѣрое небо Лондона и свинцовая полоса тумана, лежащая здѣсь на каждомъ отда-

ленномъ предметѣ, болѣе гармонируютъ съ дикимъ ре-
толпы, ея мрачнымъ видомъ и съ шумными рѣчами ея ор-
торовъ. Умный художникъ не могъ бы нарисовать та-
сцены при радостныхъ лучахъ южнаго солнца или подъ м-
ріадами яркихъ звѣздъ безоблачнаго неба.

Еще рано, но площадь уже измѣнила свой обычно-во-
кресный видъ пустоты. По прилегающимъ къ ней улица-
замѣтно движеніе фешенебельныхъ экипажей съ дама-
въ сопровожденіи ливрейныхъ лакеевъ на козлахъ. По-
рокъ Евы—любопытство—не чуждъ и чопорнымъ ле-
британской столицы: имъ хочется поглазѣть на монстр-
толпу, и беретъ ихъ страхъ, а потому онѣ доволь-
ствуются созерцаніемъ мостовой, на которой вскор-
имѣетъ быть „ужасъ", при первомъ же звукѣ оркестра пр-
ближающейся процессіи экипажи ихъ быстро покидаю-
опасную арену. По радіусамъ съ разныхъ концовъ соби-
рается полиція верховая и пѣшая, та и другая вооруже-
ная лишь палицами въ полтора вершка толщиной и ар-
шина полтора длиной. Это почетное оружіе, на подобіе
сабли, покоится въ кожаномъ чехлѣ у лѣваго бедра. Вер-
ховые выстроиваются съ боковъ, пѣшіе размѣщаются н-
самой площади.

Подходитъ „mob". Эта нація въ націи, государство въ
государствѣ—двѣсти тысячъ душъ постояннаго лондонска-
населенія, изъ котораго нѣтъ ни одного четырнадцатилѣт-
няго мальчика, еще не судившагося хоть дважды за пья-
ство, развратъ, бродяжничество, кражу или разбой. „Mob"
не имѣетъ квартиры, опредѣленной ѣды или другаго заня-
тія, кромѣ воровства. Онъ дѣлится на многочисленныя шайки
съ атаманами, капитанами и даже съ собственной террито-
ріей эксплоатаціи. По мѣрѣ развитія комфорта и цивили-
заціи совершенствуются, конечно, и воровскія шайки. Такъ,
напр., онѣ одобрили недавно и примѣненіе пара, купивъ
пароходъ и разъѣзжая на немъ въ количествѣ двухсотъ
душъ по приморскимъ городамъ своего отечества. Полиція
Лейты накрыла этотъ пароходъ въ тотъ моментъ, когда онъ,

сполна нагруженный крадеными драгоцѣнностями, приблизительно на сумму ста тысячъ рублей, уже собирался въ заграничное плаваніе...

„Mob“ любитъ соціалистическіе митинги, и первымъ является на нихъ, выступая впереди на всѣхъ безпорядкахъ. Это естественно, ибо толпа для воровъ, что вода для рыбы, и при томъ воры, слушая коммунарныя рѣчи, нѣкоторымъ образомъ приподнялись въ своихъ собственныхъ глазахъ; теперь въ англійскихъ тюрьмахъ почти нѣтъ преступниковъ, а есть лишь угнетенные несправедливымъ строемъ жизни XIX вѣка и „не признающіе собственность въ принципѣ“.

Отличить „mob“ отъ соціалистовъ не трудно, увидавъ хоть разъ тѣхъ и другихъ. Первый всегда ежится, словно стараясь сократить свою фигуру; смотритъ дико и удираетъ подальше отъ каждаго приближающагося полисмена. Глядя сверху на ростущую толпу „mob“, кажется, что она не ходитъ, а какъ-то шмыгаетъ изъ угла въ уголъ площади. Во время безпорядковъ „mob“ первый бьетъ стекла, залѣзаетъ въ магазины, тащитъ и крадетъ все, что попадется подъ руку, даетъ подзатыльники встрѣчающемуся по дорогѣ бо-монду, но чуть полиція бросилась въ атаку—„mob“ мгновенно и съ кошачьей ловкостью проскальзываетъ черезъ толпу назадъ, предоставляя поле брани протестующимъ.

Чу, слышенъ вдали барабанъ первой приближающейся процессіи. Фешенебельные экипажи любопытныхъ леди торопливо поварачиваютъ оглобли; верховые полисмены натягиваютъ мундштуки, пѣшіе озабоченно выправляютъ грудь. У насъ въ отелѣ сразу прекращается разговоръ, окна съ поспѣшностью отворены настежь и любопытные взоры направлены туда, откуда все яснѣе и громче доносятся звуки „марсельезы“ и пѣніе подъ нее:

Give back the land, the stolen land,
Ye know not how to hold:
To us it will yield food and life,
To you it yeelds base gold.

*

Give back the land,
Ye stole it from your God и т. д. [1]).

Впереди, выдѣлывая различныя па и кувыркаясь че-резъ голову, идетъ армія рваныхъ ребятишекъ, та армія квартала крайней нищеты Истъ-Энда, которая въ любую пору дня и ночи окружаетъ тамъ каждаго порядочно одѣтаго прохожаго и кричитъ: „Дай пенсъ! дай пенсъ твоему сыну!"

За этой рваной арміей, не видавшей никогда своихъ от-цовъ, шествуетъ соціалистическій тамбуръ-мажоръ—вели-канъ старикъ, лишь по преклонному возрасту не годный въ полицейскіе волонтеры. На его головѣ сѣдые локоны, на локонахъ утрированная фригійская шапка длиной въ гре-ческую феску съ кисточкой на концѣ; черезъ грудь широ-кая красная лента съ золотой бахрамой; въ петлицѣ крас-ная роза; въ рукахъ на высокомъ древкѣ красное знамя, за-канчивающееся блестящей сѣкирой или стальнымъ копьемъ. Старикъ ласково и гордо отправляетъ свою важную обязан-ность и я вѣрю, что онъ способенъ лечь костьми за тамбуръ-мажорскую честь. Глядя на публику свысока, но любовно, онъ шлетъ направо и налѣво кивки и поцѣлуи, приговаривая мягкимъ голосомъ: „Долой, джентльмены, всѣхъ эксплоата-торовъ. Красавицы леди, благословите насъ на битву про-тивъ капитала" и т. п.

За тамбуръ-мажоромъ слѣдуетъ нанятой оркестръ, у ко-тораго всѣ инструменты украшены красными бантиками. Пѣніе и музыка, какъ всякія пѣнія и музыка англійскаго произведенія, отличаются, конечно, больше усердіемъ, чѣмъ гармоніей звуковъ.

За оркестромъ идетъ чинно, по-солдатски, рядами, круж-ковое бюро. Ихъ въ каждой процессіи немного—около сотни или меньше. За ними начинается безконечная и разнообра-

---

[1]) Что въ переводѣ значитъ: отдайте намъ землю, украденную землю; теперь вы ее не удержите въ своихъ рукахъ; намъ она дастъ пищу и жизнь, а вамъ она приноситъ лишь золото; возвратите же землю вы украли ее у Бога и т. д.

ая толпа, текущая какъ лава такой плотной, безпорядочной массой, что, глядя сверху, видишь лишь широкую полосу двигающихся шляпъ разнаго фасона, колера и древности.

Только-что показалась первая процессія справа, какъ одновременно являются торжественныя, столь же многолюдныя процессіи изо всѣхъ шести улицъ, сходящихся на площади. Дѣло въ томъ, что пролетаріатъ до сихъ поръ ютится посреди богатыхъ частей Лондона, занимая въ нихъ особые кварталы. Даже въ Вестъ-Эндѣ есть свой глухой притонъ— Сенджоржъ. А потому, центрально-соціалистическому бюро очень удобно организовать процессіи во всѣхъ концахъ столицы и, затѣмъ, высчитавъ для каждой пространство до Трафальгарскаго сквера, легко свести ихъ туда одновременно. Такимъ образомъ зрѣлище выходитъ дѣйствительно внушительное и импозантное, а шесть оркестровъ, съ энергіей играющихъ каждый въ свой собственный тактъ, придаютъ картинѣ еще болѣе грозный и дикій видъ.

Процессіи огибаютъ на площади полукругъ и ставятъ свои знамена на опредѣленныя мѣста. Для насъ, смотрящихъ сверху, видны лишь ряды головъ, словно въ водоворотѣ двигающіяся плотными зигзагами одна мимо другой, пока каждый кружокъ не займетъ указанной для него заранѣе позиціи. Тотчасъ вслѣдъ за разстановкой силъ, на балюстрадахъ., львахъ, фонтанахъ и пьедесталѣ памятника Нельсону являются фигуры ораторовъ. Они кланяются толпѣ. и толпа привѣтствуетъ ихъ апплодисментами. Около каждаго оратора, ступенькой ниже, кучки репортеровъ и стенографовъ, записывающіе рѣчи на спинѣ ближайшаго сосѣда.

Гулъ словно отъ моря, то приближающагося съ громомъ, то удаляющагося съ глухимъ ропотомъ, сразу умолкъ. Стало тихо, такъ жутко тихо, что даже до насъ въ окна третьяго этажа ясно и отчетливо долетаетъ рѣчь ближайшаго оратора. Онъ началъ ее спокойно и мѣрнымъ тономъ, но чѣмъ дальше льются аргументы, тѣмъ горячѣе становится его голосъ, тѣмъ страстнѣе дѣлаются его жесты, а черезъ четверть часа слышны лишь залпы проклятій, гнѣва и раз-

нузданной злобы. Разогрѣваются и слушатели; кратки взрывы апплодисментовъ раздаются все чаще и чаще, гулъ одобреній рѣзче и грознѣе. Кончилась рѣчь, сошелъ внизъ ораторъ красный, утирающій платкомъ обильный потъ съ лицѣ, и демонъ буйной толпы вырвался наружу: раздался оглушительный крикъ изъ сотни тысячъ устъ, крикъ, пробѣгающій по всему тѣлу зрителя, какъ струя пахнувшаго мороза. Даже лошади полицейскихъ верховыхъ отъ этого крика нервно зашевелились подъ своими сѣдоками [1].

Черезъ пять минутъ на балюстрадахъ новые ораторы, но уже нѣтъ на площади прежней тишины—термометръ толпы поднялся до невозможности заставить ее слушать рѣчи покойно. Этотъ особаго свойства жаръ сообщается даже и намъ, наблюдающимъ картину издали: сердце начинаетъ биться усиленнѣе и болѣзненно ждетъ чего-то страшнаго, невѣдомаго, словно предъ глазами появился чудовищный звѣрь, грозящій гибелью и разрушеніемъ. Сумерки съ свинцовымъ покрываломъ опускающагося тумана придаютъ еще болѣе таинственности грозному зрѣлищу и, во тьмѣ дикій ревъ толпы чудится зловѣщимъ.

Снова раздались звуки марсельезы и снова начался круговоротъ головъ на площади. Настала самая страшная минута—разгоряченная толпа теперь еще злѣе. Одни оркестры возвращаются строемъ; остальныя тысячи перепутались и, гудя какъ взбаломученное море, льются потоками по всѣ улицы. Оживился и „mob". Вотъ онъ набросился на франта въ перчаткахъ (оказался потомъ лакеемъ, шедшимъ къ своей обязанности). Въ мигъ его цилиндръ смятъ, пиджакъ изорванъ и самъ онъ валяется въ грязи, взывая о помощи.

[1]) Какъ образчикъ рѣчей на подобныхъ митингахъ привожу дословно патетическое мѣсто изъ рѣчи г. Чампіона, какъ оно напечатано въ Times'ѣ: „if he thought the miserable system under which they lived, and all its attendant horrors, could be done away with to—morrow by cutting the throats of that million and a quarter of people who took so much more than their share of the bountias of Nature, he would, if it wos possible, do it with his own hand that *minute*".

[redacted]

Отрядъ верховой полиціи примчался на мѣсто сцены, но уже поздно—„mob“ прошмыгнулъ черезъ толпу. Свистнула полицейская палица, послышался глухой ударъ по головѣ и началась битва: бѣгутъ полицейскіе, бѣжитъ толпа, кричатъ, дерутся; тамъ звякнуло разбитое камнемъ окно, въ другомъ мѣстѣ слышенъ раздирающій крикъ отчаянной боли... Темно и нѣтъ силъ долѣе смотрѣть на эту сцену; мы захлопываемъ окно и опускаемся въ кресла молчаливые, усталые и изнеможенные созерцаніемъ этого долгаго и печальнаго зрѣлища...

Подкрѣпившись пищей и питьемъ, увѣдомленные стражей у дверей, что опасность миновала, расплачиваемся съ гостепріимнымъ хозяиномъ отеля, садимся въ мягкій кэбъ и спѣшимъ домой. На улицахъ уже совсѣмъ ночь; тамъ и сямъ народъ еще толпится маленькими кучками, сурово поглядывая на ѣдущихъ въ экипажахъ; а вотъ и носилки—рослые полицейскіе тянутъ ихъ по направленію къ госпиталю подъ строгимъ конвоемъ—несутъ раненыхъ, если не убитыхъ...

Черезъ нѣсколько дней встрѣчаемъ въ ресторанѣ члена центральнаго бюро соціалистовъ и, будучи еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣнной сцены, не можемъ удержаться отъ упрековъ:

— Не грѣшно ли, сэръ, говоримъ мы, вести сознательно этотъ темный, голодный и безотвѣтный по невѣжеству, народъ на такія вещи?

— Значитъ такъ нужно! сурово отвѣтилъ намъ дѣятель толпы...

А.—ОВЪ.

Наша культура и всемірное единство.

Замѣчанія на статью г. Влад. Соловьева: *Россія и Европа.* („Вѣстникъ Европы“, 1888, февр. и апрѣль).

> **Чти отца твоего и матерь твою и благо ти будетъ, и долголѣтенъ будеши на земли (Катехизисъ, глава: *О любви*).**

Какъ бы намъ не ошибиться? Какъ бы намъ не придать этой статьѣ г. Влад. Соловьева больше значенія, чѣмъ онъ самъ ей придаетъ? Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на свой громкій и рѣшительный тонъ, эта статья просто неуловима по зыбкости своихъ разсужденій, по разнообразію и неопредѣленности своихъ точекъ зрѣнія. Не даромъ она такъ удобно нашла себѣ мѣсто въ *Вѣстникѣ Европы*. Сначала кажется, что главная цѣль автора—воевать противъ „національной исключительности“; но скоро мѣсто этого врага заступаетъ другой—самая книга Н. Я. Данилевскаго *Россія и Европа*. Дѣло идетъ уже не о вредномъ стремленіи книги къ „національной исключительности“, а о томъ, чтобы отыскать въ книгѣ „умственную безпечность“, „незнакомство съ данными“, „произвольныя измышленія“, однимъ словомъ отнять у книги всякое научное достоинство. Для этой цѣли г. Соловьевъ часто утверждаетъ то, чего ему вовсе не нужно, и не соглашается на то, что ему ничуть не мѣшаетъ, но онъ дѣйствуетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, какъ будто именно съ уничтоженіемъ этой книги у насъ должна исчезнуть и всякая „національная исключительность“.

Кромѣ того, въ статьѣ г. Соловьева разсѣяно много самыхъ пессимистическихъ замѣтокъ объ нашей культурѣ, всякихъ уколовъ нашему народному самолюбію; именно съ этой стороны статья пришлась инымъ читателямъ чрезвычайно по вкусу. Но развѣ все это имѣетъ какую-нибудь силу противъ національной исключительности? Г. Соловьевъ во всѣхъ этихъ замѣткахъ какъ будто даже ее одобряетъ; онъ какъ будто хочетъ сказать не то, что національная исключительность есть зло, а что мы, русскіе, не имѣемъ будто бы на нее никакого права, что мы не доросли до нея, не смѣемъ на нее претендовать. Пусть и такъ, но что же изъ этого слѣдуетъ?

Между тѣмъ, ради этого вывода, г. Соловьевъ счелъ нужнымъ разсмотрѣть и *Дарвинизмъ* Н. Я. Данилевскаго, и мои книги *Борьбу съ Западомъ* и *О вѣчныхъ истинахъ*. Онъ старается различными средствами уронить эти книги въ глазахъ читателей, не столько потому, что не согласенъ съ ихъ содержаніемъ, но главнымъ образомъ для того, чтобы читатели какъ-нибудь не подумали, что въ нихъ есть нѣчто самобытное, оригинальное. Боже мой! Какія жестокія мѣры противъ „народнаго самочувствія“! Пусть эти книги дѣйствительно такъ слабы и незначительны, какъ вы того желаете; но вѣдь есть и будутъ другія, истинно хорошія русскія книги. Что же намъ съ ними дѣлать? Ужели необходимо огорчаться отъ ихъ достоинствъ и сомнѣваться въ нихъ, сколько хватитъ силъ? Изъ вражды къ „національной исключительности“ г. Соловьевъ желаетъ думать, что мы, русскіе, „одинъ изъ полудикихъ народовъ востока“, что философія у насъ даже невозможна, что искусство, наука и литература, хотя существуютъ у насъ, но ничего не обѣщаютъ впереди и отнынѣ будутъ клониться къ упадку. Какая странная логика! Не лучше ли было бы доказывать, что когда у насъ будетъ много прекрасныхъ, самобытныхъ книгъ, когда мы перестанемъ быть полудикими, когда у насъ процвѣтетъ философія, наука и литература, тогда-то мы и будемъ совершенно безопасны отъ „національной исключительности“?

Но бываетъ въ человѣческой душѣ какое-то странное

ожесточеніе. Когда другіе думаютъ и дѣйствуютъ не по-нашему, то мы приходимъ къ мысли и желанію—отнять у нихъ всякую силу и жизненность, обезличить ихъ, обратить въ безцвѣтную и бездѣйственную массу—и тогда заставить ихъ дѣлать и думать, какъ мы того желаемъ. Отсюда высокомѣріе и недоброжелательство, отсюда слѣпота и глухота къ явленіямъ жизни. Помѣшали г. Соловьеву разныя русскія книги, русское искусство, русская литература; ну онъ и сталъ въ нихъ сомнѣваться, чтобы себя потѣшить; можетъ быть даже ему нужно себя *утѣшить*, и тогда намъ слѣдуетъ пожалѣть его.

Впрочемъ, общіе взгляды на способности русскаго народа, на достоинства и недостатки нашей литературы, искусства, науки, философіи,—все это такіе неопредѣленные и широкіе вопросы, что въ нихъ нельзя и требовать безошибочности и можно дать просторъ выраженію всякихъ личныхъ вкусовъ и пристрастій. Многіе жестоко негодуютъ на г. Соловьева за сдѣланныя имъ оцѣнки, и, думаемъ, негодуютъ справедливо; въ этихъ оцѣнкахъ очень ясно обнаружился тотъ *недостатокъ любви*, въ которомъ упрекалъ его когда-то И. С. Аксаковъ. Г. Соловьевъ отвѣчалъ на это, что онъ не разъ заявлялъ о своей любви къ Россіи: да развѣ любовь доказывается заявленіями? Она обнаруживается въ томъ сердечномъ вниманіи къ предмету, которое не допускаетъ легковѣсныхъ сужденій и которое даетъ намъ великую проницательность въ пониманіи достоинствъ того, что̀ намъ дорого. Въ этомъ отношеніи г. Соловьевъ, конечно, провинился непростительно своими задорными и небрежными выходками. Но, повторяемъ, тутъ онъ желалъ воспользоваться неопредѣленностію предмета; пусть же его пользуется. Всѣ признали, кажется единогласно, что замѣтки его отличаются болѣе недоброжелательствомъ, чѣмъ остроуміемъ и мѣткостію; вообще, можно надѣяться, что за справками о состояніи русской науки и русскаго искусства никто не пойдетъ въ статью г. Соловьева.

Но на свою бѣду и къ нашему огорченію, на пути своей мысли онъ встрѣтилъ не только общія мѣста, а нѣ-

котораго опредѣленнаго писателя и опредѣленную книгу этого писателя. Тутъ положеніе дѣла совершенно измѣняется. Книга Н. Я. Данилевскаго есть произведеніе превосходное, между прочимъ, и по ясности и полнотѣ мысли, въ ней, изложенной, и по точности выраженія этой мысли. Слѣдовательно, тутъ нѣтъ мѣста никакимъ снисхожденіямъ и отговоркамъ, да тутъ готова и самая мѣрка ясности и правильности сужденій того, кто читаетъ и критикуетъ. Между тѣмъ, г. Соловьевъ ничуть не остановился въ смѣлости и поверхности своихъ соображеній: онъ, что̀ называется, *уничтожилъ* книгу, и сдѣлалъ это съ такой же легкостію, съ какою провозгласилъ, что будто бы русская наука и литература должны отнынѣ клониться къ упадку. Вотъ его главный грѣхъ и вмѣстѣ главное наказаніе. Мы попробуемъ разобрать здѣсь его возраженія, такъ какъ считаемъ нѣкоторымъ долгомъ, по мѣрѣ нашей возможности, помочь въ этомъ дѣлѣ читателямъ. Мы увидимъ, что не то слабо, на что̀ г. Соловьевъ нападаетъ, но что самъ онъ на этотъ разъ явился печальнымъ образчикомъ немощи русскаго просвѣщенія.

I.

Обвиненія.

Говорю *обвиненія* не въ переносномъ смыслѣ, а въ буквальномъ, потому что нашъ критикъ переноситъ въ концѣ концовъ все дѣло въ область нравственности и религіи. Сначала, правда, онъ, почему-то, вовсе не хотѣлъ восходить до этого высшаго трибунала. Онъ говорилъ:

„Опровергать эти положенія (книги *Россія и Европа*) съ точекъ зрѣнія христіанской и гуманитарной (которыя въ этомъ случаѣ совпадаютъ) мы теперь не станемъ. Мы будемъ спрашивать не о томъ, насколько эта теорія національзма нравственна, а лишь о томъ, насколько она *основательна*“ [1]).

[1]) „Вѣстн. Европы“, 1888, февр., стр. 747.

Но потомъ онъ безъ всякихъ оговорокъ и переходовъ сталъ высказывать такого рода сужденія:

„Націонализмъ, возведенный въ систему нашимъ авторомъ, противорѣчитъ основной христіанской и гуманитарной идеѣ (единаго человѣчества)“, такъ что „это опровергаетъ его въ глазахъ людей съ искренними христіанскими убѣжденіями, или же особенно чуткихъ къ высшимъ нравственнымъ требованіямъ“ [1]).

Какія страшныя обвиненія! Они до такой степени страшны, что даже теряютъ правдоподобіе. Не даромъ авторъ первоначально вовсе не хотѣлъ разсматривать дѣло съ этой стороны; онъ, конечно, чувствовалъ, что тутъ нужна величайшая осмотрительность и что въ подобныя обвиненія чаще всего пускаются люди, которые сгоряча ищутъ не самаго правильнаго, а только самаго сильнаго оружія противъ своихъ противниковъ. То ли дѣло логика, или историческіе факты? Почему бы ими не ограничиться?

Но г. Соловьевъ не удержался и, желая показать всю слабость русскихъ умовъ, торжественно провозгласилъ теорію Данилевскаго не-христіанскою.

„Идея племенныхъ и народныхъ дѣленій“, говоритъ онъ, „(принятая какъ высшій и окончательный культурно-историческій принципъ), столь же мало, какъ и юліанскій календарь, принадлежитъ русской изобрѣтательности. Со временъ вавилонскаго столпотворенія мысль и жизнь всѣхъ народовъ имѣли въ основѣ своей эту идею національной исключительности. Но европейское сознаніе, въ особенности благодаря христіанству, *возвысилось рѣшительно* надъ этимъ по преимуществу языческимъ началомъ и, не смотря даже на *позднѣйшую націоналистическую реакцію*, никогда *не отрекалось вполнѣ* отъ высшей идеи единаго человѣчества. Схватиться за низшій, на 2.000 лѣтъ опереженный человѣческимъ сознаніемъ, языческій принципъ суждено было лишь русскому уму“ (апр., стр. 727).

И въ другомъ мѣстѣ:

„Народы новой, христіанской Европы, воспринявъ заразъ изъ Рима и изъ Галилеи истину *единаго по природѣ и по нравственному назначенію* человѣчества, никогда не отрекались въ принципѣ отъ этой истины. Она осталась непри-

---

[1]) „Вѣстн. Европы“, апрѣль, стр. 758.

косновенною даже для крайностей возродившагося въ нынѣшнемъ вѣкѣ націонализма. Самъ Фихте ставилъ нѣмецкій народъ на исключительную высоту только потому, что видѣлъ въ этомъ народѣ *сосредоточенный разумъ всего человѣчества, единаго и нераздѣльнаго*. Только русскому отраженію европейскаго націонализма принадлежитъ сомнительная заслуга—рѣшительно отказаться *отъ лучшихъ завѣтовъ исторіи и отъ высшихъ требованій христіанской религіи* и вернуться къ грубо-языческому, не только до-христіанскому, но даже доримскому воззрѣнію" (стр. 737, апр.).

Обвиненія эти, очевидно, заходятъ такъ далеко и занеслись такъ высоко, что падаютъ сами собою. Ну какъ можно подумать, что человѣкъ съ такимъ свѣтлымъ умомъ и такой истинный христіанинъ, какъ Н. Я. Данилевскій, сталъ проповѣдовать „языческій принципъ?" Что онъ не разумѣлъ главной истины, возвѣщенной людямъ въ Галилеѣ? Что онъ „рѣшительно отрекся отъ высшихъ требованій христіанской религіи и лучшихъ завѣтовъ исторіи"?

Совершенно ясно, что такая странная загадка должна имѣть какую-нибудь очень простую разгадку, но что г. Соловьевъ трудится не надъ тѣмъ, чтобы понимать книги и людей, о которыхъ судитъ, а напротивъ избралъ темою своего краснорѣчія тотъ загадочно-нелѣпый видъ, въ которомъ ему представляются эти люди и книги.

Разрѣшеніе загадки можно найти уже въ приведенныхъ нами мѣстахъ, въ самой формулѣ ужасныхъ обвиненій. Что значитъ „единое по природѣ" человѣчество? По обыкновенному пониманію это значитъ, что *природа у всѣхъ людей одна*, что они *равны* между собою по своей природѣ, слѣдовательно, и „по нравственному назначенію". Г. Соловьевъ самъ нерѣдко употребляетъ это слово *равенство*; но потомъ, безъ всякихъ оговорокъ, ставитъ на мѣсто его *единство*, а „единству" онъ даетъ совершенно другой смыслъ—и въ этомъ-то простѣйшемъ софизмѣ заключается источникъ всего его воодушевленія!

Подъ единствомъ онъ разумѣетъ такое отношеніе между людьми, по которому они образуютъ „единое и нераздѣльное цѣлое". Вотъ будто бы въ чемъ „лучшій завѣтъ исто-

ріи", „высшее требованіе христіанства", вотъ почему заслужилъ похвалу и Фихте, воображавшій будто бы, что въ нѣмецкомъ народѣ „сосредоточенъ весь разумъ человѣчества".

Попробуемъ, однако, ясно и твердо отличить единство отъ равенства. Это два понятія вичуть не совпадающія, и всѣ разсужденія г. Соловьева превосходно подтверждаютъ только то логическое ученіе Гегеля, что гдѣ есть различіе, тамъ непремѣнно въ извѣстномъ отношеніи окажется противорѣчіе. Если мы признаемъ всѣхъ людей равными, какъ по-христіански слѣдуетъ и какъ твердо вѣровалъ и исповѣдывалъ Н. Я. Данилевскій, то каждый человѣкъ, взятый отдѣльно, какого бы племени и положенія ни былъ, будетъ для насъ одинаковымъ предметомъ человѣколюбія и нравственнаго долга. Мы тогда не задаемъ себѣ никакого вопроса объ его отношеніи къ остальному человѣчеству. Вотъ къ чему ведетъ понятіе *равенства*. Если же мы каждаго человѣка считаемъ *частью* единаго человѣчества, то, какъ часть, онъ, конечно, будетъ равенъ другимъ частямъ и будетъ равняться съ ними также въ томъ, что, *вообще говоря*, онъ связанъ съ цѣлымъ и съ сосѣдними ему частями; но тутъ сейчасъ же являются вопросы, не различается ли онъ отъ другихъ частей въ другихъ отношеніяхъ? Части всякаго цѣлаго могутъ быть различны по своему достоинству, по значенію для цѣлаго и даже по свойству и по большей и меньшей крѣпости самой связи, соединяющей ихъ съ цѣлымъ. Такимъ образомъ, единство въ извѣстномъ отношеніи непримиримо съ равенствомъ, и равенство не можетъ безусловно согласоваться съ единствомъ.

Нѣтъ сомнѣнія (какъ странно намъ въ этомъ увѣрять!), что Данилевскій отвергалъ всякое неравенство людей „передъ Богомъ и Его святою церковью". Но поэтому онъ даже и не задумывался надъ тѣмъ *единствомъ*, которое г. Соловьевъ принимаетъ за столь ясную и великую истину. Средоточіе человѣчества, по Данилевскому, находится въ Богѣ, для котораго всѣ мы равно дѣти, какъ проповѣдывалъ Христосъ. Связь человѣка съ Богомъ безконечно сильнѣе, чѣмъ всѣ связи, которыя могутъ существовать и образоваться между

людьми; она сохраняетъ свою силу и тогда, когда эти связи слабѣютъ и разрушаются.

Полагаемъ, что такъ это должно быть для всякаго истинно-религіознаго человѣка, что это и есть главная христіанская идея, высшее требованіе христіанства.

Къ чему приводитъ г. Соловьева желаніе какого-то другаго *единства*, мы сейчасъ увидимъ. Но всѣ его нападенія на Данилевскаго, всѣ его страшныя обвиненія происходятъ только оттого, что онъ на мѣсто истиннаго равенства подставляетъ свое мнимое единство.

II.

Начало народности.

Очень жаль, что г. Соловьевъ, порицая такъ сильно принципъ національности, нигдѣ не объясняетъ, чѣмъ же именно онъ противенъ нравственности, все равно, высшей или низшей. Рѣчь о появленіи и свойствахъ этого принципа находится на страницахъ 744 и 745 (февр.), но ровно ничего опредѣленнаго въ себѣ не заключаетъ. Тутъ бросается въ глаза только развѣ насмѣшливый отзывъ о Фихте: „Прежде всѣхъ отличился въ этомъ дѣлѣ знаменитый Фихте“, при чемъ ни мало не объясняется, почему такая иронія постигла этого доблестнаго и по всѣмъ правамъ знаменитаго философа. Мы можемъ только отсюда видѣть, какъ высоко залетѣлъ г. Соловьевъ, объявляющій себя поклонникомъ *крылатыхъ* теорій. Утѣшьтесь, русскіе писатели и художники! Не вы одни кажетесь *ползучими* нашему парящему на высотѣ мыслителю; вѣроятно, многіе геніи и великаны Европы окажутся у него тоже какими-то козявками!

Безнравственность принципа народности г. Соловьевъ, кажется, считаетъ вовсе и не требующею доказательствъ. Онъ, вообще, держится методы не развивать своихъ мыслей, а только утверждать ихъ на разные лады. Между тѣмъ вся

его статья, конечно, имѣла бы нѣкоторый смыслъ и оправданіе именно тогда, еслибы онъ объяснялъ въ ней предполагаемое имъ противорѣчіе между нравственностію и націонализмомъ. Тогда намъ было бы видно также, что это такое, дѣйствительное ли убѣжденіе, или только ссылка на него. Но онъ ограничивается одною ссылкою. Въ самомъ началѣ онъ говоритъ о книгѣ Н. Я. Данилевскаго такъ:

„Авторъ стоитъ всецѣло и окончательно на почвѣ племеннаго и національнаго раздора, осужденнаго, но еще не уничтоженнаго евангельскою проповѣдью" (стр. 744, февр.).

Послѣ этого, что же еще говорить! Если начало народности, на которомъ основана книга Н. Я. Данилевскаго, есть не болѣе какъ начало *племеннаго и національнаго раздора*, то, конечно, остается только негодовать и возноситься въ сферы „высшихъ нравственныхъ требованій". Посмотрите, вѣдь тутъ такъ и сказано: *раздора*, не раздѣленія или обособленія, а прямо *раздора*.

Отъ г. Соловьева можно было бы, казалось, ожидать хоть небольшаго умѣнья обращаться съ понятіями, умѣнья не брать вещи съ одной стороны. Какой предметъ, какое явленіе въ человѣческомъ мірѣ не можетъ сдѣлаться источникомъ раздора? Все, что угодно, право, собственность, религія, всякая сфера, гдѣ одинъ человѣкъ вступаетъ въ отношеніе къ другому, все можетъ быть источникомъ и любви и вражды, и согласія и раздора. Человѣкъ есть странное животное. Наивный Плиній замѣчаетъ: „Свирѣпые львы не „воюютъ между собою, змѣи не жалятъ змѣй; да и чудища „морскія и рыбы свирѣпствуютъ только противъ существъ „другаго рода. А человѣку, божуся, человѣкъ же всего „больше наноситъ бѣдствій". (Hist. natur. L. VII). Все это происходитъ оттого, что, по богатству развитія, міръ человѣческій порождаетъ внутри себя огромное разнообразіе, котораго вовсе не существуетъ у какихъ-нибудь животныхъ одного рода; при этомъ, человѣкъ возводитъ свои мысли и желанія до такой силы, что легко ставитъ ихъ выше своей жизни и смерти; такъ что и въ самомъ обиліи бѣдствій, терпимыхъ одними людьми отъ другихъ, все-таки сказывается

превосходство человѣка надъ животными. Войны, конечно, скоро прекратились бы, еслибы вовсе исчезла между людьми готовность жертвовать своею жизнью, то есть черта высокой доблести.

Все это мы говоримъ не для того, чтобы защищать раздоръ и войну; мы хотимъ только показать, что, какимъ бы великимъ зломъ ни были войны, но то, изъ-за чего они ведутся, и тѣ силы, которыя въ нихъ дѣйствуютъ, могутъ быть однако же прекрасными благами. Такъ, пожаръ есть, конечно, большое бѣдствіе, но огонь вообще ничуть не зло, а великое и незамѣнимое благо.

Чтó касается до начала народности, то положительная сторона его очень ясна. Положительное правило здѣсь будетъ такое: народы, уважайте и любите другъ друга! Не ищите владычества надъ другимъ народомъ и не вмѣшивайтесь въ его дѣла!

Эти требованія станутъ намъ яснѣе, если посмотримъ, къ чему именно óни должны быть прилагаемы. Начало народности имѣетъ силу главнымъ образомъ какъ поправка или дополненіе идеи государства. Государство есть понятіе преимущественно юридическое—люди живутъ, связанные одною властью и подчиненные однимъ законамъ. Это понятіе долго имѣло силу въ своемъ отвлеченномъ видѣ. Для государства все равно, къ какой народности принадлежитъ тотъ или другой его подданный; но мы теперь знаемъ, что для подданныхъ это не бываетъ и не можетъ быть равно. И вотъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка стала возникать сознательная идея (при чемъ и знаменитый Фихте отличился), что наилучшій порядокъ тотъ, когда предѣлы государства совпадаютъ съ предѣлами отдѣльнаго народа. Эта идея была возбуждена завоеваніями Наполеона Перваго; на фактѣ же, на дѣлѣ, значеніе народности обнаружилось въ Россіи, въ 1812 году, когда силы всей Европы сокрушились отъ неодолимаго сопротивленія русскаго народа. Потомъ та же идея направляла всею исторіею Европы до нашихъ дней: совершилось освобожденіе Греціи, Сербіи, Болгаріи, соединилась въ одно государство Италія, потомъ Гер-

манія, и, дастъ Богъ, эти освобожденія и соединенія пойдутъ и дальше и будутъ доведены до наилучшей сообразности съ идеею, которая ими руководитъ. Европа ищетъ для себя самаго естественнаго порядка и все тверже и спокойнѣе укладывается въ свои естественные раздѣлы; не будь великаго *интернаціональнаго* зла, соціализма, начало народности, исповѣдываемое Европою, обѣщало бы ей успокоеніе.

Г. Соловьевъ смотритъ на это съ негодованіемъ; онъ видитъ въ этомъ нѣкоторое возвращеніе языческаго начала, „націоналистическую реакцію." Какъ жаль, что онъ такъ высоко залетѣлъ! Если подойти къ дѣлу ближе, то мы увидимъ, напротивъ, что одухотвореніе міра подвигается нѣсколько впередъ. Теперь мы требуемъ, чтобы государство не было только мертвою, сухою формою, чтобы оно имѣло живую душу, чтобы его подданные соединялись не одними узами закона, а были связаны мыслями и желаніями, родствомъ физическимъ и нравственнымъ. Нашему вѣку свойственно умѣнье понимать и цѣнить всякія духовныя связи и духовныя формы. Мы знаемъ теперь, что языки людей, ихъ обычаи, нравы, вкусы, пѣсни, сказки, и т. д., что все это не произвольныя, случайныя выдумки, а все тѣсно связано и растетъ въ этой связи, развиваясь подъ вліяніемъ глубокаго единства. Въ силу таинственнаго морфологическаго процесса родъ людской раздѣлился на племена, и каждое изъ нихъ представляетъ не только особую внѣшнюю форму, но и особую форму душевной жизни, самый ясный признакъ которой состоитъ въ особомъ языкѣ. Принципъ національности и состоитъ въ стремленіи къ тому, чтобы не чинилось насилія этому человѣческому развитію, чтобы не была разрываема естественная связь между людьми и не были они сковываемы противъ ихъ воли.

Національнизмъ нашего вѣка вовсе не похожъ на національнизмъ древняго міра. У язычниковъ, можно сказать, всякій народъ хотѣлъ завладѣть всѣми другими народами; у христіанъ явилось правило, что никакой народъ не долженъ владѣть другимъ народомъ. Современное ученіе о народности, очевидно, примыкаетъ къ ученію любви и свободы.

Въ одномъ мѣстѣ своей статьи г. Соловьевъ указываетъ на различіе между взглядами Данилевскаго и взглядами прежнихъ славянофиловъ.

„Тѣ утверждали, что русскій народъ имѣетъ всемірно-историческое призваніе, какъ носитель всечеловѣческаго окончательнаго просвѣщенія: Данилевскій же, отрицая всякую общечеловѣческую задачу, считаетъ Россію и славянство лишь особымъ культурно-историческимъ типомъ“.

Это различіе, по мнѣнію г. Соловьева, явнымъ образомъ обращается во вредъ теоріи Данилевскаго.

„Коренные славянофилы, не отвергая всемірной исторіи и признавая, хотя лишь въ отвлеченномъ принципѣ, солидарность всего человѣчества, были ближе, чѣмъ Данилевскій, къ *христіанской* идеѣ и могли утверждать ее, не впадая въ явное внутреннее противорѣчіе“ (стр. 746, февраль).

Тутъ черезчуръ много словъ и въ каждомъ словѣ оговорка; но смыслъ все-таки тотъ, что признаніе русскаго народа „носителемъ окончательнаго всечеловѣческаго просвѣщенія“ ближе къ христіанской идеѣ, чѣмъ теорія Н. Я. Данилевскаго.

Между тѣмъ, нѣсколькими строками выше, тотъ же г. Соловьевъ, возставая вообще противъ „національнаго самочувствія“, говоритъ, что это самочувствіе легко приходитъ къ такой *формулѣ*:

„Нашъ народъ есть самый лучшій изъ всѣхъ народовъ и потому онъ предназначенъ, такъ или иначе, покорить себѣ всѣ другіе народы, или, *во всякомъ случаѣ*, занять первое высшее мѣсто между ними“.

Формула, какъ видитъ читатель, довольно логическая; но г. Соловьевъ справедливо осуждаетъ иныя ея послѣдствія.

„Такою формулой, говоритъ онъ, освящается всякое насиліе, угнетеніе, безконечныя войны, все злое и темное въ исторіи міра“ (стр. 745).

Не ясно ли, однако, что эта формула какъ разъ и совпадаетъ съ ученіемъ прежнихъ славянофиловъ? Выходитъ, что это ученіе въ одно время и ближе къ христіанской идеѣ, и ближе къ „освященію всякаго насилія, угнетенія“

и пр. и пр. Вотъ какъ трудно разсуждать о „солидарности всего человѣчества!“

Если мы, безъ шутокъ, вспомнимъ, что въ древности первымъ народомъ считали себя греки и римляне, а въ новой исторіи нѣмцы, французы, англичане, то значеніе этого первенства въ исторіи міра намъ представится довольно ясно. Въ послѣдовательномъ преобладаніи этихъ народовъ историки именно и видѣли то, что́ даетъ всей исторіи видъ нѣкотораго объединенія, хотя это преобладаніе достигалось, конечно, посредствомъ „всякаго насилія, угнетенія“ и пр. и пр. Вотъ отчего и первые славянофилы, когда въ нихъ пробудилось живое чувство народности, стали представлять себѣ будущее Россіи въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ историки изображали судьбы всякаго великаго народа, то есть, въ видѣ преобладанія надъ другими народами и управленія ходомъ всемірнаго прогресса.

Н. Я. Данилевскій первый почувствовалъ и призрачность этихъ понятій объ исторіи, и всю опасность и мечтательность этихъ притязаній на будущее первенство. Нельзя не подивиться той ясности ума и чуткости сердца, которая обнаружилась въ этомъ случаѣ. Еще недавно кто-то самодовольно утверждалъ, что Россія, будто бы, государство завоевательное. Данилевскій въ своей книгѣ очень основательно и обстоятельно отказывается отъ такой ужасной чести. И кто вдумается въ его теорію, тотъ, конечно, долженъ будетъ признать, что, отказываясь отъ „солидарности всего человѣчества“, онъ имѣлъ въ виду также избѣжать и „всякаго насилія, угнетенія“ и пр. и пр., посредствомъ которыхъ нѣкогда достигалась видимость этой солидарности; слѣдовательно, онъ въ своей теоріи ближе къ христіанской идеѣ, чѣмъ иные мыслители.

Вообще, книга Н. Я. Данилевскаго дышетъ истинно славянскимъ благодушіемъ, отсутствіемъ всякой народной ненависти, и, говоря о будущемъ, даетъ Россіи только однѣ справедливыя и великодушныя задачи. Этотъ духъ книги есть и духъ теоріи, которая въ ней излагается. Повторю

здѣсь сужденіе, высказанное мною при первомъ появленіи книги:

„Славяне не предназначены обновить весь міръ, найти „для всего человѣчества рѣшеніе исторической задачи; они „суть только особый культурно-историческій типъ, рядомъ „съ которымъ можетъ имѣть мѣсто существованіе и разви-„тіе другихъ типовъ. Вотъ рѣшеніе, разомъ устраняющее „многія затрудненія, полагающее предѣлъ инымъ несбыточ-„нымъ мечтаніямъ и сводящее насъ на твердую почву дѣй-„ствительности. Сверхъ того, очевидно, что это рѣшеніе — „чисто славянское, представляющее тотъ характеръ терпи-„мости, котораго вообще мы не находимъ во взглядахъ Ев-„ропы, насильственной и властолюбивой не только на прак-„тикѣ, но и въ своихъ умственныхъ построеніяхъ“ [1]).

Если Карамзинъ горестно замѣчалъ: „прелестная мечта всемірнаго согласія и братства, столь милая душамъ нѣжнымъ! для чего ты была всегда мечтою?“, то Н. Я. Данилевскій, мнѣ думается, больше другихъ имѣлъ право предаваться мыслямъ

о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.

III.

Человѣчество, какъ организмъ.

Понятно теперь, почему у г. Соловьева нѣтъ вовсе доводовъ, объясняющихъ безнравственность начала народности; такихъ доводовъ и быть не можетъ. Поэтому, на первый планъ онъ выдвигаетъ другаго рода аргументъ. Главный тезисъ его статьи тотъ, что человѣчество образуетъ *единый организмъ*. Вотъ что́ онъ считаетъ „основною христіанскою и гуманитарною идеею“. Сюда онъ подводитъ всѣ тѣ

[1]) *Россія и Европа*, Предисл., стр. XXVI.

мысли о любви къ *каждому* человѣку, о равенствѣ *всѣхъ* людей, объ *одинаковой* у нихъ природѣ и душѣ,—мысли, столь знакомыя и обыкновенныя для насъ, христіанъ.

„Авторъ *Россіи и Европы*", говоритъ г. Соловьевъ, „не сдѣлалъ даже и попытки опровергнуть или устранить иной взглядъ на дѣло, тотъ взглядъ, который со временъ Ап. Павла (а отчасти и Сенеки) раздѣлялся лучшими умами Европы, а въ настоящее время становится даже достояніемъ положительно-научной философіи. Я разумѣю взглядъ, по которому человѣчество относится къ племенамъ и народамъ, его составляющимъ, не какъ родъ къ видамъ, а какъ *цѣлое къ частямъ*, какъ реальный и живой организмъ къ своимъ органамъ или членамъ, жизнь которыхъ существенно и необходимо опредѣляется жизнью всего тѣла. Понятіе тѣла не есть пустое отвлеченіе отъ представленій о его членахъ, и точно также тѣло не можетъ мыслиться и какъ простая совокупность или аггрегатъ своихъ членовъ; слѣдовательно, отношеніе родоваго къ видовому непримѣнимо здѣсь ни въ одномъ изъ двухъ значеній, различаемыхъ авторомъ. А между тѣмъ, идея человѣчества, какъ живаго цѣлаго (а не какъ отвлеченнаго понятія и не какъ аггрегата), настолько вошла, еще съ первыхъ временъ христіанства, въ духовные инстинкты мыслящихъ людей, что отъ этой идеи не могъ отдѣлаться и самъ Данилевскій, называющій въ одномъ мѣстѣ свои „культурно-историческіе типы"—*живыми и дѣятельными органами человѣчества* [1]). Къ сожалѣнію, въ этихъ словахъ можно видѣть именно только проявленіе безотчетнаго инстинкта истины. Еслибы это была серьезная и сознательная мысль автора, то ему пришлось бы отречься отъ всего содержанія и даже отъ самыхъ мотивовъ его труда. Если, въ самомъ дѣлѣ, культурно-историческіе типы суть живые и дѣятельные (а слѣдовательно въ нѣкоторой степени и сознательные) органы человѣчества, какъ единаго духовно-физическаго организма, то понятія „общечеловѣческаго" и „всечеловѣческаго" получаютъ, по отношенію къ частнымъ группамъ, такое положительное и существенное значеніе, которое прямо противорѣчитъ основному воззрѣнію Данилевскаго на коренную самостоятельность и необходимое обособленіе культурно-историческихъ типовъ. Тогда уже нужно бросить и то практическое заключеніе, что будто бы интересы человѣчества для насъ не существуютъ и не должны существовать, и будто бы никакихъ обязанностей мы къ нему имѣть

[1]) *Россія и Европа*, стр. 131.

не можемъ. Придется, напротивъ, принять совершенно иное заключеніе: если всякая частная группа, національная или племенная, есть лишь органъ (орудіе) человѣчества, то наши обязанности къ народу или племени, т. е. къ *орудію*, существенно обусловлены высшими обязанностями по отношенію къ тому, для чего это орудіе должно служить. Мы обязаны подчиняться народу лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ самъ подчинялся высшимъ интересамъ цѣлаго человѣчества. Стоитъ только въ „систему" культурно-историческихъ типовъ серьезно подставить понятіе о живыхъ и дѣятельныхъ органахъ человѣчества,—и уже однимъ этимъ опредѣленіемъ вполнѣ опровергается партикуляризмъ нашего автора, и вмѣсто всякой критики ему достаточно было бы напомнить старую римскую басню о членахъ тѣла, пожелавшихъ жить только для себя" (апрѣль, стр. 752, 753).

Вотъ главное мѣсто статьи, центральное по содержанію, торжественно заявляющее опредѣленные догматы и громко празднующее ихъ побѣду. Что́ же мы скажемъ? Если такіе прыжки, такія, можно сказать, „преухищренныя измечтанія" необходимы для опроверженія Данилевскаго, то, должно быть, онъ совершенно правъ. Онъ непобѣдимъ, если для побѣды надъ нимъ, для уличенія его въ отсутствіи истиннаго человѣколюбія, непремѣнно понадобилось признать, что человѣчество есть организмъ, т. е. нѣкоторое существо, столь же обособленное и централизованное, какъ отдѣльное животное или растеніе.

Слова *организмъ*, *органическій* употребляются безпрестанно, но многихъ они сбиваютъ съ пути правильнаго пониманія. Не нужно никогда забывать, что эти выраженія часто указываютъ только *аналогію*, только уподобленіе дѣйствительнымъ организмамъ. Когда мы говоримъ о *движеніи* дѣлъ въ какомъ-нибудь вѣдомствѣ, о *механизмѣ* какого-нибудь управленія, то, конечно, никто не воображаетъ, что въ присутственныхъ мѣстахъ вмѣсто живыхъ чиновниковъ находятся мертвые винты, рычаги и колеса, которыми и производится дѣло. То же самое различіе нужно дѣлать и при употребленіи терминовъ *органъ*, *органическій* и т. д. По аналогіи съ извѣстными явленіями, можно назвать организмомъ государство, армію, школу, департаментъ, но еще лучше—народъ,

языкъ, миѳологію, семейство, всякую форму, которая растетъ сама собою, гдѣ намѣренность и сознательность отступаютъ на задній планъ. Но не отличать всего этого отъ дѣйствительныхъ организмовъ было бы большою нелѣпостью [1]).

Лѣтъ за пятьсотъ до Р. Х. сравненіе государства съ организмомъ съиграло, какъ разсказываютъ, важную роль въ исторіи самаго государственнаго изъ народовъ земли, римлянъ. Мененій Агриппа укротилъ возмущеніе плебеевъ, разсказавъ возмутившимся, какая бѣда случилась, когда члены человѣческаго тѣла вздумали однажды возстать противъ брюха, и руки перестали носить пищу въ ротъ, ротъ перестал ее брать, а зубы жевать; тогда все тѣло и всѣ члены стали гибнуть отъ истощенія. Та же басня теперь направлена г. Соловьевымъ противъ „узкаго и неразумнаго патріотизма покойнаго Данилевскаго“ (апр. стр. 731). Г. Соловьевъ утверждаетъ, что человѣчество есть „живое цѣлое“, что оно „относится къ племенамъ и народамъ, его составляющимъ, какъ реальный и живой организмъ къ своимъ органамъ и членамъ, жизнь которыхъ существенно и необходимо опредѣляется жизнью всего тѣла“. Значитъ, это есть существо даже превосходящее своимъ сосредоточеніемъ то, что мы обыкновенно называемъ организмами; ибо и въ тѣлѣ человѣка, самаго совершеннаго дѣйствительнаго организма, бываетъ, какъ показалъ Вирховъ, много мѣстныхъ явленій, независящихъ *существенно и необходимо* отъ жизни всего тѣла.

Но чѣмъ же доказывается такая организація человѣчества? У г. Соловьева—ничѣмъ; онъ, повидимому, думаетъ,

---

[1]) Кстати поправимъ здѣсь ссылку, сдѣланную г. Соловьевымъ. Данилевскій нигдѣ не называетъ культурно-историческіе типы вообще *органами человѣчества*; но въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о славянахъ: „ежели они по внѣшнимъ или внутреннимъ причинамъ не въ состояніи *выработать самобытной цивилизаціи*, т. е. стать на степень *развитаго* культурно-историческаго типа,—живаго и дѣятельнаго органа человѣчества, то..“ и проч. Тутъ, очевидно, другой смыслъ, тутъ разумѣется нѣкоторое участіе въ томъ, что тотъ же Данилевскій называетъ *общею жизнью, общимъ развитіемъ* человѣчества, и о чемъ рѣчь будетъ дальше.

что это вовсе и не нуждается въ доказательствахъ. Онъ только пышными словами ссылается на различные авторитеты: 1) на Сенеку, 2) на Ап. Павла, 3) на „положительно-научную философію“, т. е. на Огюста Конта; онъ утверждаетъ, что будто бы этотъ взглядъ, уже со временъ Ап. Павла и Сенеки вообще „раздѣлялся лучшими умами Европы“ и даже „вошелъ въ духовные инстинкты мыслящихъ людей“.

Не слишкомъ ли уже много этихъ ссылокъ? Притомъ, очень жаль, что все это *глухія* ссылки, то-есть не показано, что тѣ, кто тутъ названъ по имени, или тѣ, кто принадлежитъ къ толпѣ таинственныхъ незнакомцевъ, названныхъ гуртомъ „лучшими умами Европы“, что они держались именно того мнѣнія, которое такъ опредѣленно и рѣшительно высказалъ г. Соловьевъ. Нельзя же считать приверженцемъ теоріи *единаго организма* всякаго, кто высказывалъ чувство всеобщаго человѣколюбія, или мысль о происхожденіи всѣхъ людей отъ Адама и объ одинаковомъ отношеніи ихъ къ Богу. Читатель, напримѣръ, не можетъ не почувствовать, что есть, вѣроятно, не малая разница между мнѣніями стоическаго пантеиста Сенеки, христіанина Ап. Павла и атеиста Огюста Конта. Сей послѣдній представитель „лучшихъ умовъ Европы“ и выразитель „духовныхъ инстинктовъ мыслящихъ людей“ именно нашего вѣка—могъ бы подать поводъ ко многимъ замѣчаніямъ. Онъ отвергалъ бытіе Бога, но придумалъ, какъ извѣстно, свою собственную троицу и проповѣдывалъ поклоненіе ей. Кромѣ Великаго Существа (Grand-Être), соотвѣтствующаго тому, что̀ г. Соловьевъ называетъ организмомъ человѣчества, Контъ признавалъ еще Великаго Фетиша, т. е. земную планету, и Великую Среду, т. е. пространство. Ничего нѣтъ мудренаго, что мыслитель, одолѣваемый такимъ неудержимымъ стремленіемъ создавать миѳы, воплощать, олицетворять всякіе предметы, что такой мыслитель призналъ человѣчество за единый организмъ. Впрочемъ, онъ вѣдь вводилъ въ свое Великое Существо не однихъ людей, а считалъ его членами также лошадей, собакъ и вообще животныхъ, служащихъ людямъ. Что̀ ска-

жетъ на это г. Соловьевъ? Не принять ли намъ лучше, что все животное царство составляетъ одинъ организмъ? Тогда мы станемъ, пожалуй, нѣсколько ближе къ пантеизму стоиковъ, который вѣдь, какъ хотите, есть дѣйствительный фазисъ философской мысли, не то что ваша пресловутая „положительно-научная философія“, интересная только по тупому упорству, съ которымъ она держится своей односторонности.

Но мы оставимъ всѣ эти блужданія по исторіи человѣческой мысли. Нѣтъ никакой надобности старательно доказывать, что г. Соловьевъ сдѣлалъ совершенно голословную ссылку на эту исторію. Возьмемъ прямо мысль, за которую онъ стоитъ. Если человѣчество есть организмъ, то гдѣ его органы? На какія системы эти органы распадаются и какъ между собою связаны? Гдѣ его центральныя части и гдѣ побочныя, служебныя? Напрасно г. Соловьевъ говоритъ, что какъ только Данилевскій призналъ бы мысль *единаго организма*, то „ему пришлось бы отречься отъ всего содержанія и даже отъ самыхъ мотивовъ его труда“. Ничуть не бывало. Книга Данилевскаго представляетъ намъ, такъ сказать, очеркъ *анатоміи и физіологіи человѣчества*. Еслибы мы даже вовсе отказались отъ физіологіи, предложенной въ этой книгѣ, то анатомія осталась бы, однако, еще неприкосновенною. Культурно-историческіе типы, ихъ внутренній составъ, ихъ взаимное положеніе и послѣдовательность—весь этотъ анализъ намъ необходимо будетъ вполнѣ признать, все равно, будемъ ли мы думать, какъ Данилевскій, что эти типы суть *какъ будто* отдѣльные организмы, послѣдовательно возникающіе и совершающіе циклъ своей жизни, или же мы, вмѣстѣ съ г. Соловьевымъ, вообразимъ, что это „живые и дѣятельные (а слѣдовательно въ нѣкоторой степени и сознательные) органы человѣчества, какъ единаго „духовно-физическаго организма“. Какую бы тѣсную связь между органами мы ни предполагали, но прежде всего сами органы должны быть на лицо; какое бы соподчиненіе жизненныхъ явленій мы ни воображали, но прежде всего должно быть дано то разнообразіе, которое подчиняется единству.

Объ этомъ совершенно забылъ г. Соловьевъ, весь поглощенный своими мыслями объ отвлеченномъ единствѣ. Онъ вовсе и не думаетъ, что долженъ бы хоть намекнуть намъ, какъ онъ представляетъ себѣ организацію человѣчества. Какое же право мы имѣемъ называть что-нибудь организмомъ, если не можемъ указать въ немъ ни одной черты органическаго строенія? Вмѣсто того, г. Соловьевъ съ величайшими усиліями вооружается противъ культурно-историческихъ типовъ Данилевскаго и старается подорвать ихъ со всевозможныхъ сторонъ, очевидно, воображая, что, когда человѣчество явится передъ нами въ видѣ безформенной однородной массы, въ видѣ простаго скопленія человѣческихъ недѣлимыхъ, тогда-то оно будетъ всего больше походить на „живое цѣлое".

IV.

Естественная система въ исторіи.

Обо всей исторіи культурно-историческихъ типовъ, объ этой „естественной системѣ" исторіи, г. Соловьевъ, на основаніи своего разбора, произноситъ слѣдующій заключительный приговоръ:

„Эта система, соединяющая разнородное, раздѣляющая однородное и вовсе пропускающая то, что не вкладывается въ ея рамки, есть лишь произвольное измышленіе, главнымъ образомъ обусловленное малымъ знакомствомъ Данилевскаго съ данными исторіи и филологіи, и явно противорѣчащее тѣмъ логическимъ требованіямъ всякой классификаціи, которыя онъ самъ позаботился выставить" (стр. 758, апрѣль).

Боже! Какъ громко и рѣзко, а какая путаница! Я хочу сказать, что тутъ набраны всякіе, самые разнородные, но все *общіе* упреки, такъ что эту характеристику можно отнести ко всякому очень плохому разсужденію, и, напримѣръ, она къ статьѣ г. Соловьева примѣняется какъ нельзя лучше. Если система Данилевскаго несостоятельна, то, очевидно,

[illegible] *цѣлъ*, и тогда мы вполнѣ поймемъ [illegible], и не нужно будетъ подбирать ра[illegible] доказательствъ, изъ которыхъ не выходитъ [illegible] „Произвольное измышленіе, обусловленн[illegible] съ данными“! Да что же можетъ быть *об*[illegible]ловно? Если человѣкъ чего-нибудь не знаетъ [illegible] сейчасъ и пустится въ *измышленія* и при[illegible] *произвольныя?*

[illegible] извиненія за это отступленіе; слогъ и логика [illegible] занимаютъ меня, можетъ быть, больше, чѣмъ [illegible] Обратимся къ дѣлу.

[illegible] всего г. Соловьевъ безъ сомнѣнія вовсе не по[illegible] требованій естественной системы. Онъ приступаетъ [illegible] Данилевскому съ вопросомъ: „почему принято столько [illegible], а не больше и не меньше?“ а потомъ съ упрекомъ, [illegible] „не предпослалъ своей таблицѣ прямаго опредѣ[illegible] того, что онъ признаетъ за особый культурно-истори[illegible] типъ“ (стр. 733, 734, апрѣль). Можно подумать, что [illegible] идетъ не объ опытной, а о какой-нибудь апріорной [illegible], напр., о геометріи. Тамъ сперва опредѣляютъ, что [illegible] треугольникъ, а потомъ выводятъ различные виды [illegible] фигуры, напр., что треугольники бываютъ равносто[illegible], равнобедренные и неравносторонніе.

Но въ наукѣ наблюдательной, какъ исторія, и опредѣле[illegible], и раздѣленіе не даны напередъ, а напротивъ составляютъ [illegible], суть то, что должно еще получиться изъ нашихъ наблюденій и сравненій. Типъ у Данилевскаго есть просто [illegible] дѣленіе, какое можно найти въ исторіи, то есть [illegible] широкая группа людей, о которой бы можно было [illegible], что она при смѣнѣ своихъ поколѣній дѣйствительно [illegible] нѣкоторую исторію, имѣетъ историческую, слѣдовательно, культурную жизнь, дѣйствительно бываетъ и молодою, и зрѣлою, и дряхлою, и наконецъ совершенно отживаетъ свою жизнь. Самыя ясныя изъ этихъ группъ прямо бросаются намъ въ глаза, и потому Данилевскій и указываетъ на нихъ прямо, какъ на нѣчто всѣмъ извѣстное. Но, разумѣется, и точное разграниченіе ихъ, и правильная харак-

теристика, также какъ изложеніе особенностей жизни и развитія каждой группы составляютъ предметъ долгихъ изысканій и совершенствуются вмѣстѣ съ успѣхами самой науки исторіи. Такъ и въ зоологіи, и въ ботаникѣ, нѣкоторыя главныя, крупныя черты естественной системы животныхъ и растеній приняты съ самаго начала и остаются давно неизмѣнными, но въ частностяхъ, въ оцѣнкѣ отношеній между группами, въ подраздѣленіяхъ на меньшія группы, дѣлаются все новые и новые шаги къ полной опредѣленности и всесторонности.

Чтобы дать оправданіе нѣкоторымъ своимъ возраженіямъ, г. Соловьевъ говоритъ, что не сталъ бы ихъ дѣлать, „еслибы мы имѣли дѣло съ обыкновенною приблизительною классификаціею явленій, а не съ претензіей на строго-опредѣленную и точную «естественную систему исторіи»“ (стр. 737, апр.).

Значитъ, г. Соловьевъ не понимаетъ, что *строго-опредѣленными и точными* бываютъ сразу только искусственныя системы, а для естественныхъ системъ строгая опредѣленность и точность есть лишь идеалъ, о полномъ достиженіи котораго сейчасъ же—могутъ говорить только тѣ, кто вовсе не понимаетъ важности и трудности задачи. Книга Данилевскаго указываетъ только методу и общій планъ изслѣдованія, а вовсе не есть полная *естественная система исторіи*, потому что вѣдь это была бы наука исторіи въ полномъ ея составѣ. Иное дѣло искусственная система—она сразу бываетъ точна и опредѣленна. Такъ у насъ въ большомъ ходу дѣленіе исторіи по столѣтіямъ, и тутъ ужь нѣтъ ни колебаній, ни успѣховъ. Если событіе случилось въ 1799 году, то оно относится къ восемнадцатому вѣку, а если въ 1800, то къ девятнадцатому. Очень точно и удобно, но именно потому, что тутъ не обращается вниманія ни на какія естественныя отношенія.

Должно быть, однако же, г. Соловьевъ кой-что знаетъ о естественной системѣ. Такъ у него проскользнуло слѣдующее замѣчаніе: „Въ особенности составителямъ естественныхъ системъ приходилось устранять многое общеизвѣстное.

Иначе, напримѣръ, въ классификаціи животныхъ пришлось бы принять кита за рыбу" (стр. 733, апрѣль).

Вотъ примѣръ, прекрасно поясняющій дѣло. Классъ рыбъ есть общеизвѣстный классъ, группа, признаваемая внѣ всякой науки. Въ то же время, это группа чрезвычайно естественная, почему она и была съ самаго начала принята въ естественной системѣ. Эта система, однако, вникая глубже въ устройство животныхъ, *поправила* общеизвѣстную группу рыбъ, именно отдѣлила отъ нея кита, и тогда эта группа стала *совершенно* естественною.

Итакъ, поправки, которымъ постепенно подвергается естественная система, не значатъ, что эта система разрушается, а напротивъ ведутъ ее только къ бо́льшей и бо́льшей естественности.

Между тѣмъ г. Соловьевъ очень смутно сообразилъ эти понятія и совершенно сбился въ своихъ выводахъ. Онъ упрекаетъ Данилевскаго въ томъ, что тотъ прямо беретъ общеизвѣстные культурные типы; въ этомъ онъ видитъ только „крайнюю произвольность". Когда же онъ замѣтилъ, что одинъ типъ Данилевскаго допускаетъ поправку, что тутъ нашелся китъ, котораго нужно отдѣлить отъ рыбъ, то г. Соловьевъ чрезвычайно обрадовался этому, какъ отличнѣйшему средству для своей цѣли, состоящей только не въ томъ, чтобы найти истинную систему исторіи, а въ томъ, чтобы опровергнуть Данилевскаго.

Китъ, о которомъ идетъ рѣчь,—финикіяне. Данилевскій вовсе не разсуждаетъ объ этомъ народѣ и его исторіи; онъ только голословно, ссылаясь на одну лишь *общеизвѣстность*, соединилъ его (въ своемъ перечисленіи типовъ) въ одинъ типъ съ ассиріянами и вавилонянами. Противъ этой *одной* строчки г. Соловьевъ написалъ нѣсколько страницъ, блистающихъ самою свѣжею ученостью и ссылками даже на подлинныя слова Ренана.

А какой же выводъ изъ ученыхъ изысканій? Прежде всего нашъ критикъ утверждаетъ слѣдующую „возможность":

„Возможность отвести такой важной культурной націи какъ Финикія, любое изъ трехъ мѣстъ въ исторической

классификаціи (кромѣ того невозможнаго положенія, какое она занимаетъ въ quasi-естественной системѣ нашего автора), а именно: или видѣть во Финикіи одинъ изъ членовъ единаго обще-семитическаго типа, или признать ее, вмѣстѣ съ еврействомъ за особую хананейскую или кенаано-пунійскую группу, или наконецъ выдѣлить ее въ отдѣльный культурно-историческій типъ" (стр. 737, апр.).

Ну такъ въ чемъ же дѣло? Мы видимъ, что тутъ исчерпаны всѣ возможности; когда нужно опредѣлить положеніе какого-нибудь предмета въ системѣ, то можно: 1) или подвести его подъ классъ уже извѣстный, 2) или составить изъ него особый классъ, притомъ: а) изъ него одного, или b) съ присоединеніемъ какихъ-нибудь другихъ сродныхъ предметовъ. Чтобы рѣшить вопросъ, нужно приняться за точныя и обстоятельныя изслѣдованія; такъ и теперь, нужно, значитъ, пуститься въ изученіе исторіи финикіянъ, которой Данилевскій никогда не изучалъ, почему и судилъ въ этомъ случаѣ по неточнымъ свѣдѣніямъ объ исторіи Востока, какія были общеизвѣстны во время писанія его книги.

Но г. Соловьеву ни исторія вообще, ни финикіяне въ частности вовсе не нужны; почему онъ и приходитъ къ совершенно другому заключенію, преудивительному:

„Эта одинаковая возможность принять по этому предмету три различные взгляда, изъ коихъ каждый имѣетъ свое научное оправданіе, ясно показываетъ, насколько шатокъ и неустойчивъ самый принципъ дѣленія человѣчества на культурно-историческіе типы, насколько смутно понятіе такого типа, насколько неопредѣленны границы между этими условными группами, которыя Данилевскій наивно принимаетъ за вполнѣ дѣйствительныя социальныя единицы" (тамъ же).

Какъ *одинаковая возможность*? Но вѣдь только логически эти три случая одинаково возможны, т. е когда дѣло идетъ о предметѣ неизвѣстномъ, или лучше о неизвѣстно какомъ предметѣ. Въ дѣйствительности же, когда предметъ намъ данъ, то не три случая могутъ разомъ имѣть мѣсто, а только *одинъ изъ трехъ*. Развѣ же тутъ возможно совершенно равное „научное оправданіе"? Злополучные финикіяне, очевидно, только тогда не могли бы найти себѣ мѣста въ системѣ исторіи, еслибы было доказано, что самое понятіе

особой культуры вовсе неприложимо къ человѣчеству, что нѣтъ и не бывало культуръ, постепенно развивающихся, процвѣтающихъ и падающихъ. Но о культурѣ вообще, о томъ понятіи различныхъ культуръ, въ которомъ заключается весь узелъ вопроса, г. Соловьевъ ровно ничего не говоритъ. Онъ думалъ обойтись побочными средствами.

Между тѣмъ ясно, что для него осталась только *четвертая* возможность, о которой онъ однако не упоминаетъ. Эта четвертая возможность та, что въ человѣчествѣ и его исторіи вовсе не существуетъ никакихъ дѣленій, никакой системы. Логика самого предмета невольно вынуждаетъ г. Соловьева къ такому заключенію, которое высказать онъ только затрудняется. Такъ, упомянувъ о томъ, что дѣленіе человѣчества по частямъ свѣта и дѣленіе исторіи на древнюю, среднюю и новую обличаются Данилевскимъ въ искусственности, неточности и нелогичности, онъ замѣчаетъ:

„Для тѣхъ, кто видитъ въ человѣчествѣ единое живое цѣлое, вопросъ о томъ или другомъ распредѣленіи частей этого цѣлаго имѣетъ *во всякомъ случаѣ лишь второстепенное значеніе*.— Иначе представляется дѣло для Данилевскаго“ (стр. 732 апр.).

Совершенно справедливо! Данилевскій никогда не думалъ, никакъ не могъ и представить себѣ, что дѣленіе въ какой бы то ни было наукѣ, въ какомъ бы то ни было предметѣ имѣетъ малое значеніе, будто бы во всѣхъ отношеніяхъ второстепенное. Только крылатые мыслители подымаются до такой высокой мысли. Данилевскій же, очевидно, какъ способный лишь къ *ползучимъ* теоріямъ, вздумалъ воевать противъ того недостатка научной строгости, который такъ обыкновененъ въ историческихъ сочиненіяхъ и такъ по душѣ приходится г. Соловьеву. Въ самомъ дѣлѣ, историки постоянно подвержены и постоянно поддаются искушенію въ томъ отношеніи, что порядокъ фактовъ ихъ науки, повидимому, имъ данъ заранѣе, именно порядокъ *времени* этихъ фактовъ. Поэтому иные излагатели исторіи вовсе и не думаютъ о надобности точнаго опредѣленія періодовъ, а также о такой группировкѣ явленій, которая можетъ не совпадать

съ единою прямою линіею времени. Но, чѣмъ глубже понимаетъ свое дѣло историкъ, тѣмъ чаще его разсказъ вынуждаетъ его отступать отъ порядка простой хроники. Вмѣсто этихъ попытокъ, предоставленныхъ уму и взгляду каждаго историка, и вмѣсто грубыхъ крупныхъ дѣленій, не играющихъ никакой существенной роли, Данилевскій и пожелалъ яснаго и точнаго распредѣленія фактовъ, общей группировки ихъ по степени ихъ естественнаго сродства и предложилъ теорію культурныхъ типовъ. Вотъ его преступленіе противъ тѣхъ, кому низшія требованія науки мѣшаютъ предаваться высшимъ полетамъ.

На страницѣ 739-й (апрѣль) г. Соловьевъ совершенно спутываетъ мысли Данилевскаго. Онъ приводитъ его правило: „группы должны быть однородны, то есть степень „сродства, соединяющая ихъ членовъ, должна быть одинакова въ одноименныхъ группахъ", и толкуетъ, что здѣсь подъ *членами* должно разумѣть отдѣльные народы, входящіе въ составъ культурнаго типа.

Никогда этой мысли не было у Данилевскаго. Подъ членами онъ тутъ понималъ всякаго рода историческія событія и хотѣлъ сказать, что только событія, относящіяся къ исторіи одного культурнаго типа, бываютъ связаны между собою столь же тѣсно, какъ событія другаго типа между собою. Это суть явленія, переживаемыя типомъ въ неразрывной цѣпи поколѣній, и потому составляющія дѣйствительную исторію; — такой связи не можетъ быть между явленіями различныхъ типовъ.

Между тѣмъ г. Соловьевъ, превратно понявъ правило, выставляетъ противъ него цѣлый рядъ возраженій. Напримѣръ: „Любопытно было бы знать, какіе члены дѣленія — „соотвѣтствующіе цѣлымъ великимъ націямъ, на которыя „дѣлится Европа,—можно найти въ древне-египетскомъ, или „въ еврейскомъ культурномъ типѣ?" (стр. 739). Вотъ въ какомъ явномъ и грубомъ недосмотрѣ рѣшился обвинять Данилевскаго г. Соловьевъ, вѣроятно разлакомившись своими финикіянами. А затѣмъ и готово: система эта обусловлена-де незнакомствомъ съ данными исторіи!

Вообще замѣтимъ, что въ книгѣ Данилевскаго нѣтъ какого-нибудь изслѣдованія всѣхъ указанныхъ имъ типовъ; различныя свойства этихъ типовъ, различный ихъ составъ, различная исторія—все это предлежитъ труду историковъ. Поправки и всякое углубленіе и уясненіе чертъ разъ намѣченныхъ и неизбѣжны, и желательны; но самая идея типовъ вполнѣ останется и получитъ лишь бо́льшую твердость.

Только два типа подробно и тщательно разсматриваетъ книга Данилевскаго, именно тѣ, которые указаны въ заглавіи: славянскій и германо-романскій; тутъ много опредѣленныхъ и обстоятельныхъ замѣчаній объ ихъ составѣ, ихъ исторической судьбѣ, ихъ духовныхъ свойствахъ и взаимныхъ отношеніяхъ,—такъ что именно на этихъ двухъ типахъ мы можемъ (если желаемъ) изучать, что́ такое Данилевскій называетъ культурнымъ типомъ, и точно ли онъ правъ, утверждая, что такіе типы существуютъ въ исторіи. И что же? Г. Соловьевъ, критикующій эту книгу, очень заинтересовался финикіянами, о которыхъ въ ней только упомянуто, и вовсе не разсуждаетъ о типахъ славянскомъ и германо-романскомъ! Его статья называется *Россія и Европа*, но въ ней вовсе не разбираются всѣ тѣ отношенія между Россіею и Европою, которыя составляютъ самый существенный предметъ книги и были путеводною нитью для всѣхъ ея мыслей! Просвѣщенный читатель „Вѣстника Европы“ не получитъ по статьѣ г. Соловьева даже слабаго понятія о содержаніи книги Данилевскаго. О, крылатая критика! Ты плохо видишь; но точно ли отъ того это происходитъ, что ты высоко летаешь?

V.

Объединители.

Если мы не будемъ признавать никакихъ культурныхъ типовъ, если будемъ всячески доказывать, что въ исторіи все путается и переплетается, такъ что нельзя найти въ ней

никакихъ правильныхъ группъ явленій, и бѣднымъ финикіянамъ нельзя вовсе указать опредѣленнаго мѣста, то отсюда еще не слѣдуетъ, что человѣчество представится намъ въ видѣ „живаго цѣлаго", въ видѣ организма. Для такого представленія, очевидно, нужно, напротивъ, показать въ человѣчествѣ хоть какой-нибудь порядокъ, нужно хоть съ какой-нибудь стороны, хоть въ малой мѣрѣ внушить мысль, что въ этомъ организмѣ не одна путаница, а есть и нѣкоторое единство. Г. Соловьевъ это и дѣлаетъ въ слѣдующемъ мѣстѣ:

„Тотъ обширный и законченный періодъ въ жизни историческихъ народовъ, который называется древнею исторіею, рядомъ съ господствомъ національнаго сепаратизма, представляетъ, однако, несомнѣнное движеніе впередъ въ смыслѣ все бо̀льшаго и бо̀льшаго объединенія чуждыхъ въ началѣ и враждебныхъ другъ другу народностей и государствъ". „Тѣ націи, которыя не принимали участія въ этомъ движеніи, получили тѣмъ самымъ совершенно особый анти-историческій характеръ".

И такъ, вообще говоря, въ древней исторіи совершалось нѣкоторое *объединеніе*; процессъ этого объединенія г. Соловьевъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

„Политическая и культурная централизація не ограничивалась отдѣльными народами, ни даже опредѣленными группами народовъ, а стремилась перейти въ такъ называемое всемірное владычество, и это стремленіе дѣйствительно приближалось все болѣе и болѣе къ своей цѣли, хотя и не могло осуществиться вполнѣ. Монархія Кира и Дарія далеко не была только выраженіемъ иранскаго культурно-историческаго типа, смѣнившаго типъ халдейскій. Вобравши въ себя всю прежнюю ассиро-вавилонскую монархію и широко раздвинувшись во всѣ стороны между Греціей и Индіей, Скиѳіей и Эѳіопіей, держава великаго царя во все время своего процвѣтанія обнимала собою не одинъ, а по крайней мѣрѣ цѣлыхъ четыре культурно-историческихъ типа (по классификаціи Данилевскаго), а именно мидо-персидскій, сиро-халдейскій, египетскій и еврейскій, изъ коихъ каждый, подчиняясь политическому, а до нѣкоторой степени и культурному единству цѣлаго, сохранялъ, однако, свои главныя образовательныя особенности и вовсе не становился простымъ этнографическимъ матеріаломъ (*т. е. куль-*

*

турнаго единства не было?). Царство Александра Македонскаго (распавшееся послѣ него лишь политически, но сохранившее во всемъ объемѣ новое культурное единство (*откуда же* новое, *когда никакого стараго не было?*) эллинизма) расширило предѣлы прежней міровой державы, включивши въ нихъ съ запада всю область греческаго типа, а на востокѣ захвативши часть Индіи. Наконецъ, Римская Имперія, вмѣстѣ съ новымъ культурнымъ элементомъ, латинскимъ, ввела въ общее движеніе всю западную Европу и сѣверную Африку, соединивъ съ ними весь захваченный Римомъ міръ восточно-эллинской культуры" (апр. 727, 728).

Этотъ разсказъ заслуживаетъ нашего полнаго вниманія, такъ какъ онъ есть единственная попытка г. Соловьева указать нѣкоторую органическую цѣльность въ исторіи человѣчества, несогласную будто бы съ теоріей Данилевскаго.

Но что же мы видимъ здѣсь? Если г. Соловьевъ дѣйствительно признаетъ человѣчество за организмъ, то изъ приведеннаго разсказа видно, что оно есть какой-то удивительный организмъ, вовсе непохожій на обыкновенные организмы. Того единства, которое изначала свойственно каждому обыкновенному организму, въ человѣчествѣ сперва вовсе не было; напротивъ, намъ говорятъ, что въ началѣ человѣчество состояло „изъ чуждыхъ и враждебныхъ другъ другу народностей и государствъ". Потомъ, однако же, происходитъ „все большее и большее объединеніе"; но это вѣдь значитъ, что единства все-таки еще нѣтъ, а что совершается только „несомнѣнное движеніе" къ единству. Три степени этого движенія указываетъ г. Соловьевъ: 1) монархію Кира и Дарія, 2) царство Александра Македонскаго и 3) Римскую Имперію; но онъ забываетъ прибавить, что за каждой степенью слѣдуетъ нѣчто особенное; именно, обыкновенно объединеніе, достигшее болѣе высокой степени, опять разрушается. Такъ разсыпалось царство Александра Македонскаго, такъ распалась потомъ и сама Римская Имперія, которую г. Соловьевъ называетъ „воистину всемірною имперіею" (стр. 728).

Вотъ какой странный процессъ происходилъ въ человѣчествѣ, при его стремленіи къ единству; но не нужно кромѣ

того забывать, что были еще въ человѣчествѣ *анти-историческія части*, вовсе „не принимавшія участія въ этомъ движеніи“.

Не правда ли, что все это такъ нескладно, какъ только возможно? Мнимый организмъ человѣчества есть такой непонятный и путаный организмъ, что другаго подобнаго нарочно не выдумаешь. Не правъ ли Данилевскій, разрѣшающій всю эту путаницу своими культурными типами?

Между тѣмъ, это не помѣшало г. Соловьеву заключить свой краткій обзоръ древней исторіи слѣдующими громкими и торжественными словами:

„И такъ, вмѣсто простой смѣны культурно-историческихъ типовъ, древняя исторія представляетъ намъ постепенное ихъ *собираніе* чрезъ подчиненіе болѣе узкихъ и частныхъ образовательныхъ элементовъ началамъ болѣе широкой и универсальной культуры. Подъ конецъ этого процесса вся сцена исторіи занимается единою Римскою Имперіею, не смѣнившею только, а совмѣстившею въ себѣ всѣ прежніе преемственно выступавшіе культурно-историческіе типы“ (стр. 728).

Замѣтьте, какъ тутъ ловко подставлена *культура*! И какъ хорошо выбрано слово *совмѣстившею*, дѣлающее такое впечатлѣніе, какъ будто разныя культуры слились въ одну. Мы видѣли, что объединеніе совершалось, какъ указываетъ самъ же г. Соловьевъ, *черезъ* завоеваніе, посредствомъ покоренія многихъ народовъ одной общей государственной власти. Такъ, сперва персидскіе цари пытались покорить Грецію, потомъ греки покорили персидское царство, потомъ римляне покорили и грековъ, и всѣ страны, нѣкогда покоренныя персами. И вдругъ намъ говорятъ, что всѣ эти перекрестныя завоеванія были ничто иное, какъ „*собираніе* культурныхъ типовъ“ и что это собираніе происходило „*чрезъ* подчиненіе узкихъ началъ культуры началамъ болѣе широкимъ“! Не ясно ли, однако, что, напротивъ, это была яростная борьба между народами, рядъ постоянныхъ покушеній одного народа завладѣть другими, и одной культуры—подавить всѣ другія культуры? Остановка въ этой борьбѣ совершилась и могла совершиться только тогда, когда нашелся

ловьеву, должно-быть, пріятно видѣть ихъ постоянное стремленіе завладѣть народами другихъ культурныхъ типовъ; они навѣрное имѣютъ въ виду не открыть себѣ новые рынки, а „подчинить узкіе и частные образовательные элементы началамъ болѣе широкой и универсальной культуры". Что же касается до австрійскихъ жандармовъ, то это, конечно, превосходные объединители!

Однако, черезъ нѣсколько строкъ послѣ приведенныхъ словъ, г. Соловьевъ почувствовалъ потребность немножко поправить и оговорить свои положенія и продолжаетъ свое разсужденіе о древней исторіи слѣдующимъ образомъ:

„Но еще важнѣе этого внѣшняго объединенія историческаго человѣчества въ Римской Имперіи (*какъ? подчиненіе всѣхъ культуръ одной есть только внѣшнее объединеніе?*) было развитіе самой идеи *единаго человѣчество*. Среди языческаго міра эту идею не могли выработать ни восточные народы, слишкомъ подчиненные мѣстнымъ условіямъ въ своемъ міросозерцаніи, ни греки, слишкомъ самодовольные въ своей высокой культурѣ и отожествлявшіе человѣчество съ эллинизмомъ (несмотря на отвлеченный космополитизмъ кинической и стоической школы). Величайшіе представители собственно-греческой мысли, Платонъ и Аристотель, не были способны подняться до идеи единаго человѣчества. Только въ Римѣ нашлась благопріятная умственная почва для этой идеи: съ полною опредѣленностію и послѣдовательностію ее поняли и провозгласили римскіе философы и римскіе юристы".

„Тогда какъ великій Стагиритъ возводилъ въ принципъ и объявлялъ на вѣки неустранимою противоположность между эллинами и варварами, между свободными и рабами,— такіе, сравнительно съ нимъ, неважные философы, какъ Цицеронъ и Сенека, одновременно съ христіанствомъ, возвѣщали существенное равенство всѣхъ людей. „Природа предписываетъ,—писалъ Цицеронъ,—чтобы человѣкъ помогалъ человѣку, кто бы тотъ ни былъ, по той самой причинѣ, что онъ человѣкъ" и т. д. (стр. 728, 729, апр.).

Это мѣсто въ статьѣ г. Соловьева поразительно. Исторія человѣческой мысли тутъ извращена самымъ грубымъ, безъ зазрѣнія идущимъ противъ очевидности образомъ. Посмотрите, какъ тутъ подставлены одни слова вмѣсто другихъ. Сперва *единство человѣчества*, а потомъ просто *равенство всѣхъ людей*. Сперва вообще *греки не могли*, а потомъ не могли

только *представители собственно-греческой мысли*; какъ будто циники и стоики не принадлежатъ къ „собственно-греческой мысли“! Сперва *выработать идею*, а потомъ только *начала умственная почва*, и не *выработали*, а только *поняли и провозгласили*. И еще—у стоиковъ это былъ *отвлеченный космополитизмъ*, а у римлянъ *полная опредѣленность и послѣдовательность*. Какъ будто одно другому противоположно!

Возможно ли писать подобнымъ образомъ! Кому же неизвѣстно, что идея равенства всѣхъ людей есть именно плодъ свѣтлаго греческаго генія и что она „съ полною опредѣленностію и послѣдовательностью“ проповѣдывалась школами циниковъ и стоиковъ за нѣсколько столѣтій до Цицерона и Сенеки? Такъ какъ дѣло идетъ о философіи, то можно назвать черною неблагодарностію эту попытку отнять у грековъ заслугу въ выработкѣ философскихъ идей и приписать ее—кому же?—римлянамъ. Ни одинъ культурный типъ въ цѣлой исторіи рода человѣческаго не можетъ равняться съ греками по наслѣдію, которое онъ завѣщалъ намъ, по всесторонности и силѣ своего творчества въ искусствѣ и поэзіи, въ наукахъ и философіи. Между тѣмъ, римляне составляютъ знаменитый примѣръ односторонности: отъ нихъ не осталось намъ ни единой математической теоремы, и точно также у нихъ не развилось ни единой самобытной философской идеи. Цицеронъ и Сенека, которые, по осторожному выраженію г. Соловьева, суть неважные философы въ сравненіи съ Аристотелемъ, въ сущности почти не заслуживаютъ самаго имени философовъ, такъ какъ были простые компиляторы или перифразировщики ученій, созданныхъ греками, притомъ компиляторы безсвязные и односторонніе. Слова объ обязанности равно помогать всѣмъ людямъ самъ Цицеронъ вовсе и не выдаетъ за выраженіе своего мнѣнія, а прямо выставляетъ ихъ какъ изложеніе ученія стоиковъ, Панэція, Хризиппа и самого Зенона (см. De finibus, l. III. c. 19). Послѣ этого нужна удивительная смѣлость, чтобы говорить, что греки не могли возвыситься до этой идеи, а вотъ Цицеронъ возвысился!

А все изъ-за чего? Все изъ-за того, чтобы государствен-

ному объединенію народовъ въ Римской Имперіи приписать какъ можно больше культурнаго значенія. Г. Соловьева постоянно плѣняетъ мысль не о равенствѣ, а объ *единствѣ* людей, и потому онъ хватается въ исторіи за всякіе примѣры насильственнаго объединенія и видитъ въ нихъ нѣчто великое и въ духовномъ отношеніи. Онъ готовъ считать за сердце человѣчества, какъ „единаго организма", то Вавилонъ, то Римъ, тѣ самые Вавилонъ и Римъ, имена которыхъ не даромъ же въ Библіи составляютъ символъ всякаго насилія, воплощенія темной силы, враждебной царству духа. „На рѣкахъ Вавилонскихъ, тамъ мы сидѣли и плакали". Вавилонъ былъ жестокимъ мучителемъ народа Божія, а Римъ былъ сверхъ того гонителемъ христіанъ. Въ гоненіяхъ христіанъ, людей никогда не возмущавшихся и никогда не сопротивлявшихся, хорошо обнаружилось, что́ такое то единство Римской Имперіи, которое г. Соловьевъ считаетъ столь необходимымъ для идеи человѣческаго братства. Даже лучшій изъ римскихъ стоиковъ, императоръ Маркъ Аврелій допускалъ и одобрялъ страшныя казни христіанъ, покорно слѣдуя въ этомъ случаѣ священной идеѣ римскаго государства. Мы видимъ отсюда, что идея единства не только не совпадаетъ вообще съ идеею братства, а можетъ стать и безпрестанно становится въ жестокое съ нею противорѣчіе. Мысль о всемірномъ владычествѣ пустила глубокіе корни въ Римѣ и до сихъ поръ живетъ въ немъ. Вмѣсто распавшагося мірскаго царства, тамъ возникло духовное царство, питающее такую же мысль о своемъ единствѣ. Казалось бы, тутъ уже нельзя было ожидать гоненій, но мы знаемъ, что казни и преслѣдованія, возбужденныя римскою церковью, далеко превзошли своимъ обиліемъ, своимъ огнемъ и кровью, всѣ ужасы, нѣкогда совершенные безбожными императорами Рима. Что́ и говорить—единство есть дѣло прекрасное, но только когда мы твердо помнимъ, что подъ нимъ нужно разумѣть единеніе душъ и сердецъ. Когда-то и была христіанская церковь въ этомъ смыслѣ единою по всей землѣ. Если же она потомъ распалась, если сперва произошло раздѣленіе между запад-

выми и восточными христіанами, а потомъ въ западной части между сѣверными и южными, то причиною распаденія во всякомъ случаѣ былъ недостатокъ главнаго условія духовнаго единенія, недостатокъ свободы; одна часть церкви стремилась къ такой власти надъ другими частями, слѣдовательно, къ такому единству, которое было противно духовной свободѣ. Г. Соловьевъ называетъ начало народности началомъ племеннаго *раздора*; если слѣдовать его манерѣ, то несравненно основательнѣе можно бы назвать начало единства человѣчества началомъ *насилія*; насиліе же всегда ведетъ къ ненависти, къ возмущенію и къ неугасимой враждѣ расторгающихся частей.

Объ цивилизаціи древняго Рима, конечно, пришлось бы много говорить, еслибы мы стали судить объ ея дѣйствительномъ содержаніи и объ ея значеніи въ исторіи. Христіанскіе писатели часто указываютъ на то, что соединеніе народовъ подъ одною властью благопріятствовало распространенію христіанства, и видятъ въ этомъ пути Провидѣнія. Можно указать и другія блага, которыя зависѣли отъ развитія римскаго владычества. Но не нужно забывать,—и этимъ замѣчаніемъ мы ограничимся—что тутъ многое происходило никакъ не вслѣдствіе объединенія людей подъ одною властью, а вовсе помимо этой власти, и даже вопреки ея прямымъ цѣлямъ. Духъ человѣческій обращаетъ въ свою пользу всякія обстоятельства. Неправильно думать, что самымъ источникомъ его побѣдъ было то, что̀, можетъ быть, было лишь препятствіемъ, которое ему пришлось побѣждать.

Кстати: у Данилевскаго есть прекрасная страница (99 и 100), содержащая нѣкоторую характеристику римской культуры. Мы были очень удивлены, встрѣтивъ объ этой страницѣ такую фразу у г. Соловьева:

„Изъ уваженія къ памяти покойнаго писателя, мы пройдемъ молчаніемъ чрезвычайно странное его разсужденіе объ отношеніяхъ римской культуры къ греческой“ (стр. 99). (Апрѣль, стр. 744).

Въ такомъ изъявленіи уваженія, заключающемъ въ себѣ

щущую обиду, иной читатель можетъ увидѣть, пожалуй, только нахальство надъ „покойнымъ писателемъ“; но мы вполнѣ увѣрены, что живой авторъ въ своемъ высокомѣріи просто не замѣтилъ смысла своихъ словъ.

VI.

Общая сокровищница.

Человѣчество не представляетъ собою чего-то единаго, „живаго цѣлаго“, а скорѣе походитъ на нѣкоторую живую стихію, стремящуюся на всѣхъ точкахъ складываться въ такія формы, которыя представляютъ бо́льшую или меньшую аналогію съ организмами. Самыя крупныя изъ этихъ формъ, имѣющія ясную связь между частями и ясную линію общаго развитія, составляютъ то, что̀ Данилевскій назвалъ культурно-историческими типами. Чтобы убѣдиться въ ихъ существованіи, нужно только ясно представить себѣ нѣкоторую совокупность множества людей, связанныхъ и сосѣдствомъ по мѣсту, и общностью языка, душевнаго склада и всего быта, и вообразить, что въ подобной массѣ, по мѣрѣ того, какъ поколѣнія слѣдуютъ за поколѣніями, совершается ясное культурное развитіе, нарастаніе, расцвѣтъ и одряхленіе особаго склада всѣхъ сферъ человѣческой жизни. Тутъ, очевидно, существуетъ нѣкоторая реальная и органическая связь между отдѣльными людьми, какой мы никакъ не можемъ видѣть въ человѣчествѣ, взятомъ въ совокупности. Въ то же время, исторія намъ показываетъ, что эта связь имѣетъ великую важность, потому что только въ такихъ большихъ группахъ мы и находимъ высокое развитіе человѣческихъ силъ и дѣйствій, такъ что только судьба такихъ группъ и составляетъ настоящій предметъ исторіи.

Но изъ этихъ ясныхъ и несомнѣнныхъ фактовъ вовсе не слѣдуетъ, чтобы не было такихъ нравственныхъ обязанностей и такихъ естественныхъ правъ, въ которыхъ всѣ

люди равны между собою; не слѣдуетъ, вообще, что вовсе нѣтъ такой общей области, которая стоитъ выше культурныхъ типовъ, и исторію которой можно въ извѣстномъ смыслѣ назвать жизнью человѣчества. Дѣло это ясное, и если мы не будемъ его умышленно путать, то легко усвоимъ себѣ то разграниченіе, которое нужно при этомъ дѣлать. Вотъ какъ выражается объ этомъ предметѣ Н. Я. Данилевскій:

„Народы каждаго культурно-историческаго типа не вотще трудятся; результаты ихъ труда остаются собственностью всѣхъ другихъ народовъ, достигающихъ цивилизаціоннаго періода своего развитія, и труда этого повторять незачѣмъ“.

Напримѣръ:

„Развитіе положительной науки о природѣ составляетъ существеннѣйшій результатъ германо-романской цивилизаціи, плодъ европейскаго культурно-историческаго типа; такъ точно, какъ искусство, развитіе идеи прекраснаго, было преимущественнымъ плодомъ цивилизаціи греческой; право и политическая организація государства—плодомъ цивилизаціи римской; развитіе религіозной идеи единаго истиннаго Бога—плодомъ цивилизаціи еврейской“ (*Россія и Европа*, стр. 134).

Въ другомъ мѣстѣ:

„Науки и искусства (и преимущественно науки) составляютъ драгоцѣннѣйшее наслѣдіе, оставляемое послѣ себя культурно-историческими типами, составляютъ самый существенный вкладъ въ общую сокровищницу человѣчества“ (стр. 135).

И такъ существуетъ *общая сокровищница* человѣчества, въ которую каждый типъ вноситъ *плодъ* своей цивилизаціи, какъ нѣкоторое *наслѣдіе*, равно принадлежащее всѣмъ существующимъ и будущимъ типамъ. То, что́ разъ вошло въ эту сокровищницу, сохраняется тамъ навсегда, и сокровищница растетъ, хотя типы смѣняются и исчезаютъ. Человѣчество живетъ, постоянно пользуясь этими общими сокровищами, такъ что отвлеченно можно сказать, что жизнь человѣчества становится все богаче и богаче.

Вотъ въ какой области и какой прогрессъ признавалъ Н. Я. Данилевскій въ общемъ ходѣ исторіи.

Всѣмъ намъ очень хорошо извѣстно существованіе этихъ наслѣдственныхъ богатствъ, и всѣ мы знаемъ, какая разница между этимъ общечеловѣческимъ достояніемъ и тѣмъ имуществомъ, которое принадлежитъ намъ, какъ членамъ особаго культурнаго типа. Носители нашей родной культуры суть живые люди, которые насъ родили и воспитали, среди которыхъ мы живемъ и дѣйствуемъ. Общая же сокровищница не имѣетъ живыхъ носителей въ точномъ смыслѣ слова; она хранится въ книгахъ и всякаго рода памятникахъ, равно всѣмъ доступныхъ и дорогихъ, но и равно всѣмъ чуждыхъ, ни съ кѣмъ прямо не связанныхъ. Разница всего яснѣе на отношеніяхъ, въ которыхъ, напримѣръ, мы стоимъ къ нашему родному языку и родной литературѣ и къ какой-нибудь древней письменности, латинской, греческой. Для образованія нашего ума и чувства, для пониманія поэзіи и красоты человѣческой рѣчи, Пушкинъ и Гоголь служатъ намъ больше, чѣмъ Гомеръ и Виргилій, какія бы усилія мы ни дѣлали, чтобы усвоить себѣ эти творенія отжившихъ народовъ. Да мы хорошо знаемъ, что и богатства общей сокровищницы всего больше доступны именно тому, кто умѣетъ вполнѣ владѣть и наслаждаться своими родовыми богатствами.

Но, съ другой стороны, существованіе общей сокровищницы есть великое благо, которымъ хотя отчасти восполняется всегдашняя ограниченность и слабость человѣческихъ силъ. „Для человѣчества“, пишетъ Н. Я. Данилевскій, „какъ для коллективнаго и все-таки конечнаго существа — нѣтъ другаго назначенія, другой задачи, кромѣ разновременнаго и разномѣстнаго (т. е. разноплеменнаго) выраженія разнообразныхъ сторонъ и направленій жизненной дѣятельности, лежащихъ въ его идеѣ и часто несовмѣстимыхъ какъ въ одномъ человѣкѣ, такъ и въ одномъ культурно-историческомъ типѣ развитія“ (стр. 124).

Не можетъ никакой человѣкъ быть всестороннимъ, со-

вмѣщать въ себѣ всѣ направленія человѣческой дѣятельности; такъ точно и тѣ огромныя скопленія людей, которые соединены культурною связью, хотя расширяютъ и углубляютъ свою дѣятельность въ теченіе множества поколѣній, хотя въ силу этого въ такихъ скопленіяхъ развитіе человѣческой души достигаетъ высшей степени, но и они никогда не представляютъ всесторонности, и ихъ культура запечатлѣна нѣкоторымъ органическимъ своеобразіемъ. Поэтому люди спохватились и стали собирать общую сокровищницу, въ которой сохранялось бы все, чѣмъ они могутъ владѣть, но чего сами добыть не въ состояніи. Стали хранить и изучать исторію, стали печатать и изучать книги минувшихъ культурныхъ типовъ, построили архивы и музеи для всякаго рода памятниковъ. Въ людяхъ живетъ всеобъемлющее духовное начало, и потому человѣчество постоянно борется съ своею ограниченностью и съ разрушительною силою времени. Наша сокровищница уже очень обильна и содержитъ величайшія драгоцѣнности.

Но какое значеніе она имѣетъ въ дѣйствительной жизни народовъ? Хотя она всѣмъ открыта и, въ силу самой своей идеи, должна содержать все общечеловѣческое, оказывается, что пользоваться ею очень трудно. „Наши библіотеки", писалъ Сен-Симонъ, „эти собранія всевозможныхъ заблужденій, противорѣчій и нелѣпостей",—и онъ правъ: бережно сохраняются въ нашихъ библіотекахъ всевозможныя заблужденія, противорѣчія и нелѣпости въ тысячекратно большемъ количествѣ, чѣмъ истина, и безъ живыхъ руководителей безмѣрно трудно было бы найти ее въ однихъ мертвыхъ книгахъ. Одинъ изъ крымскихъ хановъ (если не ошибаюсь, послѣдній), для просвѣщенія своего народа желалъ, чтобы была переведена на татарскій языкъ энциклопедія Дидро и Даламбера. Не великое бы вышло просвѣщеніе!

Мы знаемъ, что̀ всего легче заимствуется изъ общей сокровищницы: печатные станки, желѣзныя дороги, телеграфы и пр. Но знаемъ, что во всемъ этомъ еще не заключается образованіе. Оказывается, что для того, чтобы народъ могъ пользоваться сокровищницей человѣчества, онъ долженъ уже

до извѣстной степени развить свою собственную культуру, совершенно такъ, какъ, для перевода геніальнаго поэта на другой языкъ, нужно, чтобы это былъ языкъ уже богатый и гибкій.

VII.

Религія и наука.

Послѣ того, что сейчасъ сказано, для читателя, конечно, не можетъ быть никакихъ сомнѣній и неясностей въ вопросѣ, какъ понималъ Н. Я. Данилевскій отношеніе науки и религіи къ народному и къ общечеловѣческому. Наука, какъ дѣло, по самому существу своему, совершенно отвлеченное, должна цѣликомъ поступать въ общую сокровищницу человѣчества. Значеніе народности можетъ здѣсь состоять только въ томъ, что въ многосложномъ и многотрудномъ дѣлѣ науки одна народность болѣе способна производить одну работу, а другая другую, почему и необходимо для успѣховъ науки, чтобы различныя народности содѣйствовали постройкѣ общаго зданія. Религія, по тому понятію, до котораго давно уже возвысилось человѣческое сознаніе, есть также нѣчто универсальное, долженствующее имѣть силу для всѣхъ людей одинаково. Такъ смотримъ на религію не только мы, христіане, но также смотрятъ и буддисты, и магометане. Совершенно несправедливо Ренанъ недавно упрекалъ покойнаго императора Вильгельма за привычку говорить: *нашъ Богъ*. Ренанъ выводитъ изъ этихъ словъ, что императоръ признавалъ особаго „Бога нѣмцевъ“ [1]). Но подобная мысль объ особомъ Богѣ давно уже стала для людей вовсе невозможною; *нашъ Богъ* значитъ просто—тотъ Богъ, котораго мы безусловно исповѣдуемъ, которому всецѣло предаемъ себя, но который есть единый истинный Богъ, и если

---

[1]) Histoire du peuple d'Israel, t. I, p. 264.

не всѣми еще признается, то долженъ быть признаваем всѣми людьми. Можетъ существовать мѣстная церковь, но мѣстная религія есть для насъ уже contradictio in adjecto.

Между тѣмъ, г. Соловьевъ, упорно закрывая глаза на эту правильную и вполнѣ очевидную постановку дѣла, наставилъ въ своей статьѣ множество возраженій Н. Я. Данилевскому, въ сущности не нуждающихся ни въ какомъ опроверженіи. Напримѣръ:

„Индія, несмотря на то, что она относится къ уединеннымъ типамъ, передала высшее выраженіе своей духовной культуры—буддизмъ—множеству народовъ совершенно другаго племени и другаго типа, передала не какъ матеріалъ только, не какъ „почвенное удобреніе", а какъ верховно-опредѣляющее начало ихъ цивилизаціи. Не даромъ нашъ авторъ во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ такъ тщательно умалчиваетъ о буддизмѣ: это огромное всемірно-историческое явленіе никакъ не можетъ найти мѣста въ „естественной системѣ" исторіи. Религія—индійская по своему происхожденію, но съ универсальнымъ содержаніемъ и не только вышедшая за предѣлы индійскаго культурно-историческаго типа, но почти совсѣмъ исчезнувшая изъ Индіи,—за то глубоко и всесторонне усвоенная народами монгольской расы, *не имѣющими въ другихъ отношеніяхъ ничего общаго съ индусами*,—религія, которая создала, какъ свое средоточіе, такую своеобразную мѣстную культуру, какъ тибетская, и, однакоже, сохранила свой универсальный международный характеръ и исповѣдуется пятью или шестьюстами милліоновъ людей, разсѣянныхъ отъ Цейлона до Сибири и отъ Непала до Калифорніи—вотъ колоссальное фактическое опроверженіе всей теоріи Данилевскаго; ибо нѣтъ никакой возможности ни отрицать великой культурно-исторической важности буддизма, ни пріурочить его къ какому-нибудь отдѣльному племени или типу" (апр. 740, 741).

Да кто же васъ просилъ пріурочивать? Развѣ Данилевскій когда-нибудь училъ, что каждый типъ долженъ имѣть *свою* религію? При томъ, истинное отношеніе вещей какъ нельзя яснѣе выступаетъ въ томъ самомъ очеркѣ судебъ буддизма, который сдѣланъ г. Соловьевымъ. Несмотря на „великую культурно-историческую важность" этой религіи, она распространилась по народамъ, которые „въ другихъ отношеніяхъ не имѣютъ ничего общаго" между собою; т. е.

культурные типы продолжаютъ существовать, несмотря на общую религію. Вотъ „колоссальное фактическое“ доказательство правды Данилевскаго. Г. Соловьевъ самъ не замѣчаетъ, что, когда онъ хочетъ выставить на видъ внутреннюю *силу* буддистской религіи, то приписываетъ ей „великую культурно-историческую важность“, называетъ ее „верховнымъ опредѣляющимъ началомъ цивилизаціи“, когда же дѣло коснется ея *универсальности*, то онъ начинаетъ упирать на полное различіе народовъ, на „своеобразныя мѣстныя культуры“. Странное неумѣнье справиться съ очень простыми отношеніями понятій! Еслибы г. Соловьевъ догадался, что ему нужно уяснить себѣ отношеніе культуры и религіи, о чемъ онъ ни слова не говоритъ, и что нѣтъ ни малѣйшей надобности ни отрицать значеніе религіи изъ-за культурныхъ типовъ, ни жертвовать культурными типами изъ-за религіи, то всѣ его недоумѣнія разомъ бы исчезли, и онъ вполнѣ согласился бы съ Данилевскимъ.

Въ судьбахъ буддизма особенно интересенъ фактъ, что онъ почти исчезъ въ самой Индіи, его породившей. Не то же ли мы видимъ въ христіанствѣ, не удержавшемся въ той еврейской культурѣ, которая была его первоначальною почвою? Такова сила особой культуры, ея неизбѣжная ограниченность; другіе типы должны бываютъ принять на себя дѣло, которое превышаетъ жизненный захватъ первоначальной культуры. Къ доказательствамъ неодолимой силы типоваго культурнаго развитія слѣдуетъ отнести и то своеобразіе, которое накладывается различными типами на общую имъ религію.

Что касается до науки, то, повидимому, тутъ нѣтъ и повода къ сомнѣніямъ и недоумѣніямъ. Христіанство есть единая истинная религія; но и буддизмъ и магометанство имѣютъ притязаніе на такой же характеръ универсальности. Наука же одна для всего земнаго шара, и человѣкъ, столь глубоко, можно сказать страстно, преданный наукѣ, какъ Н. Я. Данилевскій, не могъ не понимать этой ея существенной черты. Между тѣмъ г. Соловьевъ преспокойно приписалъ ему дикое и даже неудобопонятное мнѣніе, что

между различными науками одна принадлежитъ одному типу, другая другому и т. д., и потомъ пространно потѣшается доказательствами, какъ это нелѣпо. Свои разсужденія объ наукѣ г. Соловьевъ прямо начинаетъ такъ:

„Позволительно, прежде всего, спросить: къ какому культурно-историческому типу, къ какой *мѣстной* цивилизаціи должно пріурочить ту науку, или ту совокупность наукъ, о которой такъ хорошо разсуждаетъ нашъ авторъ?“ (апр. стр. 754).

Нѣтъ, г. Соловьевъ, это вовсе не „позволительно прежде всего“. Ни прежде, ни послѣ нельзя предлагать вопроса, къ которому разбираемый авторъ не подавалъ никакого повода. Между тѣмъ нашъ критикъ распространяется:

„Древній грекъ (Гиппархъ) создаетъ искусственную систему для астрономіи, славянинъ (Коперникъ) возводитъ эту науку на степень естественной системы, нѣмецъ (Кеплеръ)[1], опираясь на систему своего предшественника поляка, доходитъ до частныхъ эмпирическихъ законовъ въ астрономіи, а англичанинъ (Ньютонъ), продолжая ихъ труды, возвышается, наконецъ, до общаго раціональнаго закона. Къ какому же культурно-историческому типу все это относится?“ (апр. стр. 754, 755).

Странная логика! Именно изъ того, что успѣхи астрономіи потребовали участія различныхъ народовъ и даже различныхъ культурно-историческихъ типовъ, именно изъ этого и выходитъ подтвержденіе мысли Данилевскаго, что для прогресса человѣчества необходимо это разнообразіе и особое развитіе большихъ человѣческихъ группъ. Съ необыкновеннымъ остроуміемъ Данилевскій старался даже показать, какой народъ представляетъ явную способность къ извѣстнымъ научнымъ задачамъ, и какой другой къ другимъ. Но и вообще, отвлеченно, мы имѣемъ право утверждать, что безъ поляка можетъ быть долго еще не была бы найдена истинная система міра, безъ нѣмца—ея эмпирическіе законы, безъ англичанина—ея общій законъ. По ка-

[1]) Весьма непріятно, что г. Соловьевъ исказилъ это знаменитое имя, а ученая редакція не досмотрѣла и напечатала *Кепплеръ*. Въ кенаано-пунійскихъ именахъ такая ошибка, конечно, была бы простительна.

кой же логикѣ можно вывести изъ этихъ фактовъ, что типы не имѣютъ никакого значенія для науки, потому-де, что одна и та же наука никакъ не развивается въ одномъ лишь типѣ?

Для насъ просто непостижима та развязность, съ которою г. Соловьевъ навязываетъ Данилевскому мнѣніе, что науки должны быть раздѣлены по типамъ. Возьмемъ одно мѣсто:

«Нашъ авторъ, настаивающій на національномъ характерѣ науки и *совершенно забывшій при этомъ о своихъ культурно-историческихъ типахъ*, не придаетъ никакого яснаго и опредѣленнаго смысла своимъ надеждамъ на „самобытную славянскую науку».

Видите ли, какое прекрасное объясненіе! У Данилевскаго совсѣмъ выскочили изъ головы его культурно-историческіе типы—какъ это правдоподобно! Вотъ отчего и вышли у него „неясныя и неопредѣленныя" сужденія о славянской наукѣ, которыя уяснить въ его духѣ г. Соловьевъ считаетъ теперь долгомъ. Онъ продолжаетъ:

„Ожидать отъ славянства, т. е. прежде всего отъ Россіи, дѣятельнаго и самостоятельнаго участія въ развитіи „романо-германской" науки было бы, *конечно*, несогласно съ общимъ воззрѣніемъ нашего автора, но не заключало бы въ себѣ никакой внутренней невозможности" (апр. 757).

Надѣемся, нѣтъ нужды доказывать, какъ нелѣпы подобныя соображенія о взглядахъ Данилевскаго. Мы только замѣтимъ по случаю этихъ толковъ о наукѣ, что, вообще, статья г. Соловьева должна несомнѣнно послужить поддержкою того мнѣнія о славянофилахъ, которое въ большомъ ходу въ публикѣ и не разъ излагалось на страницахъ *Вѣстника Европы*, а именно, что славянофилы—самодовольные, хвастливые патріоты, что они противники прогресса, свободы и европейскаго просвѣщенія, приверженцы „исключительнаго національзма", отвергаютъ „лучшіе завѣты" современной науки, поклонники китайщины и застоя. Нельзя сказать, чтобы все это доказывалось въ статьѣ г. Соловьева, но именно въ эту сторону клонятся его возраженія противъ Данилевскаго, и онъ хорошо зналъ, что въ такомъ смыслѣ онъ будетъ по-

нять многими усердными почитателями *Вѣстника Европы*. Такимъ образомъ, при томъ положеніи дѣлъ, которое господствуетъ въ нашей литературѣ, мы думаемъ, что статья его уже не просто статья, а нѣкоторый поступокъ. Чѣмъ бы онъ при этомъ ни руководился, мы можемъ развѣ только пожалѣть его, но никакъ не одобрить.

VIII.

Научная самобытность.

Для чего г. Соловьевъ включилъ въ свое разсужденіе замѣчанія на книги: *Дарвинизмъ*, *Борьба съ Западомъ*, *О вѣчныхъ истинахъ*? Мы вовсе не думаемъ тутъ о какихъ-нибудь „высшихъ нравственныхъ требованіяхъ", а просто хотимъ только спросить, какую тему онъ желалъ доказать своими замѣчаніями?

Онъ, видите ли, думаетъ, что подъ „самобытною славянскою наукой" нужно, „согласно основному воззрѣнію *Россіи и Европы*, разумѣть особый, небывалый доселѣ типъ науки, существенно отличный отъ европейскаго" (апр. 758), а потому и принялся искать этого „небывалаго типа" въ названныхъ книгахъ, авторы которыхъ будто бы заявляли стремленіе къ такому „вполнѣ самобытному научному творчеству".

Можно бы подумать, что г. Соловьевъ пишетъ все это на смѣхъ, что онъ только шутитъ надъ дикою претензіей создать нѣчто совершенно невозможное, шутитъ, не замѣчая, что эту претензію онъ самъ же и выдумалъ. Какимъ образомъ онъ могъ бы отыскивать небывалый типъ науки? Подъ такое понятіе могутъ подойти развѣ только какія-нибудь нелѣпости, которыя, какъ извѣстно, до того разнообразны, что бываютъ свои собственныя даже у отдѣльныхъ людей.

Но нашъ критикъ не шутитъ, или, лучше сказать, у него такъ сплетаются мысли, что онъ и самъ не разберетъ, гдѣ онъ шутитъ и гдѣ говоритъ серьезно. Насмѣшка надъ

„существенно новымъ типомъ науки“ перешла вдругъ въ очень простое и всѣмъ извѣстное требованіе—самостоятельности въ научныхъ изслѣдованіяхъ. Вотъ какъ г. Соловьевъ излагаетъ это требованіе относительно книги *Дарвинизмъ*:

„Все позволяло ожидать, что русскій и притомъ сла-„вянофильскій критикъ (*значитъ, искатель небывалаго типа?*) „не ограничится однимъ отрицательнымъ разборомъ, а про-„тивопоставитъ англійской теоріи столь же глубокое (*глубо-„кое?*), но болѣе вѣрное и многостороннее (по крайней мѣрѣ, „съ его собственной точки зрѣнія) рѣшеніе этой міровой за-„дачи, и при томъ рѣшеніе, ярко запечатлѣнное русскою ду-„ховною особенностью. Конечно, и такой трудъ не основалъ „бы еще самобытной славянской науки (т. е. *небывалаго типа*), „но все-таки нѣчто было бы сдѣлано (*для какого же типа?*) и „наша научная самобытность не представлялась бы уже та-„кою пустою и смѣшною претензіею“ (стр. 759).

Этотъ потокъ словъ, вѣроятно оглушающій самого ихъ автора, сводится, какъ видитъ читатель, къ простой мысли, что *Дарвинизмъ* исполнилъ только „отрицательную“ задачу, а потому не есть доказательство научной самобытности. Положимъ, пока, что такое разсужденіе вѣрно; но развѣ у насъ одинъ Данилевскій? Если требуются непремѣнно положительные труды, не критика, а созиданіе, то развѣ у насъ мало найдется этихъ доказательствъ научной самобытности? Наши математики, химики, зоологи, физіологи, оріенталисты, византисты, слависты—уже извѣстны цѣлому міру, уже внесли и вносятъ въ общую сокровищницу вклады самаго высокаго достоинства. Какъ же послѣ этого смѣетъ г. Соловьевъ говорить, что „наша научная самобытность представляется такою пустою и смѣшною претензіей“?

Но и возраженіе противъ *Дарвинизма*, что это лишь критика и что тутъ нѣтъ новой теоріи, — конечно, не основательно. Какой ученый можетъ согласиться съ тѣмъ, что отрицательная работа не имѣетъ научной важности? Правильное отрицаніе должно вѣдь опираться на чемъ-нибудь положительномъ, и всякое опредѣленное отрицаніе даетъ въ выводѣ опредѣленное положеніе. И развѣ „новая теорія“ была

бы непремѣнно чѣмъ-нибудь истинно новымъ? Вѣдь такъ могутъ судить только поверхностные люди, не отличающіе названія отъ сущности. Скажемъ прямо, еслибы Н. Я. Данилевскій пустился создавать теорію происхожденія видовъ, какъ создавали ее де-Маллье, Ламаркъ, Дарвинъ, Спенсеръ, Негели и пр., то тутъ-то онъ и обнаружилъ бы истинное отсутствіе самостоятельности. Мы видимъ, напротивъ, его великую оригинальность въ той трезвости и вполнѣ славянской ясности ума, по которой никакіе соблазны не могли увлечь его на ложный путь. Вѣдь всѣ эти теоріи—суть плодъ того матеріалистическаго броженія умовъ, которое такъ сильно въ Европѣ и составляетъ, конечно, нѣкоторую болѣзнь европейской науки.

Г. Соловьевъ самъ почувствовалъ, что указать на отрицательный характеръ *Дарвинизма* еще не достаточно для осужденія этой книги, а потому постарался и еще подбавить доказательствъ для своей цѣли. Признавая полную компетентность автора въ дѣлѣ, и находя, что онъ „превосходно разбираетъ чужія научныя идеи", г. Соловьевъ, однако, такъ опредѣляетъ сущность этой книги:

„Это есть, вообще говоря, самый полный, самый обстоятельный и прекрасно изложенный сводъ всѣхъ существенныхъ возраженій, сдѣланныхъ противъ теоріи Дарвина *въ европейской наукѣ* (подчеркнулъ)" (стр. 760).

Ну такъ бы вы и говорили! Тогда не нужно было бы и никакихъ вашихъ разводовъ. Если Данилевскій есть просто компиляторъ чужихъ возраженій, то нечего тутъ и разсуждать объ немъ.

Читатели, если помнятъ мою статью *Всегдашняя ошибка дарвинистовъ* (Русск. Вѣстн. 1887, ноябрь и дек.), знаютъ, что я совершенно другаго мнѣнія, что я нахожу великую оригинальность въ трудѣ Н. Я. Данилевскаго. Не стану здѣсь повторять своихъ доказательствъ, а скажу только, что г. Соловьевъ, хорошо зная свою некомпетентность въ этомъ дѣлѣ [1]), рѣшился однако произнести свое сужденіе о компи-

---

[1]) Подробное сравненіе книги Н. Я. Данилевскаго съ тѣмъ, что сдѣлано въ европейской наукѣ, было бы огромнымъ трудомъ, кото-

лятивномъ свойствѣ этого труда, не ради истины, а только чтобы набросить тѣнь на заслуги автора и въ томъ разсчетѣ, что подобныя чисто-отрицательныя сужденія трудно опровергаются.

Мы и не станемъ опровергать. Положеніе дѣла теперь такое: въ европейской наукѣ сдѣланы будто бы всѣ возраженія, какія есть у Данилевскаго; между тѣмъ дарвинова теорія господствуетъ въ Европѣ. Въ Россіи же эта теорія уже потеряла право на существованіе, ибо русскій ученый можетъ только по упорству или несообразительности обойти или не понять книгу Н. Я. Данилевскаго, а эта книга вполнѣ опровергаетъ теорію Дарвина.

Понадобилась г. Соловьеву и моя книга *О вѣчныхъ истинахъ*; онъ въ ней увидѣлъ самое легкое средство доказать, что у меня нѣтъ никакой „самобытности". Именно, онъ утверждаетъ, что я тутъ держусь „механическаго міровоззрѣнія", то есть просто матеріализма, и значитъ, „являюсь не только *западникомъ*, но еще западникомъ *крайнимъ и одностороннимъ*" (стр. 763).

Откуда же это? А изъ того, что я опровергалъ *спиритизмъ* и настаивалъ на непреложности физическихъ истинъ. Опять скажу, только на смѣхъ можно говорить подобныя вещи; но г. Соловьевъ говоритъ совершенно серьезно. Разсужденіе его чрезвычайно просто:

„Маятникъ качается по строго-опредѣленнымъ законамъ механики; но признавать далѣе, что и остановленъ, и приведенъ въ движеніе маятникъ можетъ быть исключительно только механическою причиною—значитъ изъ области научной механики переступать на почву той умозрительной системы, для которой..." и пр.—словомъ—матеріализма (стр. 763).

Боже мой! Какое убожество діалектики! Какое неумѣнье установить ясно хоть единое понятіе! Мнѣ такъ и хочется

рый не только никѣмъ не сдѣланъ, но можетъ быть и не будетъ никогда вполнѣ сдѣланъ, такъ какъ эта работа чисто-историческая, къ которой мало расположены натуралисты. Въ моихъ статьяхъ указываются только общія черты, общія отношенія. Подробный разборъ, конечно, долженъ только яснѣе показать самобытныя достоинства *Дарвинизма*.

[illegible] Maurus'a, которыя г. Соловьевъ [illegible] [illegible] вообще къ русской философіи, при[illegible] [illegible] собственному разсужденію; оно „есть нѣчто [illegible], пустое и безобразное, что нельзя достаточно [illegible] слезъ надъ такимъ прискорбнымъ состояніемъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, „маятникъ качается по строго-опредѣленнымъ законамъ механики“—вотъ гдѣ эти законы непреложны: пока онъ качается, онъ имъ подчиненъ „исключительно“. Между тѣмъ, остановить его или привести въ движеніе можно, будто бы, и вопреки этимъ законамъ, какою-нибудь „немеханическою“ причиною. Но какая же разница? Вѣдь качаніе, и остановка, и приведеніе въ движеніе—вѣдь всѣ эти три случая суть равно механическія явленія, *явленія движенія*: научная механика и не дѣлаетъ между ними никакого различія. Если спиритическіе духи, по г. Соловьеву, могутъ остановить маятникъ или привести его въ движеніе, то они могутъ измѣнять по-своему и его качаніе; если же они надъ качаніемъ безсильны и тутъ дѣйствуетъ непреложный законъ, то они не въ силахъ и начать, и остановить это движеніе. Вотъ почему физики съ такимъ непоколебимымъ упорствомъ утверждаютъ, что на спиритическихъ сеансахъ всякія вещи приводятся въ движеніе и останавливаются не духами, а руками и ногами живыхъ людей, т. е. тѣломъ, матеріею.

Съ необычайной наивностію г. Соловьевъ повторилъ самое ходячее заблужденіе, которому поддаются спириты и вообще всѣ, незнакомые съ началами механики; онъ не уяснилъ себѣ *перваго* ея закона, закона *инерціи*, по которому движеніе и покой суть нѣчто равно сохраняющееся, и измѣненія того и другаго происходятъ отъ одинаковыхъ причинъ и имѣютъ одинаковую сущность.

Съ полнымъ правомъ мнѣ можно бы здѣсь уличать г. Соловьева не только въ незнаніи самыхъ основаній физики, но также въ непониманіи великихъ философскихъ ученій Декарта и Лейбница, ученій, положившихъ навсегда правильную границу между духомъ и веществомъ. Но перейду лучше прямо къ заключенію и скажу вообще, что истинно печально видѣть такое состояніе понятій, какъ у г. Соловьева,

состояніе совершенно однородное съ тѣмъ, какое господствуетъ у спиритовъ и которымъ порожденъ самый спиритизмъ. Очевидно, духъ представляется просто въ видѣ тонко-матеріальнаго, но одушевленнаго существа, которое сидитъ въ нашемъ тѣлѣ, какъ въ мѣшкѣ, или гуляетъ на свободѣ безъ этого мѣшка. Печально здѣсь то, что такимъ образомъ искажается и теряется *истинное понятіе о духѣ*, то понятіе, которое одно способно насъ руководить, спасать и животворить въ нашихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ. Г. Соловьевъ называетъ меня матеріалистомъ; между тѣмъ все, что я писалъ по этому предмету, было направлено именно къ выясненію истиннаго понятія о духѣ. Три моихъ книги—*Міръ какъ цѣлое*, *Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи* и *О вѣчныхъ истинахъ*, можно сказать, всѣ написаны на эту тему; въ нихъ я старался о томъ, чтобы, установивши точнѣе понятія о веществѣ, о вещественномъ мірѣ, показать полнѣйшую противоположность вещества духу и очистить самое понятіе духа отъ малѣйшей примѣси матеріалистическихъ представленій. Вотъ почему я и воевалъ съ спиритизмомъ, который есть ничто иное, какъ грубѣйшее овеществленіе духовныхъ явленій, почему онъ и нашелъ себѣ поддержку у натуралистовъ, давно чуждающихся всякаго философскаго образованія.

Г. Соловьеву извѣстны мои три книги; но теперь мнѣ ясно, что онъ главнаго въ нихъ и не могъ понять, несмотря на свои занятія философіею. Онъ заявляетъ, что не нашелъ у меня нималой научной самобытности. Ну что жъ дѣлать? Если кто говоритъ: „не вижу", „не понимаю", „не нахожу", то онъ, значитъ, признаетъ себя за судью, на котораго уже нѣтъ апелляціи.

Книга *Борьба съ Западомъ*, если судить по отзыву г. Соловьева, не представляетъ какихъ-нибудь недостатковъ, но за то и не имѣетъ никакихъ достоинствъ. Удивительная книга! Мнѣ вовсе не приходитъ и въ мысли защищать свою книгу отъ такого сужденія; оно для того и сказано голословно и безсодержательно, чтобы отъ него нельзя было защищаться. Но при этомъ г. Соловьевъ дѣлаетъ мнѣ

упрекъ, о которомъ скажу нѣсколько словъ. Онъ насмѣшливо предполагаетъ, что у меня есть особое знамя, „восточное“, на которомъ что-то написано, и упрекаетъ меня, зачѣмъ я не развернулъ этого знамени въ своей *Борьбѣ*. Такіе и подобные упреки мнѣ приходится уже давно и часто слышать. Въ этомъ отношеніи я даже совершенно несчастный человѣкъ. Объ чемъ бы я ни заговорилъ и какъ бы ни старался быть яснымъ и занимательнымъ, есть множество читателей, которые не хотятъ ничего слушать, нимало не заинтересовываются моими разсужденіями, а сейчасъ же пристаютъ ко мнѣ: „да вы кто такой? выкиньте ваше знамя!“ [1]). Это приводитъ меня въ отчаяніе. Ну какое имъ дѣло до меня, и почему они не занимаются предметомъ, о которомъ я говорю? Вотъ и теперь, г. Соловьевъ, который самъ такъ часто и съ такимъ успѣхомъ развертывалъ разныя знамена, требуетъ отъ меня тоже знамени, если я желаю, чтобъ онъ удостоилъ вниманіемъ мои мысли. Нужно мнѣ наконецъ объясниться.

Скажу откровенно: я вовсе не умѣю выкидывать знамена, вовсе не способенъ къ этому. Да кромѣ того, я считаю это выкидываніе часто безполезнымъ, а большею частію превреднымъ дѣломъ. Говорятъ: толчекъ, даваемый умамъ, возбужденіе сознанія. Согласенъ, что это можетъ быть полезно; но каковы обыкновенные результаты? Обыкновенно и тотъ, кто поднялъ знамя, и тѣ, кто обратилъ взоръ на это знамя, пускаются въ неистовое словоизліяніе.

---

[1]) Недавно г. Модестовъ очень жалѣлъ, что никакъ не можетъ дать мнѣ опредѣленной клички. „Пантеистъ ли онъ“, говоритъ обо мнѣ г. Модестовъ, „деистъ ли, исповѣдуетъ ли онъ положительную религію, матеріалистъ ли онъ, идеалистъ ли онъ, либералъ ли онъ, консерваторъ ли онъ,—однимъ словомъ, кто г. Страховъ въ области философіи и политики, для меня оставалось и до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ“ (Новости, 1887, 20 окт.). Какое, по истинѣ, праздное любопытство и какое обидное невниманіе! Г. Модестовъ наготовилъ много разныхъ клѣтокъ и занятъ вопросомъ, въ какую меня посадить. Въ цѣломъ фельетонѣ, онъ только объ этомъ и говоритъ и, къ моему огорченію, вовсе не коснулся вопросовъ, которымъ посвящена моя книга.

Обыкновенно прекращается всякая работа мысли, всякій трудъ доказательства и уясненія предмета, а наступаетъ лишь безконечное повтореніе одного и того же и верченье на одномъ и томъ же мѣстѣ. Люди, которымъ понравилось знамя, чаще всего думаютъ, что кромѣ этого сочувствія отъ нихъ ничего больше не требуется, и подымаютъ крикъ и гамъ, какъ будто въ крикѣ все дѣло. И такимъ образомъ мысль, которая могла бы созрѣть и развиться, остается у самого автора на степени одной краснорѣчивой выходки, а у послѣдователей искажается, истрепливается, опошляется на тысячу ладовъ и наконецъ всѣмъ надоѣдаетъ. Тогда публика начинаетъ съ тоской посматривать, не выкинулъ ли кто новаго знамени, и снова начинается шумъ, и снова та же исторія безплоднаго броженія мыслей и непомѣрнаго словоизверженія. Такъ идетъ почти все наше литературное и умственное движеніе—порядокъ печальный и жалкій, которому слѣдуетъ противодѣйствовать всѣми силами.

Вотъ почему я не очень огорчаюсь своимъ неумѣньемъ выкидывать и развертывать знамена.

Впрочемъ, что жъ я? Вѣдь и я какими-то судьбами выкинулъ знамя, именно то, на которомъ написанъ девизъ: *борьба съ Западомъ*. Но съ моимъ знаменемъ случилась престранная исторія. Сколько могу судить, множество читателей поняли, что́ я хочу сказать, вѣроятно, потому, что подъ знаменемъ находились два томика опытовъ, стремившихся показать приложеніе девиза къ дѣлу. Но за то писатели, какъ оказалось, никакъ не могутъ уразумѣть моей мысли и моего желанія, и такъ упорны въ своемъ непониманіи, какъ бываютъ только люди, твердо рѣшившіеся не понимать. Г. Модестовъ пишетъ что не можетъ себѣ и представить такого происшествія, какъ борьба съ Западомъ. И г. Соловьевъ говоритъ: „все-таки борьбы съ Западомъ мы не видимъ“. А доказательство слѣдующее: „Авторъ „Борьбы“ въ сущности не говоритъ ничего такого, чего бы не могъ сказать любой толковый европеецъ“ (стр. 762, апр.).

Ну что жъ? Покорно благодарю и за это. Мнѣ и это годится. Мнѣ именно хотѣлось, чтобы русскіе люди были хоть

столько же самостоятельны въ своихъ сужденіяхъ, какъ „любые толковые европейцы“, а еще лучше, еслибы они поравнялись даже съ самыми толковыми европейцами, еслибы они судили о разныхъ явленіяхъ Запада съ полною свободою ума, безъ того постыднаго подобострастія и преклоненія передъ Европою, которое вызвало у поэта выраженіе:

Не слуги просвѣщенья, а холопы!

и которое отзывается на сей разъ и въ статьѣ г. Соловьева.

Очень громки эти слова: *борьба съ Западомъ*, но смыслъ ихъ, какъ знаютъ читатели, очень скромный. Они выражаютъ желаніе труда, твердой умственной работы, при которой одной невозможно рабство передъ авторитетомъ. Проповѣдуется не отрицаніе авторитетовъ, а ихъ точная и правильная критика, требующая самостоятельной работы мысли.

Пусть мои собственныя попытки слабы и маловажны, какъ того желаетъ г. Соловьевъ; но я стою не за нихъ, а за свое знамя, и такъ какъ оно зоветъ къ строгому размышленію и труду, то мнѣ можно, кажется, не бояться отвѣтственности за то, что я распустилъ это знамя.

Будьте свободны духомъ, и дадутся вамъ всѣ умственныя блага и успѣхи. Возможно ли не видѣть, какъ рабство передъ умственнымъ міромъ Европы подавляетъ наши силы? Если статья г. Соловьева на кого-нибудь подѣйствовала (не думаю, впрочемъ), то вліяніе ея должно быть только вредное. Греки говорили: *познай самого себя*, а намъ, кажется, всего больше нужно твердить: *будь самимъ собою*! Изъ тщеславія, изъ слабости, изъ самолюбія мы тянемся за Европою, принимаемъ на себя всякіе чужіе виды, исповѣдуемъ всякія чужія мысли и чувства и, предаваясь горячо и спѣшно такому самоусовершенію, забываемъ и заглушаемъ то, что одно имѣетъ цѣну въ мірѣ духовной дѣятельности—собственную мысль, собственное чувство. Между тѣмъ, если мы только будемъ сами собою, если только научимся искусству стоять на своихъ ногахъ, то, что бы мы ни писали, стихи или критику, ученую диссертацію или шутливый фельетонъ,—на всемъ будетъ лежать яркая печать самобытнаго русскаго ума и чувства. Таковъ законъ человѣческой

души, таковъ законъ жизни, которая проявляетъ силу своего творчества лишь въ опредѣленныхъ формахъ, слѣдовательно, въ своеобразныхъ.

IX.

Упреки и сомнѣнія.

Славянофилы никогда не были оптимистами въ сужденіяхъ о русскомъ просвѣщеніи. Напротивъ, они очень строго судили о нашей литературѣ, наукѣ, искусствѣ, иногда даже грѣшили по избытку строгости. У Хомякова, у И. Аксакова можно найти много самыхъ горькихъ упрековъ нашей культурѣ, ея зыбкости, фальшивости и внутреннему безсилію. Западники всегда были довольнѣе нашимъ просвѣщеніемъ, потому что требованія ихъ были очень просты и, можно сказать, плоски, число ихъ приверженцевъ было несравненно больше, и всякая умственная дѣятельность въ духѣ западничества нарастала и распространялась съ каждымъ днемъ. Западники желали больше всего прогресса въ нашихъ общественныхъ порядкахъ, славянофилы же брали дѣло гораздо выше и полагали главное въ умственномъ перевротѣ, въ глубокомъ преобразованіи чувствъ и мыслей. Н. Я. Данилевскій въ этомъ смыслѣ былъ ничуть не доволенъ развитіемъ Россіи и посвятилъ этому вопросу особую главу: *Европейничанье—болѣзнь русской жизни*, главу, оставленную г. Соловьевымъ безъ всякаго вниманія.

И такъ, если западники считаютъ лучшимъ своимъ занятіемъ ежедневно въ газетахъ и журналахъ щеголять нѣкоторою скорбью, то напрасно они присвоиваютъ себѣ какую-то монополію на скорбь. Кто больше и истиннѣе любитъ, тому и приходится больше и истиннѣе не только радоваться, но и огорчаться, и приходить въ уныніе и боязнь. И какъ обидно бываетъ, когда эту скорбь и волненіе глубоко-любящаго человѣка поставятъ вдругъ на одну доску

съ злорадными обличеніями человѣка равнодушнаго или даже ненавидящаго! Когда изъ словъ, относящихся къ частному случаю, или выражающихъ временное огорченіе, вдругъ съ бездушною недобросовѣстностью, сдѣлаютъ какой-то общій приговоръ! Такія извращенія не рѣдкость у иностранныхъ писателей и газетчиковъ, которымъ нѣтъ дѣла до нашихъ чувствъ; можно сказать, что нѣчно подобное сдѣлалъ и г. Соловьевъ, когда въ концѣ своей статьи привелъ одно восклицаніе Данилевскаго и нѣсколько моихъ строкъ, какъ подтвержденіе своихъ сужденій. Г. Соловьевъ, мы надѣемся, чуждъ злорадства и ненависти, но его мнѣнія, какъ онъ самъ знаетъ, придутся по душѣ многимъ злорадникамъ и ненавистникамъ, и нѣтъ никакого удовольствія вмѣстѣ съ нимъ служить для нихъ потѣхою.

Между тѣмъ есть великая разница въ самомъ смыслѣ славянофильскихъ и западническихъ упрековъ, даже еслибы они совпадали въ предметѣ осужденія. Извѣстно, что славянофилы видѣли въ Россіи нѣкоторое раздвоеніе, что они глубоко чтили духъ русскаго народа, живущій въ массѣ низшихъ сословій, и питали мало уваженія къ объевропеившейся части народа, которую Данилевскій такъ хорошо называлъ „внѣшнимъ вывѣтрившимся слоемъ", покрывающимъ твердое ядро. Упреки славянофиловъ относятся именно къ этому слою, заправляющему у насъ почти вполнѣ и внѣшними, и внутренними дѣлами, но никакъ не ко всему народу, взятому въ его внутреннихъ силахъ и возможностяхъ. Вотъ и разгадка того противорѣчія, которое нашелъ г. Соловьевъ въ моихъ унылыхъ словахъ, сказанныхъ по случаю смерти Аксакова. „Онъ смущается", пишетъ г. Соловьевъ обо мнѣ, „и унываетъ *только за насъ*, а само славянофильство остается для него въ своемъ прежнемъ ореолѣ". И черезъ нѣсколько строкъ: „Онъ" (все я же) „разсуждаетъ такъ: мы оказываемся духовно-слабыми и для всемірныхъ дѣлъ непригодными,—слѣдовательно, *намъ должно быть стыдно* передъ славянофилами, которые такъ *на насъ* уповали. Но не правильнѣе ли будетъ обернуть заключеніе: мы оказались духовно-слабыми и несостоятельными для великихъ

дѣлъ *къ стыду славянофильства*, которое понапрасну и неосновательно надѣялось на наши мнимыя силы?“ (стр. 765, апр.). Г. Соловьевъ хочетъ сказать, что я смущаюсь и унываю и стыжусь будто бы за весь русскій народъ; нѣтъ, онъ ошибся, къ такимъ чувствамъ я вовсе не расположенъ; я часто смущаюсь и унываю и стыжусь, но *только за насъ* въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. за себя съ г. Соловьевымъ, за наше общество, за вѣтеръ въ головахъ нашихъ образованныхъ людей и мыслителей, за то, что мы не исполняемъ обязанностей того положенія, которое занимаемъ, что мы такъ неисцѣлимо тщеславны и легкомысленны, что мы не любимъ труда и постоянства, а предпочитаемъ разливаться въ краснорѣчіи и только *являться* дѣятелями. Много у меня предметовъ смущенія, унынія и стыда; но за русскій народъ, за свою великую родину я не могу, не умѣю смущаться, унывать и стыдиться. Стыдиться Россіи? Сохрани насъ, Боже! Это было бы для меня неизмѣримо ужаснѣе, чѣмъ еслибы я долженъ былъ стыдиться своего отца и своей матери. Иныя рѣчи г. Соловьева объ Россіи кажутся мнѣ просто непочтительными, дерзкими. Вотъ какое у меня настроеніе чувствъ, и вотъ почему я такъ уважаю славянофиловъ; по моему мнѣнію, это самое настроеніе есть истинный корень славянофильства.

Не легко было богатырю Н. Я. Данилевскому, когда онъ, читая въ своей книгѣ, что никакъ не можетъ оказаться, чтобы Россія была

Больной, разслабленный колоссъ,

черкнулъ на поляхъ: „Увы! начинаетъ оказываться!“ Что̀ онъ разумѣлъ подъ этимъ? и что̀ бы онъ написалъ, еслибы ему довелось вполнѣ изложить свою мысль? Можетъ быть эта замѣтка была сдѣлана послѣ печальныхъ вѣстей о Берлинскомъ конгрессѣ. Но если такъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что упрекъ здѣсь относился только къ злополучному ходу нашей внѣшней политики, а не къ русскому народу и его будущимъ судьбамъ. Послѣдняя наша война сама служитъ только яркимъ доказательствомъ того, какъ часто наши внѣшнія дѣла ничуть не соотвѣтствуютъ исполинской

душевной мощи нашего народа. Г. Соловьевъ съ видимымъ удовольствіемъ признаетъ въ замѣткѣ Данилевскаго будто бы согласіе съ своими мыслями, извлеченное изъ опыта, и, слѣдовательно, полагаетъ, что Россія дѣйствительно „больной, разслабленный колоссъ“. Но не то говоритъ чувство тѣхъ, кто никогда не отдѣлялъ себя отъ родины. Много болѣзней точатъ безмѣрное тѣло Россіи; но, не смотря на то, чувство душевной бодрости, молодой свѣжести и отваги, неисчерпаемаго избытка жизни и здоровья, съ такою силою разлито по этому колоссу, безпечно растущему и безпечно проживающему день за днемъ, годъ за годомъ, что всѣ мы невольно сознаемъ это стихійное богатырство, и сомнѣніе въ немъ готовы считать за признакъ „больныхъ, разслабленныхъ“ людей, которыхъ гдѣ же не бываетъ. Данилевскій, который не только живо чувствовалъ въ себѣ это здоровье, но умѣлъ привести себѣ къ сознанію самый духъ и судьбу своего народа и даже облекъ это сознаніе въ научныя формы,— нѣтъ, Данилевскій не могъ изъ-за Берлинскаго конгресса усумниться въ Россіи!

Н. СТРАХОВЪ.

10 мая.

НОВАЯ ПОВѢСТЬ БРЕТЪ ГАРТА

„МИЛЛІОНЕРЪ“.

I.

Ну ужъ теперь сомнѣнія нѣтъ и не можетъ быть: онъ нашелъ золото.

Всего одну минуту назадъ оно мелькнуло передъ нимъ въ видѣ неуклюжаго куска темнаго кварца съ желтыми, металлическими жилками; минеральная порода была настолько мягка, что его остроконечная кирка могла пробить ея золотоносную сердцевину, но настолько тяжела, что не удержалась на кончикѣ кирки, когда онъ пытался приподнять кварцъ съ красной земли.

Все это онъ ясно видѣлъ теперь, хотя и очутился, самъ не понимая, какимъ образомъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста своего открытія, съ сердцемъ безумно бьющимся, съ тяжело вздымающеюся грудью. Онъ медленно и безсознательно пошелъ прочь, по временамъ останавливаясь и безсмысленно озираясь. Онъ надѣялся, что инстинктъ или сила привычки поможетъ ему опомниться и, однако, увидавъ сосѣда, работавшаго на смежномъ пріискѣ, попятился назадъ и затѣмъ повернулся къ нему спиной.

И однако всего лишь мгновеніе тому назадъ онъ готовъ былъ бѣжать къ нему и закричать: — провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ! а вѣдь я нашелъ! Но это мгновеніе прошло, и теперь ему казалось, что онъ не въ силахъ крикнуть, а

еслибы и крикнулъ, то восклицаніе вышло бы принужденнымъ и искусственнымъ. Не могъ онъ также спокойно подойти къ сосѣду и хладнокровно объявить о своей находкѣ и вотъ частію по какой-то диковинной застѣнчивости, частію въ надеждѣ, что если еще разъ взглянетъ на свое сокровище, то придетъ въ нормальное состояніе, онъ вернулся къ своей шахтѣ.

Да, вотъ она! вотъ та жила, которую онъ такъ долго искалъ. Вотъ она тутъ передъ нимъ, наперекоръ насмѣшливымъ отрицаніямъ враговъ; вотъ практическія доказательства его теорій, награда его упорнаго труда. Тутъ, тутъ она! Но почему-то онъ не только не могъ припомнить первой радости открытія, а испытывалъ какое-то смутное сознаніе отвѣтственности и тревогу. Для человѣка въ его положеніи находка равнялась огромному богатству: быть можетъ нѣсколькимъ сотнямъ тысячъ долларовъ, если жилу разработать какъ слѣдуетъ!

Съ рѣшительной тревогой снова вышелъ онъ изъ шахты на солнечный свѣтъ и просторъ. Сосѣдъ все еще виднѣлся на смежномъ пріискѣ; но онъ, очевидно, пересталъ работать и задумчиво курилъ трубку подъ большой сосной. На секунду онъ позавидовалъ его наружному довольству. Въ немъ проснулось даже и необъяснимое желаніе бѣжать къ нему и смутить его безпечную бѣдность сообщеніемъ о найденномъ кладѣ. Но и это ощущеніе быстро прошло, и онъ снова безсмысленно уставился на окрестность.

Какъ только-что открытіе его обнародуется, и его цѣнность будетъ опредѣлена, онъ пошлетъ за женой и дѣтьми въ Соединенные Штаты, онъ выстроитъ прекрасный домъ на противоположномъ холмѣ, если она на это согласится, если она не предпочтетъ, ради дѣтей, поселиться въ Санъ-Франциско.

Сознаніе потери независимости, перемѣны въ обстоятельствахъ, лишающей его свободы дѣйствія, начинало тяготить его среди веселыхъ проектовъ. Связь съ другими членами семьи, ослабѣвшая отъ разлуки и его личнаго ничтожества, должна вновь окрѣпнуть. Онъ долженъ помочь сестрѣ Джэнъ,

брату Уильяму, бѣднымъ родственникамъ жены. Было бы несправедливо сказать, что онъ думалъ объ этихъ вещахъ съ чувствомъ, чуждымъ великодушія: но все же онъ испытывалъ смущеніе и растерянность.

Тѣмъ временемъ, однако, сосѣдъ докурилъ трубку, выколотилъ изъ нея золу, внезапно всталъ и положилъ конецъ его нерѣшительности, направясь къ нему. Владѣтель клада пошелъ было ему навстрѣчу, но затѣмъ нерѣшительно остановился.

— Эй, Слиннъ! закричалъ сосѣдъ довѣрчиво.

— Я самый, Мастерсъ, отвѣтилъ слабо Слиннъ.

— Чего вы тамъ застряли? Въ чемъ дѣло?

И вдругъ, замѣтивъ блѣдное и встревоженное лицо Слинна, прибавилъ:

— Вы больны?

Слиннъ готовъ былъ сказать ему о своей удачѣ, но промолчалъ. Тревожный вопросъ подтвердилъ его сознаніе о своемъ физическомъ и умственномъ разстройствѣ, и онъ побоялся показаться смѣшнымъ въ глазахъ товарища. Онъ сообщитъ ему позднѣе. Мастерсу не зачѣмъ знать,—*когда* онъ нашелъ золото. Кромѣ того, въ томъ состояніи смущенія и безпокойства, въ какомъ онъ находился, онъ пугался торопливыхъ, практическихъ разспросовъ, если сообщить это такому человѣку какъ Мастерсъ.

— У меня голова кружится, сказалъ онъ, прикладывая руку ко лбу.

Мастерсъ пристально оглядѣлъ его сѣрыми, зоркими глазами.

— Знаете, что я вамъ скажу, дружище! если вы не бросите эту, Богомъ проклятую, шахту, то рехнетесь! Говорю вамъ, что вы идете на гибель.

Вотъ удобный случай сообщить ему все и оправдать вѣрность своихъ теорій!

Но онъ опять промолчалъ, и къ смущенію его примѣшивалась какая-то странная боязнь умственнаго напряженія, связаннаго съ объясненіемъ. Онъ страдальчески улыбнулся и пошелъ прочь.

*

— Послушайте-ка, дружище! сказалъ Мастерсъ настоятельно, вамъ слѣдуетъ пропустить рюмочку виски для ободренія. Пойдемте со мной! Чортъ побери! выпьемъ вмѣстѣ въ послѣдній разъ! Не глядите такъ растерянно! Я хочу сказать... я порѣшилъ десять минутъ назадъ бросить эту чортову шахту и взяться за новый участокъ. Мнѣ надоѣло попусту терять время и трудъ. Потому-то я и говорю, что мы выпьемъ въ послѣдній разъ. Вы знаете мою манеру: сказано, сдѣлано.

Это была правда. Слиннъ часто завидовалъ быстротѣ и рѣшительности Мастерса. Но теперь онъ съ чувствомъ облегченія поглядѣлъ ему въ лицо. Онъ *уходитъ*! И ему, Слинну, незачѣмъ объясняться.

Онъ пробормоталъ что-то о недосугѣ. Онъ боялся, что Мастерсъ захочетъ идти въ его шахту.

— Вы, вѣроятно, хотите отправить это на почту, сухо проговорилъ Мастерсъ. Почта отходитъ только завтра утромъ, и вы успѣете до тѣхъ поръ дописать письмо и вложить его въ конвертъ.

Слѣдуя за глазами Мастерса, Слиннъ къ крайнему своему удивленію, увидѣлъ, что держитъ въ рукѣ недописанное письмо. Откуда оно взялось, когда онъ написалъ это, онъ рѣшительно не могъ сказать; онъ смутно помнилъ, что однимъ изъ его первыхъ движеній было написать женѣ; но что онъ это уже сдѣлалъ, объ этомъ онъ совсѣмъ позабылъ. Онъ поспѣшно спряталъ письмо въ карманъ жилета съ безсмысленной улыбкой. Мастерсъ глядѣлъ на него полупрезрительно, полусострадательно.

— Не положите въ разсѣянности письма въ древесное дупло, замѣтилъ онъ. Ну-съ, а затѣмъ... такъ какъ вы не желаете со мной выпить... счастливо оставаться.

И повернувшись Мастерсъ ушелъ.

Слиннъ наблюдалъ за нимъ, пока онъ не скрылся изъ вида, а затѣмъ съ облегченнымъ сердцемъ пошелъ своей дорогой.

Онъ былъ теперь одинъ съ самимъ собой и съ своимъ сокровищемъ. Единственный человѣкъ въ мірѣ, знавшій въ

точности положеніе его шахты, уходитъ навсегда. Врядъ ли этотъ случайный товарищъ послѣднихъ двухъ или трехъ недѣль, вернется въ эту мѣстность. Онъ остается теперь самъ-другъ съ своимъ кладомъ, пока не составитъ плана или не отыщетъ друга, которому могъ бы довѣриться. Замкнутая жизнь, привычка углубляться въ самого себя создали вокругъ него пустыню. А хотя онъ усидчиво выработалъ теорію нахожденія золота, но никогда не занимался методомъ и способомъ его обработки. И теперь, когда онъ всего болѣе нуждался въ своемъ умѣ, откуда такое странное помраченіе его умственныхъ способностей!

Терпѣніе! ему нужно только немного отдохнуть, чтобы совсѣмъ оправиться. На большой дорогѣ у поселка стоитъ широкая каменная скамья подъ большимъ деревомъ—тѣнистое убѣжище, гдѣ онъ часто дожидался прибытія почтовой кареты. Онъ пойдетъ туда и когда совсѣмъ отдохнетъ, вернется домой.

Но по дорогѣ онъ завернулъ въ рощу и безъ всякой другой цѣли, повидимому, какъ найти дупло въ деревѣ.

„Дупло въ деревѣ!“ Да! объ этомъ говорилъ Мастерсъ; онъ ясно это помнилъ; но что такое надо было сдѣлать съ дупломъ—этого онъ не помнилъ. Однако онъ сдѣлалъ это—положилъ туда письмо—и какъ разъ во́-время, такъ какъ, дойдя до скамьи, повалился на нее какъ пластъ.

И теперь, странно сказать, смущеніе и безпокойство, овладѣвшія имъ съ той самой минуты, какъ онъ открылъ свое сокровище, оставили его, точно бремя, которое ему удалось свалить съ плечъ. Безграничное спокойствіе овладѣло имъ и сквозь него проносились чудныя видѣнія о найденномъ богатствѣ, и они больше не тревожили его, а радовали; онъ создастъ счастіе и благосостояніе кругомъ себя. Не только жену, дѣтей, близкихъ и дальнихъ родственниковъ, но всѣхъ знакомыхъ облагодѣтельствуетъ онъ.

Солнце заходило какъ будто въ розовыхъ лучахъ его счастія. Затѣмъ наступили сумерки и смѣнились ночнымъ мракомъ. Онъ терпѣливо сидѣлъ, какъ бы не замѣчая этого.

Но когда на другое утро, при яркомъ свѣтѣ солнца, по-

казалась почтовая карета, при шумѣ проснувшейся жизни, кучеръ неожиданно остановилъ свою рѣзвую четверку около укромной скамьи подъ деревомъ. Почтальонъ слѣзъ съ козелъ и подошелъ къ тому, что казалось какой-то кучей платья.

— Онъ, кажется, не пьянъ, отвѣтилъ онъ на сварливый вопросъ пассажировъ. Не понимаю, что съ нимъ. Глаза у него открыты; но онъ не говоритъ и не шевелится. Взгляните-ка, докторъ.

Грубый, совсѣмъ не профессіональнаго вида, человѣкъ вылѣзъ изъ кареты и, безпечно растолкавъ другихъ пассажировъ, наклонился надъ грудой платья.

— Онъ умеръ? спросилъ одинъ изъ пассажировъ.

Грубый человѣкъ мягко опустилъ обратно безжизненную голову.

— Нѣтъ, къ несчастію для него, онъ не умеръ, проговорилъ онъ коротко. Его хватилъ параличъ... и знатный. Хитро будетъ, коли онъ когда-нибудь теперь пошевелится или заговоритъ.

II.

Когда Эльвинъ Мольреди объявилъ о своемъ намѣреніи сажать картофель и садовые овощи на зеленыхъ скатахъ Лосъ-Гатосъ, золотопромышленники этого округа, и жители прилегающей деревушки, отнеслись къ этому съ презрительнымъ равнодушіемъ, которое питаютъ всѣ авантюристы ко всякаго рода буколическимъ затѣямъ и стремленіямъ.

Никто не протестовалъ противъ занятія двухъ скатовъ холма, который такъ мало обѣщалъ въ смыслѣ добычи золота, что говорили, что его прежній арендаторъ, Слиннъ, когда-то сошелъ съ ума или впалъ въ идіотизмъ отъ неудачныхъ поисковъ.

Единственный протестъ, страннымъ образомъ, явился со стороны первоначальнаго землевладѣльца — нѣкоего дона

Рамона Альваредо, претензіи котораго на семи-верстное протяженіе холмовъ и долинъ, включая цвѣтущіе нынѣ города Савименто и Красный-Догъ,—встрѣчались хохотомъ и насмѣшками всѣхъ рудокоповъ и скуатеровъ.

— Туда же, воображаетъ, что мы пришли сюда за семь верстъ киселя хлебать, чтобы его чортова земля давала ему доходы, какъ же! иронически замѣтили они.

Мольреди конечно было извинительно примкнуть къ общественному мнѣнію; но по странному противорѣчію, свойственному человѣку, это не помѣшало ему пойти къ дону Рамону и предложить купить у него землю или же платить ему аренду продуктами.

Говорятъ, что донъ Рамонъ былъ такъ пораженъ этой уступкою, что не только отдалъ землю, но еще завелъ родъ дружбы съ простодушнымъ земледѣльцемъ и его семействомъ.

Врядъ ли нужно прибавлять, что на эту дружбу золотопромышленники взирали съ тѣмъ презрѣніемъ, какого она заслуживала. Ихъ презрѣніе было бы еще сильнѣе, знай они мнѣніе дона Рамона объ ихъ промыслѣ, которое онъ сообщилъ и Мольреди.

— Они дикари и хотятъ жать, гдѣ не сѣяли; брать изъ земли и ничего не возвращать ей, кромѣ своихъ драгоцѣнныхъ костей; язычники, поклоняющіеся тѣмъ самымъ камнямъ, которые они вырываютъ изъ земли.

— А развѣ не было испанцевъ, которые бы добывали золото? спросилъ добродушно Мольреди.

— Ахъ! были испанцы, были и мавры! отвѣчалъ донъ Рамонъ, сентенціозно; золото добывалось и кавалерами, но добра изъ этого никогда не выходило. Не пристало дворянину пачкаться съ золотомъ, не говоря уже о проклятіи.

— Проклятіе! повторила Мели Мольреди съ дѣвическимъ суевѣріемъ,— что это значитъ?

— Вы не знаете, другъ Мольреди, что когда эти земли были пожалованы моимъ предкамъ Карломъ V, то епископъ Монтерэ наложилъ проклятіе на тѣхъ, кто осквернитъ ихъ.

Ну вотъ, слушайте дальше. Ихъ трехъ американцевъ, основавшихъ вонъ тотъ городъ, одинъ былъ застрѣленъ, другой умеръ отъ лихорадки—отравленный, понимаете, почвой,—а третій съ ума сошелъ. Даже ученый [1]), пріѣзжавшій много лѣтъ тому назадъ соглядатайствовать за деревьями и за травами, былъ наказанъ за свое святотатство и умеръ неестественной смертью. Но, прибавилъ донъ Рамонъ съ степенной вѣжливостью, это васъ не касается. Черезъ меня *вы* здѣсь у себя, на *своей* землѣ.

И дѣйствительно казалось, что если не быстрое, то вѣрное благосостояніе было результатомъ владѣльческаго покровительства дона Рамона. Картофель и овощи процвѣтали; роскошная почва вознаграждала за труды сторицей и даже солнце смѣялось надъ обычнымъ раздѣленіемъ временъ года, допуская необычайныя и преждевременныя жатвы.

Поселенцы, сидѣвшіе на соленой свининѣ и сухаряхъ, не смотря на презрѣніе къ труду Мольреди, не пропустили случая перемѣнить діэту. Золото, извлекаемое ими изъ земли, переходило въ его карманы взамѣнъ его болѣе скромныхъ сокровищъ. Избушка, пріютившая вначалѣ его семью—жену, сына и дочь—была покинута для болѣе удобнаго и просторнаго дома на противоположномъ холмѣ. Бѣлый заборъ замѣнилъ простую грубую изгородь. Мало-по-малу первые признаки культуры — вывороченные комки красной земли, грудки хвороста, голая пашня и груды камня исчезли и уступили мѣсто зеленому ковру, превратившему въ оазисъ дикую пустыню. Только въ водѣ отказано было новому Эдему—и то количество, какое необходимо было для орошенія полей, привозилось изъ дальняго пруда скупо и съ большими издержками.

Въ виду этого Мольреди задумалъ вырыть артезіанскій колодезь на солнечномъ скатѣ позади своего дома, конечно не безъ серьезной консультаціи съ своимъ испанскимъ па-

---

[1]) Донъ Рамонъ намекалъ на натуралиста Дуглоса, посѣтившаго Калифорнію до золотой горячки и умершаго отъ удара на Сандвичевыхъ островахъ.

трономъ и сильныхъ возраженій съ его стороны. Съ большой убѣдительностью донъ Рамонъ доказывалъ, что взрывать нѣдра земли было не только преступленіемъ противъ природы, почти равнымъ съ устройствомъ шахтъ и туннелей, но и нарушеніемъ священныхъ интересовъ.

— Я и мои предки, Санъ-Діего упокой ихъ души! говорилъ донъ Рамонъ, осѣняя себя крестомъ,—довольствовались колодцами и цистернами, наполняемыми небомъ въ опредѣленное время; скотъ, даромъ что безсловесный, умѣлъ тоже находить воду, которая ему была нужна. Но ты говоришь правду, прибавилъ онъ, вздыхая, что это было раньше, чѣмъ потоки и дождь были осквернены языческими машинами и отравлены ихъ пѣной. Ступай, другъ Мольреди, рой и буравь, если хочешь, но по-христіански, а не посредствомъ грѣховныхъ землетрясеній, производимыхъ дьявольскимъ порохомъ.

Послѣ этой уступки Эльвинъ Мольреди сталъ рыть свою первую артезіанскую шахту. Но безъ помощи пара и пороха дѣло медленно подвигалось. Огородъ не страдалъ тѣмъ временемъ, такъ какъ Мольреди нанялъ двухъ китайцевъ ухаживать за нимъ, пока онъ наблюдалъ за прорытіемъ колодца. Это пустое обстоятельство составило эпоху въ общественномъ положеніи фамиліи. М-съ Мольреди сразу получила серьезное значеніе среди сосѣдей. Она говорила про „рабочихъ“ мужа; она толковала о „предпріятіяхъ“ м-ра Мольреди, разумѣя подъ этимъ колодезь; и обуздывала грубоватую фамильярность своихъ покупателей къ хорошенькой Меми Мольреди, своей семнадцатилѣтней дочкѣ. Простодушный Эльвинъ Мольреди съ удивленіемъ глядѣлъ на то, какъ всходили сѣмена, зароненныя въ женскую натуру и дающія пышный цвѣтъ при первыхъ лучахъ солнца фортуны.

— Послушай-ка, Мальви, ты ужь очень носъ воротишь отъ молодцовъ, что ухаживаютъ за Меми. Точно она имъ не пара.

— Неужели ты хочешь этимъ сказать, Эльвинъ Мольреди, отвѣчала м-съ Мольреди съ внезапной суровостью, что

думаешь выдать нашу дочку за простаго рудокопа, или же что я позволю ей выйдти замужъ за человѣка не нашего круга?

— Не нашего круга, безпомощно повторялъ Мольреди, уставясь въ изумленіи на нее и затѣмъ переводя глаза то на сына, то на китайцевъ, копавшихъ капусту.

— О! ты прекрасно понимаешь, что я хочу сказать, рѣзко объявила м-съ Мольреди, нашъ кругъ—это Альваредо и его пріятели! Развѣ старый донъ не приходитъ къ намъ ежедневно и развѣ его сынъ не подходящій женихъ для Меми? И развѣ они здѣсь не первая фамилія... все равно, дворяне? Нѣтъ; предоставь Меми мнѣ и занимайся колодцемъ; еще не родился мужчина, который бы что-нибудь смыслилъ въ этихъ дѣлахъ или зналъ свои обязанности передъ своей фамиліей.

Какъ и всѣ мужчины вообще, Мольреди охотно соглашался съ мнѣніемъ, предоставлявшимъ мелочи жизни въ женскія руки, и пошелъ на свою шахту. Но въ это утро онъ былъ смущенъ. Онъ былъ слишкомъ преданный мужъ, чтобы не гордиться неожиданной проницательностью и сообразительностью жены, хотя, подобно всѣмъ мужьямъ, былъ нѣсколько этимъ озадаченъ. Онъ старался не думать объ этомъ. Но, глядя съ холма на свою небольшую усадьбу, постепенно расширявшуюся и процвѣтавшую подъ его управленіемъ, онъ почувствовалъ приливъ такого же честолюбія, какое проявила его дражайшая половина.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ онъ хуже дона Рамона? Но, однако, въ душѣ онъ сомнѣвался, чтобы донъ Рамонъ съ этимъ согласился и вотъ, отравленный женскимъ тонкимъ ядомъ, онъ почти возненавидѣлъ своего стараго благодѣтеля. Онъ глядѣлъ на маленькій Эдемъ, гдѣ его Ева только-что соблазнила его роковымъ плодомъ, и почувствовалъ, что навѣки утратилъ способность мирно и невинно имъ наслаждаться.

Къ счастію вскорѣ послѣ этого донъ Рамонъ умеръ. Невѣроятно, чтобы онъ догадывался о любезныхъ планахъ м-съ Мольреди на счетъ его сына, наслѣдовавшаго

отцовскому имѣнію, которое жестоко обкарнали родственники и кредиторы.

Миссисъ и миссъ Мольреди присутствовали на похоронахъ въ дорогомъ траурѣ, выписанномъ изъ Сакраменто. Даже кроткаго Эльвина облекли въ черный сюртукъ, обличившій его добродушную, но безспорно вульгарную наружность. М-съ Мольреди открыто говорила о своей „потерѣ"; объявляла, что старыя фамиліи вымираютъ и внушила женамъ вновь прибывшихъ въ Красный Догъ поселенцевъ мысль, что ея собственная фамилія въ родствѣ съ Альваредами и что здоровье ея мужа не особенно крѣпко. Она выказывала материнское участіе осиротѣвшему дону Цезару. Сдержанный по природѣ, какъ и его отецъ, онъ былъ еще церемоннѣе, удрученный своей потерей. И, быть можетъ, изъ застѣнчивости, чувствуя пристрастіе къ Меми Мольреди, онъ рѣдко пользовался любезнымъ гостепріимствомъ ея матери. Но онъ исполнилъ намѣреніе отца, продавъ за небольшую сумму Мольреди участокъ земли, арендуемый имъ. Мысль о покупкѣ земли подана была м-съ Мольреди.

— Такимъ образомъ она останется въ роду, замѣтила эта хитрая особа и гораздо приличнѣе, чтобы мы были землевладѣльцами, а не арендаторами.

Прошло нѣсколько недѣль, и вотъ разъ утромъ ее поразилъ голосъ мужа, доносившійся съ холма, откуда онъ опрометью бѣжалъ домой. Меми была въ своей комнатѣ, гдѣ надѣвала новое розовое ситцевое платье, въ честь ожидаемаго визита юнаго дона Цезара, а м-съ Мольреди подметала и прибирала въ домѣ въ виду того же событія. Что-то въ тонѣ голоса мужа, а также и возвращеніе его домой въ необычный часъ, заставило ее бросить половую щетку и выбѣжать къ нему навстрѣчу изъ кухни. Она увидѣла, что онъ бѣжалъ черезъ гряды съ капустой, съ краснымъ и возбужденнымъ лицомъ и съ такими блестящими глазами, какихъ она не видывала у него уже долгіе годы. Она припомнила, хотя безъ всякаго умиленія, что такимъ именно видѣла она его, когда позвала, въ бытность

его простымъ батракомъ на фермѣ ея отца въ Иллинойсѣ, чтобы сообщить о согласіи ея родителей на ихъ бракъ. Воспоминаніе было тѣмъ неудобнѣе, что онъ охватилъ ее обѣими руками и звонко поцѣловалъ въ увядшую щеку.

— Помилосердуй, Мольреди! воскликнула она, сгоняя передникомъ нѣчто въ родѣ румянца, вспыхнувшаго на ея лицѣ, до того ли, когда гости могутъ прійдти съ минуты на минуту.

— Мальви! я нашелъ его! и нашелъ здо́рово.

Она высвободилась изъ его объятій равнодушная, и блестящими, но хитрыми и наблюдательными глазами поглядѣла на него.

— Я нашелъ его въ колодцѣ. Ту самую жилу, какой доискивались рудокопы. Теперь ты и Меми богачихи: золота видимо-невидимо.

— Подожди минутку.

Она поспѣшно оставила его и, подойдя къ лѣстницѣ, закричала къ его великому удивленію.

— Меми, сними новое платье.

Послышалось восклицаніе неудовольствія Меми.

— Тебѣ говорятъ! еще строже сказала мать.

Меми стихла. М-съ Мольреди вернулась къ мужу. Перерывъ этотъ какъ-то потушилъ его радость. Онъ сразу угомонился и сталъ ждать, что она скажетъ.

— Ты никому еще не говорилъ?

— Нѣтъ. Я былъ одинъ, внизу, въ шахтѣ. Видишь ли, Мальви, я никакъ не ожидалъ...

Онъ опять было развеселился.

— Я копалъ себѣ землю и ни на что не разсчитывалъ...

— Вотъ видишь, я была права, совѣтуя тебѣ купить землю.

Лицо Мольреди омрачилось.

— Я надѣюсь, донъ Цезарь не подумаетъ, началъ онъ, запинаясь, я думаю, можетъ быть, слѣдуетъ мнѣ вознаградить его, знаешь.

— Глупости, рѣшительно проговорила м-съ Мольреди. Не будь дуракомъ. Ты нашелъ золото и, значитъ, оно твое—

таковъ законъ. И ты купилъ землю безъ ограниченiй. Кромѣ того, тебѣ и въ голову не приходило это!...

Она умолкла и вдругъ поглядѣла ему въ лицо.

— Или приходило?

Мольреди широко раскрылъ честные, свѣтлосѣрые глаза.

— Что ты, Мальви! вѣдь ты же знаешь, что не приходило, хоть побожиться!

— Не божись и слушай меня, и голосъ ея зазвучалъ повелительно.

— Прекрати всякую работу въ шахтѣ, и отошли теперь же работника. Надѣнь сюртукъ и ступай съ первымъ омнибусомъ въ Сакраменто, да захвати съ собой и Меми.

— Меми! слабо повторилъ Мольреди.

— Прежде всего повидайся съ стряпчимъ Коль и съ моимъ братомъ Джимомъ, продолжала она, не обращая вниманiя на перерывъ. А Меми нужно провѣтриться и заказать себѣ приличное платье. Остальное предоставь мнѣ. Я скажу что нужно Меми и снаряжу ее.

Мольреди провелъ рукой по спутаннымъ волосамъ. Онъ гордился энергiей и дѣятельностью жены, онъ и не мечталъ сопротивляться ей, но былъ немного разочарованъ. Волшебная радость открытiя разсѣялась прежде, нежели онъ успѣлъ порядкомъ ослѣпить жену; или, вѣрнѣе сказать, она вовсе не была ослѣплена. Все вышло такъ практично и дѣловито, что ему стало скучно. И при томъ ему прiятнѣе было бы самому сообщить дочери и видѣть, какъ вспыхнутъ ея щеки и засверкають радостью глаза, чего онъ не видѣлъ у жены.

— Времени терять нечего, сказала она нетерпѣливо, замѣтивъ его колебанiе.

Быть можетъ, ея нетерпѣнiе досадило ему; быть можетъ, еслибы она не отнеслась такъ самоувѣренно къ удивительному счастiю, доставапшемуся ей, онъ бы и не сказалъ тутъ же того, что было у него на умѣ. Какъ бы то ни было, онъ степенно проговорилъ:

— Постой-ка, Мальви, я не все еще сказалъ тебѣ.

— Говори, поспѣшно пригласила она.

— Между обломками кварца я нашелъ кирку и жила

какъ будто была открыта раньше; сбоку у подошвы холма виднѣются какъ бы признаки старой шахты, но только она обвалилась и засыпана обломками.

— Ну такъ что жъ? презрительно спросила м-съ Мольреди.

— А то жъ, отвѣтилъ ея супругъ, какъ бы недовольно, что похоже, какъ будто кто-то открылъ ее раньше.

— И бросилъ, оставилъ для другихъ! Какъ это похоже на дѣло? перебила жена съ нескрываемой досадой. Всякій знаетъ, что съ этимъ холмомъ не стоило возиться и онъ былъ совсѣмъ заброшенъ, когда мы сюда пріѣхали. Это твоя собственность и ты за нее заплатилъ денежки. Ты, можетъ быть, собираешься вызывать черезъ газеты владѣльца жилы, Эльвинъ Мольреди? А ужь въ Сакраменто не поѣдешь?

Мольреди вздрогнулъ. Онъ серьезно еще не подумалъ, что дѣйствительно кто-нибудь могъ раньше его сдѣлать это открытіе. Но по добросовѣстности характера немедленно принялъ это въ соображеніе. Да, вѣроятно, она права. Но онъ не сталъ вникать въ то, какъ бы онъ поступилъ, будь жена также добросовѣстна, какъ и онъ самъ.

— Ладно, сказалъ онъ просто. Я сейчасъ отправлюсь въ путь.

— И когда будешь говорить съ стряпчимъ Колемъ и Джимомъ оставь про себя эти глупыя исторіи про кирку. Нѣтъ никакой надобности внушать другимъ дикія мысли, только потому что онѣ лѣзутъ тебѣ въ голову.

Когда торопливыя приготовленія были окончены и м-ръ Мольреди съ Меми, въ сопровожденіи молчаливаго и скромнаго китайца, несшаго ихъ немудрый багажъ, пошли по большой дорогѣ, на встрѣчу почтовой каретѣ, отецъ тревожно и выжидательно взглянулъ въ лицо дочери. Ему хотѣлось насладиться свѣжестью и наивностью юношескаго восторга и радости Меми и отдохнуть отъ практическаго дальновиднаго реализма жены. На нѣжныхъ щечкахъ дѣвушки игралъ живой румянецъ, полуоткрытый ротикъ дѣт-

ски улыбался, а въ большихъ сѣрыхъ глазахъ свѣтилось радостное изумленіе,—все такіе хорошіе признаки.

— Ну, Меми, весело быть богатой невѣстой?

— Что?

Она не слыхала вопроса. Нѣжнымъ красивымъ глазамъ рисовались полки съ разнообразнымъ товаромъ на „Дамскомъ Базарѣ“ въ Сакраменто; они читали восхищеніе на лицахъ у прикащиковъ; всматривались въ даль большой дороги, не ѣдетъ ли почтовая карета, и оглядывали, хорошо ли сидятъ новыя перчатки: короче сказать—они были заняты всѣмъ на свѣтѣ, кромѣ любящихъ взглядовъ человѣка, шедшаго съ нею рядомъ.

Онъ однако повторилъ вопросъ, тронутый ея прелестной разсѣянностью и охватилъ рукой ея тонкую талію.

— Я очень рада, пà!

И ловко высвободилась изъ его объятій, ласково стиснувъ ему локоть, чтобы смягчить свое движеніе.

— Я вчера была увѣрена, что случится *необыкновенное*. Я думаю, я похожа на пугало, прибавила она, но мà такъ торопила меня; она хотѣла, чтобы я уѣхала прежде чѣмъ придетъ донъ Цезаръ.

— А тебѣ не хотѣлось уѣзжать прежде, чѣмъ онъ придетъ? лукаво спросилъ отецъ.

— Я бы не хотѣла, чтобы онъ меня видѣлъ въ этомъ платьѣ, отвѣчала Меми просто. Потому, вѣрно, мà и заставила меня переодѣться, прибавила она со смѣхомъ.

— Ну, я думаю, ты для него во всѣхъ нарядахъ хороша, сказалъ отецъ, внимательно наблюдая за ней. А *теперь* ты къ тому же и выгодная невѣста, прибавилъ онъ съ торжествомъ.

— Не знаю. Онъ былъ всегда богатъ, и его отецъ и дѣдъ были богаты, а мы были сначала бѣдны и его арендаторы.

Лицо отца измѣнилось; за удивленіемъ, съ какимъ онъ ее слушалъ, выражалась на немъ сначала боль, потомъ гнѣвъ.

— Неужели онъ говорилъ такія глупости? поспѣшно спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Желала бы я, чтобы онъ это сказалъ! Теперь у меня могутъ быть женихи и получше его.

Они нѣсколько минутъ прошли молча, насупившись, и китаецъ могъ бы подумать, что они поссорились. Но вдругъ бѣлые зубки снова засверкали въ полуоткрытыхѣ устахъ.

— Слушай, пà! это все не то! онъ меня любитъ и я его; и еслибы только мà не забрала себѣ въ голову новыхъ идей....

Она вдругъ умолкла.

— Какихъ новыхъ идей? тревожно спросилъ отецъ.

— О, ничего! я желала бы, пà, чтобы на васъ были другіе сапоги. Всякій можетъ видѣть, что они смазные; а вы вѣдь больше не огородникъ.

— Что же я такое? засмѣялся Мольреди не то самодовольно, не то смущенно.

— Вы—капиталистъ, какъ я говорю; а мà говоритъ, что вы землевладѣлецъ.

Какъ бы то ни было, а новый землевладѣлецъ, когда достигъ скамьи на дорогѣ подъ развѣсистымъ деревомъ, усѣлся на ней, опустивъ голову на грудь и не то задремалъ, не то погрузился въ невеселыя, какъ будто, размышленія. Меми, къ тому времени опять повеселѣвшая, пошла бродить въ нетерпѣніи, что карета не ѣдетъ. Она забрела даже такъ далеко, что каретѣ въ свою очередь пришлось дожидаться, когда она подходила.

Когда наконецъ Меми благополучно усѣлась внутрь кареты, а Мольреди вскарабкался на козлы рядомъ съ кучеромъ, тотъ коротко замѣтилъ:

— Вы таки порядкомъ напугали меня минуту тому назадъ.

— Какъ такъ?

— Да вотъ три года тому назадъ я такъ же подъѣзжаю къ этому мѣсту, а на скамьѣ сидитъ какъ разъ человѣкъ и какъ разъ въ той же позѣ, да и по росту, и по годамъ точь въ точь вы. Я соскочилъ съ козелъ и зову его садиться въ

карету, а онъ! вотъ провалиться мнѣ! и не пошевелится и не взглянетъ, и словечка не промолвитъ. Я обругалъ его безъ церемоніи и поѣхалъ дальше. Но на другой день, когда я ѣхалъ назадъ, я, увидѣлъ, вотъ провалиться мнѣ! что онъ уже сидитъ не на скамьѣ, а валяется какъ снопъ на землѣ. Джимъ соскочилъ и подобралъ его. А докторъ Дюшенъ сказалъ, что это обманувшійся золотоискатель, разбитый параличемъ, и мы доставили его, какъ мертвый пластъ, въ окружную больницу. Съ тѣхъ поръ я какъ-то боюсь этого мѣста и когда сейчасъ увидѣлъ васъ въ такой точно позѣ, съ опущенной головой, какъ у того молодца, такъ меня всего и передернуло.

Въ томъ необъяснимомъ и суевѣрномъ смущеніи, которое овладѣло, лишеннымъ фантазіи, умомъ Мольреди, онъ чуть было не похвастался своей удачей передъ кучеромъ, чтобы доказать, что совсѣмъ не похожъ на того несчастнаго, но во-время удержался.

— Узнали вы, кто это такой? перебилъ одинъ нетерпѣливый пассажиръ.

— Выздоровѣлъ онъ или нѣтъ? прибавилъ другой.

Помолчавъ съ секунду, чтобы выразить презрѣніе къ такому безтактному перерыву, кучеръ продолжалъ, обращаясь исключительно къ Мольреди.

— Я было принялъ васъ за его привидѣніе.

И, снова помолчавъ, безпечно прибавилъ:

— Говорятъ, онъ такъ и не поправлялся съ тѣхъ поръ, хотя бы на столько, чтобы сказать, кто онъ и откуда пришелъ. Его перевезли въ лечебницу для неизлечимыхъ идіотовъ и тамъ онъ и по сіе время.

II.

Когда извѣстіе о томъ, что Мольреди открылъ золото распространилось, то произвело волненіе еще небывалое въ исторіи страны. Полнаселенія Краснаго Дога повалило на желтоватые холмы, окружавшіе холмъ Мольреди, и ихъ ла-

герные костры походили на костры арміи, осаждающей его мирное идиллическое жилище и готовящейся брать его приступомъ.

Къ несчастію для себя, они нашли, что различные участки уже снабжены подписями: „заняты“ для разработки руды отъ имени различныхъ членовъ фамиліи Альваредо. Это дѣловитое распоряженіе придумала м-съ Мольреди, какъ средство успокоить совѣсть мужа и вознаградить Альваредо надеждой на возможное обогащеніе.

Говоря правду, такое униженіе кастильскихъ отцовскихъ принциповъ было не по душѣ дону Цезару.

— Зачѣмъ вамъ самимъ разрабатывать ихъ, убѣждала м-съ Мольреди; вамъ стоитъ только продать тѣмъ, кто захочетъ; это единственное средство помѣшать аферистамъ завладѣть ими, не платя.

Донъ Цезарь въ концѣ концовъ согласился, не столько, быть можетъ, убѣжденный дѣловыми аргументами жены Мольреди, сколько изъ желанія угодить матери Мемн. Короче сказать—онъ получилъ такую сумму денегъ за нѣсколько акровъ земли, которая превосходила десятилѣтній доходъ дона Рамона съ цѣлыхъ семи миль.

Такой же неслыханной и безумной была реализація мѣсторожденія золота въ шахтѣ Мольреди. Говорили, что компанія, наскоро образовавшаяся въ Сакраменто, заплатила ему милліонъ долларовъ, предоставивъ кромѣ того двѣ-трети доходовъ съ рудника. Но съ упорствомъ, доходившимъ до нравственнаго убѣжденія, онъ отказывался включить домъ и картофельное поле въ продажу. Когда компанія уступила и на этомъ пунктѣ, онъ съ такой же настойчивостью не соглашался на самыя безумныя предложенія.

Тщетно м-съ Мольреди протестовала; тщетно указывала она ему, что такое доказательство ихъ первоначальнаго скромнаго положенія въ обществѣ ляжетъ большимъ пятномъ на ихъ карьерѣ.

— Если хочешь удержать землю, застрой ее и сравняй поле.

Но Мольреди былъ непоколебимъ, какъ скала.

— Это единственное, что я самъ заработалъ, надъ чѣмъ потрудился и добылъ изъ земли собственными руками, говорилъ онъ. Я съ этого началъ, да, можетъ быть, этимъ и кончу. Можетъ быть, я радъ буду вернуться сюда современемъ и благодаренъ за то, что могу пропитать себя на этомъ клочкѣ земли.

Но вслѣдствіе непрестанныхъ просьбъ и убѣжденій, Мольреди пошелъ на компромиссъ и согласился, чтобы часть огорода превращена была въ виноградникъ и цвѣтникъ, роскошь которыхъ маскировала общую вульгарность мѣста. Другія усилія этой энергической женщины сгладить первоначальную грубость ихъ происхожденія были менѣе удачны. Ей пришло въ голову утилизировать мягкое произношеніе дономъ Цезаромъ ихъ фамиліи, и „Мольредъ" замѣстилъ было Мольреди на ея визитныхъ карточкахъ.

— Наша фамилія, можетъ быть, испанская, доказывала она; стряпчій Коль говоритъ, что большинство американскихъ фамилій искажены и, почемъ знаешь, что твоя не въ томъ числѣ.

Мольреди, который могъ побожиться, что его предки переселились въ Каролину изъ Ирландіи въ 98 году, не въ силахъ былъ опровергать этого увѣренія.

М-съ Мольреди тотчасъ же усвоила себѣ испанскую вѣжливость, благодаря которой ея мужъ превратился въ „дона Альвино" и иначе не называла его въ его отсутствіе. Но въ присутствіи его низенькой, плотной фигуры, морковно-рыжихъ волосъ, косыхъ сѣрыхъ глазъ и вздернутаго носа, даже эта властолюбивая женщина отбрасывала титулъ. Въ городѣ Красный Догъ составилась легенда, что когда одинъ знаменитый иностранецъ подошелъ къ Мольреди съ обычной формулой:

— Я, кажется, имѣю честь говорить съ дономъ Альвино Мольреди? то этотъ простодушный гидальго отвѣчалъ:—можете прозакладывать свои сапоги, чужакъ, и не проиграете, я самый онъ.

Хотя м-съ Мольреди предпочла бы, чтобы Меми остава-

лась въ Сакраменто до тѣхъ поръ, пока ей самой можно будетъ пріѣхать туда и отправиться въ „Штаты“, а оттуда въ Европу, она уступила желанію дочери ослѣпить городъ Красный Догъ до отъѣзда своимъ новымъ гардеробомъ и развернуть въ родимомъ гнѣздышкѣ изящныя и пестрыя крылышки, на которыхъ она собиралась отлетѣть навѣки.

— Я не хочу, ма̀, чтобы они помнили обо мнѣ, какъ о дѣвчонкѣ, бѣгавшей въ старыхъ ситцевыхъ платьяхъ, и говорили бы, что мнѣ и одѣтьзя-то не во что, пока я отсюда не уѣхала.

Было что-то до того похожее на мать въ этой тонкой прозорливости дочери, что тронутая родительница поцѣловала ее и согласилась. Результатъ былъ удачнѣе, чѣмъ она ожидала. Въ нѣсколько недѣль своего пребыванія въ Сакраменто молодая дѣвушка совсѣмъ освоилась съ послѣдними модами, превзойдя обычную въ этихъ случаяхъ способность молодыхъ американокъ.

М-ръ Мольреди съ гордостью и страхомъ глядѣлъ на свою дочь. Возможно ли, что это изящное созданіе, казавшееся безконечно выше его, точно отпрыскъ какой-то невѣдомой и старинной расы—его родная дочь? Возможно ли, что она дочь своей матери, которая даже въ молодости никогда не бывала такъ хорошо одѣта?

Поэтому естественно, что вышитое батистовое платье, которое было надѣто на Меми Мольреди въ одно лѣтнее утро, когда она прогуливалась въ Лосъ-Гатосъ, казавшееся слишкомъ дорогимъ и прихотливымъ для критическихъ женскихъ взоровъ, вовсе не представлялось такимъ парѣ откровенныхъ, насмѣшливыхъ глазъ, обращавшихся на нее по временамъ, въ то время какъ ихъ владѣлецъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, прохаживался около нея. То былъ новый издатель „Туземныхъ извѣстій“, побывавшій нѣсколько разъ въ ихъ домѣ по приглашенію ея отца, познакомившагося съ нимъ на обратномъ пути изъ Сакраменто. М-съ Мольреди не мѣшала его ухаживанью.

— Когда я скажу, что мнѣ жаль, что вы покидаете насъ, миссъ Мольреди, сказалъ молодой человѣкъ шутливо,—то

вы поймете мое самоотверженiе, если я откровенно сознаюсь вамъ, что вашъ отъѣздъ будетъ для меня, какъ издателя и мужчины, значительнымъ облегченiемъ. Поэтическiй отдѣлъ „Извѣстiй“ совсѣмъ заваливается стихами, воспѣвающими васъ и, къ несчастью, я не могу отвергать ихъ, будучи самъ вашимъ поклонникомъ.

— Ужасно, когда служишь мишенью для взглядовъ цѣлаго околодка, сказала Меми, не выражая однако никакого ужаса на лицѣ.

— Они считаютъ, что очень почтительно относятся къ вамъ, когда называютъ васъ Меми, а нѣкоторые изъ вашихъ поклонниковъ,—люди зрѣлаго возраста и съ средневѣковымъ слогомъ. Я открылъ, что аматеры-стихотворцы не всегда бываютъ юношами. Полковникъ Кашъ такъ же убiйственно владѣетъ риѳмой, какъ и двухствольнымъ ружьемъ и такъ же мало бережетъ заряды. Судья Бутсъ и докторъ Вильсонъ оба открыли въ васъ сходство съ Венерой, а въ самихъ себѣ съ Аполлономъ. Но не презирайте этихъ поклонниковъ—миссъ Мольреди, прибавилъ онъ болѣе серьезно; у васъ будутъ ихъ тысячи, куда бы вы ни поѣхали, но вы нигдѣ не найдете болѣе честныхъ и почтительныхъ, чѣмъ ваши подданные въ „Красномъ Догѣ“.

Онъ умолкъ и затѣмъ прибавилъ еще серьезнѣе:

— Что, донъ Цезарь пишетъ стихи?

— У него есть болѣе интересныя занятiя, дерзко отвѣтила она.

— Могу себѣ представить, замѣтилъ онъ насмѣшливо; стихи были бы блѣдной замѣной другихъ преимуществъ.

— Зачѣмъ вы сюда явились? внезапно спросила она.

— Чтобы видѣть васъ.

— Глупости! Вы знаете, что я хочу сказать. Зачѣмъ вы оставили Сакраменто и прiѣхали сюда? Мнѣ кажется, тамъ для васъ гораздо приличнѣе быть, чѣмъ здѣсь.

— Я, можетъ быть, соблазнился примѣромъ вашего батюшки и захотѣлъ найти золотоносную руду.

— Люди, какъ вы, никогда ее не находятъ!

— Что это, комплиментъ, миссъ Мольреди?

— Не знаю. Но думаю, что вы примете за комплиментъ.

Онъ съ удовольствіемъ поглядѣлъ на нее, точно нашелъ неожиданно симпатичный ему умъ.

— Неужели? Это интересно. Сядемъ.

Въ своей безцѣльной прогулкѣ они дошли до скамьи на большой дорогѣ подъ развѣсистымъ деревомъ. Меми колебалась минутку, оглядѣла дорогу и, наконецъ, съ привычнымъ уже ей равнодушіемъ богатыхъ людей къ тому, что она можетъ запачкать платье, сѣла на скамью, держа зонтикъ на колѣняхъ двумя маленькими ручками. Молодой издатель не то сѣлъ, не то оперся о камень и принялся чертить фигуры на пескѣ тросточкой.

— Напротивъ того, миссъ Мольреди, я надѣюсь нажить здѣсь деньги. Вы уѣзжаете изъ Краснаго Дога, потому что богаты, а мы пріѣхали сюда, потому что бѣдны.

— Мы? повторила Меми, лѣниво глядя на дорогу.

— Да. Мой отецъ и двѣ сестры.

— Очень жаль. Я могла бы съ ними познакомиться, еслибы мы не уѣзжали.

И въ ту же минуту у нея мелькнула мысль, что если они похожи на него, то могли бы оказаться непріятно независимыми и насмѣшливыми.

— Вашъ батюшка въ какомъ-нибудь дѣлѣ?

Онъ покачалъ головой. И помолчавъ прибавилъ, какъ бы подчеркивая свои слова тросточкой на мягкомъ пескѣ.

— Онъ разбитъ параличемъ и не въ своемъ умѣ, миссъ Мольреди. Я пріѣхалъ въ Калифорнію, чтобы розыскать его, такъ какъ впродолженіи трехъ лѣтъ мы не имѣли о немъ никакого извѣстія и нашелъ его всего двѣ недѣли тому назадъ одинокаго, безпомощнаго, никѣмъ невѣдомаго нищаго въ мѣстной больницѣ.

— Двѣ недѣли тому назадъ? Это когда мы поѣхали въ Сакраменто.

— Очень вѣроятно.

— Вы, должно быть, очень огорчились?

— Очень.

— Вамъ, должно быть, очень тяжело?

— Бываетъ.

Онъ улыбнулся и положилъ тросточку на скамейку.

— Вы видите теперь, миссъ Мольреди, какъ необходимо мнѣ богатство, котораго вы считаете меня недостойнымъ. А пока я долженъ устроиться какъ-нибудь здѣсь.

Миссъ Мольреди встала съ мѣста.

— Намъ пора идти, знаете.

— Почему?

— Потому что почтовая карета сейчасъ проѣдетъ.

— И вы думаете, пассажиры насъ увидятъ?

— Разумѣется.

— Миссъ Мольреди, умоляю васъ, останьтесь.

Онъ наклонился къ ней съ такой серьезной мольбой въ голосѣ и жестѣ, что она покраснѣла. Съ минуту она не рѣшалась взглянуть на него, но когда взглянула, то разсердилась. Онъ смѣялся.

— Если вы хоть сколько-нибудь жалѣете меня, то не уходите, повторилъ онъ. Побудьте еще минутку и я—богатъ. Пассажиры разскажутъ въ Красномъ Догѣ, что мы помолвлены. Всѣ подумаютъ, что я пользуюсь довѣріемъ вашего батюшки, и новыя компаніи наперерывъ будутъ приглашать меня въ директоры. Число подписчиковъ „Извѣстій" удвоится, поэзія удалится съ ихъ столбцовъ, и мѣсто ея займутъ объявленія, а я буду получать пятью долларами въ недѣлю больше, если не всѣми семью съ половиной. Не заботьтесь о послѣдствіяхъ для самой себя. Увѣряю васъ, что ихъ совсѣмъ не будетъ. Вы можете на другой же день опровергнуть слухъ; я самъ опровергну его... Мало того: „Извѣстія" опровергнутъ его въ экстренномъ изданіи въ тысячѣ экземплярахъ по десяти центовъ за каждый. Побудьте еще минутку, миссъ Мольреди. Не уходите! о! не уходите еще! Вотъ они ѣдутъ!.. Эхъ! это только донъ Цезаръ!

Дѣйствительно то юный отпрыскъ дома Альваредо, голубоглазый, смуглолицый и сутоловатый, скакалъ по направленію къ нимъ на дикой, почти не объѣзженной лошади, необузданныя и порывистыя движенія которой только сильнѣе выдавали степенное и величавое спокойствіе всадника.

Не смотря на свою шутовскую озабоченность, издатель „Извѣстій“ не могъ не полюбоваться такимъ превосходнымъ наѣздникомъ. Меми, самолюбіе которой было такъ задѣто, что она съ наслажденіемъ отдѣлала бы своего спутника, вынуждена была воздержаться отъ этого удовольствія.

Донъ Цезарь приподнялъ шляпу и поклонился съ мягкой серьезностью—дамѣ и съ солидной вѣжливостью—кавалеру. Въ то время какъ нижняя часть этого центавра вся дрожала, повидимому, отъ бѣшенства и стучала копытами о землю съ очевиднымъ желаніемъ растоптать юную чету, верхняя половина съ спокойнымъ достоинствомъ поглядывала то на одного, то на другаго, какъ бы въ ожиданіи объясненія. Но Меми была слишкомъ умна, а ея спутникъ слишкомъ равнодушенъ, чтобы объясняться. Легкая тѣнь пробѣжала по лицу дона Цезара. Какъ бы для усложненія дѣла въ этотъ моментъ съ трескомъ и стукомъ проѣхала почтовая карета. Съ женской проницательностью Меми схватила выраженіе лицъ кучера и почтальона, отраженное въ насмѣшливыхъ глазахъ ея спутника, говорившихъ о томъ, что онъ угадалъ, какое истолкованіе будетъ сдѣлано при видѣ ихъ пассажирами, которые даже оглядывались на юную чету съ очевиднымъ и многозначительнымъ любопытствомъ.

Юный испанецъ, чуждый какъ юмору, такъ и любопытству, пребывалъ невозмутимъ.

— Вы знакомы съ м-ромъ Слинномъ изъ „Извѣстій“, сказала Меми,—неправда ли?

Донъ Цезарь никогда еще не встрѣчался съ сеньоромъ Эслинномъ. Онъ думалъ, что синьоръ Робинзонъ издаетъ „Извѣстія“.

— О! *онъ* былъ застрѣленъ! отвѣчалъ Слиннъ.—И я занялъ его мѣсто.

— *Bueno*! Тоже, чтобы быть застрѣленнымъ? Надѣюсь, что этого не случится.

Слиннъ зорко и быстро поглядѣлъ въ серьезное молодое лицо дона Цезара. Онъ, казалось, неспособенъ говорить двусмысленно. Какъ бы то ни было, такъ какъ у него не было серьезныхъ поводовъ желать возбудить ревность въ донѣ

Цезарѣ и очень мало охоты быть лишнимъ въ бесѣдѣ втроемъ, и даже, чего добраго, въ тягость молодой особѣ, онъ простился съ нею. Съ внезапнымъ женскимъ противорѣчiемъ или же по какому-то тайному побужденiю, Меми сказала, протягивая руку:

— Надѣюсь, что вы найдете квартиру для вашего семейства неподалеку. Мама̀ желаетъ, чтобы па̀ отдалъ внаймы нашъ старый домъ. Можетъ быть онъ будетъ для васъ пригоденъ, если недалекъ отъ вашей конторы. Переговорите объ этомъ съ ма̀.

— Благодарю васъ, непремѣнно, отвѣтилъ молодой человѣкъ съ непринужденной привѣтливостью.

Донъ Цезаръ наблюдалъ за нимъ, пока онъ не исчезъ изъ виду.

— Онъ человѣкъ семейный... этотъ.. вашъ соотечественникъ?

Ей показалось страннымъ, что простаго знакомаго называютъ „ея соотечественникомъ"... не въ первый и не въ послѣднiй, конечно, разъ. Такъ какъ ни въ манерахъ, ни въ голосѣ дона Цезара не было и слѣда ревности, она отвѣчала кратко, но неопредѣленно.

— Да; это грустная исторiя. Его отецъ пропалъ безъ вѣсти нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и онъ только-что нашелъ его... безпомощнаго и разбитаго параличемъ... въ больницѣ, въ Сакраменто. Ему надо содержать его... а они очень бѣдны.

— И такъ, значитъ, они не всегда независимы другъ отъ друга... эти отцы и дѣти американцевъ?

— Нѣтъ, коротко отвѣтила Меми.

Неизвѣстно, почему манеры дона Цезара обижали ее. Его серьезная степенность, при всей мягкости и благовоспитанности, порою раздражали ее сильнѣе даже, чѣмъ непочтительный юморъ Слинна. Она не безъ нетерпѣнiя взяла зонтикъ, собираясь уходить. Но донъ Цезаръ уже сошелъ съ коня и привязалъ его къ дереву.

— Вернемся домой черезъ рощу, я приду за лошадью послѣ. Я не былъ бы такъ назойливъ, прибавилъ онъ съ

гордымъ смиреніемъ, еслибы ваша матушка не показалась мнѣ очень странной за все это время. Объ этомъ, Меми, я и хотѣлъ съ вами переговорить. Она совсѣмъ перемѣнилась. Можетъ быть, я не понимаю американскихъ матерей; можетъ быть... кто знаетъ?.. Я какъ-нибудь оскорбилъ этикетъ, не соблюдя должныхъ церемоній... Но вы говорили мнѣ, Меми, что вовсе не нужно переговорить *сначала* съ нею, что это не въ американскихъ обычаяхъ...

Меми вздрогнула и покраснѣла.

— Да, заторопилась она, конечно; но ма̀ была дѣйствительно сама не своя въ послѣднее время; быть можетъ, она думаетъ, знаете, что такъ какъ я теперь такая богатая невѣста, то слѣдуетъ посовѣтоваться съ нею на счетъ приданаго.

— Если такъ, то посовѣтуемся съ нею немедленно, милое дитя! А что касается приданаго, то пусть она распоряжается имъ, какъ ей угодно. Упаси Боже, чтобы кто-нибудь изъ Альваредо когда-либо гонялся за приданымъ. Да и на что оно намъ, моя крошка? Довольно того, что донья Мемита Альваредо не уступитъ въ знатности никакой богатѣйшей невѣстѣ.

Меми не забыла, что всего лишь мѣсяцъ тому назадъ, хотя бы даже она была такъ же равнодушна къ этому человѣку, какъ и теперь, слова его наполнили бы ее восторгомъ! Даже и теперь они ее тронули... потому что ей пріятно было сознаніе, что „знатность“ была къ ея услугамъ, стоило захотѣть!

— Конечно, мой милый, пролепетала она съ дѣтскимъ удовольствіемъ, придававшимъ ея лицу такое прелестное выраженіе, что оно мѣшало вникнуть въ истинный его смыслъ и значеніе; конечно, но намъ незачѣмъ говорить объ этомъ теперь, и, быть можетъ, возстановить противъ себя ма̀. Она не хочетъ слышать о томъ, чтобы я теперь же вышла замужъ, и будетъ противъ нашей помолвки.

— Но вы уѣзжаете?

— Я поѣду въ Нью-Іоркъ *сначала* и въ Европу, знаете, наивно отвѣчала Меми, еслибы даже мы и были помолвлены.

Мнѣ надо заказать себѣ приданое! Здѣсь и одѣться нельзя прилично.

Припоминая о розовомъ ситцевомъ платьѣ, въ которомъ она впервые призналась ему въ любви, онъ сказалъ:

— Но вы и такъ прелестны. Для меня вы лучше не станете, и если я доволенъ, малютка, тѣмъ, какъ вы одѣты, то поѣдемъ вмѣстѣ заказывать туалеты, которые должны нравиться другимъ людямъ.

Она не ожидала такой настойчивости. Право же, когда такъ, то ей лучше было бы быть помолвленной съ человѣкомъ, въ родѣ Слинна; тотъ бы понялъ ее. Онъ былъ гораздо умнѣе, и ужь, конечно, практичнѣе и больше зналъ людей. Когда Слиннъ обращался къ ней свысока, то съ юмористической снисходительностью болѣе опытнаго существа, а не съ дидактическими стремленіями опекуна. Но она этого не сказала, и ея хорошенькіе глазки тоже этого не выразили, какъ не выразили гнѣва, когда она разговаривала съ Слинномъ. Она кротко сказала:

— Я никогда не ожидала, чтобы вы, именно вы, захотѣли, чтобы жена ваша поступала не такъ, какъ требуютъ приличія. Но все равно! Не будемъ больше говорить объ этомъ. Можетъ быть, это васъ такъ стѣсняетъ и затрудняетъ, что лучше совсѣмъ оставить.

Не думаю, чтобы молодая особа намѣренно вывела такое нелогическое слѣдствіе изъ словъ дона Цезара или, чтобы она предвидѣла дѣйствіе своихъ словъ, но ей свойственно было ихъ сказать и воспользоваться ихъ дѣйствіемъ. При такомъ несправедливомъ обвиненіи гордость его смирилась.

— Ахъ! неужели вы не видите, почему я хочу ѣхать вмѣстѣ съ вами? сказалъ онъ съ внезапной и неожиданной страстью. Вы красивы; вы добры; небу угодно было сдѣлать васъ и богатой, но вы дитя по неопытности и сами не знаете своего сердца. Съ вашей красотой, добротой и богатствомъ вы будете привлекать всѣхъ къ себѣ—какъ вы это дѣлаете и здѣсь—потому что это естественно. Но вы будете безпомощны, малютка, если *они* закружатъ васъ и если васъ не будутъ связывать никакія узы.

Замѣчаніе это было неудачно. Слова говорилъ донъ Цезаръ; но мысль она слышала уже раньше отъ матери хотя и съ другимъ выводомъ. Меми слушала дона Цезаря съ сверкающимъ, но мечтательнымъ взоромъ. Должно быть есть правда въ томъ, что онъ сказалъ. Мать говоритъ это; м-ръ Слиннъ, хотя шутя, но допускаетъ это. Передъ нею блестящая будущность! Вправѣ ли она лишить себя ея, поспѣшно и опрометчиво связавъ себя? Онъ самъ сказалъ, что она неопытна. Она знала это; и однако, что же онъ-то теперь дѣлаетъ, какъ не хочетъ воспользоваться ея неопытностью? Если онъ дѣйствительно ее любитъ, то долженъ согласиться на испытаніе. Она отъ него требуетъ того же и готова выйдти за него замужъ, если вернется свободной.

Въ этой мысли, казалось, было такъ много благородства, что она на минуту увлеклась ею и съ сострадательной нѣжностью улыбнулась ему.

— Вы согласны, Меми?

И торопливо обнялъ ее за талію.

— Нѣтъ, не теперь, Цезаръ, высвободилась она. Я должна хорошенько подумать; мы оба слишкомъ молоды и не должны дѣйствовать опрометчиво, это будетъ нехорошо относительно васъ; вы слишкомъ мало видѣли дѣвушекъ американскихъ, чтобы жениться на первой, съ которой познакомились. Когда я уѣду, вы больше будете выѣзжать. Вотъ у м-ра Слинна есть двѣ сестры, я не удивлюсь, если онѣ умнѣе и образованнѣе меня... и каково мнѣ будетъ, если я узнаю, что только данное слово удерживаетъ васъ отъ того, чтобы въ нихъ не влюбиться.

Она умолкла и опустила глаза.

То была ея первая попытка къ кокетству, такъ какъ, съ свойственнымъ ей очаровательнымъ себялюбіемъ, она была всегда прямодушна и откровенна.

— Если вы допускаете такую возможность для меня... то значитъ это возможно и съ вами!

Она поняла свою ошибку.

Можетъ случиться, что мы больше не увидимся на-

единѣ, спокойно отвѣтила она, не будемъ тратить время на обвиненie другъ друга. Условимся лучше, какъ намъ сообщаться другъ съ другомъ, если что-нибудь помѣшаетъ нашему свиданiю. Вспомните, что и сегодня мы встрѣтились случайно. Мама, вѣроятно, уже тревожится. Я должна идти домой. Каждую минуту можетъ кто-нибудь пойти меня разыскивать.

— Но мнѣ надо такъ много сказать. Мы пробыли вмѣстѣ такъ недолго!

— Вы можете написать.

— Но что подумаетъ ваша матушка объ этомъ? съ удивленiемъ спросилъ онъ.

Она покраснѣла.

— Конечно, дома не должны знать, что мы въ перепискѣ. Вы можете какъ-нибудь иначе доставить мнѣ письмо. Постойте! прибавила она съ дѣтской веселостью. Вотъ вамъ почтовый ящикъ. Поглядите!

Она указала на гнилой стволъ сикомора, росшаго неподалеку отъ тропинки. Въ немъ было дупло, наполненное орѣховой скорлупой и сухими листьями, показывавшими, что оно служило убѣжищемъ для бѣлки, почему-то ею покинутымъ.

Донъ Цезаръ съ восхищенiемъ поглядѣлъ на нее и хотѣлъ обнять.

— Тсъ! что такое? послушайте!

— Это бѣлка въ вѣтвяхъ, прошепталъ онъ ей на ухо.

— Нѣтъ; это кто-то идетъ! пустите меня! пожалуйста, Цезаръ, милый! Ну вотъ...

Она отвѣтила на его поцѣлуй, высвободилась изъ его объятiй и убѣжала.

Донъ Цезаръ, со вздохомъ прислушивался къ замирающему звуку ея шаговъ и взглянулъ на дерево, какъ бы желая запечатлѣть его въ своей памяти.

Онъ былъ правъ въ объясненiи причины внезапнаго шороха, помѣшавшаго ихъ свиданiю. Пара блестящихъ, милыхъ глазокъ смотрѣла на него съ вѣтки сосѣдняго дерева. То была бѣлка, которая раньше людей собиралась серьезно и

дѣловито осмотрѣть дупло, но вѣжливо воздержалась при ихъ появленіи. Теперь, когда они ушли, она привела свое намѣреніе въ исполненіе.

III.

Очевидно, недовольное результатомъ своихъ изслѣдованій, доказавшихъ, что дупло непригодно для храненія запасовъ скромной бѣлки, хотя и могло хранить любовныя посланія отважныхъ людей, маленькое животное принялось немедленно приводить его въ порядокъ. Она прежде всего разбросала пропасть сухихъ листьевъ, смела гнѣздо древесныхъ пауковъ, разогнала колонію муравьевъ, но вдругъ встрѣтила на своемъ пути болѣе серьезное препятствіе, а именно сложенную вчетверо бумагу, съ которой никакъ не могла справиться. Поэтому она оставила ее на мѣстѣ и только прикрыла свѣжими листьями.

Но каковы же были ея ярость и негодованіе, когда, вернувшись черезъ нѣсколько дней, она нашла въ приготовленномъ ею для себя домѣ другую бумажку, свернутую какъ и прежняя, но только гораздо бѣлѣе и новѣе. Этого бѣлка уже рѣшительно не могла вынести и такъ какъ къ тому же бумажка была меньше первой и не задѣвала за стѣнки дупла, то ей удалось энергическими ударами хвостика вышвырнуть ее изъ дупла и бумажка позорно полетѣла на землю. Тамъ ее замѣтили зоркіе глаза вороны; она немедленно слетѣла съ дерева и схватила бумажку. Бумажка оказалась несъѣдобной, но ворона тѣмъ не менѣе унесла ее въ клювѣ, будучи изъ породы любителей коллекцій. Но усѣвшись на вѣткѣ дерева, она съ обычной разсѣянностью низшаго животнаго забыла о первоначальномъ намѣреніи и равнодушно выронила бумажку изъ клюва. Бумажка попала на сосѣдній кустъ, гдѣ и пролежала до вечера, когда пробѣгавшая мимо дикая кошка, направлявшаяся въ курятникъ къ Мольреди, толкнувъ кустъ, сва-

лила бумажку, и, увидѣвъ, какъ мелькнуло что-то бѣлое, со страху забѣжала въ сосѣдній кустъ.

Но треволненія бѣлки тѣмъ не кончились. На слѣдующій день молодой человѣкъ, сопровождавшій молодую женщину, пришелъ одинъ къ дуплу, и бѣлка только-только успѣла изъ него выскользнуть, какъ онъ запустилъ въ него руку и принялся шарить. Восхищеніе, выразившееся на его серьезномъ и тревожномъ лицѣ отъ того, что письмо исчезло и, значитъ, было кѣмъ-то взято, ясно доказывало, что онъ туда его положилъ и, быть можетъ, пробудило смутное воспоминаніе у вороны и даже угрызеніе совѣсти, такъ какъ она даже громко закаркала. Но молодой человѣкъ скоро ушелъ, и бѣлка опять могла занять свое жилище.

Прошла недѣля. Скучное, тяжкое время для дона Цезара, который ничего не слышалъ о Меми и не видѣлъ ее съ ихъ послѣдняго свиданія. Слишкомъ проникнутый чувствомъ собственнаго достоинства, чтобы идти къ Мольреди послѣ двусмысленнаго поведенія хозяйки дома и слишкомъ гордый, чтобы бродить около него, подкарауливая случайную встрѣчу съ ея дочерью, какъ бы сдѣлалъ обыкновенный влюбленный, онъ скрывалъ мрачныя мысли въ монастырской тѣни усадьбы Лосъ-Гатосъ или же находилъ облегченіе въ бѣшеной скачкѣ днемъ и ночью по большой дорогѣ. Не разъ мимо почтовой кареты проносился вихремъ точно тѣнь, всадникъ, и только огонекъ его сигары показывалъ, что то былъ человѣкъ, а не привидѣніе.

Въ одну изъ такихъ бѣшеныхъ прогулокъ онъ долженъ былъ остановится раннимъ утромъ передъ кузницей въ Красномъ Догѣ и поручить кузнецу укрѣпить ослабѣвшую подкову, а самъ въ ожиданіи взялся за газету. Донъ Цезаръ рѣдко читалъ газеты, но, увидя, что то были „Извѣстія“, сталъ проглядывать ея столбцы. Знакомое имя внезапно бросилось ему въ глаза. Съ сердцемъ бившимся и стучавшимъ въ унисонъ съ кузнечнымъ молотомъ, онъ прочиталъ слѣдующее:

„Нашъ именитый согражданинъ, Эльвинъ Мольреди, эсквайръ, уѣхалъ изъ города третьяго дня, чтобы присут-

ствовать на важномъ собраніи директоровъ Краснодоговой минной компаніи въ Сан-Франциско. Общество съ сожалѣніемъ услышитъ, что м-съ Мольреди и ея очаровательная дочка, намѣревавшіяся отправиться въ Европу въ концѣ мѣсяца, воспользовались случаемъ сопровождать м-ра Мольреди до Сан-Франциско по пути на востокъ.

„М-съ и миссъ Мольреди намѣрены посѣтить Лондонъ, Парижъ и Берлинъ и пробудутъ въ отсутствіи три года. Возможно, что м-ръ Мольреди позднѣе съѣдется съ ними въ одной изъ этихъ столицъ. Весь городъ очень сожалѣетъ, что при такихъ обстоятельствахъ не могъ устроить проводы, достойные уважаемой семьи и той симпатіи, какую къ нимъ питаютъ въ Красномъ Догѣ“.

Газета выпала у него изъ рукъ. Уѣхала! не написавъ ни единаго слова! Нѣтъ, это невозможно! Тутъ какая-то ошибка; она написала, да письмо еще не дошло. „Третьяго дня!“ онъ могъ еще получить письмо изъ Сан-Франциско! Ахъ!.. а дерево-то!

Конечно, письмо лежало въ дуплѣ, онъ не ходилъ туда уже съ недѣлю. Почему онъ не подумалъ объ этомъ раньше. Онъ виноватъ во всемъ, а не она. Быть можетъ, она уѣхала, подумавъ, что онъ измѣнилъ ей! деревенскій медвѣдь!

— Чортъ васъ возьми! что, вы намѣрены продержать меня здѣсь цѣлую вѣчность!

Кузнецъ выпучилъ на него глаза. Донъ Цезарь вдругъ вспомнилъ, что онъ говорилъ, какъ и думалъ... по испански.

— Десять долларовъ прибавки, мой другъ, если отпустите меня черезъ пять минутъ.

Кузнецъ разсмѣялся.

— Вотъ это по-американски. И живѣе принялся за работу. Донъ Цезарь опять принялся за газету. Тамъ былъ другой параграфъ, напомнившій ему о послѣднемъ свиданіи съ Меми:

„М-ръ Гарри Слиннъ младшій, издатель этой газеты, только-что переѣхалъ въ домъ, первоначально занимаемый Эльвиномъ Мольреди, эсквайромъ, и который уже сталъ историческимъ въ околодкѣ. М-ръ Слиннъ перевезъ съ

собой отца м-ра Слинна эсквайра, и двухъ сестеръ. М-ръ Слиннъ, старшій, страдавшій нѣсколько лѣтъ отъ паралича, медленно поправляется и по совѣту врачей предпочелъ живительный воздухъ здѣшнихъ холмовъ разслабляющему зною Сакраменто".

Дѣло скоро уладилось, размышлялъ донъ Цезарь не безъ ревности.

Черезъ пять минутъ онъ уже скакалъ къ дереву. Вотъ онъ опускаетъ руку въ дупло. Нѣтъ! письма нѣтъ! онъ роется въ немъ обѣими руками: и... что это?.. бумага хруститъ подъ его пальцами... Радость охватила его душу, но увы! скоро смѣнилась разочарованіемъ.

Вынутое имъ письмо было, очевидно, не къ нему; конвертъ былъ изъ самой простой сѣрой бумаги, имѣлъ грязный, залежавшійся видъ и былъ надписанъ карандашемъ, который почти стерся; при этомъ въ немъ остались какіе-то твердые кусочки, точно руда или металлъ.

Онъ съ трудомъ разобралъ полустертую надпись: „м-съ Меми Слиннъ", да и то только потому, что это имя въ послѣднее время особенно навязывалось ему. Въ своемъ разочарованіи и досадѣ онъ заподозрилъ, что это неприличная шутка Слинна надъ нимъ, шутка, въ которой, быть можетъ, участвовала Меми: эти американцы такіе вульгарные.

Онъ держалъ конвертъ въ дрожащихъ рукахъ. Онъ могъ разорвать его, если хотѣлъ и ознакомиться съ его содержаніемъ; но оно было адресовано *не къ нему*, а инстинктъ чести былъ въ немъ всесиленъ, несмотря на бѣшенство. Нѣтъ, Слиннъ вскроетъ письмо при немъ и отвѣтитъ за все.

Онъ поскакалъ къ старому дому Мольреди и, привязавъ коня къ изгороди, вошелъ въ домъ. Дверь была гостепріимно растворена, но когда онъ переступилъ за порогъ, то очутился лицомъ къ лицу съ двумя хорошенькими дѣвушками. То были, очевидно, сестры Слинна, о которыхъ онъ совсѣмъ было и позабылъ.

— Мы видѣли, какъ вы подъѣхали, сказала старшая непринужденно. Вы донъ Цезарь Альваредо. Братъ говорилъ намъ о васъ.

Эти слова привели дона Цезара въ себя и напомнили ему о вѣжливости. Не могъ же онъ ссориться съ красивыми незнакомыми дѣвушками при первомъ свиданіи. Онъ долженъ объясниться съ ихъ братомъ въ другомъ мѣстѣ.

— Братъ Гарри уѣхалъ въ Красный Догъ, продолжала старшая изъ дѣвушекъ, Эсфирь; онъ будетъ очень жалѣть, что вы не застали его; м-съ Мольреди говорила ему о васъ, вы, кажется, были ихъ домашнимъ другомъ. Вы были, конечно, коротко знакомы съ ихъ дочерью Меми; говорятъ, она прехорошенькая.

Хотя донъ Цезаръ убѣдился теперь, что Слиннъ не могъ знать о странномъ поведеніи съ нимъ Меми, его смущалъ этотъ разговоръ.

— Миссъ Мольреди очень хороша собой, сказалъ онъ серьезно и вѣжливо, какъ и всѣ ея соотечественницы, вообще. Она уѣхала очень неожиданно, прибавилъ онъ съ притворнымъ спокойствіемъ.

— Они, кажется, разсчитывали оставаться здѣсь дольше, но что-то помѣшало. Я знаю, что братъ былъ очень удивленъ, когда м-ръ Мольреди сказалъ ему, что онъ можетъ, если хочетъ, тотчасъ же переѣхать, такъ какъ самъ онъ займетъ большой домъ.

Донъ Цезаръ всталъ и раскланялся.

— Вы уже уходите? томно спросила Эсфирь; если такъ, то, проходя по саду, загляните къ бѣдному папà. Онъ тамъ гдѣ-то около рощи, и мы не любимъ оставлять его подолгу одного. Если вы увидите, что ему что-нибудь требуется, кликните насъ, пожалуйста. А у насъ теперь столько дѣла, что самимъ бѣжать къ нему некогда.

Донъ Цезаръ хотѣлъ было извиниться; но внезапное сочувствіе къ чужому страданію, проснувшееся въ немъ и сопровождающее всякое благородное горе, остановило его. Онъ поклонился въ знакъ согласія и ушелъ. Дѣвушки слѣдили за нимъ, пока онъ не скрылся изъ вида.

— Ну, сказала меньшая, уже теперь меня никто не увѣритъ, что между нимъ и Меми Мольреди ничего не было.

Ужь если это не обманутый любовникъ, то у меня нѣтъ глазъ.

— Если такъ, то тебѣ не слѣдовало глядѣть на него такъ нѣжно, точно ты не прочь утѣшить его, уколола ее Эсфирь.

Между тѣмъ донъ Цезаръ отправился на поиски старика Слинна и нашелъ его на скамьѣ подъ развѣсистымъ деревомъ.

Онъ сидѣлъ, положивъ руки на колѣни, и глядѣлъ разсѣянно передъ собой.

Онъ слегка вздрогнулъ, когда донъ Цезаръ остановился передъ нимъ, и перевелъ глаза на него. Молодой человѣкъ былъ удивленъ, увидѣвъ, что бѣдняга былъ вовсе не такъ старъ, какъ онъ думалъ, и что выраженіе его лица было спокойное и даже счастливое.

— Ваши дочери сказали мнѣ, что вы здѣсь, поклонился ему съ ласковымъ почтеніемъ донъ Цезаръ. Я—Цезаръ Альваредо, вашъ близкій сосѣдъ; очень радъ познакомиться съ вами и вашимъ семействомъ.

— Мои дочери? сказалъ старикъ разсѣянно; о, да! онѣ хорошенькія дѣвочки. А сынокъ мой, Гарри? вы видѣли Гарри? миленькій крошка, неправда ли?

— Я радъ слышать, что вы поправляетесь, поспѣшно сказалъ донъ Цезаръ. Богъ да благословитъ васъ, сеньоръ, и возвратитъ вамъ скорѣе здоровье и счастіе.

— Счастіе? съ удивленіемъ сказалъ Слиннъ. Я счастливъ... очень счастливъ. У меня есть все, что мнѣ надо; хорошій воздухъ, хорошая пища, теплое платье, хорошенькія дѣтки, добрые друзья... Ваше имя... васъ зовутъ Ма...

— Альваредо, поправилъ мягко донъ Цезаръ... Цезаръ Альваредо.

— Вы сказали: Мастерсъ, настаивалъ старикъ съ внезапной сварливостью.

— Нѣтъ, добрый другъ, я сказалъ: Альваредо, серьезно отвѣчалъ донъ Цезаръ.

— Если вы не сказали: Мастерсъ, то почему же я сказалъ? я не знаю никакого Мастерса.

Донъ Цезаръ молчалъ. Черезъ минуту выраженіе счастливаго спокойствія вернулось на лицо Слинна, и донъ Цезаръ продолжалъ:

— Ко мнѣ недалеко, отсюда черезъ холмы, хотя по дорогѣ дальше; когда вы совсѣмъ поправитесь, милости просимъ. Вы дойдете до рощи, а тамъ...

Онъ замолкъ, потому что лицо больнаго выразило безпокойство. Частію, чтобы развлечь его, частію по какой-то необъяснимой идеѣ, вдругъ охватившей его, донъ Цезаръ продолжалъ:

— Тамъ есть странное дерево около дорожки, съ дупломъ. И въ этомъ дуплѣ я нашелъ это письмо.

Онъ снова умолкъ на этотъ разъ въ испугѣ. Слиннъ вскочилъ на ноги съ блѣднымъ, искаженнымъ лицомъ и глядѣлъ на письмо, которое донъ Цезаръ вынулъ изъ кармана. Мускулы его горла напряглись, точно онъ глоталъ что-то; губы шевелились, но не издавали ни звука. Наконецъ, конвульсивнымъ усиліемъ ему удалось пролепетать нѣсколько словъ едва слышнымъ голосомъ.

— Мое письмо, мое письмо! Оно мое! отдайте его мнѣ! Это мое богатство! все мое! въ шахтѣ... на холмѣ! Мастерсъ укралъ его! укралъ мое богатство! Укралъ все! Видите! видите!

Онъ схватилъ письмо изъ рукъ дона Цезара и разорвалъ конвертъ: нѣсколько желтыхъ песчинокъ выпало изъ него, величиной съ дробь, и упало на землю.

— Видите, видите, что это правда! Мое письмо! мое золото! моя шахта! Мой... мой... мой Богъ!

Дрожь пробѣжала у него по лицу. Рука, державшая письмо, внезапно упала какъ плеть. Онъ покачнулся и, выскользнувъ изъ рукъ дона Цезара, упалъ на землю.

Донъ Цезаръ поспѣшно наклонился къ нему, но только затѣмъ, чтобы удостовѣриться, что онъ живъ и дышетъ, хотя и недвижимъ.

Послѣ того донъ Цезаръ поднялъ письмо и, пробѣжавъ его сверкающими глазами, сунулъ въ карманъ вмѣстѣ съ образчиками золота. Затѣмъ поспѣшно поглядѣлъ на дорогу.

[redacted]

Каждая минута была ему теперь дорога; но онъ не могъ оставить больнаго на большой дорогѣ, не могъ и снести его въ домъ. Но вдругъ онъ вспомнилъ, что лошадь его такъ и осталась привязанной къ изгороди. Онъ пойдетъ за ней и положитъ черезъ сѣдло несчастнаго. Онъ съ трудомъ приподнялъ его съ земли и положилъ на скамью и.затѣмъ побѣжалъ къ своей лошади. Онъ недалеко еще ушелъ, какъ услышалъ стукъ колесъ и лошадиный топотъ. То неслась почтовая карета. Онъ хотѣлъ позвать кучера на помощь. Но тотъ привсталъ на козлахъ и хлесталъ изо всей мочи испуганныхъ лошадей, которыя пролетѣли вихремъ мимо скамейки.

Часомъ позже, когда карета подъѣзжала къ гостиницѣ Краснаго Дога, кучеръ сошелъ съ козелъ весь блѣдный, но молчаливый. Когда же онъ проглотилъ рюмку виски залпомъ, то обернулся къ удивленному почтальону.

— Одно изъ двухъ, Джимъ, сказалъ онъ мрачно,—или скамейку снесутъ съ дороги, или меня на кладбище. Я опять *его* видѣлъ!...

(*Окончанiе въ слѣд. №*).

Юбилей А. Н. Майкова.

Значеніе юбилея и таланта А. Н. Майкова.—Его прежнія и послѣднія произведенія.—Значеніе праздника для „Русскаго Вѣстника".—Адресъ сотрудниковъ нашего журнала.—Письмо гр. Д. А. Толстаго.—Адресъ Лит. драм. Общ.—Телеграммы августѣйшихъ Особъ и князя Черногорскаго.—Стихотвореніе Е. И. В. В. К. Константина Константиновича.—Письмо И. А. Гончарова.—Рѣчь М. Н. Островскаго.—Стихотворенія.

30-го апрѣля состоялся юбилейный праздникъ нашего славнаго поэта А. Н. Майкова. Нѣсколько дней потомъ всѣ ежедневныя изданія были наполнены болѣе или менѣе подробными описаніями этого торжества. Въ настоящую минуту можно сказать навѣрное, что фактическая сторона этого *русскаго* литературнаго торжества извѣстна не только всей читающей Россіи, но и вообще всѣмъ, кого интересуетъ то, что совершается въ нашемъ отечествѣ. Теперь, по прошествіи цѣлаго мѣсяца, намъ, на страницахъ ежемѣсячнаго изданія, было бы совершенно излишне снова передавать всѣ подробности, а потому мы мало коснемся внѣшней стороны этого замѣчательнаго праздника. Эта сторона необходимо должна отступить на второй планъ и уступить мѣсто внутреннему значенію торжества, которое русское общество сумѣло достойно обставить въ честь своего любимаго поэта.

Юбилейныя торжества въ честь литературныхъ дѣятелей у насъ вовсе не рѣдкость... На устройство ихъ гораздо болѣе щедры, нежели бы слѣдовало, и эта преувеличенная щедрота сдѣлала то, что наше общество относится по справедливости холодно къ этимъ торжествамъ. Большинство ихъ имѣетъ характеръ корпоративный или просто кружковой... Но трудно представить себѣ болѣе достойный поводъ юбилейнаго праздника, который имѣлъ бы притомъ такое *всеобщее*, не только русское, но и переходящее за предѣлы *нашего* отечества значеніе, какъ праздникъ 30-го апрѣля.

Необходимо сказать то, что́ не сказано было никѣмъ изъ участвовавшихъ—именно: въ настоящую минуту такой поэтъ, какъ А. Н. Майковъ, представляетъ собою выдающееся явленіе не только у насъ въ Россіи, но и вообще въ современной литературѣ. Кто слѣдитъ за художественною литературой, тотъ долженъ признать, что едва-ли въ какой странѣ Европы можно назвать въ настоящее время поэта, имя котораго могло бы быть поставлено рядомъ съ именемъ автора „Двухъ міровъ“, „Трехъ смертей“ и другихъ всѣмъ извѣстныхъ произведеній.

По глубинѣ замысла своихъ произведеній, по красотѣ ихъ формы и по мастерству исполненія А. Н. Майковъ безспорно занимаетъ первое мѣсто между современными поэтами. Для Россіи онъ имѣетъ значеніе непосредственнаго преемника Пушкина и пушкинскихъ поэтическихъ традицій... Пока онъ живетъ и дѣйствуетъ среди насъ—до тѣхъ поръ источникъ русской истинно-поэтической рѣчи не изсякнетъ и не перестанетъ бить живымъ, неистощимымъ ключомъ. Талантъ Майкова невольно поражаетъ своей неувядаемою свѣжестью и силою. Напечатанная въ этой книгѣ „Русскаго Вѣстника“ его новая превосходная поэма *Бриигильда* служитъ тому лучшимъ и неоспоримымъ подтвержденіемъ.

Независимо отъ этой неувядаемой свѣжести, талантъ поэта носитъ въ себѣ нѣчто своеобразное, нѣчто дѣлающее его глубоко симпатичнымъ для всякаго, кто познакомится ближе съ его поэзіей и прослѣдитъ ее отъ первыхъ моментовъ его творчества до настоящей минуты. Кромѣ того, оставаясь постоянно *чисто русскимъ* поэтомъ, А. Н. Майковъ, подобно великому Пушкину, умѣетъ, какъ никто, усвоить себѣ форму, вполнѣ соотвѣтствующую содержанію. Его произведенія переносятъ читателя всецѣло въ ту среду, которую описываетъ поэтъ. Приводить примѣры этого было бы совершенно излишне. Сколько поколѣній выросло и воспиталось на стихахъ нашего поэта! Кто изъ живущихъ теперь, читающихъ людей русскихъ не знаетъ ихъ наизусть? У кого съ тѣмъ или другимъ стихотвореніемъ не соединяется самыхъ лучшихъ, свѣтлыхъ воспоминаній прошлаго, лучшихъ впечатлѣній юности?

Но считаемъ необходимымъ указать здѣсь, что полный жизни и отзывчивости поэтъ не могъ стоять всегда на одномъ уровнѣ; онъ жилъ вмѣстѣ съ умственною жизнью страны и, постоянно развиваясь и совершенствуясь, въ послѣднее время дошелъ до того полнаго и твердаго строя мысли и мастерства формы, которыми мы восхищаемся. Въ то же время и его прежнія

произведенія, какъ превосходныя „Три смерти“, „Савона-рола“ и друг., полны такого истиннаго одушевленія и пылкаго вдохновенія, въ такой степени тѣсно сливается въ нихъ изящество формы съ силою и яркостью мысли, что независимо отъ высшихъ взглядовъ и настоящей точки развитія поэта, эти прежнія его произведенія намъ близки и дороги глубокими [illegible], которыя они намъ доставили въ дни [illegible] съ нашею жизнью, что не иначе [illegible] бы оторвать ихъ отъ сердца. Но [illegible] мы можемъ и теперь ими вос-[illegible] они есть.

[illegible] въ виду всего этого, чествовали поэта [illegible] земли и славянства, и отъ всѣхъ [illegible] русскаго общества. Самое собраніе [illegible] русскихъ людей во имя празднованія, [illegible] воспоминаніямъ о славной художе-[illegible] дѣятельности, уже само-по-себѣ со-[illegible] въ наши дни въ высшей степени знаме-[illegible]. Значитъ, въ обществѣ, слава Богу, [illegible] представленіе о значеніи изящнаго, о значе-[illegible] страны. Уже одно это само-по-себѣ про-[illegible] чувство. Такое торжество дѣйствительно [illegible] истинный подъемъ духа. На этотъ разъ [illegible] проявило рѣдкое единодушіе, и если есть [illegible] не пришли на этотъ праздникъ русскаго [illegible] поэзіи, они лишь добровольно отлучили [illegible] русскаго общества.

[illegible] собственно *Русскаго Вѣстника*, то юбилейный [illegible] А. Н. Майкова имѣлъ для него особое значеніе, [illegible] ближе къ сердцу, роднѣе, чѣмъ кому бы то [illegible] лѣтъ Аполлонъ Николаевичъ украшалъ [illegible] журнала лучшими своими произведеніями [illegible] поэзіи. Настоящій редакторъ журнала позво-[illegible] сказать, что многіе годы добраго располо-[illegible] со стороны Аполлона Николаевича, а съ его сто-[illegible] и любви лично къ нему и его семейству [illegible] таланту поэта связываютъ его тѣсными [illegible] съ этимъ радостнымъ для него праздникомъ.

[illegible] сотрудники *Русскаго Вѣстника*, оставшіеся не-[illegible] настоящей редакціи, равно и всѣ новые, [illegible] поэта слѣдующимъ адресомъ, прочитаннымъ [illegible] Ф. Н. Бергомъ, во время торжества:

Аполлонъ Николаевичъ.

[illegible] лѣтъ, въ эпоху полнаго расцвѣта ва-[illegible] художественной дѣятельности, до настоящаго вре-

мени включительно. *Русскій Вѣстникъ* украшался лучшими произведеніями вашего поэтическаго творчества. При покойномъ знаменитомъ основателѣ журнала и нынѣ, мы, сотрудники журнала, привыкли видѣть всегда ваше славное имя на страницахъ этого изданія, гордясь такимъ сотовариществомъ. Въ знаменательный день вашего юбилея приносимъ сердечныя поздравленія и пожеланія, чтобы еще многіе годы продолжалось ваше высокое служеніе на поприщѣ отечественной словесности на честь и славу родной странѣ.

Ниже мы приводимъ прекрасныя стихотворенія нашихъ сотрудниковъ, прочитанныя ими на торжествѣ.

Теперь нѣсколько словъ о самомъ праздникѣ.

Организацію торжества въ честь поэта приняло на себя Литературно-драматическое Общество, чѣмъ выказало истинную чуткость, тактъ и пониманіе своихъ задачъ и своего значенія, а также значенія такого литературнаго имени, какъ А. Н. Майковъ и, надо сказать, исполнило какъ нельзя лучше принятую на себя задачу. Еще въ началѣ февраля состоялось общее собраніе членовъ Общества, на которомъ былъ избранъ комитетъ, въ составъ коего вошли: Я. П. Полонскій, П. Н. Исаковъ, гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, К. К. Случевскій, М. И. Семевскій и П. А. Гайдебуровъ.

Празднество происходило въ помѣщеніи Общества и состояло изъ торжественнаго акта и обѣда.

Утромъ 30-го апрѣля въ квартирѣ Аполлона Николаевича собрались многіе его близкіе друзья и родные. Въ это утро посѣтилъ нашего поэта и Августѣйшій поэтъ, Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ, привѣтствовавшій юбиляра прекраснымъ стихотвореніемъ, прочитаннымъ на юбилеѣ гр. А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ.

Къ двумъ часамъ юбилейный комитетъ пригласилъ А. Н. и его семью въ помѣщеніе Литературно-драматическаго Общества. Театральная зала Общества, въ ожиданіи появленія юбиляра, уже наполнилась сверху до низу самою блестящею, разнообразною публикой. Сцена была декорирована цѣлымъ лѣсомъ живыхъ растеній, среди которыхъ возвышался бюстъ юбиляра. На мѣстѣ оркестра была устроена эстрада, на которой полукругомъ сидѣли члены Литературно-драматическаго Общества, огибая столъ, за которымъ стояли кресла для юбиляра и предсѣдателей Общества—П. Н. Исакова и комитета—Я. П. Полонскаго. Депутаціи помѣстились тутъ же по близости. Всѣ мѣста партера и ложи были заняты публикой. Освѣщенная a giorno зала представляла прекрасный праздничный видъ. Стоило взглянуть на публику, наполнявшую ее, чтобы составить себѣ понятіе о личности юбиляра. Начиная съ представителей высшаго свѣта и администраціи и кончая самыми

скромными столичными обывателями, всѣ слои и классы общества имѣли тутъ своихъ представителей. Люди самыхъ разнообразныхъ состояній и профессій пришли поклониться русскому поэту... Въ переднихъ рядахъ креселъ мы видѣли министровъ: государственныхъ имуществъ—М. Н. Островскаго, финансовъ—И. А. Вышнеградскаго, управляющаго морскимъ министерствомъ И. А. Шестакова, членовъ государственнаго совѣта Н. И. Стояновскаго и И. Н. Дурново, члена адмиралтействъ-совѣта, генералъ-лейтенанта Ѳ. Ѳ. Веселаго, товарища министра народнаго просвѣщенія, князя М. С. Волконскаго, начальника главнаго управленія по дѣламъ печати тайнаго совѣтника Е. М. Ѳеоктистова и друг.

Въ началѣ третьяго часа былъ введенъ въ залъ П. Н. Исаковымъ самъ юбиляръ и, при громѣ рукоплесканій, занялъ мѣсто на эстрадѣ. Долго несмолкали шумныя привѣтствія. Вся зала находилась видимо въ восторженномъ настроеніи. Когда наконецъ воцарилось молчаніе, къ юбиляру подошелъ Е. М. Ѳеоктистовъ и прочелъ письмо министра внутреннихъ дѣлъ, графа Д. А. Толстаго, слѣдующаго содержанія:

Милостивый государь

Аполлонъ Николаевичъ!

По случаю исполнившагося сегодня пятидесятилѣтія со времени выступленія вашего превосходительства на литературное поприще, Его Величество Государь Императоръ Высочайше соизволилъ, въ уваженіе плодотворной вашей литературной дѣятельности, а также не маловажныхъ вашихъ заслугъ на государственной службѣ, произвести васъ въ тайные совѣтники и получаемую вами ежегодно въ размѣрѣ 1.750 руб. пенсію увеличить до 3.500 р. Считаю пріятнымъ долгомъ поздравить ваше превосходительство съ таковою Монаршею милостію и вмѣстѣ съ тѣмъ, лично отъ себя, сердечно васъ привѣтствовать. Въ этотъ торжественный для васъ день многочисленнымъ поклонникамъ вашего глубокаго и блестящаго дарованія, къ которымъ причисляю и себя, остается только желать, чтобы еще долго не оскудѣвало ваше творчество, чтобы къ цѣлому ряду произведеній, которыя навсегда упрочили за вами одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ русской литературѣ, присоединились и другія, отмѣченныя такою же высотою помысловъ и такимъ же художественнымъ совершенствомъ.

Это выраженіе Царева вниманія къ поэту вызвало единодушный восторгъ всего собранія. Раздались звуки оркестра, и народный гимнъ огласилъ залу.

Слѣдующая затѣмъ часть торжества была посвящена представленію различныхъ депутацій и чтенію поздравительныхъ адресовъ, писемъ и стихотвореній. Первымъ привѣтствовалъ юбиляра Петербургъ, въ лицѣ своего головы В. И. Лихачева; затѣмъ академикъ Я. К. Гротъ,

въ качествѣ представителя Отдѣленія русскаго языка и словесности, прочелъ адресъ отъ Академіи Наукъ. Академія Художествъ, въ свою очередь, также откликнулась на это общее русское торжество: отъ имени Августѣйшаго ея президента, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича и совѣта Академіи устно привѣтствовалъ юбиляра конференцъ-секретарь. Университеты С.-Петербургскій, Казанскій и Кіевскій избрали А. Н. Майкова своимъ почетнымъ членомъ. Дерптскій университетъ прислалъ адресъ. Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія и коммиссія народныхъ чтеній прислали депутаціи и адресы. Славянское благотворительное Общество и Московскій публичный и Румянцевскій музей избрали уважаемаго поэта своимъ почетнымъ членомъ.

Наступилъ чередъ періодическихъ изданій: выступили представители: старѣйшаго изъ существующихъ журналовъ *Русскаго Вѣстника*, а затѣмъ *Русской Старины*, *Новаго Времени*, *Гражданина*, *Сѣвера*, *Русской Мысли*, *Историческаго Вѣстника*, *Родника*, *Живописнаго Обозрѣнія*, *Сына Отечества* и другихъ повременныхъ изданій; происходило чтеніе адресовъ. Ихъ смѣнило чтеніе многочисленныхъ телеграммъ и поздравительныхъ писемъ. Въ ряду телеграфическихъ привѣтствій поэту, первое мѣсто занимаетъ слѣдующая телеграмма Князя Николая Черногорскаго:

„По случаю вашего славнаго 50-лѣтняго служенія братской намъ русской литературѣ и славянству, приношу вамъ мое сердечное поздравленіе и наилучшія пожеланія“.

Николай.

Затѣмъ была прочитана привѣтственная телеграмма отъ князя Даніила, наслѣдника черногорскаго престола.

Князь и княгиня Карагеоргіевичи поздравили поэта въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Съ сѣвера и юга славянскаго стекаются къ вамъ сегодня безчисленныя поздравленія по случаю исполнившагося 50-лѣтія вашей литературной дѣятельности. Просимъ васъ принять и наше, какъ отъ вашихъ искреннихъ поклонниковъ. Князь и княгиня Карагеоргіевичи“.

Изъ множества другихъ телеграммъ упомянемъ телеграммы: отъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа, отъ университетовъ Харьковскаго и Варшавскаго, отъ историко-филологическихъ факультетовъ университетовъ Московскаго и Новороссійскаго, отъ университетскаго отдѣленія лицея цесаревича Николая. Московское Общество любителей русской словесности, Пушкинское Общество въ Казани,

Самарское городское Общество, русскій посолъ при Оттоманской Портѣ А. И. Нелидовъ, пражскія газеты: *Politik* и *Главъ Народный*, Русскій литературный кружокъ въ Ригѣ, студенты Славянскаго Общества въ Лейпцигѣ, Старорусское православное братство св. Ѳедора Тирона также находились въ числѣ привѣтствовавшихъ юбиляра. Литературно-драматическое Общество, устроившее праздникъ, привѣтствовало Аполлона Николаевича слѣдующимъ адресомъ:

Аполлонъ Николаевичъ! Литературно-драматическое Общество въ настоящій знаменательный день привѣтствуетъ въ вашемъ лицѣ славнаго русскаго поэта и своего дорогаго почетнаго члена, имя котораго съ самаго основанія Общества составляетъ его честь и гордость. Поэзія ваша воплотила въ художественныхъ образахъ существенныя черты русскаго народнаго духа; ваше творчество отзывалось на все человѣческое; ему доступны были всѣ области бытія:—и древній міръ въ его пластической красотѣ, и средніе вѣка въ расцвѣтѣ романтизма съ его мистическимъ экстазомъ, и залитыя солнцемъ картины Италіи, и мрачные образы скандинавскаго эпоса,—все это живетъ и дышетъ во вдохновенныхъ твореніяхъ вашихъ, не отрывая васъ въ то же время отъ родной почвы: въ вашей поэзіи не умолкали русскія струны, русскія простыя и добрыя чувства.

Но ярче и превыше всего религіозная мысль свѣтила въ вашемъ творчествѣ и, вдохновляемые ею, вы въ горячо излюбленной вами поэмѣ „Два міра“ дали намъ величавую картину борьбы язычества съ немеркнущимъ свѣтомъ христіанства.

Столь разнообразному и высокому содержанію вашей поэзіи въ полной мѣрѣ соотвѣтствуетъ пластическое совершенство воплотившихъ его образовъ и та „гармонія стиха“, божественную тайну которой вы разгадали съ юныхъ лѣтъ. Неугасающая въ васъ сила вдохновенія и вѣчно-юное чувство красоты ручаются намъ, что и впредь мы еще многіе годы будемъ наслаждаться новыми, обильными дарами вашей музы.

Послѣ корпоративныхъ поздравленій и привѣтствій наступилъ рядъ личныхъ выраженій сочувствія поэту-юбиляру. Прежде всего гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ прочелъ стихотвореніе Е. И. В. Великаго Князя Константина Константиновича:

Твоя восторженная лира
И пѣсни чистыя твои
Намъ проливали звуки мира,
Добра, надежды и любви.

Ты—черни вѣтренной въ угоду—
Себѣ, пѣвецъ, не измѣнялъ;
Свою священную свободу
Страстямъ толпы не подчинялъ;

Ты пѣлъ въ теченіи полвѣка,
Безсмертья лаврами увитъ,
Ту пѣснь, что̀ душу человѣка
И возвышаетъ и живитъ.

О! еслибъ струны эти пѣли
Намъ долго, долго твой завѣтъ,
Ка̀къ несравненной долженъ цѣли
Быть вѣренъ истинный поэтъ!

Особенно сочувственное вниманіе публики обратило на себя письмо нашего романиста И. А. Гончарова:

Дорогой нашъ поэтъ
Аполлонъ Николаевичъ!

Привѣтствуя васъ въ день исполнившагося пятидесятилѣтія блистательнаго служенія вашего русской поэзіи, глубоко радуюсь, что дожилъ до апогея вашей славы - я, едва-ли не единственный, оставшійся въ живыхъ, близкій свидѣтель, съ раннихъ лѣтъ вашей юности, постепеннаго развитія и созрѣванія въ васъ поэтическаго дара, которымъ утѣшалась и гордилась ваша семья и кругъ друзей, и которымъ гордится теперь русская поэзія.

Вмѣстѣ съ этимъ юбилеемъ праздную про себя и другой, параллельный юбилей — нашей полувѣковой съ вами и со всѣмъ домомъ вашимъ, отъ отцовъ до дѣтей вашихъ, дружбы, которая никогда ничѣмъ не омрачалась, не охлаждалась и была всегда тепла, чиста и свѣтла, какъ... ваша поэзія.

Жалѣя, что по лѣтамъ и слабости здоровья не могу нынѣ самъ явиться среди многолюднаго собранія друзей вашей музы, обнимаю васъ заочно и горячо желаю, чтобы вы унаслѣдовали, нерѣдкій въ вашемъ фамильномъ роду, даръ долголѣтія, и достигли, по примѣру отца и дѣда вашихъ, глубокихъ предѣловъ жизни, оставаясь „вѣчно юнымъ“ и славнымъ пѣвцомъ, яркимъ свѣтиломъ русской поэзіи.

Примите привѣтъ и эти добрыя, искреннія пожеланія отъ глубоко и неизмѣнно преданнаго вамъ почитателя вашей личности, вашего таланта и стараго вѣрнаго друга

И. Гончаровъ.

Надо замѣтить, что авторъ „Обыкновенной Исторіи“ и „Обломова“ знакомъ съ семействомъ Майковыхъ отъ ранней своей молодости и въ юности Аполлона Николаевича былъ нѣкоторое время его наставникомъ.

Я. П. Полонскій, послѣ письма Гончарова, прочелъ свое стихотвореніе. Мы не станемъ перечислять всѣхъ стихотворныхъ привѣтствій, обращенныхъ въ этотъ знаменательный день къ виновнику торжества. Нѣкоторыя изъ нихъ, принадлежащія нашимъ сотрудникамъ, читатели найдутъ ниже. Другія напечатаны уже по нѣскольку разъ. Когда чтеніе привѣтствій окончилось, юбиляръ всталъ съ своего мѣста и растроганнымъ голосомъ благодарилъ собраніе въ слѣдующихъ, приблизительно, выраженіяхъ:

„Настоящій праздникъ, которымъ угодно было меня почтить, совершенно противорѣчитъ моему характеру и всей моей жизни. Я жилъ, не выдѣляясь, работалъ, не думая о будущемъ, повинуясь только внутренней своей потребности. Единственно, что исповѣдовалъ я во всю мою жизнь, это—трудъ; на него я всегда указывалъ

и всѣмъ тѣмъ начинающимъ поэтамъ, которые ко мнѣ обращались. Таланты отъ Бога, а обработка и развитіе ихъ зависятъ отъ насъ самихъ, отъ нашего труда. Я такъ привыкъ къ самому скромному мнѣнію о своихъ произведеніяхъ, что всѣ слышанныя мною сегодня похвалы кажутся мнѣ преувеличенными.. И потому",—продолжалъ юбиляръ, переходя отъ увлеченія, съ которымъ говорилъ, къ шутливому тону,—„прошу васъ позволить мнѣ прочесть вамъ послѣднее, что̀ написалъ, поэму *Бринильду*, и сдѣлать такимъ образомъ мнѣ какъ бы *повѣрочный экзаменъ*"...

Этимъ чтеніемъ А. Н. Майкова, вызвавшимъ дружныя рукоплесканія, закончилась первая, такъ сказать, оффиціальная часть праздника.

Въ седьмомъ часу вечера друзья и почитатели А. Н. Майкова собрались въ той же залѣ, обращенной въ обширную и изящную столовую для юбилейной трапезы.

Обѣдъ прошелъ замѣчательно оживленно. Провозглашено было множество тостовъ, начиная съ тоста за здоровье Царственнаго Вождя русской земли. Прочитаны были привѣтственныя телеграммы Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Княгинь Александры Іосифовны и Вѣры Константиновны. Произнесено было много рѣчей и привѣтствій. Весьма замѣчательна рѣчь министра государственныхъ имуществъ М. Н. Островскаго:

Дорогой Аполлонъ Николаевичъ!

„Я не принадлежу къ числу литераторовъ, но съ гордостью могу сказать, что не считаю себя чуждымъ литературной семьѣ, благодаря тому мѣсту, которое занималъ въ ней мой покойный братъ. Я знаю, какъ онъ высоко цѣнилъ и какъ горячо любилъ васъ; знаю, съ какою готовностью онъ принялъ бы участіе въ сегодняшнемъ торжествѣ вашемъ и съ какою радостію привѣтствовалъ бы васъ. Но его уже нѣтъ болѣе и мы никогда не услышимъ его искренняго, сочувственнаго вамъ слова

„Позвольте же мнѣ привѣтствовать васъ не только лично отъ себя, но и отъ имени моего усопшаго брата, какъ бы незримо здѣсь вмѣстѣ съ нами, на этомъ свѣтломъ праздникѣ присутствующаго.

„Я сказалъ, что онъ высоко цѣнилъ и горячо любилъ васъ; но не этими только личными чувствами ограничивалась тѣсная связь его съ вами: его связывали съ вами многія общія стороны вашего и его поэтическаго таланта. Какъ вы, онъ въ своихъ изящныхъ произведеніяхъ не преслѣдовалъ иныхъ цѣлей, кромѣ чисто художественныхъ; какъ вы, онъ въ своемъ творчествѣ исполненъ былъ самыхъ добрыхъ чувствъ и высокихъ помысловъ; какъ вы, онъ чутокъ былъ къ языку природы и горячо любилъ нашу, мѣстами скудную, мѣстами суровую природу сѣвера. Я никогда не забуду, съ какимъ восторгомъ онъ читалъ ваше стихотвореніе „Рыбная ловля", посвященное и ему въ числѣ многихъ другихъ любителей рыбной ловли, помню, съ какимъ умиленіемъ онъ повторялъ тѣ мѣста вашей поэмы, гдѣ вашею художественною, но трезвою кистью рисуются картины нашей природы... Это умиленіе раздѣлялъ съ нимъ и я... И теперь, какъ и тридцать лѣтъ тому назадъ, я не могу безъ глубокаго

чувства повторять тѣ строки, въ которыхъ вы, обращаясь къ этой природѣ, восклицаете:

Картины бѣдныя полуночнаго края!
Гдѣ бъ я ни умиралъ, васъ вспомню, умирая,
Отъ сердца пылкаго все злое прочь гоня;
Не вы ль, миря съ людьми, учили жить меня?

„И вы были правы, дорогой Аполлонъ Николаевичъ, говоря, что природа учитъ насъ жить въ мирѣ съ людьми... Но не одна она учитъ насъ этому... Этому учатъ насъ и тѣ вдохновенные истолкователи сокровенныхъ тайнъ ея, къ числу которыхъ и вы, по своему поэтическому таланту, безспорно, принадлежите. Да, вы были въ этомъ отношеніи учителемъ, были учителемъ добрымъ, учителемъ многихъ поколѣній... И если въ благодарномъ сердцѣ человѣка навсегда сохраняется чувство признательности къ тѣмъ людямъ, которые научили его въ жизни чему-либо доброму, то вѣрьте, что это чувство сохраняется навсегда неизмѣннымъ въ глубинѣ многихъ и многихъ благодарныхъ вамъ сердецъ.

„Проникнутый этимъ чувствомъ, проникнутый, надѣюсь, вмѣстѣ со всѣми, здѣсь присутствующими, я молю Бога—хранить васъ на долгіе и долгіе годы во всей неувядаемой свѣжести вашего чистаго, трезваго и глубокаго дарованія, на радость и въ назиданіе соотечественникамъ и на гордость и славу дорогой нашей родины.

„Господа, я предлагаю тостъ за здоровье нашего дорогаго юбиляра Аполлона Николаевича и за вѣчную свѣжесть и силу его поэтическаго дарованія".

Изъ числа прочитанныхъ на обѣдѣ писемъ особенное вниманіе обращаетъ на себя слѣдующее письмо К. Н. Бестужева-Рюмина, которое въ мѣткихъ выраженіяхъ характеризуетъ отличительныя свойства поэзіи А. Н. Майкова:

Глубокоуважаемый Аполлонъ Николаевичъ! Представители русской мысли и русскаго слова собираются въ этотъ день чествовать пятидесятилѣтіе вашей славной дѣятельности. Знаю, что съ разныхъ сторонъ будутъ оцѣнивать вашу поэзію; хорошо понимаю, что не скажу ничего такого, что не будетъ сказано другими, но не могу устоять предъ искушеніемъ привѣтствовать васъ, хотя бы на письмѣ за невозможностію привѣтствовать лично.

Болѣе сорока лѣтъ тому назадъ съ восторгомъ прочелъ я первый сборникъ вашихъ произведеній и съ тѣхъ поръ усердно слѣдилъ я за развитіемъ вашей поэтической дѣятельности. Въ тѣ далекіе годы изящные образы вашихъ антологическихъ стихотвореній развивали въ насъ любовь къ изящному, уносили въ тотъ міръ, о которомъ вздыхалъ Шиллеръ, въ тотъ „цвѣтущій возрастъ природы", который живетъ теперь лишь въ „волшебной странѣ пѣсенъ". Жизнерадостная сторона этого міра отразилась въ вашихъ стихахъ, которые такъ напоминаютъ мраморный барельефъ: такъ они пластичны и такъ много совмѣщено въ ограниченномъ объемѣ. Любо было молодежи тѣхъ давно минувшихъ лѣтъ уходить вмѣстѣ съ вами въ безпечальное созерцаніе этого свѣтлаго міра. Но еще тогда вы недовольствовались изящными образами, васъ влекла къ себѣ другая задача, которая заняла много лѣтъ вашей жизни, къ разрѣшенію которой вы приступали не разъ, и которую разрѣшили наконецъ въ „Двухъ мірахъ", едва-ли не самымъ высшемъ изъ вашихъ созданій. Предъ

вами въ яркихъ образахъ предстали два міра, и ясно стало для удивленнаго взора каждаго, почему палъ одинъ и восторжествовалъ другой. Въ упорномъ преслѣдованіи этой цѣли сказалось руководящее начало вашего духа, которое выразили вы такъ полно и сжато, какъ умѣютъ выражать только истинные поэты, въ вашемъ стихотвореніи „Изъ темныхъ доловъ“. Кто живетъ мыслью, тотъ можетъ часто повторять это стихотвореніе, а особенно его заключительныя слова:

Туманомъ міръ внизу сокрытъ,—
Но надо мною все гудитъ
Во весь широкій небосклонъ
—Сюда, сюда!—все тотъ же звонъ.

Высокое стремленіе къ постоянному душевному усовершенствованію влечетъ васъ къ изученію и воспроизведенію жизни разныхъ народовъ и поэзіи разныхъ эпохъ: вы уводили насъ съ собой въ Неаполь и въ Римъ, вы сдѣлали общедоступнымъ Эсхилова, Агамемнона, вы знакомили насъ съ поэзіею народовъ славянскихъ и съ мрачной поэзіей древнихъ скандинавовъ и въ послѣдней поэмѣ вашей вы изъ отрывковъ и намековъ „Старой Эдды“ создали полную художественную картину и т. д. Много человѣческихъ міровъ облетѣла мысль ваша; вездѣ она была гостьей, сочувственно относящейся къ тому, что ей сочувственно, умѣвшей возобновлять для насъ Пушкинскія преданія; но дома, у себя, она была только въ русской жизни, въ русской исторіи. Вы когда-то сказали Погодину, что имъ руководилъ одинъ идеалъ: „Идеалъ этотъ—Россія, въ ея настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ, Россія, какъ она создалась вѣками въ силу своихъ историческихъ судебъ“. Смѣю думать, что эти слова приложимы и къ вамъ. Вы не разъ воспроизводили прошедшее Россіи и въ поэтическихъ образахъ, которые дышатъ и жизненной правдой, и глубокимъ русскимъ чувствомъ, и въ прозаическихъ разсказахъ, въ которыхъ однако такъ много задушевности и поэзіи; вы угадали, какъ передать современному читателю „Слово о полку Игоревѣ“; въ вашемъ несравненномъ „Емшанѣ“, этомъ перлѣ русской поэзіи, вы сумѣли придать жизнь и краски темному намеку лѣтописи; вы сочувственно отзывались на всѣ событія современности, начиная отъ Крымской войны; вы воздвигли передъ нами не одинъ образъ изъ древней Руси, вы сумѣли чуткой душой вашей понять не только событія, но и самый смыслъ ихъ, вознестись къ высшему религіозному началу и въ немъ слиться съ своимъ народомъ.

Боюсь больше говорить, чтобы не утомить вниманія, но все, сказанное доселѣ, сказано только почитателемъ вашего таланта, я же имѣю счастіе не только знать васъ лично, но и пользоваться, смѣю надѣяться, вашимъ дружескимъ расположеніемъ, этимъ счастіемъ я наслаждаюсь уже болѣе 20 лѣтъ. Душѣ моей нужно въ этотъ день высказать вамъ хоть небольшую долю любви и уваженія, которыя я чувствую къ вамъ не только, какъ къ поэту, высокія произведенія котораго не разъ бодрили меня въ минуты унынія, но и какъ къ человѣку, нравственныя качества котораго я привыкъ уважать и расположеніемъ котораго я привыкъ гордиться. Живите же долго, а пока вы живы, духъ вашъ будетъ тотъ же: старость его не постигнетъ, и талантъ вашъ, кажется, только растетъ съ годами. Искренно преданный вамъ Константинъ Бестужевъ-Рюминъ.

Въ общемъ, настроеніе въ залѣ торжества было самое теплое, задушевное. Самъ юбиляръ принимался нѣсколько

разъ говорить. Вотъ что, между прочимъ онъ сказалъ въ отвѣтъ на рѣчь М. Н. Островскаго:

„Напоминанія Михаила Николаевича о его братѣ Александрѣ Николаевичѣ вызвали въ моей памяти чрезвычайно важное событіе въ моей жизни: въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ для меня эпохъ, Крымскую войну 1853 54 годовъ, я бросился изъ Петербурга въ Москву, чтобы почувствовать подъ собою почву, найти для себя оправданіе и сочувствіе хотя бы только у стѣнъ кремлевскихъ, у этихъ золотыхъ куполовъ соборовъ, подъ сѣнью которыхъ я родился; я попалъ въ молодую редакцію „Москвитянина", гдѣ были Островскій, Филипповъ, Аполлонъ Григорьевъ, Эдельсонъ, Горбуновъ и многіе, которыхъ теперь не помню. У нихъ я нашелъ не только оправданіе и сочувствіе, но увидѣлъ въ нихъ совсѣмъ моихъ единомышленниковъ.

„Вообще я былъ всегда такъ счастливъ въ жизни, что встрѣчалъ хорошихъ людей болѣе, чѣмъ дурныхъ, а если и встрѣчалъ послѣднихъ, то ихъ не замѣчалъ, не помню! И еслибы мнѣ надо было дать отвѣтъ на вопросъ: каковъ человѣкъ,—я бы отвѣтилъ, что онъ созданіе, достойное своего Творца; что Божество дало ему Свое дуновеніе, Свою искру, и онъ, несмотря ни на что, не потерялъ ея".

На это вставилъ свое замѣчаніе Т. И. Филипповъ, приведя русскую пословицу: „чего не найдешь въ себѣ, не найдешь и въ селѣ".

Въ другой разъ юбиляръ обратился къ одному изъ привѣтствовавшихъ его поэтовъ:

„На одну изъ выраженныхъ вами мыслей, позволю себѣ замѣтить, — нѣтъ — чувствую сильную потребность выразить нѣкоторый протестъ. Вы сказали, что теперь нѣтъ такихъ поэтовъ и не предвидится ихъ—это неправда! Они есть, они здѣсь, можетъ быть, въ этой залѣ, не тутъ—такъ за нею, внѣ ея, въ Россіи,—они еще выйдутъ, наконецъ, изъ земли—и явятся, и, можетъ быть, еще затопчутъ насъ въ грязь—и давай Богъ! Я никогда не льстилъ молодому поколѣнію, никогда не заискивалъ у него, никогда не боялся его, а всегда училъ и буду учить, но безъ этой вѣры въ русскія силы—нельзя жить.

Черезъ нѣсколько дней послѣ праздника, маститый юбиляръ отблагодарилъ всѣхъ, выразившихъ ему свое сочувствіе, письмомъ, напечатаннымъ во всѣхъ столичныхъ газетахъ. Этимъ отвѣтнымъ письмомъ заканчивается юбилейный праздникъ въ честь А. Н. Майкова, праздникъ, большое значеніе котораго—повторяемъ—нельзя не признать, и которому нельзя не сочувствовать и не радоваться, какъ проявленію въ нашемъ обществѣ сознанія высоты заслугъ, оказанныхъ на поприщѣ чисто художественно-поэтической дѣятельности.

Вотъ стихотворенія, прочитанныя на празднествѣ сотру никами нашего журнала:

I.

Какъ солнце горные хребты
Златитъ отъ главъ и до подножій,
Такъ ты, поэтъ, свѣтильникъ Божій,
Жизнь озаряешь съ высоты.
Твоимъ лучамъ равно доступны
И высь умовъ, и глубь сердецъ;
Глашатай правды неподкупный —
Ты ими властвуешь, пѣвецъ:
Ты будишь правыя надежды,
Караешь лживыя мечты,
Ты облекаешь міръ въ одежды
Нетлѣнной, чистой красоты;
Страстей смиряешь злыя бури,
Сомнѣній гасишь тщетный споръ
И отъ земли въ предѣлъ лазури,
Отъ праха къ небу манишь взоръ.
И вотъ, за даръ твой лучезарный,
За подвигъ многихъ славныхъ лѣтъ,
Ты днесь отчизны благодарной
Пріемлешь радостный привѣтъ.
Внимай: на голосъ твой родные
Отвсюду отклики звучатъ,
Сердца, какъ свѣточи живые,
Тобой возженные, горятъ,
Тобой носителемъ желаннымъ
Святой поэзіи даровъ,
Тобой — преемникомъ избраннымъ
Руси прославленныхъ пѣвцовъ.
О, вѣрно ихъ родныя тѣни
Сюда слетѣлись въ этотъ часъ
И въ хорѣ дружномъ пѣснопѣній
Звучитъ и ихъ хвалебный гласъ,
Въ пылу признательнаго чувства
Слилися всѣ въ мечтѣ одной,
На свѣтломъ праздникѣ искусства
Любуясь и гордясь тобой!

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

II.

Пятьдесятъ лебедей пронесли
Съ юга вешніе клики въ полѣсье,
И мы слышали, дѣти земли,
Какъ звучала ихъ пѣснь въ поднебесьѣ.

Майковъ мѣдь этихъ звуковъ для насъ
Отчеканилъ стихомъ-чародѣемъ,
И за это въ торжественный часъ
Мы встрѣчаемъ пѣвца юбилеемъ.

Кто же выступитъ съ гимномъ похвалъ
Передъ тѣмъ, кто, поднявшись надъ нами,

Полстолѣтія Русь осыпалъ
Драгоцѣнныхъ стиховъ жемчугами?

Хоть восторгъ не даетъ намъ молчать,
Но восторженныхъ скоро забудутъ,
А пѣвца по поднебесью мчать
Лебединыя крылья все будутъ. *А. Шеншинъ (Фетъ).*

III.

Вокругъ святилища,—гдѣ свѣтлый сонмъ жрецовъ,
Жрецовъ прекраснаго и высшаго въ твореньи,—
Опять проснулась жизнь, и слышенъ вѣщій зовъ,
Сдвигается толпа и никнетъ въ умиленьи.

* * *

На встрѣчу ей идетъ одинъ вѣнчанный мужъ
Въ порфирѣ, сотканной лучами дивныхъ пѣсенъ,—
Онѣ запали въ глубь несмѣтно-многихъ душъ,
И потому толпѣ просторъ у храма тѣсенъ.

* * *

Съ молитвой на устахъ мы чтимъ тебя, пѣвецъ!
Чаруй насъ, какъ и встарь, волною вдохновенья,
Цари надъ міромъ грезъ и тайнами сердецъ,
Служеньемъ красотѣ спаси насъ отъ паденья.

Кн. Э. Ухтомскій.

IV.

Разбросавъ свои кумиры,
Велики на взглядъ,
Облаченныя въ порфиры
Царства древнихъ спятъ.
Спятъ, умаявшись, другія
Длинной чередой:
Тоже саваны большіе,
Но покрой другой.
Всѣмъ имъ жизнь далась иная!
Но была вѣчна
Нерушимая, живая
Красота одна...
Красота очей глубокихъ,
Вспыхнувшихъ огнемъ;
Блескъ небесъ тысячеокихъ
Надъ полночнымъ сномъ;
Красота въ живыхъ стремленьяхъ,
Въ радостяхъ весны,
Въ чувствѣ дружбы, въ пѣснопѣньяхъ,
Въ быляхъ старины!
Только это—всюду вѣчно,
И свѣтло глядитъ
Въ жизни, рушащей безпечно
Все, что ни творитъ...
Уловить пѣвучей тканью
Безтѣлесныхъ словъ
То, что обще мірозданью
Въ шествіи вѣковъ,

Въ духѣ истинномъ народа
  И родной земли,
Полстолѣтья, въ годъ изъ года,
  Многіе ль могли?
Ты же могъ! и вотъ за это
  Слышно, какъ идетъ
Обликъ вѣщаго поэта
  Съ пѣснію въ народъ;
Говоритъ душа устами...
  Знать: тебѣ дано —
Съ моремъ, лѣсомъ и степями
  Думать заодно!

К. Случевскій.

V.

Какъ былъ бы міръ унылъ и тѣсенъ
Безъ сладкихъ думъ, безъ дивныхъ пѣсенъ,
    Безъ вдохновенья сладкихъ грезъ!
Духъ тьмы дробилъ бы насъ, какъ молотъ,
И безъ пощады жизни холодъ
    Насъ вѣчнымъ снѣгомъ бы занесъ.
Мы шли бъ скорбя средь тьмы глубокой,
Когда бъ порою гласъ пророка
    Не раздавался въ царствѣ тьмы;
Когда бъ, главу склоняя долу,
Его священному глаголу,
    Волнуясь, не внимали мы!
Поэтъ, ты былъ такимъ пророкомъ!
Ты свыше былъ ниспосланъ рокомъ,
    Чтобъ указать намъ къ свѣту путь;
Врачуя скорбь, врачуя муки,
Твоихъ стиховъ живые звуки
    Отраду лили въ нашу грудь;
Любовью къ истинѣ согрѣтый,
Ты шелъ, бросая волны свѣта
    На нивѣ родины твоей.
Ты шелъ и правду сѣялъ въ мірѣ!
Поэтъ, ты не игралъ на лирѣ:
    Ты на сердцахъ игралъ людей.

П. Козловъ.

Значеніе А. Н. Майкова и его юбилейнаго праздника очертилъ въ своемъ стихотвореніи, также прочитанномъ на торжествѣ, редакторъ *Русскаго Вѣстника*, Ф. Н. Бергъ. Вотъ это стихотвореніе:

Нашъ вѣкъ всегда привыкли называть
Практическимъ и черствымъ, и холоднымъ.
Его ли намъ стихами увлекать
И образомъ поэта благороднымъ?

Но здѣсь къ кому тѣснимся мы толпой?
Зачѣмъ теперь, подъ этой мирной сѣнью,
Здѣсь собрались мы дружною семьей,
Покорные невольному влеченью?

[redacted]

Одна здѣсь мысль у всѣхъ, какъ одного,
Одушевило всѣхъ одно насъ чувство:
Мы чествуемъ поэта своего,
Служителя высокаго искусства.

Какъ дорога намъ прелесть думъ твоихъ,
Какъ дорогъ намъ твой лучезарный геній!
Полвѣка намъ звучитъ твой чудный стихъ—
Полвѣка думъ и чистыхъ вдохновеній!

Нѣтъ, не одна забота торгаша
Стремитъ нашъ вѣкъ въ погонѣ неустанной,
И грезитъ все тревожная душа
О берегахъ земли обѣтованной!

Поэтъ, веди жъ насъ правою стезей
И источи ключъ животворный нынѣ!
Столпъ огненный поэзіи святой
Да свѣтитъ намъ, блуждающимъ въ пустынѣ!

И долго пусть звучитъ твой голосъ намъ,
Звучитъ твой стихъ, чудесный, задушевный,
И насъ зоветъ къ Сіонскимъ высотамъ
Отъ мелкихъ бурь тревоги ежедневной!

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Волынь. Историческія судьбы Юго-Западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ 2-мя хромолитографіями и 69-ю гравюрами. С.-Петербургъ. 1888.

Изданнымъ въ прошломъ году, съ Высочайшаго соизволенія, сочиненіемъ „Холмская Русь" открыта цѣла серія правительственныхъ изданій по исторіи западныхъ окраинъ нашихъ, бывшихъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій подъ иновѣрнымъ и иноплеменнымъ владычествомъ. Къ этой серіи принадлежитъ и озаглавленная книга, за которою будутъ слѣдовать отдѣльными выпусками историческія описанія Бѣлоруссіи и Литвы. Согласно данной программѣ, издатель имѣлъ задачею представить въ ясномъ свѣтѣ коренныя начала русской народности и православія, развивавшіяся на Волыни въ первый періодъ ея исторіи, т. е. до начала XIV вѣка, обозначить различныя сторонніе и „наружныя" наслоенія на коренной пластъ мѣстнаго русскаго населенія, наложенныя на него литовскимъ и особенно польскимъ владычествомъ, и провести въ сознаніе различныхъ слоевъ мѣстнаго населенія мысль о необходимости и неизбѣжности полнѣйшаго объединенія этой окраины Россіи съ другими коренными ея частями. Изданіе книги о Волыни пріурочено къ празднованію девятисотлѣтія крещенія русской земли св. Владиміромъ, а потому главною цѣлью ея составителей было прослѣдить, какимъ образомъ русская народность и православіе въ краѣ, не смотря на всѣ препятствія со стороны враждебныхъ имъ иноплеменниковъ и иновѣрцевъ, развивались и укрѣплялись здѣсь отъ временъ св. Владиміра и до нашихъ дней. Изложены только такія

событія изъ исторической жизни Волыни, которыя содѣйствовали или препятствовали развитію русской народности и православія, все остальное—опущено, какъ не идущее къ дѣлу.

По заявленію П. Н. Батюшкова, трудъ составленія историческаго описанія судебъ Волыни принадлежитъ профессору Кіевской духовной академіи Н. И. Петрову, при содѣйствіи профессора той же академіи И. И. Малышевскаго. Самостоятельныхъ изслѣдованій въ этомъ трудѣ нѣтъ; онъ всецѣло составленъ по готовымъ пособіямъ, преимущественно по учебникамъ и монографіямъ, пользующимся большею или меньшею извѣстностію въ нашей и польской исторической литературѣ, и очень далекъ отъ первоисточниковъ, за исключеніемъ „Сводной галицко-русской лѣтописи" (съ 1600 до конца августа 1772 года) Петрушевича, почтеннаго труда издателя: „Памятники старины въ зап. губ." и записокъ нѣкоторыхъ современниковъ—выдающихся дѣятелей православія.

Наибольшаго вниманія заслуживаютъ рисунки и объясненія къ нимъ, состоящія изъ четырехъ отдѣловъ: священныхъ изображеній, портретовъ и изображеній историческихъ лицъ, видовъ мѣстностей и зданій и разныхъ гравюръ, снимковъ съ монетъ, рукописей и проч. Въ этихъ объясненіяхъ много новаго и глубоко интереснаго для слѣдящихъ за ходомъ возрожденія православія и русской народности на Волыни. Особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе замѣтки о Н. М. Карамзинѣ, графѣ Д. Н. Блудовѣ, его дочери графинѣ А. Д. Блудовой и о церковно-строительномъ дѣлѣ въ западныхъ губерніяхъ въ послѣднее тридцатилѣтіе.

Не многимъ извѣстно, что первый голосъ въ приближенной къ трону средѣ противъ намѣренія Императора Александра I, подпавшаго вліянію кн. Адама Чарторыйскаго, возстановить историческую Польшу—послышался изъ устъ Николая Михаиловича Карамзина. „Я слышу русскихъ и знаю ихъ,—писалъ исторіографъ Государю въ своей знаменитой запискѣ 1819 года.—Мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ царю, остыли бы душею и къ отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола, ослабѣли бы не только уменьшеніемъ государства, но и духомъ унизились бы передъ другими и передъ собою. Не опустѣлъ бы, конечно, дворецъ. Вы и тогда имѣли бы министровъ, генераловъ; но они служили бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ рабы... А вы, Государь, гнушаетесь рабствомъ и

хотите дать намъ свободу. Однимъ словомъ, — и Господь сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю вамъ не истину,—однимъ словомъ возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ своею кровію польскую землю и снова возьмутъ штурмомъ Прагу".

Графъ Д. Н. Блудовъ, будучи уже на смертномъ одрѣ, велъ бесѣду съ духовникомъ своимъ, протопресвитеромъ Бажановымъ, о ненормальномъ положеніи воспитательнаго дѣла въ нашихъ западныхъ окраинахъ, гдѣ царило въ то время (1864 г.) польское направленіе, и высказывалъ пожеланіе, чтобы тамъ учредить такія воспитательныя заведенія, въ которыхъ будущія жены нашихъ священно- и церковно-служителей получали бы совершенно русское направленіе. Въ самый день своей смерти онъ сказалъ своей дочери: „Надѣюсь, что устроятся такія училища; это мой послѣдній планъ, послѣдняя мысль и желаніе. Дай Богъ, чтобы они осуществились и ты помогла этому."

Графиня Антонина Дмитріевна свято выполнила послѣднюю волю отца, положивъ широкое основаніе на Волыни частной воспитательной дѣятельности, направленной къ укрѣпленію въ мѣстномъ южно-русскомъ народѣ національнаго и православно-религіознаго замосознанія. Она учредила въ г. Острогѣ, бывшей отчинѣ ревнителей православія князей Острожскихъ, православное братство во имя святыхъ первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія. Въ мартѣ 1865 г. послѣдовало утвержденіе его устава, а въ октябрѣ открыты начальная Кирилло-Меѳодіевская школа и приготовительное женское училище. На средства, пожертвованныя Государемъ Императоромъ (19.000 р.), Императрицей Маріей Александровной, графиней Алекс. Григ. Шереметевой, княгиней Дарьей Андр. Голицыной, рожденной Остерманъ-Толстой, и другими лицами, перестроенъ изъ бывшаго капуцинскаго монастыря и 8 октября 1876 г. освященъ православный храмъ о трехъ придѣлахъ. Учреждено „женское высшее имени графа Дмитрія Николаевича Блудова училище". Оно пользуется правами женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія; его общее направленіе, по мысли гр. Блудова, состоитъ въ развитіи семейнаго духа и семейныхъ обычаевъ, какъ основы женскаго призванія. Училище это—закрытое учебное заведеніе, съ допущеніемъ и приходящихъ ученицъ; въ училищѣ существуютъ стипендіи, которыя пріурочены къ именамъ замѣчательныхъ русскихъ писателей: Карамзина, Державина, Жуковскаго, Ба-

тюшкова, Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Кирѣевскаго, Хомякова и др. При Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ состоятъ еще и другія полезныя учрежденія.

Въ программу всѣхъ основанныхъ братствомъ училищъ положено развитіе въ молодомъ русскомъ поколѣніи убѣжденія, что ихъ родина—искони русская земля, что свѣтомъ христіанскаго ученія она озарена съ востока, что вмѣстѣ съ другими славянами они получили изъясненіе евангелія и всего священнаго писанія отъ первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія и ихъ преемниковъ, что православная церковь сохранила евангельскую истину отъ временъ апостольскихъ, что поляки стремились обратить русскихъ въ латинство и унію изъ ненависти къ русскому народу и для усиленія Польши.

Кромѣ Кирилло-Меѳодіевскаго, пользуются извѣстностью еще слѣдующія братства на Волыни: Яполотское, Ровенскаго уѣзда, душею котораго была Н. С. Соханская, извѣстная въ русской литературѣ подъ псевдонимомъ Кохановской [1]); Александро-Невское въ м. Радзивиловѣ, Кременецкаго уѣзда; Крестовоздвиженское въ г. Староконстантиновѣ; Преображенское въ г. Дубнѣ и Крестовоздвиженское въ г. Луцкѣ.

Общественная и частная дѣятельность пришла на помощь правительству въ дѣлѣ утвержденія русской народности и православія тотчасъ же по усмиреніи польскаго мятежа въ западныхъ губерніяхъ и какъ только выяснилась твердая воля государственной власти пресѣчь ополяченіе края. Въ началѣ 1860-хъ годовъ на одну Волынь послано было изъ Москвы церковной утвари, ризъ и другихъ принадлежностей для безостановочнаго богослуженія въ православныхъ церквахъ болѣе чѣмъ на *тысячу* храмовъ. Но церковное строительство едва-ли бы пошло быстро и успѣшно безъ крупныхъ пожертвованій непосредственно со стороны государства. Еще въ 1851-мъ году было Высочайше повелѣно: 1) въ селеніяхъ съ православнымъ населеніемъ, гдѣ вовсе нѣтъ церкви, но есть костелъ, послѣдній обратить въ церковь, если помѣщикъ не согласится выстроить каменную церковь, и 2) въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ существуютъ

---

[1]) На пожертвованія, полученныя главнымъ образомъ изъ Москвы, она учредила при Яполоткомъ братствѣ школу и сельскій банкъ и оказывала помощь и другимъ церквамъ и церковно-приходскимъ братствамъ Ровенскаго уѣзда. Главнымъ жертвователемъ былъ извѣстный своею благотворительностью въ западномъ краѣ Ив. Ив. Четвериковъ.

костелъ и церковь, но первый находится въ хорошемъ видѣ, а послѣдняя пришла въ ветхость, помѣщикъ же отказывается отъ починки или постройки церкви, костелъ также обратить въ церковь. Тогдашняя полиція, вмѣсто энергичнаго исполненія монаршей воли, стала отбирать отъ помѣщиковъ подписки о починкѣ или постройкѣ церквей для ихъ крестьянъ. Подписки охотно давались, но равносильныя отказу и содержавшія въ себѣ явное глумленіе надъ правительствомъ. Въ книгѣ г. Батюшкова приведены факты, не оставляющіе въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія:

„Одинъ состоятельный помѣщикъ, полякъ, назначилъ на ремонтъ половъ въ церкви *восемь* лѣтъ; другой въ подпискѣ, данной въ 1853 году, обязался исправить церковь въ теченіи 4 лѣтъ, но съ тѣмъ, что работы будутъ начаты въ 1869 году; давались обязательства непремѣнно выстроить церковь, но только деревянную и въ теченіи 25 лѣтъ".

И подобныя подписки представлялись по начальству, какъ ни въ чемъ не бывало!

Только въ 1858 году правительство рѣшилось взять церковно-строительное дѣло въ юго-западномъ краѣ въ свои руки и поставить его въ положеніе независимое отъ воли частныхъ лицъ.

Во время управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графомъ С. С. Ланскимъ, по докладу предсѣдателя образованнаго при этомъ министерствѣ церковно-строительнаго отдѣла, П. Н. Батюшкова, и съ Высочайшаго утвержденія, были приняты слѣдующія мѣры: а) полное отстраненіе помѣщиковъ отъ участія въ устройствѣ православныхъ церквей; б) командированіе въ юго-западныя губерніи штабъ-офицеровъ генеральнаго штаба для осмотра церквей и зданій для священно-церковно-служителей; в) назначеніе правительствомъ суммъ на сооруженіе новыхъ и ремонтъ обветшалыхъ церквей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ; г) приглашеніе русскаго общества къ добровольнымъ пожертвованіямъ на это дѣло. Правительствомъ ежегодно были назначаемы суммы на постройку православныхъ храмовъ въ девяти западныхъ губерніяхъ. Суммъ этихъ за время 1858—1887 гг., т. е. въ теченіи 30 лѣтъ, было отпущено 9.860.549 р., что дало возможность произвести до 1.700 церковныхъ сооруженій. За то же время пожертвовано деньгами: Императрицей Маріей Александровной и ея августѣйшими дѣтьми 69.910 р.; частными лицами и обществами 246.238 рублей. По почину съ высоты трона, пожертвованія *вещами* приняли широкіе размѣры. Поступило: отъ Государя Императора

Александра Николаевича 25 иконъ въ богатыхъ окладахъ; отъ Императрицы и членовъ Императорскаго дома разныхъ церковныхъ предметовъ на 40 приходовъ; отъ Наслѣдника Цесаревича 80 серебряныхъ дарохранительницъ, отъ митрополитовъ Московскаго и Петербургскаго, отъ лавръ Троице-Сергіевской и Александро-Невской, отъ разныхъ монастырей и приходскихъ церквей первопрестольной столицы, а также отъ частныхъ благотворителей Петербурга и Москвы—ризъ и другихъ облаченій 6.565, иконъ въ окладахъ 1.396, серебряныхъ чашъ 1.090, дарохранительницъ 524, крестовъ напрестольныхъ 1.435 и наперстныхъ 1.000.000 (?), евангелій въ окладахъ 913, сосудовъ водосвятныхъ, антидорныхъ и др. 2.808, подсвѣчниковъ выносныхъ и напрестольныхъ 1.422, паникадилъ и лампадъ 797, плащаницъ 275 и много мелкихъ церковныхъ предметовъ: кадилъ, мирницъ, дароносицъ и т. п. Нѣкоторыя изъ лицъ Петербургскаго высшаго общества приняли на свое иждивеніе снабженіе утварью, богослужебными книгами и проч. на цѣлую церковь, а Императрица Марія Александровна приняла на свое попеченіе по одной церкви каждаго уѣзда.

Все это краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что патріотическое чувство, двадцать лѣтъ тому назадъ, съ большою силою проявилось едва-ли не во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Представленные въ 1865 году волынскимъ преосвященнымъ 420 благодарственныхъ всеподданнѣйшихъ адресовъ приходскихъ обществъ: Кременецкаго, Новградволынскаго, Заславскаго, Овручскаго, Владиміро-Волынскаго, Луцкаго, Староконстантиновскаго, Дубенскаго, Острожскаго и Житомірскаго уѣздовъ составляютъ отрадную страницу въ исторіи развитія гражданской жизни южно-русскаго народа. Въ этихъ адресахъ, за подписью 587 священно-церковно-служителей и 1.314 свѣтскихъ лицъ, уполномоченныхъ отъ 378.219 прихожанъ, „вспоминается о древнемъ единствѣ православной Руси и послѣдовавшихъ затѣмъ бѣдственныхъ событіяхъ, нарушившихъ это единство; указывается на былое господство иноплеменной и иновѣрной власти, остановившей и отчасти заглушившей самобытное развитіе русскаго народа, вынесшаго многовѣковую тяжкую борьбу; возвышается и должнымъ образомъ освѣщается фактъ возвращенія Волыни подъ сѣнь единокровной и единовѣрной Россіи,—фактъ, предотвратившій конечную гибель русскаго народа, но не прекратившій однако борьбы между народностями, пока не появились манифесты 19 февраля 1861 г. и 30 августа 1863 г., положившіе предѣлъ этой борьбѣ освобожде-

ніемъ православнаго населенія отъ крѣпостной зависимости его отъ польско-католическаго дворянства".

II.

Бумаги В. А. Жуковскаго, поступившія въ Императорскую Публичную Библіотеку въ 1884 году. Разобраны и описаны И. А. Бычковымъ. Спб., 1887.

Въ числѣ пріобрѣтеній Императорской Публичной Библіотеки за 1884 годъ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ бумаги нашего знаменитаго поэта В. А. Жуковскаго, принесенныя ей въ даръ сыномъ поэта, П. В. Жуковскимъ. Самый богатый отдѣлъ въ этомъ собраніи составляютъ бумаги самого поэта (сочиненія, переводы, дневники, замѣтки, записныя книжки, письма, педагогическія работы), обнимающія почти всю его литературную дѣятельность съ 1800 по 1852 г. Въ прекрасномъ и чрезвычайно полномъ описаніи этихъ бумагъ, составленномъ г. Бычковымъ, онѣ распредѣлены въ слѣдующемъ порядкѣ: а) матеріалы для автобіографіи поэта и его путевые дневники; б) сочиненія и переводы въ стихахъ и прозѣ; в) нѣсколько бумагъ, касающихся литературнаго общества „Арзамасъ"; г) бумаги, относящіяся до самообразованія Жуковскаго, и д) педагогическія его работы. Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ мы находимъ весьма много новаго историко-литературнаго и библіографическаго матеріала. Для характеристики личности поэта наибольшее значеніе имѣютъ бумаги перваго отдѣла, дневники и планы автобіографіи. Въ 1804 г. Жуковскій набросалъ первый такой планъ. Онъ предполагалъ: „разсмотрѣть свою прошедшую жизнь; разобрать свой собственный характеръ и характеръ нѣкоторыхъ знакомыхъ; разсмотрѣть свое настоящее положеніе; сдѣлать планъ для будущей жизни; привести въ порядокъ свою моральную систему". Такимъ образомъ, автобіографія должна была имѣть для Жуковскаго особенную цѣль, онъ желалъ оглянуться на прошлое, чтобы установить нравственныя основанія для будущаго. Интересенъ журналъ, начинающійся 13-мъ іюня 1805 г. и кончающійся 12 августа 1806 года,—это не простой дневникъ, въ которомъ записываются разныя происшествія, задача журнала была гораздо шире; Жуковскій отдавался въ немъ бесѣдѣ съ самимъ собой, пытался рѣшать различные вопросы философскіе и нравственные, представлявшіеся его уму. Приведемъ для примѣра первые два параграфа:

„Даже говоря правду, надобно быть нѣсколько *скрыт-*

нымъ, то-есть, надобно правдѣ, самой непріятной, давать такой образъ, который бы помогъ отвратить отъ нея *того человѣка, которому ее предлагаешь*. Иначе она несомнѣнно потеряетъ свое дѣйствіе и будетъ нѣкоторымъ образомъ брошена на поруганіе. Говорить истину съ *грубостью и жестостію*, которыми хвалились стоики, есть нѣкоторымъ образомъ непозволенное самохвальство, совершенно противное той пользѣ, которую принести хочешь, и показывающее одинъ только эгоизмъ, сокрытый подъ маскою правдолюбія. Сверхъ того, никто не позволитъ себя учить: это противно самолюбію, слѣдовательно безполезно, потому что недѣйствительно. Учи людей такимъ тономъ, какъ будто бы отъ нихъ самъ желаешь научиться. Заставь ихъ самихъ сказать то, что бы желалъ сказать имъ. *Говорить правду другу другое дѣло*.—Главная обязанность человѣка есть быть честнымъ. Счастіе, наслажденіе, чувствительность, твердость характера и пр. и пр. зависятъ болѣе отъ темперамента и обстоятельствъ. Честность зависитъ отъ него же самого".

Указаннымъ характеромъ нравственно-философскихъ размышленій отличаются вообще всѣ дневники Жуковскаго. Конечно, отъ этого увеличивается ихъ значеніе, они являются весьма важнымъ источникомъ для опредѣленія нравственной личности поэта, въ нихъ выясняется его чистота, его тонкое нравственное чутье и тактъ, ярко отражается та „красота души", которой поэтъ придавалъ такую большую цѣну, какъ это видно изъ его письма къ гр. С. А. Самойловой, гдѣ онъ говоритъ: „счастіе жизни—красота души, неизмѣняемая посреди перемѣнчивыхъ случаевъ жизни";—этою красотой души самъ поэтъ обладалъ въ высшей степени. Не можемъ не привести еще одного изъ подобныхъ разсужденій, въ которомъ поэтъ высказываетъ свой взглядъ на счастіе. „Наша цѣль, говоритъ онъ, *общее счастіе*. Думая о себѣ, думать о другихъ. Свое особенное все приноровлять къ общему. Не желать и не дѣлать ничего, что бы противно было счастію кого-нибудь изъ насъ въ особенности, слѣдовательно, общему. Дѣлать все только, что бы къ нему способствовало. Въ чемъ состоитъ это *общее счастіе?* Въ семейственномъ спокойствіи, то-есть, чтобы у насъ въ семьѣ все было весело, чтобы въ ней была полезная дѣятельность, чтобъ не было недостатка ни въ чемъ необходимомъ. Чтобъ быть веселымъ, надобно быть довольнымъ своимъ положеніемъ, довольнымъ другими, довольнымъ собою. NB. Средства на это самыя легкія, самыя простыя и всѣ отъ насъ зависятъ. Чтобы составить наше счастіе, намъ

но относящіяся до одного какого-либо произведенія мѣръ, до перевода Одиссеи) помѣщены непосредо одна за другою. Такое размѣщеніе тетрадей, относя къ одному произведенію, имѣетъ весьма существенначеніе: благодаря ему, мы получаемъ возможность ь за самымъ процессомъ поэтическаго творчества Жуго. Въ этомъ отношеніи г. Бычковъ иногда самъ намъ етъ, сравнивая подстрочный, прозаическій пере-Жуковскаго съ окончательнымъ, стихотворнымъ текпри чемъ близость стиха къ прозаическому изложеказывается полною. Вотъ напримѣръ начало прозаио перевода Гердерова: „Сида“:

обѣда надъ пятью царями маврами. Они именуютъ га своимъ Цидомъ и признаютъ себя его вассалами. юслы являются къ Родригу Баварскому и такъ смиего привѣтствуютъ: Добрый Цидъ, мы посланы пятью и, твоими вассалами, чтобы заплатить тебѣ дань ихъ“. стихахъ же, въ печатномъ изданіи „Сидъ“ начинается ъ образомъ:

Пятерыхъ царей невѣрныхъ
Донъ Родриго побѣдилъ;
И его назвали Сидомъ
Побѣжденные цари.
Ихъ послы къ нему явились,
И въ смиреніи подданства
Такъ привѣтствовали Сида:
Пять царей, твоихъ вассаловъ,
Насъ съ покорностью и данью,
Добрый Сидъ, къ тебѣ прислали.

торико-литературный матеріалъ, заключающійся во ъ отдѣлѣ бумагъ Жуковскаго, имѣетъ весьма больцѣнность. Издатель сочиненій поэта найдетъ въ немъ ство важныхъ указаній, много совсѣмъ новаго. Пона рукописяхъ даютъ возможность устранить многія юсти послѣдняго полнаго собранія произведеній поэта, овить ихъ строгую хронологическую послѣдователь- Многія сочиненія, считавшіяся „приписываемыми“, ваются несомнѣнно принадлежащими поэту, напр. стиреніе „Смерть“, признанное даже г. Ефремовымъ проніемъ кн. Вяземскаго. Наконецъ, нашлось немало проній поэта, совсѣмъ не вошедшихъ въ послѣднее полное ніе. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній были прежде атаны, нѣкоторыя совсѣмъ не были изданы; относи- первыхъ г. Бычковъ указываетъ, гдѣ они были поны; что же касается сочиненій неизданныхъ, то при

нѣкоторыхъ кромѣ заголовка онъ приводитъ начало, а иногда болѣе или менѣе обширныя выдержки, нѣкоторыя же печатаетъ цѣликомъ. Такъ въ приложеніи къ описанію помѣщенъ стихотворный переводъ „Слова о Полку Игоревѣ", въ текстѣ напечатаны 64 стиха изъ поэмы: „Вѣчный Жидъ", стихотворенія: „Солнце и Борей", „Умирающій Лебедь", „Могила", „Любовь", „Къ младенцу", „Утѣшеніе", „Къ сестрамъ и братьямъ", „Жалоба", „Тоска", „Стремленіе", „Пери", „Пѣснь бедуинки", „Мечта" и многія другія болѣе мелкія или не имѣющія заглавія. Переводъ „Слова о Полку Игоревѣ" близокъ къ подлиннику, такъ что не уступаетъ позднѣйшимъ переводамъ нашихъ поэтовъ. Среди мелкихъ стихотвореній есть прелестныя, положительно образцовыя по формѣ, образности выраженія и по самой мысли, каковы напр. „Солнце и Борей", „Умирающій Лебедь", „Пѣснь бедуинки". Есть много стихотвореній, написанныхъ гекзаметромъ,—этимъ размѣромъ Жуковскій владѣлъ въ совершенствѣ,—вотъ напримѣръ одно изъ такихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: „Стремленіе":

Часто при тихомъ сіяніи мѣсяца, полная тайной
Грусти, сижу я одна, и вздыхаю и плачу, и душу
Вдругъ обнимаетъ мою содроганье блаженства. Живая,
Свѣжая, чистая жизнь приливаетъ къ душѣ, и глазами
Вижу я то, что въ гармоніи струнъ лишь дотолѣ таилось;
Вижу незнаемый край, и мнѣ сквозь лазурное небо
Свѣтится издали радостно, ярко звѣзда упованья.

Таковъ богатый матеріалъ, заключающійся въ бумагахъ Жуковскаго, и г. Бычковъ совершенно справедливо замѣчаетъ, „что безъ обращенія къ нимъ немыслимы теперь ни составленіе біографіи Жуковскаго, ни изданіе полнаго собранія его сочиненій".

III.

Судебные ораторы во Франціи. Избранныя рѣчи. Пер. А. Шмаковъ. Москва. 1888 г.

Названная книга заключаетъ въ себѣ переводъ судебныхъ рѣчей французскихъ адвокатовъ: Беррье, Шэ д'Есть Анжа, Жюля Фавра, Лашо отца, двухъ Дюпеновъ, Порталиса и наконецъ Мерельи, который, не будучи присяжнымъ адвокатомъ, выступилъ на защиту своего собственнаго бракоразводнаго дѣла, начатаго по иску его жены Мерельи. Насколько мы знаемъ, настоящій трудъ — первая попытка въ нашей юридической литературѣ познакомить русскую публику съ французскимъ адвокатскимъ краснорѣ-

чіемъ въ переводѣ образцовъ его на русскій языкъ. Появленіе этого труда какъ разъ непосредственно за „судебными рѣчами“ А. Ф. Кони какъ будто-бы нарочно вызываетъ на сравненіе обѣихъ этихъ книгъ между собою. Но мы, разумѣется, воздержимся отъ подобнаго сравненія, уже во-первыхъ потому, что такіе талантливые ораторы, какъ А. Ф. Кони, составляютъ пока еще въ нашей магистратурѣ явленіе почти единичное. За все время возникновенія у насъ судебной ораторской дѣятельности, появилось всего какихъ-нибудь два, три—много четыре имени, которыя можно было бы поставить въ параллель или на ряду съ именемъ бывшаго прокурора, а потомъ предсѣдателя Петербургскаго Окружнаго Суда. Авторъ книги „Судебныя рѣчи“ дѣйствительно владѣетъ рѣчью такъ, какъ немногіе даже и французскіе адвокаты владѣютъ ею. Мы говоримъ „даже и французскіе“ потому, что во Франціи уже цѣлыя столѣтія существуетъ цѣлая ораторская школа; молодыя поколѣнія французскихъ адвокатовъ воспитываются на старыхъ образцахъ, и юридическое краснорѣчіе развивается тамъ преемственно... Наши же немногіе ораторы являются сами основателями русской школы юридическаго краснорѣчія. Наши адвокаты должны изучать ихъ настолько же, насколько и иностранные образцы.

Обращаемся, впрочемъ, къ книгѣ г. Шмакова. Прежде всего надо отдать справедливость переводчику за его благое намѣреніе познакомить русскую публику съ образцами французскаго юридическаго краснорѣчія, объ которомъ, замѣтимъ, между прочимъ, у насъ въ громадномъ большинствѣ составилось совершенно ложное представленіе. У насъ полагаютъ, что французскіе адвокаты въ своихъ рѣчахъ бьютъ исключительно на ораторскіе эффекты и внѣшнимъ блескомъ фразъ и фейерверками громкихъ словъ замѣняютъ внутреннюю содержательность рѣчи, отсутствіе серьезнаго подбора фактовъ, ихъ умѣлой группировки и вообще всего, что должно дѣйствовать на разумъ и убѣжденіе, а не на нервы слушателей. На самомъ дѣлѣ это совершенно не вѣрно. Свой успѣхъ строятъ исключительно на внѣшнемъ блескѣ рѣчи и на ораторскихъ эффектахъ (при томъ нерѣдко позаимствованныхъ), какъ у насъ, такъ и вездѣ—во Франціи только разныя адвокатскія посредственности и бездарности, которымъ недоступна ни глубина мысли, ни разработка фактическаго матеріала. Настоящіе же ораторы—такъ сказать столпы адвокатскаго сословія—отличаются дѣйствительнымъ знакомствомъ со всѣми условіями успѣха серьез-

наго ораторскаго искусства: ихъ рѣчи отличаются логической связью частей, подборомъ и группировкой фактовъ и дѣйствуютъ на убѣжденіе.

Въ книгѣ г. Шмакова мы находимъ нѣсколько такихъ рѣчей—напримѣръ рѣчь Шэ д'Естъ Анжа по дѣлу Ла Ронсьера и рѣчи Лашо по дѣламъ Поммере и Маріи Бьеръ. Въ первомъ изъ названныхъ дѣлъ (Ла Ронсьера) мы рядомъ съ дѣйствительно образцовой защитительной рѣчью знаменитаго адвоката Шэ д'Естъ Анжа находимъ рѣчь не менѣе знаменитаго Беррье, которая можетъ служить весьма поучительнымъ примѣромъ того, какъ не слѣдуетъ говорить адвокату, мало-мальски уважающему себя. Эта рѣчь знаменитаго Беррье заключаетъ въ себѣ именно всѣ тѣ недостатки, которые, какъ было замѣчено выше, у насъ любятъ приписывать французской адвокатурѣ вообще. Она построена исключительно на трескучихъ фразахъ и была произнесена исключительно *съ разсчетомъ на нервы* аудиторіи. Впрочемъ, дѣло Ла Ронсьера представляетъ собою образецъ одной изъ самыхъ нелѣпыхъ ошибокъ суда присяжныхъ, вынесшихъ обвинительный вердиктъ подсудимому несмотря на несомнѣнно доказанную *невозможность* для него совершить преступленіе, въ которомъ его обвиняли. Въ этомъ дѣлѣ ни только alibi и цѣлый рядъ доказательствъ, ясно говорившихъ, что то дѣяніе, которое приписывалось подсудимому, *не могло* быть совершено имъ—словомъ ничто не помогло и Ла Ронсьеръ былъ обвиненъ „въ умышленномъ нанесеніи ранъ Маріи Морель" *потому только*, что адвокатъ мнимо потерпѣвшей — Беррье со слезами увѣрялъ присяжныхъ, что если оправдаютъ Ла Ронсьера, то этимъ оправданьемъ—*обвинятъ и покроютъ позоромъ* Марію Морель и ея семью... Присяжные повѣрили на слово краснорѣчивому адвокату и принесли правосудіе въ жертву симпатіямъ, которыя внушала имъ дѣвица Морель. На самомъ же дѣлѣ Марія Морель была истерически больная и страдала галлюцинаціями, которыя и создали въ ея воображеніи всю исторію преступленія Ла Ронсьера.

Для молодыхъ адвокатовъ знакомство съ исторіей процессовъ, подобныхъ этому, можетъ принести большую пользу. То же можно сказать и о процессахъ Поммере (отравленіе) и о Маріи Бьеръ (покушеніе на убійство). Но справедливость требуетъ замѣтить, что выборъ другихъ процессовъ, приведенныхъ въ книгѣ г. Шмакова—едва-ли можетъ быть объясненъ чѣмъ-либо, кромѣ какой-нибудь случайности. Во французской литературѣ уже многіе десятки

лѣтъ существуетъ очень полезное и интересное изданіе „Les causes célèbres“. Въ немъ болѣе цѣлесообразно собрано все или болѣе интересное.

Книга г. Шмакова можетъ быть разсматриваема, какъ попытка въ этомъ направленіи и попытка, заслуживающая сочувствія. Внѣшній видъ изданія роскошенъ, и нельзя не пожалѣть, что эта роскошь, возвышая цѣну его до 4-хъ руб., дѣлаетъ его мало доступнымъ начинающимъ адвокатамъ, т. е. какъ разъ тѣмъ, кому оно могло бы принести пользу.

IV.

К. К. Случевскій.—По Сѣверу Россіи. Т. III. „Балтійская сторона“. Путешествіе Ихъ Имп. Высоч. в. кн. Владиміра Александровича и в. кн. Маріи Павловны.

Каждое лѣто въ теченіи 1884, 85, 86 и 87 годовъ, Его Имп. Выс. великій князь Владиміръ Александровичъ, въ качествѣ командующаго войсками С.-Петербургскаго военнаго округа, предпринималъ довольно отдаленныя поѣздки для осмотра войсковыхъ частей ввѣреннаго ему округа и ознакомленія съ мѣстностью ихъ расположенія. Кромѣ того, по волѣ Государя Императора—Его Августѣйшій братъ долженъ былъ осмотрѣть и часть мѣстъ расположеній войскъ, входящихъ въ составъ Виленскаго военнаго округа, вслѣдствіе чего великій князь имѣлъ возможность вполнѣ ознакомиться съ нашей военно-морской границей на всемъ протяженіи ея отъ Выборга до Либавы. Въ теченіи названныхъ годовъ былъ постепенно осмотрѣнъ весь сѣверный край, составляющій почти четвертую часть всего пространства Европейской Россіи.

Авторъ книги, заглавіе которой значится выше, К. К. Случевскій, сопутствовалъ великому князю во всѣхъ этихъ поѣздкахъ, и свои путевыя впечатлѣнія излагалъ въ весьма пространныхъ и подробныхъ корреспонденціяхъ, печатавшихся въ свое время на столбцахъ „Прав. Вѣст.“ и „Моск. Вѣд“. Впослѣдствіи г. Случевскій началъ издавать свои корреспонденціи въ видѣ отдѣльныхъ книгъ. Вышедшая теперь въ свѣтъ „Балтійская сторона“ составляетъ третій томъ этого изданія.

Этотъ томъ представляетъ совершенно исключительный и весьма живой интересъ для всякаго, кого занимаютъ судьбы нашихъ окраинъ.

Прибалтійскія губерніи или, какъ ихъ любятъ называть хозяйничающіе въ нихъ потомки благородныхъ ливонскихъ

и тевтонскихъ рыцарей, „Остзейскій край“ представляетъ наибольшій интересъ: они служатъ живымъ, такъ сказать примѣромъ какъ добродушіемъ и потворствомъ нельзя подчинять своему вліянію племена, подчиненныя силой оружія государственной власти. Мягкость и добродушіе русской администраціи, сталкиваясь до сихъ поръ съ пассивнымъ, но крайне упорнымъ противодѣйствіемъ — съ мѣстной, такъ называемой, интеллигенціей, всегда въ концѣ концовъ уступала ей, и всѣ попытки къ слiянію „Балтійскаго края“ съ остальной Россіей оставались неуспѣшными. Не только каждая губернія этого края, но и каждый городъ имѣетъ свои *особыя права* „рыцарскія“ и иныя, полученныя, Богъ вѣсть, отъ какихъ разношерстныхъ нѣмцевъ. Вся эта пестрая амальгама разныхъ „нѣмецкихъ правъ“ находитъ постоянную поддержку и питаніе въ „нѣмецкомъ“ дерптскомъ университетѣ съ его богословскимъ факультетомъ, который служитъ разсадникомъ нѣмецкаго сепаратизма, разсылая по всѣмъ концамъ Россіи агентовъ „великаго фатерланда“ подъ видомъ ученыхъ пасторовъ.

Извѣстно, что великій князь Владиміръ Александровичъ во время своей поѣздки въ 1886 году произнесъ въ стѣнахъ дерптскаго университета рѣчь, въ которой, напомнивъ остзейскимъ баронамъ слова своего почившаго Родителя, сказанныя четверть вѣка тому назадъ—указалъ на необходимость тѣснаго сліянія съ общимъ русскимъ отечествомъ. Кому неизвѣстно, вслѣдствіе чего понадобилось такое напоминаніе. Книга г. Случевскаго настолько глубоко и серьезно затрогиваетъ этотъ вопросъ и знакомитъ читателя съ судьбами „Балтійскаго края“, что объ ней нельзя сказать лишь нѣсколько словъ. Въ будущей книжкѣ *Русскаго Вѣстника* мы надѣемся посвятить ей отдѣльную статью. Въ настоящую же минуту мы ограничимся лишь указаніемъ на тотъ интересъ, который она, по нашему мнѣнію, представляетъ для читателя. Лица, незнакомыя съ двумя первыми томами путевыхъ замѣтокъ г. Случевскаго, могутъ ознакомиться съ этимъ третьимъ томомъ, который представляетъ трудъ вполнѣ отдѣльный и самостоятельный.

Книжныя новости.

Книги, вышедшія въ свѣтъ за послѣдній мѣсяцъ:

Въ С.-Петербургѣ:

Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ 2 хромолитографіями и 69 гравюрами. XV+288+127 стр. 8 д. л.

Извлеченія изъ переписныхъ книгъ, составленныя Е. Е. Замысловскимъ. Изданіе Археографической Коммиссіи. Выпускъ первый. VI+314 стр. 8 д. л.

Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи. 1878—1881 г.г. Выпускъ восьмой. 125+307+28+80+44 стр. 8 д. л.

Вел. Князь Георгій Михайловичъ. *Монеты царствованія Императора Александра II.* VIII+223 стр. XXVIII табл. 2 д. л.

Le Feld-Maréchal Prince Paskévitsch. Sa vie politique et militaire d'apres des documents inédits par le general prince Stchenbatow de l'état-major. Tome premier 1782—1826. Traduit par une russe 280 p. in 8°.

К. Случевскій. *По сѣверу Россіи.* Т. III. Балтійская сторона путешествія Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Владиміра Александровича и Великой Княгини Маріи Павловны, въ 1886—87 гг. Съ картою пути. 487+3 стр. 4 д. л.

Сборникъ статей по классической филологіи. 1888. Выпускъ I. 239 стр. 8 д. л.

Аттическое нарѣчіе по надписямъ и рукописному преданію. Обзоръ изслѣдованія въ области аттическаго нарѣчія за послѣднія десятилѣтія. 146 стр. 8 д. л.

Матеріалы для исторіи русской арміи. *Походы 64-го пѣхотнаго Казанскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полка.* 1642—1700—1886. Составили В. Борисовъ и А. Сыцянко. XVI+819 стр. 8 д. л.

С. Ѳ. Платоновъ. *Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ.* VI+372 стр. 8 д. л.

Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ восьмой и послѣдній. IV+493+LX стр. 8 д. л.

Общій указатель ко всѣмъ восьми выпускамъ исторіи Россій-

ской Академіи, составленный М. И. Сухомлиновымъ. LX стр. 8 д. л.

Симбирская губернская гимназія (1786—1887 г.). Библіографическая монографія. Составилъ И. Г. Безгинъ. 40+376 стр. 8 д. л.

Исторія девятнадцатаго вѣка отъ времени Вѣнскаго конгресса. Г. Гарвинуса. Т. VI. *Возстаніе и возрожденіе Греціи.* 484 стр. 8 д. л.

Владиміръ Соловьевъ. *Національный вопросъ въ Россіи.* Изданіе второе, дополненное. VII+209 стр. 8 д. л.

30 апрѣля. *Стихотворенія А. Н. Майкова* (1883—1888). II+68 стр. 12 д. л.

А. Н. Майковъ. По поводу пятидесятилѣтняго юбилея его литературной дѣятельности. Съ портретомъ А. Н. Майкова. 27 стр. 8 д. л.

Reiseskizzen von le Flâneur. VI+436 s. in 8°.

Избранныя сочиненія Пушкина для народнаго чтенія. Изданіе СПБ. комитета грамотности. XXIII+444+III стр. 8 д. л.

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Сочиненіе А. Н. Радищева. Воспроизведеніе изданія 1790 года. IV+453 стр. 8 д. л.

Полное собраніе сочиненій Н. П. Жандра. Томъ первый. 195 стр. Томъ второй. 251 стр. 8 д. л.

Викторъ Крыловъ (Александровъ). *Драматическія сочиненія.* Томъ четвертый. XIII+386 стр. 8 д. л.

Анатолій Леманъ. *Очерки кадетской жизни.* 248 стр. 8 д. л.

И. Панаевъ. *Львы въ провинціи.* 368 стр. 8 д. л.

Сѣверные цвѣты. Выборъ изъ стихотвореній А. С. Пушкина. 144+IV стр. 12 д. л.

А. А. Греве. *Статьи, письма и замѣтки.* Часть II. 1887 г. 59 стр. 8 д. л.

Н. Лендезъ. *На Волгѣ.* Очерки, картинки, путевыя замѣтки и обозрѣнія. (Волжскій спутникъ). 235 стр. 12 д. л.

Быль. В. И. Немировичъ-Данченко. Второе изданіе. 501 стр. 8 д. л.

Приключенія Финна. Сочиненіе Марка Твэна (Самуэла Клеменса). Съ 172 рисунками въ текстѣ. Переводъ съ англійскаго. 486 стр. 8 д. л.

Какъ я жилъ и что видѣлъ въ расколѣ. Разсказъ крестьянина Ѳ. В. Мучкина. 64 стр. 8 д. л.

Какъ увеличить заработокъ русскаго землевладѣльца? 37 стр. 8 д. л.

Письма матери къ матерямъ. М. Колоколовой. 118 стр. 12 д. л.

Особенная часть русскаго уголовнаго права. Дополненіе къ курсу, читанному профессоромъ, докторомъ правъ, Н. А. Неклюдовымъ. Выпускъ I. Посягательства на личность. Издатель поручикъ графъ Валуевъ. 176 стр. 8 д. л.

Военная аэронавтика. (Опытъ краткаго обзора воздухоплаванія). Составилъ Б. Д. Потемкинъ. 116 стр. 8 д. л.

Н. В. Жуковскій. *Маленькій пиротехникъ.* Руководство къ приготовленію фейерверковъ съ 49 рецептами и 54 рисунками. IV+74 стр. 8 д. л.

Руководство къ производству электрическихъ измѣреній изолированныхъ проводниковъ (кабелей). Составлено Н. Писаревскимъ. VIII+II+288+22 стр. 8 д. л.

Клиническія лекціи профессора Германа Нотнагеля въ Вѣнѣ. Выпускъ первый. *Терапія болѣзней сердца.* Переводъ д-ровъ М. и Е. Блюменау. IV+28 стр. 8 д. л.

Двѣнадцатая ночь. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ Шекспира. Переводъ А. А. Соколовскаго. Текстъ редактированный для сцены. 48 стр. 8 д. л.

Въ Москвѣ:

Алюминій, его добываніе, свойства, обработка, сплавы и соединенія наиболѣе важныя въ техникѣ. Составилъ А. И. Коренблитъ. 110 стр. 8 д. л.

Девятисотлѣтіе русской іерархіи 988—1888. Епархія и Архіереи. Составлено по оффиціальнымъ и историческимъ даннымъ. Н. Д. 104+XX ст. 8 д. л.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе Сергѣя Соловьева. Томъ двадцать первый. Изданіе третье. 369+II стр. 8 д. л.

Артуръ Шопенгауеръ. Очерки его жизни и ученія. По поводу столѣтней годовщины его рожденія. Съ портретомъ А. Шопенгауера. VI+240 стр. 8 д. л.

Учебникъ логики съ подробными указаніями на исторію и современное состояніе этой науки въ Россіи и другихъ странахъ. Заслуженнаго ординарнаго профессора Московскаго университета М. Троицкаго. Книга третья. Логика геометріи и наукъ о духѣ. Выпускъ I. 148 стр. 8 д. л.

Судебные ораторы во Франціи. Беррье.—Шэ д'Естъ Анжъ — Жюль Фавръ.—Лашо.—Филиппъ Дюпенъ.—Порталисъ.— Дюпенъ Старшій.—Мирабо.—Избранныя рѣчи. Перевелъ Алексѣй Шмаковъ. 439 стр. 8 д. л.

Матеріалы къ исторіи русскаго рыболовства. *Госуда-*

[redacted]

... ...ская ...хонская ловля стерлядей въ XVII столѣтіи. ... стр. 8 д. л.

Воспоминанія о Степанѣ Алексѣевичѣ Масловѣ. А. Красо... 29 стр. 8 д. л.

... Александра Өедоровича Мамина. Съ портретомъ. 44 стр. 8 д. л.

...ская колонія въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ. Составилъ Габріэль Теръ-Габріэльянцъ. VI+112+X стр. 8 д. л.

„*Лирика Пушкина*“ (Разборъ). Составилъ Е. Воскресенскій. 77 стр. 8 д. л.

Литературный сборникъ. 145 стр. 8 д. л.

Потерянный и возвращенный рай. Поэма въ IV частяхъ Мильтона. Полный переводъ Н. М. Бородина. 335 стр. 8 д. л.

Русскія народныя былины. Тексты, объяснительныя статьи и примѣчанія. Составилъ Левъ Поливановъ (Для всѣхъ возрастовъ). Съ тремя оригинальными фотогравюрами и многими политипажами въ двѣ краски. XXI+194+II стр. 8 д. л.

Съ міра по ниткѣ. Стихотворенія. 104 стр. 8 д. л.

Съ міра по ниткѣ. Повѣсти и разсказы. 121 стр. 8 д. л.

Гюи-де-Мопассанъ. *Новѣйшіе очерки и разсказы.* (Le Horla). Переводъ А. С. Размадзе. 319 стр. 12 д. л.

А. Д. Мясоѣдовъ. *Жертвы сердца.* Картины современной жизни. 140 стр. 8 д. л.

Русская Хрестоматія. Памятники древней русской литературы и народной словесности съ историческими, литературными и грамматическими объясненіями и съ словаремъ. Для среднихъ учебныхъ заведеній составилъ Өедоръ Буслаевъ. Четвертое изданіе, исправленное и дополненное. II+478+II стр. 8 д. л.

Медицина въ 1886 году. Годичникъ врачебной литературы по всѣмъ ея спеціальностямъ, составленный подъ редакціей Спримона. Выпускъ третій. Стр. 1005—1342. 8 д. л.

Въ Казани:

Святое Евангеліе Господа нашего Іисуса Христа отъ Матөея. Древне-славянскій текстъ. Издалъ Н. Ильминскій. V+76 стр. 8 д. л.

Въ Кіевѣ:

Права и обязанности пресвитеровъ по основнымъ законамъ христіанской церкви и по церковно-гражданскимъ постановленіямъ русской церкви. П. Забѣлина. Въ трехъ частяхъ. Изданіе вто-

[redacted]

рое, исправленное и дополненное новѣйшими узаконеніями. X+656 стр. 8 д. л.

Указатель русской литературы по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ за 1886 г. Составленъ В. К. Совинскимъ подъ редакціей проф. Н. А. Бунге. XI+387 стр. 8 д. л.

Краткій обзоръ государствъ и колоній въ Америкѣ. Составилъ Н. Черкуновъ. 52 стр. 12 д. л.

Исторія древней медицины. Составилъ С. Ковнеръ. Выпускъ третій и послѣдній. Стр. 547—1000. 8 д. л.

Въ Костромѣ:

Лѣтопись Макаріева Унженскаго монастыря Костромской епархіи. Выпускъ первый 1439—1682 г. Составилъ членъ Костромской ученой коммиссіи И. Херсонскій. 129 стр. 8 д. л.

Въ Одессѣ:

Г. М. Щелкарь. *Стихотворенія.* Книга II. 64 стр. 8 д. л.

Въ Орлѣ:

Дѣтскій театръ. Новыя піэсы для дѣтей отъ 8—15 лѣтъ. Соч. Н. З. З. 109 стр. 8 д. л.

Въ Саратовѣ:

Сергѣй Панчулидзевъ. *Земство и медицина въ Саратовскомъ уѣздѣ.* Выпускъ 1-й. 84 стр. 8 д. л.

Въ Сорокахъ:

Повторительный курсъ полковыхъ учебныхъ командъ кавалеріи. II+II+II+123 стр. 8 д. л.

Въ Тулѣ:

Книга для чтенія въ стихахъ. Составилъ М. Т. Яблочковъ. V+211 стр. 8 д. л.

МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА.

Начало лѣта и о лѣтнихъ судьбахъ молодаго поколѣнія.—Начальныя училища города Москвы въ томъ видѣ, какъ засталъ ихъ текущій годъ.—Городскія утреннія школы.—Вечерне воскресныя школы.—Начальныя училища.—Братья А. и И. Поповы передъ лицомъ правосудія и афера «выдѣлки» чая.—Исходъ процесса перемѣна мѣста жительства.

Лѣто. Дачный сезонъ въ полномъ разгарѣ сталъ прочно. Переѣзжающіе на дачи на нихъ переѣхали, и тѣ дачныя резиденціи, которыя не заняты о сю пору, рискуютъ пустовать все лѣто. Въ городѣ, грязномъ и пыльномъ, остались заканчивать свои экзамены гимназисты всѣхъ возрастовъ, покинутые на время родителями, которые переселились на дачи, поручивъ надзоръ родственникамъ, невыѣзжающимъ на дачу, и репетиторамъ. Дѣвочкамъ лучше: онѣ всѣ на дачѣ; ихъ и отпускаютъ раньше, и вакаты ихъ длиннѣе. Еще свободнѣе дѣти, которыя обучаются въ начальныхъ городскихъ училищахъ: для нихъ и ученье, и экзамены окончены вполнѣ. Ихъ гулянки и игры должны невольно вращаться въ предѣлахъ камеръ-коллежскаго вала. Родителямъ ихъ не на что нанимать дачи.

Много такихъ дѣтей въ Москвѣ. Такъ много, что Дума, конечно, не въ состояніи догнать быстрое умноженіе стремящихся поступить въ начальныя училища. Недавно вышелъ въ свѣтъ общій обзоръ начальныхъ городскихъ училищъ на 1888 годъ. Данныя обзора интересны. Мы считаемъ не лишнимъ познакомить съ ними.

Городскихъ утреннихъ школъ, считая съ тремя открытыми въ прошломъ году, въ Москвѣ имѣется 76. Изъ нихъ женскихъ 37, мужскихъ—36 и смѣшанныхъ—3. При двадцати шести изъ нихъ существуютъ параллельные классы въ

виду особенно большаго наплыва учащихся. Въ этихъ школахъ обучаются:

Въ женскихъ училищахъ:

въ I классѣ	2,257 учениць		= 4,475 учениць.
во II »	1,535 »		
въ III »	683 »		

Въ мужскихъ училищахъ:

въ I классѣ	1,984 ученика	= 4,009 учениковъ.
во II »	1,382 »	
въ III »	643 »	

Въ смѣшанныхъ училищахъ:

въ I классѣ	112 учениць и	202 ученика	= 197 учениць и
во II »	61 »	» 120 »	384 ученика.
въ III »	24 »	» 62 »	

И такъ всего въ утреннихъ школахъ 9,065 учащихся, изъ коихъ: 4,672 ученицы и 4,393 ученика.

По возрасту большинство этой учащейся молодежи отъ 8—13 лѣтъ; считая по годамъ, контингентъ распредѣляется такъ:

мальчиковъ отъ 8— 9 лѣтняго возраста	659
» » 9—10 » »	950
» » 10 11 » »	1,105
» » 11—12 » »	855
» » 2—13 » »	501
Итого	4,070

На остальные возрасты (отъ 7—8 лѣтъ и отъ 13—16 лѣтъ) выпадаетъ сравнительно небольшое количество.

У дѣвочекъ дѣло поставлено относительно возрастовъ въ нѣсколько иное положенiе по части взаимнаго отношенiя возрастовъ, взятыхъ вмѣстѣ съ количествомъ учащихся; въ школахъ имѣется дѣвочекъ:

отъ 8— 9 лѣтняго возраста	834
» 9—10 » »	1 342
» 10—11 » »	1,183
» 11—12 » »	735
» 12—13 » »	361
Итого	4,455

Иначе говоря: мальчиковъ 8—13 лѣтняго возраста въ школахъ имѣется 92% изъ общаго ихъ количества, дѣвочекъ же свыше 95%; сверхъ того высшiй процентъ у мальчиковъ выпадаетъ на возрастъ 10—11 лѣтъ, а у дѣвочекъ— на возрастъ 9—10. Очевидно, дѣло обученiя у женской молодежи начинается ранѣе, чѣмъ у мужской. Остается при этомъ изумительнымъ, что за то кончается оно позднѣе: у мальчиковъ окончанiе не заходитъ за предѣлы 15 лѣтняго

возраста, у дѣвочекъ же оказывается, что и 16 лѣтнія ученицы еще посѣщаютъ школу. Кромѣ того, взявъ процентное отношеніе распредѣленія учениковъ по классамъ въ томъ видѣ, какъ оно приведено выше, мы получаемъ слѣдующее:

Старшихъ классовъ достигаютъ:

въ женскихъ училищахъ 15% воспитанницъ.
въ мужскихъ же » 16% учениковъ.

Въ смѣшанныхъ школахъ разница эта еще замѣтнѣе, ибо тамъ въ старшихъ классахъ имѣлось къ нынѣшнему году:

ученицъ 12%
учениковъ . . . . . . $17^{3}/_{4}$%

Въ обзорѣ исчислено количество отказовъ въ пріемѣ въ школы учащихся.

Въ 1886 году было отказано 2,103 дѣтямъ въ пріемѣ. Въ 1887 г. открылись три новыя школы и тѣмъ не менѣе отказовъ было 1,930. Ясно, что три вновь открытыя училища —капля въ морѣ, и что догнать въ данномъ случаѣ растущую съ каждымъ годомъ потребность можно открытіемъ не трехъ, а, быть можетъ, двадцати новыхъ школъ. По крайней мѣрѣ такъ оно выходитъ изъ сравненія погодныхъ цифръ отказовъ при условіи постепеннаго и почти постояннаго открытія новыхъ училищъ: начиная съ 1882 г. цифра отказовъ въ пріемѣ держится примѣрно на 2,000, и не смотря на открытіе новыхъ школъ, за шесть лѣтъ, она спустилась лишь на 70 случаевъ отказа, остановившись на 1,930 вмѣсто 2,000.

Изъ общаго числа учащихся освобождены были отъ платы за отчетный годъ 759 дѣвочекъ и 859 мальчиковъ, всего 1,618 учащихся, что составляетъ около 18% общаго ихъ количества. Обошлось городу содержаніе утреннихъ начальныхъ училищъ за годъ въ 325,968 р., что составляетъ безъ малаго по 36 р. на каждаго учащагося.

Въ вечерне-воскресныхъ городскихъ школахъ, гдѣ обучаются только мальчики и которыхъ имѣется всего 16, всѣ учащіеся, въ количествѣ 1,290 учениковъ, были распредѣлены по классамъ такъ:

въ I классѣ 689 учениковъ
во II » 440 »
въ III » 161 »

Такъ что тутъ % учениковъ, достигшихъ старшаго класса, много ниже, чѣмъ въ утреннихъ школахъ; онъ не простирается за $12^{1}/_{2}$%.

Весьма характернымъ является слѣдующее обстоятельство: число великовозрастныхъ учениковъ, иначе говоря, число юношей, принявшихся за грамоту хотя бы въ зрѣломъ сравнительно возрастѣ, ежегодно растетъ въ воскресно-вечернихъ школахъ. Такъ въ первый годъ существованія этихъ школъ въ нихъ было всего 5% учащихся свыше 17 лѣтняго возраста; теперь же, въ двѣнадцатый годъ существованія школъ, ихъ уже $14^{1}/_{4}$%. Смыслъ этого явленія, конечно, состоитъ въ томъ, что съ каждымъ годомъ все больше и больше количество юношей хватается за умъ, хотя бы пропустивъ настоящую пору, и принимается за обученіе грамотѣ по мнованіи 17 лѣтняго возраста.

Главный контингентъ учащихся въ вечерне-воскресныхъ школахъ составляютъ: крестьяне ($66^{3}/_{4}$%), мѣщане ($19^{3}/_{4}$%) и солдатскіе сыновья ($8^{1}/_{2}$%). Остальные 5% выпадаютъ на долю неимущихъ дворянъ, купцовъ, дѣтей духовенства и цеховыхъ. По вѣроисповѣданіямъ, конечно, большинство православные ученики; *но непосредственно за ними слѣдуютъ евреи* и уже только затѣмъ идутъ дѣти старообрядцевъ и иностранцевъ. Почему евреямъ надобится посылать своихъ дѣтей въ такомъ количествѣ въ вечерне-воскресныя школы, опредѣлить трудно, но фактъ тотъ, что на 20 учениковъ старообрядцевъ (а ихъ очень много въ Москвѣ) приходится 65 учениковъ евреевъ.

Освобождается отъ платы въ вечерне-воскресныхъ школахъ масса учениковъ; въ отчетномъ году ихъ было 778 изъ общаго количества 1,290 учащихся, т. е. $61^{1}/_{3}$%. Содержаніе всѣхъ шестнадцати школъ обошлось за годъ 32,000 р., что составляетъ по 24 р. 80 к. на каждаго учащагося.

Переходя къ училищамъ, содержимымъ не городомъ, но въ соучастіи съ нимъ, мы имѣемъ, во-первыхъ, казенныя начальныя училища. Ихъ всего въ Москвѣ 16, и городъ отпускаетъ имъ субсидію въ тринадцать съ половиною тысячъ. Обучалось въ этихъ училищахъ въ отчетномъ году 757 человѣкъ, и обошлось обученіе безъ малаго по 21 р. на каждаго учащагося.

Далѣе слѣдуютъ классы техническаго рисованія, содержимые Московскимъ Обществомъ распространенія техническихъ знаній въ соучастіи съ городомъ, субсидировавшимъ въ отчетномъ году лишь 1,700 р., классовъ этихъ всего 18; всѣхъ обучающихся въ нихъ (и въ воскресныхъ, и въ будничныхъ классахъ) было 403 человѣка. Какъ кажется, вопросъ объ отпускѣ субсидіи городомъ на содержаніе классовъ скоро разрѣшится въ томъ смыслѣ слова, что нѣкото-

рые воскресные классы техническаго рисованія будутъ прямо перенесены въ городскія вечерне-воскресныя школы, причемъ, конечно, окончится и выдача обществу субсидіи на содержаніе его классовъ. По крайней мѣрѣ въ этомъ смыслѣ давно состоялся уже давно приговоръ Думы, и дѣло стоитъ пока въ неопредѣленномъ положеніи въ ожиданіи представленія Управою доклада по этому вопросу.

Училищъ, содержимыхъ разными обществами, учрежденіями и частными лицами, въ Москвѣ очень много, во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ городскихъ утреннихъ начальныхъ школъ, а именно:

Церковно-приходскихъ школъ имѣется	5
Школъ, содержимыхъ разными обществами и учрежденіями	16
Школъ, содержимыхъ при фабрикахъ	9
Училищъ, содержимыхъ частными лицами	56
Итого всѣхъ училищъ	86

Контингентъ учащихся расположенъ въ нихъ слѣдующимъ образомъ:

въ 5 церковно-приходскихъ школахъ	288 уч.
» 16 школахъ, содержимыхъ обществами и учрежденіями	1,689 »
» 9 фабричныхъ школахъ	775 »
» 56 школахъ, содержимыхъ частными лицами.	1,008 »
Всего учащихся	3,760 уч.

На содержаніе этихъ школъ расходуется 156,669 р. 32 к., изъ каковой суммы выпадаетъ: на долю приходовъ 5.665 р. 65 к., на долю обществъ и учрежденій—96,578 р. 6 к., на долю фабрикантовъ—21,250 р. и на долю частныхъ лицъ—33,205 р. 61 к. Послѣдняя цифра, впрочемъ, стоитъ въ сущности ниже дѣйствительности, такъ какъ свѣдѣнія о стоимости содержанія частныхъ школъ не вполнѣ точны, и есть между ними такія, которыя должны стать дороже, чѣмъ какъ оно подсчитано въ общей массѣ, потому что ученики въ нихъ не только учатся, но и получаютъ квартиру, столъ, обувь, платье, какъ напр. въ школѣ г. Андреева, дающей ученикамъ полное содержаніе.

Невольно задумаешься при такихъ значительныхъ, все возрастающихъ цифрахъ школъ и учащихся, въ большинствѣ отрываемыхъ отъ прежнихъ занятій. Это безличное обученіе безъ всякаго воспитанія (ибо школа не можетъ этого дать и не даетъ) обученіе чему и какъ? Надзоръ можетъ быть только формальный, да и что онъ можетъ сдѣ-

лать? Что потомъ выйдетъ и выходитъ изъ этой массы городской молодежи?..

Въ маѣ мѣсяцѣ въ Московскомъ окружномъ судѣ, втеченіи нѣскольких дней слушалось дѣло братьевъ Александра и Ивана Петровичей Поповыхъ, дѣло довольно интересное въ бытовомъ отношеніи и представшее передъ присяжными во всеоружіи громкаго процесса: больше сорока свидѣтелей, десять экспертовъ, многотомное слѣдствіе, г. Плевако въ качествѣ гражданскаго истца (отъ имени чайной торговой фирмы братьевъ же К. и С. Поповыхъ), и два брата богатѣи въ качествѣ обвиняемыхъ.

Въ краткихъ словахъ суть дѣла въ слѣдующемъ. Братья Александръ и Иванъ Поповы, богатые Московскіе коммерсанты воспользовались тѣмъ, что они „братья“ да еще „Поповы“, и тѣмъ, что другіе братья Поповы—торговый домъ, пользующійся отличной репутаціей и ведущій громадную чайную торговлю. Ни настоящіе „братья Поповы“, ни правосудіе, затѣяннаго ими предпріятія не одобрили, почему и возникло судебное дѣло. Дѣльцамъ пришлось на время переселиться изъ своихъ роскошныхъ палатъ—а жили они совсѣмъ таки на широкую ногу—и переселиться во-первыхъ на скамью обвиняемыхъ и подвергнуться тому мучительному процѣживанію, которое составляетъ особенность гласнаго процесса, а затѣмъ въ мѣста отдаленныя.

Торговали проштрафившіеся „братья“ главнымъ образомъ чаемъ, и ужь конечно не настоящимъ, а разбавляя его капорской травой и спитымъ чаемъ, кромѣ того они не брезговали и другими продуктами: продавали и какой-то „оподельдокъ“ поддѣльный, и скверное касторовое масло за настоящее англійское, и плохой лакъ за хорошій Тихоновскій, и простую синьку за французскую, и мыло съ великокняжескимъ гербомъ, и сургучъ съ императорской короной, и даже какую-то „эссенцію перечной мяты“ якобы издѣлія Моренкова, совсѣмъ не соотвѣтствующую своему названію. Торговля шла, очевидно, бойко, судя по тому, что съ 1-го апрѣля 1885 г. по 7 февраля 1886 г., когда былъ сдѣланъ осмотръ „братскаго“ склада, братьями продано ни мало, ни много 737,947$^3/_4$ фунта чая, при чемъ, какъ выяснило слѣдствіе, на приходъ чая поступило за тотъ же періодъ времени 689,633$^1/_4$ фунта. Очевидно, разница въ 50 тысячъ фунтовъ и была той благостыней, которая доставалась „братьямъ“.

Продолжалось предпріятіе долго, цѣлые годы, и было

[illegible] прекрасно; сорочки, въ которыхъ продавался чай, до того походили на тѣ, въ которыхъ обертывается чай фирмы К. и С. Поповыхъ, что безграмотные, малограмотные, а частію и грамотные покупатели вѣроятно [illegible] продаваемое мѣсиво, съ совершенно спокойной совѣстью ругая братьевъ К. и С. Поповыхъ за то, что за ихъ счетъ братья А. и И. Поповы продавали изъ своего склада. Капорская трава доставлялась изъ Питера сначала Ботинымъ, потомъ Хохловымъ и доставлялась въ огромномъ количествѣ; въ книгахъ она обозначалась вмѣстѣ съ [illegible] чаемъ подъ именемъ „синяго сандала“, а самое [illegible] всей этой дряни, ни мало нескрываемое отъ служащихъ, именовалось „работать по-лондонски“. „Работали по-лондонски“ столь усердно, что у мальчиковъ, занимавшихся этой „работой“, болѣли руки. Сотрудники „фирмы“, Хохловъ и Ботинъ, тоже попались и были преданы суду, но одинъ изъ нихъ сошелъ съ ума во время производства слѣдствія и дѣло его было выдѣлено, другой же фигурировалъ на судѣ вмѣстѣ съ „братьями“.

Защитниками были гг. Коробчевскій и Высоцкій, обвинялъ тов. прок. г. Горнштейнъ и поддерживалъ гражданскій искъ г. Плевако.

Публика, заинтересованная процессомъ въ качествѣ зрѣлища людей, знающихъ и „настоящихъ“ братьевъ Поповыхъ, и братьевъ Поповыхъ обвиняемыхъ, охотно просиживала въ дни процесса въ залѣ судебнаго засѣданія. Кончилось все это тѣмъ, что присяжные признали старшаго брата, Александра Попова, виновнымъ, обвинили также Ботина и оправдали младшаго брата, Ивана Попова, дѣйствительно разыгрывавшаго въ дѣлѣ скорѣе роль жертвы брата, чѣмъ виновнаго въ манипуляціяхъ фирмы. Будучи теперь молодымъ человѣкомъ 21 года, Иванъ Поповъ служилъ у старшаго брата на жалованьи, пока тотъ пользовался плодами своего долголѣтняго „производства“, совершаемаго фирмою, т. е. какъ бы обоими братьями; а началось-то это мошенничество еще тогда, когда Иванъ Поповъ былъ мальчикомъ.

Александръ Поповъ лишенъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему, правъ и преимуществъ, и приговоренъ къ ссылкѣ на житье въ Томскую губернію. Ботинъ приговоренъ къ двухмѣсячному тюремному заключенію.

И вотъ получались большіе барыши, жили на широкую ногу, и теперь приходится мѣнять обширную квартиру съ

[redacted]

лѣпными потолками на подневольное житье въ Сибири, а четырехмилліонные торговые обороты на скромное прозябаніе поселенца въ тѣхъ укромныхъ уголкахъ, гдѣ Макаръ телятъ не гоняетъ. Хорошо еще, что уголки эти лежатъ сравнительно не вдалекѣ отъ мѣстъ произростанія чайнаго дерева; все-таки оно какъ-будто можетъ служить утѣшеніемъ бывшему чайному воротилѣ Александру Попову.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

По поводу преобразованія земства.—Замѣна ссылки тюрьмою.—Лондонская конференція по вопросу объ отмѣнѣ сахарныхъ премій.—Новый лѣсной законъ.—Открытіе движенія по закаспійской желѣзной дорогѣ до Самарканда; значеніе и будущность этой дороги.

Въ настоящей книжкѣ *Русскаго Вѣстника* оконченъ обзоръ главныхъ чертъ вновь проектированнаго преобразованія земскихъ учрежденій, по которому Государственному Совѣту предстоитъ высказать свое мнѣніе. Общество ждетъ и надѣется, что новая постановка земскаго дѣла значительно упорядочитъ важную дѣятельность мѣстныхъ хозяйственныхъ органовъ, получающую особое значеніе въ настоящее время, когда странѣ приходится переживать тяжелый экономическій кризисъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставлять усиленныя матеріальныя средства на удовлетвореніе постоянно возрастающихъ нуждъ государственнаго общежитія. Основная мысль проекта: уничтожить искусственно созданную рознь между органами правительства и земства, получающими свои полномочія отъ одной и той же верховной власти и призванными служить одному и тому же дѣлу общественнаго благоустройства. Проектъ ставитъ себѣ задачею ввести земскія учрежденія въ общую систему государственнаго управленія и, признавая необходимымъ участіе въ завѣдываніи мѣстнымъ хозяйствомъ общественныхъ силъ, стремится къ возстановленію правительственнаго вліянія на ходъ земскихъ дѣлъ, къ объединенію дѣятельности агентовъ власти и выборныхъ представителей населенія. Наконецъ, онъ задается трудною задачею призвать къ работѣ на пользу общую *лучшія* мѣстныя силы и тамъ, гдѣ правительство можетъ опереться на рекомендацію организованнаго сословія дворянъ—единственнаго у насъ политическаго сословія,—ста-

вить выборъ отвѣтственныхъ передъ закономъ исполнителей въ зависимость отъ этой рекомендаціи. Противъ такой постановки дѣла едва-ли могутъ встрѣтиться серьезныя возраженія со стороны людей, понимающихъ истинный смыслъ порядка и законности, не видящихъ блага въ упраздненіи правительственной власти и органической розни между государственными и общественными интересами въ вопросахъ хозяйственной жизни.

Но есть одна частность, существенная частность, которая возбуждаетъ сомнѣнія. Мы очень опасаемся, что предположенное раздѣленіе будущихъ земскихъ дѣятелей на двѣ коренным образомъ различныя группы, — на выборныхъ *гласныхъ*, несущихъ *повинность* сословнаго представительства, завѣдующихъ дѣлами общественнаго хозяйства по обязанности, отъ которой они не въ правѣ отказаться, и на вольныхъ *членовъ* собранія, самостоятельно, безъ выборовъ, имѣющихъ голосъ и *по праву* крупныхъ землевладѣльцевъ являющихся для защиты *своихъ собственныхъ* частныхъ интересовъ,—такое раздѣленіе можетъ повести на практикѣ земскаго дѣла къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Несомнѣнно, что труды всего личнаго состава земскихъ собраній, какъ совѣщательныхъ органовъ мѣстнаго хозяйственнаго управленія, должны быть направлены къ достиженію общественной пользы путемъ удовлетворенія потребности всего мѣстнаго населенія въ земскомъ благоустройствѣ, а потому всѣ участвующіе въ совѣщаніяхъ должны пользоваться одинаковыми правами и нести одинаковыя обязанности. Если при обсужденіи и направленіи дѣлъ общественнаго хозяйства крупные землевладѣльцы имѣютъ право защищать свои частные интересы, то очевидно, что такое же право принадлежитъ и представителямъ средняго и мелкаго землевладѣнія, т. е. земскимъ гласнымъ, дѣйствующимъ по довѣрію и уполномочію сословныхъ группъ, изъ среды которыхъ они избраны; въ противномъ случаѣ самое избраніе не имѣло бы никакого смысла и *повинность* гласнаго всего правильнѣе было бы отбывать по очереди. Съ другой стороны, если такъ называемые *члены* собранія, т. е. крупные землевладѣльцы, имѣющіе право голоса безъ выборовъ, не обязаны заботиться объ общественномъ благоустройствѣ, то ихъ сотрудничество въ завѣдываніи мѣстнымъ общественнымъ хозяйствомъ не только излишне, но прямо вредно, потому что вмѣсто дружной работы сообща съ гласными на пользу всего мѣстнаго населенія они будутъ преслѣдовать въ земствѣ свои частныя, эгоистическія цѣли. Что касается осо-

быхъ, будто бы, въ земствѣ интересовъ крупной собственности и опасности чрезмѣрнаго ея обложенія налогами на мѣстныя нужды, то произволъ представителей среднихъ и мелкихъ собственниковъ можетъ быть устраненъ и безъ личнаго присутствія въ собраніи владѣльцевъ большихъ имѣній—надзоромъ и руководствомъ административной власти, которой предоставляются широкія полномочія по отношенію къ постановленіямъ и ходу занятій земскихъ собраній. Непонятно также, въ силу какихъ соображеній государственной или общественной пользы могутъ быть освобождаемы отъ повинности завѣдыванія земскими дѣлами люди богатые, слѣдовательно, наиболѣе располагающіе досугомъ и наименѣе стѣсненные въ средствахъ на поѣздку и пребываніе въ городѣ на время сессіи земскаго собранія,—непонятно особенно въ виду категорическаго заявленія въ проектѣ новаго земскаго положенія, что „гласнымъ никакихъ служебныхъ преимуществъ не присвояется и никакого содержанія не полагается (ст. 59)".

Въ дѣйствительности, средняя и мелкая собственность имѣютъ въ земствѣ весьма важные интересы, нисколько не уступающіе, по своей совокупной величинѣ и по своему значенію для государства, интересамъ крупнаго землевладѣнія; въ дѣйствительности, интересы государства въ мѣстномъ общественномъ хозяйствѣ идутъ рука объ руку съ интересами и всѣхъ частныхъ собственниковъ, къ какому бы разряду они ни принадлежали. Возьмемъ для примѣра мѣстные пути сообщенія. Весьма понятно, что дороги и мосты должны быть содержимы въ исправности не для однѣхъ только государственныхъ цѣлей или непосредственныхъ надобностей правительства—для проѣзда должностныхъ лицъ, прохода войскъ, провоза фуража и провіанта и т. п. Содержаніе въ исправности дорогъ и мостовъ важно опять же не для однихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, — оно необходимо для всего мѣстнаго населенія. Всѣ мѣстные жители нуждаются въ удобствѣ взаимныхъ сношеній и передвиженія товаровъ, ими потребляемыхъ или производимыхъ. Бездорожье губитъ хозяйства не только крупныхъ землевладѣльцевъ, но и среднихъ и мелкихъ собственниковъ, потому что всѣхъ ихъ отрѣзываетъ отъ рынковъ. Такъ и во всемъ. Если же интересы и государства, и собственниковъ всѣхъ категорій постоянно соприкасаются и требуютъ совокупной и дружной работы общественныхъ силъ на различныхъ ступеняхъ мѣстнаго хозяйственнаго благоустройства, то нѣтъ достаточнаго основанія къ раздѣленію сотрудниковъ одного и

того же дѣла на двѣ группы—подневольныхъ и добровольныхъ. Еще менѣе основанія, усиливая дворянскій элементъ въ земствѣ, поселять рознь въ средѣ помѣстнаго дворянства, дѣлить его на патриціевъ и плебеевъ, признавать за первыми присущее дворянскому сословію право служенія изъ чести и навязывать послѣднимъ несвойственную дворянскому достоинству принудительную службу обществу, вопреки указу императора Петра III о вольности дворянской и дѣйствуещей уже болѣе ста лѣтъ жалованной Россійскому дворянству грамотѣ императрицы Екатерины II.

Служба обществу изъ чести, по сословному довѣрію и избранію несовмѣстима съ понятіемъ о *повинности*. Такое понятіе въ нашемъ законодательствѣ примѣняется только къ сословіямъ, политически неразвитымъ, къ тѣмъ самымъ сословіямъ, которыя министерскимъ проектомъ признаются наименѣе подготовленными и способными къ завѣдыванію общественными дѣлами даже въ тѣсной рамкѣ мѣстнаго хозяйственнаго благоустройства. Никогда дворянство, въ его цѣломъ, помѣстное же дворянство въ особенности, не можетъ быть принижено до нынѣшняго умственнаго и нравственнаго уровня этихъ сословій, и еслибы дворяне пошли въ земскіе гласные для отбыванія повинности, вмѣсто того, чтобы исполнять эту безплатную должность изъ чести, по внутреннему побужденію принести пользу обществу и государству, то пришлось бы навсегда распроститься съ надеждою положить конецъ нашимъ земскимъ неустройствамъ: тогда среда земскихъ гласныхъ наполнилась бы или хищниками, или бездарностью изъ дворянъ потомственныхъ и личныхъ, т. е. не „лучшими", а худшими людьми, какъ и выборныя должности по сельскому управленію, гдѣ старшины, старосты, сотскіе, десятскіе и прочіе выборные дѣйствительно отбываютъ *повинность*. Исправить земское представительство усиленіемъ въ немъ дворянскаго элемента, разумѣется, не значитъ замѣнить въ немъ Разуваевыхъ изъ купцовъ, сельскихъ кулаковъ и разночинцевъ—Разуваевыми изъ дворянъ, а чтобы въ земскіе гласные пошли дворяне, обладающіе тѣми цѣнными качествами, которыя дѣлаютъ дворянина благороднымъ, т. е. порядочнымъ человѣкомъ и гражданиномъ, для этого нужно поставить званіе гласнаго на надлежащую нравственную высоту, чтобы, пріобрѣтая его въ силу общественнаго довѣрія, а не ради отбыванія сословной повинности, всякій дворянинъ считалъ за честь послужить въ этомъ званіи обществу, какъ служатъ всякому доброму или полезному дѣлу,—по совѣсти, а не по внѣшнему принужденію.

Наконецъ, нельзя не замѣтить, что можно исполнить по повинности, по принужденію, работу физическую; по повинности можно драться съ врагомъ подъ командою начальника, свободно избравшаго поприще военной службы, но мыслить по повинности и мыслить разумно—невозможно: между тѣмъ трудъ гласнаго есть по преимуществу умственный, обусловленный личными способностями и наклонностями, которыхъ нельзя предписать и которыя не возникаютъ по требованію начальства. Поэтому для успѣшнаго обновленія земскаго представительства цѣлесообразнѣе было бы, кажется, не пріурочивать земской службы по выборамъ къ государственнымъ *повинностямъ*. Представительство само по себѣ есть уже право, а для осуществленія этого права въ должномъ направленіи и законныхъ границахъ, достаточно установить, что *нѣтъ правъ безъ обязанностей*, какъ это и выражено въ соображеніяхъ министерскаго проекта.

Отправляясь отъ данныхъ оффиціальной статистики землевладѣнія, трудно придти къ заключенію о необходимости, „въ государственныхъ интересахъ“, льготъ для крупныхъ землевладѣльцевъ. Возьмемъ для примѣра губерніи Орловскую и Пензенскую, принадлежащія къ центральной черноземной полосѣ. Въ первой изъ нихъ, по министерскому проекту, крупнымъ поземельнымъ собственникомъ считается владѣлецъ не менѣе 3.500 дес., а во второй не менѣе 5.000 десятинъ. Въ какомъ же отношеніи находится здѣсь крупная поземельная собственность къ среднему дворянскому землевладѣнію? На поставленный вопросъ вполнѣ удовлетворительно отвѣчаютъ слѣдующія цифры, относящіяся къ 1878 году:

1. Орловская губернія.

Размѣръ владѣнія.	*Число помѣстныхъ дворянъ.*	*Общее количество земли въ помѣстьяхъ.*
Болѣе 200 до 550 дес.	668	215.452 десят.
„ 500 „ 1.000 „	324	223.125 „
„ 1.000 „ 3.000 „	202	321.128 „
Итого среднепомѣстныхъ дворянъ . . .	*1.194*, владѣющихъ	*759.705* десят. земли
Болѣе 3.000 до 10.000 дес.	31	166.023 десят.
Свыше 10.000 „	6	167.421 „
Итого дворянъ крупныхъ собственниковъ.	37, владѣющихъ	333.444 десят. земли

Размѣръ владѣнія.	Число помѣстныхъ дворянъ.		Общее количество земли въ помѣстьяхъ.	
Да лицъ городскихъ сословій	3,	„	30 021	„ „
Всего крупныхъ землевладѣльцевъ	*40*	„	*363.465*	„ „

2. Пензенская губернія.

Болѣе 200 до 500 дес.	308		99.465	десят.
„ 500 „ 1.000 „	184		129.808	„
„ 1.000 „ 3.000 „	163		283.456	„
„ 3.000 „ 4.000 „	32		108.913	„
Итого среднепомѣстныхъ дворянъ	*688*,	владѣющихъ	*621.642*	десят. земли
Болѣе 4.000 до 10.000 дес.	38		217.243	десят.
Свыше 10 000 „	9		179.919	„
Итого дворянъ крупныхъ собственниковъ	47,	владѣющихъ	397.162	десят. земли
Да лицъ городскихъ сословій	5,	„	36 082	„ „
Всего крупныхъ землевладѣльцевъ	*52*,	„	*433.244*	„ „

По составленному въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ росписанію значится пользующихся правомъ голоса въ земскомъ собраніи безъ выборовъ:

Въ Орловской губерніи:

дворянъ 32, противъ приведенной нами цифры *менње* на 5,
друг. лицъ 5, „ „ „ „ *болње* на 2.

Въ Пензенской губерніи:

дворянъ 30, противъ приведенной нами цифры *менње* на 17,
друг. лицъ 5, „ „ „ „ *менње* на 2.

Эта разница относительно дворянъ главнымъ образомъ объясняется тѣмъ, что въ оффиціальномъ изданіи: „Статистика поземельной собственности“ средніе размѣры владѣній крупныхъ собственниковъ исчислены въ неопредѣленныхъ величинахъ между полными тысячами десятинъ, почему и невозможно выдѣлить изъ общей массы, по Орловской губерніи, помѣстій въ 3.500 десят., а по Пензенской губерніи—въ 5.000 десятинъ земли, т. е. предѣльныхъ нормъ, для пользованія правомъ самостоятельнаго голоса. Представляется вѣроятнымъ также и то объясненіе, что дворянскія помѣстья нѣсколько измельчали за послѣднее десятилѣтіе, особенно въ Пензенской губерніи. Что же касается

разницы въ цифрахъ относительно крупныхъ собственниковъ городскихъ состояній, то эта разница указываетъ, на нашъ взглядъ, на успѣхъ не-дворянскаго крупнаго землевладѣнія въ Орловской губерніи и на неустойчивость того же землевладѣнія въ губерніи Пензенской.

Полученные итоги можно считать достаточнымъ основаніемъ для правильнаго вывода, а выводъ таковъ:

Въ мѣстностяхъ строго дворянскаго землевладѣнія средняя помѣстная собственность преобладаетъ надъ крупною[1]; здѣсь ядро культурной земской силы составляютъ среднепомѣстные дворяне, а не крупные землевладѣльцы изъ среды разныхъ сословій, большею частью даже не живущіе въ своихъ имѣніяхъ и мало знакомые съ мѣстными хозяйственными условіями.

Ни интересы мѣстнаго управленія, ни интересы общегосударственные не требуютъ созданія льготнаго положенія въ земствѣ для крупныхъ землевладѣльцевъ; олигархическіе и тѣмъ паче плутократическіе порядки не соотвѣтствуютъ ни историческому складу нашей общественной жизни, ни дѣйствительнымъ нуждамъ населенія, страждущаго отъ земской неурядицы, и никакою государственною необходимостью не вызываются. Вполнѣ справедливо удовлетворить давнишнему желанію крупныхъ собственниковъ имѣть самостоятельный голосъ въ земскомъ собраніи, но пользованіе такимъ голосомъ должно быть имъ предоставлено не въ видѣ льготы, а какъ заурядное право, на общемъ основаніи, потому что каждый изъ нихъ владѣетъ пространствомъ земли, близкимъ къ тому размѣру, который принятъ за единицу при опредѣленіи числа земскихъ гласныхъ въ уѣздномъ собраніи, а иногда и значительно бо́льшимъ.

Разсматриваемый законопроектъ о замѣнѣ ссылки тюремнымъ заключеніемъ составляетъ, можно сказать, жизненный вопросъ для полноправныхъ гражданъ ссыльныхъ мѣстъ. Постоянно принимать въ свою среду людей порочныхъ и по суду опозоренныхъ—это такая повинность, которая ложится на населеніе тяжелымъ нравственнымъ гнетомъ, подрываетъ самую основу человѣческаго общежитія и нарушаетъ коренное, органическое право общества предохранять себя отъ нравственной заразы. Если даже и со-

[1]) Есть губерніи (Воронежская, напр.), гдѣ замѣчается обратное отношеніе, но такихъ немного и подобныя мѣстности слѣдуетъ разсматривать какъ исключеніе.

гласиться съ мнѣніемъ, что съ общества не можетъ быть вполнѣ снята отвѣтственность за совершаемыя въ его средѣ преступленія и что „уголовные капиталисты“, обыкновенно остающіеся внѣ всякаго преслѣдованія или слабо наказываемые, питаютъ „уголовный трудъ“ [1]), строго караемый, то и въ такомъ случаѣ, съ точки зрѣнія справедливости, совершенно непонятно: почему жители Бузулука должны терпѣть за прегрѣшенія, напр., Полтавы, почему Шенкурскъ долженъ служить козломъ отпущенія для обѣихъ столицъ, наводняющихъ его своими казнокрадами и мошенниками, а сибирскіе города превращены въ клоаку всероссійскихъ подонковъ самого злокачественнаго свойства?

Можно отстаивать ссылку въ каторжныя работы, сопровождаемую удаленіемъ навсегда изъ гражданскаго общества и въ послѣднее время локализуемую на островѣ Сахалинѣ, находить правильнымъ положеніе ссыльно-поселенцевъ, разселяемыхъ въ отдаленныхъ степныхъ мѣстностяхъ и въ сообществѣ съ такими же лишенными всѣхъ правъ состоянія отверженниками, частію уже искупившими свою вину,— обѣ эти категоріи ссылки до извѣстной степени удовлетворяютъ главной цѣли уголовнаго правосудія: ограждать общественное спокойствіе и безопасность отъ насильственныхъ дѣйствій со стороны порочныхъ людей; но что сказать въ защиту ссылки на житье въ сибирскія или отдаленныя отъ средоточія государственной жизни губерніи Европейской Россіи?

Прежде всего надо замѣтить, что эта кара, сопровождаемая потерею осужденнымъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему, правъ и преимуществъ, примѣняется только къ лицамъ привилегированныхъ сословій, т. е. къ дворянамъ, духовенству, почетнымъ гражданамъ и купцамъ. Мѣщане и крестьяне за однородныя преступленія наказываются срочнымъ заключеніемъ въ рабочемъ домѣ и въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ. Ссылаемые на житье тоже выдерживаются въ заключеніи нѣкоторое время, соотвѣтственно степени отдаленности назначаемыхъ по суду мѣстъ ссылки, но не могутъ быть употребляемы въ общественныя работы и вообще принуждаемы къ труду, какъ арестанты исправительныхъ отдѣленій и рабочихъ домовъ. Такое различіе въ наказаніяхъ за одни и

---

[1]) Эту своеобразную терминологію мы заимствуемъ изъ трудовъ Лондонскаго тюремнаго конгресса 1872 г.

[illegible] преступленія впервые установлено въ нашемъ законодательствѣ Екатериною II-ою, когда физическій трудъ составлялъ удѣлъ людей, несвободныхъ и не изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, а потому и считался позорнымъ въ средѣ привилегированныхъ сословій. Для уголовныхъ бѣлоручекъ, высылаемыхъ на житье въ отдаленныя или сибирскія губерніи за растраты, подлоги и мошенничества всякаго рода, необходимость работать настаетъ лишь по выходѣ изъ тюрьмы и въ томъ только случаѣ, если они не имѣютъ собственнаго состоянія и ни откуда не получаютъ пособій. Многіе изъ нихъ, какъ показываетъ опытъ, обнаруживаютъ наклонность къ купеческой торговлѣ, но законъ категорически и, разумѣется, вполнѣ основательно воспрещаетъ имъ заниматься этимъ промысломъ, равно не дозволяетъ вступать въ государственную или общественную службу и ходатайствовать по чужимъ дѣламъ, на что изъ ихъ среды тоже находилось и находится не мало охотниковъ и людей, даже спеціально подготовленныхъ; ремесла же они обыкновенно никакого не знаютъ и, будучи свободны отъ обязательной работы, не могли быть пріучены ни къ какому физическому труду во время довольно продолжительнаго, иногда до 4 лѣтъ, заключенія въ тюрьмѣ. Не устраиваетъ ихъ и дозволеніе пріобрѣтать земли для обработыванія на правѣ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ: занятіе земледѣліемъ далеко не легкій трудъ, да и чтобы обзавестись даже крестьянскимъ хозяйствомъ, необходимы нѣкоторыя средства и умѣнье распорядиться ими.

Такимъ образомъ, волей-неволей, уголовные бѣлоручки поступаютъ на иждивеніе ссыльныхъ городовъ, вымогая себѣ средства къ жизни разными предосудительными способами, и образуютъ въ средѣ гражданъ растлѣвающій общественную нравственность элементъ. Тѣ же изъ нихъ, которые принадлежатъ къ разряду состоятельныхъ людей, живущихъ доходами съ капиталовъ, вносятъ только соблазнъ въ среду честныхъ гражданъ, въ потѣ лица добывающихъ себѣ средства къ существованію, и становятся въ самыя неправильныя отношенія къ должностнымъ лицамъ, которымъ порученъ надзоръ за ними.

Не меньшимъ зломъ въ гражданской жизни, для общественнаго спокойствія и безопасности, являются и тѣ преступники изъ крестьянъ, въ особенности же изъ мѣщанъ столичныхъ и губернскихъ городовъ, которые, по отбытіи наказанія въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ и рабочихъ домахъ, не принимаются обратно своими обще-

ствами, а потому подлежать высылкѣ на 4 или на 2 года подъ надзоръ полиціи въ дальніе уѣзды. Екатерина II повелѣвала такихъ людей употреблять въ казенныя и частныя работы (зак. 1790 г., П. С. З. № 16.910), теперешнее же наше уложеніе о наказаніяхъ оставляетъ ихъ проживать тунеядцами и тѣмъ самымъ создаетъ изъ поднадзорныхъ рецидивистовъ, которымъ самое пребываніе въ тюрьмѣ облегчаетъ составленіе воровскихъ и мошенническихъ шаекъ.

Ссылка на житье не только не „препятствуетъ возгнѣздиться преступленіямъ", какъ выразилась Екатерина въ своемъ знаменитомъ наказѣ (гл. VI, ст. 61), но прямо плодитъ злоумышленниковъ, враговъ общественнаго порядка и спокойствія: она не заключаетъ въ себѣ ровно ничего дисциплинирующаго или исправляющаго, хотя и отнесена къ разряду наказаній *исправительныхъ* (ст. 30 улож.). Озлобленный или угнетенный ограниченіемъ правъ, судебнымъ позоромъ и въ конецъ развращенный острожнымъ обществомъ и острожною лѣнью, привилегированный преступникъ не станетъ, разумѣется, на свободѣ стремиться къ честному заработку и еще менѣе, чѣмъ прежде, будетъ гнушаться предосудительныхъ способовъ къ легкой наживѣ. Попадающіе въ дальніе уѣзды подъ надзоръ полиціи бывшіе арестанты изъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, оторванные отъ своихъ хозяйствъ или мастерскихъ, въ глуши, гдѣ зачастую нѣтъ спроса на ихъ трудъ со стороны частныхъ лицъ, а правительство считаетъ себя не въ правѣ употреблять ихъ въ казенныя или общественныя работы,— такіе люди, на свободѣ, въ рѣдкихъ только случаяхъ не погрязнутъ окончательно въ преступныхъ замыслахъ или не будутъ поставлены въ необходимость питаться милостыней.

Возставать противъ замѣны ссылки на житье тюремнымъ заключеніемъ съ принудительными работами возможно развѣ только по недоразумѣнію и при весьма слабомъ знакомствѣ съ нашимъ уголовнымъ законодательствомъ. По уложенію, каждый ссылаемый на житье въ сибирскія или другія отдаленныя губерніи выдерживаетъ тюремное заключеніе предварительно жительства на свободѣ подъ надзоромъ полиціи, слѣдовательно, вопросъ состоитъ, въ сущности, не въ замѣнѣ ссылки тюрьмою, а въ томъ, чтобы тюремнымъ заключеніемъ исчерпывалось присуждаемое наказаніе и чтобы тюрьма дисциплинировала, по возможности исправляла заключеннаго, подготовляя его къ трудовой жизни, а не развращала еще болѣе острожною праздностью. По за-

кону (ст. 47 улож.), сосланные съ потерею всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ имъ, правъ и преимуществъ, на житье въ Сибирь или другія отдаленныя губерніи, обязаны по освобожденіи ихъ изъ временнаго заключенія, избрать себѣ родъ жизни на мѣстѣ водворенія своего, записываясь, съ дозволенія начальства, въ мѣщанское или другое податное состояніе. Преступникъ изъ бѣлоручекъ долженъ стать рабочимъ человѣкомъ, долженъ избрать себѣ „родъ жизни", т. е. родъ занятій, поступая или въ ремесленники или въ земледѣльцы. Понятно, что не только ради общественной безопасности и спокойствія, но и для блага самого же полезшаго наказаніе необходимо, прежде чѣмъ онъ будетъ выпущенъ на свободу, научить и пріучить его работать, другими словами—надѣлить его способностью честнымъ трудомъ пріобрѣтать себѣ средства къ существованію въ новомъ его состояніи. Кромѣ того, работа въ тюрьмѣ оказываетъ на заключеннаго безусловно дисциплинирующее вліяніе, способствуетъ его внутреннему перерожденію къ лучшему и укрѣпляетъ его физическія силы. Физическій трудъ въ наше время уже не считается позорнымъ ни для кого, а потому рѣшительно можетъ и долженъ быть введенъ въ систему перевоспитанія.

Говорятъ, что устройство тюремъ съ мастерскими дорого стоитъ и не подъ силу нашему государственному казначейству въ настоящее время. Такое мнѣніе едва-ли основательно. Рабочія тюрьмы не должны быть промышленными дворцами съ электрическимъ освѣщеніемъ, обширными залами въ два свѣта и тому подобными затѣями, а капиталъ для устройства при тюрьмахъ обыкновенныхъ мастерскихъ, т. е. какой-нибудь десятокъ милліоновъ, можетъ быть всегда позаимствованъ правительствомъ у себя дома. Мы думаемъ даже, что рабочія тюрьмы никогда и не должны строиться на бюджетныя средства, если нѣтъ свободныхъ остатковъ, изъ доходовъ государства должны быть покрываемы только проценты на строительный капиталъ и его погашеніе; преступники же должны быть поставлены въ такое положеніе, чтобы размѣръ ихъ заработка, во время исполненія надъ ними наказанія, покрывалъ ихъ содержаніе, такъ чтобы общество хотя въ нѣкоторой степени было освобождаемо отъ тягости, которая налагается на него преступленіями. Послѣдняя мысль настойчиво проводилась на международномъ тюремномъ конгрессѣ 1871 г. въ Цинциннати и была

единодушно принята. Тѣмъ же конгрессомъ формулировано слѣдующее положеніе:

„Трудъ не помогаетъ добродѣтели, если онъ не есть средство къ существованію. Трудъ постоянный, дѣятельный, честный есть основа всѣхъ исправительныхъ мѣръ: не споспѣшествуетъ исправленію, а есть существенная его часть. На сто заключенныхъ восемьдесятъ не знаютъ никакого ремесла. Поэтому нужно ихъ чему-нибудь научить. Научить заключеннаго ремеслу значитъ освободить его отъ нужды, значитъ сдѣлать его господиномъ великаго искусства помогать самому себѣ. И какъ только онъ не пріобрѣтетъ, во время заключенія, знанія ремеслъ и привычки къ труду, т. е. власти и воли жить честно, то и является десять шансовъ противъ одного, что рано или поздно онъ откажется отъ самообладанія и вернется къ преступленію".

По газетнымъ извѣстіямъ, международная лондонская конференція, обсуждавшая вопросъ объ отмѣнѣ премій на вывозной сахаръ, окончила свои занятія. Всѣ государства, принимавшія участіе въ конференціи, за исключеніемъ Бельгіи, одобрили систему обложенія акцизомъ готоваго фабриката и высказались за полную отмѣну какихъ бы то ни было вывозныхъ премій. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій палаты общинъ первый лордъ казначейства, г. Смидтъ, заявилъ, что заключительный протоколъ конференціи подписанъ, и державамъ разосланъ проектъ конвенціи, которая имѣетъ быть подписана въ Лондонѣ не позже 16 августа. Такимъ образомъ, для нашей отпускной торговли сахаромъ наступаетъ новая эра: торговля эта лишается пособій за счетъ государственнаго казначейства и въ то же время на европейскихъ рынкахъ ограждается международнымъ договоромъ отъ соперничества не иностранныхъ производителей, а правительствъ, которыя щедрыми вывозными преміями поощряли чрезмѣрное развитіе свеклосахарнаго производства въ ихъ государствахъ и тѣмъ самымъ произвели во всей Европѣ кризисъ въ этой важной отрасли сельскаго хозяйства.

За послѣдніе два года вывезено сахара рафинада изъ европейскихъ государствъ:

	Франціи.	Голландіи.	Бельгіи.	Германіи.	Австро-Венгріи.	Россіи.	
	тоннъ.						
Въ 1886 г.	97.100	73.334	10 394	116.288	139.705	51.984	по европ.
„ 1887 „	91 936	86 759	16.721	172.195	167.228	57.779	границѣ.

Всего вывезено: въ 1886 году 488.805 тоннъ, а въ 1887 уже 592.618 тоннъ, тогда какъ 10 лѣтъ тому назадъ общій вывозъ рафинада изъ означенныхъ государствъ не достигалъ и 350.000 тоннъ. Сильно упалъ отпускъ Франціи, изъ которой десять лѣтъ тому назадъ, въ 1878 году, вывезено рафинада 166.624 тонны. На счетъ Франціи развился отпускъ Австро-Венгріи, которой удалось вытѣснить французскій сахаръ съ левантійскихъ рынковъ и Балканскаго полуострова. Съ 1878 года отпускъ Австро-Венгріи постоянно увеличивался, не смотря на высокіе тарифы и усиливавшуюся конкурренцію другихъ странъ; но въ 1887 году Австро-Венгрію опередила Германія, на долю которой въ 1878 году приходилось только 8% общаго вывоза, а въ 1887 году около 30%. Всю эту перетасовку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и замѣшательство въ сахарной торговлѣ, разразившееся кризисомъ въ свеклосахарной промышленности, произвели вывозныя преміи.

Еще въ 1880 году въ Англіи проявилось сильное движеніе противъ премій, допускаемыхъ при вывозѣ сахара, и англійское правительство, по предложенію спеціальной коммиссіи въ палатѣ общинъ, сочло своевременнымъ пригласить правительство странъ, заинтересованныхъ въ вопросѣ о преміяхъ, къ участію въ международной конференціи, главною цѣлью которой предполагалось согласованіе дѣйствующихъ законодательствъ по сахарной части, чтобы избѣжать или по меньшей мѣрѣ понизить до крайнихъ предѣловъ преміи на вывозимый сахаръ. Конференція не состоялась, однако, такъ какъ англійское предложеніе не было встрѣчено сочувственно нѣкоторыми государствами. Потерпѣла неудачу и попытка бельгійскаго правительства созвать конференцію въ 1884 году. Но когда повсемѣстно наступилъ сахарный кризисъ и маркизъ Салисбёри, циркулярною депешею отъ 2 іюля 1887 г. къ представителямъ королевы при иностранныхъ дворахъ, возобновилъ сдѣланное семь лѣтъ тому назадъ предложеніе, то оно было охотно принято правительствами: Россіи, Германіи, Австро-Венгріи, Нидерландовъ, Бельгіи, Италіи, Испаніи, Швеціи и Норвегіи, Даніи и Бразиліи.

Первое засѣданіе конференціи состоялось 12 (24) ноября. Представителемъ Россіи былъ дѣйств. ст. сов. Каменскій, агентъ министерства финансовъ въ Лондонѣ. Онъ объяснилъ дѣйствующую у насъ систему обложенія сахара акцизомъ, т. е. взиманіе налога съ готоваго продукта, равно какъ и правила по надзору за свеклосахарнымъ производствомъ.

Нашъ фискальный порядокъ признанъ неподлежащимъ никакому измѣненію и представляющимъ наиболѣе гарантіи тому, что при сложеніи акциза съ отпускаемаго заграницу сахара никакая скрытая премія выдаваема не будетъ. У насъ выдается только прямая премія за сахаръ, вывозимый по азіятской границѣ, которая имѣетъ остаться въ силѣ до 1891 года. Прямую противоположность съ нынѣшнею системою представляетъ бельгійская система взиманія акциза, называемая „prise en charge“ и въ принципѣ сходная съ прежде дѣйствовавшею у насъ. Она основана на нормальномъ исчисленіи выхода сахара въ 1½ килограмма изъ одного гектолитра свекловичнаго сока. При помощи контрольныхъ аппаратовъ исчисляется полученный на заводѣ сокъ и заводчикъ платитъ пошлину по числу гектолитровъ сока. Это и называется „prise en charge“. На самомъ же дѣлѣ количество сахара, полученнаго изъ гектолитра сока, значительно превышаетъ 1½ килограмма. Разность между дѣйствительнымъ выходомъ и законнымъ (excédent) остается, слѣдовательно, безъ обложенія, и такъ какъ при вывозѣ сахара заграницу заводчику возвращается пошлина въ размѣрѣ 45 фр. на каждые 100 килогр., то правительство, въ сущности, выдаетъ ему премію.

Въ проектѣ конвенціи существенны первые ея два параграфа:

„§ 1. Высокія договаривающіяся стороны обязуются принять или предложить своему законодательному учрежденію такія мѣры, которыя представятъ полное и безусловное ручательство въ томъ, что не будетъ допускаемо при вывозѣ сахара никакой преміи, явной или скрытой“.

„§ 2. Высокія договаривающіяся стороны обязуются принять или предложить своему законодательному учрежденію систему взиманія налога съ количествъ выдѣланнаго и предназначеннаго для внутренняго потребленія сахара, какъ единственную, которая доставила бы возможность достичь уничтоженія помянутыхъ премій, и подчинить этому же роду обложенія заводы, выдѣлывающіе глюкозу и приспособленные для извлеченія сахара изъ патоки“.

Въ засѣданіи конференціи 11 мая делегатомъ англійскаго правительства было заявлено, что въ отношеніи государствъ, которыя до 16 августа не примкнутъ къ конвенціи, будутъ постановлены особыя рѣшенія, въ силу которыхъ они изъемлются отъ имѣющихъ установиться общихъ правилъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что для нашихъ сахарозаводчиковъ очень важно регулированіе международной торговли сахаромъ.

суда, непремѣннаго члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, чиновъ министерства государственныхъ имуществъ и удѣльнаго вѣдомства, предсѣдателя губернской земской управы и выборныхъ отъ земства мѣстныхъ лѣсовладѣльцевъ. Право заявлять комитетамъ о необходимости признанія лѣсныхъ площадей защитными предоставляется исключительно губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ управамъ и управленіямъ вѣдомствъ путей сообщенія, удѣльнаго и государственныхъ имуществъ. Кому бы ни принадлежала лѣсная дача, признанная защитною, обращеніе ея почвы въ другой видъ угодій воспрещается и до утвержденія плана хозяйства вовсе не допускается рубка растущаго на ней лѣса. Ограничивая право пользованія владѣльцевъ защитныхъ лѣсныхъ дачъ, законъ вознаграждаетъ ихъ за это освобожденіемъ такихъ дачъ отъ государственныхъ и земскихъ поземельныхъ сборовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда для сбереженія защитныхъ лѣсовъ признаны будутъ необходимыми хозяйственныя мѣры, соединенныя съ денежными расходами, и владѣльцы (за исключеніемъ казны и удѣльнаго вѣдомства, обязанныхъ выполнить требуемое) не согласятся принять эти расходы на свой счетъ, министерство государственныхъ имуществъ имѣетъ право пріобрѣсти лѣса въ казну, по оцѣнкѣ, производимой на основаніи правилъ о вознагражденіи за имущества, отчуждаемыя изъ частнаго владѣнія, по распоряженію правительства; но за владѣльцами означенныхъ лѣсовъ въ теченіи десяти лѣтъ сохраняется право выкупить ихъ обратно, уплативъ сумму, равную той, за которую они были пріобрѣтены казною, съ добавленіемъ къ ней стоимости произведенныхъ въ лѣсу работъ и роста по 6% въ годъ на обѣ суммы.

Для общенародной и общегосударственной пользы существенную важность имѣютъ, разумѣется, тѣ статьи новаго закона, которыя имѣютъ цѣлью сбереженіе защитныхъ лѣсовъ. Онѣ изложены нами въ общихъ и главныхъ чертахъ, по характеру которыхъ легко судить о принятой министерствомъ государственныхъ имуществъ системѣ дѣйствій. Оно стремится водворить порядокъ въ лѣсномъ хозяйствѣ не страхомъ карательныхъ мѣръ—за незаконныя порубки и расчистку лѣсныхъ площадей даже въ защитныхъ лѣсахъ назначены весьма умѣренныя денежныя взысканія,—не самовластіемъ административныхъ органовъ, а облегченіемъ лѣсовладѣльцамъ выхода изъ затруднительнаго положенія. Если крестьянскія или станичныя общества не въ состояніи или несогласны произвести необходимыя работы въ своихъ

лѣсныхъ дачахъ, признанныхъ защитными, то такія дачи обмѣниваются на свободные казенные или войсковые лѣса, или же указанныя работы выполняются на спеціальныя средства лѣснаго вѣдомства, а за недостаткомъ послѣднихъ—на счетъ государственнаго казначейства или войсковаго капитала по принадлежности. Даже когда производится опустошительная вырубка, то постановленію лѣсоохранительнаго комитета о ея прекращеніи должно предшествовать изслѣдованіе чинами казеннаго лѣснаго управленія всѣхъ относящихся къ дѣлу обстоятельствъ на самомъ мѣстѣ нахожденія лѣса и о времени самаго изслѣдованія лѣсовладѣлецъ извѣщается по крайней мѣрѣ за семь дней впередъ. На составленный протоколъ лѣсовладѣлецъ имѣетъ право подать отзывъ въ теченіи 30 дней, и только по прошествіи этого срока, съ присоединеніемъ къ нему срока поверстнаго, лѣсоохранительный комитетъ приступаетъ къ рѣшенію дѣла, извѣщая владѣльца о времени слушанія онаго. Можно подумать, что покуда будутъ совершаться всѣ эти обрядности, то въ лѣсу не останется ни одного пня, но нельзя упрекнуть новый законъ въ недостаткѣ осмотрительности или въ поблажкѣ административному самовластію...

Ясно видно стремленіе споспѣшествовать благоустройству лѣснаго хозяйства не строгостью охранныхъ мѣръ, а поощреніемъ добрыхъ хозяевъ и академическими услугами чиновъ лѣснаго вѣдомства. Наравнѣ съ лѣсами, признанными защитными, освобождаются отъ государственныхъ и земскихъ поземельныхъ сборовъ лѣсныя площади, занятыя искусственно разведенными лѣсонасажденіями, но не навсегда, а въ теченіи тридцати лѣтъ и если, притомъ, взамѣнъ этихъ площадей не были произведены расчистки. Лѣсной департаментъ избираетъ изъ числа состоящихъ при управленіяхъ государственными имуществами лѣсныхъ ревизоровъ наиболѣе опытныхъ лицъ, которымъ, съ цѣлью техническаго воспособленія частному лѣсному хозяйству, поручаетъ, по приглашеніямъ лѣсовладѣльцевъ, осматривать принадлежащія послѣднимъ лѣсныя дачи, давать совѣты по лѣсному хозяйству, а также руководить разнаго рода лѣсными по этимъ дачамъ работами, въ порядкѣ, указанномъ особыми инструкціями, которыя утверждаются министромъ государственныхъ имуществъ и публикуются во всеобщее свѣдѣніе. Надо полагать, что академическіе труды лѣсныхъ ревизоровъ, въ виду большаго разнообразія произрастающихъ въ Европейской Россіи, со включеніемъ Кавказа, лѣсныхъ породъ и климатическихъ и почвенныхъ условій, примутъ

обширные размѣры. Даже награды, предназначенныя къ выдачѣ лѣснымъ сторожамъ въ частныхъ лѣсахъ и въ крестьянскихъ лѣсныхъ надѣлахъ, носятъ на себѣ нѣкоторый академическій отпечатокъ: сторожа эти, за усердную и долговременную службу, равно какъ за особыя услуги по лѣсной части, удостоиваются министерствомъ государственныхъ имуществъ *похвальныхъ листовъ* и медалей; но имъ могутъ быть выдаваемы и денежныя награды изъ спеціальныхъ средствъ лѣснаго вѣдомства.

Дѣйствіе новаго лѣснаго закона, по отношенію къ лѣсамъ защитнымъ, распространяется на всю Европейскую Россію, но, по отношенію къ другимъ правиламъ его, покуда допущены изъятія для разнаго рода владѣнія лѣсными пространствами и для различныхъ мѣстностей, довольно многочисленныхъ и обширныхъ. Впрочемъ, министру государственныхъ имуществъ Высочайшимъ повелѣніемъ предоставлено отмѣнять эти изъятія повсемѣстно по собственному усмотрѣнію и только относительно земель казачьихъ войскъ входить съ представленіями въ комитетъ министровъ.

15-го мая, въ день священнаго коронованія Ихъ Величествъ, открыто движеніе на послѣднемъ участкѣ Закаспійской желѣзной дороги, отъ Чарджуя до Самарканда. Законченная покуда у гробницы Тамерлана, у входа въ роскошно одаренныя природными богатствами русскія владѣнія, дорога эта протяженіемъ въ 1350 верстъ уже теперь представляетъ собою величественный памятникъ побѣды знанія и энергіи надъ песчаною пустынею, считавшеюся наиболѣе непроходимою даже у мѣстныхъ кочевниковъ. Тамъ, гдѣ во времена господства татарской орды отъ песчаныхъ заносовъ гибли не только караваны, но и цѣлые культурные города и области, тамъ пролегаетъ теперь безопасный рельсовый путь, соединяющій между собою раскинутые оазисы, выводящій ихъ населеніе изъ замкнутаго круга жизни и пробуждающій его къ новой и плодотворной гражданской дѣятельности. Цивилизующее и промышленное значеніе для нашихъ средне-азіятскихъ владѣній этого пути несомнѣнно. Лучшимъ тому доказательствомъ служатъ: участіе самихъ туземцевъ въ трудахъ по его сооруженію, предпринятыя въ широкихъ размѣрахъ оросительныя работы и усилившееся разведеніе хлопка въ Бухарѣ и Туркестанѣ.

Генералу Анненкову безспорно принадлежитъ честь и слава изобрѣтателя способа сооруженія рельсоваго пути

наиболѣе пригоднаго для песчаныхъ степей. Мы не станемъ высчитывать поверстную стоимость новоявленной дороги съ ненадлежащими профилями, безъ необходимаго балласта, безъ станціонныхъ сооруженій для пріюта пассажировъ и склада товаровъ, даже безъ полотна, въ строгомъ смыслѣ слова, на большей части ея протяженія. Обошлась ли каждая верста Закаспійской дороги, не считая рельсовъ и подвижнаго состава, въ 17, 18 или 23 тысячи (считаютъ различно) и во что еще обойдется—это, на нашъ взглядъ, не имѣетъ значенія; дѣло не въ томъ, что дорога стóитъ дорого или дешево, а въ томъ, что сооруженіе ея въ безлюдной и безплодной степи, куда всякій матеріалъ надо было возить за тысячи верстъ изъ Россіи, оказалось возможнымъ; что она существуетъ; чтò движеніе по ней производится и будетъ производиться, такъ какъ подвижные пески не составляютъ серьезнаго препятствія, чтò уже доказано. Но у нѣкоторыхъ русскихъ и не-русскихъ людей съ представленіемъ о Закаспійской желѣзной дорогѣ слишкомъ разыгрывается воображеніе; съ нею связываютъ они политическіе замыслы и планы, имѣющіе міровое значеніе, и вотъ на этихъ-то мечтахъ стоитъ остановиться, по нашему мнѣнію.

За нѣсколько дней передъ открытіемъ Самаркандскаго участка, въ Петербургѣ вышла брошюра, озаглавленная „Закаспійская желѣзная дорога, ея значеніе и будущность". Авторъ мечтаетъ о соединеніи Закаспійской дороги съ индійскими рельсовыми путями. По его мнѣнію, Россія должна употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы преобразовать эту дорогу въ *центрально-азіятскую* и довести ее до соединенія съ остъ-индскими желѣзно-дорожными линіями. Онъ совѣтуетъ не медлить, потому-де, что Англія поспѣшитъ предупредить Россію: англичане уже теперь озабочены постройкою желѣзной дороги отъ Измида, чрезъ Малую Азію, въ Діарбекиръ, а оттуда въ Персію и далѣе, чрезъ Белуджистанъ, въ Индію. Англія не отступаетъ даже предъ постройкою колоссальнаго моста чрезъ Босфоръ (мостъ этотъ, по проекту инженера Реблинга, обошелся бы въ 22½ милліона марокъ), ни предъ тѣми препятствіями, которыя неизбѣжны при проложеніи желѣзной дороги чрезъ горный хребетъ Тавръ и безводныя степи Ирана. Если же Россія будетъ бездѣйствовать и проектъ малоазійской желѣзной дороги осуществится, то Англія будетъ тогда энергически противиться всякому соединенію своей остъ-индской желѣзной дороги съ русскою желѣзно-дорожною линіею. Самое справедливое и удобное для обѣихъ сторонъ разрѣшеніе вопроса, по мнѣнію автора брошю-

ра, сводится къ тому, чтобы Россія достроила свою Закаспійскую дорогу до Герата, а Англія тоже до Герата продолжила свою индійскую дорогу изъ Сиби, чрезъ Кандагаръ. Такимъ образомъ образуется почтовый идно-европейскій транзитъ via Парижъ — Варшава—Москва — Баку — Каспійское море— Узунъ-Ада—Серахсъ—Гератъ — Кандагаръ — Кветта — Шикарпуръ,—путь, будто бы, „кратчайшій и наиболѣе практичный". Изъ Парижа, по этому пути, можно было бы прибыть въ Шикарпуръ на *одиннадцатыя сутки*.

Вопросъ о сухопутномъ англо-индійскомъ транзитѣ чрезъ Россію несомнѣнно имѣетъ громадное, и не одно только политическое, значеніе и для Россіи, и для Англіи; но мы не думаемъ, чтобы онъ могъ разрѣшиться, сколько-нибудь удовлетворительно для насъ русскихъ, предлагаемымъ авторомъ брошюры способомъ.

Доведя свою дорогу только до Герата даже по соглашенію съ Англіей и при обязательствѣ послѣдней достроить до этого же пункта индійскую Шикарпуро-Кветтскую линію, Россія ничѣмъ не можетъ быть гарантирована, что съ теченіемъ времени и даже, быть можетъ, весьма скоро Англія не осуществитъ проекта *непрерывнаго* рельсоваго транзитнаго пути въ Индію отъ Кале, чрезъ Босфоръ, Малую Азію и Персію, такъ какъ этотъ путь изъ Европы въ Индію былъ бы и много „короче" и много „практичнѣе" кружнаго пути на Москву, Баку и далѣе, съ переправою черезъ море, по Закаспійской желѣзной дорогѣ. Выгоды сухопутнаго европейско-индійскаго транзита, просто какъ промышленнаго предпріятія, слишкомъ велики, чтобы тутъ можно было останавливаться передъ вопросомъ о стоимости его сооруженія. Линія же отъ границъ Индіи до Герата всегда сослужила бы Англіи (а не Россіи) политическую службу и была бы выгодна для англичанъ уже тѣмъ, что, съ одной стороны, владѣя транзитомъ чрезъ Персію по Константинопольскому пути и съ другой—стоя у самаго входа въ русскія среднеазіатскія владѣнія у Герата, они навсегда остановили бы не только политическое, но и торгово-промышленное поступательное движеніе Россіи по направленію къ открытому океану. Не въ Гератѣ ключъ къ осуществленію мысли Петра Великаго, на которую ссылается брошюра. Россіи нужны не новыя земли и не сокровища Индіи—ей нуженъ океанъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Послѣдствія посѣщенія Берлина королевой Викторіей.—Англія готовится къ активной политикѣ на Востокѣ.—Усиленіе англійскаго вліянія въ Константинополѣ.—Князь Бисмаркъ бесѣдуетъ со „знатными иностранцами“. Русскій панславизмъ и австро-нѣмецкіе драконы.—Сущность австрійской политики.—Истинное значеніе „болгарскаго вопроса“.– Уничтоженіе рабства въ Бразиліи.

Мы заключили наше послѣднее „обозрѣніе“ извѣстіемъ о прибытіи въ Берлинъ королевы Викторіи. Въ то время, когда престарѣлая Императрица Индіи среди безмолвствующей толпы нѣмцевъ, населяющихъ столицу Германской Имперіи, прогуливалась по ея улицамъ—англійскія газеты выбивались изъ силъ для того, чтобы доказать, что посѣщеніе королевою семьи Шарлоттенбурскаго страдальца, является событіемъ міровой политической важности и должно, чуть ли не вверхъ дномъ, перевернуть всю современную политику европейскаго материка. Имъ дружно вторили продажные органы австро-мадьярской печати, очень серьезно увѣрявшей, что это свиданіе должно положить предѣлъ „руссофильству“ (?) политики князя Бисмарка. Само собою разумѣется, что еврейскіе публицисты вѣнскихъ и пештскихъ оффиціозовъ усматривали это руссофильство въ той относительной умѣренности, которую большинство органовъ германской оффиціозной печати стало проявлять по отношенію къ Россіи со времени воцаренія Императора Фридриха II. Этимъ упрекомъ австрійскіе политическіе кружки считали долгомъ мстить германскому канцлеру за поддержку, оказанную имъ русскимъ требованіямъ въ Константинополѣ по вопросу объ удаленіи изъ Болгаріи Фердинанда Кобургскаго.

Завѣщаніе отходившаго въ вѣчность Императора Виль-

гельма, давно извѣстное миролюбіе его прямаго наслѣдника, затѣмъ слова манифеста новаго Императора и, наконецъ, видимо примирительный образъ дѣйствій самого канцлера въ болгарскомъ вопросѣ, все это вмѣстѣ взятое давало полное право надѣяться, что ни посѣщеніе индійской Императрицей Берлина, ни заигрыванья лондонской печати, ни австро-мадьярскія науськиванья не будутъ въ состояніи повліять на дальнѣйшій ходъ германской политики. Послѣдовавшее вскорѣ за тѣмъ временное удаленіе германскаго канцлера въ свои Варцинскія помѣстья заставляло предполагать, что Германія рѣшилась на нѣкоторое время воздержаться отъ активнаго вмѣшательства въ вопросы международной политики.

Оказалось, что такія надежды и предположенія были совершенно неосновательны. По крайней мѣрѣ такъ можно заключить въ виду той совершенно неожиданной метаморфозы, которая совершилась нѣсколько недѣль тому назадъ въ германской ультра-оффиціозной печати!.. Мы давно уже привыкли ничему не удивляться со стороны пенсіонеровъ бисмарковскаго „Reptilienfond'a". Для этихъ почтенныхъ публицистовъ никогда не было, нѣтъ, да вѣроятно и не будетъ никакихъ границъ, поставляемыхъ обыкновеннымъ смертнымъ условіями честности, порядочности и справедливости или самыми обыденными рамками самаго неприхотливаго приличія. Въ отношеніи Россіи они никогда и ничѣмъ не стѣснялись и церемониться сколько-нибудь съ нею не считали за нужное. Но едва-ли когда-нибудь эта безцеремонность достигала такихъ невѣроятныхъ предѣловъ, какихъ достигла она и, достигла, надо замѣтить, совершенно неожиданно и безъ всякой видимой причины, въ настоящую минуту. Починъ въ этомъ благомъ дѣлѣ и на сей разъ, какъ и во всѣхъ предъидущихъ случаяхъ проявленія крайняго руссофобства, взяли на себя высокооффиціозные—прирейнскій лейбъ-органъ Бисмарка „Kölniche Zeitung" и берлинскій „Post". Обѣ названныя газеты, Богъ знаетъ почему и на основаніи какихъ источниковъ, совершенно неожиданно пришли къ заключенію, что русскій „панславизмъ" снова торжествуетъ и что есть признаки, ясно указывающіе на то, что вліяніе „панславистовъ" и ихъ намѣренія снова стали приниматься весьма сочувственно въ высшихъ правительственныхъ сферахъ Россіи. Это сенсаціонное свѣдѣніе появилось въ послѣднихъ числахъ апрѣля. Германское правительство предостерегалось отъ излишней довѣрчивости къ своему сѣверному сосѣду и приглашалось, вмѣсто содѣй-

[illegible] интересамъ въ Болгаріи, позаботиться лу-[illegible] „безопасности“. Въ отвѣтъ на эти запу-[illegible]оффиціозы болѣе умѣреннаго оттѣнка, какъ всегда [illegible] въ подобныхъ случаяхъ, стали оппонировать за-[illegible]щикамъ руссофобскаго лагеря, ссылаясь на авторитетъ самого канцлера и на его разговоръ съ какими-то двумя знатными иностранцами“. „Фоссова газета“, которая на столько же благоволитъ къ канцлеру, какъ и къ Россіи, замѣтила по этому поводу, что по международнымъ вопросамъ нерѣдко вслѣдъ за нападками со стороны оффиціозной печати пускаются въ ходъ частныя сообщенія отъ лица князя Бисмарка, долженствующія служить предостереженіемъ на случай преувеличенія значенія этихъ нападокъ и возбужденія ими чрезмѣрной тревоги. Это можно было наблюдать всякій разъ, какъ чернильная война обострялась и заставляла опасаться воинственныхъ усложненій. И выдвинутыя теперь по поводу русскихъ дѣятелей оффиціозныя газетныя орудія врядъ ли заряжены такими боевыми патронами, какъ это можетъ казаться. По полученному по телеграфу, съ ручательствомъ за достовѣрность, извлеченію изъ сообщенія, посланнаго изъ Берлина въ одну франкфуртскую газету, князь Бисмаркъ принималъ на дняхъ двухъ знатныхъ иностранцевъ и высказался имъ съ большою откровенностью о современномъ положеніи. Въ ближайшемъ будущемъ онъ никакого нарушенія мира не опасается. Относительно намѣреній русскаго правительства онъ теперь совершенно спокоенъ. Какое положеніе предоставляется отдѣльнымъ вождямъ панславизма въ оффиціальной Россіи—это безразлично, такъ какъ оказывать вліяніе на иностранную политику русское правительство этимъ лицамъ не позволитъ. Относительно восточныхъ дѣлъ князь Бисмаркъ выразилъ убѣжденіе, что „австрійскіе государственные люди никакого нервнаго раздраженія не проявятъ, если на Востокѣ что-либо выйдетъ изъ обычной колеи. „*Относительно занятія Константинополя Англіи всегда будетъ предоставленъ первый шагъ*“.

Такой „обмѣнъ мыслей“ между берлинскими пресмыкающимися различныхъ мастей, происшедшій совершенно неожиданно среди самаго мирнаго, повидимому, настроенія не только русской (которая всегда и была таковою), но и нѣмецкой политики, очень прозрачный намекъ на предпочтеніе англійскихъ интересовъ интресамъ Россіи явно указывали на то, что дѣйствительно берлинскій визитъ королевы Викторіи и бесѣда ея съ германскимъ канцлеромъ не про-

шли безъ слѣда... Приведенная выходка состоящей на содержаніи Бисмарка нѣмецкой печати послужила сигналомъ къ всеобщей чернильной кампаніи противъ Россіи, кампаніи, которая въ настоящую минуту дошла до геркулесовыхъ столбовъ.

Ниже мы отмѣтимъ новѣйшіе подвиги руссофобствующихъ оффиціозовъ Бисмарка. Прежде слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что пробный шаръ, пущенный „Кёльнской газетой", послужилъ сигналомъ не только для Вѣны, но и для Лондона. Еврейскіе публицисты, подвизающіеся въ австро-мадьярской столицѣ, тотчасъ же заговорили о возможности тѣснаго сближенія Англіи съ Австро-Венгріей. Въ Лондонѣ стали обсуждать „необходимость активнаго образа дѣйствій на Востокѣ". „Активная роль", которую Англія якобы намѣревается принять на себя въ восточной политикѣ, заслуживаетъ того, чтобы о ней сказать нѣсколько словъ. Что́ именно собирается дѣлать Англія—неизвѣстно, и мы, разумѣется, не считаемъ возможнымъ обращать какое бы тамъ ни было вниманіе на статьи мадьярскихъ газетъ, питающихъ надежду видѣть въ Англіи орудіе для сокрушенія Россіи. Мы лишь можемъ сопоставить только-что изложенное извѣстіе о таинственномъ собесѣдованіи Бисмарка со „знатными иностранцами" съ извѣстіями, приходящими въ послѣднее время изъ Константинополя. Еще очень недавно изъ весьма достовѣрныхъ источниковъ къ намъ доходили извѣстія о крайне шаткомъ положеніи великаго визиря Кіамиля-паши, стариннаго англофила, пользующагося постоянною поддержкой представителей Великобританіи. По слухамъ, которые не опровергались даже и вѣнскими и лондонскими газетами, султанъ былъ крайне недоволенъ Кіамилемъ и ему угрожало изгнаніе. Въ преемники попавшаго въ опалу визиря молва прочила турецкаго посла при Петербургскомъ Кабинетѣ, Шакира-пашу, давно уже пользующагося самыми искренними симпатіями въ петербургскомъ обществѣ и милостивымъ вниманіемъ русскаго Двора. Въ то же время было слышно, что англійскій посолъ въ Константинополѣ за послѣднее время встрѣчалъ самый холодный пріемъ въ Ильдизъ-Кіоскѣ. Теперь, все измѣнилось: пресловутый сэръ Вильямъ Уайтъ такъ хорошо умѣлъ повести дѣло, что не только Кіамиль-паша усидѣлъ на своемъ мѣстѣ, но и самъ Уайтъ вдругъ сдѣлался persona grata при Дворѣ падишаха. Нѣсколько времени тому назадъ султанъ самъ послалъ за Уайтомъ и бесѣдовалъ съ нимъ около двухъ часовъ. Телеграфъ,

который не замедлилъ разнести по всей Европѣ извѣстіе объ этой аудіенціи, конечно, ради скромности прибавляетъ, что во время бесѣды повелителя правовѣрныхъ съ представителемъ ея британско-индійскаго величества о политикѣ ничего не говорилось, но все-таки довольно трудно предположить, чтобы Абдулъ-Гамидъ бесѣдовалъ съ сэромъ Уайтомъ о погодѣ или о послѣднемъ представленіи итальянской оперы. Во всякомъ случаѣ, это свиданіе и бесѣда указываютъ на то, что отношенія султана къ Англіи измѣнились къ лучшему. Поводомъ къ такой перемѣнѣ выставляютъ въ свѣдущихъ политическихъ кружкахъ опасенія относительно Россіи, которыя умѣлъ возбудить въ душѣ султана Уайтъ, при помощи представителя Австро-Венгріи и, какъ прибавляютъ, не безъ содѣйствія представителя интересовъ Германіи. Въ правящихъ сферахъ Оттоманской имперіи порѣшили снова всецѣло отдаться руководительству Англіи, которая одна только и можетъ, якобы, спасти Турцію въ томъ случаѣ, если Россія, пользуясь возможностью новаго столкновенія между Германіей и Франціей, рѣшилась бы напасть на Константинополь. Вовсе не нужно обладать большой политической прозорливостью для того, чтобы угадать, кто и для чего позаботился внушить эти фантастическіе страхи турецкому правительству, но нельзя не удивляться, что горькій опытъ до сихъ поръ еще не научилъ падишаха познанію истиннаго значенія англійскихъ совѣтовъ и дружбы. Много разъ въ продолженіе хотя бы одного текущаго столѣтія Турціи пришлось на своей спинѣ испытать, что такое значитъ англійская дружба! Сколько разъ, подводя Турцію подъ удары Россіи, Англія пользовалась побѣдами великодушнаго соперника Турціи для того, чтобы обобрать своего друга и protegé. Но турецкіе правители и ихъ совѣтники обладаютъ неизмѣнной привычкой не почерпать никакого назиданія изъ уроковъ исторіи и забывать эти уроки.

Хотя мы далеки отъ того, чтобы вѣрить вѣнскому оффиціозному листку („Politische Correspondenz“) вполнѣ, но его откровенія пріобрѣтаютъ нѣкоторую цѣнность, если ихъ сопоставить съ необъяснимымъ задоромъ мадьярскихъ газетъ и довольно достовѣрными извѣстіями о вооруженіяхъ, предпринимаемыхъ въ широкихъ размѣрахъ, и ужъ, конечно, не на свой счетъ, Турціей. Въ теченіи послѣдняго мѣсяца телеграфъ очень часто сообщалъ намъ о новыхъ фортификаціонныхъ работахъ, предпринимаемыхъ турецкимъ правительствомъ. Укрѣпленія Адріанополя дополняются но-

выми линіями верковъ. Доступъ къ Константинополю со стороны суши имѣется въ виду сдѣлать невозможнымъ при помощи обширнаго укрѣпленнаго лагеря, уже давно построеннаго вчернѣ вокругъ Чаталджи. Лагерь этотъ существуетъ уже давно, но онъ, какъ и большинство турецкихъ фортификаціонныхъ работъ, находится въ забросѣ и запущеніи. Его предположено расширить и также дополнить новыми верками. Около Эрзерума отчасти выстроены, отчасти строятся новые форты, и этотъ стратегическій пунктъ, въ свою очередь, обращенъ въ укрѣпленный лагерь. Впрочемъ, укрѣпленія Эрзерума начаты уже давно, и если работы не окончены еще до сихъ поръ, то виною тому—хроническое безденежье оттоманскаго правительства. Весьма компетентный въ военныхъ вопросахъ корреспондентъ берлинской „Post“ находитъ постройки превосходными во всѣхъ отношеніяхъ, но замѣчаетъ, что нѣкоторые изъ фортовъ не снабжены колодцами, а потому и представляютъ неудобство на случай непріятельскаго обложенія.

Параллельно съ турецкими приготовленіями къ защитѣ отъ мнимаго нападенія со стороны Россіи и въ самой Англіи въ послѣднее время весьма настойчиво поднятъ вопросъ о необходимости развитія вооруженныхъ силъ Англіи и увеличеніи боевой готовности этихъ силъ. Въ этомъ смыслѣ внесенъ даже въ палату уже и билль, въ которомъ однако не рѣшаются затрогивать вопросъ объ увеличеніи бюджета военнаго министерства, а лишь предлагается рядъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы, въ случаѣ надобности, мобилизація могла совершиться съ возможной быстротою. Впрочемъ, на послѣдней недѣлѣ канцлеръ казначейства внесъ билль объ ассигнованіи 2.500.000 фунтовъ стерлинговъ для укрѣпленія военныхъ портовъ и угольныхъ станцій. Вся англійская печать съ замѣчательнымъ единодушіемъ поддерживаетъ этотъ билль. Предполагаемая имъ затрата, конечно, не будетъ послѣдней, и давнишнее желаніе главнокомандующаго англійской арміей герцога Кембриджскаго имѣть всегда возможность мибилизировать и посадить на суда хотя одинъ армейскій корпусъ въ боевомъ составѣ теперь, быть можетъ, наканунѣ своего исполненія.

Здѣсь будетъ умѣстнымъ отмѣтить весьма курьезное явленіе: въ англійской печати съ нѣкоторыхъ поръ начинаютъ раздаваться очень настойчивые и авторитетные голоса, требующіе замѣны гражданскихъ министровъ, военнаго и морскаго, людьми этихъ спеціальностей. Забавно, что это требованіе раздается въ Англіи какъ разъ въ то время,

когда во Франціи ссылаются на примѣръ Англіи, для того чтобы во главѣ военнаго и морскаго министерствъ поставить людей далеко не боевыхъ, въ родѣ Фрейсинэ.

Военная суматоха, поднятая въ Англіи, если ее разсматривать въ связи съ грозными завываніями вѣнско-мадьярскихъ оффиціозовъ, по словамъ которыхъ можно думать, что Австрія рѣшилась во что бы то ни стало разгромить Россію— указываетъ не только на то, что между Вѣной и Лондономъ условились (по крайней мѣрѣ до извѣстнаго предѣла) дѣйствовать за-одно, но и на то, что и тутъ и тамъ считаютъ возможнымъ разсчитывать на поддержку берлинскаго канцлера.

На сколько же основательны такіе разсчеты, и до чего можетъ простираться нѣмецкая поддержка руссофобскимъ вожделѣніямъ Салисбюри и Кальноки?

Не подлежитъ сомнѣнію, что Бисмаркъ по отношенію къ Россіи продолжаетъ, по меньшей мѣрѣ, крайне двусмысленную политику. Мы уже замѣтили, что политическое завѣщаніе почившаго Императора Вильгельма и миролюбивыя заявленія его преемника давали право С.-Петербургскому Кабинету разсчитывать на большую лояльность или, по крайней мѣрѣ, прямодушіе германской политики. Разсчеты эти, къ сожалѣнію, не оправдались, и нѣмецкая политика не только не сдѣлалась болѣе откровенной, но напротивъ того, съ каждымъ днемъ принимаетъ все болѣе и болѣе загадочный характеръ и не обѣщаетъ ничего добраго въ смыслѣ русскихъ интересовъ. Если до сихъ поръ у насъ и существуютъ крайніе оптимисты, не усматривающіе ничего тревожнаго въ отношеніяхъ Германіи къ Россіи, то, казалось бы, послѣ ежедневныхъ выходокъ оффиціозной нѣмецкой печати, не скупящейся ни на клеветы, ни на угрозы по адресу Россіи, этотъ розовый оптимизмъ долженъ бы былъ улетучиться и уступить мѣсто болѣе трезвому и правдивому воззрѣнію на русско-нѣмецкія отношенія. Мы отнюдь не хотимъ этимъ сказать, что Россіи угрожаетъ немедленное нападеніе со стороны Германіи и что мы должны опасаться ежеминутно австро-нѣмецкаго нашествія, поддержаннаго какими-либо воинственными демонстраціями „коварнаго Альбіона“. Отнюдь нѣтъ. Мы, напротивъ того, глубоко убѣждены, что если Австрія, а особенно мадьяры и были бы готовы напасть на Россію, разумѣется, не иначе, какъ въ хвостѣ германской арміи, то князь Бисмаркъ съ своей стороны, ужь конечно, ни въ какомъ случаѣ не намѣренъ потворствовать австро-мадьярскимъ вожделѣніямъ

и едва-ли рѣшится затѣять вооруженную ссору съ Россіей. Потому-то онъ и не допускаетъ никогда своихъ „пресмыкающихся“ заходить далѣе тѣхъ границъ, за которыми онъ былъ бы не въ силахъ предотвратить непріятныя послѣдствія ихъ усердія не по разуму. Выше мы указали на тѣ пріемы, которыми канцлеръ обыкновенно смягчаетъ впечатлѣніе, производимое уже черезъ-чуръ рѣзкими выходками. Эти „смягченія“ практикуются германской печатью совершенно систематично, и мы можемъ замѣтить, что они даже проявились весьма замѣтнымъ образомъ въ послѣдніе дни. Конечно, было бы смѣшно придавать какое-либо значеніе этимъ періодическимъ извиненіямъ и заигрываньямъ точно также, какъ и смотрѣть въ увеличительное стекло на китайскихъ драконовъ, показываемыхъ намъ со столбцевъ бисмарковскихъ „пресмыкающихся“; тѣмъ не менѣе, какъ періодически усиливающіеся нападки на Россію и угрозы по ея адресу, такъ и слѣдующія за ними время отъ времени виляніе хвостомъ имѣютъ значеніе, котораго нельзя отрицать.

Всѣ клеветы, взводимыя на Россію въ послѣднее время, сводятся въ нѣсколькихъ словахъ къ тому, что, какъ замѣчено выше, панславитская партія снова взяла перевѣсъ въ правительственныхъ сферахъ, и что дѣйствія ея уже выразились въ тѣхъ неурядицахъ и безпорядкахъ, которые почти повсемѣстно царствуютъ на славянскомъ Востокѣ, начиная съ Румыніи и кончая все той же Болгаріей. Все, что совершалось за послѣднее время въ Румыніи, Сербіи и Болгаріи, и можетъ служить громкимъ протестомъ противъ существующихъ тамъ режимовъ, — все это относится дружнымъ хоромъ австро-мадьярской, нѣмецкой и англійской печати на счетъ Россіи и объясняется русской интригой и, по обыкновенію, магическимъ дѣйствіемъ русскаго рубля. Австрійскій гульденъ, которымъ оплачиваются, дѣйствительно, сербскіе и болгарскіе дѣятели, разумѣется, забывается. Объ немъ ни слова. Но, какъ бы то ни было, нѣмцы порѣшили, что Европа должна, во что̀ бы то ни стало, парализировать губительное дѣйствіе русскаго панславизма, угрожающее ея спокойствію, а Германія, кромѣ того, вооружиться противъ пагубной для нѣмецкихъ интересовъ финансовой и экономической политики Россіи. Само собою разумѣется, для этой послѣдней цѣли предъявляются новыя требованія объ увеличеніи пошлинъ на русскій зерновой хлѣбъ. Спеціальный органъ германскаго министра финансовъ берлинская „Politische Nachrichten“ съ пѣной у рта требуетъ

настолько энергическаго экономическаго похода на Россію, чтобы онъ окончательно поразилъ ее.

Никто, конечно, не окажется настолько наивнымъ, чтобы предположить, что имперскій канцлеръ дѣйствительно вѣритъ въ пугало русскаго панславизма, и всѣ понимаютъ очень хорошо, что финансовая борьба противъ Россіи допускается имъ въ цѣляхъ, быть можетъ, не имѣющихъ ничего общаго съ „экономическими интересами“ самой Германіи. Высказанная нами мысль подтверждается весьма наглядно даже и въ настоящую минуту отступленіемъ по всей линіи, начатымъ германскими оффиціозами по сигналу лейбъ-органа князя Бисмарка „Nordeutsche Allg. Zeitung“. Желѣзный канцлеръ нашелъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, что уже достаточно запугалъ русское общественное мнѣніе или, наоборотъ, пришелъ къ заключенію, что запугать его не представляется никакой возможности, но, во всякомъ случаѣ, онъ счелъ за нужное укоротить сворки своихъ оффиціозныхъ шавокъ и прикрикнуть на тѣхъ изъ нихъ, которыя ужь черезчуръ безцеремонно разлаялись. Теперь Болгарію и „славянскій вопросъ“ начинаютъ мало-по-малу замалчивать, а относительно финансовой войны вообще и боевыхъ пошлинъ въ частности замѣчаютъ, что статьи оффиціозовъ, трактующихъ объ этихъ предметахъ, отнюдь не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ намѣреній Германіи немедленно приступить къ предлагаемымъ ими мѣрамъ, такъ какъ означенныя статьи выражаютъ только платоническія разсужденія о правѣ Германіи бороться противъ аггрессивной (?) финансовой и экономической политики Россіи. Замѣчательно, что одновременно съ отступленіемъ нѣмецкой печати понижается тонъ по отношенію къ Россіи и въ лондонской, и въ вѣнской, и въ пештской политической публицистикѣ.

Такимъ образомъ, существованіе извѣстнаго единенія образа мыслей по отношенію къ Россіи со стороны Германіи, Англіи и Австріи, единенія, впрочемъ едва-ли способнаго перейти границы газетной войны, можно считать не подлежащимъ сомнѣнію. Запѣвалой и дирижеромъ въ этомъ трогательномъ терцетѣ является, очевидно, маститый канцлеръ Императора Фридриха. Политика его не представляетъ собою положительно ничего на столько новаго, чтобы могла поражать насъ или тревожить общественное мнѣніе Россіи въ томъ, конечно, случаѣ, если наше правительство твердо рѣшилось продолжать настоящій строго-спокойный и самостоятельный образъ дѣйствій или, точнѣе,—выжидающаго бездѣйствія.

Намъ сильно сдается, что самое метаніе изъ стороны въ

сторону и рѣзкіе переходы отъ угрожающаго Россіи тона къ тону, заигрывающему съ ней со стороны оффиціозной печати Германіи, Англіи и Австріи, объясняются исключительно положеніемъ, которое занимаетъ въ настоящую минуту Россія. Наша дипломатія прежняго времени настолько пріучила всю такъ называемую Европу вообще, а за послѣднее время Германію въ особенности,—къ отсутствію всякой самостоятельности и иниціативы въ своихъ дѣйствіяхъ, что наши европейскіе друзья никакъ не ожидали проявленія какой-либо самостоятельности въ русской международной политикѣ. Эти господа настолько привыкли видѣть русскихъ дипломатовъ прислушивающимися къ желаніямъ не только князя Бисмарка, но и менѣе его выдающихся корифеевъ европейской политики, и спѣшащими исполнить эти желанія, что были крайне удивлены, когда русская дипломатія высказала *свои* желанія. Князь Бисмаркъ едва успѣлъ заявить во всеуслышаніе Европѣ, что если результаты берлинскаго конгресса не удовлетворили желанія Россіи, то это произошло исключительно оттого, что русскіе дипломаты не хотѣли или не умѣли высказать болѣе точно и опредѣленно желанія своего правительства, и что въ противномъ бы случаѣ, онъ, Бисмаркъ, конечно, поспѣшилъ бы помочь осуществленію этихъ желаній... Европа еще не перестала удивляться вмѣстѣ съ желѣзнымъ канцлеромъ чудовищной неблагодарности Россіи, тому, что русское правительство еще разъ совершенно прямо и откровенно изложило свою программу по „болгарскому вопросу“ и категорически заявило, что не считаетъ возможнымъ отступить отъ этой программы. Хотя новая программа Россіи была лишь повтореніемъ того, что ею было уже высказано осенью 1886 г., но европейскіе политики сочли за нужное притвориться, что въ требованіяхъ Россіи видятъ нѣчто совершенно новое, и собирались было заняться выторговываньемъ, по обыкновенію, уступокъ у русскаго правительства. Они даже приступили къ устройству этого гешефта, но внезапная кончина Императора Вильгельма смѣшала на время ихъ карты. Теперь, очевидно, игра возобновилась и дѣло идетъ, не болѣе и не менѣе, какъ о томъ, ка̀къ бы разрѣшить „болгарскій вопросъ“ съ наименьшими, по возможности, уступками въ пользу Россіи. Эту цѣль, главнымъ образомъ, преслѣдуютъ въ Австріи и, отчасти, въ Англіи. Что же касается собственно Германіи, то имперскій канцлеръ, поддерживая оффиціознымъ образомъ австро-мадьярскаго друга, заботится вовсе не о болгарскомъ

вопросѣ и не объ интересахъ Австріи. Онъ преслѣдуетъ совсѣмъ иныя цѣли. Его больше, чѣмъ кого-нибудь, быть можетъ, смущаетъ перспектива самостоятельной политики Россіи. Онъ, какъ и всегда, стремится къ тому, чтобы заставить своего сѣвернаго сосѣда идти рука объ руку съ нимъ, т. е. служить нѣмецкимъ интересамъ.

Мы не разъ уже имѣли случай говорить, что единственной цѣлесообразной политикой со стороны Россіи можетъ быть только политика, преслѣдующая исключительно русскіе интересы и направленная къ осуществленію задачъ, поставленныхъ Россіи ея исторіей и историческими судьбами. Всякій разъ, когда Россія, подъ вліяніемъ какого бы то ни было внѣшняго стимула или увлекаясь политическими теоріями или традиціями, или такъ называемой „политикой чувствъ“, уклонялась отъ этой цѣли, забывала для другихъ свое призваніе—всякій разъ она жестоко платилась за эту измѣну своему историческому служенію. Припомнимъ только 1848 г. и крымскую кампанію, 1870 г. и берлинскій конгрессъ. Этихъ великихъ историческихъ уроковъ болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы русская дипломатія усвоила себѣ, наконецъ, исключительно русскія цѣли и, забывъ традиціи своихъ канцелярій, памятовала, что она имѣетъ дѣло не съ бумагой, на которой пишутся разныя ноты, декларапіи и трактаты, а съ милліонами живыхъ людей, составляющихъ Россію, на стражѣ государственнаго достоинства и чести которой она стоитъ.

На путь такой политики своихъ собственныхъ интересовъ, несомнѣнно, повторяемъ, и вступила Россія въ послѣднее царствованіе. Этого не можетъ не замѣтить такой опытный и проницательный политикъ, какъ канцлеръ Германской Имперіи. Что бы тамъ ни говорили, въ сокровенныхъ помыслахъ князя Отто фонъ-Бисмарка таится желаніе ранѣе, чѣмъ судьба удалитъ его съ житейской сцены, повторить исторію 1870 г., съ тѣмъ, чтобы на долго, если не навсегда, отбить у Франціи охоту и надежду возмездія. Для того, чтобы достичь чего-либо похожаго на разгромъ Франціи, ему необходимо быть увѣреннымъ, если не въ дружественномъ нейтралитетѣ со стороны Россіи, то по крайней мѣрѣ въ томъ, что она не протянетъ въ рѣшительную минуту руку помощи погибающей Франціи.

Правду сказать, въ настоящую минуту псевдополитическіе дѣятели французской республики сами играютъ въ руку своего исконнаго врага и дѣлаютъ невозможнымъ союзъ съ Франціей ни для одного изъ уважающихъ себя европей-

скихъ правительствъ. Но вѣдь гг. Карно, Флокэ и K° еще не представляютъ собою Франціи. Эта страна въ настоящую минуту находится, какъ мы объяснимъ ниже, наканунѣ какого-нибудь серьезнаго переворота. Нѣтъ той политической неожиданности, на которую нельзя бы было разсчитывать, говоря о современной Франціи. Не сегодня-завтра, если судьба еще не совсѣмъ отступилась отъ французскаго народа, власть надъ нимъ можетъ попасть въ какія-нибудь твердыя и сильныя руки, и тогда, быть можетъ, Франція рѣшится на все для того, чтобы разъ навсегда, хотя и со страшнымъ рискомъ, избавиться отъ тѣхъ безпрерывныхъ булавочныхъ уколовъ бисмарковской политики, подъ которыми она живетъ съ роковаго дня франкфуртскаго мира. Сильнаго правительства во Франціи и сочувствія къ нему со стороны Россіи—вотъ чего опасается Бисмаркъ сегодня, точно также какъ опасался вчера и будетъ опасаться завтра и до тѣхъ поръ, пока богъ войны не разрѣшитъ такъ или иначе вопросъ о реваншѣ.

Подъ гнетомъ этого двоякаго опасенія и цѣль Бисмарка идетъ въ двухъ различныхъ направленіяхъ. Съ одной стороны имъ пускаются въ ходъ всѣ тайныя пружины политическаго шпіонства для поддержанія внутреннихъ неурядицъ въ самой Франціи, а съ другой—онъ не пренебрегаетъ никакими средствами для того, чтобы снова заманить Россію въ желѣзныя объятія Германіи. Съ Франціей ему пока очень не трудно ладить, благодаря поголовной бездарности ея настоящихъ правителей. Далеко не такъ легко снова заманить въ свои сѣти едва успѣвшую выбиться изъ нихъ Россію. Благодаря преслѣдованію Бисмаркомъ этой послѣдней цѣли совершается не только тотъ бумажный походъ на Россію, который мы отмѣтили выше, но и раздается бряцаніе оружія въ Вѣнѣ и Пештѣ, подвигаются къ русской границѣ австрійскія войска, пускаются въ ходъ слухи объ австро-сербско-румынскомъ союзѣ, о мобилизаціи сербской арміи и, наконецъ, о готовности Англіи выступить въ активной роли на Востокѣ. Ради той же цѣли желѣзный канцлеръ, откровенничая съ таинственными „знатными иностранцами", обѣщаетъ подарить Константинополь королевѣ Викторіи.

Уже болѣе мѣсяца продолжается во всей средней Европѣ самая безцеремонная буфонада подъ звуки грозныхъ завываній по адресу Россіи; подстрекаемы германскимъ канцлеромъ Кальноки, Кальманъ, Тисса, а за ними и разная политическая мелкота, начиная съ Карла Румынскаго и Милана

Сербскаго и кончая послѣднимъ политическимъ прихлебателемъ болгарскаго самозванца, проявляютъ невиданную и неслыханную до сихъ поръ заносчивость по адресу Россіи... Ничто не помогаетъ. Россія остается, однако, неизмѣнною и непоколебимою въ своихъ намѣреніяхъ и рѣшеніяхъ. Никакія инсинуаціи, никакія угрозы, ни весь политическій сумбуръ, происходящій на Балканскомъ полуостровѣ—ничто не могло до сихъ поръ заставить ее измѣнить занятаго ею положенія. И вотъ въ чемъ секретъ затишья, наступившаго вслѣдъ за безконечнымъ шумомъ и гамомъ. Благодаря спокойствію Россіи, измѣнили тонъ германскіе оффиціозы, перестали быть столь грозными австрійскіе политики, и даже самъ король Миланъ слегъ въ постель какъ разъ въ то время, когда ему, вслѣдствіе вѣнскаго приказа, надлежало ѣхать встрѣчать принцессу Клементину, пробирающуюся въ Софію.

Таково въ общихъ чертахъ въ настоящую минуту взаимное положеніе Россіи и Германіи, руководящей политикой Австріи, а, пожалуй, отчасти и Англіи... Франція, хотя и косвеннымъ путемъ, но играетъ весьма серіозную роль въ отношеніяхъ двухъ великихъ сѣверныхъ имперій. Выше мы указали въ нѣсколькихъ словахъ на сущность этой роли, дальнѣйшія разъясненія этой мысли были бы совершенно излишни. Россія или, по крайней мѣрѣ, русское общественное мнѣніе никогда не скрывало своихъ симпатій къ Франціи, или точнѣе, къ французскому народу. До сихъ поръ этимъ симпатіямъ никогда не приходилось выливаться въ какую-либо политическую форму и напротивъ того, Франція и Россія нерѣдко являлись воюющими сторонами. Не можетъ быть рѣчи ни о какомъ политическомъ единеніи Россіи и Франціи даже и въ настоящую минуту. Не говоря уже о томъ, что въ интересахъ Россіи не быть въ настоящую минуту связанной какимъ бы то ни было союзомъ, не говоря о томъ, что политическая свобода и самостоятельность теперь всего дороже для Россіи. Даже и помимо этихъ общихъ, несомнѣнно вѣрныхъ соображеній, союзъ съ Франціей является въ настоящую минуту совершеннымъ абсурдомъ не только для Россіи, но и для кого бы то ни было. Французская республика въ настоящую минуту представляетъ такой печальный видъ внутренней политической неурядицы, какого она не имѣла даже и въ послѣдній моментъ существованія второй имперіи, наканунѣ тевтонскаго нашествія.

Въ прошломъ обозрѣніи мы указали на тѣ безсильныя по-

туги, въ которыхъ изнываетъ только-что народившееся министерство Флокэ, стараясь какъ-нибудь избавиться отъ давящаго его кошмара буланжизма. Трудно повѣрить, до какихъ крайнихъ предѣловъ нелѣпости доходятъ руководители современной политики Франціи, а между тѣмъ они начинаютъ серіозно поговаривать объ изданіи новаго закона, который бы изгонялъ изъ предѣловъ Франціи генерала Буланже наравнѣ съ претендентами Орлеанскаго дома и членами фамиліи Бонапартовъ. Самая идея подобнаго проекта вызываетъ гомерическій смѣхъ. Буланже до сихъ поръ не совершилъ ровно ничего противозаконнаго, а между тѣмъ кары одна за другой сыплются на него безъ всякаго смысла и причины. Въ настоящую минуту его собираются приравнять къ членамъ домовъ, царствовавшихъ когда-либо во Франціи, и все это только потому, что гг. Карно, Флокэ, Фрейсинэ и проч. видятъ въ немъ человѣка, намѣревающагося сдѣлаться диктаторомъ Франціи. Карно и Флокэ предпринимаютъ даже поѣздку по Франціи со спеціальной цѣлью противодѣйствовать распространенію буланжизма. Флокэ произноситъ рѣчи предъ представителями французской арміи, въ которыхъ сѣтуетъ на опасность, угрожающую республикѣ и очень прозрачно намекаетъ на то, что эта опасность грозитъ со стороны Буланже. Онъ забываетъ и то, что опальный генералъ до сихъ поръ пользуется популярностью среди арміи, что политическое значеніе его ростетъ день ото дня и что, наконецъ, противниками Буланже, рядомъ съ правительствомъ, являются представители крайней анархіи. Въ борьбѣ, которую генералъ Буланже и его партія намѣреваются вести съ парламентскимъ оппортунизмомъ на легальной почвѣ, правительство можетъ опереться лишь на анархію, и при томъ *только на одну* анархію. Не правда ли, союзъ достойный правительства, признающаго себя законнымъ и требующаго себѣ довѣрія и уваженія отъ народа? Во главѣ анархистовъ разныхъ оттѣнковъ красуется въ настоящую минуту невозможный Клемансо. Орудіе, которымъ почтенные сторонники коммуны намѣрены побѣдить ех-командира 13-го корпуса, заключается чуть-ли не въ ежедневномъ напоминаніи французской публикѣ, что генералъ Буланже, тогда еще въ чинѣ капитана, былъ однимъ изъ самыхъ энергическихъ преслѣдователей коммунаровъ 1871 г., и что ему версальскія войска были много обязаны быстротой взятія Парижа и подавленіемъ невообразимыхъ звѣрствъ и безобразій дѣятелей коммуны. Надо полагать, что большинство французской

публики настолько благоразумно, что признаетъ сокрушеніе коммуны одною изъ лишнихъ причинъ, дающихъ генералу право на уваженіе честныхъ и порядочныхъ людей. Къ той же цѣли, къ увеличенію популярности Буланже ведутъ весьма вѣрно и всѣ нападки на него со стороны правительства. Еслибы всѣ эти господа: Карно, Фрейсинэ, Флокэ et tutti quanti имѣли хоть сколько-нибудь политическаго такта, то они смотрѣли бы на Буланже, какъ на самаго обыкновеннаго депутата и игнорировали бы его чрезвычайное значеніе. Но для этого нужно не только тактъ, но и сознаніе собственной силы. Вотъ этимъ-то сознаніемъ они и обладаютъ еще менѣе, чѣмъ необходимымъ для государственныхъ дѣятелей политическимъ тактомъ.

Разумѣется, нигдѣ такъ бдительно не слѣдятъ за всѣмъ, совершающимся во Франціи, какъ въ Берлинѣ. Не только послушные велѣнію канцлера нѣмецкіе рептиліи, но и сами представители германской дипломатіи говорятъ о французской республикѣ и относятся къ ней сообразно съ тѣмъ, что совершается въ ея нѣдрахъ. Царящая тамъ въ настоящую минуту неурядица, готовая не сегодня-завтра превратиться въ настоящую катастрофу, конечно, не можетъ ни въ какомъ случаѣ содѣйствовать проявленію какой-либо особой сдержанности и деликатности по отношенію къ Франціи со стороны Германіи. Въ имперской канцеляріи очень хорошо понимаютъ, что въ настоящую минуту Франція находится въ такомъ положеніи, что ея правительству было бы довольно трудно проявлять какую-либо чрезвычайную щепетильность въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ европейскимъ державамъ. Этимъ положеніемъ даже уже поспѣшили воспользоваться для того, чтобы раздуть до степени инцидента какое-то пограничное недоразумѣніе, вслѣдствіе котораго французскія пограничныя власти не допустили переѣхать черезъ французскую границу какого-то нѣмца Литтауэра, направлявшагося изъ Эльзаса. Почему именно не былъ допущенъ на французскую территорію этотъ Литтауэръ, до сихъ поръ еще не разъяснено надлежащимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, свѣдѣнія объ этомъ, собственно говоря не стоющемъ выѣденнаго яйца, случаѣ, разнорѣчивы. Съ наибольшей достовѣрностью можно предположить, что нѣмецъ, изъ-за котораго загорѣлся весь сыръ-боръ, былъ уже давно на замѣчаніи у французской полиціи, какъ субъектъ подозрительный... Какъ бы тамъ ни было, но случай съ этимъ Литтауэромъ послужилъ поводомъ къ многочисленнымъ запросамъ со стороны германскаго правительства и

породилъ даже дипломатическую переписку. Нѣмецкія газеты, разумѣется, не преминули воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы обрушить на Францію всѣ чернильные громы, которые только имѣются въ арсеналахъ оффиціозныхъ редакцій. Былъ пущенъ въ ходъ даже слухъ, что германское правительство намѣрено вовсе запретить французскимъ подданнымъ въѣздъ въ имперскія провинціи и пребываніе въ нихъ. Этотъ слухъ, въ концѣ концовъ, оказался преувеличеннымъ и дѣло, повидимому, ограничится тѣмъ, что французскіе подданные будутъ допускаемы въ имперскія области не иначе, какъ по предъявленію паспортовъ, визированныхъ въ германскомъ посольствѣ въ Парижѣ. Эта мѣра уже обнародована, но еще не примѣнена на практикѣ, и вызвала во Франціи нѣкоторое неудовольствіе. Для французовъ эта мѣра стѣснительна, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, французское правительство, если ему только не удастся войти въ какой-либо компромиссъ съ Германіей, постарается обойти какъ-нибудь неудобство, вызываемое ею. Въ этихъ видахъ, говорятъ, Флокэ уже вошелъ въ переговоры съ компаніями желѣзныхъ дорогъ для направленія поѣздовъ помимо Эльзасской границы. Удастся ли ему это устроить—неизвѣстно, но если придуманная Бисмаркомъ мѣра будетъ приведена въ исполненіе, то французы волей-неволей должны будутъ увидать въ ней новое доказательство полнѣйшей несостоятельности своего правительства, умѣвшаго настолько дискредитировать международное значеніе Франціи, что она вынуждена безмолвно сносить всякую грубость со стороны своего тевтонскаго сосѣда.

Этотъ, повидимому ничтожный, случай дастъ еще одинъ минусъ въ общемъ итогѣ состоятельности правительства Карно-Флокэ.

Не лишенъ знаменательности тотъ фактъ, что, пользуясь впечатлѣніемъ этого пограничнаго „инцидента“ на князя Бисмарка, Тисса вздумалъ подслужиться желѣзному канцлеру и, что называется, ни съ того, ни съ сего нанесъ весьма тяжкое оскорбленіе французскому національному самолюбію. Говоря въ венгерскомъ парламентѣ объ участіи мадьярскихъ фабрикантовъ и промышленниковъ на выставкѣ 1889 г. и заявляя, что правительство не принимаетъ ни малѣйшаго участія въ этой выставкѣ, онъ замѣтилъ, что участіе въ ней можетъ быть не совсѣмъ безопаснымъ для венгерцевъ, и что они рискуютъ не только оскорбленіемъ своего національнаго флага, но и своей матеріальной соб-

ственностью, такъ какъ нельзя предвидѣть событій, могущихъ совершиться во Франціи. „Nemzet“, „Pesther Loyd“ и другіе оффиціозы подхватили эту грубую выходку и стали доказывать, что еще, быть можетъ, и то, что новое бомбардированіе Парижа разрушитъ зданіе выставки и всѣ выставочныя затѣи французовъ... Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе грубое и невѣжественное, чѣмъ эти выходки оффиціозной Венгріи противъ Франціи и не мѣшаетъ замѣтить, что мадьярскіе публицисты совершенно не стѣсняясь мотивируютъ ихъ симпатіями, проявляемыми Франціей по адресу Россіи...

Первымъ проявленіемъ протеста со стороны Франціи противъ такого образа дѣйствій венгерской оффиціозной печати и словъ Тиссы былъ отказъ со стороны французскихъ коммерсантовъ въ обычномъ кредитѣ своимъ венгерскимъ покупателямъ. Въ то же время, какъ говорятъ, представитель Франціи въ Вѣнѣ обратился къ Кальноки съ запросомъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, дипломатическія объясненія приведутъ къ извиненію, по крайней мѣрѣ, вся независимая или выдающая себя за таковую венгерская печать вдругъ перемѣнила тонъ—и начала осыпать Тиссу всяческими порицаніями. Между тѣмъ довольно трудно предположить, чтобы онъ рѣшился затронуть такимъ образомъ международныя отношенія Австро-Венгріи, не переговоривши предварительно съ имперскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Во всякомъ случаѣ, трудно предположить, чтобы Тисса взялъ на себя отвѣтственность за подобную выходку. Наиболѣе правдоподобнымъ будетъ предположеніе, что изъ Берлина какъ-нибудь довольно прозрачно намекнули въ Вѣну, „что-де не слѣдуетъ особенно церемониться съ Франціей“; а тамъ и рѣшились угодить желѣзному канцлеру, что называется, во-всю. Вѣдь, давно извѣстно, что нѣтъ никого на свѣтѣ храбрѣе Австріи въ тѣхъ случаяхъ, когда она знаетъ, что ей нечего бояться. Впрочемъ, мадьяры въ частности еще храбрѣе, чѣмъ Австрія вообще. Цѣлый мѣсяцъ громили мадьярскіе публицисты Россію, теперь они набросились на Францію и дѣлаютъ видъ, что готовы растерзать ее; но эта воинственность, направленная за австро-венгерскіе предѣлы, не мѣшаетъ однако храбрымъ мадьярамъ будировать и противъ старѣйшей половины двухголовой имперіи Габсбурговъ. Такъ, очень недавно, по случаю какихъ-то смотровъ, происходившихъ въ Вѣнѣ, инспектировавшій венгерскія войска австрійскій фельдцехмейстеръ долженъ былъ замѣтить, что венгерской арміи

не существуетъ, а есть императорская австрійская армія. Это замѣчаніе было вызвано тѣмъ, что на какихъ-то казармахъ, рядомъ съ австрійскимъ флагомъ былъ поднятъ венгерскій національный флагъ.

Стремленіе къ преобладанію и самостоятельности, быть можетъ, и заставляетъ мадьяръ подстрекать имперское правительство на путь политики приключеній. Въ этомъ отношеніи мадьяры являются очень рьяными пособниками германскаго канцлера. Австрія въ настоящую минуту находится въ такомъ положеніи, что ей предстоятъ только два выхода: или отказаться отъ всѣхъсвоихъ „мирныхъ завоеваній“ на Балканскомъ полуостровѣ и въ томъ числѣ отъ Босніи и Герцеговины или, при малѣйшей возможности, пользуясь ничтожнѣйшимъ предлогомъ, броситься, очертя голову, въ политику приключеній. Такимъ положеніемъ имперія Габсбурговъ всецѣло обязана своей алчности, съ одной стороны, и своему неизмѣнно-вѣрному нѣмецкому другу, съ другой. Нѣмецкая дружба помогла ей захватить и удержать до сихъ поръ въ своихъ рукахъ Боснію и Герцеговину, пособила опутать Сербію и даже водворить своего собственнаго поручика въ Болгаріи. Но, прикармливая ее этими подачками, Германія требовала отъ нея прогрессивныхъ вооруженій. Долго упиралась Австрія, предпочитая зрѣлище вооруженія сосѣдей затрачиванію собственныхъ гульденовъ и разсчитывая, что въ критическую минуту Германія *должна будетъ* выручить своего друга и союзника. Но этотъ разсчетъ оказался невѣренъ: еще прошлой осенью германскій канцлеръ очень ясно далъ понять въ Вѣнѣ, что, если Австрія отказывается отъ вооруженія и не желаетъ развивать свою боевую готовность, то Германія ни въ какомъ случаѣ не можетъ полагаться на нее и предпочтетъ оставить ее дѣйствовать за свой собственный страхъ и счетъ. Это заставило въ Вѣнѣ серьезно отнестись къ нѣмецкому требованію. Пришлось поставить ребромъ дорогіе гульдены—и съ тѣхъ поръ, дѣйствительно, Австрія вооружается. Говорятъ, что, совершая свои воинственныя приготовленія, имперія Габсбурговъ выбилась изъ силъ, и теперь ей остается: или пустить въ дѣло всѣ сдѣланныя приготовленія и идти на рискъ—либо панъ, либо пропалъ,—или мало-по-малу разоружаться до тѣхъ размѣровъ, какіе въ силахъ вынести ея скромный бюджетъ. Мы едва-ли ошибемся, если замѣтимъ, что именно такимъ положеніемъ Австріи и объясняется ея непомѣрная воинственность. Признавая себя готовою къ бою или, точнѣе, дѣлая видъ, что она признаетъ себя такою,

Австрія систематически пробуетъ запугать Россію и заставить ее пойти на извѣстныя уступки въ „болгарскомъ вопросѣ“ или, если это не удастся, то раздражить ее настолько, чтобы вызвать на какой-нибудь рѣшительный шагъ и затѣмъ воспользоваться имъ, какъ casus belli. Само собою разумѣется, что при этомъ имѣется въ виду, такъ или иначе, въ концѣ концовъ, втянуть въ столкновеніе и Германію. Еслибы въ глубинѣ души австрійскихъ политиковъ не было этой сладостной недежды и они разумѣли бы, что Германія и не думаетъ помогать имъ, то едва-ли бы отъ ихъ воинственности остались какіе-либо слѣды. Но князь Бисмаркъ ведетъ и будетъ вести дѣло такъ, что надежда до конца не покинетъ его австро-венгерскаго друга, и разочарованіе наступитъ для него только въ такую рѣшительную минуту, когда никакое отступленіе не будетъ возможно. Обо всемъ этомъ не мѣшало бы серьезно поразсмыслить вѣнскимъ и пештскимъ политикамъ, прежде чѣмъ дѣлать грубости въ отношеніи не только Россіи, но и Франціи.

Въ виду воинственнаго азарта Австро-Венгріи и несомнѣнно двусмысленной политики Германіи, роль Россіи опредѣляется сама собою. То, что враждебные намъ органы европейской печати называютъ „изолированнымъ положеніемъ Россіи“, въ дѣйствительности составляетъ ея великую побѣду въ международной политикѣ. Это „изолированное положеніе“ въ переводѣ на обыкновенный языкъ означаетъ свободу ея отъ путъ, которыя носили громкое названіе тройственнаго союза и связывали ее по рукамъ и ногамъ.

Пресловутый „болгарскій вопросъ“ своимъ настоящимъ положеніемъ обязанъ исключительно существованію этого союза: только на его почвѣ онъ и могъ вырости и созрѣть. Этотъ союзъ была ловушка, въ которую Германія и Австрія, заключивъ между собою соглашеніе 1879 года, потомъ уловили Россію. Всѣ ошибки нашей дипломатіи, сознаваемыя и не сознаваемыя ею, но уже достаточно разъясненныя, обязаны своимъ существованіемъ тому, что точкою отправленія всей дѣятельности нашей дипломатіи было постоянно соглашеніе съ Европой и сообразованіе дѣйствій Россіи съ ея дѣйствіями. Наши дипломаты задавались вопросомъ не о томъ, какія послѣдствія будетъ имѣть для Россіи тотъ или другой дипломатическій шагъ, а спрашивали, какъ отнесется къ этому шагу Германія, Англія или Австрія? Интересы Россіи отступали на задній планъ и уступали мѣсто вопросамъ, что станетъ говорить Европа. Союза, какъ опоры и помощи, Россіи не въ комъ искать, да, пожалуй, и не зачѣмъ:

ея естественные союзники, союзники, которые рано или поздно сами придутъ къ ней—славяне—находятся въ періодѣ внутренняго броженія и не могутъ еще управиться сами съ собою, всѣ же искусственные союзы не прочны и не надежны. Вотъ почему Россія, оставаясь совершенно самостоятельною, внѣ всякихъ союзовъ, можетъ только выиграть: ея спокойная, твердая выжидательная политика гораздо болѣе внушительно дѣйствуетъ на ея европейскихъ антагонистовъ, чѣмъ всякіе союзы, составляемые въ Европѣ, дѣйствуютъ на Россію. Что намѣрена предпринять Россія, что она предприметъ, какъ она отнесется къ той или иной европейской политической комбинаціи—вотъ вопросы, которые, очевидно, смущаютъ не только Англію и Австрію, но и самого канцлера Германской Имперіи. Въ этомъ смущеніи, въ этой, быть можетъ, даже просто боязни—сила Россіи.

Пораженіе, нанесенное русскому вліянію въ Болгаріи, само собою можетъ обратиться въ пользу Россіи, если только она, отодвинувъ собственно „болгарскій вопросъ" на задній планъ, будетъ смотрѣть на болгарскія событія, исключительно, какъ на такія существенныя нарушенія берлинскаго трактата, которыя уничтожаютъ всякое значеніе этого международнаго акта, направленнаго, какъ извѣстно, исключительно къ умаленію русскаго вліянія на славянскомъ Востокѣ. Стоитъ только Россіи стать на такую точку зрѣнія и заявить положительнымъ образомъ державамъ, что въ виду продолжающагося, не смотря на ея неоднократное заявленіе, систематическаго нарушенія берлинскаго трактата, она признаетъ этотъ актъ прекратившимъ свое дѣйствіе для того, чтобы та же самая Австрія и Германія были вынуждены измѣнить свой настоящій образъ дѣйствій. Ни та, ни другая не рѣшатся на уничтоженіе берлинскаго трактата: Австрія потому, что ей придется разстаться со своей пресловутой „сферой вліянія", а Германія—изъ опасенія за цѣлость другихъ трактатовъ, на которые опирается ея настоящее могущество.

Мы смѣемъ думать, что только съ этой точки зрѣнія и можетъ интересовать въ настоящую минуту Россію „болгарскій вопросъ"...

Впрочемъ, не смотря на скудость доходящихъ къ намъ извѣстій изъ этой несчастной страны, есть основаніе предполагать, что орудующіе тамъ политическіе дѣятели довели ее до дурнаго положенія. Въ послѣднее время болгарское правительство исключительно занимается преслѣдованіемъ духовенства, въ которомъ усматриваетъ

остатки русскихъ симпатій къ Россіи. Священниковъ бросаютъ въ тюрьмы, они подвергаются побоямъ и увѣчьямъ, и цѣлыя селенія и города остаются безъ православныхъ пастырей, на смѣну которымъ являются іезуитскіе миссіонеры съ католической пропагандой. Народъ страдаетъ. Долго ли продлится это невозможное положеніе?

Въ заключеніе настоящаго обозрѣнія отмѣтимъ знаменательный фактъ—уничтоженіе невольничества въ Бразиліи. Этотъ актъ принадлежитъ почину Императора донъ-Педро, только-что начинающаго оправляться отъ тяжкаго недуга. Монархическая Бразилія уже не повторила тѣхъ кровавыхъ сценъ, какими сопровождалось уничтоженіе рабства въ республиканскихъ Американскихъ Штатахъ. И здѣсь мирнымъ разрѣшеніемъ такого вопроса страна обязана своему монархическому строю.

Сообщенія и извѣстія.

I.

Могила Озерова (сообщ. академикомъ Я. К. Гротомъ). Наши губернскія архивныя коммиссіи, возникшія по почину покойнаго Калачова, не остаются праздными. Особенную дѣятельность проявляютъ, сколько намъ извѣстно, тѣ, которыя существуютъ въ Тамбовѣ и Твери. Въ концѣ прошлаго года предсѣдатель тверской коммиссіи А. К. Жизневскій сдѣлалъ въ ней весьма интересное сообщеніе о могилѣ знаменитаго драматическаго писателя Озерова. Могила эта находится въ Зубцовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Боркахъ, расположенномъ на правомъ берегу р. Волги, въ 12 верстахъ отъ Зубцова. Каменный памятникъ представляетъ подобіе гроба, утвержденнаго на двухъ плитахъ. На верхней (горизонтальной) сторонѣ изображенъ шестиконечный крестъ, а на боковыхъ высѣчены надписи: на лицевой сторонѣ: „Подъ симъ камнемъ погребено тѣло генералъ-маіора и ордена св. Владиміра 3 ст. кавалера Василія Александровича Озерова, который родился 1769 года, сентября 30 дня, скончался 1816 г., сентября 5 дня, житія его было 46 лѣтъ 11 мѣсяцевъ и 6 дней“. Вмѣсто имени „Владиславъ“ въ этой надписи выбито „Василій“, вѣроятно потому, что въ православныхъ святцахъ нѣтъ имени Владислава. На другой продольной сторонѣ значится:

„Сей памятникъ плачевный,
Гдѣ прахъ почіетъ въ мирѣ твой,
Тебѣ душевною любовью посвященный,
Сердечной орошенъ слезой“.

У изголовья памятника надпись: „И сотвори ему вѣчную память“, а съ противоположной стороны: „Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ“.

Село Борки было родиною нашего трагика. Здѣсь было имѣніе и усадьба, принадлежавшія отцу его, статск. сов. Александру Иринарховичу Озерову; въ настоящее время эта усадьба принадлежитъ внуку его по женской линіи, Алексѣю Михайловичу Безобразову, директору народныхъ училищъ Тверской губерніи. По разсказу родной племянницы трагика, восьмидесятилѣтней старушки Пелагеи Евграфовны Озеровой (о Евграфѣ Озеровѣ не разъ упоминается въ изданіи сочиненій Державина, который съ нимъ переписывался, какъ и съ Петромъ Евграфовичемъ. Изъ отчества упоминаемой старушки, можно заключить, что они были въ родствѣ съ поэтомъ Озеровымъ), проживающей нынѣ въ г. Ржевѣ, дядя ея Владиславъ Александровичъ, по выходѣ въ 1808 году въ отставку, жилъ въ своемъ имѣніи въ Казанской губерніи. Во время войны съ французами, онъ былъ настолько потрясенъ извѣстіемъ о взятіи Москвы Наполеономъ, что потерялъ разсудокъ. Едва-ли вѣрно это объясненіе помѣшательства Озерова, которое, кажется, справедливѣе приписываютъ оскорбленному честолюбію. Такого же мнѣнія былъ двоюродный братъ его, графъ Д. Н. Блудовъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что Озеровъ послѣднее время служилъ въ Лѣсномъ Департаментѣ (принадлежавшемъ тогда къ Министерству Финансовъ) и терпѣлъ большія непріятности отъ своего начальника Голубцова. Кончилось тѣмъ, что онъ былъ уволенъ, и въ бумагѣ объ его отставкѣ сказано было просто: „увольняется отъ службы“, даже не упомянуто о назначенной ему пенсіи. Озеровъ уѣхалъ въ свою деревню и тамъ предался своему горю, которое и убило его. Поэтому-то и Жуковскій сказалъ о немъ:

Чувствительность его сразила;
Чувствительность, которой сила
Моины душу создала,
Пѣвцу погибелью была.

Бывшій въ то время еще въ живыхъ, отецъ писателя перевезъ его больнаго къ себѣ въ Борки, гдѣ онъ и провелъ послѣдніе четыре года своей жизни, въ томъ же болѣзненномъ состояніи. Обыкновеннымъ занятіемъ больнаго въ Боркахъ была игра въ пикетъ со своимъ камердинеромъ; говорилъ онъ, большею частью, одну фразу: „хороши большіе девять пріѣдутъ“. Впрочемъ, по совѣту врачей, Владиславъ Александровичъ работалъ въ саду, и памятникомъ этихъ трудовъ осталась, насыпанная имъ собственноручно, горка (курганъ) съ винтообразною дорожкою къ вершинѣ ея.

Въ настоящее время Борковская усадьба Озеровыхъ и домъ, въ которомъ родился и умеръ нашъ трагикъ, сохранились почти въ прежнемъ своемъ видѣ. Кромѣ кургана о немъ напоминаетъ стоящій въ саду старый, развѣсистый дубъ. Отецъ писателя имѣлъ обыкновеніе при рожденіи каждаго сына сажать въ саду новое деревцо; при рожденіи Владислава Александровича и былъ посаженъ этотъ дубъ, который пережилъ своего сверстника, преждевременно сошедшаго въ могилу. Почтенная Пелагея Евграфовна, между прочимъ, разсказываетъ, что вмѣстѣ съ болѣзнью Владислава Александровича съ дуба опали на половину листья; по смерти его, дубъ потерялъ послѣдніе свои листья и годъ стоялъ какъ бы въ трауръ по покойникѣ; но затѣмъ снова зазеленѣлъ и теперь достигъ громадной толщины.

II.

Императоръ Вильгельмъ и русскія депутаціи. (Сообщ. П. П. Карцовымъ). Двѣ командировки доставили мнѣ случай довольно долго находиться въ Берлинѣ и по роду порученій, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, ежедневно видѣть Императора Вильгельма, тогда еще короля прусскаго. Это было въ мартѣ и въ августѣ мѣсяцахъ 1863 года. Первый разъ я былъ во главѣ депутаціи, посланной въ Берлинъ отъ полка, которымъ я командовалъ, по случаю закладки монумента шефу полка королю Фридриху-Вильгельму III и празднованія 50-ти-лѣтняго юбилея со времени учрежденія ордена „желѣзнаго креста"; второй разъ я былъ посланъ на маневры прусской гвардіи.

Въ день пріѣзда депутаціи, король принялъ насъ въ въ своемъ дворцѣ, тотчасъ по прибытіи поѣзда.

„Я душевно благодаренъ—сказалъ онъ—моему искреннему другу, вашему Императору, за то, что онъ вспомнилъ о предстоящемъ юбилеѣ нашего военнаго ордена и прислалъ депутацію отъ полка имени моего родителя. Я вижу въ этомъ не только личное ко мнѣ расположеніе, но и выраженіе тѣхъ чувствъ, которыя, 50 лѣтъ назадъ, соединяли обѣ націи узами взаимной дружбы и довѣрія".

Представленіе еще не кончилось, какъ доложили, что подносятъ знамена, присланныя изъ полковъ арміи. Выходя на подъѣздъ для ихъ встрѣчи, король предложилъ намъ слѣдовать за нимъ. Покуда знамена приближались, онъ пояснилъ, что приказалъ прислать въ Берлинъ штандарты и

знамена всѣхъ тѣхъ полковъ, которые участвовали въ кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ.

„Я дѣлаю это для того,—говорилъ онъ,—чтобы мой народъ и моя армія помнили и чтили славныя дѣянія своихъ отцовъ и дѣдовъ, какъ ихъ Государь цѣнитъ память героевъ достославной эпохи. Завтра вы увидите ея представителей: я пригласилъ на закладку монумента моему отцу всѣхъ ветерановъ великой войны и очень радъ, что при этомъ будутъ представители русской арміи".

На слѣдующій день мы дѣйствительно видѣли то, что рѣдко кому приходится видѣть въ жизни. Въ 10 часовъ утра отъ Бранденбургскихъ воротъ тронулось шествіе ветерановъ къ мѣсту закладки. Впереди всѣхъ, на бѣломъ конѣ, ѣхалъ маститый фельдмаршалъ Врангель, генералъ 1813 года. Появленіе его сопровождалось оглушительными криками: „Lebe hoch! Bravo, papa Vrangel!". За нимъ шли 1.200 ветерановъ, по 6 въ рядъ, въ мундирахъ тѣхъ самыхъ полковъ, въ которыхъ они служили. Ихъ длинная колонна раздѣлялась на 4 отряда, по числу корпусовъ того времени. Передъ каждымъ отдѣленіемъ шелъ герольдъ, несшій на золоченомъ древкѣ, въ лавровомъ вѣнкѣ, надпись фамиліи корпуснаго командира; за герольдомъ слѣдовалъ хоръ музыкантовъ, игравшій марши 13 и 14 годовъ, и затѣмъ шли ветераны, служившіе въ этомъ корпусѣ. Впереди былъ корпусъ Іорка, потомъ Бюлова, Блюхера и наконецъ Клейста. Особенно умилительное впечатлѣніе производило то, что между представителями великой эпохи мы видѣли ихъ сыновей. Въ одномъ мѣстѣ дряхлаго генерала поддерживалъ молодой солдатикъ, состоящій на службѣ; въ другомъ—безногаго инвалида велъ его сынъ, генералъ настоящаго времени; въ третьемъ—два кадета везли въ креслахъ израненнаго родственника.

На другой день празднества король прислалъ ко мнѣ дежурнаго флигель-адъютанта съ извѣщеніемъ, что онъ назначенъ шефомъ нашего полка и что въ 12 часовъ Его Величество желаетъ представиться чинамъ полка. Когда я подошелъ съ почетнымъ рапортомъ, король сказалъ:

„Назначеніе меня шефомъ полка, носящаго на вѣчныя времена имя моего отца, считаю особеннымъ знакомъ пріязни вашего Императора, моего добраго друга и племянника. Чтобы выразить ему мою признательность, я сегодня же прошу его быть шефомъ моего кирасирскаго имени Императора Николая полка. Я еще вчера получилъ увѣдомленіе о моемъ новомъ назначеніи, но не хотѣлъ объявлять объ

этомъ, чтобы не смѣшивать національнаго торжества съ моимъ личнымъ праздникомъ".

Черезъ нѣсколько дней король пожелалъ видѣть чиновъ депутаціи въ различныхъ формахъ одежды. Особенно понравились ему высокіе сапоги нашихъ солдатъ. Взявъ находившуюся въ ранцѣ рядоваго пару, онъ отошелъ къ окну, долго ее разсматривалъ и отдавая сказалъ ему по-русски: „это очень хорошо", но, обратясь къ генералу Роопу, прибавилъ: „Aber das kostet zu viel".

10-го марта, въ день своего рожденія, Вильгельмъ впервые вышелъ въ мундирѣ нашего полка. Давая мнѣ руку, онъ сказалъ: „Взгляните, все ли у меня по формѣ!" Я не замѣтилъ, что на немъ была поясная портупея, а не черезъ плечо. Это послужило поводомъ сдѣланнаго мнѣ въ слѣдующую бытность въ Берлинѣ, хотя и шутя, замѣчанія. Тогда проѣзжалъ черезъ Берлинъ великій князь Константинъ Николаевичъ съ супругою. Во время моего представленія великой княжнѣ вошелъ король. Я хотѣлъ откланяться, но онъ остановилъ меня и, принявъ серьезный видъ, говоритъ:

„Я недоволенъ вами. Великій князь сейчасъ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что я не по формѣ одѣтъ въ вашемъ мундирѣ, а вы не предупредили меня, что портупею слѣдуетъ имѣть черезъ плечо, а не на поясѣ".

— Смѣю доложить Вашему Величеству, отвѣчалъ я,— что эта перемѣна сдѣлана полгода назадъ и потому я полагалъ, что вашъ военный агентъ въ Петербургѣ, генералъ Лоонъ, уже сообщилъ объ этомъ; я же въ этотъ пріѣздъ не имѣлъ еще случая видѣть васъ въ нашемъ мундирѣ.

„Совершенно вѣрно—сказалъ король, уже улыбаясь, Лоонъ прозѣвалъ" и, давъ мнѣ руку, крѣпко пожалъ ее.

Имѣя приглашеніе быть всегда въ большой королевской ложѣ, я почти каждый свободный вечеръ проводилъ въ оперѣ. Однажды король прислалъ мнѣ прочесть полученную имъ во время спектакля депешу о томъ, что банды Лангевича разбиты и самъ онъ заключенъ австрійскимъ правительствомъ въ крѣпость. Въ слѣдующій антрактъ я пошелъ лично возвратить депешу и поблагодарить за радостное извѣстіе. Увидя меня въ аванзалѣ, король вошелъ въ нее съ слѣдующими словами:

„Поздравляю васъ съ побѣдой, которая, вѣроятно, положитъ конецъ возстанію. Впрочемъ я былъ увѣренъ, что ва-

шимъ войскамъ не трудно будетъ справиться съ мятежниками. Ну, а что же дальше?"

Я молчалъ.

„Вотъ что я скажу вамъ—продолжалъ онъ,—когда мой дѣдъ получилъ Силезію, то въ ней было три четверти землевладѣльцевъ-поляковъ, теперь тамъ всего три польскихъ помѣщика. Вотъ въ чемъ вѣрное средство противъ повторенія безпорядковъ".

Во время маневровъ король принималъ видимое участіе во всемъ происходившемъ. Въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ замѣчаніи его проявлялась любовь къ войскамъ и къ военному дѣлу. Припоминаю, какое впечатлѣніе произвела на насъ манера, съ которою онъ объявилъ капитану Эркерту жалуемую ему награду. Послѣ горячей, во отбитой атаки одной горы, занятой полкомъ, въ которомъ служилъ Эркертъ, король въѣхалъ на гору и, приказавъ офицерамъ окружить его, сказалъ имъ шутливымъ тономъ:

„Да, горячее было дѣло! много пало храбрыхъ, но не мало и отличившихся, и первый между ними капитанъ Эркертъ, а потому я поздравляю его маіоромъ".

Несомнѣнно, что Эркертъ зналъ о предстоявшемъ производствѣ, но большая разница, прочесть ли это въ газетѣ и въ заурядномъ приказѣ, или узнать о наградѣ изъ устъ своего Государя. Подобныя минуты не забываются и, вѣроятно, Эркертъ помнилъ ихъ, умирая черезъ 7 лѣтъ на поляхъ Гравелота.

Благоволеніе и вниманіе, оказываемое русской депутаціи королемъ, начиная съ его братьевъ, переходило и на всѣхъ его окружавшихъ, но болѣе другихъ обнаруживалъ сочувствіе къ нашей арміи престарѣлый фельдмаршалъ Врангель. При первомъ ему представленіи, онъ принялъ насъ въ кабинетѣ, подвелъ меня къ письменному столу и, указывая на акварельные портреты Императора Николая Павловича и Императрицы Александры Ѳеодоровны, сказалъ:

„Вотъ тѣ, съ кѣмъ я никогда не разстаюсь и которые всегда въ моемъ сердцѣ. Это была не женщина, а ангелъ. Ему же (при этомъ онъ указалъ на портретъ Николая Павловича) я ежедневно молюсь. Это былъ монархъ и человѣкъ, какихъ больше нѣтъ".

Популярность Врангеля до того поражала насъ, что въ одно изъ слѣдующихъ свиданій я рѣшился спросить его, что породило ее?

„Берлинцы народъ благодарный—отвѣчалъ фельдмар-

шалъ,—они не забыли, какъ я въ 1848 году угощалъ ихъ картечью и тѣмъ спасъ отъ анархіи, вотъ за это они и любятъ меня".

Двухъ-недѣльное пребываніе депутаціи въ Берлинѣ можно было назвать рядомъ овацій въ честь русскихъ гостей. Ни одинъ изъ обѣдовъ не проходилъ безъ самыхъ сочувственныхъ рѣчей. На обѣдѣ, данномъ полкомъ Императора Александра І-го, представителемъ короля былъ военный министръ генералъ Боонъ. Имъ было сказано слѣдующее:

„Каждому прусскому офицеру извѣстны узы дружбы и уваженія, связывающія насъ съ русскою арміею. Каждый изъ насъ, отъ короля до солдата, раздѣляетъ эти чувства. Въ томъ, что русскому Императору угодно было къ достопамятному для Пруссіи дню прислать къ намъ дорогихъ гостей, мы видимъ знакъ его любви. Доколѣ прусскіе офицеры будутъ помнить слова Императора Николая, сказанныя имъ послѣ 1848 года кирасирскому его имени полку въ Потсдамѣ, до тѣхъ поръ армія останется твердымъ оплотомъ престола. *Слова эти должны быть Евангеліемъ прусской арміи.*"

На тѣ же слова сослался и фельдмаршалъ Врангель, на данномъ имъ депутаціи прощальномъ обѣдѣ. Обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ:

„Скажите вашему Императору и вашимъ товарищамъ, что кто вмѣстѣ крещенъ огнемъ и кровью, какъ мы и русскіе, того не поссорятъ никакіе парламенты, кто слышалъ сказанное Императоромъ Николаемъ, въ трудныя для Пруссіи дни,—тотъ никогда не измѣнитъ его сыну. Скажите всѣмъ вашимъ, что куда бы ни пошла русская армія, мы всегда будемъ надежнымъ ея резервомъ".

Вспоминая все это, невольно думается: какъ времена и люди мѣняются.

III.

Древности города Торопца. (Сообщ. Е. Н. Опочининымъ). Всѣмъ, вѣроятно, извѣстно, какое богатство древнихъ памятниковъ сохранилось въ разныхъ концахъ руской земли. Съ увѣренностью можно сказать, что у насъ почти не найдется города и даже села, гдѣ не было бы какихъ-нибудь остатковъ прошлаго, которые могутъ интересовать изслѣдователя страны. Кто не знаетъ, какъ богаты въ этомъ отношеніи Новгородъ, Вологда, Псковъ, Яро-

славль, Ростовъ-Великій и многіе другіе города, древніе памятники которыхъ дали матеріалъ для цѣлаго обширнаго ряда ученыхъ изслѣдованій. Но то, что сдѣлано въ этомъ отношеніи до сихъ поръ,—только капля въ морѣ, и русскимъ ученымъ предстоитъ еще большая работа, которой, можетъ быть, хватитъ на цѣлое столѣтіе, такъ какъ не только многіе отдѣльные города и села, но даже цѣлыя мѣстности донынѣ остаются не облѣдованными въ археологическомъ отношеніи. Къ числу такихъ мѣстностей относится, между прочимъ, городъ Торопецъ (Псковской губерніи) съ его округою, представляющій непочатой уголъ археологическаго матеріала, и несмотря на это не имѣющій во всей нашей исторической литературѣ сколько-нибудь обстоятельнаго описанія. Для того чтобы уяснить себѣ, какой интересъ представляетъ этотъ городъ для изслѣдователя, стоитъ только припомнить нѣкоторые факты изъ его исторіи, начало которой относится еще къ до-христіанскимъ временамъ; по крайней мѣрѣ, лѣтописное сказаніе утверждаетъ, что въ Торопцѣ родился и жилъ преподобный Исакій, удалившійся въ Кіевскія пещеры въ 1016 году и носившій языческое имя „Чернь". Такимъ образомъ, историческое существованіе этого города начинается съ первыхъ годовъ XI столѣтія и проходитъ затѣмъ черезъ длинный рядъ вѣковъ, отмѣчаясь весьма часто важными событіями, въ которыхъ Торопцу выпадала та или другая роль. Такъ Торопчане вмѣстѣ съ Новгородцами совершили немало подвиговъ подъ знаменами князя Мстислава Удалого. Александръ Невскій въ 1239 году обвѣнчался въ Торопцѣ съ дочерью Полоцкаго князя Бречислава, Параскевою, которая въ память этого событія оставила въ здѣшнемъ Богородичномъ соборѣ образъ Божіей Матери Эфесскія, донынѣ сохраняющійся въ Торопецкомъ соборѣ. Мѣстное преданіе разсказываетъ, что св. князь Александръ Невскій вѣнчался въ Троицкой церкви. Нынѣ этотъ храмъ не сохранилъ никакихъ слѣдовъ древности, точно такъ же, какъ и большинство Торопецкихъ церквей, вслѣдствіе пожаровъ и Литовскихъ набѣговъ, неоднократно посѣщавшихъ городъ. Размѣры краткой замѣтки не позволяютъ останавливаться здѣсь на всѣхъ событіяхъ, пережитыхъ Торопцемъ, да въ этомъ, повидимому, нѣтъ и надобности, такъ какъ моя цѣль сказать нѣсколько словъ о томъ, что до сихъ поръ сохранилось здѣсь интереснаго изъ старины. На первомъ планѣ тутъ должны быть поставлены остатки древнихъ укрѣпленій—знаменитое Торопецкое „городище", нынѣ предметъ

народныхъ преданій и сказаній всей Торопецкой округи и любимое мѣсто лѣтнихъ прогулокъ горожанъ. Затѣмъ въ городѣ немало каменныхъ домовъ и развалинъ, относящихся къ XVII столѣтію. Иные изъ такихъ домовъ до того пострадали отъ передѣлокъ и неумѣлыхъ, невѣжественныхъ возобновленій, что ихъ трудно отличить отъ современныхъ построекъ, но нѣкоторые сохранились весьма хорошо и носятъ на себѣ ясные признаки оригинальнаго старо-русскаго стиля. Внутри многихъ домовъ также встрѣчаются любопытные остатки старины: кафельныя расписныя печи, изрѣдка рѣзныя старинныя двери, кое-какія принадлежности давно отжившей русской меблировки, и проч. Въ одномъ богатомъ купеческомъ домѣ мнѣ, между прочимъ, показывали двѣ великолѣпныя печи, напоминающія своею формою московскія теремныя и сложенныя изъ красивыхъ глазированныхъ изразцовъ, съ библейскими и бытовыми изображеніями. Эти печи, безспорно, могли бы служить украшеніемъ любаго дворца или музея, вызывая общее любопытство, а между тѣмъ въ Торопцѣ никто ими не интересуется, никто не обращаетъ на нихъ вниманія...

Еще болѣе любопытнаго сохранилось въ церквахъ, гдѣ встрѣчаются вещи положительно неоцѣнимыя по рѣдкости и художественному значенію. Такъ, въ соборѣ, кромѣ упомянутой уже иконы Эфесской Божіей Матери, подаренной, по преданію, супругою св. князя Александра Невскаго и приписываемой кисти евангелиста Луки,—имѣется нѣсколько замѣчательнѣйшихъ священныхъ предметовъ: древнія, въ финифтяныхъ окладахъ, панагіи, кресты и проч. Въ другой церкви, именно въ Никольской, я видѣлъ древнѣйшій (XIII—XIV столѣтія) крестъ-панагію изъ янтаря. Однимъ словомъ, почти въ каждой изъ церквей Торопца я встрѣчалъ вещи, заслуживающія вниманія. Между прочимъ, мнѣ довелось видѣть нѣсколько древнихъ серебряныхъ ковшей, лампадъ, много оловянной церковной утвари, также по большей части древней, и много другихъ разнообразныхъ предметовъ церковнаго обихода, носящихъ на себѣ несомнѣнные слѣды глубокой старины. Заканчивая настоящую краткую замѣтку, не лишнимъ считаю упомянуть еще объ одной любопытной вещи, встрѣченной мною въ Архангельской церкви. Это—древній, тончайшей прорѣзной работы, фонарь со слюдою вмѣсто стеколъ, употреблявшійся въ церковныхъ процессіяхъ; сохранился онъ замѣчательно хорошо: уцѣлѣло даже древко, съ желѣзнымъ полукругомъ въ видѣ ухвата, въ которомъ фонарь вращается на желѣзномъ

стержнѣ. Въ заключеніе нѣсколько словъ о старинномъ костюмѣ Торопчанокъ, который въ нѣкоторыхъ семьяхъ держится до сихъ поръ. Самая интересная его часть—головной уборъ, оригинальной формы, рогатый кокошникъ, всегда вынизанный жемчугомъ. Поверхъ его одѣвалась шитая золотомъ или серебромъ, лѣтомъ—кисейная, а зимою—тяжелая, шелковая косынка, закалывавшаяся булавкою на шеѣ; затѣмъ нарядъ составляли ферязи (сарафанъ), штофныя или парчевыя, смотря по состоянію, подпоясывавшіяся кованымъ серебрянымъ поясомъ. Въ послѣднее время, къ сожалѣнію, этотъ старинный нарядъ начали замѣнять, такъ-называемыми, нѣмецкими платьями модныхъ покроевъ, представляющимися жалкою пародіею на одежду въ сравненіи съ самобытнымъ торопецкимъ костюмомъ, весьма живописнымъ и оригинальнымъ. Коснувшись, хотя и весьма поверхностно, древностей Торопца, я далекъ отъ мысли указывать на этотъ городъ, какъ на выдающійся пунктъ, заслуживающій подробнаго, всесторонняго описанія: на громадномъ пространствѣ Россіи найдется множество городовъ, и въ большей мѣрѣ достойныхъ вниманія и, подобно Торопцу, ожидающихъ изслѣдователей, которые, безъ сомнѣнія, найдутъ въ нихъ богатый матеріалъ для важныхъ археологическихъ и историческихъ работъ.

Редакторъ **Ф. Бергъ.**

Издатели: **Ф. Н. Бергъ и Товарищество „Общественная Польза“.**

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМА СТО ДЕВЯНОСТО ШЕСТАГО.

МАЙ.

При этой книгѣ приложенъ гравированный И. Матюшинымъ портретъ Аполлона Николаевича Майкова.

ІЮНЬ.

Стран.